Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Оглавленіе „НИВЫ“ за 1877 годъ.

стр.

I. Стихотворенія.

Антологическое стихотв. Л. . . . 14
Весна. И. Панова 428
Валтасаръ. Иванова. 216
Волна (изъ Томаса Мура). Г. . . . 149
Въ Альбомъ. П. 204
Вѣчный ткачъ. Стихотв. Я. Полонскаго 151
Для нихъ снобода. Майкова, А. . . . 247
Изъ Гейне 351
Изъ пѣсенъ царя Данида. Ознобишина 184
Колокольчикъ звонкій. Вышеславцова . 335
Крылатый мигъ. Н. Б. 322
Къ фортепіанной піесѣ. Радмадзе . 168
Къ нойскамъ. Н. Б. 282
Лучами дня нанъ взглядами сверкая Н. Б. 298
Мать и Дочь. Н. Б. 307
На новый годъ. Щ. 2
На бквуакѣ. Щ. 109
Осень. С. 765
Отрывокъ. А. Майкова 72
Отъ него (картинка). Щ. 129
Отъ Прута до Дуная. Н. Боева. . . 264
Памяти друга. Н. Б. 57
Промчалось весны дуновенье. П. Г. . 298
Сиротливый разсказъ. Размадзе . . . 40
Спокойное звѣздное небо. А. Майкова 170
Tête-à-tête. З. 125

I. Романы, повѣсти, разсказы и проч.

Aquis submersus (Шторма) . 330 до 394
Бабушкинъ милліонъ Щепиной . . . 774
Во Тьмѣ. П. Г. 104, 120, 137
Всякой мысли свое время. Этюдъ . 173
Вѣрный Другъ. Этюдъ 626
Г-жа Маркиза (П. Гейзе) 216, 233, 248, 264
Двѣ капли воды. Н. Н. . . . 2, 22, 36
Дни скорби 862
Избытокъ жизни. Идиллія . . 52, 72, 88
Кавказскія ночи. Немировича-Данченко 314
Къ портрету Пушкина. Н. Страхова 282
Миленка. Разсказъ. Н. Каразина. 184, 208, 221
Охота на Медвѣдя разсказъ. Н. Б. . 141
Очерки англ. нравовъ. (Травля крысъ) 160
Первые шаги. Повѣсть Соснецкаго. 410—442
Поздно. Страница изъ жизни. . 474, 458
Сосредоточилась. Эснизъ. Г. . . . 151
Современный женихъ. Чекмарева . . 168
Старый рыбакъ. Разсказъ В. . . . 370
Счастливая парочка, Щепиной . . . 490
Тернистый путь. Разсказъ. . . . 286
Турецкій набѣгъ. Разсказъ. . . . 298
Юный Императоръ. Историческая повѣсть. В. Соловьева (съ № 32 до 50). 506

III. Біографіи и характеристики.

Александръ I, Императоръ Всерос. 821
Бисмаркъ, князь, государ. канцлеръ 851
Вамбери, путешественникъ 434
Ваннонскій, П. С., генералъ-лейтен. 345
Виноградовъ, В. И., актеръ . . . 87
Герстеръ, Э., примадонна итал. оперы 758
Гейзе, Поль, нѣмецкій романистъ . 263
Гейманъ, В. А., генералъ-лейтенантъ 361
Глинка, М. И. 42
Гурко, I. В., генералъ-адъютантъ . 489
Дерожинскій, В. Ф., генералъ-маіоръ 585
Деппъ, А. Ф., генералъ-маіоръ . . 425
Донъ-Карлосъ, испанскій 133
Драгомировъ, М. И., генералъ-маіоръ 570
Дубасовъ и Шестаковъ, лейтенанты. 374
Зотовъ, П. Д., генералъ-лейтенантъ . 649
Криденеръ, П. П., генералъ-лейтен. 473
Лашкаревъ, И. А., генералъ-маіоръ. 786
Лазаревъ, генералъ-лейтенантъ . . 841
Леонидъ, архіепископъ 184
Лорисъ-Меликовъ, генер.-адъютантъ 297
Макартъ Гансъ 52
Масальскій, генералъ-адъютантъ . 329
Мельниковъ, И. А., пѣвецъ . . . 71
Милютинъ, Д. А., генералъ-адъют. 393
Непокойчицкій, А. А. генер.-адъют. 167
Нильсонъ, Христина, примадонна . . 806
Николай Николаевичъ Младшій, В. К. 729
Оклобжіо, И. Д., генералъ-лейтен. . 779
Обрученъ, Н. Н., генералъ-лейтенантъ 723
Раабъ, В. И., оперная пѣвица . . 281
Радецкій, Ѳ. Ѳ., генералъ-лейтенантъ 441
Рудольфъ, австро-венгерскій принцъ 125
Самойло, С. И., поручикъ артиллеріи 358
Сергій Максимиліан. герцогъ Лейхт. 709
Скобелевъ, М. Д., генералъ-лейтен. . 617
Стенли, Генрихъ, путешественникъ . 754
Струве Отонъ и Николаевская обсерв. 17
Сумароковъ, Александръ Петровичъ. 735
Тергукасовъ, А. А. генералъ-лейтен. 505
Тотлебенъ, Э. И. генералъ-адъютантъ 215
Тьеръ 594
Циммерманъ, А. Э., генералъ-лейтен. 553
Шахонской, А. И. генералъ-лейтен. 409
Ѳоминъ, П. С., генералъ-лейтенантъ . 377

IV. Историко-археологическіе очерки.

Единоборство Мстислава съ Редедей. 302
Золот. Палата и Терема въ Москвѣ 48
Изъ жизни Іоанна III. И. Звѣрева. . 467
Обоюдное царствованіе Іоанна и Петра 171
Петербургъ прежній 11
Петровскія войны. Сраж. при Лѣсной, при Переволочнѣ, и при Полтавѣ. И. Звѣрева . . . 77, 125 и 290
Рагуза. Гор. въ Далмаціи 94
Сначала государства до власти Ольги 237
Старица, городъ Тверск. губ. . . . 94
Церковь Рожд. Богород. въ Москвѣ 10

V. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

Абхазія и Абхазцы 31
Адская долина въ Банаріи . . . 498
Акрополь въ Аѳинахъ и гавань Пирей 232
Аѳонъ . . . . . 415—430
Баядерка въ Индіи 60
Бояринъ въ опалѣ. И. Звѣрева . . 338
Богомольцы въ Албаніи 387
Божена. (Изъ исторіи Чеховъ) . . 496
Буря въ горахъ Утаха, въ Америкѣ 85
Воспитаніе въ Турціи 261
Гальштадтскій соляной рудникъ . . 245
Гаштейнскія Минер. воды . . . 403
Греческія о-ва Чериго и Монемвази. 322
Два кориѳея науки. Палласъ и Вольта 199
Дочери Сфинкса 96
Екатеринбургъ 435
Игла Клеопатры. 735
Изъ исторіи Закавказья 538
Изъ древней Римской жизни . . . 350
Императ. Публ. библіот. въ Спб. . 451
Иматра водопадъ. Гнѣдича 478
Исторія Іосифа въ древн. надписяхъ. 614
Капитолій въ Вашингтонѣ 148
Катарро 225
Кавказскія Минеральныя воды . 268, 306
Каналъ Сенъ-Мартенъ въ Парижѣ . 374
Какъ дѣлаются резиновыя галоши . 388
Казанскій Соборъ въ С.-Петербургѣ . 722
Кладбище Гебровъ 84
Крестоносцы въ Іерусалимѣ . . . 814
Любовь по Теокриту. 530
Маркенская Рыбачка 84
Миридиты 351
Молдаване и ихъ промыслы . . . 104
Мостъ между Нью-Іоркомъ и Брукл. 705
Монашество. М. С. 44
Нефть въ Пенсильваніи. 611
Нижнетагильскъ и его рудники . . 794
Новороссійскій рельсопрокатный зав. 148
Озеро Исыкъ-куль. Каразина . . . 6
Орловская порода рысистыхъ лошад. 303
Остатки Древн. Вавилонской литер. 15
Первый Императоръ Габсбургскій . . 213
Плавающіе острова. Н. Зуева . . . 193
Полярные льды. Зуева 41
Погонщики ослонъ въ Каирѣ . . . 57
Президентскіе выборы въ Америкѣ . 36
Сванетія и Сванеты. 100
Салонъ временъ Людовика XVI . . 136
Славянскъ. Немировича-Данченко . . 252
Сокровища Моск. Оружейной палаты 336
Старая быль о Папѣ и Султанѣ . . 318
Столѣтіе Павловска 633
» Тулы 658
Стадо рогатаго скота въ Мексикѣ . . 719
Теинская старинная церковь въ Прагѣ 307
Тифлисъ и его уличная жизнь. А. Н. 42
Топка въ большомъ морск. пароходѣ 291
Травновъ мостъ на Дунаѣ 670
Туркиенка. П. Огородникова. . . . 687
Улица въ Руанѣ 630
У Неаполит. залива А. Невельскаго . 690
Уссурійскій портъ и Владивостокъ . 116
Царскосельскій цвѣтникъ 515
Цыганки нищенствующіе въ Славоніи 245
Часовой въ Москвѣ. И. Звѣрева . . 403
Чухонцы Петербургск. губ. . . . 323
Юношеская любовь. Кор. Густава . 534

VI. Естествознаніе.

Акула кошка 642
Водяной паукъ 387
Воспламененіе эѳирныхъ паровъ . . 276
Вѣтры. Н. Зуева 257, 265
Гнѣздо Ткачика 814
Зайцы и охота на нихъ 794
Змѣиная птица 798
Косуля 132
Кровь какъ источникъ жизни . . . 678
Куропатки и охота на нихъ . . . 30
Лань. 578
Ласточка Аріэль 498
Могильщики 294
Морской змѣй, (къ ея исторіи) . . 158
Молохъ. Щ. 60
Мураньи . . . . . 359 и 447
Мураньѣдъ. 683
Олень 307
Паукъ птицеѣдъ 307
Плащеносецъ Питнистый 196
Поленки 518
Птичка портной 439
Раковина Тридакна 689
Свѣтящіяся морскія животныя . . 630
Синица Ремезъ 534
Смоковница Священная 244
Сова, ... 418
Сорокопутъ чернолобый 164
Трубкозубъ 759
Ходъ міроныхъ часовъ 546
Цапля 403
Чаша Нептуна. Губка. 598
Челонѣкъ автоматъ 390
Чернильная рыба или Осьминогъ . . 273
Языкъ насѣкомыхъ 319

VII. Астрономія.

Астрономич. Обсерваторія въ Россіи. 665
Видъ земли съ Венеры и Луны . . 457
Пулковская астроном. обсерваторія . 17
Солнце и его спутники . . 109 и 204
Туманныя пятна 745

VIII. Живопись.

Адамъ и Ева нашихъ дней. . . . 467
Амуръ и Психея, карт. 276
Барыни дома нѣтъ, карт. Бонса . . 323
Болгарская пастушка 742
Видъ на рѣкѣ Коннектикутѣ . . . 375
Война и Миръ, картины Ронделя . . 702
Возвращеніе съ поля, карт. Делона. 598
Выходъ изъ Церкви, карт. Мерли . 854
Горнчо, картина Шмицбергера . . 323
Древній замокъ Пфальцъ 598
Дѣвушка съ плодами, карт. Танендорфа 719
Завтракъ во времена директоріи. . . 276
Скорбящая Богоматерь. 196
Изъ угла въ уголъ, сцены 145
Каинъ и Авель, карт. Фаміера . . 177
Кормленіе любимца, карт. Энгенмеля 176
Конскій барышникъ на Дону . . . 834
Критики, картина Жоннара . . . 418
Літер. альб. Русалка Пушкина . . 10
» » Шейлокъ, др. Шекспира 160
» » Мариссъ, Бретъ-Гордта. 201
» » Отелло, тр. Шекспира. 354
» » Обрывъ, ром. Гончарова 514
Мать, карт. Я. Журдана 260
Мечты, Мечты, карт. Шульца . . . 32
Мирный уголокъ, карт. В. . . . 193
Молодая Египтянка 14
Мандолината, карт. Тайлора . . . 65
Мокноли (карнавалъ) 646
Непрошенный гость 229
Новѣйшія извѣстія, карт. Пильца . 260
Парка и Амуръ. Груп. Доре . . . 375
Переправа чрезъ р. Іору на Кавказѣ. 815
Передъ дуэлью, карт. проф. Якоби . 780
Первое свиданіе, картина Рюда . . 454
Послѣднія теплыя дни. Джіакомелли. 630
Пугалище, рис. Джіакомелли . . . 438
Роздыхъ у постоялаго двора . . . 451
Руѳь, картина Ленделя 832
Сани-Дилижансъ, карт. Соколова . . 851

Библиотека "Руниверс"

стр.
Секретъ на ушко. картина Дилинса · 550
Сельскій почтальонъ · · · · · · 663
Секретъ, картина Фенра · · · · · 742
Угощеніе изъ особенной бочки · · · 582
Урокъ Ариѳметики. карт. Иглера. · 759
Утесъ у берегонъ о-ва Мененъ · · 164
Ходатай по дѣламъ, карт. Таюрскаго. 815
Христосъ нѣ терноиомъ нѣнцѣ, карт. 193
Я ли не полковникъ, карт. Гаксля · 113

IX. Новыя изобрѣтенія.

Аппаратъ на случай тумана · · · · 262
Бумага для опредѣленія достоин. вина 327
Высотомѣръ. профес. Менделѣева · 61
Препаратъ для намоч. копирон. бумаги 328
Самодвижущаяся шнейная машина · 708
Спасательная сѣтка на случай пожара 858
Телефонъ знуко-передатель · · 859
Телектроснопъ · · · · · · · 583
Штопальная машина. · · · · · · 278

X. Архитектура.

Зданіе всемірной выставки въ Парижѣ 113
Крѣпостная Брестъ-Литовск. церковь 84
Проектъ городской Думы въ Москвѣ 61
Реймскій соборъ · · · · · · · 97
Соборъ въ Борисовѣ · · · · · · 193
Статуя Баваріи въ Мюнхенѣ · · · 119

Иллюстрированная хроника войны.

(Текстъ).

Андріанополь · · · · · · · · · 646
Арменія (по походу карты) · · · 782
Атака на Буджакскихъ высотахъ · · 471
Битва при Даярѣ. · · · · · · · 518
Битва при Горномъ Дубнякѣ · · · 779
Близъ Кишинева, Н. Каразина, 132 . 115
Бой «Весты» съ тур. броненосцемъ · 522
Бомбардированіе Рущука · · · · 535
Бой при Шипкѣ · · · · · 662 — 610
Болгары на жатвѣ · · · · · · · 682
Болгаринъ продавецъ фруктовъ · · 703
Бой у Хассанъ-Кале. · · · · · · 798
Болгарскіе крестьяне · · · · · · 856
Болгарская красавица · · · · · · 630
Болгарки сироты · · · · · · · 627
Броненосцы на Дунаѣ · · · · · · 563
Бѣгство изъ Андріанополя · · · · 534
Бѣгство армянъ · · · · · · · 610
Взятіе Гарбинскихъ высотъ · · · 482
Война въ Турціи, Н. Каразина · 358, 371
Въ Калафатѣ и Рущукѣ Н. Каразина 343, 415
Высочайшій манифестъ о войнѣ · · 262
Галацъ · · · · · · · · · · · 196
Габрово. · · · · · · · · · · · 483
Гдѣ-же дорога? Балканскій эпизодъ 598
Гирсово. · · · · · · · · · · · 534
Главная квар. Сулеймана · · · · 611
Городъ Брусса · · · · · · · · 611
Дворецъ Долма-Бахче · · · · · · 594
Движеніе транспорта въ Арменіи. · 499
Дер. Горный Студень · · · · · · 686
Долина рѣки Кара-Лома. · · · · · 646
Дѣло подъ Ловчей · · · · · · · 566
Журжа и Рущукъ, Каразина · · · 451
Зимница во время дождя · · · · 760
Изъ быта въ Черногоріи · · · · 758
Изъ Бухарсста въ Калафатъ · · · 406
Казацкая удаль · · · · · · · · 663
Канъ дѣлаютъ чай въ гл. квартирѣ 611
Кабардинцы · · · · · · · · · 400
Конвоированіе плѣнныхъ турокъ · · 594
Короткая расправа въ Турціи. · · 838
Крѣпости: Карсъ и Баязетъ · · · 354
Кюстенджи · · · · · · · · · · 579
Ложбина Янтры · · · · · · · · 664
Мачинъ, городъ · · · · · · · · 499
Матросъ Семенъ Лопатинъ · · · · 482
Мало-Азіатская турчанка · · · · 550
Мечеть св. Софіи въ Константинополѣ 402
Мины и торпедо · · · · · · · · 420
Мостъ на Дунаѣ, ночью. · · · · · 834
На Дунаѣ и Яссахъ · · · · · · 164
Недостатокъ свинца у турокъ · · · 630
Ночной переходъ и тревога на Дунаѣ 2 рисунка · · · · · · · · 291, 419
Ночлегъ Скобелева въ редутахъ · · 855
Отъ Бухареста до Рущука, 225 · · 210
Отъ Прута до Дуная · · · · · · 343
Огражденіе броненосцевъ ота торпедъ 487
Общій видъ переправы черезъ Дунай 485
Одесса · · · · · · · · · · · · 498
Орханіе, городъ · · · · · · · · 856
Осада Баязета · · · · · · · · · 601
Паши: Мехмедъ, Сулейманъ, Гобартъ 648
Перевозка Баязетскихъ героевъ · · 566
Переправа черезъ Рѣшицу · · · · 782
Переправа русск. войскъ черезъ Дунай 462
Послѣ взятія Никополя · 483 — 547 — 630
Послѣднія страницы исторіи Турціи · 562
Послѣ удачнаго боя . · · · · · · 759
Подъ Плевной 854, 839, 679, 704, 718, 739, 815, · · · · · · · · · 643
Постройка моста черезъ Дунай · · 451
Пѣшій канонеристъ · · · · · · · 792
Размѣры военныхъ кораблей · · · 594
Рекогносцировка на Видѣ · · · · 663
Рус. генер. передъ замучен. солдатами 578
Русскіе въ Карсѣ · · · · · · · 834
Румынскія цирульники · · · · · · 663
Сестры милосердія · · · · · · · 419
Скорбь черногорцевъ · · · · · · 799
Смерть маіора Горталова · · · · 778
Сулинское устье Дуная и Тульча · · 438
Сцена въ Рущукѣ · · · · · · · 499
Сцена въ Никополѣ при бомбардир. 519
Татары въ Крыму · · · · · · · 567
Турецкій милиціонеръ изъ Анатоліи · 435
Турецкая стража · · · · · · · · 387
Турецкій перевязочный пунктъ · · 722
Тырново · · · · · · · · · · · 531
Хассанъ-Кале, городъ · · · · · · 831
Ханкіонскій проходъ въ Балканахъ · 582
Черногорка охраняющая оружіе · · 683
Черногорка пасущая стадо. · · · 703
Шипкинскій проходъ · · · · · · 563
Шутки на войнѣ · · · · · · · · 704
Шуша, крѣпость . · · · · · · · 519
Эрзерумъ · · · · · · · · · 780—761
Эрзерумъ и Сухумъ-Кале · · · · 386
Яссы, Рущукъ и Разградъ · · · · 177

Смѣсь.

Ариѳметическія задачи · · 838, 859—763
Военный бюджетъ Римской имперіи · 503
Военные силы Франціи · · · · · 278
Генеральское жалованье. · · · · 724
Геометрическая задача · · · · · 859
Громадное орудіе у англичанъ. · · 132
Доходы Ротшильда · · · · · · · 743
Не счастливое богатство · · · · 723
Новый способъ сохраненія мертвыхъ 688
Новые освѣтит. апараты для улицъ 310
Обрядъ при смерти Папы · · · · 278
Открытіе золотыхъ розсыпей · · 391
Парижъ, портовый городъ · · · · 763
Поддѣлка древностей · · · · · 391
Придворный приказъ XVII вѣка · · 503
Раскопки доктора Шлимана · · · 180
Ребусы · · · · · · · · · 764 — 802
Симпатія англичанъ къ туркамъ · · 262
Телеграфныя сношенія Европы · · 688
Турецкій судъ · · · · · · · · 550
Хозяйственные совѣты (6 статей). · 49
Шахматная задача · · · · · · · 728
Шахматная партія Индійскаго короля 668

Библіографія.

Гимнастика въ вопросахъ и отвѣтахъ 149
Иллюстр. разск. изъ природы и жизни 727
Календарь Гоппе . · · · · · · · 687
Курсъ французскаго языка, д-ра Хана 503
Руководство къ уходу за больными · 132
Уходъ за дѣтьми, д-ра Сниткина · · 165

Политическое, военное и внутреннее обозрѣніе въ каждомъ нумерѣ.

XV. Тиражъ выигрыш. Государств. Банка.

1-го займа 34—456, 2-го займа 182 и 600

XVI. Моды и выкройки.

Мѣсяцы.	Модные рисунки.	Черт. выкр.	Рукод. работы.	Венезеля.
Январь · · ·	26	23	29	—
Февраль. · ·	30	27	—	—
Мартъ · · ·	29	25	36	—
Апрѣль · · ·	34	23	—	31
Май · · · ·	32	25	24	26
Іюнь · · · ·	30	24	—	—
Іюль · · · ·	30	25	31	22
Августъ · ·	29	27	—	23
Сентябрь · ·	30	28	31	29
Октябрь · ·	26	23	—	—
Ноябрь · ·	28	23	30	—
Декабрь · ·	28	27	39	111

XVII. Рисунки и портреты.

Абхазіи,—домашній бытъ · · · · 28
Адамъ и Ева нашихъ дней · · · 461
Адская долина въ Банаріи · · · · 493
Акула кошка · · · · · · · · · 637
Акрополь въ Аѳинахъ · · · · · · стр. 231
Алмазн. кор. царя Іоанна Алексѣев. 170
Албанскія богомольцы · · · · · 385
Алекс. Алекс. Государь Наслѣдникъ · 541
Александръ I Императоръ Всеросс. · 821
Александровская колонна въ Спб. · 824
Александру I памятникъ въ Грузинѣ 825
Амуръ и Психея (кар. Etty) · · · 267
Астрон. обсернат. и телескопъ Росси 745
Астрономическая Обсерв. въ Пулковѣ 20
Астрон. рисунки съ солнца (4 рис.) 110
Астрономическій рис. · · · · · · 206
Акрополя развалины · · · · · · 234
Армяне бѣгущіе изъ Турецк владѣній 604
Андріаноп. мечети (обнаж. крышъ) 621
Атака на Плевну первая · · · · 636
Андріанополь, видъ города · · · · 645
Аѳонъ, видъ монастыря · · · 428—416
Баядерка индійская · · · · · · 59
Барыня дома нѣтъ (кар. Покша). · 321
Барановъ, Н. Н. Капитанъ 2 ранга · 521
Бисмаркъ, князь, госуд. канцл. · · 841
Бояринъ въ опалѣ (рис. Панова) · 337
Божена (кар. Майснера) · · · · 497
Болгарскіе крестьяне на жатвѣ · · 672
Болгарскій крестьянинъ, типъ · · 857
Болгарская дѣвушка съ гусями · · 710
Браге Эбба, невѣста шведскаго короля 525
Вавилонскія древности (3 рисунка) · 16
Ваннонскій, П. С. Генералъ-лейтенантъ 345
Вамбери, А. Дернишъ филологъ · · 433
Весна, рис. Панова · · · · · · 428
Виноградовъ, В. И. Актеръ · · · 87
Владивостокъ · · · · · · · · 106
Возвращеніе съ полевыхъ работъ · · 593
Война. (Картина Ронделя) · · · · 693
Вольтъ, графъ Александръ, физикъ · 199
Воспламененіе эфирныхъ паровъ · · 278
Высотомѣръ (Пр. Менделѣева 2 рис.) 64
Выходъ изъ церкви послѣ крестинъ 849
Вѣра (Обрывъ) Гончарова · · · · 513
Вѣрный другъ (кар. Танерни) · · · 626
Галацъ, видъ города (12 рис.) · · 194
Галіокъ гора (въ Сѣверной Америкѣ) 368
Гаштейнскія минеральныя воды · · 405
Гейсъ, Рутерфордъ Президент. Америк. 35
Гебронъ, кладбище въ Тегеранѣ · · 78
Гейзе, Поль. Нѣмецкій писатель · 263
Гейманъ, В. А. Генералъ-лейтенантъ 361
Герстеръ, примадонна Итальян. Оперы 752
Глинка, М. А. Бюстъ · · · · · 42
Голандская женщина съ ребенкомъ · 79
Гольштатскій соляной рудникъ · · 242
Горячо (кар. Шмитцбергера) · · · 325
Грустная дума · · · · · · · · 480
Гурко, I. В. Генералъ-адъютантъ · 489
Дарохранительница Іоанна III · · 460
Дездемона (изъ трагедіи Отелло) · 353
Деппъ, А. Ф. Генералъ-маіоръ · · 425
Дерожинскій, В. Ф. Генералъ-маіоръ 585
Донъ-Карлосъ, испанскій · · · 134
Драгомировъ, М. И. Генералъ-маіоръ 569
Дума московская, проектъ · · 62
Дубасовъ, Ѳ. В. Лейтенантъ · · · 364
Дѣвушка съ плодами (кар. Темеядорфа) 717
Дѣвочка съ куколкой · · · · · 873
Египтянка молодая, кар. Леконта · 13
Египтянки у водоема (кар. Марта 95
Единоборство Мстислава съ Редедей 305
Екатеринбургъ, общій видъ города · 422
Елна (силуэты), рисун. Е. Бемъ · · 865
Завтракъ во времена Директоріи · · 271
Замокъ Пфальцъ на Рейнѣ · · · · 596
Звѣзды туманныя вид. въ телескопъ 752
Земля, видимая съ Луны и Венеры 457
Зотовъ, П. Д. Генералъ-лейтенантъ · 649
Иссыкъ-Куль (Семирѣч. обл.) · · 4—5
Изъ угла въ уголъ (рис. Медвѣдева) 138
Иматра водопадъ (6 видовъ) · · · 476
Испуганное стадо въ Новой Мексикѣ 716
Игла Клеопатры (4 рис.) · · 733—736
Кавказъ, долина рѣки Іоры · · 816
Каирскій типъ. Погонщикъ ослонъ · 55
Капитолій въ Вашингтонѣ · · · · 147
Каинъ и Авель (рис. Фальгіера) · · 175
Катарро (видъ города и бухты 218—219
Кавказскія ночи (рис. Каразина) · 312
Каналъ Сенъ-Мартенъ въ Парижѣ 364
Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ. 720
Кормленіе любимца (кар. Ингенмей) 174
Косуля осиротѣвшая (кар. Бѣлунни) · 131
Конскій барышникъ на Дону · · 836
Крестоносцы предъ Іерусалимомъ 808
Крестъ работы Петра I (въ Старицѣ) 94
Красная шапочка · · · · · · · 869

Библиотека "Руниверс"

стр.
Критики, карт. Морано 412
Криденеръ, А. П., генер.-лейтен . . 473
Крымъ, южный берегъ 568
Лань. 576
Ласточка. Арізль 496
Лапласъ, маркизъ-астрономъ . . . 199
Лазаренъ, генералъ-лейтенантъ . . 841
Лашкаренъ, Ю. А., генер.-маіоръ . 785
Лѣтній пейзажъ 151
Ловля куропатокъ сѣтью 24
Леонидъ, архіепископъ ярославскій . 183
Лорисъ-Меликонъ, М. Т., ген.-адъют. 297
Лѣсъ весною. Олень на сторожѣ . . 301
Лѣто. Пугалище. Рис. Джіакомели . 429
Любовь во времена Теокрита . . . 529
Макартъ, Гансъ 51
Мать. Карт. Журдана 255
Масальскій, Н. Ф., генер.-адъютантъ . 329
Мастерская Макарта въ Вѣнѣ . . . 54
Мандолината, карт. Тайлора съ нот. 66
Мечты, мечты! карт. Шульца . . . 25
Мельниконъ, И А., оперный пѣвецъ. 71
Михаилъ Николаевичъ, Великій Князь 317
Миридиты, женщина и мужчина . . 352
Милютинъ, Д. А., генер.-адъютантъ . 393
Миръ. Карт. Ревделя. . . . . ь 692
Мирный уголокъ (карт. В.) . . . 190
Млисеъ (къ разсказамъ Бретъ-Гарта) 203
Могильщики, погребающіе мышь . . 296
Монемвази. Островъ на югѣ Греціи . 316
Мокколи, сцена во время карнавала . 641
Мостъ между Нью-Іоркъ и Бруклиномъ 705
Моранская невѣста (рис. Вейса) . . 793
Монастырская нелья, карт. Вебера . 43
Молохъ. 58
Молдаване и караванъ въ Бессарабіи 103
Морская змѣя (3 рисунка) 158
Муравьи (3 рисунка) 349
Мураньеѣдъ 673
Мщеніе Ольги древлянамъ 239
Наемный убійца (карт. Дюна) . . . 223
Невольные путешественники . . . 872
Непокойчицкій, А. А., генер.-адъют. 167
Непрошеный гость (карт. Бекельмана) 222
Нефтяные источники въ Пенсильваніи 613
Николай Николеевичъ (Младш.) В. К. 729
Нижнетагильскъ (два рис.) 788
Нильсонъ Христина, Примад. . . . 805
Новѣйшія извѣстія (карт. Пильца) . 259
Новороссійскій рельсопрокатный зав. 142
Ну-ка, попляши (карт. Келлера) . . 143
Обручевъ, Н. Н., генералъ-лейтен. . 724
Оклобжіо, И. Д., генералъ-лейтенантъ 772
Осень, рис. Павона 765
Отъ него. (Карт. Эрдмана). . . . 127
Охота на медвѣдя (рис. Каразина) . 139
Охота на зайца по первому снѣгу 789
Памятникъ Пушкину въ Москвѣ . . 288
Паукъ птицеѣдъ 304
Парка и Амуръ (группа Доре) . . 369
Паукъ водяной 384
Панлонскій дворецъ 634
Парижская выставка 1878 г., фасадъ 107
Пейзажъ къ стихамъ Майкова . . . 170
Первое свиданіе, карт. Рюдо . . . 449
Передъ дуэлью, карт. Якоби . . . 773
Петровскія войны: 3 рис. 74—123 и 293
Пирей, общій видъ города 235
Плащеносецъ пятнистый 195
Планъ С.-Петербурга 12
Полярные льды, рис. Каразина . . 38
Поленки, рис. Ярмарки 512
Послѣдніе теплые дни 628
Помѣщеніе для топки въ пароходѣ . 289
Послѣдніе дни и первые годы . . . 864
Помѣщеніе въ головѣ статуи Баваріи 120
Прожинший ся купчикъ 704
Проданецъ темнаго товара 820
Призывъ къ молитвѣ въ мечети . . 340
Птица змѣя 800
Птица съ висячими гнѣздами . . . 812
Птичка портвой 440
Публичная библіот. въ С.-Петербургѣ 444
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ . 285
Пятигорскіе мин. воды 5 рис. 274, 275, 275, 309
Рагуза, городъ въ Далмаціи . . . 91
Раабъ, В. И., оперная пѣвица . . . 281
Радецкій, Ѳ. Ѳ., генер.-лейтенантъ . 441
Раконина тридакна 689
Развалины замка, пейзажъ, заг Паиона 780
Резина и ея обработка (4 рис.) . . 388
Рефракторъ Астрон. Обсерваторіи . 21
Ребусъ 876
Рисунки къ двумъ стихамъ Майкова 247
Рисунокъ къ Высочайшему манифесту 263
Роздыхъ у постоялаго двора . . . 445
Русскіе типы И. Павова: Букинистъ . 504
Купецъ лабазникъ 665
Бѣлые грибы 876
Русалка, сцена изъ Пушкина . . 9
Рудольфъ, австро-венгерскій принцъ . 126
Рудольфъ I Габсбургскій 207
Русская деревня 861
Руанъ, улица въ городѣ 629
Руѳь (карт. Ленделя). 829
Рысаки орловской породы 308
Рыбакъ старый (рис. Канерзнена) . 365
Салонъ временъ Людовика XVI . . 135
Сабля поднесенная Черняеву . . . 262
Самодѣйств. аппаратъ при туманѣ . 262
Самойло, С. И., поручикъ артиллеріи 357
Сани-дилижансъ. Карт. Соколова . . 852
Сваветы (обитатели западн. Кавказа) 98
Свѣтящіеся морск. жив. Сифонофоръ. 632
Секретъ (карт. Февра) 737
Секретъ на ушко. Карт. Диленса. . 545
Сельскій почтальонъ 656
Сергій Максимил., В. К. Романовскій 709
Синица Ремесъ 528
Скобеленъ, М. Д., генералъ-лейтен. . 616
Скорбящая Богоматерь 191
Скачки въ Древне-Римскомъ циркѣ . 341
Сланянскъ, гор. 3 рис. . 250—251 и 259
Смоковница священная 238
Соборъ въ Реймсѣ 99
Сорокопутъ чернолобый (рис. Шпехта) 154
Сова въ лѣсу (рис. Панова) . . . 417
Сокровище Московск. Оруж. палаты 336
Статуя Банарін 119
Струве, Оттонъ, астрономъ . . . 17
Старица, городъ Тверск. губ. . . 90
Стенли. Путешествен. въ Африкѣ . 749
Столѣтіе Тулы (видъ оружейн. зав.). 661
Сумароковъ, Александръ Петровичъ . 733
Съ новымъ годомъ 1
Сѣтка на случай пожара 848
Табунъ застигнутый ураганомъ . . 258
Танцовщица между кинжалами. . . 341
Тергукасовъ, А. А., генералъ-лейтен. 505
Телефонъ, звукопередават. (2 рис.) . 858
Терема Моск. Кремля . . . 46 и 47
Телефонъ, аппаратъ для пер. звуковъ 312
Тильденъ, Самуилъ 35
Тифлисъ, улица (карт. Горшельтъ) . 39
Тотлебенъ, Э. И., генералъ-адъют. . 215
Трубкозубъ (рис. Бекмали) . . . 756
Троицъ Царей Іоанна и Петра . . . 171
Трапезундъ, видъ города 324
Тьеръ, Адольфъ 592
Угощеніе изъ особенной бочки . . 577
Урокъ Ариѳметики (карт. Иглера) . 753
Утахъ. Страна Мармоновъ. Буря . 83
Утесъ у берег. о-на Мененъ . . . 155
Ходатай по дѣл. (карт. Н. Таюрскаго 813
Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ . . . 187
Цапли 397
Цвѣтникъ при Царскосельск. дворцѣ. 516
Церковь Тейнская въ Прагѣ . . . 300
Церковь Рождест. Бог. въ Москвѣ . 8
» въ Брестъ-Литовскѣ . . 81 и 82
» Соборъ въ Борисовѣ, Мив. г. 186
Циммерманъ, А. Э., генералъ-лейтен. 554
Цыганки нищенствующіе въ Славоніи 243
Часовой въ Москвѣ 401
Чаша Нептуна (губка) 600
Чернильная рыба или Осьминогъ. . 270
Чериго, о-въ на югѣ Греціи . . . 316
Чухонцы С.-Петербургской губерніи. 320
Шаховской, А. И, генералъ-лейтен. 409
Шестаковъ, А. П., лейтенантъ . . 364
Шейлокъ. сцены изъ др. Шекспира 159
Штопальная машина. 278
Штоквичъ, Ф. Э., коменд. Баязета . 601
Шуша, залъ въ богатомъ домѣ . . 517
Юмористич. очерки (сопц. и матросъ) 214
Я ли не полковникъ (каре. Гаксли) . 111
Яссы, общій видъ города . . . 178
Ѳоминъ. П. С., генералъ-лейтенантъ . 377

Иллюстрированная хроника войны.

Баязетъ, крѣпость 348
Баязетская осада. Звѣрство Турокъ . 612
Битва при Даярѣ 4 Іюня 1877 года . 508
Близъ Кишинева 9 рис. Караз. 114, 115 и 130
Болгарскій легіонъ. Сцены и типы 372
Болгарское нац. ополч. въ Румыніи 373
Болгарская батарея въ Браиловѣ . . 373
Болгаринъ, продавецъ фруктовъ . . 696
Бои у Хассавъ-Кале (въ Мал. Азіи) 796, 797
Брусса .видъ города. 608
Что осталось отъ монит. Луфти-Джел. 373
Буджакскія высоты. Взятіе ихъ . . 469
Бѣгство изъ Адріанополя и Рущука 2 рисунка . . . . . 532 и 533
Варна, видъ крѣпости 548
Вагонъ Санитарн. поѣзда (2 рис.) . 549
Въ Яссахъ, типы и сцены . . 162 и 179
Габринскія высоты 477
Габроно, гор. въ Болгаріи . . . 484
Гирсоно, гор. на Дунаѣ. 532
Горный Студень, деревня 684
Горный Дубнякъ. Взятіе редута . . 769
Драгунъ съ Турецкимъ знаменемъ . 845
Дунай. Развалины Траянова моста . 669
» Мостъ на Дунаѣ у Систова . 832
Журжа и Рущукъ, боев. сцены (5 р.) 452
Закавказье, внутр. татарскаго дома . 537
Забалканская Болгарская красавица . 624
Зимница. Улица во время дождя . . 760
Карсъ, крѣпость и городъ, 2 рис. 348 и 832
Каллафатъ, батарея и лагерь (2 рис.) 404
Казаки на Дунаѣ. 420
Казнь баши-бузуковъ 580
Какъ приготовл. чай въ главн. кв. . 613
Казацкая удаль 652
Карта распол. Турецк. укрѣпл. . . 707
Карта воен. дѣйств. при Рущукѣ . . 726
Карта Мало-Азіатск. театра войны . 777
Карта направл. выстр. Рущука . . 744
Карта Карса и его укрѣпленій . . 764
Короткая расправа въ Турціи. . . 838
Константинопольск. мечеть Ая-Софія 396
Корабль военный въ разрѣзѣ . . . 588
Конвоированіе плѣнныхъ Турокъ. . 588
Константин. двор. Долма-Бахче . . 589
Кэмбель и Норманъ Англ., . . . 509
Кюстенджи, гор. по бер. Чернаго м. 576
Лонча. Атака казаковъ на тур. бат. 564
Матросъ, Семенъ Лопатинъ . . . 481
Мачинъ, городъ 501
Мониторъ, Хивзи-Рахманъ . . . 421
На берег. Прута и Дуная 13 рис. Каразина . . . . . 146—163 и 356
Никополь, 5 рис. . 485—509—540 и 621
Ночлегъ Скобелева въ редутахъ . . 852
Огражденіе броненосцевъ отъ торпедъ 488
Одесса, видъ города 492
Орханіе, гор. Общій видъ 856
Отъ Бухареста до Рущука (23 рисунка) . . . . . 211 и 228
Отъ Прута до Дуная (брис. Каразина 332, 333
Паши: Гобартъ, Сулейманъ Мехмедъ 648
» Османъ и Реуфъ. 708
Переправы чрезъ Дунай 3 рис. въ Систово . . . . . 465—468 и 485
Перенязочный турецкій пунктъ . . 721
Переходъ артиллеріи чрезъ Рѣшицу . 781
Перевозка раненыхъ изъ Баязета. . 565
Пикетъ и тревога на Дунаѣ 2 рис. 204, 448
Плевна, 15 рис. 701, 680, 677, 670, 712, 725, 732, 741, 768, 817, 837 и 761.
Послѣд. кров. стр. изъ истор. Турціи 556
Постройка понтоновъ для моста . . 448
Пѣшій каналеристъ и конный пѣхот. 792
Работы близъ Рущука (рис. Каразина) 178
Рекогносцировка на рѣкѣ Видѣ . . 660
Рущукъ во время облож. Рус. войск. 533
Русскій броненосецъ и миноноски . 561
Рус. ген. предъ трупами турец. звѣр. 573
Рѣка Кара-Ломъ и ея долина . . . 640
Сборъ Румынск. цирульн. на войну . 652
Сестры милосердія въ больницахъ . 420
Сироты Болгарскіе у нашихъ солдатъ 620
Систово, общій видъ города . . . 472
Солдаты по рыбн. ловли, у Ольтеницы 460
Сулеймана-паши главн. квартира . 612
Сулинское устье Дуная 437
Сухумъ-Кале, видъ города 380
Схватка Русскихъ съ Черкесами . . 644
Сцены бомбандир. Журжена . . 464—465
Транспортъ въ горахъ Арменіи . . 501
Турецкая стража (рис. Каразина) . 381
Турчанка, Малоазіатская 544
Турецкій милиціонеръ изъ Анатоліи . 436
Тульча, видъ города 437
Тырново, столица древней Болгаріи 524
Хавкіойскій проходъ въ Балканахъ . 581
Черкесъ изъ Кабарды (Терской обл. 400
Черногорцы. 4 рис. 685, 697, 748 и 801
Шипка. 8 рис. 560, 581, 584, 597, 605, 609. 653, 657.
Шутки на войнѣ. Фальш. цѣль вопр. 700
Шумла, видъ крѣпости 549
Эрзерумъ. 3 рис. . . . 380 757 и 776
Янтра, рѣка и монаст. въ гор. Балканъ 664

Дозволено цензурою. 15 Декабря 1877 г.

Тип. С. Веймана, Аптекарскій пр., № 10.

Библиотека-Музеи

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 1 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 3 Января 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Подписная цѣна «Нивы» на 1877 г.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . 5 р.
III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города 5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.
ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ЯНВАРЬ съ 26 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 29 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Съ новымъ годомъ! Оригин. рис. Дмитрія Оренбурскаго, грав. Вишневскій.

Библиотека "Руниверс"

Съ новымъ годомъ.

Грозныя, темныя тучи, тяжелыя
Низко плывутъ все туда—на востокъ;
Лица встрѣчаются все невеселыя...
Въ воздухѣ душно... Блеститъ огонекъ
Ярко-лиловой далекой зарницы
Тамъ, на окраинѣ темныхъ небесъ:
Но вѣдь для насъ свѣтлый лучь не исчезъ:
Вѣрится въ силу славянской десницы!

***

Льется чугунъ темно-красной струею,
Пушекъ ужь много готовыхъ лежитъ...
Мать уже креститъ дрожащей рукою
Ратника-сына... Господь да хранитъ!
То, что начертано въ книгѣ незримой,
Книгѣ Судебъ, то и будетъ друзья!
Мрачныя думы, идите вы мимо,
Лейся въ стаканы, хмѣльная струя!

***

Темныя, грозныя тучи, тяжелыя
Все-же пройдутъ, прояснится востокъ;
Снова намъ встрѣтятся лица веселыя—
И, можетъ быть, этотъ день не далекъ.
Пусть-же лиловыя блещутъ зарницы
Тамъ, на окраинѣ темныхъ небесъ—
Солнечный лучъ вѣдь для насъ не исчезъ:
Вѣрится въ силу славянской десницы!
Чу! Бьетъ полночь... мы готовы
Встрѣтить съ радостью живой
Новичка-младенца.. Новый,
Здравствуй—можетъ быть бѣдовый—
Здравствуй, семьдесятъ седьмой!

Щ—въ.

Двѣ капли воды.

(Сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ).

I.

На Пескахъ, въ одномъ изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, въ маленькой комнаткѣ, сидѣла у окна старушка, занимаясь починкой бѣлья; на диванѣ лежалъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, и читалъ книгу.

Старушка была Аграфена Степановна Миронова, вдова чиновника, а молодой человѣкъ, сынъ ея, Александръ Матвѣевичъ.

— Когда у насъ заговѣнье-то? спросила Аграфена Степановна, продолжая накладывать заплатки.

— Не знаю, маменька, отвѣтилъ сынъ, не отрываясь отъ книги.

— Посмотри-ка въ календарѣ-то.

— Послѣ; дайте мнѣ дочитать.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Ты когда думаешь говѣть? заговорила опять Аграфена Степановна. Я хочу на второй или на третьей недѣлѣ—не такъ тѣсно будетъ. И ты бы, Саша, вмѣстѣ со мной говѣлъ.

— Хорошо, хорошо.

Опять молчаніе воцарилось въ комнаткѣ, но продолжалось недолго; Аграфена Степановна снова заговорила:

— Что это у насъ давно Наталья Егоровна не была? Ты, Саша, не встрѣчалъ ее у Пѣтуховыхъ?

— Нѣтъ.

— Странное дѣло, сгинула да пропала; сколько времени ужь не была, продолжала старушка, не обращая вниманія на отрывистый и нетерпѣливый тонъ своего сына.—Ты не помнишь, когда она къ намъ въ послѣдній-то разъ приходила?

— Не помню.

— Можетъ быть и больна. Развѣ сходить къ ней, провѣдать? Далеко только очень... А, можетъ быть, и потому не идетъ, что сынъ пріѣхалъ; вѣдь она ждала его. Ты помнишь Васю-то, Саша?

— Какого Васю? чуть не со злостью спросилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Сына Натальи Егоровны.

— Не помню.

Снова тихій ангелъ пролетѣлъ по комнатѣ, и, какъ всегда случалось, задѣлъ крыломъ Аграфену Степановну.

— Что это прачка долго бѣлья не несетъ, заговорила старушка.

Сынъ молчалъ.

— Саша, у тебя есть еще чистыя рубашки?

Александръ Матвѣевичъ оставилъ книгу и повернулся къ матери.

— Что это, маменька, у васъ за странная такая привычка, сказалъ онъ.

— Какая привычка? удивилась старушка.

— Разговаривать, когда человѣкъ занятъ.

— Когда-жь я это дѣлала?

— Да вотъ хоть бы сейчасъ: я читаю, а вы разговариваете, вопросы мнѣ ежеминутно предлагаете.

— Ну, такъ что-жь?

— Да больше ничего, какъ то, что вы мѣшаете мнѣ; что нибудь одно—или читать, или разговаривать.

— Отчего-жь и не поговорить? что-жь въ молчанку-то играть? отвѣчала старушка, недоумѣвая къ чему сынъ эту рѣчь завелъ.

— Говорить можно, только во время, сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Какъ-же это во время?

— Когда я ничѣмъ не занятъ.

— Да вѣдь ты и теперь ничего не дѣлалъ.

— Какъ ничего не дѣлалъ? съ удивленіемъ спросилъ Александръ Матвѣевичъ.—Вы, кажется, видѣли, что я читалъ.

— Ну, это какое дѣло! съ пренебреженіемъ сказала Аграфена Степановна.—Ужь если это дѣломъ считать, такъ что-жь тогда не дѣло-то будетъ.

— Все таки, я васъ прошу, не разговаривайте со мной, когда я читаю.

— Ну, ладно, ладно, не буду. Не могу, видишь-ли, не сказать, когда что нибудь въ голову придетъ сейчасъ и скажу, и спрошу; удержаться-то трудно. Да и ты-то вотъ безъ мѣста, ну и думается...

— Не выискивается мнѣ мѣста-то, со вздохомъ сказалъ сынъ, впадая въ тонъ матери. Ужь, кажется, я ни ногъ, ни спины не жалѣлъ, и ходилъ, и кланялся—ничего не помогаетъ.

— Одна надежда на Бога, можетъ быть, Онъ, Милосердный, поможетъ, сказала вздыхая мать, а то не знаю ужь, чѣмъ намъ и жить...

— Мнѣ, маменька, надо жениться...

— Жениться? повторила съ недоумѣніемъ Аграфена Степановна.

— Да, жениться.

— На комъ-же ты жениться хочешь?

— Все равно, на комъ нибудь; главное надо жениться. Я не могу быть ни портнымъ, ни сапожникомъ, ни носильщикомъ, ни торговцемъ; слѣдовательно, чтобы не умереть съ голоду и жить какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, остается только одно — жениться на богатой.

— Въ эту минуту въ комнату вошла довольно пожилая женщина съ испитымъ лицомъ и очень бѣдно одѣтая. Она вошла какъ-то по кошачьи, точно подкрадывалась къ чему-то или боялась повредить полъ своими ногами. На лицѣ какъ будто застыла заискивающая улыбка; вся поза выражала раболѣпіе и прини-

Библиотека "Руниверс"

женность. Сейчасъ было видно, что нужда порядочно пообдѣлала эту женщину.

— А вотъ вамъ сваха, закричалъ сынъ. Легка на поминѣ.

— Здравствуйте, мои господа, заговорила Ивановна, кланяясь всѣмъ корпусомъ. Какъ живете—можете?

— Ничего, слава Богу; какъ ты поживаешь?

— Какое наше житье! День да ночь и сутки прочь; день прошелъ, съ голоду не умерли—и слава Богу.

— Что дѣлать? Одному Богъ много пошлетъ, другому—ничего, назидательно замѣтила Аграфена Степановна.

— Ты сядь, Ивановна, сказалъ Александръ Матвѣевичъ; въ твои лѣта не приходится стоять.

— Ничего, баринъ, я постою; ноги у меня еще крѣпки, съ молодыми еще поспорятъ.

— Да нѣтъ, ты все таки сядь, сдѣлай такую милость; тогда какъ-то легче и разговаривать.

— Садись, садись, присоединилась къ сыну и Аграфена Степановна; что и въ самомъ дѣлѣ стоять-то.

— Покорно благодарю, отвѣтила Ивановна, и смиренно присѣла на кончикъ стула.

— Знаешь-ли что, Ивановна? началъ Александръ Матвѣевичъ.

— Что, мой милый баринъ?

— Я жениться хочу.

— Ну чтожь, дѣло доброе; дай Богъ счастливо.

— Да горе въ томъ—невѣсты нѣтъ.

— Ужь и нѣтъ! Чего другого, а этого добра хоть прудъ пруди.

— Можетъ быть и много, да у меня-то ни одной нѣтъ на примѣтѣ.

— Онъ, видишь-ли, на богатой хочетъ жениться, объяснила Аграфена Степановна.

— Ну извѣстно, на богатой, сказала Ивановна; что-же на бѣдной-то жениться, только лишнюю обузу себѣ на шею навязать.

— Ты, Ивановна, удивительно разсудительная женщина! замѣтилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Что-жь, развѣ не правда?

— Правда, правда!

— Трудно найдти богатую-то невѣсту, сказала Аграфена Степановна.

— Такому красавчику-то барину трудно найти! Что вы, барыня! Посмотрите, какіе уроды женятся на богатыхъ, а чтобы моему милому барину не найдти богатой невѣсты. Всякая съ радостью пойдетъ.

— Нѣтъ-ли у тебя на примѣтѣ? спросилъ Александръ Матвѣевичъ.

— И, милый баринъ, гдѣ намъ съ богатыми господами знаться.

Надо замѣтить, что Ивановна жила поденной работой въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ или совсѣмъ не было прислуги, или было очень мало; гдѣ полы вымоетъ, гдѣ посуду вычиститъ, гдѣ бѣлье выполощетъ.

— Ну, такъ поищи, сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Гдѣ-жь будешь искать? отвѣтила Ивановна, и голосъ ея принялъ нѣкоторый оттѣнокъ грусти. — И рада бы душой, милый баринъ, да нѣтъ у меня невѣстъ-то, которыя вамъ-то бы годились.

— А я ужь тебя, ухъ, какъ-бы поблагодарилъ.

— И, баринъ, я и такъ вами по горло довольна; и рада бы вамъ всей душой всякое удовольствіе сдѣлать, а ужь невѣсту-то и обѣщать не могу. Есть у меня знакомыя барышни, и хорошія барышни, да все небогатенькія.

— Ну, такихъ мнѣ не надо.

— Ты какъ-то о какой-то богатой купчихѣ говорила, сказала Аграфена Степановна.

— Ну эта, милая барыня, не годится.

— Отчего не годится, когда она богатая? встрепенулся Александръ Матвѣевичъ.

— Первое дѣло, не молода ужь, а второе, и изъ себя некрасива.

— Это ничего.

— Вишь какъ вамъ жениться-то захотѣлось.

— Большой у нея капиталъ?

— Доподлинно-то не могу вамъ сказать, а, кажется, есть кое что, отвѣчала Ивановна; домъ есть.

— Большой домъ?

— Нѣтъ, невеликъ; деревянный одноэтажный. Домикъ—ничего себѣ, чистенькій, въ 22-й ротѣ Измайловскаго полка.

— Ты говоришь, что она ужь не молода.

— Да, тридцать съ хвостикомъ будетъ, коли не всѣ сорокъ.

— И собой некрасива?

— Некрасива, милый баринъ, отвѣчала Ивановна.— Что-жь, скрывать нечего, дѣло такое, что не скроешь.

— Очень некрасива?

— Да какъ бы вамъ сказать, кому какъ; другому можетъ и ничего. Она эдакая полная изъ себя-то, говорила Ивановна, изображая руками полноту невѣсты. Оно, видите-ли, милый баринъ, протяжно произнесла она, все бы ничего, да губа-то у нея заячья.

— Губа заячья! удивился Александръ Матвѣевичъ. Какъ-же это, у человѣка да губа заячья?

— Да точно разсѣчена, и отъ этого зубы видны, отвѣтила Аграфена Степановна.

— Вотъ это самое и называется заячьей губой, подтвердила Ивановна.

— Заячья губа!... какъ-бы про себя говорилъ Александръ Матвѣевичъ. — Поразила ты, Ивановна, нечего сказать; никакъ не ожидалъ такого сюрприза.

— Вѣдь я, баринъ, и говорила, что она некрасива.

— Да пусть-бы была некрасива, а то... Нѣтъ, Ивановна, ищи другую; такую не хочу.

— Другихъ нѣту, милый баринъ.

— Пусть она будетъ стара, некрасива, только чтобы звѣринаго-то у ней ничего не было.

— Такихъ, милый баринъ, незнаю...

— А ты поищи Ивановна, постарайся, сказала Аграфена Степановна.—Пойдемъ-ка я тебя угощу.

— Спасибо, милая барыня, дай Богъ вамъ здоровья, отвѣтила старуха.

Аграфена Степановна и Ивановна ушли, Александръ Матвѣевичъ остался одинъ. Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Гм... размышлялъ онъ.—Вѣдь бываютъ-же у природы такія глупыя шутки. Вдругъ ни съ того, ни съ другого прилѣпить человѣку заячью губу. А невѣста-то какая! И домъ есть. Вѣдь другую такую, пожалуй, и не сыщешь; а если и сыщешь, то когда это еще будетъ. Вотъ тутъ и выбирай: или съ голоду умирать, или жена съ заячьей губой.

— Эхъ, была не была, рѣшилъ онъ отчаянно махнувъ рукой, сочетаюсь, дѣлать нечего.

Съ этими словами Александръ Матвѣевичъ отправился въ кухню и объявилъ Ивановнѣ о своемъ согласіи жениться на предлагаемой невѣстѣ.

— И въ добрый часъ, милый баринъ; вѣдь не съ губой жить, а съ человѣкомъ, сказала Ивановна и обѣщала немедля приняться за дѣло.

II.

Въ 22-й ротѣ Измайловскаго полка въ одноэтажномъ домѣ съ мезониномъ и флигелемъ на дворѣ жила купеческая дочь Маремьяна Ильинишна Крундылева, предполагаемая невѣста Миронова.

Войдя въ квартиру Крундылевой, сейчасъ можно было замѣтить что-то праздничное; какъ-то все особенно тщательно прибрано, вычищено. Кухарка облечена въ лучшія свои одежды, и сама Маремьяна Ильинишна,

Библиотека "Руниверс"

Новыя русскія владѣнія: Берега озера Иссыкъ-Куль. (Въ Семирѣченской области).
Оригин. рис. Н. Н. Каразина, грав. Куренковъ.

Библиотека "Руниверс"

Новыя русскія владѣнія: Берега озера Иссыкъ-Куль. (Въ Семирѣченской области).
Оригин. рис. Н. Н. Каразина, грав. Куренковъ.

Библиотека "Руниверс"

сидящая въ гостиной со своей теткой, Василисой Евстигнѣевной Самсоновой, тоже очень принаряжена.

Маремьяна Ильинишна и Василиса Евстигнѣевна сидятъ на диванѣ передъ круглымъ столомъ и стараются прозрѣть въ будущее или, проще сказать, гадаютъ на довольно засаленныхъ картахъ.

— Для тебя, говоритъ Василиса Евстигнѣевна, взявъ одну изъ кучекъ картъ, разложенныхъ на столѣ: червонный король думаетъ о тебѣ, ну хлопоты разныя... Извѣстное дѣло, сватанье безъ хлопотъ не обходится.

— Ну, дальше, торопитъ Маремьяна Ильинишна.

— Для дому: тоже хлопоты, только хлопоты все веселые.

— А трефовая десятка что такое значитъ? спросила Маремьяна Ильинишна.

— Это любовь.

— Ну ужь и любовь! сказала Маремьяна Ильинишна не то съ досадой, не то въ смущеніи.

— Какъ же, разумѣется трефовая десятка любовь значитъ, утверждала Василиса Евстигнѣевна.

— Богъ съ ней и съ любовью! промолвила Маремьяна Ильинишна, и даже рукой махнула.—Былъ бы только человѣкъ непьющій.

— Не говори, Маремьянушка: коли мужъ жену любитъ, такъ онъ и бережетъ ее и балуетъ, а коли не любитъ, такъ тогда ужь плохое житье.

— Слышала я про эту любовь Развѣ какой мѣсяцъ, другой, а тамъ, смотришь, любви какъ не бывало, и пошли ссоры да брань...

— И, Маремьянушка! Живучи на свѣтѣ и отъ чужихъ натерпишься, а ужь отъ мужа-то и Богъ велѣлъ терпѣть.

— Нѣтъ, ужь покорно благодарю: я этого не хочу, сказала Маремьяна Ильинишна, нежелавшая въ качествѣ дѣвицы соглашаться съ житейской философіей тетки. Ужь лучше тогда и замужъ не выходить.

— Ну, у тебя мужъ будетъ благородный, чиновникъ, замѣтила Василиса Евстигнѣевна; все-жь таки человѣкъ воспитанный.

— Всякіе и чиновники бываютъ.

— Ну, твой-то не такой. Ивановна говоритъ, что онъ тихій, смирный, мухи не обидитъ, не то что человѣка.

— Да развѣ можно Ивановнѣ вѣрить, извѣстное дѣло, сваха; не станетъ же она хулить жениха.

— Такъ что-жь, если боишься замужъ выходить, такъ и не выходи, возразила Василиса Евстигнѣевна; вѣдь никто не неволитъ.

Въ это время въ комнату быстро вошла запыхавшаяся женщина съ краснымъ лицомъ и съ шляпкой съѣхавшей на затылокъ. Войдя, она тотчасъ же бросилась на стулъ, тяжело дыша.

Это была нѣкто Марья Петровна, старая знакомая Маремьяны Ильинишны. Она посѣщала многія семейства и была непремѣннымъ лицомъ при всѣхъ семейныхъ событіяхъ, какъ-то: при свадьбахъ, похоронахъ, крестинахъ и т. п. Кто она такая — никто изъ знакомыхъ хорошо не зналъ, никто не зналъ даже ея фамиліи, знали только, что зовутъ ее Марьей Петровной.

(Продолженіе будетъ).

Озеро Иссыкъ-куль и его окрестности.

Громадная Семирѣченская область, занимая сѣверо-восточную часть туркестанскаго края, по своему географическому положенію и по характеру природы, раздѣляется на двѣ половины, рѣзко отличающіяся одна отъ другой!

Одна изъ этихъ половинъ, обращенная къ сѣверу и сѣверо-западу, представляетъ собою чистую равнину, безконечныя степныя пространства, покрытыя пескомъ и солонцами, испещренныя множествомъ степныхъ озеръ, остатковъ древняго-среднеазіатскаго моря. Вся эта низменность носитъ на себѣ ясные слѣды — доисторическаго, центральнаго вмѣстилища водъ, и цѣлый рядъ изысканій въ этомъ направленіи убѣдилъ окончательно ученыхъ въ фактическомъ существованіи того, что прежде не ясно представлялось, выражаясь только въ догадкахъ, гипотезахъ и предположеніяхъ.

Эти низменные равнины, мѣстами представляютъ совершенно мертвыя, голодныя степи, негодныя не только для осѣдлой жизни и хлѣбопашества, но избѣгаемыя даже не прихотливыми кочевниками; мѣстами же, эти самыя кочевники находятъ здѣсь громадныя пространства, со всѣми условіями для ихъ жизни, условіями до такой степени счастливо сгруппировавшимися, что номаду не остается даже и желать ничего лучшаго, и онъ считаетъ свои родныя равнины раемъ, ниспосланнымъ для него милостью Аллаха.

На тучныхъ пастбищахъ этихъ равнинъ пасутся бесчисленныя стада лошадей, барановъ и верблюдовъ, всюду, словно шапки грибовъ изъ подъ моху, чернѣютъ и бѣлѣютъ полукруглыя крыши войлочныхъ кибитокъ, струйки дыма тамъ и сямъ привѣтливо вьются въ воздухѣ... Даже зимою, когда снѣжный покровъ мететъ на равнины, даже и тогда эти равнины, даютъ неприхотливому степному скоту достаточно корма, настолько достаточно, чтобы перебиться до новой весны, до новаго избытка и приволья.

Только за исключеніемъ русскихъ колонизаторовъ, пріютившихся по берегамъ рѣкъ и по городкамъ, все остальное населеніе —чистые кочевники, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, и много пройдетъ времени, пока среди ихъ замѣтится хотя бы какая нибудь попытка къ переходу изъ такого первобытнаго состоянія.

Въ противуположность первой—вторая половина Семирѣченской области, вся состоитъ изъ колоссальныхъ горныхъ массъ, захватывая собою всю сѣверную часть тіанышаньской группы, громаднѣйшей группы въ мірѣ.

Здѣсь уже пейзажи мѣняются; всюду куда только достигаетъ глазъ путешественника—всюду вырѣзные зубчатые кряжи горъ, то скалистыя, мрачныя, то покрытые блестящими массами вѣчныхъ снѣговъ и колоссальныхъ ледниковъ; на скатахъ этихъ кряжей поросли густые, вѣковые лѣса, сползающіе ниже, на самое дно лощинъ и ущелій, по днамъ которыхъ, съ ревомъ и шумомъ, покрытыя клокочущею пѣною, стремительно рвутся бѣшеныя горныя рѣки и потоки. Всѣ эти рѣки рождены ледниками или выходятъ изъ высоко лежащихъ горныхъ озеръ, спускаясь въ долины.

Въ этой горной странѣ находятся самыя колоссальныя въ мірѣ вершины, самые высокіе перевалы и горные проходы, доходящіе до двадцати тысячъ футъ абсолютной высоты — какъ напримѣръ, извѣстный перевалъ Музартъ, проложенный по сплошнымъ полямъ вѣчныхъ льдовъ Музартскаго ледника...

Здѣсь чисто кочевая жизнь уже немыслима, и обитатели здѣшней страны—каракиргизы—значительно отличаются отъ своихъ степныхъ сородичей, какъ родомъ жизни, такъ и своими нравами и обычаями; даже типъ лица горнаго обитателя получилъ уже нѣкоторую разность отъ типа лица истаго кочевника степей,—вы, приглядываясь внимательнѣе, легко отличите киргиза степей отъ киргиза горъ; на это различіе повліяла главнымъ образомъ природа страны, отразившись и на характерѣ обитателей и на всемъ ихъ жизненномъ складѣ.

Первое мѣсто между озерами этой горной страны безспорно занимаетъ Иссыкъ-Куль, лежащій въ высокой горной котловинѣ—верстахъ въ стодвадцати отъ города Вѣрнаго на востокѣ.

Котловина этого озера достигаетъ въ длину, отъ входовъ въ него рѣки „Чи“ въ ущельѣ Боамъ, на западѣ, до горнаго перевала Сапъ-Ташъ на востокѣ — 250 верстъ; ширина отъ южной подошвы въ заалійскомъ Алатау до сѣверной подошвы Тянь-шаня отъ 70 до 80 верстъ. Бассейнъ озера занимаетъ самую глубокую часть этой котловины и имѣетъ до 100 верстъ длины и до 50 верстъ ширины. Такимъ образомъ между берегами озера и подножьями горныхъ хребтовъ, ограничивающихъ котловину, остаются плоскія или слабопокатныя береговыя долины и окраины отъ 10 до 15 верстъ ширины. Мѣстами эта береговая полоса расширяется: у входа рѣкъ образуются болотистыя низменности, поросшія пустымъ камышемъ, мѣстами виднѣются оголенныя песчаныя полосы, усѣянныя колоссальными валунами, занесенными Богъ вѣсть съ какихъ высотъ, движеніемъ сползавшихъ ледниковъ, образовавшихъ таяніемъ своимъ, впослѣдствіи этотъ водный бассейнъ. Мѣстами съ юго-восточной стороны, горныя скаты почти отвѣсно спускаются въ воду, нависая надъ ея темно-синей поверхностью. Въ такихъ мѣстахъ береговая полоска съуживается, образуя едва удобный для прохода путь, часто заливаемый водою при періодическихъ поднятіяхъ уровня озера.

Собственно-водная поверхность Иссыкъ-Куля ровняется 105 квадратнымъ миляамъ или 5,145 квадратнымъ верстамъ. Пространство весьма внушительныхъ размѣровъ—и съ одного берега на другой только въ ясную погоду можно видѣть очертанія горныхъ массъ противуположнаго берега, очертанія, въ которомъ исчезаютъ и теряются въ сплошной синевѣ всѣ, даже крупныя детали.

Берега Иссыкъ-Куля представляютъ собою цѣлую безконечно

Библиотека "Руниверс"

разнообразную колекцію восхитительныхъ пейзажей. Такихъ пейзажей, которыми не всегда можетъ похвастаться даже Швейцарія.

Животная и растительная жизнь этихъ береговъ тоже представляетъ много разнообразія и интереса, особенно первая, дѣлая изъ этого чуднаго края — завѣтную мечту натуралиста и охотника.

А здоровый, чудный климатъ страны, соединенный съ выгодами хозяйственной жизни—и плодородіемъ береговыхъ полосъ и горныхъ котловинъ, съ обиліемъ строительнаго матеріала и топлива, съ неисчерпаемыми запасами еще скрытыхъ благъ природы, не разработанныхъ, лежащихъ подъ спудомъ—предвѣщаютъ этому уголку современемъ самую цвѣтущую будущность.

Но оставимъ это будущее и посмотримъ, что намъ представляется въ настоящее время при обзорѣ этого озера и его восхитительныхъ окрестностей.

Взбираясь по ущельямъ на крутые подъемы и спускаясь съ нихъ, путешественникъ видитъ Иссыкъ-Куль въ первый разъ только съ вершины послѣдняго перевала, откуда передъ его глазами разомъ развертывается роскошная, блистательная панорама всего озера и окружающихъ его береговъ.

Воды Иссыкъ-Куля весьма прозрачны; цвѣтъ озера ярко-синій съ прелестнымъ бирюзовымъ налетомъ, этотъ налетъ скользитъ по горизонтальной поверхности, измѣняя при каждомъ малѣйшемъ дуновеніи вѣтра изъ ущелій, свои причудливыя линіи и формы. За озеромъ, по ту сторону видѣнъ весь хребетъ Кунге-Алатау, нижнія части этого хребта подернуты туманомъ, нѣжно-лиловою дымкою, а снѣговые зубцы гребней, ярко освѣщенныя солнцемъ, необыкновенно отчетливо рисуются на густомъ синемъ, ультрамариновомъ небѣ.

Синіе небо, синій-же Иссыкъ-Куль, между тѣмъ и другимъ бѣлая, зубчатая стѣна, и на первомъ планѣ, прямо подъ ногами зрителя, грозные скалистые отвѣсы, темно-зеленыя группы хвойныхъ деревьевъ, кустарникъ цѣпляющійся въ трещинахъ, а дальше, подступая къ самой водѣ, ярко-желтая, длинная полоска берега окоймленная волнующейся лентой озерной пѣны... Отъ этого вида не скоро оторвется взглядъ очарованнаго наблюдателя. И какая нѣжность колорита, какая безконечная, прозрачная глубина, какъ изящны и легки очертанія снѣгового хребта, за которымъ еще ясно видны высочайшія вершины снѣжнаго хребта, трехглавый Талгаръ и остроконечный Алматинскій пикъ.

Скатныя массы широкими пластами залегаютъ въ выемкахъ гребней, отсюда они сползаютъ все ниже, и ниже и причудливыми бѣлыми змѣйками спускаются внизъ, будто къ самому озеру, теряясь въ дымкѣ берегового тумана: черными пятнами рисуются на бѣломъ фонѣ вѣчныхъ снѣговъ растрепанныя группы деревьевъ и остроконечныя, выдающіеся скалы: высоко въ воздухѣ носятся орлы и грифы, надъ самымъ зеркаломъ водъ шныряютъ серебристо бѣлыя чайки; міріады водяной птицы стаями снуютъ у береговъ и криклинными вереницами тянутся съ одного залива къ другому, испуганныя неожиданно за шуршащими тростниками подъ ногою тяжелаго неуклюжаго дикаго кабана, или осторожно подкрадывающагося ловкаго, изворотливаго пестраго хищника кошачей породы, барса, а то такъ даже хоть изрѣдка, но посѣщающаго эти привольныя мѣста полосатаго разбойника, джулбарса, какъ называютъ туземцы тигра. Человѣку охотнику и крупному звѣрю хищнику приволье въ этихъ богатыхъ всякимъ звѣрьемъ мѣстахъ, и тотъ и другой находятъ здѣсь себѣ вдоволь добычи, для удовлетворенія самого колоссальнаго апетита, самой ненасытной, безграничной охотничьей страсти.

Достаточно только перечислить главнѣйшіе виды здѣшней фауны, чтобы убѣдиться въ ея разнообразіи и многочисленности:

Въ горахъ у Иссыкъ-Куля и на Кегетенскомъ плоскогорьѣ водится множество Аркаровъ (ovis Karelini nob). *) и Тековъ (capra sibirica)—эти виды держатся ближе къ вершинамъ горы, выше ельниковъ и почти не досягаемы для охотника; много трудовъ и усилій, а главное терпѣнія надо, чтобы овладѣть такимъ рѣдкимъ экземпляромъ горнаго барана.

Ниже, въ чертѣ ельниковъ бродятъ и пасутся на утесахъ въ громадномъ количествѣ дикія козы, здѣсь уже начинается и царство пушныхъ звѣрей: мелкорослые мѣдвѣди съ весьма пушистымъ, но не густымъ мѣхомъ и великолѣпныя куницы, да еще не одинъ видъ, а нѣсколько, какъ напримѣръ бѣлодушки, перлы пушной торговли и рѣдкая „Mustelaintermedia", у которой мѣхъ чернѣе и пушистѣе, приближаясь къ соболиному. Волки и лисицы вездѣ во множествѣ; первые отличаются здѣсь отъ своихъ степныхъ и низменно лѣсныхъ собратій, родомъ гривы на шеѣ и части хребта чернаго цвѣта. Въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ встрѣчается даже крайне рѣдкій экземпляръ краснаго волка (canis alpinus), по своему длинному хвосту и короткимъ ногамъ, напоминающій скорѣе лисицу, только ужь очень крупнаго размѣра. Этотъ звѣрь чисто ночной разбойникъ, онъ такъ хитеръ и остороженъ, что почти никогда не попадается въ руки человѣка, хотя весьма исправно слѣдитъ за перекочевками киргизовъ въ горахъ и уже не упуститъ случая ночью поживиться на счетъ ихъ стадъ, такая молодыхъ козъ и барановъ. Впрочемъ и простой волкъ здѣсь осторожнѣе чѣмъ въ Россіи, хотя очень дерзко нападаетъ на оплошныя стада и даже плохо огороженные загоны. Волкъ въ горахъ весьма рѣдкая добыча для охотника, рѣже мѣдвѣдя даже, который во всякомъ случаѣ малочисленнѣе волка.

По безлѣснымъ горамъ и плоскогорьямъ водятся еще степныя караганки или сѣроватыя, темнобрюхія лисицы (canis melanotis) и множество сурковъ, испестрившихъ своими норами, пригрѣтыя солнцемъ плоскія горныя скаты.

Спускаясь ниже, къ берегу озера, въ лѣсистыхъ чащахъ и въ густыхъ зарослях берегового тростника бродятъ многочисленныя кабаны и робко прячутся, монгольскія зайцы — миловидные родичи нашего „косого" — вѣчныя жертвы хитраго барса или кровожадной, подло трусливой рыси — и, какъ я уже упоминалъ, охотникъ долженъ осторожно относиться къ раіону своихъ операцій; легко можетъ случится что ему, неприготовленному къ опасной встрѣчѣ прійдется лицемъ къ лицу столкнуться съ тигромъ, опаснѣйшимъ конкурентомъ человѣка по истребленію четвероногой дичи.

А если прибавить ко всѣму этому—горностаевъ, хорьковъ, даже выдръ по илювымъ рѣчекъ, барсуковъ и пр. пр.—то уже можно составить себѣ ясное понятіе о разнообразіи и многочисленности мѣстной фауны

Перейдемъ теперь къ человѣку, обитателю этой счастливаго уголка.

Дикая, горная мѣстность, обиліе звѣрей создали изъ каракиргиза естественнаго охотника, а это уже шагъ къ разбойнику.

Самая неприступность мѣстности—укрывая кочевья горцевъ отъ лишняго посѣтителя, позволяя ему безнаказанно совершать свои подвиги—выработало въ немъ это послѣднее качество, и каракиргизъ, понятно, предпочитаетъ охоту и воровскіе набѣги на низменныхъ сосѣдей, на проѣздные дороги, по которымъ съ трудомъ и величайшими усиліями пробираются небогатые купеческіе караваны.

Эта безнаказанность развила въ горцахъ духъ своеволія и безначальности—самыя подчиненности ихъ тому или другому хану коканскому или кашгарскому—были часто фиктивны. Чаще даже что каракиргизы вовсе не признавали никакой подчиненности, подчиняясь ими самими выбранному бію или старшинѣ, главѣ отдѣльнаго кочевого рода. Набѣги этихъ рыцарей горъ и частыя междуусобія, въ самой средѣ ихъ сдѣлали изъ нихъ непріятныхъ, нетерпимыхъ сосѣдей, для жителей степей и равнинъ — а ханы Кашгарскій и Коканскій были слабы и не могли смирить силою оружія буйныхъ горцевъ—и терпѣли зло, даже заискивали у ихъ старшинъ, льстя имъ, поблажая и размѣниваясь подарками.

Отношеніе горцевъ къ сосѣднимъ ханствамъ во многомъ напоминало отношеніе тюркменъ къ хивинскому хану. Какъ тому и другому положили предѣлъ русскіе, у которыхъ достало и мужества и настойчивости, чтобы наложить узду и усмирить своевольныхъ кочевниковъ.

Легкіе казачьи отряды, за послѣдніе десять лѣтъ, глубже и глубже проникали въ самое сердцѣ Тянь-Шаньскихъ горъ, за этими отрядами шли поселенцы и основывали свои колоніи, выбирая мѣста, наиболѣе удобныя для этой цѣли. Теперь, далеко по ту сторону Иссыкъ-Куля, прочно засѣли горныя колоніи, выстроились ряды укрѣпленій, и прижатыя со всѣхъ сторонъ каракиргизы волей и не волею должны были подчиниться пришлой силѣ.

Но это все свершилось очень недавно, и старый духъ нравовъ и обычаевъ каракиргизовъ еще не успѣлъ вывѣтриться и сгладиться, рѣзко отличая ихъ отъ своихъ степныхъ сородичей.

Каракиргизы выбираютъ для своихъ кочевокъ или низменныя терассы горъ или узкія скалистыя, заросшія лѣсомъ лощины; здѣсь они ставятъ свои легкія кибитки, крытыя войлокомъ, устраиваютъ кое какіе загончики для скота, а то и просто пользуются естественными укрытіями, пещерами или чѣмъ нибудь въ томъ же родѣ, дороги къ такимъ кочевьямъ всегда едва замѣтны и трудно проходимы.—Колеесныхъ повозокъ здѣсь не употребляютъ вовсе, а привычныя горныя лошадки, цѣпкія какъ козы, умѣютъ пробираться по самымъ опаснымъ, едва проложеннымъ тропинкамъ.

Одинъ изъ такихъ ауловъ изображенъ на нашемъ рисункѣ, со всею своею незатѣйливою, но въ высшей степени живописною обстановкою.

Пока мужчины охотятся или праздно шляются и рыщутъ по горамъ, женщины занимаются уходомъ зв домашними животными, преимущественно баранами и козами (коровы встрѣчаются рѣдко) заготовляютъ сыръ (крутъ) и айранъ, (закисшее молоко), выдѣлываютъ самыя грубыя шерстяныя ткани и войлоки и нянчатъ своихъ дѣтей. Въ этихъ заботахъ проходитъ у нихъ вся жизнь.

Каракиргизы живутъ небогато, скорѣе даже бѣдно и высказываютъ сильное отвращеніе отъ осѣдлости и земледѣлія, гораздо сильнѣе, чѣмъ степныя номады, научившіеся наконецъ, кое какъ вспахивать землю, сѣять просо и заготовлять на зиму запасы сѣна.

(*) Сѣверцевъ «Изслѣдованія Тіанъ-Шаня».

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ при всѣхъ недостаткахъ горцевъ они обладаютъ и нѣкоторыми достоинствами, свойственными, однако, почти всѣмъ дикарямъ, близко-стоящимъ къ первобытному состоянію. Они гостепріимны, привѣтливы, положительно храбры. и, не смотря на страсть къ легкой наживѣ, по своему довольно честны—каракиргизы, напримѣръ, не украдутъ у васъ ничего, пока вы состоите въ качествѣ гостя въ какомъ нибудь аулѣ, но это не помѣшаетъ имъ ограбить васъ тотчасъ же, едва вы выѣдете изъ района того аула, гдѣ вы нашли себѣ радушный пріемъ и пріютъ.

ный безсознательности, приближаетъ ихъ къ первобытному циклу человѣческихъ вѣрованій, къ обоготворенію природы и ея явленій.

Надо не забывать, что и самая обстановка, эта давящая грандіозность явленій окружающей ихъ природы, много способствуетъ къ усиленію фантазіи дикаря, развитію его воображенія, рисующаго ему явленія природы какъ осмысленное дѣйствіе невидомыхъ духовъ то благо, то зло расположенныхъ къ человѣку.

Костюмомъ своимъ и семейными отношеніями, а также и язы-

Церковь Рождества Богородицы, въ Путинкахъ, въ Москвѣ.
Рис. Иванъ Васильевичъ, грав. Шлитте.

Они любятъ подарки, и охотно размѣниваются съ вами таковыми же—особенно они дорожатъ подарками оружіемъ и боевыми принадлежностями и во всякомъ случаѣ предпочтутъ ихъ чистымъ деньгамъ, къ которымъ каракиргизы относятся хладнокровно съ оттѣнкомъ даже нѣкотораго презрѣнія.

Офиціально каракиргизы признаны магометанами, но на дѣлѣ они также чужды исламу, какъ и христіанству. Циклъ ихъ вѣрованій и обрядности, близокъ къ идолопоклонству, а суевѣріе и страхъ передъ сонмомъ злыхъ духовъ, полкомъ горцы мало отличаются отъ степныхъ номадовъ, только въ складѣ тѣла, въ типѣ и выраженіи лица выработалось больше силы, енергіи и рѣшительности.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь въ горахъ каракиргизы долго еще останутся опасными для насъ соперниками, и полное обладаніе горами и умиротвореніе кочевниковъ, придетъ еще не совсѣмъ въ близкомъ будущемъ.

Н. Каразинъ.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ: Русалка. Драматическія сцены А. С. Пушкина.
Оригин. рис. Васнецова, грав. Куренковъ.

Библиотека "Руниверс"

Церковь Рождества Богородицы, въ Путинкахъ, въ Москвѣ.

Для изслѣдователя нашей отечественной старины Москва служитъ неисчерпаемой сокровищницей, безцѣннымъ музеемъ—гдѣ древніе памятники тѣснятся толпой, живо повѣствуя о минувшихъ временахъ великокняжескаго и царскаго періодовъ.

Старинныя стѣны и башни, терема и ворота, колокольни и храмы сохранились въ изобиліи въ нашей первопрестольной столицѣ, отличаясь древностью постройки, своеобразностью стиля или воспоминаніями и легендами, съ ними связанными. Они обращаютъ на себя вниманіе не только спеціалиста, изучающаго наше старинное зодчество, но и обыкновеннаго зрителя.

Между многими другими древностями Москвы не послѣднее мѣсто занимаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ памятниковъ старины — церковь Рождества Богородицы въ Путинкахъ. Такое названіе она получила отъ урочища, находящагося въ сѣверной части Земляного города. Названіе урочища объясняется различнымъ образомъ: одни производили его отъ слова *путъ*, узъ, прибавляя при томъ, что въ прежнія времена между Деревяннымъ и Бѣлымъ городами былъ широкій оврагъ, куда пускались лошади на подножный кормъ *спутанныя веревками*; другіе полагаютъ, что названіе это произошло отъ слова *паутина*, которая покрывала росшія тамъ черемухи; думали, наконецъ, что оно произошло отъ *путаницы* бывшихъ здѣсь нѣкогда переулковъ. Лучшее объясненіе даетъ по нашему мнѣнію Мартыновъ. Онъ утверждаетъ что названіе это произошло отъ слова *путь*. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи есть даже слово *путинка*—означающее окольныя дороги („Не ѣзди путинкой, а путёмъ"). Такъ какъ церковь Рождества Богородицы находилась на старомъ Посольскомъ Дворѣ, то на немъ на перепутьи останавливались *путники*,—говоритъ г. Мартыновъ, т. е. дорожные люди, путешественники, странники, которые должны были поворачивать къ нему съ Тверской и Смоленской дороги *путинками* т. е. кривыми улицами и закоулками!

О времени основанія этой церкви нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ: ни на стѣнахъ ея, ни на образахъ не сохранилось никакой надписи, изъ которой можно было-бы вывести какое нибудь положительное заключеніе объ этомъ вопросѣ. Устныя преданія возводятъ ея основаніе ко времени, когда установлено было праздновать 8-го сентября Рождество Богородицы, т. е. къ концу XIV-го столѣтія. Въ письменныхъ памятникахъ о ней упоминается не раньше XVI-го столѣтія.

О происхожденіи церкви сложилось слѣдующее сказаніе:

Какая-то княгиня на пути своемъ изъ Дмитрова въ Москву разрѣшилась въ Путинкахъ отъ бремени, и въ память благополучнаго исхода родовъ воздвигнула здѣсь церковь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы и женскій монастырь, который потомъ былъ, по тѣмъ же сказаніямъ, перенесенъ въ Бѣлый городъ въ Трубу. Строитель церкви неизвѣстенъ, равно какъ и позднѣйшіе ея реставраторы послѣ пожаровъ и нашествія поляковъ.

Главный храмъ обставленъ двумя придѣлами, трапезою и палаткою. Разсматривая каждое изъ этихъ зданій отдѣльно не трудно убѣдиться что онѣ построены были въ разныя времена, различными зодчими и подъ вліяніемъ нѣсколькихъ стилей.

Въ стилѣ церкви преобладаетъ русскій элементъ надъ византійскимъ и ломбардскимъ.

Не нарушая усвоеннаго нашей церковью плана, зодчій позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя отступленія въ фасадѣ и деталяхъ. Вмѣсто главъ онъ увѣнчалъ храмъ тремя пирамидальными осмигранными верхами или шпилями, какіе встрѣчаются на церквахъ въ Арменіи или на пагодахъ въ Индіи; вмѣсто обычнаго квадрата, вывелъ узкій прямоугольникъ. (Нужно замѣтить, что подобные церкви теперь уже очень рѣдки въ Москвѣ, осталась только одна на Гончарахъ—церковь Воскресенія Христова). Къ восточной стѣнѣ пристроенъ низменный алтарь, носящій на себѣ слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ. Возносящіеся надъ кровлей три верха увѣнчаны четыреконечными прорѣзными крестами съ полумѣсяцами при подножіи ихъ.

Другой храмъ придѣльный отличается отъ перваго планомъ, фасадомъ и орнаментами, которыя, не смотря на свою мелкость и сложность, сдѣланы такъ отчетливо и прочно, что въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ сохранились въ цѣлости. На двухъэтажномъ квадратномъ зданіи возвышается одна глава съ такимъ же четыреконечнымъ, имѣющимъ подъ собой полумѣсяцъ крестомъ. Между этими двумя церквами изъ средины зданія выступаетъ колокольня; восемь пролетовъ ея открываютъ со всѣхъ сторонъ прекрасный видъ на необозримое пространство Москвы, выше идетъ еще рядъ пролетовъ съ маленькими фронтонами. Всѣ колокола здѣсь новые, кромѣ одного, который представляетъ собою образецъ литейнаго искусства XVII и XVIII вѣковъ. Изъ надписи на немъ видно, что онъ перелитъ 1715 году извѣстнымъ тогда литейщикомъ Иваномъ Маторинымъ изъ прежняго, поврежденнаго во время пожара 1712 года.

Во внутренности храма сохранилось менѣе слѣдовъ древности чѣмъ во внѣшнемъ его видѣ; хотя первоначальная его основа—стѣны и своды—остались, но вездѣ видны слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ и поновленій.

Низменная ея трапеза довольно обширна; своды ея съ желѣзными связями опираются на массивный столбъ занимающій средину. На юго-восточной сторонѣ устроенъ предѣлъ, неизвѣстно только когда; придѣлъ, единственный въ Москвѣ, во имя Св. Великомученика Ѳеодора Тирона, гдѣ иконостасъ, новѣе самыхъ образовъ.

Количество престоловъ, множество образовъ разныхъ временъ, размѣровъ и стилей; наконецъ самое устройство всего зданія—дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ преданіе о существованіи здѣсь нѣкогда монастыря.

Въ эту старинную двойную церковь стекается постоянно много народа молиться передъ чудотворнымъ образомъ Рождества Богородицы о благополучномъ разрѣшеніи отъ родовъ, передъ образомъ Неопалимыя Купины—о сохраненіи домовъ отъ пожара и, наконецъ, передъ образомъ св. Ѳеодора Тирскаго — о избавленіи отъ обидящихъ.

Баг—ій.

Литературный альбомъ. Русалка. Драматическія сцены А. С. Пушкина.

Произведенія нашего безсмертнаго поэта не перестаютъ служить предметомъ вдохновенія нашихъ художниковъ и, понятно, не перестанутъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать на землѣ русская рѣчь.

Въ № 7 «Нивы» 1874 года мы имѣли случай помѣстить оригинальный рисунокъ, изображающій сцену изъ Русалки; сцену, почти приближающуюся къ помѣщенной въ настоящемъ номерѣ «Нивы». Разница въ томъ, что въ прежнемъ рисункѣ изображалось послѣднее прощаніе Наташи съ княземъ, здѣсь же—ея свиданіе съ нимъ.

Мы увѣрены, что наши читатели знакомы съ содержаніемъ Русалки, но все таки вкратцѣ напомнимъ его, зная, что хорошее никогда не лишне и повторить.

Наташа, дочь мельника любима княземъ и сама его любитъ, но князь, увлеченный любовью къ другой, оставляетъ Наташу, наградивъ ее и отца ея подарками. Наташа не перенесла горя и утопилась. Князя мучитъ раскаяніе. Онъ часто бродитъ по берегамъ Днѣпра, въ мѣстахъ прежняго своего счастія съ Наташей, гдѣ теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ ея смерти, уже нѣтъ слѣда ни мельницы, ни другихъ построекъ—все развалилось. Бродя по берегамъ Днѣпра, томимый тоскою князь встрѣчаетъ отца Наташи,—но какая встрѣча! Старикъ отъ горя помѣшался. Далѣе великій поэтъ изображаетъ сцены на днѣ рѣки. Днѣпръ, теремъ русалокъ, и ихъ самихъ и ихъ царицу—Наташу, бывшую дочь мельника. У ней есть маленькая дочь—плодъ любви князя. Наташа поручаетъ ей пойдти на берегъ и звать въ свой теремъ князя, блуждающаго въ тоскѣ по берегу. Великій поэтъ не успѣлъ окончить этого произведенія и послѣдняя его сцена оборвана на первыхъ словахъ князя, удивленнаго появленіемъ предъ нимъ прелестнаго ребенка. Что я вижу, говоритъ онъ—откуда ты, прелестное дитя».

Но несмотря на незаконченность этого произведенія, оно въ высшей степени художественно во всѣхъ своихъ частностяхъ и въ томъ общемъ, которое успѣло вылиться изъ-подъ пера безсмертнаго нашего Пушкина.

Здѣсь необходимо сказать, что нашъ даровитый и тоже уже умершій теперь композиторъ Даргомыжскій взялъ тэму этого произведенія для своей оперы «Русалка», въ либретто которой сохранилъ много стиховъ поэта. Но не въ этомъ сохраненіи стиховъ поэта заслуга композитора, а въ прекрасной музыкѣ оперы.

Прелестей ея уже не передать словами. Искренно совѣтуемъ всѣмъ послушать прелестную, изящную музыку Даргомыжскаго.

Сцена, изображенная на нашемъ рисункѣ, представляетъ тотъ моментъ, когда князь пріѣзжаетъ въ гости къ дочери мельника. Она говоритъ ему:

Ахъ, наконецъ, ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня...
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
И любишь все по прежнему меня,
Не правда-ли?

(Соч. Пушкина. Т. III, стр. 422. Изд. 1859 г.).

Библиотека "Руниверс"

Прежній Петербургъ.

Положеніе Петербурга въ отдаленномъ Сѣверо-Западномъ углу обширной Русской Имперіи, вдали отъ второстепенныхъ административныхъ центровъ, въ мѣстности, отличающейся неплодородною почвою, плохимъ климатомъ, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь именно впадаетъ въ Балтійское море стокъ обширной рѣчной и озерной системы—рѣка Нева, которая, будучи связана тремя водными путями съ обширнѣйшею въ Россіи рѣчною областью Волги, служитъ для этой послѣдней единственнымъ выходомъ къ морю, не замкнутому со всѣхъ сторонъ, подобно Каспійскому и не затертому льдами, подобно Бѣлому морю.

Благодаря этимъ гидрографическимъ особенностямъ, С.-Петербургъ представляетъ какъ-бы морское устье для Волги, „главной водной артеріи всего государства". Только этимъ значеніемъ мѣстности С.-Петербурга и можно объяснить, что столица Россійской Имперіи, сдѣлавшейся великою послѣ того, какъ она проложила путь къ морю, могла возникнуть именно здѣсь (почти подъ 60° сѣв. шир.), въ климатическихъ условіяхъ, самыхъ неблагопріятныхъ для развитія, но и достигнуть до такихъ громадныхъ размѣровъ, которые упрочили ей одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду главныхъ городовъ цѣлой Европы. Но это развитіе нашей столицы, доведеніе ея до такого положенія, совершилось не вдругъ, но постепенно, путемъ многихъ невѣроятныхъ усилій и жертвъ. Чтобы понять это, стоитъ только развернуть страницы исторіи этого города, его основанія и дальнѣйшаго развитія. Для этого мы должны перенестись мыслью за сто семьдесятъ лѣтъ назадъ.

Берега Невы представляли тогда голую, безлюдную мѣстность, покрытую болотами и тундрами, поросшими кустарникомъ. Холодный и гнилой воздухъ господствовалъ на всемъ невскомъ прибрежьѣ; вся мѣстность на большомъ протяженіи, будучи крайне неплодородной, представлялась въ самомъ печальномъ заброшенномъ видѣ. Къ довершенію всего этого — наводненія были до того часты, что финскія племена, населявшія берега Невы не строили себѣ домовъ, а ограничивались небольшими рыбачьими хижинами. „Какъ только, по примѣтамъ, ожидалась сильная буря, крестьяне ломали хижины, бревна и доски складывали въ видѣ плотовъ и привязывали ихъ къ деревьямъ, а сами спасались на Дудерову гору, находившуюся въ 6 миляхъ отъ ихъ жилищъ" *). При такихъ условіяхъ, казалось, въ этой мѣстности не было мѣста для человѣка; ничто не могло привлечь его къ столь негостепріимнымъ берегамъ. Никому, даже человѣку съ смѣлымъ воображеніемъ, не приходило въ голову, что на этомъ мѣстѣ можетъ возникнуть городъ, который сдѣлается столицею Россійской Имперіи. Здѣсь было царство дикихъ звѣрей. Медвѣди, волки, лисицы, рыси и проч. водились во множествѣ. Голодные волки зимою ходили иногда цѣлыми огромными стаями, никому недавая пощады. Чтобы составить себѣ понятіе — до какой степени ихъ было много и до какой дерзости доходили эти хищныя животныя, достаточно сказать, что даже спустя немало времени по основаніи Петербурга волки нападали на жителей на городскихъ улицахъ. Такъ въ 1714 г. волки напали на часового у Литейнаго моста. Около того-же времени, одна женщина, среди бѣлаго дня, была задѣпа волками недалеко отъ дому князя Меньшикова (гдѣ теперь Павловское военное училище, на Васильевскомъ острову **). Такихъ случаевъ было много ***).

Съ другой стороны—С.-Петербургская мѣстность представляла такое же богатство разной дичи. Тетерева, рябчики, кулики, дикія утки и проч. водились въ такомъ изобиліи, что пара тетеревовъ стоила 8 коп.; столько же стоила и другая дичь.

Обращаясь къ исторіи города, мы видимъ, что вся мѣстность, на которой стоитъ теперь Петербургъ, все прибрежье Невы, начиная отъ истока и кончая устьемъ, съ давнихъ поръ принадлежала Великому Новгороду подъ именемъ „Водской Пятины" ****) и затѣмъ по Столбовскому договору была уступлена Швеціи, обратившись въ шведскую провинцію. Здѣсь поселились ингерманландцы и корелы—народъ сильный, неутомимый, способный перенесть все на свѣтѣ. „Они занимались большею частью рыбной ловлей; одѣвались въ лапти, плохіе кафтаны изъ домашняго сукна изъ грубой шерсти, жили въ домахъ построенныхъ по русскому образцу изъ бревенъ". Въ этихъ хижинахъ помѣщались вмѣстѣ съ людьми и домашнія животныя; „въ нихъ же производились всѣ домашнія работы—отъ мытья бѣлья до варки и жаренья рыбы и прочей пищи. Что же удивительнаго, что по словамъ путешественниковъ-очевидцевъ въ подобныхъ комнатахъ за грязью и дымомъ ничего не было видно даже въ нѣсколькихъ шагахъ. Такова незавидная жизнь первобытныхъ поселенцевъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышаются великолѣпнѣйшіе дворцы *****).

За нѣсколько лѣтъ до основанія Петербурга мѣстность представляла слѣдующій видъ: на правомъ берегу Невы, отъ Лахты до Охты разсѣяно было нѣсколько финскихъ деревень; на самой Охтѣ, около корабельной верфи, была небольшая шведская крѣпость Ніеншанцъ. На другомъ берегу Невы, немного ниже теперешняго „Смольнаго", находилось русское село Спасское съ церковью. По р. Фонтанкѣ, между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами, расположилось селеніе Усадинъ; по той же рѣкѣ, около Калинкина моста, была деревня Каллина, которая и дала названіе этому мосту. Сверхъ того было нѣсколько отдѣльныхъ хижинъ расположенныхъ на Выборгской, Петербургской и Васильевскомъ островѣ. Вотъ каковъ былъ Петербургъ до того времени, когда Петръ Великій, увлекшись желаніемъ, во что-бы то ни стало, ввести русскихъ въ Европейскую семью, 1-го Мая 1703 г. взялъ крѣпость Ніеншанцъ и затѣмъ 16 Мая въ день Св. Троицы, послѣ многихъ соображеній, заложилъ крѣпость на другомъ мѣстѣ, ближе къ морю и назвалъ ее „С.-Петербургомъ" (нынѣ Петропавловская крѣпость). Скорость постройки крѣпости была такъ велика, что 29 Іюня, день окончанія, былъ отпразднованъ въ казармахъ, построенныхъ въ бастіонѣ генералъ-губернатора, князя Меньшикова. Немудрено, что эта быстрота изумляла всѣхъ иноземцевъ. Но сколько жертвъ стоило сооруженіе этой крѣпости. Тысячи рабочихъ умирали отъ дурныхъ санитарныхъ условій, отъ сырости, холода, недостатка припасовъ, подвозъ которыхъ часто прекращался, благодаря бурямъ, свирѣпствовавшимъ на Ладожскомъ озерѣ. Современники утверждаютъ, что постройка крѣпости стоила 100 тысячъ переселенцевъ. Но Петръ, какъ извѣстно, не останавливался предъ гибелью единичныхъ жертвъ: для блага отечества онъ готовъ былъ пожертвовать собственною жизнью: „А о Петрѣ вѣдайте, писалъ онъ самъ, что ему жизнь не дорога, жилабы только Россія во славѣ и благоденствіи". Спустя годъ, 1-го Апрѣля 1704 г., была освящена небольшая церковь и названа Петропавловскою.

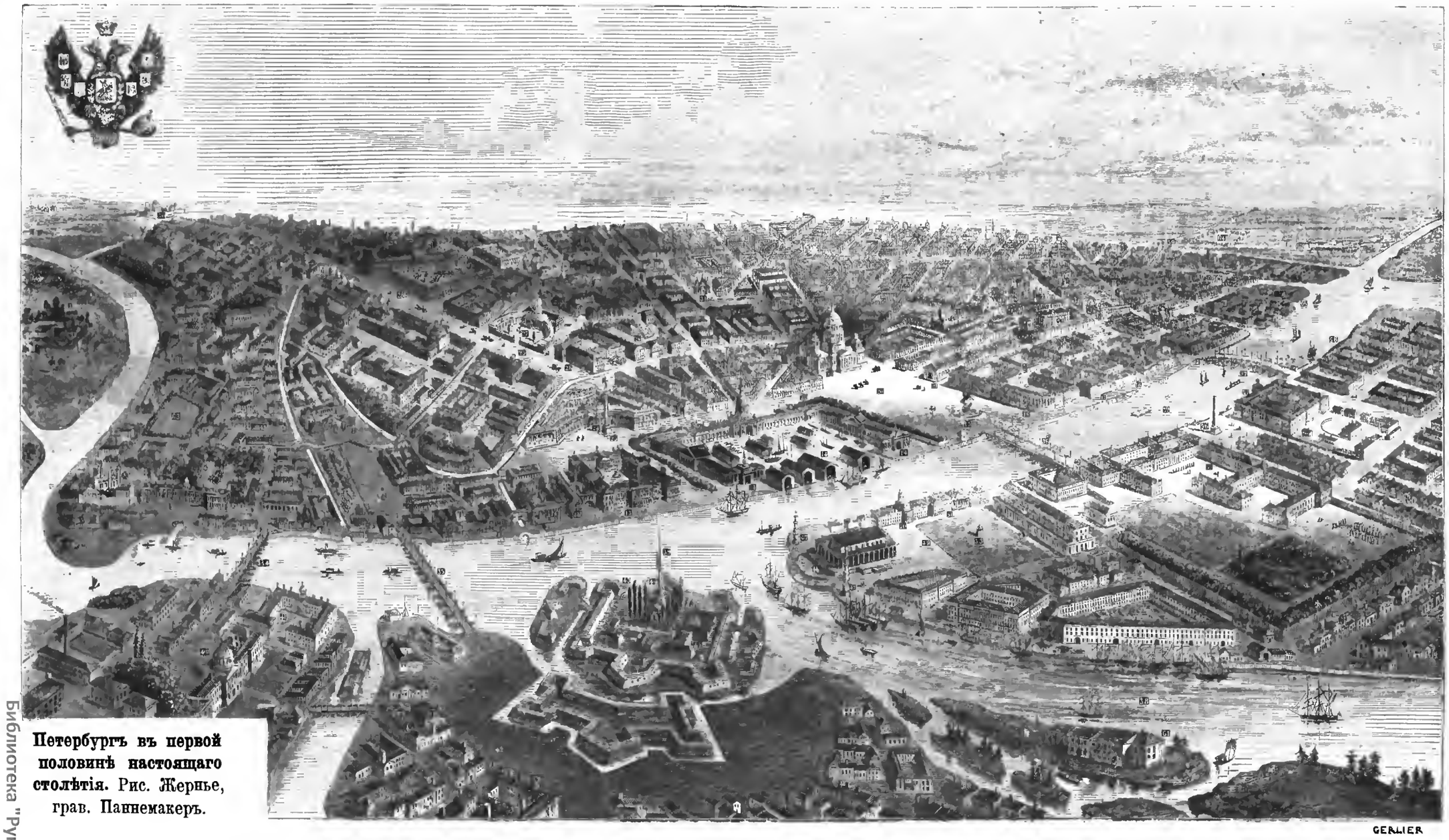
Такимъ образомъ основаніе Петербурга было положено на Петербургской сторонѣ. Прежде всего начала застраиваться мѣстность, лежащая по берегу Большой Невы, по направленію къ Б. Невкѣ. Первыми зданіями были—домикъ Петра Великаго и домъ князя Меньшикова. Первый былъ построенъ, какъ извѣстно, сардамскими плотниками, по образцу домовъ, въ которыхъ жили рабочіе въ Сардамѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ комнатъ; изъ первой сдѣлана молельня, а другая осталась въ томъ же видѣ, въ какомъ была и при Петрѣ, со всѣми уцѣлѣвшими вещами, шкафами, коммодами, стульями—изъ дубоваго дерева. Въ настоящее время надъ этимъ домикомъ сдѣланъ красивый каменный навѣсъ и разведенъ небольшой садъ на берегу Невы, украшенный красивой бесѣдкой. Домъ Меньшикова находился вправо отъ дворца, гдѣ теперь живутъ церковные служители Петропавловскаго собора. По Большой Дворянской были построены дома: Брюса, Головкина (одно изъ первыхъ каменныхъ зданій), Шафирова, Сибирскаго губернатора князя Гагарина и друг., на той же улицѣ помѣщались и шалаши рабочихъ. Близь моста, который ведетъ теперь, какъ и тогда, отъ Троицкой площади въ Петропавловскую крѣпость, была построена первая „австерія" (нѣчто въ родѣ кабака или ресторана), въ которой продавались: вино, карты, пиво, водка и проч. Въ эту австерію Петръ иногда самъ заходилъ послѣ обѣдни выпить рюмку водки, вмѣстѣ съ корабельными мастерами и шкиперами.

Центромъ жизни тогдашняго Петербурга была Троицкая площадь, на которой какъ и теперь помѣщалась церковь Св. Троицы; неподалеку, ближе крѣпости, находился гостинный дворъ, построенный Петромъ, состоявшій изъ цѣлаго ряда деревянныхъ лавокъ, въ которомъ сосредоточивалась вся торговля новой столицы. Этотъ гостинный дворъ сгорѣлъ, а на его мѣсто былъ выстроенъ новый — довольно обширное зданіе съ пустымъ дворомъ внутри. Зданіе принадлежало царю и купцы должны были вносить извѣстную плату въ царскую казну. Въ 1713 г. на мѣстѣ Сытинской площади были выстроены два ряда лавокъ, въ которыхъ продавали пироги, разныя закуски, а также лапти, веревки и проч. необходимые для простаго народа предметы. Тутъ кипѣла жизнь чернаго народа и происходила страшная давка. „Чтобы сохранить въ цѣлости копельки, пшаги и даже парики, нужно было проходя по этой площади, носить ихъ въ рукахъ". Эта толкучка, грязь, отсутствіе приспособленій для сколько нибудь сносной въ санитарномъ отношеніи жизни простого народа, развили среди ихъ разныя болѣзни—цингу, поносъ, чахотку и проч. Люди умирали въ огромномъ количествѣ. Таковъ былъ Петербургъ въ началѣ его существованія. Пути сообщенія были такъ плохи, что къ Петербургу вела только одна дорога, и содержали ее такъ плохо, что осенью и весной встрѣчались на ней десятками дохлыя лошади, павшія въ упряжи между трясинами.

Петръ, одушевленный великой идеей, не замѣчалъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя ожидали здѣсь переселенца: гнилой и сырой воздухъ, скудость и непроизводительность почвы. Онъ глядѣлъ въ будущее и жилъ въ немъ. Ему было тепло и отрадно въ этомъ невеселомъ уголкѣ; самыя болота казались ему раемъ. Вотъ что онъ писалъ своему другу, князю

*) Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
**) Петербургъ при Петрѣ Великомъ.
***) Петербургская старина Пекарскаго. (Современн. т. 81, 82 и 83).
****) Исторія царствованія Петра Великаго Н. Устрялова т. 4, стр. 24.
*****) Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Библиотека "Руниверс"



Петербургъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Рис. Жернье, грав. Паннемакеръ.

1) Охта.
2) Смольный институтъ.
3) Таврическій дворецъ.
4) Гагаринская набережная.
5) Лѣтній садъ.
6) Марсово поле (царицынъ лугъ).
7) Инженерный замокъ (дворецъ Павла Петровича).
8) Михайловскій дворецъ (Екатерины Михайловны).
9) Памятникъ Суворову (на Суворовской площади).
10) 11) 12) Дома частныхъ владѣльцевъ и дворцы В. Князей (на Дворцовой набережной).
13) Зимній дворецъ.
14) Адмиралтейство.
15) Памятникъ Петру Великому.
16) Сенатъ.
17) 18) Дома частныхъ владѣльцевъ (на Англійской набережной).
19) Доки для постройки военныхъ кораблей.
20) Сенатская площадь.
21) Конногвардейская улица (бульваръ).
22) Исаакіевскій соборъ.
23) Военное министерство.
24) Генеральный штабъ.
25) Колонна Александра Благословеннаго.
26) Невскій проспектъ.
27) Казанскій соборъ.
28) Гостинный дворъ.
29) Аничкинъ дворецъ Государя Наслѣдника.
30) Александро-Невская Лавра.
31) Сѣнная площадь.
32) Церковь Николая Чудотворца.
33) Конногвардейская казармы.
34) Литейный (Воскресенскій) мостъ.
35) Троицкій (С.-Петербургскій) мостъ
36) Исаакіевскій мостъ (перенесенный теперь къ Зимнему дворцу).
37) Николаевскій мостъ.
38) Малая Нева.
39) Большая Нева.
40) Императорская Медико-Хирургическая Академія.
41) Академическія клиники (Николаевскій военный Сухопутный госпиталь).
42) Александровскій паркъ.
43) 44) 45) Петропавловская крѣпость.
46) Биржа.
47) Мяки (2 колонны).
48) Таможня.
49) Таможенный дворъ.
50) Академія наукъ.
51) Тоже.
52) Университетъ.
53) Садъ таможни.
55) Павловское военное училище (бывшій домъ князя Меньшикова).
56) Памятникъ Румянцеву.
57) Академія Художествъ.
58) Горный институтъ.
59) Нарвскія тріумфальныя ворота (нарвская застава).
60) Складъ таможенный.
61) Пеньковый бунтъ.

Библиотека "Руниверс"

Молодая египтянка, картина Вернэ Лекона, грав. Жоннаръ.

Библиотека "Руниверс"

Меньшикову: „не могу не писать вамъ изъ здѣшняго парадиза: истинно, что въ раю здѣсь живемъ". Но далеко не всѣ раздѣляли эти очарованія великаго царя. „Сестра царя, царевна Марія Алексіевна", напр., часто говаривала его сыну Алексѣю: „Пятербурхъ не устоитъ за нами; быть ему пусту; многіе о томъ говорятъ" *). Точно также относились къ этому и другіе. Никто не ѣхалъ изъ внутренней Россіи въ Новую столицу. Петръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ силѣ. Указъ слѣдовалъ за указомъ, которыми вызывались люди разныхъ сословій, рабочіе, ремесленники, купцы, дворяне, которые, въ особенности послѣдніе съ неохотою покидали свои дома и тащились въ далекій негостепріимный край, къ берегамъ Финскаго залива. Вотъ что по этому поводу говоритъ одинъ изъ современниковъ, Веберъ. „Зимою 1716 г. прибыло въ Петербургъ до 200 дворянскихъ семействъ, высланныхъ на жительство во исполненіе царскихъ указовъ и, разумѣется, съ великой неохотой оставившихъ свои насиженныя гнѣзда въ провинціи. Дворяне жаловались, что при переселеніи лишили ихъ ²/₃ состоянія. Ихъ потомъ и кровью, ихъ трудами и костьми удобрена почва, на которой возвысился Петербургъ". Эти переселенія продолжались только до 1720 г. Около этого времени пріостановилась высылка купцовъ и мастеровыхъ; сверхъ того постояннымъ жителямъ столицы позволялось уѣзжать въ деревни по дѣламъ и не долѣе какъ на 5 мѣсяцевъ и непначе, какъ по запискамъ сената.

Петербургъ постепенно сталъ расширяться и съ той стороны перешелъ на эту, гдѣ въ настоящее время расположена лучшая часть города. Тогда эта величественная часть города представляла еще пустырь, поросшій лѣсомъ, на которомъ, кое гдѣ стали воздвигаться разныя постройки. На этой сторонѣ находилось только адмиралтейство и дома служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ. На мѣстѣ нынѣшняго царицына луга стояли войска лагеремъ. У истока Фонтанки раскинулись 3 деревни. Эта часть города стала застраиваться когда переведенъ былъ сюда Сенатъ. Около 1713 г. на берегу Невы, близъ Фонтанки, былъ построенъ лѣтній дворецъ Петра, который и сохранился до сихъ поръ (въ лѣтнемъ саду). „Въ Петровскія времена въ лѣтній садъ собирался весь дворъ; сюда же могли приходить всѣ, исключая носившихъ сѣрый армякъ, а также бороду". На мѣстѣ нынѣшняго дворца Елены Павловны былъ дворецъ царицы Екатерины Алексіевны. По берегу, къ адмиралтейству былъ расположенъ рядъ зданій; между прочимъ почтовый домъ, въ которомъ останавливались пріѣзжіе до пріисканія квартиры и въ которомъ Петръ давалъ свои асамблеи. На мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца были дома частныхъ владѣльцевъ: графа Апраксина, Ягужинскаго, Крейса и проч. Между нынѣшнимъ памятникомъ Петра и Адмиралтействомъ находилась небольшая церковь Исаакія Далматскаго. Самая величественная и роскошная теперь улица—Невскій проспектъ, былъ ничто иное, какъ длинная, терявшаяся въ отдаленіи алея вымощенная камнемъ и съ обѣихъ сторонъ обсаженная деревьями. Въ мѣстности полицейскаго моста производилась торговля въ шалашахъ. Тутъ же недалеко, противъ дома корабельнаго мастера Крейца (теперь Елисѣева) былъ гостинный дворъ, сгорѣвшій въ 1836 г., а позади его были мясные и рыбные ряды. Въ мѣстности отъ набережной Мойки къ дворцовой площади заключалась финская слобода, въ которой жили Финны и Шведы. Передъ Адмиралтействомъ, по направленію къ Исаакіевской площади, находились бѣдныя слободы Пушкарская, Большая и Малая Морская, въ которыхъ жили главнымъ образомъ служившіе во флотѣ. Въ 1736 г. онѣ выгорѣли и мѣстность стала застраиваться каменными домами. Самое лучшее зданіе, не исключая и дворца—былъ домъ князя Меньшикова на Васильевскомъ острову (нынѣ Павлов. училище) и затѣмъ домъ его дворецкаго Ѳедора Соловьева. Садъ, окружавшій дома, былъ обширенъ и спускался къ самому взморью; а оранжереи, теплицы были самыя лучшія въ Россіи.

Позднѣйшія постройки и расширеніе города послѣ Петра шло медленно. Тѣ зданія, которыя украшаютъ теперь столицу,—позднѣйшаго происхожденія и относятся къ послѣднему 50-тилѣтію. Общественной жизни почти не существовало и вся она сосредоточивалась около царя и его приближенныхъ. Теперь Петербургъ, конечно, не то, что представлялъ прежде. Независимо отъ его внѣшнихъ качествъ, его величественности и роскоши, его не избѣгаютъ, какъ прежде, а стремятся теперь всѣ, какъ къ центру умственной и общественной жизни. Помѣщаемый въ этомъ № Нивы общій видъ Петербурга относится къ первой половинѣ настоящаго столѣтія. И въ теченіи этого сравнительно недолгаго времени въ планѣ и постройкахъ Петербурга произошло тоже немало перемѣнъ, такъ, напримѣръ: на Адмиралтейской и Сенатской площадяхъ въ послѣднее время разведенъ роскошный садъ, въ которомъ строится великолѣпный фонтанъ и будетъ готовъ къ будущей осени; застроенная и загороженная набережная р. Невы, противъ Адмиралтейства, обдѣлана гранитомъ и сдѣлалась такимъ образомъ одной изъ лучшихъ набережныхъ, подобно Дворцовой и Англійской. Послѣ постройки каменнаго Николаевскаго моста, такъ называемый Исаакіевскій мостъ перенесенъ къ Зимнему дворцу; дворцовая набережная въ послѣднее время украсилась дворцами и превосходными частными зданіями. На мѣсто Литейнаго деревяннаго моста воздвигается новый каменный, на постройку котораго ассигновано до 3½ мил. рублей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сооруженъ памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ близъ Александринскаго театра, на Александринской площади, и обнесенъ скверомъ.

Вообще въ послѣднія 20 лѣтъ сѣверная столица обогатилась прекрасными многочисленными постройками и скверами, изъ году въ годъ сооружаемыми въ виду улучшенія санитарныхъ условій города.

Б—овъ.

Молодая египтянка.

(Картина Вернэ Леконта).

Рисунокъ этотъ—снимокъ съ картины извѣстнаго французскаго живописца Вернэ Леконта, который назвалъ созданную имъ смуглянку-красавицу «дочерью Клеопатры», т. е. дочерью той страны, гдѣ когда-то родилась и жила великолѣпная царица Клеопатра. Леконтъ хотѣлъ создать на полотнѣ типъ женской красоты въ Египтѣ, доказать, почему Антоній у ногъ египетской царицы *могъ* забыть весь міръ и такъ безславно погибнуть. По правдѣ сказать, въ Египтѣ мало красивыхъ женщинъ, но ужь если встрѣтится красавица—такъ ужь такая, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, а кистью—можно, что и доказалъ Вернэ Леконтъ. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ эту дочь Клеопатры: какой роскошный станъ, какія прекрасныя руки, а эта граціозная, темная головка и большіе черные глаза! Тутъ невольно запоешь или продекламируешь такіе, напр., стихи:

Нѣтъ у нея безплотныхъ крылій,
Чтобъ отдѣлиться отъ людей;
Она—сіянье розъ и лилій,
Цвѣтущихъ для земныхъ очей.
Она манитъ во храмъ чудесный,
Но этотъ храмъ не свѣтлый рай...
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!

Щ—въ.

Антологическія стихотворенія.

I.

Изъ ночи въ ночь на небесахъ
Однѣ и тѣ-же звѣзды блещутъ,
Изъ ночи въ ночь онѣ трепещутъ
Въ своихъ безчисленныхъ лучахъ.
Не ясенъ свѣтъ ихъ... но порою,
Когда падучею звѣздою
Скользнетъ по мракѣ метеоръ —
На мигъ несъ дивный, звѣздный хоръ
Блеснетъ красою неземною.

II.

Наединѣ съ безмолвной ночью
Къ тебѣ я шлю мои мечты,
И каждый разъ по ихъ призыву
Приходишь ты.
И каждый разъ я, счастья полный,
Спѣшу припасть къ твоимъ ногамъ,
Слова любви шепчу и волю
Даю слезамъ.
И плачу я, пока разсвѣтомъ
Не озарится небосклонъ,
И не придетъ тебѣ на смѣну
Тяжелый сонъ.

Л—въ.

*) Петербургъ при Петрѣ Великомъ

Библиотека "Руниверс"

Остатки древнѣйшей вавилонско-ассирійской литературы.

Д-ръ Германъ Деличъ перевелъ съ англійскаго книгу Георга Смита „*Халдейскій генезисъ. Клинообразный текстъ, повѣствующій о міросозданіи, грѣхопаденіи, столпотвореніи вавилонскомъ и о Нимродѣ, съ прибавленіемъ разсказовъ и отрывковъ изъ древнѣйшей вавилонско-ассирійской литературы*“. Къ этой книгѣ докторъ Фридр. Деличъ, изслѣдователь древностей, издалъ комментарій и сообщилъ результаты собственныхъ своихъ ученыхъ изслѣдованій. Книга эта снабжена 27 рисунками. О томъ значеніи, какое имѣютъ сообщаемыя имъ изслѣдованія, авторъ говоритъ слѣдующее: — „Памятники, открытые и открываемые ассиріологами, разсѣваютъ мракъ, окутывавшій до сихъ поръ древнѣйшую исторію передней Азіи; они проводятъ связующія нити въ исторіи культуры, литературы, языковѣдѣнія и религіи, дополняютъ древнѣйшій *дневникъ человѣчества*, представляя намъ невѣдомыя до сихъ поръ страницы его. Но и кромѣ обще-историческаго интереса, съ этими памятниками связывается другой, болѣе живой интересъ. Халдея—колыбель израильскаго народа, отчизна предковъ его; въ Халдеѣ—корни этой народности и религіи, связанной съ нею, слѣдовательно, тамъ зерно христіанства. Надписи, разбираемыя въ этомъ сочиненіи, относятся къ весьма отдаленному времени, къ эпохѣ, можетъ быть, *первыхъ* израильтянъ. Надѣюсь, что и этого достаточно, чтобы обратить вниманіе всякаго образованнаго человѣка на эти надписи, такъ краснорѣчиво говорящія сами за себя“.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ содержанію вышеозначенной книги, представимъ краткій очеркъ исторіи открытія этихъ важныхъ памятниковъ, въ дополненіе къ тому, что уже сказано нами въ № 47 „Нивы“ 1876 г., въ статьѣ: „О чемъ повѣствуютъ развалины Ассиріи и Вавилона“.

Уже въ началѣ XVII вѣка путешественники по Азіи сообщали о странныхъ надписяхъ, видѣнныхъ ими на обломкахъ, въ развалинахъ Персеполя и въ другихъ мѣстностяхъ. Пытались разбирать снимки съ этихъ надписей, но въ теченіи двухъ столѣтій невѣдомыя буквы и слова оставались мертвыми, пока, наконецъ, въ 1802 г., гановерцу Гратефенду не удалось путемъ отважныхъ и остроумныхъ комбинацій (сопоставленій) разобрать первый клинообразный текстъ. Георгъ Гратефендъ доказалъ также, что эти надписи слѣдуетъ читать слѣва. На такомъ блестящемъ открытіи, какъ на надежномъ фундаментѣ, основывались всѣ дальнѣйшія изысканія, изслѣдованія, расширявшіяся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, добытыхъ на востокѣ. Важную услугу оказала въ данномъ случаѣ счастливая находка Генри Роулинсона—„Бегистунская надпись“ (см. № 47 „Нивы„ 1876 г.). Такъ какъ одновременно съ разборомъ Бегистунской надписи шло основательное изученіе и самаго языка (Оппертъ, Шпигель и др.), то древне-персидскій языкъ уже много лѣтъ тому назадъ могъ быть включенъ въ большой кругъ индогерманскихъ языковъ.

Раскопки въ Мессопотамской землѣ начались не такъ давно. Вавилонъ—имя города, знакомое намъ съ дѣтства. Тамъ было „столпотвореніе“, тамъ произошло смѣшеніе языковъ; на рѣкахъ вавилонскихъ „тамо сѣдохомъ и плакохомъ...“ Да, на тѣхъ берегахъ сидѣли іудейскіе изгнанники и плакали, вспоминая о Сіонѣ. Что существуютъ развалины великолѣпнаго града Навуходоносора—это знали и прежде, но городъ этотъ открытъ только въ началѣ текущаго столѣтія англичаниномъ Ричемъ, который производилъ тамъ раскопки просто изъ любознательности, не составивъ даже опредѣленнаго плана для своихъ работъ. Что касается Ниневіи, то на географическихъ картахъ вовсе не указывалось мѣстонахожденіе этого города, и тутъ Ричъ первый открылъ (въ 1820 г.) въ грудахъ щебня, на лѣвомъ берегу р. Тигра, противъ Мозула, слѣды знаменитой ассирійской столицы. Камни, фигуры и др. остатки Ниневіи наполняютъ теперь европейскіе музеи; въ одномъ британскомъ пять залъ заняты этими древностями. Тамъ вы видите колоссальныхъ быковъ съ человѣческими головами (физіономіи эти такія серьезныя, украшенныя бородами) и множество другихъ скульптурныхъ произведеній удивительной отдѣлки. Созерцая рельефныя изображенія осады, сраженій, шествія плѣнныхъ, охоты на львовъ и т. п. событія, вы невольно переноситесь въ отдаленнѣйшія времена, когда вся эта сѣдая ассирійская старина имѣла живой колоритъ. Въ стеклянныхъ шкафахъ хранятся теперь исписанные кирпичи, остатки подножій троновъ, гробы, оружіе, вѣсы, сосуды, различные предметы роскопки и, наконецъ, что всего важнѣе и драгоцѣннѣе—библіотека Сарданапала. Слава перваго піонера въ Мессопотамской землѣ и честь извлеченія перваго дворца съ его сокровищами изъ нѣдръ земли—принадлежитъ французу Эмилю Ботта. Богатая добыча, откопанная имъ въ 1843—1845 гг., была отправлена въ Парижъ для помѣщенія въ Луврѣ. Въ 1847 г. на мѣсто раскопки поѣхалъ англичанинъ Лэйардъ, который и открылъ четыре большихъ дворца: дворецъ Салманассара I, Ассарназирпала библейскаго Тиглатинлезара и Азаргаддона (этотъ послѣдній одинъ изъ величайшихъ открытыхъ нынѣ дворцовъ).

Имя Лэйарда будетъ занимать всегда почетное мѣсто въ ряду именъ тѣхъ, которые трудились надъ раскопками ассирійскихъ древностей. Достойнымъ преемникомъ его въ настоящее время является Георгъ Смитъ. Окончивъ труды свои по исторіи Ассурбанапала, издавъ монографію „Завоеваніе Вавилона Эламитами (2280 г. до Р. Х.) и „Ассирійскій календарь“. Смитъ въ 1873 г. оставилъ Англію и отправился на дальній востокъ съ единственною цѣлью — отыскать новыя сокровища въ классической землѣ Мессопотаміи. Послѣ шестинедѣльной ѣзды, онъ прибылъ черезъ Алеппо и покрытый снѣгомъ горный кряжъ Карадачъ—къ тѣмъ таинственнымъ холмахъ, къ которымъ такъ давно уже стремился. Но приступить къ раскопкамъ оказалось вовсе не такъ легко, какъ полагалъ Смитъ. Дѣло въ томъ, что паспортъ его нашли *не надлежащимъ*, неудовлетворительнымъ, а потому мѣстный паша запретилъ Смиту даже поглядѣть на эти холмы изъ мусора и щебня. Дѣлать нечего, и вотъ ученый путешественникъ изъ Мозула поплылъ на паромѣ внизъ по Тигру въ Багдадъ и между прочимъ посѣтилъ развалины Вавилона. Тутъ съ грустью увидѣлъ онъ, какъ исчезаютъ немногу остатки древняго города, благодаря невѣжеству туземцевъ, которые смотрятъ на эти руины, какъ на собственный свой *кирпичный заводъ*, и ведутъ правильную торговлю классическими кирпичами. Занявшись здѣсь кое-какими изслѣдованіями и заручившись „надлежащимъ видомъ“, Смитъ поспѣшилъ обратно въ Ниневію, мимоѣздомъ осмотрѣлъ Эрвиль (Арбелла), гдѣ Александръ разбилъ Дарія, и, прибывъ на мѣсто, началъ раскопки близъ храма Набо, насупротивъ Мозула. Тутъ прежде былъ, какъ оказалось, хлѣбный амбаръ; въ грудѣ мусора была проведена глубокая ямольня, которую и нашли наполненную сгнившимъ отъ времени житомъ. Въ южной и восточной частяхъ этого холма наткнулись при рытьѣ на гробы разнообразной формы; въ этихъ гробахъ обрѣли много жемчуга, колецъ, разныхъ украшеній (иныя изъ нихъ относятся къ эпохѣ Александра Македонскаго) и др. мелкихъ предметовъ. 15-е Мая ознаменовалось счастливой находкой: среди всякаго хлама во дворцѣ Сенахериба вдругъ попался желанный отрывокъ, содержащій именно тѣ 15 строкъ, которыхъ не доставало въ халдейскомъ повѣствованіи о всемірномъ потопѣ. Смитъ отрылъ еще таблицы съ текстомъ и, кромѣ того, извлекъ изъ мусора великолѣпный хрустальный тронъ, или скорѣе — части этого трона, разбитаго въ куски. Къ великому сожалѣнію и, пожалуй, досадѣ усерднаго раскопщика, онъ долженъ былъ оставить разрытые холмы: его вызвали домой. Много труда стоило Смиту убѣдить турецкое начальство, выдать ему отрытыя имъ сокровища и дозволить увезти этотъ драгоцѣнный хламъ въ Англію. Такъ прошелъ 1873 г., но уже 1-го Января 1874 г. Смитъ снова былъ въ Мозулѣ. На этотъ разъ Британскій музей отправилъ его туда, вручивъ ему субсидію въ размѣрѣ 1000 ф. ст. Разныя непріятности съ турецкимъ начальствомъ заставили Смита ограничиться раскопкою только одного холма—Куюндумкскаго, причемъ, изслѣдуя библіотеку Сеннахериба (Лэйардъ не успѣлъ разобрать и половины ея), онъ сдѣлалъ много важныхъ открытій. Здѣсь Смитъ нашелъ слишкомъ 8000 остатковъ отъ письменныхъ таблицъ, которыя, судя по положенію и качеству ихъ, хранились въ первомъ этажѣ дворца, откуда и свалились. Таблицы эти доставили Смиту отчасти матеріалъ при составленіи его книги и, кромѣ того, послужили новымъ доказательствомъ того, что еще до появленія вавилонянъ и ассирійцевъ въ Мессопотаміи—здѣсь жилъ замѣчательный народъ, о которомъ упоминается въ Библіи. По имени города Аккада и народъ этотъ назывался *аккадійскимъ*.

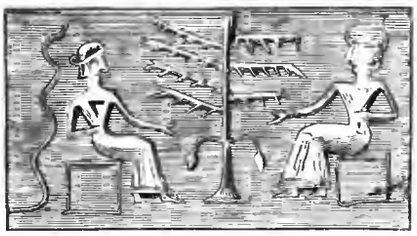
Блестящимъ успѣхамъ сравнительнаго языковѣдѣнія мы обязаны тѣмъ, что для насъ, такъ сказать, воскресъ давно исчезнувшій съ лица земли цивилизованный народъ, свѣдѣнія о которомъ находятся въ уцѣлѣвшемъ клинообразномъ текстѣ.

Юлій Оппертъ былъ сначала изумленъ, усмотрѣвъ нѣкоторыя уклоненія въ клинообразномъ письмѣ, но потомъ узналъ, что знаки этого письма употреблялись *двояко* (фонетически или звукоподражательно, какъ слоги, и идеографически, какъ образные знаки), а дальнѣйшія изслѣдованія его обнаружили, что въ клинообразныхъ текстахъ филологамъ приходится имѣть дѣло съ двумя языками, принадлежащими къ двумъ совершенно различнымъ группамъ: одинъ изъ нихъ, болѣе древній, языкъ *не семитическій*, а другой позднѣйшій, *семитическій*.

Къ самымъ важнымъ и интереснымъ открытіямъ Смита принадлежитъ найденная имъ *Халдейская Книга Бытія*. Въ книгѣ Смита подробно изложено содержаніе этой находки и приложенъ снимокъ съ одной изъ разбитыхъ глиняныхъ табличекъ, покрытой клинообразнымъ письмомъ. Халдейскій текстъ представляетъ очень много общихъ чертъ и вообще сходства съ библейскими разсказами объ этомъ предметѣ. Другая глиняная находка Смита также весьма интересна—это „Вавилонское повѣствованіе о грѣхопаденіи“. Къ сожалѣнію, и тутъ текстъ является въ довольно жалкомъ видѣ, но все-таки можно еще разобрать и прочесть о томъ, какъ боги проклинаютъ дракона (змѣю-искусительницу, имя которой въ текстѣ *Тіамитъ*) и согрѣшившаго человѣка. Драконъ этотъ изображается обыкновенно въ видѣ нашихъ грифовъ, но есть и змѣеподобное изобра-

Библиотека "Руниверс"

женіе Тіамита: въ Британскомъ музеумѣ хранится въ высшей степени замѣчательный, древне-вавилонскій драгоцѣнный камень, на которомъ вырѣзаны двѣ сидящія фигуры и дерево между ними, въ видѣ елки; у фигуръ руки протянуты къ плодамъ „древа", а позади одной изъ нихъ выгибается поднявшаяся змѣя. Правая фигура, по видимому, мужчина, лѣвая—



Изображеніе грѣхопаденія, вырѣзанное на древне-вавилонскомъ камнѣ.

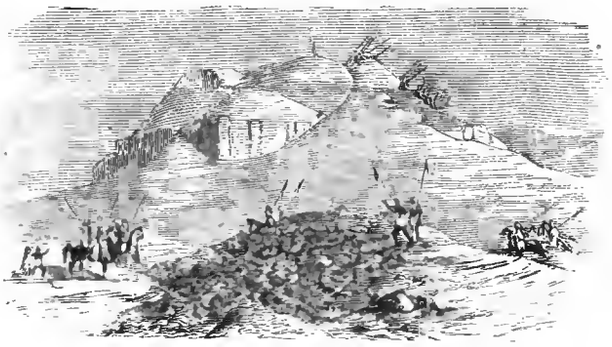
женщина. Замѣчательно то, что черезъ весь халдейскій разсказъ тянется описаніе борьбы боговъ съ злымъ началомъ, съ дракономъ Тіамитомъ. Драконъ этотъ, боролся съ богами, соблазнилъ человѣка и въ концѣ концовъ погибъ въ борьбѣ съ небомъ. Изображеніе этой борьбы часто встрѣчается, на древне-вавилонскихъ каменныхъ цилиндрахъ (второй рисунокъ). Въ

Борьба Ваала съ Дракономъ.

клинообразныхъ текскахъ, кромѣ повѣствованія о сотвореніи міра и грѣхопаденіи, упоминается также о всемірномъ потопѣ и Вавилонскомъ столпотвореніи. Найти разсказъ о столпотвореніи стоило Смиту большихъ трудовъ, и только въ прошломъ году ему удалось отыскать таблички съ этимъ текстомъ. Онѣ оказались разбитыми, однако кое-что еще можно было разобрать. Смитъ могъ, напр., прочесть такое мѣсто:

„Онъ смѣшалъ языки большихъ и малыхъ.
Крѣпкое зданіе свое сооружили они днемъ,
И крѣпкое ихъ зданіе Онъ разрушилъ ночью..."

На громадномъ холмѣ Нимврода можно и теперь еще видѣть остатки исполинской башни, состоявшей изъ семи этажей, возведенныхъ на широкомъ фундаментѣ. Каждый этажъ былъ окрашенъ надлежащей краской, т. е. цвѣтъ этажей не былъ одинаковъ. Вся эта руина, имѣющая и теперь 154 фута вышины, образуетъ тамъ самый большой холмъ изъ щебня. Башня была посвящена семи планетамъ, оттого и число этажей ея было семь.—Въ клинообразныхъ текстахъ, кромѣ разсказовъ, соотвѣтствующихъ библейскимъ разсказамъ (о сотвореніи міра, грѣхопаденіи, потопѣ и пр.), встрѣчаются и многія другія названія и имена, имѣющія связь съ событіями, подтвержденными впослѣдствіи книгою Бытія. Правда, въ этой послѣдней праотцы наши являются почти всегда подъ другими именами, но нѣкоторыя изъ этихъ именъ попадаются и въ клинообразныхъ надписяхъ, какъ, напр.: Каинъ — Киннъ, Энохъ—Энукъ, Ной—Нукъ, Тубалкаинъ (отецъ кузнецовъ)—Бил-Капъ.—Имя „Авраамъ" мы встрѣчаемъ въ ассирійскихъ надписяхъ, относящихся ко временамъ Азаргаддона. Послѣ отвода десяти племенъ, нѣкоторымъ израильтянамъ посчастливилось занять въ ассирійскомъ царствѣ важныя государственныя должности. Однимъ изъ нихъ былъ Авраамъ, „великій служитель" или министръ Азаргоддона Итакъ, найдена и родина патріарха Авраама: у халдейцевъ подъ именемъ *Уръ*, нынѣшній Муггейръ.



Муггейръ (Уръ—у халдейцевъ), родина Авраама.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ юная наука ассиріологія проливаетъ яркій свѣтъ на библейскіе разсказы. Книга Георга Смита представляетъ много интереснаго и, конечно, нашла уже себѣ на родинѣ большой кругъ читателей. Этотъ почтенный ученый, такъ много потрудившійся на избранномъ имъ поприщѣ, къ сожалѣнію, умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. Весною истекшаго года онъ снова отправился къ своимъ холмамъ, въ чудесную страну Тигра и Евфрата, гдѣ и умеръ въ Августѣ, не будучи въ состояніи вынести чрезмѣрныхъ трудовъ.

Пер—ъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Поступившіе въ контору „Нивы" въ пользу пострадавшихъ славянъ: отъ гг.: Лунинскаго 2, Литовскаго 9, Цегеръ 8, Гарнизона Нижне-Эмбенскаго укрѣпленія 56, Кринницкаго 1 р. 50 к., Мордвинской 1 р. 50, и отъ гг. Десятинскаго, Сольскаго, Строганьева, Ефимова, Потемкина, Бровинскаго, Сташевскаго, Лаврова, Тарнова — по 50 к. отъ каждаго, а всего 82 р. 50 к. и кромѣ того, два узла съ бинтами и корпіей, сданы въ Главное Управ. Общ. Покеч. о ранен. и больн. воинахъ—деньги 18 декабря, а узлы 16 и 22 ноября 1876 г. подъ квитанціи за №№ 1112, 1133 и 2436

2) **Нинольская, д. № 3, Л—ву.** При случаѣ зайдите. Два стихотворенія возьмемъ и переговоримъ о дѣлѣ.

3) **Кишиневъ, подписчикамъ «Нивы».** Не сомнѣваемся, что совѣты ваши искренны, но думаемъ, что резонерствовать о дѣлѣ издали, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Заботы издателя о распространеніи «Нивы» объясняются тѣмъ, что на изящное количество публики образованной, у насъ, къ сожалѣнію, есть большинство такой, для которой нужны напоминанія и объясненія о томъ: что за журналъ, гдѣ издается, какой имѣетъ успѣхъ и т. д. Вспомните, что не только въ провинціи, а здѣсь, въ Петербургѣ, часто оказываются письма въ церковныхъ вружкахъ, вмѣсто установленныхъ для нихъ почтовыхъ ящиковъ. Кажется, въ кружку и письма-то не втиснуть, а вотъ втискиваютъ же, не имѣя понятія о почтовыхъ ящикахъ, существующихъ, между тѣмъ, не первое десятилѣтіе Припомните это, и успокоившись, можетъ быть, будете въ состояніи избавить себя и насъ отъ траты времени на безплодную переписку.

СОДЕРЖАНІЕ. **Съ новымъ годомъ!** (стихотвореніе, съ рисункомъ). **Щ—ъ.—Двѣ капли воды** (Сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ). **Иванов.—Озеро Иссыкъ-куль и его окрестности** (съ двумя рисунками). **Н. Каразинъ.—Церковь Рождества Богородицы въ Путникахъ, въ Москвѣ** (съ рисункомъ).—**Литературный альбомъ: Русалка, драматическія сцены А. С. Пушкина** (съ рисункомъ).—**Прежній Петербургъ** (съ рисункомъ).—**Молодая египтянка** (съ рисункомъ). — Антологическія стихотворенія. **Л.—Остатки древнѣйшей вавилонско-ассирійской литературы** (съ 3-мя рисунками) **Пер—ъ.**—Почтовый ящикъ.—**Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ЯНВАРЬ съ 26 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 29 рисунками рукодѣльныхъ работъ.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

„НИВА", ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

1871 годъ
1872 годъ
1873 годъ
1874 годъ
1875 годъ
1876 годъ

Каждый годъ «Нивы» заключаетъ въ себѣ 20 — 25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч., и около 300 рисунковъ въ каждомъ томѣ. Помѣщенныя въ теченіи года повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» за прошлые года—имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложенныхъ безплатныхъ премій, а именно: за 1874 г.—«Неронъ»—картина Каульбаха, «Грѣшница»—Семирадскаго, за 1875 г. «Юлій Цезарь»—Пилоти, «Мадонна—Мурильо». **(Эти шесть томовъ «Нивы» составляютъ самый лучшій подарокъ).** Покупатели «Нивы» 1876 года получаютъ премію: олеографическую картину на деревянной скалкѣ **«Спящая красавица».**

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

	Брошюрованному:	Въ простомъ переплетѣ:	Въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотомъ.
Безъ пересылки	**4 р.**	**4 р. 75 коп.**	**5 р. 50 коп.**
Съ пересылкою	**5 »**	**5 » 75 »**	**6 » 50 »**

Желающіе выписать заразъ всѣ шесть лѣтъ: **1871, 1872, 1873, 1874 1875** и **1876 «НИВЫ»** пользуются уступкой 25% съ цѣны изданія (но не съ цѣнъ за пересылку и за переплетъ) и высылаютъ за всѣ шесть томовъ:

Брошюрованные:	Въ простомъ переплетѣ.	Въ коленкоровомъ переплетѣ:
24 руб.	**28 руб. 50 коп.**	**33 руб. 50 коп.**

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 30 декабря 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга**, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 2 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 10 Января 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1877 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **„НИВЫ"** НА 1877 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы".

Николаевская Главная Астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ.

Въ средніе вѣка, когда громъ оружія почти не умолкалъ, когда кулачное право процвѣтало открыто, — наука должна была искать себѣ тихаго пріюта, безопаснаго убѣжища, но гдѣ-же, какъ не въ стѣнахъ монастыря могла она найти его? И монастырь отвелъ ей келью, далъ ей спрятаться. Вслѣдствіе такого отчужденія отъ внѣшняго міра, добровольнаго, или лучше— необходимаго ареста, наука сдѣлалась не только достояніемъ немногихъ избранныхъ, но и стала недоступной для массы, недоступной пониманію ея, благодаря непонятному языку своему, т.-е. страннымъ техническимъ выраженіямъ. Такая участь въ особенности постигла астрономію. Таинственный мракъ облекалъ дѣянія человѣка, который, будучи окруженъ какими-то удивительными, причудливыми инструментами и толстыми книгами, съ непонятными знаками на страницахъ, начиналъ свою работу въ такое время, когда другіе отходили ко сну. Темныхъ людей пугали эти занятія въ потемкахъ; невольный трепетъ и уваженіе внушалъ имъ человѣкъ, одаренный способностью „узнавать по звѣздамъ судьбу каждаго"... Все это кануло уже въ вѣчность, какъ дѣла давноминувшихъ дней! Въ настоящее время изрядное количество популярныхъ сочиненій, по естествознанію вообще, сдѣлали и астрономію доступной пониманію каждаго грамотнаго человѣка, а неграмотному открыты двери въ тѣ залы, гдѣ идутъ народныя чтенія, съ туманными картинами. Теперь изъ двадцати человѣкъ развѣ одного еще удивишь тѣмъ, что современные астрономы ничего не знаютъ о таинственномъ вліяніи небесныхъ тѣлъ на обыденную жизнь сего міра. Для этихъ ученыхъ солнце, луна, планеты и милліоны звѣздъ—небесныя тѣла, движущіяся въ безконечномъ пространствѣ вселенной. Задача астрономовъ — изученіе законовъ движенія этихъ тѣлъ, но это только часть астрономіи и именно та ея часть, которая со временъ Кеплера и Ньютона занимаетъ въ ней первое мѣсто; она-то и поставила астрономію во главѣ точныхъ естест-

Астрономъ Оттонъ Струве Директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

венныхъ наукъ. Въ обширномъ смыслѣ предметомъ астрономіи является изученіе вселенной и дѣйствующихъ въ ней силъ. Численность, сила свѣта, цвѣтъ и расположеніе звѣздъ, форма и протяженіе туманныхъ пятенъ, устройство поверхности солнца, лупы и планетъ—все это принадлежитъ къ объектамъ астрономическаго изученія такъ-же, какъ и опредѣленіе скорости движенія небесныхъ тѣлъ. И вотъ именно на изученіе законовъ движенія обращено въ настоящее время все вниманіе астрономовъ. Въ этой области изслѣдованій имъ удалось согласовать, съ математическою точностью, массу наблюденій съ теоріею. Строго-точныя наблюденія и выводы, основанные на нихъ, характеризуютъ сущность астрономическаго изслѣдованія. Итакъ, астрономы занимаются главнымъ образомъ измѣреніями и основанными на нихъ вычисленіями. Они смотрятъ на сводъ небесный, какъ на искусственный часовой механизмъ: они задались задачей изучить всѣ—большія и малыя—колеса его, опредѣлить путь и скорость движенія каждаго, вычислить и указать на соотношеніи частей механизма. Для достиженія этого, астрономъ цѣлые недѣли, мѣсяцы, годы слѣдитъ за движеніемъ какого нибудь небеснаго тѣла, опредѣляетъ это движеніе съ строжайшею точностью, чтобы затѣмъ согласовать его съ своими вычисленіями.

Результаты, добытые астрономическими наблюденіями, имѣютъ большею частью чисто-научное, теоретическое значеніе. Но, совершенствуя методы наблюденія и улучшая способы вычисленія при измѣреніи движенія планетъ, астрономы тѣмъ самымъ побѣждаютъ механическія трудности и празднуютъ своего рода побѣду, которая косвенно приноситъ пользу и другимъ точнымъ наукамъ.

Астрономамъ необходимо было рѣшить вопросъ: какъ наилучшимъ образомъ воспользоваться массою фактовъ, наблюденій, какъ комбинировать (связать) ихъ, чтобы неизбѣжныя ошибки при процессѣ наблюденій оказывали возможно меньшее вліяніе на вѣрность выводовъ? Занявшись этимъ вопросомъ, почтенные ученые открыли извѣстную правильность въ возникновеніи ошибокъ, даже опредѣлили количество ихъ и построили на основаніи этой правильности точный методъ для отысканія самыхъ вѣрныхъ данныхъ. Представивъ, съ доказательствами, наивѣрнѣйшій способъ комбинировать наблюденія, астрономъ, рядомъ съ выводомъ, указываетъ всегда и вѣроятную ошибку въ немъ, давая такимъ образомъ мѣрило точности и благонадежности вывода. Правила пользованія числовыми данными, придуманныя астрономами, были приняты при работахъ и въ другихъ научныхъ изысканіяхъ, такимъ образомъ *теорія вѣроятностей* пользуется, такъ сказать, правомъ гражданства не только въ естественныхъ наукахъ (физикѣ, метеорологіи, химіи и проч.), но и въ политико-экономическихъ; она, напр., легла въ основу статистики и явилось значительнымъ подспорьемъ въ операціяхъ по страхованію.

Сложность астрономическихъ вычисленій заставила астрономовъ изыскивать болѣе простые способы для числовыхъ выкладокъ. Потребность эта создала между прочимъ важное вспомогательное средство для скорѣйшаго и вѣрнаго вычисленія — *таблицы логариѳмовъ*. Въ настоящее время всѣ, сколько нибудь сложныя числовыя выкладки, производятся съ помощью этихъ таблицъ.

Для изготовленія хорошихъ, точныхъ обсерваціонныхъ инструментовъ, необходимо ближайшее знакомство съ мельчайшими частями ихъ, а равно и съ назначеніемъ самыхъ инструментовъ: поэтому механикъ-оптикъ дѣлаетъ такіе инструменты всегда по плану, составленному астрономомъ. За то и не дешево обходятся они заказчику. Однако, для астронома недостаточно еще имѣть инструментъ, созданный по его указаніямъ, ибо все-таки онъ дѣло рукъ человѣческихъ, а "совершенства" въ твореніи человѣка не бываетъ. Поставивъ, гдѣ нужно, новый инструментъ, астрономъ принимается за изученіе особенностей его, наблюдаетъ за измѣнчивостью его подъ вліяніемъ температуры и вообще стремится обнаружить всѣ тѣ свойства инструмента, которыя могутъ такъ или иначе повліять на измѣряемыя величины. Теоретическія и практическія указанія астрономовъ принимаются, конечно, во вниманіе при изготовленіи инструментовъ, нужныхъ и въ другихъ отрасляхъ естествознанія. Въ этомъ отношеніи Брадлэй, Бессель и В. Струве оказали современной наукѣ громадныя услуги.

Кромѣ чисто-научнаго значенія, нѣкоторые результаты астрономическихъ изслѣдованій имѣютъ значеніе и для обыденной, практической жизни, такъ, напр., можно указать на точность обозначенія времени и распредѣленія его, на исправность календари, на возможность точнаго опредѣленія мѣста нахожденія корабля въ открытомъ морѣ, а также географическаго положенія какой либо данной мѣстности. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что именно Пулковской обсерваторіи мы обязаны тѣмъ, что у насъ имѣются теперь прекрасныя географическія карты Россіи. До постройки этой обсерваторіи нельзя было получить астрономическихъ опредѣленій мѣста, а потому изготовить точную карту Имперіи было невозможно. Уже одно это обстоятельство вполнѣ оправдываетъ затрату со стороны государства значительныхъ суммъ на учрежденіе обсерваторіи и поддержку ея.

Астрономическія работы на счетъ государства начались въ Россіи только съ Петра Великаго. Онъ, первый изъ русскихъ царей, путешествуя по Европѣ, усмотрѣлъ важное значеніе этой науки и, посѣтивъ многія заграничныя обсерваторіи (между прочими и Гринвическую, гдѣ самолично наблюдалъ прохожденіе одной звѣзды), пожелалъ, по возвращеніи своемъ въ Россію, устроить обсерваторію въ юной столицѣ. У Великаго Царя слово и дѣло не были въ разладѣ, но преждевременная смерть этого исполина разрушила многое; однакоже, два года спустя послѣ его смерти, а именно въ 1727 г., на Васильевскомъ островѣ явилась первая россійская обсерваторія, устройство которой вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнимъ требованіямъ науки. Первымъ астрономомъ и директоромъ Василеостровской обсерваторіи былъ французъ Іосифъ-Николай Делиль (Joseph Nicolas de l'Isle). 5-го декабря 1747 года обсерваторія эта сгорѣла, но вскорѣ снова была отстроена и поступила въ вѣдѣніе академика *Гришова*, извѣстнаго многими своими сочиненіями. Гришовъ пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ инструментовъ въ надеждѣ поставить ихъ въ новой обсерваторіи, которую предполагалось выстроить, такъ какъ подновленная старая уже не удовлетворяла требованіямъ науки, сдѣлавшей въ то время громадные успѣхи. Но Гришову не пришлось даже окончить проэкта новой обсерваторіи—онъ умеръ въ 1760 г. и мѣсто его занялъ *Румовскій*. Въ эпоху 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія развитіе астрономіи въ Россіи приняло значительные размѣры. Явленіе это обусловливалось двумя обстоятельствами: пріѣздомъ знаменитаго геометра Леонгарда Эйлера въ С.-Петербургъ и двумя прохожденіями Венеры черезъ дискъ солнца (въ 1761 и 1769 гг.). Л. Эйлеръ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Берлинѣ, снова поселился на берегахъ Невы и, вмѣстѣ съ сотрудниками и учениками своими — Альбертомъ Эйлеромъ (сыномъ), Крафтомъ, Лекселемъ и Фуссомъ — принялся за серьезныя математическія и астрономическія работы. По поводу второго обстоятельства (прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца) въ Петербургъ и въ др. пункты Россіи пріѣхало много заграничныхъ ученыхъ. Были сдѣланы по этому необходимыя поправки въ академической обсерваторіи. Но горячему желанію Румовскаго и другихъ—обзавестись новой, лучшей обсерваторіей, удовлетворяющей требованіямъ науки—не суждено было скоро осуществиться. Однако, это не помѣшало такимъ солиднымъ астрономамъ, какъ Румовскій, Иноходцевъ, Шубертъ, Эйлеръ, Фуссъ и Лексель, выполнить нѣсколько серьезныхъ и важныхъ астрономическихъ работъ, особенно по опредѣленію географическаго положенія нѣкоторыхъ пунктовъ въ Россіи. Въ 1798 г., когда Румовскій и Иноходцевъ не могли уже работать, а Шубертъ былъ занятъ исключительно теоретическими изслѣдованіями, академія пригласила для практическихъ астрономическихъ работъ аббата Ганри, который, впрочемъ, скоро вышелъ въ отставку, такъ какъ оказался неспособнымъ къ этому дѣлу. Въ 1803 г. управленіе обсерваторіей было поручено Шуберту. Сотрудникомъ его былъ талантливый астрономъ *Вишневскій*, который неоднократно предпринималъ далекія поѣздки съ цѣлью дать точныя астрономическія опредѣленія различныхъ пунктовъ въ Россіи. По смерти директора Шуберта, мѣсто его было предложено Вишневскому, но, не смотря на всю талантливость и дѣятельность послѣдняго, Петербургская обсерваторія, вслѣдствіе устарѣвшаго своего устройства, не могла успѣшно конкурировать съ другими, заграничными. Итакъ, постройка новой обсерваторіи становилась дѣломъ необходимымъ, откладывать его было нельзя, а потому давнишнія желанія нашихъ ученыхъ осуществились и притомъ—самымъ блестящимъ образомъ.

Въ 1830 г. В. Струве (знаменитый въ то время директоръ Дерптской обсерваторіи), по возвращеніи своемъ изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ съ научною цѣлью, имѣлъ въ декабрѣ аудіенцію у Императора Николая Павловича. На этой аудіенціи В. Струве представилъ докладъ Государю о результатѣ своей поѣздки. Государь, выслушавъ докладъ, сталъ подробно распрашивать о состояніи академической обсерваторіи. Струве откровенно высказалъ свое мнѣніе, представивъ въ надлежащемъ свѣтѣ эту обсерваторію, тогда Его Величество объявилъ, что устроить совершенно *новую* гдѣ нибудь въ окрестностяхъ столицы—дѣло необходимое. Въ октябрѣ 1833 г. указомъ Его Императорскаго Величества было повелѣно возвести новую обсерваторію, а затѣмъ составлена была коммисія изъ гг. Струве, Вишневскаго, Фусса и Ипрата, подъ предсѣдательствомъ адмирала Грейга, которому и была поручена дальнѣйшая разработка вопроса по этому сооруженію. Коммисіи нужно было прежде всего опредѣлить характеръ и организацію новаго учрежденія и затѣмъ рѣшить вопросъ относительно выбора мѣста для обсерваторіи. Выборъ палъ на *Пулково*, такъ какъ мѣстоположеніе его представляетъ много преимуществъ въ метеорологическомъ отношеніи. 24-го февраля 1834 г. архитекторы Тонъ и Брюловъ, представили академіи проэкты новой обсерваторіи. Брюловскій проэктъ былъ одобренъ и 3-го апрѣля того-же года утвержденъ Императоромъ, причемъ будущимъ первымъ директоромъ обсерваторіи въ Пулковѣ былъ назначенъ Вильгельмъ Струве. Вскорѣ послѣ того, подъ руководствомъ Брюлова, приступлено было къ закладкѣ массивно-стѣнныхъ подваловъ и фундаментальныхъ построекъ главнаго зданія. Струве отправился за-границу для заказа разныхъ обсерваціонныхъ инструментовъ; ему разрѣшено было *не жалѣть* на это денегъ; новые инструменты *должны* выйти

Библиотека "Руниверс"

изъ мастерскихъ лучшихъ механиковъ и вполнѣ удовлетворять современнымъ строгимъ требованіямъ науки. Струве, заказавъ что нужно, ревностно принялся за дѣло: онъ цѣлыя недѣли проводилъ въ мастерскихъ механиковъ-оптиковъ, слѣдя за работой и обсуждая вмѣстѣ съ мастерами даже мельчайшія части инструментовъ. Инструменты оказались дѣйствительно великолѣпными. 7-го августа 1839 г. праздновалось торжественное открытіе Пулковской обсерваторіи—величайшей изъ существующихъ нынѣ обсерваторій. — Какъ тщательно, аккуратно былъ обдуманъ планъ постройки этого зданія во всѣхъ его частностяхъ—это лучше всего видно изъ того обстоятельства, что до сихъ поръ не понадобилось сдѣлать никакихъ сколько нибудь существенныхъ улучшеній относительно обсерваціонныхъ помѣщеній и самихъ инструментовъ.

Пулковская обсерваторія, называемая „Николаевской", построена на возвышенности, около деревни Пулково, лежащей на разстояніи 17 верстъ къ югу отъ С.-Петербурга. Въ Пулково ведетъ шоссейная дорога, составляющая продолженіе Обуховскаго проспекта. Обсерваторія состоитъ изъ главнаго зданія и нѣсколькихъ отдѣльно стоящихъ домиковъ. Въ главномъ зданіи, съ великолѣпнымъ порталомъ въ дорическомъ стилѣ, находится три большія обсерваціонныя залы: восточная, западная и южная. Въ первой помѣщается одинъ только инструментъ—большой *меридіанальный кругъ* (работы Репсальда въ Гамбургѣ). Инструментъ этотъ одно изъ важнѣйшихъ современныхъ астрономическихъ орудій. Обсерваторія, снабжена хорошимъ меридіанальнымъ кругомъ и вѣрными часами, имѣетъ, можно сказать, все, что нужно имѣть для опредѣленія географическаго положенія какого-нибудь пункта, для опредѣленія времени и мѣстонахожденія какой либо звѣзды. Въ западной залѣ стоятъ пассажный инструментъ. Къ главному зданію принадлежатъ три вращающіяся башни; въ средней изъ нихъ поставленъ большой рефракторъ (телескопъ)—гордость Пулковской обсерваторіи; въ восточной башнѣ находится геліометръ, въ западной—меньшій рефракторъ, предназначенный для занятій молодыхъ астрономовъ. Въ галлереѣ главнаго зданія знаменитая библіотека Пулковской обсерваторіи (15,000 томовъ и до 30,000 диссертацій); всѣ сколько нибудь замѣчательныя сочиненія по астрономіи включены въ каталогъ ея. Въ библіотекѣ этой хранится драгоцѣнное, почти полное собраніе манускриптовъ, оставленныхъ безсмертнымъ реформаторомъ астрономіи — Іоанномъ Кэплеромъ. Манускрипты эти, сто лѣтъ тому назадъ, были куплены Императрицей Екатериной II и переданъ ею Академіи Наукъ, которая, съ своей стороны, уступила эту драгоцѣнность Пулковской обсерваторіи. Въ библіотекѣ находятся также три тома рукописей Іоанна Мюллера, великаго астронома, умершаго въ концѣ XV вѣка. Въ томъ-же этажѣ, гдѣ южная зала, есть двѣ комнаты, изъ которыхъ одна, западная, украшенная портретами мужей, трудившихся на пользу обсерваторіи, служитъ рабочимъ кабинетомъ директору, а другая, восточная, отдана въ распоряженіе пулковскихъ астрономовъ. Обѣ эти комнаты квадратной формы, необыкновенно толстыя стѣны ихъ служатъ фундаментомъ для сводовъ, поддерживающихъ двѣ меньшія вращающіяся башни. Большая, средняя башня, стоитъ на сводѣ, который опирается на столбы такъ называемой *круглой залы*, занимающей центръ обсерваторіи. Круглая зала украшена портретами знаменитыхъ астрономовъ какъ древнихъ, такъ и современныхъ; тутъ же стоитъ бюстъ Императора Николая, а рядомъ съ портретомъ его — портретъ нынѣ царствующаго Государя. По одну сторону этой залы находится особо устроенная комната, предназначенная для храненія и провѣрки хронометровъ, принадлежащихъ частью обсерваторіи, частью-же присылаемыхъ сюда изъ Генеральнаго Штаба и Адмиралтейства. По другую сторону — довольно большое помѣщеніе для склада инструментовъ и разныхъ механическихъ приспособленій, въ которыхъ въ данное время не представляется надобности.

Въ западномъ флигелѣ главнаго зданія находятся: квартиры секретаря, архивъ, канцелярія и телеграфная камера. Подвалъ подъ „Круглой залой" служитъ также научнымъ цѣлямъ: тамъ поставлены *нормальные* часы, которые, вслѣдствіе постоянно одной и той же температуры въ подвалѣ, должны идти правильнѣе, вѣрнѣе самыхъ лучшихъ провѣренныхъ часовъ. Въ одной изъ пристроекъ обсерваторіи помѣщается мастерская механика, гдѣ производятся не только починка инструментовъ, но и изготовленіе новыхъ, превосходныхъ астрономическихъ орудій. Мастерскою этою завѣдуетъ въ настоящее время механикъ Гербстъ, который несмотря на свои весьма ограниченныя средства, отправилъ генералу Черняеву въ подарокъ три подзорныя трубы и бинокль, приспособленный къ военнымъ цѣлямъ. Въ другихъ домикахъ стоятъ инструменты меньшихъ размѣровъ, предназначенные для спеціальныхъ цѣлей, а также для практическихъ занятій молодыхъ астрономовъ. Въ этой богатой коллекціи инструментовъ есть и физическіе, какъ напр., фотометры, геліографы, аппараты для спектральнаго анализа и т. п. Въ двухъ большихъ флигеляхъ устроены обсерваторіи меньшихъ размѣровъ: на одной изъ нихъ работаютъ офицеры геодезическаго отдѣленія Военной Академіи Генеральнаго Штаба. Высокое деревянное зданіе (100 фут. вышины), около главной обсерваторіи, принадлежащее обсерваторіи *геодезической*, служитъ башней сигналовъ во время работъ офицеровъ-геодезистовъ. Въ остальныхъ флигеляхъ устроены помѣщенія для астрономовъ, чиновниковъ и вообще служебнаго персонала обсерваторіи. Обширный паркъ, окружающій всѣ эти зданія, является не только украшеніемъ, но и необходимою принадлежностью Пулковской обсерваторіи: масса высокихъ, густыхъ деревьевъ приноситъ ей существенную пользу тѣмъ, что мѣшаетъ проникать пыли съ окрестныхъ дорогъ туда, гдѣ стоятъ инструменты. Благодаря высокому мѣстоположенію и этой живой темно-зеленой стѣнѣ, воздухъ въ Пулковѣ гораздо чище, прозрачнѣе чѣмъ въ столицѣ.

Кромѣ главнаго своего назначенія—служить чисто-научнымъ цѣлямъ, Пулковская обсерваторія исполняетъ нѣкоторымъ образомъ еще роль учебнаго заведенія: молодые ученые, по окончаніи университетскаго курса (по физико-математическому факультету), пріѣзжаютъ въ Пулково, чтобы тамъ, подъ руководствомъ спеціалистовъ, усовершенствоваться въ наукѣ. Въ настоящее время всѣ почти мѣста астрономовъ въ Россіи заняты людьми, поработавшими нѣкоторое время на Пулковской обсерваторіи. Геодезисты, руководящіе обширными математико-географическими операціями въ Россіи—всѣ ученики этой обсерваторіи.

Въ административномъ отношеніи Николаевская обсерваторія находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и въ то же время она тѣсно связана съ Академіею Наукъ, которой предоставлено избраніе директора обсерваторіи и четырехъ старшихъ астрономовъ. По уставу 1862 г. персоналъ обсерваторіи въ Пулковѣ долженъ быть такой: 1) директоръ, 2) четыре старшихъ астронома, изъ которыхъ одинъ вице-директоръ, 3) два адъюнкта-астронома, 4) два счетчика, 5) механикъ, 6) инспекторъ, 7) секретарь и 8) врачъ.

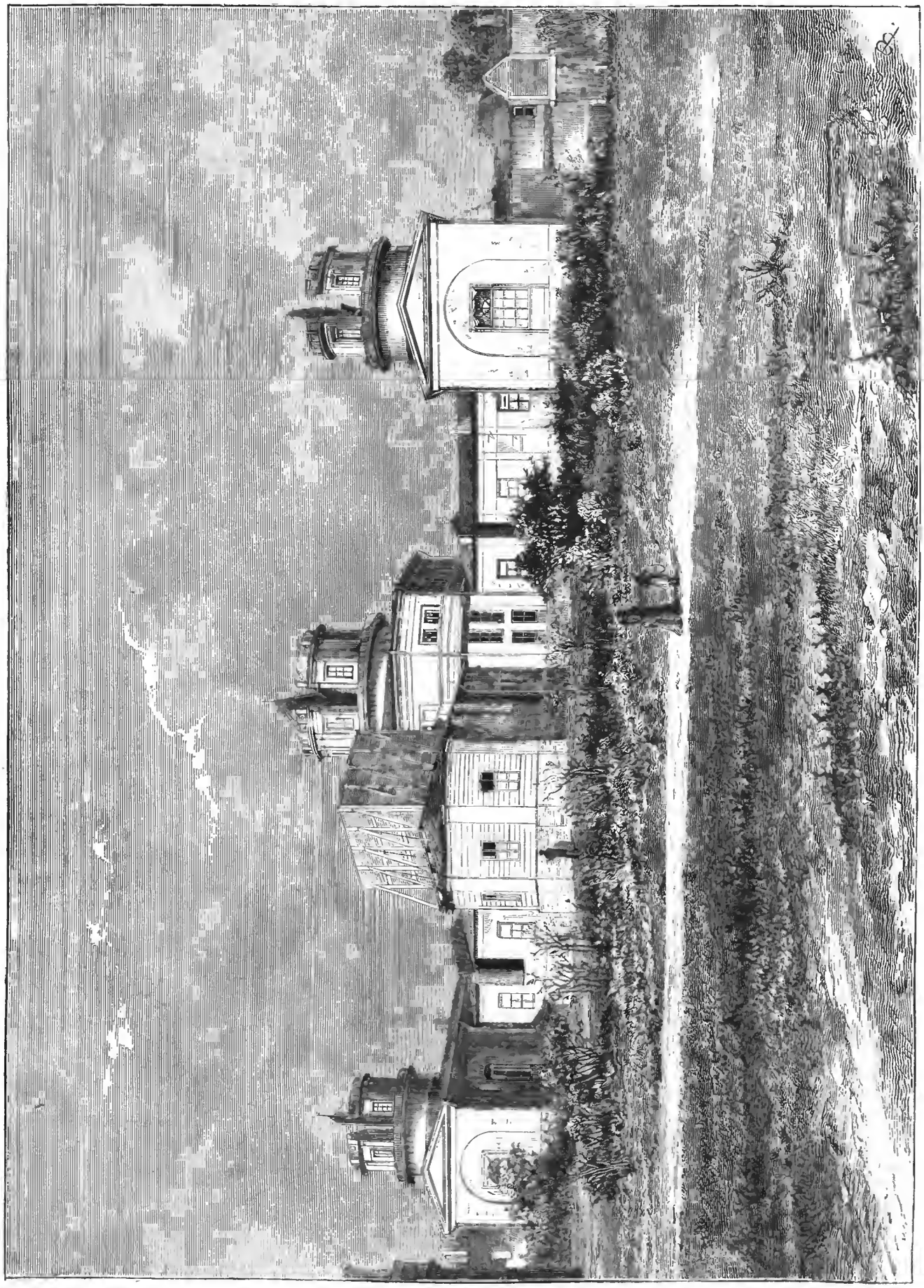
До 1862 г. директоромъ Пулковской обсерваторіи былъ самъ строитель ея—Вильгельмъ Струве (Василій Яковлевичъ). Въ 1858 г., когда онъ опасно заболѣлъ, обсерваторіей временно управлялъ сынъ его—Оттонъ Струве, вице-директоръ, котораго Академія Наукъ въ 1862 г. избрала въ директоры.

Помѣщая въ настоящемъ № нашего журнала портретъ Оттона Васильевича Струве, мы подѣлимся съ нашими читателями тѣми краткими біографическими свѣдѣніями, которыя Оттонъ Васильевичъ любезно сообщилъ намъ о себѣ. Онъ родился 25 апрѣля 1819 г. въ Дерптѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ мѣстной гимназіи, а затѣмъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Пробывъ сначала три года помощникомъ директора тамошней обсерваторіи, Оттонъ Васильевичъ назначенъ былъ, при основаніи Пулковской обсерваторіи въ 1839 г., вице-директоромъ послѣдней. Въ 1840 г. онъ сдалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ надлежащій экзаменъ и, защитивъ извѣстную диссертацію свою (О движеніи солнечной системы), удостоенную впослѣдствіи золотой медали Лондонскаго Королевскаго астрономическаго общества, получилъ отъ здѣшняго университета степень магистра астрономіи и геодезіи. Въ 1848 году молодой Струве былъ назначенъ совѣщательнымъ астрономомъ военно-топографическаго депо, а черезъ шесть лѣтъ — совѣщательнымъ астрономомъ гидрографическаго департамента. Обѣ эти обязанности онъ исполнялъ до 1862 г., когда Академія наукъ избрала его въ директоры, считая его уже своимъ членомъ съ 1852 г. Международное астрономическое общество въ 1868 г. предложило Оттону Васильевичу занять президентское кресло; предложеніе было принято, и съ тѣхъ поръ, чрезъ каждые два года, Оттонъ Васильевичъ постоянно вновь избирался президентомъ этого общества. Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ ученыхъ трудовъ его упомянемъ: объ опредѣленіи прецессіи, о большихъ хронометрическихъ экспедиціяхъ для опредѣленія долготы Пулкова отъ Гринвича, Альтоны, Москвы и Варшавы, о многочисленныхъ астрономо-геодезическихъ работахъ внутри Имперіи, давшихъ главныя основанія для картографіи Россіи, объ изслѣдованіи системы Сатурна, объ опредѣленіи массъ спутниковъ Урана и Нептуна, о вычисленіи параллаксовъ разныхъ звѣздъ, объ открытіи измѣненій въ туманностяхъ и пр. Главный же и долголѣтній трудъ Оттона Васильевича, начатый имъ еще въ Дерптѣ (1835 г.), а теперь близящійся къ концу, составляютъ наблюденія и изслѣдованія двойныхъ звѣздъ, изъ которыхъ болѣе 500 открыты имъ самимъ, чрезъ посредство большаго Пулковскаго рефрактора.

Такая разнообразная и полезная дѣятельность незамедлила доставить Оттону Васильевичу Струве не только высокоуважаемое положеніе въ отечествѣ, но и громкое имя въ ученомъ мірѣ. Всѣ почти Академіи Наукъ и ученыя общества (по физико-математическимъ наукамъ) считаютъ его въ числѣ своихъ членовъ.

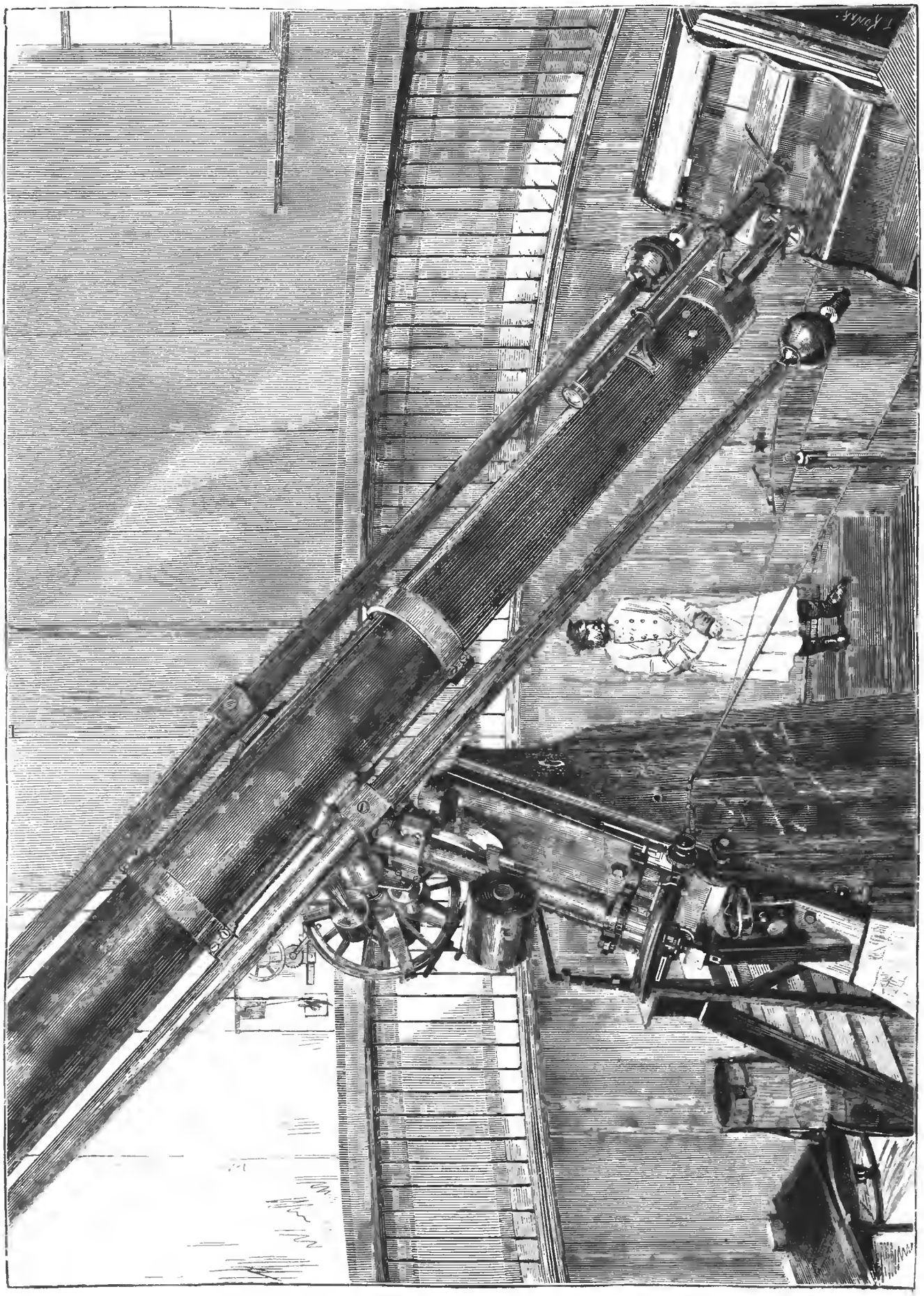
П—ъ.

Библиотека "Руниверс"



Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Южная сторона. Рис. съ фотогр. Подбѣльскій, грав. Шляскій.

Библиотека "Руниверс"



Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Большой Рефракторъ для изслѣдованія двойныхъ звѣздъ. Рис. Подбѣльскій, грав. Коноржевскій.

Библиотека "Руниверс"

Двѣ капли воды.

(Сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ).

(Продолженіе).

Василиса Евстигнѣевна не очень дружелюбно взглянула на Марью Петровну, зная, что она постоянно кочевала изъ дома въ домъ, отличалась юркостью и страстью совать всюду свой носъ.

— Что, еще не пріѣзжалъ? спросила Марья Петровна, тяжело дыша.

— Нѣтъ еще, рано, угрюмо отвѣтила Василиса Евстигнѣевна.

— А я то торопилась, чуть не бѣгомъ бѣжала—все опоздать боялась... Ухъ, Господи, уморилась совсѣмъ! Вѣдь шутка-ли, какой конецъ сдѣлала! На Обуховскомъ даже на какого-то мужчину натолкнулась, такъ лбомъ ему въ грудь и стукнулась.

— Чего жь вы спѣшили-то такъ? иронически спросила Василиса Евстигнѣевна.

— Да все думала, что опоздаю; ну какъ, думаю, да онъ безъ меня пріѣдетъ, какъ онѣ тамъ сдѣлаются?

— Да вы тутъ что-жь такое сдѣлать можете?

— Все-же таки могу разсказать, показать.

— Господи, мудрость какая! покачивая головой сказала Василиса Евстигнѣевна. И безъ васъ бы все сдѣлалось; слава Богу и мы понятіе имѣемъ, не безголовыя какія.

— Мудрости, разумѣется, большой нѣтъ, а все-таки надо знать, какъ и что. Вотъ, перво-на-перво, какое платье на Маремьянѣ Ильинишнѣ надѣто? спросила Марья Петровна, съ нѣкоторымъ торжествомъ указывая на платье Крундылевой, которая сидѣла не шевелясь и тупо поводя глазами.

— А такое, какого вы, можетъ быть, и съ роду не видывали, отвѣтила Василиса Евстигнѣевна, и матеріи то назвать не умѣете.

— Не въ томъ дѣло, изъ какой матеріи, а въ томъ, что не къ лицу Маремьянѣ Ильинишнѣ.

— Такъ по вашему, какое же надо было надѣть?

— Да по моему, надо было надѣть голубое, шелковое.

— Мужчины не знаютъ толку въ матеріяхъ, замѣтила Марья Петровна.

— Какъ же, не знаютъ.

— Да знаете ли еще что, горячо заговорила Марья Петровна: иной мужчина фундаментальный, да серьезный, такъ еще и не любитъ, коли невѣста-то расфуфырится очень; нѣтъ, скажетъ, это ужь не жена — франтить больно любитъ; шаркнетъ ножкой, да и поминай какъ звали.

— Знаемъ мы этихъ фундаментальныхъ, сказала Василиса Евстигнѣевна; всѣ они на одинъ покрой; имъ денежки надо, вотъ они что любятъ; ну, а коли невѣста богато одѣта, такъ, значитъ, и деньги у ней есть.

Этотъ споръ видимо начиналъ волновать Маремьяну Ильинишну; она склонялась на сторону Марьи Петровны, такъ какъ эта говорила очень горячо и съ убѣжденіемъ, и притомъ же была извѣстна своей опытностью по части устройства разныхъ торжествъ.

— Не пойдти ли мнѣ переодѣться? спросила Маремьяна Ильинишна, шевелясь на диванѣ.

— Зачѣмъ это? строго спросила Василиса Евстигнѣевна.

— Да вотъ Марья Петровна говоритъ.

— Пустяки! Марья Петровна сама не знаетъ, что говоритъ.

— Еще бы, гдѣ-жь за вами угоняться! проворчала Марья Петровна.

— Да разумѣется, только путаете.

— По мнѣ какъ угодно, сказала Марья Петровна тономъ смиренницы, было бы съ моей стороны сказано, чтобы потомъ попрековъ не было, что вотъ, молъ, Марья Петровна и поучить-то не хотѣла.

— Никто васъ попрекать не будетъ... Да и когда переодѣваться, сейчасъ пріѣдетъ.

— Ахъ—страшно! воскликнула Маремьяна Ильинишна, сердце замираетъ.

— Чего страшно-то? спросила тетка.

— Да какъ же, говорить съ нимъ надо.

— И совсѣмъ не надо, заговорила Марья Петровна, входя въ роль руководительницы въ семейныхъ торжествахъ: это ужь его дѣло, потому что кавалеръ даму занимаетъ, а не дама кавалера. Это ужь такой порядокъ, и у большихъ господъ также ведется.

— Что намъ за господами тянуться, замѣтила Василиса Евстигнѣевна.

— Все-же оно лучше, возразила Марья Петровна: по крайности пусть видитъ, что Маремьяна Ильинишна не какая-нибудь, а дѣвица образованная, и съ благородными можетъ компанію водить.

Въ комнату вошла Ивановна своею крадучей, кошачьей походкой и съ заискивающей улыбкой на исхудаломъ лицѣ. Ивановна сколько могла принарядилась и даже надѣла бѣлый коленкоровый чепчикъ.

— Что-жь, сваха любезная, гдѣ пропадала такъ долго? обратилась къ Ивановнѣ Марья Петровна.

— Здравствуйте, милыя мои, все ли по добру, по здорову? проговорила Ивановна, кланяясь присутствующимъ.

— Женихъ-то скоро пріѣдетъ? спросила Марья Петровна.

— Скоро, матушка, скоро, я сію минуточку отъ него.. Что Маремьяна Ильинишна, готовы ли, родная моя.

— Готова, отвѣчала Маремьяна Ильинишна.

— И слава Богу; дай Господи благополучно.

— Ты говорила ему, что у Маремьяны Ильинишны губа-то... спросила Марья Петровна.

— Говорила, матушка, говорила. Что-жь скрывать-то, вѣдь и самъ увидитъ.

— Что-жь онъ?

— Ничего. Мнѣ, говоритъ, не съ губой жить, а съ человѣкомъ. Одно слово, отличный баринъ, за нимъ жить и горя не знать. Ужь я Маремьянѣ Ильинишнѣ худого бы не посовѣтовала.

— Никакъ кто-то подъѣхалъ, сказала Василиса Евстигнѣевна.

Ивановна и Марья Петровна подбѣжали къ окну.

— Мужчина какой-то, сказала Марья Петровна, не женихъ-ли ужь?

— Онъ и есть, удостовѣрила Ивановна.

— Господи, помилуй меня грѣшную! воскликнула Маремьяна Ильинишна и перекрестилась.

— Усаживайтесь, усаживайтесь, Маремьяна Ильинишна, засуетилась Марья Петровна. Да какъ войдетъ, такъ вы не очень съ нимъ раскланивайтесь, а такъ только головкой мотните. А вы сюда сядьте, Василиса Евстигнѣевна.

— Ужь, меня, пожалуйста, не учите, и безъ васъ найду мѣсто, гдѣ сѣсть, отрезнулась Василиса Евстигнѣевна.

— Какъ угодно; съ моей стороны было бы сказано.

Вошелъ Александръ Матвѣевичъ. На немъ былъ надѣтъ бѣлый жилетъ и бѣлыя перчатки, въ рукахъ онъ держалъ лоснящійся цилиндръ, голова была напомажена и завита. Однимъ словомъ, явился во всеоружіи жениха, желающаго плѣнить богатую невѣсту.

— Честь имѣю рекомендоваться: Александръ Матвѣичъ Мироновъ.

Маремьяна Ильинишна не пошевелилась. Василиса Евстигнѣевна молча поклонилась, и только Марья Пе-

Библиотека "Руниверс"

тровна, какъ свѣтская дама, съ пріятностью произнесла:

— Пріятно-съ, очень пріятно-съ... А вотъ-съ и Маремьяна Ильинишна, прибавила она, указывая на Крундылеву, которая сидѣла неподвижно.

— Гм... промычалъ Александръ Матвѣевичъ и потомъ прибавилъ:

— Позвольте познакомиться, очень былъ бы счастливъ,—если бы могъ надѣяться заслужить ваше расположеніе.

Со стороны Маремьяны Ильинишны отвѣта не послѣдовало.

— Покорнѣйше прошу садиться, сказала Марья Петровна.

Александръ Матвѣевичъ сѣлъ, бросая взгляды на невѣсту. Въ комнатѣ царствовало молчаніе.

— Очень хорошая сегодня погода, началъ Александръ Матвѣевичъ.

— Да-съ, прекраснѣйшая, сказала Марья Петровна съ свойственною ей любезностью.

— Какая-же хорошая? цѣлое утро дождикъ моросилъ, замѣтила Василиса Евстигнѣевна.

— Да, утромъ, а теперь дождя нѣтъ.

Разговоръ изсякъ, всѣ замолчали.

— Вы чиновникъ? спросила Марья Петровна, нарушая молчаніе.

— Чиновникъ.

— А гдѣ служить изволите?

— Я-то? затруднился Александръ Матвѣевичъ, но сейчасъ же нашолся и смѣло проговорилъ:

— Да теперь служу въ экспедиціи...

— Такъ-съ.

— Господи, какихъ только должностей нѣтъ! со вздохомъ замѣтила Василиса Евстигнѣевна.

— Да, ваша правда, всякія есть.

Снова хотѣло воцариться молчаніе, но Марья Петровна не допустила до этого.

— Извините-съ, позвольте спросить, большое жалованье изволите получать? спросила она.

— Да, порядочное, развязно отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ; а вотъ скоро буду получать еще больше.

— Такъ-съ.

На этомъ разговоръ и пресѣкся. Марья Петровна, какъ женщина смѣтливая и знающая свое дѣло, стала дѣлать Василисѣ Евстигнѣевнѣ знаки, что надо, молъ, выйдти изъ комнаты. Какъ ни непріятно было почтенной женщинѣ повиноваться какой-нибудь Марьѣ Петровнѣ, но дѣлать было нечего. Василиса Евстигнѣевна встала.

— Извините-съ... начала Марья Петровна. Имя и отчество не имѣю удовольствія знать.

— Александръ Матвѣичъ.

— Извините, Александръ Матвѣичъ, намъ вотъ съ Василисой Евстигнѣевной надо кое-чѣмъ по хозяйству заняться.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь.

Марья Петровна, Василиса Евстигнѣевна и Ивановна вышли изъ комнаты. Александръ Матвѣевичъ и Маремьяна Ильинишна остались одни. Послѣдняя сидѣла, нешевелясь, точно она замерла; глаза были опущены внизъ и только иногда изподлобья взглядывали на Александра Матвѣевича и сейчасъ снова опускались, какъ только встрѣчались съ его глазами. Александръ Матвѣевичъ тоже посматривалъ на невѣсту и чувствовалъ себя очень неловко, какъ оттого, что она была очень некрасива, такъ и оттого, что она не подавала никакого признака жизни.

— У васъ очень хорошенькій домикъ, началъ, наконецъ, Александръ Матвѣевичъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія. И на хорошемъ мѣстѣ стоитъ — ихо, никакого ни шума, ни стука, точно въ деревнѣ.

Александръ Матвѣевичъ замолчалъ и ждалъ отвѣта; Маремьяна Ильинишна не издала ни малѣйшаго звука.

Александръ Матвѣевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— У васъ, вѣрно, зубы болятъ?

И не дождавшись отвѣта продолжалъ.

— Это несносная болѣзнь. Кажется, что такое зубъ, —пустяки, вздоръ, а вѣдь какъ иной разъ измучитъ человѣка, хуже всякой серьезной болѣзни.

Но и это не подѣйствовало—Маремьяна Ильинишна продолжала изображать невозмутимую статую.

Александръ Матвѣевичъ нетерпѣливо завертѣлся на стулѣ.

„Что-жь это она не отвѣчаетъ-то ничего?“ подумалъ онъ.

И опять попытался завести разговоръ.

— У васъ есть родственники какіе-нибудь? спросилъ онъ.

Нѣтъ отвѣта. Александръ Матвѣевичъ крякнулъ и продолжалъ:

— Скучно жить на свѣтѣ одному: лучше, какъ есть близкій человѣкъ, съ которымъ можно раздѣлить и радость и горе и, разумѣется, состояніе, у кого оно есть. По моему мнѣнію зачѣмъ и деньги, когда не съ кѣмъ ими подѣлиться; знаете, и въ пѣснѣ поется: „Есть много злата, серебра, но съ кѣмъ ихъ раздѣлить“. Согласны вы со мной?

„Да что она нѣмая, что ли? подумалъ Александръ Матвѣевичъ, не получивъ и на этотъ разъ никакого отвѣта.

Онъ нѣсколько времени внимательно смотрѣлъ на невѣсту, не понимая, что съ ней происходитъ и чувствуя себя въ очень затруднительномъ положеніи.

— Эти дамы, которыя сейчасъ здѣсь были, ваши родственницы или такъ знакомыя? началъ опять Александръ Матвѣевичъ.

Маремьяна Ильинишна повела только глазами.

Александръ Матвѣевичъ вскочилъ со стула и началъ нетерпѣливо ходить по комнатѣ.

„Вотъ бѣда! думалъ онъ. Какое однако дурацкое положеніе... Развѣ приступить прямо къ дѣлу? что бобы-то разводить“.

И Александръ Матвѣевичъ рѣшительно подошелъ къ Маремьянѣ Ильинишнѣ.

— Вамъ, разумѣется, извѣстно, зачѣмъ я къ вамъ пріѣхалъ, сказалъ онъ. Извѣстно?.. Да говорите, ради Бога!... Ну, положимъ, неизвѣстно: такъ я вамъ скажу, что желаю сочетаться законнымъ бракомъ, имѣть, такъ сказать, подругу въ моей многотрудной жизни, и пріѣхалъ посмотрѣть, не можете ли вы быть этой подругой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя показать. По осмотру оказалось, что вы можете быть моей подругой, теперь остается узнать, какъ вы находите мою особу... А?... Нравлюсь я вамъ?

Но Маремьяна Ильинишна продолжала хранить молчаніе, только тяжелѣе стала дышать—ужь очень приставалъ къ ней Александръ Матвѣевичъ, да и уставать стала отъ сидѣнья въ одномъ положеніи.

Александръ Матвѣевичъ опять заходилъ по комнатѣ.

„Вотъ несчастіе! сердился онъ про себя. Что тутъ дѣлать? Эхъ, была не была, выкину я штуку!...

И Александръ Матвѣевичъ, быстро подошелъ къ Маремьянѣ Ильинишнѣ.

— Щекотки боитесь? сказалъ онъ, угрожая ее пощекотать.

Маремьяна Ильинишна громко взвизгнула.

Марья Петровна, Василиса Евстигнѣевна и Ивановна, испуганныя крикомъ, вбѣжали въ комнату.

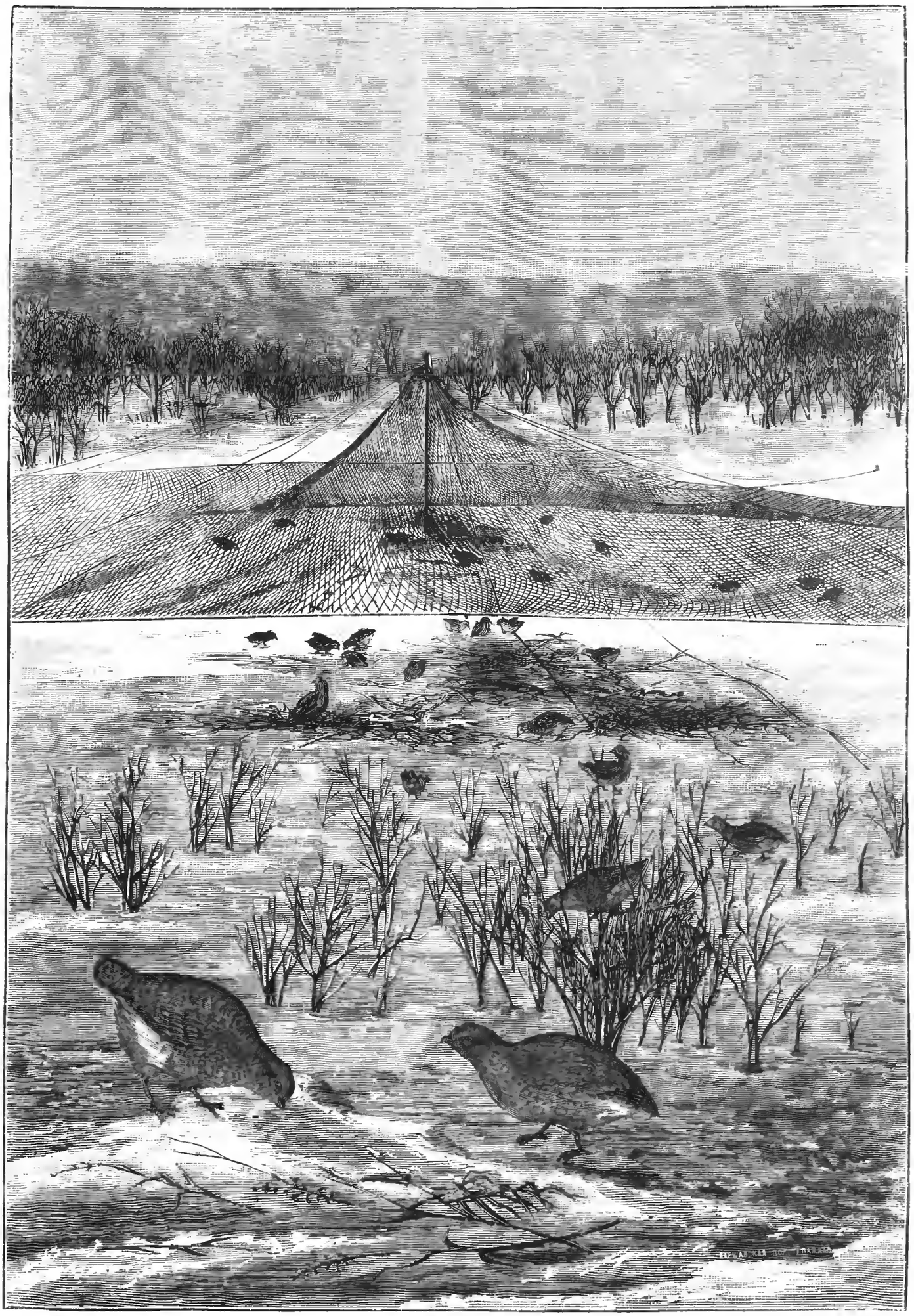
— Что, что такое? затараторила Марья Петровна.

— Ничего, это такъ, отъ полноты чувствъ, отвѣчалъ Александръ Матвѣевичъ.

— А мы перепугались, думали не случилось ли чего.

— Все благополучно; мы объясняемся...

Библиотека "Руниверс"



Зимняя ловля куропатокъ сѣтью. Съ наброска Мордвинова, рис. Ваньюра.

Библиотека "Руниверс"

Мечты, мечты! Гдѣ ваша сладость?
(А. Пушкинъ).

Картина Э. Шульца, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

— Объясняйтесь, объясняйтесь... мы не мѣшаемъ.

И вбѣжавшія дамы снова удалились.

„А вотъ она губа-то, подумалъ Александръ Матвѣевичъ, смотря на невѣсту, которая отъ испуга и руку отъ лица отняла.—Некрасиво... ну, да ничего: домъ-то вѣдь это ее собственный!

— Такъ скажите-же, благо заговорили, нравлюсь я вамъ или нѣтъ? обратился онъ къ невѣстѣ.

— Да-съ.

— Нравлюсь?

— Да-съ.

— И вы согласны за меня замужъ выйдти?..

— Да-съ.

— Ну вотъ и все, больше ничего и не требуется. Позвольте же поблагодарить васъ за снисхожденіе. Этотъ домъ принадлежитъ собственно вамъ однимъ, больше никому?

— Никому.

— Доходъ онъ приноситъ?

— Какой доходъ! вдругъ разговорилась Маремьяна Ильинишна. Домъ маленькій—всего триста рублей въ годъ.

— Немного; ну, со временемъ мы съ вами придумаемъ, что сдѣлать, чтобы увеличить доходъ; я въ этомъ толкъ знаю, да и счастливъ всегда былъ, что ни предприму, все удается. А капиталъ есть у васъ?

— Есть.

— Сколько?

— Восемь тысячъ.

— Восемь тысячъ! воскликнулъ Александръ Матвѣевичъ. — Знаете что?... позвольте узнать имя и отчество.

— Маремьяна Ильинишна.

— Чѣмъ больше смотрю на васъ, Маремьяна Ильинишна, тѣмъ болѣе нахожу, что вы достойны полнаго уваженія. Вы—дѣвица, существо, такъ сказать, неостепенившееся, вѣтреное, и вдругъ скопили восемь тысячъ.

— Мнѣ тятенька оставилъ.

— Ну и все таки вы ихъ не растратили, сберегли!

— Ахъ, какъ можно растратить! я очень бережлива.

— И хорошо дѣлаете: бережливость — это-съ хорошо-съ!... Такихъ дѣвицъ, какъ вы, не часто можно встрѣтить. Не даромъ же я съ перваго раза почувствовалъ къ вамъ влеченіе. Я какъ увидѣлъ васъ, такъ меня къ вамъ и потянуло.

— Ахъ, что выдумали! жеманно проговорила Маремьяна Ильинишна.

— Ей Богу! Вы думаете что если у васъ губа немного... тово... такъ вѣдь, ей Богу-съ, повѣрьте... это для меня все-равно...

Невѣста помолчала, вздохнула и вдругъ торопливо спросила:

— А вы воровъ боитесь?

— Что-жь ихъ бояться.

— А я такъ ужасно, какъ боюсь; я вотъ и замужъ-то хочу выйдти больше потому, чтобы мужчина въ домѣ былъ, чтобы не такъ ужь страшно было; а вѣдь иной разъ глазъ не сомкнешь цѣлую ночь отъ страху.

— Повѣрьте, что я буду защищать васъ до послѣдней капли, торжественно объявилъ Александръ Матвѣевичъ.—У меня есть кинжалъ, пистолетъ, ружье еще купилю. Такъ вы согласны принять мою руку и сердце?

— Да-съ... я согласна...

— Такъ, значитъ, мы женихъ и невѣста?

— Да-съ.

Александръ Матвѣевичъ подошелъ къ двери и, широко отворивъ ее, провозгласилъ:

— Пожалуйте, мы все переговорили.

Вошли Марья Петровна, Василиса Евстигнѣевна и Ивановна.

— Поздравьте!

— Поздравляю, поздравляю, заторопилась Марья Петровна, и въ качествѣ свѣтской женщины подала руку жениху и невѣстѣ.

— Дай Богъ совѣтъ да любовь, сказала Василиса Евстигнѣевна.

— Поздравляю васъ, Маремьяна Ильинишна... Поздравляю, милый баринъ, говорила Ивановна, подходя къ жениху и невѣстѣ и низко кланяясь.

— Надо бы теперь шампанскаго выпить, сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— При такихъ случаяхъ всегда шампанское пьютъ, вмѣшалась Марья Петровна; это ужь такъ заведено; для этого самаго и вино это французы выдумали!

— Ну, дѣлать нечего, со вздохомъ проговорила Маремьяна Ильинишна. Пойдемъ, Ивановна, я деньги дамъ; сходи ужь ты, ты потолковѣе будешь Авдотьи-то.

— Схожу, матушка, схожу, съ моимъ удовольствіемъ, отвѣтила Ивановна и поплелась за Маремьяной Ильинишной.

— А, кажется, Маремьяна-то Ильинишна дѣвица разсчетливая? освѣдомился Александръ Матвѣевичъ.

— Кто-жь свои деньги не бережетъ, сказала Василиса Евстигнѣевна; начнешь бросать туда да сюда, такъ и ничего не останется.

— Совершенно справедливо, согласился Александръ Матвѣевичъ; проживать легко, а наживать трудно.

— Ну, и непривычка еще, какъ и что куда слѣдуетъ, прибавила съ своей стороны Марья Петровна.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вплыла Маремьяна Ильинишна, а за нею Ивановна съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояла бутылка шампанскаго и нѣсколько бокаловъ, отысканныхъ въ грудѣ хранившейся посуды.

Начались поздравленія и разныя благія пожеланія. Такимъ образомъ Александръ Матвѣевичъ пріобрѣлъ то, что желалъ—богатую невѣсту, а Маремьяна Ильинишна—защитника отъ воровъ. На другой день въ домикѣ Маремьяны Ильинишны была мать жениха вмѣстѣ съ нимъ; невѣста и ей понравилась.

— Ничего, Саша, что у ней губа такая... Она скромная и расчетливая: будешь жить въ довольствѣ...

Такъ говорила мать сыну, возвращаясь съ нимъ отъ невѣсты.

Сынъ вздохнулъ и промолчалъ. Ему было не совсѣмъ пріятно извѣстіе, переданное невѣстой, о томъ, что деньги восемь тысячъ хранятся въ госуд. банкѣ и притомъ еще въ именномъ билетѣ; но онъ еще не терялъ надежды, быть главой въ домѣ жены, нетерялъ потому, что видѣлъ пока въ ней весьма застѣнчивую и простодушную женщину.

Черезъ мѣсяцъ была свадьба. Послѣ свадьбы Александръ Матвѣевичъ съ матерью переселились въ домъ новобрачной.

III.

Прошло три мѣсяца послѣ женитьбы Александра Матвѣевичъ на Маремьянѣ Ильинишнѣ. Нельзя сказать, чтобы они были очень пріятны для новобрачнаго—надежды его не исполнились, исключая одной, что онъ не умеръ съ голоду. Это была единственная выгода, которую онъ пріобрѣлъ, женясь на богатой невѣстѣ.

Мы застаемъ Александра Матвѣевича, расхаживающаго по комнатѣ. Выраженіе лица не доказываетъ хорошаго расположенія духа.

„Скверное дѣло!... раздумываетъ онъ.—Вотъ еще говорятъ, что если молодой человѣкъ женится на старухѣ, такъ онъ можетъ изъ нея веревки вить; нѣтъ, изъ моей не совьешь, не такой комплекціи; бревно, пожалуй, выйдетъ, если пообтесать немного, а ужь веревка нѣтъ... Зачѣмъ же я въ такомъ случаѣ женился на ней? Вотъ тебѣ и капиталъ въ восемь тысячъ! Мнѣ его и понюхать не удалось, не только что попользоваться“.

Библиотека "Руниверс"

Въ комнату вошла Маремьяна Ильинишна и прервала невеселыя размышленія своего супруга. Видъ она имѣла сердитый, раздраженный. Александръ Матвѣевичъ продолжалъ ходить, не обращая никакого вниманія на вошедшую супругу.

— Вы сколько-же это денегъ-то истратили? строго спросила Маремьяна Ильинишна.

— Сколько надо, столько и истратилъ, отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ, не прекращая своей прогулки.

— Вотъ то-то и есть, что не сколько надо.

— Какъ же это такъ?

— Да такъ; по моему счету двадцати трехъ копѣекъ не хватаетъ.

— Ну, этого быть не можетъ.

— Чего не можетъ быть, когда я сама считала.

— Вѣрно плохо считали, равнодушно замѣтилъ Александръ Матвѣевичъ, мѣряя шагами комнату отъ угла до угла.

— Ну, ужь это позвольте, не хуже васъ сосчитаю, даромъ что вы чиновникъ, крикнула обиженная Маремьяна Ильинишна.—Я три раза пересчитала, все-тоже выходитъ.

— Четвертый разъ пересчитайте.

— Ну какъ же, буду я для васъ по десяти разъ считать? Я вамъ говорю, что двадцати трехъ копѣекъ не хватаетъ.

— Куда я ихъ дѣлъ по вашему? спросилъ Александръ Матвѣевичъ, остановясь передъ женой.

— Я почему знаю.

— Ну то-то и есть; значитъ, нечего и говорить пустяковъ; а вы лучше посчитайте-ка еще разъ.

— Да чего еще считать-то, коли я ужь и такъ три раза считала? Ну считай самъ. Голова сахару въ двѣнадцать фунтовъ по двадцати копѣекъ—два рубля сорокъ копѣекъ.

— Ну, два рубля сорокъ копѣекъ.

— Да два фунта кофею по четвертаку—полтинникъ: значитъ, будетъ два рубля девять гривенъ.

— Ну дальше.

— Да цикорію два фунта по пятачку — гривенникъ, всего будетъ три рубля. Такъ-ли по твоему?

— Продолжайте.

— Да четвертку чаю въ полтинникъ; значитъ, будетъ три съ полтиной. Вотъ и все.

— Нѣтъ, позвольте, не все; а за извощика двадцать копѣекъ.

— За какого извощика? спросила Маремьяна Ильинишна, удивленно уставивъ глаза на мужа.

— Такъ что-жь по вашему, цѣлыхъ почти полпуда я на спинѣ потащу?

— Эка, подумаешь, тяжесть какая!

— А не тяжело, такъ и таскайте сами.

— А ты что-же станешь дѣлать? Баклуши бить?

— Я исправляю должность вашего мужа.

— Что-жь, развѣ мужья ничего и не дѣлаютъ.

— Другіе мужья — другая и статья — для нихъ и жены другія... сказалъ Александръ Матвѣевичъ и опять принялся шагать по комнатѣ.

— Пожалуйста безъ комплиментовъ! нетерпѣливо крикнула Маремьяна Ильинишна, махнувъ рукой: ну двугривенный на извощика истратилъ, а три-то копѣйки гдѣ?

— Какія еще три копѣйки?

— Ну какія извѣстно, мѣдныя. Вѣдь я тебѣ пять рублей дала.

— Совершенно справедливо.

— Значитъ, ты долженъ былъ полтора рубля сдачи принести.

— А извощикъ?

— Ну двугривенный скинуть, будетъ рубль тридцать копѣекъ, а ты мнѣ отдалъ рублевую бумажку, двугривенный, пятакъ да двѣ копѣйки, значитъ, трехъ копѣекъ не хватаетъ.

— Ну ужь не знаю.

— Поищи въ карманахъ-то, можетъ быть, тамъ какъ нибудь завалились.

Александръ Матвѣевичъ сталъ рыться въ карманахъ, но ничего не нашелъ; наконецъ, вывернулъ всѣ карманы и все таки трехъ копѣекъ не оказалось.

— Видите ничего нѣтъ, сказалъ онъ, показывая свои вывороченные карманы.

— Куда-жь онѣ дѣвались?

— А кто ихъ знаетъ!

— Какъ-же это?

— По крайней мѣрѣ, я не знаю; можетъ быть, и лавочникъ обсчиталъ.

— Такъ, поди, вытребуй отъ него.

— Что-съ? спросилъ Александръ Матвѣевичъ, вытаращивъ глаза на жену.

— Къ лавочнику сходи, да вытребуй у него три копѣйки, которыя онъ тебѣ не додалъ.

— Это за три-то копѣйки идти Богъ знаетъ куда.

— А что-жь такое?

— Нѣтъ ужь, покорно благодарю. Прогуляйтесь сами, это вамъ здорово.

— Да ты что-жь это, изъ ума, что-ли, выжилъ? накинулась Маремьяна Ильинишна на мужа.—Не принесъ трехъ копѣекъ, да и знать ничего не хочетъ, точно такъ и надо.

— Что-жь мнѣ изъ-за трехъ-то копѣекъ плакать, что-ли?

— Знаю, что тебѣ не жаль, не твои вѣдь деньги-то. Ты вѣдь на словахъ только большое жалованье получалъ, а на дѣлѣ-то вышло, что тебя и со службы-то выгнали.

— Не выгнали, а за штатомъ оставили.

— Ну это все одно; значитъ, не годишься никуда, коли отставили.

— Если вы чего не понимаете, такъ лучше о томъ и не говорите.

— Гдѣ намъ понимать! Поди-ка мудрость какая. По моему тутъ и понимать-то нечего: ты больше ничего какъ прощалыга, а не чиновникъ—вотъ и понятіе все.

— Вы что-жь такое о себѣ воображаете? Что вы раскрасавица, что-ли, какая неписаная? что вамъ и титулъ принеси, да еще и денегъ дай? Это ужь много будетъ. довольно того, что я вамъ титулъ предоставилъ, а деньги ужь ваши должны быть.

— Какой такой титулъ ты мнѣ предоставилъ?

— Развѣ вы теперь купчиха? сказалъ съ нѣкоторой важностью Александръ Матвѣевичъ, остановясь передъ женой и заложивъ руки за спину. — Вы теперь жена титулярнаго совѣтника.

— Что мнѣ твое совѣтничество! отрѣзала раздраженная супруга.

— Вѣдь вы теперь дама; понимаете-ли? благородная дама.

— Важное дѣло!

— Да вѣдь вамъ никогда и не снилось сдѣлаться когда нибудь благородной дамой.

— Эка невидаль какая!

— Да вѣдь вамъ что, сказалъ Александръ Матвѣевичъ, махнувъ рукой и отходя отъ жены.—Вамъ только деньги и дороги; вамъ дай мѣшокъ денегъ, вы и будете сидѣть на немъ, какъ наседка: а что касается возвышенныхъ чувствъ, то вы объ этомъ и понятія не имѣете, потому что образованія никакого не получили.

— Какая есть, такая и есть. А ты теперича отъ меня ни копѣйки не получишь, потому что ты транжирникъ; лучше ужь кухарку пошлю, а тебѣ ужь ничего не поручу—вотъ тебѣ и весь сказъ.

И Маремьяна Ильинишна съ чувствомъ достоинства и сознанія своей власти вышла изъ комнаты.

Библиотека "Руниверс"

Александръ Матвѣевичъ остановился и изумленно смотрѣлъ вслѣдъ уходившей супруги.

„Каково! подумалъ онъ, когда Маремьяна Ильинишна исчезла за дверью. — Изъ-за трехъ-то копѣекъ какъ расколоколила! Вотъ тебѣ и капиталъ, вотъ тебѣ и домъ!... Лакеемъ лучше быть, чѣмъ такимъ мужемъ, какъ я; лакей, по крайней мѣрѣ, жалованье получаетъ, всегда деньги свои имѣетъ, а тутъ табаку четвертку надо купить и то иди просить... Что мнѣ съ ней дѣлать? Одно средство — воровать у нея деньги, больше ничего не остается.

Раздумье Александра Матвѣевича опять было прервано приходомъ какого-то господина очень бѣдно одѣтаго, съ небритой бородой.

— Добраго здоровья-съ, обратился онъ къ Александру Матвѣевичу.

— Мое почтеніе. Что вамъ угодно?

— По дѣлу-съ.

— По какому дѣлу?

— На счетъ деньженокъ-съ.

— Какихъ деньженокъ?

— Вы изволите быть должны господину Птичкину.

— Къ сожалѣнію, это правда, сказалъ Александръ Матвѣевичъ, опуская голову.

— Такъ векселю срокъ скоро будетъ, да еще проценты за прошедшій мѣсяцъ вы не внесли!

— И это правда, хотя горькая, но все таки правда; впрочемъ, правда, кажется, всегда бываетъ горька.

— Такъ вотъ господинъ Птичкинъ поручилъ мнѣ узнать, когда вы можете заплатить, продолжалъ незнакомецъ, не желая, какъ дѣловой человѣкъ, поддерживать философскія размышленія Александра Матвѣевича.

— Вы его родственникъ? ни съ того, ни съ другого спросилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Нѣтъ-съ, повѣренный.

— Пріятно познакомиться съ человѣкомъ, который пользуется чьимъ нибудь довѣріемъ. Хотя ихъ и много нынче проявилось, вышло, такъ сказать, изъ мрака неизвѣстности, но мнѣ не удавалось встрѣчаться съ ними.

— Такъ какъ-же насчетъ долга, когда изволите уплатить?

— Да мнѣ взять ихъ не откуда?

— Какъ не откуда-съ? Домикъ свой изволите имѣть, вѣрно, и капиталецъ за супругой пріобрѣли, значитъ, можете заплатить.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, на домикъ, да на капиталецъ не разсчитывайте, потому что ни тотъ, ни другой не мои.

— Супруги вашей—вѣдь это все равно.

— Совсѣмъ не все равно; я не хочу жить на счетъ жены и ея деньгами уплачивать свои долги — это неблагородно, съ достоинствомъ сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Позаимствоваться у нихъ можете, убѣждалъ повѣренный. Своему человѣку тогда будете должны, а не чужому; супруга ваша, вѣрно вамъ не откажетъ.

— Разумѣется, не откажетъ, да я самъ не хочу.

— Напрасно-съ. Мой совѣтъ — раздѣлайтесь скорѣе съ Птичкинымъ; а то что хорошаго? Не заплатите въ срокъ — въ долговое посадитъ.

— Неужели посадитъ?

— Это непремѣнно; онъ на этотъ счетъ очень строгъ; снисхожденія никакого не сдѣлаетъ.

— Это скверно

— Чего хуже, согласился повѣренный. Полагаю, что и вашей супругѣ это будетъ большое огорченіе; лучше постарайтесь заплатить.

— Постараюсь.

— Я такъ и передамъ г. Птичкину, оно и мнѣ-то меньше будетъ хлопотъ, сказалъ повѣренный, вставая со стула, не придется туда да сюда ходить... Позвольте папиросочки.

— Папироску... съ большимъ удовольствіемъ...

Александръ Матвѣевичъ схватился за портъ-сигаръ, раскрылъ его — ни одной папиросы не было; впрочемъ, объ этомъ обстоятельствѣ Александръ Матвѣевичъ зналъ прежде.

— Ахъ, извините, сказалъ онъ съ любезностью, ни одной нѣтъ, все выкурилъ.

— Ну, дѣлать нечего-съ... Покурить, знаете ли, захотѣлось... Мое почтенье.

— Прощайте.

Домашній бытъ въ Абхазіи. Рис. Мукаровскій, грав. Яссъ.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ ужъ это вѣрно, что въ срокъ заплатите? спросилъ повѣренный уже у двери.

— Непремѣнно, непремѣнно, съ увѣренностью отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ, хотя рѣшительно не зналъ, гдѣ онъ возьметъ деньги.

— Имѣю честь кланяться.

— Будьте здоровы.

Повѣренный ушелъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Куропатки и охота на нихъ.

Сѣрая куропатка по нраву и виду, напоминаетъ нашу домашнюю курицу. Величиной она съ голубя, но ловчѣе и красивѣе его, не смотря на свое простое, безъ яркихъ тоновъ, перо. Самецъ отличается отъ самки ржавымъ пятномъна груди. Эта птица любитъ открытыя мѣста: покосы, хлѣбныя поля и мелкій кустарникъ, въ лѣсу не водится и встрѣчается только на его опушкѣ. Она большею частью бродитъ по землѣ и рѣдко прибѣгаетъ къ помощи своихъ короткихъ, но сильныхъ крыльевъ; бѣгаетъ она очень скоро, если же рѣшается летѣть, то полетъ ея при быстротѣ невысокъ и непродолжителенъ.

Въ концѣ Марта, или въ началѣ Апрѣля, самка выбираетъ себѣ самца и не разстается съ нимъ до осени, когда куропатки начинаютъ стаиться. Гнѣздо свое самка устраиваетъ на землѣ въ небольшой ямкѣ, устилая ее травой и мелкими стебельками. Гнѣзда встрѣчаются чаще: въ хлѣбахъ, горохахъ, покосахъ и порубленномъ лѣсу. Въ гнѣздо самка кладетъ отъ 10 до 15 яицъ и высиживаетъ ихъ около 3-хъ недѣль. Нагрѣваніе ею такого количества яицъ, дало поводъ предполагать, что самецъ сидитъ съ нею вмѣстѣ. Чѣмъ больше насижены яйца, тѣмъ крѣпче сидитъ на нихъ куропатка; за нѣсколько дней до вылупленія птенцовъ, она позволяетъ не только подходить близко къ мѣсту ея сидѣнья, но даже гладить себя.

Около половины Іюня, изъ яицъ вылупляются цыплята и, не успѣвъ хорошенько обсохнуть, часто съ остатками скорлупки на своей пушистой, сѣро-бураго цвѣта одеждѣ, покидаютъ гнѣздо.

Молодыя куропатки, подобно своимъ родителямъ, бойки, живы и вертлявы и чрезъ нѣсколько дней послѣ выхода изъ яицъ, уже начинаютъ перепархивать, имѣя почти сформированныя крылья.

Самецъ раздѣляетъ съ самкой всѣ попеченія о дѣтяхъ: учитъ ихъ добывать кормъ, не позволяетъ далеко отходить и зорко оберегаетъ отъ опасностей; въ случаѣ крайности, онъ подымается, привлекая на себя вниманіе врага.—молодыя же, чувствуя свою безпомощность, разбѣжавшись въ разсыпную, прячутся такъ ловко, что ихъ трудно отыскать. Мать, не желая выдать своимъ присутствіемъ дѣтей, взлетаетъ на воздухъ и, представляясь больною, или сильно утомленною, заманиваетъ непріятеля легкостью добычи и, чуть ей удалея этотъ маневръ, возвращается окольнымъ путемъ къ покинутымъ дѣтямъ. Какъ самецъ, такъ и самка, въ это время, легко могутъ быть подстрѣлены и становятся такимъ образомъ жертвой своей страстной любви къ дѣтямъ. Оспротѣлый выводокъ присоединяется къ другому, если таковой имѣется по близости, и родители послѣдняго не только не чуждаются такому случайному увеличенію своего семейства, но и заботятся о чужихъ дѣтяхъ, точно также, какъ и о своихъ собственныхъ. Если выводка вблизи нѣтъ, то сиротки, не имѣя опытности старшковъ, чаще всего дѣлаются легкой добычей безчисленнаго множества лакомокъ до ихъ нѣжнаго мяса.

Настоящій, „образованный“ охотникъ никогда не, позволитъ себѣ лишить безпомощныхъ птенцовъ ихъ необходимой опоры; онъ скорѣе употребитъ всѣ мѣры для размноженія и охраненія дичи, чѣмъ для ея уничтоженія. Охотнику аматеру, всегда горячему любителю природы, истинное удовольствіе доставляетъ рѣдкій случай наблюдать молодой выводокъ и онъ ловитъ эти минуты, цѣня ихъ на столько, что ему и въ голову не придетъ мысль о добычѣ въ такую раннюю пору.

Цыплята, выростая, мѣняютъ пухъ на перо и становятся нѣсколько самостоятельнѣе. Въ это время, въ случаѣ опасности, весь выводокъ подымается и, не разбиваясь, быстро перемѣщается на другое мѣсто: если же такой выводокъ поднятъ вторично, то цыплята разлетаются въ разсыпную и каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ удобное мѣсто для защиты. Притаясь къ землѣ, и имѣя не яркое оперение, куропатки такъ мало замѣтны, что только съ доброй собакой можно ихъ отыскать. Выждавъ нѣкоторое время, по минованіи опасности, самецъ начинаетъ скликать свою молодежь, которая и собирается снова въ стаю.

Пищей молодымъ, въ первые дни ихъ жизни, служатъ разнаго рода насѣкомыя, которыхъ онѣ, подъ руководствомъ родителей, выучиваются очень ловко ловить. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, молодыя куропатки очень похожи на нашихъ домашнихъ цыплятъ; самка, точно также какъ и курица, найдя кормъ, скликаетъ своихъ дѣтей, а послѣднія, точно также какъ цыплята, услышавъ знакомый голосъ матери, цѣлой гурьбой сбѣгаются къ предлагаемой пищѣ. Куропатка очень любитъ рыться въ землѣ, грѣться на солнцѣ и собирать подъ крылья все свое молодое потомство.

Подростая, молодыя начинаютъ питаться, точно также какъ и старыя, хлѣбными зернами и сѣменами другихъ растеній. Любимымъ мѣстопребываніемъ куропатокъ служатъ хлѣбныя поля; здѣсь живутъ онѣ вплоть до жатвы и затѣмъ уже перебираются въ близь-лежащіе овраги, мелкій кустарникъ и лѣсныя опушки. Къ осени ихъ часто можно найти въ молодыхъ озимяхъ. Къ октябрю куропатки образуютъ стаи, выводка по два, по три, и дѣлаются, какъ и всякая, живущая большимъ обществомъ, птица, чрезвычайно осторожны и боязливы.

Зима, настоящій бичъ для куропатокъ, въ особенности неблагопріятенъ для нихъ пастъ, покрывающій поля не только весною, но и послѣ большихъ ростепелей, если разомъ наступятъ сильные холода. Твердая, обледенѣлая корка снѣга недоступна для лапокъ куропатокъ и изъ-подъ нея онѣ не могутъ отрыть себѣ кормъ; въ это бѣдственное время, голодныя и холодныя куропатки забываютъ свою осторожность и боязливость и подходятъ близко къ гумнамъ, къ скирдамъ еще невымолоченнаго хлѣба; если же вблизи такихъ кормныхъ мѣстъ не находится, то цѣлыя стаи куропатокъ гибнутъ голодною смертью. Зимой куропатки по неволѣ измѣняютъ свой образъ жизни—имъ уже нельзя подъ каждымъ кустомъ найдти „и столъ, и домъ“; два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ, онѣ цѣлыми стаями перелетаютъ на кормныя мѣста, а въ остальное время сидятъ полузарывшись въ снѣгу.

Охота на куропатокъ начинается обыкновенно къ концу іюля, т. е. въ такое время, когда и хлѣба снимаютъ, да и молодыя становятся уже взрослыми. Лучшій способъ охоты, конечно, съ ружьемъ и хорошей собакой; но, обладая тѣмъ и другимъ, не всякій можетъ быть увѣреннымъ въ удачѣ, такъ какъ для полнаго успѣха необходимо умѣть быстро прицѣливаться и ловко стрѣлять. Куропатка летаетъ чрезвычайно быстро и очень скоро выходитъ изъ-подъ выстрѣла. Безъ собаки охота мало занимательна да и недобычлива: выводки срываются, хотя и изъ-подъ самыхъ ногъ охотника, но неожиданно, такъ что ему чаще приходится ахать чѣмъ стрѣлять. Молодую, не совсѣмъ хорошо натасканную собаку, лучше не брать на куропатокъ; въ этомъ случаѣ чаще получишь непріятности, чѣмъ удовольствіе, не говоря уже о томъ, что можно совсѣмъ испортить собаку. Большое количество птицъ въ выводкѣ и особый, характерный и весьма сильный запахъ отъ нихъ, хотя и помогаетъ собакѣ вѣрно выслѣдить куропатокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горячитъ ее—дѣлаетъ непослушной волѣ хозяина, въ особенности когда куропатки, разъ перемѣстившись на близкое разстояніе, начинаютъ быстро бѣжать. Только хладнокровный охотникъ, съ такъ называемой „вѣжливой“ собакой, можетъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ. Легче всего, конечно, добыть самца, который поднимается первымъ и какъ бы нарочно летитъ медленно, отпекая собаку въ сторону отъ выводка. Вся задача охотника заключается въ томъ, чтобы разбить выводокъ — заставить его разлетѣться въ стороны, замѣтить гдѣ разсѣлись куропатки и уже потомъ подходить съ собакой къ затаившейся и крѣпко сидящей птицѣ. Замѣтить перемѣщающуюся въ разсыпную выводку, въ особенности въ кустахъ, бываетъ весьма трудно, а отыскивать на удачу—большею частью неуспѣшно; въ этомъ случаѣ лучше всего обождать и прислушаться къ призывному крику самца, который не замедлитъ, по минованіи тревоги, снова собрать въ стаю цѣлый выводокъ. Много куропатокъ погибаетъ въ глухую зимнюю пору отъ удачныхъ выстрѣловъ охотника, замѣтившаго посѣщеніе куропатками гуменъ, тутъ стрѣляютъ въ цѣлую кучу и въ одинъ разъ убиваютъ по нѣскольку штукъ. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ уничтоженіемъ куропатокъ, которое производятъ промышленники, добывая ихъ различными снастями. Къ числу самыхъ добычливыхъ снастей принадлежитъ шатеръ. Шатеръ есть ничто иное, какъ огромная сѣть, которая, будучи растянута, имѣетъ видъ палатки или шатра, что и послужило поводомъ къ ея названію. Сѣть эта вяжется изъ крѣпкихъ нитокъ, и чѣмъ тоньше послѣднія, тѣмъ лучше, потому что тогда сѣть не такъ рѣзко бросается въ глаза, а слѣдовательно птица не такъ боится засады. Зная гдѣ водятся куропатки, промышленникъ расчищаетъ снѣгъ на полѣ, сообразно величинѣ сѣти, и посрединѣ расчищеннаго мѣста ставитъ овсяные снопы, а, отойдя въ сторону сажень пять, складываетъ ворохъ соломы; послѣдній предназначается на будущую шалашку. Затѣмъ, дня черезъ два, онъ приходитъ навѣдаться и, если увидитъ, что куропатки были на приманкѣ, вполнѣ можетъ разсчитывать на успѣхъ. При осматриваніи приманки необходимо наблюдать осторожность, не приходить пѣшкомъ, а пріѣзжать въ саняхъ и въ такое время,

Библиотека "Руниверс"

когда куропатокъ не бываетъ на привадѣ, т. е. въ полдень. Кругомъ привады набиваются небольшія колышки, они назначаются для привязыванія шатра. Изъ вороха соломы дѣлается шалашка, а по срединѣ привады устанавливается колъ. Онъ будетъ поддерживать шатеръ; колъ этотъ ставится на маленькую дощечку, чтобы не углублялся въ снѣгъ. Шатеръ привязывается къ вбитымъ кольямъ такъ, чтобы куропатки могли свободно входить въ него. Вилку кола, поддерживающаго шатеръ, привязывается веревка и проводится въ шалашъ. Веревка засыпается снѣгомъ. Когда все готово, промышленникъ садится въ шалашку и ожидаетъ куропатокъ. Какъ только куропатки собрались на знакомое уже имъ кормное мѣсто и подошли подъ шатеръ, промышленникъ дергаетъ за веревку, колъ падаетъ и шатеръ покрываетъ всю стаю. Этимъ способомъ можно переловить всѣхъ куропатокъ въ данной мѣстности и лишить ее этой птицы чуть ли не на всегда. Куропатка, птица мѣстная, очень любитъ свою родину и держится на ней крѣпко. Въ тѣхъ поляхъ, гдѣ ее вывели до послѣдней штуки, новыхъ поселенцевъ не заведется—это не перелетная птица. Неумѣлое и алчное пользованіе дарами природы всегда ее истощаетъ, но попробуйте объяснить это нашему простолюдину-промышленнику — онъ вамъ или не повѣритъ, или возразитъ, что „на нашъ вѣкъ хватитъ".

Бывали удачные примѣры поселенія пойманныхъ куропатокъ на новыхъ мѣстахъ и разведенія этой птицы тамъ, гдѣ она повывелась. Для этой цѣли весною куропатокъ выпускали парами въ удобныя для ихъ жизни мѣста и заготовляли тутъ же для нихъ кормъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ способъ поселенія куропатокъ хотя и возможенъ, но гораздо болѣе труденъ, чѣмъ сохраненіе ихъ тамъ, гдѣ онѣ сами водятся.

Е. В—овъ.

Абхазія и абхазцы.

Вдоль восточнаго берега Чернаго моря протягивается полоса земли, лежащая между 50—59° восточн. долг. и 43—45° сѣвер. широты, по возвышенностямъ покрытая роскошными лѣсами и почти не пересѣкаемая долинами. Естественныя произведенія этой страны весьма разнообразны: растутъ въ изобиліи фрукты и плоды, въ долинахъ пасутся многочисленныя стада рогатаго скота. Эта страна называется *Абхазіей*, или, по другому произношенію: абхазети, авхала, абхази, абаза, абасса. По значенію, это названіе синонимично „трансбубинскимъ" жителямъ береговъ Чернаго моря. Древній географъ Страбонъ, вмѣстѣ съ другими древними географами, ясно упоминаетъ, что въ этой полосѣ жилъ въ его время народъ, называемый *ахеями*, вмѣстѣ съ *геніохами* и *ципами*, и всѣ эти племена, по мнѣнію Страбона, были потомками древняго великаго греческаго племени ахейцевъ. Они занимались морскимъ разбоемъ и торговлей рабами. Впослѣдствіи они стали называться абазгами, а отсюда уже позднѣе образовалось названіе абасси. Народъ, жившій въ этой странѣ, именно подъ этимъ именемъ, былъ извѣстенъ во времена греческаго императора Юстиніана. Онъ управлялся тогда двумя князьями, но затѣмъ Юстиніанъ подчинилъ его своей власти и старался искоренить у абасковъ язычество и просвѣтить ихъ свѣтомъ Христовой вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искоренить у нихъ многіе варварскіе обычаи, напримѣръ, обычай кастраціи. Послѣ подчиненія византійцамъ, абаски подпали подъ власть персовъ, а потомъ подъ власть грузинъ. Подъ властью персовъ большая часть племени приняла исламъ и слѣды христіанства вскорѣ исчезли. Въ настоящее время благородные потомки абхазцевъ всѣ исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Въ періодъ татарскихъ нашествій на Россію, ханы Чингисханъ и Тимуръ покорили Абхазію, хотя на короткое время своей власти. Затѣмъ, въ періодъ мусульманскаго нашествія на Европу, пытались было Абхазіей завладѣть турки и построили уже тамъ свои укрѣпленія, изъ коихъ до нашего времени сохранилась Анапа, недалеко отъ устья Кубани. Кабардинскіе черкесы ослабляютъ потомъ Абхазію, истребивъ или взявъ въ плѣнъ родоначальниковъ абхазской знати. По Адріанопольскому договору (1829 г.) Абхазія перешла во власть Россіи, и затѣмъ извѣстна продолжительная, съ цѣлью усмиренія непокорныхъ племенъ, стоившая намъ много крови и денегъ, война наша съ дикимъ горнымъ населеніемъ Кавказа. Въ эту войну входила и Абхазія, на „мирныхъ" князей которой столь же мало можно было положиться, какъ и на мирныхъ князей черкесскихъ.

Абхазцы вообще распадаются болѣе чѣмъ на 40 малыхъ племенъ. Это весьма красивый, крѣпкаго сложенія, мужественный народъ (какъ можно судить по характеру фигуръ абхазцевъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ). Женщины замѣчательно красивы и ихъ весьма охотно раскупаютъ турки для своихъ гаремовъ. Признакомъ женской красоты служитъ высокій ростъ. Для мужчинъ самое любимое занятіе—охота, если только нѣтъ войны. Что касается языка абхазцевъ, то онъ оригинальный, хотя многія слова и обороты и заимствованы изъ языка черкесскаго.

Фруктовъ и плодовъ родится множество: яблоки, груши, абрикосы, персики, сливы, фиги и проч. Роскошные лѣса, покрывающіе почти всю страну, состоятъ изъ дуба, сосны, ели, пихты, бука, платановъ, клена, тисоваго дерева, ясени и проч., всѣ эти деревья доставляютъ великолѣпный строевой лѣсъ; но полудикій абхазецъ какъ лѣсъ, такъ и другія произведенія природы никогда не эксплоатировалъ надлежащимъ образомъ. Абхазцы-земледѣльцы всегда ограничивались только воздѣлываніемъ на своихъ роскошно-плодородныхъ поляхъ маиса, проса— и только! Подобно своему сосѣду - черкесу, абхазецъ издавна любилъ свою незатѣйливую саклю, типъ кавказскихъ построекъ. Домашній скотъ состоитъ у абхазцевъ изъ быковъ, буйволовъ, коровъ, лошадей (употребляющихся только для верховой ѣзды), козъ, овецъ и свиней. Надо притомъ замѣтить, что абхазская овечья шерсть весьма плоха по качеству. Такъ какъ въ странѣ луговъ почти нѣтъ, то рогатый и проч. скотъ возможно пасти только въ лѣсахъ; въ виду этого многіе жители занимаются исключительно свиноводствомъ, такъ какъ свинья находитъ себѣ обильную пищу въ дубовыхъ лѣсахъ. Часто внезапно наступающіе здѣсь холода производятъ падежъ на скотъ, которому способствуетъ общее изнуреніе животныхъ, потому что кормовыхъ запасовъ безпечные абхазцы обыкновенно не дѣлаютъ. Что касается до торговли Абхазіи, то она всегда была весьма незначительна. Единственные предметы вывоза: медъ, воскъ и холодное оружіе (сабли, шашки, кинжалы), въ производствѣ послѣдняго продукта абхазцы являются замѣчательными мастерами.

Весь край, называемый Абхазіей, можно раздѣлить на *двѣ* части: а) *западную* „великую" или иначе Старую Абхазію, простирающуюся по всему юго-западному склону главнаго гребня горъ, идущаго вдоль береговъ Чернаго моря, и б) сѣверо-восточную, „малую" или Новую Абхазію, лежащую по сѣверо-восточному склону упомянутаго хребта. Это различіе въ названіяхъ объясняется различіемъ въ густотѣ и отличительномъ характерѣ населенія той и другой части страны. Великая Абхазія населена такъ называемыми *„джигитами"* или *„абхазуами"* составляющими корень или ядро всего абхазскаго племени. Здѣсь обрѣтается много памятниковъ, украшенныхъ фресками христіанскихъ построекъ временъ Юстиніана и феодальнаго господства.

Что касается нравовъ и обычаевъ жителей, то въ нихъ замѣчается много заимствованнаго отъ черкесовъ, имеретинцевъ и грузинцевъ. Семейный и соціальный бытъ тоже напоминаетъ таковой же бытъ сосѣднихъ первобытныхъ народовъ. Жена — раба мужа, обязанная безусловно слушаться его; такимъ же послушаніемъ обязаны младшіе относительно старшихъ. Воровство и разнаго рода похищенія развиты у нихъ въ широкихъ размѣрахъ; весьма понятно, что они соединены часто съ разбоемъ: оттого абхазцы, подобно черкесамъ, всегда ходятъ съ оружіемъ. Не у однихъ разноплеменниковъ они крадутъ; нѣтъ, они обкрадываютъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей-единоплеменниковъ. Во время войны у нихъ издавна существовалъ обычай продавать туркамъ взятыхъ у непріятеля плѣнныхъ. Хитрость, обнаруживаемая при кражѣ, считается у абхазцевъ большою славою. Плохъ или никуда негоденъ тотъ женихъ, который не можетъ доказать своей невѣстѣ, что угналъ когда либо стадо или укралъ изъ табуна коня.

Абхазцы, живущіе на самомъ берегу Чернаго моря, занимаются и рыбною ловлей, а также ловлей дельфиновъ, изъ которыхъ они добываютъ жиръ. Этотъ промыселъ могъ бы составлять значительный предметъ торговли, если бы абхазецъ не былъ лѣнивъ и не пренебрегалъ всякаго рода промыслами.

Съ 1863 г. соціальный бытъ всѣхъ кавказскихъ жителей, какъ извѣстно, совершенно измѣнился. Съ незадолго передъ тѣмъ случившимся паденіемъ Шамиля, окончена долголѣтняя наша непрерывная война на Кавказѣ. До этого времени жизнь абхазцевъ, наравнѣ съ другими жителями Кавказа, представляла особую форму феодальныхъ отношеній. Своеволіе какого-нибудь князя не знало себѣ предѣловъ. Пославъ развѣдчиковъ для того, чтобы узнать, гдѣ вѣрнѣе и удачнѣе произвести разбой, угнать стадо и проч., князь въ нетерпѣливомъ ожиданіи, уже вооруженный, сидѣлъ у своей сакли.

Прилагаемая нами картинка представляетъ именно одну изъ такихъ сценъ домашняго быта абхазскихъ князей.

М. С.

Библиотека "Руниверс"

Мечты, мечты! где ваша сладость?

(Картина Эдуарда Шульца).

Старушка въ чепчикѣ, въ букляхъ и очкахъ сидитъ за пюпитромъ въ картинной галлереѣ. Она занимаетъ весьма высокое положеніе, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи, т. е. находится на подмосткахъ, на нѣкоторомъ возвышеніи отъ поверхности пола галлереи. Покрой платья старушки, обиліе лентъ и оборокъ, фасонъ ея шляпки съ розаномъ весьма солидныхъ размѣровъ, наконецъ самая ея поза и выраженіе ея лица указываютъ, что она принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ чопорныхъ старушекъ. Старушка занята копированіемъ картины, изображающей Амура и Психею. Она, видимо, сдѣлавъ два-три серьезныхъ мазка, съ любовью обозрѣваетъ на сколько хорошо они положены. Впрочемъ, трудно рѣшить, чѣмъ она любуется, тѣмъ ли, что хорошо идетъ ея работа или самымъ сюжетомъ картины.

Не знаю, какъ для другихъ, а по нашему мнѣнію картина эта отчасти имѣетъ въ себѣ комическую сторону, и, конечно, комизмъ ея заключается именно въ томъ, что чопорная старушка рисуетъ то, что всего менѣе идетъ къ ея лѣтамъ. Можетъ быть она вовсе непреднамѣренно выбрала такой сюжетъ для своей копіи, можетъ быть даже онъ ей заказанъ, и она волей неволей должна за нимъ сидѣть; но такъ или иначе, а комизмъ все-таки остается при этомъ въ своей силѣ и нельзя неулыбнуться, глядя на сопоставленныя художникомъ двѣ жизни. Самое названіе картины указываетъ на то, что художникъ непрочь былъ пошутить надъ чопорной старушкой. Такъ или иначе, но сопоставленіе двухъ почти крайнихъ точекъ человѣческой жизни приводитъ на мысль стихи Пушкина:

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты, живая радость?
Исчезнулъ онъ, веселый сонъ...

Л.

Политическое обозрѣніе.

Мы оставили наше обозрѣніе на томъ политическомъ моментѣ, когда общественное вниманіе сосредоточивалось на предварительныхъ засѣданіяхъ конференціи; эти засѣданія уже были кончены и предстояли засѣданія настоящей конференціи. На этихъ-то засѣданіяхъ до сихъ поръ сосредоточено вниманіе всей Европы, насколько оно касается восточнаго вопроса. Случилось такъ, что при началѣ перваго засѣданія конференціи, при громѣ пушекъ, провозглашена въ Константинополѣ турецкая конституція, возбудившая множество обсужденій въ различныхъ органахъ европейской печати, хотя, по правдѣ говоря, дѣло этого далеко не стоило, не представляя ничего, кромѣ пустого шума.

Съ самыхъ первыхъ засѣданій настоящей конференціи обнаружился ея характеръ. Уполномоченные Турціи «спорили и торговались» изъ-за каждаго мелочнаго условія, между тѣмъ какъ уполномоченные великихъ державъ выказывали миролюбіе и согласіе между собою.

Органы европейской печати даже упрекаютъ представителей великихъ державъ въ непонятной деликатной уступчивости Портѣ, представители которой сейчасъ же извлекли для себя пользу изъ этого обстоятельства и стали смѣлы и рѣшительны въ своихъ требованіяхъ. Уже вскорѣ послѣ предварительныхъ обсужденій, Портѣ сообщенъ былъ державами проектъ реформъ, состоящій въ слѣдующихъ положеніяхъ: Болгарія будетъ раздѣлена на *двѣ* провинціи. Мэры, или муниципальные чиновники избираются населеніемъ. Генералъ-губернаторъ долженъ располагать военными силами, достаточными для прекращенія злоупотребленій. Организація судовъ будетъ предоставлена международной коммисіи. Иностранцы получаютъ право быть избираемыми на должности судей, если коммисіею будетъ признано это необходимымъ. Портѣ должно быть выплачиваемо только 30% нынѣшнихъ налоговъ. Къ службѣ въ милиціи будетъ призываемъ только 1% населенія. Военная сила, назначенная для гарантированія выполненія реформъ, будетъ называться «жандармеріею» и будетъ состоять изъ трехъ или четырехъ тысячъ иностранныхъ солдатъ. Что касается Герцеговины и Босніи, то мѣры, предложенныя касательно ихъ, почти тождественны. Для Сербіи сохраняется status quo, при этомъ на своей западной границѣ она получаетъ Малый Зворникъ. Территорію Черногоріи предполагалось значительно расширить—при чемъ къ ней присоединить приморскіе порты.

На *пятомъ* засѣданіи конференціи, послѣднемъ изъ тѣхъ, предметъ обсужденій которыхъ мы до сихъ поръ довольно отчетливо знаемъ (происходившемъ 23 декабря (4 января), Савфетъ-паша прочелъ меморандумъ, цѣль котораго—выясненіе нѣкоторыхъ положеній съ турецкой стороны, обсуждавшихся въ предшествовавшемъ *четвертомъ* засѣданіи конференціи, въ которомъ турецкіе уполномоченные объявили, что они даже не могутъ входить въ обсужденіе такихъ предложеній, какъ учрежденіе *международной жандармерии* и *допущеніе международной наблюдательной коммисіи* (?). Турецкій совѣтъ министровъ, обсудивъ эти пункты, отвергнулъ ихъ и вотъ это-то отклоненіе и отрицаніе предложенныхъ мѣръ и составляли содержаніе предложеннаго меморандума. Представители Порты особенно спорятъ противъ того пункта рѣшеній державъ, по которому Портѣ предписывается употреблять на уплату своего государственнаго долга не болѣе 30% доходовъ христіанскихъ провинцій; остальные же доходы употреблять на удовлетвореніе нуждъ этихъ провинцій. Что Портѣ не понутру этотъ пунктъ—это весьма понятно; но вотъ что для насъ представляется крайне непонятнымъ: получивъ этотъ меморандумъ, представители державъ собрались на частную сходку, чтобы сверхъ сдѣланныхъ Портѣ уступокъ, сдѣлать еще важнѣйшія, съ цѣлью во чтобы то ни стало достигнуть соглашенія. Такъ, спеціальную международную коммисію, долженствующую гарантировать реформы, предполагаютъ замѣнить просто *коммисіей изъ мѣстныхъ консуловъ*, а вмѣсто упомянутой уже свыше жандармеріи учредить лишь *кадры*, набранные въ Европѣ, въ которые поступали бы волонтеры изъ болгаръ. Раздѣленіе Болгаріи на двѣ провинціи отмѣняется; вопросъ о Западной границѣ Сербіи и о Маломъ Зворникѣ представляется третейскому суду. И—странно сказать! даже эти предложенія съ такими уступками Порта отвергла, какъ противорѣчащія ея самостоятельности!.. Вотъ что значитъ съ самаго же начала поощрить чванство и высокомѣріе азіатскаго государства!... Пессимисты выводятъ изъ этого заключеніе, что конференція не достигнетъ никакихъ результатовъ, кромѣ, можетъ быть, потери времени. Стращали Порту и отъѣздомъ представителей великихъ державъ, слѣдовательно, прерваніемъ дипломатическихъ сношеній, и это ни къ чему не повело.

Положеніе становилось затруднительнымъ; но отъ 11-го января (30-го декабря) разрѣшилось извѣстіемъ, что большой совѣтъ высшихъ сановниковъ Порты рѣшилъ *принять предложеніе европейскихъ уполномоченныхъ на конференціи*, если они согласятся примѣрить ихъ съ основами ноты графа Андраши отъ 30 декабря 1875 года. Этого только пока и достигла конференція — результатъ не богатый. Подождемъ, что будетъ далѣе.

На бывшемъ театрѣ войны турки, по обычаю, нарушаютъ перемиріе и практикуютъ свои варварскія нападенія на бѣдныя деревни, въ долинѣ Моравы и около Тимока. Случаи нарушенія ими демаркаціонной линіи стали повторяться теперь чаще

Въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній мы уже упоминали о разрѣшеніи бывшаго министерскаго кризиса во Франціи въ томъ смыслѣ, что постъ президента министровъ занялъ Жюль-Симонъ, на мѣсто Дюфора, слѣдовательно политика Франціи приняла тьеровскія традиціи, противныя Гамбеттѣ. Теперь уже достаточно опредѣлилась политическая программа новаго президента министровъ. Умѣренно - республиканскіе органы Франціи, каковы «Temps», «Siécle», «Débats» и «National», безусловно одобряютъ ее. Въ вопросахъ иностранной политики Жюль-Симонъ слѣдуетъ совѣтамъ Тьера и не предоставляетъ министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Деказу, такой свободы дѣйствій, какую предоставлялъ ему Дюфоръ. Но Деказъ, съ своей стороны, употребляетъ всѣ силы, чтобы сохранить свое вліяніе на маршала Макъ-Магона. На дняхъ (28 декабря (9 января) палата депутатовъ большинствомъ 340 голосовъ противъ 326 вновь выбрала Греви своимъ президентомъ. Наши отношенія къ Франціи и Франціи къ намъ продолжаютъ быть весьма дружественныя.

Въ общемъ политическомъ водоворотѣ на минуту всплыло было такое маленькое государство, какъ Бельгія. Дѣло въ томъ, что существовала нѣсколько времени молва о проектѣ занятія Болгаріи, въ видахъ гарантій исполненія реформъ со стороны Турціи, бельгійскими войсками. Бельгійское правительство отклонило такое предложеніе.

— Въ Мадридѣ недавно закрыта сессія кортесовъ. При этомъ президентъ министровъ, Кановасъ - дель - Кастильо увѣрялъ въ своей заключительной рѣчи, что испанское правительство будетъ слѣдовать мирной политикѣ.

— Изъ Сербіи слышно, что бывшій сербскій военный министръ Николичъ недавно возвратился въ Бѣлградъ и снова приметъ портфель военнаго министерства. Такъ называемый «постоянный отборъ скупщины» требовалъ отъ правительства, чтобы скупщина была созвана до 12 января, съ цѣлью всеотлагательнаго обсужденія бюджета и общихъ финансовыхъ мѣръ, касающихся *продолженія военныхъ дѣйствій*.

По поводу приказа по дивизіи, изданнаго генералъ-лейтенантомъ Никитивымъ, чтобы всѣ русскіе добровольцы были отнесены въ вѣдѣніе сербскаго военнаго министерства, 20 декабря (1 января) какъ извѣстно, вышло недоразумѣніе. Четвертый батальонъ русскихъ добровольцевъ, явясь къ кнежескому конаку (дворцу), сталъ требовать возвращенія принадлежащаго батальону знамени, съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Россію. Но затѣмъ недоразумѣніе это разрѣшилось довольно мирно.

(Продолженіе на стр. 33 и 34).

Библиотека "Руниверс"

Въ Рущукѣ обнародованъ манифестъ болгарскаго комитета къ болгарскому народу, въ которомъ комитетъ требуетъ для Болгаріи автономіи на тѣхъ же условіяхъ, какъ она была дарована Сербіи въ 1818 году. По этому поводу сюда пріѣхалъ Маринович и отправился отсюда немедленно въ Буду-Пештъ, для совѣщанія съ графомъ Андраши.

Положеніе дѣлъ въ Америкѣ, продолжаетъ обращать вниманіе Европы. Въ Соединенныхъ Штатахъ продолжается упорная борьба между демократическою и республиканскою партіями; другими словами: вопросъ быть ли президентомъ Тильдену или Гейсу—вопросъ еще далеко не рѣшенный. Энергія и нѣкоторый успѣхъ до сихъ поръ на сторонѣ демократовъ. Носились слухи, что существуетъ обширный вооруженный заговоръ демократической партіи. Бывшій президентъ Грантъ опровергалъ эти слухи. Но отдѣльные случаи подтверждаютъ ихъ. Отъ 29 декабря (10 января) 1877 года, телеграфъ извѣстилъ насъ, что въ этотъ день отрядъ демократической милиціи, предводимый губернаторомъ-демократомъ, овладѣлъ зданіемъ суда въ Нью-Орлеанѣ и назначилъ судей изъ демократовъ, а также захватилъ въ свои руки всѣ полицейскія конторы. Во власти республиканскаго губернатора осталось только зданіе правительственныхъ мѣстъ. Положеніе дѣлъ приняло, вслѣдствіе этого, критическій характеръ. Совѣтъ министровъ Сѣверо-Американской республики не призналъ, однако, ни одного изъ соперничествующихъ въ Нью-Орлеанѣ губернаторовъ, и предписалъ главнокомандующему союзными войсками возстановить въ Нью-Орлеанѣ порядокъ. Теперь, когда мы пишемъ эти строки, казенное зданіе, въ которомъ помѣщается республиканскій губернаторъ и республиканское законодательное собраніе, оцѣплены милиціей демократовъ.

Въ Мексикѣ правительство Лердо-де-Техада пало, т. е. республиканская партія Порфирія Діаса одержала верхъ.

1-го января 1877 г., по новому стилю, было днемъ торжества для Остъ-Индіи. Въ этотъ день столица великаго Могола выслушала изъ устъ самого вице-короля Остъ-Индіи провозглашеніе новаго титула королевы Великобританіи—титула *индійской императрицы*. Англійскій парламентъ согласился на этотъ новый титулъ только подъ условіемъ, что во *внутреннихъ сношеніяхъ*, т.-е. въ манифестахъ и указахъ къ самимъ англичанамъ, королева останется по прежнему только «королевою», а не «императрицею». Въ чемъ же дѣло? Гдѣ причина такого формальнаго ныомотательства со стороны парламента? Лордъ Дизраэли утверждаетъ, что парламентъ сдѣлалъ это для того, чтобы *противодѣйствовать вліянію русскаго имени въ Средней Азіи*. Еслибы даже необходимость противодѣйствія вызывалась дѣйствительными надобностями, то противодѣйствовать титуломъ по меньшей мѣрѣ странно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Николаевъ, Р. П. Сл—ову.** Сказать мнѣніе можемъ только по прочтеніи статьи

2) **Промзино, Вл—ову.** Помѣщаемъ нѣсколько строчекъ вашего писанія

«Я лежу себѣ мечтаю,
Строю замки въ облакахъ
И вдругъ въ яму чебурахъ
Кричитъ кучеръ—охъ, бѣда!
Я кричу вода, вода!»

Вы, должно быть, въ самомъ дѣлѣ, такъ «чебурахнулись», что съ испугу даже стихи стали писать.

3) **Въ М Н. П. С.** Вы пишете: «Ночи *велики* чарующій языкъ» или:

«И весело живетъ міръ крохотныхъ созданій,
Творецъ *имъ указалъ* законы мірозданья,
Лелѣетъ, бережетъ, и свѣтовые волны
Для нихъ *готовитъ* онъ, заботливости полный».

Сколько «хорошихъ» словъ и сколько въ нихъ неправды!

4) **Москва, Серпуховскія ворота. П. А. Сус—ову.** Нехорошо чужіе стихи выдавать за свои. Видимо, вы еще слишкомъ юны и не въ состояніи понять какимъ дурнымъ пороковъ заражаетесь. Поживете, узнаете, что стихи:

«Бывало въ домѣ пробширномъ
Въ кругу друзей, въ кругу родныхъ... и т. д.

извѣстны очень многимъ, не смотря на ихъ большіе въ литературномъ отношеніи недостатки. Дай Богъ, чтобы съ этимъ знаніемъ, вы получили способность отличать дурные поступки отъ хорошихъ.

5) **И. Кан—ову.** «Знахарка» очеркъ изъ Горской жизни, напечатанъ не будетъ.

6) **Москва, О. Пон—вой.** Нельзя.

7) **Ст. Ахметовская, Кубанс. Обл. И. С. Усп—ому.** Все то, что вы прислали годится только для почтоваго ящика. Помѣстить, къ сожалѣнію, всего не можемъ, и ограничиваемся только слѣдующимъ:

«Вотъ это наше горе
Когда у насъ денегъ нѣтъ,
Хоть утопиться въ морѣ—
Вездѣ плохой привѣтъ»

Вы, видимо, того мнѣнія, что съ деньгами и утопиться хорошо. Едва-ли.

Но стихи ваши, не смотря на ихъ высокія мысли и художественную форму, лишены прелестны, чѣмъ заглавіе къ нимъ. Наприм. такое: «Старинный звонъ церковныхъ колоколовъ, какъ предметъ тревогъ въ административномъ порядкѣ».

Коротко и ясно!

Изъ стихотворенія, такъ удачно озаглавленнаго, беремъ одну строфу.

«Бѣдняжки колокола,
Такъ много переносите,
Ненужныя дѣла
А вы о нихъ все звоните.

Стихи эти дѣйствительно возбуждаютъ жалость, но только не къ колоколамъ

8) **Варшава, студенту Н. А: См—у.** Отвѣчаемъ вамъ вашими же словами:

Ужъ очень много-то писать —
Не повредило-бы здоровью.
Природа говоритъ — оставь
Тебѣ во вредъ это послужитъ.

И свасибо природѣ, что она вамъ говоритъ правду. Займитесь лучше лекціями.

9) **Воронежъ, Д. И. Рох—ову.** Не полагайте надежды: стихи хотя и удачны, но въ нихъ, увы, поэзіи нѣтъ и слѣда.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУКОВОДСТВО ГИМНАСТИКИ

для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Съ 227 гравированными политипажами въ текстѣ и 6 анатомическими рисунками. Составлено инспекторомъ гимнастики при С.-Петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ **К. А. Шмидтомъ.** Съ дополненіемъ «**Подготовка къ военной службѣ**», съ 20 гравированными чертежами. Цѣна 1 р. 60 к.

Руководство гимнастики для сельскихъ и народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, съ 113 полит. Сист. **К. А. Шмидтъ.** Цѣна 75 к.

Двѣ стѣнныя таблицы политипажей, содержащія въ себѣ 113 фигуръ. Цѣна таблицамъ 50 к.

Гимнастика и ея польза. Цѣна 10 к.

Шмидтъ, К. Руководство гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ школъ и семинарій и для примѣненія къ домашнему воспитанію дѣтей, съ 218 политипажами. Спб. 1873 года. Цѣна 1 р. 50 к

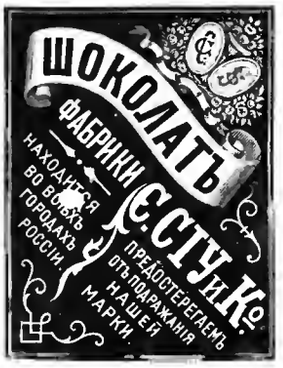
Пять стѣнныхъ таблицъ политипажей, къ «руководству гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, Учительскихъ семинарій и Народныхъ школъ. Цѣна безъ пересылки 1 р

Руководства, а равно къ нимъ приложенныя таблицы, **одобрены** ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, **одобрены** ученымъ комитетомъ Святѣйшаго Сѵнода для духовныхъ учебныхъ заведеній и **одобрены** для всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи учебнымъ комитетомъ, состоящимъ при IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи.

Продаются въ С.-Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на квартирѣ автора въ Константиновскомъ Военномъ Училищѣ, кв. № 13, и ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ Ф. ЮРГЕНСА, Гороховая ул., д. № 55, гдѣ требованія исполняются въ самое короткое время.

Въ Москвѣ у книгопродавца Салаева и въ Московской Дѣтской Педагогической Библіотекѣ, на Воздвиженкѣ, въ д. Колокольцова.

Иногородные книгопродавцы могутъ обратиться за руководствами Гимнастики въ контору книжной торговли и редакціи журналовъ «Мужскія Моды» и «Женскія Рукодѣлья», Гороховая улица, № 55, въ С.-Петербургѣ, съ уступкою 20 процентовъ. 3—3



45 44

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1877 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

Садовое Заведеніе въ Ригѣ,

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. НА 1877 Г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря во заявленію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе, съ 240 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ. 4—2

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1877 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть ета въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1877 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1877 г. 1 р. съ пересылкой.

26—21

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Бакановской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля,** ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія)** 26 15

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА.

Андрея Ткачева продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ С.-Петербурга.

Цѣна 2 р.

Складъ въ Мал. Морск. № 19, кв. № 5.

Отзывы въ 1876 г: въ СП. Вѣд. № 63, Новое Вр. 20, Бирж. Вѣд. 94, Голосъ 178, Женск. Образ. 1—2. Недѣля 13—14. Педаг. Муз. 8 и др. 3—3

Библиотека "Руниверс"

1-й заемъ 1864 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 24-й тиражъ 3-го января 1877 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 3-го января 1877 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербурской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
5	13	75000	3646	45	500	8115	9	500	13035	35	500	15409	14	500	17580	39	500
5	16	500	3689	8	500	8166	29	500	13047	50	500	15495	23	500	17640	42	500
31	21	500	3706	24	500	8207	31	500	13080	5	500	15708	13	8000	17684	5	500
221	16	500	3756	33	500	8335	50	500	13150	39	500	15722	16	500	17711	38	500
305	43	500	3765	31	500	8414	29	500	13155	19	500	15787	20	500	17793	24	500
408	26	1000	3787	15	500	8426	19	500	13302	22	500	15789	5	500	17827	17	500
459	21	500	3898	8	500	8510	40	500	13313	9	10000	15822	35	500	17977	27	1000
533	23	500	3997	4	500	8764	50	500	13320	30	500	15969	49	500	18004	24	500
536	3	500	4291	40	500	8777	17	500	13374	47	500	16065	29	500	18069	22	500
572	2	500	4297	40	500	8789	10	500	13666	9	5000	16072	12	500	18090	47	500
673	50	5000	4416	16	500	8842	45	500	13681	3	500	16094	10	1000	18092	7	500
738	38	500	4495	10	1000	8966	4	500	13730	1	500	16227	47	500	18169	12	500
796	16	500	4497	7	500	8991	15	500	13803	18	1000	16252	38	500	18181	26	500
830	37	500	4598	34	500	9001	7	500	13956	26	500	16358	40	500	18183	23	500
955	50	1000	4642	42	500	9036	31	5000	14201	5	500	16380	10	500	18219	50	500
973	50	500	4717	19	1000	9306	41	1000	14320	25	1000	16447	7	500	18349	50	500
986	12	500	4724	26	500	9358	34	500	14386	18	500	16152	33	500	18469	29	500
1032	48	500	4733	31	500	9359	10	500	14464	3	500	16457	50	500	18470	12	500
1141	48	500	4819	32	500	9399	29	500	14494	19	500	16552	13	500	18661	26	500
1252	16	500	4916	46	500	9623	5	500	14508	11	500	16676	7	500	18718	29	500
1289	3	8000	4976	28	500	9682	46	500	14514	19	500	16759	1	500	18759	21	500
1301	14	500	5014	1	500	9707	31	5000	14588	22	500	16850	10	500	18815	11	500
1514	13	500	5018	26	500	9906	16	500	14826	26	500	16892	43	500	18953	38	500
1587	17	500	5020	30	500	9942	34	500	14901	34	500	16920	16	500	18961	44	500
1587	49	500	5133	15	500	9982	40	500	14937	40	500	16939	48	500	19079	34	500
1594	38	500	5232	30	1000	10059	16	500	14948	49	1000	17088	12	200000	19207	31	500
1626	17	500	5276	27	500	10196	49	500	14963	36	500	17364	6	500	19209	16	500
1638	11	500	5443	10	500	10258	16	500	15036	49	500	17418	46	500	19378	32	500
1665	39	1000	5520	24	500	10273	48	500	15142	24	500	17467	41	1000	19444	31	500
1706	48	500	5576	7	500	10289	32	500	15147	5	500	17488	14	500	19502	3	500
1844	38	500	5640	20	500	10345	13	500	15178	32	500	17489	44	500	19593	3	500
1931	22	500	5720	30	1000	10376	8	500	15263	36	500	17495	24	500	19630	11	500
1950	15	500	6004	26	5000	10427	35	1000	15313	31	500	17532	22	500	19668	21	8000
1958	48	500	6147	46	500	10568	29	500	15390	49	500	17550	17	500	19981	31	500
1969	36	500	6148	11	500	10580	14	5000									
1996	48	1000	6168	33	500	10723	46	500									
2063	30	500	6199	27	8000	10988	19	500									
2098	45	1000	6320	20	1000	10988	25	500									
2166	7	500	6617	38	500	11034	44	500									
2284	43	500	6618	12	500	11163	30	500									
2296	4	5000	6643	48	500	11272	45	500									
2298	37	10000	6751	5	500	11337	42	500									
2300	33	500	6753	38	500	11376	17	500									
2307	37	500	6884	30	500	11538	43	500									
2344	12	500	6890	6	500	11653	35	1000									
2373	20	500	6916	16	500	11746	43	500									
2379	7	500	6946	5	500	11769	18	500									
2511	37	500	6952	18	500	11812	34	500									
2712	44	500	7107	7	500	11927	9	500									
2715	40	500	7216	19	500	11998	36	500									
2766	22	500	7261	12	500	12025	27	500									
2834	41	500	7288	15	500	12039	2	500									
2847	24	25000	7324	29	500	12043	44	40000									
2861	14	500	7442	19	1000	12147	3	500									
2865	38	1000	7511	42	500	12156	16	500									
2891	18	500	7562	17	500	12191	40	500									
3161	36	500	7583	11	500	12330	37	500									
3194	22	8000	7594	14	500	12532	27	500									
3337	18	500	7615	27	500	12615	45	500									
3345	39	500	7671	25	500	12619	16	500									
3382	30	500	7671	49	500	12633	28	500									
3430	30	500	7736	43	500	12782	18	500									
3454	7	500	7806	27	500	12818	9	500									
3465	42	500	7879	43	500	12902	6	500									
3492	17	500	7988	47	500	12907	22	500									
3618	43	500	7990	27	500	12957	39	5000									

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 3-го января 1877 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

515, 648, 804, 1474, 1451, 1066, 2346, 2570, 3135, 3781, 3903, 4202, 4397, 4625, 4706, 5611, 5736, 5846, 6016, 6059, 6612, 6631, 6699, 7389, 7966, 8361, 9716, 9879, 10061, 10448, 10698, 11013, 11798, 11845, 11857, 12015, 12178, 12420, 12554, 12706, 12795, 13068, 13549, 13472, 14105, 15860, 15906, 15966, 17512, 17609, 17670, 17676, 18575, 19198, 19386, 19603, 19660, 19806.

Всего 58 серій, составляющія 2,900 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1877 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Николаевская Главная Астрономическая обсерваторія въ Пулковѣ (съ портретомъ О. Струве и двумя рисунками) П—ъ.—Двѣ капли воды (сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ). Продолженіе — Куропатки и охота на нихъ (съ рисункомъ). — Абхазія и абхазцы (съ рисункомъ). — Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость? Картина Эдуарда Шульца (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Почтовый ящикъ.—Объявленія.—Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ

Дозволено цензурою. СПБ. 7 Января 1877 г. Контора изданія: въ Спб., Большая Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

№ 3 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 17 Января 1877 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **„НИВЫ“** НА **1877** ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . **4** р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . **5** р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. **И. Гр. Соловьева, А Лангъ** и **А. Живарева** **4** р. **50** к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . **5** р. **50** к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы“.

Кандидаты на мѣсто Президента Американскихъ С. Штатовъ.

М. Рутерфордъ Гейсъ.
Кандидатъ Республиканцевъ.

М. Самуилъ Тильденъ.
Кандидатъ Демократовъ.

Библиотека "Руниверс"

Президентскіе выборы въ Америкѣ

Для сторонниковъ „свободы“ даже самый злѣйшій врагъ ея не могъ придумать болѣе дурного зрѣлища чѣмъ то, которое въ настоящее время происходитъ въ „свободной Америкѣ“. Въ классической странѣ свободы совершается въ настоящее время такой актъ политическаго насилія, какой немыслимъ въ Европѣ *).

Президентскіе выборы въ продолженіи уже нескольких недѣль держатъ Соединенные Штаты сѣверной Америки въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, въ напряженномъ до нельзя состояніи, какого быть можетъ не испытывало до сихъ поръ ни одно изъ европейскихъ государствъ въ періоды даже самыхъ ожесточенныхъ избирательныхъ кризисовъ. Борьба демократовъ противъ республиканцевъ длится въ Америкѣ уже болѣе мѣсяца, и результаты ея все-таки еще не выяснились на столько, чтобы можно было съ достовѣрностью предсказать, которая изъ двухъ сторонъ останется побѣдительницею.

Въ Америкѣ президентъ не выбирается, какъ въ Швейцаріи и во Франціи, парламентомъ, а избраніе его производится народомъ, хотя и не прямо, но чрезъ посредство избирателей. Выборъ избирателей происходитъ во вторникъ, послѣ перваго понедѣльника въ ноябрѣ, т. е. на этотъ разъ 7-го ноября. Каждый штатъ выбираетъ столько избирателей, сколько имѣетъ права выбрать сенаторовъ и членовъ палаты представителей. Эти избиратели совершаютъ въ главныхъ городахъ своихъ штатовъ избраніе президента и вицепрезидента. Избирательные бюллетени перечитываются и удостовѣряются въ началѣ 1877 года. 4 марта, тѣ два кандидата, на сторонѣ которыхъ окажется большинство всѣхъ голосовъ, принесутъ присягу, въ качествѣ президента и вицепрезидента. Но выборы дали на этотъ разъ совершенно неожиданный результатъ, а именно: ни республиканской, ни демократической партіи не удалось добиться необходимаго для торжества своего кандидата большинства. Демократами предложенъ въ президенты Самуилъ Тильденъ изъ Нью-Іорка, а республиканцами—Рутерфордъ Гэйзъ, изъ Огіо.

Тильденъ—человѣкъ уже дряхлый; съ легкимъ параличемъ праваго бока. Онъ старый хлестякъ, любящій копить милліоны. Во время возстанія, Тильденъ спокойно оставался дома, протестовалъ противъ войны и открыто высказывалъ свои симпатіи къ Югу. Этотъ старый „политиканъ“ нажилъ себѣ десять милліоновъ адвокатскою практикою. Имя его стоитъ во главѣ самыхъ смѣлыхъ спекуляцій. Спеціальность его, какъ адвоката, заключалась въ спасаніи обанкротившихся компаній желѣзныхъ дорогъ. Поэтому, противники, называютъ его „великимъ желѣзнодорожнымъ крушителемъ“. Онъ разбогатѣлъ и пріобрѣлъ большое вліяніе, дѣйствуя заодно съ своими друзьями, а потомъ, когда надъ ними разразилась гроза, онъ оказался не „пойманнымъ“ и принялся преслѣдовать ихъ же. Тильденъ съ нѣкоторыми „изъ спасенныхъ имъ дорогъ“ впутанъ въ разные процессы, вслѣдствіе отказа въ представленіи отчетности и въ выдачѣ акцій на сумму 300,000 долларовъ, и сверхъ того, ему угрожаетъ судебное преслѣдованіе за то, что онъ съ 1852 года подъ присягою показывалъ ложно свои доходы въ незначительной цифрѣ, чтобъ платить меньше налоговъ. Побочное качество его — маленькая слабость къ горячительной влагѣ.

Республиканскій кандидатъ Гэйсъ прошелъ карьеру знаменитаго адвоката, прославившись защитою бѣглыхъ негровъ. Въ сѣверо-американскую войну онъ храбро дрался въ рядахъ сѣверянъ, а по замиреніи былъ два раза выбранъ членомъ конгреса и 3 раза губернаторомъ своего родного штата Огіо. Онъ, конечно, имѣлъ много случаевъ разбогатѣть, какъ это сдѣлали во время господствовавшей тогда страсти къ спекуляціямъ весьма многіе политики по сю и по ту сторону „Большой Воды“. Губернаторъ Гэйзъ не увлекся общераспространенною страстью, не участвовалъ въ учрежденіи желѣзнодорожныхъ компаній, банковъ, въ разработкѣ каменно-угольныхъ копей и желѣзныхъ и серебряныхъ рудъ. Онъ не разбогатѣлъ, но за то имя его передъ націей ничѣмъ не запятнано.

Будучи членомъ конгреса, онъ всегда вотировалъ за реформу государственнаго управленія, за возстановленіе обращенія звонкой монеты и т. п.; но по части подоходнаго налога, говорятъ, и онъ не совсѣмъ чистъ.

Въ настоящую же минуту голоса раздѣлились такъ, что никто не можетъ навѣрное предвидѣть, будетъ ли избранъ республиканскій кандидатъ Гэйсъ или демократическій Тильденъ. Голоса между ними раздробились поровну, и для того, чтобы тотъ или другой получилъ большинство, не достаетъ одного голоса, отъ котораго и зависитъ теперь рѣшить вопросъ, кому быть президентомъ и кому торжествовать — республиканцамъ или демократамъ. Избирательная борьба приняла такой характеръ, что всѣ средства, какъ бы предосудительны и противозаконны они ни были, кажутся теперь хорошими, лишь бы достигнуть цѣли. Американцы прямо обсуждаютъ вопросъ о томъ, за что можно купить этотъ одинъ голосъ, отъ котораго, такъ сказать, зависитъ участь республики.

Демократическая партія не прочь принести такую жертву, вознаградить себя за которую не будетъ стоить особенныхъ усилій. Если Тильденъ будетъ избранъ, то вся нынѣшняя республиканская администрація будетъ уволена, и новый легіонъ демократическихъ чиновниковъ съ удовольствіемъ составитъ сборъ, чтобъ возвратить затраченный на покупку голоса капиталъ. Обѣ партіи угрожаютъ, въ случаѣ пораженія, вооруженнымъ возстаніемъ. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло, и вопросъ о томъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы, Тильденъ или Гэйсъ, все еще не рѣшенъ.

Явленіе это въ высшей степени замѣчательное и свидѣтельствуетъ объ упрямствѣ, съ которымъ стремятся противныя стороны завладѣть управленіемъ страною и сопряженными съ этимъ выгодами; тѣмъ не менѣе, оно не составляетъ исключительнаго факта, которому не нашлось бы примѣра въ лѣтописяхъ исторіи великой заатлантической республики. Многіе президенты Соединенныхъ Штатовъ были обязаны своимъ избраніемъ большинству одного голоса, и нерѣдко вашингтонскому конгрессу приходилось рѣшать участь президентскихъ выборовъ закрытою баллотировкою. Исторія американскаго союза изобилуетъ такими казусами. Такъ, напр., въ 1801 году, соперничествовавшіе въ ту пору кандидаты, Джефферсонъ и Бурръ, получили каждый по 73 голоса, и окончательное рѣшеніе между ними было предоставлено вашингтонскому конгрессу. Баллотировка началась 7-го февраля и продолжалась болѣе недѣли. Въ конгрессѣ присутствовало 104 члена и баллотировка возобновлялась 36 разъ; наконецъ, послѣдній кругъ доставилъ въ пользу Джефферсона однимъ бюллетенемъ болѣе, и онъ вышелъ побѣдителемъ.

Самые интересные выборы происходили въ 1853 году. На должность президента избранъ былъ простой адвокатъ изъ Нью-Гемпшира, Франклинъ Пьеръ, человѣкъ, не заявившій себя ничѣмъ на своемъ общественномъ поприщѣ; а между тѣмъ, въ пользу его оказалось большинство 254 голосовъ, тогда какъ конкуррентъ его, генералъ Винфильдскотъ, получилъ только 20 голосовъ.

Четырнадцатый президентъ, Авраамъ Линкольнъ, былъ избранъ въ 1862 году; но тогда голоса раздѣлились почти поровну между нѣсколькими кандидатами, такъ что, въ сущности, Линкольнъ восторжествовалъ надъ своими конкуррентами только при помощи самаго ничтожнаго большинства двухъ или трехъ голосовъ. Такимъ образомъ внутренній миръ и спокойствіе, даже вся ближайшая будущность заатлантической республики зависитъ нерѣдко отъ голоса одного избирателя...

Непомѣрное развитіе принципа индивидуализма, опирающагося на всеобщую подачу голосовъ, привело къ тому, что вся исторія Союза обратилась въ исторію партій. Въ былое время демократы были защитниками невольничества и сторонниками того ученія, что каждый штатъ по своему усмотрѣнію можетъ отказаться отъ союза. Вслѣдствіе того, республиканцы являлись противниками рабства и защитниками цѣлости союза. Нынѣ обстоятельства перемѣнились; ни у одной партіи нѣтъ убѣжденій; обѣ преслѣдуютъ лишь одну цѣль—захватить въ свои руки бразды правленія во что бы то ни стало.

*) См. Политическое обозрѣніе „Нивы“ за 1876 г. №№ 45 и 50 и за 1877 г. № 2.

Двѣ капли воды.

(Сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ).

(Окончаніе).

Александръ Матвѣевичъ среди семейныхъ сладостей совсѣмъ забылъ о долгѣ, который онъ сдѣлалъ до свадьбы для приведенія своей особы въ приличный новобрачному видъ и въ надеждѣ уплатить занятыя деньги изъ капитала своей будущей супруги. Но, какъ мы видѣли, эту надежду пришлось отнести къ разряду несбывшихся; Александръ Матвѣевичъ не только не могъ пользоваться этимъ капиталомъ, но даже ему не удалось, какъ онъ самъ выразился, и понюхать его. Понятно, что появленіе повѣреннаго господина Птичкина застало Александра Матвѣевича въ очень затруднительномъ положеніи и произвело далеко не пріятное впечатлѣніе. Откуда взять деньги? Просить у жены? Но это все равно, что обращаться съ просьбою къ камню.

Библиотека "Руниверс"

„Что я теперь буду дѣлать? раздумывалъ мужъ богатой жены. Гдѣ найти тотъ источникъ, изъ котораго я бы могъ почерпнуть сто рублей, чтобы отдать ихъ Птичкину?“

Въ раздумьѣ Александръ Матвѣевичъ взялся за портъ-сигаръ, чтобы утѣшить себя папироской.

„Да вѣдь папиросъ-то нѣтъ, вспомнилъ онъ. — Вотъ несчастіе! Курить хочется, а курить нечего... Идти просить у своей благовѣрной? Опять обругаетъ и вѣрно не дастъ за то, что двадцать три копѣйки передержалъ... Никогда не былъ въ такомъ сквернѣйшемъ положеніи“.

Дверь тихо отворилась и въ комнату вошла Ивановна, неслышно ступая по полу и сжась, какъ будто желая какъ можно меньше занять мѣста своей особой.

— Ты зачѣмъ приплелась? спросилъ Александръ Матвѣевичъ, принявъ грозный видъ.

— Провѣдать пришла, милый баринъ, отвѣчала Ивановна самымъ смиреннымъ тономъ.

— Покорно благодарю за вниманіе, иронически отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Какъ поживаете, милый баринъ?

— Какъ сыръ въ маслѣ.

— Ну и слава Богу, съ умиленіемъ произнесла Ивановна. А вотъ меня, старушку, и забыли, милый баринъ.

— Ошибаетесь, прекрасная женщина; напротивъ, каждую минуту вспоминаю.

— Вы, милый баринъ, обѣщали наградить меня, старуху, за хлопоты, когда я найду вамъ богатую невѣсту, а я до сихъ поръ и синя пороха не видала.

— Наградить! вскричалъ Александръ Матвѣевичъ, сверкая глазами. Тебя наградить! Повѣсить тебя надо.

— За что-жь это? спросила Ивановна, съ изумленіемъ смотря на Александра Матвѣевича.

— Какую ты мнѣ невѣсту сосватала? спросилъ Александръ Матвѣевичъ, наступая на Ивановну.

— Какую сами желали, милый баринъ, такую и сосватала.

— Врешь, самымъ безсовѣстнымъ образомъ! Я хотѣлъ, чтобы ты отыскала мнѣ невѣсту богатую.

— Развѣ Маремьяна Ильинишна бѣдная? спросила Ивановна, пугаясь и ничего не понимая.

— Я этого не знаю, горячился Александръ Матвѣевичъ. Знаю только одно, что у меня ничего нѣтъ, и потому думаю, что ты сосватала мнѣ нищую.

— Куда же деньги-то дѣвались? съ недоумѣніемъ проговорила Ивановна. Вѣдь у нея были; это я навѣрно знаю, что были.

— Что-жь изъ того, что ты знаешь? Ты, можетъ быть, знаешь, что у какой-нибудь Матрены Антиповны милліонъ есть; что-жь мнѣ отъ этого легче, теплѣе.

— Чѣмъ я тутъ виновата, милый баринъ?

— Какъ чѣмъ виновата? Ты говорила, что я буду полнымъ хозяиномъ въ домѣ, что въ моихъ рукахъ будетъ и капиталъ и домъ, чего мнѣ и нужно было; а что изъ этого вышло? Нуль! И ты еще награды смѣешь требовать! Развѣ ты стоишь ея? Да и откуда я ее возьму.

Ивановна была совершенно поражена—надѣялась получить награду, а вмѣсто того, получила строжайшій выговоръ.

Бурную сцену между Александромъ Матвѣевичемъ и Ивановной прекратила Аграфена Степановна, вошедшая въ комнату. Старушка была печальна и вообще какъ-то опустилась. Видно было, что женитьба сына на богатой невѣстѣ и на нее не произвела благотворнаго вліянія.

— Слышите, маменька, что говоритъ эта старуха? обратился къ матери Александръ Матвѣевичъ.

— Что? равнодушно спросила Аграфена Степановна.

— Награды требуетъ за свое сватовство.

— Вы сами, милый баринъ, просили!

— Да, Ивановна, удружила ужь ты! съ упрекомъ сказала Аграфена Степановна.

— Да чѣмъ же, милая барыня, я-то виновата?

— Да, вѣдь, должна же ты была знать, какая это женщина; вѣдь ты знала, что она дрожитъ за каждую копѣйку; а ты между тѣмъ расхваливала ее, что она и такая, и сякая, что добрѣе ея и на свѣтѣ нѣтъ.

— Вѣдь какъ-же въ душу-то человѣка влѣзешь? оправдывалась попавшая въ просакъ сваха.

Повздорили, погорѣвали и разошлись, оставшись каждый при своемъ, такъ сказать, печальномъ интересѣ.

IV.

Прошло нѣсколько недѣль еще. Александръ Матвѣевичъ томился, томился и вдругъ открылъ средство къ улучшенію своего положенія. Было это снова при Ивановнѣ.

Александръ Матвѣевичъ сидѣлъ мрачный слушая жалобы матери на скупость его „молодой супруги“ и вдругъ вскочивъ съ мѣста, трагически прошепталъ: нашелъ.

Аграфена Степановна и Ивановна даже вздрогнули.

— Что такое опять нашелъ? съ неудовольствіемъ спросила Аграфена Степановна, не довѣрявшая уже этимъ внезапнымъ находкамъ сына.

— Средство сдѣлаться полновластнымъ хозяиномъ въ домѣ своей жены, торжественно отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ.

— Ну ужь ты разъ тоже нашелъ средство жить, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, а вышло житье хуже прежняго; и теперь, вѣрно, то же самое будетъ.

— Нѣтъ, ужь теперь будетъ не то...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги.

— Тсъ! Маремьяна приближается, сказалъ Александръ Матвѣевичъ, и я начинаю.

И какъ только Маремьяна Ильинишна показалась въ дверяхъ, Александръ Матвѣевичъ, какъ будто не замѣчая ея, заговорилъ:

— Знаете, маменька, опять убійство случилось.

Маремьяна Ильинишна, пришедшая съ цѣлью поворчать и побраниться, остановилась и насторожила уши; лицо ея нѣсколько поблѣднѣло.

— Неужели? спросила Аграфена Степановна.

— Да; вотъ сейчасъ знакомый у меня былъ, такъ сказывалъ.

— Кого же убили? нетвердымъ голосомъ спросила Маремьяна Ильинишна, присоединяясь къ обществу.

— Какую-то пожилую женщину, отвѣтилъ небрежно Александръ Матвѣевичъ. Жила она одна, ну и деньги были; добрые люди объ этомъ провѣдали, взяли да и убили.

— Экія страсти нынче! воскликнула Маремьяна Ильинишна, очень перепуганная.

— И знаете чѣмъ убили? продолжалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Чѣмъ? спросила Аграфена Степановна, тоже не чувствовавшая себя совершенно спокойною.

— Ухватомъ.

— Господи, ухватомъ! опять воскликнула Маремьяна Ильинишна.

— Да, ухватомъ, повторилъ Александръ Матвѣевичъ, наслаждаясь произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Господи, Господи! восклицала Маремьяна Ильинишна, блѣднѣя все больше и больше.

— Нынче, просто, хоть не живи на свѣтѣ, замѣтила Аграфена Степановна.

— Да, барыня, ваша правда, подтвердила Ивановна.

— И все унесли, что было, продолжалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Ты бы, Александръ Матвѣевичъ, пистолетъ завелъ, сказала Маремьяна Ильинишна.

Библиотека "Руниверс"

— Зачѣмъ мнѣ онъ?

— Да такъ, на всякій случай.

— Меня не убьютъ и не ограбятъ, потому что грабить нечего.

— Не одинъ же ты здѣсь живешь.

— Я здѣсь жить не буду.

— Какъ не будешь? вскрикнула Маремьяна Ильинишна, испугавшись и блѣднѣя.

— Такъ, не буду, равнодушно отвѣтилъ Александръ Матвѣевичъ.

Маремьяна Ильинишна была совершенно поражена, она потеряла всякое соображеніе и тупо смотрѣла на мужа.

— Что ты говоришь тутъ такое, произнесла она заикаясь.

— Больше ничего, что я не буду здѣсь жить, то есть въ этомъ домѣ, вмѣстѣ съ вами, а буду жить одинъ.

— Какъ же это?

— Очень просто: найму квартиру и буду жить съ маменькой, какъ прежде жилъ, когда не былъ еще вашимъ счастливымъ супругомъ.

— А я-то какъ же? спросила Маремьяна Ильинишна, не имѣя силы придти въ себя отъ неожиданной вѣсти.

— Какъ знаете, такъ и живите, все такъ же небрежно продолжалъ отвѣчать Александръ Матвѣевичъ, не смотря на жену.

— Какъ же ты отъ жены можешь уйдти? нашлась наконецъ Маремьяна Ильинишна.

— Жена отъ мужа не можетъ уйдти а мужъ отъ жены можетъ.

— Не можетъ быть, чтобъ такой законъ былъ.

— Ну, а я вамъ докажу, что есть.

— Съ чего-жъ тебѣ это въ голову пришло? спросила Маремьяна Ильинишна.

И въ голосѣ ея послышалась необычная мягкость и нѣжность.

— Я не хочу оскорбленій переносить, заговорилъ Александръ Матвѣевичъ съ чувствомъ собственнаго достоинства; не хочу играть роль сторожа или собаки, которая должна стеречь чужое добро. Я привыкъ быть хозяиномъ, распоряжаться въ домѣ; а здѣсь я что такое? Богъ одинъ знаетъ. Десять лѣтъ вѣрой и правдой прослужилъ своему начальству, заслуживалъ повышенія

Въ полярныхъ льдахъ. Оригинальный рис. Н. Каразина, грав. Куренковъ.

Библиотека "Руниверс"

Улица въ Тифлисѣ. Картина профессора Горшельта, рис. на деревѣ Ваньюра, грав. Ковнацкій.

Библиотека "Руниверс"

и награды, пользовался довѣріемъ начальства, понимаете-ли? довѣріемъ начальства—и вдругъ вы мнѣ не довѣряете; да развѣ вы выше начальства, умнѣе его.

— Да съ чего-жь ты это все въ голову забралъ?

— Какъ съ чего? Да развѣ я здѣсь хозяинъ? развѣ я могу хоть одной копѣйкой распорядиться? Десятокъ папиросъ надо купить, и за этимъ долженъ къ вамъ обратиться, да еще съ три короба нотацій выслушать.

— Ты наживи свои деньги, да тогда и распоряжайся, сказала Маремьяна Ильинишна, и появившаяся было въ ея голосѣ мягкость вдругъ при первыхъ словахъ о деньгахъ исчезла, голосъ по прежнему сталъ грубъ и раздражителенъ.

Крѣпко стояла Маремьяна Ильинишна на стражѣ у своихъ сокровищъ.

— Ну, и кончено дѣло, и живите съ своими деньгами однѣ, а я не хочу съ вами жить, продолжалъ Александръ Матвѣевичъ. Изволите видѣть, она будетъ сидѣть на своихъ деньгахъ, а я защищай ихъ, да и ее еще, подвергай свою жизнь опасности, проливай кровь. Нѣтъ, покорно благодарю, зачѣмъ же. Одному мнѣ спокойнѣе будетъ жить, бояться нечего, а вамъ пусть грозитъ ухватъ, а можетъ и еще что-нибудь похуже.

Маремьяна Ильинишна въ ужасѣ перекрестилась.

— Я еще самъ стану вездѣ разсказывать, что у насъ много денегъ есть, пусть къ вамъ приходятъ.

— Полно, Саша, глупости говорить, остановила Александра Матвѣевича мать.

— Нѣтъ, не глупости; я это сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю, говорилъ Александръ Матвѣевичъ, сильно размахивая руками. О, я дѣлаюсь страшенъ, когда меня оскорбятъ. Я буду мстить.

— Да полно тебѣ... начала Маремьяна Ильинишна, дрожа отъ страха.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ни слова! горячился Александръ Матвѣевичъ! Я вамъ говорю, что я страшенъ! Пусть васъ убиваютъ, грабятъ, я стану смѣяться.

— Александръ Матвѣевичъ!.. воскликнула Маремьяна Ильинишна внѣ себя.

— Нѣтъ, вы меня оскорбили, и я вамъ отомщу.

— Да чѣмъ же я тебя оскорбила?

— Всѣмъ.

— Да чѣмъ-же всѣмъ-то.

— Своимъ недовѣріемъ, тѣмъ, что вы не позволяете мнѣ ничѣмъ распоряжаться.

— Да распоряжайся, кто тебѣ мѣшаетъ.

— Я хочу быть полнымъ хозяиномъ.

— И будь, Богъ съ тобой.

— Вы это теперь только такъ говорите, а потомъ, какъ страхъ пройдетъ, опять въ свои руки заберете.

— Что мнѣ обманывать, слабымъ голосомъ сказала Маремьяна Ильинишна. Распоряжайся...

Но Александру Матвѣевичу не долго пришлось распоряжаться. Маремьяна Ильинишна была себѣ на умѣ. Она въ тотъ же день пригласила плотника и слесаря, передѣлала заново двери, замки и ставни у своей спальни и стала держать ее всегда на запорѣ, крѣпко запираясь на ночь.

— Что мнѣ съ ней дѣлать? охалъ Александръ Матвѣевичъ, не зная, какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія.

По векселю стали требовать уплаты. Маремьяна Ильинишна, конечно, не уплатила, и Александръ Матвѣевичъ оказался въ долговомъ.

Супруга его часто навѣщала въ его новомъ помѣщеніи и утѣшала, что вотъ Богъ дастъ скоро и срокъ его заключенія окончится.

— Высидишь, голубчикъ, все равно, за то денежки-то у меня цѣлы будутъ.

Онъ высидѣлъ.

Теперь опять живутъ вмѣстѣ. Она по прежнему считаетъ каждую копѣйку, а онъ уже снова задолжалъ и видимо не миновать ему опять долгового.

Счастливое супружество! и Богъ знаетъ, кто изъ нихъ болѣе достоинъ сожалѣнія. Кажется, оба одинаково, ибо въ нравственномъ отношеніи похожи одинъ на другого, какъ двѣ капли воды.

NN

Святочный разсказъ.

(Къ оркестровой фантазіи „Danse Macabre", Сенъ-Сана).

Съ старой башни на кладбищѣ,
Въ царствѣ смерти и могилъ
Заунывно-хриплымъ звономъ
Полночь колоколъ пробилъ.
Лучъ луны какъ будто вздрогнулъ,
И сверкая, пробѣжалъ
По покрытымъ мохомъ камнямъ,
По травѣ затрепеталъ.
Онъ холоднымъ, мертвымъ блескомъ
Все кладбище освѣтилъ...
Словно саваномъ одѣтый
Побѣлѣлъ весь рядъ могилъ.
Подъ камнями застонали
Мертвецы, и задрожалъ
Сѣрый камень, что близь башни
Сотни лѣтъ въ землѣ лежалъ.
Онъ поднялся, отвалился,
Подъ собой открылъ онъ ходъ;
И тамъ слышно: по ступенямъ
Подъ землею Смерть идетъ.
Вышла... Мрачно-глухо кости
Рукъ и ногъ у ней стучатъ,
Вмѣсто глазъ—большія дыры
Тусклымъ пламенемъ горятъ,
Вмѣсто рта—въ широкой щели
Длинный, бѣлый рядъ зубовъ,
И рѣшетиной сквозною
Гнутся ребра съ двухъ боковъ.
У нея въ рукахъ скрипица...
Подойдя къ рядамъ могилъ,
Гдѣ такъ ярко каждый камень
Лучъ луны осеребрилъ.
Въ тактъ ногой своей костлявой
Начинаетъ Смерть стучать,
Глухо щелкаетъ зубами,
Мертвецовъ зоветъ плясать.
Все кладбище застонало...
Изъ-подъ камней поднялись
Мертвецы, и съ дикимъ воемъ
Вкругъ нея они сошлись.
Танецъ бѣшеный играетъ
Смерть собравшимся гостямъ.
Пробѣгаетъ дрожь восторга
По истлѣвшимъ ихъ костямъ.
Заплясали, закружились
Сумасшедшею толпой...
Тѣни быстрыя мелькаютъ
Подъ сверкающей луной.
Слышно щелканье зубами,
Слышенъ хрясть и стукъ костей,
Слышенъ хохотъ дикій, страшный...
Средь разваленныхъ камней.
Мертвецы какъ вихрь несутся,
Ихъ глаза огнемъ горятъ,
И они, обнявшись крѣпко,
Въ вальсѣ бѣшеномъ летятъ...

* * *

Сквозь хаосъ безумной пляски
Звуки скрипки такъ и льются,
Съ страстно-чувственнымъ задоромъ
Надъ могилами несутся;
И подъ звукъ неотразимый
Всякій кустъ вѣтвями машетъ
Всякій памятникъ и камень
Сорвался съ земли и пляшетъ.
Часъ пробило съ старой башни...
Пляшутъ гости все быстрѣй,
Съ странной скрипки льются звуки
Все любовнѣй и страстнѣй.
Вдругъ, далеко за кладбищемъ,
На селѣ пѣтухъ пропѣлъ...
Мертвецы остановились...
Какъ то странно заскрипѣлъ
Звукъ столь дивной прежде скрипки...
И смѣшавшейся толпой
Гости всѣ бѣгутъ къ могиламъ,
Всѣ торопятся домой...
Въ мигъ исчезли всѣ по ямамъ...
Съ трескомъ камни поднялись,
Навалились на могилы
И съ землею вновь срослись.
Смерть исчезла... Въ тихомъ царствѣ
Снова миръ и тишина,
Снова камни освѣщаетъ
Серебристая луна.
Снова тихо шепчетъ вѣтеръ
Пробѣгая надъ травой,
И скрипитъ тихонько дверью
У сторожки отпертой.

А. Размадзе.

Библиотека "Руниверс"

Полярные льды, или айсберги, и полярное открытое море.

Полярные льды заслуживаютъ особеннаго вниманія. Это вовсе не тѣ льды, которые всѣ мы привыкли видѣть каждую зиму; айсберги представляютъ такія колоссальныя громады, которыя возвышаются надъ уровнемъ моря отъ 300 до 400 даже 500 футовъ вверхъ; въ глубину же водъ опускаются на 700 и 800 футовъ и справедливо называются плавающими *ледяными горами*, предъ которыми огромный трехпалубный корабль покажется самымъ маленькимъ предметомъ. Морской ледъ бываетъ иногда ослѣпительно бѣлъ, какъ снѣгъ, иногда восхитительно зеленаго, голубого и фіолетоваго цвѣта, а иногда совершенно прозраченъ, какъ хрусталь, формируясь то иглами, то большими массами, то громоздясь неприступными, неизмѣримыми стѣнами, въ которыхъ, какъ въ настоящихъ горахъ, образуются обширныя разсѣлины и пещеры—эти залы и гостиныя моржей, бѣлыхъ медвѣдей, пингвиновъ, пушистыхъ гагъ и безчисленныхъ гусей и журавлей. Часто въ плавающихъ льдахъ бываютъ цѣлые минеральные пласты и громадные камни, силою оторванные отъ земли, иногда вымерзшія огромныя деревья, которыя отъ тренія этихъ ледяныхъ горъ воспламеняются.

Ледяныя горы, называемыя обыкновенно у мореплавателей *айсбергами*, весьма различны по своему характеру въ сѣверныхъ и южныхъ полярныхъ пространствахъ. Въ Арктическомъ океанѣ льдины или вѣрнѣе ледяныя горы медленно двигаются необозримыми сплошными массами и чрезвычайно громадны, какъ по своему протяженію и объему, такъ и высотѣ. Айсбергъ, замѣченный Дюмонъ-Дюрвилемъ, имѣлъ 13 миль въ длину. Даже меньшіе уступы его отвѣсныхъ окраинъ имѣли отъ 100 до 180 футовъ въ вышину, не говоря уже о среднихъ вершинахъ и пикахъ. Льды же Антарктическаго океана отличаются, на оборотъ, своею разбросанностью, быстрою подвижностью и относительно малымъ объемомъ: если на сѣверѣ айсбергъ Дюмонъ-Дюрвиля имѣлъ 13 миль въ длину, то антарктическіе, самые большіе айсберги сэра Джемса Росса едва имѣли 3 мили въ окружности. Южный Ледовитый океанъ почти всегда волнуется, на немъ видна постоянная зыбь и самыя страшныя бури весьма обыкновенны; онѣ взламываютъ и вебрасываютъ ледъ, отчего плаваніе становится крайне опаснымъ. Громадныя массы измельченнаго волненіемъ льда яростно зыблются на протяженіи 1000 и 1200 миль. При этомъ качаніи льдовъ слышится страшный ревъ переваливающихся одна чрезъ другую волнъ и трескъ льдинъ, сопровождаемый визгомъ и стономъ бури. Эти зыблющіяся неизмѣримыя площади южныхъ льдовъ извѣстны у моряковъ подъ именемъ *пака*. Сплошныя, гигантскія массы арктическихъ айсберговъ доходятъ до 30, 50 и 100 миль въ діаметрѣ. Онѣ имѣютъ видъ мѣловыхъ утесовъ съ изумруднымъ взломомъ. На обширной и блестящей поверхности ихъ образуются голубыя озера чистѣйшей воды, перемежающейся ледяными и снѣжными полями. Съ нихъ текутъ въ море и извивающіеся ручейки и стремительные потоки, съ нихъ свергаются и шумные, ревущіе водопады и льются небольшіе каскады. Днемъ ледяныя горы рѣзко обозначаются темно-синимъ колоритомъ атмосферы, а ночью рисуются отраженіемъ снѣжнаго отсвѣта на горизонтѣ.

Мореплаватели, посѣщавшіе полярныя воды, увѣряютъ единогласно, что въ сосѣдствѣ съ полюсомъ, за 82 параллелью, находится открытый океанъ (собственно Арктическій океанъ), имѣющій отъ 3 до 4 тысячъ миль въ діаметрѣ и окаймленный, въ зимнее время, ледянымъ поясомъ, который съ появленіемъ теплыхъ лучей весенняго солнца, ломается на огромныя массы или отдѣльныя ледяныя горы по 100 миль въ длину и по 500 футовъ въ вышину, и по нѣскольку десятковъ милліоновъ пудовъ вѣсомъ, которыя иногда приходятъ въ вращательное движеніе, ударяясь другъ о друга съ ужасной силой, и подвигаются на югъ громадными массами, имѣющими тысячъ по двадцати квадратныхъ миль. Айсберги удаляются отъ полюсовъ на югъ тысячи на четыре верстъ, гдѣ они не только сильно охлаждаютъ воду, но и окружающій воздухъ миль на 40 и даже на 50.

Капитанъ Парри, командиръ корабля „*Леди Франклинъ*“, нашелъ въ высокихъ широтахъ (80°) проливъ, названный по его имени, который вовсе не былъ покрытъ льдомъ. Кромѣ того, съ высокихъ ледяныхъ горъ онъ видѣлъ на обширномъ горизонтѣ открытое море и такъ называемое *водное небо* *) изъ чего и пришелъ къ заключенію объ открытіи полярнаго океана. Капитанъ Ингльфильдъ, проходя въ полдень около 79-й параллели, когда солнце ярко свѣтило на горизонтѣ, увидѣлъ съ вершины мачты безпредѣльное пространство открытаго океана, катившаго свои волны въ направленіи отъ сѣвернаго полюса. Капитанъ Кэпъ достигнулъ 82½ параллели, т. е. сѣверной, ближайшей къ полюсу окраины Гренландіи, до которой едва ли достигалъ кто изъ людей, кромѣ его. По причинѣ неимовѣрной суровости этой страны, имѣвшей среднюю температуру—41° по Р., страны вѣчно закованной въ ледъ, гдѣ хлористый эфиръ замерзъ въ первый разъ отъ естественнаго холода, не говоря уже о крѣпко отвердѣвшихъ масляныхъ эссенціяхъ или о замерзшихъ 57 собакахъ, которыя тащили на саняхъ путешественника, провизію и инструменты. И онъ, также какъ другіе, замѣтилъ взбѣгавшую на ледяные берега большую зыбь, гонимую волнами далекаго безпредѣльнаго океана. Эти волны то подымались, то опускались при дѣйствіи прилива и отлива, имѣвшихъ колыбель свою въ полюсѣ.

Какъ ужасны и опасны морскія экспедиціи въ полярныя страны, можно заключить изъ описанія самаго сэра Джемса Росса, командира двухъ кораблей, испытавшихъ всѣ ужасы полярной бури среди льдовъ и ночной мглы. „Вскорѣ послѣ полночи мы вступили въ океанъ волнующихся льдинъ, твердыхъ, какъ плавающія громадныя скалы и ударяющихся о корабли съ такою силою, что мачты дрожали, готовыя упасть при каждомъ послѣдующемъ ударѣ; разрушеніе нашихъ судовъ казалось неизбѣжнымъ отъ получаемыхъ ими страшныхъ ударовъ. Въ началѣ шторма руль „*Эребуса*“ былъ такъ сильно поврежденъ, что оказался ни къ чему негоднымъ; почти въ тоже самое время я узналъ по сигналу отъ „*Террора*“, что и его руль совершенно раздробленъ и почти оторванъ отъ кормы. Время проходило часъ за часомъ, а страшныя условія, въ которыя мы были поставлены, не измѣнялись. Одного громкаго треска отъ сдавленныхъ бимсовъ и палубъ, по мѣрѣ того какъ на нихъ сыпались удары льдинъ, неотразимые при всѣхъ усиліяхъ экипажа, было достаточно, чтобы переполнить отчаяніемъ самыя твердыя сердца, неподкрѣпленныя вѣрою въ Провидѣніе, руководящее всѣми событіями, но, не смотря на это, я былъ бы въ высшей степени несправедливъ къ своимъ сотоварищамъ, если бы не выразилъ удивленія ихъ мужеству во время такого испытующаго бѣдствія. Въ теченіе 28 часовъ сряду, изъ которыхъ, кажется, не выпало ни одного такого, когда бы можно было надѣяться дожить до слѣдующаго часа, хладнокровіе, непоколебимая покорность и неистощимая энергія каждаго были вполнѣ достойны мужественныхъ англійскихъ матросовъ!

„Штормъ достигъ наибольшей своей силы въ два часа пополуночи, когда барометръ упалъ до 28° 40', но послѣ этого ртуть начала опять подыматься. Втиснутые въ глубину многихъ миль въ *пакъ*, мы однако же не замѣчали, чтобъ волненіе совершенно прекратилось, и наши корабли, перебрасываемые съ мѣста на мѣсто, все еще стонали среди тяжелыхъ, дробившихся другъ о друга ледяныхъ глыбъ, чрезъ которыя океанъ перекатывалъ свои гигантскія волны, набрасывая огромныя льдины одна на другую, и затѣмъ снова погребая ихъ глубоко подъ своими пѣнящимися водами и размельчая съ страшною силою“.

На помѣщенномъ въ этомъ № рисункѣ мы видимъ тихую полярную ночь, глубокій мракъ которой озаряется блѣднымъ, какъ бы умирающимъ отъ холоду, свѣтомъ луны. Уныло глядится она въ воды океана и освѣщаетъ мертвенныя ледяныя горы. Единственный предметъ, напоминающій жизнь—это корабль, оледенѣвшій, какъ и вся окружающая природа, и удрученный намерзшимъ на мачтахъ и парусахъ льдомъ, склонился отъ тяжести къ тому же безжизненному льду, на которомъ, быть можетъ, спасался гибнущій экипажъ и пропавшій, конечно, безъ вѣсти, въ мятеляхъ снѣжныхъ полей.

Н. Зуевъ.

Тифлисъ и его уличная жизнь

Какъ Москву когда-то князь Меньшиковъ назвалъ: „великомученицей“, такъ и Тифлисъ за пережитыя имъ въ теченіе многихъ вѣковъ невзгоды, можетъ быть названъ „многострадальнымъ“. Будучи сдѣланъ въ 455 году столицею Грузіи, такъ какъ до этого времени столица царства была въ Мхцетѣ, онъ вплоть до 1800 года, т. е. до времени занятія его русскими войсками, становится открытой стѣною для набѣговъ дикихъ и кровожадныхъ народностей какъ-то: арабовъ, монголовъ, персовъ и сосѣднихъ лезгинъ. Такъ, въ 1226 году Джеланъ-Еддинъ, султанъ хорасанскій, осадилъ Тифлисъ, взялъ его и разграбилъ, а жителей умертвилъ великое множество. Безчеловѣчный Тимуръ шесть разъ былъ въ Тифлисѣ, каждый разъ производя страшно опустошеніе, предавая все огню и мечу, а часть жителей увлекая за собою въ рабство. Даже въ 1795 году, при грузинскомъ царѣ Ираклiѣ II, персидскій шахъ, Ага Магометъ, ограбилъ городъ и увелъ въ плѣнъ множество жителей, несмотря на то, что въ 1783 г. Ираклій II заключилъ съ Россіей трактатъ, которымъ признавалъ надъ собою верховную власть Россіи. По смерти сына его Георгія XIII царство грузинское окончательно присоедини-

*) Небо, отражающее воду. Подъ этими высокими широтами у горизонта видъ неба, раскинутаго надъ водою, отличается отъ его вида надъ льдами.

Библиотека "Руниверс"

лось къ Россійской имперіи, а въ 1799 году Тифлисъ былъ занятъ русскими войсками. Съ тѣхъ поръ населеніе города, не боясь болѣе непріятельскихъ набѣговъ, могло спокойно совершенствовать свое благосостояніе; развитіе Тифлиса, дѣйствительно, шло такъ успѣшно, что въ настоящее время онъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми городами Кавказскаго намѣстничества.

Населеніе Тифлиса по послѣдней переписи простирается до 71051 жит., изъ которыхъ однихъ ремесленниковъ насчитывается до 6000, и нѣтъ сомнѣнія, что Тифлису предстоитъ блестящая будущность.

Пока здѣсь еще замѣтенъ востокъ съ свойственнымъ ему живописнымъ хаосомъ зданій, но европейское вліяніе рѣшительно беретъ верхъ надъ старымъ порядкомъ вещей, и городъ, вступивъ во владѣніе русскаго правительства, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе улучшается. Внѣшность зданій значительно измѣнилась и лишь въ нѣкоторыхъ немногихъ частяхъ города еще преобладаютъ старыя постройки съ терассами и плоскими крышами, тогда какъ еще очень недавно такія постройки встрѣчались повсюду, а при занятіи города русскими скученность зданій была такова, что, по разсказамъ современниковъ, особы прекраснаго пола, не смѣя по обычаю выходить на улицу, прогуливались по крышамъ домовъ, посѣщая своихъ подругъ и обходя такимъ образомъ цѣлыя улицы и даже кварталы. Много труда стоило пріучать Тифлисцевъ къ необходимой чистоплотности и порядку и прекратить страшную вонь отъ боенъ и кожевенныхъ заводовъ (теперь они за городомъ). Тифлисъ долго не могъ отстать отъ своихъ азіатскихъ привычекъ, и Грузины неохотно принимали всякое нововведеніе, помня свою родную поговорку „не оставляй ни стараго друга, ни старой дороги". Пушкинъ посѣтившій Тифлисъ въ 1828 г., нашелъ городъ еще съ совершенно азіатскимъ характеромъ, съ низкими домами, похожими на землянки и плоскими кровлями. Теперь все измѣнилось: множество прекрасныхъ общественныхъ и частныхъ зданій украшаютъ собою улицы города и особенно ту его часть, которая лежитъ на правомъ берегу быстрой, хотя и довольно мелкой рѣки Куры, раздѣляющей Тифлисъ на двѣ части, соединяемыя четырьмя постоянными мостами. Дворецъ Намѣстника, зданіе театра и прекрасный публичный садъ, называемый александровскимъ могли-бы служить украшеніемъ самой роскошной столицы. По берегамъ рѣки попадаются узкія, извилистыя, кривыя улицы, остатки добраго, стараго времени. Въ этихъ улицахъ встрѣчаются представители самыхъ разнообразныхъ народностей; персы, армяне, татары, курды, лезгины и хозяева города—грузины. Вся эта толпа галдитъ на различныхъ нарѣчіяхъ и не даетъ ни кому дороги. Но вотъ кто то кричитъ во все горло: *Хабарда* (посторонись), и толпа разступается пропуская или неуклюжую! тяжелую арбу, запряженную волами, или цѣлую вереницу ословъ, сопровождаемыхъ погонщиками, которыхъ обычный крикъ: *ацы, ацы!* сливается съ общимъ гуломъ. Туземный водоносъ (тулухчи) и посыльщикъ тяжестей (Муша) попадаются здѣсь почти на каждомъ шагу. Смиренный тулухчи въ валеной, конической шапкѣ тихо шествуетъ по пятамъ своей лошади, навьюченной мѣхами, наполненными водой. Муша же — это мускулистый, сильный армянинъ и имеретинецъ, вѣчно несущій какую нибудь тяжесть на своей спинѣ, покрытой подушкою, набитою шерстью. Тутъ же въ этой толпѣ, часто шагаетъ неуклюжій верблюдъ и тѣснитъ еще болѣе и безъ того узкую дорогу. По обѣимъ сторонамъ улицы тянутся ряды ветхихъ лавочекъ и навѣсовъ, хозяева которыхъ въ одно время и производители и торговцы, работая въ лавкѣ, загромождаютъ своими произведеніями узкій тротуаръ предназначенный для пѣшеходовъ. Особенно живая дѣятельность кипитъ на армянскомъ базарѣ—цѣломъ лабиринтѣ разныхъ лавочекъ и закоулковъ. Здѣсь торгуютъ и промышляютъ чѣмъ угодно; тутъ все найдете: и булочныя, и питейныя, и кофейни, и цирюльни, и харчевни. Около фруктовыхъ лавокъ постоянно стоитъ толпа самой разнохарактерной публики, привлекаемая лакомымъ товаромъ, а также громкимъ зазываніемъ торговцемъ, кричащихъ во все горло: „ай яблукъ, ай виноградъ, ай персикъ" и перечисляющихъ другія мудреныя названія мѣстныхъ, разнообразныхъ лакомствъ. Посѣтивъ, базаръ и караванъ-сарай, въ которомъ производится весьма крупныя торговыя операціи, путешественникъ не можетъ оставить безъ вниманія тифлисскія горячія бани, устроенныя въ чисто-восточномъ вкусѣ. Онѣ всѣ каменныя, со сводами, и расположены въ мѣстности, богатой горячими минеральными источниками которымъ обязанъ Тифлисъ не только своей древней славой, но и самымъ названіемъ (Тбили по-грузински значитъ теплый.) Здѣсь банщики по большей части персы и, по завѣренію многихъ путешественниковъ, а въ томъ числѣ А. Пушкина и А. Дюма, замѣчательные артисты по части ломанія суставовъ и вытягиванія членовъ, доставляющія туземцу при процессѣ мытья невыразимое наслажденіе. Въ то время какъ мужское населеніе блаженствуетъ и пируетъ въ баняхъ, женщины проводятъ время въ дѣланіи другъ другу визитовъ, въ совѣщаніяхъ съ мѣстными гадальщицами и ворожеями и въ посѣщеніи по обѣту церквей и преимущественно древняго Сіонскаго собора и церкви на горѣ св. Давыда, около которой, среди прелестной мѣстности, покоится прахъ Грибоѣдова. При совершеніи такихъ паломничествъ можно вдоволь налюбоваться здѣшними красавицами въ ихъ живописныхъ и своеобразныхъ нарядахъ. Здѣсь некрасивыя женщины очень рѣдки; всѣ онѣ, почти безъ исключенія, обладаютъ правильными чертами лица, стройнымъ станомъ и большой граціей въ движеніяхъ. Къ сожалѣнію, при прелестной внѣшности, рѣдкія изъ нихъ отличаются умственнымъ развитіемъ, свободнымъ отъ множества старыхъ предразсудковъ и давно отжившихъ обычаевъ.

А. Н.

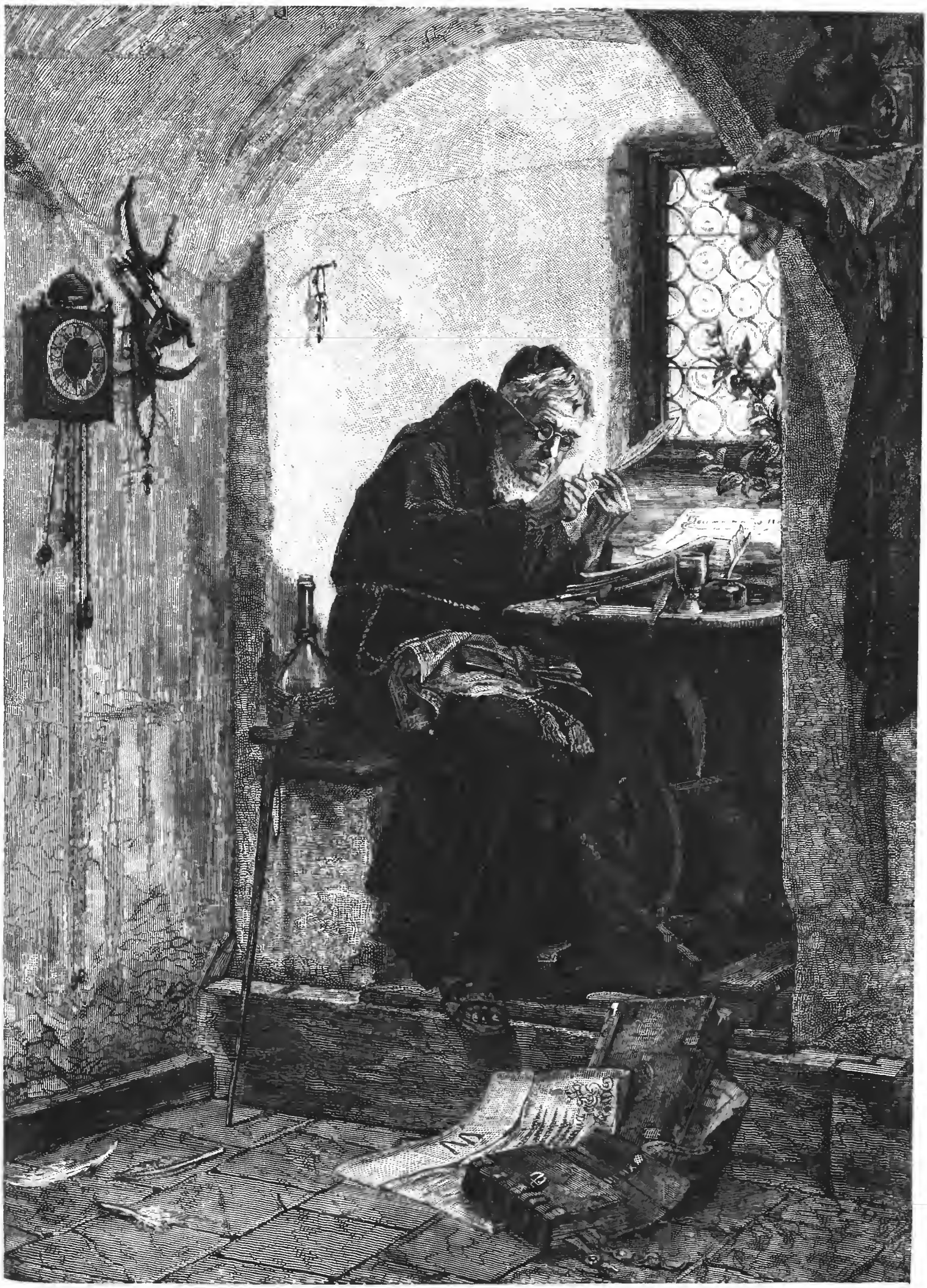
Бюстъ М. А. Глинки въ Фойѣ СПБ. Имп. Маріинскаго Театра.
Рис. Лосевъ, грав. Боярскій.

Бюстъ М. И. Глинки.

На страницахъ „Нивы" былъ помѣщенъ портретъ нашего славнаго композитора Михаила Ивановича Глинки и біографическія свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности (см. Ниву 1874 г. № 48). Въ настоящее время, пользуясь случаемъ постановки его бюста въ главномъ фойѣ Маріинскаго театра (противъ царской ложи), мы сообщаемъ нашимъ читателямъ о всѣхъ подробностяхъ, которыми сопровождалась эта постановка. Бюстъ поставленъ 26 ноября 1876 г.

Это число было днемъ сорокалѣтія со времени появленія на сценѣ оперы „Жизнь за Царя". Въ этотъ день шла именно эта опера. Прошла она лучше, чѣмъ когда либо прежде. О. А. Петровъ, конечно, исполнялъ партію Сусанина и, можетъ быть, онъ

Библиотека "Руниверс"



Въ монастырской кельѣ. Картина Ференца Вебера, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

никогда не былъ великолѣпнѣе, чѣмъ въ день этого сорокалѣтія оперы.

„Богъ знаетъ, говоритъ одинъ критикъ, явится-ли когда-нибудь еще на русской сценѣ человѣкъ, который съ такою потрясающею правдою способенъ былъ воплотить собою всю неподражаемую простоту, искренность и могучую силу народнаго русскаго типа, какъ его создалъ Глинка". Послѣдняя сцена, эпилогъ оперы, со знаменитымъ „Славься", была вся посвящена торжественному вѣнчанію Глинки. Бюстъ его, на высокомъ пьедесталѣ, окруженный цвѣтами и зеленью, осѣненный пальмами, стоялъ посреди театральной сцены, освѣщенной лучемъ электрическаго свѣта. По сторонамъ стояли густою толпою всѣ главные артисты русской оперы, въ костюмахъ изъ „Жизни за Царя" и „Руслана и Людмилы": съ одной стороны—Сусанинъ, Ваня, Сабининъ, Антонида, съ другой Русланъ, Людмила, Свѣтозаръ, Горислава и т. д. Въ нѣсколько минутъ, сотни лавровыхъ вѣнковъ, брошенныхъ изъ ложъ и партера, усѣяли все пространство, оставшееся еще пустымъ передъ подножіемъ бюста, и публика, разомъ поднявшаяся со своихъ креселъ, прослушала стоя геніальный гимнъ Глинки и заставила его повторить. И все это время голова Глинки стояла увѣнчанная лавровымъ вѣнкомъ. Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ и супруга его, Анна Яковлевна Петрова, съ глубокимъ талантомъ исполнявшіе крупныя роли глинковскихъ оперъ съ перваго появленія этихъ оперъ (онъ—Сусанина, Руслана и Фарлафа, она—Вани и Ратмира), занимали, по всему праву, первое мѣсто у подножія монумента Глинки, и они же возложили на голову своего великаго учителя давно ожидавшій его лавровый вѣнокъ. А. Я. Петрова принесла вѣнокъ къ подножію пьедестала, О. А. Петровъ взошелъ на вершину ступенекъ и, при громѣ рукоплесканій цѣлой залы, надѣлъ вѣнокъ на голову бюста. Ни кому въ цѣлой Россіи эта роль не принадлежала въ такой степени, какъ этимъ двумъ высоко-талантливымъ людямъ.

Монашество.

(По поводу рисунка).

Слово *монахъ* (отъ греч. μονος одинъ и ἄχος скорбь) означаетъ человѣка уединеннаго и вмѣстѣ скорбящаго о суетѣ міра и несовершенствѣ своей нравственной природы и затѣмъ вообще о несовершенствѣ нравственной природы всего человѣчества. Такой идеалъ монаха дѣйствительно и представляетъ намъ православная восточная церковь въ многочисленныхъ примѣрахъ своихъ подвижниковъ. Скорбь святыхъ подвижниковъ, каковы Антоній, Пахомій и др. далеко не личная только скорбь, а многообъемлющая, вытекающая непосредственно изъ ученія Христа.

Но это, такъ сказать, уже готовая идея монашества.

Что касается внѣшней формы въ которой представляется намъ въ первые вѣка монашеская община, то она была нѣсколько подготовлена отшельническими сектами *Іессеевъ* и *Ѳераповтовъ*, жившихъ въ цѣломудріи и дѣвственности общинами на Іорданѣ еще во времена Тиберія и, слѣдовательно, во время земной жизни Спасителя. Объ этихъ сектахъ было писано много, хотя мы знаемъ о нихъ все-таки мало. Говорили, что монастыри и лавры восточные суть копіи общежитія Іессеевъ и Ѳераневтовъ. Форма общежитія Іессеевъ, кромѣ того, имѣетъ для насъ интересъ и потому, что она поразила и заставила задуматься одного изъ образованныхъ римлянъ—Плинія. Онъ обрисовалъ жизнь этихъ пустынниковъ въ слѣдующихъ словахъ: „Это во всемъ мірѣ самый удивительный народъ, неимѣющій женщинъ, отказавшійся отъ всякаго плотскаго вожделѣнія, безъ всякихъ денегъ живущій подъ пальмами. И такъ онъ живетъ тысячу вѣковъ (просто невѣроятно) и у нихъ никто не рождается. Такъ велико у этихъ людей презрѣніе къ жизни другихъ".

Такой же взглядъ видѣнъ въ сужденіяхъ о христіанскомъ отшельничествѣ у разныхъ языческихъ писателей.

Если Плиній даетъ намъ описаніе образа жизни тѣхъ пустынническихъ сектъ, которыя по дѣвственному и общинному образу жизни близко подходили къ монастырской киновійской или лаврской общинѣ, то другіе, впрочемъ, малоизвѣстные языческіе писатели IV и V вѣка по Р. Хр. (напримѣръ извѣстный лат. элегическій поэтъ Клавдій Рутилій Нуманціанскій) даетъ намъ описаніе настоящихъ монаховъ и настоящей монашеской общины, уже сформировавшейся въ его время. Для насъ интересно это свидѣтельство римлянина, почти единственное въ устахъ язычника собственно о западномъ монашествѣ. Во время одного изъ своихъ морскихъ путешествій поэтъ, вмѣстѣ съ другими пассажирами корабля, былъ занесенъ бурею на о—въ Капрарію (Капрера). „Весь этотъ о—въ, говоритъ Рутилій, былъ заселенъ и кишѣлъ странными людьми, скрывающимися отъ свѣта. Они были грязны, неопрятны, называли себя монахами или пустынниками, скрывшимися для того, чтобы избѣжать глазъ людскихъ. Эти люди боятся житейскаго счастья и удачи и боятся потому, что счастье *всегда* можно потерять; такъ лучше, чтобы не быть *насильно бѣдными* они избираютъ добровольную бѣдность. Странный выборъ! Я думаю, что у нихъ извращенъ смыслъ, потому что они боятся человѣческихъ несчастій и не могутъ выносить счастія. Или, можетъ быть, это печальное сумасшествіе есть слѣдствіе болѣзни; или какое-то сознаніе своей тяжкой вины заставляетъ несчастныхъ терзать свое исхудалое тѣло тѣми пытками, которыми у насъ въ Римѣ, правосудіе наказываетъ только бѣглыхъ рабовъ?" *).

Изъ словъ Рутилія предъ нами рисуется полная картина монашеской общины на Западѣ въ IV и V вѣкѣ по Р. Хр. Рутилій—совершеннѣйшій представитель того недоумѣнія и смущенія, которыми были поражены язычники римляне по поводу монашеской жизни. Римская стоическая философія не мирилась съ идеей монашества, потому что не могла понять ее. Изъ словъ Рутилія видно, что стоицизмъ римскій, гордо выставлявшій грудь на встрѣчу бѣдствіямъ, посылаемымъ судьбою, жалокъ и ничтоженъ, сравнительно, съ идеей монашества, потому что монахи отвергли и бѣдствія, и радости жизни, во имя Христа, а стоикъ-римлянинъ не чуждался житейскихъ утѣхъ и радостей, и, слѣдовательно, не могъ стать выше поражающей смертныхъ судьбы (fatum).

Современемъ наибольшаго развитія монашества въ III и IV вѣкахъ совпадаетъ и время необыкновенной нравственной силы, съ какою дѣйствовали отшельники на окружающее ихъ общество; эта самоотверженная жизнь въ пустыняхъ дѣйствовала на народную массу уже самою своею необычайностью. Святые отцы Восточной церкви, какъ напримѣръ Златоустъ, содѣйствовали своими писаніями этому громадному вліянію монаховъ на тогдашнее общество. Въ гостепріимныя стѣны тогдашняго монастыря были отверзты двери всѣмъ и каждому. Нищій, убогій, крестьянинъ, ремесленникъ, рабъ, ограбленный, потерявшій богатство—всѣ шли къ порогу обители, съ твердою вѣрою, что труднымъ путемъ монашеской жизни, они вступаютъ въ жизнь вѣчную. Случалось часто такъ, что изъ дома отца убѣгалъ единственный сынъ и присоединялся къ какой-либо общинѣ. Отецъ же, въ свою очередь, отъ горя, тоже шелъ въ монастырь. Пожертвованія на монастыри особенно принимались на Западѣ и превозносились часто до лести. Извѣстная римская матрона Паула за множество милостыни, розданной на монастыри, была названа *божьей свекровью* (Socrus Dei). Объ этомъ титлѣ Паулы упоминаетъ блаженный Іеронимъ.

Что касается топографіи, т. е. мѣстъ перваго монашескаго подвижничества, то на Востокѣ это были пустыни Сиріи, Палестины и Египта. Здѣсь раскаленные пески Ливійской пустыни приняли многочисленныя монашескія общины, затѣмъ по берегамъ Нила и въ Тебоидѣ основалось также много общинъ. Особенно знаменита была въ IV и V вѣкѣ Нитрійская пустыня. Она лежала къ югу отъ Александріи и начиналась за скалистою обрывистой горой. Эта пустыня была населена болѣе чѣмъ 5,000 анахоретовъ, едва покрытыхъ жалкими рубищами. Еще теперь, спустя столько вѣковъ предъ изумленнымъ путешественникомъ встаютъ изъ раскаленныхъ Нитрійскихъ песковъ ясные слѣды 50 монастырей. Убогая утварь этихъ монастырей весьма первобытна. По многимъ основаніямъ надо рѣшить, что вмѣсто ножей монахамъ и особенно анахоретамъ служили острые края устричныхъ раковинъ (tegula). Огромное множество этихъ раковинъ до сихъ поръ находится по африканскимъ берегамъ Средиземнаго моря. Что касается собственно западныхъ монашескихъ общинъ и поселеній анахоретовъ, то, по свидѣтельствамъ латинскаго писателя Рутилія, они встрѣчаются густо скученными на островахъ Средиземнаго моря, напр., на Капраріи и Горгонѣ. Эти святые островитяне возбудили въ однихъ изъ римлянъ ужасъ и презрѣніе, въ другихъ—изумленіе и уваженіе. Гдѣ бы однако не существовала такая монашеская община, одною изъ ея нравственныхъ обязанностей было прославленіе мученниковъ за Христа. Тѣми же устричными раковинами, служившими имъ для другихъ потребъ, монахи выцарапывали на скалахъ имя мученика, эмблемы его мученій, его славы, выцарапывали символическую фигуру Іисуса, въ формѣ рыбы.

Древняя монашеская одежда въ монастыряхъ Запада и Востока сообразовалась съ климатомъ и образомъ жизни различныхъ монашествующихъ обществъ. Въ Египтѣ можно было встрѣтить монаховъ, носившихъ овечьи шкуры въ подражаніе тогдашнему костюму египетскихъ крестьянъ, или просто въ жалкихъ лохмотьяхъ, и даже совсѣмъ безъ одежды. За то въ нѣкоторыхъ общинахъ монахи облекались въ величественную тогу греческаго философа. Затѣмъ существовала разница между монахами Западной и Восточной церквей относительно ношенія полотняныхъ одеждъ и волосъ. Тогда, какъ монахи Восточной церкви носили полотняныя одежды—въ тѣхъ частяхъ Египта, гдѣ были эти ткани туземнаго издѣлія и, слѣдовательно, дешевле,—а также и носили волосы — западные монахи съ презрѣніемъ от-

*) Claud. Rut. Numantianus. Itiner. 439 — 448 p.

Библиотека "Руниверс"

вергали полотняныя одежды, какъ ненужную роскошь, и стригли свои волосы или уже начисто брили, и покрывали голову особаго рода покрываломъ, напоминающимъ нашъ башлыкъ, но только свѣшивающійся съ головы и называвшійся „капуце“ (отсюда и произошло впослѣдствіи въ XVI уже вѣкѣ названіе *капуциновъ* нищенствующихъ монаховъ, принадлежащихъ собственно къ Францисканскому ордену. Въ эту-то капуцу западный монахъ завертывалъ бритую голову, чтобы избѣжать, какъ говорилось въ монашескомъ уставѣ, „взгляда на свѣтскіе предметы“. Обуви западный монахъ не употреблялъ, развѣ только въ жестокіе зимніе холода. Длинный посохъ, поддерживалъ его слабые и медленные шаги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за исключеніемъ болѣзни и слабости, запрещалось обмывать тѣло водою и смазывать по восточно-греческому обычаю, масломъ. Правило гласило: „все тѣло никто не долженъ намазывать, развѣ въ случаѣ слабости, и никто не долженъ омывать водою голое тѣло, развѣ въ случаѣ очевиднаго изнуренія.“ Наиболѣе строгой жизни монахи спали на голой землѣ, или на жесткой подстилкѣ, или грубой ткани. Пальмы доставляли имъ листья, и пучекъ такихъ листьевъ служилъ имъ сидѣньемъ днемъ и подушкою ночью. Первобытныя монашескія кельи были низки, тѣсны и построены изъ плохихъ матеріаловъ. Но такъ какъ эти убогія хижины расположены были равномѣрно и регулярно, то каждое устроившееся такимъ образомъ братство напоминало большую деревню, раскинувшуюся въ песчаной равнинѣ. Внутри этой деревни находились: общественная церковь, больница, священные свитки, составлявшіе особую библіотеку; далѣе воздѣланный иноческими руками садъ съ водоемомъ или цистерною внутри. Отъ 30 до 40 монаховъ составляли *братство* или *семейство*, руководившееся общею дисциплиной и жившее на общія издержки.

Первый, познакомившій Римъ съ мо-нашескою жизнью былъ Св. Аѳанасій, ученикъ знаменитаго египетскаго отшельника, Св. Антонія.

Громадныя богатства западныхъ монастырей, рано давшія импульсъ къ роскошной жизни западнаго монаха, получили свое начало именно отъ многочисленныхъ и щедрыхъ пожертвованій. Многіе изъ богатыхъ кающихся грѣшниковъ и особенно богатыхъ грѣшницъ спѣшили нести свои богатые вклады святымъ (какъ называли монаховъ) съ цѣлью искупить свою душу отъ погибели и изъ когтей діавола. Изъ богатыхъ „грѣшницъ“-жертвовательницъ на монастыри въ первые вѣка, на Западѣ, особенно упоминаются Меланія и Паула. Первая пожертвовала въ монастырь свою серебряную утварь, состоящую изъ 300 серебряныхъ сосудовъ. Паула впала въ неоплатные долги, пожертвовавъ, съ своей стороны въ монастыри цѣлыя массы серебряныхъ сосудовъ. Принимая во вниманіе тогдашнюю цѣну серебра, нужно сказать, что подобныя пожертвованія могли считаться громадными. Блаженный Іеронимъ свидѣтельствуетъ*), что одинъ изъ монаховъ облагодѣтельствованной Паулой обители, Памбо,—когда жертвовательница просила сдѣлать подробную формальную оцѣнку своихъ пожертвованій,—далъ ей слѣдующій отвѣтъ:

— Что же? Ты жертвуешь мнѣ или Богу? — Если Богу, то нуждается ли Онъ въ исчисленіи твоего серебра, Онъ, который на вѣсахъ Своей Правды держитъ цѣлыя громадныя горы?

Нѣкоторые греческіе писатели, язычники, свидѣтельствамъ которыхъ, однакоже, нѣтъ основанія не довѣрять, говорятъ, что пожертвованія на монастыри западные расплодили массу нищихъ, конечно вслѣдствіе непосильныхъ податей и поборовъ на монастыри. Затѣмъ, существовалъ для молодыхъ людей обоего пола большой соблазнъ поступать въ такъ назыв. „смѣшанные“ монастыри, т. е. состоящіе изъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ. До Трулльскаго собора, по крайней мѣрѣ, мы не находимъ никакого запрещенія подобному злоупотребленію монастырской жизни. Въ этомъ послѣднемъ Трулльскомъ соборѣ уже запрещаются смѣшанные монастыри, а равно переночевка женщинъ у монаховъ и мужчинъ у монахинь. Но, какъ свидѣтельствуетъ безпристрастный писатель Вальсамонъ, и соборныя запрещенія еще на долгое время оставались тщетными.

Раздѣлялись монашескія общины или, говоря точнѣе, сами члены этихъ общинъ на *двѣ* категоріи: *ценобитовъ* и *анахоретовъ* (эремитовъ), т. е. уединенныхъ пустынниковъ. Западныя ценобіи или киновіи скопированы съ восточныхъ лавръ, находившихся въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ. Кодексъ правилъ жизни для западныхъ монаховъ вышелъ гораздо позднѣе, чѣмъ на Востокѣ. Этотъ западный „Codex regulorum“ составленъ Св. Бенедиктомъ Аніанинскимъ въ началѣ IX вѣка и содержитъ въ себѣ 30 различныхъ правилъ для монаховъ и монахинь. Но нѣкоторыя предписанія, напр. о воздержаніи отъ пищи, уже были установлены. Воздержаніе отъ пищи требовалось ради цѣломудрія Блаженнымъ Іеронимомъ, въ нѣсколько рѣзкихъ выраженіяхъ объясняющимъ необходимость поста и воздержанія для монаховъ: „Не потому нужно воздержаніе, чтобы Богу, Творцу и Господу міра, были пріятны страшный ревъ у насъ въ животѣ, пустота въ желудкѣ и воспаленіе внутренностей, но потому, что безъ поста совершенно невозможно цѣломудріе.“

Впрочемъ на Западѣ существовали и чрезвычайно суровыя правила ирландца Колумбана, которыми предписывалось каждому хотя въ малѣйшей степени нарушившему уставъ монаху давать по 100 ударовъ плетью или палками. При Карлѣ Великомъ, по тѣмъ же правиламъ Колумбана, аббаты и настоятели монастырей позволяли себѣ изувѣчивать подчиненныхъ имъ монаховъ, напр. выкалывали имъ глаза, выбивали зубы и пр. Затѣмъ была изобрѣтена варварская пытка, спеціально прилагавшаяся къ западнымъ монахамъ. Она называлась: „иди съ миромъ“ и состояла въ томъ, что провинившагося монаха съ торжественной церемоніей вталкивали въ сырое и мрачное подземелье, имѣвшее форму гроба.

Но вообще, за исключеніемъ этихъ правилъ Колумбана, въ западномъ монашествѣ, по сравнительно нестрогимъ правиламъ относительно воздержанія, существовала удобная почва для развитія лѣни, роскоши, изнѣженности, какъ это и подтверждаетъ вся исторія западнаго монашества.

Преобразователемъ монашеской жизни на Западѣ былъ Св. Бенедиктъ, преобразовавшій монашество на началахъ евангельской нищеты и безкорыстія. Отъ него получилъ начало нищенствующій орденъ монаховъ на Западѣ. Отличительною чертою громаднаго вліянія этого монашескаго ордена служатъ многочисленныя школы, распространенныя имъ на всемъ Западѣ, (особенно нужно здѣсь отмѣтить пункты: Сен-Галленъ (въ Швейцаріи), Фульда, Корвей, Бременъ, Герсфельдъ). Какъ на горахъ склоняются мощные глетчеры, такъ въ монастыряхъ и школахъ бенедиктинцевъ хранилась и все скоплялась и скоплялась масса рукописей, и, слѣдовательно, всѣ сокровища средневѣковаго знанія. Самое неустрашимое воображеніе отступитъ назадъ передъ этою массою рукописей и фоліантовъ, какую создали неутомимые бенедиктинцы, и эти фоліанты представляются цѣнными источниками для исторіи—но только для тѣхъ, кто съумѣетъ не заблудиться и не растеряться въ ихъ массѣ. Т. Н. Грановскій въ своей знаменитой рѣчи по поводу юбилея Московскаго университета выразился, что массы рукописей бенедиктинскихъ монаховъ могутъ „навести страхъ на самаго предпріимчиваго изслѣдователя“. Этотъ орденъ, слѣдовательно, стоялъ во время средневѣковаго мрака на стражѣ просвѣщенія, хотя самъ не сознавая этого. Но вмѣстѣ съ развитіемъ знанія росли съ громадною быстротою и матеріалами средства этого ордена,—эти средства въ свою очередь ускоряли развитіе школъ и массы книгъ, пока отъ преизбыточествующаго теченія богатствъ въ одинъ и тотъ же пунктъ не возникла роскошь и изнѣженность, взявшая верхъ надъ благородными и возвышенными стремленіями къ знанію. Старые нравы, привычка къ нищетѣ во имя Христа исчезли. Обильныя яства, вина, грѣшныя наслажденія стали отличительными чертами не только бенедиктинскаго но и вообще западнаго монаха. Нужно, конечно, исключить такую возвышенную личность, какъ Св. Бернардъ и нѣкоторые другіе. Исключенія есть вездѣ. Но вообще западный монахъ съ его склонностью къ вину, обильной пищѣ, лѣни, покою, сладострастію послужилъ типомъ и мишенью для цѣлаго ряда карикатуръ, недостатка въ которыхъ не было, начиная съ дореформаціоннаго періода и до нашего времени.

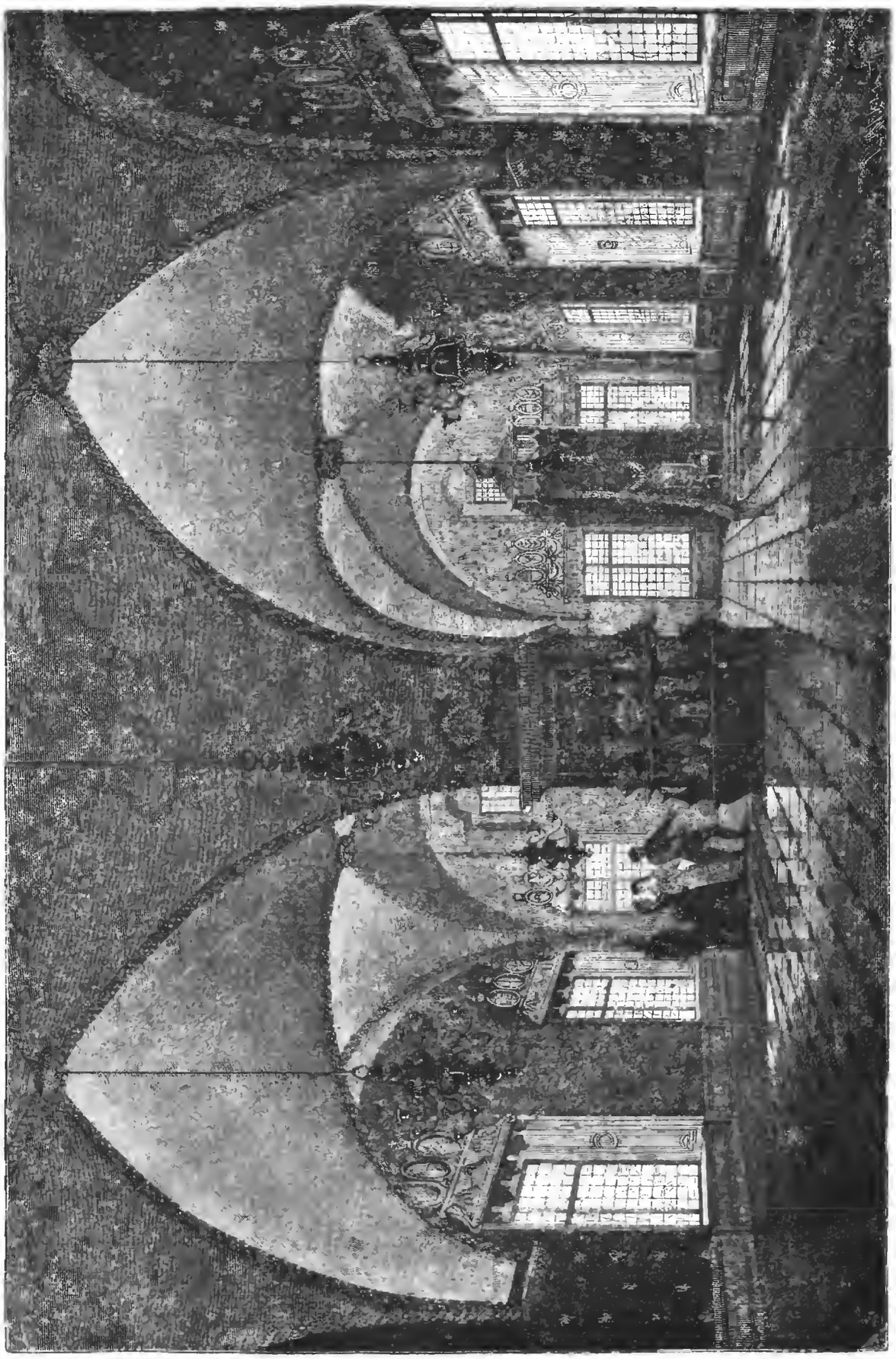
Мы видимъ, что на Западѣ довольно рано получили начало, развитіе и задатки могущества первые монашескіе ордена, возвышеніе которыхъ шло параллельно съ возвышеніемъ власти римскаго папы, послѣ памятнаго періода раздѣленія церквей на Восточную и Западную. Соотвѣтственно возвышенію могущества римскаго первосвященника, и монастыри, принадлежавшіе монашескимъ орденамъ, такъ сказать, втягивали въ себя сокровища просвѣщенія. Эта процвѣтавшая въ западныхъ монастыряхъ наука сдѣлала свою громадную пользу просвѣщенію; но она же послужила и важнымъ тормазомъ развитія реальныхъ, служащихъ къ благосостоянію человѣчества, наукъ въ эпоху возрожденія. Почему западный монахъ сдѣлался инквизиторомъ—весьма понятно. Гордость, сознаніе своей исключительности въ обладаніи просвѣщеніемъ и самая односторонность этого просвѣщенія сдѣлали западнаго монаха нетерпимымъ, фанатикомъ, и что всего хуже, отстаивая унаслѣдованныя имъ въ теченіе вѣковъ идеи и не признавая научнаго прогресса, западный монахъ опирался при этомъ на авторитетъ священнаго писанія. Кому изъ великихъ подвижниковъ новой мысли западные патеры не противопоставляли этого авторитета? Колумбу говорили, что самая попытка плыть за Океанъ, признавая землю шаромъ, противна св. писанію. Галилею, отстаивавшему движеніе земли, говорили тоже. Что же говорить о философѣ Джордано Бруно, о слишкомъ раннемъ реформаторѣ западной церкви Саванароллѣ? Ихъ и должны были сжечь на кострѣ — лучшей участи имъ не могло предстоять, при томъ духѣ фанатизма и нетерпимости, какой усвоила себѣ отдѣлившаяся отъ православнаго Востока западная церковь?..

Замѣтимъ въ заключеніе, что какъ ни много было попытокъ прекратить роскошь въ средѣ бенедиктинцевъ, но все было безуспѣшно. Реформы разрушались сами собою, въ виду многочисленныхъ мірскихъ соблазновъ, чему, конечно, по существу дѣла, благопріятствуетъ наиство, такъ какъ оно слило идею целибатства или безбрачія съ идеею монашества. Безбрачіе не помогаетъ добродѣтели, а развиваетъ только манихейское лицемѣріе.

М. С.

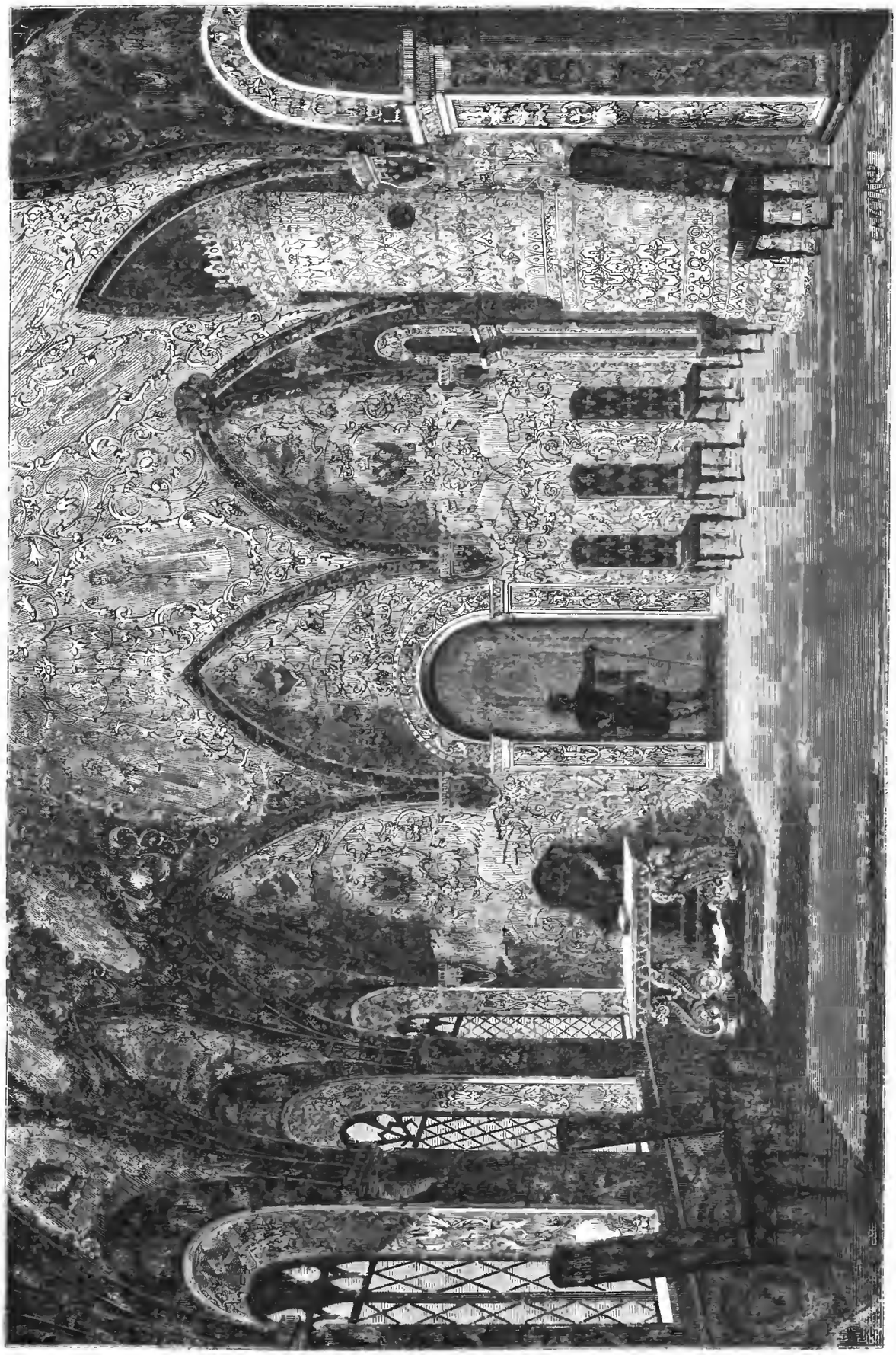
*) Твор. Sancti Jeren. Tom. I, p. 176—183.

Библиотека "Руниверс"



Тронная палата въ Теремѣ Московскаго Кремля. Рис. Веберъ, грав. Лапланть.

Библиотека "Руниверс"



Большая Золотая или Грановитая палата въ Московскомъ Кремлѣ. Рис. Мойне, грав. Гошаръ.

Библиотека "Руниверс"

Большая Золотая или Грановитая палата и терема въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ.

Прежде чѣмъ сказать что либо о такъ называемой Золотой комнатѣ или иначе—Грановитой палатѣ и теремахъ Большаго Кремлевскаго дворца, считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей съ самымъ дворцомъ.

Встарину великокняжескіе дворцы заключали въ своихъ оградахъ храмы Божіи, хоромы княжескіе и все, что составляло „чинъ правленія и хозяйства государева". Тутъ *на дворцахъ* или малыхъ дворахъ жили: духовенство, бояре, дружина, художники и ремесленники, словомъ все, что такъ или иначе служило князю; здѣсь же хранились сокровища и припасы.

Московскій великокняжескій или царскій дворецъ занималъ съ основанія Москвы то самое мѣсто, которое занимаетъ и теперь, въ Кремлѣ на высокой набережной Москвы рѣки, и его эпохи какъ будто соотвѣтствовали эпохамъ Россіи. Сначала, когда еще существовали удѣлы, дворъ Великаго князя состоялъ изъ многихъ отдѣльныхъ хоромъ и избъ за общею оградою. Царь Іоаннъ Васильевичъ III, соединивъ удѣлы, подвелъ и подъ всѣ удѣльныя зданія своего двора общее каменное основаніе, соединивъ ихъ „сѣнями или переходами".

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ набережныя зданія царскаго дворца были разобраны и построенъ дворецъ въ итальянскомъ вкусѣ, примыкавшій со стороны *„краснаго крыльца"* къ грановитой палатѣ. Императрица Екатерина имѣла мысль, по проекту Баженова, обратить весь Кремль въ одинъ громадный дворецъ; мысль эта была ужь близка къ осуществленію, и дворецъ, (модель въ Московской оружейной палатѣ,) былъ заложенъ 1 іюля 1775 г. Основной камень, съ надписями намѣдныхъ доскахъ, положенъ былъ на мѣстѣ Тайницкой башни. Къ счастію, строеніе было только начато, затѣмъ оставлено и матеріалъ употребленъ на поправленіе кремлевскихъ стѣнъ: теперь все завѣтное цѣло, дворъ царскій настаромъ мѣстѣ и новый императорскій дворецъ составлетъ одну нераздѣльную связь существовавшихъ нѣкогда палатъ: „средней золотой", „столовой" и „набережной или посольской". Онъ былъ построенъ по желанію покойнаго императора Николая Павловича, который въ 1838 году, во время своего пребыванія въ Москвѣ, лично изложилъ мысли свои о постройкѣ дворца. Исполненіе поручено было извѣстному профессору архитектуры К. Н. Тону, а самыя работы по постройкѣ производились подъ руководствомъ талантливаго профессора архитектуры Рихтера и архитекторовъ—Чичагова и Бокарева, новый дворецъ былъ соединенъ съ древнимъ теремнымъ, нимало не утративъ своего великолѣпія.

Въ древности такъ называемыя „престольныя" или столовыя палаты назывались гридницами или гриднями, въ значеніи „малый градъ" (citadelle). Здѣсь совершались торжества восшествія на престолъ и свадебныя, здѣсь принимались и угощались послы иноземные, духовенство, бояре и гости (convives). Древнюю гридню въ Москвѣ замѣнила „Грановитая Палата". Она первоначально называлась просто Большою Палатой. Въ 1547 г., при царѣ Іоаннѣ IV, послѣ пожара въ Кремлѣ, она возобновлена вмѣстѣ со всѣмъ дворцомъ и съ этого времени называлась „Большой Золотой и Грановитой Палатой; потомъ при Ѳедорѣ Іоанновичѣ „Большой Золотой подписной палатой", т. е. украшенной живописью по золоту.

Изъ описанія золотыхъ палатъ, составленнаго въ 1672 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, видно, что на сводахъ и стѣнахъ Грановитой палаты были изображены: Господь Саваоѳъ, Творенія ангеловъ и человѣка, Событія изъ исторіи Ветхаго Завѣта, Раздѣленіе вселенной между тремя братьями и Раздѣленіе Руси между тремя сыновьями Владиміра Св., и т. п.

Маскевичъ, жившій въ Москвѣ во время нашествія поляковъ въ 1611 году, упоминаетъ объ этой же самой живописи Грановитой палаты и между прочимъ говоритъ: „печь устроена подъ землею, съ душниками для нагрѣванія комнатъ".

Древней живописи въ Грановитой палатѣ издавна уже не существуетъ; теперь стѣны ея обтянуты малиновымъ бархатомъ, съ золотыми орлами и гербами царствъ и княжествъ, изъ которыхъ образовалась единая и нераздѣльная Россія. На томъ, мѣстѣ, гдѣ прежде былъ столъ великокняжескій и царскій, теперь находится тронъ императорскій.

Въ этой палатѣ въ теченіи пяти столѣтій совершилось много торжествъ вѣнчанія на царство, бракосочетанія, пріема пословъ отъ христіанскихъ державъ, празднествъ побѣдъ и воспоминаній священныхъ, царскихъ и народныхъ; три раза видѣла въ себѣ палата и незванныхъ гостей; но имъ худо въ ней погостилось.

Грановитая палата соединялась такъ называемымъ Краснымъ крыльцомъ съ папертью Благовѣщенскаго собора, чрезъ которую былъ общій ходъ; красная же лѣстница съ южной стороны палаты была царскою, подобно священной лѣстницѣ въ чертогахъ греческихъ царей. Кромѣ этихъ двухъ выходовъ, со стороны площади на Красное крыльцо, между ними была третья лѣстница для иновѣрныхъ пословъ и гостей. Сѣни предъ Грановитой Палатой называются Святыми сѣнями по бывшимъ на стѣнахъ изображеніямъ святыхъ. Между прочимъ у входа было представлено видѣніе Іисусомъ Навиномъ Архангела Михаила, который говоритъ ему: „изуй сапогъ твой, ибо мѣсто сіе свято".

Предъ вѣнчаніемъ на царство великіе государи вступали въ Грановитую палату и отсюда посылали на „казенный дворъ" за животворящимъ крестомъ, св. бармами, царскимъ вѣнцомъ и цѣпью, присланными греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ внуку своему Владиміру Всеволодовичу и которыми со временъ его вѣнчались всѣ великіе князья и цари русскіе. По принесеніи царскаго чина (регалій) съ казеннаго двора, крестъ, св. бармы, вѣнецъ и скипетръ торжественно несли митрополиты и архіепископы на золотыхъ блюдахъ, покрытыхъ пеленою, унизанныхъ драгоцѣнными камнями, въ Успенскій соборъ, при звонѣ колоколовъ, куда слѣдовалъ и самъ царь къ вѣнчанію.

Торжественные пріемы пословъ совершались также въ Грановитой палатѣ; но вторые *отпускные* пріемы—въ Средней Золотой, гдѣ представлялись царю и послы иновѣрные: персидскіе, ногайскіе и проч.

Вступая въ корридоръ, отъ церкви „Словущаго Воскресенья" (построенной при старомъ Кремлевскомъ дворцѣ), называемый теперь чугуннымъ, но который нѣкогда составлялъ сѣни верхняго яруса дворца Іоанна III, или жилыхъ покоевъ царевенъ, вы поднимаетесь налѣво по лѣстницѣ въ *теремъ*, надстроенный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для сыновей своихъ царевичей—Алексѣя Михайловича и Іоанна Михайловича въ 1636 году. Это—царскіе хоромы, или жилые покои русскихъ царей въ XVII столѣтіи, единственный памятникъ и образецъ древней религіозной жизни, это—подобіе храма, гдѣ свято совершались по закону обряды жизни. Послѣ того, какъ императрица Елизавета построила новый дворецъ, теремъ былъ въ полномъ забвеніи еще полстолѣтія, безъ поддержки, и онъ былъ бы, конечно, въ развалинахъ; но, благодаря заботамъ Николая Павловича, который хотѣлъ почтить обитель своихъ предковъ правомъ святыни нерушимой, теремъ былъ возстановленъ навсегда; онъ былъ, при постройкѣ новаго дворца, соединенъ съ послѣднимъ; всѣ уцѣлѣвшіе образцы украшеній и древней утвари царской были возобновлены соотвѣтственно господствовавшему вкусу временъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Вступая въ рядъ покоевъ, предназначенныхъ имъ для наслѣдника, вы вступаете въ гостинную и престольную, имѣющія расположеніе и подобіе храма; за ними, какъ бы въ придѣлѣ, опочивальну и образную. Живопись стѣнъ храмовая, съ святыми изображеніями, и узорами Здѣсь, въ престольной палатѣ. у краснаго окна, подлѣ котораго царское мѣсто, былъ устроенъ опускавшійся внизъ ларецъ для просьбъ прямо въ руки царю отъ безпомощныхъ, и Алексѣй Михайловичъ посвящалъ утренніе часы милосердію (подъ краснымъ окномъ, на террасѣ, находился челобитный столбъ). Въ образной или молельнѣ царской замѣчательны древніе образа, складни, кресты. Эта святыня издавна составляла родовое наслѣдіе и благословеніе Великихъ Князей русскихъ. Ветхость нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуетъ о глубокой ихъ древности. Разныя драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія царю Алексѣю Михайловичу, золотая и серебряная посуда наполняютъ створцы, находящіеся въ тронной (смотри рисунокъ: внутренность терема), въ трапезной и въ боковомъ покоѣ; словомъ, здѣсь все старое по старому, какъ было при прежнихъ хозяевахъ — Михаилѣ и сынѣ его Алексѣѣ. Изъ бокового покоя въ сторонѣ отъ „тронной" выходъ по круглой лѣстницѣ на вышку или верхній этажъ терема, составляющій одинъ покой, теремную горвицу, съ башенкой или фонаремъ съ южной стороны. Съ открытой площадки вышки, нѣкогда за стѣнами Кремля, взоръ обнималъ обширную Москву, обнесенную каменными стѣнами и стрѣльницами Китай-города, Бѣлаго города или Царь-града.

Выходя изъ церкви Словущаго Воскресенья на паперть, образующую корридоръ, нельзя не обратить вниманія на дверь вправо, ведущую на лѣстницу внизъ, и на окно, находящееся противъ дверей. Изъ этого окна выбросился Дмитрій Самозванецъ. По извѣстіямъ современниковъ его — Маржерета, Бера, Пифле и др., когда народъ вломился съ площади во дворецъ, самозванецъ бросился въ каменный дворецъ, въ теремъ, гдѣ жила его молодая жена Марина, занимавшая покои царицъ; отсюда пробрался онъ въ верхній этажъ, къ сторонѣ умывальни, надѣясь, безъ сомнѣнія, малымъ сходомъ внизъ (лѣстницей *) при церкви Словущаго Воскресенья) сбѣжать на сытный дворъ; но и этотъ выходъ былъ уже занятъ и Лжедмитрій, какъ не путемъ вошелъ въ царскіе хоромы, такъ не путемъ и вышелъ изъ нихъ: онъ бросился на сытный дворъ въ окно.

*) Эта лѣстница, составлявшая выходъ изъ терема на задній дворъ, открыта была при исправленіи каменныхъ стѣнъ терема при церкви Славущ. Воскресенья въ 1840 г. Государь Императоръ повелѣлъ возобновить этотъ древній выходъ изъ терема, служащій историческимъ доводомъ причины, по которой Самозванецъ принужденъ былъ выброситься изъ окна, противъ задней лѣстницы, по которой онъ надѣялся спастись отъ преслѣдованія.

Н. Б.

Библиотека "Руниверс"

Хозяйственные совѣты.

Супъ изъ курицы. Взять хорошо откормленную курицу, выпотрошить ее, вымыть водой, разрѣзать на части и поставить, налив кострюлю водою, на огонь, посолить, а когда будетъ кипѣть, снимать хорошенько пѣну, и когда хорошо уварится, процѣдить сквозь чистое сито бульонъ, сполоснуть чистою водою кострюлю, еще разъ перемыть части курицы, положить нѣсколько цѣлыхъ луковицъ (печеныхъ), прибавить кореньевъ зелени, положить крупы немного, кому какой угодно, манной, перловой, рису или овсяной, поварить еще около часа и подавать на столъ.

Мозговой соусъ. Взять свѣжихъ мозговъ, очистить жилки, и, вымывъ хорошо, сварить въ соленой водѣ, потомъ дать стечь, посмотрѣть, не осталось ли еще перепонокъ, если есть, снять ихъ, облить сырыми яицами съ сухарями и поджарить въ маслѣ. Подливку къ этому соусу дѣлаютъ вотъ какъ: кусокъ крѣпкаго бульону (кускомъ) положить на стаканъ бульону, подцвѣтить сженымъ сахаромъ, облить блюдо съ мозгами, обсыпать петрушкою, вскипятить и подавать.

Битокъ по новому. Возьми мягкой говядины, избей ее хорошенько скалкой, нарѣжь ее ломтиками, обваляй въ гречневой мукѣ, растопи на сковородѣ поболѣе масла, накроши достаточно луку, положи куски мяса на сковороду и жарь, немного обсыпь петрушкой, поджарь картофелю, обложи битки имъ и подавай.

Смѣсь.

Для истребленія полевыхъ мышей. Совѣтуемъ употреблять слѣдующее средство: взять шпеку, растопить его и опустить въ него отравленной пшеницы. Затѣмъ къ массѣ этой прибавить мышьяку и полученное такимъ образомъ тѣсто можетъ быть съ успѣхомъ употребляемо для истребленія мышей. Для сего въ каждое сдѣланное ими отверстіе слѣдуетъ класть кусочекъ теста не болѣе орѣха величиной. Не пройдетъ нѣсколько минутъ, какъ мыши, привлеченныя запахомъ свинаго сала, начнутъ выходить изъ своихъ норъ и оспаривать одна у другой отраву. Доказательствомъ практичности этого способа служитъ слѣдующій фактъ: десять смежныхъ гектоpовъ земли, на которыхъ употребленъ былъ описанный выше способъ, избавились отъ мышей, тогда какъ всѣ находящіеся вокругъ этихъ участковъ посѣвы, на которыхъ, относительно истребленія мышей, метода эта примѣнена не была, оказались совершенно уничтоженными этими вредными животными.

Средство для чистки золотыхъ и высеребряныхъ галуновъ, пуговицъ и пр. Если съ галуновъ, пряжекъ, застежекъ, пуговицъ и т. п. сошла позолота, то взять 3 лота камеди брусковой ½ кв. зиѣиной крови и ½ кв. короля куркума, распустить ихъ въ крѣпкомъ винномъ спиртѣ и влить жидкость, которая получитъ цвѣтъ рубина. За тѣмъ посредствомъ волосяной кисточки слѣдуетъ смазать этой краской тѣ предметы, которымъ желательно придать обновленный видъ и подержать въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ надъ галунами и т. п. вещами горячій утюгъ. Такимъ же образомъ слѣдуетъ поступать и при чисткѣ золотаго шитья. Серебряные галуны или шитье можно чистить алебастромъ, который слѣдуетъ раскалить и затѣмъ гасить его водкой. Такимъ образомъ алебастръ превращается въ бѣлый порошекъ который нужно просушить хорошенько надъ пламенемъ виннаго спирта и ссыпать въ мѣшочекъ изъ бѣленнаго холста. Чрезъ этотъ мѣшочекъ слѣдуетъ осыпать алебастровымъ порошкомъ галуны и пр. и затѣмъ стереть съ нихъ порошекъ щеткой, употребляемой для чистки бархата.

Случаи замѣчательнаго проявленія электричества. Какъ велика способность проводниковъ, напримѣръ металлическихъ, наэлектризовываться, можетъ служить доказательствомъ слѣдующій примѣръ изъ воздухоплаванія Грина. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г., когда шаръ вступилъ въ область электрическихъ тучъ, то одинъ изъ спутниковъ Грина былъ сильно взволнованъ, увидѣвъ, что изъ его стальныхъ шпоръ безпрестанно сыплются электрическія искры.

Политическое обозрѣніе.

Восточный вопросъ остается такимъ жгучимъ вопросомъ нашего времени, что средства дипломатіи разрѣшить мирно или по крайней мѣрѣ отсрочить рѣшеніе его оказываются крайне безсильными. Азіатская орда, называемая Турціей, далеко не безсильна; непримиримый фанатизмъ составляетъ ея силу, такъ что если неизбѣжна вооруженная борьба, то она потребуетъ многихъ жертвъ. Практическій, дальнозоркій канцлеръ Германской имперіи высказался наконецъ, что восточный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только оружіемъ и что рѣшеніе его потребуетъ много крови.

Во все время засѣданій конференціи, Порта какъ будто издѣвалась надъ великими державами и даже не скрывала или плохо скрывала это. То она изъявляла полное согласіе на представленія державъ, то брала назадъ это согласіе, или дѣлала такія контръ-предложенія, которыя на половину или вовсе уничтожили бы результаты мирныхъ соглашеній, еслибы таковыя состоялись. «Честь», «независимость», «неприкосновенность» — вотъ тѣ громкія слова, которыми представители Порты старались придать силу своимъ контръ-предложеніямъ. Никогда въ такой мѣрѣ не выказывалась эластичность понятія о «чести», какъ теперь. Съ турецкою «честью» совершенно примирнется и избіеніе болгаръ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій конференціи, представитель Франціи, г. Бургоэнъ, высказалъ это. Тогда одинъ изъ турецкихъ уполномоченныхъ отвѣчалъ, что у французовъ у самихъ была «Варѳоломеевская ночь». На это представитель Франціи отвѣчалъ запальчиво, что «Варѳоломеевская» ночь во Франціи была давно, и что эту ночь нельзя ставить въ сравненіе съ убійствами болгаръ».

Этотъ приведенный сейчасъ примѣръ показываетъ, что у европейскихъ дипломатовъ не было недостатка въ доброй волѣ и искренности; они не старались затемнить дипломатическими софизмами сущность дѣла. Непонятная уступчивость, можетъ быть вытекающая и изъ почтенныхъ мотивовъ, сдѣлала Порту дерзкою и высокомѣрною. Она приняла уступчивость за робость. Коль скоро дѣло поставлено было такъ, успѣха отъ переговоровъ ожидать было нельзя.

Тѣмъ не менѣе, нужно же было Портѣ мотивировать чѣмъ нибудь свое вилянье, свою игру словъ въ «достоинство», «независимость», «неприкосновенность» и т. д.—назначено было засѣданіе *Большаго совѣта*.

Всѣ интересующіеся политическими событіями, не безъ нѣкотораго нетерпѣнія, ожидали засѣданія такъ называемаго «*Большого Совѣта*». Въ этомъ засѣданіи сама Порта рѣшилась вывести дѣло, какъ говорится, «на чистоту». Что же наконецъ: война или миръ—подчиненіе предложеніямъ Европы или рѣшительное упорство, рѣшительный отказъ? Первое засѣданіе Большого Совѣта состоялось 6 (18) января. Оно было весьма торжественно, потому что въ немъ принимали участіе болѣе 200 турецкихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ было 60 христіанъ. Засѣданіе открыто чтеніемъ очерка событій, съ самаго начала возстанія балканскихъ христіанъ, затѣмъ изложены по порядку предложенія державъ и находящіяся съ этимъ въ тѣсной связи контръ-предложенія самой Турціи. Далѣе Мидхадъ-паша приступилъ къ самому существу дѣла: назвалъ положеніе дѣлъ «весьма серьезнымъ», указалъ на опасности угрожающей войны и на плохое состояніе турецкихъ финансовъ. Затѣмъ, религіозныя главы греческій и армянскій отвергли предложенія великихъ державъ и затѣмъ уже Большой Совѣтъ отвергъ эти предложенія единогласно. Восклицанія «*лучше смерть, чѣмъ безчестье!*» огласили залу засѣданія. И на обращенный Митхадомъ-пашею къ Большому Совѣту запросъ: можетъ ли онъ, Митхадъ-паша, продолжать переговоры съ Болгаріей относительно отвергнутыхъ пунктовъ, Совѣтъ отвѣчалъ отрицательно и предоставилъ великому визирю обсужденіе на будущихъ засѣданіяхъ конференціи *только однихъ контръ-предложеній Турціи*!

Важнѣе для насъ результаты второго засѣданія Большого Совѣта. На другой день послѣ этого памятнаго засѣданія происходило новое засѣданіе Большого совѣта. 7 (19) января на совѣщаніе собралось уже 240 членовъ; число христіанъ на этомъ вторичномъ совѣщаніи осталось прежнее, т. е. 60. Патріархи греческій и армянскій, по случаю болѣзни, на засѣданіи не присутствовали. Митхадъ-паша произнесъ длинную рѣчь, объяснивъ въ ней, что если Турція отвергнетъ предложенія Европы, то послы шести великихъ державъ выѣдутъ изъ Константинополя; что Франція и Англія объявили, что онѣ не начнутъ войны противъ Турціи, однакожъ и не будутъ на *ея сторонѣ*. Австрія, покамѣсть, добавилъ Митхадъ-паша, остается нейтральною; но опасность замѣчается съ этой стороны въ томъ, что, уступая настроенію 17 милліоновъ славянъ, она впослѣдствіи войдетъ въ соглашеніе съ Россіею. *Принятіе* предложеній Европы поведетъ за собою, горячо продолжаетъ Митхадъ-паша, утрату независимости Турціи. Затѣмъ Мехметъ-Рукди-паша произнесъ, въ свою очередь, рѣчь, обильную риторическими метафорами. Государство безъ независимости, сказалъ онъ,—это бездушное тѣло, что «нѣтъ возможности жить безъ чести», вслѣдствіе чего каждый турецкій патріотъ «обязанъ подать свой голосъ противъ принятія предложеній Европы». Затѣмъ единогласно состоялось постановленіе объ *отринутіи предложеній европейскихъ уполномоченныхъ на конференціи* и рѣшено было выразить довѣріе теперешнему турецкому министерству. На этомъ же засѣданіи Мехметъ-Рукди-паша назначенъ министромъ безъ портфеля. Телеграфъ, правда, на ряду съ этимъ передалъ сообщеніе константинопольской газеты «Levant-Herald», что по вопросу касательно отклоненія

Библиотека "Руниверс"

Портою предложеній державъ будетъ сдѣлано дополненіе представленіемъ новаго контръ-проекта, въ примирительномъ духѣ. Если въ этомъ извѣщеніи есть доля правды, то это тѣмъ хуже для Турціи, хуже для самаго дѣла, которое только выяснилось было съ надлежащей рельефностью. Телеграфъ сообщаетъ далѣе, что селибы контръ-предложенія турокъ заслуживали уваженія, (?) то конференція вновь отсрочила бы свои засѣданія, для окончательнаго рѣшенія.

Самую простую и необузданную рѣчь противъ предложеній великихъ державъ произнесъ на этомъ послѣднемъ засѣданіи делегатъ антихассупитовъ. Делегаты греческій, армянскій, а также еврейскій раввинъ, также выказались за отклоненіе предложеній державъ.

Послѣ закрытія конференціи естественнымъ послѣдствіемъ будетъ отъѣздъ изъ Константинополя пословъ европейскихъ державъ. Мѣсто пословъ замѣнятъ повѣренные въ дѣлахъ державъ. Со стороны Россіи, какъ слышно, такимъ повѣреннымъ будетъ совѣтникъ посольства Нелидовъ, со стороны Франціи — графъ де-Муи, Германіи—легаціонный совѣтникъ Бушъ, Англіи — секретарь посольства Джоселивъ. Маркизъ Салисбери отъѣзжаетъ изъ Константинополя немедленно, лордъ же Эллiотъ останется здѣсь на нѣсколько времени. Что касается представителя Австро-Венгріи, графа Зичи, то онъ останется въ Константинополѣ. Салисбери совѣтовалъ Портѣ распространить реформы на всю Оттоманскую имперію, представляя, что греки въ такой же степени недовольны своимъ положеніемъ, какъ и славяне.

Другой уполномоченный предостерегъ Порту отъ нарушенія перемирія въ Сербіи и Черногоріи, прибавивъ, что подобное нарушеніе, а равно возобновленіе звѣрствъ и убійствъ будетъ уже *вызовомъ* со стороны Порты всей Европѣ.

— Изъ Сербіи телеграфъ извѣстилъ насъ, что 8 (20) января въ Бѣлградѣ происходили произвольный парадъ русскимъ добровольцамъ и панихида по русскимъ, павшимъ въ бою, отслуженная подъ открытымъ небомъ. Всѣ русскіе добровольцы построены были въ каре въ нижней бѣлградской крѣпости, и въ срединѣ этого каре находились, въ ожиданіи прибытія князя Милана, сербскій митрополитъ, русскіе офицеры съ Мезениновымъ во главѣ и много другихъ почетныхъ лицъ. Прибывшіе въ 11 часовъ князь Миланъ и княгиня Наталія были встрѣчены кривами «ура»; затѣмъ послѣ совершеннаго здѣсь богослуженія, князь Миланъ произнесъ звучнымъ голосомъ рѣчь по сербски, выразивъ въ ней, что онъ пріѣхалъ проститься съ *героями - братьями русскими* и благодарить ихъ за ихъ геройскую дѣятельность, затѣмъ князь выразилъ горячее желаніе, чтобы сербы вмѣстѣ съ русскими снова выступили въ борьбу за святое славянское дѣло. Въ заключеніе, князь сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ въ память павшихъ на брани, въ минувшую войну, воиновъ и благодарилъ добровольцевъ отъ имени княгини Наталіи, сербскаго народа и сербской арміи. Рѣчь князя была заключена торжественными звуками русскаго національнаго гимна. Затѣмъ, княгиня Наталія роздала нѣкоторымъ офицерамъ знаки ордена Такова. Парадъ закончился дефилированіемъ войскъ передъ княжескою четою. Съ штабъ-офицерами князь и княгиня простились лично.

Итакъ, первый актъ драмы заключенъ совершенно; минувшая сербская война окончательно поступила въ область исторіи. Отрадно здѣсь то обстоятельство, что недоразумѣнія между сербами и русскими сгладились совершенно, и боевые товарищи-единоплеменники простились братски.

— Недоразумѣнія между Портою и Румыніею, возникшія по поводу статей 1, 7 и 8-й турецкой конституціи, не согласныхъ съ государственными интересами Румыніи, повидимому плохо улаживаются. Недавно, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Саверетъ-паша препроводилъ оффиціальную ноту къ румынскому дипломатическому агенту въ Константинополѣ, генералу Гикѣ, потребовавшему, какъ извѣстно, отъ Порты удовлетворенія, въ которой онъ завѣряетъ этого послѣдняго, что турецкое правительство вовсе не имѣло намѣренія смѣшивать Молдавію и Валахію съ оттоманскими провинціями; но что въ то же время Порта не можетъ относиться къ Румыніи какъ къ самостоятельному государству, поставленному внѣ всякой зависимости отъ верховныхъ правъ турецкой имперіи. Дилемма эта до того темна, что Румынія не можетъ считать себя удовлетворенною ею. Мы знаемъ, что въ виду господствующаго въ Румыніи дома Гогенцоллерновъ, Германія не можетъ относиться къ затрудненіямъ Румыніи равнодушно, а потому весьма интересно будетъ видѣть, какъ отнесется Германія къ восточному вопросу съ этой стороны.

— Вѣнскія газеты извѣщаютъ, что венгерскій министръ-президентъ Тисса твердо намѣренъ настоять на принятіи австрійскимъ императоромъ его отставки. Такая настойчивость Тиссы мотивируется, по его словамъ, невозможностью ужиться съ австрійскими министрами. Итакъ дву-единая имперія опять обнаруживаетъ живыя нитки, которыми она сшита. Нитки эти еще болѣе обнаружатся естественнымъ тяготѣніемъ 17 милліоновъ австрійскихъ славянъ къ своимъ борющимся братьямъ. Вражда къ Венгріи, со стороны славянскаго элемента особенно обнаружилась недавно по поводу пребыванія генерала Черняева въ Прагѣ.

— Въ Америкѣ уже давно журнальный міръ до того увѣренъ въ неизбѣжности войны, что военнымъ корреспондентамъ большихъ американскихъ газетъ и журналовъ было предложено приготовиться къ отъѣзду на Востокъ. Теперь уже фактически ясно, что въ близкомъ будущемъ на Востокѣ Европы обѣщаютъ произойдти важныя событія.

— Изъ Мексики телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что одинъ изъ трехъ претендентовъ на президентство Мексики (эти трое Лердо-де-Техада, Иглесіасъ и Порф. Діасъ), именно Иглесіасъ, предводитель многочисленной арміи, разбитъ 3 января Порфиріо Діасомъ. Вся армія Иглесіаса сдалась Діасу въ Гванахуато. Иглесіасъ просилъ у Діаса позволенія вернуться къ частной жизни.

Здоровье Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею, заболѣвшаго, какъ извѣстно, простудою въ концѣ декабря, все еще недостаточно удовлетворительно.

СОДЕРЖАНІЕ. **Кандидаты на мѣсто Президента Американскихъ С. Штатовъ** (съ 2-мя портретами).—**Двѣ капли воды** (сцены изъ жизни петербургскихъ окраинъ) Окончаніе NN.—Святочный разсказъ. (Стихотвореніе) **А. Размадзе.—Полярные льды, или айсберги, и полярное отмытое море** (Съ рисункомъ) **Н. Зуева.—Тифлисъ и его уличная жизнь** (съ рисункомъ) **А. Н.—Бюстъ М. И. Глинки** (съ портретомъ).—**Монашество** (съ рисункомъ).—**Большая Золотая или Грановитая палата и терема въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ** (съ 2-мя рисунками) **Н. Б.**- Хозяйственные совѣты.—Смѣсь.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1877 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1877 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шмильзина*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1877 г. 1 р. съ пересылкой.

ПРОДАЮТСЯ ИМѢНІЯ

Курской губ. **Корочанскаго** уѣз. д. Пазлова, въ 15 вер. отъ Г. Корочи и въ 25 вер. отъ Новаго-Оскола. съ лѣсомъ, сѣнокосами, усадьбой, постройками и садомъ. Всей земли 240 дес., самаго хорошаго качества. Можетъ быть поставлена небольшая водяная мельница. Вѣрной аренды даетъ по 1450 руб.; и **Воронежской** губ. **Землянскаго** уѣз. въ д. **Ивановѣ**, Висло-Полянской дачи, 111 дес. земли, арендуемой за 770 руб. Земля—всадѣ отличный черноземъ и нигдѣ не заложена. Продаются на весьма выгодныхъ условіяхъ. За болѣе подробными свѣдѣніями обращаться **Воронежской** губ. на станцію **Уразова** къ владѣльцѣ Екатеринѣ Александровнѣ **Поповой.** № 108

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Заиковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля**, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—16

45—45

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора**, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что красноречиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1877 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Дозволено цензурою. СПБ. 14 Января 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Большая Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 4 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 24 Января 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Подписная цѣна «Нивы» на 1877 г. | I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 4 р. | II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 5 р. | III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины 4 р. 50 к. | IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера «Нивы».

Гансъ Макартъ и его мастерская въ Вѣнѣ.

Тотъ, кому удалось побывать на вѣнской выставкѣ 1873 года, конечно посѣтилъ и художественный отдѣлъ ея, гдѣ была выставлена великолѣпная картина Ганса Макарта „Катерина Карнаро". Картина эта невольно поражала всякаго громадностью размѣровъ своихъ, смѣлостью композиціи, силой и гармоніей колорита. Гансъ Макартъ пользуется уже громкою извѣстностью, какъ художникъ. Знатоки живописи признаютъ колоритъ картинъ его неподражаемымъ. Что касается композиціи, самаго рисунка, то читатели нашего журнала знакомы уже нѣсколько съ манерою Ганса Макарта (снимокъ съ картины его „Клеопатра, отправляющаяся на свиданіе съ Антоніемъ", помѣщенъ въ № 45 „Нивы" за 1876 г.).—Давая мѣсто въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала и портрету Макарта и части его громадной мастерской, скажемъ нѣсколько словъ по этому поводу. Гансъ Макартъ даже ниже средняго роста... Но уже было кѣмъ-то когда-то замѣчено, что „великіе" люди побольшей частибыли „маленькими". Макартъ учился живописи въ Мюнхенѣ, въ школѣ Пилоти, и затѣмъ, окончивъ свое артистическое образованіе, переселился въ Вѣну, гдѣ и началъ работать, обнаруживъ замѣчательное творчество. Смѣлостью рисунка и особенною, свойственною ему, роскошью колорита молодой художникъ сразу обратилъ на себя вниманіе знатоковъ живописи и публики и очень скоро пріобрѣлъ громкую славу. Труды его начали хорошо оплачиваться. Одна изъ первыхъ картинъ его „Ромео и Юлія" была куплена императоромъ Францемъ Іосифомъ и, по желанію его, помѣщена въ Бельведерѣ. Вскорѣ послѣ того, въ знакъ милости его величества къ молодому художнику, Гансъ Макартъ получилъ въ полное свое распоряженіе площадь и зданіе, въ которомъ съ давнихъ поръ помѣщалась императорская литейная мастерская памятниковъ. Ставъ хозяиномъ такого обширнаго помѣщенія, Макартъ не пожалѣлъ ни денегъ, ни труда, чтобы сдѣлать мастерскую свою настоящимъ храмомъ искуства. Онъ далъ волю фантазіи — и,

Гансъ Макартъ. Профессоръ живописи. Рис. Руткошскій, грав. Стифель.

Библиотека "Руниверс"

какъ бы по мановенію жезла волшебницы—площадка и старая литейная преобразились: явился прелестный садъ, а самое зданіе внутри превратилось въ сказочный замокъ, въ чудный дворецъ изъ „Тысячи и одной ночи". Прелесть мастерскихъ великихъ художниковъ заключается въ томъ, что эти „студіи" являются, такъ сказать, отраженіемъ творческой фантазіи художника и, кромѣ того, цѣлымъ арсеналомъ крайнѣ интересныхъ предметовъ—старинной мебели, посудъ, оружія и костюмовъ, необходимыхъ для живописца при воспроизведеніи имъ картинъ съ историческимъ сюжетомъ. Самыми знаменитыми мастерскими считаются теперь мастерскія Пилоти, Рихтера и Яна Матейки, но студія Макарта, по роскоши убранства и богатству предметовъ, затмила названныя мастерскія. Старая литейная снаружи имѣетъ довольно мизерный видъ, но за то внутри, когда вы войдете въ мастерскую художника, васъ поразитъ обстановка ея. Мастерская помѣщается въ главной, огромной залѣ, занимающей весь первый этажъ зданія. Зала эта высока и расположеніе оконъ позволяетъ художнику пользоваться какимъ угодно освѣщеніемъ. Стѣны ея покрыты дорогими гобеленами и, кромѣ того украшены изящной драпировкой изъ тяжелой матеріи. Замѣчателенъ огромный каминъ съ балюстрадой и портикомъ: онъ сдѣланъ изъ мрамора въ старо-венеціанскомъ стилѣ. Старомодныя кресла, столики, табуреты и греческіе треножники разставлены въ живописномъ безпорядкѣ. Вотъ—лежитъ на полу тигровая шкура, а тамъ, у стѣнки, пріютился диванъ, покрытый мѣхомъ сибирскаго медвѣдя. У великолѣпнаго балкона какъ-бы на стражѣ, стоитъ рыцарь; тамъ и сямъ развѣшаны древніе браслеты, ожерелья, поясы, оружіе и т. п. вещи. По лѣвой стѣнѣ мастерской стоятъ мольберты, приспособленные къ установкѣ на нихъ самыхъ большихъ картинъ; посредствомъ особаго механизма онѣ могутъ легко опускаться и подниматься, что представляетъ большое удобство при работѣ. Тутъ же лежатъ и стоятъ начатые портреты, эскизы, наброски—и вездѣ видна рука великаго мастера. Во второмъ этажѣ жилыя комнаты, также богато разукрашенныя: и тамъ много чудесныхъ вещей, начиная съ старомодной драгоцѣнной мебели и кончая антиками. Но не всякому доступенъ входъ въ этотъ волшебный замокъ: нужна довольно сильная протекція, чтобъ попасть въ него. Послѣ смерти жены своей Гансъ Макартъ сдѣлался почти отшельникомъ; вообще онъ отличается нелюдимостью, отъ людей сторонится и довольствуется весьма небольшимъ кружкомъ пріятелей. Макартъ получаетъ большія деньги за свои произведенія, но деньги у него не держатся: онѣ идутъ на покупку разныхъ рѣдкостей, которыя всегда высоко цѣнятся продавцами антиковъ. Стоитъ ему прочесть въ газетѣ или такъ услышать, что напр., въ Парижѣ продается такая-то рѣдкостная вещь—и онъ уже летитъ туда, покупаетъ эту драгоцѣнную диковинку, которая затѣмъ и попадаетъ въ его мастерскую.

Вотъ перечень наилучшихъ произведеній этого даровитаго художника: „Юлія и Ромео", „Виндзорскія кумушки", „Катарина Кармаро", „Забавы во дворцѣ дожей", „Клеопатра" „Мессалина", „Фаустъ и Гретхенъ", „Аріадна" и „Праздникъ вакханокъ на морскомъ берегу". Картины эти поставили имя его на ряду съ именами первоклассныхъ европейскихъ художниковъ. Что касается портретовъ работы Макарта, то они отличаются всегда необыкновеннымъ сходствомъ съ оригиналомъ и, кромѣ того, имѣютъ еще ту особенность, что личности изъ современнаго намъ общества являются на этихъ портретахъ или въ фантастическихъ, или въ историческихъ костюмахъ.

Избытокъ жизни.

(Идиллія въ прозѣ).

Въ одну изъ суровыхъ зимъ, въ концѣ Февраля, чудное происшествіе взволновало всѣ умы въ столицѣ. Объ этомъ происшествіи носились страшные слухи. Когда всѣ говорятъ и разсказываютъ, не зная въ точности дѣла, тогда по необходимости необыкновенное превращается въ чудесное, быль—въ сказку.

Тревога произошла въ одной изъ самыхъ узкихъ улицъ довольно-населеннаго предмѣстія. Говорили, что тамъ открытъ опасный злоумышленникъ, отчаянный негодяй, который, собравъ многочисленную шайку, хотѣлъ пуститься на грабежи, разбои и убійства, но что, послѣ упорнаго сопротивленія, онъ принужденъ былъ отдаться въ руки правосудія. Увѣряли, что онъ долго защищался, отстрѣливаясь изъ ружей и даже изъ пушки, которою будто-бы запасся заблаговременно, что много крови было пролито прежде нежели онъ сдался, и что судъ собирается приговорить его къ ссылкѣ въ мѣста отдаленныя. „Два журналиста да портной" утверждали, что этотъ злодѣй былъ разбойникъ, намѣревавшійся возмутить не только Туркестанъ, но и Индію, а оттуда пламя мятежа, вмѣстѣ съ холерою, распространить по всему міру.

Но вотъ что было дѣйствительно: въ небольшомъ домѣ предмѣстья сдѣлался шумъ; призвана была полиція, собралось много народа; въ толпѣ замѣчено было нѣсколько лицъ значительныхъ; потомъ все успокоилось, и ничего не объяснилось. Въ домѣ остались нѣкоторые слѣды разрушенія. Всякій толковалъ по своему, давая воображенію своему полную волю теряться въ догадкахъ, пускаться на выдумки, а между тѣмъ плотники и столяры исправили то, что было испорчено.

I.

Въ этомъ домѣ жилъ человѣкъ, котораго не зналъ никто изъ сосѣдей. Былъ-ли это ученый, политикъ, туземецъ, или иностранецъ? никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы; знали только, что незнакомецъ жилъ очень тихо. Его не видно было ни на какихъ гуляньяхъ. Онъ былъ еще молодъ, хорошъ собою, а молодая жена его, раздѣлявшая съ нимъ уединеніе, могла назваться красавицею.

За нѣсколько времени до происшествія, молодой человѣкъ сидя въ своей комнатѣ прижавшись къ печкѣ, разговаривалъ со своей женою: „Ты знаешь, милая Катя, какъ я люблю и почитаю Поля: но, признаюсь, для меня остается загадкою, какъ бы выпутался изъ бѣды этотъ герой нашего юмориста, если бы онъ былъ приведенъ въ такое положеніе, какъ мы... Кажется, всѣ средства истощены. Не такъ-ли?

— Правда, Валеріанъ,—отвѣчала Катя, улыбнувшись и вздохнувъ,—но пока ты будешь бодръ и веселъ, до тѣхъ поръ, возлѣ тебя, я не буду почитать себя несчастною.

— Несчастіе и счастіе—пустыя слова,—возразилъ онъ, когда ты согласилась послѣдовать за мною изъ отцовскаго дома, когда ты великодушно пожертвовала всѣмъ для меня, тогда участь наша рѣшилась на вѣки. Любить и жить—вотъ нашъ жребій: а какъ жить—для насъ все равно. И я отъ глубины души спрашиваю: есть-ли въ цѣлой Европѣ еще такой полный счастливецъ, какимъ я признаю себя по всей справедливости и со всею искренностью сердечнаго убѣжденія.

— У насъ ничего нѣтъ,—сказала она,—кромѣ насъ самихъ. Я знала, выходя за тебя, что ты не богатъ,—тебѣ было извѣстно, что я ничего не могла взять изъ родительскаго дома. Бѣдность сдружилась съ нашею любовью и сидѣть въ этой комнатѣ, разговаривать другъ съ другомъ, смотрѣть другъ другу въ глаза,—вотъ наша жизнь.

— Такъ! вскричалъ онъ, и въ радости своей вскочилъ, чтобы прижать къ сердцу свою Катю. Какъ были-бы мы развлечены, вѣчно одиноки, вѣчно разлучены въ этомъ вихрѣ большого свѣта, еслибы все устроилось обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь мы, какъ Адамъ и Ева, въ земномъ раю и ни одинъ ангелъ не является, чтобы изгнать насъ изъ этого рая.

— Жаль только,—сказала Катя вполголоса,—что дровъ не остается у насъ ни полѣна, а нынѣшняя зима такая холодная, какихъ я не запомню.

— Смотри,—сказалъ онъ,—я смѣюсь, хотя вовсе не отъ отчаянія, а такъ отъ маленькаго замѣшательства, потому что я, право, не знаю, какъ добудемъ мы денегъ: но средства должны отыскаться—нельзя же, чтобы мы замерзли при такой пылкой любви, съ такою горячею кровью! Нѣтъ, это невозможно.

Катя улыбнулась дружески и отвѣчала: еслибы я мог-

Библиотека "Руниверс"

ла продать свои платья, набрать въ маленькомъ нашемъ хозяйствѣ лишніе ножевые черенки, ступки и мѣдные котлы, то мы легко бы вышли изъ затрудненія.

— О, конечно! отвѣчалъ Валеріанъ шутливо,— еслибы мы были тысячниками, то не мудрено было бы достать дровъ и даже лучшую пищу.

Катя заглянула въ печь, гдѣ кипѣла вода, въ которую накрошенъ былъ хлѣбъ. Эта похлебка и въ заключеніе ломтикъ хлѣба съ масломъ—вотъ все, что составляло ихъ обѣдъ.

— Пока ты,—сказалъ онъ,—и стряпаешь и хлопочешь въ кухнѣ, я сяду за работу. Какъ охотно сталъ бы я писать; еслибы у меня были чернила, бумага и перья! Я не отказался бы и отъ чтенія, если бы осталась у насъ хоть одна книга.

— Думай, другъ мой, — сказала Катя, лукаво взглянувъ на него, — надѣюсь, что въ мысляхъ нѣтъ еще у тебя недостатка.

— Любезная жена! возразилъ онъ, — наше хозяйство такъ обширно, что требуетъ всего твоего вниманія; не отвлекайся отъ занятій, чтобы хозяйственныя наши дѣла не пришли въ разстройство. И такъ какъ я отправляюсь въ свою библіотеку, то оставь меня въ покоѣ: мнѣ нужно распространить мои свѣдѣнія и доставить пищу душѣ.

— Онъ все тотъ же! подумала жена и засмѣялась,— а какъ онъ хорошъ!

— Итакъ,—сказалъ онъ,—раскроемъ опять дневникъ, который я велъ, пока было чѣмъ писать; любопытно пробѣжать его съ конца, и такимъ образомъ мало по малу дойти до начала. Каждое истинное знаніе, всякое искусство и всѣ основательныя идеи должны составлять кругъ, въ которомъ бы начало и конецъ соприкасались, подобно змѣѣ, пожирающей свой собственный хвостъ. Это символъ вѣчности, какъ утверждаютъ другіе, а я такъ думаю—символъ всего разумнаго, истиннаго и справедливаго.

Онъ прочелъ вполголоса на послѣдней страницѣ: „Разсказываютъ басню, что одинъ бѣшеный преступникъ, приговоренный къ голодной смерти, пожиралъ самъ себя. Въ сущности, это аллегорія жизни каждаго человѣка: тамъ остался только желудокъ и зубы, у насъ остается душа. Я въ отношеніи къ внѣшнимъ предметамъ поступилъ съ собою почти также: обобралъ и проѣлъ почти все до чиста. Мнѣ казалось смѣшно, что у меня былъ еще фракъ съ принадлежностями, тогда какъ я никуда не выхожу. Въ день рожденія моей жены, я явлюсь къ ней въ камзолѣ, безъ фрака, потому-что между людьми порядочными считается неприличнымъ ухаживать за дамами въ изношенномъ шлафрокѣ“.

„Здѣсь конецъ страницы и книги, сказалъ Валеріанъ.

„Всему свѣту извѣстно, что наши фраки — глупая и вовсе не изящная одежда. Всѣ ругаютъ этотъ безобразный костюмъ, но никто не рѣшается, подобно мнѣ, отъ него избавиться. Ни въ одной газетѣ не говорятъ еще, чтобы хоть одинъ благомыслящій человѣкъ послѣдовалъ смѣлому моему примѣру“.

Онъ перевернулъ страницу и прочелъ на предпослѣдней: „Можно жить и безъ салфетокъ. Когда я только подумаю, какъ много мелочей, лишняго и безполезнаго, подъ предлогомъ бережливости, вкрадывается въ нашу жизнь, то я болѣе и болѣе негодую на нашъ скупой и скаредный вѣкъ, и утверждаюсь въ рѣшимости жить по примѣру нашихъ праотцевъ, которые были несравненно щедрѣе и гостепріимнѣе насъ. Эти дрянныя салфетки, которыхъ и теперь еще гнушаются англичане, явно придуманы для сбереженія скатерти. Не щадить ея есть признакъ щедрости, великодушія, но я дѣлаю болѣе: я объявляю и самую скатерть вещью безполезною: и она и салфетки будутъ проданы; мы будемъ ѣсть съ непокрытаго стола, по примѣру праотцевъ, по примѣру..... какихъ-бишь, народовъ? Все равно, сколько есть людей, которые ѣдятъ даже и не со стола! Но какъ я уже сказалъ, я изгоняю скатерть и салфетки не изъ циническої скупости, подобно Діогену, а по чувству собственнаго благосостоянія, чтобы не сдѣлаться, какъ нынѣшнее поколѣніе, отъ безразсудной бережливости, расточительнымъ“.

— Чудесно сказано, — прервала его Катя, засмѣявшись,—однако, на деньги, вырученныя продажею всѣхъ лишнихъ вещей, жили мы еще расточительно. У насъ бывало въ иной день два блюда.

Супруги сѣли за скудный свой обѣдъ. Если бы кто взглянулъ на нихъ, то почелъ бы ихъ людьми достойными зависти: такъ веселы, такъ беззаботны они были за столомъ. Когда миска съ похлебкою была опорожнена, Катя съ плутовскою миною вынула изъ печи накрытую тарелку и предложила изумленному мужу нѣсколько жаренаго картофеля. „Вотъ что называется“ сказалъ онъ „приготовить радостную нечаянность человѣку, который прокорпѣлъ цѣлое утро надъ книгами! Это земляное яблоко привезено въ Европу для великихъ переворотовъ“. Они чокнулись стаканами. Валеріанъ тщательно осмотрѣлъ ихъ и бережно поставилъ, удостовѣрясь, что они нисколько не пострадали отъ его восторга. „Это произведеніе нашей изобрѣтательности“, сказалъ онъ,—„наши стаканы, которые мы употребляемъ ежедневно, могли бы служить предметомъ зависти для богатѣйшихъ царей древняго міра. Не скучно ли было пить изъ золотыхъ кубковъ такую прекрасную, чистую здоровую воду? Въ нашихъ стаканахъ освѣжительная влага представляется такою прозрачною, она такъ сходна со стекломъ, что, глядя на насъ, когда мы утоляемъ свою жажду, можно подумать, что мы пьемъ эфиръ, приведенный въ жидкое состояніе. „Обѣдъ нашъ конченъ—обнимемся“.

— Для разнообразія мы можемъ придвинуть наши стулья къ окну,— сказала Катя.

— У насъ простора довольно,—возразилъ онъ,—истинный дворецъ въ сравненіи съ тѣми клетями, въ которыхъ сажаютъ людей подозрительныхъ. Невѣроятно, сколько счастія уже въ томъ, чтобы можно было протянуть руки и ноги по произволу. Помышляя о желаніяхъ, которыя въ иной часъ возбуждаются въ душѣ, я увѣряюсь болѣе и болѣе, что мы живемъ въ цѣпяхъ: Психея попалась, — а какимъ образомъ, одному Богу извѣстно,— въ сѣти, изъ которыхъ не можемъ вырваться: мы и сѣти составляемъ одно и тоже, такъ что наша тюрьма кажется намъ раемъ.

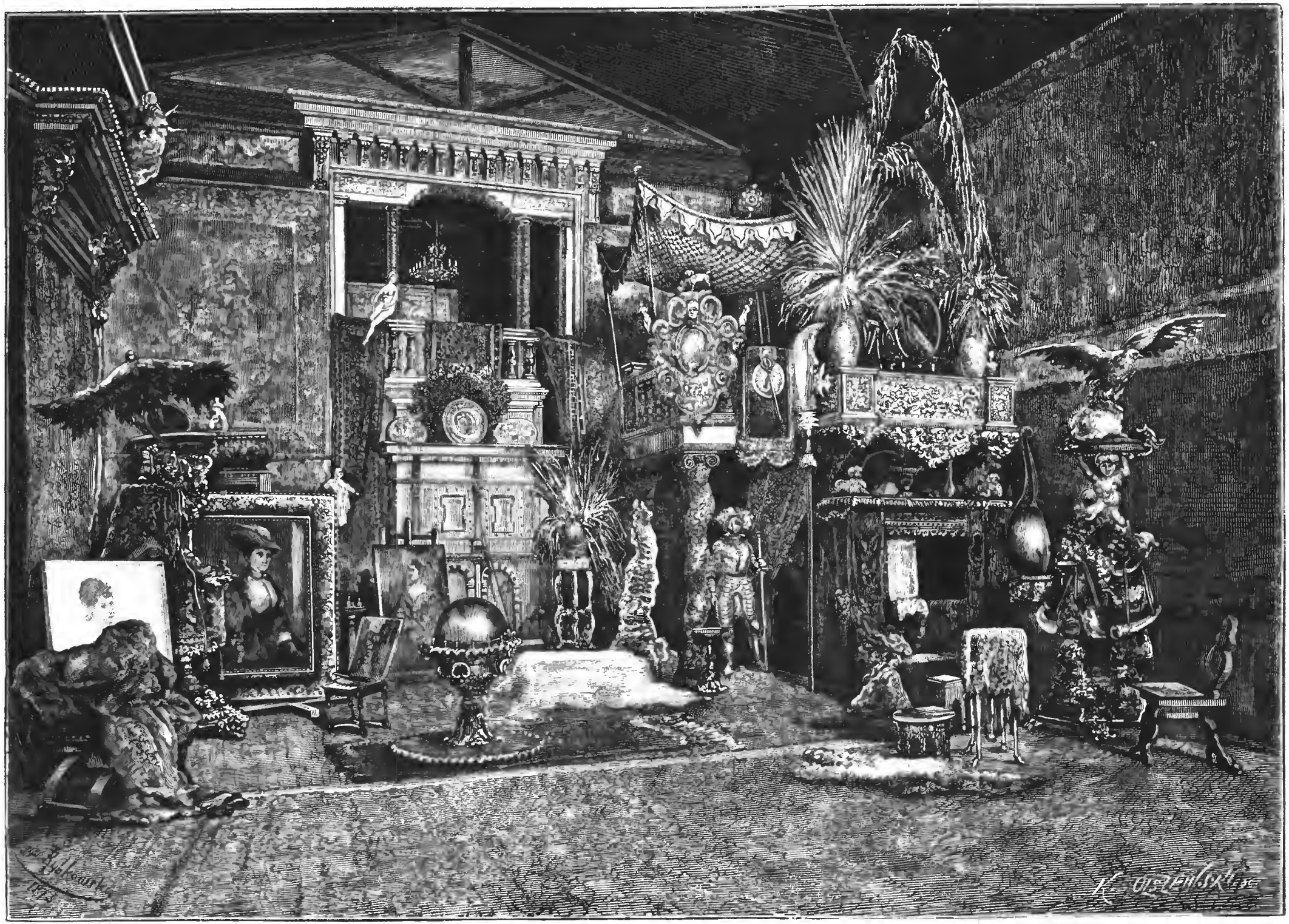
— Не углубляйся въ такую мудрость,—сказала Катя, взявъ его за руку своими нѣжными и гибкими пальчиками,—посмотри лучше, какими чудными цвѣтами разрисовалъ морозъ наши окна. Тетка моя утверждала всегда, что когда окна покрыты толстымъ слоемъ льда, то въ комнатѣ теплѣе, нежели при чистыхъ стеклахъ.

— Можетъ быть—сказалъ онъ — однако я не намѣренъ, полагаясь на ея слова, прекратить топку. Въ противномъ случаѣ стекла отъ наростающаго льда могутъ сдѣлаться такъ толсты, что сократятъ нашу маленькую комнатку, и мы напослѣдокъ очутимся въ ледяномъ домѣ.

— Какъ чудно,—вскричала Катя,—выведены эти цвѣты, и какое разнообразіе! Глядя на нихъ, подумаешь, что мы ихъ уже гдѣ-то видѣли, и между тѣмъ всѣ они несходны между собою. Посмотри, какъ одинъ прикрывается другимъ и какъ они разрастаются, пока мы говоримъ о нихъ.

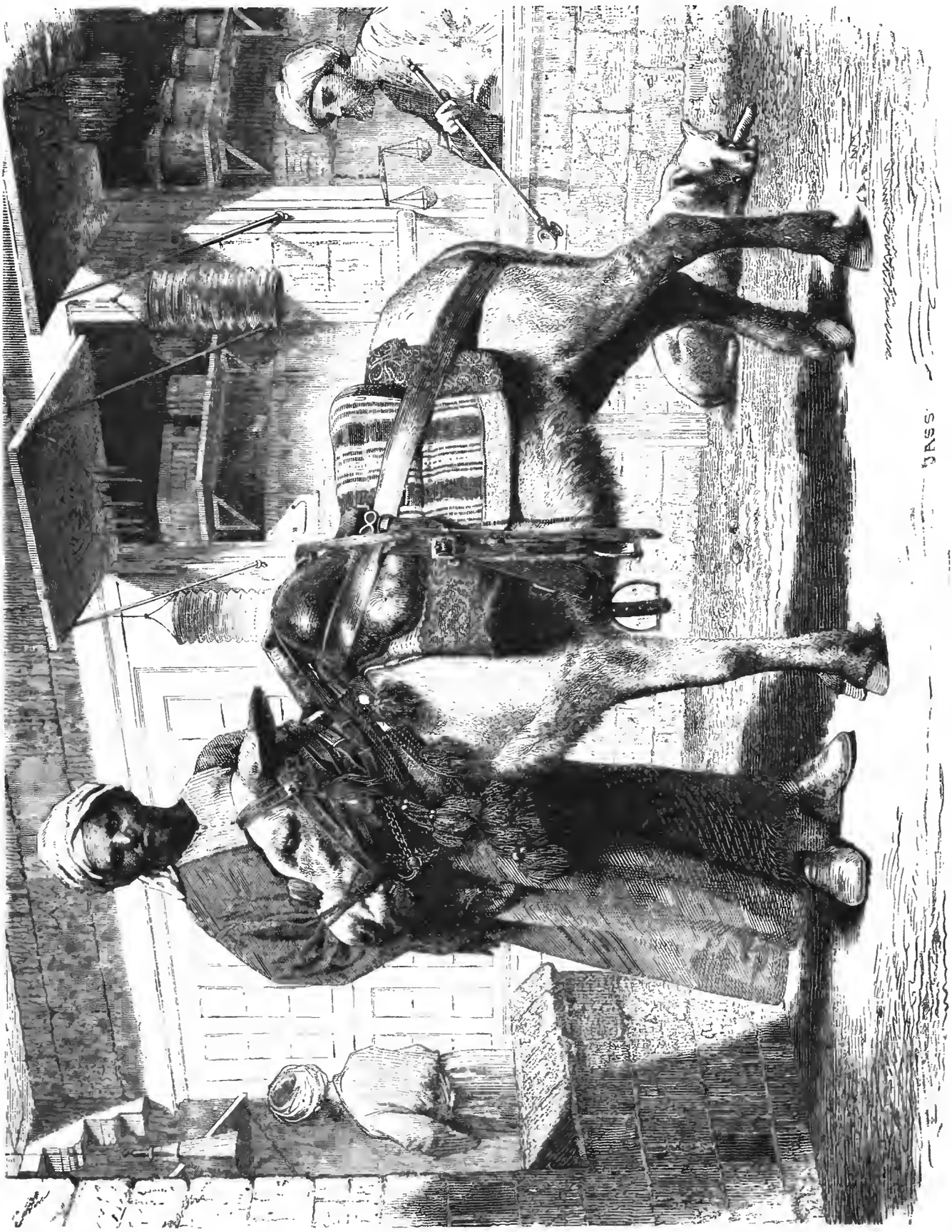
— Пусть ботаники,—сказалъ онъ, — разсматриваютъ эту флору, срисовываютъ ее и включаютъ въ свои ученыя книги; пусть они спорятъ, проявляются ли эти цвѣты и листья по неизмѣнному рисунку, или фантастически образуются всегда въ новомъ видѣ: я знаю только, что твое дыханіе, твое сладкое дыханіе вызываетъ эти признаки цвѣтовъ изъ угаснаго минувшаго. Какъ ты при-

Библиотека "Руниверс"



Мастерская Макарта въ Вѣнѣ. Рис. Руткошскій, грав. Ольцевскій.

Библиотека "Руниверс"



Погонщикъ ословъ въ Каирѣ. Съ фотографіи рѣзалъ Мукаровскій.

Библиотека "Руниверс"

ятно и сладостно думаешь и мечтаешь, такъ точно юмористическій геній списываетъ здѣсь, посредствомъ этихъ узоровъ, твои мысли и чувства: я читаю въ нихъ, какъ ты вѣрна и предана мнѣ, какъ обо мнѣ думаешь, хотя находишься возлѣ меня.

— Очень мило! отвѣчала Катя дружески. Вы умѣете также остроумно и поучительно объяснять снѣжные цвѣты, какъ искусно растолковали и объяснили мнѣ шекспировы драмы.

— Потише, душа моя,—сказалъ онъ,—не увлекай меня въ любимую сферу и не говори мнѣ никогда вы, даже въ шутку... Я намѣренъ заняться опять дневникомъ моимъ. Эти монологи и теперь даже знакомятъ меня съ самимъ собою: что же будетъ въ старости? Можетъ-ли дневникъ заключать въ себѣ что-нибудь другое, кромѣ монологовъ? Но великій художническій умъ могъ бы составить изъ него драму... Къ несчастію, намъ рѣдко слышится другой голосъ въ насъ самихъ, и мудрено-ли? Изъ тысячи людей едва-ли найдется одинъ, который выслушалъ бы и принялъ совѣты и отвѣты разсудительнаго человѣка, если они не согласны съ его мыслями и не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ.

— Правда,—замѣтила Катя,—и для этого данъ намъ бракъ во всей его святости. Въ любви женщины раздается тотъ второй отвѣтный голосъ, истинный отзывъ души. И повѣрь, вы, мужчины, въ гордости своей, называете часто нашею глупостью, недальновидностью, недостаткомъ философіи, неспособностью проникать въ сущность предметовъ и подобными именами, тотъ неподдѣльный говоръ сердца, который глубоко проникаетъ въ тайны вашего духа и сливается съ ними въ полное и гармоническое созвучіе. Правда, многіе мужчины довольствуются всеповторяющихъ эхо, и называютъ голосомъ природы, согласіемъ души то, что въ сущности не болѣе какъ рабское и буквальное повтореніе громкихъ, но безсмысленныхъ фразъ. Часто это эхо принимаете вы за идеалъ женщины, въ который смертельно влюбляетесь.

— Ангелъ! Небо! вскричалъ восторженный молодой человѣкъ, — такъ мы понимаемъ другъ друга; любовь наша истинный брачный союзъ въ полномъ значеніи слова: ты озаряешь и обогащаешь тѣ уголки моей души, которые мрачны и пусты. Будь моимъ оракуломъ: у меня достанетъ вниманія и смысла, чтобы выслушивать твои прорицанія и ихъ разгадывать!

Продолжительное объятіе прервало и объяснило этотъ разговоръ. „Поцѣлуй",—сказалъ Валеріанъ, „также оракулъ. Желалъ бы я знать, были ли на землѣ такіе люди, которые при такомъ сердечномъ поцѣлуѣ могли думать о чемъ-нибудь дѣльномъ и умномъ?"

Катя разсмѣялась, но вдругъ нахмурилась и сказала вполголоса, даже съ видомъ горести, „да, такъ поступаемъ мы съ служителями и домоправителями, конюхами и егерями, которымъ такъ часто бываемъ многимъ обязаны. Веселы ли мы, угрюмы ли, мы смѣемся надъ ними или пренебрегаемъ ими. Отецъ мой перескочилъ однажды на своемъ вороном конѣ чрезъ ровъ. Всѣ дивились ему, дамы хлопали въ ладоши; одинъ только старый конюхъ, находившійся по близости, покачивалъ значительно головою. Неловкій и неповоротливый, съ своей длинной косой и краснымъ носомъ, онъ былъ смѣшонъ. А ты? спросилъ его вспыльчивый отецъ мой: нашолъ опять что-нибудь хулить и порицать? Конюхъ не смѣшался и спокойно отвѣчалъ: во первыхъ, ваше сіятельство, вы не довольно опустили поводья, потому что были въ страхѣ, вы могли упасть, потому что лошади мало дали воли и затруднили прыжокъ ея; во вторыхъ, лошадь отличилась тутъ не менѣе васъ, и въ третьихъ, еслибы я не обучилъ ее, на что требовалось много времени, большой запасъ терпѣнія и борьба со скукою, то ни ваша смѣлость, ни вся готовность вашего коня не принесли бы вамъ никакой пользы. Ты правъ старикъ, сказалъ отецъ, и щедро наградилъ его... Такъ и мы. Мы тогда только можемъ фантазировать, предаваться любви и страсти, мечтать и щеголять остроуміемъ, когда разсудокъ, этотъ строгій и сухой судья, объѣздилъ уже всѣхъ этихъ коней и коньковъ. Если всадникъ и конь, не приготовившись, захотятъ сдѣлать смѣлый прыжокъ, то они, къ ужасу или смѣху зрителей, упадутъ въ ровъ и тамъ останутся.

— Правда—замѣтилъ Валеріанъ,—и въ наши дни это подтверждается примѣромъ многихъ сумасбродовъ и даже поэтовъ. Есть стихотворцы, которые садятся на коня даже не съ той стороны, и, несмотря на то, безъ заботно рѣшаются на опасный скачекъ.—О! твой отецъ!.."

Катя взглянула на него съ состраданіемъ; онъ не могъ устоять противъ этого взгляда. „Да, твой отецъ",—повторилъ онъ съ нѣкоторою досадою:—„однимъ словомъ сказано очень много. И чего мнѣ еще надобно? Ты могла же его покинуть, какъ ни горячо любила его!"

Оба задумались. „Я хочу приняться за работу",—сказалъ молодой человѣкъ.

Онъ взялъ свой дневникъ, перевернулъ назадъ страницу, и прочелъ вслухъ:

„Сегодня продалъ я скупому книгопродавцу мой рѣдкій экземпляръ Чосера, *) древнее, драгоцѣнное изданіе Какстона. Другъ мой, добрый, благородный Андрей Щербатовъ, подарилъ мнѣ его въ день моего рожденія. Мы были тогда въ университетѣ. Онъ выписалъ книгу нарочно изъ Лондона, дорого заплатилъ за нее и заказалъ для нея особеннаго рода, по своему собственному вкусу, прекрасный и богатый переплетъ. Старый скряга, который выманилъ ее у меня за безцѣнокъ, вѣроятно уже отправилъ ее въ Лондонъ, чтобъ выручить вдесятеро болѣе противъ того, что за нее заплатилъ. Зачѣмъ я не вырѣзалъ, по крайней мѣрѣ, того листка, на которомъ я описалъ, какъ достался мнѣ этотъ экземпляръ, и на которомъ означилъ мѣсто теперешняго нашего жительства. Все это вмѣстѣ отправится въ Лондонъ или поступитъ въ библіотеку какого нибудь богача. Разставаться съ дорогою книгою, отдать ее за безцѣнокъ было больно, и едва не впала мнѣ въ голову мысль, что я дѣйствительно бѣденъ и терплю нужду. Безспорно, эта книга составляла драгоцѣннѣйшую собственность, какою я только владѣлъ, и сколько воспоминаній пробуждала она во мнѣ о немъ, о единственномъ моемъ другѣ! Добрый Андрей, живъ ли ты еще? Гдѣ ты? Вспоминаешь ли обо мнѣ?.."

— Я видѣла твою горесть,—сказала Катя,—когда ты отдавалъ книгу; но ты мнѣ не описалъ еще подробно друга твоей юности.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—„подобный мнѣ, но только нѣсколько старѣе меня и гораздо степеннѣе. Мы познакомились еще въ школѣ, и я долженъ тебѣ сказать, что онъ преслѣдовалъ меня своею страстной дружбой и насильно ее мнѣ навязывалъ. Онъ былъ богатъ и, не смотря на огромное свое богатство, на нѣгу и роскошь, въ которыхъ его воспитали, былъ добръ и чуждъ эгоизма. Онъ жаловался на то, что я слабо отвѣчаю его привязанности, что дружба моя холодна и для него неудовлетворительна. Мы учились вмѣстѣ и жили въ одной комнатѣ. Онъ желалъ, чтобы я требовалъ отъ него пожертвованій, потому что у него былъ во всемъ избытокъ, а мнѣ отецъ могъ удѣлять очень немного. Когда мы воротились въ столицу, онъ думалъ отправиться на дальній югъ; онъ былъ уже тогда совершенно независимъ. Туда, въ страну чудесъ влекло его сердце; тамъ хотѣлъ онъ довершить свое ученіе, обозрѣть новые предметы и утолить страсть свою къ знаніямъ и путешествіямъ. Конца не было увѣщаніямъ, просьбамъ и мольбамъ, чтобъ я ему сопутствовалъ; онъ увѣрялъ, что тамъ, при его пособіи, я долженъ соста-

*) Чосеръ (Chaucer), отецъ англійской поэзіи, родился 1328 году.

Библиотека "Руниверс"

вить свое счастіе, въ чемъ онъ ручался. Но въ это самое время умерла моя мать, отецъ былъ боленъ, и я не могъ принять предложеніе друга. При томъ же я не пріобрѣлъ нужныхъ для этого путешествія свѣдѣній, не учился языкамъ, въ которыхъ онъ, по страсти своей къ путешествіямъ и въ особенности по стремленію своему, побывать на востокѣ, оказалъ большіе успѣхи. При помощи друзей и покровителей, я получилъ мѣсто по дипломатической части, котораго давно искалъ. Имѣніе моей матери доставило мнѣ средств обзавестись прилично моему назначенію, и я простился съ отцомъ, къ выздоровленію котораго было мало надежды. Другъ мой потребовалъ, чтобы я ввѣрилъ ему часть своего капитала, которую онъ намѣревался пустить въ оборотъ и возвратить мнѣ впослѣдствіи съ прибылью. Я думаю, что подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, онъ хотѣлъ только когда нибудь сдѣлать мнѣ значительный подарокъ. Я пріѣхалъ къ вамъ—и рѣшилась моя участь, какъ тебѣ извѣстно.

— И ты ничего не узналъ потомъ объ этомъ добромъ другѣ? спросила Катя.

— Два письма я получилъ отъ него изъ той отдаленной части свѣта, что называется Индіей,—отвѣчалъ Валеріанъ.—Потомъ дошелъ до меня вѣрный слухъ, что онъ умеръ отъ холеры... Такъ былъ онъ у меня похищенъ смертью; отца моего не было уже на свѣтѣ, и я предоставленъ былъ самому себѣ. Я пользовался благосклонностью посланника и могъ полагаться на покровительство сильныхъ лицъ, какъ вдругъ все это рушилось"...

— Да,—сказала Катя,—ты всѣмъ для меня пожертвовалъ, и я также навсегда отвергнута моими родственниками!

— Любовь вознаградитъ за все,—освѣчалъ онъ:—кажется, я не ошибаюсь: медовый нашъ мѣсяцъ, какъ называютъ счастливое время брака прозаическіе люди, продолжается у насъ гораздо болѣе года.

— Но твоя прекрасная книга, твоя безподобная поэма... Если бы намъ получить хоть списокъ съ нея! Сколько удовольствія и развлеченія доставила бы она намъ въ эти длинные зимніе вечера! Впрочемъ, присовокупила она вздохнувъ, намъ понадобились бы тогда свѣчи....

— Утѣшься, Катя,—отвѣчалъ ея мужъ:—мы болтаемъ, а это лучше; я слышу твой голосъ, ты поешь или восхитительно смѣешься. Такого звучнаго, мелодическаго хохота, какъ твой, я еще нигдѣ не слыхивалъ: въ немъ отражается такое чистое веселье, такая неземная радость, и притомъ такое тонкое и трогательное чувство, что я съ восторгомъ слушаю эти звуки, извлекаемые изъ груди твоей веселости: я ихъ изучаю и размышляю о нихъ. Бываютъ случаи, другъ мой, когда человѣкъ, давнымъ-давно намъ знакомый, вдругъ пугаетъ насъ, наводитъ на насъ ужасъ своимъ хохотомъ, который идетъ прямо отъ сердца, но котораго до тѣхъ поръ мы отъ него не слыхивали. Тоже самое ощущеніе испыталъ я, услышавъ подобный хохотъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ до той минуты нравились. Какъ во многихъ сердцахъ дремлетъ незнаемо кроткій ангелъ, который ждетъ только генія, долженствующаго его пробудить, такъ въ другихъ, впрочемъ, привлекательныхъ и любезныхъ людяхъ, сокрыто въ глубинѣ ихъ сердца совершенно пошлое чувство, которое вырывается наружу, когда смѣшное вдругъ и съ силою ворвется въ сокровенную область души ихъ. По инстинкту узнаемъ мы, что въ этихъ существахъ есть что-то такое; чего мы должны остерегаться. Какъ полонъ значенія, какъ выразителенъ смѣхъ человѣка! Твой смѣхъ, душа моя, я хочу когда-нибудь воспѣть стихами.

— Берегись,—замѣтила Катя,—слишкомъ пристально наблюдать человѣка: легко сдѣлаться человѣконенавистникомъ.

— Случай, по которому тотъ молодой, легкомысленный книгопродавецъ, — продолжалъ Валеріанъ, — сдѣлался банкротомъ и съ моею превосходною рукописью отправился по міру, можетъ послужить также къ нашему счастію. Какъ легко могло случиться, что распросы, ему сдѣланные, обнародованная книга, молва о ней въ городѣ, привлекли бы на насъ даже сюда вниманіе любопытныхъ. Отецъ мой и родственники не прекратили вѣроятно своего преслѣдованія; паспортъ мой разсмотрѣли бы снова и внимательнѣе; родилось бы подозрѣніе, что имя мое не настоящее, а вымышленное, и тогда, при моей безпомощности и при такой малой надеждѣ на заступничество со стороны моего начальства, котораго гнѣвъ я навлекъ на себя своимъ побѣгомъ, — насъ бы разлучили, тебя отослали къ отцу твоему, а меня подвергли бы суду. Здѣсь, ангелъ мой, сокрытые отъ всѣхъ взоровъ, мы счастливы, невыразимо счастливы!

(Продолженіе будетъ).

Памяти друга

Высокая въ порывахъ неизмѣнныхъ
Душа его рвалась всегда къ добру,
Безъ славныхъ дѣлъ, безъ подвиговъ священныхъ,
Томился онъ на жизненномъ пиру:

* * *

Онъ презиралъ пустыя наслажденья,
Бѣжалъ душой отъ шума суеты,
Въ груди носилъ онъ раннія сомнѣнья
И жизнію разбитыя мечты...

* * *

Я помню взглядъ унылый, но прекрасный,
Исполненный сомнѣній и тревогъ;
И вдругъ блеснулъ въ немъ лучъ надежды ясный:
Герой узналъ, что „дѣйствовать" онъ могъ...

* * *

И ожилъ онъ, внимая той годинѣ,
Что такъ давно ждала его мечта,
И смертью палъ, за братьевъ на чужбинѣ,
Сражаясь тамъ подъ знаменемъ Христа...

* * *

И умеръ онъ, судьбою не забытый:—
Онъ былъ въ тотъ мигъ надеждами богатъ,
Когда лежалъ въ степи полуубитый.
И звалъ впередъ отпрянувшихъ солдатъ.

Н. Б—скій.

Погонщики ословъ въ Каирѣ.

(Къ рисунку).

Говоря о Каирѣ, нужно разумѣть, во первыхъ, общую его физіономію, знакомую всѣмъ путешественникамъ, и затѣмъ, Каиръ, переустроенный въ новѣйшее время, стараніями вице-короля Измаила-паши.

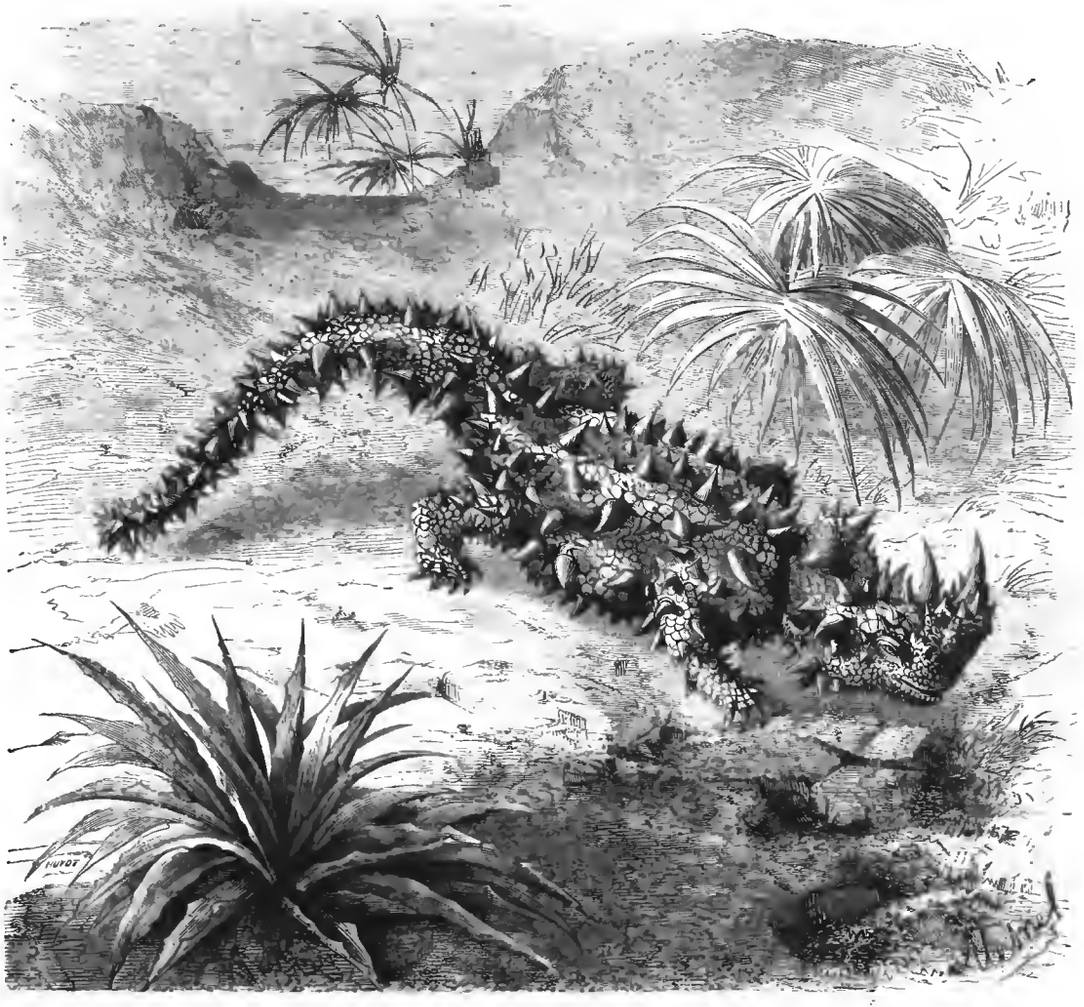
Названіе Каіго, по словопроизводству съ арабскаго языка, значитъ „побѣдоносный" и, по требованію арабскаго произношенія, должно писаться *Kahira*. Полное арабское названіе города — Масръ-Эль-Кагира. Это названіе столицы современнаго Египта, однаго изъ величайшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ. Городъ расположенъ на восточномъ берегу Нила, въ песчаной долинѣ, и состоитъ собственно изъ трехъ частей и какъ-бы отдѣльныхъ городовъ: Стараго Каира или Фостата, Новаго Каира и Булака. Геній аравійской, или точнѣе, сарацинской архитектуры развернулся здѣсь во всемъ блескѣ: величе-

Библиотека "Руниверс"

ственныя зданія, общественныя и частныя, поражаютъ взоры. Эти зданія, а также и дома для жилья, построенные большею частью изъ кирпича, снабжены плоскими кровлями, выглядятъ весьма красиво и оригинально: — но посѣтителя Каира назадъ тому 20 лѣтъ сразу поражалъ въ немъ общій недостатокъ мусульманскихъ городовъ: тѣснота и кривизна улицъ, отсутствіе мостовой и грязь, грязь!.. Нужно было нарочно нанимать осла, чтобы пройдти какую-либо изъ каирскихъ улицъ. Для этого-то на площадкахъ или у поворотовъ улицъ и стоятъ ослы къ услугамъ каждаго, среднимъ числомъ всѣхъ ословъ, предлагаемыхъ для этой цѣли погонщиками, считалось всегда 30,000 и болѣе на весь Каиръ. Въ настоящее время ѣзда на ослахъ въ Каирѣ уже совершается не изъ опасенія пройдти грязную улицу, а составляетъ скорѣе развлеченіе—потому что всѣ улицы, стараніями Измаила-паши, передѣланы на новый ладъ. Упряжь этихъ ословъ, какъ читатель уже видитъ изъ рисунка, красива и удобна: мягкое сѣдло, стремена. Кроткое животное печально полузакрывъ глаза, неслушно ждетъ своей очереди везти сѣдока.

ственная библіотека, особенно изобилующая сочиненіями по исторіи Египта. Общественныхъ бань, построенныхъ со всею роскошью Востока, имѣется до 70 — есть также множество большихъ фабрикъ. Что касается торговли, то она всегда придавала Каиру громадно-важное значеніе: нечего и говорить, до какой степени увеличилось это значеніе теперь, съ открытіемъ Суэскаго канала: формулируя точнѣе торговую важность Каира, нужно сказать, что онъ издавна составлялъ средоточіе всѣхъ торговыхъ сношеній между Европою, Средиземнымъ моремъ, Азіей и Сѣверо-восточною Африкой. Уже въ тридцатыхъ годахъ текущаго вѣка между Александріей и Каиромъ проведена была телеграфная линія.

Изъ особыхъ достопримѣчательностей Каира нужно указать на укрѣпленіе, построенное на скалѣ, въ которомъ жили прежніе египетскіе паши: такъ называемый „Колодезь Іосифа", высѣченный въ скалѣ и имѣющій глубину въ 276 фут.; великолѣпный дворецъ, называемый дворцомъ Іосифа, множество кофеенъ, снабженныхъ всѣмъ восточнымъ комфортомъ, огромная



Молохъ. Рис. Менель, грав. Лапланть.

Лукаво улыбающійся берберъ, съ живописною чалмой на головѣ — это и есть каирскій погонщикъ осла, предлагающій свои услуги прохожимъ. Группа все-таки гораздо привлекательнѣе, чѣмъ та, какую представляютъ наши ваньки, съ ихъ взъерошенными кличами и „сокрушительными" дрожками.

Жители Каира состоятъ большею частью изъ арабовъ, коптскихъ христіанъ, мамелюковъ, грековъ, сирійцевъ, армянъ, европейцевъ и евреевъ. Общее число жителей издавна колебалось между 350,000—400,000. Въ настоящее время, вслѣдствіе торговаго оживленія Египта по прорытіи Суэскаго канала, это число на цѣлыхъ 100,000 больше, а именно 450,000 чел.

Въ Каирѣ находится до 300 мечетей: изъ нихъ великолѣпнѣйшая извѣстна подъ названіемъ „Сама-эль-ацгеръ", а мечеть султана Гассона, громаднѣйшая по своимъ размѣрамъ. Изъ христіанскихъ храмовъ въ Каирѣ находится 12 коптскихъ, и 2 греко-восточныхъ церкви. Существуетъ 1 католическій монастырь, 36 еврейскихъ синагогъ, 1 высшее магометанское училище, военная и артиллерійская школы; весьма богатая общетипографія, огромнѣйшая по размѣрамъ постройки во всемъ Египтѣ таможня, гдѣ оплачиваются пошлиною всѣ товары, идущіе по направленію въ Даміету, Рашиду и проч.

Теперешній египетскій вице-король, Измаилъ-паша, при помощи займовъ и тяжкихъ налоговъ, *„гаусманизировалъ"* свою столицу, т. е. приложилъ къ украшенію ея столько же стараній, сколько и знаменитый наполеоновскій префектъ Парижа, Гаусманъ, относительно столицы Франціи. Благодаря этому гаусманизированію, теперь уже не узнать Каира. То ли онъ теперь, чѣмъ былъ лѣтъ 10 тому назадъ! Улицы выпрямились, роскошно освѣщены газомъ. Построено множество новыхъ парковъ, скверовъ, отелей, магазиновъ. Явилась итальянская опера, французскій театръ, циркъ, роскошный кафе-шантанъ, рулетка и проч. и проч.

За то интеллектуальная сторона населенія столицы египетскаго вице-короля такъ же точно бѣдна, какъ была лѣтъ 20—30 тому назадъ. Нѣтъ ни одной газеты, ни одной книжной лавки. Это тѣмъ болѣе поразительно, что „гаусмановскія" постройки

Библиотека "Руниверс"

Баядерка. Рис. Э. Баяръ, грав. Лаплантъ.

Библиотека "Руниверс"

возведены съ истинно-безумною роскошью, напрасною и непроизводительною для страны. Египетскій земледѣлецъ-феллахъ до сихъ поръ пашетъ землю деревянною сохою, какъ это было и въ періодъ Фараоновъ. Подати феллахъ несетъ изнурительныя, далеко превышающія его силы. И вотъ, благодаря поту и крови этого феллаха, построенъ въ Каирѣ оперный театръ, стоимость постройки котораго 800,000 рублей. Болѣе роскошнаго театра, чѣмъ здѣсь, нѣтъ ни въ одной европейской столицѣ, хотя, собственно говоря, и охотниковъ-то слушать итальянскую оперу найдется въ Каирѣ весьма мало.

Самая великолѣпная улица въ Каирѣ—это улица Муски. Ее можно назвать Невскимъ проспектомъ Каира.

Дворецъ вице-короля, построенный на берегу Нила, называется Кафъ-Эль-Нилъ; на противоположной же сторонѣ Нила расположенъ дворецъ Гезирехъ, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ свѣтѣ.

М. С.

Молохъ.

Въ отрядѣ пресмыкающихся есть одно семейство, а именно бородавчатыя и панцырныя ящерицы, которое отличается отъ другихъ особенно-отталкивающею внѣшностью и производитъ непріятное впечатлѣніе. Къ самымъ, можно сказать, диковиннымъ существамъ изъ этого семейства принадлежитъ некрасивое животное, изображенное на нашей картинкѣ—это такъ-называемый молохъ (moloch horridus). Австралія—родина его. Это весьма непривлекательное созданіе, имѣющее въ длину всего какихъ-нибудь 12 — 15 сантиметровъ, отличается неуклюжимъ тѣлосложеніемъ, неповоротливостью и, не смотря на яркую окраску своей одежды, возбуждаетъ только отвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, все тѣло молоха, не исключая ногъ, покрыто не только чешуйками, но и бородавками, изъ которыхъ выростаютъ во всѣ стороны острые шипы разныхъ размѣровъ; большой шипъ окруженъ обыкновенно тремя или четырьмя меньшими, идущими отъ корня бородавчатаго нароста, что особенно хорошо видно на головѣ молоха. Всѣ эти бородавки и шипы строеніемъ своимъ нѣсколько напоминаютъ рога рогатаго скота, слѣдовательно они полы. Основной цвѣтъ этой ящерицы коричневый, съ металлическимъ отблескомъ; продольно по коричневому тѣлу ея тянутся довольно широкія полосы, отливающія то свѣтло-желтымъ, то блѣдно-краснымъ цвѣтомъ; нижняя часть тѣла и тыльная сторона лапокъ испещрены бѣлыми пятнами. Молохъ не ночное животное; онъ любитъ посидѣть на тепломъ пескѣ и понѣжиться на солнцѣ; лучи солнца, преломляясь въ металлически-блестящихъ чешуйкахъ и шипахъ верхней части тѣла ящерицы, играютъ разноцвѣтными блесками, и тогда кажется, что на пескѣ лежитъ какая-то драгоцѣнная вещица, отливающая всѣми цвѣтами радуги... Но, увы, какое разочарованіе! Эта прелестная игра цвѣтовъ представляетъ еще болѣе рѣзкій контрастъ съ отвратительной, отталкивающей внѣшностью австралійской ящерицы. Молохъ водится преимущественно въ наиболѣе жаркихъ мѣстностяхъ Австраліи; относительно его образа жизни и о томъ, какіе имѣются у него враги—свѣдѣній весьма мало; впрочемъ, съ нѣкоторою достовѣрностью предполагаютъ, что непріятелей у этой ящерицы очень немного: едва ли въ лѣсахъ и горахъ австралійскаго материка найдется животное на столько голодное, неразборчивое и жадное, чтобы почувствовать желаніе съѣсть такую блестяще-радужную гадину, не смотря на ея колючій панцырь и жесткую кожу, да и самъ по себѣ молохъ представляетъ малопитательную пищу. Въ новомъ звѣринцѣ Парижскаго музея въ „Jardin des plantes", обитало нѣсколько живыхъ экземпляровъ этой ящерицы. Ихъ кормили мухами, насѣкомыми, муравьиными яйцами и т. п. сырымъ „съѣстнымъ" матерьяломъ. Прежде думали, что молохъ принадлежитъ къ разряду ядовитыхъ гадинъ, но ужь это было бы слишкомъ: онъ оказался вполнѣ безвреднымъ для человѣка.

Щ.

Баядерка.

Представленіе о баядеркѣ неразрывно связано съ понятіемъ о томъ религіозномъ культѣ у индусовъ, въ которомъ баядерка является какъ служительница божества. Вишну (одно изъ трехличныхъ индійскихъ божествъ),—олицетворенная сила природы въ ея благотворномъ дѣйствіи, дружелюбное божество живого бытія. Когда міръ погрязаетъ въ лукавствахъ, когда правда ослабляется, а неправда усиливается, и міръ приходитъ въ опасность погибнуть,—Вишну принимаетъ тѣлесный видъ, воплощается и возстановляетъ порядокъ въ мірѣ. Такихъ воплощеній было 9. Въ восьмомъ воплощеніи онъ явился подъ именемъ Кришны, воспитавшись въ пастушеской семьѣ, посреди своихъ однолѣтокъ, сыновей и дочерей пастуховъ. Изъ послѣднихъ онъ выбралъ себѣ семерыхъ любимицъ (гописъ). Онѣ забавляли Кришну своими играми, пѣснями и пляскамиъ и были его постоянными спутницами. Пураны (миѳо-историческія записки) повѣствуютъ, что гописы во время своихъ игръ и плясокъ, искусно группируясь, образовали такія же фигуры звѣрей и птицъ, какія образуютъ на небесахъ купы свѣтилъ въ созвѣздіяхъ. Стѣны многихъ индуескихъ храмовъ украшены чудными изображеніями разныхъ животныхъ, составленныхъ изъ женскихъ фигуръ. Превращенныя въ звѣзды послѣ своей смерти, гописы и донынѣ постоянно поютъ и пляшутъ на видимой тверди. Въ память этихъ любовницъ Кришны образовалась въ глубокой древности корпорація изъ молодыхъ, красивѣйшихъ дѣвушекъ, названныхъ дева-дасы, т. е. служительницы божіи. Онѣ обязаны были напоминать правовѣрнымъ индусамъ гописъ Кришны своими нравами и образомъ жизни.

Эти-то дева-дасы и извѣстны въ Европѣ подъ именемъ баядерокъ (отъ португальскаго байядейра—танцовщица). При каждомъ храмѣ содержатся отъ 8 до 12 баядерокъ. Съ дѣтства обученныя грамотѣ, музыкѣ, пѣнію и танцамъ, онѣ обязаны дважды въ день пѣть въ храмахъ гимны и танцовать. Кромѣ того, онѣ должны участвовать во всякой религіозной церемоніи и на всѣхъ религіозныхъ торжествахъ, гдѣ, подобно гописамъ, онѣ также съ необыкновеннымъ искусствомъ, перегибаясь корпусомъ, переплетаясь другъ съ другомъ руками и ногами, составляютъ фигуры орла, рыбы, тигра, черепахи, вепря, слона и т. п. Эта пантомимная пляска ихъ удивительно выразительна; пѣсни дышутъ любовью, а взоръ и тѣлодвиженія очаровательно нѣжны и сладострастны. Блескъ и обаяніе ихъ прелестей еще болѣе возвышаются отъ умѣнья искусно скрывать ихъ и тѣмъ сильнѣе говорить воображенію. Онѣ распускаютъ свои длинные черные волосы или небрежно по плечамъ, или, собравъ на головѣ въ косы, украшаютъ цвѣтами и алмазами. На рукахъ и ногахъ ихъ блестятъ тѣми же алмазами дорогіе браслеты—приношенія правовѣрныхъ индусовъ. Вообще, весь нарядъ приспособленъ къ тому, чтобы въ большемъ блескѣ выказать и украсить то, что дано природою.

Баядерки раздѣляются на нѣсколько классовъ. Самый почетный—собственно дева-дасы, посвященныя Вишну. Онѣ живутъ въ районѣ храма своего божества и не имѣютъ права выходить изъ окрестностей его. Будучи дочерьми браминовъ или воиновъ, онѣ могутъ избирать мужей только равнаго происхожденія, но непринадлежащихъ къ общинѣ того же храма; многія изъ нихъ нерѣдко даютъ обѣтъ дѣвственности. Внѣбрачное сожительство съ этими баядерками влечетъ позорное и строгое наказаніе. Впрочемъ, съ теченіемъ времени чистота культа значительно попортилась, и символъ его даже забытъ, отчего являются баядерки, посвященныя и другимъ божествамъ. Эти составляютъ уже 2-й классъ и происходятъ изъ касты судровъ.

Не будучи причислены къ какой либо пагодѣ, онѣ живутъ въ городахъ и селахъ также при храмахъ, но въ полной свободѣ, переходя вмѣстѣ съ музыкантами изъ одного мѣста въ другое. 3-й классъ баядерокъ состоитъ изъ дѣвушекъ, отданныхъ родителями на воспитаніе или проданныхъ ими старой дева-дасѣ, которая, выучивъ ихъ пляскѣ, пѣнію и музыкѣ, образуетъ изъ нихъ корпораціи танцовщицъ-пѣвицъ для публики. Баядерки послѣднихъ двухъ классовъ могутъ быть приглашаемы, за извѣстное вознагражденіе, на свадьбы, парадные обѣды и другія пиршества, гдѣ онѣ поютъ и пляшутъ подъ аккомпаниментъ тамбуриновъ. Хотя эти два класса служительницъ божіихъ пользуются репутаціей разгульныхъ женщинъ, но тѣмъ не менѣе онѣ, внѣ храма или мѣста, куда приглашены для потѣхи, держатъ себя чрезвычайно скромно и безукоризненно-благопристойно. На улицѣ, напр., ни одна изъ нихъ не рѣшится не только заговорить съ мужчиной, даже взглянуть на него; да, впрочемъ, и ни одинъ индусъ, со своей стороны, никогда не выкажетъ баядеркѣ на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ неприличной ласки. Манера баядерокъ держать себя на улицѣ, ихъ одежда, походка—все носитъ на себѣ отпечатокъ дѣвственной стыдливости. Но самая эта стыдливость—въ сущности искусственнѣйшее, разсчетливѣйшее кокетство, дѣйствующее сильнѣе улыбокъ и подмигиваній европейскихъ камелій. Такова въ Индіи такъ-называемая *баядерка*!

Н. К—овъ

Библиотека "Руниверс"

Проектъ зданія городской думы въ Москвѣ.

Извѣстно, что мы не можемъ похвалиться обиліемъ такихъ зданій, архитектура которыхъ поражала бы своею красотою, величественностію и гармоніей всѣхъ частей зданія. Можно съ увѣренностью предположить, что не только въ Москвѣ, но и здѣсь, въ Петербургѣ, едва ли насчитается десятокъ, другой домовъ, которые, по своей красотѣ, дѣйствительно могли бы оставить въ зрителѣ большое впечатлѣніе, такое, напримѣръ, какое оставляютъ въ памяти путешественника многія изъ зданій европейскихъ столицъ. Но нужно замѣтить, что и для насъ видимо уже подходитъ то время, когда строители зданій начинаютъ обращать вниманіе не только на внутреннія ихъ удобства, но и на ихъ красоту внѣшнюю. Не думаемъ, конечно, чтобы эта „красота зданій" составляла въ настоящее время для многихъ уже потребность, но пока можно ограничиваться и тѣмъ, что на это обращается уже вниманіе. Богъ дастъ со временемъ эта потребность войдетъ въ жизнь общества и будетъ собою опредѣлять извѣстную высоту его вкуса и, слѣдовательно, общаго его развитія.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы" рисунокъ проектированнаго зданія городской думы въ Москвѣ, что онъ составленъ въ стилѣ, отчасти приближающемся къ характеру старинныхъ русскихъ построекъ.

Нужно сказать, что московская городская дума, при прежнемъ ея устройствѣ, до открытія въ Москвѣ новаго городскаго общественнаго управленія, занимала часть верхняго этажа зданія присутственныхъ мѣстъ, находившагося между Воскресенскими (Иверскими) воротами и Кремлевскою стѣною. Помѣщеніе это оказалось недостаточнымъ для думы въ новомъ ея составѣ; увеличить-же его не было возможности, такъ какъ остальныя части зданія были заняты разными губернскими и присутственными мѣстами. Эти обстоятельства побудили нанять для городскаго управленія помѣщеніе на Воздвиженкѣ, въ домѣ гр. Шереметева.

За симъ въ видахъ заявленія домохозяина о томъ, что онъ, по истеченіи срока контракта съ думою, отдавать домъ въ наймы болѣе не желаетъ, — учреждена была для обсужденія дѣла объ устройствѣ новаго помѣщенія для думы, особая временная коммиссія, которая обратилась къ пріисканію удобнаго участка изъ числа земель, городу принадлежащихъ.

Вниманіе коммиссіи остановилось на правомъ корпусѣ зданія присутственныхъ мѣстъ, т. е. на томъ именно, гдѣ помѣщалась дума при прежнемъ ея устройствѣ съ 1785 г.

Коммиссія просила предсѣдателя своего, теперь уже покойнаго профессора Рихтера, какъ техника, подробно осмотрѣть корпусъ, гдѣ помѣщалась прежняя дума, а затѣмъ положила: 1) Ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ въ собственность города зданія присутственныхъ мѣстъ, находящагося между Воскресенскими воротами и Кремлемъ, именно праваго корпуса отъ Воскресенскихъ воротъ. 2) Въ этомъ зданіи помѣстить московское городское управленіе въ цѣломъ его составѣ, т. е. какъ общую, такъ и распорядительную городскія думы, для чего перестроить его сообразно назначенію и дать такую наружность, чтобы оно составило украшеніе площади. Главный фасадъ вывести на Красную площадь, прямо противъ церкви Василія Блаженнаго. 3) Пригласить архитектора, по усмотрѣнію коммиссіи, для снятія съ натуры вѣрныхъ плановъ и фасадовъ зданія и для составленія проекта отстройки, то есть перестройки. 4) Поручить коммиссіи обязать приглашеннаго ею для составленія проекта архитектора представить къ чертежамъ и смѣту въ сколь возможно кратчайшій срокъ и, по разсмотрѣніи проекта коммиссіею, представить на утвержденіе общей думы, причемъ должна быть приложена и программа исполненія постройки, съ такимъ разсчетомъ, чтобы зданіе было совершенно готово до окончанія срока условія съ гр. Шереметевымъ.

Въ половинѣ 1867 г., составленіе проекта думы было предложено покойному профессору Ѳ. Ѳ. Рихтеру, а по смерти его, по указанію многихъ гласныхъ, для составленія этого проекта приглашенъ былъ архитекторъ Резановъ. Его проектъ нѣсколько разъ разсматривался, пополнялся, измѣнялся, вслѣдствіе постепеннаго прибавленія площади строенія, увеличеніе которой коммиссія признавала необходимымъ то для расширенія главнаго зала, то для введенія новыхъ помѣщеній, не назначавшихся первоначальной программой. Только послѣ семикратной передѣлки проектъ, кажется, удовлетворилъ коммиссію. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ-ли онъ принятъ.

С.

Высотомѣръ или новый барометръ профессора химіи въ Имп. СПБ. Университетѣ, Д. И. Менделѣева.

Во множествѣ практическихъ случаевъ необходимо знать измѣненія въ уровняхъ почвы или разность высотъ двухъ мѣстъ. При проведеніи дорогъ, въ особенности желѣзныхъ, при отводѣ воды, напр. изъ болотъ, и при устройствѣ многихъ другихъ сооруженій, столь же важно имѣть профиль мѣстности, какъ и знать ея планъ. Весьма легко опредѣлять склоны почвы на небольшихъ разстояніяхъ; для этого служатъ простѣйшіе пріемы нивеллировки. Но когда изслѣдованіе должно быть произведено на далекихъ разстояніяхъ, тогда нивеллированіе требуетъ много труда, потому что тогда весь путь, подлежащій изслѣдованію, долженъ быть свободенъ, для того чтобы при помощи зрительныхъ трубъ, какими обыкновенно снабжаются нивелирные инструменты, можно было опредѣлять склоны почвы. По этому въ лѣсистой мѣстности должно дѣлать для этой цѣли просѣки, въ городахъ должно дѣлать обходы по улицамъ, иногда вовсе не лежащимъ на томъ пути, который долженъ быть прослѣженъ. Въ холмистой мѣстности тогда должно дѣлать много промежуточныхъ, иногда вовсе не нужныхъ, опредѣленій. Въ этихъ случаяхъ большую услугу можетъ оказать барометръ, потому что при помощи его есть возможность судить о разности высотъ двухъ точекъ, не сообщающихся непосредственно между собою и находящихся въ такихъ условіяхъ, что съ одной точки не видно другой. Опредѣленіе разности высотъ при помощи барометра основывается на томъ, что поднятіе уровня ртути въ барометрѣ зависитъ отъ вѣса того воздуха, который находится надъ барометромъ. Воздухъ, какъ вода и всякая другая жидкость, давитъ на предметы подъ нимъ находящіеся, и чѣмъ выше подняться въ слой воды или въ слой воздуха, тѣмъ давленіе будетъ меньше; слѣдовательно, высота барометра будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше уровень. Паскаль въ Парижѣ, на башнѣ св. Якова (tour St. Iacques), въ прошломъ столѣтіи, а затѣмъ его ученикъ, на горѣ Пюи-де-Домъ, показали это непосредственнымъ опытомъ: на вершинѣ горы или башни барометръ стоялъ ниже чѣмъ при подошвѣ. Съ тѣхъ поръ барометръ составляетъ постоянную принадлежность путешественниковъ, отправляющихся для изслѣдованій въ гористыя страны. На высокой горѣ или на высоко лежащей мѣстности, барометрическія показанія будутъ всегда меньше, чѣмъ въ низменности. Для того, чтобы сдѣлать сужденіе о высотѣ мѣста, необходимо единовременно производить наблюденія на данномъ уровнѣ и на той точкѣ, высоту которой хотятъ опредѣлить—потому что высота ртути въ барометрѣ не только мѣняется отъ высоты мѣста, но и въ данномъ мѣстѣ отъ измѣненій въ воздухѣ или отъ погодныхъ вліяній: тепла, влаги, вѣтра, отъ временъ дня и года. Вѣсъ того столба (даннаго поперечнаго размѣра) воздуха, который лежитъ между двумя мѣстами, находящимися на разныхъ уровняхъ, будетъ равенъ вѣсу столба ртути, составляющаго разность барометрическихъ высотъ, опредѣленныхъ въ обѣихъ мѣстахъ. Если мы представимъ себѣ кубъ, у котораго каждая сторона равняется 1 метру (1 метръ немногимъ менѣе ½ сажени, а именно=0,47 сажени), то при обыкновенныхъ лѣтнихъ температурахъ такой кубъ воздуха вѣситъ около 1,1 килограмма (1 килогрм. =2,44 фунта): такой же кубъ ртути вѣситъ 13600 килограммовъ. Поэтому если между двумя мѣстностями разность высотъ составляетъ 100 метровъ, то столбъ воздуха, находящійся между мѣстами, представляетъ вѣсъ 110 килограммовъ. Эти 110 килограммовъ соотвѣтствуютъ высотѣ ртутнаго столба въ 0,008 метра или въ 8 миллиметровъ (1 миллиметръ есть тысячная доля метра или почти равенъ $\frac{14}{10000}$ аршина), слѣдовательно, если въ 2-хъ сосѣднихъ мѣстахъ разность барометрическихъ показаній для даннаго времени будетъ равна 8 миллиметрамъ, то одно мѣсто лежитъ надъ другимъ на высотѣ 100 метровъ. Зависимость между барометрическими показаніями и разностью высотъ измѣняется съ перемѣною температуры и барометрическаго давленія; но эта зависимость, во всякомъ случаѣ, въ обыкновенныхъ условіяхъ близка, къ тому, что разность въ 1 миллиметръ высоты ртутнаго столба въ барометрѣ отвѣчаетъ примѣрно 12 метрамъ возвышенія почвы. 12 метровъ близки къ 6 саженямъ а 1 миллиметръ къ $\frac{1}{25}$ доли дюйма; слѣдовательно надо очень тщательно наблюдать барометрическія высоты для того, чтобы опредѣлять такія разности въ уровняхъ, которыя составляютъ 6 саженъ. Многія причины, вліяющія на показанія ртутныхъ и анероидныхъ барометровъ, дѣлаютъ невозможнымъ опредѣленіе при помощи этихъ приборовъ малыхъ разностей давленія и слѣдовательно малыхъ разностей высотъ.

Вотъ для этой-то цѣли, точнаго опредѣленія давленій, профессоръ Д. И. Менделѣевъ устроилъ свой высотомѣръ. Этимъ приборомъ возможно легко опредѣлять разность давленій въ 16 разъ точнѣе, чѣмъ ртутнымъ барометромъ, а потому есть возможность опредѣлять такіе сравнительно малыя склоны почвы, которые нѣтъ возможности измѣрять ртутными барометрами. Разность въ $\frac{1}{10}$ долю миллиметра на переносномъ

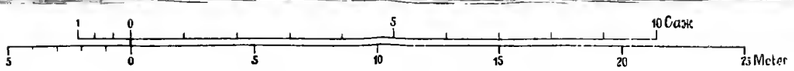
Библиотека "Руниверс"

ртутномъ барометрѣ, чрезвычайно трудно опредѣлять съ увѣренностью въ точности, а такая разность уже отвѣчаетъ разности высотъ около двухъ аршинъ; въ высотомѣрѣ же получается при этомъ показаніе близкое къ 2-мъ миллиметрамъ, а такую величину ясно видно на глазъ и легко измѣрять съ точностью.

Устройство высотомѣра основывается на сжимаемости или упругости воздуха, а потому этотъ барометръ относится къ числу тѣхъ которые называются симпіесометрами *). Воздухъ, какъ всѣ газы, сжимается, по мѣрѣ увеличенія давленія, во столько разъ, во сколько увеличивается давленіе. Представимъ себѣ, что мы заперли въ нѣкоторомъ сосудѣ воздухъ подъ тѣмъ давленіемъ, подъ которымъ онъ находится въ нѣкоторомъ мѣстѣ. Перенесемъ теперь нашъ сосудъ съ воздухомъ въ другое мѣсто, расположенное выше перваго. Давленіе въ этомъ мѣстѣ будетъ меньше, чѣмъ въ предшествующемъ, слѣдовательно запертый газъ будетъ имѣть большее давленіе, чѣмъ давленіе окружающаго его воздуха. Представимъ далѣе, что нашъ сосудъ снабженъ трубкой, наполненной легкою жидкостью, и вообразимъ, что эта трубка загнута въ видѣ буквы U. Если давленіе въ обѣихъ вѣтвяхъ трубки будетъ одно и то же, уровень налитой въ трубку жидкости будетъ одинаковъ въ обѣихъ вѣтвяхъ трубки; если же въ одной изъ вѣтвей станемъ давленіе увеличивать, то въ этой вѣтви жидкость будетъ понижаться. Такая трубка съ жидкостью носитъ названіе манометра. Одна вѣтвь манометра соединяется съ сосудомъ, въ которомъ запирается воздухъ, а другая вѣтвь остается открытою; слѣдовательно, въ то время, когда запирается сосудъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ, уровень жидкости въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра будетъ одинъ и тотъ же, потому что давленіе съ обѣихъ сторонъ будетъ одинаково: съ открытой вѣтви и съ той, которая сообщена съ сосудомъ. Это потому, что въ послѣднемъ давленіе или упругость воздуха тѣ же самыя, какъ и въ окружающемъ воздухѣ. Если же мы перенесемъ навмъ сосудъ съ манометромъ въ другое мѣсто болѣе возвышенное, гдѣ атмосферное давленіе меньше, уровень жидкости въ той вѣтви, которая сообщена съ сосудомъ, понизится, а въ той вѣтви, которая открыта, повысится. Разность высотъ жидкости или вѣсъ столба жидкости той самой высоты, которая замѣтится въ манометрѣ, будетъ находиться въ прямой зависимости отъ вѣса столба воздуха, лежащаго между двумя мѣстами, а слѣдовательно и отъ разности ихъ высотъ, и чѣмъ легче взятая жидкость, тѣмъ больше будетъ наблюдаемо поднятіе жидкости въ манометрѣ при данной перемѣнѣ давленія или при данной разности уровней въ двухъ мѣстахъ. Если бы въ манометръ налить ртути, то разность уровней въ обѣихъ вѣтвяхъ его была бы равна разности барометрическихъ высотъ; но если взять жидкость въ 10—20 разъ болѣе легкую, чѣмъ ртуть, то при той же разности давленій или при той же разности уровней мѣстности—получится въ манометрѣ поднятія въ 10—20 разъ большее, чѣмъ при употребленіи ртути. Вода въ 13,5 разъ легче ртути, но ее взять нельзя при устройствѣ подобнаго рода приборовъ, потому что вода испаряется и упругость ея паровъ измѣняется отъ разности температуръ, а потому показанія водяного манометра не будутъ отличаться простотою и точностью. Для манометра нужна такая жидкость, которая, какъ ртуть, не испаряется или, правильнѣе сказать, почти не испаряется при обыкновенной температурѣ и отличается притомъ большею легкостью. Таковы напр. маслянистыя жидкости. Но обыкновенныя жирныя масла, напр. прованское, густы и потому въ манометрѣ двигаются весьма медленно и медленно стекаютъ со стѣнокъ трубки, въ которой происходитъ ихъ движеніе. Легкую, подвижную жидкость, не способную испаряться при обыкновенной температурѣ, представляютъ тяжелыя масла, добываемыя вмѣстѣ съ керосиномъ изъ нефти. Нефтяное масло разъ въ 16 легче ртути, а потому если въ манометръ прибора налито нефтяное масло, разность уровней въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра будетъ въ 16 разъ превышать разность барометрическихъ отчетовъ. Слѣдовательно, если въ двухъ мѣстахъ разность барометрическихъ высотъ составляетъ только $\frac{1}{2}$ миллиметра ртутнаго столба, на нефтяномъ столбѣ получится разность уровней въ 8 миллиметровъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ дюйма, что составляетъ величину легко подраздѣляемую еще на многія доли, въ особенности вслѣдствіе того, что оба столба жидкости въ манометрѣ можно помѣстить рядомъ другъ съ другомъ.

Вотъ основное начало устройства высотомѣра. Фиг. 1 представляетъ внѣшній видъ прибора, фиг. 2 его разрѣзъ. Размѣръ рисунковъ примѣрно въ четыре раза менѣе натуральнаго размѣра обыкновенныхъ высотомѣровъ. Буквы стоящія на обоихъ рисункахъ отвѣчаютъ однимъ и тѣмъ же частямъ прибора. Въ разрѣзѣ (фиг. 2) видѣнъ сосудъ *AA*, который представляетъ пространство занимаемое воздухомъ. Изъ этого сосуда идутъ двѣ тонкія металлическія трубки *a* и *b*; первая трубка соединена съ манометромъ *CD*, вторая трубка *b* оканчивается у крана *E*; этотъ послѣдній запирается въ одномъ изъ мѣстъ наблюденія, а именно въ томъ, отъ котораго ведется счетъ высотъ. Сосудъ *AA* заключенъ вполнѣ въ другой металлическій сосудъ *BB*, наполненный водою; послѣдняя служитъ здѣсь для того, чтобы сохранить температуру воздуха, запертаго въ сосудѣ *A*. Термометръ *O*, равно какъ и внутренняя его часть *EFF* служатъ для того, чтобы опредѣлять температуру воды и слѣдовательно воздуха, заключеннаго въ сосудѣ *AA*. Часть прибора, обозначенная буквами *GH*, служитъ для взмѣшиванія

*) Главныя особенности высотомѣра, дѣлающія его точнымъ приборомъ, состоятъ въ томъ, что воздухъ въ приборѣ возобновляется при каждомъ запиранія крана, а особый, новаго вида, дифференціальный термометръ даетъ возможность совершенно точно знать вліяніе температуры.



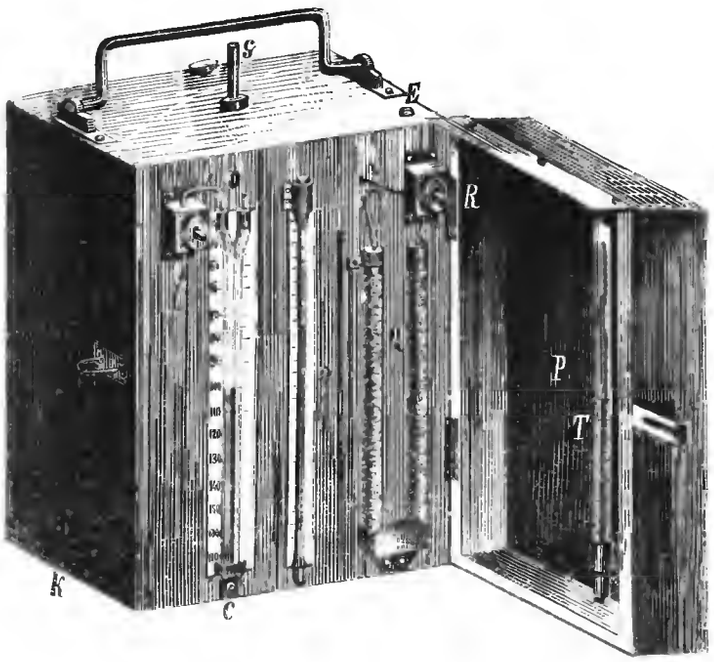
Проектъ новаго зданія Московской Городской Думы. Состав. Резановъ, грав. Бони.

Библиотека "Руниверс"

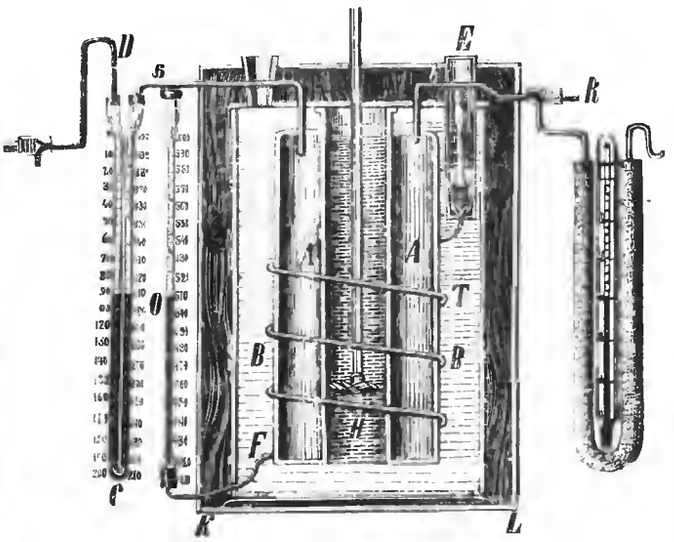
воды, налитой въ приборъ. При движеніи этой мѣшалки вода перемѣшивается и температура всѣхъ частей прибора уравнивается. Весь приборъ, т. е. сосудъ съ воздухомъ *AA* и окружающій его сосудъ съ водою *BB* вмѣщенъ, сверхъ того, въ деревянный ящикъ *KL*, для того, чтобы обезопасить внутреннія части отъ скораго охлажденія или нагрѣванія и отъ случайныхъ поврежденій. На наружной сторонѣ ящика изъ упомянутыхъ частей прибора находятся только манометръ *CD*, термометръ *O* и кранъ *R*; они то и видны на фиг. 1 съ передней стороны прибора, которая при переноскѣ закрывается дверцею или крышкою *P*, какъ видно на той же фиг. 1. Около крана *R* помѣщается снаружи прибора сушило Q, назначенное для того чтобы входящій въ приборъ воздухъ былъ освобожденъ отъ влажности и термометръ *T* для опредѣленія температуры воздуха. Весь приборъ бываетъ различныхъ размѣровъ, обыкновенный размѣръ есть 6 вершковъ въ высоту и 4 вершка по бокамъ прибора.

Чувствительность высотомѣра, служащаго для опредѣленія разности высотъ, можетъ быть показана слѣдующимъ простымъ опытомъ. Откроемъ кранъ *R*: для этой цѣли ключь, подобный часовому, надѣвается на выдающуюся головку крана и поворачивается справа налѣво, т. е. отвинчивается. Послѣ того поставимъ приборъ на полъ, взмѣшаемъ воду мѣшалкой и запремъ

(Фигура 1).



(фигура 2).



Высотомѣръ Проф. СПБ. Универ. Д. И. Менделѣева.

ключемъ кранъ *R* прибора, повертывая ключь слѣва направо, какъ это дѣлается при завертываніи винта. Когда это сдѣлано, воздухъ находящійся на полу, замкнется въ сосудѣ *AA*. При этомъ уровни нефти въ манометрѣ будутъ одинаковы, т. е. не будетъ никакой разности между высотами нефти въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра, какъ это изображено на рисункѣ. Теперь если мы поднимемъ приборъ на высоту роста человѣка или даже на еще меньшую высоту, напр. на высоту стола, то будетъ тотчасъ замѣтна разность высотъ нефти въ обѣихъ вѣтвяхъ манометра, отвѣчающая разности давленій на полу и на той небольшой высотѣ, на которую произведено поднятіе. На высотѣ стола разность высотъ будетъ около 1 миллиметра, а на высотѣ роста человѣка она достигнетъ 2 миллиметровъ.

Въ особой книгѣ, носящей названіе *«О барометрическомъ нивелированіи и о примѣненіи для него высотомѣра»*. (Д. Менделѣева, съ таблицею рисунковъ. С.-Петербургъ. 1876 г.) съ большою подробностью описываются всѣ необходимыя свѣдѣнія, относящіяся какъ до барометрическаго опредѣленія высотъ или нивелированія, такъ и до прибора, устроеннаго профессоромъ Менделѣевымъ. Всѣ тѣ, которые пожелаютъ примѣнять этотъ приборъ, найдутъ въ названной книгѣ указаніе на необходимыя подробности.

Съ высотомѣромъ и этою книгою въ рукахъ легко и скоро можно опредѣлять разности высотъ двухъ или нѣсколькихъ точекъ, напримѣръ можно узнать существуетъ ли склонъ почвы необходимый для отвода воды, какую высоту имѣетъ холмъ или гора, какую выемку должно сдѣлать для того, чтобы дать крутой дорогѣ извѣстный уклонъ и вообще рѣшить много практически важныхъ задачъ. Можно на основаніи сдѣланныхъ опытовъ съ увѣренностію сказать, что никакой другой извѣстный способъ нивеллированія не даетъ возможности столь скоро и просто сдѣлать опредѣленіе высотъ, какъ то можно производить съ помощію высотомѣра.

Высотомѣръ г. Менделѣева былъ первоначально описанъ имъ въ 1874 году въ Физическомъ Обществѣ, состоящемъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, затѣмъ онъ былъ на всемірной выставкѣ новыхъ изобрѣтеній, бывшей въ томъ же году въ Лондонѣ. Тамъ была присуждена этому прибору медаль. Затѣмъ онъ былъ выставленъ тѣмъ же Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ, которое посылало этотъ приборъ въ Лондонъ, на собственной выставкѣ въ 1875 году, бывшей въ С.-Петербургѣ, и съ тѣхъ поръ практики стали примѣнять этотъ приборъ для изслѣдованій. Въ 1876 г. Генеральный Штабъ поручилъ полковникамъ гг. Савицкому, Эрнфельду и Обломіевскому испытать этотъ приборъ въ примѣненіи къ съемкамъ, производимыхъ для военныхъ цѣлей, и въ трудахъ военно-топографическаго отдѣла генеральнаго штаба, за 1876 г. появился отчетъ г. Обломіевскаго о весьма благопріятныхъ результатахъ, полученныхъ при многихъ опредѣленіяхъ, сдѣланныхъ въ Финляндіи въ теченіи лѣта 1875 года. Въ этомъ же году генеральный штабъ отправилъ высотомѣръ на выставку географическихъ предметовъ, бывшую въ Парижѣ. Тамъ высотомѣръ г. Менделѣева также заслужилъ вниманіе и за него была присуждена медаль. Приборъ этотъ находился также на двухъ всемірныхъ выставкахъ 1876 года, а именно: въ Лондонъ, на выставку научныхъ предметовъ, высотомѣръ былъ посланъ военно-топографическимъ отдѣломъ, а въ Филадельфіи приборъ этотъ былъ выставленъ отъ Педагогическаго Музея. Мы помѣщаемъ эту статью о высотомѣрѣ именно по тому, что по отчетамъ о Филадельфійской выставкѣ видно, что на приборъ г. Менделѣева и тамъ обращено было большое вниманіе.

Такъ какъ измѣненіе воздушнаго (барометрическаго) давленія составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ, служащихъ для предъугадыванія измѣненій погоды, то высотомѣръ, очевидно, можетъ служить съ большою пользою, въ этомъ отношеніи. Такія малыя измѣненія въ давленіяхъ, которыя на ртутномъ барометрѣ будутъ незамѣтны, выразятся на высотомѣрѣ очень ясно. Примѣненіе высотомѣра въ этомъ послѣднемъ отношеніи разсматривается Д. И. Менделѣевымъ въ его сочиненіи «Объ упругости газовъ» ч. I, по дальнѣйшей разработкѣ и практическому примѣненію этотъ послѣдній предметъ еще до сихъ поръ не подвергнутъ. Особенной пользы можно ждать отъ примѣненія высотомѣра, какъ указателя погоды, на корабляхъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ особенно важно имѣть ясныя указанія объ измѣненіи погоды на ближайшее время.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

Конференція закрыта вслѣдствіе отверженія Портою 8 (20) января предложеній делегатовъ великихъ державъ. Первый и непосредственный результатъ закрытія Константинопольской конференціи—это выѣздъ изъ Стамбула конференціонныхъ делегатовъ великихъ державъ и ихъ пословъ. Отъ 13 (25) января телеграфъ извѣстилъ насъ, что англійскій уполномоченный, сэръ Генри Элліотъ, уже выѣхалъ изъ Константинополя. Нашъ посолъ, генералъ Игнатьевъ, вслѣдствіе неблагопріятной погоды, отложилъ было отъѣздъ до субботы, 15 (27) января, но другія извѣстія констатируютъ фактъ, что генералъ Игнатьевъ теперь уже съ своимъ семействомъ на пути въ Одессу.

Что же намѣревается теперь дѣлать Порта, исполненная, по выраженію ея прислужниковъ, «благихъ намѣреній», и такъ смѣло и дерзко отвергнувшая предложенія державъ? Отвѣты на этотъ вопросъ въ настоящее время возможны весьма неопредѣленные и противорѣчивые. Съ одной стороны намъ говорятъ, что Порта готова на *мирные переговоры съ Сербіей и Черногоріей*, вслѣдствіе моральнаго давленія Англіи на Порту; съ другой стороны въ правительственныхъ кружкахъ Бѣлграда (по сообщенію отъ 12 (24) января), открыто увѣряютъ, что Миланъ и Сербское правительство примутъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, если возникнетъ война между Россіей и Турціей. Военныя приготовленія Сербіи продолжаются. Въ настоящее время у нея находится подъ ружьемъ 30,000 человѣкъ. Очевидно, что воинственныя намѣренія Сербіи находятся въ прямой зависимости отъ рѣшенія Россіи. Съ другой стороны о мирѣ между Турціей, Сербіей и Черногоріей хлопочетъ и Австріи, такъ что Англіи является, повидимому, только безстрастной и безкорыстной совѣтницей мира. Порта и переговоры-то о мирѣ съ Сербіей и Черногоріей ведетъ при посредствѣ Австріи. Порта готова заключить мирный договоръ съ Сербіей на основахъ statu quo ante bellum, т. е. на тѣхъ же жалкихъ основахъ, о которыхъ такъ много говорили и писали, когда Сербія была низурена войною, мѣсяца два тому назадъ. Далѣе порта, по австрійскому наученію, умилостивляется даже до того, что обѣщаетъ сложить со счетовъ всю сумму недоплаченной Сербіей за послѣднее время дани. Но вѣдь такое положеніе мира, какъ поймутъ уже и не политиканы, крайне не прочно. Ретроградное шествіе вопроса объ улучшеніи участи Балканскихъ христіанъ до того зашло въ непроходимую лѣсную чащу, что обязательные совѣтчики и наставники Порты даже забыли съ чего начали...

Въ Константинополѣ, по извѣщенію «Daily Telegraph», 29 января (нов. ст.), будутъ происходить парламентскіе выборы.(!!) Послѣ умиротворенія Балканскихъ христіанъ, Европа услышитъ такимъ образомъ интересныя турецкія парламентскія пренія. Курьезно только то, что эти пренія не будутъ особенно гласными, такъ какъ въ силу 56 статьи турецкой конституціи, допущеніе газетныхъ корреспондентовъ въ залу засѣданій турецкаго парламента не можетъ имѣть мѣста. Могутъ присутствовать въ залахъ засѣданія той или другой палаты, по словамъ газеты «Bassiret», только министры, ихъ уполномоченные и чиновники, получившіе особыя приглашенія. Очевидно, что эта турецкая говорильня—чисто турецкое, а не европейское учрежденіе.

Курьезны недавно производившіеся выборы въ турецкій парламентъ въ Босніи. Они производились въ глубокой тайнѣ, какъ по-турецки и слѣдуетъ. Выбраны 3-е мусульманъ, 1 католикъ, 1 православный и 1 еврей.

— Англія, если представителемъ ея общественнаго мнѣнія считать Канцлера казначейства Норткота и министра внутреннихъ дѣлъ Кросса, выражаетъ убѣжденіе, что сохраненіе мира существенно важно для ея интересовъ. Британское правительство, выразился лордъ Норткотъ, питаетъ живое сочувствіе къ балканскимъ христіанамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ оно находитъ, что вопросъ о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла иноземныхъ странъ требуетъ серьезнаго обсужденія. Всякія принудительныя мѣры въ рѣшеніи восточнаго вопроса должны быть отвергнуты (т. е. принудительныя мѣры относительно нѣжно-любимой Турціи?). Конечно, Турція, отклонивъ предложенія конференціи, поступила неблагоразумно, но это еще не можетъ служить поводомъ къ изгнанію ея изъ Европы.

Да и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, вытѣснять въ Азію страну съ представительными учрежденіями, которыя, надо сказать правду, ловко состряпаны и подоспѣли въ самый критическій моментъ для Турціи. Теперь всякій софистъ имѣетъ формальное основаніе говорить о государственномъ преуспѣяніи Турціи!

Немножко не то говоритъ Франція, т. е. говоря точнѣе, она говоритъ, чтобы скрыть свое настоящее отношеніе къ восточному вопросу, слѣдуя правилу Талейрана: «языкъ данъ намъ длятого, чтобы скрывать свои мысли!» Но для характеристики общественнаго мнѣнія Франціи на первомъ планѣ стоитъ ея летучая и болтливая пресса.

Французамъ почему-то показалось, что представитель Германіи на конференціи, баронъ Вертеръ, принялъ на конференціи слишкомъ энергическое положеніе, неоправдываемое индифферентнымъ отношеніемъ Германіи къ дѣламъ Востока. Но затѣмъ французы сдѣлали заключеніе, что баронъ Вертеръ намѣренъ былъ поддержать графа Шоторди, которому было поручено дѣйствовать на конференціи въ пользу сближенія Россіи съ Англіей и положить основаніе *тройственному* союзу между Франціей, Англіей и Россіей. Шоторди дѣйствительно, удалось примирить Британію съ Россіей (?) и французскій «Monitcur» превозноситъ за это маркиза похвалами.

— Австрія, служа посредницею мирныхъ переговоровъ между Турціей, Сербіей и Черногоріей, немного странно относится къ Босніи, намѣреваясь заиять эту страну своими войсками! Объ этомъ въ Австріи говорятъ открыто. Мобилизація войскъ уже быстро подвигается впередъ. На Савѣ сдѣланы приготовленія къ переходу черезъ эту рѣку. Какъ согласить подобный образъ дѣйствій съ умиротвореніемъ Турціи съ Сербіей и Черногоріей ревностно практикуемымъ со стороны Австріи?

Но самъ-то государственный организмъ Австріи не совсѣмъ здоровъ.

Между австрійскою и венгерскою половинами Австро-Венгріи идетъ препирательство по дѣлу банка. Дѣло въ томъ, что Венгрія изъявила намѣреніе имѣть свой національный венгерскій банкъ. Учрежденіе такого банка было бы, по понятной причинѣ, противно интересамъ австрійской половины имперіи. Отъ соглашенія или не соглашенія по вопросу о банкѣ, а также отъ неуживчивости венгерскаго премьеръ-министра Тиссо съ другими министрами, зависитъ паденіе министерства Тиссо, который въ послѣднее время только и говорилъ объ отставкѣ. Въ виду улаженія дѣла, за умиротвореніе и поддержку кабинета Тиссо взялся самъ графъ Андраши, этотъ оракулъ нашего времени. По этому предмету скоро состоится совѣщаніе австрійскихъ министровъ въ Пештѣ. Графъ Андраши однако, не смотря на свое мадьярское происхожденіе далеко не является сторонникомъ самостоятельнаго банка въ Венгріи. Но вопросъ о самостоятельномъ банкѣ далеко не такъ поверхностенъ, чтобы его можно было рѣшить временными соглашеніями. Съ этимъ вопросомъ венгры связываютъ другіе, важные и существенные съ ихъ точки зрѣнія, вопросы.

— Герой минувшей сербской войны, генералъ М. Г. Черняевъ, путешествуетъ теперь по Европѣ и всюду встрѣчаетъ восторженныя оваціи. Восторженный пріемъ его жителями Праги вызвалъ, какъ извѣстно, наружу подпольную австро-венгерскую ненависть къ славянамъ, выразившуюся въ грубомъ обращеніи полиціи съ генераломъ. 2 (8) января Черняевъ былъ уже въ Парижѣ, гдѣ ему Парижскій Славянскій Комитетъ поднесъ почетную саблю.

Къ числу отрадныхъ извѣстій съ пункта сосредоточенія нашихъ мобилизованныхъ войскъ изъ Кишинева принадлежитъ извѣстіе объ улучшеніи здоровья августѣйшаго главнокомандующаго дѣйствующею арміей. По послѣднимъ извѣстіямъ, силы Его Высочества возстановляются появившимся аппетитомъ и исчезновеніемъ лихорадочнаго состоянія.

М. С.

Мандолината.

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ прекрасный рисунокъ „Мандолината“ мы прилагаемъ къ нему къ видѣ сюрприза ноты, такъ какъ многими изъ нашихъ читателей и не разъ уже было выражаемо желаніе получить таковыя при „Нивѣ“. Прилагаемыя ноты могутъ служить такъ сказать пополненіемъ идеи художника. Пріятность и выразительность мелодіи этой піески, размѣръ, сообщающій жизнь и характеръ ея переливамъ—даютъ намъ увѣренность, что приложенныя ноты понравятся подписчикамъ. Композиція картины принадлежитъ Р. Тайлору. Отдаемъ картинку на судъ читателей „Нивы“, думая, что они сами оцѣнятъ ея достоинство. Подписчикамъ, желающимъ получить піеску „Мандолинату“ въ отдѣльномъ изданіи, заявляемъ, что ее можно достать въ музыкальномъ магазинѣ П. Юргенсона въ Москвѣ.

(Продолженіе на стр. 67, 68, 69 и 70).

Библиотека "Руниверс"

Венеціанка, играющая на мандолинѣ (Мандолината). Рис. и грав. Тайлора.

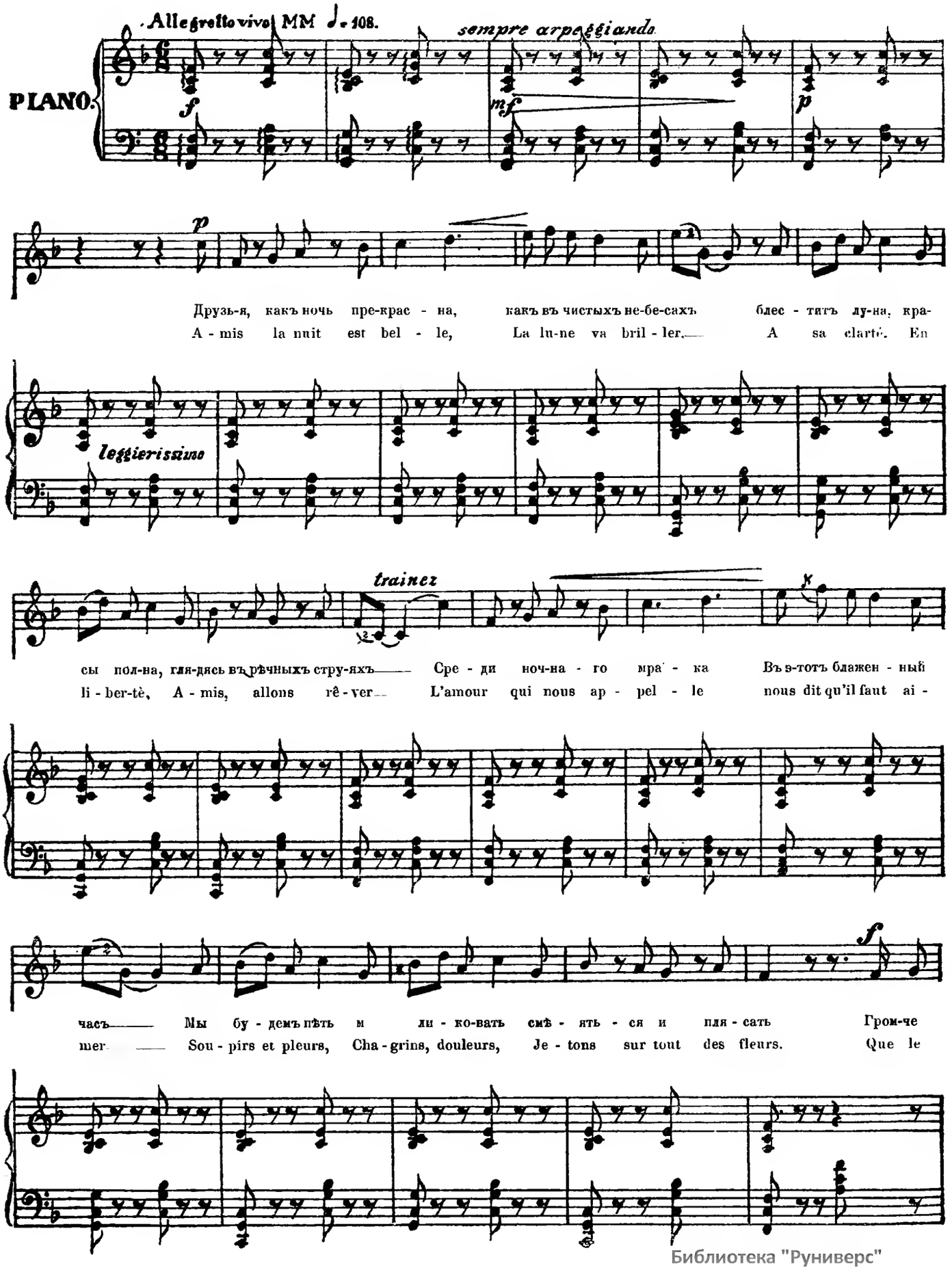
Библиотека "Руниверс"

МАНДОЛИНАТА.

ВОСПОМИНАНІЕ О РИМѢ

Э. ПАЛАДИЛЕ.

Для Сопрано и Тенора.



Библиотека "Руниверс"

пой - те пусть зву-чить на-ша пѣснь да - ле - ко Чтобъ кра
chant so - no - re di - se l'a - mour A ces beau - tés Jus - qu'au

сот - ка у-слышавъ взгля-ну - ла въ ок - но, чтобъ пѣснь доле - тѣ - ла къ ней
jour, jusqu'aux feux de l'au - ro - re A-mis, chan - tez La belle enten - dra, Chantez

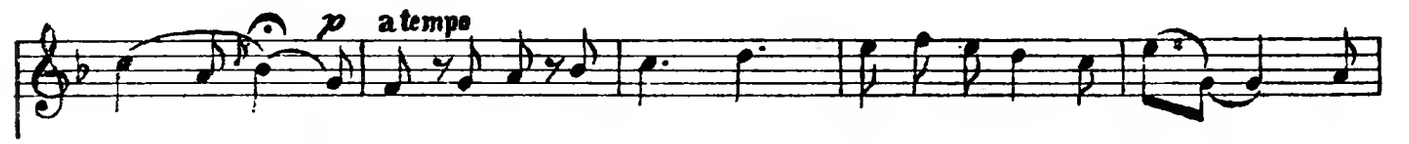
ско-рѣй ско - рѣй въ ок-нѣ промельк-нетъ о-на, какъ ут - ро вес -
Se mon - tre - ra Passer nous ver - ra, Ve - nez Son coeur faibli -

- - scen - - do

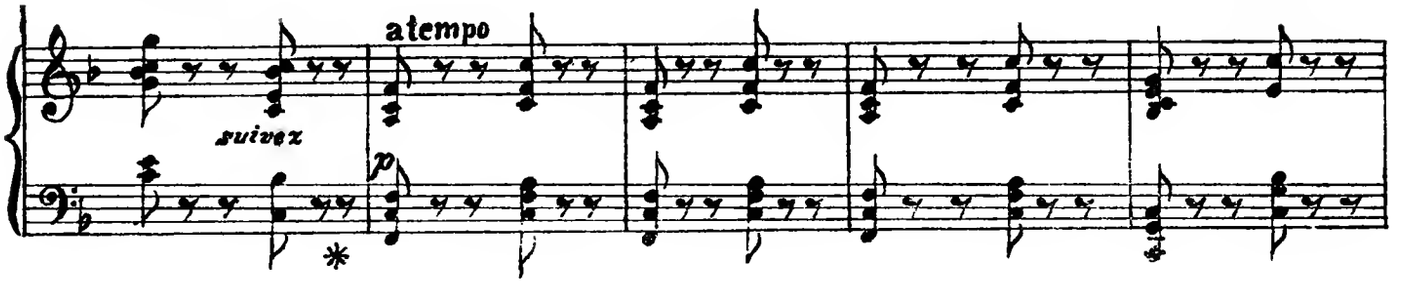
ны свѣтла, какъ ут - ро вес - ны свѣтла, пре - крас - на и чис - та мо-и кра -
ra, Hé - las Son coeur fai-bli - ra il fai - bli - ra. Et sa voix pu - re ré - pon -

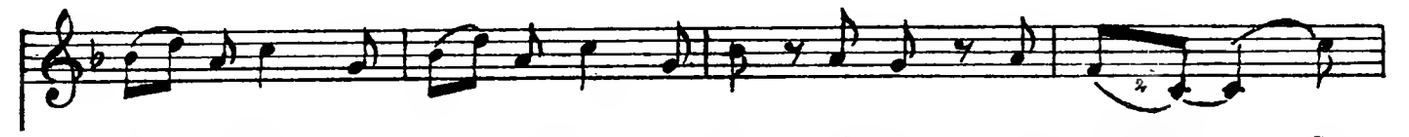
cresceendo molto

Библиотека "Руниверс"

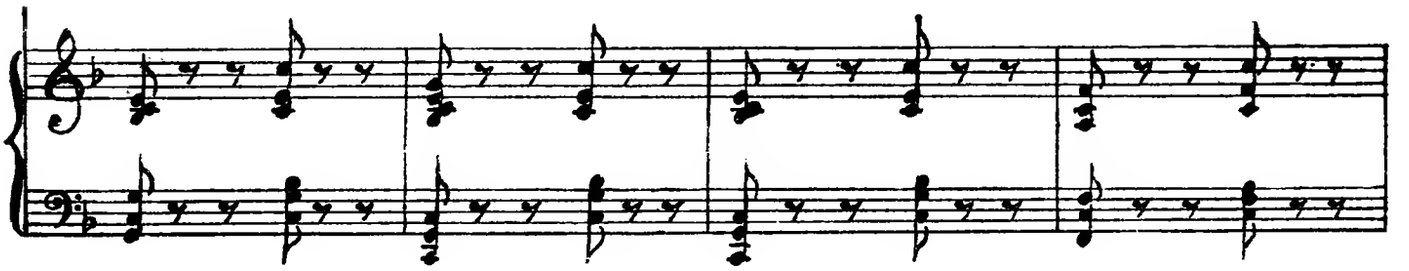


са Друзь - я, какъ ночь пре - крас - на какъвъчистыхъ не - бе - сахъ блес -
dra! A - mis, la nuit est bel - le, La lu ne va brill - ler A

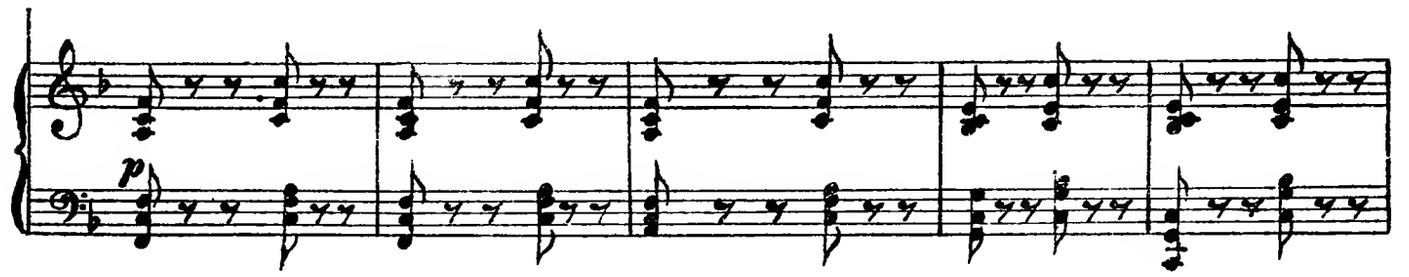


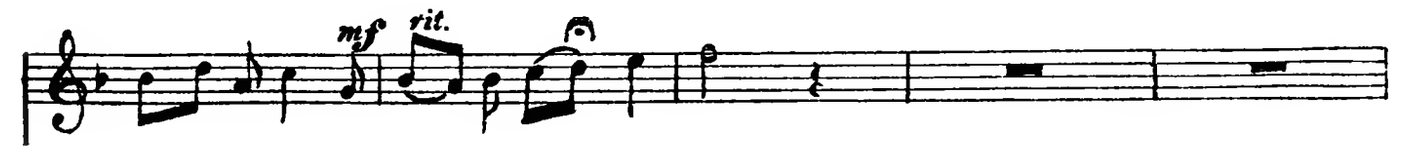


нетъ лу - ва кра - сы пол - на, гля - дясь въ рѣч-ныхъ стру - яхъ Сре -
sa clar - té En li - ber - tè, A - mis al - lons rê - ver L'a -

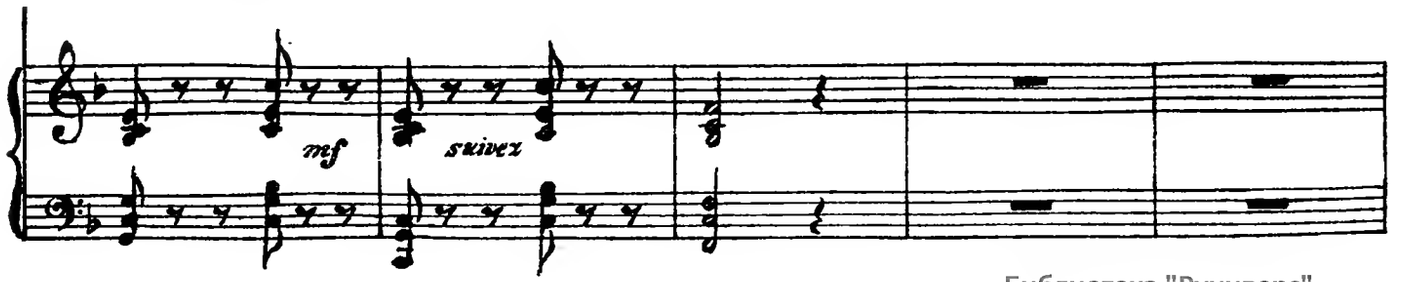


ди ноч - на - го мра - ка Въ э - тотъ бла - жен - ный часъ Мы бу - демъ пѣть и
mour qui nous ap - pel - le Nous dit qu'il faut ai - mer Sou - pirs et pleurs, Cha-





ле - ко - вать смѣ - ять - ся и пля - сать!
grins, douleurs, Je - tons sur tout des fleurs!



Библиотека "Руниверс"

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Славянскъ, А. М. Миш—ъ.** Нельзя помѣстить много. Нужно всего одинъ или два, дающихъ общее и полное понятіе о предметѣ, таковыхъ вы еще не прислали. Новое предложеніе принять не можемъ, не зная, что намъ будетъ присланo и какъ будетъ описано. Пришлите—посмотримъ.
2. **Москва, А. А. А.** Неудобно.
3. **Епифань, А. Н. Сав—ову.** Статья „Колдуны" не можетъ быть напечатана.
4. **Ставрополь (Кавказскій), К. Роз—ву.** Не вопрящѣ вашей дѣятельности вы можете узнать *въ чемъ именно* заключаются достоинства стиховъ. О присланныхъ стихахъ скажемъ вамъ нашими же словами: „Вотъ и часы пробили пять,

Вствю, огонь проворно зажигаю;
Сажусь за столъ—и ну писать
Пишу, а что? и самъ не знаю".

СОДЕРЖАНІЕ. **Гансъ Макартъ и его мастерская въ Вѣнѣ** (съ портретомъ и рисункомъ).—**Избытокъ жизни** (Идиллія въ прозѣ)—Памяти друга (Стихотвореніе) **Н Б—скій.—Погонщики ословъ въ Каирѣ М. С.** (Съ рисункомъ).—**Молохъ Щ.** (съ рисункомъ)—**Баядерка. Н. К—ова** (съ рисункомъ).—**Проектъ зданія городской думы въ Москвѣ** (съ рисункомъ)—**Высотомѣръ или новый барометръ Профессора химіи въ Имп. СПБ. Университетѣ. Д. И. Менделѣева** (съ 2-мя рисунками).—Политическое обозрѣніе.—**Мандолината** (съ рисункомъ и нотами).—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ музыкальномъ магазинѣ **„Фр. Поздирекъ"** Москва, Б. Лубянка, д. Мазуриной, поступили въ продажу слѣдующія

НОВОСТИ:

Шпиндлеръ Фр. (Spindler Fr.) Фантазія изъ оперы «Жизнь за Царь» op. 287. Цѣна 1 руб.

Эта фантазія заключаетъ въ себѣ самыя любимыя темы, а именно: Тріо: «Не томи родимый», «Мазурку», «Краковякъ», «Польскій» и «Славься». Извѣстно, изъ оперы „Жизнь за Царь" нѣтъ хорошихъ фантазій; предлагаемая одна изъ самыхъ удачныхъ Шпиндлера, пріобрѣвшаго такую громкую извѣстность какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи. Фантазія какъ салонная пьеса въ высшей степени эффектна, бравурна и доступная даже при умѣренномъ механизмѣ. За границей она разошлась въ теченіе весьма короткаго времени въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Шпиндлеръ Фр. Фантазіи на любимые русскіе романсы и пѣсни, переложенные для фортепіано въ въ 2 руки, op. 288. Цѣна изъ одномъ томѣ 2 р. 50 к.

Отдѣльно:

№ 1. Ангелъ	Ц. 50 к.	№ 6. Соловей	Ц. 50 к
— 2. Цыганская пѣсня	» 50 »	— 7. Краси сарафанъ	» 50 »
— 3. Скажите ей	» 50 »	— 8. Тройка	» 50 »
— 4. Птичка	» 50 »	— 9. Лучъ надежды	» 50 »
— 5. Колыбельн. пѣсня	» 50 »	—10. Боже Царя храни	» 50 »

Предлагаемыя пѣсни составляютъ альбомъ чрезвычайно элегантныхъ, бравурныхъ и эффектныхъ салонныхъ пьесъ. Изъ всѣхъ существующихъ фантазій на русскіе романсы и пѣсни несомнѣнно эти наиболѣе удачныя.

Кругъ Д. (Krug D.). Perles de la Russie. Легкія фантазіи безъ октавъ на русскія оперы.

№ 1. Жизнь за Царь	Ц. 45 к
— 2. Галька	„ 45 „
— 3. Громобой	„ 45 „
— 4. Аскольдова могила	„ 45 „

Аранжировки Круга давно пользуются извѣстностью; его тоже весьма эффектныя пьесы, хотя несравненно легче чѣмъ Шпиндлера.

Гернеръ. Первая радость. Музыкальный альбомъ. 300 дѣтскихъ, народныхъ пѣсенъ и оперныхъ пьесъ постепенной трудности систематически составленныя.

Въ двухъ томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

ЛѢСЪ-КАПИТАЛЪ-МЕХАНИКЪ

Лѣсной техникъ-механикъ, капиталистъ, пріискиваетъ себѣ компаніона владѣльца лѣса, съ которымъ бы устроить механическую столярню невиданныхъ еще издѣлій и складъ.

Адресъ: **Батуринъ**, Кутча Александрѣ **Шуницкой.**

ПАНСІОНЪ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ въ городѣ Марбургѣ въ Гессенѣ (Пруссія) Подробности узнать подъ Р. О. 361 въ конторѣ объявленій Г. Л. Даубе и К°. въ Франкфуртѣ—на Майнѣ.

МАГАЗИНЪ

Извѣщаетъ Рукодѣлій и Модныхъ Бассейныхъ Отдѣловъ **А. А. Бетцъ.**
Перспектива линія № 20 въ Гостинномъ дворѣ.

Получены въ большомъ выборѣ различныя новѣйшія вышивки по канвѣ, сукну, атласу и прочихъ матеріи, лучшихъ парижскихъ и франкфуртскихъ домовъ и новѣйшія обшивки, шерстяныя и шелковыя тесемки, морябу и бахраму.

Подробныя русскіе и нѣмецкіе Прейсъ-Куранты, по требованію высылаю немедленно, безплатно, по почтѣ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФРОНОВА

Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 88.

Выдаетъ ссуды подъ % **бумаги и акціи.**

Выдаетъ дополнительныя ссуды по банковымъ копіямъ съ обязательствъ, съ перезалогомъ бумагъ въ конторѣ.

Учитываетъ до срока купоны и выигрышныя изъ тиражъ бумаги.

Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетовъ обоихъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

По 25 коп. за билетъ.

Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы.

По 35 коп. за билетъ

Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой премиаціи уплачивается страхователями.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи **по покупкѣ, продажѣ и залогу** бумагъ отъ **гг. иногородныхъ** исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Подробную программу операцій можно получить въ Конторѣ **№ 118.**

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ и продаются въ музыкальномъ магазинѣ **„Фр. Паздирекъ"** Москва, Б. Лубянка, домъ Мазуриной.

Альбомъ извѣстныхъ салонныхъ танцевъ соч. **„Шульгофъ"** въ роскошномъ изданіи а именно:

Op 6 Valse As—dur	Цѣна 60 коп	
„ 20 Valse Des—dur	„ 50 „	
„ 48 Valse Cis—moll	„ 65 „	
„ 53 № 6 Valse Des—dur	„ 30 „	
„ 17 Galop di bravura	„ 50 „	
„ 30 Souvenir de Varsovie Mazurka	„ 30 „	

Всѣ въ одномъ томѣ цѣна 1 руб 50 коп.

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по Ваньковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имѣю честь донести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находятся СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля**, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1½ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—17

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНІИ
въ 1877 году
НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ
„МІРСКОЕ СЛОВО".

Съ 1-го января 1877 года, съ помощію Божіей, народная газета «МІРСКОЕ СЛОВО» вступаетъ въ четырнадцатый годъ своего существованія и въ восьмой годъ со времени своего поступленія подъ нашу редакцію.

Не входимъ въ разсмотрѣніе направленія нашей газеты: всѣмъ извѣстно, что она всегда имѣла въ виду сколько съ одной стороны духовно-нравственную и учительную (педагогическую) потребность простаго народа, столько же съ другой—житейскую сторону его. Заявленія нашихъ подписчиковъ давали намъ знать, что мы, по возможности, удовлетворяемъ и той, и другой потребности нашихъ читателей. Мы, однакоже, искренне желаемъ достигнуть улучшенія нашего изданія и обезпечить своевременный выпускъ №№ нашей газеты, что представляется особенно необходимымъ въ виду современныхъ политическихъ событій.

Съ благодарностью должны мы сказать, что нашли для себя особенную поддержку въ средѣ добрыхъ сельскихъ пастырей, которые, по всей справедливости, заслуживаютъ названія самыхъ разумныхъ и естественныхъ проводниковъ въ нашъ народъ истинъ св. вѣры и просвѣщенія. Надѣемся на благотворную поддержку ихъ и въ слѣдующемъ 1877 году.

Въ настоящемъ году «МІРСКОЕ СЛОВО» издается въ томъ же духѣ, по тому же предначертанію и въ томъ же объемѣ (52 №№), какъ и въ истекшемъ 1876 г.

1-й отдѣлъ будетъ занятъ *распоряженіями и постановленіями правительства*, какъ общеобязательными, такъ и преимущественно касающимися мѣщанскаго и крестьянскаго быта.

Во 2-мъ отдѣлѣ (бесѣда) будетъ помѣщаться статьи духовно-нравственнаго содержанія, разсказы изъ русской исторіи и общедоступныя статьи по естественно-научнымъ вопросамъ.

3-й отдѣлъ будетъ состоять изъ *внутренняго*, а 4-й—изъ *внѣшняго обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ современныхъ*, государственныхъ и общественныхъ *событій*, насколько нужно и полезно знать о нихъ простолюдину.

Въ 5-мъ отдѣлѣ по прежнему найдутъ себѣ мѣсто *разныя необходимыя свѣдѣнія* въ хозяйственномъ и домашнемъ быту какъ сельскаго, такъ и инаго сословія.

Въ 6-мъ отдѣлѣ—*разныя извѣстія*, касающіяся народнаго образованія и народной жизни.

Въ 7-й отдѣлъ войдетъ *книжное обозрѣніе*, заключающее въ себѣ, какъ перечень вновь выходящихъ, пригодныхъ для народа книгъ, такъ и краткій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ.

Въ самомъ концѣ газеты будутъ помѣщаться *книжныя* и *промышленныя объявленія*.

Подписная цѣна и прочія условія подписки остаются тѣ же, то есть, желающіе подписаться на «МІРСКОЕ СЛОВО» въ 1877 году присылаютъ ТРИ рубля серебромъ въ контору духовнаго журнала «Странникъ» и народной газеты «Мірское Слово», въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ д № 108.

Редакторъ-издатель священникъ **Сергій Протопоповъ.**

Въ конторѣ редакціи Московскихъ Вѣдомостей поступили въ продажу только-что отпечатанныя

Стихотворенія Н. А. Малышева.

Москва. Универ. типогр. 1876 годъ цѣна 70 коп. съ пересылкою 1 р. Тамъ-же: драматическіе переводы

Н. А. Малышева.

Москва. Университетская типографія, 1874 годъ цѣна 2 руб.

Книгопродавцамъ уступка.

Полныя оперетки въ роскошномъ изданіи „SONZOGNO".

		Цѣна. Р.	К.
Anber.	Фенелла (Muette)		75
Donizetti.	Lucrezia		75
Meyerbeer.	Robert		75
Hervé.	Le petit Faust, (Фаустъ на изнанку)	1	50
Hervé.	Chilpèric,	1	50
Jonas.	Le Canard à 3 becs (Утка съ тремя носами)	1	50
„	Le chignon d'or (Золотой Шиньонъ)	1	50
Lecocq.	La fille de M-me Angôt (Дочь рынка)	1	50
„	Fleurs de Thée, (Чайный пѣтонъ)	1	50
„	Le beau Dunois (Рыцарь безъ страха и упрека)	1	—
„	Le Testament de m. Crac	1	—
Offenbach.	Belle Hélène. (Прекрасная Елена)	1	50
„	Barbe bleue (Синяя борода)	1	50
„	Orphée aux Enfers (Орфей въ аду)	1	50
„	La Princesse de Trenbizonde, (Принцесса Требизонтская)	1	50
„	Geneviève de Brabant	1	50
„	Les brigands. (Разбойники)	1	50
„	Le chancon du Fortunio, (Пѣсенка Фортуна)	1	—
„	Le mariâge aux Lanternes	1	—
„	Le Pont des Soupirs	1	50
„	Chouflery	1	—
„	Lischen et Fritzchen	1	—
„	La vie Parisienne (Парижская жизнь)	1	50

Получать можно только въ музыкальномъ магазинѣ „Фр. Паздирекъ" Москва, Б. Лубянка, д. Мазуриной. Гг. Иногородные, выписывая почтой, прилагаютъ 20 коп. на пересылку оперетки.

СВѢЖІЯ СѢМЕНА

Огородныя, хлѣбныя, травянныя, цвѣточныя и древесныя имѣетъ честь предложить

сѣменная торговля А. УШАКОВА

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.

Подробный прейсъ-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ посылается и высылается по требованію безплатно. 1—8

Дозволено цензурою. СПБ. 21 Января 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Большая Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга.** Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 5 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 31 Января 1877 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы“.

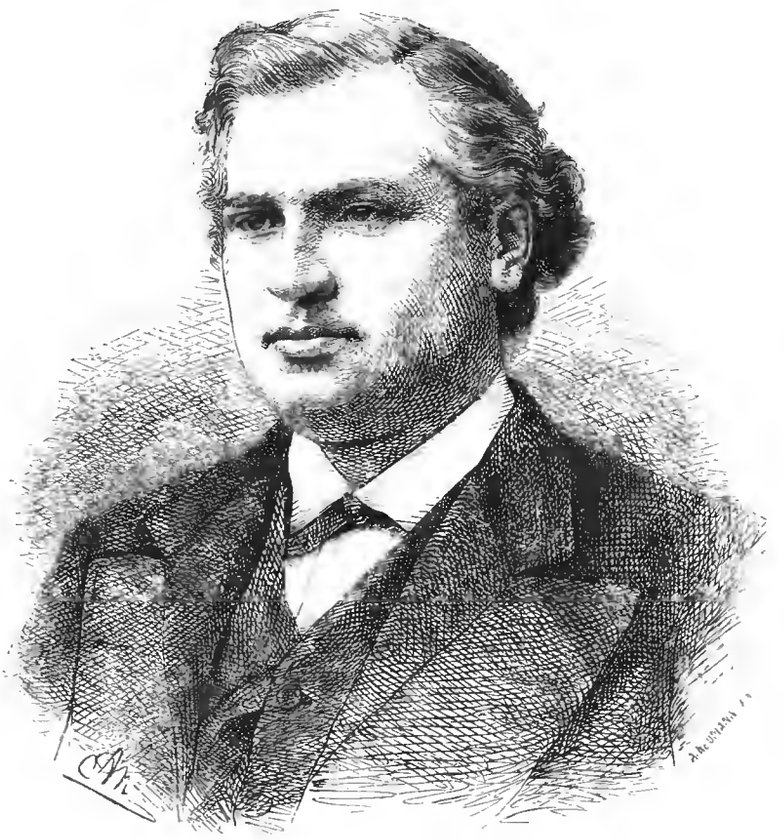
Иванъ Александровичъ Мельниковъ.

Опера, будучи исполняема на сценѣ театра, является соединеніемъ воедино различныхъ, чуть-ли не всѣхъ изящныхъ искусствъ, какія способенъ создавать человѣческій геній. Тогда она соединяетъ въ себѣ: музыку, живопись, литературу, драматическое искусство.

Отъ исполнителей оперы, кромѣ хорошаго голоса, обусловливающаго ихъ поступленіе на сцену, требуется полное музыкальное образованіе, обладаніе музыкальной техникой, пониманіе и вѣрная передача выраженій тѣхъ или другихъ моментовъ въ исполняемой музыкѣ; необходимо развитіе эстетическаго чувства, составляющаго свойство таланта.

Въ числѣ пѣвцовъ-артистовъ, служащихъ украшеніемъ и славой нашей оперной сцены, находится Иванъ Александровичъ Мельниковъ, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“.

Голосъ г. Мельникова баритонъ, отличающійся необыкновенной красотой и мягкостью тембра. Онъ имѣетъ теноровый оттѣнокъ, что итальянцы называютъ Tenor serio; кромѣ того, пѣніе г. Мельникова отличается рѣдкою членораздѣльностью и ясностью звуковъ, что и составляетъ неоспоримое достоинство этого пѣвца и даетъ ему мѣсто на ряду съ лучшими европейскими знаменитостями на поприщѣ оперныхъ сценъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что не смотря на всѣ трудности, которыя переноситъ русская оперная сцена, шествуя чрезъ различныя преграды къ своему улучшенію,—это улучшеніе, тѣмъ не менѣе, замѣчается изъ ней съ каждымъ годомъ. Такіе пѣвцы, какъ Иванъ Александровичъ Мельниковъ, служащіе несомнѣнно ея украшеніемъ, конечно, не мало способствуютъ къ преуспѣянію оперы и увеличиваютъ въ обществѣ число ея почитателей. Мы беремъ на себя смѣлость замѣтить вообще, что тотъ изъ слушателей русской оперы, которому придется прослушать её неслучайно и не одинъ разъ, а нѣсколько и въ особенности при участіи такихъ пѣвцовъ, какъ г. Мельниковъ (а ихъ число, хотя и не весьма большое теперь, все таки



Иванъ Александровичъ Мельниковъ.
Артистъ СПБ. Имп. Русской оперы. Рис. Благовѣщенская, грав. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

увеличивается) и при исполненіи такихъ оперъ, какъ, напримѣръ, Русланъ и Тангейзеръ,—такой слушатель сдѣлается завѣрное поклонникомъ Русской оперы и, такъ сказать, „отвратитъ свой слухъ“ отъ итальянцевъ—этихъ дорогихъ пѣвцовъ, хотя сильно поощряемыхъ, но за малыми исключеніями, значительно страдающихъ безголосицей и отсутствіемъ сценическихъ талантовъ.

Г. Мельниковъ въ равной степени хорошъ, какъ пѣвецъ и какъ артистъ. Партіи, требующія драматическихъ движеній и пассіи, не менѣе удаются ему какъ и лирическія партіи, требующія большого спокойствія, ровности и плавности въ выраженіи чувствъ. Репертуаръ оперъ, въ которыхъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненъ, постепенно увеличивается. Оперы, въ которыхъ пѣлъ до сихъ поръ г. Мельниковъ, слѣдующія: „Лючія“, „Травіата“, Трубадуръ“, „Фаустъ“, „Пуритане“, „Карлъ Смѣлый“, „Донъ-Жуанъ“, „Гугеноты“, „Ратклифъ“, „Галька“, „Нижегородцы“, „Каменный гость“, „Борисъ Годуновъ“, „Опричникъ“, „Тангейзеръ“, „Виндзорскія кумушки“, „Рогнѣда“ „Сарданапалъ“, „Анджелло“, „Вакула кузнецъ“ и „Русланъ“ По поводу исполненія этой послѣдней нельзя не замѣтить, что въ ней г. Мельниковъ является во всей силѣ своего таланта, какъ пѣвецъ и какъ актеръ. Можно съ увѣренностью сказать, что такого чуткаго и лучшаго пониманія музыки Глинки едва-ли можно требовать.

Ив. Ал. Мельниковъ родился въ Петербургѣ въ 1831 году. Первоначальное образованіе получилъ въ коммерческомъ училищѣ; затѣмъ, чувствуя страсть къ музыкѣ, онъ обратилъ вниманіе на развитіе своихъ музыкальныхъ способностей. Состоя членомъ безплатной музыкальной школы, управляемой Ламакинымъ, онъ пѣлъ съ большимъ успѣхомъ въ концертахъ и удостоился пѣть при Высочайшемъ Дворѣ. Въ 1866 году г. Мельниковъ началъ изучать пѣніе подъ руководствомъ извѣстнаго профессора пѣнія Репетто. Въ 1867 году онъ участвовалъ въ оперѣ „Пуритане“, произвелъ на слушателей сильное впечатлѣніе и съ этого времени сдѣлался любимымъ пѣвцомъ. Въ 1869 г. ѣздилъ въ Лондонъ и очаровалъ Англичанъ своимъ пѣніемъ. Въ настоящее время г. Мельниковъ, какъ слышно, назначается профессоромъ пѣнія въ Петербургской консерваторіи.

С—а.

Отрывокъ.

.....И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился
Ужасный этотъ переходъ отъ здѣшней
Къ загробной жизни?.....
.....И на вопросъ мой началъ духъ.....
.....Боль унялася, и я вдругъ
Почувствовалъ, иль лучше—догадался,
Что умираю. Несказанный страхъ
Меня объялъ. Все близкое, земное
Передо мной исчезло. Страхъ одинъ—
И точно врагъ *извнѣ*—боролъ меня.
А *извнутри* меня — я живо помню —
Живое нѣчто бросилося съ нимъ
Бороться и отстаивать меня —
И этого бъ союзника я назвалъ
Надеждой—такъ, быть можетъ, стала бъ мать
За своего ребенка биться.....
Умъ между тѣмъ—онъ бодрствовалъ, и жадно
Среди борьбы ихъ вглядывался, слушалъ,
И отстранялъ ихъ, силясь проглянуть
Впередъ, глубоко, въ даль и безконечность.

Но тьмы завѣса передъ нимъ лежала.
Я думалъ: мигъ еще—и тьма меня
Охватитъ и удушитъ..... Но внезапно
Надежда, страхъ, все смолкло. Впереди
Завѣса дрогнула и разступилась
И вкругъ меня все—люди и предметы
Какимъ-то чуднымъ озарились свѣтомъ,
Который имъ какъ бы прозрачность придалъ—
—И этотъ свѣтъ шелъ сверху—и ужасенъ
Мнѣ въ первый мигъ казался. „Это Смерть?“
Я спрашивалъ себя. „Нѣтъ, быть не можетъ!“
И все не вѣрилъ и глядѣлъ упорно
Въ ужасную зарю—и ждалъ, все ждалъ—
А между тѣмъ давно ужь совершилось—
Все кончено—я понялъ наконецъ,
И ужь извнѣ смотрѣлъ на трупъ свой—и
Былъ пораженъ загадочной улыбкой,
Застывшей на губахъ: какъ будто въ ней
Навѣкъ отпечатлѣлся переходъ
Отъ изумленья къ радости... Рыданья
Раздались вкругъ—о, милые мои!
Какъ мнѣ хотѣлось ихъ обнять, утѣшить—
Сказать имъ, что я пережилъ—но тщетно—
И было мнѣ ихъ жаль.....

А. Майковъ.

Избытокъ жизни.

(Идилія въ прозѣ).

II.

Проснувшись утромъ, Катя побѣжала въ сосѣднюю комнату, чтобъ отрыть искру огня въ пеплѣ и развести огонь. Мужъ пришелъ къ ней на помощь и они смѣялись, какъ дѣти, тому, что дѣло ихъ не удавалось. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, отъ которыхъ раскраснѣлись ихъ лица, лучина вспыхнула и небольшая вязанка дровъ, тонко-расколотыхъ, была искусно положена въ печь, такъ чтобы, безъ ущерба для хозяйства, она могла нагрѣть и печь, и комнату. Ты видишь, другъ, сказала жена, что на завтра станетъ еще дровъ, что же будетъ послѣ?

— Достанемъ, отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто сказалъ что нибудь совершенно лишнее.

Разсвѣло. Хлѣбъ съ водою—вотъ въ чемъ состоялъ ихъ завтракъ, приправленный шутками.

—Я радуюсь заранѣе,—сказалъ онъ,—приближаясь къ тому мѣсту въ моемъ дневникѣ, гдѣ описанъ нашъ побѣгъ съ тобою.

— О Боже! вскричала она,—какъ этотъ чудный мигъ изумилъ и поразилъ насъ неожиданно! Уже нѣсколько дней замѣчала я въ моемъ отцѣ перемѣну; онъ говорилъ со мною не такъ, какъ обыкновенно. Его прежде еще удивляли частыя твои посѣщенія; теперь онъ, не называя тебя, говорилъ о людяхъ средняго класса, забывающихъ свое положеніе и простирающихъ слишкомъ высоко свои желанія. Я не отвѣчала, онъ досадовалъ; я заговорила—и досада его превратилась въ сильный гнѣвъ; я видѣла, что онъ ищетъ ссоры со мною, а потомъ, что онъ за мною наблюдаетъ и поручилъ другимъ не спускать меня съ глазъ. Прошла недѣля, мнѣ нужно было отлучиться; на лѣстницѣ мнѣ встрѣтилась вѣрная моя служительница, я отправила впередъ слугу. Подъ предлогомъ, что нужно поправить мнѣ платье, она шепнула мнѣ, что все открыто, что шкафъ мой былъ взломанъ и тамъ найдены твои письма, что черезъ нѣсколько часовъ я буду отправлена къ одной изъ моихъ тетокъ въ заточеніе... Какъ скоро я рѣшилась! Я приказала кучеру остановиться передъ лавкой съ галантерейными товарами, куда вошла, подъ предлогомъ закупки разныхъ вещей. Я отослала кучера и лакея, приказавъ имъ черезъ часъ за мною заѣхать...

— И какъ я удивился, испугался и обрадовался,— вскричалъ онъ,—когда ты вдругъ вошла въ мою комнату! Я только что воротился отъ начальника, и былъ одѣтъ. Онъ говорилъ мнѣ странныя рѣчи и совсѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

такъ, какъ прежде, вмѣшивая въ нихъ угрозы, предостереженія, хотя все еще привѣтливо. По счастью, при мнѣ было нѣсколько паспортовъ. Мы торопливо и безъ дальнихъ приготовленій, взяли первую наемную карету; потомъ сѣли на желѣзную дорогу и очутились здѣсь. Здѣсь мы обвѣнчались и стали счастливы.

— Потомъ,—присовокупила она,—тысяча препятствій на пути, плохія гостинницы, недостатокъ въ одеждѣ и прислугѣ, тысяча удобствъ, къ которымъ мы привыкли и отъ которыхъ должны были отказаться, и, наконецъ страхъ, когда мы отъ одного проѣзжаго узнали, что насъ преслѣдуютъ, что все сдѣлалось гласнымъ и что съ нами хотятъ поступить безъ пощады.

— Да, да, моя милая,—сказалъ онъ:—это былъ самый дурной день, проведенный нами въ дорогѣ. Помнишь ли ты, какъ мы, чтобъ не возбудить подозрѣній, принуждены были смѣяться съ болтливымъ проѣзжимъ, когда онъ распространился въ описаніи похитителя, который, по его мнѣнію, могъ служить образцомъ плохаго дипломата, и называлъ твоего мужа глупцемъ, безсмысленнымъ простакомъ, несдѣлавшимъ никакихъ приготовленій къ побѣгу; какъ ты едва не вспыхнула отъ гнѣва, но по знаку, мною данному, принудила себя опять смѣяться и даже бранить и себя, и меня, называть насъ легкомысленными сумасбродами,—и, наконецъ, какъ ты, по удаленіи болтуна, которому однакожъ мы обязаны были благодарностію за предостереженіе, залилась горючими слезами".

— Да,—вскричала она,—да, Валеріанъ, это былъ и горестный, и радостный день. Нашъ перстень и коекакія драгоцѣнности, которыя мы случайно увезли, послужили намъ пособіемъ. Но то, что мнѣ не удалось спасти своихъ писемъ, считаю я невозвратною, невознаградимою потерею. И меня бросаетъ въ жаръ, когда я только подумаю, что другіе глаза, кромѣ моихъ, пробѣгаютъ безцѣнныя строки, тобою начертанныя, эти пламенныя выраженія любви, которыя составляли мое блаженство, а теперь тамъ возбуждаютъ только гнѣвъ и досаду.

— Еще хуже,—сказалъ онъ,—что я второпяхъ оставилъ всѣ записки, которыя ты ко мнѣ посылала, или которыя передавала мнѣ тайно. Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ раскрывается тайна, особенно въ дѣлѣ любви, бѣлое является всегда въ черномъ видѣ: въ письмахъ твоихъ были слова, отъ которыхъ сердце мое готово было выпрыгнуть изъ груди.

Они обнялись и торжественная тишина наступила.

—Какая библіотека,—сказалъ наконецъ онъ,—сравнилась бы съ моимъ дневникомъ, если бы еще спасены были твои и мои письма.

Онъ взялъ дневникъ свой и прочелъ:

„Вѣрность—это чудное явленіе, которому человѣкъ удивляется въ собакѣ,—рѣдко надлежащимъ образомъ оцѣнивается въ людяхъ. Невѣроятно, какое странное и превратное понятіе составляютъ себѣ многіе объ обязанностяхъ. О слугѣ, который совершилъ дѣло, превышавшее его силы, мы говоримъ, что онъ исполнилъ свою обязанность, а когда дѣло дойдетъ до насъ самихъ, мы считаемъ себя необязанными никому и ничѣмъ, хотимъ быть независимы. Посмотрите, къ чему хотятъ увлечь себя и насъ всѣ эти мнимые мудрецы нашего вѣка, къ тому, чтобы и себя и, насъ освободить отъ всякихъ обязанностей и величаютъ это громкими именами независимости, самостоятельности, свободы; они не размыслятъ, что, приблизясь къ цѣли, они умножатъ только собственныя свои обязанности, сдѣлаютъ ихъ болѣе сложными, увеличивъ массу отношеній. И на кого же обрушатся тогда тѣ обязанности, которыя съ благороднымъ самоотверженіемъ, ко благу всѣхъ и каждаго, выполняетъ нынѣ правительство. Кто соблюдетъ ихъ также точно и вѣрно? Всѣ жалуются на притѣсненія другихъ, а сами хотятъ быть притѣснителями. Никто не старается выполнять своихъ обязанностей въ отношеніи къ окружающимъ, но всякій требуетъ, чтобы другіе въ отношеніи къ нему исполняли ихъ. Безумцы хотятъ ниспровергнуть порядокъ вещей, при которомъ только и возможно счастье и истинное образованіе человѣчества.

„Но вѣрность, истинная вѣрность,—во сколько разъ она выше всего того, что мы называемъ долгомъ, обязанностями! И какъ прекрасна является она въ старыхъ служителяхъ, въ ихъ самоотверженіи, когда они, съ неподкупною своею привязанностью, какъ въ древнія поэтическія времена, живутъ единственно и исключительно для господъ своихъ!

„Я почитаю большимъ счастьемъ имѣть слугу, который не знаетъ ничего выше, не можетъ придумать ничего благороднѣе своего господина. Тогда онъ непоколебимъ, вѣренъ; въ привязанности къ господину вся жизнь его.

„И неужели мы ничѣмъ не обязаны такимъ служителямъ? Мы должны исполнять свой долгъ въ отношеніи ко всѣмъ; но для такихъ людей, сверхъ условленной платы, надобно припасти что-нибудь получше, подрагоцѣннѣе: заплатить истинною любовью, искреннею привязанностью за безусловную ихъ преданность. Чѣмъ мы отплатимъ, чѣмъ вознаградимъ,—о деньгахъ здѣсь и рѣчи нѣтъ,—нашу старую Христину за то, что она для насъ сдѣлала? Она была кормилицей моей жены; мы встрѣтились съ нею на первой станціи, и она почти насильно заставила насъ взять ее съ собою. Мы ей разсказали все, потому что она скромна и осторожна. Она прекрасно выдержала роль, которую должна была дорогою и здѣсь разыгрывать, и какъ предана она намъ, особенно моей Катѣ!.. Она живетъ внизу въ небольшой, темной каморкѣ, и кормится только тѣмъ, что успѣетъ заработать въ домахъ сосѣднихъ. Намъ казалось непонятнымъ, что она можетъ за ничтожную плату содержать бѣлье наше въ чистотѣ и порядкѣ, покупать всегда дешево, пока мы не провѣдали, что она всѣмъ, кромѣ самаго необходимаго, намъ жертвуетъ. Теперь она отправляется чаще на работу и остается внѣ дома болѣе, чтобы имѣть возможность намъ служить, съ нами не разставаться...

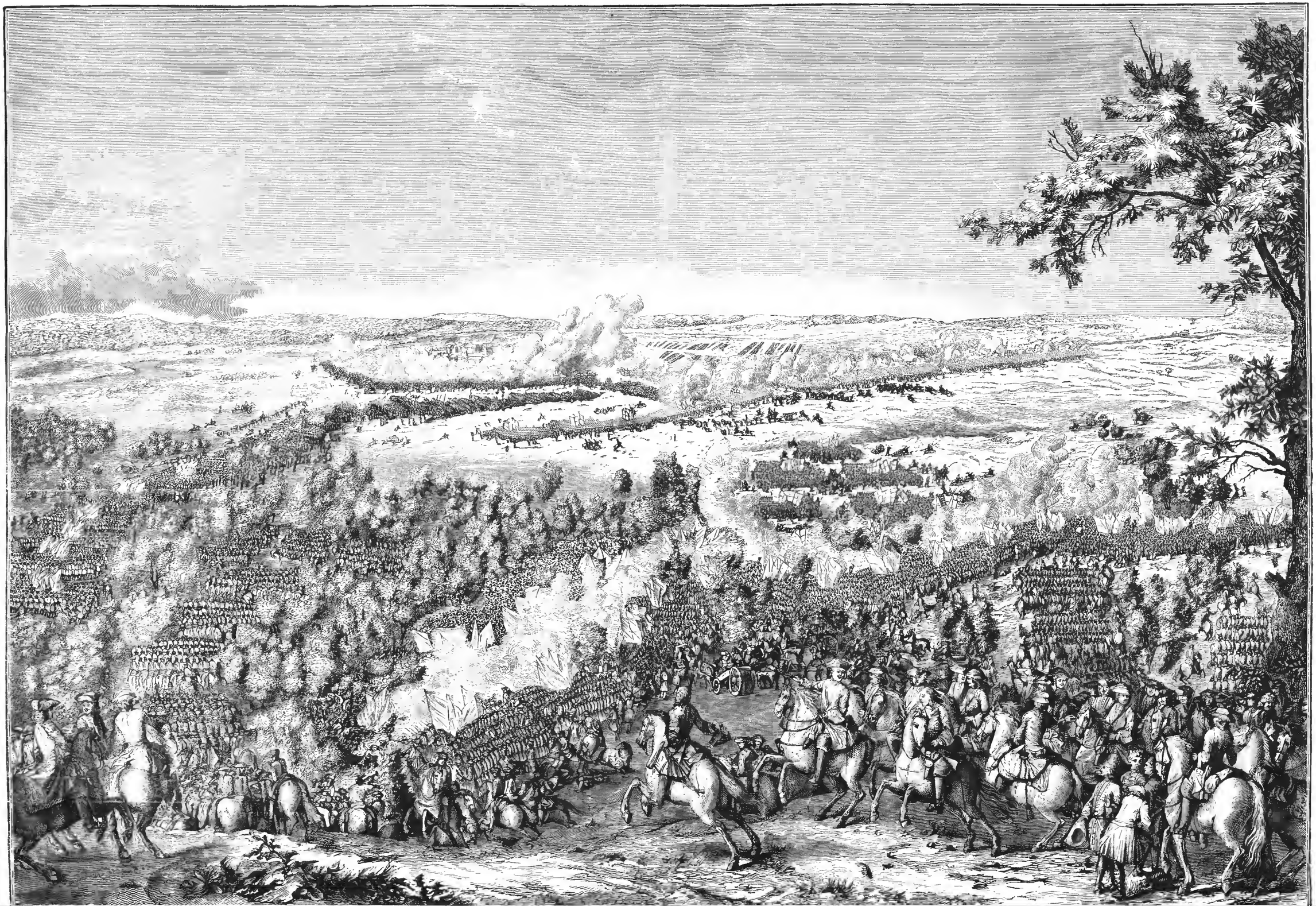
„Итакъ, Чосеръ, изданный неизвѣстно мнѣ кѣмъ! я долженъ тебя бросить и согласиться на тяжкія условія сребролюбиваго книгопродавца. Слово „бросить" поражало меня всегда непріятнымъ образомъ. Оно звучитъ такъ, какъ будто дѣло идетъ о дѣтяхъ.—Бросить!.. какъ Лиръ бросилъ Корделію, такъ и я покидаю моего Чосера.—Но развѣ Катя не продала своего единственнаго платья, которое было на ней въ день побѣга, еще дорогою?—Такъ, Христина гораздо дороже Чосера; на ея долю надобно удѣлить что-нибудь изъ выручки. Едва-ли только возьметъ она..."

Чтеніе прервано было приходомъ старой, сгорбленной, одѣтой въ рубище Христины, которая объявила, что она проведетъ ночь внѣ дома, но что въ слѣдующее утро она закупитъ для насъ по обыкновенію всѣ нужные припасы. Катя вышла вслѣдъ за нею и нѣсколько еще времени разговаривала съ ней за дверью. Валеріанъ ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ, обливаясь слезами: „Зачѣмъ и я неработаю, какъ поденщикъ? Я здоровъ и крѣпокъ... Нѣтъ, нельзя; тогда она почтетъ себя несчастною; и она захочетъ трудиться, будетъ заботиться, терзаться, отыскивая всюду работу. Мы оба принуждены будемъ сознаться, что мы несчастны. Вѣдь живемъ же мы, и счастливы!"

Катя воротилась съ веселымъ лицомъ, и они принялись за скудный свой обѣдъ съ такимъ самодовольствіемъ, какъ будто за самыя роскошныя яства.

— Мы не терпѣли бы теперь,—сказала Катя послѣ обѣда, — ни въ чемъ недостатка, еслибы только были

Библиотека "Руниверс"



ИЗОБРАЖЕНІЕ БАТАЛІИ МЕЖДУ ЧАСТІЮ ВОЙСКЪ РОСІИСКИХЪ КОТОРЫЯ БЫЛИ ТОГДА ВЪ ПРІСУДСТВІИ КОМАНДЫ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ІСВЕИСКІХЪ ПОКОМАНДОЮ ГЕНЕРАЛА ГРАФА ЛЕВЕНГОУПТА ПРІ ДЕРЕВНѢ ЛЕСНОЙ КОТОРАЯ ОТЪ ПРОПОЙСКА БЪ ДВУХЪ МИЛЯХЪ СЕНТЯБРЯ ВЪ 28 ДЕНЬ 1708

Петровскія войны: I. Сраженіе при деревнѣ Лѣсной 28 сентября 1708 г. Точная копія (Факсимиле) съ гравюры на мѣди XVIII столѣтія.

Библиотека "Руниверс"

еще у насъ дрова; но Христина не знаетъ, какъ пособить горю.

— Жена! сказалъ Валеріанъ съ важностію,—мы живемъ въ вѣкѣ образованности, въ благоустроенной странѣ, не между язычниками и людоѣдами; средства должны найтись. Еслибъ мы были въ пустынѣ, то я, конечно, какъ Робинзонъ Крузе, срубилъ бы нѣсколько деревьевъ. Кто знаетъ, не отыщется ли лѣсъ тамъ, гдѣ его наименѣе ожидаемъ. Развѣ бирнамскій лѣсъ не пришелъ самъ къ Макбету, правда, для того, чтобы его погубить? Въ морѣ вдругъ возникаютъ острова; въ разсѣлинахъ, среди дикихъ камней, растетъ иногда пальмовое дерево: терновникъ обрываетъ клочья шерсти съ овецъ и ягнятъ, когда они близь него проходятъ, а коноплянка побираетъ эти клочья и уноситъ въ свое гнѣздо, чтобы изъ нихъ приготовить мягкую постельку для своихъ птенцовъ.

III.

Катя проспала въ этотъ разъ долѣе обыкновеннаго, и, пробудясь, удивилась, что уже разсвѣло, а еще болѣе потому, что не нашла возлѣ себя мужа. Удивленіе ея удвоилось, когда она услыхала странный пронзительный шумъ, похожій на визгъ пилы, распиливающей дерево твердое и крѣпкое. Поспѣшно она одѣлась, чтобы скорѣе развѣдать о случившемся.

— Валеріанъ, — спросила она, входя, — что ты дѣлаешь?

— Я распиливаю дрова для нашей печи—отвѣчалъ онъ, задыхаясь отъ усталости.

— Но скажи мнѣ, какъ добылъ ты пилу и гдѣ взялъ этотъ огромный обрубокъ такого прекраснаго дерева?

— Ты знаешь,—сказалъ онъ, — что пять или шесть ступенекъ ведутъ отсюда къ небольшому чулану, который стоитъ пустой. Въ немъ увидѣлъ я недавно, сквозь замочную скважину, пилу и топоръ, принадлежащіе нашему хозяину, или Богъ-знаетъ кому. Я не пропустилъ этого безъ вниманія. Сегодня утромъ, пока ты еще сладко покоилась, я пробрался въ темнотѣ туда наверхъ, вышибъ деревянную, тонкую дверь и досталъ эти два смертоносныя орудія. Потомъ, зная совершенно расположеніе нашего дома, я отправился на лѣстницу и не безъ труда, не безъ усилій, съ помощью топора, снялъ съ нея это длинное, толстое, тяжелое перило, которое загромоздило всю нашу комнату. Не правда ли, Катя, наши предки были люди догадливые и солидные? Разсмотри эту массу отличнаго и плотнаго дубоваго дерева, такъ хорошо выполированную и покрытую лакомъ: она дастъ намъ огонь получше того, какой доставляли намъ до сихъ поръ дрянныя сосновыя и еловыя дрова.

— Но портить домъ! вскричала Катя, всплеснувъ руками.

— Никто къ намъ не заглядываетъ,— сказалъ Валеріанъ,—намъ совершенно-знакома наша лѣстница. Притомъ же мы никогда по ней не ходимъ. Одна Христина ею пользуется. Какъ она удивится, когда я ей скажу: не тревожься старый другъ, мы поручимъ вырубить лучшую дубовую трость изъ всего лѣса, и отдадимъ ее обдѣлать столяру, чтобы ты, всходя по ступенямъ, могла на нее опираться. Какъ разсмѣется добрая Христина! Подобныя перила должно также отнести къ предметамъ излишнимъ въ жизни. Лѣсъ пришелъ къ намъ, замѣтивъ, что мы въ немъ крайне нуждаемся. Я волшебникъ: нѣсколько ударовъ магическимъ топоромъ, и прекрасное дерево отдалось въ мою власть. Всему виною образованность: еслибы здѣсь, какъ во многихъ старыхъ хижинахъ, перила замѣнялись веревкою, или были чугунныя, какъ во дворцахъ, то я обманулся бы въ разсчетѣ и долженъ бы былъ пріискать и изобрѣсти другія средства.

Катя, преодолѣвъ свое удивленіе, громко засмѣялась, потомъ сказала: такъ какъ дѣло уже сдѣлано, то мнѣ остается только помочь тебѣ. Примемся вмѣстѣ рубить дрова.

Они положили дерево на два стула, стоявшіе въ противоположныхъ концахъ комнаты, потому что такова была его длина, и начали пилить пополамъ. Дѣло было не легкое, по непривычкѣ ихъ къ подобной работѣ и по крѣпости дерева. Смѣясь и обливаясь потомъ, они медленно подвигались впередъ. Наконецъ дерево распалось на двое. Тогда они сѣли отдохнуть и отерли потъ съ лица. „На первый случай" сказала Катя, „намъ и топить не надобно: вотъ ужъ и выгода." Они забыли о завтракѣ и проработали все утро, пока не распилили дерева на такіе куски, которые можно было расколоть на полѣнья.

— Какъ внезапно—сказалъ Валеріанъ въ минуту отдыха—комната наша превратилась въ мастерскую! Эта грубая масса дерева, лежавшая тамъ въ потьмахъ, никѣмъ незамѣченная, обращена теперь въ прелестные кубики, которые я посредствомъ топора сдѣлаю годными къ принятію и поддержанію огня.

Онъ взялъ первый попавшійся кусокъ дерева и приступилъ къ новой, но менѣе легкой работѣ; колоть было труднѣе, нежели пилить. Катя между тѣмъ отдыхала и смотрѣла съ удивленіемъ и радостью на своего мужа, который, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, получилъ наконецъ сноровку.

Счастіе ихъ, что въ то самое время, когда производилась эта работа, отъ которой стѣны дрожали, хозяинъ дома, занимавшій нижнюю комнату, былъ въ отлучкѣ, и потому стукотня никѣмъ въ домѣ не могла быть замѣчена. Сосѣди мало обращали на нее вниманія, потому что въ предмѣстіи, и особенно въ той улицѣ, было множество ремесленниковъ, исправлявшіе самыя шумныя работы.

Наконецъ, дровъ наготовлено было достаточное количество и огонь запылалъ въ печи. Въ этотъ достопримѣчательный день завтракъ и обѣдъ пришлись въ одно время. Обѣдъ былъ отличенъ отъ того, какой былъ наканунѣ и въ предшествовавшіе дни.

— Не дивись, милый другъ, — сказала Катя, — наша Христина отъ ночной стирки разбогатѣла. Она принесла домой много припасовъ, и рада, что можетъ своимъ добромъ подѣлиться съ нами. У меня не достало духа ей отказать и ты вѣрно примешь дары ея также благосклонно.

Онъ улыбнулся и сказалъ: „Старуха давно уже намъ благодѣтельствуетъ: она работаетъ ночью, чтобъ доставлять намъ помощь, отрываетъ сама отъ самой-себя пищу, чтобы насъ кормить. Если мы станемъ роскошничать, чтобы ее тѣшить, и если она умретъ прежде, нежели мы докажемъ ей благодарность свою на дѣлѣ, или если никогда не будемъ имѣть къ тому возможности, то по крайней мѣрѣ, заплатимъ же ей за всѣ ея услуги искреннею любовью."

Обѣдъ былъ въ самомъ дѣлѣ роскошенъ: старуха принесла имъ нѣсколько яицъ, овощей и мяса, и даже кружечку кофе. Какое счастіе! -присовокупила Катя, что для этихъ людей превращается въ радость и удовольствіе то, что намъ представляется мукою и тяжкимъ рабскимъ трудомъ. Такъ въ жизни услаждается многое. И развѣ мы сами не испытали, что бѣдность имѣетъ свою привлекательную сторону?

— Такъ точно, — отвѣчалъ онъ, съ наслажденіемъ поглощая мясо, котораго онъ такъ давно не ѣлъ. Если бы лакомки, вѣчно-пресыщенные, знали, сколько сладости заключено для проголодавшагося бѣдняка въ коркѣ черстваго хлѣба, то они позавидовали бы ему и стали бы пріискивать искусственныя средства, чтобъ доставить себѣ подобное наслажденіе. Однако, какъ кстати подоспѣлъ этотъ сарданапаловъ обѣдъ, именно сегодня, когда мы столько поработали! Онъ подкрѣпитъ наши силы для дальнѣйшихъ трудовъ, снѣжные цвѣты на

Библиотека "Руниверс"

стеклахъ стали таять, потому ли, что морозъ уменьшился или потому что теплота, распространившаяся въ комнатѣ отъ дубовыхъ дровъ, начала сильно дѣйствовать.

День былъ ясный, и они увидѣли голубое небо,—правда, очень небольшую его частичку; но они радовались, глядя сквозь прозрачный ледъ, какъ тонкія, снѣжной бѣлизны облачка плавали въ лазуревомъ морѣ и, встрѣчаясь, какъ-будто обнимались дружески.

Домикъ, въ которомъ они жили, былъ странно построенъ. Комната о двухъ окнахъ и другая объ одномъ наполняли все пространство его. Внизу помѣщался хозяинъ, сердитый старикъ, который, имѣя достатокъ, переѣхалъ на зиму въ другой городъ, и, страдая подагрой, поручилъ тамъ лечить себя одному знакомому врачу. Строитель этого дома былъ вѣроятно большой чудакъ: непостижимо, для какой цѣли подъ самыми окнами втораго этажа, гдѣ жили друзья наши, выдавался черепичный довольно широкій навѣсъ, такъ что имъ совершенно невозможно было смотрѣть на улицу. Такимъ образомъ, даже въ лѣтнее время, когда они раскрывали окна, они были отдѣлены совершенно отъ людей, тѣмъ болѣе, что въ противоположномъ низенькомъ одноэтажномъ домикѣ жилье устроено было наравнѣ съ землею. Отъ нихъ видна была только черная, законченная крыша этого домика, а справа и слѣва его возвышались двѣ каменныя стѣны, построенныя для защиты двухъ сосѣднихъ высокихъ домовъ отъ огня въ случаѣ пожара. Въ первые дни лѣта, когда они только-что тутъ водворились, услышавъ шумъ или споръ на улицѣ, они тотчасъ, по невольному и весьма естественному побужденію, подбѣгали къ окнамъ, и—не тутъ-то было: они ничего не могли видѣть, кромѣ черепичнаго навѣса и кровли напротивъ. Ихъ это забавляло, и Валеріанъ говаривалъ часто: „если сущность эпиграммы, какъ опредѣляли ее въ нѣкоторыхъ старинныхъ теоріяхъ, состоитъ въ обманутомъ ожиданіи, то вотъ намъ и эпиграмма.“

Немногимъ людямъ удавалось жить въ такомъ совершенномъ уединеніи, въ какомъ проводили дни свои наши счастливцы, находясь въ одномъ изъ самыхъ шумныхъ предмѣстій вѣчно-оживленной столицы. Такъ отлучены они были отъ всего міра, что имъ казалось великимъ событіемъ, когда кошка пробѣжитъ по кровлѣ противолежащаго дома. Лѣтомъ ласточки, вылетая изъ своихъ гнѣздъ, прилѣпленныхъ къ каменной стѣнѣ, и возвращаясь туда къ птенцамъ своимъ, были для нихъ важнымъ и занимательнымъ явленіемъ. Они почти испугались самаго ничтожнаго обстоятельства, когда въ одно утро мальчикъ-трубочистъ, съ своей метелкой, высунулся противъ нихъ изъ узкаго отверстія трубы и затянулъ что-то похожее на пѣсню.

Это уединеніе нравилось имъ. Они не боялись, что ихъ увидятъ любопытные сосѣди и переносились въ мечтахъ въ Италію: тѣ двѣ каменныя стѣны казались имъ скалами, ограждающими ихъ убѣжище, они любовались игрою лучей заходящаго солнца, золотившихъ верхушки этихъ мнимыхъ скалъ. Съ удовольствіемъ помышляли они и теперь о лѣтнихъ вечерахъ, припоминали себѣ всѣ рѣчи, которыя они говорили, ощущенія, которыя испытывали, и шутки, которыми тогда, лѣтомъ, веселили другъ друга.

Теперь запаслись они оружіемъ противъ стужи на случай, еслибы она еще продлилась или усилилась. Такъ какъ у мужа было много досужаго времени, то онъ облегчилъ свой трудъ при раскалываніи дровъ тѣмъ, что выточилъ нѣсколько колышковъ, которые вкладывалъ въ ращепъ полѣна: отъ этого дерево раздавалось скорѣе и легче.

Нѣсколько дней спустя, Катя, глядя внимательно на его работу, спросила: Валеріанъ, когда выйдетъ этотъ запасъ дровъ, который ты нагромоздилъ здѣсь, — что тогда?—Дружокъ мой,—отвѣчалъ онъ,—между прочими мудрыми изрѣченіями, сказалъ нѣкій мудрецъ коротко и ясно: пользуйся днемъ, который передъ тобой, предайся ему, завладѣй имъ совершенно, потому что онъ въ другой разъ не воротится. Ты не достигнешь этой цѣли, если будешь помышлять о невѣрномъ завтра. Вмѣстѣ съ этими мыслями явятся заботы, сомнѣнія, и тогда нынѣшній день, этотъ часъ, которымъ ты пользуешься, потерянъ для тебя. Мы тогда только сознаемъ свое бытіе, тогда только живемъ и можемъ быть счастливы, когда совершенно поглощаемся настоящимъ. Или развѣ не знаешь ты пѣсенку: „До завтра всѣ заботы: для завтра лишь онѣ пригодны?“

— И конечно, — отвѣчала Катя, — мы уже цѣлый годъ проповѣдуемъ эту философію—и счастливы.

Такъ проходили дни, и въ молодыхъ супругахъ нисколько не ослабѣло сознаніе ихъ счастія, хотя они жили, какъ нищіе.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Петровскія войны *).

(Сраженіе при деревнѣ Лѣсной, 28 сентября 1708 года).

Не мало сопротивленія и недоразумѣній встрѣчалъ Петръ въ Россіи отъ своихъ подданныхъ, при предпринимаемыхъ имъ нововведеніяхъ; но внутреннимъ сопротивленіемъ дѣло не ограничилось: явились враги внѣшніе, борьба съ которыми была не менѣе трудна, какъ и война внутренняя.

Внѣшнимъ врагомъ была Швеція, государство, сосѣднее Россіи. Петръ, для полноты своихъ преобразованій, нуждался въ морѣ, которое открывало бы Россіи безпрепятственный и удобнѣйшій путь къ наиболѣе образованнымъ странамъ тогдашняго міра. Лучшимъ моремъ въ этомъ случаѣ было море Балтійское. Но всѣ его берега, прилежавшіе къ Россіи, были во власти шведовъ. И надобно сказать, что въ числѣ этихъ береговъ были земли, составлявшія исконную собственность Россіи; таковы именно земли, составляющія сѣверную часть нынѣшней Петербургской губерніи, по тогдашнему Ингерманландіи. Земли эти захвачены были шведами въ недавнее и несчастное для Россіи время, лѣтъ за восемьдесятъ до самодержавія Петра, именно во время такъ называемой самозванщины, когда у насъ не было царя и терзали Россію какъ свои внутренніе, такъ и чужіе, пришлые разбойники. Шведы въ это время призваны были нами на помощь; сговорились о помощи, но, вмѣсто помощи, отторгнули отъ насъ часть земель, въ томъ числѣ и прибалтійскія наши владѣнія. Петръ потребовалъ теперь отъ Шведовъ этихъ владѣній, или по крайней мѣрѣ части оныхъ. Шведы отказали и началась война.

Война эта началась 1700 года и окончилась только черезъ двадцать лѣтъ. Она извѣстна подъ именемъ великой сѣверной войны. Она измѣнила видъ восточной Европы: прежде здѣсь принадлежала первенствующая роль Швеціи; послѣ войны главною державою на востокѣ сдѣлалась Россія. Въ войнѣ принимали болѣе или менѣе дѣятельное, болѣе или менѣе продолжительное участіе нѣсколько державъ, но главными борющимися сторонами были Россія и Швеція. Онѣ силились одолѣть другъ друга, пока, наконецъ, одолѣла Россія.

Швеція до сѣверной войны была, какъ мы сказали, первоклассною, сильною державою. Ей принадлежало въ то время гораздо болѣе областей и собирала она больше доходовъ, чѣмъ нынѣ, главное же она имѣла превосходное войско, съ отличными офицерами и генералами. На войскѣ собственно и основывалось могущество шведовъ. Что касается до тогдашней Россіи, то естественныя средства ея были далеко богаче и сильнѣе, чѣмъ средства Швеціи, но эти средства не были разработаны. Россія не получала и трети тѣхъ доходовъ, какіе могла бы получать и какіе дѣйствительно стала получать впослѣдствіи. Между правительствомъ и населеніемъ была крѣпкая нравственная связь, то есть правительство любило и уважало страну и въ свою очередь было любимо ею, но если бы

*) Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ картину, изображающую битву при деревнѣ Лѣсной. Въ теченіи настоящаго года будутъ помѣщены еще нѣсколько гравюръ, относящихся къ той же великой эпохѣ преобразованія. Картины, какъ помѣщаемая нынѣ, такъ и имѣющія появиться въ послѣдствіи, въ особенности заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что составляютъ точный до мельчайшихъ подробностей снимокъ съ старинныхъ гравюръ, изображающихъ Петровскія войны. Въ настоящее время такія гравюры составляютъ рѣдкость. Мы сохраняемъ въ точности и надпись подъ картинами, желая такимъ образомъ представить факсимиль какъ гравюръ, такъ и надписи подъ ними, въ видахъ ознакомленія нашихъ читателей съ замѣчательнымъ произведеніемъ стариннаго граверного искусства.

Библиотека "Руниверс"

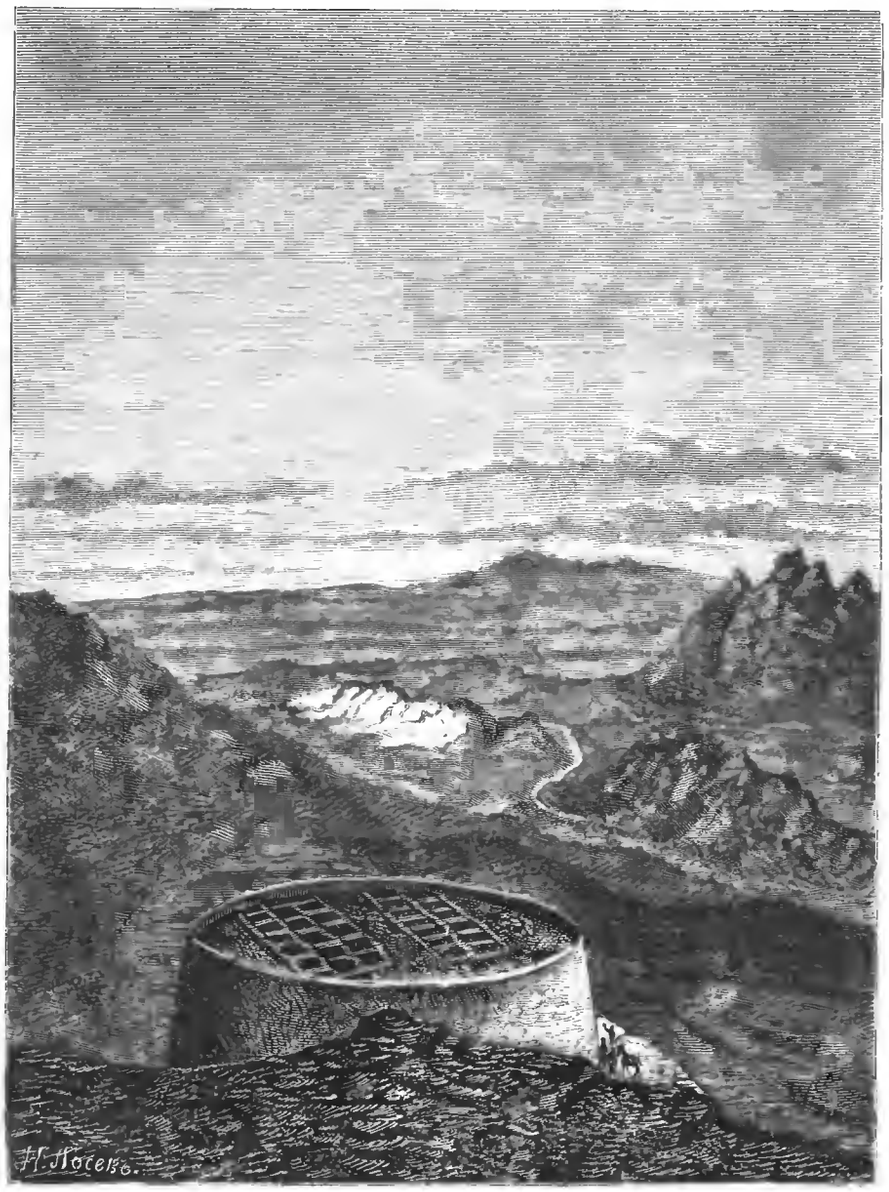
потребовало правительство отъ страны большихъ жертвъ и эти жертвы надобно было бы доставить скоро, къ опредѣленному сроку, то едва ли бы народъ могъ отвѣчать на такое требованіе при всей готовности къ нему. Не были для такой спѣшности подготовлены тогдашніе порядки въ Россіи. Войско, если брать въ разсчетъ его численность и усердіе, мы могли бы поставить тогда въ три, пять, даже въ десять разъ больше, чѣмъ шведы, но въ томъ-то и дѣло, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, уже не одна численность и усердіе составляли силу войска. Для того, чтобы войско съ честью носило свое имя, нужна была особая выправка, обученіе. Этой-то выправки и не имѣли, вслѣдствіе чего происходили нерѣдко такія грустныя для насъ явленія, что наши многочисленныя, одушевленныя любовью къ отечеству, но плохо обученыя войска были побѣждаемы небольшими, но хорошо подготовленными отрядами непріятелей. Недостатокъ этотъ замѣтили въ Россіи и стали вводить въ войска правильный регулярный строй, стали обучать войска. Но прежде чѣмъ успѣли достигнуть какого-нибудь результата, успѣха, въ этомъ отношеніи, началась великая означенная война, которая и застала насъ на рубежѣ между старымъ порядкомъ и новымъ, когда, какъ говорится, отъ одного берега мы отстали, а къ другому не пристали. Какъ было неблагонадежно наше войско для борьбы съ искуснымъ непріятелемъ въ то время, показано будетъ впослѣдствіи при описаніи Нарвской битвы.

Трудно было бы Петру начинать войну при такихъ условіяхъ; еще труднѣе было разсчитывать на счастливый ея исходъ. Но Петру помогли въ этомъ случаѣ обстоятельства, чѣмъ онъ и умѣлъ воспользоваться. Обстоятельства эти заключались главнымъ образомъ, (кто бы могъ этого ожидать?) въ характерѣ противника Петрова, шведскаго короля Карла XII. Карлъ XII самъ предводительствовалъ своими войсками въ эту войну. За три года до ея начала, именно въ 1697 году, вступилъ онъ на престолъ, по смерти своего отца, 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ. Стало быть, при началѣ войны ему было 18 лѣтъ. До войны этой Карлъ не показывалъ ни особаго трудолюбія, ни особыхъ способностей, и большая часть какъ шведскихъ государственныхъ людей, такъ и иностранныхъ, бывшихъ при стокгольмскомъ дворѣ, словъ, считали его очень посредственнымъ человѣкомъ. Война пробудила его дремавшія силы. Когда, при объявленіи войны, въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ большинствомъ голосовъ склонялись къ уступкамъ въ пользу какой нибудь изъ противныхъ сторонъ (Швеціи объявили одновременно войну Россія. Польша и Данія), для того, чтобы съ большими надеждами на успѣхъ дѣйствовать противъ остальныхъ враговъ, Карлъ рѣшительно и съ негодованіемъ отвергъ такое осторожное мнѣніе, онъ сказалъ, что „не началъ бы самъ несправедливой войны, но въ справедливомъ дѣлѣ онъ иначе не положитъ оружія, какъ совершенно уничтоживъ своихъ враговъ“. Въ этихъ смѣлыхъ, но не совсѣмъ благоразумныхъ словахъ, показавшихъ героя или скорѣе искателя приключеній, но не государственнаго человѣка, Карлъ очертилъ себя вполнѣ, онъ и былъ искателемъ приключеній. Онъ первый показывалъ своему войску путь къ опасностямъ, дѣлилъ съ нимъ труды и нищу, одѣвался и жилъ очень просто, былъ прямымъ солдатомъ въ душѣ, чѣмъ и пріобрѣлъ безграничную преданность своего войска. При этомъ онъ былъ хорошимъ полководцемъ, умѣлъ оцѣнить мѣсто и силы противника и указать полкамъ способъ дѣйствія. Вездѣ, гдѣ Карлъ встрѣчался съ врагомъ на ратномъ полѣ, вездѣ онъ оставался побѣдителемъ. Такъ было до Полтавскаго сраженія, гдѣ неисчислимыя ошибки Карла довели его до совершеннаго пораженія. Какъ человѣкъ Карлъ былъ честенъ, религіозенъ и трезвъ. О простотѣ его жизни выше мы уже сказали: тутъ въ этомъ отношеніи прибавимъ еще, что онъ сохранилъ себя дѣвственно чистымъ въ такой вѣкъ, когда, по понятіямъ людскимъ, знатнымъ и высокопоставленнымъ лицамъ дозволялось *все*. Карлъ въ этомъ отношеніи не хотѣлъ быть особымъ отъ прочихъ смертныхъ человѣкомъ. Но при такихъ высокихъ качествахъ Карлу не доставало необходимѣйшаго для государя качества, — благоразумія и проницательности, вслѣдствіе чего онъ не съумѣлъ воспользоваться случаемъ заключить выгоднѣйшій и почетнѣйшій миръ для своего государства, онъ продолжалъ вести войну съ тѣмъ, чтобы къ пожатымъ лаврамъ присоединить еще новые, не разсуждая что удобные случаи къ окончанію войны не всегда представляются. Совѣтниковъ, которые предостерегли его на счетъ такого образа дѣйствій, онъ не слушалъ, ибо былъ страшно упрямъ. Этими недостатками Карла мастерски воспользовался Петръ.

Война шла отъ начала и до 1709 г. слѣдующимъ образомъ:

Когда Россія, Польша и Данія объявили Швеціи войну, Карлъ обратился сначала противъ датчанъ. Съ небольшимъ но отборнымъ войскомъ отправился онъ туда на флотѣ, подъѣхавъ къ столицѣ Даніи, корабли не могли за мелководіемъ подойти къ берегу и высадка должна была совершиться на перевозочныхъ, мелкихъ судахъ. Нетерпѣливый Карлъ не хотѣлъ дожидаться этой продолжительной, по его мнѣнію, операціи и, обнаживъ шпагу, выскочилъ въ море, за нимъ сдѣлали тоже восторженные его примѣромъ шведы. Подъ градомъ ядеръ гремѣвшей съ берега батареи достигли они, съ Карломъ во главѣ, земли, взяли батарею и навели такой страхъ на датчанъ, что тѣ тотчасъ согласились на всѣ условія, какія продиктовалъ имъ Карлъ. Между условіями, какъ и слѣдовало ожидать, было обязательно для Даніи отстать отъ союза противъ Швеціи.

Управившись съ Даніею, Карлъ обратился противъ русскихъ. Русскіе тогда осаждали Нарву съ войскомъ 35000—40000 чело-



Кладбище Гебровъ въ Тегеранѣ.
Рис. съ фотографіи Н. Лосевъ, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Женщина съ ребенкомъ, въ рыбачьемъ домикѣ, на островѣ Маркенѣ (въ Голландіи).
Картина Ефельмана, грав. Богарти.

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ. Войско это по числу своему легко могло бы противостоять шведамъ, если бы только и качества его были надежны; но въ этомъ то послѣднемъ отношеніи оно и прихрамывало. Войско, стоявшее подъ Нарвою въ 1700 году именно отличалось тѣми недостатками, о которыхъ выше сказано, то-есть отъ одного берега отстало, а къ другому не пристало. За исключеніемъ двухъ-трехъ полковъ, сравнительно старыхъ и порядочно подученыхъ, остальныя части войска болѣе единообразіемъ одежды и оружія напоминали солдатъ, чѣмъ своимъ духомъ. Къ этому присоединилось еще раздвоеніе между начальствующимъ и подчиненнымъ составомъ арміи. Офицеры высшихъ и низшихъ чиновъ были почти все иностранцы, непонимавшіе духа русскаго человѣка, непонимавшіе зачастую его языка. Главнокомандующій тоже былъ иностранецъ, недавно явившійся въ Россію. Русскіе о своихъ иностранныхъ офицерамъ думали какъ о людяхъ самыхъ ненадежныхъ и дурныхъ. Они думали, что офицеры ихъ, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ измѣнятъ. Противъ такого-то войска шелъ теперь Карлъ.

19 ноября 1700 года явился шведскій герой передъ нашимъ войскомъ съ 8000 корпусомъ. Помимо нравственныхъ недостатковъ и недостатковъ въ составѣ своемъ, наше войско растянуто было еще по ошибочнымъ распоряженіямъ на такомъ большомъ пространствѣ, что прорваться сквозь его ряды было очень легко. И, по пословицѣ: *„на бѣднаго Макара и шишки в глотка“* 19 ноября утромъ, въ моментъ начала битвы, поднялась такая сильная снѣжная буря, которая въ 20 шагахъ не давала ничего видѣть, и эта буря била прямо въ лицо русскимъ. Съ войскомъ въ восемь разъ меньшимъ ударилъ смѣло Карлъ на нашъ лагерь и войско, и все пришло въ смятеніе, солдаты, увидѣвшіе непосредственно около себя непріятеля, закричали: *„нѣмцы измѣняютъ“* и бросились на офицеровъ. Скоро зараза сообщилась и тѣмъ частямъ, которыя не сошлись еще съ непріятелемъ. Побѣжали черезъ рѣку (Нарову) конница и пѣхота, стоявшія въ сторонѣ: первая вплавь, вторая по мосту; при этомъ много народа потонуло въ рѣкѣ. Карлъ одержалъ полную побѣду. Вся артиллерія, обозъ и большая часть генералитета попали въ руки шведовъ.

Послѣ этой побѣды надо было ожидать, что Карлъ двинется внутрь Россіи и принудитъ Петра къ миру, выторговавъ для себя выгодныя и почетныя условія. Положеніе Петра дѣйствительно было бы очень тяжело, если бы Карлъ означеннымъ образомъ вздумалъ воспользоваться побѣдой. Артиллеріи у насъ вовсе не было; матеріала для нея даже не было подъ рукою. Чтобы помочь первой нуждѣ въ этомъ отношеніи, снимали съ церквей лишніе колокола; не было укрѣпленныхъ мѣстъ въ областяхъ, прилежавшихъ къ театру войны. Войска оставалось 20,000 деморализованныхъ недавнимъ пораженіемъ. Внутри государства недовольство и ропотъ противъ Петра за его нововведенія и заморскія затѣи. Петръ не падалъ духомъ и дѣятельно готовился встрѣтить врага, но судьба избавила его отъ этой встрѣчи. Карлъ пошелъ въ Польшу наказать послѣдняго своего врага. Что заставило Карла поступить такимъ страннымъ образомъ, рѣшить трудно: говорятъ, что онъ презиралъ русскихъ, считая ихъ *мужиками*, недостойными того, чтобы долго ими заниматься. Кажется вѣрнѣе будетъ искать разгадки этого явленія въ неустоявшемся, чуждомъ яснаго и спокойнаго взгляда на вещи, умѣ Карла.

Карлъ двинулся въ Польшу и *увязъ* тамъ, по выраженію Петра. На польскомъ престолѣ сидѣлъ въ это время одинъ изъ нѣмецкихъ князей, саксонскій владѣлецъ Августъ II *). Онъ велъ войну на собственный счетъ и собственными, то есть саксонскими, войсками съ Карломъ. Разбивъ нѣсколько разъ войска Августа, причемъ иногда доставалось и русскимъ полкамъ, посылавшимся отъ Петра къ Августу на помощь, чтобы задержать подольше шведа въ польскихъ предѣлахъ, Карлъ возъимѣлъ несчастную мысль низвергнуть Августа съ польскаго престола и посадить на его мѣсто другого. Оказалось, что это предпріятіе не такъ-то легко исполнить. Августъ II, хоть и не уважаемый поляками и въ свою очередь не уважавшій ихъ, имѣлъ однако многочисленную и сильную партію приверженцевъ. Карлъ началъ ходить по Польшѣ, чтобы образовать приверженцевъ своему избраннику и нашелъ нѣсколько людей, которые согласились дѣйствовать въ его видахъ. Тогда Карлъ заставилъ избрать на польскій престолъ прирожденнаго поляка Станислава Лещинскаго, а Августа объявить низложеннымъ; но тутъ вышло новое затрудненіе: приверженцы Августа, а ихъ было больше, чѣмъ сторонниковъ Станислава, считали послѣдняго узурпаторомъ, похитителемъ престола, а законнымъ королемъ—Августа. Для Карла новое дѣло: ходить по Польшѣ и выгонять отвсюду людей, поддерживавшихъ нелюбимаго имъ Августа. И гдѣ не былъ шведскій искатель приключеній, чтобы достигнуть своей цѣли! Былъ онъ въ областяхъ теперешней Пруссіи, близь Балтійскаго моря, былъ на Волыни, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, въ бассейнѣ Припети. Какимъ неудобствамъ и лишеніямъ подвергалъ себя и свое войско изъ-за того, чтобы въ Польшѣ король назывался Станиславомъ, а не Августомъ. Зиму съ 1701 на 1702 г. провели шведы въ лагеряхъ, причемъ самъ король, помѣщаясь въ соломенномъ шалашѣ, отогрѣвалъ себя иногда горячими ядрами. Въ походѣ на Волынь, зимою 1706 г., попали они въ такія топи, что погибли почти всѣхъ подъемныхъ лошадей; возы принуждены были вытаскивать изъ земли воротами. Желая показать своему войску примѣръ, Карлъ шелъ пѣшкомъ передъ солдатами, причемъ ему доводилось постоянно идти по колѣно, а иногда даже и по грудь въ водѣ. И все это напряженіе, весь этотъ трудъ шведскаго героя потрачены были даромъ. Августъ продолжалъ считаться королемъ польскимъ вездѣ, гдѣ не было шведскихъ войскъ. Наконецъ, послѣ пятилѣтнихъ, напряженныхъ усилій догадался Карлъ, что надо сдѣлать: вступилъ въ Саксонію, родовое владѣніе Августа и Августъ смирился. Владѣтелю Саксоніи не жаль было Польши, которая выбрала его своимъ королемъ, потому что въ Польшѣ потомство его могло и не получить престола, но Саксонію, родовое свое владѣніе, онъ щадилъ. И смирился наконецъ Августъ передъ Карломъ; въ угоду гордому побѣдителю, онъ даже написалъ сопернику своему, Станиславу Лещинскому поздравительное письмо съ восшествіемъ его на польскій престолъ. Карлъ вступилъ въ Саксонію въ сентябрѣ 1706 г., чрезъ шесть, стало быть, лѣтъ послѣ Нарвской битвы. Правду говорилъ Петръ о Карлѣ, что онъ увязъ въ Польшѣ.

Этимъ временемъ, пока „вязнулъ“ Карлъ въ Польшѣ, мастерски воспользовался Петръ. Онъ собралъ и обучилъ новое войско, отлилъ пушки и началъ дѣйствовать опять противъ шведовъ. Въ 1701 г. посланъ былъ Шереметевъ съ сильнымъ войскомъ въ Лифляндію и Эстляндію, которыя и разгромилъ совсѣмъ въ этомъ и слѣдующемъ 1702 годахъ. Слабые шведскіе отряды, стоявшіе въ сихъ областяхъ, не могли остановить русскихъ войскъ и дѣлались ихъ жертвою. Но дѣйствія въ Лифляндіи были ширмою, за которою закрывались настоящіе планы Петра. Съ 1702 же года начинаются движенія Петра по Ингріи, этой старинной области Россіи, хищнически отторгнутой Швеціею. Осенью этого 1702 г. взятъ былъ городокъ, открывавшій входъ изъ Ладожскаго озера въ Неву, старинный нашъ Орѣшекъ, нынѣшній Шлиссельбургъ. На слѣдующій годъ весною войско, подвигаясь по Невѣ, пришло къ устью этой рѣки. Здѣсь, при впаденіи рѣчки Охты въ Неву, стояло маленькое укрѣпленіе Шанцы, или Ніеншанцъ, а насупротивъ его, на другомъ берегу, посадъ изъ 400 деревянныхъ домовъ. Послѣ небольшаго бомбандированія, въ которомъ участвовалъ и бомбандирный капитанъ Петръ Михайловъ (Петръ Великій), крѣпостца сдалась. Это было 1 мая 1703 года. 5 мая вошли въ Неву со взморья два шведскихъ военныхъ судна, незнавшихъ еще о прибытіи сюда русскихъ. Ночью бомбандирскій капитанъ Петръ Михайловъ съ поручикомъ Меньшиковымъ подкрались на лодкахъ, посадивъ на оныя солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, къ непріятельскимъ судамъ и взяли оныя, не смотря на то, что суда были вооружены пушками, которыхъ у русскихъ не было. За сію „никогда бывалую викторію“, какъ выразился бомбандирскій капитанъ, самъ онъ и поручикъ Меньшиковъ пожалованы Андреевскими кавалерами *). На радостяхъ пошли пиры: вступили побѣдители въ бой съ „Ивашкою Хмѣльницкимъ“, и Ивашка побѣдилъ **).

„Никогда бываемая викторія“ казалась, конечно, сподвижникамъ бомбандирскаго капитана ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ актовъ розыгрывавшейся тогда великой драмы. Никто не думалъ о томъ, что будетъ на мѣстѣ Ніеншанца новая столица. Не такъ думалъ капитанъ Михайловъ, какъ выражается поэтъ:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ
И вдаль глядѣлъ...
И думалъ онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ...
И запирусмъ на просторѣ.

16 мая 1703 г., въ устьяхъ Невы закладывали городъ, которому дали имя Петербургъ. Негостепріимны и незаманчивы были берега Невы въ то время, низкіе, вязкіе, состоявшіе изъ наноснаго ила и покрывавшіеся водой при первомъ сильномъ вѣтрѣ съ моря. Но Петръ ни на что не смотрѣлъ. Вызваны были изъ внутреннихъ губерній Россіи десятки тысячъ рабочихъ возвышать грунтъ и строить новый городъ. Для населенія города указано было сюда переѣхать изъ разныхъ мѣстъ

*) Въ Польшѣ престолъ былъ избирательный. Со смертью каждаго короля собирался сеймъ и опредѣлялъ, кто долженъ быть вновь королемъ. Августъ былъ избранъ въ короли въ тотъ же 1697 годъ, въ которомъ и Карлъ XII наслѣдовалъ своему отцу.

*) Петръ между прочими нововведеніями, учредилъ въ Россіи для вознагражденія отличныхъ заслугъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Уже было нѣсколько кавалеровъ, прежде чѣмъ Петръ надѣлъ этотъ орденъ.

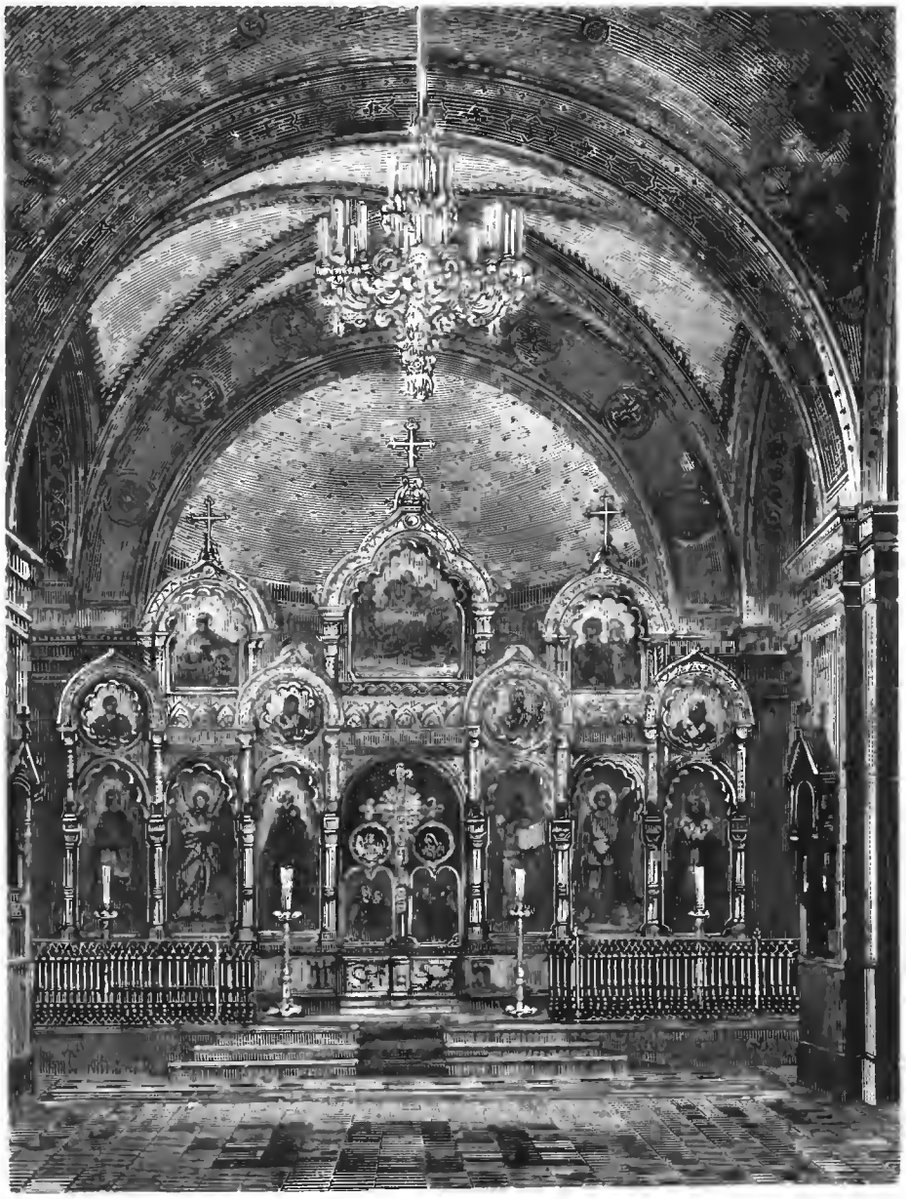
**) Петръ, вопреки своему брату Карлу, невившему ничего, любилъ подъ случай гульнуть съ своими сподвижниками, памятуя, что есть работѣ время и досугу часъ. Въ то время питье, и даже сильное, не считалось порокомъ: пили люто во всей Европѣ.

Библиотека "Руниверс"

государства тысячамъ дворянскихъ и купеческихъ фамилій. Въ то же время Петръ спустилъ на море корабли, взявъ лѣсъ для нихъ на берегахъ Свири, и устроилъ на взморьѣ крѣпость Кронштадтъ для защиты юнаго города. Ногою твердою стали мы теперь при морѣ. Вотъ что сдѣлалъ Петръ въ то время, какъ братъ его Карлъ вязнулъ въ Польшѣ. Но это еще не все: въ Эстляндіи, сосѣдней съ Петербургскою нынѣшнею губерніею, мы стали брать города и такимъ образомъ подчинять и эту область себѣ, и дѣлали поиски въ Финляндіи. Швеція боязливо смотрѣла на новыя пріобрѣтенія наши и не смѣла серьезно насъ тревожить. Мы сами перешли въ этихъ мѣстахъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Во время всѣхъ этихъ дѣйствій сформировали многочисленное новое войско, непохожее на то, съ которымъ первый разъ встрѣтили шведовъ, а войско выправленное, обстрѣленное, окрѣпшее въ бояхъ. Генералы въ этомъ войскѣ были русскіе и опытные. Самъ Карлъ, встрѣтивъ это войско въ Гродно *), въ началѣ 1706 года, не посмѣлъ напасть на него въ его укрѣпленіяхъ, хотя шелъ именно затѣмъ, чтобы уничтожить его и хотя укрѣпленій не боялся, если сидѣли тамъ враги, по его мнѣнію не страшные. Въ Краковъ онъ ворвался, можно сказать, наглостью. Комендантъ не хотѣлъ сдавать города, но его потребовалъ Карлъ для объясненій; едва была пріотворена половина воротъ, какъ шведскій король ворвался туда, сопровождаемый лишь небольшою горстію своихъ и обезоружилъ гарнизонъ. Въ Гродно онъ не посмѣлъ этого сдѣлать. Тутъ онъ видѣлъ передъ собой, по выраженію поэта, уже не

„Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ".

Карлъ видѣлъ перемѣну, совершившуюся съ русскими, не къ его выгодѣ. Но это его ни мало не удержало отъ мысли идти въ Россію и наказать царя. Онъ былъ убѣжденъ, что сокрушитъ Петра совершенно. Когда Петръ, по окончаніи польскихъ дѣлъ Карла, видѣлъ, что теперь война обрушится всею тяжестью на Россію, то онъ хотѣлъ отклонить отъ себя это испытаніе и предложить Карлу миръ. Не боялся Петръ войны, но опасался ея случайностей; въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенною противоположностью своего соперника. Между тѣмъ, какъ послѣдній велъ войну для войны, Петръ видѣлъ въ войнѣ зло, и если рѣшался на это зло, то въ виду какихъ нибудь важныхъ цѣлей, которыхъ иначе достигнуть было нельзя; а разъ достигнуты были эти цѣли, война казалась Петру невыносимою



Внутренній видъ церкви (во имя Св. Николая) въ Врестъ-Литовской крѣпости. Рис. Афонасенко, грав. Даугель.

*) Петръ посылалъ поляк на помощь польскому королю Августу, чтобы задержать тамъ подолѣе Карла. Съ этою цѣлью послано было въ 1705 году войско, которое Карлъ хотѣлъ захватить въ Гродно.

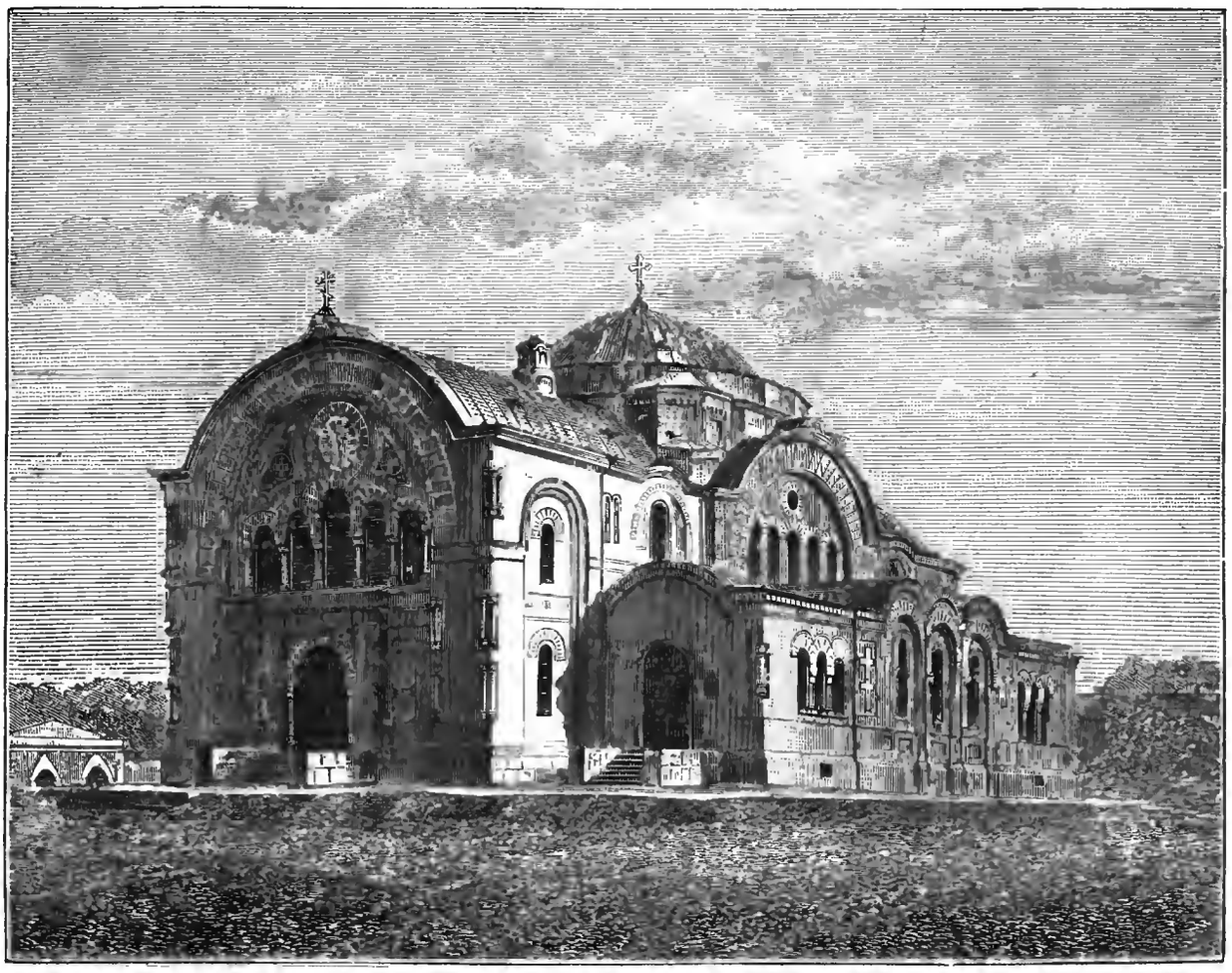
Библиотека "Руниверс"

тягостью. Петръ предлагалъ Карлу возвратить всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими въ шведскихъ владѣніяхъ, одно лишь теченіе Невы съ Петербургомъ выговаривая себѣ, и за это даже готовъ былъ дать вознагражденіе. Карлъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ переговорахъ.

Къ 1707 году, когда Карлъ думалъ выступить противъ Россіи, онъ достигъ апогея своей славы и могущества. Никогда, ни прежде, ни послѣ этого, не былъ онъ въ такомъ блестящемъ положеніи. Знаменитые государственные люди и полководцы европейскихъ сильныхъ государствъ являлись въ походную квартиру Карла въ Саксоніи, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Карлъ распоряжался въ областяхъ такого государя, какъ цезарь,—первый потентатъ тогдашней Европы.

Предъ выступленіемъ въ Россію военныя силы Карла, укомплектованныя и пополненныя новыми наборами, состояли изъ 74,000 человѣкъ, превосходно обученыхъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ. Изъ нихъ 44,000 онъ бралъ съ собою въ Россію.

Петръ, когда увидѣлъ, что отъ войны внутри Россіи не отдѣлаться, принялъ свои мѣры. Не вступая тотчасъ въ битву съ предпріимчивымъ и смѣлымъ врагомъ, онъ думалъ напередъ корпусомъ. Левенгауптъ было приказано взять столько телѣгъ и фуръ, сколько онъ можетъ ихъ достать и, нагрузивъ оныя хлѣбомъ, идти на соединеніе съ королемъ къ Могилеву на Днѣпрѣ. Левенгауптъ такъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ Карлъ частью по политическимъ соображеніямъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, частью-же по легкомыслію вышелъ изъ Могилева и направился къ югу. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Петръ, чтобы пресѣчь Левенгауптъ путь къ соединенію съ королемъ. Картина, помѣщаемая въ настоящемъ номерѣ, и представляетъ встрѣчу шведскаго генерала царемъ. Встрѣча произошла у д. Лѣсной, Могилевской губерніи, недалеко отъ м. Пропойска. Упорно и вполнѣ достойно своего имени сражался Левенгауптъ съ царемъ, понимая всю важность этого сраженія. Шведы были укрывшись сначала въ лѣсу и русскіе пошли оттуда выбивать ихъ. Шесть разъ русскіе бросались въ штыки на шведовъ, столько же разъ шведы бросались на русскихъ. Наконецъ шведы были сломлены и Левенгауптъ принужденъ былъ бѣжать. Его преслѣдовали казаки и калмыки. Изъ 16,000 корпуса, которымъ командовалъ Левенгауптъ, едва 6,000 были приведены или къ Карлу; остальные покрывали собою поле



Новая церковь (во имя Св. Николая) въ Брестъ-Литовской крѣпости. Рис. Афонасенко, грав. Даугель.

ослабить его переходами и недостаткомъ продовольствія, для чего на пути, по которому должны были идти шведы, все было истребляемо. Эти мѣры не замедлили произвести свое дѣйствіе. Шведы, вступившіе въ предѣлы Россіи среди лѣта 1708 года, въ августѣ того же года почувствовалъ такой недостатокъ въ продовольствіи, что для поддержанія своей жизни срывали колосья съ полей и мололи ихъ между камнями. Напрасно Карлъ, въ видахъ улучшенія дѣла, львомъ бросался на русскія войска, думая ихъ сбить съ дороги и обезпечить себѣ доступъ въ неопустошенныя мѣстности. Русскіе при переправахъ черезъ рѣки, въ лѣсахъ принимали битву, ничѣмъ рѣшительнымъ неоканчивавшуюся, и отступали опять назадъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Карлъ рѣшился вызвать генерала своего Левенгаупта изъ Лифляндіи, гдѣ тотъ стоялъ съ 16,000 шведскимъ сраженія, или взяты были въ плѣнъ; но что важнѣе всего, весь обозъ, который былъ съ Левенгауптомъ, погибъ; большая часть его досталась въ руки русскихъ, а нѣкоторыя фуры сжегъ самъ Левенгауптъ, не находя возможнымъ ихъ спасти. Русскихъ въ этомъ дѣлѣ, по нашимъ показаніямъ, было 14,000 чел., изъ коихъ невступно 4,000 челов. выбыли изъ строя; по иностраннымъ-же источникамъ, русскіе при Лѣсной далеко превосходили шведовъ числомъ. Какъ бы то ни было, побѣда при Лѣсной была одержана и главная армія Карла, начинавшая страдать отъ безкормицы, не получила подмоги. Въ этомъ смыслѣ побѣду при Лѣсной Петръ называетъ матерью полтавской побѣды. Битва была 28 сентября 1708 года и съ русской стороны командовалъ въ ней самъ Петръ.

И. Звѣревъ.

Библиотека "Руниверс"

Буря въ горахъ Утаха (въ странѣ Мармоновъ). Рис. Марондъ, грав. Тайлоръ.

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Кладбище гебровъ близь Тегерана.

Къ юго-востоку отъ Тегерана дорога идетъ каменистымъ полемъ. Высятся кругомъ крутыя скалистыя горы, неимѣющія никакой растительности и дающія убѣжище шакаламъ и дикобразамъ. На вершинахъ горъ царствуютъ орлы и ягнятники, зоркими глазами слѣдящіе за медленно-движущимися караванами. Когда утомленный далекой дорогой и недостаточной пищей верблюдъ, лошакъ или оселъ падаетъ, чтобъ не встать болѣе, эти цари пустыни цѣлыми стаями опускаются въ долину и скоро только однѣ кости бѣлѣютъ на солнцѣ, напоминая путнику о непродолжительности жизни.

Чѣмъ далѣе отъ города, тѣмъ болѣе идетъ въ гору дорога, осколки камней замедляютъ путь. При небольшомъ поворотѣ дороги путники видятъ особаго рода строеніе, много похожее на круглую башню безъ дверей. Это кладбище гебровъ.

Строеніе почти до верха наполнено землею, въ которой находятся пять рядовъ продолговатыхъ, четыреугольныхъ отверстій, довольно значительной глубины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны бѣлые какъ снѣгъ скелеты и человѣческіе черепа.

Когда умираетъ гебръ, родственники и знакомые покойнаго, завернувъ его въ бѣлыя тряпки, и оставивъ только одну голову открыто, отправляются процессіею въ это мѣсто, кладутъ тѣло умершаго надъ однимъ изъ выше описанныхъ отверстій кладбища, а сами удаляются на вершины скалъ, гдѣ прячутся и ждутъ пока не налетятъ орлы, ягнятники и вороны. Если птицы выклюютъ у трупа правый глазъ сперва, то общая радость между родными, они пируютъ и веселятся, зная, что душа покойнаго отправилась въ рай. Если же лѣвый глазъ,—то всѣ съ тоскою и слезами ищутъ домовъ своихъ, чтобъ помолиться за окаянную душу родственника.

Подъ имевемъ Гебровъ извѣстны теперь потомки древнихъ Парсовъ (Персовъ), слѣдующіе ученію Зороастра. Имя это означаетъ—*невѣрные*: такъ названы они Арабами еще въ эпоху распространенія послѣдними ислама. Парсы вѣрили, что міромъ управляютъ два божества: одно свѣтлое и доброе, другое темное и злое. Эту естественную религію о двойственности Зороастръ опредѣленно изложилъ въ книгѣ *Зендъ-Авеста* (духовный огонь). Изъ нея видно, что Свѣтлое Божество (Ормуздъ-многосвѣдущій) предъ концемъ міра побѣдитъ темное (Аримана-злоумышляющаго). Поэтому-то свѣтила небесныя — солнце, луна, звѣзды, а также и огонь считались проявленіями добраго божества. Огонь постоянно поддерживался на жертвенникахъ чистыми, сухими, благовонными дровами; ничто грязное или нечистое не должно быть бросаемо въ огонь, чтобъ не осквернить его. Исходя изъ понятія о свѣтѣ какъ о божественной чистотѣ, Зороастръ требовалъ отъ почитателей своего ученія строгой чистоты физической и нравственной. Если—училъ онъ—человѣкъ тщательною обработкою оплодотворитъ землю, истребитъ вредныхъ животныхъ, принятыми мѣрами сокрушитъ дѣйствіе зимы, пустынь и грозъ, и притомъ постарается быть правдивымъ и чистымъ, сохранитъ душу отъ грѣховъ и чрезъ молитву и очищеніе возвратится къ богамъ свѣта, тогда все это послужитъ ему вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить вліяніе враждебныхъ силъ и держать ихъ вдали отъ себя. Такимъ образомъ мы и теперь видимъ въ Гебрахъ или, какъ ихъ иначе называютъ, огнепоклонникахъ, имѣющихъ даже у насъ, не далеко отъ Баку (22 версты), свой монастырь Атешъ-Га, трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Баку считаютъ они священнымъ городомъ, потому что горящіе огни (нефтяные колодцы) около города принимаютъ за жертвенники, построенные Зороастромъ во время его путешествій.

Маркенская рыбачка.

(Картина Эфельмана).

Есть, читатель, такіе уголки на земномъ шарѣ, гдѣ людямъ живется хорошо, спокойно, гдѣ жизнь идетъ мирно, безъ тревогъ и волненій, какъ будто эти уголки и не на землѣ нашей, а гдѣ-то на другой планетѣ, жители которой не знаютъ ни голода, ни холода, ни повальныхъ болѣзней—въ родѣ эпидеміей тифа, холеры, и не имѣютъ въ своемъ словарѣ такихъ словъ, какъ напр., солдатъ, война, пушки, крѣпость... Человѣку, одаренному извѣстною дозою чувствительности, умѣньемъ мысленно ставить себя въ положеніе ближняго своего, сострадать ему, словомъ, человѣку *съ сердцемъ*, всегда пріятно видѣть и знать, что вотъ въ такомъ-то уголочкѣ простому, работящему люду живется хорошо, что есть у него достатокъ, что онъ доволенъ, потому что есть у него хлѣбъ и все необходимое, другими словами—есть работа, трудъ, дающіе средства къ жизни. Французскій король Генрихъ IV желалъ, чтобы у каждаго подданнаго его въ супѣ была курица... Доброе сердце было у этого короля! Да, чтобы положить даже половину курицы въ супъ, для этого нужно имѣть *извѣстную* обстановку, такой именно достатокъ, при которомъ куриная похлебка не была бы роскошью—праздничнымъ только кушаньемъ.

Такія мысли невольно какъ-то зарождаются при взглядѣ на картинку жанриста-художника М. О. Эфельмана, помѣщенную въ настоящемъ № нашего журнала: „Маркенская рыбачка". Эфельманъ попалъ теперь на настоящую свою дорогу, обратившись къ изученію и воспроизведенію типовъ, костюмовъ и вообще обстановки жилищъ въ тѣхъ голландскихъ провинціяхъ, гдѣ сохранился еще первобытный характеръ житья-бытья, незатронутаго новѣйшимъ временемъ, какъ, напр., на островкѣ Маркенъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое пріятное впечатлѣніе оставляетъ сценка, изображенная талантливымъ художникомъ! Вы видите молодую здоровую женщину, рыбачку, счастливую мать, въ довольно характерномъ костюмѣ. Какъ она любовно глядитъ на своего, можетъ быть, перваго ребенка! Онъ только что проснулся и звонко, благодаря здоровымъ легкимъ, изъявилъ желаніе оставить люльку и перейти на руки матери. Осмотримъ теперь внимательно обстановку комнаты. Вотъ, хоть эта колыбелька—какая она изящная, а этотъ прадѣдовскій шкафъ, съ столѣтнею массивною посудой, развѣ не интересенъ? Истинно голландская чистота и опрятность царятъ въ этой комнаткѣ, и вы можете быть увѣрены, что тутъ курица попадетъ въ супъ, ну, хоть раза два въ недѣлю, именно—курица, а не тараканъ, находимый ежедневно въ *другихъ* супахъ.

Крѣпостная Брестъ-Литовская церковь.

Брестъ-Литовскъ, при рѣкахъ Бугѣ и Муховцѣ, уѣздный городъ Гродненской губерніи, благодаря своему географическому положенію, имѣетъ важное значеніе въ стратегическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Въ торговомъ—потому что стоитъ на рѣкахъ, соединенныхъ Днѣпровско-Бугскимъ каналомъ съ Днѣпромъ; въ стратегическомъ — такъ какъ представляетъ собою естественную крѣпость. Крѣпость Брестъ-Литовская въ настоящее время одинъ изъ сильнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ на западѣ Россіи. Съ проведеніемъ чрезъ Брестъ-Литовскъ желѣзныхъ дорогъ на Москву, Кіевъ, Варшаву и Бѣлостокъ значеніе Бреста еще болѣе увеличилось.

Основаніе Бреста, или какъ онъ назывался прежде, Берестова—принадлежитъ великому князю Ярославу I. Съ самаго своего основанія онъ играетъ видную роль въ исторіи. Въ періодъ удѣловъ, Берестовъ часто упоминается лѣтописцами какъ городъ, принимавшій участіе въ ссорахъ князей. Владиміръ Мономахъ, желая опредѣлить закономъ дѣла торговой несостоятельности и лихвы, сзывалъ сюда для совѣта кіевскаго тысяцкаго Ратибора и тысяцкаго Переяславскаго (Бряцлавскаго) Прокопія. Въ концѣ періода удѣловъ, Берестовъ былъ управляемъ особыми князьями, называвшимися Подляшскими, такъ какъ они жили на самой границѣ съ землей Ляховъ. Въ 1820 году Гедеминъ присоединилъ Берестовъ къ княжеству Литовскому, а при соединеніи Литвы съ Польшей древній Берестовъ утратилъ и свое русское имя, принявъ новое—Брестъ (Brzesc) также и названіе Полѣсья. Въ 1436 г. въ Брестѣ былъ заключенъ достопамятный миръ между Польшею и Нѣмецкимъ орденомъ, имѣвшій печальное значеніе для послѣдняго. Съ переходомъ Бреста въ руки поляковъ, въ Брестѣ быстро утвердилось католическое духовенство и настроило здѣсь свои монастыри. Съ помощью различныхъ интригъ, католицизму удалось произвести раздоръ между мѣстными православными и въ 1595 г. на Брестскомъ соборѣ была провозглашена Унія. Въ 1791 г., по послѣднему раздѣлу Польши, Брестъ возвращенъ Россіи, а при учрежденіи Гродненской губерніи, въ 1802 году, вошелъ въ составъ этой губерніи какъ уѣздный городъ. Не смотря на переходъ Полѣсья подъ власть Россіи, католическое духовенство оставалось въ немъ по прежнему въ своей силѣ и во всѣхъ возмущеніяхъ открыто держало сторону Польши, вотъ почему послѣ польскаго возстанія въ 1831 г. Императоръ Николай нашелъ нужнымъ разомъ сдѣлать переустройство Бреста: на мѣстѣ города имъ построена первоклассная крѣпость, а самый городъ снесенъ за гласисъ, на 600 саженную черту отъ крѣпости,

До настоящаго года въ Брестъ-Литовской крѣпости была только одна домашняя-госпитальная, очень небольшая церковь. Къ закладкѣ постоянной крѣпостной церкви было приступлено въ 1851 году. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ церковь была вчернѣ почти окончена, но въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ цоколь ея передѣланъ и закрытъ временной крышей. Въ 1872 году цоколь снова передѣланъ. Въ 1874 году была начата постройка новой церкви и только 1 сентября 1876 г. гарнизонъ крѣпости дождался окончательно сдѣланной постоянной крѣпостной церкви, во имя св. Николая Чудотворца.

Мы предлагаемъ нашимъ читателямъ въ этомъ № „Нивы" два рисунка, представляющіе наружный и внутренній виды Брестъ-Литовской крѣпостной церкви. Какъ наружный видъ, такъ и внутренняя отдѣлка храма поражаютъ зрителя своей простотой и необыкновенной гармоніей и прелестью во всѣхъ частяхъ, прекрасно задуманныхъ и тщательно выполненныхъ.

Строителемъ крѣпостной церкви былъ инженеръ Ивановъ. Проектъ принадлежитъ архитектору профессору Гримму, а вся

Библиотека "Руниверс"

внутренняя отдѣлка и всѣ живописныя работы храма произведены художниками, членами недавно возникшаго въ Петербургѣ „Общества взаимнаго вспомоществованія русскихъ художниковъ“.

Нельзя не порадоваться возникновенію такого общества въ томъ случаѣ, если оно дѣйствительно будетъ оправдывать свое названіе. При существованіи такого общества, лица, имѣющія надобность въ художественныхъ работахъ, могутъ избѣгнуть необходимости отдавать свои заказы въ руки совсѣмъ неумѣлыхъ въ дѣлѣ, но ловкихъ въ денежныхъ соображеніяхъ подрядчиковъ, а художники избавятся отъ эксплуатаціи со стороны подобныхъ подрядчиковъ. Кому не извѣстно, какъ эти послѣдніе наживаются чужимъ трудомъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что подрядчикъ принимаетъ заказъ, по расцѣнкѣ котораго за каждый, напримѣръ, образъ взято имъ по 300 рублей, а онъ съ своей стороны отдастъ художнику за написаніе образа всего какихъ нибудь 50 рублей.

Случается, что крайняя нужда загоняетъ къ подрядчику дѣйствительные таланты, но такъ какъ посредственности вообще встрѣчаются чаще, то и у подрядчика работы чаще производятся малоумѣлыми художниками. Подрядчику даже это на руку: дешевле заплатитъ за работу и больше останется ему самому отъ заказа.

Вотъ въ силу этихъ-то печальныхъ обстоятельствъ нельзя не пожелать искренно полнѣйшаго успѣха обществу взаимнаго вспомоществованія русскихъ художниковъ. Успѣхъ его, по нашему мнѣнію, можетъ быть полезенъ не только ему самому и его членамъ, но и заказчикамъ. Они могутъ быть увѣренными, что заказы ихъ отданы въ руки знающихъ свое дѣло спеціалистовъ-художниковъ, которые, не только въ силу устава ихъ общества, но и изъ видовъ благоразумія, конечно, всегда строго отнесутся къ исполненію своихъ задачъ.

Инженерное начальство поручило обществу взаимнаго вспомоществованія всю отдѣлку крѣпостной Брестъ-Литовской церкви за 48,000 рублей и даже не приняло установленныхъ залоговъ, на что собственно и слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ на доказательство, что общество уже успѣло нѣсколько заслужить довѣріе со стороны не только частныхъ лицъ, но и правительства.

Буря въ горахъ Утаха (въ странѣ Мармоновъ).

Утахъ населенъ Мармонами, послѣдователями одной изъ многочисленныхъ американскихъ религіозныхъ сектъ. Только упорный трудъ могъ призвать къ жизни суровую и дикую природу этой мѣстности. Утахъ представляетъ громадную плоскость среди горъ, достигающихъ въ нѣкоторыхъ точкахъ до 10,000 футовъ высоты. Вся эта мѣстность раздѣляется на двѣ, почти равныя, части: на долину, гдѣ течетъ Колорадо съ ея притоками и на округъ, извѣстный подъ именемъ Большого или внутренняго бассейна. Около горъ, гдѣ почва отъ таянія горныхъ снѣговъ получаетъ значительную влагу, встрѣчаются повсюду полосы плодородной и богатой растительностью земли, но за то въ другихъ мѣстахъ, лежащихъ вокругъ большаго бассейна, простирается громадная, безмолвная пустыня. Пробираясь по ущельямъ горъ, путешественникъ натыкается здѣсь на каждомъ шагу на горные потоки чистой, прозрачной воды, которые съ шумомъ низвергаются со скалистыхъ обрывовъ. Изъ такихъ горныхъ ущелій вытекаютъ всѣ главныя мѣстныя рѣки, какъ-то: Іорданъ, Медвѣжья, Сѣверная и другія, хотя и мелкія, но тѣмъ не менѣе не безполезныя для плодородія долинъ, ихъ окаймляющихъ. Въ горахъ Утаха суровая природа является во всемъ своемъ величіи. Повсюду высятся скалы, сложенныя изъ разноцвѣтныхъ, каменныхъ породъ и увѣнчанныя густымъ, преимущественно хвойнымъ, лѣсомъ. Повсюду видны массивные утесы самыхъ разнообразныхъ формъ, носящіе на себѣ несомнѣнные слѣды вулканическихъ переворотовъ; всюду зіяютъ пропасти. Особенно бываетъ живописна эта дикая, суровая природа во время бурь, свирѣпствующихъ здѣсь довольно часто и обыкновенно сопровождаемыхъ сильною грозою и проливнымъ дождемъ. Теперь, съ проведеніемъ въ Утахъ линіи желѣзной дороги, путешествіе не представляетъ уже тѣхъ опасностей, какъ въ былое время, когда переселенцы должны были бороться съ силами дикой природы, съ хищными животными и не менѣе хищными, нынѣ уже вымирающими индѣйскими племенами. Такія странствованія новообращенныхъ мармоновъ, не лишены были въ прежнее время высокой, легендарной поэзіи. Цѣлыя семьи карабкались по скаламъ, рискуя сломать шею, но ободряли себя постоянно пѣніемъ псалмовъ и надеждою увидѣть вскорѣ цѣль путешествія—святой городъ, Новый Сіонъ,—обѣтованную землю для каждаго мармона. Не мудрено, что послѣ неслыханныхъ трудностей пути, сопряженнаго съ различнаго рода лишеніями и опасностями, этотъ святой городъ казался имъ какимъ-то земнымъ раемъ. Увидя его издали, они, какъ новые крестоносцы, падали на колѣни, цѣловали священную землю, оглашали воздухъ восторженнымъ пѣніемъ псалмовъ, а женщины впадали въ безчувственность и даже подвергались конвульсіямъ. По сознанію очевидцевъ, совершенно непричастныхъ мармонству, такое зрѣлище толпы людей, охваченныхъ глубокимъ и неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, производило сильное впечатлѣніе.

Нынѣ все измѣнилось; проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ глубь страны, а также открытіе и разработка въ Утахѣ богатыхъ, серебряныхъ рудниковъ, наводнило тихое убѣжище мармоновъ множествомъ разнаго рода пришлецевъ, не всегда строгихъ правилъ и пуританской нравственности. Нашествіе такихъ безбожниковъ въ землю, предназначенную Богомъ, по мнѣнію мармоновъ, лишь для нихъ, его святыхъ и праведниковъ, а также несогласія, возникшія среди самихъ членовъ общины, все это готовитъ мармонству печальную будущность. Можетъ быть немного пройдетъ времени, когда святые разсѣются, какъ овцы безъ пастыря, и только развалины будутъ напоминать будущимъ жителямъ Утаха о существованіи въ этой мѣстности странной и загадочной секты мармоновъ.

А. Н—ой.

Политическое обозрѣніе.

Предложенія, выработанныя конференціею, Порта должна была принять «въ принципѣ», что допускало-бы возможность второстепенныхъ измѣненій и дополненій; основныя условія выработаны лордомъ Салисбери; съ ними были согласны представители всѣхъ шести великихъ державъ, — но Порта не приняла предложеній даже въ принципѣ, что, по правиламъ дипломатіи, еще болѣе усиливаетъ и безъ того громадную отвѣтственность передъ Европою.

Изъ недавнихъ сообщеній газетъ выяснилось, что Порта, дѣлая смѣлый шагъ, питала да еще и теперь питаетъ свѣтлыя надежды на Австро-Венгрію, или точнѣе на Венгрію, на графа Андраши и Тиссо; она думала, что поднесеніе почетной сабли Керим-пашѣ депутаціей пештскихъ студентовъ обезпечиваетъ за нею сочувствіе Австріи, тогда какъ это просто-на-просто шуговская мадьярская демонстрація, неимѣющая ничего общаго съ политикой графа Андраши, государственныя способности котораго, конечно, выше хитрыхъ но рутинныхъ азіатскихъ изворотовъ, свойственныхъ мужамъ Высокой Порты. Но пріемъ, употребленный въ настоящемъ случаѣ Турціей, до того не хитеръ, что просто представляется наивно-грубымъ. Еще не успѣли разъѣхаться представители державъ изъ Константинополя, какъ Порта дерзко попыталась поселить раздоръ между державами, склонивъ Австрію на свою сторону. Телеграфъ извѣстилъ насъ отъ 19 (31) января, что австрійскій кабинетъ самымъ положительнымъ образомъ отвергъ *всякое посредничество въ этомъ смыслѣ*.

Но о мирныхъ переговорахъ между Турціей, Сербіей и Черногоріей получены уже свѣжія извѣстія. Черногорія является при этомъ въ своемъ спокойномъ геройскомъ величіи. «Она ждала, по словамъ телеграммы, турецкаго уполномоченнаго для *выслушанія его предложеній*“.

Нѣтъ сомнѣнія, что богатырская Черногорія заключитъ миръ на почетныхъ условіяхъ, чему благопріятствуетъ уже самая форма мирныхъ переговоровъ. Къ Черногоріи идутъ — а не она идетъ, передъ ней какъ будто заискиваютъ. Совсѣмъ не такимъ представляется положеніе Сербіи. Ей предлагаетъ Турція миръ въ готовой уже формѣ, и формѣ, надо сказать, варварской. Первымъ условіемъ поставляется пресловутое statu quo и затѣмъ, въ видѣ *гарантіи* за будущее спокойствіе Сербіи—занятіе Сербскихъ крѣпостей турецкими войсками (!!) и посыла сербскаго уполномоченнаго въ Константинополь. Но Австрія совѣтуетъ Турціи принять миръ на основаніи простаго Statu quo, т. е. безъ упомянутыхъ гарантій, и продолжаетъ двигать свои войска къ Босніи (о чемъ мы уже упоминали въ прошломъ обозрѣніи «Нивы», № 4) Порта готовится сдѣлать запросъ Австріи, въ виду непонятнаго поведенія этой послѣдней. Затѣмъ, уже по послѣднимъ извѣстіямъ телеграфа, сербское правительство обратилось къ западнымъ державамъ съ просьбою склонить Турцію къ принятію благопріятныхъ для Сербіи условій и принять на себя ручательство въ ихъ сохраненіи. Турція настаиваетъ на одной изъ *гарантій*—на занятіе турецкимъ гарнизономъ Алексинца, хотя все-таки турки представляются теперь болѣе сговорчивыми, чѣмъ прежде.

Не смотря, однако, на эти мирныя событія, къ Кладову и Неготину отправляется на дняхъ батальонъ арнаутовъ и два болгарскихъ батальона, находившихся до сихъ поръ въ Крагуевцѣ и дивизія добровольцевъ, стоявшая до сихъ поръ на Дринѣ.

Между тѣмъ, какъ шансы мира начали повидимому, становиться твердыми, — вдругъ судьба снова бросаетъ свои желѣзныя кости, чтобы начать кровавую игру. Телеграфъ отъ 20-го января (1 февраля) извѣстилъ, что на о—вѣ Критѣ, а также въ Босніи и Герцеговинѣ, снова начались вспышки, предвѣщающія начало серьезныхъ столкновеній. Итакъ, миръ не улаживается. Заборы и загородки, поставленные для отсрочки рѣшенія грознаго восточнаго вопроса, оказываются гнилыми и рушатся. Начи-

Библиотека "Руниверс"

нающееся возстаніе, еще болѣе разжигается турецкимъ звѣрствомъ и фанатизмомъ, который не прерывается. Такъ, на дняхъ магометане сожгли христіанскій кварталъ города Тузлы въ Босніи.

Достойны вниманія волненія въ Критѣ. На сцену выступилъ, стало быть, греческій элементъ.

Съ недѣлю тому назадъ вниманіе политическаго міра обратилось на Грецію, и именно потому, что нашъ посолъ при Высокой Портѣ генералъ, Игнатьевъ, уѣхавъ изъ Константинополя, держалъ маршрутъ на Аѳины, и, сверхъ того, въ Аѳины же отправился и уполномоченный Англіи на минувшей конференціи, маркизъ Салисбери. Генералъ Игнатьевъ намѣренъ пробыть въ Аѳинахъ два дня, какъ полагаютъ, для важныхъ совѣщаній съ премьеръ-министромъ Греціи, Комундуросомъ. О результатахъ совѣщаній Комундуроса съ Салисбери уже сообщилъ телеграфъ, хотя весьма коротко. Комундуросъ выяснилъ Салисбери «требованія Греціи и указалъ какія были бы послѣдствія, если бы эти требованія были оставлены безъ вниманія». Салисбери, какъ ходятъ слухи, призналъ эти требованія справедливыми. Какія собственно подробности этихъ требованій — неизвѣстно до сихъ поръ, хотя и можно о нихъ догадываться. На выясненіе дѣла намекаютъ параллельно совершающіеся факты, имѣющіе отношеніе къ Греціи. Напримѣръ: Порта 18-го (30-го) января предписала Мухтаръ-пашѣ немедленно отправиться на о—въ Критъ, снабдивъ его при этомъ чрезвычайными полномочіями. Мухтаръ-паша, получивъ это приказаніе, тотчасъ же выѣхалъ съ крайней поспѣшностью и въ тотъ же вечеръ—слѣдовательно положеніе дѣлъ на Критѣ тревожное. Затѣмъ мы уже знаемъ, что Порта ищетъ средствъ «мирно устроится съ Греціей», не жертвуя многимъ, но предупреждая нѣкоторыя изъ ея требованій. Напр., Порта намѣрена снова подчинить болгарскую церковь греческой. Эти обѣщанія высказывалъ великій визирь греческому патріарху, дѣлая ему неоднократно визиты. Но Греція не довольна еще тѣснотою своихъ теперешнихъ территоріальныхъ границъ и съ новою силою обнаруживаетъ свое естественное тяготѣніе къ Эпиру, Ѳессаліи и Македоніи. Дѣлежъ Оттоманской имперіи еще не наступилъ, но Греція заблаговременно указала на свою долю участія въ этомъ дѣлежѣ.

Всѣ эти факты указываютъ на то, что для Порты существуютъ плохіе шансы уладить мирныя отношенія съ греками. Еще болѣе освѣщаютъ дѣло слова, которыя недавно сказалъ премьеръ-министръ Комундуросъ, обращаясь къ англійскому посланнику въ Аѳинахъ, Стюарту: «Если греки возстанутъ въ турецкихъ провинціяхъ или на о—вѣ Критѣ, то Греція не будетъ играть роль жандарма.

Предлагается теперь многими политиками и не политиками вопросъ: почему же Греція не принимала участія въ сербско-турецкой войнѣ, если отношенія ея къ Турціи такъ непріязненны, что грозитъ вспыхнуть возстаніе въ греческихъ провинціяхъ Турціи? Отвѣчать на это нетрудно. Съ одной стороны внутреннія неурядицы, продажность и взяточничество предшествовавшихъ Комундуросу министровъ—Болгариса и Трикуписа, и крайняя неподготовленность къ войнѣ; съ другой стороны греки, по самому существу дѣла, не могутъ особенно сочувствовать славянамъ—потому что эллинизмъ и славянизмъ, двѣ силы, совершенно самобытныя, съ важными преимуществами на сторонѣ послѣдней. Потомки Перикла и Кимона, не смотря на крайнюю вырожденность своей національности, все еще мечтаютъ о мощномъ возрожденіи... Хотя возвращеніе прежняго гелленскаго величія есть не болѣе какъ иллюзія.-.

Но въ Греціи теперь на нашихъ глазахъ совершается много знаменательныхъ и оригинальныхъ фактовъ, доказывающихъ нравственную живучесть эллиновъ. Все учащееся юношество, по примѣру Швейцаріи, обязано учиться воинскимъ занятіямъ. Аѳинскій университетъ представилъ недавно трогательное и почти безпримѣрное въ наше время зрѣлище. 600 студентовъ составляли такъ-называемую *«университетскую фалангу»*, которая составила батальонъ. Всѣ офицеры въ этомъ батальонѣ—университетскіе профессора. Одушевленное воспоминаніями объ Аристидѣ, Кимонѣ, Сократѣ, Эсхилѣ и древней славѣ страны, это юношество съ увлеченіемъ учится строевой службѣ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ студенты и профессора дѣйствительно сдѣлали успѣхи и съ отличіемъ принимали участіе на парадѣ весною прошлаго года.

— Здоровье Его Императорскаго Высочества, главнокомандующаго дѣйствующею арміею, совершенно возстановилось.

— Изъ-за Атлантическаго океана извѣщаютъ, что уже разрѣшенъ вопросъ о процедурѣ, которой будетъ слѣдовать при утвержденіи полномочій президентскихъ избирателей въ Соединенныхъ Штатахъ. Союзный Сенатъ и затѣмъ палата представителей *). Если выборы этихъ избирателей будутъ совершаться по общему принципу выборовъ на конгрессъ, то каждыя 93,000 чел. населенія Штатовъ выберутъ *одного* избирателя. Но затѣмъ это еще только первая половина дѣла: полномочія избирателей нужно провѣрить. Эту провѣрку Вашингтонское правительство возлагаетъ на *смѣшанный* комитетъ, выбранный обѣими палатами (т. е. сенатомъ и палатою представителей). Комитетъ этотъ будетъ имѣть право, по выслушаніи сторонъ, утверждать или не утверждать полномочія избирателей. Послѣ надлежащей провѣрки, списокъ избирателей будетъ принятъ комитетомъ, и съ этимъ принятіемъ рѣшится вопросъ о томъ: кто изъ двухъ кандидатовъ-соперниковъ—Тильденъ или Гейсъ—сдѣлается президентомъ Соединенныхъ Штатовъ на слѣдующее четырехлѣтіе (съ 4 марта). Каковы-то будутъ результаты этой мѣры—увидимъ. Самое важное въ этомъ дѣлѣ—это сама задача смѣшаннаго комитета—повѣрка полномочій избирателей.

Смѣсь.

Мысли Даніила Стерна I. Естьлюди, которые малымъ числомъ словъ умѣютъ заставить много думать; другіе, напротивъ, и чрезвычайнымъ многорѣчіемъ возбуждаютъ очень мало мыслей. Они походятъ на стрѣлки: одна изъ нихъ идетъ скоро, показываетъ только минуты, другая двигается медленнѣе, но означаетъ часы.

II. Въ охотѣ за идеями (когда гоняются за ними) многіе быстрые и поверхностные умы походятъ на тѣхъ горяченькихъ и дурно дрессированныхъ собакъ, которыя *подымаютъ* дичь, но не имѣютъ *стойки*.

III. Различіе между тѣмъ, что называютъ здѣсь счастіемъ и несчастіемъ, такъ мало, что не слѣдовало бы никогда ни о чемъ сожалѣть и никому не завидовать.

Императрица Екатерина II, присутствуя въ Эрмитажѣ на пробѣ Олега, (исторической драмы собственнаго ея сочиненія), замѣтила, что Дмитревскій, игравшій роль Олега, говоритъ съ Игоремъ о государственныхъ дѣлахъ при всѣхъ, и довольно громко. Государыня подозвала къ себѣ П. А. Соймонова и приказала ему сказать отъ Ея имени Дмитревскому, что, говоря о важныхъ дѣлахъ съ наслѣдникомъ Кіевскаго престола, ему надлежало бы удалиться въ сторону, и понизить голосъ. Къ тому присовокупила она съ улыбкою, что хотя Дмитревскій лучше ея знаетъ драматическое искусство, но въ этомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться ея совѣтомъ.

Средство сводить со стали и желѣза ржавчину. Для этого надо истереть въ крупный порошекъ простой карандашъ, и этимъ порошкомъ чистить стальныя или желѣзныя вещи, подвергшіяся ржавчинѣ.

Средствомъ для изцѣленія отмороженныхъ частей тѣла служитъ таннинъ (дубильная кислота). Таннинъ пристаетъ легко къ человѣческой кожѣ. Таннинъ отнюдь не препятствуетъ отдѣленію отъ кожи испарины, и медикаментомъ этимъ за нѣсколько копѣекъ можно запастись на все зимнее время. Употребленіе таннина уже во множествѣ случаевъ предотвращало появленіе шишекъ на отмороженныхъ частяхъ тѣла.

Средство противъ муравьевъ. Самое дѣйствительное средство противъ муравьевъ представляетъ соль, которою надо посыпать муравьиныя кучки и въ случаѣ сухой погоды, смочить водою, чтобы соль скорѣе растворилась и проникла въ подземныя убѣжища насѣкомыхъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Спасскъ (Каз губ.), Пр—у.** Помѣщаемъ одну строфу вашихъ стиховъ.

«Пришелъ къ небольшой я поляне,
Сухое мѣстечко нашолъ
И сѣлъ на траву межъ кустами
И рядомъ ружье положилъ...

«Всё это можно сказать «благородно» и «дай Богъ всякому», но зачѣмъ же объ этомъ писать, да еще и увѣрять, что «эти сочиненія сочинены мной и ни одного слова не заимствовано изъ чьихъ либо сочиненій».

Ну еще бы!

2. **Подписчикамъ „Нивы“.** На основаніи почтовыхъ правилъ мы не можемъ пересылать журналъ въ наглухо заклеенныхъ конвертахъ. Мы очень бы этого желали для избавленія нашихъ читателей отъ безплатныхъ чтецовъ-разсылтовъ; но пока противъ нихъ, увы, нѣтъ дѣйствительныхъ средствъ!

Относительно другихъ, весьма разнообразныхъ указаній по изданію «Нивы», въ большомъ числѣ и съ большими подробностями предлагаемыхъ нѣкоторыми изъ нашихъ подписчиковъ, мы совѣтуемъ имъ мысленно представить себя въ положеніи человѣка, идущаго давно знакомой ему дорогой и идущъ останавливаемаго со всѣхъ сторонъ лицами, увѣряющими, что онъ заблудился...

3. **Село Порѣцкое, И Л—у** Вы, конечно, говорили своими словами, но не замѣчаете, что въ нихъ вашего ничего нѣтъ: все Кольцова.

4. **Ярославль, Н. Мор—пу.** «Необыкновенное сватовство» неудобно.

*) Въ Сѣверо-Американской республикѣ каждый штатъ имѣетъ Сенатъ и Палату представителей или, что тоже, Палату депутатовъ, такъ что каждый штатъ въ административномъ и правительственномъ отношеніи представляется повтореніемъ общей правительственной формы въ малыхъ размѣрахъ. Каждыя 93,000 человѣкъ населенія штатовъ посылаютъ на конгрессъ одного члена въ Палату представителей и слѣдовательно менѣе 93 000 не можетъ быть населеніе каждаго штата, какъ бы малъ онъ ни былъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Иванъ Александровичъ Мелькиковъ. (Съ портретомъ). С—ой. — Отрывокъ (Стихотвореніе) А. Майкова. — Избытокъ жизни (Идиліи въ прозѣ). — Петровскія войны (Сраженіе при деревнѣ Лѣсной, 28 сентября 1708 года). (Съ рисункомъ). И. Звѣрева — Кладбище гебровъ близъ Тегорана (съ рисункомъ). — Мариенская рыбачка. Картина Эфельмана (съ рисункомъ). — Крѣпостная Брестъ-Литовская церковь. (Съ двумя рисунками). — Буря въ горахъ Утаха въ странѣ Мормоновъ (съ рисункомъ) А. Н — ого. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Почтовый ящикъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

При этомъ № прилагается для гг. иногород подписчиковъ объявленіе отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 28 Января 1877 г. Контора изданія: Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 6 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 7 Февраля 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Ланъ и А. Жихарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

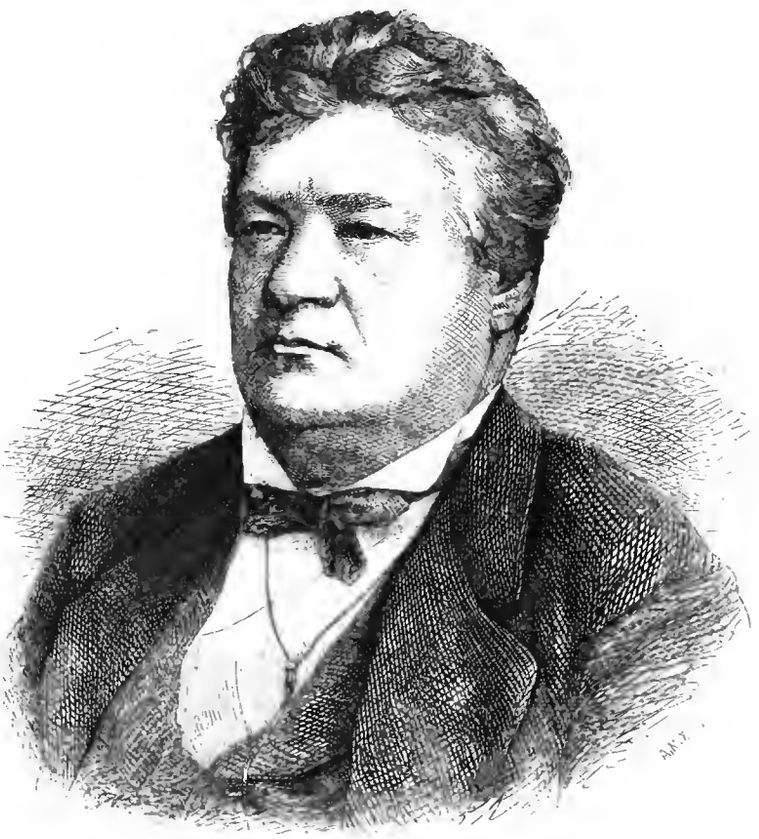
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы".

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ФЕВРАЛЬ съ 30 рисунками и большой листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и разнообразныхъ буквъ для вышивки и мѣтки бѣлья.

Василій Ивановичъ Виноградовъ.

Василій Ивановичъ происходилъ изъ бѣднаго мѣщанскаго семейства Нижняго-Новгорода. Родился онъ въ 1822 году и дѣтство провелъ въ Нижнемъ. Образованія онъ не получилъ никакого. Съ восьми лѣтъ сталъ онъ усердно твердить „буки и вѣди", чтобы въ награду за прилежаніе получить нѣсколько грошей и на нихъ, по протекціи капельдинеровъ, попасть въ театръ, къ которому мальчикъ съ самаго ранняго дѣтства чувствовалъ влеченіе. Подросткомъ В. И. старался войти въ сношеніе и подружиться съ театральными портными и служителями, и съ ихъ помощью онъ пробирался за кулисы. Ему вскорѣ удается попасть на сцену въ качествѣ „народа" и нѣмыхъ личностей; наконецъ 16 лѣтъ въ 1838 году директоръ нижегородскаго театра соглашается принять его въ свою труппу съ жалованьемъ въ 14 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Въ первые годы артистической дѣятельности молодому актеру пришлось претерпѣвать много неудачъ: его нѣсколько разъ освистали, и въ Пензѣ, гдѣ В. И. пришлось играть главную роль въ пьесѣ „Братъ и Сестра" даже громко обругали, гомерическимъ хохотомъ, принѣтствуя самые трагическіе его монологи.



Василій Ивановичъ Виноградовъ.
Артистъ СПБ. Имп. драматическаго театра († 23 января 1877 г.).
Съ фотогр. рисов. и грав. А. Неймана.

Неудача эта такъ поразила В. И., что возвратившись домой, онъ всю ночь прорыдалъ, слегъ въ постель и проболѣлъ нѣсколько дней.

Не разъ совѣтовали ему бросить сцену: товарищи его были убѣждены, что у В. И. рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сдѣлаться мало-мальски порядочнымъ актеромъ. В. И. и самъ усомнился въ своемъ талантѣ, но привязанность къ театру была сильнѣе его воли и не позволила ему разстаться со сценой. Онъ продолжалъ двигаться по разъ избранному пути, надѣясь что твердостью и терпѣніемъ ему удастся побѣдить всѣ трудности. Дѣйствительно онъ съ каждымъ сезономъ сталъ играть все лучше и лучше, и переѣзжая изъ одного города въ другой, съ возрастающимъ постоянно успѣхомъ подвизался на театральныхъ подмосткахъ. Перваго

Библиотека "Руниверс"

блестящаго пріёма В. И. удостоился въ Казани за игру въ одной изъ пьесъ Островскаго. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался уже виднымъ дѣятелемъ провинціальныхъ сценъ.

Всѣ значительные провинціальные города познакомились въ его игрѣ съ главными типами въ произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей. За многолѣтнюю сценическую дѣятельность В. И., Кіевская молодежь поднесла ему покрытый нѣсколькими стами подписей благодарственный адресъ

Любимая мечта всякаго провинціальнаго актера—попасть на Императорскую сцену въ Москвѣ или Петербургѣ. В. И давно къ этому стремился. Шесть лѣтъ тому назадъ ему пришлось играть въ Тифлисѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Никитинымъ, и В. И., получивъ однажды извѣстіе, что нѣкоторые изъ старыхъ товарищей его приглашены на Александринскую сцену, высказалъ Никитину свое желаніе. Никитинъ посовѣтовалъ ему послать въ Дирекцію Императорскихъ театровъ телеграмму, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Телеграмма была послана, и въ отвѣтъ на нее Дирекція предложила В. И. пріѣхать для пяти дебютовъ въ Петербургъ. В. И. пріѣхалъ и съ такимъ успѣхомъ игралъ въ „Свадьбѣ Кречинскаго", „Ревизорѣ" и „Не въ свои сани не садись", что Дирекція послѣ трехъ спектаклей предложила ему условія, какихъ до этого никто еще изъ вновь поступающихъ не удостоивался (полный окладъ жалованья, тридцать пять руб. разовыхъ, бенефисъ, и отпускъ).

В. И. былъ связанъ контрактомъ съ тифлисскимъ театромъ. Дирекція взяла на себя уладить это затрудненіе, и онъ остался въ Петербургѣ, и занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ столичной труппѣ, постоянно удостоиваясь самыхъ лестныхъ пріемовъ со стороны публики. Скончался Василій Ивановичъ 23 января, будучи боленъ всего только одну недѣлю: болѣнь онъ былъ тифомъ, быстро и съ чрезвычайной силой развившимся. Въ лицѣ этого умершаго артиста петербургскій театръ (весьма бѣдный талантами) понесъ замѣтную утрату.

Избытокъ жизни.

(Идиллія въ прозѣ)

(Окончаніе).

IV.

Дни, недѣли и мѣсяцы проходили, и бѣдные, удаленные отъ всего міра изгнанники по прежнему считали себя величайшими счастливцами. Чтобы оставаться въ подобномъ положеніи, потребно было все легкомысліе этихъ людей, которые думали только о настоящемъ мгновеніи.

— Дни становятся длиннѣе,—сказалъ мужъ,—скоро и весеннее солнышко засіяетъ на кровлѣ, которая противъ насъ.

— Да,—отвѣчала Катя,—и не далеко то время, когда можно будетъ растворить опять окно, садится къ нему и вдыхать въ себя свѣжій воздухъ. Помнишь, какъ было весело, когда прошедшимъ лѣтомъ вѣтерокъ приносилъ къ намъ сюда изъ парка запахъ липоваго цвѣта?

Она достала изъ угла два маленькіе горшка, наполненные землею, въ которыхъ были посажены цвѣты. Посмотри,—сказала она:—этотъ гіацинтъ и тюльпанъ принялись, не смотря на то, что мы считали ихъ погибшими. Если они поднимутся, то это будетъ служить знакомъ, что вскорѣ участь наша перемѣнится къ лучшему.

— Но, милая,—сказалъ онъ нѣсколько оскорбясь.—чего же намъ не достаетъ? Огня, воды, хлѣба вдоволь. Погода примѣтно становится теплѣе, дровъ будетъ менѣе нужно; потомъ наступятъ жары. У насъ, правда, ничего нѣтъ такого, чтобы можно было продать, но я надѣюсь напасть на такую работу, которая доставитъ мнѣ деньги. Подумай, какъ мы счастливы, что ни одинъ изъ насъ до сихъ поръ не хворалъ, ни даже Христина.

— Что съ нею сдѣлалось?—спросила Катя. Я ее давно не видала; ты отпускаешь ее рано утромъ, когда я еще сплю; ты берешь отъ нея закупки, хлѣбъ и воду. Она много работаетъ, она стара,—пища ея дурна. Что, если силы ей измѣнятъ и она занеможетъ? Отчего она такъ давно ко мнѣ не приходила?

— Когда-нибудь увидишься опять съ нею, подожди еще нѣсколько времени—отвѣчалъ мужъ не безъ замѣшательства, которое Катя замѣтила и которое поразило ее.

— Нѣтъ, другъ мой!—вскричала она съ обыкновенною ея живостью:—ты что-то отъ меня скрываешь, что-то случилось... Не удерживай меня, я сбѣгу внизъ, узнаю, тамъ ли она въ своей коморкѣ, не больна ли она, не сердится ли на насъ за что-нибудь.

— Ты такъ давно не ходила по этой гадкой лѣстницѣ,—замѣтилъ мужъ,—на ней такъ темно, можешь упасть!

— Нѣтъ,—вскричала она,—не удерживай меня; я знаю хорошо лѣстницу; я и въ темнотѣ не оступлюсь.

— Но такъ какъ мы сняли съ нея перила,—сказалъ онъ,—которыя намъ казались вещью безполезною, то я боюсь, что ты удержишься, споткнешься и упадешь.

— Ступеньки,—возразила она,—могу перечесть по пальцамъ, такъ онѣ мнѣ знакомы. Онѣ покойны и крѣпки, и по нимъ я буду еще часто ходить.

— По нимъ,—произнесъ онъ торжественно—ты никогда уже не будешь ходить!

— Что это значитъ? вскричала она, остановясь противъ своего мужа, и смотря ему пристально въ глаза. —что-то недоброе случилось въ домѣ; говори, что хочешь,—я бѣгу внизъ, чтобъ повидаться съ Христиной.

Она повернулась, чтобы отворить дверь; но онъ вскочилъ поспѣшно и обхватилъ ее, вскричавъ:—дитя! неужели ты хочешь сломить себѣ шею?

Такъ какъ долѣе скрываться было бы напрасно, то онъ самъ отворилъ дверь; они вышли на площадку, и когда онъ поднелъ жену свою къ самому краю, не выпуская, однакожь, ея изъ рукъ, она увидала, что не было уже лѣстницы, которая вела къ нимъ. Катя всплеснула руками, нагнулась и посмотрѣла внизъ; потомъ воротясь въ комнату, сѣла и начала разсматривать своего мужа. Онъ представилъ наблюдательнымъ ея взорамъ такое комически-важное лицо, что она не могла не расхохотаться. Послѣ того, она подошла къ печи, взяла одинъ изъ кусковъ дерева, осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и сказала: теперь понимаю, отчего эти дрова совершенно отличны отъ тѣхъ, какія были прежде. И такъ, мы и лѣстницу сожгли!

— Да,—отвѣчалъ мужъ, спокойно и смѣло,—теперь тебѣ извѣстно, что я сдѣлалъ, и надѣюсь, что бранить меня не станешь. Не понимаю, зачѣмъ до сихъ поръ я таилъ отъ тебя это. Какъ ни стараешься освободиться отъ предразсудковъ, все-таки не можешь ихъ искоренить совершенно, особенно этотъ ребяческій ложный стыдъ! Ты—единственное существо въ мірѣ, къ которому я питаю безпредѣльную довѣренность, единственное, которое вижу, потому что о минутныхъ свиданіяхъ съ старою Христиною и упоминать не стоитъ. Зима была такъ холодна, а дровъ взять негдѣ; смѣшно бы было раздумывать долго, когда дрова самыя крѣпкія и самыя лучшія, самыя сухія и самыя годныя для топки, были подъ нашими ногами; притомъ же мы вовсе не пользовались лѣстницею. И я совѣстился тебѣ сказать, совѣстился тогда, какъ за исключеніемъ нѣсколькихъ ступенекъ, всѣ прочія сожжены уже. Ты не повѣришь, какъ трудно было ихъ пилить и колоть. Иногда я такъ разогрѣвался, что послѣ того въ комнатѣ мнѣ было нестерпимо жарко.

— Но Христина?... спросила Катя.

— Она совершенно здорова,—отвѣчалъ мужъ,—каж-

Библиотека "Руниверс"

дое утро я спускаю къ ней веревку, къ которой она привязываетъ корзину; я втаскиваю сначала эту корзину, потомъ кувшинъ съ водою, и такимъ образомъ въ хозяйствѣ нашемъ все идетъ своимъ чередомъ.

— Мы живемъ,—отвѣчала Катя,—какъ во снѣ, живемъ такъ чудно, какъ только могло бы быть описано въ „Тысячѣ и одной ночи", Но что будетъ впередъ? Противъ моей воли, это такъ называемое будущее вмѣшивается иногда въ наше настоящее.

— Видишь-ли, милая,—сказалъ мужъ,—что ты рождена съ душею болѣе прозаическою, нежели я? Въ Михайловъ день уѣхалъ угрюмый хозяинъ нашего дома въ тотъ отдаленный городъ, гдѣ живетъ его другъ докторъ, чтобы лечиться у него отъ подагры. Мы были тогда чрезмѣрно богаты, такъ что заплатили ему впередъ не только за четыре мѣсяца, но даже за все слѣдующее время до праздника Пасхи. Онъ улыбался отъ удовольствія, припимая отъ насъ деньги. И такъ, со стороны его, по крайней мѣрѣ до Пасхи, намъ нечего опасаться. Время морозовъ миновалось, дровъ будемъ тратить менѣе, а на случай надобности у насъ въ запасѣ четыре ступеньки, и сверхъ того, старыя двери, доски пола и другіе сгараемые предметы. Утѣшимся этимъ и будемъ наслаждаться невозмутимымъ счастіемъ, живя здѣсь отдѣльно отъ цѣлаго міра, независимо ни отъ кого и ни въ комъ не нуждаясь. Мудрецы постоянно желаютъ пріобрѣсти это счастіе и очень немногимъ достается оно въ удѣлъ.

Однако не сбылось такъ, какъ предполагалъ мужъ. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, повозка подъѣхала къ домику. Они слышали, какъ она прогремѣла по мостовой, какъ остановилась подъ самыми ихъ окнами, и какъ изъ нея начали выходить пріѣзжіе. Черепичный навѣсъ препятствовалъ имъ узнать, кто пріѣхалъ.

Въ Валеріанѣ родилась тревожная мысль, что это могъ быть хозяинъ дома, избавившійся отъ припадка подагры ранѣе, нежели онъ разсчитывалъ.

Ясно было слышно, что вошли въ нижній этажъ домика, и тогда всякое сомнѣніе исчезло. Чемоданы и ящики были отвязаны и внесены въ домъ, многіе голоса говорили на улицѣ, пріѣзжій здоровался съ сосѣдями. Рѣшено: Валеріанъ долженъ будетъ выдержать борьбу сегодня же. Онъ прислушивался съ недовѣрчивостью, прислонясь къ двери. Катя устремила на него вопрошающій взоръ; но онъ, усмѣхаясь, покачивалъ головою и молчалъ. Внизу все успокоилось; старикъ удалился въ свою комнату.

Валеріанъ сѣлъ возлѣ Кати и сказалъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ: „Право жаль, что мало на свѣтѣ людей съ такимъ пылкимъ воображеніемъ, какимъ обладалъ Донъ-Кихотъ. Когда задѣлали дверь въ его библіотеку и объявили ему, что волшебникъ похитилъ не только книги, но и всю комнату, онъ постигъ тотчасъ, въ чемъ дѣло, не пускаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія. Прозаическаго было въ немъ такъ мало, что онъ даже не освѣдомился, куда могъ дѣваться такой отвлеченный предметъ, какъ пространство... И что такое пространство? Вещь безусловная, ничто, форма нашего разумѣнія. Что такое лѣстница? Вещь условная, но вовсе несамостоятельная, средство, предлогъ подниматься снизу на верхъ, и какъ относительныя понятія наши о томъ, что такое верхъ, и что низъ! Разувѣрится ли нашъ старикъ, что тамъ, гдѣ теперь пустое пространство, была когда-то лѣстница? Онъ столько склоненъ къ эмпиризму и раціонализму, что не убѣдится въ безполезности для созерцательной жизни многихъ предметовъ, которые въ прозаическомъ быту кажутся необходимостью. Какъ сообщу я ему отсюда—сверху, туда—внизъ, высшіе взгляды на жизнь и людей?"

— Да, да,—сказала Катя, улыбаясь,—мечтай и шути; это истинный юморъ тоски и грусти.

— Нимало,—возразилъ Валеріанъ,—неужели печальная существенность разрушитъ идеалъ моихъ созерцаній? Обыкновенное, земное, силится всегда подчинить и поработить духовное.

— Тише! сказала Катя,—внизу опять зашевелились.

Валеріанъ помѣстился опять возлѣ двери и растворилъ ее немного. „Пойду, повидаюсь съ моими жильцами"—произнесъ голосъ внизу очень явственно—„надѣюсь, что жена такъ-же прелестна и оба такъ-же здоровы и веселы, какъ были прежде." — „Вотъ теперь-то" —сказалъ Валеріанъ тихо—„предстоитъ ему задача."

Минута молчанія. Старикъ во мглѣ сумерекъ бродитъ ощупью, занося высоко ногу. „Что это?" вскричалъ онъ. „Неужели домъ мой сталъ мнѣ незнакомъ? Ни здѣсь, ни тамъ! Что бы это значило? Илья, Илья, поди сюда!"

Старый слуга, который въ небольшомъ хозяйствѣ старика былъ всѣмъ во всемъ, явился на зовъ. „Помоги мнѣ взойти на лѣстницу"—сказалъ хозяинъ дома,—„я какъ-будто ослѣпъ или околдованъ, — не могу найдти большихъ, широкихъ ступенекъ. Что бы это значило?"

— Изпольте идти, господинъ Захарченко,—сказалъ слуга съ досадою—вы съ дороги не совсѣмъ еще поправились.

— И наткнулись — замѣтилъ Валеріанъ вверху—на такой случай, который собьетъ васъ еще болѣе съ толку.

— Тьфу пропасть! вскричалъ слуга—я ударился здѣсь головою; я точно одурѣлъ; насъ какъ будто домъ не принимаетъ.

— Онъ хочетъ,—замѣчалъ про себя Валеріанъ—объяснить себѣ непонятное посредствомъ чудеснаго: такъ глубоко вкоренена въ насъ наклонность къ суевѣрію!

— Я поворачиваюсь вправо, поворачиваюсь влѣво—сказалъ владѣлецъ дома,—шагаю впередъ—мнѣ почти сдается, что чортъ унесъ всю нашу лѣстницу.

— Почти! тихо подсказалъ Валеріанъ—вотъ повтореніе сцены изъ Донъ-Кихота; но страсть къ изслѣдованію не допуститъ его остаться при этой мысли; впрочемъ, предположеніе ложно: мы сваливаемъ вину на чорта, когда чего не понимаемъ, или когда, понявъ, находимъ это непріятнымъ.

Слышно было, что внизу ворчатъ, произносятъ шопотомъ ругательства, и что догадливый слуга отправился за огнемъ. Онъ принесъ свѣчу и, поднявъ ее твердою рукою, освѣтилъ пустое пространство... Захарченко взглянулъ вверхъ съ любопытствомъ — и остолбенѣлъ отъ страха и удивленія. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи, съ разинутымъ ртомъ, и наконецъ закричалъ такъ громко, какъ только позволяли ему легкія:

Чортъ возьми! Вотъ одолжили! Выйдите г. Валеріанъ Терлецкій ко мнѣ, мнѣ необходимо нужно видѣть васъ.

Дѣлать было нечего: Валеріанъ явился, нагнулся надъ пропастью, гдѣ при мерцающемъ сіяніи свѣчи стояли въ сумракѣ сѣней два адскіе призрака, и сказалъ дружески: „А! здравствуйте; г. Захарченко! это добрый знакъ, что вы воротились раньше, нежели предполагали. Очень радъ, что здоровье ваше поправилось."

— Слуга покорный! отвѣчалъ хозяинъ,—но не о томъ здѣсь рѣчь. Гдѣ, сударь, моя лѣстница?

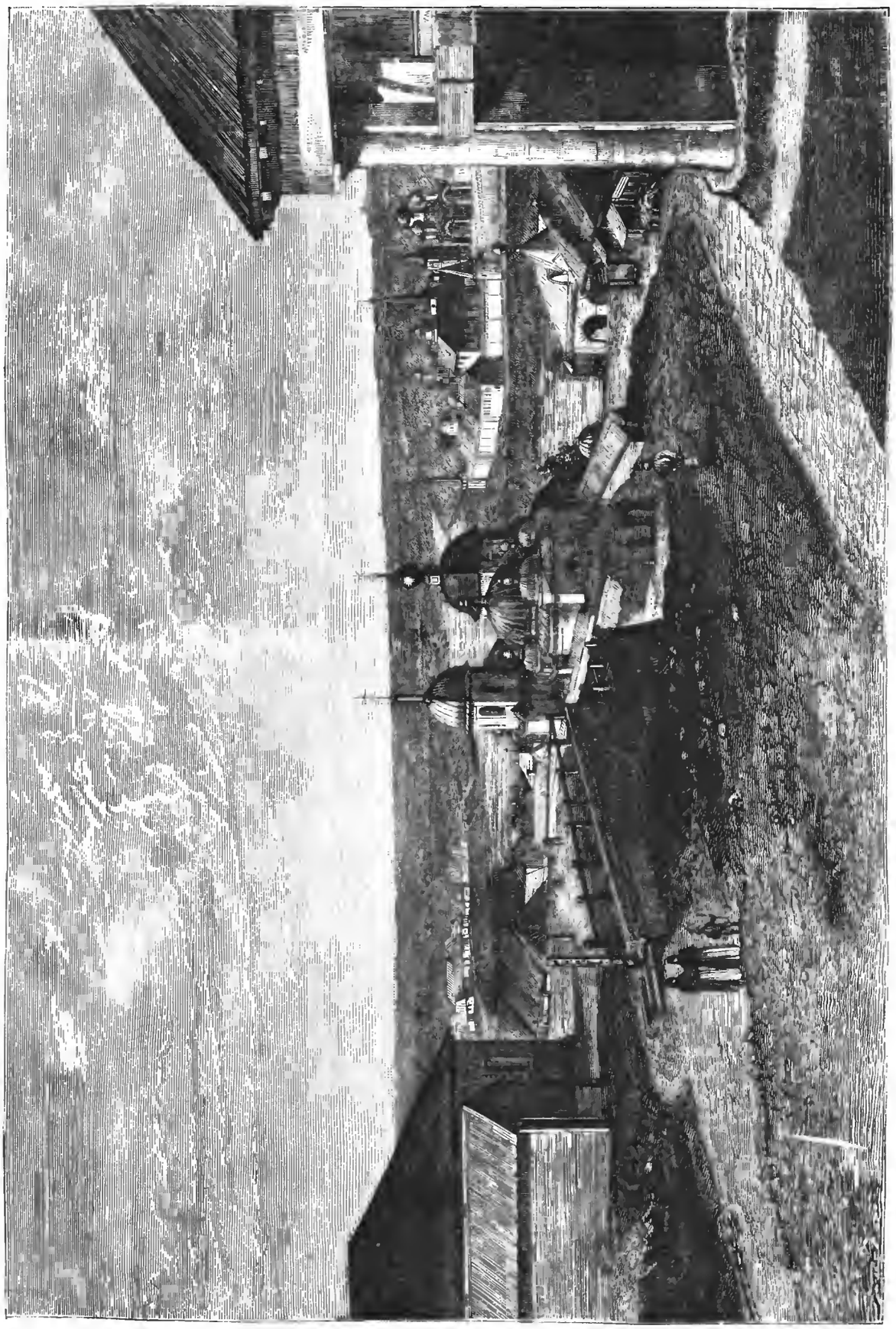
— Ваша лѣстница? возразилъ Валеріанъ, — а мнѣ какое дѣло до вещей, вамъ принадлежащихъ? развѣ передъ отъѣздомъ своимъ вы отдали мнѣ ее на сохраненіе?

— Не притворяйтесь такимъ простакомъ! закричалъ хозяинъ. Гдѣ моя лѣстница? Моя прекрасная, широкая, прочная лѣстница?

— А тутъ развѣ была лѣстница? спросилъ Валеріанъ. Я выхожу очень рѣдко, или, лучше сказать, вовсе не выхожу изъ дому, и знаю только то, что дѣлается въ моей комнатѣ. Я занимаюсь учеными изслѣдованіями, работаю, и ни о чемъ другомъ не забочусь.

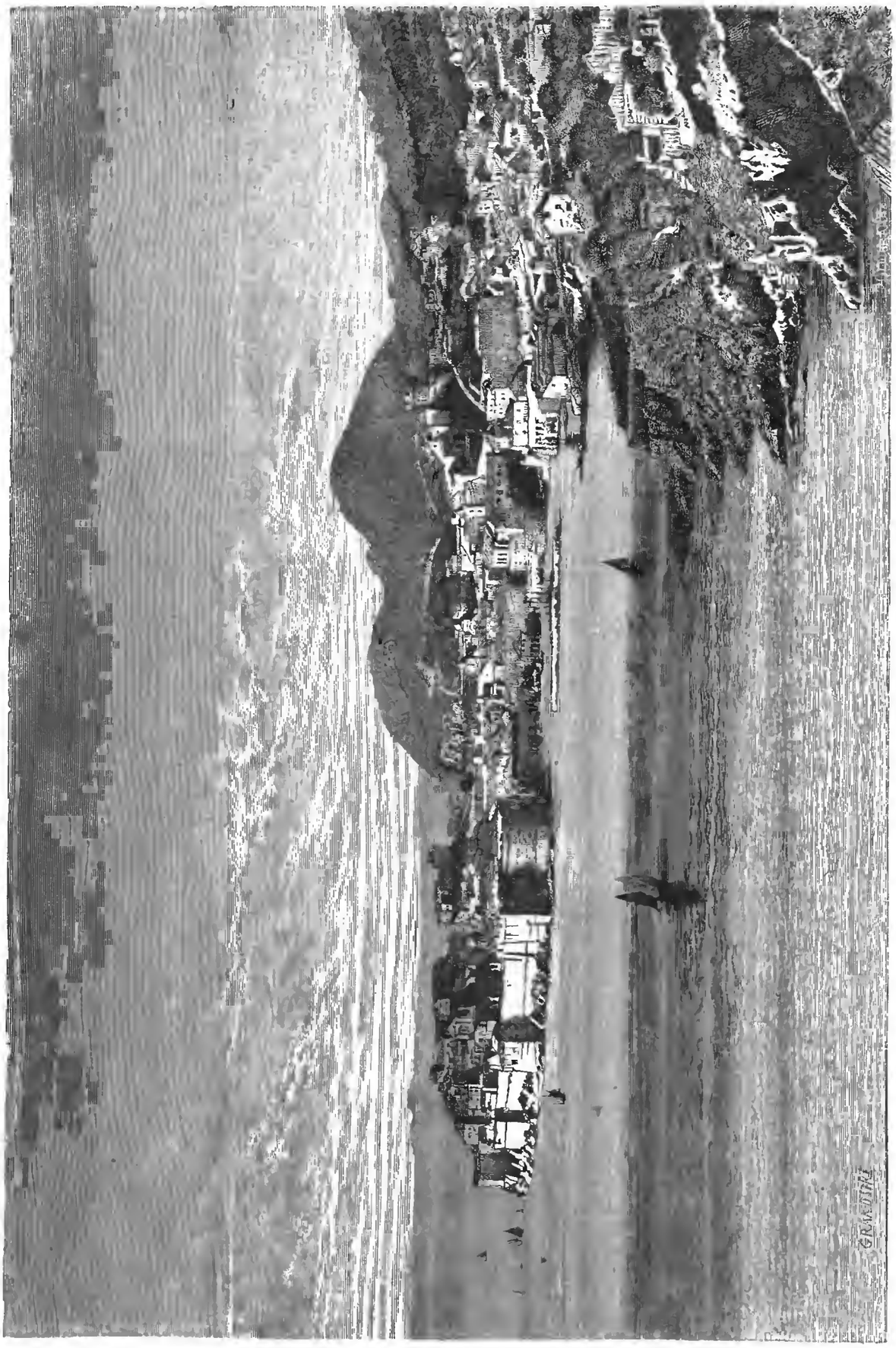
— Я говорю съ вами не шутя! вскричалъ хозяинъ. Гнѣвъ отнимаетъ у меня языкъ; но я переговорю съ

Библиотека "Руниверс"



Городъ Старица, Тверской губерніи. Рис. Подобѣльскій, грав. Вишневскій.

Библиотека "Руниверс"



Городъ Рагуза (въ Далмаціи). Рис. Грандсиръ, грав. Гильдебрандтъ.

Библиотека "Руниверс"

вами иначе. Вы единственный жилецъ въ моемъ домѣ; передъ судомъ вы должны будете открыть, что все это значитъ.

— Не сердитесь такъ,—сказалъ Валеріанъ,—и если вы охотники до историческихъ разсказовъ, то я вамъ сейчасъ могу удружить этимъ. Теперь я вспомнилъ, что тутъ прежде точно была лѣстница, но, какъ мнѣ сдается, я ее истратилъ.

— Истратили? закричалъ старикъ и затопалъ ногами. Грабить мой домъ?

— Боже сохрани!—Вы все преувеличиваете въ гнѣвѣ своемъ! Комната ваша, вижу, осталась въ цѣлости и неприкосновенности, наша вверху также; только эта дрянная лѣстница,—этотъ проводникъ для охотниковъ взбираться вверхъ, это орудіе опоры для слабыхъ ногъ, это вспомогательное средство и ослиный мостъ для скучныхъ посѣтителей и дурныхъ людей, эта связь для докучныхъ пролазовъ, — только она, по моему рѣшенію, моими стараніями, и даже, могу сказать, тяжкими усиліями, сокрушена и уничтожена.

— Но эта лѣстница,—возразилъ Захарченко,—съ ея безцѣнными, несокрушимыми перилами, эти двадцать двѣ ступеньки, широкія, крѣпкія, составляли неотъемлемую часть дома! Какъ я ни старъ, однако ни отъ кого не слыхалъ, чтобы позволительно было разрушать и тратить, какъ будто щепку, хозяйскую лѣстницу.

— Я бы желалъ,—отвѣчалъ Валеріанъ,—чтобы вы сѣли и выслушали меня спокойно. По этимъ двадцати двумъ ступенямъ взбѣгалъ сюда часто безсовѣстный человѣкъ, который выманилъ у меня дорогую рукопись, хотѣлъ ее напечатать, объявилъ себя банкротомъ, и исчезъ съ нею. Другой книгопродавецъ, безъ усталости всходилъ по этимъ дубовымъ ступенькамъ и опирался на ваши перила, чтобъ легче и удобнѣе взбираться комнѣ на верхъ; онъ приходилъ и уходилъ, всходилъ и сходилъ до тѣхъ поръ, пока, воспользовавшись затруднительнымъ моимъ положеніемъ, не получилъ моего экземпляра Чосера, перваго дорогого изданія, который онъ вынесъ отсюда подъ мышкою, заплативъ за него ничтожную цѣну. Охъ, сударь! послѣ такихъ опытовъ, не взлюбится поневолѣ лѣстница, которая даетъ дурнымъ людямъ возможность проникать въ верхній этажъ!

— Проклятыя мысли! кричалъ Захарченко.

— Укротите гнѣвъ свой! сказалъ Валеріанъ нѣсколько громче. Вы желаете знать всю связь событій. Я былъ обманутъ и обобранъ, какъ ни велика Европа, не говоря уже объ Азіи и Америкѣ, я не получалъ ни откуда векселей, какъ будто кредиты всѣ подорваны и всѣ банки закрыты. Суровая, немилосердная зима требовала дровъ для топки; у меня нисколько не было денегъ, на которыя я могъ бы добыть ихъ обыкновеннымъ путемъ. Я прибѣгнулъ къ искусственному займу, который нельзя назвать насильственнымъ: я не полагалъ, что вы, сударь, воротитесь ранѣе лѣта.

— Съумасшедшій! сказалъ хозяинъ. Неужели вы думали, несчастный, что въ огнѣ лѣстница моя выростетъ, сама собою, какъ спаржа?

— Я никакого понятія не имѣю о томъ, какъ ростутъ лѣстницы, и какъ ростетъ спаржа, и потому судить объ этомъ не могу,—отвѣчалъ Валеріанъ. Мы терпѣли крайній недостатокъ въ дровахъ, и такъ какъ я никуда не выхожу, жена моя тоже, да и къ намъ никто не ходитъ съ тѣхъ поръ, какъ у насъ взять нечего, то лѣстницу эту слѣдовало отнести къ излишествамъ жизни, къ предметамъ пустой роскоши, къ числу безполезныхъ изобрѣтеній. Если похвально, какъ утверждаютъ мудрецы міра, ограничивать свои нужды, довольствоваться самимъ собою, то я поступилъ благоразумно, уничтоживъ эту лѣстницу; по крайней мѣрѣ, она принесла мнѣ ту пользу, какую только я могъ отъ нея ожидать: она спасла меня отъ опасности замерзнуть. Развѣ вы не читали никогда, какъ Діогенъ откинулъ отъ себя деревянную кружку, когда увидѣлъ, что мальчикъ черпаетъ рукою воду и такимъ образомъ утоляетъ свою жажду.

— Вздоръ! замѣтилъ хозяинъ. Я видѣлъ человѣка, который приложился губами къ тростинкѣ и сквозь нее втягивалъ въ себя воду; не смотря на то, едва ли вашъ господинъ Діогенъ рѣшился бы отрубить себѣ руку... Но, что тутъ толковать! сбѣгай скорѣе за полиціей, Илья! Надобно дать этому дѣлу другой оборотъ.

— Не спѣшите! вскричалъ Валеріанъ. Вы должны наконецъ убѣдиться, что я, избавивъ домъ вашъ отъ излишества, сдѣлалъ вамъ существенное улучшеніе.

Хозяинъ, взявшій уже за ручку двери своей комнаты, воротился.

— Улучшеніе? спросилъ онъ съ величайшимъ гнѣвомъ. Вотъ еще новость!

— Это очень просто,—отвѣчалъ Валеріанъ,—и всякій въ этомъ убѣдится: вѣдь домъ вашъ не застрахованъ, не такъ-ли? А я во все это время видѣлъ страшные сны о пожарахъ; и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько домовъ по сосѣдству сгорѣло; во мнѣ родилось рѣшительное предчувствіе, даже, можно сказать, предвѣдѣніе, что такое же несчастіе постигнетъ вашъ домъ. Теперь спрашиваю всѣхъ архитекторовъ: можетъ-ли быть что-нибудь опаснѣе въ домѣ деревянной лѣстницы? Полиція должна была бы запретить подобную постройку. Когда пожаръ вспыхнетъ, то во всѣхъ городахъ, гдѣ существуетъ еще это злоупотребленіе, деревянныя лѣстницы становятся настоящею гибелью. Онѣ не только проводятъ огонь во всѣ этажи, но и поставляютъ живущихъ въ совершенную невозможность спастись. Такъ какъ я навѣрное зналъ, что вскорѣ здѣсь или по сосѣдству сдѣлается пожаръ, то съ большимъ трудомъ и усиліями разломалъ собственными руками дрянную, пагубную лѣстницу, чтобы по возможности уменьшить вредъ и опасность, какіе могутъ произойти отъ такого бѣдствія.

— Вотъ что,—сказалъ хозяинъ,—если бы я долѣе пробылъ въ отлучкѣ, то этотъ сорванецъ, подъ такимъ же благовиднымъ предлогомъ, истратилъ бы весь домъ мой. Истратилъ!... Какъ будто можно тратить дома? Но постой, любезный!.. Пришли ли полицейскіе? спросилъ онъ воротившагося слугу.

— Мы устроимъ, сударь, здѣсь большую, каменную лѣстницу, и вашъ дворецъ, равно какъ городъ и государство, выиграютъ чрезъ это.

— Вотъ сейчасъ зажмутъ вамъ ротъ,—отвѣчалъ хозяинъ и обратился къ городовому, который явился въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ служителей.

— Господинъ городовой,—сказалъ онъ,—слышали ли вы когда-нибудь о подобномъ злодѣйствѣ? Выломать въ моемъ домѣ просторную лѣстницу и во время моего отсутствія употребить ее на дрова!

— Это внесется въ вѣдомость о происшествіяхъ,—отвѣчалъ городовой грозно. Виновникъ, похититель лѣстницъ, будетъ наказанъ. Это хуже грабежа! Сверхъ того, онъ принужденъ будетъ вознаградить всѣ убытки. Милости просимъ сюда къ намъ, господинъ проказникъ!

— Никогда! вскричалъ Валеріанъ. Англичанинъ правъ, называя свой домъ святилищемъ, а мое здѣсь неприступно и недосягаемо. Опускной мостъ мой поднятъ.

— Этому горю пособить не трудно! вскричалъ городовой.—Ребята, принесите сюда большую пожарную лѣстницу, взберитесь по ней и притащите сюда преступника, связавъ ему руки веревками, если онъ будетъ сопротивляться.

V.

Домъ внизу наполнился людьми, жившими по сосѣдству; шумъ привлекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей,

Библиотека "Руниверс"

и толпа любопытныхъ собралась на улицѣ, чтобы развѣдать, что случилось и увидѣть, что изъ всего этого выйдетъ. Катя сидѣла у окна; она была въ величайшемъ смущеніи, однако сохраняла твердость, видя, что мужъ ея не теряетъ бодрости и, повидимому, мало заботится о послѣдствіяхъ. Она не постигала только, чѣмъ это кончится. Валеріанъ вошелъ въ эту минуту къ ней, чтобы ее утѣшить и взять кое-что изъ комнаты. Онъ сказалъ:

— Видишь ли, Катя, мы осаждены, трубачъ требовалъ уже, чтобы я сдался безусловно, и теперь я готовлюсь отвѣчать.

Катя дружески ему улыбнулась и проговорила только:

— Твоя участь будетъ моею; я думаю, однакожъ, что если бы отецъ мой увидѣлъ меня теперь въ этомъ положеніи, онъ простилъ бы намъ!

Валеріанъ вышелъ на площадку и, замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ хотятъ приставить лѣстницу, произнесъ торжественно:

— Господа, подумайте, что вы дѣлаете!

— Его —ство, его —ство! раздалось въ это время на улицѣ. Всѣ отступили, тѣснясь другъ къ другу. Блестящій экипажъ медленно подвигался сквозь толпу. Лакеи, въ ливреѣ съ галунами, стояли на запяткахъ; нарядный и ловкій кучеръ управлялъ лошадьми. Карета остановилась, и изъ нея выскочилъ богато-одѣтый господинъ.

— Не здѣсь-ли живетъ господинъ Терлецкій,—спросилъ знатный баринъ.—Но что это за сборище?

— Тамъ затѣвается что-то недоброе, ваше сіятельство,—сказалъ одинъ лавочникъ. Полиція уже тамъ.

— Открыта опасная секта, ваше превосходительство, —сказалъ мясникъ,—которая хочетъ уничтожить всѣ лѣстницы въ домахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричала одна женщина.—не то, совсѣмъ не то: это, говорятъ, какое-то симоново отродье, которое хочетъ, чтобы и у насъ дрова и все было общее.

Незнакомцу трудно было пробраться въ двери дома, хотя все уступало ему дорогу. Старый Захарченко бросился къ нему на встрѣчу и съ величайшею вѣжливостью разсказалъ ему въ чемъ дѣло, присовокупивъ, что они еще не придумали, какъ овладѣть преступникомъ. Незнакомецъ вошелъ въ темныя сѣни и закричалъ громогласно: точно-ли живетъ здѣсь г. Терлецкій.

— Да,—отвѣчалъ Валеріанъ;—кто это еще меня спрашиваетъ?

— Лѣстницу! вскричалъ незнакомецъ. Я пойду къ нему.

— Я не допущу сюда никого,—отвѣчалъ Валеріанъ, —до меня никому не можетъ быть дѣла.

— Ну, а если я принесъ „Чосера",—возразилъ незнакомецъ,—изданіе Какстона съ листкомъ, исписаннымъ рукою г. Терлецкаго?

— Небо! воскликнулъ Валеріанъ, — я сдаюсь. Ты, добрый ангелъ, можешь сюда взойдти.—Катя,—закричалъ онъ весело, но со слезами на глазахъ нашъ другъ, Андрей Щербатовъ, явился къ намъ на помощь.

Катя вскрикнула отъ восторга и бросилась на шею мужу, не будучи въ силахъ удержаться отъ слезъ. Но эти слезы были слезы благодарности къ Богу за помощь въ тяжелую минуту.

Незнакомецъ переговорилъ съ хозяиномъ и успокоилъ его совершенно; полиція была отпущена; труднѣе было удалить толпу; но когда и она разсѣялась, Илья приставилъ большую лѣстницу и знатный незнакомецъ одинъ отправился въ жилище друга.

Улыбаясь, окинулъ онъ взоромъ комнату, вѣжливо поклонился Катѣ и бросился въ объятія къ растроганному Валаріану, который могъ произнести только два слова: „мой Андрей!"

Они оправились немного отъ радости, отъ удивленія. Участь бѣдныхъ супруговъ тронула до глубины души Андрея; потомъ онъ смѣялся, слушая разсказъ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ они находились, и о средствахъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы изъ него выйдти; потомъ восхищался опять красотою Кати, и оба друга обновили въ своей памяти всѣ случаи, всѣ радости юношескаго своего возраста.

— Теперь поговоримъ о дѣлѣ,—сказалъ Андрей.— Капиталъ, ввѣренный мнѣ тобою передъ моимъ отъѣздомъ, возросъ до неимовѣрности, такъ что ты можешь считать себя теперь богатымъ человѣкомъ; ты можешь жить независимо, гдѣ и какъ хочешь. Въ радости, что съ тобою скоро увижусь, я вышелъ на берегъ въ Лондонѣ: тамъ надобно было мнѣ окончить кое-какія денежныя дѣла. Зная твою страсть къ древностямъ, я отправился опять къ моему книгопродавцу-антикварію, чтобы тебѣ привезти пріятный подарокъ. У него увидѣлъ я экземпляръ „Чосера", въ такомъ точно переплетѣ, въ какомъ я подарилъ тебѣ его нѣкогда. Беру книгу и ужасаюсь, увѣряясь что это твой экземпляръ. Одна ужасная нужда могла заставить тебя разстаться съ нимъ, если только у тебя его не украли. Случайно попался мнѣ на глаза листокъ, исписанный твоею рукою, гдѣ ты называешь себя бѣднякомъ, гдѣ подписалъ имя Терлецкаго и означилъ городъ, улицу и домъ, въ которомъ ты живешь. Ты перемѣнилъ имя, ты скрываешься: какъ бы отыскалъ я тебя, если бы не эта безцѣнная книга? Прими же ее отъ меня во второй разъ и береги тщательно: она чуднымъ образомъ сдѣлалась лѣстницей, по которой я приведенъ къ тебѣ... Я сокращаю мое пребываніе въ Лондонѣ, спѣшу сюда —и узнаю отъ твоего начальника что ты увезъ его дочь.

— Отецъ мой здѣсь? вскричала Катя, блѣднѣя.

— Да,—продолжалъ Андрей,—но не пугайтесь; еще не знаетъ онъ, что вы находитесь здѣсь въ городѣ. Онъ оплакиваетъ теперь свою жестокость, упрекаетъ себя самого и въ отчаяніи, что потерялъ всякій слѣдъ своей дочери. Давно уже онъ простилъ вамъ и разсказалъ мнѣ, что вы совершенно пропали, что онъ, не смотря на всѣ поиски, не могъ открыть вашего убѣжища. Это понятно, другъ, если только взглянуть на образъ жизни, который ты ведешь здѣсь какъ пустынникъ, и если вспомнить, что ни одно извѣстіе, ни одна газета до тебя не доходила; иначе ты узналъ бы, что твой тесть живетъ близь тебя, и какъ я радъ, что могу это сообщить тебѣ,—онъ простилъ тебя. Я сейчасъ отъ него, но я не сказалъ ему, что питаю надежду сегодня же тебя увидѣть. Онъ желаетъ, чтобъ ты, когда отыщешься вмѣстѣ съ его дочерью, жилъ въ его имѣніи, потому что, вѣроятно, ты самъ не захочешь вступить на прежнее свое поприще.

Все было радостью. Свѣтлая будущность раскрылась для супруговъ. Охотно покинули они вынужденную философію бѣдности, которой утѣшенія и горечь испили до послѣдней капли.

Другъ дѣтства отвезъ ихъ сначала въ свое жилище, гдѣ онъ позаботился о ихъ нарядахъ, чтобы въ приличномъ одѣяніи представить ихъ отцу. Что старая, вѣрная Христина не была забыта, объ этомъ не нужно и упоминать. Она была счастлива по своему не менѣе господъ.

По отъѣздѣ Валеріана въ домѣ Захарченко работали плотники. Они строили новую лѣстницу. Хозяинъ, улыбаясь, надзиралъ за работами. Убытокъ его вознагражденъ былъ такъ щедро, что старый скряга весело потиралъ руки, и охотно отдалъ бы опять въ наймы свою квартиру подобному жильцу.

По истеченіи трехъ лѣтъ, онъ принималъ у себя съ низкими поклонами знатныхъ особъ, которыя пріѣзжали

Библиотека "Руниверс"

къ нему въ богатой каретѣ. Онъ самъ повелъ ихъ по новой лѣстницѣ въ верхнюю комнату, въ которой жилъ тогда одинъ бѣдный переплетчикъ. Держась за руки, они подошли къ окну, взглянули опять на законченную кровлю противустоящаго домика, на печальныя каменныя стѣны, возвышавшіяся по бокамъ его, на которыхъ по прежнему трепетали лучи солнца. Эта противоположность тогдашней ихъ нищеты и настоящаго благосостоянія поразила ихъ до глубины души.

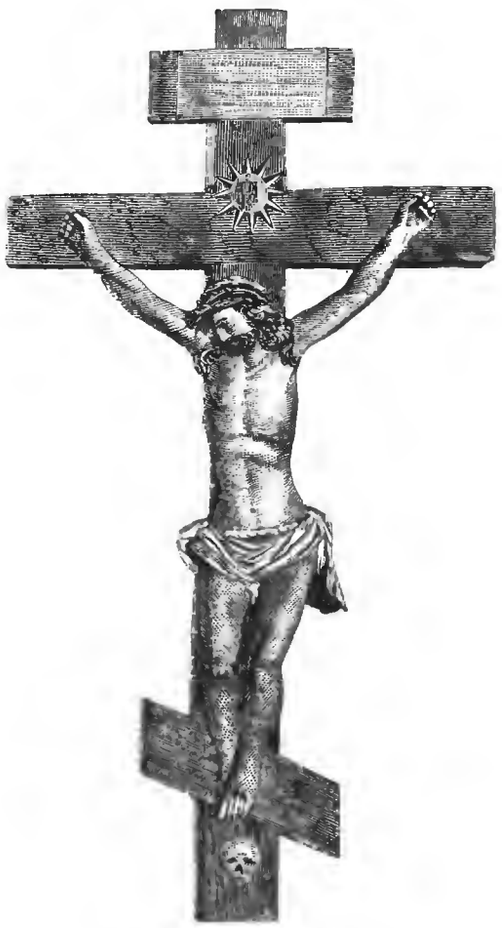
— Другъ нашъ Андрей ждетъ насъ,—сказалъ Валеріанъ.—и богато наградивъ переплетчика, удалился съ своею женою. Дорогою они оба размышляли о жизни, о нуждахъ и избыткахъ, о тайнѣ бытія нашего...

Н. Про—на.

Городъ Старица.

Городъ Старица, незначительный уѣздный городокъ въ Тверской губерніи, занимаетъ гористое и возвышенное мѣстоположеніе по обоимъ берегамъ рѣки Волги. Лѣвый берегъ Волги, принимая въ себя маленькую рѣчку Старицу, пробѣгающую глубокимъ оврагомъ, образуетъ почти отвѣсную скалу, гдѣ на самой ея вершинѣ въ 1297 году „бысть срубленъ городокъ на Волѣ ко Зубцову на р. Старицы". Этотъ городокъ, принадлежавшій Тверскому княженію подъ именемъ Новаго городка, въ концѣ XIV столѣтія „погорѣ отъ грома" и затѣмъ вновь былъ отстроенъ, находясь уже во владѣніи князей изъ дома князя Михаила Ярославича. Когда пала гордая Тверь, присоединенная къ Московскому государству, то вмѣстѣ съ нею преклонился передъ первопрестольной Москвой и городъ Старица. Изъ князей Московскаго рода Старицею владѣлъ сынъ Великаго князя Ивана Васильевича III, Андрей, отъ котораго г. Старица перешелъ въ наслѣдство, какъ родовой удѣлъ, сыну его Владиміру Андреевичу. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный любилъ г. Старицу и послѣ смерти своего племянника, Владимира Андреевича, посѣщалъ этотъ городъ довольно часто, укрѣпилъ его каменною оградой и большимъ землянымъ валомъ. За валомъ находились царскіе терема и старый соборъ (во имя св. Бориса и Глѣба), построенный по приказанію грознаго владыки въ стилѣ Покровскаго собора въ Москвѣ (церковь св. Василія Блаженнаго). Уничтоживъ послѣдняго удѣльнаго князя, Иванъ Васильевичъ укрѣпилъ свой любимый городъ Старицу, сохранившій до настоящаго времени названіе „Любимъ Города". Со смертью Грознаго, г. Старица утратилъ свое прежнее значеніе и испытывая неоднократное разореніе отъ Литвы и самозванца (тушинскаго вора), болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ и въ 1708 году былъ причисленъ къ Смоленской губерніи. Въ 1719 году онъ значился принадлежащимъ къ Тверской провинціи С.-Петербургской губерніи, гдѣ и находился до 1727 года. Послѣ того его отчислили къ Новгородской губерніи, въ составѣ которой онъ пробылъ до 1775 года и, наконецъ, послѣ причисленія къ Тверскому намѣстничеству, онъ съ 1796 года составляетъ уѣздный городокъ Тверской губерніи.

Нужно замѣтить, что Старица въ недавнемъ прошломъ былъ довольно замѣтнымъ городомъ по кузнечному производству. Въ немъ производилась ручная ковка топоровъ, серповъ, подковъ и косъ. Кромѣ того, доходъ жителей составляло добываніе бѣлаго камня. Кузнечное производство, упадая постепенно подъ давленіемъ такого же производства въ другихъ городахъ, въ настоящее время уже не обезпечиваетъ существованіе жителей. Населеніе Старицы достигаетъ до семи тысячъ душъ. Теперь главные промыслы составляютъ огородничество и извозъ; послѣдній, впрочемъ, съ открытіемъ Новоторжской желѣзной дороги почти прекратился. Эта дорога, проходя отъ Старицы въ десяти верстахъ, отбила у старицкихъ ямщиковъ довольно порядочный заработокъ и принудила ихъ взяться за соху.



Крестъ собственноручной работы Императора Петра I, хранящійся въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ.

На прилагаемомъ рисункѣ изображены: на правой сторонѣ перваго плана гауптвахта, за нею на отлогой покатости, идущей къ Волгѣ, видна часть рядовъ, церковь и часовня. На правой сторонѣ рѣки находится Старицкій Успенскій 2-го класса мужской монастырь.

Старицкій Успенскій монастырь основанъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ вскорѣ послѣ полученія въ свой удѣлъ Старицы. Подъ колокольней главнаго соборнаго храма монастыря (Успенія Пресвятыя Богородицы) сохранилась до сихъ поръ келія патріарха Іова и каменная его гробница, а подъ сводами самаго храма находятся (по преданію) слѣды подземнаго хода подъ Волгу на старое городище, гдѣ находились палаты старицкихъ князей и царя Ивана Васильевича Грознаго. Кромѣ соборнаго храма въ монастырѣ находится старинная каменная Введенская церковь и надъ воротами ограды церковь св. Іоанна Богослова, построенная первоначально княземъ Андреемъ Ивановичемъ Старицкимъ, дядею царя Ивана Васильевича Грознаго. Въ монастырѣ находится при Введенской церкви деревянный крестъ собственноручной работы Императора Петра I съ слѣдующею надписью:

„Изображеніе Іисуса Христа распята. Трудами Государя Императора Петра Великаго и его собственными руками сооруженное, во время употребленія минеральныхъ водъ въ Кончозерѣ".

Какимъ образомъ этотъ крестъ попалъ въ Старицкій монастырь—неизвѣстно. Можно предположить, что Императоръ Петръ I, проѣзжая чрезъ г. Старицу, захотѣлъ поощрить его тружениковъ по кузнечному мастерству и во время пребыванія въ Кончозерѣ соорудилъ своими руками крестъ, изображенный на нашемъ рисункѣ.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка города Старицы считаемъ нужнымъ присовокупить, что первымъ архимандритомъ Успенскаго монастыря былъ Іовъ, впослѣдствіи патріархъ, а за нимъ Діонисій, келарь Троицко-Сергіевской Лавры. Какъ память о доблестномъ Діонисіи, въ Успенскомъ Старицкомъ монастырѣ сохраняется его серебряное кадило.

И. Красницкій.

Рагуза.

Прежде глава славной республики, теперь незначительный городъ Далмаціи. Рагуза обязана своимъ основаніемъ переселенцамъ греко-романскаго происхожденія изъ Епидавра и Салоны, бывшихъ древнихъ городовъ на Адріатическомъ побережьѣ. Скалистый полуостровъ при подошвѣ крутой горы, гдѣ расположена теперь Рагуза, началъ заселяться епидаврянами со второй половины III вѣка, когда ихъ городъ былъ разрушенъ Готами. Три вѣка спустя, когда славяне разрушили Са-

Библиотека "Руниверс"

Египтянки у водоема. Картина Ганса Макарта, грав. Клюсъ.

Библиотека "Руниверс"

лону, пришли сюда и поселились салоняне — и вотъ является новый городъ, который назывался сначала *Лауза* (скалистый), а потомъ, подъ вліяніемъ произношенія, измѣнился въ *Рауза* и, наконецъ, *Рагуза* *). Выгодное приморское положеніе и равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ привлекали сюда новыхъ поселенцевъ, а предпріимчивость и трудолюбіе жителей обогащали рагузскую общину посредствомъ торговли. Новый городъ былъ окруженъ врагами: съ моря грозили пираты, съ суши—славяне изъ Требиньс. Община боялась расширять свои границы, крѣпко держась своей малодоступной для непріятеля скалы. Первое увеличеніе города приписываютъ Павяоміру, королю Кроаціи, который за оказанное ему рагузянами убѣжище обвелъ ихъ городъ укрѣпленіями, построилъ церкви св. Сергія и св. Стефана и исходатайствовалъ у папы, чтобъ архіепископъ епидаврскій перенесъ свою резиденцію изъ Брено въ Рагузу (690 г.). Въ VIII вѣкѣ рагузяне слывутъ уже за отважныхъ мореходцевъ, которые сами справляются съ пиратами. Въ IX вѣкѣ они уже ведутъ торговлю въ Герцеговинѣ, Босніи и далѣе къ Балканамъ и участвуютъ въ союзѣ, образовавшемся изъ папы, французскаго короля и византійскаго императора, съ цѣлью изгнать изъ Апуліи сарацинъ. Венеціанцы, встрѣтивъ въ рагузянахъ себѣ соперниковъ по торговлѣ, пытались было завладѣть довѣрчивой Рагузой посредствомъ хитрости, прося у рагузскаго сената позволенія высадиться экипажу своего флота у города для запаса будто бы провизіей: но одинъ священникъ города донесъ сенату, что св. Василій, явившись ему во снѣ, открылъ ему о злонамѣреніи венеціанцевъ — и городъ былъ спасенъ. Съ той поры св. Василій сталъ считаться покровителемъ республики; во имя его былъ воздвигнутъ храмъ; изображеніе его было принято на національномъ знамени, а день памяти его сдѣлался народнымъ праздникомъ.

Территоріальное расширеніе республики шло теперь быстрыми шагами; но земли пріобрѣтались не завоеваніями, а подарками отъ сосѣднихъ славянскихъ королей или покупкою. У республики былъ возведенъ въ основной законъ принципъ — оказывать убѣжище всѣмъ угнетаемымъ, къ какой бы націи они не принадлежали. Многія царственныя особы укрывались въ Рагузѣ въ годину смутъ борьбы за престолы, а потомъ, сдѣлавшись обладателями власти, дарили они республикѣ города и земли.

Въ началѣ XIII вѣка между гражданами Рагузы возникли важные раздоры, такъ что сенаторъ призвалъ на помощь венеціанцевъ. Съ той поры, въ продолженіи 1½ вѣковъ, глава рагузской республики (ректоръ) былъ назначенъ венеціанскимъ сенатомъ, рагузяне платили Венеціи опредѣленную дань и помогали своимъ флотомъ. Въ половинѣ XIV вѣка они вышли изъ-подъ власти сената св. Марка, но должны были искать покровительства у могущественнаго тогда короля Венгріи Людовика. Они платятъ ему ежегодную дань, 3 раза въ годъ воздаютъ ему *славу* въ церквахъ Рагузы и плаваютъ подъ венгерскимъ флагомъ. Въ это время турки уже ступили на европейскую почву. Рагузяне поняли ихъ силу и заключили дружественный договоръ съ Орканомъ, выговоривъ, конечно, себѣ право торговли на востокѣ. Вообще Рагуза умѣла пользоваться торговыми преимуществами: платя дань всѣмъ своимъ сосѣдямъ, она сторицею возвращала свои деньги черезъ торговлю въ тѣхъ же земляхъ. Правиломъ политики рагузянъ было: „лучше имѣть въ повелителѣ міра союзника, нежели врага". Въ первой половинѣ XVI вѣка является такимъ повелителемъ Карлъ V, союзъ съ которымъ дорого стоилъ рагузянамъ: помогая ему въ войнахъ, они потеряли болѣе 320 судовъ. Но не смотря на трудность своего политическаго положенія, маленькая республика широко распространила свою торговлю: у нея были торговыя конторы въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и на всемъ востокѣ; флагъ республики развивался на всѣхъ моряхъ, омывающихъ берега и материки новаго и стараго свѣта; флотъ ея имѣлъ болѣе 500 большихъ судовъ...

Находясь въ апогеѣ своего могущества, Рагуза была поражена въ 1667 году ужаснымъ несчастіемъ: страшное землетрясеніе разрушило большую часть города, похоронивъ подъ развалинами зданій болѣе 5 тысячъ человѣкъ жителей. Замѣчательно, что это событіе произвело какую-то роковую панику на республику; духъ народа замѣтно упалъ, живительная сила націи какъ будто истощилась. Въ концѣ слѣдующаго столѣтія французы ослабляютъ республику, потребовавъ отъ нея *безвозвратной ссуды* въ милліонъ франковъ, а въ 1806 г. они взяли Рагузу, уничтоживъ ея независимость. Съ 1814 г., когда Австрія, по вѣнскому конгресу, получила себѣ Далмацію, территорія Рагузской республики, вмѣстѣ съ своимъ главнымъ городомъ, вошла въ составъ Австрійской имперіи.

Такъ окончилось самостоятельное существованіе свободнаго города, въ которомъ въ цвѣтущую его эпоху, было до 30 тысячъ жителей, 47 церквей, 2 аббатства и 8 монастырей. Скажемъ кстати, что масса населенія республики принадлежала къ славянскому племени, но жители Рагузы были греко-романскаго происхожденія. Господствующая церковь была католическая, и только католики имѣли право гражданства. Литературный и дѣловой языкъ былъ латинскій или итальянскій: всѣ ученыя сочиненія писаны исключительно на этихъ языкахъ, славянскій встрѣчается только въ проповѣдяхъ и стихотвореніяхъ.

Теперешняя Рагуза—жалкая копія прежняго города; нынѣ въ ней только 6 тысячъ жителей. Внѣшнимъ своимъ видомъ напоминаетъ она средневѣковой городъ съ толстыми изъ дикаго камня стѣнами, башнями, рвами и подъемными мостами. Съ сѣверозападной стороны города, на крутой скалѣ, возвышается крѣпостца св. Лаврентія, господствующая надъ городомъ, а съ восточной—крѣпостца Равелинъ. Черезъ весь городъ идетъ съ запада на востокъ, совершенно прямая улица — Страдона, на протяженіи 150 саж. при ширинѣ до 5 саж. по ней много лавокъ съ галантерейными вещами и золотошвейныхъ мастерскихъ, въ которыхъ дѣлаютъ красивыя вышивки на жилетахъ и короткихъ камзолахъ теперешнихъ жителей. Дома построены всѣ изъ гранита, со многими балконами и молотками у воротъ, вмѣсто нашихъ звонковъ. Отъ Страдоны идутъ въ обѣ стороны переулочки, шириною небольше одной сажени. Такъ какъ эта улица идетъ при подошвѣ крутой скалы, то переулочки въ эту сторону представляютъ собою крутыя лѣстницы, въ сотню ступеней каждая. На главной площади города, въ восточномъ концѣ Страдоны, замѣчательны слѣдующія зданія: таможня, каѳедральный соборъ св. Власія и большой дворецъ, гдѣ жилъ ректоръ, т. е. правитель республики. Таможня снаружи имѣетъ видъ дворца, внутри ея находится дворъ со многими аркадами и магазинами подъ ними. Здѣсь собирались пошлины съ привозимыхъ товаровъ, чеканилась монета, происходили академическія собранія ученыхъ и поэтовъ, а также давались драматическія представленія. На зданіи таможни замѣчательна латинская надпись: „когда я вѣшу товары, Богъ держитъ мои вѣсы". Соборъ св. Власія выстроенъ вновь послѣ землетрясенія; въ немъ находятся мощи: голова св. Лаврентія, голова св. Власія и рука того же святого. Зданіе дворца было въ 2 этажа, но верхній упалъ во время той же катастрофы 1667 года. Онъ напоминаетъ по архитектурѣ, какъ и прочія зданія Рагузы, постройки въ Венеціи; на фасадѣ его находится портикъ, подъ которымъ, на разставленныхъ кругомъ скамьяхъ, возсѣдали нѣкогда члены совѣта, а теперь укрываются тутъ жители въ ненастное время. Замѣчательны также 2 монастыря — доминиканскій и францисканскій, при которыхъ, въ библіотекахъ, хранится много рукописей. Въ обоихъ концахъ Страдоны было устроено по фонтану, въ которыхъ шла вода изъ-за нѣсколькихъ верстъ отъ города, изъ источниковъ. Всѣ улицы города вымощены плитою; чистота на нихъ замѣчательная. Населеніе вообще отличается опрятностью и честностью. Рагузская крестьянка идетъ въ городъ или въ новомъ или въ лучшемъ платьѣ, а чтобы не запачкались у нея дорогой чулки и башмаки, она идетъ до города босикомъ, а у городскихъ воротъ надѣваетъ свои чистые чулки и башмаки... Но теперь нѣтъ тамъ прежней кипучей жизни: Рагуза утратила все, чѣмъ прежде гордилась — свободу и богатство, науку и искусство, торговлю и промышленность, общественное управленіе и обычаи.

*) Почему впослѣдствіи славяне назвали Рагузу Дубровникомъ, рѣшить трудно. Объясненіе названія отъ *дуброва* оказывается несостоятельнымъ: скала, на которой построенъ городъ, совсѣмъ голая, безлѣсная. Можетъ быть, *Дубровникъ* получилось изъ *Добровникъ*; тогда названіе намекаетъ на *доброту* жителей, оказывавшихъ у себя убѣжище всѣмъ недовольнымъ.

Къ рисункамъ.

Дочери сфинкса.

(Очеркъ Ц. фонъ-Винценти).

Между моремъ и пустыней лежитъ эта страна, страна, которую можно сравнить съ гранитнымъ ящикомъ. Рука Господня положила на дно этого ящика чудесный, райскій даръ на пользу людямъ — и съ тѣхъ поръ *тамъ* струится вѣчный Нилъ, тамъ вѣчное плодородіе. Имя страны благодатной—*Мизраимъ*. Подъ этимъ словомъ скрывается великая тайна африканской культуры, чарующей дѣтей XIX вѣка.

„Мизраимъ" породилъ сфинкса—этого громаднаго символическаго гермафродита (двуполое существо), который въ продолженіи четырехъ тысячелѣтій стоитъ на стражѣ пирамидъ и глядитъ на священную рѣку—кормилицу людей...

Мы стоимъ на вершинѣ пирамиды Хеопса.

Какой видъ! Какая страна! Вонъ тамъ—золотисто-зеленымъ вѣеромъ раскинулись низменности дельты, изукрашенныя звонкожурчащими ручьями: вѣнцомъ того края является большой, свѣтлый городъ—около Мокаттама: съ высокихъ, красивыхъ башенъ раздается призывный звонъ къ молитвѣ... А тамъ—что за улья, прилѣпившіеся къ пагодамъ? Это — темныя хижины фелаховъ. Среди роскошной, сочной зелени катитъ свои волны величественный Нилъ, осѣненный вѣчно цвѣтущими пальмами.

Но сойдемъ съ Хеопсовой пирамиды.

Вотъ мы на землѣ, которую Всевышній осыпаетъ своими щедротами. У подножія чешуйчатыхъ стволовъ пальмъ волнуется

Библиотека "Руниверс"

цѣлое море золотистыхъ колосьевъ; сахарный тростникъ, индиго и хлончато-бумажныя плантаціи даютъ богатый доходъ; финиковыя пальмы, исполинскіе стручья рожковаго дерева, золотое пшено, фасоль—все это хлѣбъ для всѣхъ, только не для фелаховъ... Фелахъ, неутомимый радѣтель всей этой роскоши и изобилія—одинъ онъ голодаетъ, одинъ онъ терпитъ нужду!.. И такъ было испоконъ вѣка. Въ тѣ времена, когда упрямство, капризы фараоновъ воздвигали пирамиды изъ гранитныхъ глыбъ и человѣческихъ жизней, когда эти фараоны смотрѣли, какъ изъ Ливійской скалы высѣкался сфинксъ—и тогда было не лучше фелахамъ. Въ этой благодатной странѣ народъ всегда былъ жалокъ несказанно: подъ лучами вѣчно, яркаго солнца онъ жилъ какъ бы въ потемкахъ, влача мрачную жизнь; у богатыхъ источниковъ бытія ему приходилось умирать отъ недостатка въ пищѣ; кругомъ него все ликовало, цвѣло, а онъ сдва прозябалъ. Вотъ что мрачный Амру сказалъ Омару, хранителю государственной печати исламистскаго религіознаго фанатизма: „Есть народъ на берегахъ Нила, который, подобно пчеламъ, неутомимо работаетъ на всѣхъ, но только не на себя". Это рабы—плуга! „Народъ фараона!" восклицаетъ презрительно бедуинъ, да и самъ фелахъ, подъ гнетомъ суевѣрнаго страха, бормочетъ такія рѣчи: „Дѣти сфинкса, мы люди загадочнаго происхожденія... Мы обречены на вѣчное страданіе... О, добрая кровь, эта сфинксова кровь!"... Всѣ хищническіе народы, сосавшіе кровь Мизрама—эѳіопы, персы и македоняне, римляне и арабы, мамелюки и турки—всѣ они или уже сгинули, или готовы сгинуть, только „дѣти сфинкса" держатся, живутъ... Варварскія, разбойничьи племена вымирали подъ этимъ небомъ, а народъ фараона, этотъ червь, почти растоптанный въ пескѣ Нила, сохранилъ свою физіономію, обнаружилъ невѣроятную живучесть, выносливость; цѣлыя тысячелѣтія не могли не только стереть его съ лица земли, но и измѣнить наружный видъ его... Хижины фелаховъ, какъ грибы послѣ дождя, выростаютъ безостановочно среди развалинъ бывшихъ храмовъ.

Фелахъ, исконный рабъ этой земли, былъ рабомъ предъидущихъ и всѣхъ послѣдующихъ „славныхъ" фараоновъ, которымъ онъ изъ собственной кожи вырѣзывалъ ремни для сандалій, кормя трудомъ своимъ этихъ людоѣдовъ. Въ былыя времена этотъ труженикъ могъ считать треть жатвы своею, а теперь —ему отдаютъ только пятую часть ея... Вотъ какъ бытъ его улучшился! Сборщики податей изъ Мемфиса и Ѳивъ стаскивали съ него послѣднюю рубаху, а вампиры изъ Каира и Сіута, за одно съ рубахой, сдираютъ и кожу фелаха. Въ теченіе многихъ вѣковъ земледѣліе на равнинахъ Нила сдѣлало крупные успѣхи, да преуспѣвали и бѣдствія „дѣтей сфинкса"; такъ что въ настоящее время нищета ихъ дошла до крайней степени.

Какъ, однако, не тяжело положеніе фелаха на берегахъ Нила—судьба фелахской женщины, „дочери сфинкса", еще тяжелѣе, печальнѣе. Если мужчинѣ иногда удается стряхнуть бремя съ одного плеча, то женщинѣ и такого облегченія не выпадаетъ на долю: она постоянно на обоихъ плечахъ тащитъ тяжесть, да еще вдобавокъ—за спиною у нея ребенокъ.

Фелахская женщина внушаетъ глубокое состраданіе. Жизнь ея полна скорби; это въ полномъ смыслѣ жизнь безпросвѣтная, безотрадная, какъ будто удѣлъ этого существа—страданіе. Ребенкомъ ростетъ она въ грязи, въ компаніи съ гусями, утками и рабочими буйволами. До шести лѣтъ фелашка весьма непривлекательна, но какъ только шесть лѣтъ исполнится ей — она разомъ преображается: формы тѣла развиваются и становятся пластически-прекрасными, какъ у древней женской статуи; черты лица дѣлаются поразительно похожими на типическія черты физіономіи сфинкса, изображеніе котораго вы встрѣчаете на каждомъ шагу въ Нильской странѣ. Перемѣна эта съ юной фелашкой совершается необыкновенно быстро — почти замѣтить нельзя перехода отъ дѣтства къ зрѣлому возрасту. Дѣвушка египтянка мгновенно, такъ сказать, становится такою, какою изобразилъ ее художникъ Макартъ... Прелестная картина его передъ нами: вотъ эта дѣвушка, стройная, какъ пальма, изящная, быстрая въ движеніяхъ своихъ, какъ воплощенная Изида. Взгляните на фелашку, вытаскивающую кувшинъ изъ воды—да это сама Батіанти, любимая, быстроногая дочь великаго Сезостриса, подъ золотой туфелькой которой изнывали три фараона! Кому довелось видѣть позолоченныя ножки мумій въ гробницахъ царицъ египетскихъ, тотъ увидитъ на картинѣ Ганса Макарта указаніе на отличительный признакъ расы „дочерей сфинкса" — маленькую ножку. А какъ хороша эта тонкая, изящная рука фелашки!... Таія, увѣнчанная лотосомъ, держала въ такой же нѣжной ручкѣ тяжелый скипетръ Аменопса въ продолженіи двадцати одного года.

Кожа фелахскихъ женщинъ бронзоваго цвѣта; лобъ у нихъ короткій и узкій, но *выразительный*, типичный; носъ, какъ и у сфинкса, нѣсколько вздернутъ, а глаза, по формѣ, продолговатые, цвѣтъ ихъ черный, они глубоки и блестящи, и всегда большіе, глядятъ какъ-то неподвижно изъ черной рамки (фелашки чернятъ вѣки). Какою изображена двѣнадцатилѣтняя фелахская дѣвушка на скульптурныхъ украшеніяхъ пещеръ Бэни-Гассана и Эль-Каба, такою же является она и теперь.

Фелашка, достигнувъ 11—12 лѣтняго возраста, становится уже женою и—наивная, чарующая прелесть ея лица, роскошь формъ исчезаютъ съ поразительной быстротой. Въ двадцать пять лѣтъ она уже старуха, и часто производитъ даже отталкивающее впечатлѣніе.

Въ дни мимолетной, скоропроходящей молодости, „дочерей сфинкса" величаютъ поэтическими именами; ихъ называютъ, напримѣръ, *берегомъ Нила*, *шафранной розой*, *цвѣткомъ жасмина* и т. п.

Одинъ изъ „Цвѣтковъ жасмина" памятенъ мнѣ, и, конечно, я никогда не забуду его. Дѣвушка эта производила какое-то опьяняющее впечатлѣніе. Она была единственнымъ ребенкомъ дерсненскаго шейха въ Саидѣ, гдѣ фелахская расса отличается необыкновенною красотой.

Жаркій выдался денекъ,—казалось, будто солнце хотѣло высушить Нилъ. И въ такую-то знойную пору я въ первый разъ встрѣтилъ эту бронзовую красавицу у золотистаго просянаго поля: она медленно шла по тропинкѣ полевой, держа на правомъ плечѣ пузатый кувшинъ съ удлиненнымъ горлышкомъ... О, какое это было очаровательное видѣнье!.. На этомъ „Цвѣткѣ жасмина" было нѣчто въ родѣ длинной туники изъ тонкой голубой сіутской матеріи; на головѣ у нея былъ платокъ, какіе обыкновенно носятъ фелахскія женщины, а въ ушахъ красовались большія серебряныя серьги въ видѣ трапецій; на темной изящной шейкѣ позвякивалъ уборъ изъ стеклянныхъ бусъ. Фелашки рѣдко когда закрываютъ лицо—и я видѣлъ черныя очи дѣвушки и полныя, алыя губки ея. Мнѣ хочется пить, сказалъ я, и оба мы встали другъ противъ друга на колѣни. Тихо дыша, она медленно наклонила кувшинъ, къ которому я нагнулся... Освѣжающая влага не могла залить во мнѣ внезапно вспыхнувшаго огня отъ этихъ черныхъ глазъ красавицы „дочери сфинкса". На смуглой ручкѣ ея я замѣтилъ ярко-зеленую полоску, на которой было начертано что-то изъ корана... Дѣвушка навѣрно не могла прочесть этого стиха изъ священной книги, а если и знала, что написано на зеленой полоскѣ, то этимъ и ограничивались ея познанія въ религіи... Да, *дочери сфинкса* молятся мало, работаютъ много и строго соблюдаютъ цѣломудріе.

„Да освѣжитъ эта вода сердце твое", проговорила она поднимаясь, и проговорила такимъ мелодичнымъ голосомъ, который сладко-болѣзненно сжимаетъ сердце...

Дѣвушка пошла своей дорогой, а я стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, слушая, какъ позвякивали на ногахъ ея браслеты... Это именно и есть тѣ „соблазнительные" звуки, отъ которыхъ, какъ извѣстно, даже коранъ предостерегаетъ богобоязненныхъ юношей.

Въ тотъ же день я узналъ, что эта „дочь сфинкса" уже замужемъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ я увидѣлъ и мужа—истаго Антиноя. Спустя годъ я опять встрѣтилъ ее, но уже въ Сіутѣ, передъ дворцомъ мудира (губернатора). У груди ея лежалъ ребенокъ. Я спросилъ ее: гдѣ же мужъ? Она отвѣтила, что мужа услали воевать въ Бѣлый Нилъ, а что отецъ ея—въ тюрьму посаженъ за долги. Молодая женщина, продавъ свои послѣдніе, жалкіе уборы, притащилась въ Сіутъ, чтобы внести за отца часть денегъ. Въ мудиратѣ были того мнѣнія, что старикъ шейхъ долженъ поплатиться собственною шкурою за вину другихъ, да къ тому же онъ и самъ тугъ на платежъ—и вотъ ему прописана была „горячая бамбуковая каша", какъ наилучшее, испытанное *златоустое* средство. Шейхъ этотъ имѣлъ человѣческое сердце—ну, а это и довело его до бѣды. Его били палками до тѣхъ поръ, пока онъ не отдалъ послѣдней золотой монеты, или вѣрнѣе—пока эта монета сама изо рта его не выскочила отъ невыносимой боли... Изъ тюрьмы старикъ вышелъ полу-калѣкой, а „Цвѣтокъ жасмина" поблекъ въ одинъ годъ, что же касается мужа ея, то наврядъ-ли ему вернуться съ Бѣлаго Нила... Впрочемъ, смерть солдата *лучше* смерти фелаха!

Взберемся опять на Хеопсову пирамиду.

Вечерѣетъ. Солнце клонится къ Ливійскому горному хребту. Голая цѣпь Мокаттама окрашивается яркой лиловой краской. Вонъ тамъ, среди песчанной пустыни, залитой розоватымъ свѣтомъ, высится голова сфинкса, а пирамиды уже бросаютъ длинныя косыя тѣни, доходящія до самой рѣки. Со стороны степи подуваетъ легкій, но порывистый вѣтерокъ. Бедуины, улегшись у подножія сфинкса, затянули свою монотонную пѣсню... Они называютъ этого исполинскаго идола „отцомъ ужаса" и все-таки спятъ беззаботно у его горячей, гранитной груди. „Дѣти сфинкса полагаютъ, что судьба ихъ не улучшится до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ съ окраины пустыни этотъ каменный, странный звѣрь, упорно глядящій на нихъ; они вѣрятъ, что когда пустыня поглотитъ сфинкса—тогда и проклятіе, давящее ихъ со временъ фараоновъ, потеряетъ свою силу, и фелахъ узнаетъ свободу.

Пер—ъ.

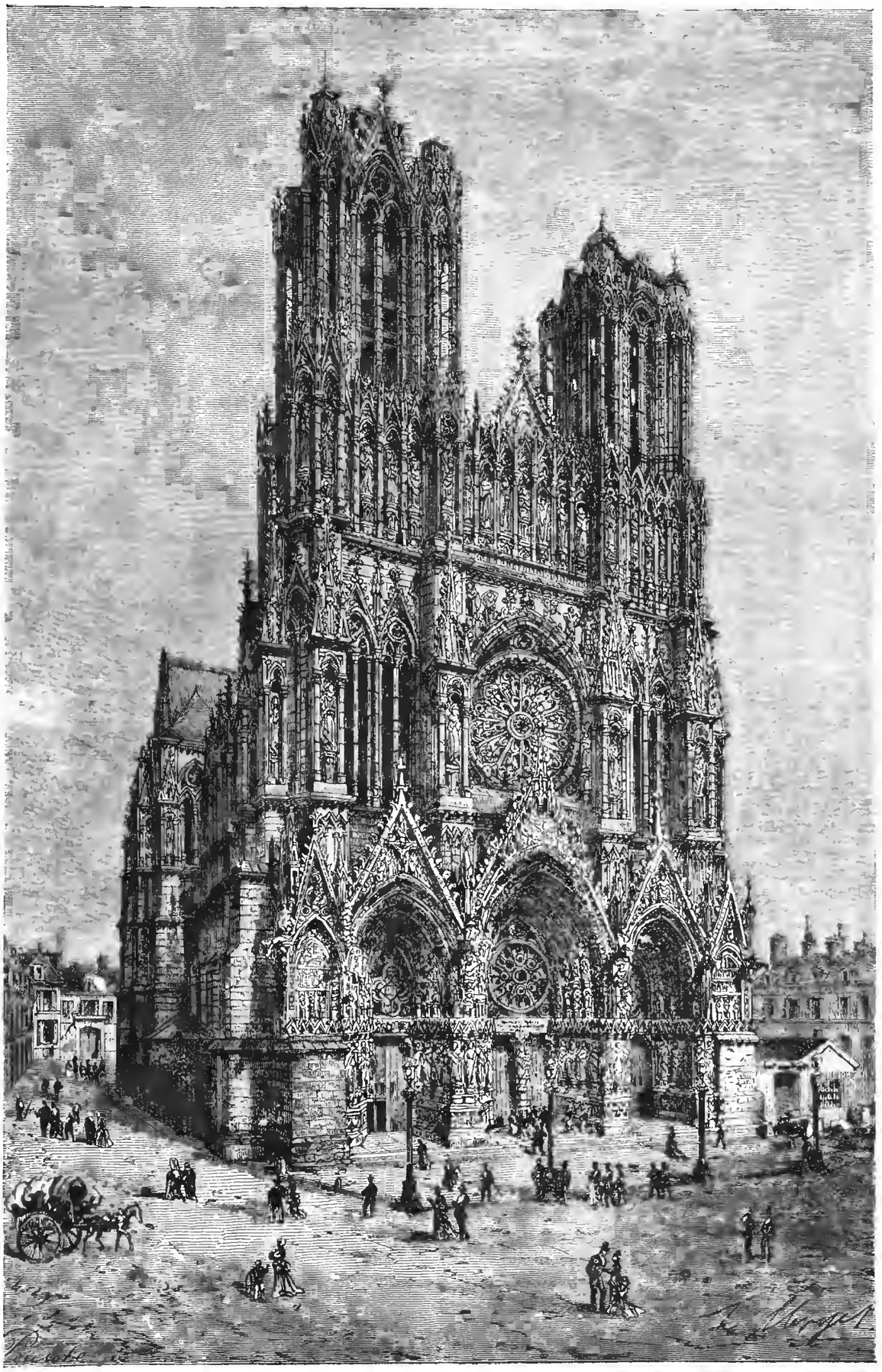
Реймскій соборъ.

Соборная церковь въ Реймсѣ принадлежитъ къ самымъ изящнымъ, великолѣпнымъ и величественнымъ памятникамъ среднихъ вѣковъ. Она извѣстна еще тѣмъ, что въ ней совершалась торжественная церемонія коронованія почти всѣхъ французскихъ королей. Первая-же соборная церковь (по свидѣтельству реймскаго лѣтописца—каноника) находилась за чертою горо-

Библиотека "Руниверс"

Народы Россіи: Сванеты (Обит. въ горахъ западнаго Кавказа). Съ фотографіи рѣзалъ Мукаровскій.

Библиотека "Руниверс"



Соборъ въ Реймсѣ. Рис. Марже, грав. Пелоти.

Библиотека "Руниверс"

да и только въ IV вѣкѣ по Р. Х., была перенесена въ самый городъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи св. Николай воспользовался древнимъ храмомъ въ цитадели реймской, посвященнымъ когда-то Венерѣ, и устроилъ въ немъ соборную церковь во имя Богоматери (Notre Dame).

Эбонъ, тридцать второй архіепископъ, распорядился (въ 822) перестроить этотъ храмъ, сдѣлать его болѣе обширнымъ, и затѣмъ освятилъ соборъ, хотя постройка его и не была окончена. Людовикъ Благочестивый отправилъ къ этому архіепископу своего архитектора Румольда и дозволилъ ему воспользоваться матерьяломъ, имѣющимся въ Реймсѣ, а именно развалинами городскихъ стѣнъ и воротъ, которыя разрушены были по повелѣнію Карла Мартела. Этотъ *второй* храмъ былъ оконченъ только въ X вѣкѣ при епископѣ Гинкмарѣ, который вторично освятилъ его въ присутствіи короля Карла Лысаго, коронованнаго въ Метцѣ (Лотарингіи).

24 іюля 1210 г. огонь истребилъ эту церковь, причемъ сгорѣла часть города. Робертъ де Кусси, знаменитый реймскій архитекторъ, взялся отстроить храмъ (1212 г.) и послѣ *тридцатилѣтняго* труда далъ ему тотъ видъ, какой имѣетъ онъ въ настоящее время.

Въ 1481 г., и также 24 іюля, пять колоколенъ собора сдѣлались жертвою пламени. Дѣйствіе огня такъ было разрушительно, что одиннадцать колоколовъ, вѣсившіе вмѣстѣ 34,000 фунт., расплавились, Карлъ VIII, прибывъ въ Реймсъ для коронаціи, ассигновалъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ соляныхъ амбаровъ, значительную сумму на поправку собора.

Реймскій соборъ въ длину имѣетъ 107 метровъ (метръ нѣсколько болѣе аршина), въ ширину—31 м., въ вышину—82 м. Порталъ состоитъ изъ трехъ аркадъ, украшенныхъ статуями, надъ которыми (а также и надъ сводомъ средней аркады) находятся пять рядовъ маленькихъ изваяній, нередѣланныхъ въ 1786—1792 годахъ. Башни состоятъ изъ аркадъ, колоннъ, капителей, пирамидъ (ажурной и рѣзной работы) и оканчиваются фигурами въ видѣ скошенныхъ кубовъ. Около капителей размѣщено 30 статуй епископовъ. На обѣ башни можно взойти, такъ какъ въ той и другой имѣется лѣстница въ 500 ступенекъ. Въ южной башнѣ помѣщается огромный колоколъ, извѣстный подъ именемъ „Charlotte", имѣющій въ вышину и ширину по 2½ метра. Надпись на этой *Шарлоттѣ* (готическими буквами) гласитъ, что она отлита въ 1570 г. Піеромъ Дешаномъ въ Реймсѣ, вѣситъ двадцать три тысячи фунтовъ и имѣла воспріемникомъ кардинала Карла Лотарингскаго, а воспріемницею сестру его Рене.—На краю кровли высится колокольня „Ангела", съ колоколомъ отлитымъ въ 1439 г., который увѣнчанъ статуей изъ позолоченной мѣди. Статуя эта имѣетъ вышины 2 метра.

Реймскій соборъ окруженъ 22 столбами или наклонно-поставленными подпорками, соединенными двойными арками. На каждой подпоркѣ стоитъ статуя какого-нибудь короля или ангела. Въ лѣвой боковой стѣнѣ собора—двѣ большія смежныя двери; пара такихъ же дверей и въ главномъ фасадѣ церкви. Храмъ освѣщается довольно хорошо, благодаря массѣ оконъ и четыремъ круглымъ амбразурамъ съ разноцвѣтными стеклами.—До 1779 г. по срединѣ собора, на плитахъ пола существовалъ *лабиринтъ*, сдѣланный въ 1240 г., т. е. устроена была цѣлая сѣть извилистыхъ дорожекъ, изъ которыхъ смежныя отдѣлялись взаимно низенькой стѣнкой изъ кирпичиковъ, окрашенныхъ въ голубой цвѣтъ. На четырехъ углахъ этой „пѣшеходной задачи"—лабиринта—помѣщалось по портрету строителей собора, все-же вмѣстѣ служило памятникомъ для нихъ. По приказанію одного каноника (въ 1779 г.) лабиринтъ этотъ уничтожили; каноникъ, замѣтивъ, что какъ взрослые, такъ и дѣти обратили этотъ памятникъ въ забаву, въ особый родъ интересной прогулки, порѣшилъ покончить съ такимъ соблазномъ. Въ полукруглой части собора находится девять придѣловъ. Въ 1747 г. сломанъ былъ амвонъ, закрывавшій хоры.

Во времена великой революціи реймскій соборъ былъ обращенъ въ храмъ богини Разума, внѣшность его отъ этого не пострадала. Правда, въ 1793 году его хотѣли отдать какимъ то коммерсантамъ изъ Шалона, но одинъ изъ реймскихъ гражданъ предложилъ правительству устроить въ упраздненной церкви Notre Dame политическій клубъ. Предложеніе это было принято и клубисты имѣли свои засѣданія на хорахъ собора, что и спасло такимъ образомъ этотъ средневѣковый памятникъ отъ рукъ шалонскихъ подрядчиковъ-коммерсантовъ.

Сванетія и сванеты.

Дикая и суровая мѣстность Кавказа отражаетъ всѣ эти свойства и въ характерѣ своихъ обитателей—горцевъ. Замкнутые въ своихъ долинахъ, окруженные со всѣхъ сторонъ громадными горами, преграждающими всякое сообщеніе съ сосѣдями, горскія племена распадаются на множество отдѣльныхъ обществъ, непріязненныхъ и враждебныхъ между собою. Часто небольшое племя, изолированное дикою мѣстностью отъ остальнаго міра, представляетъ изъ себя какую-то первобытную породу людей, по бѣдности своего умственнаго и нравственнаго развитія и по незатѣйливости своихъ жизненныхъ потребностей. Однимъ изъ такихъ, живущихъ въ первобытной дикости, племенъ, по справедливости могутъ назваться Сванеты или Шаны, населяющіе въ числѣ 11,000 душъ одинъ изъ возвышеннѣйшихъ пунктовъ западнаго Кавказа. Высокія горы и глубокій, долго не тающій снѣгъ, въ теченіе зимы почти совершенно уединяетъ эту страну отъ остальнаго міра и замкнутые въ своей котловинѣ, сванеты представляютъ изъ себя какъ бы жителей уединеннаго острова среди цѣлаго океана горъ. Такъ черезъ латпарскій перевалъ, служащій предѣломъ между Дадіановой и вольной Сванетіей, можно только перейти двумя путями; однимъ доступнымъ лишь лѣтомъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ и другимъ—зимнимъ, на который могутъ отваживаться лишь самые смѣлые и ловкіе пѣшеходы. Чтобы пройти здѣсь и не свалиться въ какую-нибудь бездонную кручу, необходимо обладать опытностью и смѣлостью горца. Тутъ приходится то лазить по карнизамъ скалъ, то спускаться по обрывамъ, то переправляться черезъ бурные потоки или переходить по мостикамъ, настроеннымъ изъ нѣсколькихъ перекладинъ и качающимся отъ малѣйшей тяжести. Неудивительно, что такая негостепріимная страна долгое время была положительно terra incognita и лишь въ 1847 году ее посѣтилъ первымъ изъ русскихъ, бывшій кутаисскій вице-губернаторъ Колюбякинъ и получилъ отъ семи обществъ заявленіе покорности русскому правительству. Нужно сознаться, что эта покорность нерѣдко вѣроломно нарушается туземцами и часто законныя требованія власти или появленіе начальства въ ихъ горы съ какимъ-нибудь оффиціальнымъ порученіемъ влечетъ за собою открытое сопротивленіе, сопровождаемое кровавой схваткой. Такъ еще весьма недавно, а именно въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ вольной Сванетіи, въ селеніи Холдахъ, состоящемъ изъ пятнадцати домовъ, расположенныхъ въ неприступной мѣстности, произошли весьма серьезные безпорядки, потребовавшіе вмѣшательства вооруженной силы для арестованія скрывшихся тамъ преступниковъ. Сванеты въ своей запальчивости убили при этомъ случаѣ многихъ лицъ изъ мѣстнаго начальства и вообще пролито было много крови, пока не заставили ихъ смириться. Такая склонность сванета къ мятежу и неповиновенію является результатомъ его широкой, независимой натуры. Онъ не допускаетъ никакихъ мѣръ, которыя бы клонились къ ограниченію его необузданной свободы; онъ дикъ и суровъ по природѣ и въ отношеніи развитія находятся въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ сванетахъ замѣчаются самыя крайнія противоположности характера и самая странная смѣсь хорошихъ и дурныхъ свойствъ. Они веселаго нрава, добродушны, гостепріимны и въ то же время мстительны, горды и недовѣрчивы, особенно къ русскимъ. Лично они храбры, но неспособны къ дружному дѣйствію противъ общаго врага. Одна корысть и зависть можетъ ихъ побудить къ какому-нибудь опасному или рискованному предпріятію. Сванетъ не нападаетъ открыто, но притаясь за кустомъ или камнемъ вижидаетъ противника. Убить человѣка за какіе нибудь пустяки ничего не значитъ для сванета; оттого въ Сванетіи съ давнихъ поръ деревня враждуетъ противъ деревни, общество противъ общества. Сванетъ долженъ постоянно бояться встрѣчи съ кровомѣстникомъ; онъ всегда на сторожѣ и рѣдко ночью отваживается выйдти изъ дому. Чужому человѣку въ Сванетіи на каждомъ шагу представляется затрудненіе въ отысканіи самаго необходимаго. Вслѣдствіе рѣдкихъ сношеній съ другими племенами, сванеты не способны вѣрно оцѣнивать свой трудъ и свои услуги и придаютъ имъ непомѣрно высокую цѣну. Горный инженеръ Гилевъ, посѣтившій Сванетію для изслѣдованія ея минеральныхъ богатствъ, по его словамъ, долго и напрасно старался пріучить сванетовъ къ правильно организованному труду и къ опредѣленной заработной платѣ. А то, напримѣръ, по его разсказу, наймутся сванеты везти за извѣстную плату вещи и везутъ спокойно одинъ день, а на другой говорятъ, что вещи стали тяжелѣе и требуютъ надбавочнаго вознагражденія. Если же подрядятся копать землю, то четыре человѣка работаютъ, а десять смотрятъ на нихъ и болтаютъ, что такъ работать неприлично и что такъ трудятся лишь въ Сибири; работники бросаютъ начатую работу и ни за что не хотятъ продолжать ее. Цѣнность нашихъ кредитныхъ бумажекъ имъ очень мало извѣстна и не очень давно былъ случай, что такія бумажки, принятыя за красивыя картинки, пошли на обклейку сакли. При всемъ этомъ нужно замѣтить, что сванетъ замѣчательно честенъ. Случаи воровства здѣсь чрезвычайно рѣдки и всякій считаетъ себя вправѣ убить вора съ спокойною совѣстью.

Жилища сванетовъ отличаются особенной оригинальностью. Обитая въ деревняхъ, раскинутыхъ по скаламъ и горнымъ долинамъ, они укрѣпляютъ свои жилища четырехугольными, высокими башнями, сложенными изъ необтесанныхъ камней. Въ башню входятъ по деревянной приставной лѣстницѣ, которая можетъ быть отнята во всякое время. Такого рода башня составляетъ какъ бы цитадель каждаго жилища и въ виду опасности семья сванета укрывается въ ней со всѣмъ своимъ скотомъ и имуществомъ.

Разнообразіе въ климатѣ верхней и нижней Сванетіи отражается въ наружности ихъ жителей; обитатели нижней Сванетіи смуглы и отличаются довольно мягкими чертами лица, тогда какъ верхніе сванеты большею частью бѣлокуры и суроваго вида. Высокіе ростомъ, сильные и здоровые сванеты часто страдаютъ зобами, достигающими до безобразной величи-

Библиотека "Руниверс"

ны—недугомъ, столь часто встрѣчаемымъ у горныхъ жителей. Умопомѣшательство считается у сванетовъ самымъ страшнымъ наказаніемъ и вообще всякое психическое разстройство приписывается дѣйствію невѣдомыхъ и темныхъ силъ. Сванеты вообще крайне суевѣрны и множество самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ и вздорныхъ обрядностей уродуютъ исповѣдуемое ими христіанство. Всѣ обряды церкви здѣсь до крайности перепутаны. Церквей много, но внѣшность ихъ и внутренность мало напоминаютъ христіанскіе храмы. Это—неуклюжія зданія, построенныя изъ грубовытесаннаго, пористаго камня и покрыты тесомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ украшены аляповатыми арабесками, состоящими изъ крестовъ и головъ животныхъ. На стѣнахъ нарисованы или святые, или разные баснословные герои въ борьбѣ съ разными чудовищами. На паперти, а иногда и внутри, видны остатки костровъ и валяются обгорѣлыя кости, что происходитъ отъ здѣшняго обычая разводить въ храмѣ огонь и варить мясо приносимыхъ въ жертву барановъ и козъ и тутъ же пожирать ихъ въ общей трапезѣ. Сванетъ посѣщаетъ церковь весьма рѣдко, входитъ въ нее постоянно въ шапкѣ и съ трубкой и не оказываетъ никакого уваженія къ своимъ духовнымъ пастырямъ, составляющимъ здѣсь отдѣльное сословіе, въ которомъ священство переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну. Священники, не отличаются отъ мірянъ ни одеждой, ни образомъ жизни; они также носятъ оружіе, но при входѣ въ церковь снимаютъ его, кромѣ кинжала. Большинство ихъ неграмотно и все ихъ священнослуженіе состоитъ изъ чтенія разныхъ отрывковъ молитвъ и псалмовъ. Они совершаютъ церковную службу не постоянно, а лишь по приглашенію желающихъ лицъ, обязанныхъ при этомъ принести *немзурухъ*, т. е. жертвоприношеніе, состоящее изъ барана или чего либо съѣстнаго, для общей трапезы. Вообще нужно сознаться, что эти представители церкви мало чѣмъ отличаются отъ народа въ своихъ суевѣріяхъ и грубыхъ заблужденіяхъ.

Извѣстный археологъ Бартоломей, во время своей поѣздки въ Сванетію, увидѣлъ въ одномъ храмѣ древнюю бронзовую лампаду, имѣвшую форму башмака и которую мѣстные священника считали ничѣмъ инымъ, какъ башмакомъ самаго дьявола, передавая, что этотъ башмакъ онъ носилъ тогда, когда соблазнилъ Еву и что онъ его потерялъ при сошествіи на землю Спасителя. При такомъ грубомъ невѣжествѣ духовнаго сословія немудрено, что народъ погруженъ въ мракъ самаго первобытнаго фанатизма. Такъ, въ одной изъ деревень Ушкульскаго общества хранился прежде кусокъ краски, которую считали священною. Разъ въ годъ разводили водою немного этой краски и пекли изъ нея хлѣбъ, съѣдаемый въ храмѣ всей общиной. Лѣса, окружающіе развалины церквей, народъ считаетъ священными и не рѣшается при всемъ недостаткѣ топлива, вырубить въ нихъ хоть одинъ прутикъ. Всѣ христіанскіе обряды и таинства сванетъ передѣлываетъ по своему, уродуя ихъ смыслъ и значеніе. Такъ все таинство крещенія заключается въ томъ, что отецъ бросаетъ въ колыбель новорожденнаго двѣ пули, одну за себя, другую за него. Въ этомъ обычаѣ выражается то народное воззрѣніе, что отецъ видитъ въ сынѣ прежде всего помощника въ священномъ для него дѣлѣ кровомщенія. Совершая клятву, сванетъ становится передъ образомъ и бросаетъ въ него пулю. Священникъ, поднимая пулю, бросаетъ ее въ клянущагося и такая клятва, какъ говорятъ, рѣдко нарушается. Иконы пользуются у сванета глубокимъ уваженіемъ, которое онъ простираетъ до того, что не считая себя достойнымъ лобызать ихъ, лишь чмокаетъ при видѣ ихъ губами, какъ бы цѣлуя окружающій ихъ воздухъ. Послѣ Спасителя, Богородицы, св. Георгія и архангела Гавріила, однимъ изъ главныхъ предметовъ народной любви и уваженія является грузинская царица Тамара. По народному преданію она жила въ Грузіи, но особенно любила свою Сванетію, строила въ ней многочисленныя церкви и щедро украшала ихъ. Народъ до сихъ поръ не забылъ ея благодѣяній. По его вѣрованію, Тамара и теперь еще жива и скрывается въ подземельѣ въ Ушкули, подъ церковью Божіей Матери, гдѣ она сидитъ въ кувшинѣ и держитъ въ рукахъ свѣчу. Открыть ее нельзя, потому что за этимъ открытіемъ Сванетіи угрожаютъ страшныя бѣдствія. И въ своихъ духовныхъ пѣсняхъ сванетъ прославляетъ Тамару и въ одной изъ нихъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Царица Тамара,—поетъ онъ,—подобна Божіей Матери. Голова ея увѣнчана золотою діадемою, въ ушахъ висятъ брильянтовыя серьги, на шеѣ одѣто ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней зеленаго и краснаго цвѣта. Вся она, облеченная въ свѣтоносныя ризы, сіяетъ какъ Божія Матерь. Она въ теченіе 6-ти дней, въ честь Пресвятой Дѣвы, созидаетъ церковь и украшаетъ по образу своему. Говоритъ сванетамъ: я воздвигла вамъ храмъ Бога безсмертнаго. Я не безсмертна. Къ нему единому обращайтесь въ молитвахъ вашихъ, и онъ будетъ васъ хранить во имя Іисса Христа. Аминь".

Благоговѣя передъ Тамарой, какъ передъ святой и безсмертной женщиной, сванетъ съ презрѣніемъ относится къ женщинѣ вообще и считаетъ ее существомъ низшаго разряда, рожденнымъ для вѣчнаго рабства и подчиненія его волѣ. Рожденіе дѣвочки считается семейнымъ несчастіемъ и сванетъ часто употребляетъ въ дѣло даже убійство, чтобы отдѣлаться отъ такого ненавистнаго чада. Обычай умерщвлять новорожденныхъ дѣвочекъ былъ прежде весьма распространенъ въ Сванетіи, но теперь, благодаря участію правительства, становится все рѣже и рѣже. Сванетъ убѣжденъ, что убійство дочери ведетъ за собою рожденіе сына—гордость и надежду каждой семьи. Спрашивать сванета о здоровьѣ его жены, значитъ обидѣть его и самому сдѣлать неприличный поступокъ. Говорить съ женой или сидѣть съ нею рядомъ, сванетъ считаетъ за стыдъ и по возможности избѣгаетъ ея сообщества. Но не смотря на такое рабское и унизительное положеніе сванетской женщины, мѣстные нравы представляютъ ей нѣкоторыя льготы, нетерпимыя у другихъ кавказскихъ племенъ. Она можетъ свободно вступать въ разговоръ съ посторонними мущинами, шутить съ ними и даже кокетничать. Не только убить, но даже ударить или обругать женщину считается у сванетовъ большимъ проступкомъ. При частыхъ дракахъ, женщины иногда бросаются въ толпу дерущихся и одно ихъ появленіе тотчасъ же прекращаетъ рѣзню. По понятіямъ мѣстной эстетики, красивая женщина должна обладать широкими плечами, маленькой ножкой, полною грудью и тонкимъ станомъ. Для сбереженія изящныхъ формъ стана, многіе родители обшиваютъ своихъ дочерей съ десятилѣтняго возраста кускомъ сырой кожи отъ бедръ до грудей и заставляютъ ихъ носить этотъ страшный корсетъ до самаго замужества. Браки совершаются въ Сванетіи очень просто. Послѣ сговора и уплаты калыма невѣста переходитъ въ домъ жениха. Здѣсь молодыхъ сажаютъ и священникъ связываетъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невѣсты, произнося сначала: „во имя Отца, и Сына, и Святаго духа", а потомъ „Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу". Затѣмъ всѣ поздравляютъ молодыхъ—и обрядъ окончевъ. Каждый сванетъ одновременно можетъ имѣть лишь одну жену, но при желаніи жениться на другой, никто не помѣшаетъ ему прогнать первую.

Нарядъ сванета мало чѣмъ отличается отъ наряда имеретинца и мингрельца: его составляетъ та же неизмѣнная черкеска изъ грубаго чернаго или сѣраго сукна съ двѣнадцатью патронами на груди; на ногахъ одѣты сафьяные башмаки безъ подошвъ, а чаще всего простые лапти. Сванетъ щеголяетъ однимъ лишь оружіемъ и любитъ, чтобы оно было у него дорогое и изящное по отдѣлкѣ. Вмѣсто шапки сванетъ часто накрываетъ голову маленькимъ шелковымъ кружкомъ, подшитымъ кожею и подвязяннымъ на подбородкѣ тоненькимъ чернымъ спуркомъ. Замѣчательно, что этотъ странный головной уборъ ни что иное, какъ самое первобытное, метательное орудіе, а именно праща, изъ которой древній человѣкъ металъ камни при встрѣчѣ идущаго на него врага. Женщины въ Сванетіи ходятъ подъ покрываломъ; носятъ на головѣ повязки или красные шапки, а къ ногамъ иногда подвязываютъ деревянныя сандаліи, а большею частью ходятъ босикомъ.

Главное занятіе сванетовъ—это земледѣліе. Скотоводство ничтожно, а торговля и промышленность, конечно, не могутъ развиться у такого бѣднаго и отчужденнаго народа. Замѣчательно, что торговля ихъ, при всей ея незначительности, находится въ рукахъ евреевъ, живущихъ въ небольшомъ числѣ въ княжеской Сванетіи. Хотя они вынѣ христіане, но сванеты ненавидятъ ихъ, относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, въ торговыхъ же сношеніяхъ не могутъ обойтись безъ ихъ содѣйствія. Вообще эти дѣти природы крайне нуждаются въ посторонней опекѣ и помощи, и нѣтъ сомнѣнія, что при многихъ хорошихъ качествахъ, присущихъ сванету, благоразумная опека, не насилующая его завѣтныхъ обычаевъ, можетъ и среди этого забытаго племени положить начало умственному и нравственному совершенствованію.

А. Н—свій.

Политическое обозрѣніе.

Циркулярная депеша нашего государственнаго канцлера, князя А. М. Горчакова, отъ 19 января, къ нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, является естественнымъ послѣдствіемъ недавно закрытой и неудавшейся конференціи. Она есть прямой и энергическій, хотя въ то же время миролюбивый запросъ со стороны сознающей свое достоинство державы, какова Россія, къ европейской дипломатіи. «Отказъ Порты—удовлетворить желаніямъ Европы, вводитъ восточный вопросъ въ новое положеніе»—такъ начинается депеша. Затѣмъ существенный пунктъ ея заключается въ словахъ: «Его Императорскому Величеству желательно, прежде чѣмъ опредѣлить Свой послѣдующій образъ дѣйствій, узнать, какъ полагаютъ поступить кабинеты, съ которыми мы старались до сего времени, и впредь полагаемъ, насколько это будетъ возможно, дѣйствовать сообща. Намъ необходимо знать, какъ отзовутся на этотъ отказъ и чѣмъ намѣреваются обезпечить исполненіе своихъ требованій кабине-

Библиотека "Руниверс"

ты, дѣйствовавшіе за одно съ нами?»

На этотъ, полный достоинства, голосъ еще нѣтъ прямого отвѣта.

Замѣчательно, что какъ бы въ отвѣтъ на циркулярную ноту Россійскаго канцлера, вдругъ въ Стамбулѣ совершается важный переворотъ. Мидхадъ-паша, великій визирь, низверженъ и высланъ изъ Константинополя, а на мѣсто его поставленъ Эдхемъ-паша, бывшій турецкій посланникъ въ Берлинѣ.

Изъ этого неожиданнаго событія явствуетъ, что съ низверженіемъ Митхада измѣнится и самый характеръ турецкой политики. Говорятъ, можно надѣятся теперь на мирныя соглашенія по восточному вопросу; но къ чему они поведутъ и на долго-ли?

Что касается хода мирныхъ переговоровъ между Сербіей и Турціей въ Вѣнѣ, о которыхъ мы говорили въ прошломъ № «Нивы», то, благодаря упорству Порты, дѣло подвигается не впередъ, а назадъ, наступилъ даже на нѣкоторое время полный застой. Порта все возвышаетъ и возвышаетъ степень своихъ «гарантій». Отъ 25 янв. (6 февраля) Порта дала приказаніе своему послу въ Вѣнѣ, Алеко-пашѣ, предложить Сербіи слѣдующіе 7 пунктовъ для заключенія мирныхъ условій: 1) высылку турецкихъ подданныхъ, укрывшихся въ Сербіи; 2) уничтоженіе (?!) Омладины и другихъ тайныхъ обществъ, 3) запрещеніе инсургентскимъ бандамъ переходить въ Турцію; 4) турецкій флагъ надъ Бѣлградской крѣпостью; 5) постоянное пребываніе въ Сербіи турецкаго агента; 6) запрещеніе строить новыя крѣпости; 7) statu quo съ признаніемъ вассальной зависимости отъ Порты. Въ видѣ дополнительныхъ подробностей, нужно еще прибавить, что Порта требуетъ, чтобы Сербія содержала свои крѣпости въ исправности и чтобы на нихъ, рядомъ съ сербскимъ флагомъ, былъ выставленъ турецкій флагъ, чтобы уравнены были права католиковъ и евреевъ, наравнѣ съ сербами. Условія крайне тяжелыя, и очевидно, что Порта къ истощенной войною Сербіи намѣрена приложить варварскій принципъ: «*горе побѣжденнымъ*!» Вѣнскіи газеты выражаютъ твердую увѣренность, что Сербія *приметъ* эти тяжелыя условія, и затѣмъ отправитъ въ Константинополь своихъ спеціальныхъ уполномоченныхъ. На этомъ послѣднемъ условіи особенно настаиваетъ Порта.

Но подобное возмутительное преобладаніе варварскаго неправаго государства надъ правымъ и побѣжденнымъ, изнуреннымъ въ борьбѣ за своихъ братьевъ, едва ли возможно при настоящихъ обстоятельствахъ, не смотря даже на европейское туркофильство.

Что касается Черногоріи, то телеграфъ извѣстилъ отъ 27 января (8 февраля), что великій визирь послалъ на днихъ къ князю Черногорскому депешу, въ отвѣтъ на которую князь Николай изъявилъ готовность немедленно заключить миръ съ Портою на основѣ сохраненія status quo и начать переговоры объ исправленіи границъ княжества. Отправлять въ Константинополь делегатовъ князь Николай считаетъ безполезнымъ, а желаетъ, чтобы переговоры велись въ Вѣнѣ съ тамошнимъ турецкимъ посломъ. Трудно думать, чтобы это извѣстіе было вполнѣ справедливо; точно также трудно допустить мысль о томъ, что «восточный вопросъ» снова уладится мирно. Если это случится, то, само собою понятно, весьма не надолго, ибо паденіе Турціи, уже давнымъ давно начавшееся, конечно, нельзя остановить, какіябы искусственныя мѣры для этого не предпринимались ея западно-европейскими друзьями.

— Изъ Лондона телеграфъ принесъ намъ отъ 26 января (7 февраля), извѣстіе, что въ этотъ день нашъ посолъ въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ, вручилъ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Дерби, циркулярную депешу нашего государственнаго Канцлера, князя Горчакова. Вскорѣ назначено открытіе засѣданій Англійскаго Парламента—и тогда парламенту будетъ представлена дипломатическая переписка по восточному вопросу.

— Спеціальная телеграмма изъ Кишинева (отъ 25 января), напечатанная въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», извѣщаетъ, что Его Императорское Высочество, главнокомандующій дѣйствующею армією, отправился съ ближайшею свитою на нѣсколько дней въ Одессу, и затѣмъ телеграфъ извѣстилъ, что Его Высочество изволилъ прибыть благополучно въ Одессу во вторникъ (25) въ 5 часовъ.

СМѢСЬ.

Мысли Лафатера. Забыть себя—есть лучшій способъ наслаждаться собой.

Когда возрастаетъ эгоизмъ, наслажденіе самимъ собою уменьшается; когда эгоизмъ уменьшается, оно возрастаетъ.

Истинно добрый человѣкъ забываетъ свои печали въ чужихъ печаляхъ и радости свои въ радостяхъ себѣ подобныхъ.

Въ составъ хорошихъ часовъ входятъ 902 штуки; онѣ занимаютъ 215 человѣкъ сорока различныхъ мастерствъ; желѣзо, необходимое для главной пружины, не стоитъ двухъ копѣекъ; бывъ обращено въ сталь, оно продается за 42 к., а сдѣланный изъ этой стали волосъ или пружина въ 2,972 метра стоитъ уже 325 рублей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Нижній-Новгородъ, А. М. Гнѣд — у.** Отъ предложеній вашихъ отказываемся. Изъ длиннаго стихотворенія «Жизнь человѣка» беремъ только двѣ строки:

Жизнь человѣка, какъ лѣтній цвѣтокъ:
Проживъ четверть вѣка, онъ веселъ и бодръ.

Эти строки, по ясности своей мысли, напоминаютъ изреченіе одного мудреца, который говоритъ: „Жизнь человѣческая подобна цвѣтку въ долинѣ: онъ цвѣтетъ во всей своей красотѣ; вдругъ приходитъ козелъ, съѣдаетъ его — и человѣка нѣтъ".

Вы видимо ему подражаете, но слабо.

2. **Ставрополь, Енг. П Сухар — у.** Никакихъ статей и стиховъ вашихъ мы не получали, совѣтуемъ внимательнѣе вглядѣться въ редакторскую подпись на «Нивѣ».

3 **Москва, Чистые Пруды, Э. Олв — Б — гъ.** Помѣщаемъ первую строфу вашихъ стиховъ:

„Въ роскошномъ залѣ на диванѣ
Передъ Глафирой и сидѣлъ,
Очень мило и пріятно
Въ прелестныя очи ей глядѣлъ. ."

Счастливчикъ!

СОДЕРЖАНІЕ: **Василій Ивановичъ Виноградовъ** (съ портретомъ) — **Избытокъ жизни** (Идиллія въ прозѣ). Окончаніе. **Н. Про — на. — Городъ Старица** (съ двумя рисунками). **И Красницкаго. — Рагуза** (съ рисункомъ) — **Дочь Свинкса.** Очеркъ Ц. фонъ-Винценти (съ рисункомъ). **Пер — ъ — Реймсній Соборъ** (Съ рисункомъ). — **Сванетія и Сванеты** (съ рисункомъ) **А Н - скаго** Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Почтовый ящикъ. — Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ФЕВРАЛЬ съ 30 рисунками и большой листъ съ 27 чертежами выкроенъ въ натуральную величину и разнообразныхъ бунвъ для вышивки и мѣтки бѣлья.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ «ФР. ПАЗДИРЕКЪ,»

въ Москвѣ, на Большой Лубянкѣ въ, домѣ Мазурной: поступили на коммисію слѣдующія книги:

1. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРІЯ МУЗЫКИ И ТЕОРІЯ ЗВУКОВОИ ГАРМОНІИ, выработанная практикой и свойствами существующихъ инструментовъ, основанная на естественныхъ звукахъ съ приложеніемъ статьи о мелодіи и подражаніяхъ, сочиненіе **М. Кнопфъ.** цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою ко всѣ города Россійской Имперіи 1 р. 70 коп.

Предлагаемая здѣсь мною книга выработанная съ цѣлью помочь на сколько возможно г-мъ любителямъ—музыкантамъ, которые, желая ознакомиться съ теоріей музыки, вполнѣ сознаютъ, что существующія сочиненія не достигаютъ желаемой цѣли, и не отвѣтствуютъ потребностямъ г-дъ любителей. Эти сочиненія или не ясны своей сложностью, или чрезъ-чуръ растянуты, касаются совершенно излишнихъ подробностей для любителя-диллетанта, или касаются одной только части теоріи музыки, или же наконецъ баснословно дороги. Имѣя это въ виду, я старался вполнѣ удовлетворить всѣмъ требованіямъ г. диллетантовъ, сдѣлалъ удобопонятнымъ и ясными тѣ законы и правила, на основаніи которыхъ пишутся и исполняются музыкальныя произведенія. При томъ цѣль моя была та, чтобъ всякій могъ ознакомиться съ теоріей музыки безъ помощи учителя, что при другихъ сочиненіяхъ почти не возможное; надежда, что трудъ мой доставитъ пользу хотя нѣсколькимъ лицамъ будетъ служить мнѣ вполнѣ наградой **М. КНОПФЪ.**

2. ПУТЕВОДИТЕЛЬ при обученіи **ИГРѢ НА ФОРТЕПІАНО**

педагогическое практическое руководство съ планомъ обученія отъ перваго начала до высшаго усовершенствованія. Посвящено юношеству.

Составилъ **Карлъ Всберъ**

инспекторъ музыки Московскаго Маріинскаго института, бывшій профессоръ-Адъюнктъ Московской Консерваторіи. 1—1

2—1 **ИЗЪ БУМАГИ**

и изъ бумаги крытой полотномъ воротники, манишки и манжеты. Дешевле стирки. Высылаютъ (по мѣркѣ) не менѣе чѣмъ на 5 руб. Въ депо замер. бумажнаго бѣлья, подъ фирмою „Городъ Нюнбергъ" въ старомъ Газетномъ пер. домъ Шаховскаго въ Москвѣ. Тутъ же **ЦѢПОЧКИ**

накладнаго золота и чрезъ огонь волоченыя единственныя вечнѣющія, короткія отъ 2-хъ до 6-ти руб., шейныя отъ 4-хъ до 7-ми р, и отъ

30 КОП.

до 1 р. 50 к. пары запонокъ съ пружиною, чрезвычайно удобныя и не портящія бѣлья.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ"

(4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Сборникъ чертежей и рисунковъ фасадовъ, плановъ и деталей всякаго рода деревянныхъ и каменныхъ строеній (относящихся преимущественно до сельской архитектуры), какъ то: проекты загородныхъ домовъ со службами, дачъ, мостовъ, бесѣдокъ и проч., проекты церквей, иконостасовъ, кіотъ, рисунки мебели, золотыхъ и серебряныхъ вещей и т. п.

Часть рисунковъ хромолитографированныхъ.

Сборникъ выходитъ въ тетрадяхъ, отъ 4-хъ до 5-ти листовъ въ каждой, а всего въ годъ въ 12-ти тетрадяхъ 50 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ 12 тетрадей безъ доставки и пересылки 8 руб.
съ доставкою или пересылкою . . 9 »

Лица, желающія помѣстить въ изданіе свои произведенія, обращаются въ редакцію въ С.-Петербургѣ: Васильевскій островъ, набережная, противъ скверк, д. № 1—5, кв. № 6, Рейнботъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: по Невскому проспекту, на углу Адмиралтейской площади, въ магазинѣ эстамповъ Дацiаро и въ магазинѣ Беггрова, у книгопродавцевъ: Исакова, Колесова-Михкина и у Вольфа.

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ магазинѣ Дацiаро.

Лица, желающія пріобрѣсти **„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ"** за **1874, 1875** и **1876** годы, обращаются съ требованіемъ въ тѣ же магазины. 1—1

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ

НЕОБХОДИМЫЙ СПОСОБЪ

для истребленія насѣкомыхъ вообще и клоповъ въ особенности во всѣхъ мѣстахъ ихъ нахожденія,—безъ всякихъ порошковъ, жидкостей и составовъ — единственно лишь силою пара. Изготовленіе и продажа разрѣшена Г-мъ СПБ. Градоначальникомъ. Цѣна съ пересылкою 2 руб. Косметическій магазинъ А: Штейнберга Невскій проспектъ д. Казанскаго собора № 25. 1—1

При этомъ № прилаг. для гг. иногород. подписч. объявленіе отъ Общества Взаимнаго Кредита для содѣйствія Ремесленной промышленности въ Спб.

Дозволено цензурою. СПБ. 4 Февраля 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Большая Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 7 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 14 Февраля 1877 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **„НИВЫ“** НА **1877** ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . **4** р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . **5** р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А Лангъ и А. Живарева **4** р. **50** к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . **5** р. **50** к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы“.

Молдаване и ихъ промыслы.

Молдавія—небогатая страна. Чтобы воочію увидѣть ея бѣдность, стоитъ только взглянуть въ любую молдавскую деревню. Изрытая и грязная улица раздѣляетъ двѣ группы безпорядочно разбросанныхъ бѣдныхъ мазанокъ.

Земледѣліемъ въ Молдавіи занято большинство сельскаго населенія, но не смотря на это, оно тамъ не процвѣтаетъ. Земля обрабатывается первобытнымъ способомъ и отъ нераціональнаго ухода за ней и пользованія ею, родитъ немного хлѣба.

Молдаванскій караванъ въ степяхъ Бессарабіи. Рис. Александръ де-Баръ, грав. Паннемакеръ.

Садоводство молдаванина производитъ лишь нѣсколько самыхъ незатѣйливыхъ огородныхъ овощей и фруктовъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ дыни. Дынями молдаване засѣваютъ цѣлыя поля и она служитъ въ незатѣйливомъ хо-

Библиотека "Руниверс"

зяйствѣ *бирничи* т. е. хлѣбопашца главною пищею, а иногда и суррогатомъ хлѣба.

Пчеловодство развито довольно хорошо и у иныхъ пчеловодовъ (преимущественно у помѣщиковъ) число ульевъ достигаетъ до 6,000 и даже до 10,000.

Въ Молдавіи находится нѣсколько довольно обширныхъ конскихъ заводовъ, и вообще скотоводство и его продукты составляютъ послѣ землепашества—самый распространенный промыселъ. Горныя богатства Молдавіи, за исключеніемъ соли, почти не разрабатываются.

Но главнымъ промысломъ Молдавіи можетъ считаться виноделіе, которое дѣйствительно обширно. Склоны холмовъ вокругъ деревенекъ густо засажены виноградниками. Вино добываемое на молдаванскихъ виноградникахъ охотно покупается для вывоза за границу: въ Россію, Австрію, Венгрію, Польшу, куда идетъ также и виноградъ, свѣжій и сушеный. Лучшіе виноградники находятся въ Никорештѣ, Гушѣ, Яссахъ, Одесхештѣ и проч., откуда добывается вина отъ трехъ до четырехъ милліоновъ ведеръ.

Этотъ краткій очеркъ молдавской промышленности съ перваго взгляда не согласуется съ высказаннымъ нами заключеніемъ, что Молдавія бѣдная страна. Для Молдавіи, сравнительно небольшой страны, имѣющей около двухъ милліоновъ населенія, промыслы въ такомъ размѣрѣ довольно значительны и можно бы ждать большаго благосостоянія страны. Но, вникнувъ въ дѣло поглубже, мы вполнѣ поймемъ причину такой бѣдности. Дѣло въ томъ, что всѣ промыслы Молдавіи, вся ея торговля, внутренняя и внѣшняя, почти всецѣло сосредоточена въ рукахъ разныхъ пришлецовъ - иностранцевъ. Жидовско-нѣмецкій элементъ преобладаетъ въ торговомъ мірѣ, цыгане забрали въ руки конскую промышленность; потомъ греки и армяне эксплоатируютъ промышленность страны и обогащаются на счетъ простоватаго молдаванина. Къ тому же Молдавія, будучи страною, гдѣ большинство населенія исповѣдуетъ православную, грековосточную религію, и состоя вассальнымъ государствомъ Порты, платитъ туркамъ большія подати, что не можетъ не отзываться и на хозяйство страны. Молдавскій языкъ представляетъ смѣсь латыни, славянскихъ, турецкихъ и татарскихъ словъ.

Къ Молдавіи, какъ извѣстно, отошла, въ силу парижскаго трактата, часть нашей Бессарабской Области. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстное населеніе, вспоминая прошлую жизнь, тяготится своимъ подданствомъ Молдавіи и мечтаетъ только о присоединеніи къ Россіи. Вѣсть о заявленіи пословъ, при закрытіи константинопольской конференціи, объ уничтоженіи парижскаго трактата, заставила порадоваться здѣшнее населеніе и подумать, что время ихъ освобожденія если не настало еще, то наступитъ въ недалекомъ будущемъ. Можетъ быть объ этомъ же „толкуютъ“ между собою изображенныя на нашемъ рисункѣ молдаванѣ, остановившіеся съ своимъ караваномъ „на кормежку“.

Во тьмѣ.

(Современная петербургская быль).

I.

....Живой, пестрой, безконечной панорамой летитъ, вертится, кружится около насъ жизнь; возстаютъ откуда-то образы, вьются и потомъ какъ облако мчатся куда-то въ даль и пропадаютъ безслѣдно. Всмотритесь сколько разнообразія, разнохарактерности въ этой длинной вереницѣ—и яркости и блѣдности красокъ. Иной мелькнетъ только на мгновеніе, а память о немъ такъ и врѣжется неизгладимо въ душу на всю остальную жизнь, такъ и останется тамъ. Есть личности какъ-то особенно рѣзко выдающіяся отъ остальныхъ, съ какой-то исключительно имъ принадлежащей нравственной физіономіей. Не таланты они, не геніи,—можетъ быть даже выше уровня посредственности не поднимаются, а глядя на нихъ невольно скажешь „а онъ необыкновенный какой-то, въ немъ есть что-то такое, чего у другихъ нѣтъ“. И сколько ни искать, никогда не найти въ нихъ этого „чего-то такого“. Вотъ именно подобное впечатлѣніе произвелъ на меня Аргѣевъ.

Дѣло происходило въ недавнее время. Я былъ студентомъ петербургскаго университета, Аргѣевъ былъ тоже студентъ, моложе меня двумя курсами, встрѣчался я съ нимъ у однихъ знакомыхъ,—тамъ мы и сошлись другъ съ другомъ.

Ему было лѣтъ двадцать — много двадцать одинъ. Стройный, невысокаго роста, съ подвижнымъ блѣднымъ лицомъ и слегка вьющимися волосами; онъ меня съ перваго-же раза поразилъ нервностью своей натуры. Мнѣ казалось, что подъ этой сквозной, серебристой кожей у него вовсе нѣтъ крови, а всюду только одни нервы. Онъ былъ какъ-то женственно нервенъ: упадетъ что нибудь, стукнетъ кто слишкомъ громко—онъ вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ, рѣчь оборветъ на серединѣ и потомъ съ трудомъ переводитъ дыханье. Движенія его были то медлительны, то холерично проворны. Глаза были у него темные, глубокіе и тоже—порою апатично-сонные, порою вспыхивали какимъ-то жгучимъ огнемъ. Во всемъ лицѣ замѣчалось что-то... вотъ именно то „что-то“, о которомъ я говорилъ выше и котораго опредѣлить невозможно.

Сошлись мы съ нимъ очень скоро. Не прошло и мѣсяца послѣ нашей первой встрѣчи,—то я у него, то онъ у меня стали бывать чуть не ежедневно. Впрочемъ у него было удобнѣе сходиться: моя холостая студенческая комната не представляла особеннаго комфорта, а у Аргѣева былъ не только комфортъ, даже роскошь:—ковры, мозаика, бронза, на стѣнахъ Айвазовскій въ лучшихъ своихъ оригиналахъ, люстры, рояли,—словомъ мать Аргѣева, вдова, видная красивая женщина, жила не стѣсняясь. Да и стѣсняться-то было нечего—доходъ она получала большой, дѣтей у нея, кромѣ Володи (такъ звали Аргѣева), не было,—жилъ, правда, въ домѣ ея братъ: да у того у самого были громадныя помѣстья въ степныхъ полосахъ Россіи. Дядя Володи былъ существо самое добродушное, кругленькое, коротенькое, какъ мячикъ катавшееся изъ комнаты въ комнату, любовно глядящее на весь міръ божій, а любовнѣе всего на своего Володю. И какъ мнѣ нравились отношенія между дядей и племянникомъ, такъ не нравились мнѣ отношенія самой m-me Аргѣевой къ сыну. Она слишкомъ холодно слишкомъ свысока относилась къ нему, даже ея поцалуй въ лобъ дышалъ чѣмъ-то нематеринскимъ. Она была слишкомъ свѣтская дама,—если можно такъ выразиться,—и семейныя отношенія у нея стояли, повидимому, на второмъ планѣ. Мнѣ не нравился ея небрежный, нетерпящій возраженій тонъ, какимъ она говорила съ Володей, не нравилась та брезгливость, съ какой она отзывалась о его впечатлительности. „Точно дѣвушка красная“, — говорила она,—„настоялъ чтобъ электрическіе звонки въ домѣ подѣлать: столовые колокольчики пугаютъ его,—и въ кого онъ такой уродился!“—Въ мелочахъ онъ всегда уступалъ матери, подчиняясь во избѣжаніе спора ея требованіямъ.—„Ты, мой другъ, въ оперу сегодня ѣдешь?“ спроситъ она въ день абонемента своимъ пѣвучимъ снисходительнымъ голосомъ, небрежно застегивая крошечную перчатку.—Нѣтъ, мамаша, не хочется что-то, да и занятія есть, отвѣтитъ онъ.—„Сегодня Патти поетъ первый разъ по пріѣздѣ, какъ же не быть,—нѣтъ ужь пожалуйста поѣзжай, не одной-же мнѣ въ ложѣ сидѣть, дядя твой будетъ, либо нѣтъ,—еще неизвѣстно: какъ пообѣдали, такъ и пропалъ куда-то. Одѣвайся скорѣе, карету закладываютъ“.—И онъ ѣдетъ не возражая. Но коль скоро дѣло касалось крупнаго обстоятельства, у него являлась настойчивость, которую поколебать было трудно. Лѣтомъ мать тянетъ его за-границу, а онъ упрется на своемъ и кончится тѣмъ, что поѣдутъ въ имѣнье „дяди Коли“. Здѣсь онъ оживалъ душой, сбрасывалъ всю грязь и волненья сезона,—степной просторъ, ружье, лошадь, а вечеромъ въ постелѣ книжка новаго журнала,—вотъ была его настоящая сфера.

II.

Я сталъ чутко къ нему присматриваться съ первыхъ же дней знакомства. Отчего онъ такой странный? Отчего онъ бываетъ порою разсѣянъ, задумчивъ, то нѣс-

Библиотека "Руниверс"

колько дней подъ рядъ веселъ, шутливъ, то опять мраченъ, сосредоточенъ? Что или кто вліяетъ на него такъ сильно? Разгадки пришлось ждать не долго.

По четвергамъ у нихъ были jours fix'ы. M-me Аргѣева просила меня бывать именно по этимъ днямъ. Гостей наѣзжало къ нимъ множество и время проходило довольно весело, такъ какъ бывали тутъ и дѣвицы. Между ними ярче всѣхъ выдавалась дальняя, даже очень дальняя родственница Аргѣевыхъ — Юлія Александровна Миклашевская, ѣздившая къ нимъ съ своей теткой. Это была премиленькая брюнетка, худенькая, съ быстрыми глазенками, нѣсколько бойкая для ея девятнадцати лѣтъ, но весьма *способная* нравиться мущинѣ. Не трудно было замѣтить, что Володя былъ отъ нея безъ ума, любилъ ее со всею страстностью его натуры, при ней ловилъ каждый ея взглядъ и движенье, безъ нея только и думалъ о ней, не спалъ ночей па пролетъ,—однимъ словомъ велъ себя такъ, какъ ведетъ себя почти каждый въ его лѣта. Но къ несчастью Юлія Александровна мало обращала не него вниманія, и видимое предпочтеніе отдавала нѣкоему Гальнбеку.

Гальнбекъ былъ тоже студентъ, Богъ вѣсть какъ сюда втёршійся, юркая, вертлявая, самодовольная фигурка, неопредѣленной національности — не то полякъ, не то нѣмецъ. не то еврей. Звали его: Яковъ Ивановичъ — имя, какъ видите, говорившее въ пользу послѣдняго предположенія, на чемъ сильно настаивалъ Володя, нетерпѣвшій его. Гальнбекъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которымъ всегда все удается, изъ числа людей талантливыхъ, ярыхъ и исполнительныхъ въ своемъ дѣлѣ, готовыхъ служить и нашимъ, и вашимъ, забирать въ свои руки тѣхъ, кто хоть чуть слабѣе ихъ и съ усердіемъ плясать по дудкѣ тѣхъ, кто ихъ хоть немножко сильнѣе. Онъ обладалъ величайшимъ даромъ — попадалъ въ тонъ всѣмъ и каждому, отчего m-me Аргѣева находила его très comme il faut.—Дѣйствительно, держалъ онъ себя съ нею чрезвычайно прилично, не облокачивался на ручку кресла, не позволялъ себѣ закинуть ноги на ногу, словомъ не подавалъ никогда никакого повода къ неудовольствію.

Для Юліи Александровны онъ былъ несравненно интереснѣе Володи и разговоромъ, и предупредительностью. Онъ такъ мило подставитъ ей когда нужно стулъ, передастъ вазу съ фруктами, подниметъ платокъ. Все онъ знаетъ: и какой романъ Тургеневъ пишетъ, и когда Нильсонъ пріѣдетъ, и гдѣ дрессированныхъ собакъ показываютъ. Знаетъ не только всѣ новости западной Европы, знаетъ что дѣлается въ Китаѣ, въ Японіи, на Сандвичевыхъ островахъ,—и все изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. О чемъ не спроси, не заговори — на все отвѣтъ есть милый, остроумный, пикантный. Попроситъ Володя ее спѣть и сыграть что-нибудь (она премило пѣла, особенно романсы Чайковскаго), она откажется, скажетъ: „голова болитъ, не въ голосѣ"; Гальнбекъ скажетъ слово,—она бѣжитъ къ роялю, щелкнетъ ключикомъ, откинетъ крышку, и свѣчи еще не успѣютъ зажечь, а ужь она на память беретъ первые аккорды. Володя былъ серьезнѣе, молчаливѣе Гальнбека, она въ шутку звала его мѣшкомъ, Обломовымъ, увѣряла что онъ самый холодный человѣкъ въ мірѣ, и не замѣчала, какъ безпокойно вспыхивали его глаза, когда они говорили съ Гальнбекомъ.

И такъ, мнѣ почти сразу довелось узнать тайну Володи. Впрочемъ, нѣсколько времени спустя онъ самъ признался мнѣ, что любитъ ее: молодое чувство не выдержало — вылилось въ наружу потокомъ горячихъ рѣчей. И съ какимъ горемъ онъ передавалъ мнѣ свои сомнѣнія, что *кажется* она не вполнѣ раздѣляетъ его чувство, и увлекается пошленькою личностью Гальнбека. Я утѣшалъ его, какъ могъ.... Признаться—мнѣ самому Миклашевская нравилась; впрочемъ и то сказать:—кто мнѣ тогда не нравился,—возрастъ-то я какой тогда переживалъ!..

III.

Юлія Александровна была дѣвушка милая, можетъ быть, съ очень добрымъ сердцемъ, но тѣмъ не менѣе мучившая несчастнаго Володю самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Кокетничая иногда съ нимъ, она, кажется, воображала, что и онъ съ ней кокетничаетъ. А онъ порою не отличалъ шутки отъ правды, не понималъ самыхъ простыхъ вещей. „Вы какой себѣ идеалъ женской наружности составили?" однажды спросила она его.

— Брюнеточку, стройную, невысокаго роста, съ темными глазками, слегка курносенькую, простодушно отвѣтилъ онъ, глядя на нее.

Она засмѣялась.—А я,—сказала она, въ свою очередь оглядывая собесѣдника,—я представляю себѣ идеальнаго мущину непремѣнно съ черными волосами, высокаго роста, съ свѣтло-сѣрыми глазами...

Она хотѣла нарисовать контрастъ наружности Володи, а вышелъ Гальнбекъ.

Володя нахмурился.—Значитъ жида? спросилъ онъ.

Она оторопѣла.—Какъ жида?

— Конечно, сѣрые глаза и черные волосы характеристическій признакъ еврейскаго племени.

— Полноте, а вотъ Яковъ Ивановичъ такой.

— Ну-съ, такъ что-же? спросилъ было Володя, да вдругъ замялся.

— Вѣдь онъ же русскій?

— Гальнбекъ? (Онъ нарочно сдѣлалъ удареніе на фамиліи),—должно быть чистокровный славянинъ.

Она какъ-то странно посмотрѣла но него и во весь вечеръ не сказала ему больше ни одного слова.

Я думаю, онъ очень плохо спалъ въ эту ночь.

Послѣ подобнаго разговора, Володя часто цѣлую недѣлю мечется изъ угла въ уголъ, да губами пожимаетъ. Вотъ именно въ такіе-то моменты, особенно сквозило въ выраженіи его лица то неуловимое *нѣчто*, что отличало его отъ другихъ. Въ эти минуты онъ былъ положительно способенъ на все: нервы его были такъ напряжены, что малѣйшій намекъ, уколъ вызывалъ съ его стороны цѣлую бурю. Помню, разъ въ такое время Гальнбекъ осмѣлился въ разговорѣ съ обычнымъ цинизмомъ отозваться о Миклашевской. „Юлька, дескать, дѣвчонка ничего себѣ, только зелена еще очень; вотъ когда черезъ огонь, воду и мѣдныя трубы пройдетъ, — тогда смачной бабенкой будетъ".

Володя вспыхнулъ. — Однако, послушай,—крикнулъ онъ,—или выражайся объ нашихъ знакомыхъ приличнѣе, или убирайся къ чорту и не смѣй переступать здѣшняго порога.

Тотъ переконфузился.

— Да помилуй,—оправдывался онъ,—что же я сказалъ?

— Не въ томъ дѣло *что*, а *какъ* сказалъ... Не только о порядочной дѣвушкѣ, а даже о... даже о лошади я такъ не выражусь.

— Однако я не зналъ, что ты такой раздражительный,—замѣтилъ съ улыбкой онъ,—ты...

— Ну, довольно объ этомъ, прошу тебя,—я за себя не ручаюсь.

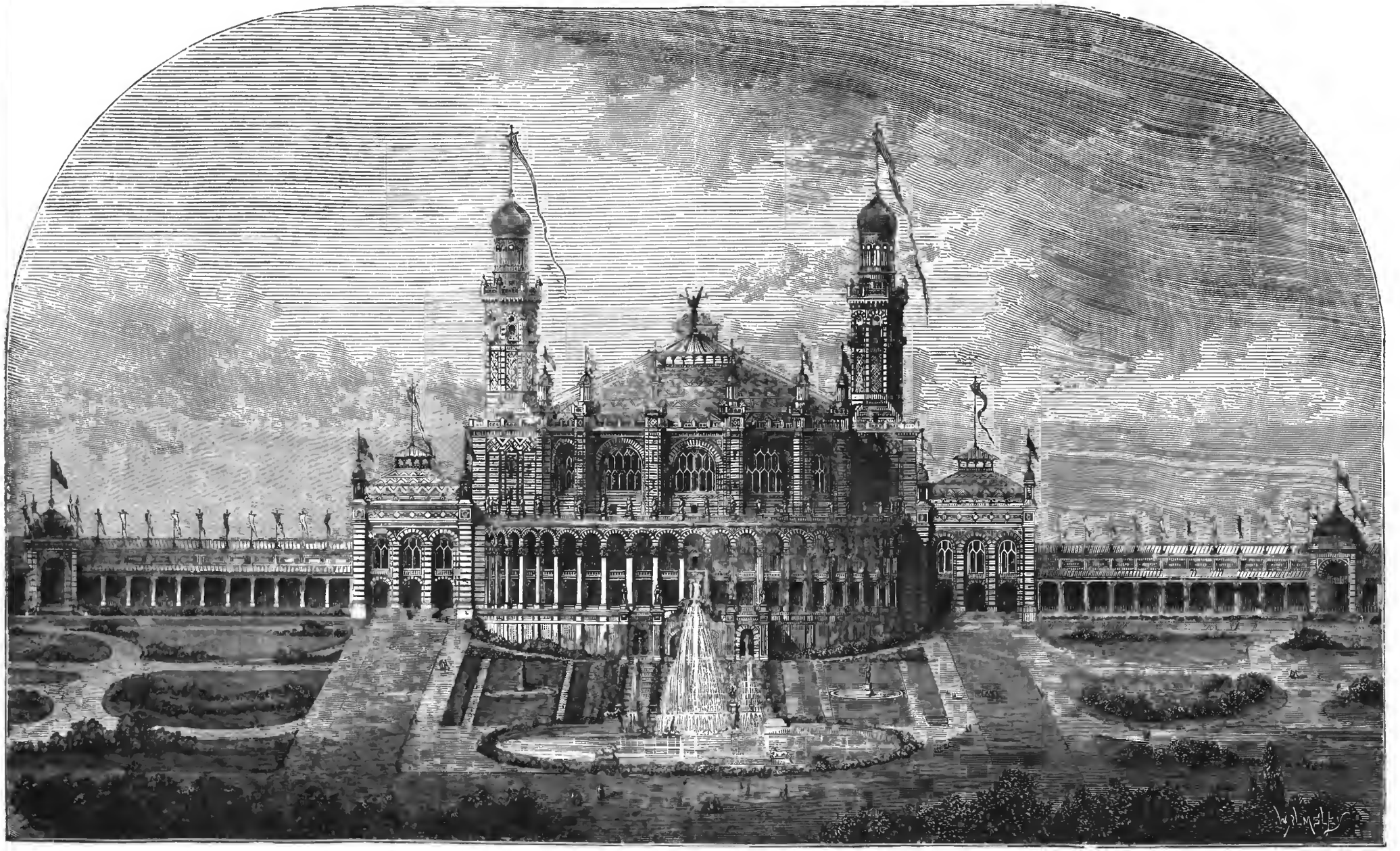
„А у него темпераментъ ой-ой-ой", подумалъ я, поскорѣй отодвигая отъ него лампу, боясь какъ бы онъ не пустилъ ею въ несчастнаго. Гальнбекъ замѣтилъ маневръ и, струсивъ окончательно, забормоталъ какое-то извиненіе. Мнѣ кажется, что еслибы не мое присутствіе, дѣло кончилось бы менѣе миролюбиво,—при мнѣ они сдерживались. „За нимъ присматривать надо, —рѣшилъ я,—съ такими нервами до бѣды не далеко".

Однажды по какому-то случаю у нихъ давался балъ. То есть, собственно говоря, это былъ не балъ, потому что танцовали подъ фортепьяно, а такъ — вечеръ съ

Библиотека "Руниверс"

Общій видъ города Владивостока (**Въ Приморской Области Восточной Сибири**). Рис. на деревѣ Подбѣльскій, грав. Цихомскій.

Библиотека "Руниверс"



Фасадъ главнаго зданія Всемірной выставки въ Парижѣ 1878 г. По проектамъ архитекторовъ Давіу и Бурде, грав. Вальмисли.

Библиотека "Руниверс"

танцами. Да оно и странно было бы давать тамъ балъ, гдѣ дѣвицъ не было. Просто съѣхалось много родственниковъ и гостей.—чуть ли не по случаю имянинъ m-me Аргѣевой: ее Александрой Ѳедоровной звали. Дѣло было въ срединѣ марта,—помѣщеніе обширное, зала свободна, отчего же и не потанцовать молодежи. Володя, кажется, давно предугадывалъ этотъ вечеръ и мечталъ о разговорѣ съ Юліей Александровой tête-à-tête, и даже чуть ли планъ бесѣды себѣ не составилъ. Но судьба просто не благоволила къ нему. Онъ долго почему-то не рѣшался подойти къ ней и, наконецъ, когда пригласилъ ее, оказалось, что она ангажирована на всѣ кадрили. Я бы съ удовольствіемъ уступилъ ему свою вторую кадриль, но чѣмъ мотивировать мой отказъ отъ танцевъ?.. Володѣ было крайне не по себѣ; онъ танцовалъ съ какой-то рыхлой дамой, vis-á-vis Миклашевской; послѣдняя, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, весело болтала съ своимъ кавалеромъ, закрываясь вѣеромъ отъ смѣха. Мнѣ просто жаль стало Володи, и я рѣшился поговорить о немъ съ Юліей Александровной.

Когда она сѣла возлѣ меня, слегка оправляя шумѣвшее и топырившееся зигзагами голубое шелковое платье и взглянула вопросительно на меня, ожидая съ чего я начну разговоръ, мнѣ она вдругъ показалась такой пустенькой свѣтской дѣвочкой, которая не доросла, да едва ли и доростетъ до истиннаго пониманія любви. Но другой темы для разговора у меня не было, volens-nolens приходилось или говорить объ этомъ или молчать.

— Вы замѣчаете какой сегодня Володя, — началъ я,—точно въ воду опущенный?

— Да онъ всегда такой,—улыбнулась она въ отвѣтъ, —смотритъ какимъ-то разочарованнымъ Гамлетомъ...

— Характеръ такой.

— Очень жаль; что касается меня, то я не Офелія и подобные характеры мнѣ не нравятся.

— Я знаю, что вы не Офелія.

Она, слегка прищурившись, глянула на меня.—Почему вы знаете?

— Для этого не много нужно наблюдательности... Но дѣло не въ томъ,—если не ошибаюсь, вы танцуете съ нимъ monstre?

— Нѣтъ, съ Гальнбекомъ. А что?

— Ему, кажется, очень хотѣлось танцовать съ вами, ужь не оттого-ли онъ такой?

Она молчала, покусывая кончики вѣера, и потомъ слегка поморщившись сказала: какой онъ тюфякъ!

— За то добрый, прямодушный, открытый.

— Вы думаете?

— Не только думаю, знаю навѣрное.

— Мнѣ кажется, что онъ эгоистъ, человѣкъ холодный, относящійся ко всему съ презрѣніемъ...

— Онъ эгоистъ? да что вы! Душу свою „за други" отдать готовъ...

— Да вы взгляните на него только, такъ по лицу и видно, что онъ скрываетъ что-то, все изъ-подлобья смотритъ, молчитъ.

— Онъ неговорливъ—правда, но я думаю, это скорѣе достоинство, чѣмъ порокъ.

— Смотря потому гдѣ: въ залѣ, за танцами, это порокъ, да еще какой!

— А можетъ быть, танцуя съ вами, онъ былъ бы самый занимательный человѣкъ въ мірѣ.

— Не думаю. Съ нимъ какъ-то неловко глазъ на глазъ быть. Онъ говоритъ, точно... Она засмѣялась,— точно въ любви объясняться хочетъ.

Я тоже засмѣялся.—Почемъ вы знаете,—можетъ быть и да.

— Ну вотъ видите,—значитъ слава Богу, что его здѣсь нѣтъ, подлѣ меня.

— А вы развѣ... началъ я.

— Вѣдь онъ еще мальчикъ, съ пренебреженіемъ сказала она,—еще на школьной скамейкѣ сидитъ.

„А вы то сами давно-ли изъ Смольнаго", вертѣлось у меня на языкѣ: „меньше года кажется".

— Вы вѣдь съ нимъ очень близки, — продолжала она,—друзья съ нимъ.

— Совершенно вѣрно-съ.

— Такъ передайте ему пожалуйста, что я... впрочемъ нѣтъ, не надо: пусть онъ думаетъ, что хочетъ.

— Договаривайте, Юлія Александровна,—все равно.

— Нѣтъ, не надо...

Она круто перемѣнила разговоръ, спросивъ что-то о литературныхъ новостяхъ.

И такъ надежды на сочувствіе съ ея стороны для Володи никакой нѣтъ,—рѣшилъ я,—и, разумѣется, положилъ не говорить ему объ этомъ ни слова.

Передъ „monstre" Володя подошелъ къ Миклашевской и, пользуясь маленькимъ промежуткомъ, заговорилъ о чемъ-то, между прочимъ спросилъ, кѣмъ она ангажирована.

— Гальнбекомъ кажется,—сказала она.

Гальнбекъ, вертѣвшійся возлѣ, услышалъ это и очевидно былъ сильно уколотъ небрежнымъ *кажется*. Онъ быстро подошелъ къ нимъ и косо усмѣхаясь сказалъ:

— Если тебѣ хочется, я уступлю тебѣ мою даму.

Вся кровь кинулась въ голову Володи, онъ быстро поднялся съ своего мѣста, хотѣлъ что-то сказать, но только стиснулъ зубы и сухо поклонившись отошелъ въ сторону.

Monstre тянулся долго, очень долго. Я искалъ глазами среди танцующихъ Володю,—его тутъ не было. Меня это крайне безпокоило: не надѣлалъ бы онъ какихъ-нибудь глупостей послѣ этой пошлой сцены.

Тотчасъ по окончаніи кадриля я бросился къ нему въ комнату. На письменномъ столѣ, подъ синимъ колпакомъ, горѣла лампа. Онъ сидѣлъ бросивъ на столъ руки и склонившись на нихъ головой. На стукъ моихъ шаговъ онъ не оглянулся.

— Володя,—тихо сказалъ я, дотрогиваясь до его плеча.

Онъ поднялъ голову. Я просто испугался выраженію его лица: въ немъ не было кровинки, глаза смотрѣли дико, на лбу крупными каплями выступилъ потъ.

— Полно, перестань, изъ-за чего ты волнуешься,— началъ уговаривать я,—глупая дѣвочка, вертушка, и экстрактъ пошлости въ лицѣ Гальнбека, — стоятъ ли они этого волненія.

— Стоятъ-ли? переспросилъ какъ-то беззвучно-механически онъ. А если стоятъ?

— Да не стоятъ, повѣрь.

— Нѣтъ, я такъ продолжать не могу, еще глуше проговорилъ онъ.

Я съ безпокойствомъ глянулъ на него.

— Володя, да неужели стоитъ обращать вниманіе на такіе пустяки...

— Пустяки? Хороши пустяки! съ горькой насмѣшкой въ голосѣ сказалъ онъ. Вѣдь я человѣкъ, я жить хочу.

— Да кто-жь тебѣ мѣшаетъ,—живи!

— Не даютъ мнѣ! А кровь-то у меня, какъ у всѣхъ людей, своего требуетъ.

Онъ молча отодвинулъ одинъ изъ ящиковъ стола и вынулъ оттуда хорошо мнѣ знакомый карманный кинжалъ, острый какъ бритва...

— Что ты, Володя! крикнулъ я...

Онъ отстранилъ мою руку и прямо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Неужели ты думаешь, что я рѣшусь на это? серьезно спросилъ онъ.

Мнѣ стало неловко передъ нимъ, что я понялъ такъ его настроеніе.

— Я самъ себя по крайней мѣрѣ за теленка не счи-

Библиотека "Руниверс"

таю,—продолжалъ онъ, тихо выдвигая изъ ноженъ четырехгранный клинокъ.

— А ты какого воззрѣнія на самоубійство? небрежно спросилъ онъ.

— Какъ на отсутствіе характера и силы воли.

— Говорятъ жены германцевъ закалывали себя, чтобъ не попасться въ плѣнъ галламъ, — это тоже недостатокъ характера?

— Ну, ты берешь какіе примѣры...

— Грубые, чисто физическіе, — а ты думаешь моральное рабство легче...

Какое то странное чувство, въ родѣ легкаго щекотанья, почувствовалъ я у корней волосъ...

(Продолженіе будетъ).

Г—ъ С—скій.

На бивуакѣ.

— „Я, дядя, въ дѣлѣ не бывалъ,
И, право, сердце замираетъ
При мысли—смерть-то вѣдь летаетъ
Незримо..... Щелкъ—и на повалъ!
На кулакахъ, бывало, ловки
Мы были драться, ну, а тутъ
Направятъ пушки, да винтовки....
Издалека, канальи, бьютъ!
Стоишь, примѣрно—вдругъ уложитъ
Свистунья, чертъ ее дери!
Тутъ струсишь, что ни говори“.....
— „А ты не трусь,—вѣдь не поможетъ...
Вотъ, на-ко трубку—покури“.

* * *

— „Чай, скоро зададимъ имъ страху!
Ужъ будетъ сшалка... Ну—да, я
Надѣну чистую рубаху
И образочекъ. Мать моя
Его дала мнѣ и велѣла
Носить при крестикѣ всегда:
„Благословенье будетъ цѣло,
И самъ ты будешь цѣлъ тогда“...
А все меня одно тревожитъ—
Возьмутъ въ полонъ, потомъ—гори
Живьемъ-то! Дьяволъ ихъ дери!“...
— „А ты не думай... Не поможетъ!
Вотъ, на-ко лучше—покури“.

* * *

— „Гляди-ка, пташечка порхнула!
Вонъ-вонъ она... Туда летитъ!....
Меня за нею потянуло
Въ село родное... И стучитъ,
И поетъ сердце по Алёнѣ!
Сынишку съ ней оставилъ я....
Ужъ годъ, какъ съ ней живу въ законѣ.
Тебѣ, Алёнушка моя,
Придется овдовѣть, быть можетъ....
Какъ знать!... Эхъ, дядя, не смотри!
Ну, уронилъ слезинки три“.....
— „Зачѣмъ ронять? Вѣдь не поможетъ...
Вотъ, на-ко трубку — докури!“—

Щ.

Что такое солнце?

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ!
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ.
Тамъ камни какъ вода кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

М. Ломоносовъ.

„Что такое солнце? Что это за лучезарное, могущественное свѣтило, разгоняющее мракъ ночи, проливающее на землю свѣтъ, дающее намъ тепло, освѣщеніе, обусловливающія жизнь, и своею таинственною силою притяженія удерживающее около себя цѣлую группу планетъ, что способствуетъ поддержанію порядка въ мірозданіи?“

Вотъ вопросъ, которымъ задастся всякій человѣкъ, любящій размышлять о великихъ явленіяхъ природы, т. е. *человѣкъ*, неуподобившійся тѣмъ неразумнымъ тварямъ, которыя, питаясь плодами земли, никогда не устремляютъ вопрошающаго ока на это великое свѣтило, породившее ихъ, на этотъ источникъ всего живого, всякой жизни.

Гдѣ-же искать удовлетворительнаго отвѣта на вышепоставленный вопросъ, какъ не въ сочиненіи ученаго, который является „историкомъ солнца“, постояннымъ, страстнымъ, неутомимымъ наблюдателемъ его?.... Аббатъ Секки, знаменитый директоръ римской обсерваторіи, въ прекрасной книгѣ своей — самой интересной книгѣ нашего времени — повѣдалъ міру о результатѣ трудовъ всей своей жизни, посвященной на изученіе этого великолѣпнаго, несказанно-важнаго свѣтила. Книга эта, замѣчательная также и по ясности изложенія, признанная единогласно полнымъ сборникомъ всѣхъ данныхъ, добытыхъ современною наукою относительно вопроса о солнцѣ, послужитъ единственнымъ руководствомъ при составленіи очерка, предлагаемаго теперь нами нашимъ читателямъ.

Солнце, какъ извѣстно, центръ планетной системы, въ составъ которой входитъ и обитаемая нами земля. Діаметръ (поперечникъ) солнца въ *сто восемь* разъ больше діаметра земного шара. Солнце въ *милліонъ триста тысячъ* разъ (беремъ круглое число) болѣе земли и отстоитъ отъ нея на разстояніи 259 милліоновъ верстъ.

Вопреки существовавшимъ мнѣніямъ, доказано было, на основаніи данныхъ новой астрономіи, что мнимый фактъ восхода и заката солнца—есть только результатъ обмана нашихъ чувствъ, что не небесная система къ намъ тяготѣетъ, а, напротивъ, земля наша является только одною изъ „свиты“ солнца, и что земной шаръ, какъ и другія планеты, получаетъ свѣтъ и теплоту отъ центральнаго свѣтила. Когда все это было доказано, многіе ошибочно стали полагать, что солнце *неподвижно*,—„ошибочно“ потому, что считать солнце неподвижнымъ, въ силу центральнаго его положенія, значило бы дѣлать невѣрный выводъ изъ данныхъ, доказывающихъ неопровержимую истину. Движеніе—непреложный міровой законъ, по этому естественно, что ученые, признавшіе центральность положенія солнца, были въ то-же время убѣждены въ томъ, что это центральное свѣтило *должно* имѣть собственное движеніе. Но убѣжденіе это, какъ ни было оно глубоко, основывалось лишь на логикѣ мышленія, не имѣя подкрѣпленія въ фактическихъ данныхъ.... И такъ, доказать эту новую истину было предоставлено будущему, которое и сдѣлало это: наука, двигаясь впередъ, подтвердила ту остроумную догадку.

Для провѣрки предположенія, что и солнце вращается, современные астрономы воспользовались нѣкоторыми явленіями, замѣченными на поверхности (дискѣ) солнца. Наблюденія надъ этими феноменами, какъ сперва казалось, не могли привести къ заключеніямъ важнаго свойства, но время показало, что изученіе этихъ явленій имѣло для науки великое значеніе, ибо оно послужило не только основою для неопровержимаго доказательства движенія солнца, но и явилось необходимымъ отдѣломъ въ ряду работъ вообще о центральномъ источникѣ свѣта. Мы говоримъ тутъ именно о наблюденіи и изученіи *пятенъ* на солнцѣ.

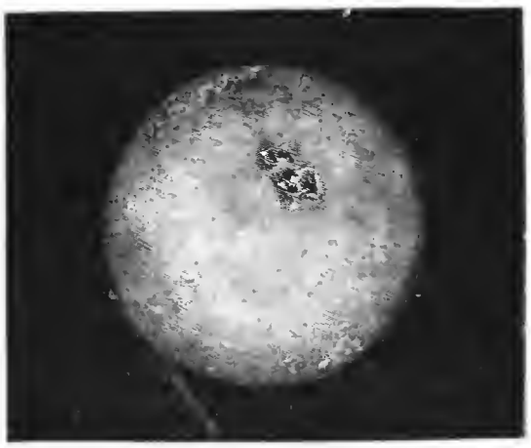
Замѣчать и положительно видѣть пятна на солнцѣ начали только въ началѣ XVII столѣтія, т. е. съ того времени, когда въ распоряженіи астрономовъ уже были сильные телескопы. До XVII ст., если явленія подобнаго рода и обращали на себя вниманіе наблюдателей, то они, астрономы, объясняли существованіе этихъ пятенъ такъ: появленіе пятенъ обусловливалось прохожденіемъ какой нибудь планеты передъ дискомъ солнца. Самъ великій Кеплеръ, замѣтивъ одно изъ такихъ пятенъ, полагалъ, что оно явилось вслѣдствіе прохожденія Меркурія.... Любопытно, что въ китайскихъ астрономическихъ таблицахъ (составителями ихъ записанъ цѣлый рядъ наблюденій съ IV по XIII вѣкъ нашей эры надъ солнечными пятнами) упоминается о множествѣ пятенъ на солнцѣ, которыя наблюдатели сравниваютъ (по виду) то съ яйцомъ, то съ финикомъ или со сливой.

Но какъ-бы то ни было, нахожденіе пятенъ на видимой поверхности солнца не представляло въ то время никакого важнаго значенія. Астрономы признавали просто какъ фактъ, что дискъ солнечный можетъ покрываться точками относительно болѣе темнаго цвѣта, да и подобное наблюденіе было доступно каждому: извѣстно, что сквозь закопченое стеклышко можно довольно ясно видѣть и невооруженнымъ глазомъ значительной величины пятна, появляющіяся по временамъ на солнечномъ дискѣ. Этотъ феноменъ какъ-то наталкивалъ въ то время на особыя соображенія, и даже знаменитый Галилей, показывая нѣкоторымъ изъ своихъ современниковъ солнечныя пятна, не сразу провидѣлъ въ этомъ явленіи великую важность для наблюденій надъ нимъ. Вскорѣ, однако, другой астрономъ, занявшійся тщательнымъ изученіемъ этихъ пятенъ, подмѣтилъ извѣстную степень постоянства въ формѣ и нѣкоторую правильность въ появленіи и перемѣщеніи ихъ—и этого было достаточно для геніальнаго Галилея, чтобы придти къ слѣдующему выводу:

Библиотека "Руниверс"

«Если пятно, видимое сегодня на такомъ-то пунктѣ солнца, можно признать за то-же самое, увидѣвъ его завтра и послѣ-завтра— но уже на другомъ пунктѣ солнечнаго диска, то изъ этого не слѣдуетъ, что само пятно перемѣстилось: напротивъ, самъ солнечный шаръ, на которомъ оно находится, вслѣдствіе самовращенія перемѣнилъ положеніе пятна относительно наблюдателя. Подобное-же явленіе мы можемъ наблюдать, если возьмемъ яблоко, воткнемъ въ него булавку до головки ея и станемъ яблоко это вращать. Головка булавки, видимая нами сначала около одного края яблока, постепенно передвинется къ срединѣ, а затѣмъ, двигаясь все дальше, исчезнетъ за другимъ краемъ его.“ — Съ этимъ выводомъ, сдѣланнымъ Галилеемъ назадъ тому два съ

Фиг



Фотографическій снимокъ съ солнца.

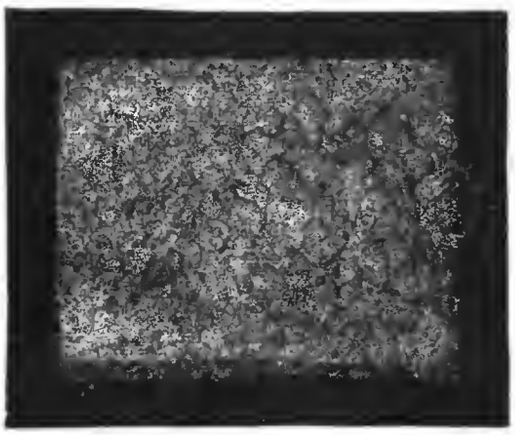
половиною вѣка (1612 г.), конечно, соглашаются и наши современные астрономы. Обладая превосходными инструментами, они подтверждаютъ вѣрность Галилеева умозаключенія цѣлымъ рядомъ наблюденій, которыя, будучи приведены въ систему, составляютъ науку о солнечныхъ явленіяхъ.

Выше помѣщенные на этой страницы два рисунка довольно наглядно представляютъ группу пятенъ на солнцѣ и кажущееся движеніе ихъ.

Фиг. 1 представляетъ фотографическій снимокъ съ солнца, сдѣланный въ 1860 г., въ тотъ день, когда небольшая группа пятенъ занимала мѣсто почти въ центрѣ диска.

Если мы теперь предположимъ (согласно неопровержимымъ

Фиг. 3.



Поверхность солнца. Общій видъ.

данным, какъ это увидимъ ниже), что пятна на солнцѣ суть впадины, углубленія, то *фиг. 2*, чисто „примѣрная“, наглядная, выяснитъ слѣдующее: пятно, занимая, напримѣръ, вчера центръ диска, имѣло форму показанную подъ буквою (А), сегодня приняло уже другой видъ (Б) и засимъ съ каждымъ днемъ измѣняясь, (какъ показано подъ буквами В, Г, Д) это пятно, превратившееся уже въ полоску, исчезнетъ за краемъ солнца.

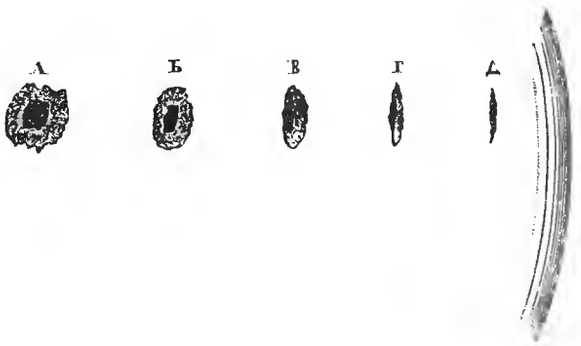
Этимъ выясняется и подтверждается, что солнце имѣетъ движеніе вокругъ своей оси. По приблизительнымъ вычисленіямъ астрономовъ, полный оборотъ оно дѣлаетъ въ теченіи двадцати семи дней. И такъ, изъ этого слѣдуетъ, что и центральное свѣтило подчинено великому естественному закону движенія,

которое для міровъ тоже, что жизнь для всего живущаго.

Однако изъ того, что извѣстная степень постоянства въ контурахъ солнечныхъ пятенъ позволяетъ слѣдить за ними, узнавать ихъ, не смотря на перемѣщенія, доказывающія самовращеніе солнца, не слѣдуетъ заключать, что явленія эти возникаютъ и повторяются въ строго-опредѣленномъ порядкѣ.

Солнечныя пятна, эти случайныя отверстія въ солнечной поверхности, не имѣютъ ни точнаго бытія во времени, ни опредѣленнаго расположенія относительно одного къ другому, и, кромѣ того, такъ какъ они возникаютъ вслѣдствіе волненія и колебанія составныхъ элементовъ этой поверхности, возможно и быстрое исчезновеніе ихъ. Въ томъ даже случаѣ, если пятна

Фиг. 2.



Наглядное представленіе перемѣщенія солнечнаго пятна.

остаются довольно долгое время на дискѣ (рѣдко долѣе времени полнаго оборота солнца вокругъ своей оси), они всегда видоизмѣняются и принимаютъ другія положенія относительно другъ друга. Если одна какая-нибудь группа пятенъ, появившаяся у одного края солнца, пройдетъ черезъ весь дискъ, сохранивъ въ *общемъ* характеръ своего контура, по которому ее и можно узнать, то въ *частностяхъ* группа эта все-таки измѣнится; другая же, напротивъ, не выдерживаетъ контура въ продолженіи одного или двухъ дней; очертанія пятенъ (сравнительно) быстро измѣняются.

Но что-же такое эти пятна?

Галилей, въ распоряженіи котораго были только весьма не-

Фиг. 4.

Рисовыя зерна и свѣтлое пятно.

совершенные инструменты, усматривалъ въ этихъ пятнахъ облака или пары, носящіяся въ солнечной атмосферѣ. Два вѣка спустя, не смотря на то, что орудія наблюденій были уже значительно усовершенствованы, французскій ученый Лаландъ полагалъ, что эти пятна суть горы, отлогости которыхъ (болѣе или менѣе крутыя) обусловливали это явленіе полутѣни на дискѣ солнца. Другіе ученые, представляя себѣ солнце въ видѣ шарообразной жидкой массы, раскаленной добѣла, думали, что эти пятна—громадные шлаки, плавающіе въ огненномъ океанѣ небеснаго свѣтила. Въ настоящее время всѣ эти предположенія можно считать одинаково ошибочными.

Если мы будемъ разсматривать солнечный дискъ, вооружив-

Библиотека "Руниверс"

Я-ли не полковникъ?! Картина Гакеля, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

нись сильнымъ телескопомъ, то поверхность его представляется намъ далеко не гладкою и вовсе не однообразною: напротивъ, вся площадь диска волнистая, напоминающая море во время бури.

На *фиг. 5* представленъ общій видъ поверхности солнца. Эту массу рябинъ и извилинъ подробно описать невозможно. Мѣстами, особенно по краямъ диска и въ сосѣдствѣ съ пятнами, однообразность рисунка нарушается болѣе свѣтлыми массами, которыя нерѣдко занимаютъ сравнительно весьма значительное пространство. На *фиг 4*, а также и на *фиг. 1*, мы видимъ, что на солнечномъ дискѣ появляются не только группы пятенъ болѣе темныхъ, но и тѣ рѣзко-блестящіе клочки, которые астрономы назвали „свѣтлыми пятнами". Рябины и вообще разновидные бугорки, покрывающіе почти равномѣрно, сплошь весь дискъ солнца, называются (на языкѣ астрономовъ) или „рисовыми зернами", или „ивовыми листьями", смотря потому, какую форму они принимаютъ.

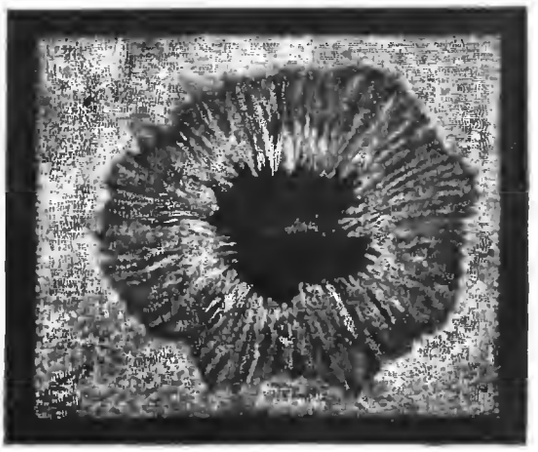
Аббатъ Секки, считающій *фотосферу* (наружную, блестящую оболочку солнца) сходною по виду своему съ облаками земли, замѣчаетъ, что было бы естественно предположить, что „зерна" суть верхушки округленныхъ холмиковъ, увѣнчивающихъ эти газообразныя массы, солнечныя облака, которыя, подобно нашимъ клочковатымъ облакамъ, носятся въ солнечной атмосферѣ. Поднявшись на вершину высокой горы (прибавляетъ онъ), мы можемъ и здѣсь, на землѣ, наблюдать сколько угодно подобнаго рода явленія. Громадные размѣры солнечныхъ облаковъ, занимающихъ пространство въ нѣсколько сотъ километровъ, дѣлаютъ такое объясненіе еще болѣе правдоподобнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что иногда на нѣкоторыхъ пунктахъ рябы появляются небольшія пустоты или провалы, которыя не могутъ считаться настоящими пятнами, хотя присутствіе ихъ и замѣчается, благодаря болѣе темному тону этихъ пустотъ или проваловъ. Провалы эти, названные порами, исчезаютъ довольно быстро, иногда существованіе ихъ длится менѣе часа.

Что касается „свѣтлыхъ пятенъ", то они стоятъ въ тѣсной связи во 1) съ образованіемъ пятенъ вообще и во 2) съ существованіемъ ихъ, поэтому говорить о нихъ отдѣльно нельзя.

Обыкновенно появленіе пятна на дискѣ солнца возвѣщается за нѣсколько дней: въ фотосферѣ замѣчается сильное волненіе, и первымъ результатомъ его являются весьма блестящія „свѣтлыя пятна", порождающія одну или нѣсколько поръ (скважинъ). Зачастую можно также наблюдать появленіе цѣлыхъ группъ маленькихъ черныхъ точекъ, причемъ кажется, будто лучезарный слой дѣлается въ этомъ именно пунктѣ тоньше и вотъ-вотъ совсѣмъ исчезнетъ и обнаружитъ скрывающееся за нимъ темное мѣсто. Эти поры очень безпокойны, быстро перемѣщаются и, наконецъ, одна изъ нихъ, повидимому, поглощаетъ остальныя, превращаясь такимъ образомъ въ широкую скважину. Въ первыя мгновенія такого образованія не видно на немъ рѣзко-очерченной полутѣни; полутѣнь эта идетъ прогрессивно и получаетъ ясныя очертанія по мѣрѣ того, какъ пятно принимаетъ кругловатую форму, что хорошо видно на рисункѣ—*фиг. 5*.

Фиг. 5



Пятно, окаймленное «свѣтлыми пятнами».

Таковъ обыкновенный ходъ развитія этого феномена, но, повторяемъ, нѣтъ ничего точнаго, строго опредѣленнаго въ развитіи подобныхъ явленій на солнечномъ дискѣ: они возникаютъ порою медленно, *нерѣшительно*, такъ сказать,—порою же весьма бурно и крайне многосложно... Вдаваться въ подробности здѣсь не умѣстно, ибо подробности эти уже относятся къ области точныхъ наблюденій. Намъ приходится ограничиться однимъ указаніемъ на то, что солнечное пятно вообще (*см. фиг. 5*) состоитъ: изъ темнаго центра (ядра), изъ весьма яркаго бахромистаго ободка, образуемаго „свѣтлыми пятнами", которыя примыкаютъ другъ къ другу и походятъ на края жерла вулкана, и, наконецъ, изъ наружнаго пояса съ сильно-освѣщеннымъ вѣнчикомъ, похожимъ, какъ мы сказали, на края кратера. Поясъ этотъ можно сравнить съ подошвою горы, на которую края кратера бросали бы тѣнь отъ себя.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пятна появляются рѣдко въ одиночку; напротивъ, они чаще сгруппировываются, а передъ исчезновеніемъ своимъ сливаются и образуютъ одно пятно довольно значительнаго размѣра. Случается, что въ моментъ исчезновенія въ фотосферѣ происходитъ сильное волненіе.

Нахожденіе темнаго центра въ лучезарномъ вѣнцѣ, окаймленномъ полутѣнью, довольно вѣрно указываетъ на то, что всѣ эти пятна ничто иное, какъ впадины, углубленія въ дискѣ солнца. Однако, для провѣрки этой гипотезы (предположенія), вздумали воспроизвести два фотографическихъ снимка съ одного и того же пятна, что и было исполнено, причемъ второй снимокъ былъ сдѣланъ по прошествіи 24 часовъ, слѣдовательно уже подъ другимъ угломъ зрѣнія, такъ-какъ солнце совершило часть оборота около своей оси и пятно поэтому перемѣстилось. Оба снимка разсматривались потомъ въ стереоскопѣ, и тутъ убѣдились, что это дѣйствительно *впадины*: онѣ *воочію* были видны. Это, впрочемъ, не было новинкой, такъ какъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія астрономъ Кассини замѣтилъ и объявилъ, что въ такое-то время на солнечномъ дискѣ появилось столь громадное пятно, что, достигнувъ окраины диска, оно сдѣлало весьма замѣтную выемку въ немъ (а такое явленіе могло быть именно въ томъ случаѣ, если это пятно на самомъ дѣлѣ было глубокой впадиной на поверхности солнца). Слѣди внимательно за обыкновенными солнечными пятнами въ моментъ приближенія ихъ къ краю диска, можно нерѣдко видѣть, какъ темная средина пятна умаляется, исчезаетъ и видимымъ остается только одна сторона бугорчатаго лучезарнаго ободка, состоящаго изъ „свѣтлыхъ пятенъ".

Нѣкоторые астрономы, обращавшіе особенное вниманіе на бурныя волненія въ фотосферѣ, сопровождающія образованіе пятенъ, и опираясь на тотъ фактъ, что „свѣтлыя пятна" представляются иногда въ видѣ спиралей (винтообразными), полагали, что на поверхности солнца существуютъ циклоны (смерчи), какіе часто бываютъ въ извѣстныхъ поясахъ земнаго шара. Аббатъ Секки находитъ, что дѣлать подобныя заключенія — значитъ выводить изъ частнаго случая общій законъ. Какъ бы то ни было, но этотъ почтенный ученый держится того мнѣнія, что солнечныя пятна являются результатомъ великихъ „революцій", переворотовъ, совершающихся въ той массѣ, изъ которой состоитъ солнце. Эти революціи вызываютъ волненіе во внѣшней оболочкѣ, называемой *фотосферой*: нѣкоторые пункты ея поднимаются, другіе понижаются, образуя впадины, которыя кажутся темными не потому, что сквозь нихъ будто бы видно самое ядро свѣтила (солнечное ядро, по мнѣнію Гершеля, темное), а потому, что углубленія эти наполнены парами, проникающими болѣе или менѣе глубоко въ лучезарную массу. Пары задерживаютъ, поглощаютъ лучи, поэтому эти пункты темнѣе. Впрочемъ, кризисы эти (первѣйшая, главная причина явленій, видимыхъ на поверхности нашего солнца) совершаются въ нѣдрахъ ближайшихъ къ ядру солнца, или, лучше сказать, внутри солнечнаго шара. Что касается фотосферы, то можно предположить, что она состоитъ изъ пламени, т. е. изъ газообразнаго вещества, до-бѣла раскаленнаго; ее слѣдуетъ считать характернымъ „лучезарнымъ туманомъ", носящимся въ газовидной и прозрачной атмосферѣ,—также точно, какъ въ земной атмосферѣ носятся облака, состоящія изъ сгущенныхъ водяныхъ паровъ; разница въ томъ, что лучезарныя облака солнца (фотосферы) въ меньшей степени подвижны, летучи и отличаются чрезвычайно высокою температурою.

Для того, чтобы узнать характеръ (природу) и самый составъ этихъ лучезарныхъ облаковъ—прибѣгли къ помощи спектральнаго анализа и такимъ путемъ узнали, что атмосфера, окружающая солнце, содержитъ въ себѣ въ газообразномъ видѣ большую часть земныхъ металловъ: мѣдь, никель, кобальтъ, натрій, магній и нѣсколько другихъ тѣлъ, неизвѣстныхъ намъ. Кромѣ того замѣтили (наблюденіе это было сдѣлано во время одного изъ полныхъ солнечныхъ затмѣній), что водородъ, самый легкій изъ земныхъ газовъ, носясь около крайнихъ предѣловъ солнечной атмосферы, занимаетъ тамъ весьма значительное пространство.

И такъ оказывается что центральная масса солнца газовидна; въ ней совершаются весьма важные химическіе процессы, порождающіе очень сложныя физическія явленія; но причинамъ, намъ еще неизвѣстнымъ, значительныя массы изъ центральной части солнца двигаются къ его поверхности и производятъ тѣ явленія (разрывы въ фотосферѣ), которыя обусловливаютъ существованіе „пятенъ", впадинъ, наполненныхъ парами, поглощающими блестящіе лучи изъ центральной части солнца; наконецъ, надъ собственно-лучезарною оболочкою находится атмосфера, состоящая изъ прозрачныхъ паровъ.

Подобныя свѣдѣнія, какъ замѣчаетъ и самъ аб. Секки, конечно, весьма не полны, но слѣдуетъ поставить на видъ, что одно наше поколѣніе сдѣлало въ этой отрасли знанія *болѣ*, чѣмъ всѣ предыдущія. Конечно, это *многое* есть ничтожная капля, въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ, повидимому, узнать человѣчеству въ дальнѣйшихъ вѣкахъ его земного быта.

Пер—ъ.

Библиотека "Руниверс"

Зданія Всемірной Выставки въ Парижѣ 1878 г.

1 мая 1878 г. предполагается открытіе Всемірной Выставки въ Парижѣ.

Зданія Выставки строятся на Марсовомъ Полѣ и на Трокадеро. Они должны соединиться мостомъ, брошеннымъ чрезъ Сену.

Зданіе на Марсовомъ Полѣ будетъ сдѣлано изъ желѣза и чугуна. Возвышаясь на длинной терассѣ, на которую изъ парка ведутъ широкія ступени, оно будетъ состоять изъ трехъ павильоновъ, соединенныхъ между собою галлереями. Крайніе угловые павильоны т. е. на всѣхъ углахъ зданія, имѣютъ въ вышину 44 метра. Они заканчиваются куполами; по бокамъ ихъ четыре колоколенки съ прорѣзными аркадами. Украшены въ полу-восточномъ вкусѣ. Центральный павильонъ почти такого-же рисунка, какъ и угольные, исключая того, что онъ на 4 метра менѣе возвышенъ. Въ основѣ арки центральнаго павильона будутъ хоры, откуда откроется видъ на Трокадеро и часть города.

Галлерея изящныхъ искусствъ будетъ помѣщаться въ срединѣ зданія. Она должна состоять изъ 8 группъ залъ, совершенно отдѣленныхъ одна отъ другой. Это зданіе будетъ изъ кирпича; кровли желѣзныя. Каждая группа залъ будетъ имѣть одну главную залу и четыре маленькія по угламъ. Дверей многое множество. По срединѣ зданія Выставки будетъ садъ. Средину сада займетъ бассейнъ, а въ кіоскѣ на бассейнѣ помѣстится оркестръ. По бокамъ группъ залъ для изящныхъ искусствъ и сада пойдетъ длинный рядъ галлерей съ угольными кровлями. Зданія на Марсовомъ Полѣ назначаются для изящныхъ искусствъ и промышленности.

На холмѣ Трокадеро, которому около 1825 г. далъ свое имя испанецъ, взятый арміей герцога Ангулемскаго, и на которомъ Наполеонъ мечталъ воздвигнуть дворецъ Римскаго императора, теперь будетъ возвышаться зданіе, грандіозное безъ сравненія, которое переживетъ выставку и составитъ великолѣпное украшеніе Парижа. Общій видъ этого зданія мы помѣщаемъ въ настоящемъ № „Нивы".

Залъ въ этомъ зданіи будетъ расположенъ амфитеатромъ и вмѣститъ въ себѣ до 8000 зрителей.

Что-бы дополнить великолѣпіе и придать движеніе чудной картинѣ гг. Давіу и Бурде придумали устроить водопадъ, онъ будетъ падать въ бассейнъ по 20 уступамъ. Въ вершинѣ водопада поставится группа статуй, представляющихъ Францію, привѣтствующую четыре страны свѣта. На бьющихъ фонтанахъ поставится также фигуры различныхъ морскихъ животныхъ.

Вода должна останавливаться въ послѣднемъ нижнемъ бассейнѣ парка. Паркъ на Трокадеро вмѣститъ въ себѣ всевозможныя постройки: кіоски, ротонды, акваріумы, шале выставщиковъ, образчики архитектуры, шатры и оранжереи садоводства и т. п.

Я-ли не полковникъ?!.

(Картина Гакеля).

Маленькій нѣмецкій городокъ, одинъ изъ герцогствъ, живетъ мирною жизнью. На политическомъ горизонтѣ его нѣтъ, ни единаго облачка, всѣ довольны и счастливы. Эта „тишь да гладь, да Божья благодать" нарушается весьма рѣдко, но можно сказать радикально. Въ особые, высокоторжественные дни, трудно узнать мирный городокъ: онъ весь преображается, суетится, горошится, хлопочетъ; на лицахъ всѣхъ и каждаго видна забота и тревога. По улицамъ то и дѣло, взадъ и впередъ, снуютъ запыхавшіеся граждане; ихъ и узнать нельзя — кажется тѣже люди, да не тѣ. Всюду шумъ, гвалтъ, барабанный бой, звуки грубъ и на каждомъ шагу—солдаты. Таковъ высокоторжественный день рожденія владѣтельнаго герцога. Въ этотъ день всѣ булочники, пирожники, портные, сапожники и т. п. дѣятели преображаются въ воиновъ и устраиваютъ парадъ, на который собирается публика со всего городка. Добрѣйшій Иванъ Ивановичъ Списъ занятъ больше другихъ; онъ изображаетъ изъ себя весьма важную персону, не болѣе ни менѣе какъ полковника народнаго ополченія своего родного городка. Иванъ Ивановичъ, утромъ высокоторжественнаго дня, съ ужасомъ замѣтилъ, что его военный мундиръ сталъ нѣсколько тѣсноватъ, онъ то и дѣло торопилъ свою домовитую сожительницу Амалію Андреевну кончать поскорѣе перешиваніе нѣкоторыхъ пуговицъ. Но вотъ, кажись все готово, все пригнано, все по формѣ и сидитъ на Иванѣ Ивановичѣ съ нѣкоторымъ, можно сказать, шикомъ. Ивану Ивановичу остается надѣть перчатки, нахлобучить киверъ, пристегнуть заново отчищенную саблю и предстать предъ мирными согражданами во всей своей красѣ, во всемъ блескѣ. Онъ поразитъ своимъ воинственнымъ видомъ, въ этомъ, надо полагать, не можетъ быть сомнѣнья, тѣмъ болѣе, что находящіеся на лицо домочадцы его, дв е дѣтокъ и мальчикъ подмастерье, уже залюбовались на доблестнаго воина. Одна Амалія Андреевна какъ будто не сознаетъ воинственныхъ способностей своего муженька, она, какъ то коварно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродушно улыбается, кончая прическу своего сожителя. Самъ Иванъ Ивановичъ бросилъ взглядъ въ зеркало, взглянулъ... да такъ и залюбовался. Для него уже нѣтъ домашней обстановки, это уже не булочникъ, а воинъ, да еще какой!..

Все это вѣетъ стариной, теперь не то... Не найдешь, пожалуй, такого мирнаго городка, да и не встрѣтишься съ добродушнѣйшимъ Иваномъ Ивановичемъ, булочникомъ по ремеслу и полковникомъ народнаго ополченія. Политическій горизонтъ затянутъ тучами, которыя и на мирный городокъ бросаютъ свою зловѣщую тѣнь!

Е. В—овъ.

Преступная демонстрація у Казанскаго собора.

Минувшій годъ, весьма памятный отраднымъ единодушнымъ глубоко-человѣчнымъ движеніемъ нашего общества въ пользу страждущихъ балканскихъ славянъ, оставилъ намъ съ другой стороны и память объ одномъ нелѣпомъ, возмутительномъ, безсмысленномъ дѣлѣ. Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: 1876 г. 6 декабря, толпа молодыхъ людей, выйдя изъ Казанскаго собора скученною массою, остановилась на площади, недалеко отъ портика собора. Выдѣлившись изъ толпы, молодой человѣкъ произнесъ возмутительную рѣчь о гнетѣ нашего правительства, о бѣдствіяхъ крестьянъ, у которыхъ за недоимки продаютъ послѣднюю корову, и т. д. Говорящій рѣчь горячился и размахивалъ руками, а остальная изъ этой толпы молодежь, столпившись въ тѣсный кружокъ, слушала его и, по окончаніи рѣчи, аплодировала, кричала «браво! браво!» и бросала въ верхъ шапки. Въ тотъ же моментъ выкинутъ былъ надъ толпою красный флагъ съ надписью «Земля и Воля». Прибывшимъ на мѣсто безпорядка чинамъ полиціи толпа оказала сопротивленіе дѣйствіемъ. Толпа, скучившись плотно въ видѣ процессіи, предводимой молодой женщиной, кричавшей: впередъ за мной! дошла до Кутузовскаго памятника, намѣреваясь идти далѣе, но здѣсь была остановлена и, послѣ упорнаго сопротивленія, арестована полиціей и частными лицами.

Дѣло это разсматривалось особымъ присутствіемъ сената. Виновными оказались нѣсколько молодыхъ людей изъ медико-хирургической академіи, института путей сообщенія, академіи художествъ и изъ сословій дворянскаго, купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго; кромѣ того нѣсколько молодыхъ дѣвицъ. 26 января по этому дѣлу объявлена слѣдующая резолюція: подсудимыхъ 1) Боголюбова—24 лѣтъ, Бибергаля—22, Чернавскаго—22, Бочарова—21 года и Гервасія—19 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы: Боголюбова, Бибергаля и Чернавскаго—въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а Бочарова и Гервасія—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; 2) Фалина—24 лѣтъ, Новаковскаго—25, Николаевскую—21, Ильяшенко—22, Иванову—20 и Гуровича—18 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе; 3) Шефтель—16 лѣтъ, Потапова—16, Геллера—20, Попова—21 года, Громова—23, Григорьева—18 и Тимофеева—23 лѣтъ признать подлежащими по лишеніи всѣхъ правъ состоянія ссылкѣ: Шефтель—въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, а всѣхъ прочихъ шестерыхъ—въ Сибирь на поселеніе; но, во вниманіе къ свойственному ихъ лѣтамъ легкомыслію, къ отсутствію той обдуманности въ дѣйствіяхъ, которая представляется относительно лицъ, оказавшихся болѣе виновными по настоящему дѣлу, и наконецъ—къ тому, что трое изъ сихъ подсудимыхъ, принадлежа къ крестьянскому сословію, могли быть вовлечены въ преступленіе только вліяніемъ той чуждой этому сословію среды, изъ которой исходятъ преступныя стремленія, порождающія дѣла, подобныя настоящему,—повергнуть сіе особое уваженіе на милостивое воззрѣніе Государя Императора и ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ упомянутымъ выше семерымъ подсудимымъ опредѣленнаго имъ по закону наказанія ссылкою: Шефтель, Геллера, Попова и Громова на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а въ отношеніи крестьянъ Потапова, Тимофеева и Григорьева—отдачею ихъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей на пять лѣтъ, съ порученіемъ ихъ тамъ особому попеченію монастырскаго начальства для исправленія ихъ нравственности и утвержденія ихъ въ правилахъ христіанскаго долга; 4) Надеждина, Иванова и Морошкина оправдать; 5) настоящій приговоръ относительно Бочарова, Ильяшенко и Ивановой, на основаніи 945 ст. Уст. Угол. Суд., представить, рѣже исполненія, на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

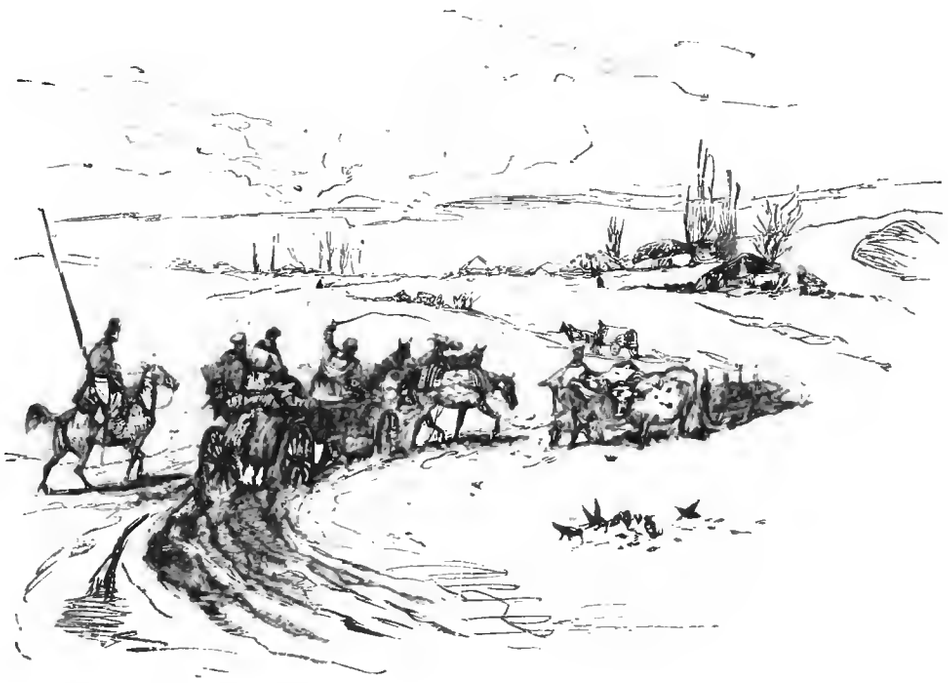
Библиотека "Руниверс"

Близь

Рисовалъ съ натуры нашъ спеціальный

Помѣщаемъ нѣсколько рис. перомъ нашего спеціальнаго корреспондента Н. К. знакомящихъ съ жизнью окрестности Кишинева. Бойкіе наброски даютъ весьма цѣльное представленіе о нѣкоторыхъ частностяхъ этой жизни. Пути сообщенія, по которымъ телѣга съ двумя сѣдоками съ большимъ трудомъ тянется, углубляясь въ грязи по ступицы колесъ, видимо находятся тамъ не въ весьма хорошемъ состояніи; впрочемъ на сценкѣ, изображающей движеніе транспорта видно, что дорога не вездѣ плоха. Не дуренъ способъ перевозки сѣна, измышленный, впрочемъ, изстари нашими молодцами казаками съ Дона и Урала; и скоро и просто: перекинулъ съ сѣдла на сѣдло палку— и готова телѣга, вали на нее сѣна сколько выдержитъ. Жидъ-маркитантъ, изображенный на третьемъ ри-

Казаки донцы. Практическій способъ перевозки сѣна.



Проселочная дорога въ окрестностяхъ Кишинева.

Библиотека "Руниверс"

Кишинева.

корреспонд. Н. Каразинъ, грав. Боярскій.

сункѣ,—давно уже знакомое всякому русскому лицо; въ особенности наши южно-русскія губерніи знаютъ его. Теперь ему праздникъ—народу много: дери за все сколько сможешь. Онъ, разумѣется, нисколько не заботится о томъ, какъ о немъ отзываются всѣ, поставленные въ необходимость имѣть съ нимъ дѣло. Лишь бы „гешефтъ“ былъ, думаетъ онъ, а все остальное—прахъ и суета. Иной разъ поругаютъ, иной разъ случается, что и въ шею накладутъ, — что за бѣда: вѣдь „гешефтъ“ сдѣланъ, значитъ брань и толчки не въ счетъ. И тѣ, которымъ по роковой силѣ обстоятельствъ приходится имѣть дѣло съ жидомъ, тоже въ концѣ концовъ мирятся съ своей долей: дадутъ жиду встрёпку и рѣшатъ, что „заплачено за обманъ сполна“. Относительно же вопроса, о законности жидовской эксплуатаціи, они давно уже пришли къ тому, путемъ наблюденія и опыта сдѣланному выводу, что, какъ тараканъ заводится въ домѣ, прежде чѣмъ въ немъ поселятся жильцы, такъ и еврей заводится вездѣ — и средствъ спасенія ни отъ того, ни отъ другого нѣтъ.

Мѣстность Кишиневскаго уѣзда волнообразна, склоняется на юго-востокъ и перерѣзана множествомъ овраговъ. Кишиневскій уѣздъ занимаетъ пространство въ 3075 квад. верстъ.

Жидъ маркитантъ.

Относительно самого города Кишинева, сказать многаго нельзя. Городъ весьма унылый и лишенный жизни, несмотря на то, что онъ послѣ Одессы лучшій городъ въ Новороссійскомъ краѣ. Расположенъ онъ на р. Быкѣ, притокѣ Днѣпра; жителей въ немъ около 105,000 душ. об. пола.

Транспортъ въ походѣ.

Библиотека "Руниверс"

Уссурійскій край и портъ Владивостокъ.

На крайнемъ востокѣ нашихъ азіатскихъ владѣній лежитъ такъ-называемый Уссурійскій край, пріобрѣтенный нами окончательно по пекинскому договору 1860 года. Онъ составляетъ южную часть Приморской области, омывается съ востока водами Японскаго моря, съ запада ограничивается рѣкою Уссури, а на юго-западѣ прилегаетъ къ Корейскимъ и Манжурскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ этотъ край заключаетъ въ себѣ бассейнъ правыхъ притоковъ Уссури, бассейнъ озера Ханка (на юго-западѣ) и побережье Японскаго моря; географическая широта его заключается между 42 и 48° на сѣверъ отъ экватора. Слѣдовательно страна эта лежитъ подъ одною широтою съ сѣверною Испаніею, южною Франціею, сѣверною и среднею Италіею и южною Россіею, но, подъ вліяніемъ различныхъ физическихъ условій, имѣетъ климатъ совершенно другой, чѣмъ эти европейскія мѣстности.

Топографическій характеръ края опредѣляется положеніемъ главнаго хребта, который, подъ именемъ Сихотэ-Алинь, тянется изъ Манжуріи, невдалекѣ и параллельно берега Японскаго моря, доходя до самаго устья Амура. Средняя высота его 3—4 тысячи футовъ, и только въ нѣкоторыхъ точкахъ своихъ южныхъ частей онъ поднимается до 5 тысячъ футовъ. Восточные отроги его высоки и оканчиваются у моря отвѣсными утесами. Западные отроги ниже и длиннѣе; они наполняютъ собою все пространство между главною осью хребта и рѣкою Уссури.

Орошеніе края весьма обильно. Уссури составляетъ главную водную жилу всей страны. Эта рѣка вытекаетъ, въ видѣ небольшого горнаго ручья, изъ южныхъ частей Сихотэ-Алиня, въ верстахъ 70 отъ берега Японскаго моря. До принятія справа рѣки Лифудинъ она носитъ названіе Сандогу, потомъ, отъ устья Лифудина до устья лѣваго своего притока, рѣки Дауби-хэ, называется Ула-хэ и, наконецъ, отсюда течетъ подъ манжурскимъ своимъ названіемъ Уссури. По принятіи Дауби-хэ, Уссури имѣетъ сажень 70 ширины, но, по причинѣ быстроты теченія и частыхъ мелей, можетъ быть удобна для плаванія небольшихъ пароходовъ только во время высокой воды. Къ постоянному пароходному сообщенію дѣлается она годною лишь отъ устья рѣки Сунгачи, лѣваго своего притока, выходящаго изъ озера Ханка, т. е. на разстояніи около 500 верстъ отъ своего устья *). Начиная отсюда, Уссури течетъ въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ и принимаетъ нѣсколько большихъ рѣкъ: справа Има, Бикинъ и Поръ, а слѣва Мурень и Норъ; послѣ этихъ притоковъ она дѣлается многоводною рѣкою и достигаетъ при устьѣ почти двухъ верстъ ширины. На правомъ берегу Уссури преобладаютъ возвышенности, а на лѣвомъ — равнины и болотистыя низменности. Такъ, на правой сторонѣ нижняго теченія ея вздымается тысячи на 3—4 футовъ хребетъ Хехцыръ, сплошь покрытый лиственными и хвойными лѣсами, а въ среднемъ теченіи горы сопровождаютъ оба берега рѣки, подходя къ ней то пологими скатами, то крупными или отвѣсными утесами. Всѣ правые притоки Уссури имѣютъ быстрое теченіе, большею частью высокіе берега, покрытые дремучимъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсами, которые славятся обиліемъ соболей и служатъ главнымъ мѣстомъ зимняго промысла инородцевъ Уссури.

Въ составъ бассейна озера Ханка входятъ многіе притоки его, изъ которыхъ самые большіе впадаютъ въ него съ юга и запада, таковы: Лефу и Мо съ юга, Сіянъ-хэ и Усачи съ запада. Общій характеръ поверхности здѣсь—равнины, которыя на сѣверной, восточной и южной сторонахъ озера переходятъ въ обширныя, непроходимыя болота, а на юго-западѣ и частью на западѣ представляютъ холмистую степь, очень удобную для земледѣлія и скотоводства. Наружный видъ озера Ханка не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. Огромная площадь мутной воды, низкіе болотистые или песчаные берега и далекія горы, синѣющія на противоположной сторонѣ—вотъ видъ озера отъ истока Сунгачи, гдѣ находится нашъ постъ № 4. По очертанію своему озеро имѣетъ видъ эллипсиса, сѣверный конецъ котораго шире южнаго; наибольшая длина его, съ юга на сѣверъ, около 80, а ширина, съ востока на западъ, до 60 верстъ. Озеро это вообще мелко: у береговъ, на разстояніи полуверсты, глубина его въ 5—6 футовъ, а въ самой срединѣ не находили болѣе 3½ саженъ. Во время сильнаго вѣтра, часто налетающаго вдругъ, порывами, происходитъ на немъ, отъ такой малой его глубины, вертикальное волненіе, которое мутитъ воду до самаго его песчанаго дна и дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ плаваніе на малыхъ пароходахъ, пока не стихнетъ волненіе.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ханка, только по Лефу могутъ подыматься пароходы верстъ на 40 и то въ большую воду, прочія же рѣки носятъ характеръ горныхъ рѣчекъ и неудобны для плаванія даже на лодкахъ.

Единственный стокъ озера Ханка, рѣка Сунгачи, имѣетъ быстрое и чрезвычайно извилистое теченіе: отъ ея истока до устья по прямому направленію только 90 верстъ, а въ самой рѣкѣ болѣе 250. Наши солдаты довольно мѣтко прозвали крутыя извилины рѣки *восьмерками*. Такая извилистость, при незначительной ширинѣ рѣки—отъ 20 до 25 саж.—на всемъ теченіи, много затрудняетъ плаваніе даже небольшихъ пароходовъ, которые на поворотахъ выскакиваютъ носомъ на берегъ. Мѣстность, орошаемая Сунгачею, представляетъ совершенную равнину, которая начинается на лѣвой сторонѣ Уссури и переходитъ мало по малу, въ среднемъ и верхнемъ теченіи Сунгачи въ болотистую низменность.

Полоса по берегу Японскаго моря, гдѣ проходятъ восточные отроги Сихотэ-Алиня, состоитъ изъ узкихъ долинъ, по которымъ протекаютъ быстрыя береговыя рѣчки; наибольшія изъ нихъ: Сайфунъ, Сучанъ, Вай-Фудинъ и Тазуши. Море образуетъ здѣсь нѣсколько большихъ заливовъ: св. Владиміра, св. Ольги и обширную впадину, извѣстную подъ общимъ именемъ залива Истра Великаго. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ меньшихъ заливовъ: Америка, Уссурійскій, Амурскій и Посьета. Между двумя средними, т. е. Амурскимъ и Уссурійскимъ, лежитъ полуостровъ Муравьевъ-Амурскій, на южной оконечности котораго находится портъ Владивостокъ, выстроенный на берегу прекрасной бухты—Золотой Рогъ.

Флора и фауна Уссурійскаго края представляютъ громадное богатство и вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальную смѣсь формъ, свойственныхъ какъ далекому сѣверу, такъ и далекому югу. Разнообразная по своимъ формамъ растительность распредѣляется на всемъ протяженіи края, отъ самыхъ южныхъ его предѣловъ до самыхъ сѣверныхъ, такъ что тотъ же самый хвойный лѣсъ, какой растетъ при устьѣ Уссури, можно найти и возлѣ залива Посьета, а пробковое дерево, грецкій орѣхъ и виноградъ, растущій по всему краю, встрѣчается уже на среднемъ Амурѣ. Впрочемъ, въ южно-уссурійскомъ краѣ появляются новые виды деревьевъ, кустарниковъ и травъ, которыхъ нельзя встрѣтить на устьѣ Уссури, какъ напр. абрикосъ, мелколистный кленъ и древовидный можжевельникъ; но эти виды не составляютъ преобладающихъ типовъ и своимъ присутствіемъ не измѣняютъ много общій характеръ растительности. Гораздо большую разницу во флорѣ можно встрѣтить, направляясь отъ берега Уссури на востокъ, къ морскому побережью. Здѣсь, съ одной стороны горы, а съ другой неблагопріятное вліяніе холоднаго теченія, идущаго съ сѣвера отъ Амурскаго лимана, значительно измѣняютъ условія климата, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется самый характеръ растительности. Въ лѣсахъ начинаютъ преобладать хвойныя деревья, а лиственныя являются въ небольшомъ числѣ и недостигаютъ такихъ роскошныхъ размѣровъ, какъ въ мѣстностяхъ ближайшихъ Уссурійской долинѣ. На самомъ же морскомъ побережьѣ растительность вообще бѣднѣе, чѣмъ внутри страны, заслоненной отъ моря Сихотэ-Алинемъ, и развивается весною гораздо позднѣе, нежели по западную сторону горъ. Хвойныя породы растутъ только на предгорьяхъ, сначала въ смѣси съ лиственными деревьями, а затѣмъ, по мѣрѣ удаленія къ главному хребту, составляютъ преобладающую массу лѣсной растительности. Назовемъ нѣкоторыя въ порядкѣ ихъ преобладанія по горнымъ лѣсамъ края: кедръ, ель, лиственница даурская и японская, пихта сибирская и аянская, сосна и тиссъ. Характерную черту всѣхъ здѣшнихъ лѣсовъ, въ особенности лиственныхъ и мѣшанныхъ, составляетъ густой подлѣсокъ различныхъ кустарниковъ, каковы: максимовичія китайская, барбарисъ, бузина, калина, жимолость, и друг. Въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, роскошно развивается виноградъ, то стелясь ковромъ по землѣ, то обвиваясь, какъ ліоны тропиковъ, вокругъ кустарниковъ и деревьевъ; но ягоды его, не крупнѣе обыкновенной клюквы, имѣютъ кислый вкусъ... Луговая и вообще травянистая растительность края еще болѣе разнообразна; равнины зачастую представляютъ собою роскошные, разноцвѣтные ковры... Не будемъ перечислять многочисленныхъ цвѣтовъ здѣшней флоры, а упомянемъ только о *нелюмбіи*, растущей по береговымъ озерамъ и заливамъ Сунгачи. Это водное растеніе—близкій родственникъ гвіанской царственной викторіи. Огромные, болѣе аршина въ діаметрѣ, круглые кожистые листья не много приподнимаются надъ водою, а надъ ними высятся, на толстыхъ стебляхъ, цѣлыя сотни розовыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ 6 вершковъ въ діаметрѣ своихъ развернутыхъ лепестковъ.

Сообразно такой богатой флорѣ, богата и фауна Уссурійскаго края. Въ его лѣсахъ водятся: тигръ, барсъ, рысь, дикая кошка, медвѣдь бурый и тибетскій, барсукъ, куница, соболь, колонокъ, горностай, ласка, выдра, волкъ сѣрый и красный, лисица, енотовидная собака, кабанъ, антилопа, кабарга, лось, изюбрь, аксисъ, дикая коза, заяцъ манчжурскій и бѣлякъ, бѣлка обыкновенная и летяга и проч. Птицъ чрезвычайно много, въ особенности водныхъ и голенастыхъ. Утокъ насчитывается до 15 видовъ. Много лебедей, гусей, баклановъ. Изъ голенастыхъ птицъ замѣчательны бѣлые журавли, цапли, аисты, колпицы; изъ куриныхъ—фазаны; изъ хищныхъ—орланы, соколы, луни и другія. Изъ многочисленныхъ пѣвчихъ птицъ упомянемъ только красиваго соловья-краснощейку, пѣніе котораго, впрочемъ, далеко уступаетъ европейскому. Для полноты богатства фауны до-

*) Длина всей Уссури, отъ истока до устья, около 800 верстъ.

Библиотека "Руниверс"

бавить, что рѣки Уссурійскаго края изобилуютъ всякаго рода рыбою, которою буквально кишитъ въ теченіи цѣлаго лѣта, р. Сунгача...

И вотъ въ этомъ-то краю переселенные съ Амура казаки терпятъ голодъ, холодъ и всякаго рода нужду! Длинною вереницей тянутся по всему правому берегу Уссури ихъ 28 станицъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою одну улицу, въ версту длиною. Въ трехъ станицахъ выстроены церкви, а въ болѣе обширныхъ живутъ торговцы, занимающіеся главнымъ образомъ продажею казакамъ водки и покупкою соболей у китайцевъ. Всѣхъ казаковъ по Уссури считается до 3 тысячъ человѣкъ, а вмѣстѣ съ ихъ женами населеніе достигаетъ до 5½ тысячъ. Каждый годъ съ половины зимы до снятія жатвы, казна должна кормить большую часть населенія, чтобы хоть сколько нибудь спасти его отъ голода. За недостаткомъ провіанта, къ мукѣ подмѣшиваютъ сѣмена различныхъ сорныхъ травъ, иногда даже глину. Понятно, каковъ получается изъ этой смѣси хлѣбъ! Нѣкоторые имѣютъ подспорьемъ кирпичный чай, заваривасмый съ солью, или такъ называемый бурдукъ, т. е. болтушку изъ ржаной муки съ водой. За неимѣніемъ же того и другого, казаки приготовляютъ изъ высушенныхъ гнилушекъ березы и дуба особый напитокъ, называемый шульта, и пьютъ его вмѣсто чаю. Рыбную и мясную пищу имѣетъ зимою едва-ли и двадцатая часть населенія. Цѣны на всѣ предметы торговли стоятъ весьма высокія по отсутствію конкуренціи: сальныя свѣчи, напримѣръ, продаютъ по 20 р. пудъ, сахаръ—тоже 20 р. Немного дешевле можно купить всѣ вообще товары только лѣтомъ, когда съ верховьевъ Амура приходятъ въ Хабаровку баржи съ различными товарами. Самая выгодная статья дохода торговцевъ—водка. Купцы покупаютъ въ Николаевскѣ алкоголь (въ 93°), разводятъ его двойной порціей воды и получаютъ такимъ образомъ отъ 200 до 400% прибыли.

Сообщеніе въ краѣ лѣтомъ на пароходахъ (два небольшихъ), буксирующихъ по Уссури, Сунгачѣ и оз. Ханка баржи съ провіантомъ и фуражемъ для войскъ: а зимою—на почтовыхъ лошадяхъ, которыхъ обязаны содержать въ станицахъ казаки. Поселенія, лежащія по берегу оз. Ханка, находятся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ относительно сообщенія какъ съ побережьемъ Японскаго моря, такъ въ особенности съ бассейномъ р. Уссури. Болота по р. Сунгачѣ совсѣмъ недоступны для перехода по нимъ къ Уссури въ теченіи лѣта. Затѣмъ, отъ истока Сунгачи единственная наша почтовая дорога идетъ по сѣверному берегу оз. Ханка, слѣдов. въ китайскихъ предѣлахъ, гдѣ стоитъ однокожь нашъ постъ № 5; и отъ мъ эта дорога огибаетъ западную сторону озера и направляется на югъ, по степной полосѣ, къ р. Сайфуну (впад. въ Амурскій заливъ) и далѣе на югъ, къ порту Владивостокъ.

Кромѣ казачьихъ станицъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и на побережьѣ Японскаго моря находится до 13 крестьянскихъ деревень, съ населеніемъ до 1½ тысячъ душъ обоего пола. Крестьянское населеніе живетъ лучше казаковъ, но терпитъ недостатокъ въ скотѣ, сѣменахъ и земледѣльческихъ орудіяхъ.

Инородческое населеніе края состоитъ изъ китайцевъ, гольдовъ и орочей или тазовъ; кромѣ того въ нашихъ предѣлахъ живутъ корейцы, переселившіеся изъ своихъ земель.

Китайцы или, какъ они называютъ себя здѣсь, манза составляютъ частью осѣдлое, частью приходящее населеніе. Осѣдлое занимается земледѣліемъ, которое доведено у нихъ до совершенства. Сѣютъ сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень и пшеницу; на огородахъ: огурцы, дыни, капусту, рѣдьку, чеснокъ, лукъ, красный перецъ и табакъ.

Приходящее населеніе манзъ — бездомные скитальцы, искатели цѣлебнаго корня Жень-Шеня, который цѣнится въ Китаѣ на вѣсъ золота, или промышляющіе соболемъ. Ихъ одиночныя фанзы встрѣчаются посреди глухого, дремучаго лѣса. Гольды и орочи живутъ только звѣроловствомъ и рыбной ловлей, не зная земледѣлія.

Фанзы гольдовъ встрѣчаются по берегамъ Уссури и Даубихэ, отъ 3 до 10 вмѣстѣ. Гольды народъ тихій, добрый, миролюбивый. Отправляясь на промыселъ, они берутъ съ собою своихъ боговъ или бурхановъ, представляющихъ изображенія человѣка китайскаго типа. Гольдъ вѣшаетъ бурхана у своего шалаша, молится ему и брызгаетъ на него водкой, мажетъ его саломъ или вареньемъ просомъ, если промыселъ удаченъ. Водящіеся здѣсь довольно крупные тигры производятъ паническій страхъ на гольдовъ, которые не только не стрѣляютъ по нимъ, но боготворятъ ихъ. Поэтому нерѣдко случается, что обитатели одиночныхъ фанзъ съѣдаются тигромъ. Орочи или тазы обитаютъ по берегамъ Японскаго моря, начиная отъ устья Сайфуна до р. Тазуши, встрѣчаются также по большимъ правымъ притокамъ Уссури. По образу жизни раздѣляются они на бродячихъ и осѣдлыхъ. Первые стоятъ на самой низкой степени развитія. Тѣ и другіе эксплуатируются манзами, не выходя у нихъ изъ долговъ, которые они платятъ манзамъ соболями.

Эмиграція корейцевъ въ наши владѣнія вызвана, вѣроятно, грубымъ деспотизмомъ родной для корейцевъ стороны и плодородною, нетронутою почвою нашихъ владѣній. Корейскія деревни состоятъ изъ фанзъ, похожихъ на китайскія; онѣ окружены полями, тщательно обработанными, какъ у манзъ...

О климатѣ Уссурійскаго края слѣдуетъ замѣтить, что онъ скорѣе континентальный, чѣмъ морской. Зимніе морозы доходятъ иногда до 28°, а лѣтній жаръ до 25° въ тѣни, но средняя зимняя температура—13°, а лѣтняя +15.

Вотъ въ этомъ-то невоздѣланномъ краѣ и находится нашъ портъ при Японскомъ морѣ — Владивостокъ, отстоящій отъ С.-Петербурга чуть не 10 тысячъ верстъ (именно 9974)!

Городъ вытянутъ, на протяженіи болѣе версты, по сѣверному берегу бухты „Золотой Рогъ", обширной, глубокой *), со всѣхъ сторонъ обставленной горами и потому очень удобной для стоянки судовъ. Кромѣ солдатскихъ казармъ, офицерскаго флигеля, механическаго заведенія, различныхъ складовъ провіанта и другихъ запасовъ, въ немъ одна церковь, около 50 казенныхъ и частныхъ домовъ, да десятка два китайскихъ фанзъ. Число жителей, кромѣ китайцевъ, по вмѣстѣ съ войсками, простирается до 800 человѣкъ. Частные дома принадлежатъ, большею частію, отставнымъ солдатамъ и восьми иностраннымъ купцамъ, у которыхъ здѣсь есть лавки. Въ 1873 году въ Владивостокъ переведенъ портъ изъ Николаевска. Главный предметъ торговли составляетъ такъ-называемая морская капуста—особый видъ морскаго водоросля (Fucus). Главный рынокъ ея бываетъ въ Владивостокѣ въ концѣ августа и въ началѣ сентября, когда сюда собирается нѣсколько сотъ манзъ, привозящихъ на продажу всю добычу своей лѣтней ловли. Замѣтимъ кстати, что эти водоросли (морская капуста) добываются на всемъ нашемъ побережьѣ Японскаго моря, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ сильнаго волненія, и гдѣ глубина не болѣе двухъ, трехъ саженъ; они обыкновенно прикрѣпляются къ камнямъ, раковинамъ и т. п.; китайцы достаютъ ихъ со дна деревянными вилами, сушатъ на солнцѣ и связываютъ въ пучки отъ 1 до 2 пудовъ; въ этомъ видѣ морская капуста и поступаетъ въ продажу. Изъ Владивостока отправляютъ ее купцы для продажи въ Шанхай или Чу-фу, гдѣ цѣнится она около рубля за пудъ. Въ 1869 году было вывезено ее 360 тысячъ пудовъ. Но торговля эта находится въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, которые хорошо наживаются также и отъ предметовъ, составляющихъ насущную потребность мѣстныхъ жителей, продавая товары самаго низкаго качества по цѣнамъ въ 3 и 4 раза большимъ, чѣмъ въ Европѣ. Впрочемъ, относительно качества (но не по цѣнѣ) товара слѣдуетъ сдѣлать исключеніе для водки, которая приготовляется здѣсь изъ чистаго американскаго алкоголя и составляютъ чуть ли не главный продуктъ потребленія въ здѣшнихъ мѣстахъ, вообще, какъ на Уссури. Объ общественной и умственной жизни населенія города не можетъ быть, конечно, и рѣчи: тутъ на первомъ планѣ стоитъ еще вопросъ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ прошломъ обозрѣніи мы замѣтили, что, не смотря на сверженіе Митхада-паши и замѣщеніе его Эдхемомъ-пашею, шансы на мирное соглашеніе между Турціей и Сербіей и Черногоріей нисколько не увеличиваются.

Хотя 3 (15) февраля послѣдовалъ отъѣздъ изъ Бѣлграда сербскихъ и турецкаго уполномоченныхъ въ Константинополь, хотя вообще въ массѣ сербскаго населенія существуетъ вѣра въ заключеніе мира съ Турціей; но та же телеграмма, которая извѣстила насъ объ отъѣздѣ сербскихъ уполномоченныхъ, сообщила и о *сильномъ* возбужденіи въ Сербіи, принимающемъ опасный характеръ. Вслѣдствіе этого, открытія большой скупщины ожидаютъ съ значительными опасеніями и въ виду рѣзкаго настроенія партій въ Сербіи, можно ожидать всякихъ случайностей. За симъ, не смотря на мирный, повидимому, обмѣнъ военно-плѣнныхъ между Сербіей и Турціей, на дняхъ баши-бузуки *разстрѣляли большинство сербскихъ военно-плѣнныхъ*; изъ русскихъ же военно-плѣнныхъ не осталось въ живыхъ *ни одного человѣка*. По нашему мнѣнію, этихъ фактовъ достаточно, чтобы придти къ заключенію, что истинное положеніе дѣлъ уничтожаетъ всѣ доводы въ пользу мира. И въ самомъ дѣлѣ: значитъ ли что-нибудь вынужденное обстоятельствами подписаніе кн. Миланомъ уполномочивающаго на заключеніе мира документа, въ виду возбужденнаго состоянія страны и все продолжающихся звѣрствъ баши-бузуковъ?

Въ Англіи недавно открыты засѣданія парламента, въ которомъ, разумѣется, уже обсуждались дѣла Востока и та общая политика, которой должна держаться Англія въ восточномъ вопросѣ. Вопреки ожиданіямъ, парламентскія пренія по дѣламъ Востока и восточной политики вышли безцвѣтны и обличаютъ только крайнюю шаткость политики теперешняго торійскаго кабинета. Въ палатѣ лордовъ ораторы Дерби и Биконсфильдъ про-

*) Длина бухты 3 версты, ширина отъ 1½ до 2-хъ верстъ, а глубина отъ 5 до 14 саженъ.

Библиотека "Руниверс"

изнесли рѣчи, блестящія софизмами и скрывающія отъ неопытныхъ тѣ рѣжущія глазъ прорѣхи, какія все болѣе и болѣе становятся замѣтны въ политикѣ Англіи. За то въ нижней палатѣ, канцлеръ казначейства, сэръ Стаффордъ Норткотъ, какъ разъ и показалъ на видъ публикѣ эти прорѣхи. Онъ, къ величайшей досадѣ Дерби и Биконсфильда, порицалъ турецкую конституцію, говорилъ, что смѣшно было бы полагаться на то, что она можетъ повести къ хорошимъ результатамъ для балканскихъ христіанъ, и что гарантіи для христіанъ должны быть дѣйствительны, и ничего общаго съ конституціей имѣть не могутъ. Итакъ —нужны серьезныя гарантіи—но какія? Правительство, по словамъ Норткота, не желаетъ умыть въ этомъ дѣлѣ руки, не желаетъ отдѣляться отъ остальной Европы и считаетъ, что одиночное вмѣшательство Австріи и Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова было бы подозрительнымъ.

— Изъ Вѣны отъ 25-го января (6-го февраля) телеграфъ сообщилъ намъ, что переговоры между министрами обѣихъ частей Австро-Венгерской монархіи по банковому вопросу не привели ни къ какому результату и что венгерскіе министры отправляются обратно въ Буда-Ештъ. Смерть (въ прошломъ году) такого государственнаго человѣка, каковъ Деакъ, положила начало неурядицамъ въ Австро-Венгріи. Дѣло въ томъ, что венгерскій элементъ въ Имперіи не кому теперь регулировать. Отправлена была торжественная депутація къ знаменитому оратору и венгерскому патріоту, Кошуту—но это не помогло, потому что Кошутъ, какъ извѣстно, ультра-патріотъ, одинаково-ненавидящій какъ славянъ, такъ и нѣмцевъ. Въ виду такихъ плохо сложившихся обстоятельствъ, Тисса подалъ уже императору просьбу объ отставкѣ всего венгерскаго министерства. Но по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Австріи, кабинетъ Тиссы останется въ должности до тѣхъ поръ, пока не будетъ образовано новое венгерское министерство. Кто будетъ во главѣ этого министерства, пока не извѣстно. Кандидаты на министровъ, Сенніей и Майлотъ, уже представлялись императору Францу-Іосифу. Тотъ и другой принадлежатъ къ венгерской старо-консервативной партіи. Существуетъ увѣренность, что, не смотря на многія препятствія, Сенніей и Майлотъ все-таки примутъ на себя образованіе новаго кабинета.

— Въ Америкѣ извѣстная уже намъ спеціальная коммисія для рѣшенія вопроса о президентскихъ выборахъ продолжаетъ свои засѣданія, и на одномъ изъ этихъ засѣданій предводители демократической партіи внесли предложеніе о *назначеніи независимаго отъ оффиціальныхъ отчетовъ* слѣдствія для доказательства неправильностей, происходившихъ при выборахъ въ Флоридѣ. Далѣе, по поводу подобныхъ же злоупотребленій, коммисіи Палаты представителей въ Вашингтонѣ донесено, будто бы президентъ Кассаціоннаго Суда въ Луизіанѣ, Уэльсъ, велъ въ одно и тоже время переговоры и съ демократами и съ республиканцами объ обращеніи счета голосовъ въ пользу той партіи, которая уплатитъ ему за это *милліонъ долларовъ*! Исторія эта произвела большое волненіе. Это неисправимое долларолюбіе ужь слишкомъ позорно для великой Заатлантической республики. Затѣмъ ходятъ слухи, хотя еще не подтвердившіеся, что Грантъ къ концу срока выборовъ президента намѣренъ произвести «coup d'etat» и сдѣлаться диктаторомъ.

— Не совсѣмъ-то ладны становятся, также, отношенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Англіи. Недавно завязался между тѣмъ и другимъ государствомъ довольно серьезный споръ по поводу владѣнія Лассендовыми О—вами, у сѣверо-западныхъ береговъ Австраліи.

— Во Франціи, какъ извѣщаетъ телеграфъ, дипломатическая переписка по восточному вопросу уже печатается и будетъ вскорѣ роздана депутатамъ. Жюль-Симонъ объявилъ недавно, что въ виду согласія всѣхъ министровъ, нечего опасаться министерскаго кризиса.—Петербургъ посѣтилъ недавно извѣстный претендентъ на Испанскую Корону, Донъ-Карлосъ, герцогъ Мадритскій, въ сопровожденіи генерала Гонзолеса и маркиза Бойто. — Нашъ посолъ при турецкомъ дворѣ Генералъ Игнатьевъ прибылъ въ Петербургъ 1 февраля.

СМѢСЬ.

Мысли Даніила Стэрна. Угрызенія совѣсти соразмѣрны въ насъ не съ нашими проступками, но только съ остающеюся въ насъ добродѣтелью.

Изнанка нѣкоторыхъ нашихъ добродѣтелей отвратительнѣе многихъ пороковъ.

Учители сказали человѣку: склони, побѣди, задуши въ себѣ гордость. Я сказалъ ему: оправдай ее!—Вотъ тайна всякой, великой жизни.

Горе сердца благороднаго гордо, радость его смиренна.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Рыбинскъ, П. Ер—ову. Произведеніе не утратившее съ 1830 года своего достоинства, конечно наслуживало того, о чемъ вы намъ пишете. Это подтверждаетъ только ту истину, что хорошее всегда хорошо и на какую почву вы его ни перенесите—оно, будучи вѣрно правдѣ жизни, вездѣ найдетъ сочувственный отзывъ.

4. Горбатовъ, Ѳ. П Чин—нѣ. Неудобно.

5. Павловскій Посадъ, Жум—ву. У Державина есть превосходное стихотвореніе, начинающееся такъ:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьѣ
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей..,

Вы ихъ опредѣлили по своему:

«Все темное увекастъ
Быстрый времени потокъ.
Все плыветъ и пропываетъ—
Лира, скипетръ и вѣнокъ».

Вышло худо. Соглашаемся, что стихи можно еще хуже сдѣлать; но передѣлывать чужое и выдавать за свое—хуже этого не знаемъ что и назвать.

6. Глуховъ, В. Б—ову. Подражаніе Жуковскому фальшиво и въ нѣкоторыхъ стихахъ (ужь извините за правду) не имѣетъ смысла, напримѣръ:

Тебя, рожденнаго для музъ,
Судьба твоя вязала,
Свалила черной жизни грузъ
И больше не снимала.

Нужно угадывать, куда же это судьба свалила грузъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Молдаване и ихъ промыслы** (съ рисункомъ) **Во тьмѣ** (Современная петербургская быль) **Г—ъ С—скій**.—На бивуакѣ **Щ.** (стихотвореніе). — **Что такое солнце?** (съ 5-ю рисунками) **Пер—ъ.—Зданіе Всемірной Выставки въ Парижѣ 1878 г.** (Съ рисункомъ).—**Я-ли не полновинникъ?!** (съ рисункомъ) **Е. В—овъ.**—Проступная демонстрація у Казанскаго собора.—**Уссурійскій край и портъ Владивостокъ** (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе. -Смѣсь.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ 1877 Г. ЯНВАРСКАЯ КНИЖКА

„СТРАННИКА".

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ СЛѢДУЮЩЕЕ:

I. **Екзархъ Грузіи, Ѳеофилактъ Русановъ и его проповѣди** (Біографическія свѣдѣнія о жизни Ѳеофилакта. Дѣятельность этого лица въ Кадетскомъ корпусѣ и въ св. Синодѣ въ санѣ архимандрита.—Назначеніе Ѳеофилакта въ Калугу и вызовъ оттуда на коммисію по преобразованію духовныхъ училищъ.—Служба въ СПб. духовной академіи въ званіи профессора словесности.—Удаленіе изъ Петербурга.—Дѣятельность Ѳеофилакта въ Рязани.—Переводъ его въ Грузію и дѣятельность въ званіи грузинскаго екзарха) *Н. В. Покровскаго.*

II. **Сказаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ.** *Ю. С. Анненкова.*

III. **«Востоку Востокъ!»** (Стихотвореніе) *Л. И. Бутковскаго.*

IV. **Бесѣда на новый годъ.** Протоіерея *Петра Полидорова.*

V. **Владычный судъ.** (Быль, изъ воспоминаній прошлаго).

I—VIII. *Н. Лѣскова* (Стобницкаго).

VI **Размышленія христіанина при чтеніи св. Евангелія.** *Л. Н.*

VII. **Наша духовная журналистика за прошлый годъ** (Статья I) Архимандрита *Іосифа.*

VIII. **Внутреннее церковное обозрѣніе.** (Общій обзоръ епархіальной жизни за истекшій годъ.—Общественныя и общинныя начала, въ жизни духовенства,—Открытіе общежитій; устройство женскихъ епархіальныхъ школъ; экономическія операціи.—Русское миссіонерство среди инородцевъ и противораскольничья наши миссіи, какъ практическое рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти.—Школы.—Протоіерей-публицистъ и священникъ-экономистъ.—Впечатлѣніе пастырской дѣятельности на русское общество и славянское дѣло). *А. В—ва.*

IX. **Иностранное церковное обозрѣніе.** (Смерть кардинала Антонелли.—Вертепъ разбойниковъ.—Два противоположныхъ вліянія въ дѣтствѣ и юности Антонелли.—Его воспитаніе.—Папа Пій IX и политическая дѣятельность его покойнаго статсъ-секретаря—Бѣгство изъ Гаэты.—Кардиналъ Самеонъ.—Вопросъ объ небраніи новаго папы.—Распорядительность итальянскаго правительства на случай смерти Пія IX). *С. Е. С.*

X. **Тенущая хроника.** (Опредѣленіе св. Синода.—Объяснительная записка къ проекту о классныхъ чинахъ.—Леонидъ архіепископъ ярославскій. *(Некрологъ).*

XI **Замѣтки:** 1. Братская свѣча (этнографическій очеркъ). Свящ. *І. Сѣнпружинскаго.*—2. Христіанство въ Японіи.

XII. Объявленія.

Подписка продолжается. Цѣна **ПЯТЬ** руб. съ пересылкою. Адресоваться: *въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ" въ С.-Петербургѣ.* Петербург. подписчики обращаются въ контору журнала (Невскій пр. 108, близь Знаменья). Можно выписывать и отъ Кораблева и Сиркина, а также и отъ Мелье (Полицейскій мостъ)

Редакторъ-издатель священникъ С. В. ПРОТОПОПОВЪ.

ПОПРАВКА.

Въ послѣднемъ № журнала «Пѣвцы», въ которомъ было напечатано объявленіе отъ Музыкальнаго Магазина Фр. Пиздрекъ въ Москвѣ, пропущены слова: **Всѣ эти оперы и оперетки аранжированы для фортепіано безъ словъ.** 1—1

РУССКАЯ ВОРОЖЕЯ.

Новое гаданье, забава для всѣхъ возрастовъ. 36 карточекъ. 72 хромолитографированные картинки съ рисунковъ профессора **Лагоріо** 288 отвѣтовъ пословицами. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Продается въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжныхъ магазинахъ Колесова и Михина № 22, Исакова, Битпажа и Печаткина, Лит. № 36. 2—1

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ",

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ, будетъ выходить въ 1877 г. по прежней программѣ. Кромѣ оффиціальныхъ свѣдѣній о женскомъ образованіи, въ журналъ войдутъ общія статьи о положеніи женскаго образованія у насъ и заграницею, психологическіе очерки, методическія статьи, образцовые уроки. Хроника и педагогическая библіографія (разборъ учебниковъ и дѣтскихъ книгъ). Кромѣ 10 №№ „Листка", 2 раза въ годъ будутъ выданы приложенія (боярыхъ статей для учащихся) Сюда войдутъ біографіи, историческіе, этнографическіе очерки и проч. Всего съ приложеніями журналъ будетъ содержать въ себѣ болѣе 40 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за годъ—2 р. 50 к. безъ доставки, съ доставкою 3 р., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи (В. О. 9-я линія д. № 6, въ женской гимназіи.) въ книжномъ магазинѣ Колесова и Михина (Гостиный дворъ, № 22) и въ „Русской книжной торговлѣ" (Невскій пр., д. армянской церкви). 1-й № выйдетъ въ концѣ января. Редакторъ-издатель **В. СИПОВСКІЙ** 1—1

ДЛЯ РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ

Китайская вода изъ личныхъ желѣзокъ, изслѣдованная и дозволенная къ продажу СПБ. Врачебной управой. Цѣна съ пересылкою 2 руб. **Китайская вода** чиститъ отъ перхоти, укрѣпляетъ волосы и корни оныхъ, а по прошествіи нѣсколькихъ недѣль она обязательно производитъ новый ростъ волосъ тамъ, гдѣ остались хотя слабые корни. Гдѣ же нѣтъ корней то уже никакое средство не помогаетъ. Косметическій магазинъ **А. Штейнберга** Невскій просп. д. Казанскаго Собора № 25. 1—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА В. КУМАНИНА.

Москва, Тверская улица, домъ Мануфактуры

Страхуетъ билеты 1 и 2 съ выигрышами займовъ отъ Тиража погашенія по **20** коп. съ гг. иногородныхъ по **40** коп. 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 11 Февраля 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Большая Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 8 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 21 Февраля 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.
III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева . . . . 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы".

Статуя Баваріи и Пантеонъ въ Мюнхенѣ

Зданіе Пантеона и колоссальная статуя, изображенныя на нашей картинкѣ, сооружены на небольшомъ холмѣ, прилегающемъ къ Мюнхену. Пантеонъ этотъ, построенный въ 1843—1853 годахъ, по желанію короля Людвига I и по плану Лео фонъ-Кленца, предназначенъ для помѣщенія бюстовъ знаменитыхъ сыновъ Баваріи и другихъ славныхъ мужей, къ какой бы націи они не принадлежали, если только имъ пришлось оказать услуги этой странѣ. Пантеонъ имѣетъ видъ открытаго храма,

Статуя Баваріи и Пантеонъ въ Мюнхенѣ. Рис. Квартлей.

Библиотека "Руниверс"

украшеннаго колоннадою въ дорическомъ стилѣ. Зданіе это, можно сказать, одно изъ удачнѣйшихъ произведеній его геніальнаго строителя. Храмъ сложенъ изъ мрамора. Въ Пантеонѣ теперь уже находится около ста бюстовъ (въ настоящую величину знаменитыхъ мужей, начиная съ филолога Руд. Агриколы († въ 1485 г.) и кончая лучшими художниками послѣдней половины текущаго столѣтія. На фризѣ, окружающемъ зданіе, изображены сцены изъ исторіи культуры Баваріи, изъ которыхъ многія исполнены по рисункамъ Шванталера. Этотъ же художникъ сдѣлалъ модель и статуи Баваріи, которая стоитъ теперь передъ пантеономъ на сѣромъ мраморномъ пьедесталѣ въ 9 метровъ вышины. Людвигъ фонъ-Шванталеръ трудился надъ моделью этого колосса въ теченіи семи лѣтъ (1838—1845 годъ): Ферд. фонъ-Миллеръ взялъ на себя отливку изъ бронзы этой статуи, имѣющей 16 метровъ вышины; по величинѣ—это единственная въ свѣтѣ бронзовая литейная работа. Великолѣпная женская фигура въ правой рукѣ держитъ мечъ, а въ высоко поднятой лѣвой — лавровый вѣнокъ; возлѣ нея помѣщается левъ. Внутри статуи устроена желѣзная лѣстница, по которой можно подняться до самой головы, гдѣ на двухъ скамейкахъ могутъ свободно усѣсться 6—8 человѣкъ и смотрѣть въ продѣланныя отверстія. Масса металла (3853 пуда), потребовавшаяся для отливки этой колоссальной фигуры, добыта изъ сплава турецкихъ пушекъ, выгащенныхъ изъ моря, гдѣ онѣ затопили послѣ морской баталіи при Наваринѣ. Статуя Баваріи принадлежитъ къ самымъ блестящимъ произведеніямъ современнаго искусства. Кто внимательно осматривалъ обломки модели ея на королевскомъ бронзо-литейномъ дворѣ или въ Шванталеровскомъ музеѣ, тотъ не можетъ не почувствовать искренняго уваженія и удивленія къ ея творцу. Длина головы статуи безъ шеи — 1,85 метр., длина руки, вмѣстѣ съ кистью — 7,22 м., а длина указательнаго пальца — 92 сантим. Не смотря на колоссальность фигуры (отлита она безукоризненно), толщина стѣнокъ ея имѣетъ внизу только $^3/_4$ дюйма, а вверху $^1/_2$ дюйма.

Помѣщеніе въ головѣ статуи „Баварія“ для восьми человѣкъ (на двухъ диванахъ).

Во тьмѣ.

(Современная петербургская быль).

(Продолженіе).

IV.

Что дѣлать? Какъ поступить въ данномъ случаѣ? думалъ я послѣ этого вечера, ворочаясь на постелѣ, мучимый безсонницей, тревожно прислушиваясь къ мѣрному тиканью часовъ. Тикаютъ, тикаютъ, и знать больше ничего не хотятъ! Гдѣ отвѣтъ на мои вопросы, гдѣ искать его? Сказать матери, дядѣ? Какая-же польза будетъ изъ всего этого,—отравить ихъ покой и только. Ей сказать, Миклашевской... Да что же ей дѣлать, если она его не любитъ? Ну, не станетъ она ѣздить къ нимъ, ну, можетъ быть, на оборотъ, притворится влюбленной въ него,—что-же изъ этого всего выйдетъ? Мнѣ одному онъ повѣрилъ страшный секретъ: — „я такъ продолжать не могу“, а Гамлетомъ оказался не онъ, а я. —Я мысленно перебиралъ въ головѣ всевозможные факты, событія искалъ примѣра, какъ я долженъ поступить и нигдѣ, ни въ чемъ не находилъ даже подобія тому положенію, въ какомъ я находился.—Человѣкъ почти прямо говоритъ: „не сегодня,—такъ завтра мнѣ не сдобровать“,—любишь его, чувствуешь въ его дѣйствіяхъ какую-то фальшивую ноту, и ничѣмъ не можешь помочь ему, видя его гибель... Это ужасное, адское положеніе!

Къ счастію въ этотъ годъ у меня экзаменовъ не было,—я бы положительно не могъ заниматься подъ вліяніемъ мучившей меня мысли. А Володя, на оборотъ, готовился, къ моему удивленію, тщательно, просиживая цѣлые дни за записками. Онъ сталъ повидимому покойнѣе, точно забывалъ свою любовь, видался съ Миклашевской рѣдко, даже съ Гальнбекомъ разговаривалъ довольно миролюбиво.

Наступило теплое время — былъ уже май. Душный воздухъ такъ и гналъ всѣхъ изъ столицы. Я ждалъ только присылки денегъ изъ деревни, чтобъ уѣхать скорѣй отсюда; то просиживалъ я цѣлые дни въ публичной библіотекѣ, то шатался по всевозможнымъ художественнымъ и техническимъ музеямъ, ничего разумѣется не понимая ни въ Гвидо-Рени, ни въ машинахъ Гольца,—однимъ словомъ убивалъ время какъ могъ, а желанной повѣстки не было и не было.

Однажды утромъ ко мнѣ влетѣлъ въ комнату Володя, сіяющій, веселый.

— Ты свободенъ? было первымъ его вопросомъ.

— Совершенно, отвѣтилъ я, удивленно глядя на него.

— Такъ одѣвайся и ѣдемъ въ Петергофъ къ Миклашевскимъ.

— Что ты,—вѣдь я не ѣзжу къ нимъ... съ какой-же стати мнѣ вдругъ...

— Сегодня именины Юліи Александровны — гостей будетъ много,—повѣрь что и тетка и Юлія будутъ очень тебѣ рады.

— Да, помилуй,—незванный гость хуже татарина: они можетъ и видѣть меня не желаютъ... Наконецъ, неловко.

— Да вѣдь это-жь не городъ, дача—все на лѣтнемъ положеніи и зимній этикетъ недѣйствителенъ. Посмотри погода какая—прелесть! По заливу на пароходѣ теперь отлично проѣхаться — морскимъ вѣтеркомъ пообдуетъ. У меня отъ этихъ записокъ голова ужасно разболѣлась, —три дня почти не вставая читалъ: мнѣ прогулка очень полезна.

— У тебя вѣдь завтра экзаменъ?

— Да.

— Не совѣтывалъ бы я тебѣ ѣхать—вдругъ не выдержишь; что за радость два года на курсѣ сидѣть, займись лучше.

— Э, полно—университетъ не гимназія. Да и наконецъ, прибавилъ онъ:—мнѣ *нельзя* не быть.

— Это почему?

— Она мнѣ сказала, чтобъ я *непремѣнно* былъ въ этотъ день у нихъ—иначе разсердится.

— Да пусть себѣ сердится на здоровье, посердится и перестанетъ.

— Ну нѣтъ,— я не желаю, чтобъ она сердилась на меня.

— Ты любишь ее, Владиміръ, по прежнему?

— Люблю, даже, можетъ быть, больше чѣмъ прежде.

Мы помолчали.

— Такъ чтожь ѣдемъ? спросилъ онъ меня черезъ минуту.

Я на отрѣзъ отказался.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, какъ хочешь,—я одинъ поѣду. Кланяться?

— Кланяйся и поздравляй.

— Поздравлю и скажу, что звалъ тебя и получилъ отказъ—ужь не миновать тебѣ головомойки...

Онъ остановился на минуту передъ зеркаломъ, поправляя себѣ галстухъ.—У меня сегодня противъ обыкновенія счастливое и здоровое лицо,—сказалъ онъ,—я такъ счастливъ, что могъ бы умереть теперь не задумавшись. Да, и вѣрю теперь, что сильный приливъ счастія также располагаетъ къ смерти, какъ и безвыходное страданье.

— Откуда же явился этотъ приливъ счастія? спросилъ я.

Онъ на секунду замялся. — Она мнѣ въ послѣдній разъ сказала нѣсколько словъ, только нѣсколько словъ, —и я жизнь охотно отдамъ за нихъ: она весьма прозрачно намекнула, что я ей нравлюсь, что мое присутствіе на ея именинахъ ей болѣе чѣмъ пріятно... Вѣдь я въ первый разъ слышалъ такія слова отъ женщины, отъ дѣвушки! У меня теперь какой-то бѣсенокъ сидитъ въ груди, и больно мнѣ отъ чего-то, и радостно, такъ радостно... Да ты не поймешь, если не испыталъ этого чувства!..

Я смотрѣлъ на него и, дѣйствительно, не вѣрилъ глазамъ: это былъ другой человѣкъ, — въ немъ жизнь клокотала, билась. Онъ любилъ, любилъ всѣмъ существомъ своимъ и вѣрилъ, что ему отвѣчаютъ взаимностью. Какъ ни фальшиво было его теперешнее положеніе, но оно во-сто разъ было лучше прежняго... Только долго-ли оно продолжится.

— Такъ прощай,—сказалъ онъ протягивая мнѣ руку,—еще увидимся до твоего отъѣзда?

— Разумѣется,—отвѣтилъ я.

Мы пожали другъ другу руки, и онъ уѣхалъ.

V.

Я былъ золъ самъ на себя, что не поѣхалъ къ Миклашевскимъ. Цѣлый день просидѣлъ я дома за книжкой и только подъ вечеръ, почти ночью, вышелъ прогуляться. Ѣзда уже стихала—проѣзжающихъ было меньше, за то пѣшеходовъ по тротуарамъ бездна. Теплый вечеръ всѣхъ выманилъ изъ домовъ. На Невскомъ чуть не толкотня была. Я вышелъ на гранитную пристань Дворцоваго моста и долго сидѣлъ здѣсь, смотря на мелькающіе ялики, на разношерстный людъ, переѣзжавшій на другую сторону. „А въ Петергофѣ хорошо теперь", думалъ я, глядя на алѣвшій западъ, и на золотистыя нити недвижныхъ облаковъ, повиснувшихъ надъ смутно темнѣвшимъ зданіемъ Академіи Художествъ. Если здѣсь Нева такъ хороша, прозрачна, какъ-же хорошо тамъ, на взморьѣ. И мнѣ еще досаднѣе стало на мой отказъ.

Я не торопясь подходилъ къ дому, какъ вдругъ столкнулся съ Володей. Онъ былъ блѣденъ, растерянъ, пальто на распашку, глаза сверкаютъ...

— Володя, что ты, куда? спросилъ я.

— Къ тебѣ... пойдемъ, пойдемъ скорѣе... тамъ разскажу...

— Ты изъ Петергофа такъ поздно?..

— Да, я на послѣднемъ поѣздѣ... Теперь уже часа два есть... Идемъ, идемъ...

„Что тамъ у нихъ вышло?" безпокойно думалъ я, поднимаясь въ слѣдъ за нимъ по лѣстницѣ.

Войдя въ мою комнату, онъ сбросилъ пальто, шляпу и сѣлъ на кровать.

— Фу, какъ я усталъ! сказалъ онъ. — Есть у тебя ромъ? и лимону дай — я грогъ сдѣлаю. Давай скорѣй.

Онъ наскоро приготовилъ грогъ и отпилъ нѣсколько глотковъ.

Я ждалъ, чтобъ онъ самъ разсказалъ все, и не говорилъ ни слова.

— Я часовъ въ десять отъ нихъ вышелъ,—началъ онъ,—да вотъ до сихъ поръ все по парку шатался, и едва на послѣдній поѣздъ неопоздалъ... Ахъ, еслибъ ты зналъ, что было со мной...

— Да въ чемъ дѣло-то,—я ничего не понимаю...

— *Она* не любитъ меня.

— Да вѣдь ты самъ говорилъ, что она просила тебя пріѣхать, намекала на симпатію къ тебѣ...

— Все это вздоръ, притворство.—Слушай. Послѣ чая вечеромъ, я вышелъ въ садъ. Гости сидѣли на балконѣ, а ни Гальнбека, ни ея не было. Иду по тропинкѣ, ночь свѣтлая, и вижу подъ акаціей на скамейкѣ сидитъ она...

Онъ перевелъ дыханье.

— Сидитъ на колѣняхъ у Гальнбека, обвила его шею руками, смотритъ ему въ глаза, смѣется, говоритъ что-то... А онъ тоже обнялъ ее за талію и улыбается такъ мерзко, пошло...

— Да полно, что ты! воскликнулъ я изумленный: — это можетъ быть тебѣ показалось.

Онъ покачалъ головой отрицательно.—Показалось? Я, слава Богу, не въ горячкѣ... Я все готовъ отдать, чтобъ только повѣрить, что это была галюцинація.

— Они тебя замѣтили?

— Нѣтъ. Я сейчасъ же бросился за шляпой, выбѣжалъ въ паркъ, и вотъ пробродилъ тамъ до этого времени. Ну, какъ тебѣ это кажется? хорошо, мило?..

— Чортъ знаетъ что такое,—могъ только выговорить я.—вертушка, вѣтеръ...

— Она дѣвочка, дитя... Но этотъ жидъ завлекаетъ ее .. И что она нашла въ немъ хорошаго, честнаго, достойнаго любви. И еще прикрываетъ это—лжетъ и глазами, и языкомъ, и улыбкой... Что-жь я—игрушка, кукла, которою она вертитъ какъ хочетъ... Нѣтъ, это все надо распутать, разрѣшить разомъ!..

— Ты опять за старое?..

— Не безпокойся пожалуйста изъ пустяковъ-то. Да и вдобавокъ... я завтра экзаменъ держать буду...

— Ты будешь держать экзаменъ?

— Да, буду,—и выдержу, чтобъ не говорили про меня нелѣпостей, что я въ припадкѣ сумасшествія...

— Володя! воскликнулъ я, путаясь въ мысляхъ,—да вѣдь все то, что ты говоришь есть колоссальная нелѣпость. Вѣдь ты именно теперь и есть сумасшедшій...

— Ну, найди мнѣ исходъ другой, очень благодаренъ буду... Да вѣдь нѣтъ его,—не найти...

— Поѣзжай въ деревню, стряхни съ себя все это,— начинай жить снова...

— Не могу я! Не могу я жить, вычеркнувъ ее изъ памяти. Ее вычеркнуть—и жизнь вычеркнуть надо. Она мнѣ все.—Ты, значитъ, никогда не любилъ, не понимаешь, что значитъ любовь. У меня нѣтъ другой связи съ этимъ міромъ, какъ она, все остальное — пустота, ветошь...

— Пойми, Володя, что твоя любовь не любовь, а какое-то бѣшенство, животная страсть... Это любовь не достойна человѣческаго достоинства...

— Все это фразы, фразы...

— У тебя нѣтъ общественныхъ интересовъ; нѣтъ ничего святого, кромѣ этой дѣвочки—гдѣ-жь умъ, разсудокъ?

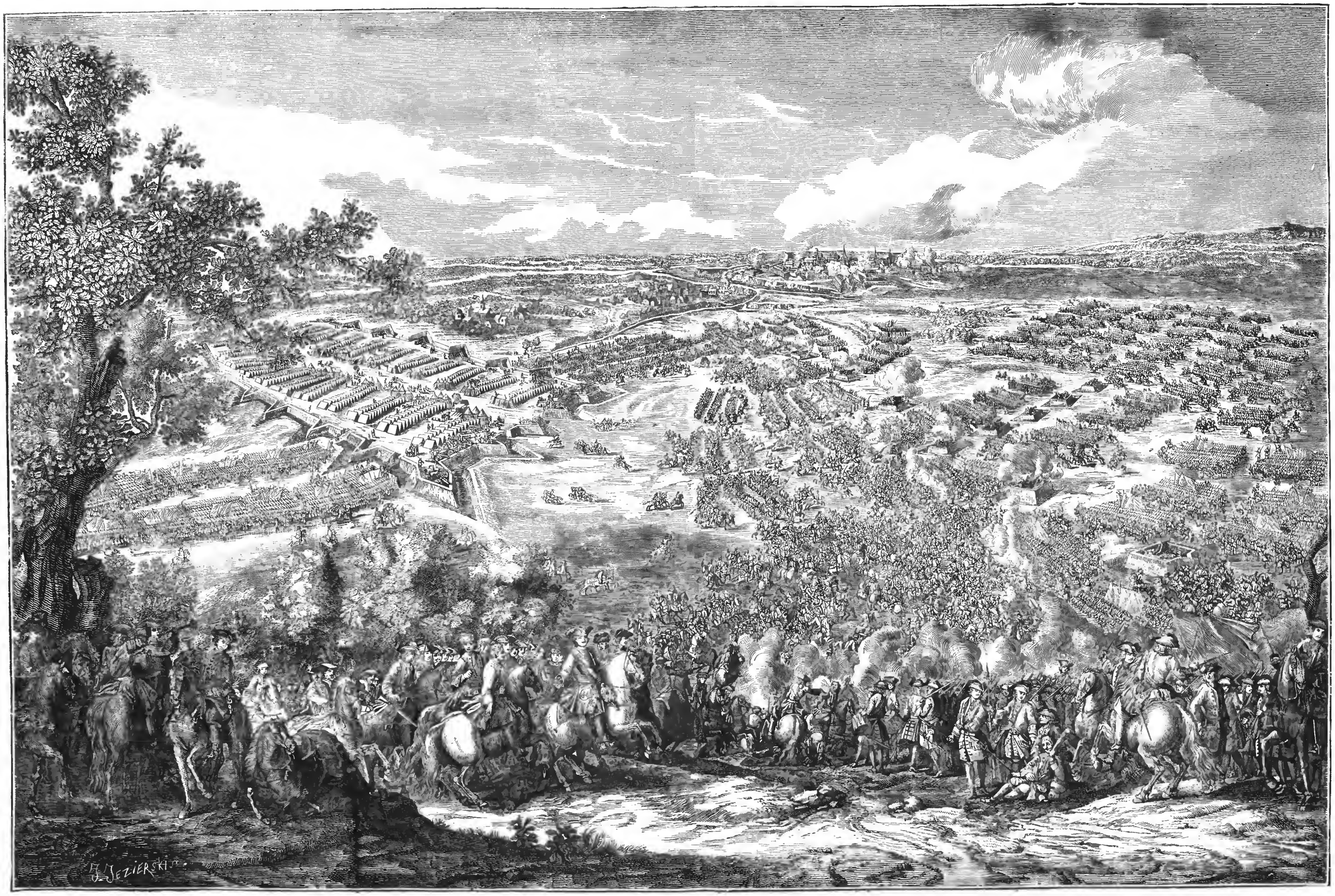
— Разсудокъ?.. Не знаю гдѣ!.. Я люблю, и этого довольно,—люблю не разсудкомъ, а чѣмъ-то другимъ. Любовь безъ волненій, страстей — не любовь, а глупое картофельничанье, гдѣ умъ наверху, а сердце гдѣ-то тамъ внизу... Я такъ любить не умѣю. Если *тамъ* я встрѣчусь съ нею,—очень радъ буду, нѣтъ — бѣда не велика,—продолжалъ онъ,—допивая стаканъ и утирая губы душистымъ платкомъ.—Ну, прощай!

— Куда ты? оставайся ночевать здѣсь, я тебя не пущу.

— Ты боишься за меня? спросилъ онъ.

— Да, боюсь—ты нездоровъ, за тобой присмотръ нуженъ.

Библиотека "Руниверс"



ЗОБРАЖЕНІЕ ПРЕСЛАВНОЙ БАТАЛІИ МЕЖДУ ВОЙСКЪ РОСІЙСКИХЪ И СВѢЙСКІХЪ В ПРІСУТСТВІИ ВЫСОКОЙ КОМАНДЫ НАДЪ РОСІЙСКИМИ ВОЙСКАМИ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИРЕСТВА ВСЕРОСІЙСКАГО ПЕТРА ПЕРВАГО НАДСВѢЙСКІМИ ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИРЕСТВА КАРОЛА XII БУРІНІВШЕЙСЯ НЕПОДАЛЕКУ ПОЛТАВЫ ЛЮНІЯ ВЪ 27 ДЕНЬ 1709

Петровскія войны: II. Полтавская битва 27 іюня 1709 г. Точная копія (Факсимиле) съ гравюры на мѣди XVIII столѣтія

Библиотека "Руниверс"

— Даю тебѣ слово, что ты завтра вечеромъ найдешь меня совершенно здоровымъ, кончившимъ экзаменъ. Приходи къ чаю. Пусти,—я не могу здѣсь оставаться —мнѣ воздуху мало. До завтра!

Спать я не могъ положительно въ эту ночь.

VI.

Гроза близка, думалъ я; она вотъ тутъ, тутъ разразится, какъ разъ надъ нами. Что дѣлать, какъ спасти его?.. Ахъ, хоть бы изъ Петербурга уѣхать поскорѣй, чтобъ не душилъ меня этотъ кошмаръ!

Повѣстки опять цѣлый день не было.

Часовъ въ восемь вечера я позвонилъ у Аргѣевыхъ.

— Что Владиміръ Григорьевичъ? спросилъ я у отворившей дверь горничной. Она какъ то странно взглянула на меня и сказала: „дома-съ".

Въ залѣ встрѣтилъ меня дядя Володи, Николай Ѳедоровичъ.

— А Володя-то нашъ,—слышали? было первымъ его вопросомъ.

У меня сердце замерло.

— Нѣтъ. Что такое?

— Экзаменъ не выдержалъ.

„Ну, слава Богу," подумалъ я.

— Теперь онъ какъ потерянный ходитъ. Голубчикъ, хоть вы угопорите его, онъ васъ такъ любитъ. Есть изъ-за чего убиваться, — вѣдь не мальчикъ онъ. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ—велика важность, что не выдержалъ! Пройдите къ нему, поговорите съ нимъ...

Я прошелъ къ нему. Я думалъ, что онъ лежитъ ничкомъ на постелѣ, а онъ преспокойно книгу читалъ. Только при моемъ входѣ быстро задвинулъ ящикъ стола.

— Слышалъ? спросилъ онъ.

Я кивнулъ утвердительно головой.

— Я буквально ничего не могъ сказать изъ вынутаго билета, а зналъ его отлично.

— Этого надо было ожидать,—сказалъ я.

— Да это пустяки, вздоръ, годомъ раньше, годомъ позже, — возразилъ онъ. Я этому не придаю никакого значенія. Дядя съ матерью думаютъ, что я отъ этого хмурюсь, — какъ наивно это. Я теперь на волоскѣ вишу, — сказалъ онъ, немного погодя. И я не знаю кто или что подорветъ этотъ волосокъ, и когда, и гдѣ.

Я прошелъ въ уголъ и поднялъ ружье.

— Не заряжено, повѣрь,—остановилъ меня Володя. Ты не вѣришь мнѣ?

— Вѣрю,—отвѣтилъ я, опуская ружье не осмотрѣвъ.

— А кинжалъ мой я тебѣ дарю,—сказалъ онъ, вынимая его и кладя на столъ,—это все для предупрежденія всякихъ случайностей.

— Володя, положись на время: оно залѣчиваетъ, залѣчитъ и твою рану,—сказалъ я.

— Да пойми, что моя натура этого лѣченья не вынесетъ, оно слишкомъ грубо для меня. Да оставимъ лучше это. Скажи, ты когда ѣдешь отсюда?

Разговоръ перешелъ на мой отъѣздъ. Я удивлялся Володѣ: онъ былъ какъ-то странно спокоенъ, не было вчерашней лихорадочности. Точно онъ судьбѣ покорился. Къ чаю онъ вышелъ въ столовую съ такимъ лицомъ, что его мать начала благодарить меня за то, что я „разговорилъ" его. Николай Ѳедорычъ пошлепалъ его по плечу и сказалъ: „ну вотъ, молодчина!" Но на грѣхъ вдругъ явился Гальнбекъ.

Володю такъ и передернуло, когда онъ входилъ въ комнату; даже ложка, выскользнувъ изъ его руки, звякнула глухо ударившись о столъ.

— Можно поздравить? любезно спросилъ онъ Володю, здороваясь съ нимъ.

— Не съ чѣмъ,—сухо отвѣтилъ Володя.

— Неужто не выдержалъ, огорченно изумился Гальнбекъ, — ай-яй-яй! какъ-же это ты такъ? Жаль, очень жаль! А я, признаюсь, надѣялся: мой Владиміръ такъ въ гимназіи блистательно экзаменъ сдалъ, что объ университетскихъ и говорить нечего... А тутъ вдругъ... Да разскажи, какъ это вышло?

— Что тутъ разсказывать, не выдержалъ и конецъ.

Я старался, замять эту тему, но вышло еще хуже.

— Куда ты вчера такъ быстро испарился изъ Петергофа,—спросилъ Гальнбекъ, мы оглянуться не успѣли—ужь и нѣтъ. Даже не простился ни съ кѣмъ. Юлія Александровна сердилась.

— Ей что за дѣло?

— Помилуй, — да какъ-же: провалился вдругъ какъ сквозь землю. Мы всѣ облавой на тебя въ паркъ ходили, думали не тамъ-ли ты. Ужь Юлія Александровна хохотала, хохотала надъ такой пропажей. — Гостя, говоритъ, потеряли.

Володя небрежно сидѣлъ на стулѣ, не поднимая глазъ.

— Она все различныя предположенія дѣлала,—продолжалъ Гальнбекъ,— увѣряла что у тебя въ карманѣ были лекціи, и ты читаешь ихъ гдѣ-то подъ кустикомъ; но я, конечно, увѣрилъ, что ты знаешь все какъ дважды два и читать тебѣ нечего.

— Дядя, у васъ спички есть? перебилъ его Володя, вынимая папироску.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,— посмотри тамъ на каминѣ въ залѣ.

Володя всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію залы, потомъ вдругъ повернулся и пошелъ въ противоположную сторону—къ своей комнатѣ.

— Весело было вчера у Миклашевскихъ? спросила Аргѣева.

Я не слыхалъ отвѣта Гальнбека. Вдругъ я вспомнилъ слова: „жизнь виситъ на волоскѣ, не знаю когда, гдѣ". Я быстро допивалъ горячій чай, обжигаясь, дѣлая видъ, что не тороплюсь. Вѣдь ему стоитъ только патронъ изъ ствола вынуть — дѣло минуты. Скорѣе, скорѣй! отчего онъ былъ такъ блѣденъ, выходя изъ комнаты?..

Вдругъ что-то грохнуло вдали. Точно громадный библіотечный шкафъ Володи грянулся на полъ, брошенный нечеловѣческой силой. Вѣдь это не выстрѣлъ. Развѣ такъ ружье стрѣляетъ?..

Я въ недоумѣніи оглянулся. Нѣтъ никого,—всѣ бросились куда-то. Зачѣмъ? На шкафъ посмотрѣть, — молніей мчались въ моей головѣ мысли. И вдругъ донеслось восклицаніе, какое-то подавленное, испуганное.

— Володя, что съ тобой!

Это Николай Ѳедоровичъ сказалъ, подумалъ я. Зачѣмъ это говоритъ онъ? Зачѣмъ опять идутъ сюда!

Я опомнился, вскочилъ съ мѣста; ноги мои дрожали, дыханье спиралось. Въ дверяхъ я столкнулся съ Николаемъ Ѳедоровичемъ.

— Что съ нимъ? вырвалось у меня.

— Сумасшедшій! Въ грудь себѣ выстрѣлилъ...

Синевато-сѣрое облако дыма плавными струями волновалось въ воздухѣ; вся комната была какъ въ туманѣ. Сбросивъ съ себя жакетъ, безъ сапога, тѣломъ на полу, головой на кушеткѣ, лежалъ онъ, полуоткрывъ глаза и ротъ. Возлѣ валялось ружье. Рубашка съ одного бока тлѣлась.

— Живъ-ли? съ ужасомъ подумалъ я, подхватывая его голову и поднимая съ другими тѣло на кушетку.

Алая струйка извилистой змѣйкой забилась откуда-то. Я разорвалъ воротъ рубашки. Громадная рана краснѣла на лѣвой сторонѣ груди...

VII.

Вотъ она, вотъ та грова, которую я чувствовалъ издалека! Къ чему здѣсь эти доктора, къ чему эти хлопоты, бѣготня. Ну, вылѣчатъ его, а онъ опять застрѣлится, „спичекъ въ шампанское наломаетъ" да выпьетъ. А вѣдь тотъ приставъ, что въ сосѣдней комнатѣ протоколъ составляетъ, думаетъ что это вслѣдствіе экзамена, — „какъ наивно это" повторилъ я слова Володи.

Библиотека "Руниверс"

Окна въ его комнатѣ отворены настежь. На улицѣ тихо — кисейная занавѣска не шелохнетъ. Въ воздухѣ все еще пахнетъ слегка порохомъ, но какой-то новый, специфическій, одуряющій запахъ примѣшался къ нему. Я въ первый разъ его слышу - это свѣжая кровь. Всюду безпорядокъ. чуть слышно суетятся въ потемнѣвшихъ комнатахъ, ночь льетъ свой бѣлесоватый свѣтъ въ окна. Несчастная мать лежитъ у себя въ комнатѣ—не знаю въ какомъ положеніи: не входилъ туда. Николай Ѳедоровичъ и Гальнбекъ тихо говорятъ съ докторами и полицейскими. А здѣсь... здѣсь умираетъ онъ... Изъ-за кого, изъ-за чего?..

Онъ лежитъ уже не на кушеткѣ, а на кровати, посреди комнаты. Возлѣ него копошатся два доктора со свѣчами; худенькое, бѣлое, словно алебастровое тѣло смутно бѣлѣетъ и слабо стонетъ. Свѣтъ огня мѣшается съ отблескомъ свѣтлой ночи. На грязномъ кухонномъ табуретѣ стоитъ кувшинъ съ водой, возлѣ него на полу тазъ съ кровью, на паркетѣ темныя капли и лужи, скомканный, брошенный коверъ въ углу. Лакей покалываетъ ледъ и набиваетъ имъ какой-то мѣшечекъ, весь окровавленный. Какой контрастъ съ опрятнымъ убранствомъ кабинета Володи.

Доктора вышли въ залу.—Ну что, каковъ онъ? спросилъ я одного изъ нихъ.

Тотъ пожалъ плечами.

— Плохъ! сказалъ онъ. Пуля на вылетъ пробила легкое выше сердца. Конечно и безъ легкаго жить можно, — только не знаю какъ онъ перенесетъ послѣдствія раны, тутъ столько процессовъ сегодня да завтра поднимется въ организмѣ... а, впрочемъ, выздоравливали и такіе.

Я понялъ, что нѣтъ спасенія.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №)

Тête-à-tête.

Себя я помню съ пяти лѣтъ:
Сестра мнѣ чѣмъ-то досадила,
До драки дѣло доходило —
Съ тѣхъ поръ мамаша запретила
Намъ оставаться tête-à-tête.

* * *

Насъ воспитали, поучили,
По институтамъ размѣстили;
Я рѣдко видѣлся съ сестрой
И tête-à-tête'ы той порой,
Совсѣмъ характеръ измѣнили.

* * *

Но вотъ сестрѣ пятнадцать лѣтъ,
И мнѣ сестры моей подруга
Милѣй всего, дороже друга,
И съ ней оставшись tête-à-tête,
Я забывалъ весь бѣлый свѣтъ!..

* * *

Ахъ, я васъ помню, дни былые,
Я помню глазки огневые,
Твой разговоръ, моя Annette,
Когда, мой другъ, съ тобой впервые,
Мы оставались tête-à-tête...

* * *

И полусловъ, полунамековъ,
Не понимали мы тогда...
Мы только вѣрили глубоко,
Что счастье гдѣ-то недалеко,
И не измѣнитъ никогда!

* * *

То было время золотое,
Какъ тихій сонъ прошло оно...
Теперь ты стала мнѣ женою
И tête-à-tête вдвоемъ съ тобою,
Всегдашней грозою полно!..

* * *

Тутъ tête-à-tête ужъ не выходитъ,
Мы на землѣ, не въ облакахъ,
И кто чужой случайно входитъ
Онъ насъ въ смущенье не приводитъ:
Мы остаемся на мѣстахъ...

* * *

Года проходятъ. Подростаетъ
У насъ и дочка—нашъ портретъ....
Теперь въ ней все такъ насъ плѣняетъ.
Но отчего-жъ порой пугаетъ,
Какъ кто-нибудь съ ней tête-à-tête? ..

* * *

Она для насъ—очарованье,
Но tête-à-tête не чуждъ и ей...
Спасетъ, конечно, воспитанье
И долга строгое сознанье,
Но лучше—замужъ поскорѣй.

* * *

Пойдутъ у насъ, на склонѣ лѣтъ,
Внучата, милыя созданья,
И нуженъ будетъ намъ, Annette,
Одинъ, послѣдній tête-à-tête,
Чтобы составить завѣщанье!..

З—овъ.

Рудольфъ, австро-венгерскій наслѣдный принцъ.

Эрцгерцогъ Рудольфъ-Францъ-Іосифъ-Карлъ, наслѣдникъ императора австрійскаго Франца-Іосифа родился 21 августа 1858 г. Главнымъ руководителемъ воспитанія кронпринца былъ назначенъ (1864 г. 1 ноября) генералъ-маіоръ графъ Леопольдъ Гондрекуръ, мѣсто котораго въ слѣдующемъ году завялъ генералъ-маіоръ фонъ-Латуръ. При первоначальномъ обученіи кронпринца было обращено особенное вниманіе на наглядное преподаваніе, и такъ какъ для этого учитель прибѣгалъ къ разсматриванію предметовъ изъ природы, то въ воспитанникѣ скоро развилась любовь къ естествознанію. Одаренный отъ природы пытливымъ умомъ и наблюдательностью, кронпринцъ Рудольфъ, подъ руководствомъ учителей-спеціалистовъ, сдѣлался прекраснымъ зоологомъ и минералогомъ. Естественныя науки, а также геологія, обратили вниманіе юноши на географію. Онъ занимался съ особенною любовью этимъ предметомъ и пріобрѣлъ въ землевѣдѣніи такія обширныя познанія, что „Вѣнское географическое общество" стало разсчитывать на сочувствіе принца стремленіямъ и цѣлямъ своимъ и просить покровительства его. Кстати замѣтить тутъ, что наслѣдникъ австро-венгерской короны—хорошій лингвистъ.—Благодаря правильному физическому воспитанію (гимнастика, плаваніе, фехтованіе и проч.) кронпринцъ Рудольфъ сдѣлался здоровымъ, сильнымъ, выносливымъ юношей, хотя и не принадлежалъ къ числу особенно крѣпкихъ мальчиковъ. Онъ превосходно владѣетъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и шпагой, отлично управляетъ конемъ и уже можетъ легко переносить трудности солдатской жизни. Уже теперь военный мундиръ придаетъ кронпринцу видъ красиво-мужественнаго воина. Кронпринцъ много путешествовалъ по Австріи, Венгріи, Богеміи, бывалъ и въ другихъ мѣстахъ, словомъ—видѣлъ свѣтъ, ознакомился и съ свѣтлыми, и темными его сторонами, а потому, не смотря на молодость (ему скоро минетъ 18 лѣтъ), обнаруживаетъ умъ человѣка зрѣлаго, опытнаго. Отличительной чертой юнаго наслѣдника австрійскаго престола является горячая любовь къ своему отечеству и такое же горячее желаніе блага Австро-Венгріи. Изрядное число благотворительныхъ учрежденій носитъ имя кронпринца.

Петровскія войны *).

II.

(Полтавская битва 27 іюня 1709 г.).

Карлъ, какъ выше мы сказали, оставилъ генерала Левенгаупта на произволъ судьбы, направившись самъ къ югу—въ Малороссію. Что влекло его туда, сказать трудно. Что гетманъ малороссіи, Мазепа, измѣнялъ Петру—это вѣрно и это Карлъ зналъ, но въ то же время было вѣрно и то, что Иванъ Степановичъ (имя Мазепы), желая снять съ себя подданство русское, хотѣлъ поступить въ этомъ случаѣ, какъ можно политичнѣе, то есть хотѣлъ объявить о своемъ намѣреніи отторгнуться отъ Россіи только тогда, когда бы такой шагъ не представлялъ никакой опасности, По мнѣнію Мазепы Карлъ долженъ былъ итти на Москву, побѣдить тамъ Царя и сдѣлать его такимъ образомъ безвреднымъ и нестрашнымъ для людей, подобныхъ Мазепѣ,— и тогда-то Иванъ Степановичъ объявилъ бы себя на сторонѣ шведовъ. Говоря коротко, Иванъ Степановичъ хотѣлъ загребать жаръ чужими руками. Впрочемъ, ему и поступать иначе было трудно. Власть его надъ войскомъ малороссійскимъ была ограничена: въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ войсковой старшиною и даже со всѣмъ

*) См. «Ниву» № 5.

Библиотека "Руниверс"

войскомъ, а достигнуть тутъ какого-либо единства въ планѣ и дѣйствіяхъ — было вещь совершенно невозможная, такъ какъ войско и старшина имѣли мысли и желанія прямо противоположныя мыслямъ и желаніямъ гетмановъ. Въ то время, какъ первые стремились ограничить власть гетмана, чтобы самимъ получить большее вліяніе на дѣла, гетманы старались сократить и ту долю вліянія войсковыхъ людей на управленіе, какая имъ принадлежала по старымъ порядкамъ. Затѣмъ, между войсковою старшиною и войскомъ вообще, то есть простыми казаками, опять не было ладу. Согласные въ томъ, чтобы не давать воли гетману старшина и казаки расходились по вопросу объ окончательномъ устройствѣ войсковыхъ дѣлъ. Полковники, сотники и эсаулы, составлявшіе такъ называемую войсковую старшину, ограничивая власть гетмана, имѣли въ виду усилить собственную свою власть и не давать усиливаться вліянію простыхъ казаковъ; эти же послѣдніе думали покончивая съ гетманомъ покончить вмѣстѣ и съ старшиною. По ихъ мнѣнію все рѣшеніе дѣлъ должно было зависѣть отъ приговоровъ казачьяго круга или казачьей сходки. Одни стремились устроить въ войскѣ аристократическіе порядки, другіе— демократическіе. Наконецъ, въ Малороссіи, кромѣ казачьяго войска съ его притязательною старшиною и непослушнымъ казачествомъ, жило еще населеніе мирное горожанъ и сельчанъ, далеко превышавшее своею численностью силу войска. Это мирное населеніе не долюбливало войска за его польско-шляхетскія замашки. Казаки, какъ начальные, такъ и простые, не прочь были бы закрѣпостить мирныхъ обитателей Малороссіи, чтобы пользоваться ихъ трудами, а самимъ не дѣлать ничего. Эти замашки казаки позаимствовали отъ Польши, подъ властью которой долгое время находилась Малороссія. Но мирное населеніе Малороссіи ненавидѣло польскіе порядки и потому тянуло душою къ Москвѣ. Да и казаки любили Москву за ея единовѣріе и единоплеменность и, еслибы дала имъ Москва къ этому еще побольше воли какъ въ отношеніи къ мирному люду, такъ и вообще по казачьимъ дѣламъ, то лучше бы Москвы они ничего и не желали, но во многомъ Москва съ ними не сходилась, а потому казачество на первыхъ порахъ присоединенія къ московскому государству сильно высказывало свое неудовольствіе *). Это неудовольствіе выражалось и въ открытыхъ возстаніяхъ, и въ тайныхъ крамолахъ и всегда оканчивалось торжествомъ Москвы, частью по раздору, царившему между войсковыми чинами Малороссіи, частью по привязанности этой страны къ родственной ей Россіи.

Рудольфъ, австро-венгерскій наслѣдный принцъ.
Съ фотографіи грав. Самарскій.

Мазепа все это зналъ, а потому когда замыслилъ измѣну, то дѣйствовалъ съ величайшею осторожностью и съ большимъ секретомъ. Три года строилъ онъ свой ковъ и не видѣлъ еще никакого ручательства въ томъ, что за нимъ пойдетъ Малороссія, поэтому онъ и поступалъ въ этомъ дѣлѣ нерѣшительно, какъ бы противъ воли. Когда Карлъ повернулъ на Сѣверскую Землю (Черниговскую губернію), Мазепа, еще неготовый съ своими планами, и застигнутый врасплохъ, вскричалъ: „Дьяволъ его (т. е. Карла) сюда несетъ! всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руину и на нашу погибель". Но Карлъ подвигался все далѣе и далѣе въ глубь Малороссіи, а съ нимъ рядомъ двигалось и царское войско, затрудняя шведамъ путь. Ивану Степановичу надобно высказаться, но сидитъ Иванъ Степановичъ въ своемъ Батуринѣ и—ни слова шведу. Наконецъ, къ Ивану Степанов. бокъ о бокъ придвинулся съ войскомъ князь Меньшиковъ: Мазепа сказывается больнымъ; князь ѣдетъ его провѣдать, и тутъ только Мазепа, опасаясь за свою шею, бѣжитъ къ шведскому королю, котораго передовые отряды стояли отъ Батурина въ какихъ нибудь сорока — пятидесяти верстахъ.

И для такого то темнаго и ненадежнаго союзника Карлъ сворачиваетъ съ Московской на Украинскую дорогу и отдаетъ на жертву своего генерала, котораго самъ же вызвалъ!

Еще Карлъ могъ бы разсчитывать обаяніемъ своего имени и побѣдъ склонить большую или меньшую часть Малороссіи на свою сторону, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ идти туда усиленными переходами, чтобы предупредить тамъ царскія войска. Когда хотѣлъ, то онъ мастеръ былъ дѣлать форсированные марши, то есть ходить быстро, но въ походѣ, гдѣ все зависѣло отъ быстроты, Карлъ медлитъ. Въ двадцатыхъ числахъ сентября онъ посылаетъ своего генерала завладѣть Стародубомъ; туда же посылаетъ и Петръ своего генерала и послѣдній предупреждаетъ шведовъ въ Стародубѣ. Въ октябрѣ Карлъ отправляетъ отрядъ захватить ранѣе русскихъ Новгородъ-Сѣверскъ, но и тутъ опять русскіе его предупреждаютъ. Мало того: когда Мазепа явно перешелъ на сторону шведовъ, то шведскіе отряды, стоявшіе, какъ сказано выше, въ 40 — 50 верстахъ отъ Батурина, могли бы занять этотъ городъ ранѣе русскихъ, а занять его ранѣе русскихъ тѣмъ болѣе было необходимо для шведовъ, что въ Батуринѣ засѣли единомышленники Мазепы, которые могли своимъ влія-

*) Малороссія, о которой идетъ тутъ рѣчь, или нынѣшнія губерніи Черниговская, Полтавская и часть Кіевской, составлявшая въ древности самыя коренныя области Россіи, была во времена невзгоды оторвана отъ Россіи, попала подъ власть Польши и, наконецъ, опять соединилась съ Россіей. Окончательное соединеніе состоялось при отцѣ Петра Великаго, Алексѣѣ Михайловичѣ, лѣтъ за пятьдесятъ до описываемыхъ событій.

Библиотека "Руниверс"

„Отъ него!...“ Картина О. Эрдмана, грав. Шнауферъ.

Библиотека "Руниверс"

ніемъ распространить возстаніе въ Малороссіи: тамъ же были богатые запасы провіанта, казна гетманская и клейноды, но Карлъ упустилъ и этотъ городъ изъ своихъ рукъ, а взять его было легко! Мазепа явился среди шведскихъ войскъ, стоявшихъ отъ Батурина въ 50 или 40 верстахъ 25-го октября. Самъ Карлъ находился около восьмидесяти верстъ близъ Новгорода Сѣверска: тамъ же находился и царь. Меньшиковъ, бывшій у Батурина въ моментъ измѣны Мазепы, успѣлъ съѣздить къ Петру, вернуться назадъ съ войскомъ и разгромить Батуринъ 2-го ноября. Петръ, умѣвшій цѣнить случай и время, писалъ по поводу взятія Батурина Меньшикову: „получилъ я ваше зѣло радостное писаніе (о взятіи Батурина), за которое вамъ зѣло благодарны; паче же Богъ мздовоздаятель будетъ вамъ".

Петру можно было радоваться; впрочемъ, онъ не ограничился одною радостью. Тотчасъ по полученіи извѣстія объ измѣнѣ Мазепы, помимо распоряженія о взятіи Батурина, Петръ разослалъ указъ по Малороссіи съ извѣстіемъ, что гетманъ забылъ долгъ чести и присяги и съ приглашеніемъ избрать новаго гетмана. Къ 7-му ноября собрались въ Глуховъ старшины и архіереи и избрали новаго гетмана, Ивана Ильича Скоропадскаго, а старый гетманъ былъ преданъ проклятію и заочной казни: его изображеніе, съ андреевскимъ знакомъ, было вынесено на площадь и, по снятіи кавалеріи, передано въ руки палача, который и повѣсилъ это изображеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ были казнены сообщники Мазепы, взятые въ плѣнъ въ Батуринѣ. Малороссія осталась вѣрна своему долгу: немного спустя Петръ писалъ къ одному изъ своихъ приближенныхъ (адмиралу Апраксину): „Малороссійскій народъ такъ твердо съ помощію Божьей, стоитъ, какъ больше нельзя отъ нихъ требовать; король посылаетъ прелестныя письма, но сей народъ неизмѣнно пребываетъ въ вѣрности и письма королевскія приноситъ". Карлъ ничего невыигралъ отъ измѣны Мазепы.

Карлъ, двигаясь на югъ, могъ разсчитывать еще на донской мятежъ, начавшійся въ 1707 и подавленный только въ октябрѣ 1708 года. На Дону казаки съиздавна не исполняли распоряженій правительства, которыя имъ не нравились. Въ числѣ этихъ распоряженій было требованіе не принимать бѣглыхъ, а бѣжали на Донъ многіе: бѣжали крестьяне отъ владѣльцевъ, бѣжали работники отъ хозяевъ, забравшіе деньги впередъ, бѣжали солдаты изъ арміи, бѣжали, наконецъ, преступники, достойные казни. Милостивый Донъ принималъ всѣхъ. Еще и ранѣе Петра правительство стремилось ограничить эту вредную для государства привычку донскихъ казаковъ, но частью по недостатку средствъ, частью по мягкосердечію, не достигало своей цѣли. Строгій Петръ взглянулъ на дѣло иначе: подтвердивъ не разъ казакамъ не принимать бѣглыхъ, онъ въ 1707 году отправилъ туда полковника князя Юрія Долгорукаго съ приказаніемъ отыскать всѣхъ бѣглецовъ и выслать ихъ на прежніи мѣста жительства. Взволновался Донъ, увидѣвши, что право, за которое онъ такъ стоялъ, теперь отъ него отнимутъ и рѣшился сопротивляться. По всему пространству донскихъ земель началось возстаніе. Это возстаніе удалось усмирить, какъ сказано, только около половины октября. Еслибы Карлъ пришелъ въ Малороссію среди лѣта этого года и заручившись со одной стороны согласіемъ Малороссіи, или хотя нѣкоторой ея части, съ другой—вошелъ бы въ сношенія съ донскими мятежниками, то, конечно, онъ поставилъ бы Петра въ немалое затрудненіе. Но для этого надобно было спѣшить, а мы видѣли, какъ Карлъ спѣшилъ. О донскихъ волненіяхъ не знать онъ не могъ, если былъ въ сношеніяхъ съ Мазепою.

Походъ въ Малороссію, непринесшій Карлу ожидаемыхъ выгодъ, содѣйствовалъ къ ослабленію его силъ. Мы видѣли уже, какъ нуждалось шведское войско при вступленіи въ Россію. Когда Карлъ повернулъ на югъ, дѣла его не стали лучше, потому что русскія войска, продолжая идти рядомъ со шведами, истребляли все, что могло служить къ ихъ продовольствію. Вступилъ Карлъ въ Малороссію—затрудненія тѣ же: ожесточенный народъ, при приближеніи шведовъ, уходитъ изъ своихъ жилищъ и почти всегда успѣваетъ скрыть или унести съ собою все, что могло бы служить къ пользѣ врага. Если оставалось что, то оставалось немного и рѣдко. Къ довершенію бѣдствій, зима съ 1708 на 1709 годъ, которую довелось Карлу провести въ Малороссіи, была такъ сурова и жестока, что оставила воспоминаніе о себѣ во всей Европѣ. Птицы мерзли на лету. Карлъ, непоказавшій особой быстроты и дѣятельности при походѣ въ Малороссію, теперь, когда начались лютые морозы и войско нуждалось болѣе всего въ зимнихъ квартирахъ, началъ совершать и усиленныя передвиженія. Впрочемъ, можетъ быть, Карлъ и не могъ стоять въ это время на одномъ мѣстѣ: у него не было съѣстныхъ припасовъ для войска. Какъ бы то ни было, люди его страшно терпѣли отъ этихъ зимнихъ прогулокъ: у нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ отморожены были руки и ноги; на постахъ ежедневно застывали часовые. Во время похода люди не шли, а бѣжали, чтобы не замерзнуть. Конечно, и для русскихъ солдатъ термометръ показывалъ не меньше стужи, чѣмъ для шведовъ, но русскіе, вопервыхъ, были сыто накормлены и во вторыхъ, какъ хозяева страны, они были при лучшихъ условіяхъ чтобы обогрѣться, отдохнуть. При всемъ томъ и русскіе сильно пострадали отъ памятной зимы; во время одного перехода въ декабрѣ замерзла или пересморозилась въ арміи Петра не одна сотня людей. Если такъ страдали русскіе, то тѣмъ болѣе должны были страдать шведы, находившіеся въ худшихъ сравнительно условіяхъ противъ русскихъ. За морозами (съ половины февраля) наступила оттепель, превратившая всѣ ручьи и овраги въ рѣки. И шведамъ, вынужденнымъ ежедневно промышлять о своемъ продовольствіи, предстояла опять новая забота: ходить съ тяжестями и артиллеріею въ такое время, когда не ходитъ никто **).

Послѣ этихъ томительныхъ переходовъ въ концѣ апрѣля 1709 года, Карлъ подошелъ къ Полтавѣ. Войско его страшно уменьшилось и упало духомъ. Изъ Саксоніи выступило шведовъ въ Россію 44,000 человѣкъ, въ Россіи присоединилось къ нимъ 6,000 челов. съ Левенгауптомъ послѣ битвы при Лѣсной. Изъ этой пятидесятитысячной массы не осталось и половины къ концу апрѣля, когда Карлъ подошелъ къ Полтавѣ. И эта оставшаяся масса людей страшно, какъ выше сказано, упала духомъ. Не проиграли шведы ни одной генеральной битвы, не потеряли ни одного изъ своихъ видныхъ генераловъ, непобѣдимый ихъ король по прежнему стоялъ среди ихъ, но всѣ видѣли, что совершается что-то недоброе, чувствовали, что попали въ какой-то заколдованный фальшивый кругъ, въ какую-то западню, изъ которой нѣтъ выхода; видѣли также, что вокругъ ихъ движется энергическій и многочисленный непріятель, который выдержанъ въ бояхъ, и что всѣ эти передвиженія и переходы, въ которыхъ закружились шведы, дѣлаются по волѣ этого же непріятеля.

Шведскіе генералы, собравшись на совѣтъ порѣшили между собою, что положеніе ихъ войска крайне опасно и что если можно еще что предпринять для своего спасенія, такъ это не медлить отступить въ Польшу, гдѣ сидитъ на престолѣ избранный Карломъ государь и стоитъ еще главный корпусъ. Это мнѣніе свое генералы доложили Карлу и получили въ отвѣтъ: „еслибы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то и тогда бы я не отступилъ".

Карлъ занялся осадою Полтавы и тратилъ напрасно въ этой осадѣ людей. Взятіе Полтавы собственно не составляло надлежащей надобности для Карла, но онъ попробовалъ приступить къ ней, былъ отбитъ и этого было достаточно для упрямаго короля, чтобы привязаться къ Полтавѣ.

Но между тѣмъ, какъ Карлъ игралъ въ полтавскую осаду, Петръ обдѣлалъ дѣло поважнѣе: разгромилъ Сѣчь Запорожскую, которая вступила въ союзъ со шведами, увлекшись примѣромъ Мазепы. Петръ сначала ласкою думалъ образумить запорожцевъ, но видя, что мягкія мѣры не помогаютъ, послалъ туда войско, которое и выкоренило гнѣздо мятежниковъ, 14 мая 1709 г. И это на виду шведовъ!

Наконецъ, Петръ увидѣлъ, что можно вступить въ рѣшительную „игру" и со шведами: достаточно онъ ихъ поводилъ и достаточно они ослабѣли, чтобы откладывать еще дѣло долѣе. При томъ же шведы, осаждая Полтаву, довели ее до крайности, такъ что можно было опасаться за паденіе города, а этого Петръ допустить не могъ при тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находился. Войско его вдвое превосходило силы непріятельскія и войско это было отлично выправлено и выдержано въ бояхъ. Стыдно было въ такихъ условіяхъ дать пасть своему городу, Петръ рѣшился на сраженіе. Шведы были расположены на правомъ берегу Ворсклы близь Полтавы, которую осаждали: русскія войска, стоявшія на лѣвомъ берегу, и оттуда поддерживавшіе Полтаву, 20 іюня переведены были на правый берегъ и 25 вступили въ позицію, гдѣ и произошла черезъ день знаменитая битва. Мѣстоположеніе, гдѣ была битва, представляло открытую площадь версты въ двѣ съ половиною длины и столько же ширины, съ двухъ сторонъ, сѣверозападной и южной примыкавшую къ лѣсу. Изъ этой площади открывался выходъ къ Полтавѣ, откуда произошла аттака шведовъ. Русская арміи, вступивъ на позицію, укрѣпилась лагеремъ и, кромѣ того, къ сторонѣ, откуда можно было ждать шведовъ, построено было шесть редутовъ, параллельно длинѣ лагуны, къ которымъ прибавлено было еще четыре редута въ перпендикулярномъ къ первымъ направленіи.

Редуты были на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другого, за редутами тотчасъ стояла наша кавалерія, пѣхота же была помѣщена въ лагерѣ. 27 іюня рано утромъ, около двухъ часовъ шведы пошли въ аттаку двѣнадцатью колоннами и, „какъ выражается Петръ, бросились на русскихъ съ страшною „фуріею". Предводительствовалъ шведами фельдмаршалъ Реншильдъ за болѣзнью короля, раненаго незадолго до битвы въ ногу и потому немогшаго сидѣть на конѣ. Впрочемъ Карлъ, не оставилъ своихъ вѣрныхъ товарищей въ такой важный день: онъ былъ среди ихъ на носилкахъ. Шведы при аттакѣ сначала встрѣтили редуты, гдѣ закипѣлъ ожесточенный бой съ нашею кавалеріею. Послѣдняя хотя стояла твердо и взяла даже нѣ-

**) При одной переправѣ черезъ плотину, совершавшейся почему-то ночью, пушки тонуло много людей, лошадей и повозокъ, а нѣкоторыя повозки, при оказавшейся невозможности перевезть, принуждены были сжечь. Путь былъ такъ неудобенъ, что люди и лошади скользили и падали въ воду. Страшно, говоритъ очевидецъ, раздавались въ темнотѣ крики погибавшихъ, и къ довершенію несчастія, людямъ переможшимъ и перезябшимъ во время этой переправы не представилось никакой возможности обогрѣться и съ удобствомъ отдохнуть: всѣ дома на пути сожжены были русскими.

Библиотека "Руниверс"

сколько штандартовъ, однако долго не могла сопротивляться соединеннымъ усиліямъ шведскихъ конницы и пѣхоты, почему Петръ и приказалъ ей перейти за лагерь и построиться у праваго фланга лагеря. Шведы взяли два редута, которыхъ построеніе еще не было кончено, бросились за кавалеріею нашею, въ площадку между лѣсомъ, гдѣ стоялъ нашъ лагерь съ пѣхотою, но когда вышли передъ фронтъ лагеря, то встрѣчены были изъ него такимъ жестокимъ огнемъ, что, смѣшавшись, должны были укрыться въ лѣсъ, который былъ къ западу. Тамъ они снова стали строиться. Между тѣмъ часть шведскихъ войскъ, именно шесть батальоновъ, отставшихъ почему-то отъ своей арміи, когда эта послѣдняя пошла на позицію передъ лагеремъ, искали спасенія въ лѣсу, который былъ съ юга. Этихъ отставшихъ шведовъ замѣтили изъ нашего войска и, пославъ особый отрядъ для преслѣдованія ихъ, истребили, при чемъ взяты были въ плѣнъ два шведскихъ генерала Шлиппенбахъ и Розенъ. Этимъ окончился первый актъ полтавской битвы.

Въ 9 часовъ утра начался второй актъ, рѣшительный и самый страшный. Вышла изъ лагеря русская пѣхота и, построившись въ двѣ линіи, съ кавалеріею по флангамъ, пошла къ лѣсу, гдѣ были шведы; послѣдніе тоже вышли на открытое мѣсто и стали сближаться съ русскими. При сближеніи оказалось, что русскіе настолько превосходили числомъ шведовъ, что могли одною переднею своею линіею не только стать противъ ихъ фронта, но и охватить ихъ съ фланговъ. Признакъ неблагопріятный для шведовъ! Для уравновѣшенія силъ, можетъ быть, лучше было бы шведамъ прямо штурмовать русскій лагерь, когда они, преслѣдуя кавалерію нашу, вышли на поляну и подверглись страшному его огню: тогда они захватили бы нашу пѣхоту на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ она не могла развернуть своихъ силъ. Можетъ быть, Карлъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы могъ носиться по прежнему передъ полками; но теперь это былъ убогій человѣкъ, передвигавшійся съ мѣста на мѣсто, не по своему усмотрѣнію, а по указанію обстоятельствъ. Реншильдъ же, замѣнявшій его въ командованіи, не имѣлъ того вліянія на войско, какое пріобрѣлъ Карлъ, и, кромѣ того, его не совсѣмъ слушались прочіе генералы. Какъ бы то ни было, шведамъ надобно было вступить въ сраженіе: они въ него вступили и поддержали свою прежнюю славу. Два часа длился ожесточенный бой: не уступала ни та, ни другая сторона. Карлъ былъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ: носилки подъ нимъ были разбиты и онъ упалъ навзничь, его подняли солдаты на скрещенныхъ копьяхъ. Петръ также не щадилъ себя и былъ въ самомъ сильномъ огнѣ: его шляпа и сѣдло были простреляны. Наконецъ, шведы дрогнули и показали тылъ. Карлъ, только что передъ этимъ моментомъ вышибенный изъ носилокъ, когда поднятъ былъ на пики, пробовалъ остановить бѣгущихъ и кричалъ: шведы! шведы! но его никто уже не слушалъ. Все, что могло спастись бѣгствомъ, бѣжало. Самъ Карлъ едва не попался съ плѣнъ. Его, хотя съ трудомъ, посадили на сѣдло и онъ скрѣпя сердце отправился въ слѣдъ своей арміи, теперь бѣжавшей, передъ которой, однако, трепетала Европа. Надъ бѣжавшими принялъ командованіе генералъ Левенгауптъ.

Пораженіе было полное: слишкомъ 9.000 шведскихъ труповъ покрывало поле сраженія, въ плѣнъ взято болѣе 2,700 челов. Самые именитые и видные изъ сподвижниковъ Карла попались въ руки русскихъ: въ числѣ ихъ фельдмаршалъ Реншильдъ, командовавшій въ сраженіи, Пиперъ, главный министръ Карла, съ двумя своими секретарями и другъ Карла, дѣлившій охотнѣе другихъ его труды и опасности, принцъ Виртембергскій, Максимиліанъ Эммануилъ. Кромѣ того, взяты въ плѣнъ генералы Гамильтонъ и Стакельбергъ. О Шлиппенбахѣ и Розенѣ, взятыхъ въ этомъ же сраженіи, сказано раньше въ своемъ мѣстѣ. Русскихъ убито въ полтавскомъ бою 1,345 человѣкъ и 3,290 ранено.

Можно представить себѣ радость Петра и его сподвижниковъ послѣ такой побѣды. Восемь лѣтъ трудовъ и усилій увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Армія, которую съ такимъ постоянствомъ и напряженнымъ вниманіемъ формировали и противъ которой вооружались русскіе старовѣры, теперь утверждена на прочномъ фундаментѣ. Флотъ, противъ котораго еще болѣе возставали подданные Петра, получилъ возможность существовать. „Нынѣ камень въ основаніе Петербурга, писалъ Петръ къ Апраксину послѣ полтавской побѣды, положенъ съ помощію Божіей". Вмѣстѣ съ Петербургомъ была Нева и портъ для флота. Война, которая съ такимъ трудомъ и опасностями для Россіи велась до полтавской битвы, пойдетъ теперь легче. Перевѣсъ безповоротно перешелъ на сторону Россіи. Но не на одной Россіи отразились слѣдствія полтавской битвы. Бывшіе союзники Петра, короли датскій и польскій, сошедшіе съ театра войны вслѣдствіе успѣховъ шведскаго оружія, нашли, послѣ полтавской баталіи, что у нихъ не ладно сведены были счеты со шведами и вздумали поправить эти счеты. Оказались и еще владѣтели, которые послѣ 27 іюня 1709 г. дознали, что отношенія ихъ къ Швеціи неправильны и что также въ ихъ отношеніяхъ слѣдуетъ сдѣлать перемѣну.

Побѣдитель Петръ радовался отъ души своей новой побѣдѣ. На веселомъ пиру, данномъ тотчасъ послѣ битвы, онъ обнималъ своихъ, честилъ плѣнныхъ шведовъ и пилъ за здоровье тѣхъ и другихъ, называя послѣднихъ своими учителями въ ратномъ дѣлѣ. Пошли пиры и въ Москвѣ, куда Петръ тотчасъ же сообщилъ „о зѣло превеликой и неначаемой викторіи". Въ Москвѣ пирами распоряжался сынъ Петра, Алексѣй Петровичъ, который устроилъ „банкетъ" для „неначаемой викторіи" и созвалъ на оный всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ и знатныхъ офицеровъ и „трактовалъ ихъ велелѣпно". Велелѣпно тоже трактовала многихъ знатныхъ особъ и сестра Петра, царевна Наталья Алексѣевна. Не забытъ былъ при этомъ и простой народъ: для него устраивались передъ домами на улицахъ столы, гдѣ предлагались обильно яства и питье. Для простого народу разрѣшенъ былъ, кромѣ того, осьмидневный звонъ, въ которомъ по случаю большой радости, дозволено было участвовать и женщинамъ. Безъ такого случая, какъ полтавская викторія, дозволялось женщинамъ восходить на колокольню лишь въ пасхальную недѣлю.

Интересно одно поздравленіе, представленное Петру побѣдителю; оно написано Курбатовымъ, выведеннымъ, подобно многимъ другимъ, по волѣ Петра изъ простого званія въ люди *). Это поздравленіе спибаетъ по тону своему на акаѳистъ. Курбатовъ, извѣщенный самъ ранѣе царемъ о полтавской битвѣ, писалъ: „...Прерадостно нынѣ веселится вся Россія увѣнчевая васъ привѣтствы сицевыми: Радуйся, яко ваше царево сердце содержится въ руцѣ Божіи неотмѣнно. Радуйся, яко исполняя словеса Божія слова, полагаеши душу твою за рабы твоя. Радуйся, яко спискательнымъ вашимъ мудрохрабствомъ переполеровася, яко злато въ горнилѣ ваше воинство. Радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія варяжскаго моря во одержаніи"... Въ этомъ письмѣ, не очень замѣчательномъ по словесному художеству, вѣрно однако выражены чувства и понятія современниковъ о значеніи полтавской побѣды. И да не подумаетъ кто-нибудь, что знаменитый прибыльщикъ льстилъ тутъ Петру. Любя Петра, онъ тѣмъ не менѣе никогда не затруднялся высказывать ему свои мысли, хотя и зналъ, что Петръ смотритъ на дѣло иначе; случалось даже, что по простотѣ своей, Алексѣй Александровичъ въ докладахъ царю вставлялъ несовсѣмъ печатныя слова. Умный монархъ не обижался этимъ.

И. Звѣревъ.

Къ рисункамъ.

„Отъ него"...

(Картинка Отто Эрдмана).

Туманно, холодно... Летитъ
Листъ пожелтѣвшій надъ дорожкой:
Подъ вѣтромъ старый дубъ скрипитъ,
И въ теплой туфлѣ зябнетъ ножка —
Ахъ, у графини молодой
Мигрень сегодня!.. Грустно, скучно...
А дождь стучитъ такъ однозвучно,
Всѣ окна плачутъ... Боже мой!
—„Лизета—ты? Войди, другъ мой!"
Вошла Лизета, камеристка,
И подошла къ графинѣ близко.
—„Письмо"?—„Такъ точно-съ".—„Отъ кого?"
Лизета глазки опускаетъ.
Сказать не смѣя: *отъ него*....
Письмо графиня разрываетъ
Въ клочки и говоритъ: „Иди!" —
—„Простите!... Нѣтъ, теперь не жди
Другого отъ нея отвѣта...
Ну, ладно!" думаетъ Лизета.

* * *

Прошли и осень, и зима —
Ахъ, какъ лазурно небо мая!
Цвѣтетъ сирень,—и вотъ сама
Графиня, томность ощущая,
Прелестнѣй стала и свѣжѣй.
Мигреня нѣтъ, а что-то скучно...
Въ зазеленѣвшемъ паркѣ звучно
Уже защелкалъ соловей...
—„Лизета—ты? Войди смѣлѣй". —

*) Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, бывшій дворовый человѣкъ Бор. Петр. Шереметева, обратилъ на себя вниманіе Петра проэктомъ о гербовой бумагѣ и былъ сдѣланъ за это прибыльщикомъ, то есть человѣкомъ, увеличивающимъ доходы казны. Курбатовъ не къ однимъ доходамъ смыслилъ. Когда умеръ послѣдній патріархъ, онъ заявилъ мысль о несвоевременности патріаршаго управленія. Своимъ развитіемъ Курбатовъ обязанъ путешествію по Европѣ, сдѣланному имъ съ своимъ господиномъ. Впослѣдствіи прибыльщикъ занималъ важныя должности.

Библиотека "Руниверс"

Близь Кишинева. Сцены и типы

Офицерская подвода.

Двуконная телѣга изъ обоза.

Перекладная тройка.

Перевозка сѣна.

Деньщикъ съ офицерскимъ багажемъ.

Библиотека "Руниверс"

Осиротѣвшая Косуля. Картина К. Беллуни грав. Молль.

Библиотека "Руниверс"

Вошла Лизета, камеристка,
И подошла къ графинѣ близко.
—„Письмо?"—„Такъ точно-съ".—„Отъ кого?"
Служанка глазъ не опускаетъ...
Въ глазахъ отвѣтъ: *да отъ него!..*
Письмо графиня принимаетъ
И говоритъ: „Ступай теперь"...
—„Тамъ ждутъ-съ... Я затворила дверь"...
—„Про...сп!"...

Щ.

Близь Кишинева. Сцены и типы.

Въ предъидущемъ № 7 „Нивы" помѣщены уже нѣсколько подобныхъ рисунковъ. Помѣщенные теперь рисунки служатъ продолженіемъ ихъ.

Считаемъ нелишнимъ напомнить, что описаніе и видъ города Кишинева, были помѣщены въ № 45 „Нивы" за 1875 годъ. Тогда, разумѣется, никто не могъ предполагать, что тихому и весьма мирному городу Кишиневу придется быть центромъ мобилизаціи нашей арміи. Нужно-ли объяснять, что въ настоящее время жизнь въ городѣ и далеко во всѣ четыре стороны отъ него значительно измѣнилась — вездѣ движеніе, вездѣ войска и своеобразныя, присущія военному времени сцены. Изъ помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ нашего журнала рисунковъ читатели могутъ составить себѣ представленіе о характерѣ этихъ сценъ. Кто хотя отчасти соприкасался съ военною жизнью или бывалъ случайнымъ свидѣтелемъ ея быта, тому эти небольшіе рисунки доставятъ много данныхъ для размышленія. И офицерская подвода, и двуконная телѣга изъ обоза, и наша столь знаменитая перекладная тройка все это такъ давно изстари бывало такого же вида и дурно-ли, хорошо-ли, а держится, не измѣняясь: перекладная тройка, какъ говорится, намнетъ бока, да за то не задержитъ торопливаго путника въ дорогѣ: сломается — другая ей на смѣну. Правда, можно было бы завести кое-что поудобнѣе и не до такой степени „человѣколомное", но пока еще не заведено—нужно, слѣдовательно, подождать.

Косуля (Cervus capreolus).

Косули относятся къ семейству двукопытныхъ. Самцы этого семейства снабжены рогами, состоящими изъ плотной костяной массы, которые ежегодно сбрасываются и замѣняются другими, каждый разъ большими.

Косули вышиною въ два съ половиною фута, лишены хвоста, по внѣшнему своему виду похожи на оленя: онѣ, можно сказать, изящны; черные глаза ихъ полны ума и кротости, движенія исполнены граціи. Живутъ косули стадами. Пищу ихъ составляютъ оленки, сѣно, молодые побѣги, особенно осиновые. Кормятся косули, большею частью, по опушкамъ, прогалинамъ и берегамъ рѣчекъ. Въ жары любятъ купаться. Въ бурю и туманы косули обыкновенно стоятъ въ кучѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Изъ всѣхъ чувствъ у косули наиболѣе развито обоняніе. Слышатъ онѣ также хорошо, но зрѣніе ихъ весьма слабо, особенно въ пасмурную погоду. Косули рожаютъ каждый годъ и мечутъ почти всегда по два дѣтеныша, рѣдко по три. Первое время косулята очень слабы и только двухнедѣльные начинаютъ ходить съ матерью, да и то держась слишкомъ небольшого пространства. Любовь материнская необыкновенно развита у косуль. Если поймаютъ дѣтеныша, то мать не замедлитъ прибѣжать на его голосъ. Молодыя косули, впрочемъ, скоро и легко пріучаются къ человѣку и ходятъ за нимъ какъ собаки.

Косули имѣютъ много враговъ и часто дѣлаются добычей хищныхъ звѣрей и даже птицъ. Но самый главный врагъ косули—это человѣкъ-охотникъ. Мясо косули вкусно. Сало употребляется взамѣнъ масла. Кромѣ сала, мяса и шкуры косули, въ продажу идутъ и рога, для различныхъ костяныхъ издѣлій.

Вотъ что разсказываетъ охотникъ по поводу изображеннаго въ этомъ № „Нивы" рисунка:

Однажды, охотясь, я убилъ косулю. Это была красивая, съ лоснящейся шерстью самка. Утомленный долгой охотой, я сѣлъ на траву небольшого рва, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моей добычи. Съ моего мѣста я могъ свободно наблюдать за тѣмъ, что происходитъ вокругъ, оставаясь въ тоже время незамѣченнымъ. Сначала все было тихо, и я спокойно любовался лучами заходящаго солнца, какъ вдругъ изъ ближайшаго кустарника показался черный носикъ, затѣмъ цѣлая головка и наконецъ тихо, выступая маленькими шагами, показалась косуля. Она приблизилась къ убитой и осмотрѣла ее, а затѣмъ такъ отчаянно, такъ жалобно закричала и бросилась лизать сочившуюся кровь изъ раны убитой. Смущеннымъ, глубоко смущеннымъ я почувствовалъ себя... О, еслибы я могъ возвратить жизнь мною погубленной матери!..

На помѣщенномъ въ этомъ № „Нивы" рисункѣ представленъ зимній пейзажъ. Мертвая косуля лежитъ на снѣгу; стаи птицъ окружаютъ ее, но маленькая сирота погибшей стережетъ тѣло своей матери, отгоняя хищниковъ.

Смѣсь.

Англичане обладаютъ въ настоящее время самымъ тяжелымъ и громаднѣйшимъ орудіемъ, какого не существовало до сихъ поръ никогда въ мірѣ. Прошло немного лѣтъ съ тѣхъ-поръ, какъ пушка, вѣсившая 35 тоннъ и названная въ шутку «вуличскимъ груднымъ младенцемъ», производила фуроръ въ качествѣ величайшаго въ мірѣ орудія. Теперь изъ вуличскаго арсенала, послѣ пятнадцатимѣсячныхъ усилій появилось на свѣтъ Божій орудіе, вѣсомъ не менѣе 81 тонны или 1620 цент. Отливка этого гигантскаго орудія обошлась въ 8000 фун. стерлин. потребное для каждаго заряда его количество пороху и другихъ матеріаловъ стоитъ отъ 20 до 25 фун. стер. Стволъ имѣетъ 24 фута въ длину, вся же наружная длина этой новой пушки составляетъ 27 футовъ. Въ поперечникѣ стволъ имѣетъ 14½ дюймовъ. Пушка, заряженная 300 фун. пороху, въ состояніи выпустить ядро, вѣсомъ въ 1650 фун. Первые опыты стрѣльбы изъ этого смертоноснаго орудія обошлись безъ всякаго несчастнаго приключенія и, сверхъ ожиданія, дали самые блестящіе результаты. Расчитано, что пушка, на дистанціи одной, а можетъ быть и двухъ англ. миль, въ состояніи будетъ пробить желѣзную броню въ двадцать дюймовъ толщиной. Вѣсъ перваго выпущеннаго ядра составлялъ 1250 фун.; на зарядъ употреблено пороху 170 фун. Для того, чтобъ положить зарядъ въ пушку, потребовались усилія 12 артиллеристовъ; ядро же поднято было къ устью орудія посредствомъ гидравлическаго аппарата. Выстрѣлъ произведенъ былъ посредствомъ электрической силы; при этомъ — оказалось что ядро ушло въ землю на 45 фут. въ длину и что пушка отскочила назадъ на 23½ фута. Второй выстрѣлъ изъ нея произведенъ былъ ядромъ въ 1400 фун. вѣсу; на зарядъ пошло 190 фун. пороху. Ядро пробило земляной валъ, служившій при второмъ опытѣ цѣлью, на протяженіи 50 фут., орудіе же отодвинулось назадъ на 32 фута. Произведено было всего шесть выстрѣловъ и по окончаніи этихъ опытовъ въ стволѣ пушки не показалось ни малѣйшаго изъяну.

Мысли Бэкона. Исторія научаетъ человѣка осторожности; поэзія—остроумію; математика—проницательности; натуральная философія—глубокомыслію; всѣ нравственныя науки—степенности и воздержности; риторика и діалектика—успѣху въ борьбѣ рѣчи, въ спорѣ. Словомъ, науки обращаются въ нравы.

Осторожный человѣкъ находитъ, что въ поваренной книгѣ слова: «поставить въ вольный духъ», слѣдуетъ замѣнить словами: «поставить въ легкій жаръ».

Въ Японіи, говорятъ, **есть машина**, въ которую если положить просьбу и повернуть колесо, тотчасъ чрезъ отверстіе выйдетъ рѣшеніе. Примѣчаніе: машину надобно подмазывать.

Существуетъ раздѣленіе жениховъ на три класса: натуральныхъ, почетныхъ и заштатныхъ. Натуральные (до 35 лѣтъ) женятся по собственной волѣ; почетные (отъ 35 до 45) большею частью не женятся, но переходя въ заштатныхъ (послѣ 45 лѣтъ) оказываются женатыми по волѣ другихъ.

Женщинамъ оттого нельзя повѣрить тайны, что у нихъ уши проколоты и тайна въ нихъ не удержится. Лучше всего повѣрять тайну лгунамъ: они хоть и разболтаютъ, но имъ никто не повѣритъ.

Библіографія.

Руководство къ уходу за больными и ранеными и первая помощь до прибытія врача. М. Залуговскаго.

Желаніе помочь больному, облегчить его страданія, проявляется въ каждомъ человѣкѣ, вслѣдствіе нравственнаго чувства, свойственнаго человѣческой природѣ. Но сочувствовать страданіямъ больныхъ, принимать близко къ сердцу его боли и стоны, сидѣть у его изголовья, хотя бы и съ горемъ въ душѣ, но сложа руки, не значитъ еще приносить пользу. Чтобы дѣйствительно быть полезнымъ больному, нужно выполнять тѣ условія, которыя необходимы для правильнаго пользованія медицинскою помощью. Съ этою цѣлью во всѣхъ больницахъ, общинахъ сестеръ милосердія, богадѣльняхъ, на полѣ сраженія, вездѣ требуются люди, умѣющіе ухаживать за больными и ранеными и помогать врачамъ въ достиженіи ихъ цѣли—въ облегченіи страданій боль-

Библиотека "Руниверс"

наго и проч. Къ сожалѣнію—«много призванныхъ, но мало избранныхъ»; много желающихъ оказать помощь больнымъ или раненымъ, но мало людей, знающихъ дѣло; въ особенности недостатокъ этотъ чувствуется въ военное время на полѣ сраженія. Чтобы быть полезнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи, необходимо умѣть сдѣлать въ свое время перевязку больному, подать лекарство во время, иногда замѣнить, если помощь требуется безотлагательно. Случаевъ такихъ бываетъ, конечно, не мало, и для этого необходимы нѣкоторыя предварительныя знанія, но людей обладающихъ ими, людей опытныхъ, у насъ мало. Въ виду этого означенная книжка можетъ служить хорошимъ пособіемъ къ правильному уходу за больными, и теперь она является какъ нельзя болѣе во время, въ виду угрожающихъ военныхъ событій. Г. Залуговскій даетъ общія понятія если не о всѣхъ, то о многихъ болѣзняхъ, указываетъ какія средства нужно употреблять до прибытія врача во многихъ случаяхъ, какъ составить лекарства, знакомитъ съ разными способами перевязокъ и бинтованій въ безчисленномъ множествѣ случаевъ. Все это необходимыя свѣдѣнія, которыми не мѣшаетъ запастись всѣмъ и каждому, въ особенности людямъ семейнымъ, которыя не всегда и не скоро могутъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительной помощи врача.

Книга написана толково и ясно и снабжена 40 хорошими рисунками, для нагляднаго ознакомленія съ различными инструментами, повязками и бинтами.

Донъ-Карлосъ Испанскій, герцогъ Мадритскій

Донъ-Карлосъ, герцогъ Мадридскій, недавній высокій гость нашихъ обѣихъ столицъ—нынѣшній представитель тѣхъ непрерывныхъ притязаній Бурбоновъ на испанскій престолъ, которыя начались еще въ началѣ текущаго вѣка. По имени перваго претендента изъ Бурбоновъ, Донъ-Карлоса-Марія-Іозефа-Изидора, эта партія издавна именуется также *„карлистами"*.

Упомянутый *первый* карлистъ-претендентъ, Донъ-Карлосъ-Марія-Іозефъ-Изидоръ, былъ второй сынъ короля Карла VII испанскаго и братъ короля Фердинанда VII. Этотъ послѣдній имѣлъ дѣтей только отъ третьяго брака и притомъ женскаго пола; а такъ какъ по дѣйствовавшимъ издавна въ Испаніи салическимъ законамъ женское поколѣніе лишено было права престолонаслѣдія,—то, очевидно, Фердинанду VII нужно было отмѣнить салическій законъ, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе за своей любимой дочерью, инфантой Маріей-Изабеллой. Такъ, дѣйствительно, и поступилъ Фердинандъ VII. Но Донъ-Карлосъ-Іозефъ-Изидоръ, какъ и нужно было ожидать, не признавъ ни отмѣны салическаго закона, ни права своей племянницы, инфанты Изабеллы, на престолъ, и, вслѣдствіе этого, подвергся изгнанію изъ Испаніи. Онъ скончался въ Тріестѣ въ 1855 г., оставивъ трехъ сыновей. Въ 1861 г. двое изъ нихъ умерли отъ нервной лихорадки и наслѣдникомъ притязаній на испанскую корону является средній сынъ, Донъ-Жуанъ-Карлосъ-Марія-Изидоръ, а затѣмъ, за смертію его, уже въ послѣднее время представителемъ этихъ притязаній является сынъ Донъ-Жуана-Маріи-Изидора, Донъ-Карлосъ, съ такимъ упорствомъ на глазахъ Европы сражавшійся съ республиканскими войсками за свои права и недавно мирно путешествовавшій по Европѣ и посѣтившій Россію. Принцъ-претендентъ еще молодъ, какъ доказываетъ его портретъ, прилагаемый здѣсь. Карлисты всегда отличались большими жестокостями, а потому принцъ, какъ представитель принципа притязаній на престолъ, часто не разбирающихъ средствъ, далеко не пользуется общими симпатіями.

Политическое обозрѣніе.

Перемиріе между славянами и турками, срокъ котораго истекалъ на дняхъ, будетъ продолжено еще на *двѣ недѣли*, до 15 марта; и одновременно съ этимъ обстоятельствомъ телеграфъ извѣстилъ насъ о продолжающихся значительныхъ вооруженіяхъ на о-вѣ Критѣ, на который на дняхъ отправлено много крупповскихъ орудій... Что-жь изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что самые завзятые оптимисты-политики, мечтавшіе о прочномъ мирѣ, должны узрѣть вмѣсто мира только мирныя проволочки. Разсчетъ Порты, очевидно, такой: надо связать руки Сербіи и Черногоріи для того, чтобы можно было удобнѣе усмирить Кандію. Но если Порта не достигнетъ этой цѣли, тогда вспыхнетъ новое обширное возстаніе славянскихъ и греческихъ вассальныхъ Портѣ народностей, и, разумѣется, это возстаніе поведетъ къ гибельнымъ для Порты результатамъ...

Мы должны здѣсь повторить нѣсколько разъ сказанное прежде, что всѣ доводы въ пользу прочнаго мира представляются намъ несостоятельными, къ какимъ бы махинаціямъ не прибѣгала Порта и ея европейскіе друзья.

Переговоры о мирѣ съ Сербіей заставляютъ будто бы ожидать скораго успѣха. Нѣкоторыя затрудненія представляетъ только вопросъ объ исправленіи границъ Сербіи (бездѣлица!)

О Черногоріи телеграфъ извѣстилъ насъ, что 21 (9) февраля черногорскіе сенаторы, Петровичъ и Родоничъ, отправились на пароходѣ въ Константинополь для мирныхъ переговоровъ. Какіе будутъ результаты—увидимъ. Что дѣло теперь дошло до самыхъ утонченныхъ хитростей и обходовъ со стороны Порты, только бы захлопнуть истощенныхъ сербовъ и простодушно-героическихъ черногорцевъ въ «желѣзную клѣтку» мира—явствуетъ изъ того, что Порта уже является теперь до такой степени умѣренною, что отступается отъ своихъ требованій относительно присутствія турецкаго агента въ Бѣлградѣ и дарованія привиллегіи евреямъ въ Сербіи. Сербы желаютъ, чтобы миръ былъ заключенъ въ *формѣ трактата* между обѣими сторонами, а Порта желаетъ сдѣлать это въ видѣ султанскаго фирмана. Дѣло соглашенія и въ этомъ пунктѣ представляется нетрудным съ точки зрѣнія, напримѣръ, австрійской печати, тогда какъ громадная разница между сербскими и турецкими условіями мира очевидна. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, трактатъ предполагаетъ равнаго съ равнымъ, а султанскій фирманъ предполагаетъ нѣчто худшее, чѣмъ вассальная зависимость. И на такихъ-то условіяхъ думаютъ создать прочное зданіе мира!

Для насъ весьма понятно, почему Порта пытается теперь импонировать не только Сербію и Черногорію, но, по возможности, Россію и даже всю Европу—это все для того, чтобы заключить миръ съ Сербіей и Черногоріей на условіяхъ, возмущающихъ всякое чувство справедливости. Не угодно ли знать цифры вооруженныхъ силъ Турціи, недавно обнародованныя турецкой оффиціальной газетой? Газета эта утверждаетъ, что дѣйствующая армія въ Турціи простирается до 230,000 чел.; рекрутовъ перваго призыва 318 тыс., второго призыва 280 тыс., а всего 1,350,000 чел., съ 3,400 орудіями! Вся соединенная германія, одна изъ самыхъ грозныхъ силъ въ наше время, оказывается, по этому разсчету, далеко слабѣе въ сравненіи съ Турціей! Но невольно является подозрѣніе: не на бумагѣ ли существуетъ большая часть этихъ преслопутыхъ военныхъ силъ и не придумано ли это для того, чтобы кстати и во время запугать Сербію и особенно Черногорію, геройски поднявшую свой благородный голосъ?

Въ Англіи на парламентскихъ засѣданіяхъ продолжаются на этотъ разъ уже интересныя пренія по поводу восточнаго вопроса. Замѣтно концентрированіе въ Палатѣ Общинъ преній около вопроса: какъ отвѣчать на ноту князя Горчакова? Недавно въ Палатѣ Общинъ Боркъ заявилъ, что правительство *намѣревается отвѣчать* на циркуляръ князя Горчакова, но что срокъ отправки этого отвѣта будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ (?). Въ отвѣтъ на это, ироническіе аплодисменты раздались на скамьяхъ оппозиціи. Гладстонъ заявилъ, что англійское правительство до сихъ поръ лелѣяло доктрину начинанія войны «въ защиту Турціи» и если отступилось отъ нея теперь, то только подъ давленіемъ событій. Консервативный Гарди съ энергіей заявилъ, что Турція совсѣмъ не утратила своихъ правъ, какъ старается увѣрить оппозиція, что Турція нарушилась даже исполнительницей трактатовъ 1856 и 1871 гг., потому что уже въ 1872 г. она обѣщала обнародовать своимъ подданнымъ фирманы, гарантирующіе имъ свободу (?). Затѣмъ, продолжаетъ Гарди, Англія не могла дать своего согласія на оккупацію, напримѣръ, Болгаріи, потому что *оккупація*—это—*начало конца*, какъ въ этомъ убѣжденъ былъ еще въ 1861 г. лордъ Россель. Далѣе Гладстонъ весьма вѣско, рядомъ доводовъ, подтвердилъ, что движеніе въ пользу славянъ въ Британіи было глубоко-національнымъ, не только по формѣ, но и по сущности. При этомъ оппозиція выразила громкое одобреніе Гладстону.

Что касается Палаты Лордовъ, то здѣсь недавно герцогъ Аргайль довольно рѣзко осуждалъ политику англійскаго правительства за ея робость и колебаніе. На это лордъ Дерби отвѣчалъ, что уступки и перемѣны въ англійской политикѣ обусловливаются желаніемъ предотвратить близкую войну. Онъ высказалъ наконецъ, что англійское правительство побуждало Порту, Сербію и Черногорію къ скорѣйшему заключенію мира. Маркизъ Салисбери (представитель Британіи на конференціи) выразился, что «безуміе Порты» для него непонятно. Наконецъ, лордъ Биконсфильдъ, по своему обычаю, отстаивалъ принципъ цѣлости и независимости Турціи, приправляя свою блестящую рѣчь изысканными софизмами.

До какой степени англійскіе государственные люди запутались въ софизмахъ, желая спасти и защитить излюбленную ими Турцію, видно изъ рѣчи англійскаго военнаго министра, г. Гаторна-Гарди, который, отвѣчая недавно въ палатѣ общинъ на запросъ Гладстона, заявилъ, что «принужденіе Турціи къ принятію рѣшеній державъ противорѣчило бы *первымъ началамъ права* и *основнымъ правиламъ религіи* (?!), но что съ другой стороны,

Библиотека "Руниверс"

если нужно распутать узелъ восточнаго вопроса, то не настало еще для того время, чтобы вынуть мечъ и разсѣчь его, такъ какъ Турція связана трактатами относительно Европы (которые она, прибавимъ мы, попираетъ ногами, какъ скоро дѣло коснется балканскихъ христіанъ) и Англія связана этими трактатами относительно Турціи.

Партія Виговъ, однимъ изъ лучшихъ представителей, которой является Гладстонъ, смотритъ на дѣла Востока глазами здраваго смысла. Она думаетъ, что для Англіи нужно совмѣстное дѣйствіе съ Россіею для освобожденія балканскихъ христіанъ, также точно, какъ она дѣйствовала въ 20 годахъ, по иниціативѣ знаменитаго Каннинга, съ цѣлью освобожденія Греціи. Будь теперь въ Англіи министерство Виговъ, вопросъ былъ бы поставленъ весьма прямо и ясно. Но въ томъ-то и дѣло, что торіи стоятъ во главѣ Англійскаго правительства, какъ нарочно въ такое время, когда они всего менѣе нужны съ точки зрѣнія здраваго смысла и въ видахъ исправленія фальшивой и вѣроломной политики по восточному вопросу.

— Въ Германіи, при недавнемъ открытіи парламента, императоръ германскій произнесъ тронную рѣчь, въ которой высказалъ, что опасности восточнаго кризиса угрожаютъ внѣшнему положенію Германіи болѣе чѣмъ положенію другихъ государствъ и что германская политика до сихъ поръ остается вѣрною тѣмъ началамъ, которымъ она слѣдовала съ самаго возникновенія усложненій на Востокѣ.

— Въ Австро-Венгріи все еще продолжаются переговоры по поводу соглашенія съ Венгріей. Заключеніе этихъ переговоровъ теперь зависитъ отъ согласія партій на принятіе пункта, касающагося состава главнаго совѣта національнаго банка.

— Въ Испаніи, карлистамъ, скрывающимся заграницей, разрѣшено возвратиться на родину, гдѣ они не будутъ подвергнуты никакимъ преслѣдованіямъ, за исключеніемъ преслѣдованій за общія преступленія.

— Изъ Америки сообщаютъ, что засѣданія коммисіи (о которой мы не разъ упоминали), назначенной для рѣшенія вопроса о президентскихъ выборахъ, будутъ *публичны*. Сенатъ и палата представителей имѣли недавно общее засѣданіе для *счета голосовъ*, поданныхъ въ разныхъ штатахъ. Штаты Элебама, Арканзасъ, Коннектикутъ и Делаваръ доставили большинство Тильдену, а въ штатахъ Калифорніи и Колорадо большинство оказалось на сторонѣ Гейса. Относительно выборовъ въ Флоридѣ получены извѣстія почти противорѣчивыя. Съ обѣихъ сторонъ (республиканской и демократической) предъявлены протесты. Спеціальная коммисія для рѣшенія вопроса о президентскихъ выборахъ, послѣ предварительныхъ засѣданій, приступила къ своимъ занятіямъ. Предсѣдательствуетъ судья Клиффортъ. Коммисіи доставлены уже всѣ матеріалы, относящіеся до выборовъ въ Флоридѣ. Обѣ враждующія тамъ партіи представили свои доклады и будутъ имѣть своихъ представителей въ коммисіи адвокатовъ. По поводу злоупотребленій, бывшихъ при выборахъ въ Луизіанѣ, Палата Представителей выбрала такъ называемую коммисію пятнадцати для повѣрки тамъ выборовъ, и коммисія раздѣлилась въ своихъ сужденіяхъ: одни члены коммисіи говорятъ, что только демократическіе выборщики могутъ считаться выбранными законно; но меньшинство коммисіи увѣряетъ, что выбранными должны считаться только республиканскіе выборщики. Это меньшинство обвиняетъ демократовъ въ насиліяхъ и подкупахъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, собраніе демократическихъ сенаторовъ и депутатовъ постановило признать рѣшеніе коммисіи 15-ти недѣйствительнымъ. Далѣе, рѣшено было продолжать счетъ голосовъ, и исполнить постановленія коммисіи сообразно съ постановленіями избирательнаго закона и былъ предъявленъ протестъ противъ нарушенія законовъ большинствомъ коммисіи 15-ти для обсужденія выборовъ въ Луизіанѣ и Флоридѣ. Вотъ пока на чемъ стоитъ дѣло въ заатлантической республикѣ. Что будетъ дальше—увидимъ.

Донъ Карлосъ Испанскій, герцогъ Мадритскій.

ОПЕЧАТКА. Въ № 4 „Нивы" на стр. 52, внизу первой колонки, по недосмотру выпущена выноска, слѣдовавшая къ заглавію идилліи, Избытокъ жизни, а именно: „Изъ Л. Тива".

СОДЕРЖАНІЕ: **Статуя Баварія и Пантеонъ въ Мюнхенѣ** (съ 2-мя рисунками).— **Во тьмѣ.** (Современная петербургская быль).— **Tête-à-tête** (стихотворенія) **З—ова.**— **Рудольфъ австро-венгерскій наслѣдный принцъ** (съ портретомъ).— **Петровскія войны:** II. Полтавская битва 27 іюня 1709 г. **И. Звѣрева** (съ рис.).— **Отъ него** (стихотвор. съ рис.) **Щ.** — **Близь Кишинева** (съ 5-ю рисунками). **Н Каразина.** — **Косуля** (съ рисункомъ). — **Смѣсь.** — **Библіографія.** — **Донъ Карлосъ Испанскій, герцогъ Мадритскій** (съ портретомъ).—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ ПЕРВЫЯ 6 ТЕТРАДЕЙ „РАЦІОНАЛЬНОЙ МЕТОДЫ ФОРТЕПІАННОЙ ИГРЫ" СОЧИНЕНІЕ ЮСИФА РИБА СЪ СОДѢЙСТВІЕМЪ АДОЛЬФА ГЕНЗЕЛЬТЪ.

Цѣна каждой тетради 1 руб. съ пересылкою по всѣ города.

Продается въ музыкальномъ магазинѣ «Фр. Паздирекъ» Москва, Большая Лубянка, домъ Мазуриной.

Эта метода принята во всѣхъ казенныхъ институтахъ Россіи, а также во многихъ заграничныхъ. Это единственная, по которой самымъ практичнымъ и понятнымъ способомъ можно достичь совершенства въ игрѣ. Метода пригодна какъ для начинающихъ дѣтей и взрослыхъ, такъ и для играющихъ, желающихъ быстро подвигаться, особенно для тѣхъ, которые желаютъ сами давать уроки. 1—1

ПАТЕНТОВАННЫЙ АНГЛІЙСКІЙ НЕПРОМОКАЕМЫЙ АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ фабрики М. Тлръ и К°. въ Бельфастѣ, получилъ наградную медаль на Всемірной Выставкѣ въ Филадельфіи. Продается въ конторахъ **Л. З. Кубаричъ**, въ СПб по Галерной № 33; въ Москвѣ по Мясницкой, въ домѣ церкви Св. Николая. Рекомендуется г-дамъ **домовладѣльцамъ, фабрикантамъ, сельскимъ хозяевамъ** и пр. Кусокъ 36½ кв. арш., вѣсомъ 1 пудъ 32 ф. стоитъ въ СПб. 5 р. 45 к., въ Москвѣ 6 р. 20 к. Перевозъ по желѣзнымъ дорогамъ обойдется отъ 1/20 до 1/18 к. съ пуда и версты. Образцы и подробное описаніе высылаются безплатно по первому требованію. 1 1

НОВЫЯ КНИГИ.

Сила характера, романъ въ 3-хъ час. Смирновой, цѣна 2 руб. 50 коп.

Рукопись Мадмуазель Камилль, ром. Княгини А. Кочубей, ц. 1 р. 50 к.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

Гг. иногородные благоволятъ адрессовать свои требованія на имя издателя П. В. Смирнова, Невскій, д. № 100, кв. № 25. 1—1

КАЛЕНДАРИ НА 1877 ГОДЪ, ИЗД. А. ГАТЦУКА:

КРЕСТНЫЙ (цѣна 15 к.) и **КРЕСТОВЫЙ** (цѣна 10 к.), печатаемые въ 410,000 экз., получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

На пересылку по почтѣ прибавляется, по расчету за 1 фунтъ на 5 экземпляровъ. Для книгопродавцевъ скидка обычная; на 100 экземпляровъ 15%, 1,000 и болѣе экземпляровъ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатская улица, домъ общества русскихъ врачей. —1

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписч. нашихъ, при перем. адр. высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . 60 коп.
2) „ „ Иногороднаго на С.-Петербургскій . . 50 „
3) „ „ Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 18 Февраля 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Большая Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 9 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 28 Февраля 1877 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

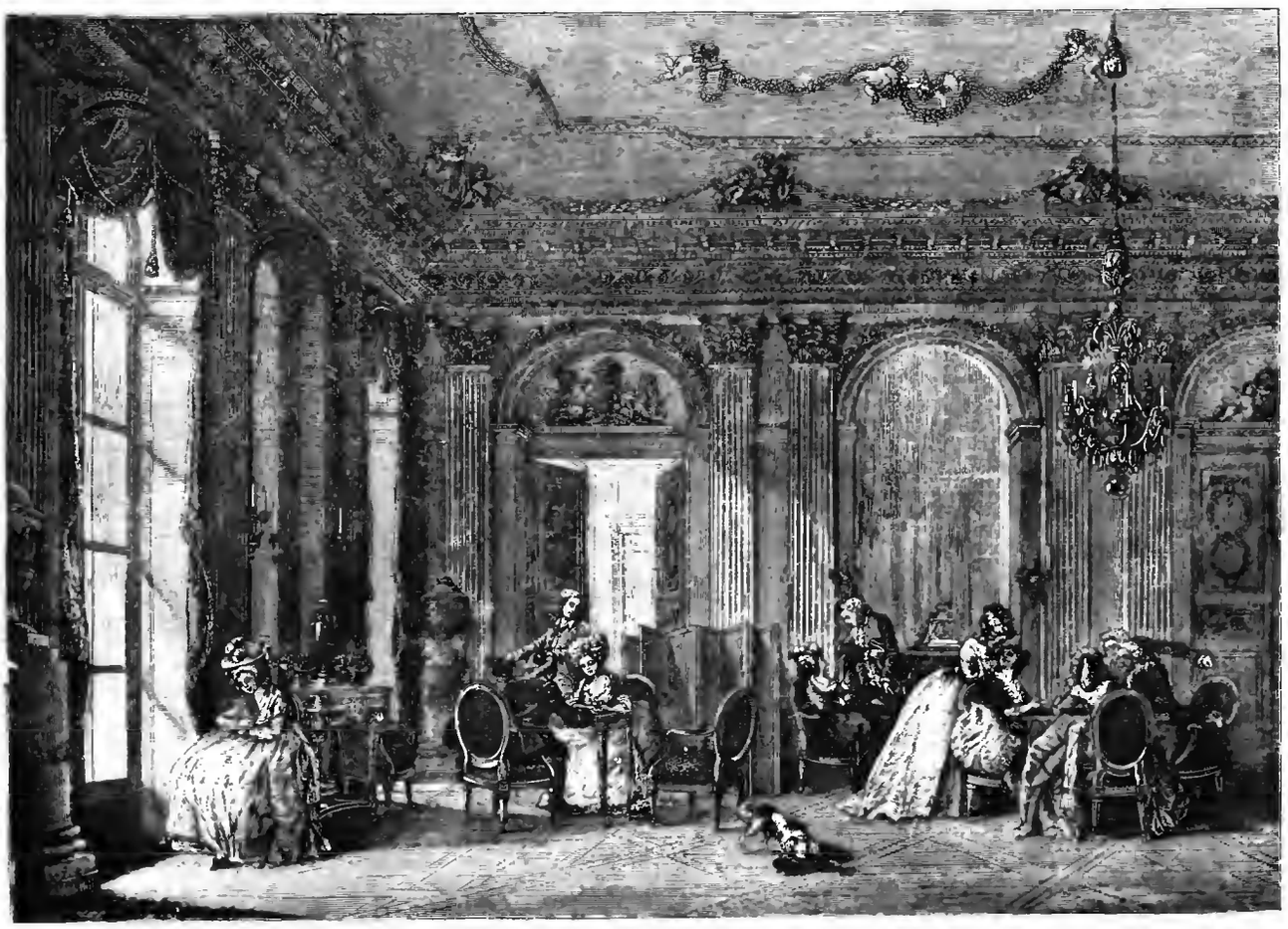
I. Безъ доставки въ С. Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы“.



Салонъ временъ Людовика XVI. Рис. Лауренцъ, грав. Бю.

Библиотека "Руниверс"

Салонъ временъ Людовика XVI.

(По поводу рисунка).

Извѣстно, что существенныя черты изнѣженности и нравственной распущенности вездѣ однѣ и тѣ же: безумное мотовство, безсердечіе относительно бѣдныхъ, дерзость и безстыдство относительно священнѣйшихъ достояній разума и вѣры: напримѣръ, вѣры въ безсмертіе и будущую жизнь. Кто не вѣритъ этимъ двумъ основнымъ пунктамъ, обусловливающимъ самую возможность нашей нравственности, тому, разумѣется, нечего заботиться ни о преемственности ролей народовъ, ни о преемственности идей въ исторіи, ни о судѣ, произносимомъ исторіей, ни о потомствѣ... ни тѣмъ болѣе о нравственной вмѣняемости каждому его поступковъ, какъ продуктовъ свободной воли.

Но къ счастью, подобныя явленія называются въ исторіи только переходными, временами моральнаго и интеллектуальнаго кризиса. Духовная природа человѣка, вѣра въ идеалы, въ улучшеніе, всегда возьмутъ свое. Такъ было и во Франціи послѣ XVIII вѣка, въ періодъ реставраціи. Какъ бы ни порицали реставрацію за ея политическое ретроградство—у нея есть уже та неотъемлемая заслуга, что она гордо и съ энергіей указала подавленнымъ скептицизмомъ и сенсуализмомъ французамъ на права человѣческаго разума, на строгую преемственность и неуничтожаемость моральныхъ фактовъ въ общечеловѣческой цивилизаціи, слѣдовательно и на неизбѣжность вѣры въ результаты этой цивилизаціи, въ необходимость идеаловъ. Мы знаемъ, съ какимъ высокимъ талантомъ и энергіей работали въ этомъ направленіи Ройэ-Колларъ, Гизо, Токвиль и вся, громадная по вліянію на воспитаніе новыхъ поколѣній французовъ, такъ называемая доктринерная школа. Въ „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ", Гизо проникнутъ глубокой вѣрой въ совершенствованіе человѣка и моральное, и матеріальное, что представляется лучшимъ противоядіемъ сенсуализму и скептицизму. Рядомъ твердо построенныхъ посылокъ, Гизо доводитъ своего читателя до убѣжденія, что въ цивилизаціи (въ моральномъ мірѣ) ничто не уничтожается, какъ и въ матеріальномъ. Отъ этого твореніе Гизо (Исторія цивилизаціи) представляетъ эпоху въ направленіи французскихъ умовъ. Затѣмъ труды Ройэ-Коллара прекрасно завершаютъ построенное Гизо зданіе.

Салонъ, изображенный на картинѣ Лаурена, названъ салономъ временъ Людовика XVI, этого короля-мученика во время разразившейся революціи. Салоновъ въ Парижѣ было въ то время множество, и королевскій салонъ служилъ какъ-бы прототипомъ, образцомъ другихъ салоновъ. И далеко нельзя сказать, чтобы французскіе (собственно парижскіе) салоны были исключительнымъ достояніемъ только XVIII вѣка. Нѣтъ, они существовали въ Парижѣ еще въ XVII вѣкѣ, получивъ начало со временъ Франциска I, когда роскошь водворилась во Франціи и французская столица начала дѣлаться законодательницею изящнаго вкуса. Не подозрѣвали французы, что ихъ салоны—горькая насмѣшка надъ полными дѣйствительнаго изящества и поэзіи собраніями юношей у древне-греческихъ гетеръ. Греческая гетера Аспазія воспитала Перикла, одного изъ величайшихъ мужей древней Греціи, а французская Аспазія Нинонъ Ланкло только оскандализировала поклонявшееся ей юношество. Обѣды у нея, народіи на греческія симпосіи, сопровождались пьянствомъ, хохотомъ и плоскими шутками. Однажды, когда Ланкло находилась уже въ опалѣ отъ французскихъ властей и подвергалась уже опасности быть высланною изъ Парижа, она по обыкновенію обѣдала въ своемъ салонѣ въ кругу шумной и пьяной молодежи. Въ это время одинъ изъ гостей со всего размаха бросилъ за окно обглоданную кость, которая какъ разъ ударила по носу проходившаго въ то время мимо оконъ парижской гетеры благочестиваго монаха изъ монастыря св. Сульпиція—на бѣду, въ это время былъ постъ. Скандалъ вышелъ огромный. Монахъ не преминулъ громко возопить о развращеніи парижскаго юношества безбожною гетерою, объ опасности, въ какой находится св. церковь такъ, что въ концѣ концовъ Нинонъ должна была раскошелиться и заплатить монахамъ св. Сульпиція огромную сумму денегъ, чѣмъ и заставила замолкнуть ревнующіе о благочестіи голоса. Этотъ же скандалъ заставилъ Нинонъ переселиться изъ блестящаго квартала Марэ въ Сентъ-Жерменское предмѣстье.

Нинонъ Ланкло умерла, но традиціи ея „куртизанства" остались для восхищеннаго ею Парижа. По ея образцу и типу образовались и другія куртизанки и merveilleuses салоновъ: Дюбарри *), Помпадуръ, но уже съ тою большою разницею, что эти послѣднія были далеко высшаго полета, ибо были мэтрессами королей и принцевъ, съ обыкновеннымъ въ этихъ случаяхъ титуломъ „Maitresse en titre". Такъ у Людовика XV была мэтресса Жанна Пуассонъ, на содержаніе которой расходъ за нѣсколько лѣтъ простирался до 36,924.140 ливровъ! Затѣмъ, послѣ нея, мѣсто королевской любовницы заняла Дюбарри.

При Людовикѣ XIV, въ эту эффектную для Парижа эпоху, благопріятствовавшую процвѣтанію разныхъ гетеръ и фаворитокъ, салонная жизнь все болѣе и болѣе развивалась въ Парижѣ. Дворъ короля въ этомъ случаѣ служилъ изящнымъ образцомъ салона, которому съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подражали всѣ. Мотовство прогрессивно увеличивалось вмѣстѣ съ развитіемъ салонной жизни; путемъ салоновъ красивыя женщины довольно темнаго происхожденія отыскивали себѣ знатныхъ и богатыхъ обожателей, съ ревностью, достойною лучшаго дѣла, выпрашивали для этихъ женщинъ титла маркизъ и герцогинь. Куртизанка, сначала нищая, потомъ быстро поднявшаяся на вершину блеска и счастія. Дюбарри—это прямое порожденіе салонной жизни Парижа.

Но были и другого рода салоны въ Парижѣ, составлявшіе исключеніе, гдѣ собирались тогдашнія звѣзды первой величины: Вольтеръ, Фонтенель (авторъ книги „о множествѣ міровъ"), Рамлай, Шальо, энциклопедисты и проч. Подобные знаменитые салоны для этихъ „звѣздъ" были: салонъ Hôtels de Sully, салоны знаменитыхъ высоко-образованныхъ дамъ: герцогини du Maine à Sceaux и маркизы де-Ламбертъ, гдѣ любилъ проводить время Вольтеръ, этотъ юпитеръ, метавшій стрѣлы своихъ сарказмовъ подъ элегантною формой.

Какое же отношеніе имѣютъ парижскіе салоны къ вспыхнувшей во Франціи въ концѣ XVIII вѣка революціи и гибели короля и его семейства?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣлаемъ бѣглый очеркъ положенія дѣлъ во Франціи при вступленіи на престолъ Людовика XVI, этого страдальца за грѣхи предшественниковъ своихъ.

Та же роскошь, распущенность, легкомысліе, безконтрольность расходовъ, какія отличали дворы Людовика XIV, Герцога Орлеанскаго и Людовика XV, продолжали господствовать и при вступленіи на престолъ Людовика XVI. Неодаренный особою волей и рѣшительностью, Людовикъ не могъ измѣнить положеніе вещей. У молодого короля не было недостатка ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, ни въ добрыхъ совѣтникахъ, но все это парализовалось общимъ духомъ времени и вліяніемъ предшествовавшихъ царствованій. Бракъ короля съ австрійскою принцессой, Маріей Антуанеттой, нужно назвать весьма неудачнымъ въ этомъ смыслѣ, потому что Антуанетта была отъ природы склонна къ роскоши и неумѣренной расточительности, поступала крайне необдуманно, легкомысленно. Лишь только вступивъ на престолъ, Людовикъ XVI избралъ въ министры извѣстнаго Марена, этого послѣдняго изъ магиканъ эпохи Людовика XIV, человѣка весьма даровитаго, но легкомысленнаго какъ самъ вѣкъ, котораго онъ былъ истымъ сыномъ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, легкомысліе этого времени выражалось въ слѣдующемъ поступкѣ: вообразите, государственный человѣкъ пишетъ ѣдкую эпиграмму на m-me Помпадуръ, эту изъ простыхъ грізетокъ наскоро испеченную маркизу. Послѣдняя приходитъ въ бѣшенство и требуетъ изгнанія министра. Его дѣйствительно сослали. Но Людовикъ XVI возвратилъ его изъ ссылки. Вотъ этотъ-то министръ-эпиграммистъ и сдѣлался руководителемъ Людовика XVI. Но вмѣстѣ съ Марена засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ знаменитый Тюрго. Онъ предложилъ свои преобразовательные либеральные планы, которые не совсѣмъ согласовались съ планами Марена *), особенно въ дѣлѣ возстановленія стараго парламента, но которые громко привѣтствовали тогдашніе французскіе философы. Даровитыя дамы m-me Гельвеціусъ, m-me Жоффренъ, m-lle Эспинасъ, принцесса Бово и герцогиня д'Анвильская громко превозносили Тюрго въ парижскихъ салонахъ. Въ то же время благородный и добросовѣстный Малербъ, другъ Тюрго, сдѣланъ министромъ. Много начато было въ это время хорошаго отмѣнена отяготительная барщина, непомѣрныя подати съ бѣдныхъ и уже истощенныхъ классовъ населенія, отмѣнено крѣпостное право въ нѣкоторыхъ областяхъ Юры, отмѣнена пытка и т. д. Но возстановленный Марена старый парламентъ возсталъ противъ всѣхъ этихъ нововведеній. Затѣмъ воспитанные въ роскоши привиллегированные классы громко заявили свое неудовольствіе и объявили, что государство погибнетъ въ случаѣ осуществленія плановъ Тюрго и Малерба... Король, робкій отъ природы, совершенно растерялся. А тутъ еще, какъ злой геній, присоединилась жаждущая роскоши Марія-Антуанетта и совѣтовала мужу не дѣлать никакой уступки планамъ Тюрго. Послѣдній смѣло выставилъ на видъ, что собственно корона должна заплатить странѣ 102-милліонный долгъ, происшедшій отъ спеціальныхъ ассигнованій на содержаніе королевскаго двора. Король ужаснулся и выразилъ недовѣріе къ Тюрго, приписавъ выставленную сумму долга „философской" выдумкѣ министра. Тюрго, а за нимъ и Малербъ, должны были выйдти въ отставку. Привиллегированная партія побѣдила. Но въ это же время

*) Дюбарри, такъ сказать, съ улицы взялъ графъ Жанъ Дю-Барри.

*) Марена былъ тайный врагъ Тюрго.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ рельефнѣе выдвинулось на сцену такъ-называемое *третье* сословіе (tiers état), оно громко заявило свое страстное желаніе матеріальнаго общественнаго улучшенія. Никто, однакожь, не желалъ радикальнаго переворота, какой потомъ совершился съ такою грозною силой. Самыя смѣлыя революціонныя желанія стояли въ границахъ только „моральнаго" переворота. Но вспыхнувшая въ это время въ Америкѣ война за независимость доставила массу горючаго матеріала въ едва тлѣющій огонь.

Людовикъ XVI, по совѣту Марсна, заключилъ союзъ съ Соединенными Штатами и этимъ только ускорилъ трагическую судьбу своего государства, потому что издержки на вспоможеніе американцамъ простирались до *колоссальной цифры 1.400 милліон ъ ливровъ*. Франція пришла этимъ къ страшному, неисправимому дефициту, который не былъ бы въ состояніи излѣчить никакой Тюрго. И затѣмъ, французскіе офицеры, помогавшіе американцамъ, проникались демократическими идеями и жаждой свободы и общественныхъ улучшеній — и вотъ это-то грозное настроеніе народа и черни повлекло за собою созваніе представителей трехъ сословій Франціи. Мы знаемъ изъ исторіи, какой былъ результатъ этого собранія. Оно положило начало тому грозному радикальному перевороту, который въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи повелъ къ страшнымъ явленіямъ коммунизма, конвента и террора... Да, вскорѣ по возвращеніи изъ Америки французскихъ волонтеровъ и вскорѣ послѣ генеральнаго собранія всѣхъ сословій—такіе изящные салоны, какой читатель видитъ на помѣщенномъ въ этомъ номерѣ рисункѣ, огласили вступленные, яростные крики черни, требовавшей своей жертвы. Громовой ударъ раздался прямо надъ великолѣпнымъ чертогомъ.

При всей доброй волѣ, у короля не было никакихъ средствъ предотвратить этотъ ударъ....

Во тьмѣ.

(Современная петербургская быль).

(Окончаніе).

Какимъ-то тяжелымъ сномъ, смутно мелькающимъ въ туманѣ, припоминается мнѣ эта ночь. Помню подъ утро я уснулъ на диванѣ въ гостиной измученный, усталый, а ужь раннее солнце глядѣло черезъ неспущенныя шторы, играя золотыми столбами пыли. Ночная прохлада смѣнилась душнымъ днемъ. Былъ уже полдень, а въ квартирѣ Аргѣевыхъ все было не прибрано, все въ томъ же безпорядкѣ. На этажеркѣ въ гостиной среди дорогихъ бездѣлушекъ закапанный мѣдный подсвѣчникъ, на роялѣ мокрое полотенце. Прислуга ходила на цыпочкахъ, какъ-то испуганно переглядываясь. Слезъ и рыданій не было слышно: — все притихло подъ вліяніемъ страшнаго удара.

Проснувшись, я вошелъ къ Володѣ. Въ углу возился со льдомъ фельдшеръ, присланный однимъ изъ докторовъ. Я освѣдомился у него о больномъ.

— Довольно крѣпки,—отвѣтилъ онъ,—и разговариваютъ свободно. Теперь у нихъ бредъ, забываются поминутно,

Я подошелъ къ нему. Глаза его были открыты, но не видѣли передъ собой. Это былъ взглядъ съ параллельными осями, ни на что не смотрѣвшій, устремленный въ пространство. Точно онъ смотрѣлъ далеко куда-то. Порою рѣсницы слегка вздрагивали, глазъ щурился, какъ подъ вліяніемъ какого-то свѣта, все лицо выражало умственное напряженіе, точно задачу какую онъ разрѣшить усиливался. Казалось, что передо мною лежалъ совсѣмъ не Володя, а какой-то другой человѣкъ, —какое-то загадочное существо не отъ міра сего. Грудь его высоко порывисто вздымалась и глубоко падала опять. Порою безсвязныя отрывочныя фразы вылетали изъ его раскрытыхъ губъ... Тотъ-ли это Володя, котораго я зналъ? сомнѣвался я. Нѣтъ, это что-то новое, странное.

Прямо противъ него стоялъ передвинутый отъ окна столъ. Бросивъ на него взглядъ, я слегка вздрогнулъ: изъ довольно большой орѣховой рамы, прямо на лицо Володи, смотрѣлъ кабинетный портретъ Миклашевской, счастливой, улыбающейся, здоровой. Онъ выпросилъ его у нея весной по праву родственныхъ отношеній, а вотъ теперь... Судьба и тутъ подсмѣивалась надъ нимъ .. Я глянулъ по направленію взгляда Володи, онъ смотрѣлъ выше портрета въ стѣну.

Я взялъ портретъ съ собой и прошелъ въ кабинетъ Николая Ѳедоровича. Онъ мрачно сидѣлъ на натэ, машинально покуривая сигару, не слушая того, что разсказывалъ Гальнбекъ, сидѣвшій подлѣ. Вчера, въ моментъ выстрѣла, Гальнбекъ былъ сильно перепуганъ, но потомъ, оправившись отъ страха, былъ почти доволенъ случившимся. Какая богатая тема для разсказовъ на все лѣто, какой прекрасный случай выставить себя героемъ съ желѣзными нервами, и вмѣстѣ съ тѣмъ милосердной сидѣлкой! Онъ ужь успѣлъ домой съѣздить, выспаться, къ завтраку пріѣхать къ Аргѣевымъ, заѣхать по дорогѣ въ два-три знакомыхъ дома, разсказать о случившемся, и даже составить въ головѣ планъ статейки подъ заглавіемъ „Еще жертва экзамена".—Я просто не могъ смотрѣть на этого человѣка, такъ онъ былъ мнѣ отвратителенъ.

Къ двумъ часамъ дня Володя пришелъ въ себя.

— Зовутъ къ себѣ кого нибудь,—сказалъ фельдшеръ, осторожно входя въ кабинетъ Николая Ѳедоровича.

— Я пойду! внезапно вызвался Гальнбекъ и прежде чѣмъ я успѣлъ его остановить, юркнулъ за портьеру.

Я вслѣдъ за нимъ вошелъ къ Володѣ.

— Голубчикъ, ну что? сладко спросилъ его Гальнбекъ.

Володя заворочалъ головой.—Нѣтъ не тебя,—сказалъ онъ,—я тебя терпѣть не могу... Уйди, пожалуйста.

— Отойдите, Яковъ Ивановичъ,—сказалъ я сконфуженному Гальнбеку.—Тебѣ не нужно-ли чего?

— Посиди здѣсь, поговори.

— Да тебѣ вредно, доктора не велятъ.

— Вредно? Чтожь пусть—ужь не выздоровѣю.

— Зачѣмъ отчаяваться,—доктора обнадеживаютъ.

— Да ты думаешь я комедію играю... нарочно все это для вашего удовольствія...

Меня удивляла сила и крѣпость его голоса. Никакой болѣзненности въ немъ не слышалось. Рѣчь его была торопливѣе, безпокойнѣе чѣмъ обыкновено, но стоя въ другой комнатѣ никакъ нельзя было предположить, что это говоритъ умирающій.

— Вотъ что,—началъ онъ помолчавъ,—я хотѣлъ тебя просить: возьми вотъ тотъ жакетъ съ кресла. Гальнбекъ ушелъ?

— Ушелъ.

— Вынь записную книжку изъ кармана. Тамъ въ началѣ списокъ по алфавиту адресовъ... Нашелъ?.. Буква *М*... Я понялъ въ чемъ дѣло и прочелъ петергофскій адресъ Миклашевскихъ. Это?

— Да... Выпиши его, и, пожалуйста, на первомъ же поѣздѣ... Скажи ей сейчасъ-же... Попроси хоть на минутку.

— Тебѣ, Владиміръ, волненія—ядъ, хуже всего.

Онъ нетерпѣливо сталъ перебирать ногами, очевидно мучимый жгучею болью.

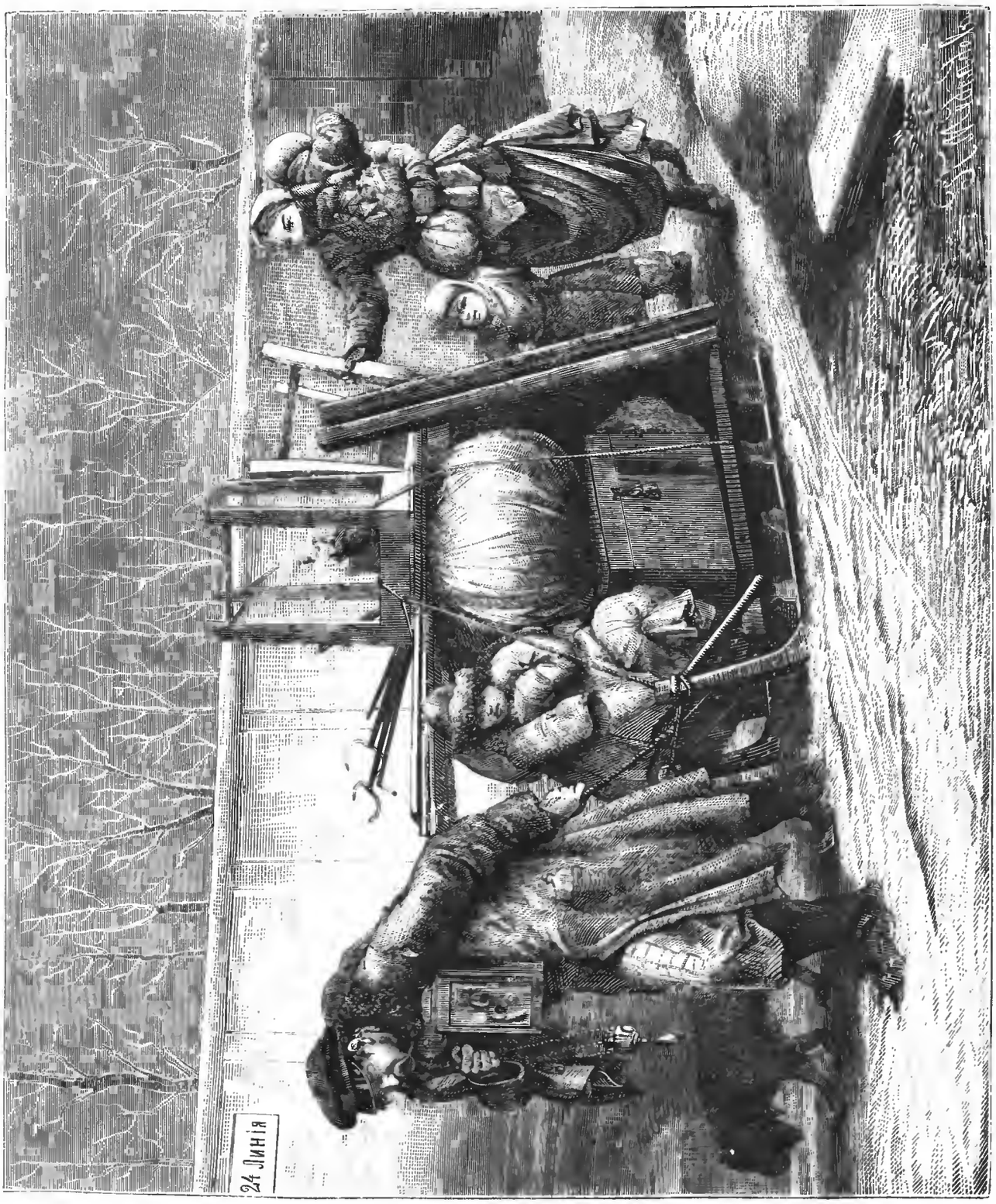
— Ахъ, скорѣй, ради Бога,—ну что-жь, что волненія—ядъ... Тебѣ это ничего не стоитъ—съѣзди.

— Изволь, сейчасъ поѣду.

— Очень благодаренъ буду... Хоть въ послѣднія минуты я... Слушайте! обратился онъ къ фельдшеру, льду дайте, растаялъ.

Фельдшеръ набилъ новымъ льдомъ мѣшочекъ, выливъ изъ него предварительно растаявшую воду. Владиміръ самъ помогъ приложить его къ ранѣ, порывисто перебирая поблѣднѣвшими пальцами.—Вотъ изволь-

Библиотека "Руниверс"



Изъ угла въ уголъ. Рисунокъ Медвѣдева, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Охота на медвѣдя. Рис. Н. Каразина, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

те за одно и вина принять,—сказалъ фельдшеръ, поднося къ его рту ложку шампанскаго. Онъ выпилъ его судорожнымъ глоткомъ.

— Я тебѣ еще что-то хотѣлъ сказать, припоминалъ онъ, что-то важное, да забылъ... Очень важное... Что я хотѣлъ такое?..

Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ тихо прибавилъ.

— Вѣдь я въ Гороховой переодѣнусь

Бредъ начинался

VIII.

Свѣжій воздухъ рвался въ окошко вагона и билъ живыми порывами въ мое измятое, пожелтѣвшее за одиѣ сутки лицо. Я радъ былъ хотя на время вырваться изъ душнаго, пыльнаго города, отрезвиться отъ опьяненія, въ которомъ я находился нѣсколько послѣднихъ часовъ. У меня голова кружилась, земля уходила изъ-подъ ногъ, мнѣ нужна была другая атмосфера, другія впечатлѣнія. Я смотрѣлъ на безконечную ленту лѣсовъ, селъ и полей, стрѣлою летѣвшихъ на встрѣчу. Все зеленѣло свѣжей, молодой весенней листвой, птицы стаями неслись надъ лугами, жемчужныя тучи купами бѣлѣли на синемъ небѣ, бѣлыя капустницы, неловко плюхая крылышками, порхали близь самыхъ вагоновъ. Все цвѣло, зеленѣло, дышало полною жизнью,—какъ всегда, какъ прошлый годъ, сто, двѣсти, тысячу лѣтъ назадъ, — вѣковѣчное неизмѣнное semper idem природы!...

Наступалъ уже вечеръ, когда я, наскоро пообѣдавъ въ вокзалѣ, спускался съ дебаркадера съ цѣлью розыскать дачу Миклашевскихъ. Въ паркѣ было хорошо, прохладно, гуляющихъ мало: только няньки съ дѣтьми въ колясочкахъ, да дѣти подросточки съ серсо и веревочкой. Подходя къ ихъ дачѣ, я чувствовалъ, что отъ прежней моей „любви" къ Миклашевской, впрочемъ еле-еле тлѣвшейся когда-то, не осталось и искры. Напротивъ того, она мнѣ была теперь просто антипатична, я готовъ былъ излить на нее все то, что накипѣло у меня вслѣдствіе этого выстрѣла. Теперь я шелъ къ нимъ безъ приглашенія прямо и смѣло, желая только одного—переговорить съ Юліей Александровной не при теткѣ.

Я вошелъ въ миніатюрный садикъ, охватывавшій со всѣхъ сторонъ маленькую дачу, фантастическаго русско-китайскаго стиля. Въ концѣ дорожки, обрамленной по бокамъ клумбами, мелькало свѣтленькое платье, до половины скрытое кустами акаціи.

„Она и есть",—подумалъ я,—„кажется одна".

Юлія Александровна слегка прищурилась мнѣ на встрѣчу—точно не узнавала меня и дала подойти почти вплоть.

— А—а, наконецъ-то! весело воскликнула она. Съ повинной головой! Вы какъ смѣли здѣсь не быть третьяго дня? Просить прощенья пріѣхали?

Я весьма недружелюбно пожалъ ей руку.

— Нѣтъ, не прощенья просить, а по одному чрезвычайно непріятному дѣлу.

Улыбка пропала съ ея лица при видѣ моей разстроенной физіономіи.

Я остановился на мгновеніе, стараясь удобнѣе сложить фразу.—Владиміръ Григорьевичъ вчера ранилъ себя въ грудь... и довольно опасно...

Она приподнялась со скамьи, внезапно поблѣднѣвъ.

— Въ грудь? Опасно?

— Да...

Она опять опустилась на мѣсто; глаза широко, испуганно смотрѣли.

— Но отчего же, что за причина?

— Про то онъ знаетъ.

— Онъ живъ?

— Живъ, и проситъ васъ пріѣхать къ нему,—онъ умираетъ...

— Да развѣ нѣтъ надежды?

— Вѣрнѣе, что нѣтъ.

— Когда-жь это онъ,—вчера, сегодня?

Я передалъ ей нѣкоторыя подробности.

— Это ужасно, ужасно,—задыхаясь говорила она,—какъ тетѣ теперь сказать: она такъ любила Володю.

— Нельзя было и не любить,—возразилъ я,—въ немъ столько было открытаго, честнаго, милаго. Правда, были личности, которымъ онъ не казался такимъ,—можетъ быть они были и причиною выстрѣла.

— Послушайте, вѣдь не экзаменъ былъ причиной?

— Причина кроется въ томъ, *почему* онъ не выдержалъ экзамена.

— А почему?

Я пожалъ плечами и не отвѣтилъ.

— Онъ накануне былъ здѣсь; былъ веселъ, очень веселъ. Потомъ вдругъ, не сказавъ никому ни слова, уѣхалъ... Неужели мои именины помѣшали ему заниматься?..

— Почемъ знать, можетъ быть; вѣдь вы ему велѣли быть въ этотъ день *непремѣнно*, онъ ослушаться не могъ.

— Такъ стало быть отчасти и я причиной?

— Извѣстный процентъ—да.

Она крѣпко провела рукой по лбу.—Хорошо, я завтра непремѣнно буду. Сегодня ужь поздно, намъ остановится даже негдѣ; а завтра утромъ непремѣнно. Скажите,—быстро прибавила она,—вы вѣрно все знаете, обо мнѣ ничего онъ вамъ не говорилъ?..

— Ничего,—отвѣтилъ я, прямо глядя на нее.

— У насъ третьяго дня былъ съ нимъ за чаемъ разговоръ,—сказала она.—мнѣ показалось, что онъ...

Она какъ будто нѣсколько смутилась, и не докончила фразы...

„Что-то еще было, о чемъ онъ не сказалъ мнѣ", подумалъ я.

— Можетъ быть я ему отвѣтила слишкомъ рѣзко,—сказала она,—но кто-же могъ предполагать... Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ его жалко, жалко...

— Да, теперь, когда онъ умираетъ, — рѣзко проговорилъ я,—при жизни вы его не жалѣли! Два дня тому назадъ онъ для васъ былъ мальчикъ, тюфякъ, Гамлетъ,—а теперь вы ему соболѣзнуете, да „жалкія" слова расточаете. Опоздали вы немножко, Юлія Александровна...

— Да, еслибъ я только знала,—начала она, и вдругъ слезы такъ градомъ и хлынули изъ ея глазъ. Она плакала непритворно.....

IX.

Только съ позднимъ поѣздомъ я пріѣхалъ къ Аргѣевымъ.

Въ дверяхъ я встрѣтился съ какимъ-то тощимъ, длиннымъ господиномъ въ форменномъ пальто: это былъ новый докторъ—знаменитость по оперативной части, прискакавшій къ больному изъ окрестностей столицы по усиленной просьбѣ Николая Ѳедоровича. Онъ сказалъ всѣмъ, что рана—пустякъ и черезъ двѣ недѣли больной плясать будетъ. Меня такъ поразилъ этотъ приговоръ, что, признаюсь, я ему даже повѣрилъ въ первую минуту. Мнѣ сказали, что Володя спрашивалъ меня нѣсколько разъ въ мое отсутствіе. Я отправился къ нему.

— Ну что—былъ? спросилъ онъ.

— Завтра утромъ опѣ будутъ.

— Завтра? Не доживу пожалуй... Вотъ что, возьми на чернильницѣ лежитъ ключъ отъ стола. И если умру, перебери тамъ все сейчасъ-же... Ну что она?

— Плачетъ.

— Плачетъ? Не говоритъ, что я подъ кустикомъ лекціи читаю?

— Жалѣетъ тебя.

Библиотека "Руниверс"

— Я вотъ тоже... жалѣю.

— Кого?

Онъ подумалъ. —Доктора этого, что перевязку сейчасъ положилъ. Мнѣ безъ перевязки легче было... А вѣдь какъ больно, еслибъ ты зналъ...

— Вѣрю.

— Что дѣлать, ружье слишкомъ длинно, нельзя было разсчитать... Такъ ты ужь ключикъ-то пожалуйста... Я давеча тебѣ хотѣлъ сказать это, да вспомнить не могъ.

— Ты не сиди здѣсь, я спать хочу, — прибавилъ онъ,—ужь завтра... прощай!

Онъ началъ забываться. Мнѣ дѣйствительно пора было домой—я болѣе сутокъ тамъ не былъ. Я былъ измученъ, страшно измученъ, но почему-то долго не могъ заснуть. Лишь только я закрывалъ глаза, какъ мнѣ начинало казаться, что возлѣ меня стоитъ Аргѣевъ, блѣдный, окровавленный. Я повертывалъ голову, смотрѣлъ въ ту сторону, и опять лишь только опускался въ подушки, являлось неудержимое желаніе оглянуться,—вѣдь онъ тутъ, въ углу стоитъ. Только что мысли начинаютъ путаться, мѣшаться, только что вмѣсто Володиной комнаты замелькаютъ впечатлѣнія дороги, Петергофъ, глазки Юліи Александровны, наколка на головѣ ея тетушки, какъ вдругъ снова раздается роковой выстрѣлъ, я вздрагиваю и просыпаюсь. Наконецъ сонъ взялъ свое и я крѣпко заснулъ.

Когда на утро я пріѣхалъ къ Аргѣевымъ, Володя только что скончался. Въ комнатѣ у него никого не было, только фельдшеръ, подпявъ многознаменательно брови, что-то такое прибиралъ въ углу: у него натура такая была—все копошился. Я подошелъ къ постели. Желтоватая восковая блѣдность покрывала его лицо, На немъ выражалась боль, страданіе, умственное напряженіе. И ротъ, и глаза были плотно сомкнуты, небольшіе усики казались точно приклеенными къ тѣлу, во всемъ какая-то странная непатуральность, дѣланность...

Фельдшеръ покрылъ трупъ бѣлой простыней, покрывъ его всего съ головою, только пальцы одной ноги выставились изъ-подъ складки съ своими посинѣвшими ногтями; онъ и ихъ закрылъ.

Въ прихожей тихо брякнулъ колокольчикъ. Дверь отворилась и въ комнату вошла вчерашняя знаменитость, отирая потъ съ своей лысины.

— Кончился, отрапортовалъ фельдшеръ.

Докторъ съ небрежной улыбкой приподнялъ простыню и взглянулъ на рану.

— Ну, конечно! отвѣтилъ онъ на какой-то собственный вопросъ, — что и требовалось доказать. Значитъ бюллетень закончить надо.

Онъ пошелъ въ залу и мимоходомъ остановился передо мной.

— Вы не знаете,—спросилъ онъ,— кто эти двѣ дамы, что со мной сюда пріѣхали.

— Это Миклашевскія должно быть,—сообразилъ я.

— Младшая особа смазливенькая, хотя и страдаетъ недостаткомъ пигмента,—это не изъ-за нея ли молодой человѣкъ грудь-то себѣ продырявилъ?

Я ничего не отвѣтилъ, а онъ отправился оканчивать на своемъ смѣшанномъ діалектѣ бюллетень: дескать— 21 mai, à 10 heurs et demi—mortuus est.

Я отперъ ящикъ письменнаго стола Володи.

„Записки есть",—думалось мнѣ,—„иначе зачѣмъ бы давать было мнѣ ключь". Предчувствіе меня не обмануло: въ боковомъ ящикѣ лежало письмо въ конвертѣ, съ надписью *„передать Ю. А. Миклашевской"*. Очевидно оно было приготовлено не за нѣсколько минутъ до выстрѣла, а гораздо раньше—почеркъ ровенъ какъ всегда, старателенъ, съ завитушками Въ заклейкѣ видна не торопливость, въ адресѣ обдуманность

Передать письмо надо было сейчасъ. Въ залѣ Юліи Александровны не было. Ея тетка сидѣла съ Александрой Ѳедоровной на диванѣ и обѣ плакали. Въ гостиной я нашелъ ее вмѣстѣ съ Гальнбекомъ.

— Я очень сожалѣю,—говорилъ онъ,—что не будетъ судебно-медицинскаго вскрытія—слѣдователь находитъ это излишнимъ. Мнѣ, какъ юристу, признаюсь, было бы это чрезвычайно интересно. Да и кромѣ того можетъ быть разъяснилась бы причина самоубійства: меланхолія, или что нибудь подобное.

Юлія Александровна какъ-то странно взглянула на него и этотъ взглядъ мнѣ понравился чрезвычайно. Я переминался съ ноги на ногу и не хотѣлъ при Гальнбекѣ отдать ей письмо. Она съ женской чуткостью угадала мое положеніе.

— Яковъ Ивановичъ, нельзя-ли попросить стаканъ воды,—ласково сказала она.

Онъ бросился исполнять ея порученіе.

— Вы, кажется, что-то хотите мнѣ сказать? спросила она.

— Вотъ, Володя поручилъ мнѣ передать вамъ эту записку, сказалъ я.

— Мнѣ? испуганно-недоумѣвая спросила она и дрожащими руками сорвала конвертъ.

Письмо было написано мелкимъ сжатымъ почеркомъ —всего строкъ двадцать, не больше.

Она прочла и поблѣднѣла. Закусивъ нижнюю губу, наморщивъ лобъ, она въ раздумьѣ остановилась, комкая записку. Грудь ея порывисто волновалась...

Вошелъ Гальнбекъ и поднесъ ей стаканъ воды.

Она не взглянула на него и, поворотясь, быстро пошла черезъ залу въ ту комнату, гдѣ стояло тѣло. Ей теперь все было ясно, она все поняла,—но можетъ быть слишкомъ поздно...

...Летитъ, летитъ вереница образовъ въ томъ же пестромъ порядкѣ — отсутствіе одного и незамѣтно въ массѣ. Но нерѣдко то тамъ, то тутъ раздается выстрѣлъ — въ испугѣ отпрянутъ сосѣди, посмотрятъ на павшихъ и вскорѣ потомъ забываютъ о нихъ въ суетѣ жизни. Но что выбиваетъ изъ строя несчастныхъ? Пустота-ли жизни, отсутствіе ли идеаловъ, невѣріе-ли, могучій-ли невѣдомый законъ, управляющій всѣмъ міромъ? Откуда берется этотъ туманъ, эта тьма, оковывающая ихъ умы?.. ..

Г—ъ С—скій.

Охота на медвѣдя.

Олонецкая губернія представляетъ широкое поле для всякаго рода охоты. Огромные лѣса, непроходимыя чащи, безчисленныя болота, тянущіяся на нѣсколько десятковъ верстъ, воминутно встрѣчающіяся озера съ группами островковъ—всѣ эти мѣста, обнимающія громадную площадь Олонецкой губерніи, представляютъ рѣдкую приманку для всякаго охотника. При видѣ ихъ, охотникомъ, а въ особенности охотникомъ страстнымъ, овладѣваетъ непреодолимое влеченіе уйти, окунуться въ эти мѣста, углубиться въ чащу, по безчисленнымъ пересѣкающимся тропинкамъ, которыя манятъ его и подмываютъ заглянуть въ самое сердце лѣса, посмотрѣть на новыя нетронутыя мѣста, на дикія, но величественныя картины, полюбоваться своеобразіемъ и роскошью дѣвственнаго лѣса. А еще труднѣе охотнику удержаться отъ этого искушенія, когда онъ ѣдетъ или идетъ медленнымъ шагомъ по узкому проселку. Не успѣетъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ слышитъ, вотъ раздалось возлѣ самой дороги форканье тяжелыхъ крыльевъ тетерева, заклокотала матка, заформали потоньше на взлетѣ и молодняки, видитъ, тамъ и сямъ пересѣкаютъ дорогу зайцы; иной остановится посреди дороги, присядетъ на заднія лапки, потреплетъ себя по мордочкѣ передними, какъ бы подразнивая охотника и стремглавъ ринется въ густую лѣсную чащу; то выйдетъ изъ лѣсу

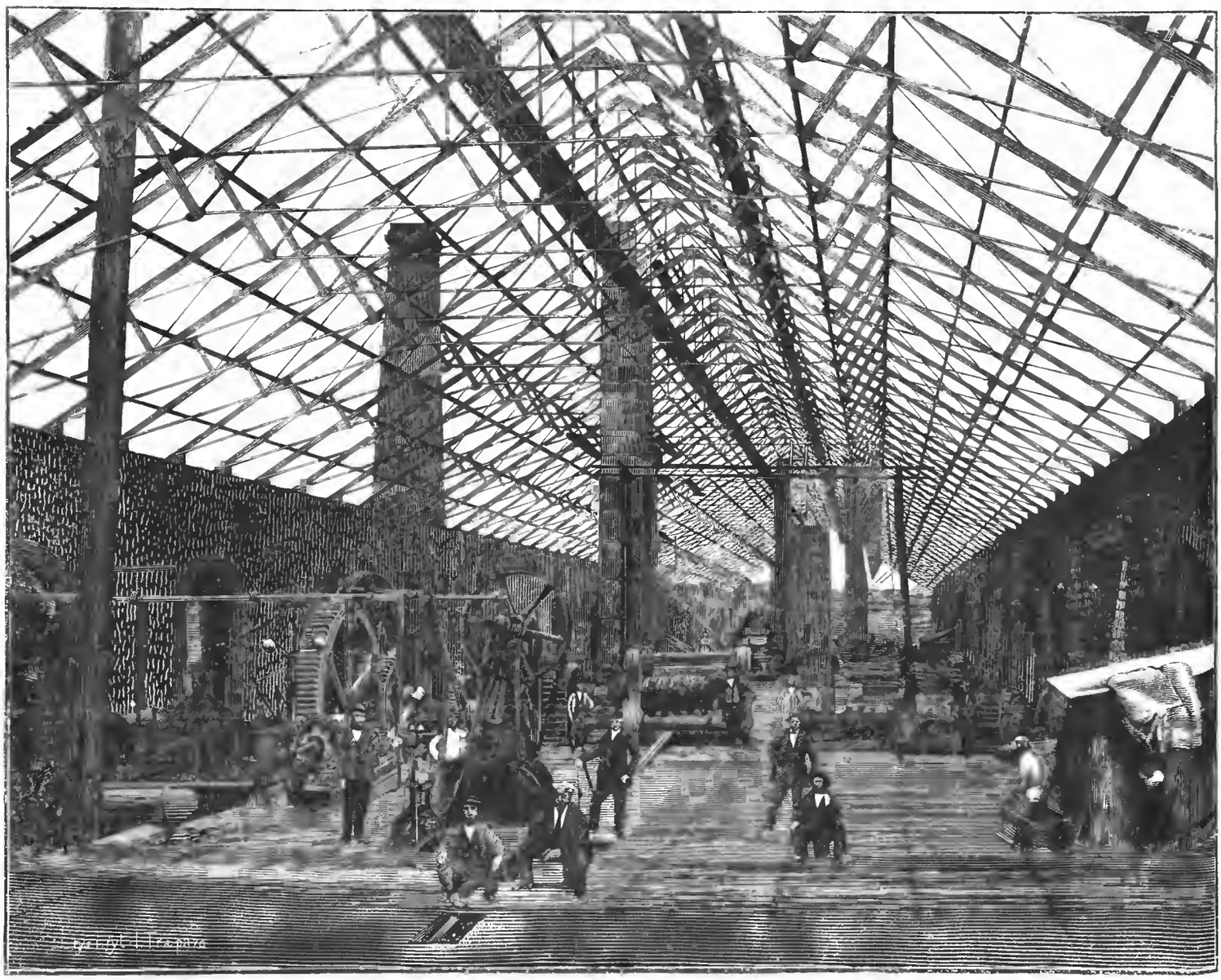
Библиотека "Руниверс"

неуклюжая россомаха и раскрывши свои „зѣнки“, дико озирается во всѣ стороны. Если тутъ, вблизѣ самой дороги, такая ножива, то что же внутри, въ глубинѣ этого лѣса? думаетъ охотникъ; и вотъ такъ и тянетъ его въ глубь, извѣдать рѣдкой охоты среди этихъ нетронутыхъ, спокойно-величавыхъ мѣстъ... Я знаю это по опыту. Каждый разъ, какъ только приходится мнѣ проѣзжать по этой губерніи, я сворачиваю съ большой Петрозаводской почтовой дороги въ сторону верстъ за тридцать въ с. Брусно.

Село Брусно находится въ полутораста верстахъ отъ губернскаго города и расположено на самомъ берегу Онежскаго озера, которое образуетъ здѣсь широкую губу, ограничивающую большой дугой берегъ, возвышающійся всего фута на два-три надъ поверхностью озера. На берегу въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ озера уныло стоятъ три большихъ почернѣвшихъ избы, двѣ изъ ромъ высятся лѣсовыя деревья нашей сѣверной природы – ель, сосна и осина; посреди острова сдѣланы большія выемки, происхожденіе которыхъ относится къ постройкѣ Исаакіевскаго собора. Около одного берега до сихъ поръ еще уцѣлѣла деревянная простая пристань, съ которой нагружались громадныя глыбы камня и отправлялись въ Петербургъ.

Вотъ къ этимъ-то мѣстамъ я и подъѣхалъ два года тому назадъ.

Чудный былъ вечеръ! Полнѣйшая тишина. Онежское озеро стояло неподвижно и расплавленнымъ стекломъ терялось гдѣ-то въ необозримой дали. Огненный солнечный шаръ медленно спускался на горизонтѣ въ глубину водъ; озаряя послѣдними лучами холодную и какъ-бы застывшую громадную площадь озера. Ни звука. Только весла мѣрно опускаясь въ воду хлопали и нарушали эту нѣмую вечернюю тишину. По мѣрѣ того, какъ я

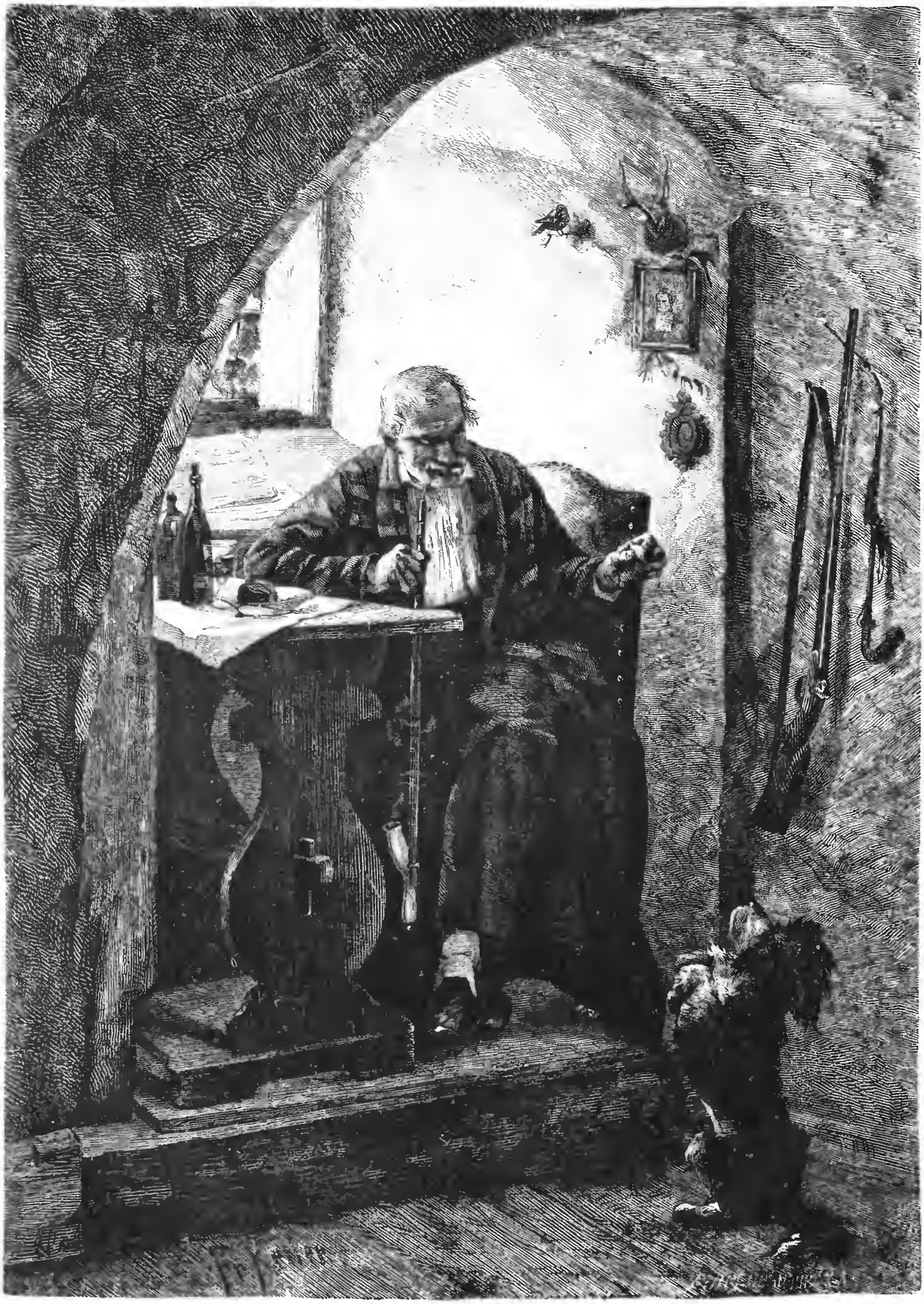


Новороссійскій рельсо-прокатный заводъ. Съ фотогр. грав. Петцъ.

нихъ принадлежатъ церковному причту, а въ одной живетъ зажиточный крестьянинъ. Въ верстѣ разстоянія отъ берега выходитъ изъ воды небольшой, поросшій глухимъ непроницаемымъ лѣсомъ островокъ Брусно, отъ котораго и получила названіе и вся береговая линія; на самомъ берегу поднимается небольшая деревянная ветхая церковь, покрытая тесомъ, почернѣвшимъ отъ времени; влѣво отъ церкви стоитъ сторожка. Этотъ небольшой островъ, Богъ вѣсть когда и вслѣдствіе какихъ причинъ выдвинувшійся изъ глубины озера, замѣчателенъ въ двухъ отношеніяхъ. Каждое лѣто къ нему причаливаютъ небольшія „соймы“ съ богомольцами, плывущими въ Соловецкій монастырь; здѣсь послѣдніе считаютъ долгомъ отслужить молебенъ, и съ этою цѣлью, вѣроятно, и построена тутъ церковь; весь этотъ островъ состоитъ изъ твердаго камня-песчаника, покрытаго довольно толстымъ слоемъ земли и обросшаго мохомъ, на кото-

приближался къ давно знакомому островку, очертанія предметовъ дѣлались яснѣе и опредѣленнѣе. Вонъ и церковь, и опустѣлая избушка стоитъ накренившись къ ней, и гигантскихъ размѣровъ сосна, распустившая словно щупальцы, свои огромныя сучья; къ ней тянулась съ колокольни длинная во многихъ мѣстахъ связанная веревка. Надъ всѣмъ этимъ высится восьмиконечный крестъ, позолоченный заходящими лучами солнца. Я подъѣхалъ тихо къ берегу и бережно привязалъ свою лодку къ небольшому вбитому въ землю колышку. На берегу не было никого. Разложенный костеръ или „пажокъ„ горѣлъ яркимъ ровнымъ пламенемъ, около него стоялъ небольшой горшечекъ, наполненный картофелемъ. Гдѣ же хозяинъ? Обойдя кругомъ церковь, я присѣлъ на пень, вблизи пылавшаго костра. Ночь шла и приближалась быстрыми шагами, и постепенно опускала свое темное покрывало на окружающій міръ.

Библиотека "Руниверс"



Ну-ка, попляши. Картина Фр. Келлера, грав. Брендъ'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Я подбросилъ хворосту въ огонь, который усилившись, поднималъ свои красные языки вверхъ, освѣщая близкіе предметы и придавая имъ какой-то фантастическій видъ, при видѣ этой картины и глубокой окружающей тишины мною овладѣло поэтическое благоговѣніе, подъ вліяніемъ котораго направленіе мыслей мѣняется, эгоистическіе инстинкты уступаютъ мѣсто другимъ лучшимъ порывамъ.

Вскорѣ пришелъ хозяинъ. Онъ—небольшого роста, въ поярковой шляпѣ, подаренной, вѣроятно, какимъ нибудь проѣзжимъ богомольцемъ; въ короткомъ казепетовомъ зипунѣ, подпоясанномъ ремнемъ; ноги его обуты были въ коты, изъ-за плеча торчалъ невообразимой длины стволъ, какихъ я еще не видывалъ, и высоко торчалъ надъ головою. Я узналъ въ этомъ человѣкѣ стараго знакомаго. Выйдя изъ лѣсу, онъ сбросилъ съ плечъ грузную вязанку сухихъ сучьевъ.

— Давненько васъ не видать,—сказалъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій. Пострѣлять пріѣхали?

— Да.

— Дичи—сила... И рябчики, и тетерки, и мошникъ (глухарь) есть, и бѣлая куропатка; а утокъ, такъ не приведи Богъ... сѣвомъ посѣяно.

— Хотѣлось бы на звѣря, на медвѣдя, примѣрно. Есть?

— Какъ не быть... Наши мужики передъ спасовымъ днемъ тутъ въ 5-ти верстахъ на каменной ломкѣ уходили, медвѣдя дубьемъ да какого матераго...

Онъ пошевелилъ палочкой прогорѣвшіе угольки, поставилъ горшечекъ, подбросилъ дровецъ и началъ:—онъ, бѣдняга, забрелъ испить водицы, да попался между грудами камня и вязнетъ. Только онъ хочетъ вылезти, а тутъ его и примутъ въ колья, а онъ сверху-то кубаремъ; онъ — поотдохнетъ, да опять кверху: а его опять примутъ въ колья, да такъ и уходили сердечнаго.

— А много было мужиковъ?

— Девятеро. Одначе не всѣ воротились по добру по здорову.

Долго продолжались разсказы, пока я убаюканный тишиной, подъ вліяніемъ дневной усталости, мягкаго влажнаго ночного воздуха незамѣтно для самаго себя заснулъ богатырскимъ сномъ, укутавшись въ дорожный плащъ и прикурнувшись у огонька. Я спалъ не болѣе 2 — 3 часовъ. Къ утру сдѣлалось свѣжо; туманъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ осѣдая обильными каплями на моемъ платьѣ. Костеръ едва дымился. Я проснулся рано отъ холода. Севастьяна (имя хозяина избушки) не было. Вѣроятно пошелъ стрѣлять утокъ, подумалъ я. Богъ съ нимъ. Подожду, пока разсѣется туманъ и поѣду на берегъ, чтобы какъ слѣдуетъ отдохнуть до вечера. Въ ожиданіи охоты я подложилъ огня въ костеръ. Было очень рано. Легкая, едва замѣтная зыбь пронеслась неслышно по озеру. Туманъ постепенно сталъ улетать, нечувствительно смываться, и на его мѣсто начали выступать все рѣзче и рѣзче тѣни. Расправила съ просонья широко свои длинныя бѣлыя крылья чайка на голомъ камнѣ, взмыла въ воздухъ и, сдѣлавъ крутой поворотъ на одномъ мѣстѣ, точно смертельно раненая, пала внизъ и снова тихо опустилась на тотъ же камень, мягко, беззвучно сдѣлавъ нѣсколько широкихъ круговъ на ровно распущенныхъ крыльяхъ. Высокій, дальній крикъ другой чайки звонко пронесся надъ застывшей картиной „и разбудилъ утро". Тонкое зарево на востокѣ коснулось глазъ; все шире и шире загоралось оно: все болѣе оживалъ день. Послышались два - три выстрѣла на островѣ,—это Севастьянъ палитъ: я отвязалъ лодку и черезъ полчаса уже снова привязывалъ у берега, настрѣлявъ дичи вдоволь.

Часовъ въ пять вечера нагруженные разными охотничьими принадлежностями, хорошо вооруженные мы вошли въ лѣсъ и направились по узкой тропинкѣ „на Щоколду", надѣясь пройти небольшое разстояніе въ часъ и затѣмъ до ночи успѣть приготовить все необходимое для успѣшной охоты. Но я ошибся. Пройти четыре - пять верстъ въ часъ по олонецкому лѣсу — это наивная мечта. Мы прошли не болѣе двухъ верстъ и, не смотря на то, усталость во мнѣ начала сказываться. Лѣсъ съ каждымъ шагомъ, по какой бы тропинкѣ мы не пошли, ставилъ намъ баррикады, засѣки, завалы, волчьи ямы—всѣ лѣсныя препятствія, словно мы шли на непріятеля, рѣшившагося ни за что не пропустить насъ черезъ этотъ лѣсъ. Гигантскія деревья, вырванныя съ корнемъ лежали поперегъ дороги. Мелкій, полусгнившій сухопадъ, валежникъ, сбитый кучами, ломался подъ ногами и заставлялъ хвататься за деревья, чтобы не потерять равновѣсія. Кучи камней, заросшихъ мохомъ, непролазная чаща съ застрявшими въ ней сваленными стволами, смѣнялись гнилыми пнями въ мокрыхъ ямахъ—все это крайне замедляло движеніе и заставляло терять терпѣніе. — Скоро-ли, Севастьянъ, мы доберемся до поляны? спросилъ я, теряя терпѣніе; скоро вѣдь ночь...

— Тутъ и есть. Экъ, вѣдь, какой ломъ. Точно-что вамъ, сударь, безъ привычки-то трудненько... Ничего, сейчасъ доберемся: версты полторы съ небольшимъ осталось...

Но это „тутъ и есть" тянулось очень долго. Казалось, что и конца не будетъ. Наконецъ валежникъ и путаница „лома" смѣнились ровной четырехугольной полиной...

— Вотъ и поповы сѣнокосы,—промолвилъ онъ; а вонъ и падаль. Тута-тко наслись сердешныя; вона откуда вышелъ стервятникъ,—продолжалъ онъ описывать мнѣ мѣстность. Тѣ хоть и ранены, а убѣжали, а „Бѣлянка" была сзади и какъ онъ ухватилъ ее за ребра, она все волокла его, все волокла по тропкѣ, покуль онъ не ухватился задней лапой за дерево, тутъ они и свалились, вотъ и слѣды... ишь какъ бороздилъ... сказалъ онъ подходя къ изуродованному животному.

Нужно было, не теряя времени строить шалашъ, чтобы къ ночи быть на своихъ мѣстахъ. Эти шалаши устраиваются безъ всякихъ архитектурныхъ затѣй и имѣютъ форму маленькихъ „палатей" или небольшой площадки, на которыхъ можно только сидѣть не шевелясь: они дѣлаются на высотѣ полуторыхъ или двухъ саженъ отъ земли и устраиваются обыкновенно на нижнихъ сучьяхъ деревьевъ. Въ данномъ случаѣ обстоятельства мало благопріятствовали намъ при устройствѣ необходимаго шалаша. Дерево, около котораго мы должны были устроить шалашъ, до самой вершины не имѣло сучьевъ и мы принуждены были прибѣгнуть къ искусству. Скоро зданіе было готово. Воткнуты были четыре довольно высокихъ и здоровыхъ стяга по обѣ стороны дерева и вверху, при помощи связей и перекладинъ, было устроено сидѣнье, покрытое и уложенное еловыми вѣтвями. Это основанное на четырехъ колоннахъ зданіе было сдѣлано Севастьяномъ на скорую руку и представляло очень мало прочности, чтобы я могъ по слову „полѣзай" съ довѣріемъ относиться къ нему. Опытъ показалъ, что я не ошибся. Когда я влѣзъ на эту площадку, то невольно чувствовалъ, какъ шатко и какъ непрочно было оно. Достаточно одного прикосновенія медвѣжьей лапы къ одному столбику, чтобы обратить его въ ничто, а насъ низвергнуть съ высоты двухъ саженъ прямо въ объятія нашего врага.

Я сталъ наблюдать съ этой обсерваторіи за дѣйствіями своего спутника. Прежде всего онъ натеръ подошвы травой и мохомъ и началъ ходить въ разныя стороны, стараясь, очевидно, смѣшать слѣды, запутать ихъ, какъ дѣлаютъ зайцы, надѣясь провести охотника, и показать врагу, если только онъ будетъ дѣлать рекогносцировку, что были люди тутъ, но ушли обратно. Потомъ Севастьянъ набралъ полную шапку моху и влѣзъ ко мнѣ, раздѣлилъ этотъ мохъ со мною, и, подавая мнѣ, сказалъ: „дыши въ мохъ!" причемъ снялъ мою шапку, велѣлъ мнѣ туда положить мохъ и дышать въ шапку. Я попробовалъ, но это было крайне неудобно; непріятно долго вдыхать сырой, своеобразный воздухъ, въ особенности въ то время, когда кругомъ и безъ того было сыро.

— Зачѣмъ это? спросилъ я.

— Нельзя: услышитъ и не придетъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Верхушки высокихъ деревьевъ качались, колеблемыя вѣтромъ, и слегка шумѣли, словно разговаривали другъ съ другомъ. Темныя облака заволокли все небо. Мы ждали. Время шло черепашьимъ шагомъ. Цѣлые часы дышать запахомъ моха сдѣлалось для меня невозможнымъ. Я часто отнималъ лицо отъ шапки и вдыхалъ свѣжій воздухъ влажной ночи, пропитанный смолистымъ запахомъ окружающихъ деревьевъ.

— Не покурить-ли, Севастьянъ?

— Ни, ни; ни Боже мой! Чутокъ!..

Еще прошелъ часъ въ томительномъ напряженномъ ожиданіи. Эти ожиданія, смѣшанныя съ чувствомъ невольнаго страха, и холодная сырая ночь овладѣли моими нервами до такой степени, что я буквально дрожалъ; зубы стучали, и я не въ силахъ былъ освободиться отъ этого совокупнаго вліянія окружающихъ условій.

Но вотъ въ глубинѣ лѣса послышался легкій трескъ и затѣмъ все затихло, словно кто пробирался черезъ чащу и остановился прислушаться къ чему-то. Затѣмъ опять трескъ и опять тишина. Я инстинктивно останавливалъ дыханіе... Снова трескъ и топанье, и всѣ эти звуки постепенно приближались и дѣлались явственнѣе и рѣзче. Вотъ затрещалъ и заломался вблизи валежникъ, я толкнулъ слегка Севастьяна; онъ молчалъ, какъ убитый. Какая-то масса, которую не видно, но слышно каждое движеніе, все близилась къ намъ. Медвѣдь, подумалъ я. А вдругъ какъ ему вздумается пошатнуть наше зданіе. Знаетъ ли онъ, что тутъ, надъ его головой, сидятъ его заклятые враги? А, ну, какъ онъ знаетъ?.. Всѣ эти мысли быстро проносились предо мной, какъ въ калейдоскопѣ, и я словно замеръ, ожидая своей участи. Я убѣжденъ, что если бы мнѣ пришлось въ эту минуту выстрѣлить, я промахнулся бы въ 5 шагахъ.

Наконецъ я явственно слышу, что подъ нами что-то копошится. Очевидно идетъ пиршество. Кости трещатъ на зубахъ, что-то сочное, сырое жвакаетъ во рту... Вдругъ въ эту минуту рѣзкій свѣтъ бѣлаго огня ударилъ мнѣ въ глаза и... послышался рѣзкій выстрѣлъ. Въ это мгновеніе я вижу, къ неописанному ужасу, что нашъ шалашъ валится и мы стремглавъ падаемъ... „Погибли" пронеслось предо мной! Боже мой!.. Я упалъ на что-то мягкое и мохнатое и несмѣлъ встать, считая себя жертвой и мечтая въ послѣдней надеждѣ—что авось, какъ нибудь, и мысленно ищу соломенки...

Чрезъ нѣсколько мгновеній я слышалъ, какъ что-то стремглавъ бросилось бѣжать сквозь чащу: отчаянный трескъ и топанье быстро затихало и умирало въ дали лѣса.

Я привсталъ, ощупалъ кругомъ, никого нѣтъ, только подо мною лежало что-то теплое, но не живое.

— Севастьянъ! проговорилъ я. Ни какого отклика. Странно.

— Севастьянъ! закричалъ я громко. Опять ни звука.

Библиотека "Руниверс"

Баста! этотъ человѣкъ, думаю, или убился при паденіи, или унесенъ медвѣдемъ въ лѣсъ и растерзанъ.

На мѣсто прояснившагося, радостнаго сознанія, что я спасенъ, опять явилась мысль, что одного изъ насъ нѣтъ въ живыхъ. Главное—у меня не было спичекъ: я не могъ среди этой ужасной тьмы осмотрѣться, и такимъ образомъ сколько нибудь оріентироваться въ мысляхъ и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, и такъ я сидѣлъ довольно долго, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что долго, покамѣстъ не выведенъ былъ изъ недоумѣнія знакомымъ мнѣ голосомъ.

— Ишь, проклятые! хоть бы одного поймать за хвостъ.. Прытки дюжо.

— Про кого ты говоришь Севастьянъ?

— Да про волковъ. Всю корову почесть слопали, окаянные!

— Да ты куда ходилъ-то?

— Ужь поймаю же котораго... задамъ трезвону!

— Неужели ты преслѣдовалъ этихъ хищниковъ. Вѣдь они тебя какъ ягненка растерзаютъ... не дадутъ и пикнуть...

— Знаемъ, ужь не одинова учены... На нихъ только смѣлѣе; они и тягу... а то за хвостъ да и о дерево. Зарядъ только зря потерялъ... провели, проклятые...

Мы зажгли огонь, и я къ удивленію замѣтилъ, что упалъ на волка, сдѣлавшагося жертвою перваго выстрѣла, о которомъ такъ соболѣзновалъ Севастьянъ.

Я считалъ, что результатъ охоты былъ болѣе или менѣе счастливый. Однимъ выстрѣломъ повалить волка—не шутка. Но мой спутникъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія. Онъ ругалъ этихъ животныхъ за то, что они „задаромъ слопали" чужую добычу. „Поглядн, почесть однѣ кости остались". А главное ему было досадно, что онъ самъ ошибся и принялъ волковъ за медвѣдя. Что же касается меня, то теперь, когда уже мы спокойно сидимъ у костра, я былъ очень доволенъ, что такъ обошлось счастливо. Еслибы былъ медвѣдь, то, какъ знать? чѣмъ бы это кончилось; тѣмъ болѣе, что наша засада была слишкомъ сомнительной прочности: отъ выстрѣла рухнула. Мы просидѣли до самаго разсвѣта и на зарѣ вернулись въ деревню. Это происходило въ половинѣ сентября, а въ половинѣ октября мнѣ пришлось дѣйствительно испытать медвѣжью охоту.

Тогда мы добрались до чащи, гдѣ, по словамъ Севастьяна, находилась берлога. Онъ показалъ мнѣ снѣжный бугоръ, изъ-подъ котораго въ разныя стороны торчали сучья. Это и была берлога. Кругомъ въ разныхъ направленіяхъ лежали пни, сваленныя деревья, непролазный ломъ и валежникъ. Все это было прикрыто снѣгомъ и представляло какія-то баррикады. Деревья торчали часто одно возлѣ другого и каждый шагъ впередъ приходилось завоевывать, причемъ цѣлыя шапки снѣга валились на насъ съ деревьевъ. Тутъ и отступленіе невозможно: куда не пойди, вездѣ непреодолимыя преграды... Мною начало овладѣвать то смущеніе, при которомъ падаетъ человѣкъ духомъ. Меня одинъ вопросъ серьезно тревожилъ: а что если въ этой берлогѣ не одинъ, а два, и, можетъ быть, даже три медвѣдя. И это нерѣдко въ этихъ краяхъ... А что, если, съ другой стороны... Въ этотъ моментъ Севастьянъ выстрѣлилъ, чтобы поднять звѣря. Я вздрогнулъ. Вижу, что Севастьянъ отступаетъ по немногу и вытаскиваетъ изъ-за пояса рогатину. Я стоялъ неподвижно, ожидая врага, встрѣча съ которымъ становилась съ каждой минутой неизбѣжнѣе.

Я попробовалъ предложить свое ружье Севастьяну, но онъ отказался, да я и не успѣлъ бы этого сдѣлать. Въ одно мгновеніе снѣжный холмъ съ трескомъ заколыхался, снѣгъ посыпался въ разныя стороны—и предъ нами словно изъ земли вырось огромнаго роста, съ просѣдью, медвѣдь и, поднявшись на заднія лапы, выбиралъ жертву. Медлить было нечего, я выстрѣлилъ два раза—и когда разсѣялся дымъ, увидѣлъ разъяреннаго звѣря предъ собою, и только онъ хотѣлъ ударить меня, какъ острыя спицы рогатины вонзились ему въ животъ. Казалось, что ему остается нѣсколько минутъ жизни, но не прошло и мгновенія, какъ рогатина переломилась и одна половина древка съ визгомъ летѣла мимо меня... Медвѣдь смялъ моего товарища, и они оба лежали въ снѣгу, обливаясь кровью. Севастьянъ успѣлъ только сказать „помогите". Я моментально приблизился къ нему и въ упоръ выстрѣлилъ изъ винтовки въ голову медвѣдя и затѣмъ нѣсколькими быстрыми ударами окончательно размозжилъ черепъ животному, которое не успѣло испустить даже ни одного звука.

Первымъ дѣломъ, первою моею мыслью, было—высвободить товарища... Но что это былъ за человѣкъ! Не прошло и двухъ-трехъ секундъ, какъ онъ сталъ непохожъ на самого себя. Тяжелые, мучительные стоны выходили изъ его груди!... Лицо его было обезображено и все въ крови. Я не зналъ, что дѣлать... какъ помочь ему, я былъ безсиленъ, безсиленъ въ самомъ ужасномъ, безнадежномъ смыслѣ этого слова. Я наклонился, чтобы ближе видѣть—какъ и въ какой степени раненъ мой спутникъ, защитившій меня своею грудью отъ смертельнаго удара...

Чрезъ нѣсколько часовъ въ первый разъ, быть можетъ, огласился этотъ дѣвственный лѣсъ рыданіями и причитаніями человѣческихъ существъ. Двѣ женщины голосили надъ бездыханнымъ почти трупомъ...

„И пришлось намъ нежданно, негаданно,
Хоронить молодого стрѣлка"...

Н. В. Б—въ.

Изъ угла въ уголъ.

Многимъ ли изъ читателей знакомы глухіе закоулки нашихъ столицъ, въ которыхъ гнѣздятся десятки тысячъ человѣческихъ жизней: многіе ли заглядывали хоть изъ простого любопытства въ эти трущобы: кто знаетъ жизнь убитаго горя и разгульнаго веселья чердаковъ и подваловъ? Конечно немногіе, потому что заглядываніе изъ любопытства не всегда безопасно, а кто жилъ такою жизнью или живетъ, тотъ въ большинствѣ случаевъ молчитъ. Темная жизнь не многорѣчива, а между тѣмъ какая масса людей гомозится въ этихъ высокихъ пяти и шести этажныхъ домахъ, какъ разительно несходны между собой эти этажи, и еслибы только было возможно снять крыши съ этихъ величавыхъ зданій или разрѣзать ихъ пополамъ, какими контрастами поразила бы насъ такая картина. Это была бы въ полномъ смыслѣ смѣсь

.....одеждъ и лицъ,
племенъ, нарѣчій, состояній—

громадныя палаццо, бель-этажи въ 15 — 20 комнатъ, отели и chambres garnies съ зеркальными окнами на шумную улицу, приличныя комнаты съ окнами на грязный мощеный дворъ, маленькія каморки пятаго, шестаго этажа, чердаки подъ самой крышей и, наконецъ, углы. Желаемъ остановить вниманіе читателя на помѣщеніяхъ послѣдней категоріи, т. е. на углахъ.

Вѣроятно часто приходилось вамъ читать у воротъ большихъ домовъ лучшихъ петербургскихъ улицъ безграмотные лоскутки бумаги, нерѣдко прибитые вверхъ ногами, на которыхъ объявлялось, что въ квартирѣ N такой-то сдается *уголъ*. Отыскивая комнату, вы проходили мимо подобныхъ объявленій совершенно равнодушно, развѣ лишь немного досадуя на то, что пришлось попапрасну лишній разъ перейти черезъ улицу. „Сдается уголъ", „сдается конюшня"—для васъ было безразлично.

И счастливы вы, читатель, если избѣгли горькой участи тѣхъ бѣдняковъ, которые селятся въ такихъ мѣстахъ.

Послушайте одного изъ нихъ, покойнаго литератора А. И. Воронова, который провелъ нѣсколько мѣсяцевъ среди такой ужасной обстановки и на себѣ испыталъ ея давленіе.

„Квартира,—говоритъ авторъ,—состояла изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одну занимала сама хозяйка, другая отдавалась въ наемъ. Эта послѣдняя была раздѣлена опять на двѣ части чѣмъ-то въ родѣ корридора; каждая часть въ свою очередь дѣлилась еще на двѣ; слѣдовательно, изъ комнаты, предназначавшейся для отдачи въ наемъ, выходило четыре покоя, отдѣленныхъ одинъ отъ другого неполной перегородкой—каждый такой покой величиною равнялся конюшенному стойлу и въ такой-то тѣснотѣ нерѣдко помѣщались трое и четверо".

„Я обязался,—разсказываетъ авторъ,—платить за свое помѣщенье рубль семьдесятъ пять копѣекъ въ мѣсяцъ. Словоохотливая хозяйка долго-долго расхваливала мнѣ мою закуту.

— Кто же живетъ въ сосѣдствѣ со мной? спросилъ я хозяйку послѣ осмотра новой моей квартиры.

— Да разные...

— То-есть какъ же это *разные?*

— Да ты не бойся, батюшка, у насъ ничего... У насъ этого нѣтъ, чтобы у своихъ, то-есть... Ни, ни! хоть груды золота навали—не тронутъ. На счетъ этого смирно.

— О, за это-то я не опасаюсь, у меня и взять нечего.

— Ну и ладно, а народъ живетъ все хорошій. Разумѣется въ нашихъ мѣстахъ гдѣ ты его сыщешь человѣка, чтобы на отличку значитъ. Все маленько есть за нимъ что-то. Но только опять же въ фатерѣ онъ ничего этого...

— То-то, чтобы не слишкомъ безпокоили.

— Нѣтъ, безпокойства тебѣ не будетъ, потому на лѣву-то руку дѣвица живетъ смирная, такая пресмирная, вотъ ровно ея и нѣтъ; опять по праву—тамъ старики у меня пущены, дочь у ихъ дѣвчонка, да сынъ. Эти тоже ничего. Перва-то старикъ, признаться, баловалъ, а теперь, должно, помирать собрался, такъ потише сталъ и все изъ него эта слюна бѣжитъ, такъ бѣжитъ, что, можетъ, кольки ужъ ведеръ ея вытекло! Насупротивъ опять смирный живетъ, англичанка у его тоже тихая, словно курица какая: когда ежели бить начнетъ, такъ и то она голосу не подаетъ, все больше въ себѣ придерживаетъ".

Это страница изъ жизни...

Въ чемъ проходитъ жизнь у скученнаго въ этихъ притонахъ люда не трудно догадаться. У него, понятно, есть и свои радости, но онѣ большею частью и начинаются виномъ, и въ немъ же тонутъ.

Жизнь складывается въ непрерывное скитанье изъ угла въ уголъ и немного, какъ видите, приходится перетаскивать съ квартиры на квартиру—не велика обстановка.

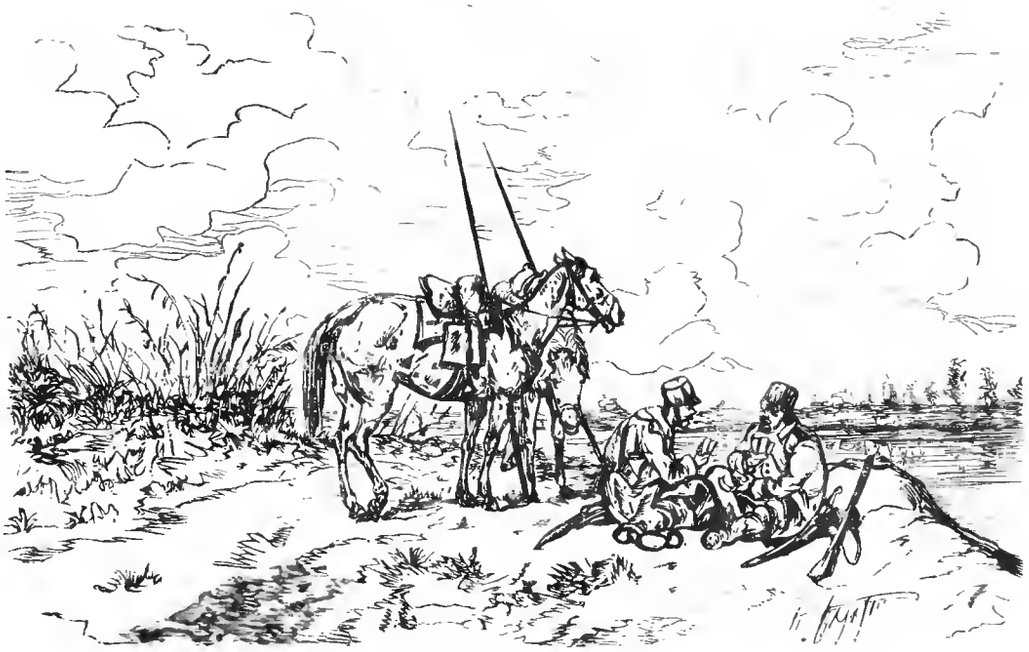
Какъ все выхваченное безъ прикрасъ изъ дѣйствительной жизни, приложенный рисунокъ заставляетъ о себѣ подумать.

W. W.

Библиотека "Руниверс"

На берегахъ р. Прута. Сцены и типы изъ походной жизни.

Кавалерійскіе разъѣзды.



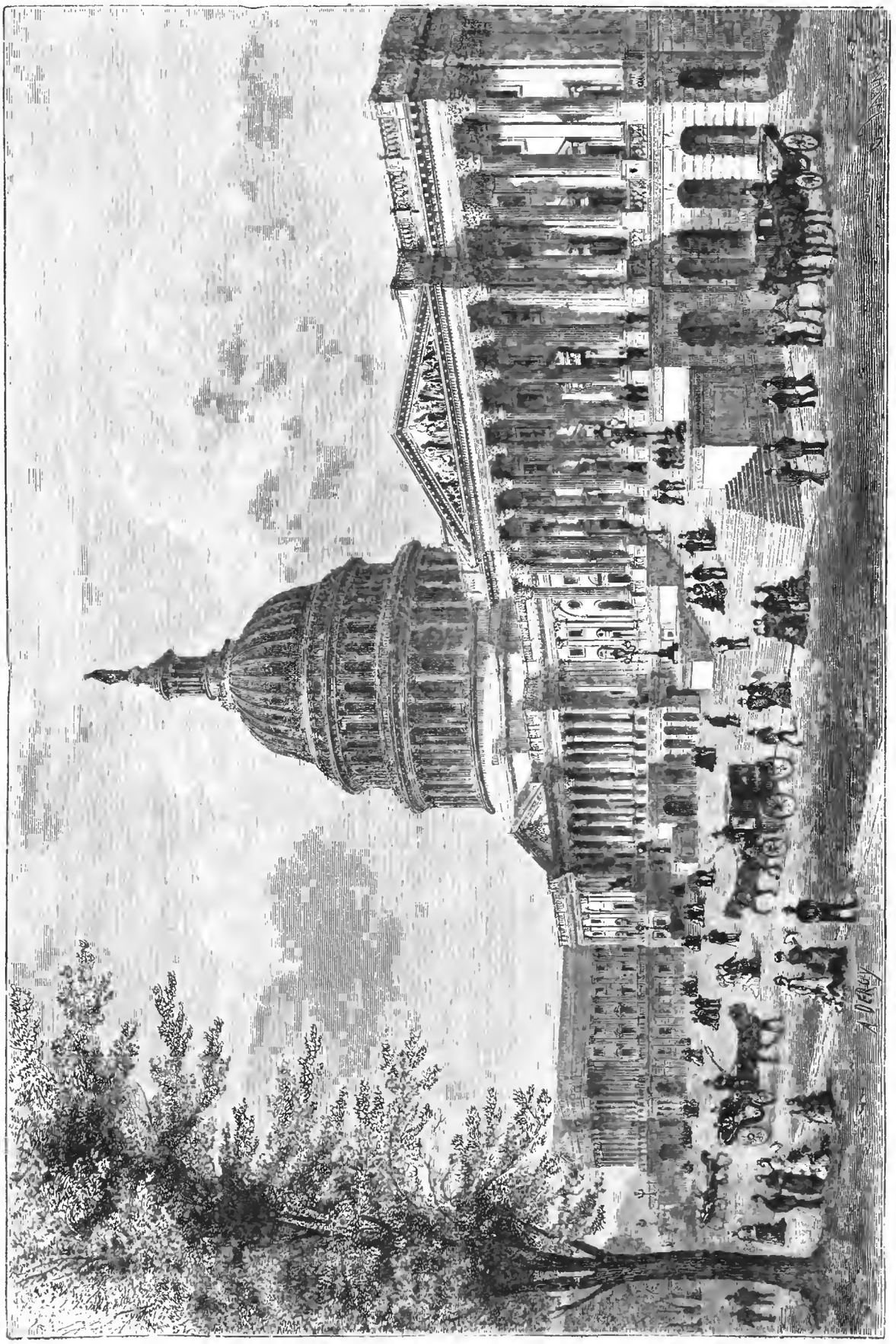
Донцы.

Продолжаемъ знакомить нашихъ читателей со сценами и типами изъ походной жизни. Нашъ спеціальный корреспондентъ самымъ выборомъ сюжетовъ для своихъ рисунковъ уже даетъ намъ понятіе о томъ, что въ настоящее время его окружаетъ и гдѣ онъ находится. Рѣка Прутъ, на берегахъ которой онъ успѣлъ набросать помѣщаемые въ этомъ № „Нивы" рисунки, какъ извѣстно, составляетъ притокъ Дуная; начало этой рѣки въ Галиціи, на сѣверо-восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ. Теченіе имѣетъ тамъ она на сѣверъ, потомъ, протекая чрезъ Буковину, идетъ на востокъ и засимъ направляется на югъ.

Сотникъ.

Рѣка Прутъ въ началѣ имѣетъ очень быстрое теченіе и только въ нижней своей части течетъ медленнѣе и дѣлается удобною для судоходства. Впадаетъ она въ Дунай на востокъ отъ Галаца. Галацъ, какъ извѣстно, важная въ торговомъ отношеніи гавань. Изъ всего этого читатель можетъ сдѣлать выводъ, что нашъ художникъ перебрался уже изъ Кишинева далѣе на югъ. Рисунки, присланные имъ съ мѣстъ своего пребыванія, послѣдовательно будутъ появляться въ „Нивѣ".

Библиотека "Руниверс"



Капитолій въ Вашингтонѣ. Рис. Лапланчъ, грав. Дерое.

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ

Новороссійскій рельсо-прокатный заводъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Лондонѣ образовалось акціонерное общество на устройство на югѣ Россіи доменныхъ печей для добыванія чугуна; разумѣется, прежде всего общество удостовѣрилось въ минеральномъ богатствѣ этого края, вслѣдствіе чего, въ 1870 г., устроился въ Бахмутскомъ уѣздѣ (Екатериноел. губ.), при истокѣ р. Калки, рельсо-прокатный заводъ, названный „Новороссійскимъ". Учредитель и директоръ этого общества, г. Джонъ Юзъ, осмотрѣвъ нѣкоторыя мѣстности этого края, остановился на площади Бахмутскаго уѣзда (въ отношеніи сообщеній), почему, арендовавъ 350 десят. у князя Лиевена съ правомъ пользоваться 96 лѣтъ, на остальныхъ 16 тысячахъ его десятинахъ изысканіемъ, принялся за добываніе каменнаго угля, главнаго матеріала для завода. Имѣя же въ виду удобный сбытъ этого горючаго матеріала въ центральныя губерніи Россіи чрезъ Харьковско-Азовскую желѣзную дорогу, отъ которой заводъ отстоитъ въ 25-верстномъ разстояніи, и черезъ Константиновскую желѣзную дорогу и Маріупольскій портъ, во всю Кубанскую Область, — общество открыло семь шахтъ, изъ которыхъ добывается исключительно полу-антрацитъ: богатство залежей угля въ этой мѣстности изумительно, по увѣренію одного англійскаго инженера, одна такъ называемая „Смолянинновская шахта" имѣетъ ежедневной работы на тысячу рабочихъ, полагая на каждаго сто пудовъ,—эта шахта имѣетъ въ настоящее время 12 верстъ въ протяженіи, по которымъ проложенъ рельсовый путь для вывозки угля.

Весь добываемый уголь, за малымъ исключеніемъ, идетъ на топливо завода и его жилыхъ помѣщеній, а часть пережигается на коксъ, который необходимъ для доменной печи. Въ настоящее время рабочихъ шахтарей до полуторы тысячи человѣкъ, поденная плата не превышаетъ 1 руб. 50 коп., ежемѣсячный расходъ завода до ста тысячъ руб.

Постановка двухъ доменныхъ печей (изъ которыхъ работаетъ пока одна), зданія вальцовки съ двумя паровыми молотами и 24 пудлинговыми и двумя плавильными печами, слесарной мастерской, устройство жилыхъ помѣщеній для служащихъ и рабочихъ шахтарей и устройство желѣзной дороги на 12-верстномъ протяженіи до ст. Александровки Константиновской ж. д.—обошлись обществу до 30 милліоновъ рублей.

Заводъ вырабатываетъ въ мѣсяцъ до 15 тысячъ 19-футовыхъ рельсъ; до текущаго года общество уже приготовило три съ половиною милліона такихъ рельсъ для русскихъ дорогъ, которымъ обошлись за пудъ по 1 р. 90 к., т. е. за штуку до 25 р. Доменная печь выпускаетъ чугуна ежедневно до двухъ съ половиною тысячъ пуд., для добыванія котораго требуется 1.200 пуд. руды и почти столько же коксу и извести (смотря по качеству руды).

Надо быть очевидцемъ, чтобы подивиться изобрѣтательности человѣка въ примѣненіи пара въ этомъ производствѣ. Съ какою легкостью и математическою точностью работаетъ здѣсь эта сила!—Тамъ, гдѣ мускульной пришлось-бы работать цѣлые дни,—паровое приспособленіе рѣшаетъ мгновенно всю задачу.

Скажемъ нѣсколько словъ о работахъ. Прежде всего о доменной печи. Доменная печь имѣетъ видъ усѣченнаго конуса. Четыре колоссальныхъ паровыхъ котла ежеминутно работаютъ при стольких же воздушныхъ насосахъ для напора воздуха, который проведенъ общею трубою въ колосники печи; еще за нѣсколько десятковъ саженей вы слышите оглушительные удары клапановъ насоса: это — поддувало для увеличиванія силы огня. Печь имѣетъ внизу два отверстія, которыя замазываются и затѣмъ пробиваются, какъ только окажется достаточное количество чугуна, другое же отверстіе служитъ для выхода шлака. Чугунъ, вытекая изъ упомянутаго отверстія, идетъ по приготовленному просто изъ глины желобу въ видѣ цилиндровъ; какъ только чугунъ готовъ, его кладутъ по 30 п. въ пудлинговыя печи, перемѣшивая до тѣхъ поръ, пока не вытекаетъ изъ него шлакъ, затѣмъ эту массу везутъ подъ паровой молотъ: молотъ, такъ сказать, выбиваетъ остальной шлакъ, придавъ ей видъ параллелограма; эту еще грубую форму везутъ къ вальцовкѣ. Здѣсь ее прокатываютъ между двумя горизонтально лежащими желѣзными валами, образуя уже совершенно тонкую пластину длиною до 20 и болѣе футъ: порѣзавъ эту пластину, по принятой уже разъ на всегда мѣрѣ, и подбавивъ къ этимъ уже пластинкамъ куски стараго желѣза, кладутъ въ плавильную печь, откуда сваренныя эти пластины образуютъ одно цѣлое той же формы параллелограма и затѣмъ начинаютъ прокатывать до тѣхъ поръ, пока изъ грубаго куска не образуется рельсъ, который рѣжутъ по размѣру, выправляютъ и кладутъ въ штабелы.

Нельзя не замѣтить нѣсколько словъ объ административныхъ порядкахъ Новороссійскаго завода, который весь въ рукахъ „кровныхъ" англичанъ. Отъ директора, механика до простого слесаря — вы не найдете ни одного русскаго; а если и попадется сюда русскій человѣкъ, то на него посматриваютъ искоса. Конечно, нельзя объ этомъ не пожалѣть.

Ну-ка попляши!

(Картина Келлера).

Старый холостякъ почувствовалъ на закатѣ дней своихъ скуку одиночества. Бывало, въ прежніе, молодые годы, забросивъ за плеча свою винтовку, онъ рыскалъ цѣлые дни по лѣсамъ и болотамъ. Вѣрный песъ его, своимъ взвизгивающимъ лаемъ, приводилъ въ жгучій трепетъ его охотничье сердце. Такъ проходили дни за днями, годы за годами, и пришло такое время, когда охотничьи прогулки по лѣсамъ потеряли свою прелесть. Старикъ холостякъ хандритъ по недѣлямъ и не заглядываетъ въ лѣсъ... Во время скучнаго одиночнаго завтрака или обѣда стараго холостяка развлекаетъ его „Жучка", да и то, впрочемъ, изъ своекорыстныхъ видовъ. Если скучный хозяинъ не обращаетъ на нее вниманія, она приподнимается на заднихъ лапахъ, сдѣлаетъ прыжокъ, обернется кругомъ, тявкнетъ и снова, какъ солдатъ, стоитъ во фронтѣ, и такимъ образомъ выведетъ его изъ задумчивости, а нерѣдко совсѣмъ развеселитъ его, въ особенности когда онъ дразнитъ ее кускомъ сахару, приговаривая: „а ну-ка, попляши!"

Капитолій въ Вашингтонѣ.

Національная столица Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, городъ Вашингтонъ, расположена на берегу рѣки Потомака, въ маленькомъ округѣ Колумбіи. Мѣсто это избрано конгресомъ въ 1790 г. по предложенію Вашингтона, основателя единства штатовъ, перваго президента республики. Городъ не представляетъ ни торговыхъ, ни промышленныхъ удобствъ, и существуетъ, можно сказать, единственно для собраній конгреса. Онъ раскинулся довольно широко, такъ что американцы шутя называютъ его городомъ прекрасныхъ размѣровъ. Въ немъ считается до 75 тысячъ жителей, но тѣмъ не менѣе широкія его улицы пусты, а дома разбросаны рѣдко. Въ разныхъ концахъ города высятся съ сотнями колоннъ огромныя бѣлыя зданія всевозможнѣйшихъ стилей: все это правительственныя постройки. Между ними первое мѣсто принадлежитъ безспорно Капитолію *) какъ по изящной, строго классической архитектурѣ коринѳскаго стиля, такъ и по тому значенію, что въ немъ происходятъ засѣданія конгреса. Капитолій построенъ на холмѣ; его высокій куполъ украшенъ огромной статуей свободы, напоминающей одно изъ чудесъ древняго міра: статуя отъ нагрѣванія солнцемъ измѣняетъ свое вертикальное положеніе, отклоняясь около полудня на 4 дюйма въ своей верхней части. Передній фронтонъ Капитолія, съ широкимъ порталомъ и лѣстницей, обращенъ на западъ, къ улицѣ Пенсильвенія-авеню, на другомъ концѣ которой стоитъ Бѣлый Домъ, скромное двухъ-этажное жилище президента. Зданіе Капитолія поражаетъ своею грандіозностью: длина его 107 саженъ, а высота 41 сажень, считая отъ основанія до верха купола. Прилагаемый здѣсь рисунокъ представляетъ Капитолій съ этой стороны.

Въ самомъ центрѣ зданія находится обширная ротонда, до 14 саженъ высоты, при такомъ же діаметрѣ: простыя стѣны ея украшены 8 большими картинами, содержаніе которыхъ взято изъ исторіи Америки. Такъ, одна изъ нихъ изображаетъ высадку Колумба; другая—прибытіе отцевъ-пилигримовъ въ Новый Свѣтъ; третья — открытіе Миссисипи Фернандомъ де-Стосъ и проч. Болѣе всѣхъ отличается по своей живописи картина, изображающая объявленіе независимости Штатовъ. Изъ ротонды идутъ 4 выхода, надъ которыми находятся 4 барельефа. Надъ сѣверной дверью, ведущей въ Палату Сената, представленъ Уильямъ Пэнъ, заключающій условіе съ индѣйцами о пріобрѣтеніи у нихъ земель для переселенцевъ. Надъ противоположною дверью, которая ведетъ въ Палату Представителей, изображенъ герой и піонеръ кентукскій, Даніилъ Бунъ, въ борьбѣ съ индѣйцами. Надъ восточною дверью представленъ первый шагъ пилигримовъ по прибытіи въ Новый Свѣтъ: дикій подаетъ прибывшему съ семействомъ бѣлому плодъ маиса, какъ знакъ дружбы и гостепріимства. Барельефъ надъ западной дверью представляетъ избавленіе капитана Смита индѣйскою княжною Покахонтою отъ убіенія его дикими.

Зала Сената имѣетъ въ длину болѣе 10, а въ высоту 6 саж. Амфитеатромъ расположены въ ней мѣста для сенаторовъ. У каждаго изъ нихъ своя контора, а въ центрѣ — возвышенное мѣсто для президента Сената, которое по правилу принадлежитъ Вице-Президенту Штатовъ. Зрители имѣютъ помѣщеніе на хорахъ; корреспонденты газетъ и члены дипломатическаго корпуса—внизу, на особыхъ мѣстахъ. Зала очень красива, драпирована краснымъ, потолокъ поддерживается колоннами, и маленькій куполъ пропускаетъ свѣтъ сверху. Большой портретъ Вашингтона украшаетъ залу и какъ бы говоритъ присутствующимъ слова завѣщанія, которое оставилъ согражданамъ

*) Названіе «Капитолій», взятое съ римской цитадели, получилось изъ *capit* (голова) и Tolius (соб. имя), потому что при рытіи фундамента для цитадели была найдена голова римлянина Толя.

Библиотека "Руниверс"

этотъ Patriae Pater: „сохраните искреннюю, непоколебимую любовь къ союзу, *къ единству* правленія, сплотившему васъ въ одинъ цѣльный народъ. *Единство*—самый надежный краеугольный камень вашей независимости"...

Зала Палаты Представителей напоминаетъ собою древнегреческій театръ, съ 24 вокругъ мраморными колоннами и изящнымъ куполомъ. Она больше Сената, потому что число членовъ, засѣдающихъ въ ней, гораздо больше. Длина ея достигаетъ почти 14 саженъ, а высота болѣе 8. Всѣ мѣста народныхъ Представителей сгруппированы около мѣста президента, который здѣсь называется спикеръ. Надъ нимъ, въ виду всѣхъ членовъ собранія, статуя Свободы; напротивъ—статуя Исторіи, вносящей въ книгу событія. Она стоитъ на колесницѣ, въ окрыленномъ колесѣ которой вдѣланы часы. Хоры образуютъ огромный уступъ или этажъ, открытый въ залу; они могутъ вмѣстить болѣе 3,000 человѣкъ зрителей. Мѣста представителей, состоящія изъ креселъ съ конторками при нихъ, раздѣляются широкимъ проходомъ на двѣ стороны: одна занимается членами республиканской партіи, другая—демократической. Демократы ставятъ основнымъ началомъ самодержавіе отдѣльныхъ штатовъ до пожертвованія цѣлостью союза: а республиканцы же—самодержавіе всего народа и цѣлость союза.

Сенатъ съ Палатой Представителей и составляютъ собою конгрессъ, которому принадлежитъ законодательная власть. Конгрессъ собирается въ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца каждаго года. Всякій штатъ непремѣнно посылаетъ въ него отъ себя двухъ сенаторовъ и по одному представителю на каждыя 100 тысячъ населенія. Такимъ образомъ, Сенатъ представляетъ собою коллективную личность федераціи Штатовъ; Палата Представителей выражаетъ собою всю націю республики.

Дѣла на конгрессѣ производятся такимъ порядкомъ: всѣ проекты законовъ (билли) должны сначала пройти черезъ Палату Представителей и Сенатъ, потомъ поступить на одобреніе Президента Штатовъ. Если Президентъ не согласенъ съ билемъ, то возвращаетъ его въ ту палату, гдѣ получилъ онъ свое начало. Послѣ этого онъ проходитъ снова черезъ обѣ палаты и, если двѣ трети той и другой принимаютъ его, обращается въ законъ, не смотря на возраженіе Президента. Кромѣ того, если какой-нибудь билль, представленный президенту, не будетъ отъ него возвращенъ въ теченіи 10 дней, то онъ становится закономъ, хоть бы и не получилъ согласія Президента. Палата Представителей имѣетъ право призывать къ суду каждаго общественнаго чиновника не исключая и самаго Президента республики; но Сенатъ можетъ осудить только по приговору двухъ третей наличнаго числа членовъ.

Президентъ Штатовъ, которому принадлежитъ исполнительная власть, избирается такимъ образомъ: каждый штатъ, по распоряженію своей законодательной власти, выставляетъ такое число избирателей на президентство, которое равно числу сенаторовъ и представителей, посылаемыхъ этимъ штатомъ на конгрессъ. Потомъ избиратели въ каждомъ штатѣ, подаютъ посредствомъ баллотировки голоса въ пользу двухъ лицъ (кандидатовъ на Президента и Вице-Президента). Затѣмъ они должны составить списокъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, въ пользу которыхъ подаются голоса, и противъ каждаго отмѣтить число голосовъ. Подписанные и провѣренные списки эти отправляются къ Президенту Сената, который вскрываетъ ихъ въ присутствіи Сената и Палаты Представителей и считаетъ голоса... Такъ какъ при избраніи Президента Штатовъ происходитъ всегда ожесточенная борьба между сказанными двумя партіями, то результатомъ побѣды той или другой партіи бываетъ всегда смѣна всѣхъ чиновниковъ побѣжденной партіи: Президентъ награждаетъ должностями союзнаго правительства своихъ сторонниковъ и такимъ образомъ является весь новый административный персоналъ, заключающій въ себѣ до 50 тысячъ человѣкъ. Это называется въ американской республикѣ *системою очищенія*. Въ настоящее время, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ изъ политическаго обозрѣнія, еженедѣльно помѣщаемаго въ „Нивѣ", въ Вашингтонѣ производится повѣрка голосовъ по выбору Президента. О результатахъ этой повѣрки можно имѣть свѣдѣнія изъ обозрѣній, помѣщенныхъ въ этомъ и предъидущемъ номерахъ „Нивы".

Волна.

(Изъ Томаса Мура).

Посмотри—волна клубится пѣной
Подъ лучами ласковой луны,
И блеститъ, какъ камень драгоцѣнный,
Разлилась—и больше нѣтъ волны.

* * *

Человѣкъ—волна въ житейскомъ морѣ:
На мгновенье вспрянетъ и блеснетъ,
И какъ этотъ валъ въ морскомъ просторѣ—
Въ океанѣ жизни пропадетъ.

Г—чъ.

Библіографія.

Гимнастика въ вопросахъ и отвѣтахъ, ея исторія, цѣль и польза. Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій, состав. К. А. Шмидтъ. СПБ. 1876 года.

Хотя гимнастика въ Россіи уже давно заняла мѣсто между воспитательными предметами, но еще и теперь между публикою и учащеюся молодежью встрѣчаются субъекты, которые относятся къ гимнастикѣ съ непониманіемъ ея пользы. Исторію гимнастики и значеніе ея въ древности—большинство даже образованныхъ людей не считаютъ нужнымъ прослѣдить, а учащаяся молодежь вслѣдствіе этого, тоже занимается гимнастикой лишь потому, что она входитъ въ программу воспитанія.

Чтобы въ обществѣ и учебныхъ заведеніяхъ имѣлось болѣе правильное понятіе о гимнастикѣ и ея происхожденіи, К. А. Шмидтъ принялъ на себя трудъ изложить кратко, ясно и популярно въ вопросахъ и отвѣтахъ тѣ стороны гимнастики, которыя болѣе всего понимаются и объясняются неправильно. Нельзя не пожелать этой книжкѣ успѣха, тѣмъ болѣе что и цѣна ея (30 коп.) весьма умѣренная.

Политическое обозрѣніе.

Между Портою и Сербіей установилось окончательно *соглашеніе* относительно того, чтобы мирныя условія были подписаны 16-го (28-го) февраля. Условленныя съ Портою основы мира приняты великою скупщиною, послѣ чего она, по выполненіи лежавшей на ней задачи, закрыта. О ратификаціи мирныхъ условій скупщиною уже сообщено въ Константинополь. Въ протоколѣ соглашенія упомянуто о сохраненіи Status quo, объ амнистіи и очищеніи сербской территоріи турецкими войсками въ 12-ти-дневный срокъ. Вслѣдъ затѣмъ Сербія препроводитъ Портѣ ноту съ изложеніемъ гарантій (т. е. ручательствъ, что всѣ предписываемыя Сербіи Портою условія будутъ удовлетворены) именно: о постановкѣ оттоманскаго флага рядомъ съ сербскимъ, объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ сербами, о воспрещеніи формировать вооруженныя банды, возводить новыя укрѣпленія и учреждать враждебныя Турціи тайныя общества, но въ протоколѣ опущены пункты, касающіеся водворенія оттоманскаго коммисара и вопроса о Зворникѣ. Султанъ издастъ особый фирманъ касательно этихъ мирныхъ соглашеній. Существенные пункты этого фирмана еще неизвѣстны. Затѣмъ, что касается своихъ отношеній къ великимъ державамъ, требующимъ гарантій исполненія обѣщанныхъ Турціей реформъ на Балканѣ, то Порта требуетъ отъ державъ для выполненія плана реформъ трехлѣтняго срока и при этомъ Порта обязывается, въ случаѣ неудачи системы реформъ, принять *въ концѣ* означеннаго срока (трехлѣтія) предложенныя державами гарантіи (!?).

Горькая иронія, какъ видитъ читатель, дышетъ во всемъ этомъ. Посудите, въ самомъ дѣлѣ: три года нужны Портѣ, чтобы обдумать весьма простую вещь — дать человѣческія права игравшимъ, и доселѣ играющимъ роль рабочаго скота балканскимъ христіанамъ!.. Мы думаемъ, что не только *три* года, но даже *тридцать три* года недостаточны Портѣ для осуществленія реформъ. Съ одной стороны отъ этого полудикаго государства нельзя ничего и требовать, кромѣ громкихъ хвастливыхъ фразъ на бумагѣ; это подтверждается и историческими доказательствами: давались Портѣ сроки и прежде, и тоже для введенія реформъ — именно въ 1829, 1856, 1861 и 1869 годахъ. Что-жь она сдѣлала? ровно ничего. Пошумѣла, покривлялась и опять за старое! Съ другой стороны, было бы странно не видѣть настоящаго характера борьбы между славянами и турками; настоящее право славянъ простирается не на какія-нибудь нищенскія реформы, а на самостоятельную культуру, на участіе въ общечеловѣческой цивилизаціи. Если право славянъ не таково, если оно меньше, то стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, и хлопотать объ освобожденіи славянъ? Минувшая сербская война, какъ мы знаемъ, началась «во имя цивилизаціи» *). И это не фраза, а глубокая правда, которая по естественному порядку вещей и придала вой-

*) Слова манифеста князя Милана.

Библиотека "Руниверс"

нѣ такой ожесточенный характеръ; отъ того-то всякій не предубѣжденный въ пользу турокъ европеецъ отвесся съ сочувствіемъ къ сербамъ и тому принципу, во имя котораго велась война. Могутъ обвинять сербовъ въ недостаткѣ мужества, но война сербская все-таки безсмертна, по мужеству и великому историческому значенію провозглашеннаго ею принципа. Какъ въ нашей исторіи Куликовская битва важна не сама по себѣ, а по одушевлявшей эту битву идеѣ—изгнанія татаръ, такое же значеніе, хотя и при другихъ результатахъ, имѣетъ и минувшая сербская война. Поэтому-то совершенно права сербская газета «Истокъ», говоря, что «самоотверженная война, предпринятая Сербіей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться безплодною для дѣла балканскихъ славянъ».

Какъ отвесется общественное мнѣніе Европы къ только что совершившейся новой дерзкой выходкѣ Порты противъ великихъ державъ (потому что требованіе трехлѣтней отсрочки нельзя иначе назвать, какъ дерзостью), мы не знаемъ, т. е., говоря точнѣе, мы не можемъ предугадать тѣхъ внѣшнихъ проявленій, которыя явятся результатомъ общаго настроенія въ Европѣ. Въ политикѣ мы не видимъ внутреннихъ движущихъ колесъ, а видимъ только результаты ихъ дѣйствій, часто совсѣмъ неожиданные. Сколько подпольной работы употребляла Англія для поддержанія чести и достоинства Турціи—это извѣстно только британскимъ государственнымъ людямъ вообще и сэру Биконсфильду въ особенности. Можетъ быть, всѣ поражающія неожиданности въ обще-европейской политикѣ нужно приписать подпольной работѣ Англіи. Это покажетъ уже впослѣдствіи исторія.

Черногорія согласилась на формальное продленіе мира съ Турціей на 20 дней. Въ пятницу 18 февраля (2 марта) должны пріѣхать въ Константинополь Черногорскіе делегаты. Великій визирь Эдхемъ-паша заявилъ уже Черногоріи о продолженіи перемирія оффиціально.

— Изъ Америки получены извѣстія, что Палата представителей, обсуждая постановленія повѣрочной по выборамъ коммисіи, недавно отвергла большинствомъ 172 голосовъ противъ 99, постановленіе коммисіи, въ силу котораго голоса Луизіаны считаются подвинными за Гейза. Однакожь, все таки, постановленіе коммисіи остается въ силѣ. Далѣе, въ общемъ засѣданіи и Сенатъ, и Палата Представителей признали правильными голосованія штатовъ, до Мичигана (разсмотрѣніе голосованій идетъ въ алфавитномъ порядкѣ). Относительно Мичигана, депутаты оспаривали право избираемости одного изъ выборщиковъ. Сенатъ отвергъ предложенія демократовъ; Палата Представителей рѣшила также признать правильнымъ голосованіе Мичигана. Затѣмъ, въ соединенномъ засѣданіи Сената и Палаты, была признана правильность голосованій и другихъ штатовъ, кромѣ Невады. По поводу этого послѣдняго демократы представили свои возраженія. Есть уже извѣстія, что Сенатъ отвергъ возраженія, представленныя противъ голосованія штата Невады.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Лубны, И. С. М — о. Ваше «пророчество» заслуживаетъ вниманіе, какъ образецъ подбора словъ, трудныхъ для произношенія:

Въ водахъ средиземнаго морк
Теченье теченью переча...

Это, пожалуй, такъ же не легко выговорить, какъ напримѣръ: „шитъ колпакъ не по-колпаковски“.

СОДЕРЖАНІЕ. **Салонъ временъ Людовика XVI** (съ рисункомъ). — **Во тьмѣ.** (Современная петербургская быль). (Окончаніе). **Г—а С—скаго.—Охота на медвѣдя** (съ рисункомъ). **Н. В. Б—ва.—Изъ угла въ уголъ** (съ рисункомъ). **W. W.—На берегахъ р. Прута, сцены и типы изъ походной жизни** (съ 3-мя рисунками). **Н. Каразина.—Новороссійскій рельсо-прокатный заводъ** (съ рисункомъ).—**Ну-ка попляши!** (картина Келлера) (съ рисункомъ).—**Капитолій въ Вашингтонѣ** (съ рисункомъ).—**Волка** (Изъ Томаса Мура). (Стихотвореніе). **Г—ча.**—Библіографія.—Политическое обозрѣніе.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА,

Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 88.

Выдаетъ ссуды подъ проц. **бумаги и акціи**

Выдаетъ дополнительныя ссуды по банковымъ нотіямъ съ обязательствомъ, съ перезалогомъ бумагъ въ конторѣ.

Учитываетъ до срока купоны и вышедшіе въ тиражъ бумаги.

Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. за билетъ, страхованіе билетовъ обоихъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ

По 25 коп. за билетъ.

Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы

По 35 коп. за билетъ.

Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи **по покупкѣ, продажѣ и залогу** бумагъ отъ **гг. иногородныхъ** исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Подробную программу операцій можно получить въ Конторѣ. 1—1

Патентованный **англійскій** **Войлочный** кровельный **ТОЛЬ**

фабрики М. Тиръ и К° въ Бельфастѣ получилъ **наградную медаль** на всемірной выставкѣ въ Филадельфіи. Рекомендуется гг. **домовладѣльцамъ, фабрикантамъ, сельскимъ хозяевамъ** и пр. Продается въ конторахъ **Л. Э. Кубаричъ**, въ С.-Петербургѣ по Галерной № 33, въ Москвѣ по Мясницкой въ д. церкви Св. Николая.

Кусокъ 36½ кв. аршинъ, вѣсомъ 1 п. 32 ф стоитъ въ СПб. 5 р. 65 к. въ Москвѣ 6 р. 50 к. **Перевозъ по желѣзнымъ дорогамъ** обойдется отъ ½₀ до ¹/₁₀ к. съ пуда и съ версты. Образецъ и подробное описаніе **высылаются безплатно** по первому требованію. Корреспонденція на всѣхъ языкахъ.

ИНЖЕНЕРЪ

Нѣмецъ, окончившій курсъ академіи, 30 лѣтъ, бывшій послѣдніе 3 года желѣзно-дорожнымъ инженеромъ англійскаго правительства при мысѣ Доброй Надежды, ищетъ мѣста въ Россіи. Имѣются хорошія рекомендаціи. Предложенія подъ лит. R A. принимаетъ Ed. Pieper въ Clausthal (въ Пруссіи, въ провинціи Ганноверъ) 2—1

Близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, прот.

Магазины: Адмир. площ., Стремянной, № 29.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА

Въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

Товарищество Чемберисъ и К°.

Небольшой новый желѣзный якутовой пароходъ 17 футовъ длины, 5 футовъ ширины, 1½ ф въ водѣ и который легко можетъ быть перевезенъ по желѣзной дорогѣ, продается за дешевую цѣну 1,200 р. с.; адресоваться: къ Фридриху Штеймхеку, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 4 линія, домъ № 9. 1—1

Черноземное имѣніе до 1400 дес., близь Волги и Самары, въ 48 вер. отъ станціи Оренбургской желѣзной дороги, съ новою усадьбою и всею движимостью, строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, водяною мельницею, съ переводомъ Банковаго долга, приносящее до 5-ти тысячъ руб. чистаго дохода, продается безъ коммисіонеровъ за пятьдесятъ тысячъ руб. Адресовать: Самарскаго уѣзда на станцію Красный Яръ, а оттуда въ деревню Николаевку, Владиміру Петровичу Беревину. 1—1

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“

Педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ. 31 января вышелъ I №. Содержаніе: 1) Больше свѣта (по поводу статьи А Градовскаго «Значеніе идеала въ общественной жизни») **В. Острогорскаго**. 2) Фенелонъ (матеріалы взглядовъ на вопросъ о воспитаніи и образованіи женщинъ) **Б. Павловича**. 3) Про дѣтей и за дѣтей (очерки изъ школьной жизни) **Е. Свѣшниковой**. 4) Изъ иностранной педагогической литературы (равенство просвѣщенія).—Общественное образованіе въ Швеціи, Норвегіи и Даніи —Женщина и ея дѣятельность. 5) Педагогическая хроника (Общество попеченія о маленькихъ дѣтяхъ.—Родительское содѣйствіе школѣ и др.). 6) **Библіографія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, т. е. за 10 №№ журнала и двѣ книжки приложеній (Сборникъ статей для учащихся),—2 р. 50 к., съ доставкою 3 р. съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ кн. магазинѣ Колесова и Михина въ Гостинномъ дворѣ, № 22; въ «Русской книжной торговлѣ» на Невскомъ пр. и др. и въ главной конторѣ редакціи (Васильевскій островъ, 9 лин. д № 6) 1—1

Редакторъ-издатель **В. Сиповскій.**

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

Педагогическій журналъ, бывшій **„Дѣтскій садъ“**

Въ 1877 г. редакція будетъ продолжать изданіе въ направленіи, принятомъ ею съ 1876 г., приданъ своему изданію преимущественно психологическій характеръ. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Основаніемъ теоріи воспитанія служитъ психологія. Редакція основаніемъ своимъ приняла новѣйшую психологическую теорію. Подъ практикой понимается, не слѣпое подражаніе нѣмецкой педагогикѣ, пустившее такіе глубокіе корни въ нашей школѣ и педагогической литературѣ, но стройное развитіе нравственнаго чувства и интеллектуальныхъ способностей ребенка. Въ приложеніи помѣщаются статьи для дѣтскаго чтенія, что составитъ въ концѣ года два сборника для дѣтей старшаго и младшаго возраста. Для младшаго приложены будутъ рисунки. Въ журналѣ принимаютъ участіе **М. Артемьева** (псевдонимъ), **Е. Бороздина, С. Б—ва Е. Конради, А. Михайловъ, О. Попова, В. Португаловъ, И. Суриковъ, С. Самойловичъ, Н Ш.** и др Съ 77 г журналъ выходитъ въ увеличенномъ объемѣ отъ 5 листовъ и болѣе большого формата Цѣна та же 4 р. 50 к. безъ доставки, 5 р. съ пересылкой и доставкой по почтѣ. Подписка принимается: Галерная д. 46, кв. 7 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться преимущественно въ редакцію.

Тамъ же продаются дѣтскія книги: **Сборники журнала «Дѣтскій садъ»** Т. I. для старшаго возраста ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 40 к., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 75 к. Т. II. для младшаго возраста съ рисунками, 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 35 к., въ переплетѣ 1 р. 70, **Быль и вымыселъ** сборникъ **М. Цебриковой** для старшаго возраста цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 коп. 1—1

Въ музыкальномъ магазинѣ „Фр. Паздирекъ“ въ Москвѣ, на Б Лубянкѣ, въ домѣ Мазуриной поступили въ продажу: **9 томовъ** включающихъ **83 наиболѣе любимыхъ** вѣсъ для фортепіано въ 2 руки извѣстнѣйшихъ композиторовъ, а именно: Arditi, Bearzewska Beethoven, Cramer, Fesca, Goria, Ingmann, Ketterer, Kantski, Krüger, Lefebure-Wely, Leybach, Litolff, Richards, Spindler, Sutter, Wallace, Wollenhaupt, и многихъ другихъ. Всѣ пьесы средней трудности. Изданіе очень исправное, крупное и красивое. Отдѣльно эти пьесы стоятъ около 30 рублей.

Цѣна всѣхъ 9 томовъ съ пересылкою 6 руб.

Каждый томъ отдѣльно 75 коп. и 15 коп. на пересылку.

Въ № 4 журнала «Нивы» въ объявленіи музыкальной торговли «Фр Паздирекъ» вкралась ошибка, а именно: вольныя оперетки въ роскошномъ изданіи «sonzogno» (пропущено было) для фортепіано въ 2 руки. 1—1

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми М. Ситкина. Книга для матерей и воспитательницъ. Цѣна 1 р. 50 к. У книгопродавцевъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ у Соловьева. Складъ въ квартирѣ автора Максимиліановскій пер д. Воронина № 1—13 кв. № 48. Книгопродавцамъ уступка. Пересылка за 2 фунта по разстоянію. 3—1

Дозволено цензурою СПБ. 25 Февраля 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Большая Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга. Англ. пр., № 10.**

Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 10 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выдавъ 7 Марта 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ: 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ ужь вышедшіе №№ въ 1877 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за МАРТЪ съ 29 рисунками и большой листъ съ 25 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и „съ 12 рис. рукодѣльн. работъ и съ разнообразными буквами для мѣтки бѣлья".

Вѣчная ткань.

(Н. Н. Страхову).

Ткань природы міровая —
Риза Божья, можетъ быть...
Съ этой ризѣ, я — живая
Я непорванная нить.
Нить идетъ, трепещетъ, бьется,
И ужь если оборвется —
Никакіе мудрецы
Не сведутъ ея концы:
Вѣчный ткачъ ихъ такъ запрячетъ,
Что (— пускай кто хочетъ плачетъ!)
Нити порванной опять
Не найти и не связать...

Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

Нити рвутся безпрестанно —
Скоро, скоро мой чередъ! —
Ткачъ же вѣчный неустанно
Ткань звѣздистую ведетъ;
И выводитъ онъ узоры:
Голубыя волны, горы,
Степи, пажити, лѣса,
Облака и небеса;
И куда мудрецъ ни взглянетъ,
Ни прорѣхи, ни узла нѣтъ:
Свѣтозарна и ровна
Божьей ризы тонина.

Я. П. Полонскій.

Сосредоточилась.

(Эскизъ съ натуры).

Зинаида Сергѣевна расхаживала по своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, неслышно ступая сапожками по мягкому персидскому ковру.

Это была чрезвычайно симпатичная брюнетка, небольшаго роста, но стройная, съ черными какъ уголь глазами, мягко очерченными губами и вздернутымъ носикомъ. Ей только что минуло двадцать лѣтъ и она была, что называется, въ полномъ цвѣту. Черное, ловко сшитое платье, крѣпко охватывая ея гибкую, изящную талію и упругую грудь, красивыми складками скатывалось внизъ, слегка шурша по ковру маленькимъ шлейфомъ, а черная бархатка на шеѣ, украшенная миніатюрной брильянтовой звѣздочкой, придавала еще болѣе прелести ея матовому личику.

Въ настоящее время она говѣетъ вмѣстѣ съ своей мамашей, и мы застаемъ ее расхаживающей по комнатѣ въ пять часовъ вечера, какъ разъ передъ всенощной, послѣ которой должна была произойти исповѣдь.

Библиотека "Руниверс"

Она ходитъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь передъ окошкомъ. Видъ не изъ важныхъ: мокрая, вся въ выбоинахъ мостовая, съ мутно-желтыми лужами, поверхъ которыхъ вспрыгиваютъ и лопаются пузыри; сырыя стѣны необъятныхъ каменныхъ домовъ напротивъ; собака, совершенно безцѣльно сидящая на тротуарѣ,— и надо всѣмъ этимъ маленькій клочокъ грязнаго петербургскаго неба,—вотъ и все. Рѣдкіе прохожіе такіе мрачные, угрюмые, углубленные въ самихъ себя, съ такими великопостными физіономіями... На улицѣ такъ гадко, мокро, сыро, а дома такъ тепло, уютно, мягко.

Зинаида Сергѣевна оглянулась на свой кабинетикъ и отошла отъ окна. Какъ хорошо у меня, подумала она, и взглядъ ея скользнулъ по растеніямъ, портьерамъ, кресламъ и остановился на голубомъ, висящемъ съ потолка фонарѣ.

Она опустилась на отоманъ.

— Что бишь мнѣ такое сдѣлать надо,—мелькнуло у нея въ головѣ. Я чѣмъ-то хотѣла заняться послѣ обѣда?.. Что-то нужное... Да—а! вспомнила: нужно *сосредоточиться*. Сегодня, послѣ обѣдни, отецъ Ѳедоръ проповѣдь читалъ: говоритъ—сосредоточьтесь сами въ себѣ, откиньте всю суету мірскую, зрѣло обдумайте всѣ грѣхи ваши.

Она откинулась на спинку и полузакрыла глаза. Сосредоточиться... повторила она и остановилась; какъ эти постные обѣды мнѣ противны, постоянно отъ нихъ во рту это... непріятное—Сосредоточиться... Но какіе же у меня могутъ быть грѣхи?.. Иногда скажешь что нибудь рѣзкое maman, да вѣдь сейчасъ-же и извинишься. Кокетничаю я иногда немножко, но о кокетствѣ въ заповѣдяхъ ничего не сказано... Нѣтъ, надо серьезно собраться съ мыслями...

Она рѣшительно встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ. „Я думаю, что"... Взоръ ея упалъ на овальное зеркало, красиво притаившееся среди густыхъ складокъ кружевной обшивки туалета. Смуглое, милое личико все отдалось въ немъ. Она ступила еще два шага и опустилась на табуретъ передъ зеркаломъ.

— Я сегодня немножко блѣдновата, — промолвила она, вглядываясь въ свое отраженіе,—впрочемъ, это ко мнѣ идетъ. Она нѣсколько откинулась въ сторону, слегка наклонила голову и полуоткрыла ротъ... А у меня зубы недурны, не то что у Лели... И носъ у меня лучше, правильнѣе, не то что у нея,—да и вообще я лучше... А она туда-же—воображаетъ себя красавицей... ну-съ потягаемся! Къ кому изъ насъ болѣе льнутъ кавалеры?... Вы-съ, Ольга Николаевна, и занять-то ихъ не умѣете, а отъ меня они по цѣлымъ вечерамъ не отходятъ, да-съ!

Зинаида Сергѣевна встала и, самодовольно улыбаясь, подошла къ окошку. Двѣ собаки играли, трепля другъ друга за шиворотъ и пребезобразно мотая ушами.— Да-съ, Ольга Николаевна, да-съ, я, кажется, могу нравиться и нравлюсь; вы хоть и подруга моя съ дѣтства, но въ этомъ случаѣ я вамъ не уступлю, извините...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, что я говорю передъ исповѣдью! Я вѣдь должна сосредоточиться... Но какъ, на чемъ?.. Хоть бы почитать что нибудь такое...

Она повернулась на каблучкахъ и очутилась передъ письменнымъ столомъ. Тутъ у меня евангеліе гдѣ-то было... маленькое такое. Она потянула крошечную книжку изъ-подъ шелковистой куколки-собачки, служившей для обтиранія перьевъ. Ахъ,—это „Евгеній Онѣгинъ". А это что?.. Альбомъ брата, какъ онъ сюда попалъ... А,—тутъ вѣроятно и „его" портретъ есть, его,—моего Онѣгина.

Она отвернула нѣсколько страницъ массивнаго альбома и остановилась. На одной изъ восьми лежащихъ передъ нею карточекъ, былъ изображенъ въ три четверти видный мущина лѣтъ тридцати, съ окладистой красивой бородой и, повидимому, свѣтлыми волосами. Лицо у него было въ общемъ симпатичное, здоровое, умное, но видно было, что жизнь его помяла таки исправно.

Зинаида Сергѣевна смотрѣла на него, слегка напѣвая, постукивая въ тактъ ногой и качая головкой —Онъ некрасивъ, то есть особеннаго въ немъ ничего нѣтъ, а все таки недуренъ, право недуренъ,—сказала она. А ужь уменъ, уменъ,—этого никто не отниметъ. Нѣтъ ни напыщенности, ни самоувѣренности, ни насмѣшки какъ у иныхъ. Просто милъ,—и какъ внимателенъ ко мнѣ!

Она снова начала ходить.—Что, если онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе? Что-то похоже на это:—бываетъ такъ часто, просто въ глаза мнѣ глядитъ, очевидно влюбленъ по уши . А что-жь? Я могу быть съ нимъ счастливой... Я почти увѣрена, что онъ въ первый день Пасхи сдѣлаетъ мнѣ въ видѣ сюрприза предложеніе... А ужь онъ-то какъ радъ будетъ, когда я соглашусь!.

Она, покачиваясь, остановилась опять передъ зеркаломъ и почему-то причмокнула губами. Потомъ, глядя на себя, въ полъ-оборота промолвила.—А жаль, что отецъ Ѳедоръ старъ; мнѣ бы хотѣлось больше исповѣдываться у молодого. Страшнѣе, но пріятнѣе... Такъ на чемъ я остановилась? Да,—онъ сдѣлаетъ на Святой мнѣ предложеніе...

Она подошла къ постели и, бросившись навзничь, прищурилась на образъ, висѣвшій въ переднемъ углу. Темный ликъ сурово чернѣлъ изъ-подъ золотого нимба и какъ бы хмурился на ея веселое личико.

— Что это у меня все за мысли такія сегодня!.. Я должна каяться въ грѣхахъ, а тутъ... Какъ бы это сосредоточиться... Какъ нарочно день такой выпалъ,— мнѣ то скучно, то весело ..

Она крѣпко провела рукой по щекѣ и, поправивъ выбившуюся прядь волосъ, еще болѣе зажмурила глаза. Комната смутно бѣлѣла какими-то пятнами просвѣтовъ. Сосредоточиться,—мелькнуло у нея въ головѣ,—сосредоточиться надо...

А комната уходитъ изъ глазъ все дальше и дальше. Нѣтъ ни мебели, ни стѣнъ, ни потолка... Вмѣсто пола, устланнаго ковромъ,—живой покровъ зеленой травы. Теплый, ласкающій вѣтерокъ бьетъ ароматической струйкой ей прямо въ лицо. Переливчатою волною пробѣгаютъ его порывы по миріадамъ пестрѣющихъ цвѣтовъ, припадающихъ пугливо другъ къ другу и испуганно качающихъ своими яркими головками. Вокругъ трещатъ кузнечики, гдѣ-то вверху заливается жаворонокъ, землеройки мелькаютъ подъ ногами. Янтарныя тучки тонутъ въ небесной синевѣ. Что за денекъ— прелесть!

— Съ кѣмъ же я это подъ руку иду,—думаетъ Зинаида Сергѣевна и оглядывается на своего спутника: это „онъ"... какимъ образомъ я съ нимъ одна, въ полѣ... Вѣдь мнѣ надо было сосредоточиться... Какъ это я такъ безъ спроса съ нимъ ушла,—что скажетъ maman. „Онъ" не говоритъ ни слова, только глядитъ на нее такой милой, доброй, любовной улыбкой, что она вдругъ чувствуетъ, что нѣтъ лучше его человѣка на свѣтѣ. Что всѣ ея родные: и братья, и papa, два года тому назадъ умершій, и даже maman,—все это не то... Она такъ счастлива, такъ блаженна, такъ довѣрчиво оперлась на его руку...

— Поѣдемте въ лодкѣ,—говоритъ онъ ей,—какая чудесная погода, какъ хорошо должно быть на водѣ.

— Поѣдемте... да гдѣ же лодка?.. тутъ поле...

— Вотъ лодка,—говоритъ онъ. Ну, пожалуйте сюда, не бойтесь, здѣсь не топко: давайте вашу руку... Ну, вотъ такъ!..

И прелестная рѣчка волшебной декораціей береговъ проносится передъ нею. Какая тишь,—ни шелохнетъ на водѣ, только „онъ", налегая на весла, будоражитъ ея голубое зеркало.—Да куда-же мы ѣдемъ? спрашиваетъ она.—Мы? въ море,—отвѣчаетъ онъ, и съ ка-

Библиотека "Руниверс"

кой-то затаенной улыбкой поглядываетъ на нее изъ-подъ широкихъ полей соломенной шляпы. Ей и страшно съ нимъ, и пріятно, невыразимо пріятно...

А вотъ и море. Два-три заворота межъ камнями и камышемъ—и лодка вылетѣла на просторъ. „Онъ“ бросилъ весла и скрестилъ на груди руки.

— Зинаида Сергѣевна,—говоритъ „онъ“,—знаете ли вы, зачѣмъ я поѣхалъ съ вами сюда, на взморье, съ какою цѣлью?

— Я не знаю,—смущенно отвѣчаетъ она.

— И не догадываетесь?.. Я ужь давно собирался поговорить съ вами объ этомъ... о... о тѣхъ чувствахъ, которыя... я люблю васъ, и если вы меня тоже, я...

— Зина,—говоритъ онъ,—Зина! Но какой страшный у него голосъ... Зина!

— Зина, да что же ты заперлась у себя!

Зинаида Сергѣевна очнулась... Кто-то стучитъ въ дверь.

— Зина, да отвори же!..

Она быстро вскочила и поправивъ одною рукой смятую постель, другой волосы, пошла вмѣсто двери къ окну, не совсѣмъ еще оправившись отъ сна.

— Ты спишь что-ли, Зина?!

Она отперла дверь. Вошелъ Гриша, старшій ея братъ, студентъ университета, брюнетъ, нѣсколько похожій на сестру, съ насмѣшливымъ, но добрымъ и открытымъ выраженіемъ лица...

— Ты готова? Мама прислала спросить одѣта-ли ты; сейчасъ ѣхать надо, уже карету закладываютъ.

— Во что-жь мнѣ одѣваться,—я готова, въ этомъ платьѣ поѣду.

— Ну тѣмъ лучше,—проговорилъ онъ и опустился въ кресло возлѣ письменнаго стола.—А что это ты растрепанная такая?..

— Правда? Она подошла къ туалету.—Я сейчасъ лежала, такъ сбились волосы.

Онъ посмотрѣлъ на письменный столъ и остановился на раскрытомъ альбомѣ.

— Ты это что? Алексѣя Константиновича карточку разсматривала?

— Почему же именно Алексѣя Константиновича, а не кого-нибудь другого?

— Да ты изъ другихъ никого болѣе не знаешь.

— Такъ будто я ихъ не могу разсматривать.

— Это передъ исповѣдью грѣхъ.

— Карточки смотрѣть?

— Да, Алексѣя Константиновича.

— Говорю же я тебѣ, что не его...

— А зачѣмъ ты покраснѣла?

— Потому что ты глупости говоришь; и краснѣть-то я не думала, что мнѣ твой Алексѣй Константиновичъ!

— Ты скажешь, онъ тебѣ совсѣмъ не нравится?

— Ни чуточки. Я его терпѣть не могу.

Гриша засмѣялся —Зина, однако ты обо мнѣ невыгоднаго мнѣнія. Ты думаешь, что я дальше своего носа не вижу?

— Ахъ, Григорій Сергѣевичъ,—комически-насмѣшливымъ голосомъ произнесла она,—вы очень умны и геніальны, кто же въ этомъ сомнѣвается, но вѣдь человѣку свойственно ошибаться.

— Я не понимаю, что за охота у васъ, барышень, не говорить правды. Ну, нравится человѣкъ, и говори: онъ мнѣ нравится. Точно въ преступленіи какомъ сознаться нужно. Коли нравится и слава Богу.

— Да ну, что ты ко мнѣ привязался? Я тебѣ сказала разъ на всегда что нѣтъ... Чего-жь тебѣ еще?

Онъ опять засмѣялся и всталъ съ мѣста.—Такъ тебя ждетъ мама,—сказалъ онъ, взявши свой альбомъ со стола.—Да!... я забылъ тебѣ сказать:—сегодня... впрочемъ нѣтъ, если скажу тебѣ теперь, твоя исповѣдь разстроится.

— Да говори же, противный человѣкъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же. Такъ до свиданія... Онъ пошелъ къ двери и остановился. А что-жь ты у меня прощенья не просишь?

— Въ чемъ же это я передъ вами виновата?.. Впрочемъ, извольте. Она низко присѣла. Извините, Григорій Сергѣевичъ.

Онъ усмѣхнулся и вышелъ.

Зинаида Сергѣевна осталась среди комнаты одна, слегка покачиваясь на мѣстѣ и кусая губы.—Противный мальчишка,—сказала она,—онъ видитъ то, чего не долженъ видѣть... Неужели же я подала поводъ?.. Ну вотъ, извольте тутъ сосредоточиться, когда сердятъ на каждомъ шагу...

Она сѣла у стола, подперевъ голову руками.—Что такое я сейчасъ во снѣ видѣла?.. Ахъ, да!

Она вдругъ покраснѣла.—„Онъ“ сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я была такъ счастлива, такъ счастлива, и вдругъ этотъ противный Гришка... Она стукнула съ яростью своимъ микроскопическимъ кулакомъ по столу.—И вѣдь говорятъ на яву случается всегда противное тому, что во снѣ видишь, такъ значитъ...

Она чуть-чуть не разразилась слезами, даже платокъ изъ кармана выхватила, да вдругъ вошла maman.

— Ты готова, Зина?

Maman была низенькая, толстая брюнетка, съ орлинымъ носомъ, блестящими, черными, какъ у дочери, глазами и значительными усами на верхней губѣ.

— Ты готова? повторила она, шелестя шелковымъ шлейфомъ и разливая по комнатѣ тонкій запахъ англійскихъ духовъ.—Надѣвай, ma chère, шубку и приходи въ залу. Карета подана...

— Я сейчасъ, maman.

Карета несется по мостовой, попрыгивая на ухабахъ, обдавая проѣзжихъ и проходящихъ мутною жидкостью лужъ.

Maman молчитъ. Она серьезна передъ исповѣдью. Зина молчитъ тоже, откинувшись въ уголъ кареты.

„Сосредоточиться, сосредоточиться, сосредоточиться!“ какъ молотъ бьетъ у нея въ головѣ; она силится, напрягаетъ всѣ свои умственныя способности и... не можетъ. „Что я скажу отцу Ѳедору, если онъ спроситъ, какіе у меня грѣхи? Господи, помоги мнѣ!“

— Однако-же какая дорога, — глубокомысленно замѣтила maman, когда на одной выбоинѣ, не смотря на мягкія патентованныя рессоры, ихъ чувствительно подбросило кверху.

— Да,—лаконически отвѣтила Зина.

Она смотритъ на дождевыя капли, то крупными жемчужинами сидящія на каретномъ стеклѣ, то извилистыми змѣйками бѣгущія книзу, и онѣ ей напоминаютъ слезы... О, какъ грустно, какъ безнадежно грустно выраженіе личика Зины.

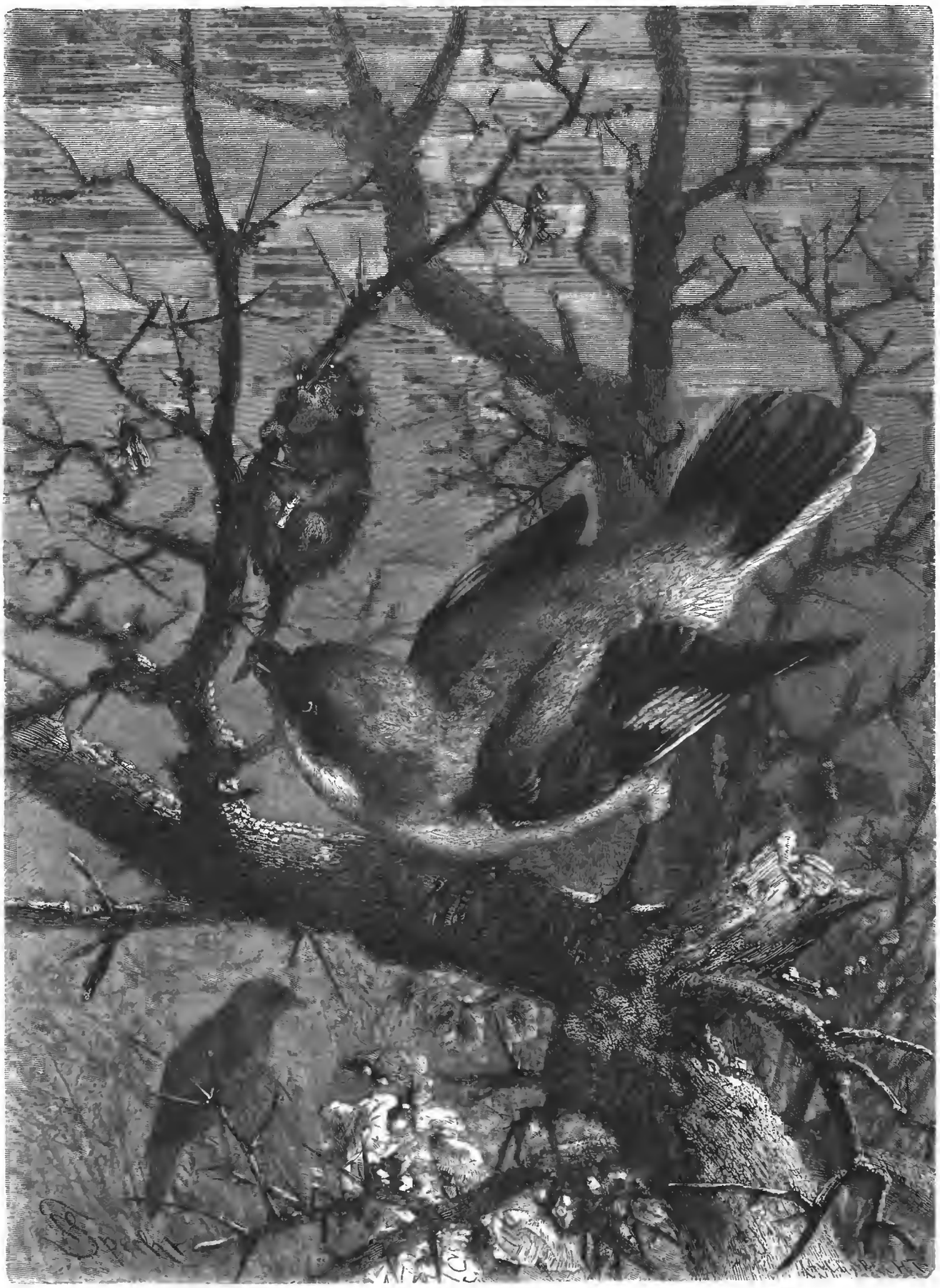
Домовая церковь *** довольно тускло освѣщена—по великопостному. Старикъ-священникъ, сѣдой, но бодрый, здоровый, задушевнымъ голосомъ читаетъ молитвы. Уныло гудитъ рѣдкое пѣніе. Дьячекъ читаетъ, читаетъ, читаетъ. Изрѣдка раздается возгласъ священника, ектенья дьякона, и опять быстрая какъ дробь барабана, механическая читка дьячка.

Никто, кажется, такъ усердно не молился въ церкви, какъ Зина. Давно она такъ не молилась. Глядя на нее со стороны, можно подумать, что она подавлена Богъвѣсть какимъ безъисходнымъ страданьемъ.

Олтарь темнѣетъ, служба близится къ концу. Зинаида Сергѣевна чувствуетъ, что она понемногу начинаетъ сосредоточиваться, религіозное настроеніе охватываетъ ее.

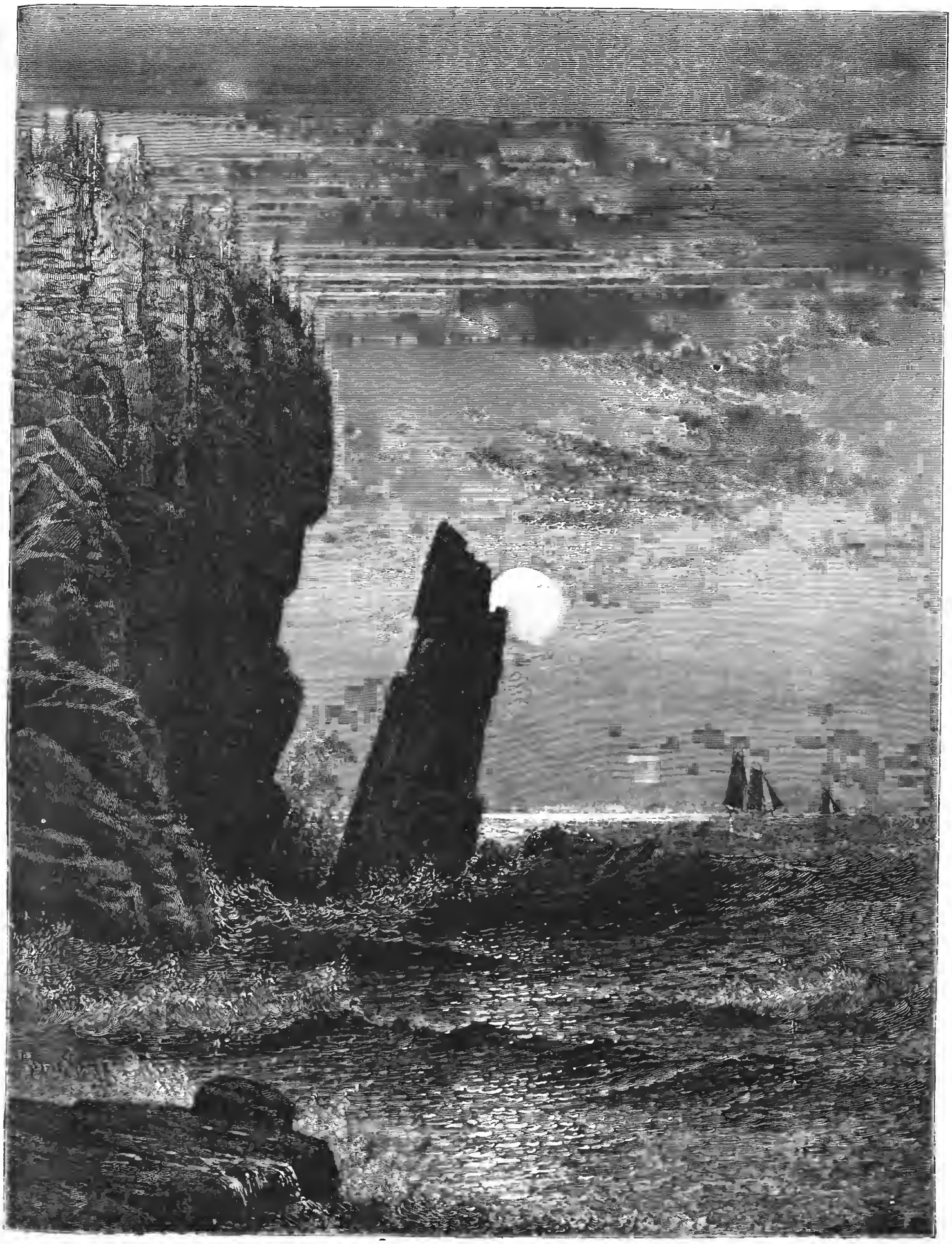
Вотъ онѣ стоятъ у ширмъ. Неясный шепотъ исповѣдниковъ волной переливается по церкви, нарушаясь иногда возгласомъ: „благодатію и щедротами своего человѣколюбія“... Еще строже смотрятъ въ сгустившемся

Библиотека "Руниверс"



Сорокопутъ чернолобый, насаживающій на шипы терновника мышь. Рис. съ натуры и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"



Утесъ у береговъ острова Менэнъ (Въ Сѣверной Америкѣ). Рис. Бричоръ, грав. Смитъ.

Библиотека "Руниверс"

полумракѣ строгіе лики угодниковъ, смутно мерцаетъ позолота и камни на дорогихъ окладахъ. Теперь Зинаида Сергѣевна и грѣхи находитъ у себя, и не чувствуетъ той порывистой веселости, какъ послѣ обѣда.

Она посмотрѣла въ сторону. Вдругъ сердце у нея и больно, и радостно сжалось... ей показалось, что въ толпѣ стоитъ „онъ".

Нѣтъ, это кто-то другой, — ее обмануло сходство и полумракъ. А сердце, непокорное сердце, такъ и бьется, такъ и колотится въ груди... и съ чего это оно вдругъ! Дыханіе стало прерывисто... Даже maman замѣтила.

— Что ты, Зина, неужели такъ исповѣди боишься. Ужь нѣтъ-ли у тебя какихъ нибудь тяжкихъ грѣховъ?

Maman, очевидно, шутитъ, а ей... ей плакать хочется.

— Зина, тебѣ!

Она шагнула и очутилась за ширмами.

Теперь она сама испугалась этого шага. Именно въ этотъ моментъ она и была не приготовлена къ исповѣди.

Она стоитъ въ смущеніи, боясь поднять на священника глаза, собираясь съ духомъ.

Она какъ-то неловко положила земной поклонъ и какъ преступница стояла передъ о. Ѳедоромъ.

— Скоро, скоро, — подумала maman, услыша отпускъ. Когда Зина вышла изъ-за ширмъ, ей вдругъ легко сдѣлалось. Ей казалось, что именно *теперь* она вполнѣ сосредоточилась...

Maman оставалась за ширмами несравненно дольше.

Самоваръ кипѣлъ на столѣ, разбрасывая по сторонамъ теплыя влажныя облака пара. Maman, нѣсколько уставшая отъ службы, но все же бодрая и веселая по случаю окончанія исповѣди, уже заварила чай. Горничная, молоденькая, свѣженькая дѣвушка, въ ситцевомъ платьѣ съ бѣлымъ передникомъ, торопливо придвигала къ столу стулья, ставя изъ буфета на столъ булки, лимонъ, сухари.

— Это кому еще ты лишній стаканъ поставила? спросила у нея хозяйка.

— У Григорія Сергѣича кто-то въ комнатѣ сидитъ, можетъ чай кушать будутъ.

— Кто такой?

— Не знаю-съ, не я отворяла дверь, а Иванъ.

— Поди узнай — сюда придутъ они чай пить, или туда подать... Ну, что устала? обратилась она, къ вошедшей въ это время Зинаидѣ Сергѣевнѣ.

— Нѣтъ, ничего.—Она сѣла на стулъ возлѣ матери. Я рада, что я теперь сосредоточилась.

— Что такое?

— Сосредоточилась.

— Какъ сосредоточилась? Куда?

— Помните, сегодня утромъ отецъ Ѳедоръ сосредоточиться на своихъ грѣхахъ велѣлъ... такъ вотъ я теперь.

— Ну, матушка, это поздно, послѣ исповѣди да сосредоточиваться.

— А вы, мамаша, раньше?

— Я, душа моя, всю недѣлю сосредоточивалась...

Зина помѣшала ложечкой въ чашкѣ, она такъ хорошо, легко себя чувствовала. Вдругъ на порогѣ показался Гриша и съ нимъ... *онъ*.

— А-а! привѣтствовала ихъ maman. Алексѣй Константиновичъ! вотъ нежданно, негаданно!.. Садитесь, очень рады... А мы прямо съ исповѣди.

Онъ, пожавъ ей руку, обошелъ уголъ стола, чтобъ поздороваться съ Зиной и улыбнулся ей всѣмъ своимъ добродушнымъ веселымъ лицомъ, и пухлыми губками, и карими глазками.

— Завтра причащаться будете? спросилъ онъ, усаживаясь возлѣ maman vis-à-vis Зины, проводя рукой по своимъ стриженымъ волосамъ и поглаживая бороду.

— Какъ-же, какъ-же... вотъ извольте стаканъ... Завтра непремѣнно.

Алексѣй Константиновичъ кинулъ вопросительный взглядъ на Гришу, онъ улыбнулся въ отвѣтъ.

— Алексѣй Константиновичъ, а вы говѣли? спросила maman.

— Нѣтъ еще,—я на святой.

— Какъ на святой? изумилась Зина.

— То-есть на страстной,—поправился онъ, — на послѣдней, девятой недѣлѣ.

— На девятой?

Онъ совсѣмъ сконфузился:—я хотѣлъ сказать на седьмой...

— Ай-яй-яй,—покачала головой maman,—не знаете, сколько недѣль въ посту.

— Я знаю, помилуйте, — оправдывался онъ, — еще бы этого не знать.

— Что же вы заговариваетесь: ужь не влюблены-ли?

Алексѣй Константиновичъ смутился окончательно. Всѣ трое съ любопытствомъ уставились на него. Онъ даже на стулѣ завертѣлся.

— Помилуйте, кто вамъ сказалъ,—и не думалъ даже. А гдѣ же Ваня, я его не вижу?..

— Братъ по пятницамъ уроки у какого-то товарища готовитъ,—отвѣтилъ Гриша, скрывая гримасой улыбку.

— Ага!

— А у васъ грѣховъ не мало,—продолжала maman, —да все грѣхи-то какіе!..

— Помилуйте, да противъ какой-же заповѣди?

— А отчего вы у насъ чуть не двѣ недѣли не были? Развѣ не грѣхъ забывать знакомыхъ.

Онъ опять завертѣлся.—Работы у меня много въ редакціяхъ было,—дѣло спѣшное.

— Неправда, неправда, — отчего же вы у Чембаровыхъ прошлое воскресенье были?

— Да я...

— И не оправдывайтесь! Ужь нечего говорить—забыли...

— Да какъ-же я могу забыть...

— Да ужь коли забыли сколько недѣль въ посту, такъ какъ же насъ не забыть. А еще о политической экономіи статьи въ журналахъ пишете...

Maman встала.—Ты, Зина, пальешь кому нужно чаю; а я пойду переодѣнусь.

Она вышла. Всѣ помолчали съ минуту.

— Какой я сегодня страшный сонъ видѣлъ, — заговорилъ Алексѣй Константиновичъ.

Зинаида Сергѣевна такъ и уставилась на него.

— Вижу себя на лодкѣ, въ морѣ...

— Въ морѣ? спросила она, и даже со стула встала.

— Что съ вами, Зинаида Сергѣевна? чему вы удивляетесь?

— Ничего,—продолжайте!

— Будто я ѣду среди сильнаго волненія...

— Съ кѣмъ?

Онъ засмѣялся.—Вотъ ужь этого я не помню. Чуть-ли не одинъ. Берегъ, повидимому, не далеко, а доплыть до него никакъ не могу; напрягаю всѣ усилія и лодка скрипитъ, и весла трещатъ, кажется вотъ-вотъ доплылъ, —нѣтъ, опять волной относитъ.

— Бр! страшно! сказала Зина, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и нервно поводя плечами.—А я почему такъ удивилась вашему сну, — я тоже видѣла себя сегодня на морѣ, въ лодкѣ...

— Съ кѣмъ? улыбнулся Алексѣй Константиновичъ.

— Вотъ ужь этого не помню, — нѣсколько насмѣшливымъ, но дрогнувшимъ голосомъ, сказала она. Только море было не бурное, а тихое, тихое...

— Ну, и что-же...

— Ну, и... и больше ничего.

— Тутъ страшнаго ничего нѣтъ.

— Да я и не говорю, что я страшное что-нибудь видѣла... Вы чаю еще хотите?

— Нѣтъ, merci.

Библиотека "Руниверс"

— Пойдемте въ гостиную,—продолжилъ Гриша,— что-же намъ здѣсь-то сидѣть...

Всѣ встали. Зинаида Сергѣевна прошла къ себѣ въ комнату, зажгла свѣчку, подошла къ зеркалу, взглянула внимательно на себя, поправила воротничекъ, плеснула на платокъ духами и тоже пошла въ гостиную.

На диванѣ, передъ ярко горящей лампой, сидѣли гость и хозяинъ. Алексѣй Константиновичъ разсматривалъ альбомъ береговъ Рейна. Она сѣла, слегка облокотившись на столъ, скользя разсѣяннымъ взглядомъ то по альбому, то по Алексѣю Константиновичу. Она молчала, точно ждала чего-то.

— Знаешь, о чемъ мы сейчасъ говорили,—спросилъ Гриша,—о вашихъ снахъ.

Она внимательно прислушивалась.

— Ты знаешь, что, по словамъ нянюшекъ и мамушекъ, видѣнное во снѣ, на яву сбывается въ обратномъ видѣ.

У нея опять сердце захлопнуло.

— Такъ вотъ я и думаю, что если Алексѣй Константиновичъ не могъ никакъ выгрести къ берегу, то значитъ онъ въ дѣйствительности скоро къ нему приставетъ; а если ты видѣла спокойное море, то тебѣ предстоитъ волненіе.

Онъ засмѣялся. Алексѣй Константиновичъ улыбнулся. Она осталась серьезной.

— Нѣтъ, ты сегодня какая-то странная,—продолжалъ Гриша,—ну чего ты хохлишься, скажи на милость?..

— Я только-что испопѣдывалась, и право не расположена шутить.

— Ну, да и плакать-то не о чемъ.—Хоть бы апельсиновъ въ утѣшеніе дали. Ты распорядилась?

— Не знаю, я сказала, кажется.

— Еще „кажется". Ну я пойду, распоряжусь... А тебѣ все-таки предрекаю волненіе.

И онъ вышелъ.

Алексѣй Константиновичъ досмотрѣлъ альбомъ, закрылъ его и сталъ медленно надавливать на застежки.

— Да, сны наши совпали какъ-то,—замѣтилъ онъ и взглянулъ на нее,—лицо ея было холодно и безстрастно.

— Что съ вами?... Братъ вашъ правду сказалъ, вы сегодня необыкновенная какая-то... Здоровы-ли вы?

— Я здорова,—отвѣтила она... и вдругъ почувствовала какую-то гнетущую скуку. А какъ во снѣ ей было хорошо съ нимъ.

Наступило молчаніе.

— Зинаида Сергѣевна!

— Что?

— Вы... я, извините, хочу сказать вамъ...

„Господи, да неужели", мелькнуло у нея въ головѣ,— „также какъ и по снѣ"...

— Я избралъ, можетъ быть, несовсѣмъ подходящее время — я не зналъ, что вы сегодня исповѣдывались... Но, право, я больше ждать не могу... Братъ вашъ тоже говоритъ... Я хотѣлъ...

Онъ опять поднялъ взглядъ на нее. Холодность исчезла съ ея лица, нижняя губа чуть-чуть дрожала. Въ черныхъ глазахъ, какъ зарница далекой грозы, вспыхивали и погасали молніи.

„Быть волненію",—подумалъ онъ,—„молнія — предвѣстникъ урагана"...

— Вы меня знаете болѣе двухъ лѣтъ и могли болѣе или менѣе составить мнѣніе обо мнѣ... Что же касается меня, то я вполнѣ понялъ и оцѣнилъ васъ...

Молнія такъ и пышетъ... Или буря страсти забушуетъ, или ливень слезъ...

Но, кажется, слезъ не было и въ поминѣ. Теперь у нея не только губа дрожитъ, но и весь подбородокъ...

— Вы составите счастіе каждаго человѣка... и если вы вѣрите въ мою къ вамъ любовь, упаженіе, дружбу, то...

Она задыхалась, — Господи, день какой сегодня!.. мелькало у нея въ головѣ.

— Если не вѣрите мнѣ, въ такомъ случаѣ...

Она порывисто встала и охватила его шею руками.

— Милый, милый! Вѣрю я тебѣ, вполнѣ вѣрю... я... Раздался поцѣлуй.—На порогѣ стоитъ maman.

— Сосредоточилась! сказала она, качая головой.

Г — ъ.

Къ исторіи морской змѣи.

Хотя зоологи до сихъ поръ сомнѣваются въ существованіи морской змѣи, не имѣя предъ собой настоящаго экземпляра такого животнаго, но тѣмъ не менѣе свидѣтельства мореходовъ не перестаютъ время отъ времени подтверждать мнѣніе о дѣйствительномъ его существованіи. Такъ, напримѣръ, цѣлый экипажъ корабля, возвратившагося недавно изъ кругосвѣтнаго плаванія, подтверждаетъ клятвенно, что дѣйствительно видѣлъ это громадное животное.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 8-го іюля 1875 года судно „Паулина" находилось въ двадцати морскихъ миляхъ отъ сѣвернаго берега Бразиліи, подъ 5°13' южной широты и 35° западной долготы. Въ одиннадцать часовъ утра погода была ясная, вѣтеръ и волненіе на морѣ умѣренные. Въ это время, — говоритъ капитанъ Дрэверъ, — мы замѣтили на поверхности воды нѣсколько черныхъ пятенъ и бѣлесоватый столбъ надъ водою футовъ на тридцать. Съ перваго взгляда я принялъ это за образовавшуюся мель, о которую разбиваются морскія волны; но такъ какъ около того столба поднимались цѣлые фонтаны воды съ массою брызгъ, то я счелъ его за башнеобразную скалу. Вдругъ столбъ этотъ упалъ съ шумомъ и плескомъ и на томъ же мѣстѣ поднялся другой. Явленіе это повторялось нѣсколько разъ: столбъ падалъ и поднимался снова съ необыкновенною быстротою. Вооружившись подзорною трубою, я разглядѣлъ ясно, что это была *исполинская морская змѣя*, обвившаяся два раза около кита. Дѣйствуя головою и хвостомъ, змѣя поворачивала свою жертву чрезвычайно быстро. По временамъ оба они погружались въ воду и потомъ снова появлялись, непрерывно вертясь. Сопротивленіе кита и тревога двухъ другихъ, присутствовавшихъ при этомъ поединкѣ, вызвали сильное волненіе моря, вода пѣнилась и до насъ доносился довольно грюмкій, смѣшанный гулъ. Это странное зрѣлище продолжалось минутъ пятнадцать и кончилось тѣмъ, что хвостъ кита поднялся отвѣсно въ воздухѣ, потомъ началъ раскачиваться взадъ и впередъ, сильно ударяя по водѣ. Затѣмъ китъ исчезъ въ волнахъ... Безъ сомнѣнія, змѣя пожирала свою громадную добычу уже на днѣ моря. Въ виду того обстоятельства, что змѣя дважды обвилась вокругъ кита (см. рисунокъ 1), капитанъ Дрэверъ предполагаетъ, что длина ея 160—170 футовъ; въ окружности она должна имѣть футовъ 7 или 8. Пасть животнаго была постоянно открыта; голова его очень велика (до 30 футовъ). 13 іюля въ 7 ч. утра экипажъ корабля опять увидалъ эту змѣю. Судно находилось подъ тѣмъ же градусомъ широты, на разстояніи 80 англійскихъ миль къ востоку отъ мыса Санъ-Роккъ. Змѣя, высунувъ голову и часть туловища футовъ на сорокъ изъ воды и вытянувшись горизонтально, проплыла мимо кормы корабля. Далѣе капитанъ разсказываетъ слѣдующее: „Въ то время, когда я раздумывалъ надъ тѣмъ, чему обязаны мы такимъ частымъ посѣщеніемъ этого страннаго гостя, снова услыхалъ я крикъ: „Вонъ она опять!" Дѣйствительно, на нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля я увидѣлъ огромнаго „Левіаѳана", высунувшагося футовъ на 60 изъ воды и балансировавшаго въ воздухѣ; онъ яростно глядѣлъ на нашъ корабль. Я думалъ сначала, что чудище это принимаетъ широкую бѣлую полосу, которая окаймляла мѣдную обшивку нашего корабля, за собрата своего, и этимъ объяснялъ частое появленіе змѣи; но такъ какъ мы не знали навѣрно—разглядываетъ-ли змѣя мнимаго своего собрата или собирается напасть на корабль, то и взялись за топоры, чтобы встрѣтить достойнымъ образомъ нашего Левіаѳана. Однако животное нырнуло и исчезло". Этотъ разсказъ былъ подтвержденъ клятвенно не только капитаномъ, но и офицерами и матросами названнаго корабля въ магистратѣ города Ливерпуля 10 января текущаго года.

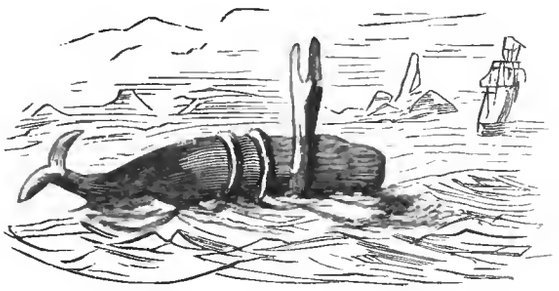
Нельзя отрицать, что въ исторію морской змѣи вкралось много баснословнаго, преувеличеннаго. Описанія морскихъ змѣй, различныхъ по внѣшнему виду и величинѣ, стали появляться съ 1734 г., часто съ рисунками. Описанія эти доставлялись путешественниками и капитанами кораблей, которые *видѣли* этихъ змѣй лично или же писали со словъ прибрежныхъ жителей. Такъ, наприм., рыбаки, живущіе на одномъ изъ Оркнейскихъ

Библиотека "Руниверс"

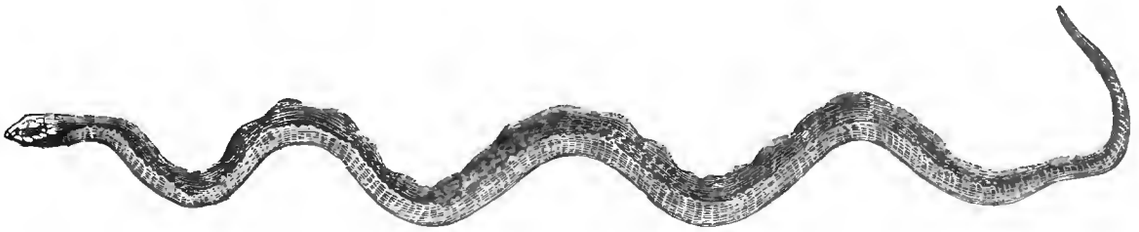
островов, видѣли морское чудовище, выброшенное на берегъ въ 1808 году, имѣвшее 56 ф. длины и 12 ф. толщины. На спинѣ у этого чудища была щетинистая грива, а само оно было снабжено тремя парами плавниковъ; кожа его была гладкая, голова небольшая въ одинъ футъ.

Съ береговъ Америки тоже могутъ доставить много „неопровержимыхъ" доказательствъ существованія большихъ морскихъ змѣй. Въ 1817 г. Общество естествоиспытателей въ Бостонѣ получило одинъ экземпляръ змѣи по наружности очень странной. Животное это было убито у берега, неподалеку отъ мыса Аннъ. Полагаютъ, что это еще очень молодая змѣя. Видъ ея былъ описанъ и съ нея снятъ рисунокъ. Назвали ее Icoliophis attlanticus (см. рис. 2). Нѣкоторые утверждаютъ, что видали морскихъ змѣй длиною въ 200 ф. Читатели, можетъ быть, помнятъ, что еще въ 1846 г. докторъ Кохъ показывалъ сначала въ Америкѣ, а потомъ и въ Европѣ скелетъ *допотопной морской змѣи*, такъ называемой Hydrarchos. Замѣтятъ, пожалуй, что нѣсколько потомковъ этого допотопнаго 140 футоваго морского чудища могутъ жить и въ настоящее время въ моряхъ, но скелетъ Hydrarchos'а, купленный въ Берлинѣ за нѣсколько тысячъ талеровъ, *оказался поддѣльнымъ*. Герръ Кохъ просто-на-просто нанизалъ позвонки разныхъ животныхъ съ цѣлью придать значительные размѣры мнимому скелету змѣи. Однако, не взирая на лживость многихъ свидѣтельствъ, зоологи должны допустить, что въ морѣ можетъ водиться нѣсколько родовъ животныхъ, которыя рѣдко появляясь, не могли до сихъ поръ попасть въ руки спеціалистовъ. Правда и то, что во многихъ случаяхъ ученымъ удалось вполнѣ доказать ошибки многихъ „очевидцевъ-путешественниковъ"; такъ напр., животное, найденное въ 1808 г. на берегу одного изъ Оркнейскихъ островов, оказалось исполинскою акулой (Squalus maximus), а животное, описанное капитаномъ Макъ-Оугей, признано за огромнаго тюленя (Phoca proboscidea). Однако не подлежитъ сомнѣнію, что въ солёной водѣ обитаютъ довольно большія змѣи, какъ наприм. *Hydrophis* въ Индійскомъ морѣ. Эти змѣи рѣзко отличаются отъ земноводныхъ гадинъ своимъ сжатымъ тѣлосложеніемъ, и ихъ видовъ насчитываютъ до двадцати. Змѣи, принадлежащія къ нѣкоторымъ изъ этихъ видовъ, достигаютъ длины 3 метровъ; челюсти и зубы у нихъ гораздо меньше, чѣмъ у земноводныхъ змѣй одинаковой съ ними величины, голова обыкновенно весьма невелика. Животное это плаваетъ легко и граціозно, какъ рыба. Къ нижней поверхности его тѣла прицѣпляются иногда водоросли и морскія раковины, отъ которыхъ змѣя не можетъ отдѣлаться (см. рис. 3), что придаетъ ей довольно оригинальный видъ.

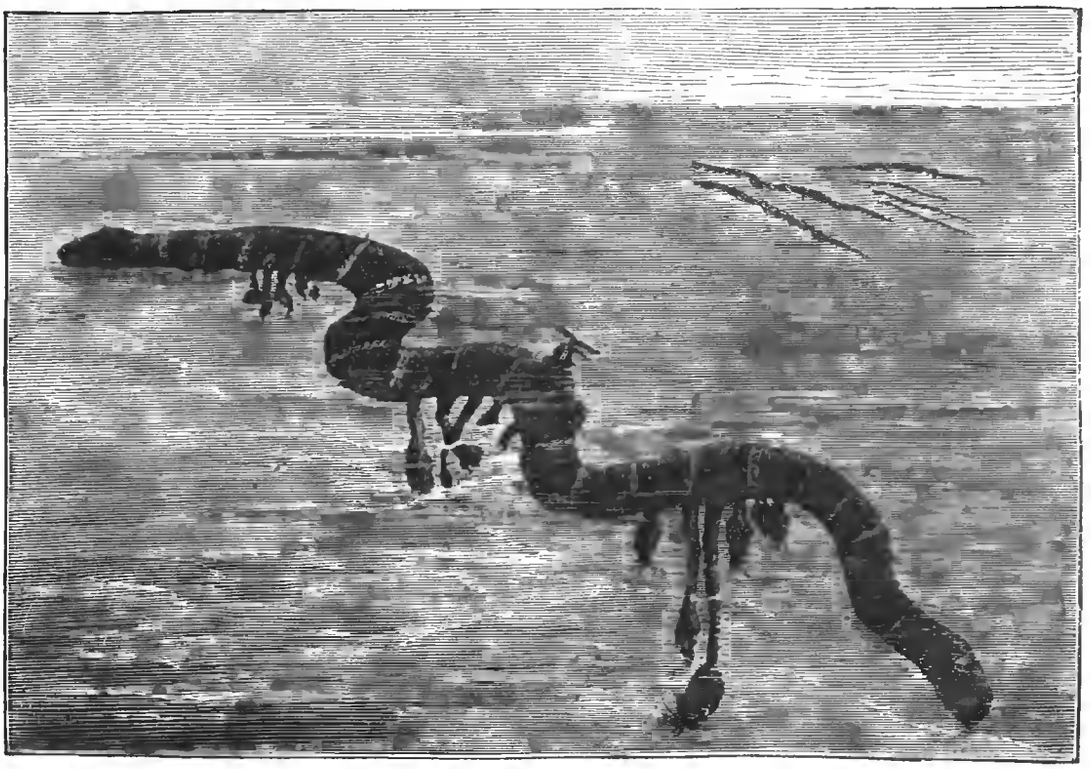
Въ виду существованія этихъ змѣй, можно было бы предполагать, что по временамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могутъ встрѣчаться и великаны этого вида, но тѣмъ не менѣе, естествоиспытатели не могутъ пока признать за дѣйствительность то, о чемъ разсказываютъ очевидцы, ибо для положительнаго заключенія нуженъ не разсказъ, а самый предметъ, о которомъ разсказывается.



1) Морская змѣя въ борьбѣ съ китомъ.



2) Змѣя, доставленная обществу естествоиспытателей въ Бостонѣ



3) Змѣя, съ прицѣпившимися къ ней водорослями и морскими раковинами.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ: „Шейлокъ". Драма Шекспира. (Сцена прощанія Шейлока съ дочерью).
Картина М. Готлиба, грав. Кирхгеймъ.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ.

(„Шейлокъ". Драма Шекспира).

Драма „Шейлокъ" принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Шекспира, занимая видное мѣсто послѣ „Гамлета", „Лира", „Отелло" и „Макбета". На сцену она была поставлена въ первый разъ въ 1598 году. Сюжетъ ея заимствованъ изъ двухъ повелъ Джіованни Фіорентино: изъ одной Шекспиръ взялъ разсказъ о венеціанскомъ купцѣ и жидѣ-ростовщикѣ, хотѣвшемъ вырѣзать фунтъ мяса за неуплату купцомъ по векселю, и изъ другой новеллы—о выборѣ одного изъ предложенныхъ трехъ ящиковъ для полученія невѣсты. *)

Въ характерѣ Шейлока Шекспиръ показалъ тѣ черты еврейскаго типа, которыя сложились и развились въ немъ вслѣдствіе отчужденнаго и жалкаго положенія этого племени среди другихъ народностей. Въ обращеніи къ Шейлоку другихъ лицъ, Шекспиръ представилъ то презрѣніе, съ которымъ относятся вообще къ евреямъ.

Характеръ Шейлока отдѣланъ и законченъ болѣе другихъ лицъ въ этой пьесѣ; онъ особенно глубоко и вѣрно переданъ. Содержаніе пьесы слѣдующее:

Въ Венеціи живетъ ростовщикъ Шейлокъ. У Шейлока дочь Джессика; она любитъ христіанина Лоренцо и въ свою очередь любима имъ. Нѣкто Бассаніо желаетъ занять деньги подъ вексель, за поручительствомъ друга своего, венеціанскаго купца Антоніо. Антоніо очень богатъ; но весьма небрежно относясь къ своимъ торговымъ дѣламъ, не могъ въ данное время ссудить своего друга Бассаніо деньгами, а предложилъ ему взамѣнъ свое поручительство въ займѣ 3,000 червонцевъ у Шейлока. Шейлокъ нѣкоторое время колеблется выдать деньги Бассаніо за поручительствомъ Антоніо, вспоминая съ какимъ презрѣніемъ этотъ послѣдній всегда относился къ нему, какъ онъ далъ ему пинка изъ-за его, Шейлока, денегъ и процентовъ. Въ дѣлѣ процентовъ Шейлокъ, желая оправдать себя, ссылается на доводы Св. Писанія, именно на Іакова, служившаго у Исвана съ условіемъ, чтобы извѣстнаго цвѣта овцы въ стадѣ принадлежали ему за работу. На что Антоніо замѣчаетъ Шейлоку:

„Іаковъ тутъ служилъ на рискъ, сеньоръ,
Не отъ него зависѣла удача;
Его барышъ былъ Божьею рукой
Опредѣленъ и сдѣланъ. Развѣ этимъ
Хотите вы проценты оправдать?
Иль серебро и золото у васъ
Одно и тожь, что овцы и баравы?"

Шейлокъ наконецъ соглашается выдать деньги, но съ неустойкой—получить съ Антоніо за неуплату въ срокъ фунтъ его мяса. Антоніо соглашается. Бассаніо получаетъ деньги и собирается ѣхать въ Бельмонтъ, гдѣ прекрасная Порція обѣщаетъ отдать свою руку тому изъ многочисленныхъ ея соискателей, который выберетъ изъ предложенныхъ ею трехъ ящиковъ тотъ, въ которомъ находится ея собственный портретъ. Въ день отъѣзда Бассаніо устраиваетъ ужинъ съ маскарадомъ и на ужинъ приглашаетъ Шейлока, а въ это время другъ Бассаніо, Лоренцо, предполагаетъ увезть Джессику, дочь Шейлока.

Шейлокъ, прощаясь съ дочерью, говоритъ ей:

„На ужинъ я сегодня приглашенъ —
Такъ вотъ возьми ключи мои. Однако,
Зачѣмъ бы мнѣ идти туда? Меня
Не изъ любви, конечно, пригласили;
Они мнѣ льстятъ. Но все-таки пойду
И буду ѣсть изъ ненависти только —
Пусть платится мой христіанинъ-мотъ!
Ну, Джессика, дитя мое, за домомъ
Ты присмотри. Какое-то несчастье
Готовится покою моему:
Сегодня мнѣ мѣшки съ монетой снились".

Проводивъ отца, Джессика переодѣвается въ мужское платье и когда у окна ея раздается ей знакомый окликъ замаскированнаго Лоренцо съ пріятелями, Джессика похищаетъ у отца шкатулку съ червонцами и драгоцѣнными камнями и скрывается съ Лоренцо.

Шейлокъ въ отчаяніи, проклинаетъ свою дочь, стонетъ о пропавшихъ червонцахъ и брильянтахъ. „Двѣ тысячи червонцевъ пропали и сколько еще драгоцѣнныхъ камней! кричитъ онъ. Я хотѣлъ бы, чтобы моя дочь лежала мертвая у моихъ ногъ, съ драгоцѣнными камнями въ ушахъ, я хотѣлъ бы, чтобы она похоронена была у моихъ ногъ и чтобы червонцы лежали въ ея гробѣ"!

Ненависть Шейлока къ христіанамъ еще сильнѣе вспыхиваетъ въ немъ и еще сильнѣе ему хочется отмстить Антоніо.

Онъ ругался надо мною, говоритъ Шейлокъ про Антоніо, и сдѣлалъ мнѣ убытку до полмилліона. Онъ всегда называлъ меня ростовщикомъ, давая самъ взаймы деньги безъ процентовъ. Онъ ругалъ мой народъ—все это за что? Я жидъ! Да развѣ у жида нѣтъ глазъ, нѣтъ рукъ, чувствъ, привязанностей, страстей! Развѣ онъ не ѣстъ той же пищи, что и христіанинъ, подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ, лечится не тѣми же средствами?"

Жаждая мщенія, изыскивая средства погубить Антоніо, Шейлокъ распускаетъ слухъ, что корабли Антоніо потонули. Антоніо не можетъ выплатить въ срокъ по векселю. Шейлокъ торжествуетъ и настоятельно требуетъ неустойки, то есть фунтъ мяса Антоніо. Антоніо привлеченъ къ суду и, не смотря на всѣ старанія дожа уговорить Шейлока, Шейлокъ не хочетъ отречься отъ неустойки. Пока идетъ въ Венеціанскомъ судѣ дѣло Антоніо съ Шейлокомъ, въ Бельмонтѣ Бассаніо у Порціи выбираетъ именно тотъ ящикъ, въ которомъ былъ ея портретъ. Согласно условію, Бассаніо дѣлается ея мужемъ. Счастливый тѣмъ болѣе, что сама Порція питаетъ къ нему любовь, Бассаніо получаетъ письмо Антоніо, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ его о своемъ положеніи и изъявляетъ желаніе только повидаться передъ смертью съ Бассаніо. Порція видитъ горе мужа, узнаетъ въ чемъ дѣло, предлагаетъ уплатить Шейлоку за Антоніо вдвое, втрое и посылаетъ скорѣе Бассаніо въ Венецію.

Но Шейлокъ не хочетъ денегъ даже въ десятеро больше занятой суммы. Порція рѣшается на хитрость и, скрывая ее даже отъ мужа, она переодѣвается въ костюмъ юриста, является на судъ подъ видомъ доктора и умною рѣчью овладѣваетъ вниманіемъ собранія. Она убѣждаетъ, что „установленный законъ перемѣнить нельзя ничьею властью" и что нарушеніемъ закона „вторгнется затѣмъ не мало зла въ республику по этому примѣру", что фунтъ мяса изъ тѣла Антоніо долженъ принадлежать Шейлоку. Шейлокъ, слушая такіе доводы приходитъ въ восторгъ и называетъ мнимаго доктора „Даніиломъ, судьей праведнымъ, юнымъ мудрецомъ". Но Порція указываетъ, что и по отношенію къ Шейлоку должны быть строго соблюдены условія, а именно: что по распискѣ Шейлокъ имѣетъ право взять только одинъ фунтъ мяса, не болѣе ни менѣе и что расписка права не даетъ ни на одну кровинку, и если,—говоритъ она,—хоть каплю крови христіанской ты прольешь—

„Твои имущества и земли
Возьметъ казна республики себѣ.
Таковъ законъ Венеціи.

Шейлокъ въ страхѣ отказывается отъ неустойки и проситъ только заплатить ему слѣдующія деньги. Но Порція указываетъ еще на другую статью закона, по которой, если иностранецъ косвенно или прямо посягнетъ на жизнь кого-либо изъ гражданъ и это предъ судомъ докажется, тогда

Жизнь
Виновнаго отъ милосердья дожа
Зависитъ вся. Одинъ лишь дожъ казнить
Иль миловать его имѣетъ право".

Однакожъ Дожъ даритъ жизнь Шейлоку, но въ то же время съ Шейлока берутъ подписку, что онъ приметъ крещеніе и все свое имущество по смерти оставитъ дочери и зятю.

Такимъ образомъ благородная и умная Порція спасаетъ Антоніо и въ довершеніе, она представляетъ Антоніо письмо, которымъ онъ извѣщается, что его корабли съ богатымъ грузомъ пришли уже въ портъ. Въ заключеніе она говоритъ о письмѣ:

„Я не открою вамъ,
Благодаря какой довольно странной
Случайности оно въ моихъ рукахъ".

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ № „Нивы", изображаетъ моментъ, когда Шейлокъ, отправляясь на ужинъ къ Бассаніо, прощается съ Джессикой и оставляетъ ей ключи.

*) Переводы драмы Шекспира «Шейлокъ» на русскомъ языкѣ слѣдующіе: 1813 г. „Венеціанскій купецъ" Яхимовъ, 1837 г. «Венеціанскій купецъ» Павлова, 1862 г. «Шейлокъ» Григорьева и 1865 г. «Венеціанскій купецъ» Вейнберга.

Англійскіе нравы.

(Травля крысъ).

Для англичанъ охота, скачки — удовольствіе, которому они предаются со страстью. Боксъ (у насъ кулачные бои), пѣтушиные бои, всякія травли, кромѣ имѣющихъ чисто охотничій характеръ, воспрещается производить открыто, но втихомолку ими наслаждаются. Грубые инстинкты увлекаютъ.

Крысиныя травли также принадлежатъ къ запрещеннымъ (впрочемъ не очень строго) удовольствіямъ. Есть цѣлыя семьи,

Библиотека "Руниверс"

которыя добываютъ средства къ жизни, благодаря этой собственно-полезной забавѣ. Полезной, говоримъ мы, ибо благодаря ей, дрессируются собаки для уничтоженія вреднаго звѣрька, сильно расплодившагося въ Лондонѣ. Особые ловцы достаютъ крысъ по деревнямъ и въ городѣ, въ амбарахъ, въ водосточныхъ трубахъ и сбываютъ гуртомъ приблизительно по 6—10 к. (2—3 пенса) за штуку содержателямъ, втайнѣ промышляющимъ крысами и заработывающими значительныя деньги на крысьихъ травляхъ Травля запрещена, а ловля крысъ не только дозволена, но поощряется правительствомъ и даже самой королевой. Весьма недавно умеръ Джэкъ-Блэкъ, котораго зналъ весь Лондонъ. Онъ существовалъ тѣмъ, что за опредѣленное вознагражденіе вылавливалъ крысъ въ домахъ и кладовыхъ. Онъ такъ привыкъ обращаться съ ними, что дѣлать ихъ ручными ему не стоило никакого труда; онъ порабощалъ самыхъ суровыхъ и злыхъ звѣрьковъ. Какъ онъ дѣлалъ это—неизвѣстно, но до конца жизни онъ ни разу не былъ даже укушенъ. Самую злую крысу Джэкъ-Блэкъ клалъ за пазуху, въ карманы и проч. безъ всякаго для себя вреда.

Слухи о подвигахъ Джэкъ-Блэка дошли до лицъ высокопоставленныхъ. Онъ былъ приглашенъ ловить крысъ въ правительственныхъ зданіяхъ и ему было дозволено называться крысоловомъ Ея Величества. Тогда онъ появился на улицахъ Лондона въ курьезномъ мундирѣ: бѣлые кожаные брюки, красный съ свѣтлыми пуговицами жилетъ, зеленый шпрокораспахнутый кафтанъ, золотой галунъ, невысокая черная шляпа и кожаная широкая перевязь черезъ плечо; на перевязи у самаго плеча двѣ буквы V. R. (Viktoria Regine), а далѣе, вдоль всего ремня, металлическія изображенія звѣрьковъ, которымъ онъ обязанъ своей славой.

Но почтенный королевскій крысоловъ довольствовался только тѣмъ, что ловилъ крысъ и предавалъ ихъ казни; онъ ими не торговалъ. Ремесленники-же, о которыхъ мы упомянули выше, жили исключительно продажею наловленныхъ животныхъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ виноторговцевъ, которымъ эти молодцы поставляли свой товаръ, звали Джими-Шау. Этотъ Джими-Шау покупалъ въ годъ до 20,000 живыхъ крысъ. Въ его домѣ проживало въ проволочныхъ клѣткахъ по 2,000 этихъ гостей одновременно; въ недѣлю они съѣдали добрую четверть ячменной крупы... не покорми ихъ хорошенько, говорилъ онъ, проклятыя станутъ другъ друга ѣсть Это большой убытокъ.

Прибыль его была велика и тѣмъ, чѣмъ промышлялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Шау, промышляютъ десятки тысячъ другихъ до сего дня, только не такъ открыто. Напримѣръ, какой-нибудь джентльменъ хочетъ попробовать храбрость вновь пріобрѣтеннаго бульдога, привозитъ его къ Шау, или одному изъ его послѣдователей.

— Готова-ли комната? спрашиваетъ онъ, войдя для видимости въ портерную, и также для видимости выпивая стаканъ пива. Хозяинъ изъ-за прилавка подмигиваетъ. Бульдогъ и его обладатель отправляются въ эту комнату. Тамъ хозяйскій сынишко, лѣтъ 17—18 (у этихъ промышленниковъ всегда есть помощникъ этого возраста, усердно помогающій торговлѣ) является передъ джентльменомъ.

— Сколько прикажете? спрашиваетъ онъ, словно дѣло идетъ объ устрицахъ.

— Сотню, распоряжается джентльменъ. Бульдогъ душитъ сотню крысъ въ нѣсколько минутъ. Владѣлецъ въ восторгѣ. Удавишь еще сотню? А удавишь? допрашиваетъ онъ бульдога, раздраженнаго травлей почти до судорогъ.

— Мальчикъ! еще сотню!

Является еще сотня живыхъ крысъ, съ которой бульдогъ расправляется также какъ и съ первой.

Кто продаетъ собаку и хочетъ выказать ея достоинства, везетъ ее къ Шау; кто дрессируетъ крысоловку—тоже и т. д. За крысъ хозяину платятъ по 9 пенни *) и даже по шиллингу, смотря по времени года. Онѣ дешевле всего осенью, послѣ жатвы, дороже всего весной.

Впрочемъ описаніе крысиной травли, на которой намъ случилось присутствовать, дастъ лучшее понятіе объ этой охотѣ. Травли эти въ извѣстные дни устраиваются еженедѣльно торговцами крысъ. Всѣ, кому нужны эти люди, знаютъ о нихъ и посѣщаютъ ихъ. Полиція смотритъ на это конечно сквозь пальцы. Впрочемъ дѣйствіе происходитъ въ такихъ трущобахъ, куда и лондонская полиція появляется рѣдко.

Газъ на улицѣ, по которой мы проходили, горѣлъ неярко и подвалъ, гдѣ должно было происходить побоище, словно хотѣлъ спрятаться. Окна подвала едва свѣтились, тогда какъ обыкновенно англійскія портерныя сверкаютъ газомъ и украшеніями изъ бронзы и фарфора, лучше всякаго магазина галантерейныхъ товаровъ. Внутри кабака было темновато и грязновато, публика, попивая пиво и водку, размѣщалась въ двухъ комнатахъ: собственно портерной и задней, исключительно для травли назначенной, комнатѣ. На темныхъ стѣнахъ выступали рѣзко только двѣ картины въ золоченыхъ рамкахъ. Передъ одной изъ нихъ толпилось человѣкъ пятнадцать:

— Это будетъ дѣдъ, пояснилъ мнѣ какой то господинъ съ нервнымъ терріеромъ подъ мышкой, при чемъ терріеръ ткнулъ своимъ мокрымъ носомъ въ мою руку.

— Дѣдъ? кто дѣдъ? спросилъ я.

— Эта вотъ собака, чудо какая, продолжалъ пояснять онъ, указывая картину, на которой была изображена довольно безобразная моська. Эта собака, по имени Тренчъ, однажды задушила въ 5½ минутъ 607 крысъ... Повѣрите?.. Я дѣйствительно готовъ былъ не повѣрить, но остальная публика также хвалила собаку и подтверждала слова моего собесѣдника. Одинъ старикъ прошамкалъ: «Да, да, я самъ видѣлъ!» Мнѣ, конечно, оставалось только повѣрить.

— Такъ вотъ эта собака—дѣдъ Фи, что сегодня пойдетъ на крысъ.

— А, вотъ что! Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на фамильный портретъ, потомъ оглядѣлся кругомъ. Многіе изъ посѣтителей были съ собаками, и этихъ собакъ всѣ разсматривали. Нѣкоторые предлагали продать собаку, другіе торговались. Собаки вообще вели себя крайне неприлично, визжали, пищали, метались. Онѣ привыкли воевать съ крысами, чуяли близость своего врага и видимо приходили въ азартъ. Кто-то спросилъ довольно громко: готово? и кто-то тихо отвѣтилъ «готово». Странно было видѣть, что при этомъ звукѣ собаки заметались еще пуще прежняго

Сигнала никто не подавалъ и отвѣтъ «готово», какъ оказалось, бывшій сигналомъ, не поднялъ всю публику на ноги. Изъ портерной и изъ задней комнаты посѣтители стали выбираться по одному, по два, осторожно, и проходить въ какую-то дверь, узкую и низкую, около стойки. Пошли и мы. Въ это время въ кабакъ съ улицы вошелъ джентльменъ-щеголь, небрежно и нетерпѣливо взглянувшій на преграждавшую ему путь толпу.

— Скоро? спросилъ онъ хозяина, который, низко поклонившись, отвѣчалъ: сію минуту, пожалуйте, полковникъ. Въ это время къ дому, только не со стороны портерной, быстро подъѣхалъ и круто остановился экипажъ; хозяинъ бросилъ на руки своей помощницѣ стаканъ и полотенце, которымъ его вытиралъ, и исчезъ, словно сквозь землю провалился. Когда мы подымались по узкой лѣстницѣ въ верхній этажъ, гдѣ должна была происходить травля, я видѣлъ какъ онъ ввелъ въ сѣни, на которыя эта лѣстница выходила, высокую даму, закутанную въ мѣховую шубку и статнаго господина въ модномъ барашковомъ пальто (признакъ богатства въ Лондонѣ), за ними выступалъ высокій лакей въ ливреѣ съ галунами, на рукахъ онъ несъ пушистаго и бѣлаго какъ снѣгъ, черноглазаго крошечнаго крысолова. Лэди любовно взглянула на собачку, когда она встрепенулась, почуявъ ненавистнаго ей звѣрька.

Вся публика, въ томъ числѣ и мы, поднявшись по лѣстницѣ, вошли въ завѣтную комнату. Комната была просторная, но низкая, ставни были плотно закрыты, шторы спущены, посрединѣ комнаты круглое пространство, приблизительно сажень въ діаметрѣ, было обнесено сплошной досчатой загородкой. Вышина ея не превышала полутора аршина. Внутри этой загородки и должна была происходить травля. Полъ и внутреннія стѣны ея были выкрашены бѣлой масляной краской. Нѣсколько яркихъ газовыхъ лампъ ярко освѣщали ее. Хозяинъ размѣстилъ почетныхъ гостей, въ томъ числѣ лорда съ супругой и красиваго полковника на почетныхъ мѣстахъ, въ креслахъ, поставленныхъ на возвышеніи возлѣ самой загородки; остальная публика, состоящая изъ торговыхъ людей, рабочихъ, прислуги и всякихъ разночинцевъ, размѣстилась какъ попало: по столамъ, по скамейкамъ, вскарабкалась и на окно, на какіе-то сундуки, быть можетъ, наполненные крысами. Представленіе началось.

Сынъ хозяина, коренастый шестнадцатилѣтній мальчикъ принесъ какую-то большую желѣзную клѣтку. Онъ ее едва держалъ; за проволочной рѣшеткой, что-то черное, какъ будто безформенно переливалось: это были крысы. Мальчикъ вошелъ на средину арены, поставилъ клѣтку на полъ, открылъ маленькое отверстіе, въ которое едва могъ просунуть свою жирную и мускулистую руку и сталъ шарить что-то въ этой черной массѣ. Онъ выбиралъ крысъ: выкинулъ на полъ одну, другую, десятую, двадцатую.

— Смотри—покрупнѣе, крикнулъ кто-то въ толпѣ, мальчикъ продолжалъ выкидывать крысъ одну за другой. Изумительно, какъ онѣ не изглодали его руку. Безобразные звѣрьки, выпущенные на свободу, поднимали кверху свои заостренныя рыльца, обнюхивались, становились на заднія лапы и какъ зайцы чистили носъ. Собаки на рукахъ своихъ владѣльцевъ подняли адскій гвальтъ. Крысы, едва ихъ настоящій врагъ—плоскомордая съ кривыми, какъ у портного, ногами Фи, былъ впущенъ въ кругъ, всѣ бросились къ одной сторонѣ, скучились одна на другую, одна къ другой, прижались—и не шелохнутся. Умная собака спокойно стала около этой отвратительной черной массы. Хозяинъ заведенія громко объявилъ, глядя на часы съ репетиціею, минуты и секунды. Одинъ человѣкъ, нѣчто въ родѣ загонщика тоже вскочилъ въ кругъ. Собака тихо подошла къ грудѣ крысъ и выхвативъ за шиворотъ, какъ кошка таскаетъ котятъ, одну изъ нихъ, ударила ее со всей силы объ полъ головой.

— Брось, мертвая! крикнулъ помощникъ, когда собака на мгновеніе задумалась. Собака бросила издыхающую тварь и схватила другую. Но другая умудрилась въ ея пасти изогнуться и вцѣпиться зубами въ носъ собаки. Фи, какъ истый англичанинъ, не потеряла присутствія духа, съ отвратительной ношей

*) Около 30 коп.

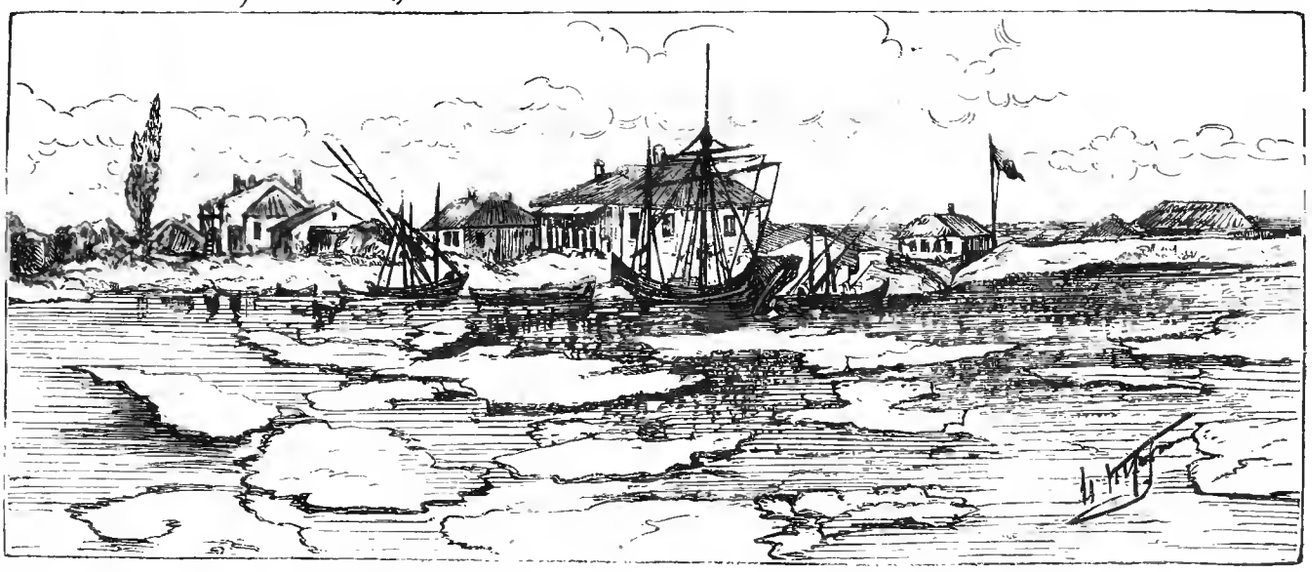
Библиотека "Руниверс"

Въ Яссахъ (въ Румыніи). Типы и сцены съ натуры. Рис. нашъ спеціальный корреспондентъ П. Каразинъ.

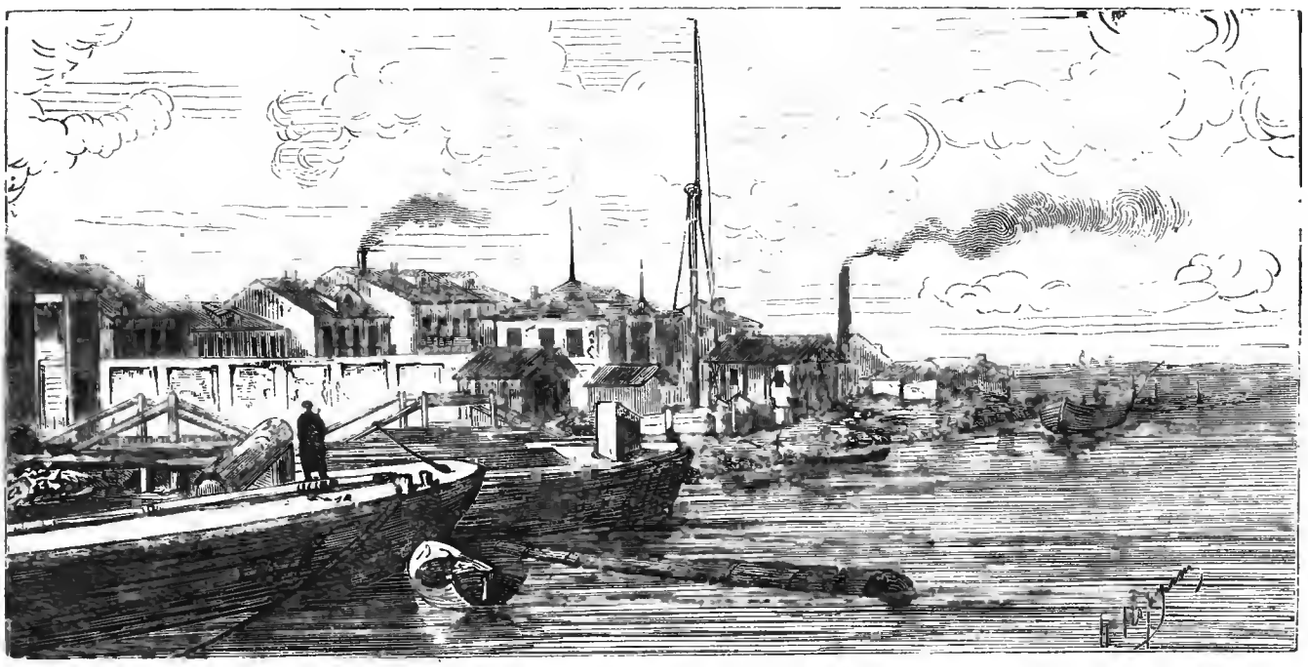
1) Головные уборы лошадей. 2) Окрестные крестьяне. 3) Нищій. 4) Кавалеристъ въ домашней формѣ. 5) Кучеръ, читающій газету. 6) Щеголь. 7) Еврей предъ табакемъ. 8 Женщины изъ состоятельныхъ классовъ.

Библиотека "Руниверс"

На берегахъ р. Дуная. (Путевые эскизы нашего спеціальнаго корреспондента).



Селеніе Затокъ, противъ Галаца. (Таможенный постъ).



Пароходная пристань въ Галацѣ.

Пристань въ Браиловѣ. Турецкій Галіотъ.

Рис. съ натуры Н. Каразинъ, Грав. Боярскій

Библиотека "Руниверс"

на мордѣ, которая душила ее, она отступила задомъ къ стѣнѣ и потомъ со всѣхъ ногъ бросилась на противоположную стѣну, къ которой точно пригвоздила врага. Рукоплесканія и браво! оглушили меня. Собака же, не тратя времени, уже работала надъ третьей, пятой, десятой и т. д.

Восемь! громко провозгласилъ хозяинъ; значитъ восемь минутъ прошло съ начала травли. Разъяренную собаку едва оттащили отъ арены: она, не смотря на то, что была вся въ крови, не смотря на то, что у нея были искусаны и ноги, и морда, рвалась въ бой и визжала, покуда ее не унесли, то отвратительно злобно, то жалобно, словно умаливая дать подраться.

Но хозяйскій сынъ уже считалъ на аренѣ побѣжденныхъ крысъ, онъ ихъ бралъ за хвостъ и бросалъ на середину, покрытую кровью и крысиными внутренностями пола. Оказалось, что задавлено 87 штукъ. Въ минуту по двѣнадцати. Недурно, только дюжины не хватило до сотни. Фи не заслужила приза, но заслужила одобренія и рукоплесканія. Мѣдныя деньги посыпались въ пустую корзину, которая какъ-то очутилась на аренѣ—это публика вознаграждала помощника собаки.

Когда поле брани было освобождено отъ мертвыхъ тѣлъ и подчищено насколько это было возможно, хозяинъ предложилъ желающимъ позабавить своихъ собакъ. Какой-то оборванецъ предложилъ сосѣду купцу продать принесенную имъ собаку... «Ладно, говоритъ, попробуемъ». Пустили собаку въ кругъ, пустили къ ней крысъ. Плохо. Собака больше боится крысъ, чѣмъ онѣ ея. Сдѣлка не состоялась. Потомъ краснолицый фермеръ въ широкополой шляпѣ, пожелалъ позабавить себя и выпустилъ своего терріера.

— Подайте-ка ему дюжинки двѣ, прохрипѣлъ этотъ налитый пивомъ англичанинъ. Подали собакѣ двѣ дюжины живыхъ крысъ, она на нихъ взглянула и не успѣли онѣ собраться въ кучу,—ни одной изъ нихъ не осталось уже въ живыхъ. Это произвело рѣшительный фуроръ.

— Продаете? крикнулъ хозяину героя полковникъ: сто гиней (800 р.). Фермеръ только улыбнулся и отрицательно мотнулъ головой. Лэди что-то шепнула мужу, посматривая на собаку, мужъ что-то сказалъ хозяину заведенія. Я узналъ, выходя изъ портерной, что собака была куплена лордомъ за 250 гиней, т. е. почти за 2.000 рублей.

Травля продолжалась почти до полуночи, и не только масса публики, но почетныя лица, какъ будто съ грустью оставляли это отвратительное зрѣлище. Въ заключеніе хозяинъ объявилъ, что въ слѣдующую пятницу назначается травля съ призами: собака, которая удавитъ менѣе чѣмъ въ 6 минутъ 100 крысъ получитъ серебряный ошейникъ.

Надо замѣтить, что публика, присутствовавшая при травлѣ, не переставала оказывать вниманіе разнымъ напиткамъ, и что при выходѣ изъ комнаты, въ которой давались представленія, съ каждаго было взято хозяиномъ по шиллингу.

Р.

Къ рисункамъ.

Сорокопутъ чернолобый.

(Lanius minor).

Между пѣвчими птицами встрѣчается много хищниковъ и притомъ чрезвычайно кровожадныхъ. Таковы сорокопуты (или греческія сороки), относящіеся къ семейству зубчатоклювыхъ. Семейство это, распространенное по всѣмъ частямъ свѣта, состоитъ изъ 12 родовъ, изъ которыхъ 8 водится у насъ въ Россіи. Это самыя задорныя птицы, которыя дерутся со всѣми другими, нападая даже на болѣе сильныхъ, чѣмъ сами. Они отличаются сильнымъ тѣломъ, большою круглою головою и крѣпкими острыми когтями на длинныхъ пальцахъ своихъ ногъ; широкія закругленныя крылья ихъ и длинный хвостъ напоминаютъ нашихъ сорокъ, а сжатый съ боковъ крючковатый клювъ, оканчивающійся зубцомъ, приближаетъ ихъ къ хищнымъ.

Представителемъ одного изъ этихъ родовъ является въ средней Европѣ сорокопутъ черноголовый, довольно красивая птица, величиною съ дрозда.

Оперение его на верхней сторонѣ свѣтлопепельнаго цвѣта, на нижней бѣлаго, съ розовымъ налетомъ на груди, лобъ и уздечка черные, крылья также черныя, за исключеніемъ бѣлаго пятна, идущаго по корневой половинѣ девяти первыхъ маховыхъ перьевъ. Самка сходна съ самцемъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что ее трудно отличить отъ него.

Пѣніе чернолобаго сорокопута довольно разнообразно: онъ удачно подражаетъ многимъ пѣвчимъ птицамъ. Въ пѣснѣ его слышатся трель жаворонка, перебой перепела, чирканье воробья, щебетанье ласточки и проч.; но ко всему этому онъ прибавляетъ свой собственный призывной кликъ „гэ, гэ, гэ“ или „трую, трую“.

Держится сорокопутъ постоянно по опушкамъ лиственныхъ лѣсовъ, садясь на самыя верхушки высокихъ деревьевъ. Отсюда онъ быстро нападаетъ на свою добычу, которую составляютъ для него жуки, бабочки, кузнечики, мошки и даже маленькія птички. Схвативъ свою жертву, онъ садится съ ней опять на верхушку дерева и тотчасъ же съѣдаетъ, если голоденъ; въ противномъ случаѣ, онъ насаживаетъ ее на острые шипы терновника или акаціи, какъ будто желая потѣшиться надъ своею жертвой. На приложенномъ рисункѣ сорокопутъ насаживаетъ на шипы мышь, которая еще жива и грызетъ въ предсмертныхъ своихъ мукахъ сукъ, сдѣлавшійся для нея вселицей.

Органы чувствъ этой птицы чрезвычайно остры, въ особенности зрѣніе. Мыслительныя способности ея также замѣчательны; она хорошо различаетъ опасныхъ и неопасныхъ для нея людей и животныхъ. Благодаря своему мужеству, сорокопутъ выказываетъ сильную вражду ко всѣмъ хищнымъ птицамъ, нападая даже на ястребовъ и перепелятниковъ, отъ которыхъ, однакожь, ему достается немало. Съ своими собственными родичами онъ живетъ въ такомъ же плохомъ согласіи, и только во время поры любви царствуетъ полный миръ между супругами одной пары. Гнѣздо свое онъ вьетъ на большой высотѣ, среди густыхъ вѣтвей дерева, употребляя для этого хворостинки, сѣно, солому, шерсть и перья. Самка кладетъ 6—7 яичекъ зеленоватаго цвѣта съ бурыми и фіолетовыми пятнышками. Самецъ помогаетъ ей въ высиживаніи птенцовъ, которые выходятъ обыкновенно черезъ 2 недѣли.

Въ неволѣ сорокопутъ очень занимателенъ. Онъ скоро дѣлается ручнымъ, научается узнавать своего хозяина, привѣтствуетъ его громкимъ крикомъ, повторяя ему свои смѣшанныя пѣсни. Конечно, нельзя держать его вмѣстѣ съ другими пѣвчими птицами по его разбойническому характеру. Въ прежнія времена, говорятъ, обучали сорокопутовъ ловить соколовъ.

Чернолобый сорокопутъ принадлежитъ къ перелетнымъ птицамъ. Онъ является въ Европу только въ маѣ и уже въ концѣ августа собирается въ обратный путь. Зиму проводитъ онъ въ средней Африкѣ.

Утесъ у береговъ острова Б. Менэнъ.

У восточныхъ береговъ Сѣверной Америки, въ штатѣ Мэнъ, нѣсколько южнѣе залива Фундиди, лежитъ островъ Большой Менэнъ. Онъ расположенъ при самомъ входѣ въ Пассамокидскую бухту и очень мѣшаетъ проходу судовъ, въ особенности при юговосточномъ вѣтрѣ. Но берега его, своей дикой красотой, очаровываютъ зрителя и приковываютъ къ себѣ его взглядъ. При лунномъ освѣщеніи, когда разбивающіяся у подножія скалы волны блестятъ серебромъ, берегъ принимаетъ фантастическій образъ. Чернымъ стражемъ съ отблескомъ на верхушкѣ торчитъ у берега обрывокъ отъ скалы и какъ будто хочетъ сказать: „какой корабль отважится подойти сюда!“... И пусто кругомъ,

Лишь вѣтра слышится дыханье
И шумное плесканіе валовъ...

На Дунаѣ и въ Яссахъ.

(Путевые эскизы нашего спеціальнаго корреспондента).

3 первые наброска представляютъ берега Дуная въ Румыніи, т. е. въ Молдавіи и Валахіи. Эта многоводная рѣка, протекающая $2^1/_2$ тысячи верстъ, беретъ начало въ горахъ Шварцвальда, въ Баденскомъ герцогствѣ, при городѣ Орсовѣ входитъ въ турецкія владѣнія, отъ устья р. Прута до Чернаго моря прежде граничила съ Россіею.

„Ахъ, Дунай ты нашъ, Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай“, припѣвается въ нѣкоторыхъ нашихъ пѣсняхъ; а въ былинахъ русскихъ Дунай Ивановичъ является храбрымъ, удалымъ молодцомъ, гуляющимъ изъ земли въ землю. И пѣсня, и былина напоминаютъ ту древнѣйшую пору, когда русскіе славяне, за одно съ прочими своими братьями, жили еще при Дунаѣ.

Дунай касается только южной части Молдавіи, а Валахія вся расположена въ Нижнедунайской равнинѣ, странѣ очень плодородной, которая могла бы быть житницею Европы, если бы земли здѣсь обработывались какъ слѣдуетъ. Отъ природы край этотъ надѣленъ, какъ нельзя лучше: плодородная почва хорошо орошена рѣками, климатъ здоровый, но не достаетъ дѣятельности со стороны жителей. Молдаво-Валахи или Румыны происходятъ, какъ полагаютъ, изъ смѣси древнихъ Даковъ, завладѣвшихъ этими землями въ IV столѣтіи по Р. Х., Римлянъ и, наконецъ, Славянъ. Языкъ ихъ заключаетъ въ себѣ $^9/_{10}$ искаженныхъ латинскихъ словъ и только $^1/_{10}$ словъ славянскихъ, турецкихъ, венгерскихъ и греческихъ. Румыны крѣпкаго сложенія, способны ко всякаго рода ремесламъ, но лѣнивы и склонны къ горячительнымъ напиткамъ. Они занимаются преимущественно скотоводствомъ, предпочитая его тяжелому труду земледѣльца. Валахія производитъ значительное количество хлѣба, особенно кукурузы, любимой пищи Валаховъ; родъ пудинга изъ кукурузы, называемый у нихъ *мамальыга*, посыпанный *бринзою*, т. е. овечьимъ сыромъ, составляетъ ихъ національное блюдо.

Библиотека "Руниверс"

Безъ большаго ухода ростутъ здѣсь виноградъ и всякаго рода плоды въ изобиліи. Тучные луга питаютъ множество лошадей, буйволовъ и всякаго рода домашняго скота, а большіе лѣса даютъ дрова и дичь болѣе, чѣмъ нужно жителямъ: каменной соли также много. Нигдѣ почти нѣтъ столько соловьевъ, какъ въ Нижнедунайской равнинѣ, а по Дунаю и его притокамъ плаваютъ стада пеликановъ, у которыхъ здѣсь хорошій рыбный столъ.

Тремя устьями достигаетъ Дунай Чернаго моря. Дельта его представляетъ огромный лѣсъ камыша, вышиною футовъ въ десять, перерѣзанный рукавами рѣки, озерами и лужами, гдѣ гнѣздятся стаи водныхъ и болотныхъ птицъ, прячутся буйволы и рыщутъ волки.

Изъ набросковъ видно, что тамъ началась уже весна: по Дунаю, у селенія Затокъ, идетъ ледъ, а рисунки Галаца и Браилова представляютъ рѣку уже свободною отъ льда.

Селеніе Затокъ расположено на правомъ, турецкомъ берегу Дуная, какъ разъ противъ города Галаца; оно служитъ таможеннымъ постомъ.

Галацъ — молдавскій городъ, находящійся на лѣвомъ берегу Дуная, между устьями рѣкъ Серета и Прута. Въ немъ былъ заключенъ у насъ съ Турціей миръ въ 1791 г. Городъ составляетъ центръ торговли для всей Румыніи и первоклассный хлѣбный рынокъ: онъ окруженъ стѣною, имѣетъ много греческихъ церквей, массу магазиновъ для разныхъ товаровъ. Гавань его наполнена русскими, англійскими, турецкими и греческими судами. Русскіе привозятъ сюда главнымъ образомъ кожи и табакъ; греки—сукно, шелковыя ткани и мягкую рухлядь; турки—сафьянъ, пряности, ароматы; евреи—золотыя издѣлія и разные камни.

Браиловъ—городъ Валахіи, стоитъ также на лѣвомъ берегу Дуная, въ 60 верстахъ (вверхъ по рѣкѣ) отъ Галаца, близь устья рѣки Серета, протекающей по срединѣ Молдавіи. Городъ этотъ 3 раза былъ въ рукахъ русскихъ: при Екатеринѣ II въ 1770 г., при Александрѣ I въ 1809 г. и при Николаѣ I въ 1828 году. Онъ представлялъ прежде сильную крѣпость, пріобрѣтеніе которой стоило большихъ усилій. По Адріанопольскому миру, въ 1829 году, положено было взорвать минами всѣ его укрѣпленія, съ тѣмъ, чтобы турецкое правительство никогда не возобновляло ихъ. Дунай у Браилова дѣлится на 6 рукавовъ, изъ которыхъ одинъ составляетъ его гавань. Въ послѣдней всегда множество судовъ. Они отправляются отсюда съ разными товарами въ Константинополь. Браиловъ, подобно своему сосѣду, принадлежитъ къ числу первыхъ хлѣбныхъ рынковъ. Жители его съ успѣхомъ занимаются рыбною ловлею; бѣлуги и осетры составляютъ главную добычу ея.

Наброски на предъидущій страницѣ представляютъ картинки изъ жизни Яссъ. Хотя городъ этотъ считается молдавскимъ, но главную массу населенія составляютъ евреи, поляки и нѣмцы: молдаване здѣсь только чиновники, небольшое число лавочниковъ и простонародье. Вліяніе нѣмецкаго элемента наглядно показываютъ лошади въ шорахъ и кучеръ съ газетой въ рукахъ. Евреи, какъ видно на наброскѣ, имѣютъ полный просторъ завертываться въ свои дырявыя и грязныя тряпки. Вывѣска на стѣнѣ показываетъ, что и сюда зашла „расейска чайная".

Библіографія.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми Д-ра Сниткина С.-Петербургъ 1876 г., цѣна 1 р. 50 к.

Для человѣка еще недостаточно одной инстинктивной привязанности къ своимъ дѣтямъ, онъ долженъ *умѣть* любить ихъ и заботиться о томъ, чтобы дѣти выростали здоровыми, крѣпкими, умственно и нравственно развитыми. Это долгъ каждаго человѣка. Къ несчастію, въ нашемъ обществѣ на каждомъ шагу встрѣчаются примѣры самаго небрежнаго отношенія къ дѣтямъ, и полное неумѣнье окружить ихъ правильнымъ уходомъ. Оттого-то у насъ и такая громадная смертность между дѣтьми, особенно въ первые мѣсяцы ихъ жизни. Рождаясь на свѣтъ слабымъ, вполнѣ безпомощнымъ, ребенокъ можетъ жить только при условіи попеченій и заботъ о немъ Естественнымъ образомъ, чѣмъ заботы о ребенкѣ разумнѣе, чѣмъ правильнѣе развивается ребенокъ, тѣмъ вѣрнѣе обезпечивается его будущность. Между тѣмъ, въ простыхъ классахъ общества вмѣсто знанія ухода встрѣчается только масса предразсудковъ и различныхъ несообразностей—у людей богатыхъ, вмѣсто удовлетворенія правильныхъ требованій при уходѣ за ребенкомъ—множество совершенно ненужныхъ и даже вредящихъ дитяти заботъ.

Возьмемъ для примѣра изъ числа предразсудковъ хотя одно леченіе отъ *глаза*. Ребенку, видимо не здоровится, онъ нездоровъ отъ недосмотра, отъ скверной, кислой соски, которую окружающіе, желая успокоить ребенка, всовываютъ ему въ ротъ. Но это въ расчетъ не принимается и нездоровье относятъ къ *глазу*. Тогда наговариваютъ надъ водой принятыя въ этомъ случаѣ слова и этой водой вспрыскиваютъ ребенка совершенно неожиданно. Понятенъ эффектъ такого обращенія! Въ богатыхъ домахъ изъ множества неправильно понятыхъ ухаживаній за ребенкомъ возьмемъ хотя даже куреніе ароматическими веществами въ дѣтской комнатѣ, тяжелые занавѣсы, ширмы, ковры — тогда какъ необходимы одна лишь чистота, чистота самая безукоризненная, и больше свѣта и больше простора для обмѣна воздуха.

Ухаживающіе за дѣтьми должны содѣйствовать правильному росту ребенка всѣми разумными мѣрами. Знаніе ухода необходимо какъ матерямъ, такъ и нянямъ, берущимся за дѣло воспитанія.

Вотъ потому-то и необходимо большое распространеніе въ публикѣ здоровыхъ понятій и научныхъ свѣдѣній по части воспитанія, чтобы наши женщины, въ рукахъ которыхъ находится первое воспитаніе рождающагося человѣка, дѣйствовали сознательно, безъ грубыхъ ошибокъ, вредно вліяющихъ на правильный ходъ развитія молодого организма.

Вышедшая въ концѣ истекшаго года книга Д-ра Сниткина «Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми» истинно порадовала тѣмъ, что въ ней собраны совѣты опытнаго руководителя, основанные на научныхъ истинахъ и провѣренные личнымъ опытомъ. Въ простомъ языкѣ изложеніи, Д-ръ Сниткинъ преподаетъ пріемы пеленанія, кормленія, купанія ребенка. Даетъ совѣты для выбора кормилицъ, указываетъ способы искусственнаго кормленія. Онъ говоритъ о содержаніи дѣтской комнаты, о пріученіи ребенка къ прогулкамъ, о первыхъ играхъ; а во второй половинѣ книги сообщаетъ свѣдѣнія о всевозможныхъ болѣзняхъ, встрѣчающихся у дѣтей—ушибахъ, эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзняхъ. Излагаетъ примѣты для распознованія болѣзни и способы первоначальной помощи.

Книгу Д-ра Сниткина можно считать прекраснымъ пріобрѣтеніемъ, въ особенности же для лицъ, живущихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ достать доктора представляется большой трудностью.

Политическое обозрѣніе.

Выражаясь фигурнымъ языкомъ поклонниковъ всяческаго умиротворенія, Сербія уже «преподнесена теперь пальмовая вѣтвь мира», потому что вотъ уже сербскіе делегаты, Христичъ и Матичъ, въ сопровожденіи Пертефа-Эффенди, выѣзжаютъ изъ Константинополя. Пертефъ-Эффенди везетъ съ собою пресловутый, но все еще неизвѣстный со стороны содержанія, состряпанный султаномъ фирманъ, которымъ *возстановлены прежнія отношенія* между Портою и Сербіей. Черногорія тоже на пути къ примиренію съ Турціей, но примиренію почетному. По послѣднимъ извѣстіямъ, переговоры въ Константинополѣ между делегатами Черногоріи и представителями Порты подвигаются впередъ очень туго. Черногорцы требуютъ исправленія границъ княжества, съ присоединеніемъ къ Черногоріи порта Спицца, водворенія на родинѣ семействъ, бѣжавшихъ изъ Герцеговины, и представленія черногорцамъ права свободнаго плаванія по Скутарійскому озеру и рѣкѣ Боянѣ; послѣдній пунктъ, впрочемъ, черногорскіе делегаты считаютъ второстепеннымъ, но за остальные пункты делегаты стоятъ твердо, признавая ихъ *основными*, не подлежащими никакимъ измѣненіямъ, а тѣмъ менѣе сокращеніямъ. Турецкій совѣтъ министровъ, по совѣщаніи, призналъ эти требованія «чрезмѣрными». Но черногорскіе делегаты остаются непреклонными и продолжаютъ съ энергіей настаивать на своихъ требованіяхъ. Предстоитъ новое обсужденіе дѣла въ совѣтѣ турецкихъ министровъ.

Въ Сербіи такъ называемая «великая сербская скупщина», имѣвшая цѣлью обсудить заключеніе мира съ Турціей, существовала всего *полтора часа*, и это потому, что цѣль, для которой она собиралась, была уже предрѣшена, такъ что открытіе ея было замедлено до послѣдняго дня перемирія. При открытіи ея произнесена была княземъ Миланомъ рѣчь о необходимости мира. Затѣмъ Ристичъ изложилъ условія мира. Нѣкоторые депутаты прерывали рѣчь Ристича. Далѣе послѣдовало голосованіе «за миръ или за войну». Понятно, что большинство оказалось за миръ. Въ заключеніе князь приказалъ министру прочитать указъ о закрытіи скупщины, изготовленный раньше. Но на слѣдующій день князю поданъ былъ адресъ, покрытый множествомъ подписей, въ которомъ выражена была горячая просьба о созваніи снова скупщины, такъ какъ прошлое ея собраніе было слишкомъ скороспѣшно и не выяснило дѣла. Но адресъ этотъ не былъ принятъ княземъ. Послѣ этого распространились слухи о протоколѣ скупщины, подписанномъ меньшинствомъ, о торжествѣ англійскаго вліянія въ Конакѣ сербскаго князя и т. д. Слухи эти какъ нельзя болѣе естественны. Сербія побѣждена превосходствомъ дикой силы и ей не должна вмѣняться въ моральномъ смыслѣ, ея поспѣшность заключенія мира. Ей, изнемогшей, нужно вздохнуть отъ глубокихъ ранъ.

По поводу выборовъ депутатовъ въ турецкій парламентъ, производимыхъ въ разныхъ провинціяхъ Турціи, происходятъ весь-

Библиотека "Руниверс"

ма забавныя столкновенія. Такъ, недавно населеніе въ Ливанѣ и Критѣ отказалось выбрать депутатовъ въ національное собраніе. Но губернаторъ о—ва Крита приказалъ произвести выборъ насильственно (?!). Мы, по всей вѣроятности, еще много встрѣтимъ въ будущемъ такихъ подвиговъ турецкихъ чиновниковъ по поводу выборовъ, если только судьба надолго опредѣлила игру турецкой конституціонной комедіи, къ несчастію, неразрывно связанной все съ новыми и новыми проявленіями турецкаго звѣрства надъ балканскими христіанами. Недавно одинъ, грекъ, выбранный въ турецкій парламентъ, сложилъ съ себя это званіе... Всѣ эти эпизоды весьма знаменательны для quasi-конституціонной жизни Турціи.

Затѣмъ Турція дѣлаетъ выходки, уже просто непонятныя по своей дерзости. Такъ, недавно въ Дарданеллахъ турецкое правительство велѣло задержать нашъ пароходъ «Цесаревичъ», шедшій изъ Одессы съ грузомъ хлѣба въ Каттаро. Уже была послана телеграмма въ Дарданеллы съ приказаніемъ задержать пароходъ, но послѣдній прошелъ проливъ раньше полученія телеграммы турецкими властями.

Въ pendant къ этому рѣзкому факту турецкой дерзости нужно присовокупить еще и другой. Австрійскіе пароходы возятъ военные снаряды въ Батумъ и Варну. Услужливость Турціи со стороны Австріи — неизбѣжная политическая комбинація. Впрочемъ, что касается Турціи, то почти изъ всѣхъ источниковъ подтверждается, что тамъ господствуетъ во всѣхъ дѣлахъ величайшая путаница, прогрессивно растущая съ умерщвленія Абдулъ-Азиса. Государство колеблется изъ стороны въ сторону, и никто не знаетъ, въ состояніи ли Порта завтра выполнить сегодняшнія свои обѣщанія. Въ виду этого, становятся въ тупикъ всѣ остроумныя комбинаціи европейскихъ публицистовъ на счетъ возможности войны. Недавно произвело на всѣхъ странное впечатлѣніе то обстоятельство, что Порта отправила флотъ въ Средиземное море, но сама Порта объясняетъ это намѣреніемъ «произвести морскіе маневры».

— Пребываніе въ Берлинѣ нашего константинопольскаго посла, генерала Игнатьева, дало, по обыкновенію, европейской прессѣ обильный матеріалъ для разнообразныхъ комбинацій въ пользу войны или мира. Вопросъ ставится такъ: имѣетъ ли политическое значеніе путешествіе генерала по Европѣ. Намъ кажется предрѣшеніе этого вопроса теперь излишне и преждевременно.

Въ засѣданіяхъ обѣихъ палатъ англійскаго правительства мы встрѣчаемъ обсужденіе различныхъ пунктовъ восточнаго вопроса, преимущественно со стороны знаменитой Парижской декларацiи 1856 г. Почему эта декларація интересуетъ Англію въ лицѣ ея ораторовъ, понятно. Парижская декларація создала для балканскихъ славянъ именно то положеніе, которое стало, наконецъ, невыносимо и произвело взрывъ возстанія. Для Англіи эта декларація выгодна и потому такъ много тратится на нее краснорѣчія. Въ недавнемъ засѣданіи Палаты Общинъ происходили пренія объ этой декларацiи со стороны *морскаго права*. Читателю понятно, на что мѣтитъ Англія, поднимая въ парламентѣ обсужденіе вопроса о морскомъ правѣ въ настоящее время. Для Англіи ея сила есть именно морское право, т. е. право силы и злоупотребленія этимъ правомъ. Ей надо, въ виду возможности войны, заручиться правомъ морскаго захвата и каперства, въ каковомъ отношеніи парижская декларація 1856 г. связывала ей руки. Одинъ изъ ораторовъ, Боркъ, однакожъ, тонко далъ понять, что обсужденіе подобнаго вопроса, собственно говоря, пустословіе: что стоитъ только разразиться войнѣ—и договоръ о неприкосновенности частныхъ судовъ на морѣ не будетъ даже стоить штемпельной бумаги, на которой находятся имена подписавшихъ его!—Правдиво и откровенно!

— Въ Америкѣ выбранъ въ президенты республиканскій кандидатъ Гейсъ—это уже совершившійся фактъ. Гейсъ уже занялъ присвоенное президенту Сѣверо-Американскаго Союза помѣщеніе въ Бѣломъ Домѣ. Программу своего правительства новый президентъ отчасти уже выяснилъ въ своемъ посланіи, заявивъ, что *нормою* его управленія будутъ взгляды, выраженные имъ при принятіи имъ кандидатуры. Какіе же эти взгляды? Развитіе ихъ и практическое примѣненіе, безъ сомнѣнія, не замедлитъ воспослѣдовать. Покамѣсть новый президентъ указываетъ на необходимость улучшить положеніе обѣднѣвшаго населенія южныхъ штатовъ и рекомендуетъ возстановить мѣстное самоуправленіе, которое сохранило бы ненарушимыми права всѣхъ гражданъ. Затѣмъ Гейсъ совѣтуетъ своимъ согражданамъ искренно подчиниться конституціи и государственнымъ законамъ. Республиканцамъ рекомендуетъ онъ дѣйствовать единодушно съ демократами. Въ видѣ средства для улучшенія моральнаго положенія населенія Америки, Гейсъ предлагаетъ основывать свободныя училища. Направлены будутъ усилія *навсегда* уничтожить *цвѣтовое различіе* между сѣверомъ и югомъ штатовъ. Въ Сѣверо-Американской конституціи предполагается ввести измѣненія въ томъ смыслѣ, чтобы президентъ былъ избираемъ на *шесть* лѣтъ и уже не могъ быть избираемымъ вновь. Шаткость торговли Гейсъ намѣренъ поправить изданіемъ закона относительно возобновленія платежей звонкою монетою. Относительно внѣшней политики провозглашается принципъ *невмѣшательства* въ дѣла другихъ государствъ. Третейскій судъ, по примѣру Гранта, будетъ примѣняться въ важныхъ международныхъ вопросахъ. Такова программа Гейса. Приведенные пункты са, особенно же касающійся отмѣны бумажныхъ денежныхъ знаковъ и возстановленія платежей золотою монетою—весьма важны (практическое примѣненіе этого пункта весьма поучительно, напримѣръ, для насъ). Мы будемъ имѣть случай познакомить читателей съ практическимъ примѣненіемъ программы Гейса.

«Русскій Инвалидъ» надняхъ сообщилъ о состоявшемся распоряженіи по сформированію новыхъ девяти корпусовъ. По словамъ газеты, преобразованіе это есть ничто иное, какъ одна изъ частей общаго плана переустройства и расширенія нашей военной организаціи, разработаннаго и Высочайше утвержденнаго еще въ 1873 году, когда признано было необходимымъ развить и усилить наши вооруженныя силы и оборонительныя средства. Однакожъ, самая организація корпусовъ не была приведена въ исполненіе, частью по финансовымъ соображеніямъ, частью же потому, что въ то время не была еще осуществлена нормальная дислокація, на которой основывалось распредѣленіе войскъ по корпусамъ, и безъ этого части одного и того же корпуса оказались бы слишкомъ разбросанными.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

8. **Н. Куз — у.** Изъ вашихъ стиховъ въ почтовый ящикъ трудно сдѣлать выборъ: одна строка лучше другой. Беремъ на удачу:

Въ эту ночь звѣзды блистали
А луна текла полна
Тамъ въ Цареградѣ собравшись муллы на звѣзды глядели
Счастлива ли будетъ война.

Или: Изъ за морей явились
Черныя тучи и потомъ
Розовыми пятнами онѣ покрылись
И понеслись съ вѣтромъ.

Едва ли можно „сочинить" что нибудь болѣе... странное.

9. **Прага, Л Каригу.** Разсказъ «Лойтъ Гойджо», взять можемъ, но времени его напечатанія нельзя опредѣлить. Увѣдомьте объ условіяхъ. Переводами обильно богаты и здѣсь.

2 **Новгородъ, С. Бур — ому.** Нужно подождать напечатанія статей; но не можемъ сказать, чтобы это случилось очень скоро.

СОДЕРЖАНІЕ: **Вѣчная тнань.** (Стихотвореніе) **Я. Полонскаго** (съ рисункомъ). — **Сосредоточилась.** (Эскизъ съ натуры) **Г—а.—Къ исторіи морской змѣи** (съ 3-мя рисунками).—**Литературный альбомъ.** („Шейлокъ". Драма Шекспира) (съ рис.) — Англійскія нравы. (Травля крысъ) **Р.—Соронопутъ чернолобый** (съ рисункомъ). — **Утесъ у береговъ острова Б. Мензиъ** (съ рисункомъ) **На Дунаѣ и въ Яссахъ.** (Путевые эскизы нашего спеціальнаго корреспондента **Н. Каразина**) (съ 11 рисунками).—Библіографія. — Политическое обозрѣніе. — Почтовый ящикъ.—Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за МАРТЪ съ 29 рисунками и большой листъ съ 25 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и „съ 12 рисунками рукодѣльныхъ работъ и разнообразными буквами для мѣтки бѣлья".**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ДЛЯ РУССКИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ.

Томъ III вып. I содержащее сочин. Р. И. Шредера („Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ"). Ц. 2 р.

Для непріобрѣтавшихъ „Настольную книгу" сочиненіе это поступило въ продажу и въ особенномъ изданіи подъ заглавіемъ:

РУССКІЙ ОГОРОДЪ, ПИТОМНИКЪ и ПЛОДОВЫЙ САДЪ.

Сочин. **Р. И. Шредера**, главнаго садовника и преподавателя садовод. въ Петровск. Землед. Академіи. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 руб. 75 коп

Сочиненіе это представляетъ новѣйшее, полнѣйшее и самое дешевое руководство садоводства на русскомъ языкѣ; оно основано на 25-лѣтнемъ опытѣ автора и на изслѣдованіяхъ произведенныхъ имъ въ теченіи этого времени въ разныхъ климатическихъ полосахъ Россіи. Гг. Иногородные, адресующіе свои требованія прямо на имя издателя А. Ф. Деприена въ С.-Петербургъ (Вас. Остр., Большой пр., № 8) за пересылку не платятъ.

— НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ. —

Этимъ способомъ всякій безъ малѣйшей подготовки можетъ копировать всевозможные рисунки, фотографіи, эстампы, а также съ натуры; цвѣты, минералы и т. п. Цѣна за приборъ (съ приложеніемъ **новаго способа умноженія** посредствомъ сложенія) 2 руб. съ пересылкою. Адр.: въ контору объявленій Невскій пр. д. Ергенса въ С.-Петербургѣ. 1—1

У книгопродавца **Манухина въ Москвѣ:**

КНИГА ПРОЦЕНТОВЪ,

вычисленные съ капиталовъ отъ **рубля до ста тысячъ** р. за время **отъ дня до полнаго года.** Состав. В. Коломнинъ. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к. въ переплетѣ 3 р.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ПѢНІЯ

Собраніе пѣсень всѣхъ націй, романсовъ, оперныхъ арій, поденильныхъ куплетовъ, шансонетовъ, комическихъ, юмористическихъ и стихотвореній; съ прибавленіемъ при многихъ №№ обозначены *ноты* для голоса. Состав. Общ. Любителей пѣнія и музыки. М. 1876. Ц. 3 р.

КАЛЕНДАРЬ БРЮСОВЪ.

Съ портретомъ Брюса и предсказаніями будущности, таблицы круга лунаго и пр., 19 отдѣловъ. Харьковъ. 1875 г. Ц. 2 р., въ переплетѣ 3 руб.

ДОМБИ и СЫНЪ

романъ въ 3 частяхъ Диккенса. М. 1877 г. Ц. 3 руб.

ШУТЪ. Собраніе куплетовъ, сатирическихъ народныхъ сценъ и веселыхъ разсказовъ. Соч. Мушинскаго М. 1876 г. Цѣна 50 к.

Лицамъ интересующимся дѣломъ благотворенія и **само—помощи** рекомендуется новая книга составленная І. Е. Зечмелемъ:

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЛОНДОНА

содержащая критическую оцѣнку **РУССКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.**

Эта книга удостоена посвященія Ея Величеству **Государынѣ Императрицѣ.** Ц. съ пересылкою 1 р. въ изящ. перепл. 2 р. Складъ у автора въ Центральное бюро объявленій и переводовъ Невскій пр. № 4 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 4 Марта 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Больш. Морская № 9. Тип. Безлинг. Анг. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 11 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 14 Марта 1877 г.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . 5 р.
III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ, чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева . . . . 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы“.

А. А. Непокойчицкій.

Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ дѣятелямъ на поприщѣ государственной службы, заслуги которыхъ можно, безъ всякаго преувеличенія, измѣрять полнымъ числомъ лѣтъ ихъ службы.

Окончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества Корпусѣ (въ 1832 г.) и вслѣдъ затѣмъ въ Военной Академіи (въ 1835 г.), Непокойчицкій поступилъ немедленно на службу въ 5-й пѣхотный корпусъ, въ которомъ, по зачисленіи въ Генеральный Штабъ, занималъ (съ 1836 по 1849 годъ) послѣдовательно должности дивизіоннаго квартирмейстера, старшаго адъютанта въ корпусномъ штабѣ, оберъ-квартирмейстера корпуса и принималъ, въ этотъ промежутокъ времени, участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, въ кампаніи 1841 г.— по особому назначенію, въ кампаніи же 1843, 1844 и 1845 годовъ — съ войсками 5-го пѣхотнаго корпуса подъ командою генерала отъ инфантеріи Лидерса. Ему посчастливилось, такимъ образомъ, пройти первую практическую школу военнаго дѣла подъ руководствомъ одного изъ самыхъ талантливыхъ и опытныхъ генераловъ нашей тогдашней арміи, какимъ былъ, безъ сомнѣнія, покойный графъ Александръ Николаевичъ, и пройти на столько успѣшно, что съ открытіемъ венгерской кампаніи Непокойчицкій уже является однимъ изъ сотрудниковъ своего славнаго руководителя: съ іюня 1849 года — исправляя должность начальника штаба отряда войскъ 5-го корпуса, дѣйствующаго въ Трансильваніи *), а съ сентября того же года—исправляя должность начальника штаба войскъ, находящихся въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи.

Генералъ-Адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій. Грав. съ фотогр. Вейерманъ.

Дѣйствія генерала Лидерса въ Трансильваніи, блистательно выполнившаго совершенно самостоятельную часть общаго плана венгерской кампаніи нашей, достойны, конечно, занять почетное мѣсто въ военной исторіи, а насколько генералъ этотъ цѣнилъ участіе въ подобномъ успѣхѣ своего начальника штаба, о томъ уже безспорно свидѣтельствуютъ послѣдующія назначенія Артура Адамовича Непокойчицкаго подъ команду къ тому же генералу Лидерсу: начальникомъ штаба 5-го корпуса (въ январѣ 1852 г.), начальникомъ штаба южной арміи (въ мартѣ 1855 г.), начальникомъ главнаго штаба южной арміи и войскъ, въ Крыму расположенныхъ (въ декабрѣ 1855 г.), и начальникомъ главнаго штаба вновь сформированной второй арміи (въ мартѣ 1856 г.).

*) Послѣ генерала Скарятина смертельно раненнаго въ сраженіи при Сечесварѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ мирнаго времени Артуръ Адамовичъ не переставалъ служить интересамъ той же арміи, съ которою такъ сблизился и сроднился въ эпоху своей боевой службы. Въ званіяхъ члена военнаго совѣта, предсѣдателя главнаго военно-кадификаціоннаго комитета, предсѣдателя многихъ особыхъ временныхъ коммиссій онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и предложеній какъ административныхъ, такъ и законодательныхъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, Артуръ Адамовичъ состоитъ начальникомъ штаба нашей дѣйствующей арміи. Считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь о недавней кавалерійской поѣздкѣ его изъ Кишинева въ Одессу. Разстояніе между этими двумя пунктами считается около 170 верстъ и, по первоначальному предположенію, кавалерійскій отрядъ, назначенный въ эту поѣздку, долженъ былъ пробѣжать данное разстояніе въ два дня, полагая на каждый день около восьмидесяти верстъ движенія. Цѣль проѣздки, кромѣ желанія провѣрить степень выносливости коней и всадниковъ, заключала въ себѣ еще и желаніе доставить неожиданное удовольствіе Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему, который, въ качествѣ генералъ-инспектора кавалеріи, своими настойчивыми трудами довелъ русскую конницу до того, что для нея подобные переходы и пробѣжки стали самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

30-го января, въ 7 часовъ утра, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, въ сопровожденіи свиты изъ охотниковъ-кавалеристовъ, выступилъ съ дивизіономъ терцевъ и кубанцевъ изъ Кишинева. Не успѣлъ отрядъ отойти отъ города и десяти верстъ, какъ поднялась жесточайшая буря. Студеный сѣверо-западный вѣтеръ вылъ, не переставая ни на минуту, и безпрестанно налеталъ столь порывистыми шквалами, что порою валилъ съ ногъ не только пѣшеходовъ, но даже, какъ передаютъ очевидцы, опрокидывалъ и запряженныя телѣги. Страшно было и подумать, чтобы выѣхать куда-либо за городъ, и даже парные извозчики, такъ называемые „фаэтонщики", поряженные нѣкоторыми лицами, за 30 рублей каждый, до Гуры-Галбины, мѣстечка, лежащаго въ сорока верстахъ отъ Кишинева, возвращали нанимателямъ задатки, наотрѣзъ отказываясь выѣхать въ такую непогодь. Очевидцы сказываютъ, что въ этомъ же краю помнятъ подобную бурю только двадцать два года назадъ, когда два батальона, посланные изъ Кишинева въ Измаилъ и Килію, совершенно погибли, закоченѣвъ въ степи отъ нестерпимаго холода. Понятно, что въ виду такого состоянія погоды, всѣ военные люди, остававшіеся въ Кишиневѣ, крайне тревожились и даже серьезно опасались за исходъ кавалерійской поѣздки, а въ особенности за здоровье генералъ-адъютанта Непокойчицкаго. Только на третьи сутки узнали изъ частныхъ телеграммъ, что 1-го февраля, въ часъ пополудни, отрядъ благополучно и въ полномъ своемъ составѣ прибылъ въ Одессу, прошелъ вдоль по городу до Ришельевскаго бульвара, на которомъ имѣетъ помѣщеніе во дворцѣ Его Императорское Высочество и былъ проведенъ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Главнокомандующаго, который изволилъ смотрѣть изъ окна. Его Императорское Высочество остался совершенно доволенъ бодрымъ видомъ людей и свѣжестью лошадей, прошедшихъ 170-верстный путь въ три перехода при такихъ ужасныхъ условіяхъ погоды, и нашелъ весь отрядъ въ полномъ порядкѣ. Заболѣвшихъ всадниковъ и лошадей не было; оказалось только нѣсколько расковавшихся копытъ. Въ первый день отрядъ подъ непрестанною бурею сдѣлалъ 76½ верстъ и остановился въ селеніи Карагашъ, а 11-я бригада, прошедшая около 90 верстъ, расположилась бивуакомъ въ колоніи Страсбургъ. Остальной путь, въ виду ужаснаго состоянія погоды, былъ раздѣленъ на два перехода, одинъ въ 56 и другой въ 44 версты. Генералъ-адъютантъ Непокойчицкій все время слѣдовалъ верхомъ во главѣ отряда и, какъ свидѣтельствуютъ телеграммы и частныя письма, по прибытіи въ Одессу чувствовалъ себя, не смотря на свои почтенные годы, совершенно бодрымъ, свѣжимъ и здоровымъ.

Къ фортепьянной пьесѣ „Тоссата", Шумана.

Съ неба теплымъ покрываломъ
Ночь осенняя спустилась;
Вся земля туманомъ сѣрымъ,
Словно саваномъ, укрылась.
Дождикъ мелкій бьетъ въ окошко.
Вѣтеръ грустно завываетъ...
Этотъ вой тоску мнѣ въ сердце
Поневолѣ нагоняетъ:
То заплачетъ какъ ребенокъ,
То съ рыданьемъ оборвется,
То съ какимъ-то дикимъ стономъ
Вплоть къ окошку принесется....
Вдругъ затихъ... По стекламъ струйки,
Словно слезы, полилися,
Стоны, плачъ, рыданья вѣтра
Въ даль куда-то унеслися...
Еле слышенъ тихій ропотъ...
Этотъ стонъ изъ-за могилы
Предо мною вызвалъ образъ,
Горько-памятный и милый...

* * *

Много, о много ты въ жизни страдала,
Счастливыхъ дней ты почти что не знала,
Ночью осеннею ты умирала....
Я лишь рыдалъ, ты-жь меня утѣшала,
Слабой рукой мою руку сжимала:
„Полно, родной мой", чуть слышно шептала...
Тихо душа разставалась съ землей,
Въ міръ навсегда отлетая иной...

* * *

Въ эту ночь тоски и горя,
Какъ со мною ты простилась,
Вся земля въ туманѣ сѣромъ,
Какъ теперь, до утра скрылась.
Дождикъ также билъ въ окошко
И, въ рыданьяхъ надрываясь,
Съ тѣмъ же самымъ дикимъ стономъ,
Вплоть къ окошкамъ порываясь,
Несся вѣтеръ. И по стекламъ
Также струйки слезъ лилися,
Также плачъ и стоны чьи-то
Въ даль безвѣстную неслися.

А. Размадзе.

Современный женихъ.

(Картинка съ натуры).

До отхода поѣзда въ Москву осталось часъ времени; Петербургскій вокзалъ Николаевской желѣзной дороги полонъ суетящагося снующаго взадъ и впередъ народа. Уже началась та хлопотливо-суетливая, безпорядочно-хаотическая дѣятельность, которая достигаетъ своего апогея за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, когда суетливая толкотня, переноска тяжестей багажа, говоръ, возгласы, гамъ, соединяясь съ безпрестаннымъ свистомъ и шипѣньемъ локомотивовъ, заставляютъ непривычнаго къ такой суетѣ и толкотнѣ выходить изъ себя и дѣлать возгласы, въ родѣ: „чертъ ихъ носитъ—угорѣлые". Какъ не позавидовать тѣмъ счастливцамъ, которымъ удалось уже получить билетъ, сдать свой багажъ и спокойно ожидать звонка. Къ числу такихъ можно отнести Алексѣя Алексѣевича Алексѣева, который уже сдалъ свой багажъ и неторопливо пробирается отъ кассы.

Алексѣй Алексѣевичъ Алексѣевъ—молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, брюнетъ съ пробивающимися на верхней губѣ тонкими, темными усами; сѣрые глаза его изъ-подъ черныхъ тонкихъ бровей глядятъ спокойно, ясно, а на довольно красиво очерченныхъ губахъ его появляется едва замѣтная презрительная улыбка, что отчасти ему къ лицу; одѣтъ онъ по дорожному и нѣсколько щеголеватый костюмъ его сидитъ на немъ ловко и красиво; движенія его отличаются развязною неторопливостью, твердостью и увѣренностью; словомъ, онъ смотритъ человѣкомъ не только довольнымъ положеніемъ своихъ обстоятельствъ, но и довольнымъ собою.

Молодая дѣвушка въ драповомъ пальто съ перехваченнымъ у таліи поясомъ, замѣтивъ Алексѣева, пошла было къ нему на встрѣчу, но, сдѣлавъ нѣсколько ша-

Библиотека "Руниверс"

говъ, сложила руки и остановилась. Дѣвушка эта не поражала красотой; черты ея лица были хотя нѣжны и довольно пропорціональны, но далеко не отличались безукоризненною правильностью; тѣмъ не менѣе, видъ ея былъ весьма симпатиченъ, а озарившая было ея лице, при появленіи Алексѣева, улыбка была восхитительна. Но это было мгновеніе; вслѣдъ за радостною улыбкой свѣтлорусая ея головка, прикрытая круглой бархатной шляпкой съ повязанным на ней бѣлымъ газовымъ вуалемъ, уже печально склонилась; и исподлобья устремленный на подходившаго молодаго человѣка, взглядъ ея темно-синихъ глазъ выразилъ и робость, и душевную тревогу.

— Ну, слава Богу! Справился! сказалъ Алексѣевъ, подходя къ дѣвушкѣ, и, справляясь съ часами, прибавилъ: еще три четверти часа осталось! Да! какъ бы спохватясь сказалъ онъ — я, кажется, зонтикъ и сакъ оставилъ тамъ, на скамейкѣ!?

— Мама стережетъ вашъ зонтикъ, и мѣшокъ! замѣтно волнуясь, отвѣчала молодая дѣвушка, указывая по направленію, гдѣ сидѣла худощавая пожилая дама въ атласномъ поношенномъ салопѣ.

— А, а! протянулъ Алексѣевъ.

Они пошли рядомъ. Люба вздохнула.

— Я никакъ не могу свыкнуться съ мыслью, что вы уѣзжаете! Какое-то зловѣщее предчувствіе тревожитъ мое сердце! И по правдѣ вамъ сказать, я не понимаю причины зачѣмъ вамъ ѣхать, — говорила Люба, и на рѣсницахъ ея навертывались слезы. Вы говорите, что меня любите, а не обращаете вниманія на то, какъ мнѣ тяжело переносить разлуку съ вами! Или вы перестали меня любить и вамъ не жаль меня, вашей невѣсты, которую, по словамъ же вашимъ, вы выбрали спутницей жизни и въ горѣ и радости?.. Не уѣзжай, милый! Дѣло не уйдетъ изъ рукъ,—будь въ томъ увѣренъ!.. Ужь послѣ свадьбы, — уѣхали бы вмѣстѣ жить и работать! А не то,—такъ мы съ мамою живо собрались бы и уѣхали бы съ вами вмѣстѣ?

— Люба, вы меня мучите! сказалъ ей Алексѣевъ Я васъ дважды не понимаю! Мнѣ нужно ѣхать и ѣхать скорѣе; считаю, что дѣло это не терпитъ отлагательства, а я изо дня въ день, благодаря вамъ, и то откладывалъ поѣздку! Наконецъ, вѣдь я вамъ разъяснялъ и вы разсудили, что гораздо удобнѣе, сходнѣе мнѣ ѣхать теперь одному! И что за такая чепуха эти „зловѣщія предчувствія“.

— Да! отвѣчала Люба, — это чепуха! Не только чепуха—это жалко и смѣшно! Но какъ мнѣ не тревожиться: вы выбрали меня въ спутницы своей жизни, день свадьбы нашей уже былъ назначенъ — вдругъ вы рѣшаетесь отложить свадьбу, разстаться со мной и только потому, что получили предложеніе быть управляющимъ на какомъ-то тамъ заводѣ...

—Да... но вѣдь я же не отказываюсь отъ васъ,—перебилъ Алексѣевъ.

— Не отказываетесь! съ горькой усмѣшкой повторила Люба.

— Развѣ возможно,—перебилъ Алексѣевъ,—мнѣ легко отнестись къ случаю, доставляющему столько выгодъ и средствъ къ жизни? Нѣтъ, Люба! Я пренебрегалъ бы этимъ развѣ въ томъ только случаѣ, еслибъ увлекался, какъ этого вамъ желательно; а такъ-какъ я не увлекаюсь, подобно вамъ, то и не желаю ставить на второй планъ свои выгоды изъ-за ничѣмъ необъяснимой поспѣшности сочетаться бракомъ!

— Вотъ что! обидчивымъ тономъ сказала Люба. Слѣдовательно, по вашимъ словамъ, выходитъ, что ко мнѣ и къ моей любви можно отнестись легко потому, что вы мною только увлекаетесь?!

— Вы даже неудачно придираетесь къ моимъ словамъ! отвѣчалъ ей Алексѣевъ. Я вами вовсе не увлеченъ! И слава Богу! Увлеченіе я считаю безотчетнымъ, разнузданнымъ и глупымъ чувствомъ, а потому стараюсь избѣгать всякихъ увлеченій, и относиться ко всему разумно: несоблюденіе сего благого правила, по моему, служило и служитъ источникомъ многихъ золъ въ жизни. Небольшая еще заслуга — продолжалъ съ насмѣшливо-презрительнымъ тономъ Алексѣевъ—увлечься женщиной и затѣмъ, вмѣсто обоюднаго счастія, сдѣлать жизнь другъ другу невыносимымъ бременемъ.

— Но какое же чувство руководило вами, когда вы за меня сватались?

— Такое, которое гораздо прочнѣе безотчетнаго увлеченія! чувство того сознательнаго уваженія, расположенія, если хотите, той любви, которую я къ вамъ питалъ и питаю, гдѣ самая сознательность служитъ какъ бы ручательствомъ, залогомъ будущаго счастія семейнаго очага!

— О, милый! съ нѣжностью говорила Люба. Но точно ли вы истинно любите меня? Любите ли вы меня такъ, какъ я васъ люблю! Мнѣ все кажется, что вы меня такъ мало любите, что я и моя любовь для васъ нисколько не дороже выгоднаго случая, въ родѣ мѣста съ большимъ жалованьемъ!

— Вѣроятно, вы хорошо знаете,—съ нѣкоторой досадой отвѣчалъ Алексѣевъ,—что я вамъ сдѣлалъ предложеніе, предварительно хорошо обдумавъ это дѣло! Я нашелъ въ васъ нѣкоторымъ образомъ цѣнность, которая оправдываетъ мой выборъ съ точки зрѣнія разума. Цѣнность эта состоитъ: во-первыхъ, въ нравственныхъ вашихъ достоинствахъ; во-вторыхъ, въ физическихъ вашихъ достоинствахъ, ибо недостатокъ привлекательности, молодости, здоровья и такъ далѣе все же составляетъ недостатокъ, а въ этомъ случаѣ тѣмъ паче; въ-третьихъ, равнымъ образомъ, и въ выгодахъ, приносимыхъ вами съ чисто матерьяльной хозяйственной стороны, другими словами, въ вашихъ 20 тысячахъ рублей и въ домѣ. Состоящая, какъ видите, изъ всего этого ваша цѣнность и послужила достаточнымъ поводомъ сдѣлать мнѣ предложеніе....

—А если вамъ встрѣтится особа, по вашему, имѣющая большую цѣнность, чѣмъ я? Тогда что? Не долго думая, вы смѣните меня на нее?

— Ахъ, Люба! Что говорить о томъ, чего еще нѣтъ? Можемъ ли мы вѣрно сказать, что съ нами будетъ и чего не будетъ? На все есть свои правила! съ достоинствомъ сказалъ Алексѣевъ. Правила эти вытекаютъ изъ самой природы вещей; и всякій порядочный человѣкъ, дорожащій своимъ благосостояніемъ, сообразуется съ этими правилами долга, чести, добра и справедливости, обусловливающими его личный интересъ и существованіе и неприкосновенность его семейнаго очага!...

Дѣвушка съ лихорадочнымъ напряженіемъ вслушивалась въ слова Алексѣева, и по лицу ея видно было какія душевныя страданія переживаетъ она, слушая его.

Раздался первый звонокъ. Двери залы отворились на дебаркадеръ настежъ. Все еще больше задвигалось и масса пассажировъ, перегоняя другъ друга, повалила къ выходу на дебаркадеръ. Совсѣмъ затерявшаяся въ этой движущейся массѣ народа Люба, какъ бы ошеломленная чѣмъ-то, остановилась и остолбенѣла.

Алексѣевъ, подошедъ и подавъ Любѣ руку, вывелъ ее изъ этого состоянія и повелъ къ тому мѣсту, гдѣ была ея мать. Дѣвушка, склонясь къ плечу Алексѣева, заплакала....

— Ну, прощайте Анисья Захаровна! Пора мнѣ; боюсь опоздать! сказалъ Алексѣевъ, подошедъ вмѣстѣ съ Любою къ ея матери и, цѣлуя у нея руку, прибавилъ—вотъ, успокойте Любу, она очень встревожена!

— Прощайте, прощайте Алексѣй Алексѣевичъ! говорила Анисья Захаровна. Вспоминайте насъ почаще!

Алексѣевъ забралъ свои вещи; Люба съ красными отъ

Библиотека "Руниверс"

слезъ глазами безмолвно стояла и слѣдила за всѣми движеніями молодого человѣка.

— Я думаю, продолжала говорить Анисья Захаровна, вы завтра утромъ раненько ужь будете въ Москвѣ? Чтожь! раздумывая, заключила она. А тамъ по чугункѣ живо доѣдете до вашихъ мѣстъ!...

— А скажите! Далеко будетъ отъ города имѣньице вашего батюшки? спрашивала Анисья Захаровна, когда Алексѣевъ, справившись окончательно, бралъ въ лѣвую руку свой сакъ-вояжъ.

— Всего три версты! скоро отвѣтилъ онъ ей и, обратившись къ Любѣ, сказалъ — Прощайте Люба!

Дѣвушка не трогалась съ мѣста и не отвѣчала ему. Онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку. Раздался второй звонокъ. Люба, какъ бы опомнившись, бросилась къ нему на шею, обнимая его, цѣлуя, прижимая крѣпко къ своей груди и, вновь заливаясь слезами, говорила:

— Милый мой! Ради Бога, не забывай меня! Пиши какъ можно чаще! Не разлюби, не погуби... Нѣтъ! вдругъ встревоженнымъ голосомъ заключила дѣвушка. Не могу! Мнѣ страшно разстаться съ вами! Я ѣду съ вами сама: вещей брать мнѣ не нужно никакихъ!.. Возьмите меня! Ради Бога! умоляла Люба.

— Что съ вами, Люба? Успокойтесь! урезонивалъ ее Алексѣевъ. Анисья Захаровна, успокойте, пожалуйста, Любу! добавилъ онъ быстро затѣмъ отъ нихъ удаляясь.

— Ну, Любочка, ангелъ мой! Будь-же благоразумна!... начала было Анисья Захаровна.

Но Любочка не слушала и не слышала ея словъ. По уходѣ Алексѣева, Любочка тотчасъ скорыми шагами пошла вслѣдъ за нимъ на дебаркадеръ. Она видѣла какъ Алексѣевъ вошелъ въ вагонъ третьяго класса. Жадно устремляя взоръ на окна этого вагона, ей хотѣлось еще разъ, хотя издали, увидать его, проститься съ нимъ, но онъ не показывался. Прозвонили третій звонокъ, засвистѣлъ свистокъ, затѣмъ раздался всеоглушающій свистъ локомотива и поѣздъ, шипя, началъ трогаться. А Люба все еще смотрѣла, все еще надѣялась, что вотъ-вотъ онъ выглянетъ, ласково взглянетъ на нее, любовно простится съ нею; невольно даже побѣжала она вслѣдъ за двигающимися вагонами, добѣжала до конца, далѣе и бѣжать нельзя, но напрасно — она его не видала. Вотъ, уже скрывается поѣздъ за стоящими въ нѣсколько рядовъ пустыми вагонами, за строеніями, за сараями, вотъ уже и совсѣмъ скрылся — а Люба все еще стоитъ на томъ же мѣстѣ, все еще смотритъ по тому же направленію точно въ какомъ-то оцѣпененіи. Анисья Захаровна подошла къ ней сза-

Стихотвореніе.

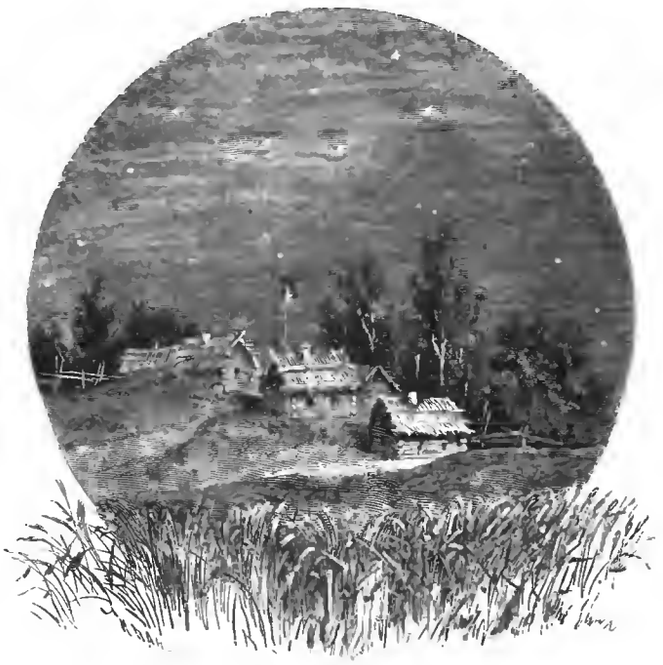
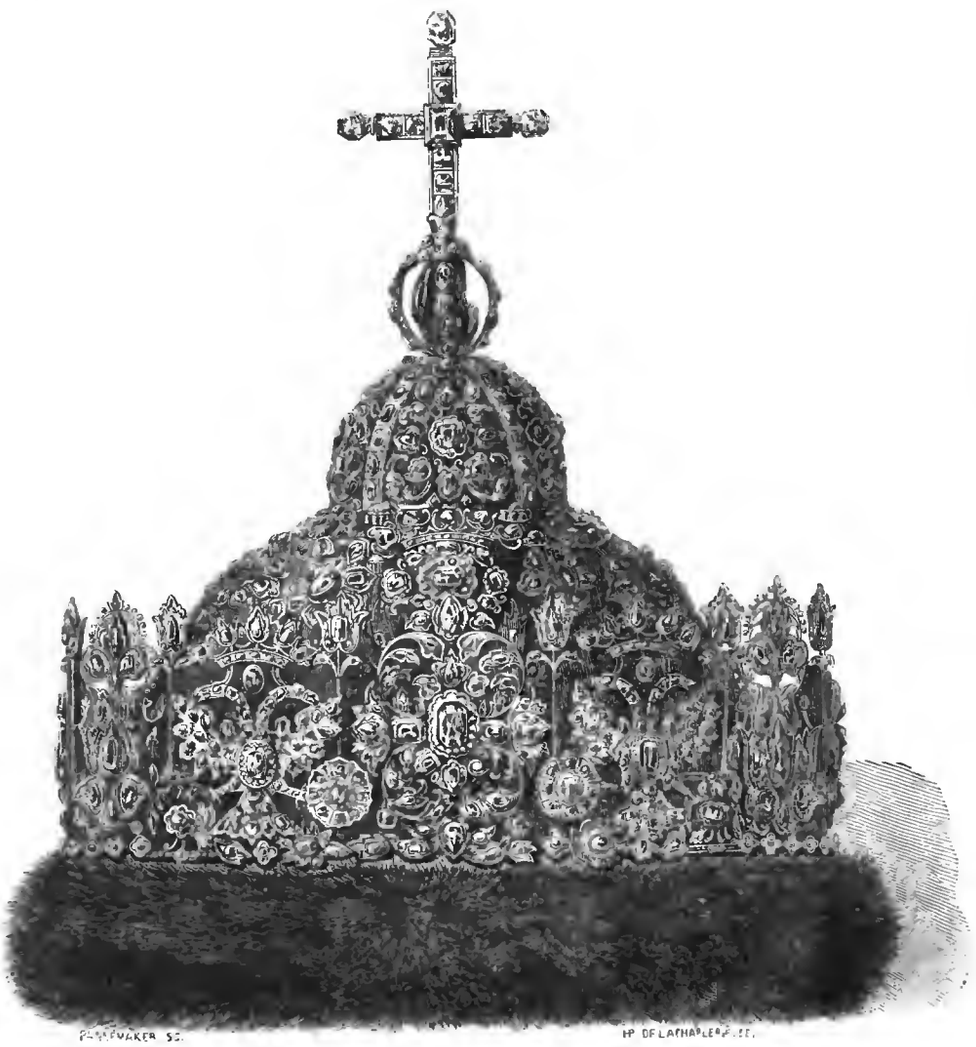


Рис. И. Пановъ, грав. Вейерманъ.

Спокойное, звѣздное небо
Плыветъ надо мной..
О, еслибъ въ душѣ моей тотъ же
Былъ свѣтъ и покой?..

А. Майковъ.



Алмазная корона царя Іоанна Алексѣевича.
Рис. съ натуры Шарлери, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

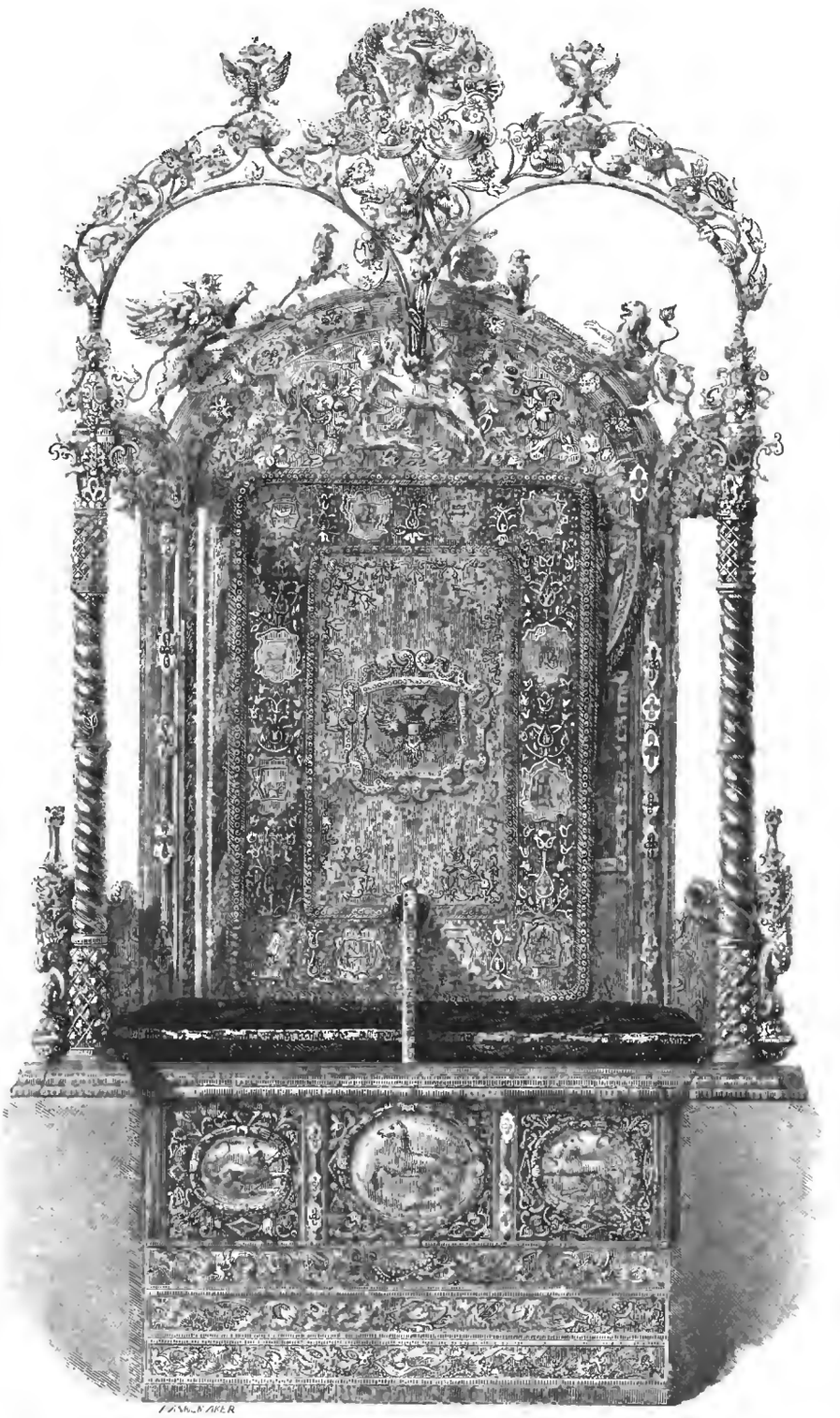
ди и, слегка дотронувшись до ея плеча, сказала.

— Ну, пора Любочка! Пойдемъ! Уже ничего не видать!...

Любочка молча обернулась, но не двигалась впередъ. На глазахъ у нее слезъ уже не было, но самые глаза глядѣли какъ-то тупо и странно, а губы нервически слегка подергивало судорогой.

— Пойдемъ же Любочка, ангелъ мой! Что такъ стоять то здѣсь? Вонъ и двери запираютъ! торопила ее Анисья Захаровна. Безсознательно повинуясь матери, Люба сдѣлала нѣсколько шаговъ и зашаталась. Анисья Захаровна встревожилась, стала поддерживать ее за талію и, идя такимъ образомъ съ нею, старалась ее успокоить и утѣшить словами:

— Господь съ тобою, Любочка! Успокойся! Побереги себя! Можно ли такъ безпокоиться! Вѣдь скоро и вернется Алексѣй-то Алексѣевичъ! Вѣдь женихъ тебѣ!



Серебряный двойной тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.
Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

Медленно проходили Анисья Захаровна и Люба опустѣвшую залу вокзала, казавшуюся теперь странно безмолвною послѣ раздававшагося въ ней шума. У подъѣзда ждала ихъ наемная извощичья карета. На окликъ Анисьи Захаровны извощикъ сталъ старательно хлестать не сразу берущихъ съ мѣста своихъ невзрачныхъ большихъ лошадей и неловко подъѣхалъ къ подъѣзду. Анисья Захаровна, съ трудомъ отворивъ дверцу кареты, заботливо усадила свою дочку, а послѣ уже сама безъ посторонней помощи усѣлась рядомъ съ нею. Дверца хлопнула и карета покатилась.

Ну что же — нашъ Алексѣй Алексѣевичъ вернется или нѣтъ?... Ну, какъ онъ встрѣтитъ тамъ нѣчто *представляющее большую цѣнность*, которую полюбитъ болѣе сознательною любовью?...

Бѣдная Люба!

Г. Чекмаревъ

Обоюдное царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—1696 г.*)

Въ Московской оружейной палатѣ хранятся драгоцѣнные остатки движимаго богатства бывшихъ великихъ князей и царей русскихъ. Здѣсь есть и утварь давнихъ дней, которая напомнитъ „столованье“ и „почестные пиры въ гридницахъ“, есть и вещи сравнительно позднѣйшихъ временъ, представляющія собою изъ разныхъ эпохъ: а) *царскій чинъ* (регаліи), какъ-то, одежды государей домашнія, торжественныя и военныя, вѣнцы, троны, оружіе; б) одежды и вещи царицъ, и в) богатое собраніе посуды и другого рода утвари.

Въ числѣ этихъ вещей есть тронъ обоюднаго царствованія, или двойной тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Какъ самое названіе показываетъ: *обоюдное царствованіе*—тронъ былъ сдѣланъ въ такое время, когда у насъ было двудержавіе, были два царя: Іоаннъ и Петръ, въ послѣдствіи Великій,—дѣти царя и Великаго князя всей Россіи Алексѣя Михайловича.

Странное это было время и, по счастію, оно не повторилось еще во весь тысячелѣтній періодъ нашей исторіи. Было у насъ въ удѣльный такъ называемый періодъ по нѣскольку князей, или правителей, сразу, но тогда и государство не было цѣльнымъ и единымъ, а дробилась на столько же самостоятельныхъ областей, или участковъ, сколько было наличныхъ правящихъ князей, такъ что каждый князь былъ въ своей области полно-

*) Въ № 52 «Нивы» за 1875 г. былъ помѣщенъ рисунокъ трона царей Петра и Іоанна, но не тотъ самый, который помѣщается въ настоящемъ № «Нивы», что можно видѣть изъ сравненія ихъ между собою. Этотъ послѣдній значительно изящнѣе и богаче прежняго, можетъ быть, ему предшествовавшаго.

Библиотека "Руниверс"

властнымъ господиномъ: издавалъ законы для своей области, начиналъ войну, или заключалъ миръ по своему усмотрѣнію. Но по мѣрѣ того, какъ эти мелкія княжества ослаблялись, и возвышалось среди ихъ одно Московское,—удѣльные князья теряли свою власть и дѣлались простыми подданными Московскаго владѣльца. Пришло, наконецъ, время, что всѣ области подчинены были Москвѣ, и тогда князей-правителей этихъ областей не стало. Остался одинъ государь и правитель всея Руси—князь, въ послѣдствіи царь, Московскій. Съ этого времени на московскомъ царствѣ уже былъ постоянно одинъ государь-правитель, потому что и царство московское было единое и нераздѣльное царство. Но вотъ случилось къ концу XVII столѣтія, что въ православной, единой и нераздѣльной Руси явилось два государя: Іоаннъ и Петръ. Случилось это такъ:

Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, старшій сынъ царя Алексѣя Михайловича, наслѣдовавшій своему отцу на престолѣ въ 1672 г., умеръ 27 апрѣля 1682 г. бездѣтнымъ. Послѣ него оставались въ царскомъ семействѣ братья Іоаннъ 16 лѣтъ и Петръ 10 лѣтъ и 8 сестеръ. Іоаннъ и шесть старшихъ сестеръ, изъ которыхъ выдавалась болѣе всѣхъ по уму и энергіи Софья, рождены были отъ одной матери, Марьи Милославской: Петръ съ двумя младшими сестрами родился отъ другой, Натальи Нарышкиной (царь Алексѣй Михайловичъ женатъ былъ два раза). Теперь представлялся вопросъ: кто долженъ наслѣдовать Ѳеодору на престолѣ—Іоаннъ или Петръ? По обыкновенному порядку вещей, престолъ долженъ бы переходить къ Іоанну, какъ старшему брату, и вопроса тутъ собственно не могло бы быть никакого, но люди, у которыхъ тогда была власть въ рукахъ, люди, игравшіе первую роль при умершемъ Ѳеодорѣ, опасались отъ возведенія старшаго брата на престолъ послѣдствій лично для себя. Слабый тѣломъ и, какъ полагали, духомъ Іоаннъ приблизилъ бы къ себѣ съ восшествіемъ на престолъ Милославскихъ, своихъ родственниковъ, съ ихъ сильною партіею, а Милославскіе, отличавшіеся энергіею и талантами, не отличались совѣстливостью и разборчивостью средствъ: достигая власти, они начинали интриги и захватывали себѣ вліяніе и мѣсто, причемъ толкали всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ имъ на дорогѣ. При ихъ возвышеніи потерпѣли-бы наперѣдъ всего люди, стоявшіе тогда въ числѣ управленія *). Кромѣ лицъ, пользовавшихся вліяніемъ при Ѳеодорѣ, возвышенія Милославскихъ, а, стало быть, и вступленія на престолъ Іоанна, боялись Нарышкины, составлявшіе партію Петра. У Нарышкиныхъ съ Милославскими была непримиримая вражда, со времени второго брака Алексѣя Михайловича. Вражда эта перешла въ царское семейство; между дѣтьми перваго брака Алексѣева и второй его женой Натальей Кириловной, изъ рода Нарышкиныхъ, были самыя натянутыя, вовсе уже не родственныя отношенія, которыя и выражались всякій разъ въ притѣсненіяхъ или вдовы-царицы со стороны ея пасынковъ и падчерицъ, когда попадала въ ихъ руки власть, или на оборотъ. Во время управленія Ѳеодора, Наталья Кириловна съ дѣтьми удалена была отъ двора и находилась въ загонѣ. Еще болѣе горькой участи подверглись ея сторонники и родственники. Самый видный изъ нихъ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, бывшій воспитатель Натальи Кириловны, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя игравшій важную роль, былъ лишенъ имѣній и боярства и сосланъ въ Пустозерскъ. Партія Нарышкиныхъ съ Натальею Кириловною во главѣ и партія лицъ, пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ при Ѳеодорѣ, соединились, чтобы устранить Іоанна и провозгласить царемъ Петра. Были тутъ, какъ говорятъ, и государственныя соображенія, которыя будто бы заставили тогдашнихъ орудователей дѣйствовать такъ, а не иначе. Приводили въ основаніе, что Іоаннъ не былъ одаренъ особымъ умомъ, былъ даже слабоуменъ, въ то время какъ Петръ отличался уже тогда смышленностью и бойкостью. Кромѣ того, Іоаннъ былъ слабъ и физически и не обѣщалъ долголѣтія, между тѣмъ какъ Петръ и тутъ бралъ явный перевѣсъ надъ братомъ. Какъ же возвести такого человѣка на престолъ?

Но эти умствованія для безпристрастнаго человѣка не имѣютъ особой силы. Никто, во-первыхъ, изъ рѣшавшихъ тогда дѣло не былъ на совѣтѣ съ Богомъ, чтобы удостовѣрить себя и другихъ въ большей долговѣчности цвѣтущаго здоровьемъ Петра предъ слабосильнымъ и болѣзненнымъ Іоанномъ. Бываетъ нерѣдко, что люди, цвѣтущіе здоровьемъ и полные силъ, умираютъ ранѣе больныхъ и хилыхъ не только сверстниковъ, но и старшихъ себя. Притомъ же Іоаннъ если самъ былъ слабъ, то могъ имѣть крѣпкихъ и энергическихъ сыновей. Вѣдь имѣлъ же онъ дочерей въ послѣдствіи; чтоже мѣшало ожидать отъ него и сыновей? А еслибы были сыновья, и Петръ бы между тѣмъ царствовалъ, что тоже бы изъ этого вышло? Не больше резона имѣетъ и предпочтеніе, отдававшееся нравственной природѣ Петра предъ духовнымъ складомъ старшаго брата. Но развѣ ежедневный опытъ не доказываетъ непадежности и шаткости подобныхъ умозаключеній? Напримѣръ въ Людовикѣ XV и Фридрихѣ II прусскомъ, судя по юности ихъ, никто не могъ бы угадать, въ первомъ короля съ девизомъ: „послѣ насъ хоть трава не расти" (après nous le déluge), и во второмъ сконфидома, напоминавшаго своего батюшку. Какъ ни смотрѣть на государственныя причины, приводившіяся въ основаніе распоряженій относительно престола въ апрѣлѣ 1682 г., видно, что причинами этими прикрывались корыстныя дѣйствія партіи, распоряжавшейся тогда дѣлами. Замѣтить надобно еще при этомъ, что, устраняя Іоанна отъ престола по скудости его умственныхъ силъ, эту скудость выставляли, хотя и не гласно, чѣмъ-то въ родѣ идіотизма: ибо при посредственныхъ способностяхъ Іоаннъ могъ-бы править. Братъ его, Ѳеодоръ, тоже не обладалъ блестящими способностями, не отличался и энергіею характера, былъ также и крайне болѣзненъ, такъ что и умеръ вслѣдствіе своей болѣзненности 21 года отъ роду, не смотря однако на это, правленіе Ѳеодора такъ было хорошо, какъ только могло быть при тогдашнихъ государственныхъ условіяхъ. Тоже можно сказать, за исключеніемъ болѣзненности, и объ отцѣ ихъ „тишайшемъ" Алексѣѣ Михайловичѣ. Мы не знаемъ, что сдѣлалъ бы Іоаннъ, бывши самостоятельнымъ правителемъ, потому что такимъ правителемъ онъ не былъ. Четырнадцатилѣтнее пошеніе имъ царскаго титула прошло подъ опекою энергическихъ лицъ, сначала сестры, а потомъ брата: а извѣстно, что характеры слабые стушевываются предъ сильными волею людьми. Вспомнимъ, какъ терялся и не находилъ словъ предъ Петромъ Великимъ сынъ его, несчастный Алексѣй. Также бы потерялись предъ желѣзною волею преобразователя отецъ и старшій братъ, и исчезновеніе Іоанна въ тѣни, при сильныхъ духомъ братѣ и сестрѣ, отнюдь не признакъ его *крайняго слабоумія*. Идіотомъ Іоаннъ во всякомъ случаѣ, какъ намъ кажется, не былъ.

Какъ бы то ни было, Петра провозгласили царемъ, устранивъ Іоанна. Въ провозглашеніи участвовали патріархъ, бояре и Москва, то есть жители Москвы, представлявшіе при этомъ случаѣ Россію. Въ главѣ дѣлъ стали люди, принадлежавшіе къ партіи Петра, а также дѣльцы, заправлявшіе всѣмъ при Ѳеодорѣ. Мать Петра объявлена была правительницею за малолѣтствомъ царя. Люди Петровой партіи, подвергшіеся опалѣ въ послѣднее царствованіе, снова вызывались ко двору, и въ числѣ ихъ бывшій воспитатель Натальи Кириловны, бояринъ Матвѣевъ. Онъ-то и предназначался быть главнымъ дѣятелемъ новаго правительства. По способностямъ и характеру онъ вполнѣ заслуживалъ подобнаго отличія: былъ уменъ и опытенъ и, кромѣ того, отличался неоцѣненнымъ даромъ—сноровкою обходиться съ людьми, зналъ съ кѣмъ и какъ вести дѣло, не оскорблялъ самолюбія другихъ. По этой-то уживчивости его и обходительности, люди предшествовавшаго царствованія предпочли его партію съ Петромъ во главѣ, партіи Милославскихъ съ Іоанномъ.

Не долго однако пришлось новому правительству дѣйствовать. Партія Іоанна, обиженная вдвойнѣ: и самымъ устраненіемъ Іоанна, и тѣмъ, что съ этимъ устраненіемъ власть переходила въ руки ненавистной мачихи, рѣшилась предъявить свои права и захватить, если можно, власть въ свои руки. Средства къ этому скоро представились. Стрѣльцы, содержавшіе караулы въ Москвѣ, были приведены въ броженіе именно въ то время, когда умеръ Ѳеодоръ и начались споры за престолъ. Стрѣльцы заволновались, вслѣдствіе безалаберныхъ дѣйствій правительства, сначала въ послѣдніе дни Ѳеодора, а потомъ въ началѣ царствованія Петра. При Ѳеодорѣ стрѣльцы жаловались на притѣсненія своихъ начальниковъ. За жалобы наказали ихъ жестоко; при воцареніи Петра, они повторили жалобу и тутъ также жестоко отнеслись, но только не къ жалобщикамъ, а къ ихъ начальникамъ. Стрѣльцы тогда увидѣли, что съ подобнымъ правительствомъ можно шутить безнаказанно. Въ это время партія Іоанна обратилась къ нимъ за услугами. Этими волненіями воспользовалась партія Іоанна и предъявила свои права. 15 мая 1682 года, то есть двѣ недѣли спустя послѣ провозглашенія Петра царемъ, въ полдень явилась вооруженная масса стрѣльцовъ, съ намѣреніемъ отмстить за Іоанна, о которомъ имъ сказали даже, что онъ убитъ. Появленіе правительницы, Натальи Кириловны, съ обоими царевичами, Іоанномъ и Петромъ, на Красномъ крыльцѣ, въ виду всего народа, усмирило на время мятежниковъ, но тѣ, кто привелъ ихъ сюда, конечно, не хотѣли такого окончанія. Стрѣльцамъ начали внушать, что если Іоаннъ еще и живъ, то все же находится въ опасности и что эта опасность не устранится до тѣхъ поръ, пока главные злодѣи, подкапывающіеся подъ его здоровье,—а злодѣи эти Матвѣевъ и Нарышкины,—не будутъ истреблены. Вожакамъ возстанія надобно было лишить царицу-правительницу такихъ подпоръ, какъ ея родственники, чтобы вѣрнѣе выхватить изъ ея рукъ власть. Умный и тихій Матвѣевъ попробовалъ уговорить ослѣпленныхъ стрѣльцовъ и успѣлъ было произвесть на нихъ благотворное вліяніе; но тутъ вмѣшался въ дѣло другъ изъ числа тѣхъ, которые опаснѣе сотни враговъ. Молодой князь Долгорукій, Михаилъ Юрьевичъ, главный начальникъ стрѣльцовъ, допустившій своими распоряженіями имъ разнуздаться, доселѣ невидимый и недоступный стрѣльцамъ, теперь, когда дѣло висѣло на волоскѣ, вздумалъ учить ихъ и прикрикивать по-начальнически. Это было именно въ тотъ моментъ, когда благоразуміе Матвѣева стало, повидимому, приводить дѣло въ порядокъ. Возбужденная и разъяренная толпа бросилась на Долгорукаго и изрубила его. Отвѣдавъ разъ кро-

*) При Ѳеодорѣ, хотя и сынѣ Милославской, родичи его по матери оттѣснены были отъ первыхъ мѣстъ и уступили вліяніе Языковымъ, Лихачевымъ, Апраксинымъ. Эти-то люди и не хотѣли теперь Іоанна.

Библиотека "Руниверс"

ви, толпа опьянѣла и пошла истреблять всѣхъ, на кого указывали ей вожаки, или кто имѣлъ несчастіе не понравиться ей самой. Были убиты трое Нарышкиныхъ, въ томъ числѣ два брата Натальи Кириловны. Одинъ изъ братьевъ, Иванъ Кириловичъ, былъ выданъ самою царицею Натальею на смерть. Стрѣльцы до тѣхъ поръ не хотѣли прекратить своей звѣрской расправы, пока не будетъ имъ выданъ этотъ Нарышкинъ. Стрѣльцамъ сказали, что Иванъ Нарышкинъ будто бы примѣривалъ къ себѣ корону и другія царскія украшенія. Справедливость требуетъ сказать, что этотъ Нарышкинъ велъ себя очень безтактно, когда сестра сдѣлалась правительницею; да и другая роденька, кромѣ Матвѣева, не отличалась благоразуміемъ. Были убиты двое князей Долгорукихъ, вышепоказанный Михаилъ Юрьевичъ и отецъ его,—прославленный воинъ, Юрій Алексѣевичъ,—не менѣе извѣстный воевода кн. Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, стольникъ Салтыковъ, Иванъ Максимовичъ Языковъ, игравшій важную роль при Ѳеодорѣ, и много другихъ, менѣе знатныхъ людей. Все это были сторонники Петра и Нарышкиныхъ. Три дня расправлялись стрѣльцы съ тѣми, кто по ихъ мнѣнію мутилъ государство и подкапывался подъ царское здоровье.

Изъ-за крови и смутъ выяснились потомъ цѣли ихъ: стрѣльцы предъявили, что царемъ долженъ быть не только Петръ, но и Іоаннъ, и притомъ Іоаннъ долженъ именоваться старшимъ царемъ, а Петръ младшимъ. Единоутробныя сестры Іоанна, царевны, объявили, что стрѣльцы говорятъ въ этомъ случаѣ „по внушенію Божію“ и Дума государственная вмѣстѣ съ патріархомъ, 26 мая, рѣшила: Іоанну быть первымъ царемъ, а Петру вторымъ. Чрезъ три дня, 29-го мая, стрѣльцы объявили опять боярскому синклиту, что цари Іоаннъ и Петръ, по молодости своей, править не могутъ, и что поэтому надобно вручить правительство кому-нибудь постарше. Этимъ старшимъ лицомъ, по мнѣнію стрѣльцовъ, должна быть царевна Софья Алексѣевна, опять единоутробная сестра Іоанна. Софья приняла на себя правительство. Софья была и руководительницею всего движенія въ пользу Іоанна. Эта, по отзыву врага, „великаго ума“ и притомъ „мужескаго“ ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ исполненная дѣва“, могла менѣе, чѣмъ кто нибудь другой изъ ея семьи, снести оскорбленіе, нанесенное ея брату и въ его лицѣ всей роднѣ, и взялась поправить это. Она указала на стрѣльцовъ, какъ на подходящее орудіе для достиженія предположенной цѣли. Агентами ея, дѣйствовавшими на улицѣ, были князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, человѣкъ мужественный и рѣшительный, но нетвердыхъ правилъ, и стрѣлецъ Алексѣй Одинъ. Какъ была умна и рѣшительна Софія Алексѣевна видно,—помимо стрѣлецкаго возстанія въ маѣ,—изъ тѣхъ мѣръ, какія она потомъ употребляла для приведенія стрѣльцовъ въ границы покорности и послушанія, а она привела ихъ въ эти границы, что не такъ-то легко было сдѣлать кому бы то ни было, а ей особенно, замѣшанной въ стрѣлецкія козни. Мачиху Софья ненавидѣла болѣе, чѣмъ кто либо изъ ея сестеръ. Царица Наталья Кириловна была „выброшена“ изъ правительства еще ранѣе,—до окончанія стрѣлецкаго бунта.

Такъ установилось у насъ двудержавіе. Двудержавіе это продолжалось 14 лѣтъ, семь лѣтъ подъ руководствомъ Софьи, а потомъ, когда Софья была низвергнута Петромъ и заключена въ монастырь въ 1689 году, Петръ и Іоаннъ царствовали еще вмѣстѣ до 1696 года. Въ январѣ этого года Іоаннъ умеръ и единодержавіе возстановилось и возстановилось прочно. Іоаннъ не оставилъ сыновей.

Памятникомъ этого двудержавія остался, между прочимъ, двойной тронъ, рисунокъ котораго здѣсь прилагается. Тронъ сдѣланъ былъ въ Гамбургѣ и состоитъ изъ серебра, частью изъ литого, частью накладного. Въ Оружейную палату тронъ поступилъ въ 1706 году, а дотолѣ стоялъ въ Грановитой палатѣ.

Для двухъ царей-братьевъ сдѣланы были два вѣнца, или, вѣрнѣе, шапки брилліантовыя. Мы прилагаемъ здѣсь изображеніе вѣнца Іоаннова. Подъ крестомъ въ этомъ вѣнцѣ или шапкѣ лалъ (рубинъ), по вѣнцу и тулѣ, въ орлахъ и травахъ, 881 алмазъ, частью древней греческой грани. Въ вѣнцѣ царя Петра, совершенно сходномъ съ вѣнцомъ Іоанна, 847 алмазовъ, 4 рубина и 8 изумрудовъ. Замѣчательно, что вѣнцы Іоанна и Петра Алексѣевичей сдѣланы были изъ коронъ брата ихъ, бывшаго царя Ѳеодора, которому въ свою очередь эти вѣнцы сдѣланы были изъ головнаго украшенія царя Михаила Ѳеодоровича. Такимъ образомъ многія вещи изъ древняго царскаго чина, передѣлываясь для новыхъ царей, исчезали какъ памятники своего времени.

И. Зѣревъ.

Всякой мысли свое время.

(Этюдъ съ натуры).

I.

Иванъ Петровичъ, солидный господинъ, съ приличною лысиною, полулежитъ на турецкомъ диванѣ. Онъ въ драповомъ сѣромъ халатѣ съ малиновыми атласными отворотами: на ногахъ шитыя шерстью и шелкомъ туфли; въ рукѣ у него дымится сигара. Онъ осматриваетъ туфли и дѣлаетъ гримасу.

— Какой глупый узоръ! произноситъ вдругъ Иванъ Петровичъ. „И зачѣмъ это онѣ на туфляхъ розы вышиваютъ? А все—рутина... О, эта проклятая рутина! Для диванной подушки онѣ непремѣнно вышьютъ либо албанца съ голыми ногами, либо болонку, а для туфлей—розы!...

Иванъ Петровичъ отвелъ взоръ отъ рутинныхъ розановъ и пошелъ блуждать глазами по всему кабинету. Наконецъ, взглядъ его остановился опять на обуви, но на этотъ разъ на сапогахъ, хорошо вычищенныхъ, которые стояли у занавѣски его постели... Показалось ему, что Кузьма (лакей Ивана Петровича) дурно ихъ вычистилъ сегодня, что онъ, Кузьма, чертъ его знаетъ, сталъ небреженъ.

— Кузьма!

Въ голосѣ слышно раздраженіе. Является Кузьма.

— Ты это какъ сегодня мнѣ сапоги вычистилъ, а? Вѣдь ты знаешь, что мнѣ нужно вечеромъ въ клубъ!

— Какъ всегда-съ, обнаковенно,—отвѣчаетъ Кузьма, даже не выглядывая на сапоги.

— Обна-ко-венно! Что за дурацкое слово! Да ты посмотри—вонъ рыжее пятно, около носка...

Кузьма ворочаетъ бѣлками, искоса взглядываетъ на сапоги и молчитъ.

— Ну... что-жь ты?

— Прикажете взять сапоги?

— Обна-ко-венно! Такъ развѣ можно подавать? Возьми!

Кузьма беретъ сапоги, уходитъ на цыпочкахъ и притворяетъ дверь. Сапоги онъ и не думаетъ чистить, потому что находитъ ихъ достаточно хорошо вычищенными, „значитъ, у барина просто капрызъ“...

— Задурилъ нашъ-то,—говоритъ онъ въ кухнѣ, обращаясь къ кухаркѣ Матренѣ.

— Что это съ нимъ? смѣется Матрена.

— Извѣстно, что: въ должность сегодня не пошелъ, а до обѣда еще часъ остался, ну, и дуритъ съ господскаго голоду. Не въ первый разъ.

Иванъ Петровичъ молча смотритъ на дверь, за которой скрылся Кузьма.

— А вѣдь я этой бестіи подарки дѣлаю, а онъ вонъ какъ! Вообще родъ человѣческій испортился, охъ, испортился! На что ни взглянешь—все скверно. Такая вездѣ гадость пошла, все какъ-то смѣшалось, перевернулось... Гдѣ прежде требовалось уваженіе, тамъ теперь говорятъ: „плюйте!“

Что было прежде въ предрѣпіи—нынче вознесено и восхваляется... Бывало сынъ говорилъ: „Какъ вамъ, папенька, угодно“, а теперь сынъ говоритъ: „Лучше мы, папенька, умолчимъ объ этомъ, а то разойдемся“... Дѣвица, въ наше время, не смѣла глазъ поднять, вышивала албанцевъ съ голыми ногами, а теперь—а теперь тоже голыми ногами занята, но ужь не албанскими, а чертъ знаетъ какими—мертвыми! „Я,—говоритъ,—препарирую!“... Скоро совсѣмъ не будетъ ни подушекъ съ албанцами, ни туфель съ розанами... Кому вышивать подобныя вещи и потомъ подносить ихъ, какъ именинный подарокъ, родителямъ?... А все это—Америка. До чего тамъ дошло—уму непостижимо! Ужь не говоря о томъ, что тамошнія барыни и дѣвицы въ доктора полѣзли, въ присяжные засѣдатели, въ профессора—онѣ еще дальше, выше лѣзутъ... Одна—мировымъ судьей сѣла, другая—адвокатъ, третья говоритъ: „Я хочу на мѣсто Гейса, хочу въ президенты!“ Четвертая—священникомъ, по ихнему — патеромъ... Вотъ такъ сторонка!“ Иванъ Петровичъ даже протяжно свистнулъ.

— „Вѣдь это все равно,—продолжалъ онъ, — еслибы моя Настасья Егоровна вдругъ мнѣ сказала: „Иванъ Петровичъ!“—Чего-съ?—„Я желаю на ваше мѣсто“.—То есть, какже это-съ?—„Да такъ-съ, все хочу прибрать къ своимъ рукамъ и дѣйствовать самолично“.—А мнѣ-то куда прикажете дѣться?—„Да куда угодно. Переѣзжайте въ спальню, тамъ и капотъ мой надѣнете, а ужь сюртукъ и вицмундиръ мнѣ предоставьте... Справлюсь, не безпокойтесь!“

Иванъ Петровичъ умолкнулъ и какъ-то изумленно-вопросительно взглянулъ на свое изображеніе въ зеркалѣ. Сцена, нарисованная имъ, такъ живо ему представилась, что онъ ощутилъ даже небольшой жаръ въ лицѣ, а на спинѣ—мурашки...

— „А вѣдь будетъ, будетъ такъ... со временемъ! заговорилъ онъ опять, только я-то эдакаго срама, должно быть, ужь не увижу... И не знаю я, ну, чего нынѣшніе молодые мужчины смотрятъ? Вѣдь никакихъ мѣръ не принимается противъ женскаго возстанія, никакихъ!.. Ну, и дождетесь, господа, дождетесь! Будутъ на васъ верхомъ кататься, взнуздаютъ... запляшете!...

Въ кабинетъ вошла Настасья Егоровна и, мимоходомъ смахнувъ пыль со спинки кресла, сказала, обращаясь къ мужу:

Библиотека "Руниверс"

— Что это ты, Иванъ Петровичъ, валяешься? Всталъ-бы, скоро обѣдъ, пріодѣлся бы.

— Въ вашъ капотъ прикажете одѣться? спросилъ ехидно Иванъ Петровичъ, не перемѣняя позы.

— Да ты это во снѣ, что-ли? Какой капотъ?

— Сами знаете какой. А позвольте спросить васъ, Настасья Егоровна, пошли-ли бы вы въ директоры департамента, если-бы вамъ сейчасъ предложили это?

— Право, ты бредишь... Что за вопросъ?.. Ну, развѣ могутъ это предложить! Вставай-ка лучше, да освѣжись, а то вишь— туманъ въ головѣ.

И Настасья Егоровна направилась къ дверямъ.

— Да нѣтъ, постойте! Вы отвѣтьте: пошли ли бы вы, спрашиваю васъ, въ директоры?

— Ну, пошла-бы... Вѣдь жалованье хорошее! Почему же не пойти? Ну, такъ что-же?...

Только этого и ждалъ Иванъ Петровичъ. Онъ привсталъ, глаза его сверкнули и въ комнатѣ торжественно раздалось:

— Я, мужъ вашъ, не пустилъ бы! Не позволилъ бы! Д-да-съ! Слышите?„

Кормленіе любимца. Картина Ингенмей, грав. Бренд'Амуръ.

— Такъ бы я и посмотрѣла!

Настасья Егоровна засмѣялась и прибавила: „Да-ну, вставай!“ и вышла изъ кабинета.

— Нѣтъ, ты бы посмотрѣла! Не пустилъ бы и конецъ!

Иванъ Петровичъ всталъ и принялся ходить.

— Все скверно, все гадко... Я думаю, точно также было передъ тѣмъ потопомъ, который все поглотилъ, кромѣ Ноева ковчега... Такъ не могло продолжаться и рухнуло,—а если те-

Библиотека "Руниверс"

Каинъ и Авель. Картина Фальгіера, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

перь не рухнетъ?.. Однако, пора бы, кажется, и обѣдать... А вѣдь если пораздумаешь, то всему виной—женщина... Да! Это зло земли! Безъ нихъ, положимъ, не было бы мужчины, но если бы былъ, то гораздо лучше жилось бы... Не даромъ въ древности женщину называли „профессоромъ всѣхъ заблужденій", а Августинъ такъ прямо и обозвалъ ее „дверью ада", „подругою сатаны"...

И онъ отправился въ столовую.

II.

— А славные были вареники, ну и сметана, можно сказать, дѣла не испортила!..

Такъ говорилъ послѣ обѣда Иванъ Петровичъ, укладываясь возможно удобнѣе на диванѣ, съ сигарой въ зубахъ, и дыша съ нѣкоторымъ затрудненіемъ.

— Да-а, а вѣдь вотъ выдумалъ же кто-нибудь вареники, а между тѣмъ имя автора неизвѣстно и вспомнить-то его некому!.. Но сколько наслажденія, наслажденія непосредственнаго, даетъ это блюдо! Смѣшно, а право, стоило бы изобрѣтателю варениковъ воздвигнуть памятникъ съ надписью: „Отъ благодарнаго потомства"... Очень вѣроятно, что это кушанье изобрѣла женщина и даже, можетъ быть, какая-нибудь мать семейства. Вотъ настоящее поле дѣятельности женщины! Кулинарное искусство—не послѣднее дѣло. Конечно, я не говорю, чтобы весь прекрасный полъ стряпалъ, возился на кухнѣ—нѣтъ! Благородныя дамы и дѣвицы занимались бы кулинарною теоріею, онѣ сочиняли бы блюда, производили бы реформы и улучшенія въ комбинаціяхъ различныхъ съѣдобныхъ веществъ царства растительнаго и животнаго, а простыя женщины занимались бы реализаціей, то есть—стряпали бы... Господи, какъ бы хорошо было!.. Приходишь, напримѣръ, въ столовую. Жена ужь тамъ; она встрѣчаетъ тебя, радостная, сіяющая, кроткая, и говоритъ: „Другъ мой, у насъ сегодня опять новое блюдо!"—Неужели?—„Да, мой другъ, я сочинила прелестную, дивную штучку"... Ну, и начинается тутъ описаніе этой штучки. Я, разумѣется, одобряю, хвалю, поощряю... Она рада, весела—да и чего же ей больше? Новое сочиненіе ея, дѣйствительно, выше критики! Оно переживетъ ее и выдержитъ тысячи изданій... Развѣ это не лестно, не заманчиво?..

Иванъ Петровичъ зажмурился, облизнулся и вдругъ вздохнулъ тяжело и какъ-то на распѣвъ.

— А вѣдь какіе мы эгоисты, охъ, какіе!..

И онъ покачалъ головою. Наслаждаясь пищевареніемъ, онъ то закрывалъ, то открывалъ глаза и, наконецъ, взглядъ его остановился на туфельныхъ розанахъ.

— Гм... узоръ, положимъ, рутинный, но чѣмъ, однако, замѣнить его? Нѣтъ, тутъ дѣйствительно розы у мѣста. Гдѣ на сѣверѣ эти цвѣты? Такъ пусть хоть на туфляхъ они ласкаютъ взоръ!...

И вотъ опять заблуждали глаза Ивана Петровича и вдругъ остановились на сапогахъ.

„А вѣдь я обидѣлъ Кузьму", подумалъ онъ.

Иванъ Петровичъ вздохнулъ, потомъ крякнулъ и произнесъ громкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкимъ голосомъ:

— Кузьма!

Кузьма не заставилъ себя ждать. Онъ мелькомъ взглянулъ на сапоги и спросилъ: что прикажете?

— Послушай, Кузьма, ты на меня сердишься? заговорилъ Иванъ Петровичъ, избѣгая смотрѣть на Кузьму.

— Помилуйте-съ, за что-же-съ? Мы вами, Иванъ Петровичъ, очень довольны и завсегда готовы угождать. Ежели, примѣрно, сапоги—ничего-съ, и второй разъ вычистимъ. Кузьма замолчалъ. Вишь размякъ какъ, послѣ обѣда-то, подумалъ онъ.

— Такъ, такъ... Всѣ мы люди, Кузьма, всѣ мы должны другъ другу прощать, по христіански, такъ?

— Покорнѣйше благодарю-съ.

— За чтожь ты благодаришь? Ты долженъ тоже меня простить... Понимаешь? Вотъ въ томъ-то и бѣда ваша, что вы не разсуждаете. Ты впередъ разсуждай.

— Слушаю-съ.

— Да какъ ты будешь разсуждать?

— Извѣстно, ежели когда на досугѣ... станешь это раскидывать умомъ...

— Ну, и нагородишь глупостей. Нѣтъ, ты вотъ такъ разсуждай... Всѣ мы люди, ибо образъ у насъ единъ, и права должны быть одинаковы, ибо нѣтъ нынче рабства и личность признана торжественно свободной единицей!

— Свободной дѣвицей? спросилъ въ удивленіи Кузьма.

— Что? Какой дѣвицей? Еди—ни—цей!

— Единицей.

— А что такое единица?

— Палочка-съ эдакая...

— Палочка! объяснилъ... А палочка что?

— Да есть такія, что на бумагѣ обозначаются, а то и изъ дерева-съ...

— Самъ ты изъ дерева! Говори за мной: единицей называется все то, что... ну, все то, что само по себѣ. Ну, вотъ, я самъ по себѣ, значитъ я—единица. Понялъ?

— Понялъ-съ. И Матрена, теперича, тоже единица?

— Ну, разумѣется. Вѣдь она сама по себѣ, она одна? Ты чего-же улыбаешься?..

— А женихъ у ней теперича... Какъ-же она можетъ...

— Вотъ и извольте объяснять имъ что-нибудь! воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Да помилуйте, извѣстно онѣ женщины... Вонъ и барышна Настя—какая единица? У Матрены женихъ ундеръ лейбъ-гвардіи, а у той—телеграфистъ. Самъ видѣлъ.

— Ну, поди, поди, Кузьма, довольно! Въ половинѣ восьмого меня разбудить.

Кузьма молча удаляется, думая о томъ, что баринъ его, пожалуй, единица, потому—старъ, а что касается его, Кузьмы, либо Матрены или Насти—извѣстно, грѣхъ одинъ, и разговаривать касательно единицъ нечего, облыжно только показывать...

Иванъ Петровичъ начинаетъ слегка дремать, но про себя разсуждаетъ и говоритъ:

— Вотъ, поди учи ихъ, наставляй—какъ-же! Не такъ у нихъ голова устроена, какъ у насъ. Отвлеченности для нихъ мракъ непроглядный. Нѣтъ, ужь такъ, видно, положено, что всякому свое: мнѣ—писать административные проекты, задумываться надъ политико-экономическими вопросами, а Кузьмѣ—сапоги чистить и думать, что единица—палочка, и что Матрена, напримѣръ, не индивидъ, не единица, потому что у нея женихъ ундеръ... Чертъ знаетъ что!..

Иванъ Петровичъ зѣвнулъ, и мысль его сдѣлала скачекъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, если бы женщинамъ предложили наши мѣста, то развѣ это было бы худо?.. Пусть бы онѣ засѣли на директорскія кресла, а мы бы отдыхали. И что за сладость служить, соображать по поводу полученныхъ предписаній и нерѣдко слышать замѣчанія?.. Лучше гораздо сидѣть дома, сочинять проекты, читать что-нибудь, а по вечерамъ развлекаться въ клубѣ... Я бы съ охотой уступилъ свое мѣсто женѣ. Да! И вообще говоря, женщина современная мало въ чемъ уступаетъ мужчинѣ.

Иванъ Петровичъ опять зѣвнулъ, потянулся и зажмурился. Сигара потухла и онъ положилъ ее въ пепельницу. Вдругъ легкая улыбка заиграла на его губахъ и онъ даже причмокнулъ...

— А молоденькія-то женщины? думалъ про себя Иванъ Петровичъ. Какъ онѣ нынче милы, развязны... Да вотъ хоть бы Сашенька у Якова Яковлевича... Гм!.. Ну, пусть она тамъ мертвую ногу рѣжетъ... Что за бѣда? Вѣдь не въ гостиной же она ее рѣжетъ, да и не дурнѣетъ отъ такого занятія... запаху тоже никакого не слышно... А чудесная дѣвочка! Иногда ужасно хочется ее эдакъ обнять и поцѣловать... Что-жь такое?.. Это, можно сказать, отеческій поцѣлуй и больше ничего...

Иванъ Петровичъ чуть-чуть открылъ глаза, взглянулъ на картину, изображающую нимфу, совсѣмъ готовую выкупаться, и опять зажмурился.

— Женщины... это украшеніе земли; это—атласъ и бархатъ, и шелкъ... Красота кривыхъ линій... А глаза?.. Сколько лукавства... Сколько гибели въ одномъ взглядѣ!.. Сашенька! бросьте, бросьте эту мертвую ногу... Фи, какая мерзость!..

Иванъ Петровичъ вздрогнулъ, вытаращилъ глаза и, взглянувъ опять на нимфу, улыбнулся и произнесъ сладкимъ голосомъ:

— Нѣтъ, міръ... хорошъ... Я бы весь міръ хотѣлъ обнять... Да, атласъ... бархатъ...

Тихій вздохъ послышался въ кабинетѣ и затѣмъ все стихло... Иванъ Петровичъ лежалъ, повернувшись къ стѣнкѣ дивана: одна рука его обняла подушку съ албанцемъ. Наконецъ, тишину нарушилъ носъ Ивана Петровича, начавшій пріятно, нѣжно посвистывать...

Щ.

Къ рисункамъ.

Кормленіе любимца.

Картинка представляетъ молодую дѣвушку, кормящую голубка. Голубь всѣмъ извѣстная и всѣми любимая птица. Голубь быстро привыкаетъ къ человѣку, узнаетъ своего хозяина, ѣстъ изъ его рукъ. Особенно скоро и сильно привыкаетъ голубь къ дому. Разскажемъ здѣсь про одного нашего знакомца—голубя. Его подобрали зимою 1875 года на улицѣ. Онъ былся, стараясь взлетѣть, но одно крыло его было сломано и пальцы одной ноги были совсѣмъ отрѣзаны колесами проѣхавшаго экипажа. Его взяли въ домъ. Нѣкоторое время онъ былъ скученъ и дурно ѣлъ, оставаясь все время неподвижнымъ, но мало по малу къ нему начало возвращаться здоровье. Онъ сталъ дѣлать попытки взмахивать крыльями, къ сожалѣнію, крыло его оказалось сломаннымъ непоправимо. Онъ началъ пробовать держаться на ногѣ, для этого ухитрился при-

Библиотека "Руниверс"

держивать равновѣсіе своего тѣла, опираясь клювомъ. Такимъ манеромъ онъ дѣлалъ перемѣщеніе съ одного мѣста на другое. Наступило лѣто. Его увезли на дачу. Тамъ онъ свелъ дружбу съ курами, съ ними и гулялъ, и ѣлъ, и спать укладывался. На половину отрѣзанная нога его поправилась на столько, что онъ началъ приступать на нее; но коротко петербургское лѣто: пришлось голубю разстаться съ своими друзьями. Теперь онъ ковыляетъ по комнатамъ на своихъ перовыхъ ногахъ за людьми изъ одной комнаты въ другую и усаживается возлѣ на спущенныя платья сидящихъ, тихонько воркуя. Въ томъ домѣ, гдѣ онъ живетъ, есть нѣсколько собакъ. Онѣ весьма благосклонно относятся къ голубю, какъ бы признавая за нимъ одинаковыя права съ собою: даютъ дорогу ему и не претендуютъ, когда онъ приходитъ попробовать ихъ обѣдъ. Въ этомъ случаѣ самъ голубь оказывается менѣе вѣжливымъ: онъ сердито воркуетъ и щиплетъ собакъ.

Когда затопятъ печи, и собаки ложатся противъ огня — голубь также является и усаживается о бокъ съ ними. Вотъ какъ развита общительность въ голубѣ. Не даромъ же такъ нѣжно кормитъ своего любимца дѣвушка, изображенная на помѣщенномъ въ этомъ № „Нивы" рисункѣ.

Л.

Каинъ и Авель.

(Картина Фальгіера).

„...И сказалъ Каинъ Авелю, брату своему: пойдемъ въ поле; и когда они были въ полѣ, возсталъ Каинъ на Авеля, брата своего, и убилъ его. И сказалъ Господь Богъ Каину: гдѣ Авель, братъ твой? Онъ сказалъ: не знаю, развѣ я сторожъ брату моему.

И сказалъ Господь Богъ: что ты сдѣлалъ? Голосъ крови брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли.

И нынѣ проклятъ ты отъ земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего отъ руки твоей. Когда ты будешь воздѣлывать землю, она не станетъ болѣе давать силы своей для тебя; будешь ты изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ.

Каинъ отвѣчалъ Господу: наказаніе мое больше, нежели снести можно."

Такъ повѣствуется въ книгѣ Бытія объ убійствѣ Каиномъ брата своего, Авеля. Художникъ, вдохновленный библейскимъ повѣствованіемъ, не выбралъ тѣмъ не менѣе того момента, въ который совершено было первое преступное убійство; онъ, какъ можно видѣть изъ приложеннаго рисунка, задался мыслью представить послѣдствіе сдѣланнаго преступленія: убійца, какъ бы мучимый совѣстью, несетъ на своихъ плечахъ трупъ убитаго брата. Внутреннее терзаніе, обреченіе на вѣчную муку преступной души перваго убійцы на землѣ художникъ изобразилъ въ фигурѣ Каина, идущаго въ темнотѣ ночи, согнувшись подъ давящею тяжестью ужасной ноши. Библейское сказаніе не упоминаетъ о томъ, что Каинъ, убивъ брата, несъ его по томъ на своихъ плечахъ и, несомнѣнно, что художникъ въ своемъ произведеніи желалъ осуществить внутренній смыслъ библейскаго сказанія. Въ книгѣ Бытія повѣствуется, что Господь, изрѣкши проклятіе Каину, сказалъ, что: „всякому, кто убьетъ Каина, отмстится всемеро. И сдѣлалъ Господь знаменіе Каину, что-бы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его". Слѣдовательно, Каинъ обреченъ на терзанія совѣсти до тѣхъ поръ, когда Господу угодно будетъ прекратить ихъ. Видно, что эти терзанія, этотъ гнетъ и задумалъ художникъ реально изобразить въ своей картинѣ.

Художникъ, создавшій эту картину, г-нъ Фальгіеръ, скульпторъ и въ тоже время живописецъ. Живописныя работы его доказываютъ, что онъ съ кистями въ рукахъ предъ полотномъ съ неменьшимъ успѣхомъ и правдой умѣетъ передавать свои мысли, какъ и тогда, когда онъ стоитъ передъ кускомъ мрамора съ молотомъ и рѣзцомъ. Г-нъ Фальгіеръ имѣетъ за ваяніе нѣсколько медалей, премію Рима; въ 1870 г., сдѣланъ кавалеромъ почетнаго легіона. Въ 1875 г. награжденъ медалью за живопись. Картина „Каинъ и Авель" была поставлена на Парижской Выставкѣ 1876 года.

Путевые эскизы нашего спеціальнаго корреспондента (Яссы, Рущукъ, Разградъ).

До соединенія княжествъ Молдавіи и Валахіи въ одно, столицею Молдавіи былъ г. Яссы. Въ половинѣ XIV вѣка Молдавія называлась Богданіей, по имени славянскаго основателя княжества; позже получила она названіе Молдавіи, по имени протекающей въ ней рѣки Молдавы. Въ началѣ XVI вѣка, когда турки завладѣли Молдавіей и Валахіей вмѣстѣ, эти княжества были лишены всѣхъ своихъ избирательныхъ правъ, и господарство на нихъ покупалось въ Константинополѣ. Конечно, такіе господари грабили только страну. Поэтому съ 1802 года Россія взяла княжества подъ свое покровительство, продолжавшееся до окончанія Севастопольской войны, послѣ которой Молдавія и Валахія объявлены соединеннымъ княжествомъ подъ именемъ Румыніи. (О Молдавіи см. въ „Нивѣ" № 7).

Городъ Яссы расположенъ въ 20 верстахъ отъ р. Прута, при подошвѣ отлогаго и постепенно возвышающагося холма Копо. Возлѣ протекаетъ рѣчка Бахлуи, которая представляетъ собою лишь длинный рядъ болотныхъ прудовъ съ гнилостной водою, дающей вредныя испаренія. Городъ открытъ и дурно выстроенъ, имѣя кривыя и узкія улицы. Тѣмъ не менѣе въ немъ много великолѣпныхъ боярскихъ дворцовъ, построенныхъ посреди дворовъ, окруженныхъ каменными заборами; рядомъ съ этими дворцами тѣснятся низенькія и бѣдныя хижины простолюдиновъ. Здѣсь можно встрѣтить столь же церемонную гостиную, какъ и въ любой изъ западныхъ столицъ. Въ городѣ болѣе 70 церквей и 10 монастырей. Кромѣ того, есть церковь евангелическая, армянская, католическая и нѣсколько синагогъ. Новый величественный соборъ и церковь трехъ святителей, относящаяся къ XIV в., весьма замѣчательны. Стѣны послѣдней сдѣланы изъ тесанныхъ камней и украшены сверху донизу высѣченными въ нихъ барельефами. На высокой окраинѣ долины стоитъ бывшій господарскій дворецъ, окруженный казармами; въ немъ помѣщаются министерства и генеральное собраніе. Самыя значительныя изъ частныхъ зданій—дворцы бояръ; многіе изъ нихъ большихъ размѣровъ, но всѣ расположены посреди грязныхъ дворовъ. Мощеніе улицъ здѣсь еще только начинается, да и мостятъ ихъ деревомъ, такъ какъ лѣсовъ въ краѣ много: по рѣкѣ Серету постоянно сплавляютъ строевой и мачтовый лѣсъ для отправки въ Константинополь. По немощеннымъ улицамъ непроходимая грязь, поэтому всякій старается не идти пѣшкомъ, а ѣхать. Оттого въ городѣ считается до 15 тысячъ лошадей, 2 тысячи частныхъ экипажей и 7 тысячъ дрожекъ. Въ самой возвышенной части Яссъ разведенъ довольно красивый общественный садъ. По улицамъ множество магазиновъ, лавокъ и складовъ съ разнообразнѣйшими товарами. Также не мало хановъ или восточныхъ гостинницъ. Въ городъ проведена чугунными трубами изъ окрестностей хорошая ключевая вода. Предмѣстье Покураръ составляетъ центръ пребыванія ремесленниковъ, ямщиковъ и раскольниковъ русской секты липовцевъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ города, въ живописной долинѣ, между виноградниками, находится помѣстье Сокала съ прекраснѣйшимъ паркомъ; здѣсь живутъ потомки князя Стурдзы. Верстахъ въ двадцати есть также богатое помѣстье Стинка; отъ него недалеко русская пограничная таможня Скуляны.

Жителей въ Яссахъ считается болѣе 70 тысячъ, изъ нихъ 30 тысячъ галицкихъ и русскихъ евреевъ, до 6 тысячъ бояръ съ 3½ тысячъ слугъ, 3 тысячи цыганъ. Въ городѣ бываетъ значительный торгъ и ярмарки. Торговля идетъ по преимуществу съ Галацомъ и Браиловымъ. Вывозится: льняное сѣмя, ленъ, лѣсъ, вино, кожи, смушки, свиное сало, щетина, воскъ и проч.; привозится: мануфактурные товары, сахаръ, шерстяныя матеріи и проч. Яссы были взяты русскими войсками въ турецкую войну 1828 года.

Слѣдующіе мелкіе наброски представляютъ: гусара, жандарма, часоваго и уличнаго пѣвца, которыхъ можно встрѣтить на улицахъ Яссъ; далѣе сценка, какая можетъ быть только тамъ, гдѣ никакъ не могутъ убѣдиться, что улицы нужно мостить: поневолѣ приходится тамъ *ѣздить верхомъ*.

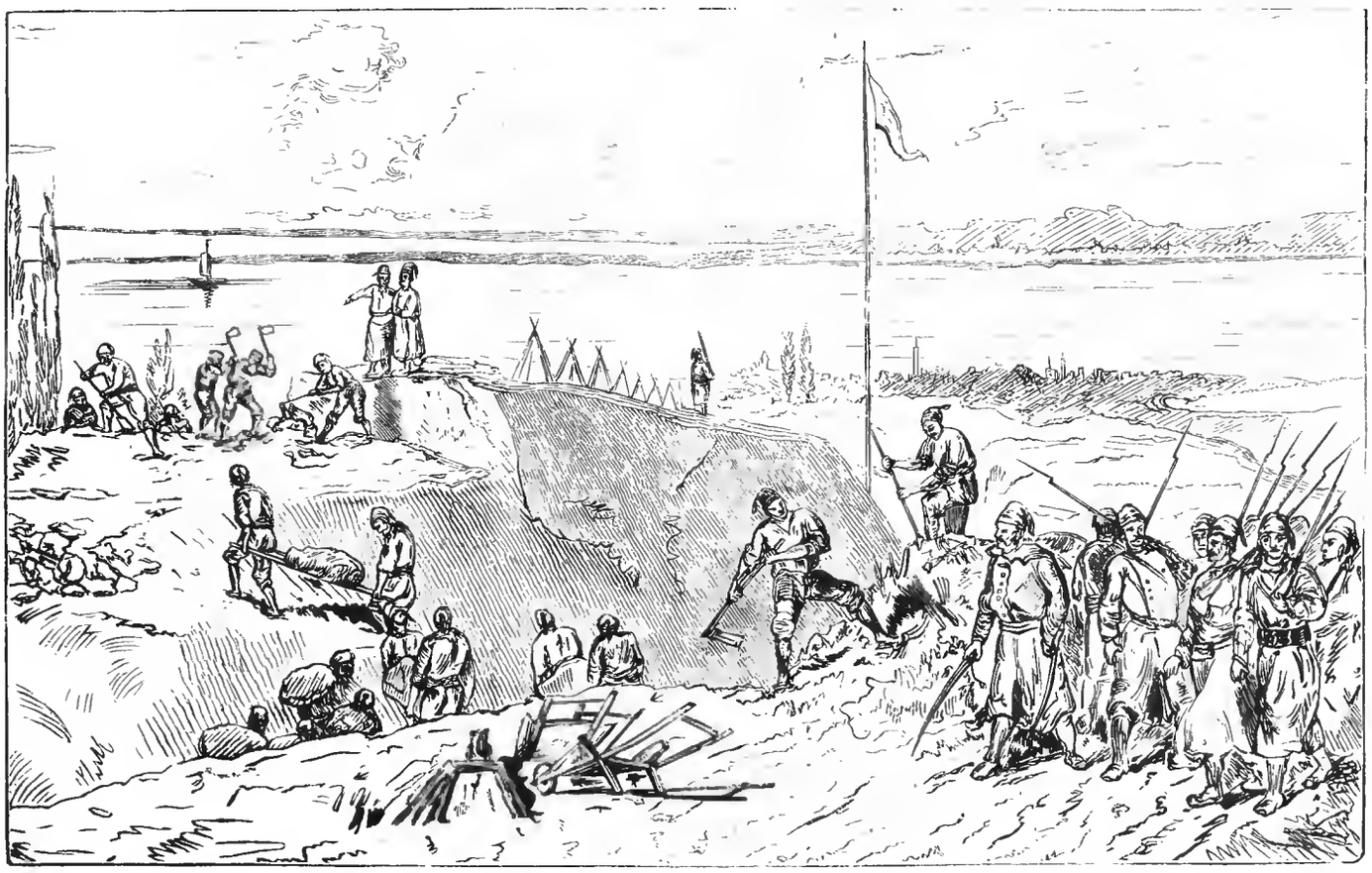
Слѣдующій затѣмъ набросокъ—турки изъ Мачина. Такъ называется турецкій городъ на правомъ берегу Дуная, недалеко отъ Браилова, стоящій на крутомъ, въ 30—40 аршинъ, обрывѣ. Городъ этотъ былъ взятъ русскими въ турецкую войну 1828 года.

Наконецъ, послѣдній набросокъ представляетъ работы по устройству шоссе отъ Рущука до Разграда. Крѣпость Рущукъ стоитъ на правомъ берегу Дуная, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Ломъ, образуемая сліяніемъ Чернаго и Бѣлаго Лома. Полагаютъ что тутъ былъ древній Переяславль, столица Болгарскаго царства, который такъ понравился Святославу, что онъ хотѣлъ перенести въ него свою резиденцію. Рущукъ довольно значительный и торговый городъ. Въ немъ болѣе 30 тысячъ жителей, состоящихъ изъ болгаръ, валаховъ и турокъ, а также греческихъ и еврейскихъ купцовъ. Въ городѣ 12 мечетей и большая башня съ городскими часами; онъ обнесенъ вокругъ стѣной, вооруженной пушками, особенно со стороны Дуная. На берегу рѣки устроены также баттареи. Нынѣ Рущукъ еще болѣе укрѣпляется. Чтобы удобнѣе и скорѣе было доставлять въ Рущукъ жизненные и военные припасы, турки дѣятельно трудятся надъ устройствомъ шоссе въ городъ Разградъ, лежащій въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ Рущука, близъ Бѣлаго Лома. Разградъ—городъ открытый, съ весьма широкими улицами и съ населеніемъ до 15 тысячъ, которое все состоитъ изъ мусульманъ; въ немъ 7 мечетей съ минаретами, двѣ особенно большія и имѣютъ по нѣсколько куполовъ. Есть также городскіе часы.

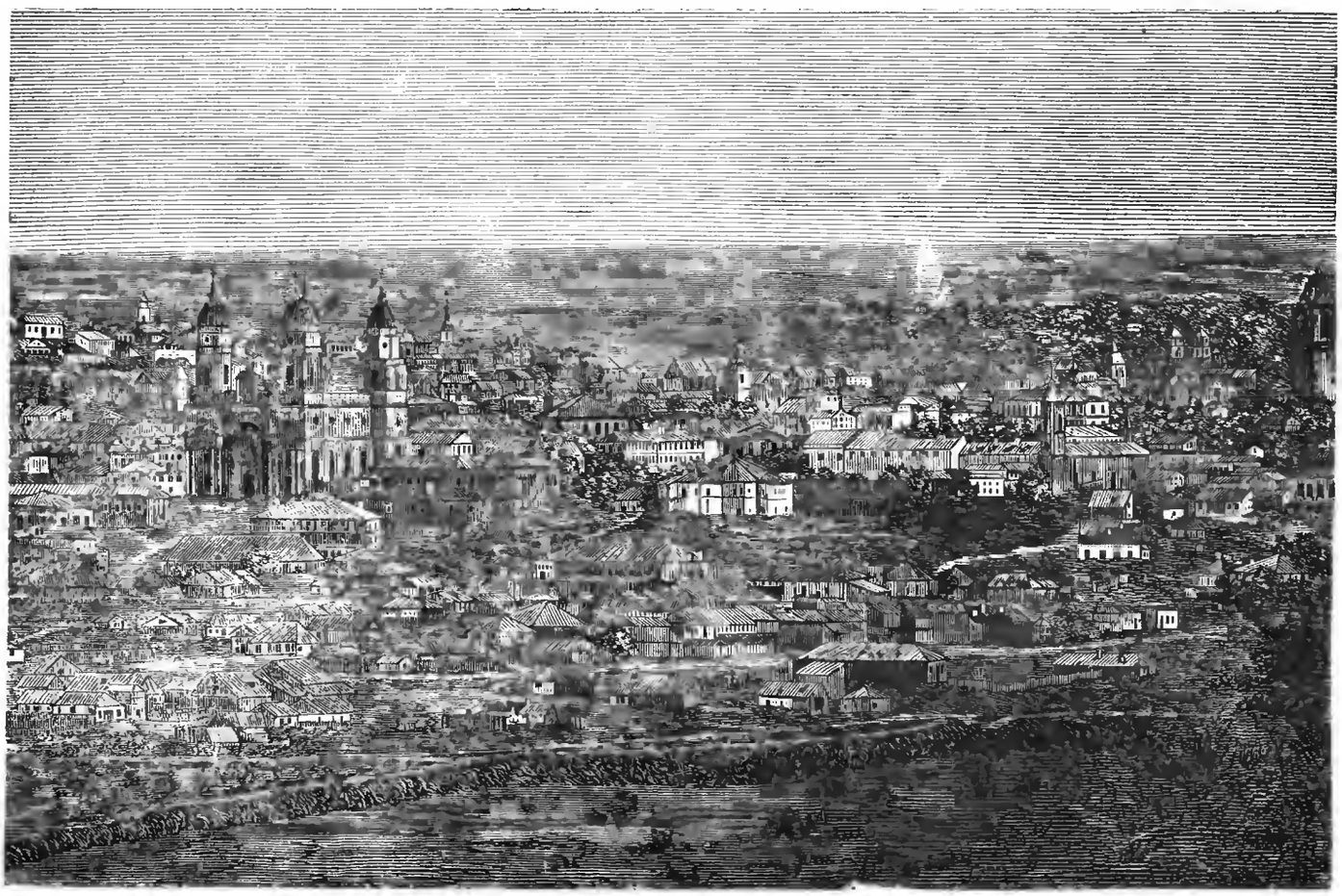
Политическое обозрѣніе.

Англія, наиболѣе представляющаяся заинтересованною въ восточномъ вопросѣ, назначила 2 (14) марта срокомъ своего отвѣта на циркулярную ноту нашего государственнаго канцлера отъ 19 января. Однакожъ срокъ прошелъ, а телеграфъ еще не

Библиотека "Руниверс"



Спѣшныя работы на редутѣ по Разградскому шоссе, близь г. Рущука. Рис. Н. Каразинъ, грав. Вейерманъ.



Общій видъ г. Яссъ. Съ фотогр. рѣзалъ К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Турки изъ Мачина на пристани въ ожиданіи парохода.

Уличный пѣвецъ

Гусаръ.

Часовой.

Жандармъ.

Уличная сцена. (Способъ передвиженія тяжестей).

Въ Яссахъ (въ Румыніи). Типы и сцены съ натуры. Рис. нашъ спеціальный корреспондентъ Н. Каразинъ

Библиотека "Руниверс"

извѣстилъ насъ объ этомъ отвѣтѣ. Извѣстно только, что обсужденіе предложеннаго Россіею британскому кабинету вопроса о подписаніи протокола по восточнымъ дѣламъ еще не было окончено въ засѣданіи совѣта министровъ, бывшемъ 1 (13) марта. Для этого потребуется еще нѣсколько засѣданій.

Цѣль путешествія генерала Игнатьева по Европѣ, по словамъ газеты «Temps», состоитъ въ томъ, чтобы добиться формальной санкціи, принятыхъ конференціей постановленій, посредствомъ протокола, который былъ бы составленъ шестью державами, или посредствомъ дипломатическаго документа, подписаннаго одною Турціей, но скрѣпленнаго подписями державъ. Россія не желала бы давать Турціи для осуществленія реформъ срокъ, превышающій мѣсячный, и съ истеченіемъ этого срока державы не были бы обязаны дѣйствовать коллективно, но должны бы только допустить свободное вооруженное вмѣшательство со стороны одной или нѣсколькихъ державъ, подписавшихъ протоколъ.

Въ связи съ этими послѣдними извѣстіями находятся и слухи объ отмѣнѣ парижскаго трактата, какъ неимѣющаго въ настоящее время цѣли и разумнаго смысла своего существованія.

Возбужденіе вопроса объ этой отмѣнѣ европейскія газеты ставятъ въ связь съ путешествіемъ нашего константинопольскаго посла генерала Игнатьева по Европѣ. Не вдаваясь въ подробную характеристику тѣхъ существенныхъ чертъ трактата, которыя дѣлаютъ его въ настоящее время крайне анахронистичнымъ, — мы замѣтимъ, что трактатъ этотъ обезпечивалъ Портѣ безнаказанность за всѣ злоупотребленія власти по отношенію къ балканскимъ христіанамъ. Пресловутая VII статья трактата, какъ извѣстно, гласитъ о гарантіяхъ территоріальной и политической цѣлости Турціи со стороны европейскихъ державъ. Этою-то заботою о территоріальной цѣлости Турціи и обусловливались до сихъ поръ всѣ возмутительныя варварства относительно балканскихъ христіанъ, остававшіяся безнаказанными. Но сила вещей и время берутъ свое. Общественное мнѣніе въ Англіи стоитъ теперь за отмѣну трактата, какъ отжившаго свое время. Только лордъ Биконсфильдъ и братія его, по весьма понятной причинѣ, еще продолжаютъ отстаивать значеніе трактата и неотъемлимое его право на существованіе. Трактатъ этотъ, очевидно, главный устой политики Биконсфильда. Отмѣна его покажетъ положеніе вещей въ истинномъ свѣтѣ, чего нынѣшнему англійскому министерству крайне не хотѣлось бы. Ему хочется поддержать и въ Англіи, и въ европейскомъ обществѣ абсурдную мысль, что въ восточной политикѣ Россія полна честолюбивыхъ замысловъ. Разъ рушится трактатъ—рушится съ нимъ и устой политики Дизраэли, рушится и его министерство.

Излишне говорить, что отмѣна трактата не повлечетъ за собою «мирнаго» рѣшенія восточнаго вопроса, какъ думаетъ большинство европейскихъ газетъ. Это только первый шагъ къ рѣшенію вопроса—это очистка отъ щебня той почвы, на которой должно воздвигнуться зданіе освобожденія славянъ. Иначе—стоитъ ли хлопотать о восточномъ вопросѣ?

Замѣтимъ, однако, что отмѣна парижскаго трактата существуетъ пока только въ принципѣ. Далеко-ли практическое осуществленіе—еще неизвѣстно.

На Сербію въ нѣкоторыхъ кружкахъ слышится что-то въ родѣ негодованія, что она заключила миръ съ Турціей. Но люди понимающіе рѣшатъ, что миръ или война со стороны Сербіи имѣютъ въ настоящее время слишкомъ мало значенія, такъ какъ самый вопросъ теперь расширился, поставленъ тверже, серьезнѣе. Не умиротворенія, въ самомъ дѣлѣ, только Сербіи и Черногоріи добивается Россія, она ратуетъ за общее дѣло славянъ. Болгары, босняки, герцеговинцы—развѣ чуждые элементы въ этомъ дѣлѣ. Выдѣлять въ общемъ вопросѣ сербовъ и черногорцевъ—значитъ съуживать славянскій вопросъ и отклоняться отъ задачи

Что касается, однако, Черногоріи, то она, по своей настойчивости въ переговорахъ, является колоссомъ, возбуждающимъ общее удивленіе.

Хотя Сербія уже заключила миръ съ Турціей, но черногорскіе делегаты все еще продолжаютъ переговоры въ Константинополѣ и телеграфъ сообщаетъ, что въ положеніи дѣлъ, т. е. въ смыслѣ наступленія новаго фазиса въ переговорахъ, никакой перемѣны не послѣдовало, потому что черногорцы продолжаютъ настаивать на всѣхъ заявленныхъ ими требованіяхъ, а Порта все еще отказывается принять. Отъ 1 (13) марта телеграфъ сообщилъ, что въ Константинополѣ всюду прибиты прокламаціи, въ которыхъ выражено требованіе, чтобы предъявленныя черногорскими делегатами условія были *категорически отвергнуты* Портою и чтобы Митхадъ-паша былъ возвращенъ изъ ссылки. Полиція теперь срываетъ прокламаціи и арестуетъ лицъ, вывѣшивавшихъ ихъ. Затѣмъ есть уже извѣстіе, что совѣтъ турецкихъ министровъ рѣшилъ, что «если Черногорія не откажется отъ большей части своихъ требованій, то миръ не возможенъ», а отъ 2 (14) марта уже сообщено, что совѣтъ турецкихъ министровъ постановилъ отвергнуть всѣ требованія черногорскаго князя. Константинопольская чернь и софты готовы къ взрыву. О—въ Критъ отказался отъ выбора депутатовъ въ турецкій парламентъ, не смотря на насильственныя мѣры, принимавшіяся мѣстными властями. Ни одинъ депутатъ не прибылъ изъ Крита въ Константинополь. Всѣ греки о—ва Крита крайне ажитированы. Очевидно, что эти страшные симптомы въ больномъ организмѣ Турціи предвѣщаютъ слишкомъ многое, чего нельзя еще угадать, но что можно формулировать фразой: «нечего надѣяться на миръ»!

— Въ Вашингтонскомъ сенатѣ, состоящемъ теперь изъ 39 республиканцевъ, 33 демократовъ и одного независимаго, происходили недавно бурныя пренія по поводу назначенія Шермана, демократа, на должность министра финансовъ. Часть республиканцевъ энергически противилась признанію за республиканскимъ президентомъ права назначать министрами демократовъ. Одинъ изъ членовъ этой группы (Кемеринъ) предлагалъ даже, въ видѣ изъявленія президенту неудовольствія сената, отвергнуть весь составленный имъ списокъ министровъ. Но другая республиканская группа, представителемъ которой былъ Мортонъ, настаивала на утвержденіи всего кабинета. Мортонъ горячо отстаивалъ право президента назначать министровъ безъ различія группъ и партій. Противиться этому—значило бы съ перваго-же шага связывать руки исполнительной власти президента. Выборъ Шермана былъ утвержденъ. Можно ожидать, что умѣренные республиканцы соединятся съ умѣренными демократами и составятъ въ сенатѣ правительственное большинство. Но собственно между республиканскими фракціями господствуютъ большія несогласіи. Можно ожидать бурныхъ сценъ въ засѣданіяхъ конгресса. Словомъ, новому президенту хлопотъ и треволненій предстоитъ много.

— Въ Германскомъ парламентѣ идутъ пренія по вопросу объ учрежденіи имперскихъ министерствъ, что, очевидно, было-бы противовѣсомъ Германскаго партикуляризма, часто проявляющагося. Но проницательный князь Бисмаркъ назвалъ подобное учрежденіе непрактичнымъ и несоотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ Германіи. Въ своихъ организаторскихъ дѣйствіяхъ, сказалъ Бисмаркъ, имперія можетъ двигаться лишь медленно.

— Въ настоящее время турки очистили сербскую территорію, Лѣшанинъ занялъ Алексинацъ, а Харватовичъ—Зайчаръ. Сербское правительство особымъ указомъ объявило, что въ Сербіи упраздняется система милиціонной службы. Пертефъ-Эффенди, имѣетъ съ сербскими делегатами, ѣдетъ въ Сербію и везетъ князю Милану султанскій фирманъ, подтверждающій самостоятельность Сербіи, а также бриллiантовую звѣзду съ почетною золотою саблей, «за подчиненіе».

Смѣсь

Раскопки, производимыя въ послѣднее время д-р. Шлиманомъ *въ Микенахъ*, дали блестящіе результаты. Шлиману удалось открыть гробницы древнихъ аргивскихъ царей, въ которыхъ было найдено громадное количество золотыхъ украшеній и утварей. По случаю этой находки, д-ръ Шлиманъ отправилъ къ греческому королю слѣдующую телеграмму: «Съ неописанной радостью увѣдомляю Ваше Величество, что мнѣ удалось открыть тѣ памятники, которые преданіе, какъ сообщаетъ Павзаній, считало гробницами Агамемнона, Кассандры, Эврямедона и ихъ спутниковъ, убитыхъ во время обѣда Клитемнестрой и ея любовникомъ. Гробницы эти окружены двумя концентрическими рядами плитъ, положенныхъ, вѣроятно, въ честь упомянутыхъ историческихъ личностей. Въ этихъ гробницахъ я нашелъ неоцѣнимыя археологическія сокровища, состоящія изъ различныхъ предметовъ изъ чистаго золота; одного этого сокровища достаточно, чтобы наполнить большой музей, который будетъ самымъ блестящимъ въ мірѣ и въ грядущія столѣтія станетъ привлекать тысячи иноземцевъ изъ всѣхъ странъ въ Грецію. Такъ какъ я тружусь изъ одной безкорыстной любви къ наукѣ, то отказываюсь отъ всякихъ притязаній на это сокровище и предлагаю его съ искреннимъ одушевленіемъ въ пользу Греціи. Государь! Да образуютъ эти сокровища, съ Божьимъ благословеніемъ, краеугольный камень неизмѣримаго народнаго преуспѣянія. Микены, 28-го ноября 1876 г. Д-ръ Генрихъ Шлиманъ».

Конская уада. На брюссельской выставкѣ 1876 года, во французскомъ отдѣлѣ, между прочимъ была выставлена интересная уздечка, предназначенная для усмиренія строптивыхъ лошадей. Дѣло въ томъ, что по бокамъ продольныхъ ремней, подъ глазами, и на нижнемъ концѣ этихъ ремней находятся шарниры съ тупыми крючками, насаженными такимъ образомъ, что, при дерганіи вожжами, соединенными съ нижней частью крючковъ, поворачивающихся на шарнирахъ, крючки эти зажимаютъ ноздри у лошади и мѣшаютъ ей дышать, что, поневолѣ, заставляетъ смириться самую непокорную изъ нихъ и предотвращаетъ такимъ образомъ опасности отъ разбиванія лошадьми.

Библиотека "Руниверс"

Американская реклама. Владѣлецъ одной изъ большихъ гостинницъ въ Нью-Йоркѣ придумалъ, для привлеченія посѣтителей, слѣдующее: «Каждому гостю подаютъ утромъ счетъ и ящикъ, въ которомъ находится столько нумеровъ, сколько въ данный день состоитъ въ гостинницѣ гостей. Тотъ, кто вынулъ самый высшій №, живетъ сутки безплатно, получаетъ полное содержаніе и, кромѣ того, 1 долларъ деньгами». Гостинница всегда переполнена посѣтителями.

Судъ надъ медіумомъ. Исправительный судъ въ Іоркширъ осудилъ одного спирита на три мѣсяца въ каторжную тюрьму Это былъ пасторъ-методистъ, почтенный Вилльямъ Монкъ, оставившій богослуженіе, чтобы заняться профессіей медіума. Весь его фокусническій аппаратъ былъ захваченъ и въ томъ числѣ оказались искусственныя руки, пропитанныя фосфоромъ. Пасторъ былъ осужденъ за шарлатанство. Понятно: гдѣ медъ—тамъ и мухи.

Охота на львовъ. Гельдесгеймъ, ганноверскій городокъ, былъ сильно встревоженъ львами. Однажды, рано утромъ, когда содержатель звѣринца перемѣщалъ звѣрей изъ однѣхъ клѣтокъ въ другія, одинъ изъ прислужниковъ вздумалъ открыть клѣтку со львами, которые казались спящими, чтобы взглянуть на нихъ поближе. Не успѣлъ онъ снять засовы, какъ двѣ львицы выскочили изъ клѣтки и одна изъ нихъ тотчасъ же задушила лошадь, послѣ чего, дѣлая прыжки въ 12—15 футовъ, исчезла въ улицахъ. Къ счастью, вслѣдствіе ранняго утра улицы были пусты. Преслѣдуемая солдатами, львица пріютилась въ одномъ саду. Когда, черезъ нѣсколько часовъ, ее все еще не могли поймать и она намѣревалась опять выбѣжать на улицу—солдаты дали по ней залпъ и убили ее. Другую, скрывшуюся въ погребѣ, удалось заманить въ клѣтку.

Весьма интересное, полезное и важное **открытіе** сдѣлалъ профессоръ эльзасской реальной школы, Шустеръ. Извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ картофель въ народномъ продовольствіи; не менѣе извѣстно, какъ часто онъ подвергается заболѣванію, или просто неудачному сбору. Въ 1872 году проф. Шустеръ посадилъ въ своемъ огородѣ, на обыкновенномъ навозѣ, два рода картофеля: синій и такъ называемый бискнитный, въ 60 центиметрахъ одинъ отъ другого. Когда картофель выросъ на 20—25 цм., кустики, въ количествѣ 20, были снабжены колышками, къ которымъ вѣтви привязывались мокрой соломой. Двѣ недѣли спустя, эти кустики уже рѣзко отличались отъ остальныхъ. Сѣменные шарики дошли до величины куринаго яйца; сборъ же картофеля былъ чрезвычайно обиленъ, такъ что каждый кустъ далъ до 30 огромныхъ мучнистыхъ картофелинъ. Главное то, что упомянутые 30 кустиковъ остались совершенно свободными отъ всякихъ слѣдовъ заразы, между тѣмъ какъ остальная плантація была сильно ею поражена какъ въ плодѣ, такъ и въ листьяхъ. Опыты эти, повторенные въ слѣдующихъ годахъ, дали точно такіе же результаты не только у профессора Шустера, но и въ другихъ плантаціяхъ, и заслуживаютъ быть сдѣланными у насъ.

До французской революціи 1789 г., въ приговорахъ къ пожизненной каторжной работѣ, во Франціи слово «пожизненной» замѣнялось выраженіемъ: «Къ каторжной работѣ на сто лѣтъ и одинъ день». Оказывается, что существуетъ человѣкъ, выдержавшій до конца это наказаніе на тулонскихъ галерахъ. Его зовутъ Жанъ-Баптистъ Муро. Онъ въ 1776 году, будучи еще 16-лѣтнимъ юношей, былъ приговоренъ за убійство и поджогъ къ ссылкѣ на галеры, по вышеприведенной формулѣ. Повидимому, онъ велъ себя въ заключеніи хорошо, потому что ему нѣсколько разъ предлагали помилованіе, но онъ упорно отказывался принять его, рѣшившись отработать свой срокъ до конца. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наказаніе ссылкою на галеры было отмѣнено во Франціи и тюрьмы галерныхъ ссыльныхъ были упразднены. Но Муро такъ убѣдительно просилъ, чтобы его оставили въ тюрьмѣ, что просьба его была уважена и его помѣстили въ арсеналъ, гдѣ ему дали кое-какое занятіе. Отъ продажи работъ, исполняемыхъ заключенными, приходилась на его долю довольно значительная сумма, которую ему выплатили по освобожденіи его. Не смотря на свои 116 лѣтъ, Муро еще очень бодръ: походка у него быстрая, взглядъ смѣлый, движенія и разговоръ живые и бойкіе. Онъ задумалъ идти пѣшкомъ на свою родину въ Нормандію, разсчитавъ, быть можетъ, что такое путешествіе будетъ для него выгодно. Разсчетъ оказался вѣренъ: онъ собралъ по дорогѣ столько денегъ, что имѣетъ теперь возможность дожить остатокъ своихъ дней безбѣдно.

Крысы всюду неудобны, но на кораблѣ онѣ составляютъ истинное бѣдствіе. Капитанъ англійскаго корабля «Weels» случайно открылъ очень простое средство для того, чтобы отъ нихъ избавиться. Запахъ растенія, весьма распространеннаго всюду и называемаго «Cynoglossus» (собачій языкъ), до того противенъ крысамъ, что когда на его корабль принесена была вязка этой травы, крысы стали съ большимъ безпокойствомъ метаться по всему кораблю и, наконецъ, бросились въ море и поплыли къ берегу. Капитанъ нѣсколько разъ испыталъ это средство и всегда съ полнымъ успѣхомъ.

Какія были театральныя афиши сто лѣтъ тому назадъ Въ городскомъ музеѣ въ Брунсвилѣ хранится, какъ курьезъ, театральная афиша второй половины прошлаго столѣтія. Кромѣ крайне плохого нѣмецкаго текста, въ ней весьма любопытно напечатанное въ концѣ наставленіе: «NB. Для удобства публики (Bublikumes) постановлено: первый рядъ зрителей долженъ глядѣть на представленіе лежа, второй—стоя на колѣняхъ, третій—сидя, а четвертый—стоя прямо. Такимъ образомъ всѣмъ будетъ хорошо видно. Смѣяться не дозволяется, потому что это—трагедія (Drauerspiel).

«Франкфуртская Газета» разсказываетъ **фактъ**, вѣроятно, единственный въ судебной практикѣ. Нѣкій купецъ выставилъ въ свидѣтели, по весьма для него важному дѣлу, свою жену. Судъ не допустилъ этого свидѣтеля. Купецъ развелся съ женой; при ея свидѣтельствѣ, какъ при посторонней уже особѣ, выигралъ дѣло—и опять на ней женился.

Этотъ анекдотъ напоминаетъ другой:

Миссіонеръ, распространявшій христіанство среди людоѣдовъ, убѣдилъ вождя одного племени принять христіанство и совершить обрядъ крещенія. Вождь явился въ условленное время и привелъ съ собою трехъ своихъ женъ. Миссіонеръ объяснилъ ему, что по христіанской религіи многоженство не допускается. Вождь ушелъ и, двѣ недѣли спустя, возвратился уже съ одною только женою.—«Куда же ты дѣвалъ двухъ другихъ женъ?» спросилъ миссіонеръ.—«Я ихъ съѣлъ», отвѣчалъ людоѣдъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Курскъ, г. Ал—ву.** Вы пишете въ своей «Исповѣди»:

«Вчера понесъ меня духъ нечистый
По улицѣ большой, кабачистой».

Ну, положимъ, духъ виноватъ въ вашей слабости къ *кабачистой* улицѣ; но такое ея названіе неужели онъ-же вамъ подсказалъ?

2. **Г. А. Бр—ну.** (Грвбецкая, на Петербургской). По вашему:

«Кто вина не можетъ лишь употреблять,
Тотъ долженъ тутъ стихи писать»

Послѣ подобныхъ писаній, обильно снабженныхъ «на сатычку» словами въ родѣ: «тутъ и лишь», нельзя не пожалѣть, что вы *не употребляете вина*.

3. **Петербургъ, Кон—ову.** Вы увѣряете, что готовы страдать:

„Пока враги не бросятъ
Въ яму... спать иль отдыхать".

Добрые-же ваши враги, если вы предполагаете въ нихъ преслѣдованіяхъ такія миролюбивыя цѣли. Въ другомъ своемъ стихотвореніи вы пишете:

«Работай душою и тѣломъ,
Искренно думай и дѣлай всегда;
Тогда тебѣ—мѣсто съ привѣтомъ:
Будь пріятелемъ намъ до конца».

Очень благонамѣренно, но знаете-ли нельзя сказать, чтобы очень грамотно.

4. **Воронежъ, Сер. Ив. По—ву.** Вмѣсто просимаго вами „какъ можно скоро" увѣдомленія, печатаемъ нѣсколько строкъ изъ вашихъ „сценъ въ стихахъ":

Но вѣдь не нотъ-же я,
А борода моя не хвостикъ,
Къ чему-же *считаешь* ты мени...

Что за слова, что за сравненія!

5. **Ввс. Остр., А. Х—въ.** Стихи ваши напечатаны не будутъ.

6. **Орелъ, Григ. Мессингу.** Если желаете имѣть нѣсколько рисунковъ картины «Мандолината», то вышлите потребное число экземпляровъ того номера «Нивы», въ которомъ она помѣщена.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ

Христолюбивые благотворители и любители благолѣпія Храма Божія!

Въ 3-хъ верстахъ отъ г. Старой-Руссы, Новгородской губерніи, на мѣстѣ упраздненнаго въ 1764 году Мужескаго Косинскаго Николаевскаго Монастыря, нынѣ находится Приходская церковь, во имя Святителя Христова и Чудотворца Николая, существующая 650 лѣтъ, которая подъ кровомъ своимъ покоятъ уже седьмое столѣтіе мощи угодниковъ Божіихъ, основавшихъ около 1220 года древній Косинскій Монастырь, преподобныхъ: Константина и Козьмы Косинскихъ, учениковъ Преподобнаго Варлаама Хутынскаго.

Она построена при самомъ началѣ основанія Косинской обители, изъ плиты, дикаго камня булыжника, и по мѣстамъ кирпича, извѣстнаго въ древности подъ именемъ «Плинѳа» съ зубовыми вмѣсто желѣзныхъ связями; стѣны ея довольно толсты, что и дало возможность ей простоять шесть съ половиною столѣтій; но внутренность ея въ началѣ по бѣдности Монастыря, а потомъ по малочисленности прихожанъ и по недостаточности ихъ не только не приходила въ лучшее состояніе, но даже потеряла первоначальный видъ своего совершенства, и въ настоящему времени пришла въ большую ветхость; кирпичныя арки въ ней дали большія трещины и грозятъ обрушеніемъ, а потому требуютъ новой перекладки; дубовыя сваи въ концахъ сгнили, штукатурка во многихъ мѣстахъ отвалилась; иконостасъ и въ немъ Св. Иконы положительно полиняли; полы, рамы въ окнахъ, и все прочее обветшало до послѣдней крайности, такъ что если не приступить къ ея возобновленію въ настоящее время, то въ недолгомъ будущемъ она должна будетъ совсѣмъ разрушиться.

Но, при всемъ желаніи сохранить такой драгоцѣнный памятникъ священной древности, мы, по бѣдности приходанъ, не въ состояніи сдѣлать необходимое возобновленіе, а потому вынужденные крайнею необходимостью рѣшились испросить у Епархіальнаго Начальства книгу для сбора добровольныхъ подаяній, которая и выдана изъ Новгородской Духовной Консисторіи, отъ 18 января 1877 года за № 331-въ срокомъ на одинъ годъ—на имя довѣреннаго отъ насъ лица: а почему и обращаемся съ симъ воззваніемъ по благословенію нашего Архипастыря, во всѣмъ доброхотнымъ дателямъ, съ твердою вѣрою, что радъ молитвы Угодника своего Святителя и Чудотворца Николая, Господь расположитъ сердца ихъ христіанскимъ состраданіемъ и милосердіемъ къ оказанію намъ посильной помощи въ возобновленіи древняго Храма Божія. Всякая лепта будетъ принята нами съ чувствомъ искренней благодарности. Христіане къ намъ на помощь! Пожертвованія могутъ быть присылаемы по сему адресу: въ Г. Старую-Руссу Новгородской Губер. Священнослужителямъ и Старостѣ Косинской Николаевской церкви.

Библиотека "Руниверс"

2-й заемъ 1866 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 22-й тиражъ 1-го марта 1877 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го марта 1877 г. Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 г.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЬЕТЫ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
39	16	500	4113	47	500	7434	45	500	10703	31	5000
83	29	500	4261	35	500	7569	29	500	10713	40	500
377	23	500	4263	27	500	7625	38	5000	10865	35	500
392	36	500	4384	24	500	7672	39	500	10956	37	500
396	41	500	4418	48	500	7687	13	1000	10973	31	500
439	11	500	4424	13	500	7709	44	500	10993	43	1000
455	20	500	4454	18	500	7741	34	500	11006	25	500
490	19	5000	4493	40	500	7761	13	500	11076	8	500
494	10	500	4553	46	75000	7802	20	1000	11088	44	500
627	50	500	4598	34	500	7898	30	500	11191	20	500
782	18	500	4764	6	500	7899	19	500	11390	12	500
801	20	500	4852	42	5000	7902	43	500	11401	21	5000
806	16	500	4959	26	500	7905	48	500	11422	30	500
819	2	500	5039	6	500	7969	42	500	11434	43	500
855	18	500	5083	15	500	8029	27	500	11564	47	500
879	19	1000	5103	4	500	8040	36	500	11628	35	1000
975	28	500	5182	29	500	8254	3	500	11645	43	500
1023	16	500	5186	37	500	8282	48	8000	11646	24	500
1027	24	500	5227	11	500	8291	33	500	11675	10	500
1043	28	500	5239	22	500	8346	6	500	11775	44	500
1071	28	500	5315	27	500	8381	19	500	11792	24	500
1151	19	500	5437	18	500	8586	30	500	11794	34	500
1214	12	500	5457	50	500	8700	14	500	11851	43	500
1535	6	500	5566	50	500	8773	12	500	11859	45	500
1619	20	500	5606	24	500	8778	31	500	11917	23	500
1761	15	500	5712	33	500	8829	18	500	11927	6	500
1810	36	500	5723	26	500	8913	1	1000	11937	5	1000
1882	41	500	5789	50	500	8957	50	500	11951	14	500
1920	17	500	5993	29	500	9036	28	5000	11976	39	500
1972	20	500	6016	45	500	9140	39	500	12004	19	500
1990	25	500	6072	12	500	9142	48	500	12029	3	500
2084	3	500	6131	27	500	9159	10	500	12048	11	500
2097	45	1000	6149	24	500	9189	12	500	12089	4	500
2249	45	500	6169	31	500	9370	30	500	12375	17	500
2293	46	500	6269	9	10000	9458	17	500	12641	43	500
2296	41	500	6353	2	500	9501	24	500	12747	36	500
2309	40	500	6474	27	500	9530	35	500	12873	29	500
2370	2	5000	6498	21	500	9588	34	500	12891	33	500
2538	44	500	6604	1	500	9687	45	500	13192	12	500
2878	42	500	6605	16	500	9694	15	500	13238	32	500
2890	17	500	6762	2	500	9839	12	500	13295	20	500
2977	9	500	6813	5	500	9931	33	500	13338	10	1000
2998	22	1000	6834	1	500	10008	15	500	13351	10	500
3007	48	500	6900	24	500	10016	1	500	13358	14	1000
3014	22	500	6914	25	1000	10037	38	500	13423	46	500
3170	8	1000	6921	25	500	10090	11	500	13533	12	500
3361	45	1000	6927	40	500	10191	28	500	13542	36	500
3558	29	500	7056	9	500	10193	38	200000	13835	26	500
3613	14	500	7126	9	500	10236	27	500	13901	9	500
3685	33	500	7176	36	500	10278	23	1000	13906	29	500
3702	31	500	7259	2	500	10351	7	500	14053	11	10000
3945	12	500	7290	38	500	10397	8	500	14085	13	500
4041	27	500	7393	4	500	10448	19	500	14098	11	500
4062	24	500	7423	34	500	10665	50	500	14139	24	500

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
14174	16	500	15898	38	500	17388	21	500	18839	12	500
14190	49	500	16001	5	500	17392	21	500	18930	2	500
14406	42	500	16089	15	1000	17438	26	500	19069	14	5000
14432	16	500	16272	40	500	17454	11	500	19202	41	500
14529	25	500	16372	24	500	17600	33	500	19206	6	500
14679	15	500	16415	14	500	17701	18	500	19211	40	500
14753	42	8000	16425	2	500	17711	32	1000	19230	27	500
14855	50	500	16605	20	8000	17754	14	500	19268	28	500
14946	14	500	16655	32	500	17886	41	500	19310	11	500
15110	21	500	16700	44	500	17896	30	10000	19357	43	500
15138	40	10000	16762	30	500	17998	15	500	19418	36	500
15195	14	500	16919	20	500	18037	23	500	19501	5	500
15199	14	500	16941	22	1000	18204	30	500	19523	20	8000
15437	13	500	17025	48	500	18222	49	500	19544	48	500
15443	40	500	17050	31	500	18240	16	1000	19583	30	500
15727	47	500	17070	28	500	18320	31	500	19660	48	500
15761	31	500	17112	19	500	18329	7	500	19749	9	500
15779	10	500	17165	23	500	18365	46	500	19771	32	500
15784	35	500	17233	20	8000	18424	2	500	19781	2	500
15816	25	500	17238	4	500	18668	42	500	19853	32	5000
15867	19	500	17289	22	500	18766	19	1000	19862	41	500

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го марта 1877 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

441, 568, 709. 783, 1069, 1498, 1505, 2053. 3465, 3698, 5007, 5351, 5372, 5430, 5541, 6285, 6492, 6562, 6814, 7129, 7784, 9142, 9149, 9322, 9442, 10270, 10887, 11336, 11428, 11472, 11770, 12245, 12476, 12854, 12978, 13728, 13918, 14394, 14748, 15224, 15924, 16473, 16532, 16602, 16952, 17056, 17116, 17176, 17483, 17795, 18243, 19259, 19533, 19621.

Всего 54 серіи, составляющихъ 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1877 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. **А. А. Непокойчицкій** (съ портретомъ).—Къ фортепьянной пьесѣ «Тоссата»», Шумана (Стихотвореніе) **А. Размадзе.—Современный женихъ** (Картинка съ натуры) **Г. Чепмарева.—Стихотвореніе** (съ рисункомъ) **А. Майкова.—Обоюдное царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—1696 г.)** (съ 2-мя рисунками) **И. Звѣрева — Всякой мысли—свое время** (Этюдъ съ натуры) **Щ.—Кормленіе любимца** (съ рисункомъ).—**Каинъ и Авель** (съ рисункомъ).—**Путевые эскизы нашего спеціальнаго корреспондента (Яссы, Рущукъ, Разградъ)** (съ 8-ю рисунками).—Смѣсь. — Политическое обозрѣніе. — Почтовый ящикъ.—Приглашеніе въ пожертвованію. —Тиражъ выигрышей государственнаго банка.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХОРОШЕЕ УКРАШЕНІЕ ДЛЯ КАБИНЕТА и БИБЛІОТЕКИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ 1000 ЛѢТІЯ РОССІИ

ПОРТРЕТЫ ЦАРСКАГО ДОМА

ЗЕМЛИ РУССКОЙ СЪ 862—1862 ГОДА.

ИЗДАНІЕ В. ШВАРЦА и К°.

СКЛАДЪ ВЪ ПАСАЖѢ

ШВЕЙЦАРСКІЙ МАГАЗИНЪ № 27 И 29.

Изданіе № 1-й. Большой форматъ кабинетной величины въ французскомъ кожаномъ переплетѣ, съ бронзовой застежкой и золотымъ обрѣзомъ. Цѣна 16 р., съ пересылкою 18 руб.

Изданіе № 2-й. Средній форматъ, кабинетной величины, в кожаномъ переплетѣ съ бронзовой застежкой и золотымъ обрѣзомъ. Цѣна 10 р. съ пересылкою 11 р. 50 к.

Изданіе № 3-й. Форматъ визитныхъ карточекъ въ англійскомъ твердомъ переплетѣ и золотымъ обрѣзомъ. Цѣна 6 р., съ пересылкой 6 р. 75

Въ каждомъ альбомѣ 53 фотографическихъ портретов, переплетенные въ большой роскошный альбомъ.

Кромѣ того, фотографическія карточки всѣхъ знаменитостей въ 10, 20, 25, 40 и 50 к. за штуку.

Вышло изъ печати

ПЕРВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНОЙ ОПЕРЫ

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ,

аранжированное для фортепіано въ 2 руки

ШАРЛОМЪ МАЙЕРОМЪ И К. ВИЛЬБОА.

Цѣна 3 руб.

Издано съ согласія издателя-собственника **Ф. Стелловскаго** въ С.-Петербургѣ музыкальною торговлею **П. ЮРГЕНСОНЪ** въ Москвѣ, Петровка, № 6.

2—1 **ИЗЪ БУМАГИ**

и изъ бумаги крытой полотномъ воротнички, манишки и манжеты. Дешевле старыхъ. Высылаютъ (во мѣркѣ) не менѣе чѣмъ на 5 руб. Въ депо амер. бумажнаго бѣлья, подъ фирмою „Городъ Нюрнбергъ" въ старомъ Газетномъ пер. домъ Шаховскаго въ Москвѣ. Тутъ же

ЦѢПОЧКИ

накладнаго золота и чрезъ огонь золоченыя единственныя нечернѣющія, короткія отъ 2-хъ до 6-ти руб., шейныя отъ 4-хъ до 7-ми р, и отъ

30 КОП.

до 1 р. 50 к. пара манжетъ съ пружиною, чрезвычайно удобныя и не портящія бѣлья

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ

ШОПЕНА,

пересмотрѣнныя профессоромъ К. Клиндвортомъ.

Всѣ 14 вальс. въ 1 томѣ.—1 р.
„ 19 ноктюрн. въ 1 томѣ—1 р.
„ 52 мазурки въ 1 томѣ—1 р.
„ 27 этюд. въ 1 томѣ—1 р. 50 к.
„ 4 баллады въ 1 томѣ—1 р. 75 к.
„ 4 скерцо въ 1 томѣ—1 р.
„ 11 Полонез въ 1 томѣ—1 р. 50 к.
„ 4 impromptu въ 1 томѣ—60 к.
„ 3 Сонаты въ 1 томѣ—1 р. 50 к.
Полное собраніе сочиненій Шопена въ 6 томовъ 15 р.

ПРОДАЮТСЯ ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Петровка, № 6, въ Москвѣ.

100 ГЕОРГИНЪ И РОЗЪ.

100 ш. кто желаетъ имѣть—можетъ получить по 1 р. съ пересылкою подъ бандеролью имѣетъ сѣмянъ Георгинъ и Розъ 6 сор. Цвѣточныя сѣмена: 12 лучш. сор. 75 к.; 20 сѣющихся въ грунтѣ 75 к.; 12 вьющихся 60 к.; 12 декоратив. 50 к.; 12 иммортелей 45 к.; 12 душист. 60 к; 20 многолѣт. 1 р; 25 разныхъ 1 р.; 50—2 р; 100—3.; 200—5 р.; 12 букетн. травъ 60 к.; 12 ком. нат. 1 р.; сѣмена: Пальмъ 5 сор. 70 к; Камелій 10 зерн. 30 к. съ пересылкою подъ бандер.; корни Георгинъ 15 и 25 к. шт. безъ пересылки. Адресъ: Саратовъ Приволжское Депо сѣмянъ.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми М. Синицкаго. Книга для матерей и воспитательницъ. Цѣна 1 р. 50 к. У книгопродавцевъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ у Соловьева. Складъ въ квартирѣ автора Максимиліановскій пер. д. Воронина № 1—13 кв. № 48. Книгопродавцамъ уступка. Пересылка на 2 фунтъ по разстоянію. 3—2

СВѢЖІЯ СѢМЕНА

Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя имѣютъ честь предложить

сѣменная торговля А. УШАКОВА

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.

Подробный прейсъ-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ раздается и высылается по требованію безплатно. 1—8

ИНЖЕНЕРЪ

Нѣмецъ, окончившій курсъ академіи, 30 лѣтъ, бывшій послѣдніе 3 года желѣзно-дорожнымъ инженеромъ англійскаго правительства при мысѣ Доброй Надежды, ищетъ мѣста въ Россіи. Имѣются хорошія рекомендаціи. Предложенія подъ лит. В. А. принимаетъ Ed. Pieper въ Clausthal (въ Пруссіи, въ провинціи Ганновер) 2—2

РУССКАЯ ВОРОЖЕЯ.

Новое гаданье, забава для всѣхъ возрастовъ. 36 карточекъ 72 хромолитографированные картинка съ рисунковъ профессора **Лагорію**. 288 отвѣтовъ пословицами. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Продается въ Гостинномъ Дворѣ, въ книжныхъ магазинахъ Кохесова и Михина № 22, Исакова, Битинажа и Печатнина, Лит. № 36.

Дозволено цензурою. СПБ. 11 Марта 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. Веллинга Анг. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 12 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 21 Марта 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА" на 1877 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы".

Высокопреосвященный Леонидъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

Лѣтописи русской церкви и общества съ грустью занесутъ на свои страницы потерю глубоко уважаемаго и любимаго архипастыря ярославской церкви, высокопреосвященнаго Леонида, скончавшагося 15-го декабря прошедшаго года, въ разгарѣ своей благотворной архипастырской дѣятельности, всегда проникнутой высокой христіанской любовью и энергіей горячаго убѣжденія.

Высокопреосвященный Леонидъ родился въ февралѣ 1817 г.; по рожденію онъ не принадлежалъ къ духовному званію, и получилъ свѣтское воспитаніе сначала въ англійскомъ, потомъ во французскомъ пансіонѣ, откуда въ 1829 г. поступилъ въ Горный корпусъ, но уже въ 1832 г. оставилъ его, чтобы поступить въ морскую службу, въ которой онъ и оставался до 1840 года, дослуживъ до лейтенантскаго чина. Но еще въ ранней юности въ немъ начали слагаться тѣ черты характера, которыя приготовили изъ него служителя церкви; прійдя въ болѣе зрѣлый возрастъ, съ душой возвышенной и поэтической, онъ постоянно искалъ высшихъ идеаловъ жизни и, наконецъ, нашелъ ихъ въ томъ высокомъ ученіи любви и истины, которое проповѣдуетъ религія.

Высокопреосвященный Леонидъ, арх. Ярославскій и Ростовскій († 15 дек. 1876 г.)
Рис. и грав. І. С. Барановскій.

Въ 1840 году молодой флотскій офицеръ оставилъ службу и Петербургъ и поступилъ въ Московскую Духовную Академію. Пройдя курсъ богословскихъ наукъ, онъ былъ вскорѣ посвященъ въ монашескій санъ. Свое церковное служеніе онъ началъ въ Вифаніи, гдѣ былъ ректоромъ семинаріи, потомъ былъ ректоромъ Московской семинаріи и, наконецъ, викаріемъ высокопреосвященнаго митрополита Филарета, бывшаго его неизмѣннымъ наставникомъ, руководителемъ и другомъ.

Высокопреосвященный Леонидъ, въ свою очередь, питалъ благоговѣйную преданность къ знаменитому московскому святителю и съ трога-

Библиотека "Руниверс"

тельной любовью всегда хранилъ память о немъ.

Занимая почти восемнадцать лѣтъ каѳедру викарія московскаго, высокопреосвященный Леонидъ снискалъ себѣ глубокое уваженіе и любовь всего общества, отъ высшихъ до низшихъ. Чтобы очертить дѣятельность высокопреосвященнаго въ Москвѣ приведемъ слова, сказанныя ему, въ день пятнадцатилѣтія его архипастырскаго служенія, отъ лица его духовной паствы: „Благоговѣйно проходя высокое сіе служеніе, Вы своимъ кроткимъ и отечески-привѣтливымъ обращеніемъ и доступностью ко всѣмъ, успѣли привлечь къ себѣ сердца всѣхъ насъ и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ когда либо счастіе пользоваться Вашею бесѣдой. Всякій изъ насъ, въ минуты духовной радости, и еще болѣе въ минуты душевной скорби, свободно изливалъ передъ Вами свои чувства, и всегда увѣренъ былъ найти въ словахъ Вашихъ утѣшеніе, одобреніе и подкрѣпленіе. Любвеобильное Ваше сердце всегда откликалось на всѣ наши духовныя нужды, и никто не исходилъ „алчай“ отъ предлагаемой Вами духовной трапезы“.

Высокопреосвященный Леонидъ былъ человѣкомъ сердца въ лучшемъ значеніи этого слова и потому такъ привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Но главное обаяніе его личности заключалось въ нравственной высотѣ, въ ясности и чистотѣ его души. Какъ служитель церкви, онъ былъ служителемъ ея по призванію и глубоко былъ проникнутъ святостью этого призванія. Онъ былъ щедръ не только на устное, но и на письменное слово: его обширная духовная переписка вскроетъ, безъ сомнѣнія, много прекраснаго, содержащагося въ ней.

Если изъ области частной жизни, мы обратимся къ области общественной христіанской дѣятельности, то во всякомъ благомъ начинаніи увидимъ участіе высокопреосвященнаго. Общество поощренія трудолюбія, Общество попеченія о дѣтяхъ сосланныхъ преступниковъ имѣли въ немъ своего духовнаго руководителя. При его содѣйствіи, главнымъ образомъ, возникла, укоренилась и была приведена въ исполненіе мысль о порученіи опытнымъ монахинямъ московскихъ монастырей ухода за больными въ больницахъ; имъ же положено начало воспитанія при Алексѣевскомъ монастырѣ дѣвицъ изъ единовѣрныхъ намъ славянскихъ племенъ.

Въ прошедшемъ 1876 г. высокопреосвященный Леонидъ разстался съ своей московской паствой, бывъ назначенъ архіепископомъ Ярославскимъ. Тутъ открылось для него новое поле дѣятельности, поставившей его близко къ народу. Онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова пастыремъ, учителемъ народа, находя въ простыхъ, неиспорченныхъ сердцахъ благодарную почву для сѣянія слова Божія; онъ окружалъ себя дѣтьми, говорилъ имъ о Богѣ, о христіанствѣ, наставлялъ и священниковъ сельскихъ быть не оффиціальными учителями, а всегдашними наставниками народа въ законѣ Божіемъ и доброй нравственности. Объѣзжая окрестныя деревни и села, вездѣ раздавалъ онъ благословеніе Божіе, и самъ получалъ его отъ благодарнаго народа.

Онъ скончался отъ разрыва сердца, обозрѣвая епархію и остановясь на ночлегъ въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ Костромской епархіи, откуда тѣло его, съ подобающими высокому сану почестями, было перевезено для погребенія въ гор Ярославль.

Ш.

Изъ пѣсенъ царя Давида.

Псаломъ 13, „Рече безумень въ сердци своемъ: нѣсть Богъ“.

1

Помыслилъ въ сердцѣ мужъ безумный:
Нѣтъ Бога!.. Міръ въ грѣхахъ растлѣлъ
Развратъ, разгулъ повсюду шумный,
Всѣ люди чужды добрыхъ дѣлъ,
У всѣхъ преступныя влеченья—
Слѣпая жажда наслажденья!..

2 — 3

Господь приникъ съ небесъ высотъ,
Безбожныхъ сонмъ окинулъ окомъ:
Быть можетъ въ нихъ средѣ найдетъ
Незараженнаго порокомъ...
Напрасно!.. нѣтъ ни одного,
Кто бъ добръ былъ, вѣровалъ въ Него!

4 — 5

„Ужель не можетъ вразумиться
„Погрязшій въ беззаконьяхъ родъ,
„Забывшій Господу молиться,
„Какъ хлѣбъ, снѣдая Мой народъ?
„Вселю-жь въ нихъ ужасъ я великій,
„Въ испугѣ смолкнутъ пиршествъ клики!

5 — 6

„Покрою блѣдныхъ ликъ стыдомъ,
„Презрѣнны будутъ ихъ чертоги;
„Господній—праведника домъ,
„Гдѣ уповалъ въ Него убогій,
„Гдѣ всѣми онъ осмѣянъ былъ
„За то, что Бога не забылъ“.

7 — 8

Когда-бъ къ Сіона высотамъ
Дошли Израиля моленья,
И Богъ, сердечнымъ внявъ мольбамъ,
Изнелъ народъ свой изъ плѣненья,
Іаковъ бы возликовалъ,
Восторгъ въ Израилѣ-бъ взыгралъ!

Ознобишинъ.

Миленка.

(Разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи).

Гостинница „Сербской кроны“ считалась почему-то лучшей по всемъ Бѣлградѣ; сюда собирались обѣдать и ужинать почти всѣ русскіе, наводнившіе за послѣднее время столицу Сербскаго княжества.

Здѣсь, подъ тѣнью развѣсистыхъ платановыхъ деревьевъ и старыхъ цѣтвистыхъ каштановъ, цѣлый день видны были оживленныя группы военныхъ и штатскихъ, мелькали цвѣтные зонтики и шлейфы дамъ, и вплоть до глубокой ночи не умолкалъ говоръ и возгласы посѣтителей, собравшихся чуть-ли не изо всѣхъ странъ міра, говорящихъ самыми разнородными языками и нарѣчіями. Въ послѣднее время, впрочемъ, сталъ господствовать языкъ русскій, заглушая все остальное, иноземное.

Въ этой гостинницѣ или, правильнѣе сказать, около нея,—такъ какъ всѣ посѣтители, пользуясь превосходною погодою и уютною тѣнью деревьевъ, избѣгали душныхъ комнатъ ресторана,— назначались всевозможныя рандеву, здѣсь обсуждались и военно-политическіе вопросы и обыденныя мелочи; здѣсь, не стѣсняясь ничѣмъ, выражались самыя рѣзкія мнѣнія,—однимъ словомъ, здѣсь самъ собою образовался обширный, доступный для всѣхъ и каждаго, клубъ пріѣзжихъ въ Сербію, клубъ безъ устава, безъ контроля, безъ всякаго полицейскаго попеченія.

Съ перваго же дня пріѣзда моего въ Бѣлградъ, я обѣдалъ постоянно въ „Сербской кронѣ“.

Подъ однимъ изъ каштановъ, невдалекѣ отъ того столика, гдѣ я обыкновенно занималъ приборъ, постоянно сидѣла маленькая дѣвочка, сербка, лѣтъ десяти, можетъ быть немного болѣе. Это маленькое, граціозное существо съ перваго раза было почти незамѣтно для глазъ наблюдателя: развѣсистый кустъ смородины, разросшійся у самаго корня каштана, и ярко-зеленая путаница виноградныхъ побѣговъ, почти скрывали малютку; только въ ту минуту, когда солнечный лучъ случайно прорѣзывалъ листву, мелькалъ въ зелени бѣлый рукавъ ея рубашки или розовая пухлая щечка, покрытая пушкомъ смуглаго дѣтскаго тѣла. Дѣвочка была чрезвычайно миловидна и такъ напоминала дѣтей Мурильо; казалось, что эта граціозная фигурка выскочила прямо изъ рамокъ картины знаменитаго художника...

Растрепанные, темно-каштановые волосы, сбитые, нечесанные, висѣли низко за спиною, обрамливая смуглое, выразительное личико; большіе, черные глаза смо-

Библиотека "Руниверс"

трѣли прямо; въ этомъ взглядѣ было столько грусти, но грусти дѣтской, безсознательной, казалось будто слезинка хотѣла было выкатиться наружу, да раздумала и разлилась по глазу, подернувъ его нѣжнымъ, темнымъ блескомъ. Маленькій носикъ, немного вздернутый, выражалъ нѣкоторую энергію, быть можетъ, пока еще дремавшую въ ребенкѣ; обрамленный пухленькими темно-малиновыми губками ротикъ вѣчно улыбался, что составляло поразительный и оригинальный контрастъ съ ея задумчивымъ, грустнымъ взглядомъ.

Одѣта эта дѣвочка была чрезвычайно бѣдно, даже нищенски: поверхъ грязной, порванной рубашки съ короткими рукавами и открытымъ воротомъ, только одна короткая-же шерстяная юбочка, когда-то красная, но въ настоящую минуту утратившая отъ времени всякіе признаки своего первоначальнаго цвѣта. Эта юбочка мѣстами превратилась даже въ лохмотья и едва прикрывала голыя, худенькія ножки ребенка.

Въ первый день, когда я пришелъ обѣдать въ гостинницу, я не замѣтилъ этой дѣвочки; я обернулся, почувствовавъ, что кто-то тихонько дергаетъ меня сзади за полу сюртука и увидалъ крохотную фигурку, просительно протянувшую ко мнѣ свою грязную ручку.

Ребенокъ просилъ молча, но выразительно. Я вынулъ немного серебра и положилъ ей въ руку.

Дѣвочка взглянула на меня, потомъ на серебряныя монетки, ярко сверкавшія на солнцѣ въ ея черной ладони, улыбнулась и проговорила:

— Это для мамы, теперь для меня.

Меня, признаюсь, немного озадачила эта выходка; я вынулъ еще монетку и протянулъ ее ребенку...

— Нѣтъ,—покачала она головкой... Для мамы нужны деньги, для Миленки не надо...

Я взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Что же тебѣ надо?

— А вона!

И дѣвочка указала глазами на какое-то пирожное, стоявшее противъ моего прибора въ стеклянной вазѣ.

Я расхохотался и отдалъ ей всѣ сладости изъ вазы.

Дѣвочка приложила свою руку къ губамъ, чмокнула и, передавъ мнѣ по воздуху этотъ поцѣлуй, сдѣлавъ при этомъ чрезвычайно граціозный, кокетливый жестъ, отошла и сѣла на свое мѣсто, подъ старымъ каштаномъ.

Каждый разъ я потомъ встрѣчалъ здѣсь эту дѣвочку. Она приходила утромъ къ гостинницѣ, сидѣла до конца обѣденнаго времени, потомъ исчезала куда-то, а вечеромъ появлялась снова, просиживая иногда до полуночи.

Ее знали и баловали почти всѣ посѣтители гостинницы. Только и слышались возгласы:

— Миленка, поди сюда! Миленка, хочешь этого?!. На, лови!

Миленка иногда пѣла по требованію какого-нибудь посѣтителя, иногда танцовала, но все это выходило у нея вяло, какъ-то нехотя, и дѣвочка, видимо, неохотно подчинялась этимъ требованіямъ.

Мнѣ разсказывали, что ребенокъ этотъ появился здѣсь всего съ недѣлю тому назадъ, что турки убили ея отца, истребили почти всю родню, сожгли до тла ихъ деревню—что ребенокъ этотъ Богъ вѣсть какимъ чудомъ уцѣлѣлъ, и также Богъ вѣсть какимъ образомъ попалъ въ Бѣлградъ, будто бы даже съ своей больной, измученной матерью, для которой она и приходитъ сюда въ гостинницу собирать подаяніе.

Мнѣ хотѣлось подробнѣе распросить ребенка, обстоятельнѣе узнать ея исторію, повидаться даже съ ея матерью, но я все откладывалъ да откладывалъ, пока не пришлось выѣхать изъ Бѣлграда.

Масса несчастій и бѣдствій того же рода поглотила все мое вниманіе и заставила на время забыть малютку подъ каштаномъ гостинницы „Сербская крона", пока самъ случай не напомнилъ мнѣ объ ея существованіи и не раскрылъ грустнаго эпизода ея жизни, одного изъ многочисленнѣйшихъ эпизодовъ колоссальной кровавой драмы, разыгравшейся за послѣднее время надъ несчастнымъ Балканскимъ полуостровомъ.

Возвращаясь съ одной изъ поѣздокъ своихъ по лагерямъ дѣйствующихъ войскъ, изъ Делиграда въ Бѣлградъ, я, въ Семендріи или, какъ называютъ здѣсь этотъ городъ, Смедерево, остановился пообѣдать и немного отдохнуть, почему и велѣлъ почтарю-кочеяшу не торопиться перепряжкою свѣжихъ лошадей, а заѣхать за мною въ гостинницу часа черезъ два, а то и немного попозже.

Кочеяшь былъ почему-то очень доволенъ этимъ моимъ распоряженіемъ; снявъ шляпу и улыбаясь во всю ширину своего добродушнаго рта, онъ весело произнесъ: „фала, господине",—а слово фала значитъ благодарю,—и, хлеснувъ длиннымъ кнутомъ уставшую, заморенную порядкомъ лошаденку, запрыгалъ въ своей двухколесной таратайкѣ, по крупнымъ камнямъ плохомощеной улицы.

Я, отряхивая пыль съ плаща и фуражки, вошелъ въ залъ семендрійской гостинницы, весьма порядочной на видъ, положительно лучшей изъ всѣхъ, которыя мнѣ приходилось видѣть по сербскимъ дорогамъ.

Большая, длинная зала съ цѣлымъ рядомъ свѣтлыхъ, высокихъ оконъ, была уставлена посрединѣ опрятно сервированными столиками, въ углу помѣщался небольшой буфетъ съ претензіей даже на нѣкоторую роскошь, въ видѣ двухъ покривившихся бронзовыхъ канделябровъ безъ свѣчей и стеклянной вазы съ засохшими кусочками какого-то пирожнаго. Стѣны залы, окрашенныя свѣтло-зеленою краскою, пестрѣли многочисленными гравюрами и литографіями, оправленными въ золоченыя рамочки; близь буфета висѣла даже карта Сербіи, дешеваго пригазетнаго изданія и пожелтѣвшая отъ времени, наклеенная для прочности на картонъ, карта обѣда, помѣченная еще 4 іюня 1868 года, выслужившая, значитъ, почти десятилѣтнюю давность безъ измѣненій.

По этой-то древней картѣ я спросилъ себѣ обѣдъ изъ пяти блюдъ—въ два динара (немного больше нашего полтинника)—и, въ ожиданіи этого обѣда, сталъ разсматривать посѣтителей гостинницы.

Ближе къ буфету, за столомъ, чище прочихъ сервированнымъ, сидѣли двѣ дамы съ повязками краснаго креста на рукавахъ; съ каждою изъ этихъ дамъ сидѣло по два кавалера въ штатскихъ платьяхъ, вида весьма приличнаго. Какъ дамы, такъ и кавалеры видимо уже пообѣдали и кейфовали съ папиросами въ зубахъ, за чашечками чернаго кофе. Судя по разговору, а также и внѣшнимъ признакамъ, не трудно было догадаться, что всѣ шестеро принадлежатъ къ персоналу здѣшняго временнаго госпиталя. Черезъ столъ отъ нихъ дремалъ, облокотившись обѣими руками и подперевъ ими голову, какой-то военный, въ темно-синей блузѣ, съ вышитыми звѣздочками на отложномъ воротничкѣ; тутъ же на столѣ лежала сабля его въ ржавыхъ металлическихъ ножнахъ и круглая форменная шапочка; передъ дремавшимъ стояла недопитая бутылка краснаго вина и половинка яблока. У средняго стола сидѣла самая оживленная и многочисленная компанія—все русскіе добровольцы, въ разнообразныхъ, еще неформенныхъ костюмахъ, — кто въ штатскомъ куцемъ пиджакѣ, кто въ поддевкѣ, а кто такъ и просто въ красной кумачевой рубахѣ съ лихо застегнутымъ косымъ воротомъ, всѣ въ тяжелыхъ высокихъ сапогахъ, всѣ съ револьверами, одинъ такъ даже съ простымъ русскимъ топоромъ за поясомъ и съ тяжелою суковатою дубиною...

У буфета стояла оригинальная фигура колоссальнаго

Библиотека "Руниверс"

Новый соборъ въ г. Борисовѣ, Минской губ.
Рис. А. Ваньюра, грав. Бергъ.

Библиотека "Руниверс"

Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ. Картина Бомціани, рис. Вальтеръ, грав. Богертсъ.

Библиотека "Руниверс"

роста, въ короткомъ халатѣ поверхъ грязнаго бѣлья и въ туфляхъ на босую ногу. Голова и шея этой фигуры была обверчена бинтами и тряпками, и въ массѣ этихъ обертокъ, словно кожаная рукавица на снѣгу, чернѣло энергичное смуглое лицо, съ большимъ горбатымъ носомъ, съ бровями рѣзко очерченными и длинными усами, висѣвшими прямо внизъ двумя черными прядями.

Добровольцы еще не были въ арміи, они недавно прибыли въ Бѣлградъ и только направлялись къ мѣсту дѣйствія. Здѣсь, въ Семендріи, былъ у нихъ отдыхъ, и они, въ ожиданіи заказанныхъ колъ (повозокъ), весело болтали, восторгаясь дешевизною обѣда, а главное вина и „всякаго продовольствія", какъ они выражались, разсматривая поданный имъ трактирный счетъ.

Изъ сосѣдней комнаты, ходъ въ которую шелъ черезъ сѣни, слышалось щелканье бильярдныхъ шаровъ и разнообразные, приличные обстоятельствамъ возгласы игравшихъ. Нѣмецъ-буфетчикъ важно сидѣлъ за прилавкомъ, закрывшись какою-то газетою; трактирные мальчики въ красныхъ фескахъ и съ зелеными фартуками ловили мухъ на окнѣ отъ нечего дѣлать; красивая, толстая, съ румянцемъ во всю щеку сербка-судомойка, стояла въ дверяхъ, лихо подбоченясь, и глупо улыбалась, сверкая своими превосходными, бѣлыми и ровными зубами.

— Это удивительно!.. это удивительно. Да у насъ въ Москвѣ за такія деньги селянки простой въ трактирѣ не получишь! Ей Богу право! щелкая всею пятернею по счету, восторгалась красная рубаха-косоворотка.

— Не дорого,—снисходительно пожималъ плечами парусинный пиджакъ.

— Вѣрите-ли: меня просто ошарашило... Пріѣзжаю въ Бѣлградъ, сейчасъ въ гостинницу. Ставятъ графинъ съ виномъ... вино ничего, сносное... Жажда страшная, жарища—сорокъ градусовъ, а то и больше...

— А можетъ и меньше.

— Нѣтъ не меньше... пью... спрашиваю: сколько?

— Все выпилъ?

— Что за вопросъ!.. конечно! говорятъ: „четыре пары"—счета не знаю, не понималъ еще. Даю на всякъ случай три динара—смотрю, два назадъ и съ одного еще сдачи мѣдяками... Просто даромъ!

— У насъ въ Черногоріи, въ Цетиньѣ,—сиплымъ басомъ вмѣшалась забинтованная фигура въ халатѣ.

— А у васъ въ Черногоріи лежатъ въ койкѣ, если докторъ вставать не позволилъ! замѣтилъ черногорцу, довольно строгимъ тономъ, одинъ изъ членовъ медицинскаго персонала.

— Скучно лежать... я на минутку—такъ только... замялась фигура въ халатѣ.

— Ну идите, идите! А то замѣчу еще разъ, не позволю въ гостинницѣ лежать, въ госпиталь переведу.

— Я пойду! махнулъ рукою черногорецъ, захватилъ съ прилавка кисть зеленаго винограда и, шлепая туфлями по плитному полу, тихонько, съ видимымъ усиліемъ зашагалъ вонъ изъ комнаты.

— Экая сила у этого народа! замѣтилъ докторъ, проводивъ глазами ушедшаго—пуля въ шеѣ, контузія въ голову и еще на ногахъ держится... Другой бы давно на тотъ свѣтъ отправился.

— Удивительно живучій народъ!.. я помогала одному ампутировать ногу—даже и не застонала,—замѣтила одна изъ дамъ.

Мнѣ принесли обѣдъ и я занялъ мѣсто на другомъ концѣ стола, за которымъ дремалъ господинъ въ военной курткѣ.

Мальчикъ, подавшій мнѣ суповую чашу, осторожно сталъ убирать лежавшую на столѣ саблю, но сдѣлалъ это очень не ловко: сабля звякнула, чуть не выскочила у него изъ рукъ и опрокинула бутылку съ виномъ.

Дремавшій господинъ вздрогнулъ, встряхнулъ головою, медленно осмотрѣлся вокругъ, пристально посмотрѣлъ на меня, кивнулъ даже головою, словно кланяясь и извиняясь въ чемъ-то и, доставъ изъ кармана кожаный кисетъ съ табакомъ, принялся аккуратно свертывать себѣ папироску.

— Вы ѣдете въ Бѣлградъ? спросилъ меня мой визави, кончивъ работу надъ своей папироской и потянувшись за спичкою.

— Да.

— Я тоже. Вотъ съ которыхъ поръ жду лошадей!.. Сижу-сижу... Это чертъ знаетъ что такое! Обѣщали къ вечеру, да кажется сегодня, все равно, не получу—ночевать здѣсь прійдется...

— Вы ѣдете одни?

— Одинъ...

Господинъ этотъ произвелъ на меня сразу чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: у него была такая простая, симпатичная наружность, выраженіе его лица было такое открытое, честное, внушающее съ перваго раза полнѣйшее довѣріе. Мнѣ захотѣлось оказать ему маленькую услугу и, пользуясь особыми правами, которыя даетъ курьерская подорожная, я поспѣшилъ предложить ему мѣсто въ своей повозочкѣ.

— Я васъ можетъ быть стѣсню,—замялся онъ... Положимъ, мнѣ очень хочется поскорѣе попасть въ Бѣлградъ... но...

— Безъ всякихъ *но*—черезъ полчаса подадутъ мнѣ лошадей и ѣдемъ,—прерваль я его замиранія и сказалъ свою фамилію.

— Жучекъ, Матвѣй Захарычъ, капитанъ,—произнесъ онъ рекомендуясь и протянулъ свою широкую руку, съ мозолистою, грубою ладонью.

— Отпускъ взялъ короткій; времени на дорогу много истратилъ... тоже и назадъ надо будетъ скоро ѣхать... пожалуй, и трехъ дней не доведется пробыть въ Бѣлградѣ,—говорилъ онъ, пуская въ воздухъ кольца табачнаго дыма.

— А вы по дѣлу?

— Не то, что по дѣлу... Какія мои дѣла?! А такъ, повидаться надо тамъ, провѣдать одного человѣчка... то есть не то, чтобы человѣчка — женщина она... ну, дочка у нее есть... Такъ вотъ денегъ скопилъ немного, отвезти хочу...

Я не распрашивалъ его подробно о томъ, какая это женщина съ дочкою и перевелъ разговоръ на то, что творится въ лагерѣ и его окрестностяхъ.

Капитанъ Жучекъ охотно удовлетворилъ моему любопытству и положительно увлекалъ меня своимъ живымъ и простымъ разсказомъ. Онъ, оказалось, давно уже былъ въ Сербіи, т. е. не то, что въ Сербіи, а въ *другихъ мѣстахъ, по близости*, какъ онъ выражался, умалчивая, впрочемъ, о точномъ опредѣленіи этихъ *другихъ* мѣстъ, умалчивая даже о своей тамъ дѣятельности. Фамилію его я слыхалъ, и теперь не безъ уваженія взглядывалъ на этого почтеннаго, опытнаго агитатора-фанатика и вмѣстѣ съ тѣмъ поэта и героя болгарскихъ вспышекъ.

Скоро мы уже сидѣли рядомъ въ тряской таратайкѣ и неслись чуть не въ карьеръ по превосходной шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Семендріи въ Бѣлградъ.

Дорога пролегала по горамъ, то взбираясь на довольно значительныя высоты, то спускаясь глубокими лощинами... Въ первыхъ случаяхъ, вправо отъ насъ раскидывалась широкая, безграничная панорама величественнаго Дуная, съ луговою стороною противоположнаго берега, съ разбросанными по ней безчисленными городками и селеніями австрійской Сербіи. Роскошная водная лента великой рѣки извивалась въ зеленыхъ рамкахъ, пестрѣя своими густо-поросшими островками и золотистыми песчаными отмелями... Тамъ и сямъ бѣлѣли паруса рыбачьихъ лодокъ, бороздя воду

Библиотека "Руниверс"

бѣжалъ пароходъ, а за нимъ тянулась безъ конца струя дыма, расходясь незамѣтно въ нѣжно-лиловомъ вечернемъ воздухѣ. Солнце садилось, тихо и плавно спускаясь въ туманную полосу, освѣщая краснымъ свѣтомъ вершины горъ и кудреватыя кроны корявыхъ, развѣсистыхъ сосенъ...

Стало замѣтно холодѣть, со дна лощинъ подымался сѣроватый паръ и заставилъ насъ поплотнѣе закутаться въ свои дорожные плащи...

Совсѣмъ стемнѣло, когда далеко впереди насъ замелькали огоньки бѣлградскихъ предмѣстій, блеснула затѣмъ другая водная лента большого притока Дуная, рѣки Саввы.

И снова наша таратайка загремѣла и запрыгала по плохо мощенымъ улицамъ.

На другой день, по обыкновенію, я отправился обѣдать въ „Сербскую крону".

Съ утра у меня было много хлопотъ, надо было сдѣлать съ десятокъ различныхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ визитовъ и я немного запоздалъ. Подходя къ „Великой Пьячѣ", — большая площадь въ центрѣ города,— я увидалъ высокую, плотную и широкоплечую фигуру, появившуюся изъ-за угла и шедшую впереди меня. Я узналъ въ этой фигурѣ Матвѣя Захаровича Жучка и поспѣшилъ его окликнуть. Тотъ обернулся.

На немъ положительно лица не было. Онъ былъ чѣмъ-то сильно взволнованъ, обезпокоенъ и едва только увидѣлъ меня, какъ чуть не бѣгомъ бросился мнѣ на встрѣчу, вскрикнувъ:

— А, это вы!.. здорово, здорово!

— Что съ вами? посмотрѣлъ я ему въ лицо—и посмотрѣлъ самымъ пристальнымъ образомъ.

— Со мною!.. Со мною ничего... А вотъ съ нею... А вѣдь у меня горе, большое горе!...

— Вижу! Въ чемъ дѣло?

Жучекъ помолчалъ съ минуту... Мы шли рядомъ, и чтобы не толкаться съ поминутными встрѣчными, свернули съ тротуара на немощеную площадь, поросшую кое-гдѣ чахлою, погорѣвшею на солнцѣ травкою.

— Помните... началъ Матвѣй Захаровичъ, прервавъ молчаніе. Помните, вчера дорогою я говорилъ вамъ о человѣчкѣ, то есть женщинѣ одной, съ дочкою еще?.. помните?

— Ну, помню.

— Умерла...

Жучекъ произнесъ это слово какъ-то хрипло и тотчасъ же сильно закашлялся, словно его горло съ трудомъ пропустило этотъ недобрый звукъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я и поспѣшилъ пробормотать какое-то неловкое, обыденное утѣшеніе.

— Да что ужь тутъ! махнувъ рукою, протянулъ капитанъ... Померла, Господь съ нею... Эхъ, жаль только не дождалась меня.. я, вотъ, ей деньги везъ... знаете— женщина безъ всякихъ средствъ... несчастіе съ нею большое было, — оттого можетъ. Не привелъ Богъ; что дѣлать...

Матвѣй Захаровичъ слегка нахмурилъ брови и закусилъ нижнюю губу; глаза у него, словно кровью налились, покраснѣли... и, желая, можетъ быть, скрыть слезы, онъ отвернулся и вытерся обшлагомъ своей суконной куртки.

— Вы мнѣ говорили,—началъ я, давъ капитану нѣсколько минутъ успокоиться,—что у нея и дочка есть... Ну, эту дочку, вы, конечно, застали здоровой... Ничего не случилось?

— Тоже умерла! рѣзко отвѣтилъ Жучекъ и неожиданно остановился.

— Вотъ, вотъ чего я не пойму. не хочу понимать, не могу!.. чуть не закричалъ онъ, отшвырнувъ концемъ сапога какой-то злополучный кирпичный осколокъ... Ну, умерла мать. Хорошо! Она могла умереть! Она была сильно, больно замучена... Послѣ *этого* долго не проживешь. Но дочка, дѣвочка зачѣмъ! ей умирать не слѣдовало... рано... совсѣмъ не кстати... Эхъ, Мила моя, Мила, что она только со мною старымъ сдѣлала?..

Жучекъ не выдержалъ и глухо зарыдалъ, стоя чуть не посреди площади. Мы увлеклись и незамѣтно уклонились съ дороги. Кое-кто изъ проходящихъ мимо съ любопытствомъ осматривали насъ съ ногъ до головы; мальчикъ, разнощикъ винограда, поставилъ даже на землю плетеную корзину съ своимъ товаромъ, выпучивъ глаза и засунувъ пальцы въ ротъ, онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на этого высокаго, сильнаго человѣка, плачущаго какъ малый ребенокъ.

Я поспѣшилъ взять Матвѣя Захаровича подъ руку и, прекративъ всякіе дальнѣйшіе распросы, торопливо повелъ его узкимъ переулкомъ, безлюднымъ и глухимъ, ведущимъ въ обходъ къ гостинницѣ „Сербская крона".

Жучекъ повиновался и шелъ безпрекословно. Пароксизмъ горя у него прошелъ и онъ успѣлъ уже снова овладѣть собою.

Прежде чѣмъ идти обѣдать подъ каштанами, я увелъ Матвѣя Захаровича къ себѣ въ комнату, далъ ему время окончательно успокоится, и онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ свою простую, въ высшей степени трогательную исторію. Эту исторію читатель узнаетъ ниже.

Его разсказъ растрогалъ до слезъ меня самого. Какъ глубоко я сочувствовалъ теперь его горю, какъ близко принималъ его къ сердцу!

Черезъ часъ мы спустились внизъ и заняли мѣста за однимъ изъ столиковъ.

— Что это сегодня Миленки не было! громко произнесъ одинъ изъ обѣдавшихъ.

Жучекъ вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ ложку, звякнувшую по тарелкѣ.

Я невольно взглянулъ по направленію того мѣста, гдѣ обыкновенно сидѣла малютка. Тамъ ея дѣйствительно не было...

— Миленка, какая Миленка? порывисто схватилъ меня за руку Матвѣй Захаровичъ.

— Дѣвочка, нищенка, хорошенькій ребенокъ... Она всегда тутъ сидѣла прежде... лѣтъ десяти, смуглянка, съ длинными волосами...

— Вчера была, даже вечеромъ вчера приходила, а сегодня нѣтъ,—вмѣшался въ разговоръ первый, спросившій о Миленкѣ.

— Вчера была, даже вечеромъ,—протянулъ Жучекъ,—что же это такое въ самомъ дѣлѣ... Господи!.. Да эдакъ съума сойти можно!...

Онъ сильно отодвинулъ отъ себя приборъ и всталъ.

— Что вы, Матвѣй Захаровичъ...

— Пойдемте со мною, ради Бога пойдемте... заговорилъ онъ. Сейчасъ, сію минуту, не теряя времени. Эхъ, жаль лошадей нѣтъ!

Онъ тоскливо поглядѣлъ вдоль улицы и поскребъ затылокъ съ досады: нигдѣ не было видно ни одной коляски, ничего даже похожаго на лошадей съ экипажемъ.

— Да, пойдемте пѣшкомъ, здѣсь близко, недалеко... Вотъ тутъ прямо можно. Идемъ! Что за странность, что за удивительныя вещи творятся. Вы говорите—вчера была, вечеромъ даже?

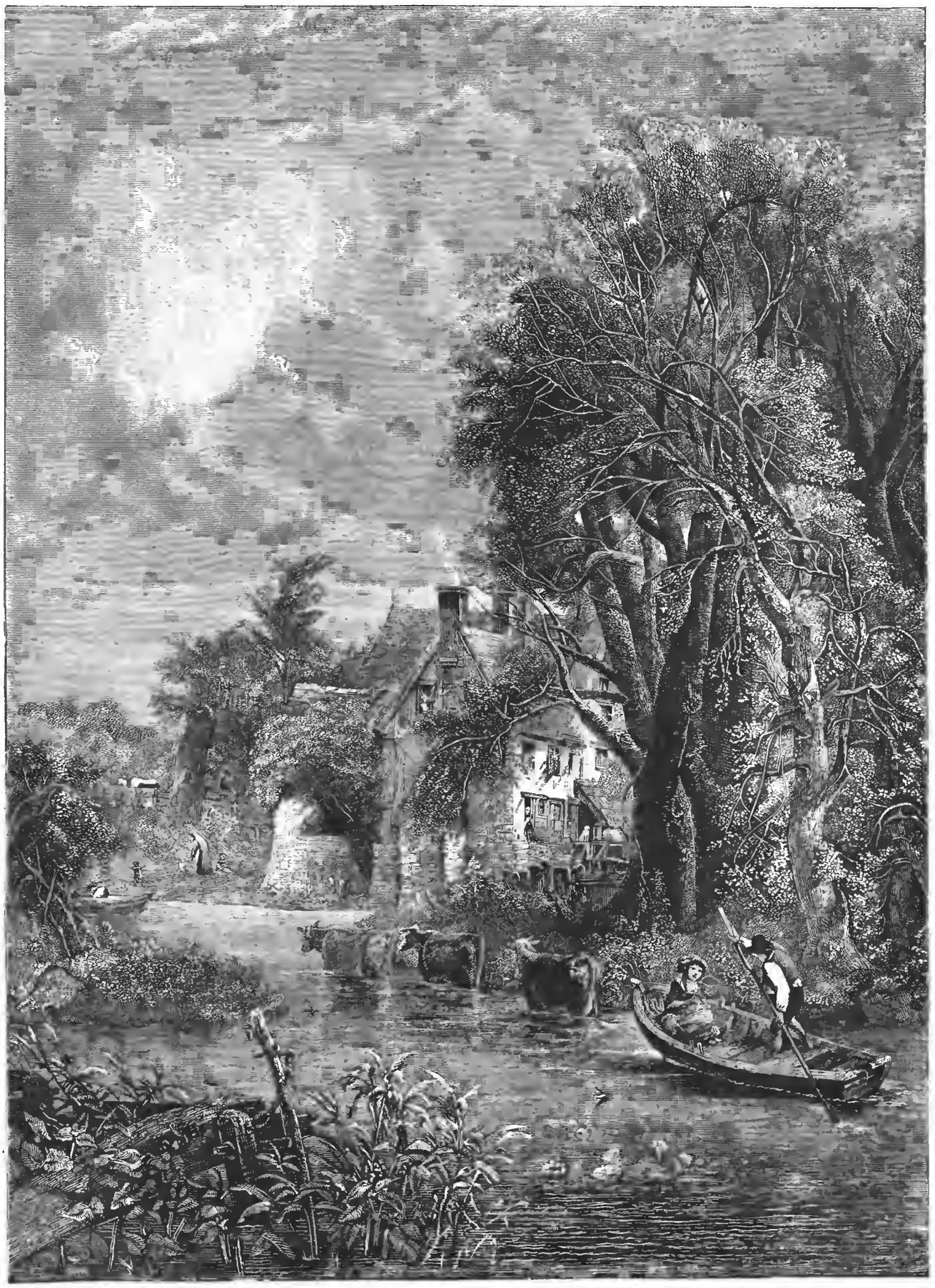
— Да, была.

— Смугленькая такая—Миленка зовутъ... Мила, Милочка?..

Жучекъ не вытерпѣлъ и, опрокинувъ по дорогѣ нѣсколько стульевъ, стремительно бросился черезъ улицу. Я, конечно, за нимъ, и едва догналъ его на поворотѣ.

Мы оба зашагали что есть мочи, опять черезъ большую площадь, прямо по направленію къ турскому кварталу. Черезъ минутъ десять мы взошли уже въ оригинальную, кривую и узкую дунайскую улицу, при-

Библиотека "Руниверс"



Мирный уголокъ. Картина В., грав. Пейне.

Библиотека "Руниверс"

Скорбящая Богоматерь. Картина А. Гроттгера. Рис. Младицкій, грав. А. Рогульскій.

Библиотека "Руниверс"

хотливыми зигзагами спускающуюся прямо къ прибрежью.

День склонялся къ вечеру. Солнце спустилось низко, чуть не къ самому Дунаю и его косые, ярко-красные лучи скользили по гребнямъ черепичныхъ крышъ, по стройнымъ вершинамъ тополей, золотя на своемъ пути всѣ встрѣчные предметы. Высокія башенки минаретовъ розовыми колоннами рисовались на темно-синемъ небѣ, остроконечный коническій куполъ надъ минаретомъ мечети Барьякъ-Джамиль, крытый жестью, сверкалъ какимъ-то гигантскимъ огненнымъ факеломъ, возвышаясь надъ всею массою характерныхъ построекъ полу-турецкаго, полу-славянскаго типа. Узкая улица и ведущіе къ ней безконечно кривые переулки давно уже были въ тѣни, на нихъ господствовало необыкновенное оживленіе. Массы народу сновали во всѣ стороны по улицамъ, группировались въ тѣсные кружки у кафанъ и у входовъ въ лавки. Всѣ окна, всѣ двери и ворота были отворены настежъ, жалузи и всевозможные навѣсы и зонты—все было снято, вездѣ виднѣлись мужскія и женскія лица. Множество дѣтей съ крикомъ и смѣхомъ шныряли и путались между ногами проходящихъ. Всюду слышался самый оживленный говоръ, смѣхъ, писки, горячіе, задорные споры, громкая перебранка черезъ улицу, гдѣ-то во дворѣ пронзительно кричалъ оселъ, жалобно визжалъ какой-то поросенокъ, котораго со связанными ножками усатый цыганъ тащилъ въ мясную лавку, глухо ревѣли буйволы, чуя, что ихъ гонятъ къ живительному водопою, кудахтали куры, усаживаясь на ночь на вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, и, хлопая крыльями, торжественно оралъ красноперый пѣтухъ, выбравшись изъ слуховаго окна на самый конецъ черепичной крыши. Однимъ словомъ, все населеніе турскаго квартала ожило и высыпало на улицу, почуявъ конецъ невыносимо-жаркаго дня, наступленіе живительной вечерней прохлады.

(Продолженіе будетъ).

Н. Каразинъ.

Плавающіе острова.

Плавающіе острова встрѣчаются чаще на небольшихъ озерахъ, и неопытный путешественникъ поражается видомъ живописнаго острова, плывущаго къ нему или уплывающаго отъ него. Острова эти бываютъ не только покрыты травою или мелкою растительностью, но иногда даже небольшими деревцами. Образованіе ихъ отличается отъ островов атолловыхъ тѣмъ, что атоллы обязаны строеніемъ своимъ животному царству и остаются постоянно неподвижными и населены людьми, а плавающіе острова и земли—царству растительному и возникаютъ отъ сросшихся у прибрежья корней и вѣтвей, съ присоединеніемъ водорослей. Время крѣпко соединяетъ основу такой ткани, а вѣтры отрываютъ сросшіяся массы отъ береговъ, наносятъ песокъ, черноземъ и сѣмена растеній, которыя здѣсь оплодотворяются и обращаются въ густую траву, или даже сплошные кусты. По легкости главнаго своего состава, т. е. растеній, эти острова держатся на водѣ и плаваютъ по направленію вѣтровъ, но никогда не населены и единственными обитателями ихъ бываютъ маленькія животныя, птицы и пресмыкающіяся. Нѣкоторое исключеніе могутъ представлять *Чинантасы*, т. е. плавающіе сады на озерахъ Центральной Америки. Туземцы часто раскидываютъ въ нихъ свои легкіе шалаши, гдѣ, среди роскошныхъ луговъ съ благоухающими цвѣтами, проводятъ время въ мирныхъ занятіяхъ, ловя рыбу, кося траву и собирая цвѣты и плоды.

Къ этому же разряду относятся такъ называемыя плавучія земли Германіи, которыя еще Плиній считалъ явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Его поражали удивленіемъ небольшія пространства, поросшія кустарникомъ и выплывавшія изъ устьевъ Эльбы и Везера на встрѣчу римскому флоту, шедшему вдоль берега.

Въ настоящее время подобные острова попадаются въ странахъ, изобилующихъ торфомъ, и тому, кто желалъ бы видѣть цѣлую плавучую мѣстность, стоитъ только отправиться въ ганноверскую деревню Вакгузенъ, чтобы подивиться такому явленію. Сначала сплошною тонкою массою тянутся водяныя и другія растенія на поверхности тихо движущейся воды. Когда эти растенія завянутъ, то они, распадаясь, образуютъ почву, на которой пускаютъ корни другія растенія, вянущія въ свою очередь и уступающія свое мѣсто новымъ. Въ нѣсколько лѣтъ толстый слой сросшихся растеній становится уже лугомъ, обильнымъ сочными травами. Если подобный лугъ толкнуть весломъ, то онъ весь приходитъ въ колебаніе. Среди лѣта вода, находящаяся подъ этимъ растительнымъ слоемъ, высыхаетъ до такой степени, что глубина бываетъ не болѣе 2 аршинъ, и косящіе траву не боятся, если бы имъ случилось провалиться; но попадаются луга до того окрѣпшіе, что они легко могутъ выдерживать тяжесть человѣка. Зимою, замерзшая между растеніями вода составляетъ съ корнями одну сплошную массу, а весною, съ таяніемъ снѣговъ, эти луга, увлекаемые льдами, отрываются большими массами и приходятъ въ движеніе, устремляясь по теченію рѣкъ въ море. Самая деревня Вакгузенъ стоитъ не на плавучемъ, а на настоящемъ островѣ, хотя также торфяного свойства, и весною, при разливѣ рѣки Гамме, когда поднимается вода высоко и угрожаетъ затопленіемъ, жители выбираются сначала на чердаки, а если она уже очень высока, то поспѣшно перебираются по устроеннымъ наскоро мостикамъ на плавучіе острова, гдѣ и остаются до убыли водъ; а если этотъ островъ, оторвавшись отъ главной массы, уносится теченіемъ къ устью, то они точно также перебираются на другой. Кромѣ американскихъ и германскихъ плавучихъ земель, замѣчательны еще африканскія земли, образующіяся, по преимуществу, изъ растенія *стратіотъ*, нѣсколько похожаго на кочанъ капусты и могущаго прозябать только въ водѣ. Такія кочни, плывя по Бѣлому Нилу, составляютъ сплошныя массы по нѣскольку десятковъ тысячъ штукъ и, переплетаясь разными вьющимися растеніями, захватываютъ плывущія деревья и образуютъ такимъ образомъ плавучіе острова. Это явленіе на африканскихъ водахъ очень хорошо описано у Самуила Уайта Бекера.

Есть острова, извѣстные подъ названіемъ *періодическихъ*. Острова этого рода, появляются то на поверхности водъ, то исчезаютъ безъ всякой видимой причины. Подобные острова встрѣчаются на озерахъ нѣкоторыхъ изъ островов Великаго океана и разсказы о нихъ туземцевъ долгое время считались одною баснею, но такое же явленіе, повторившееся въ области большихъ озеръ Сѣверной Америки, а у насъ въ Россіи въ Лифляндіи, доказываетъ ясно, что это не басня. Въ Лифляндіи находится одинъ островъ, загадочная природа котораго служитъ предметомъ немалаго удивленія. Тамъ, гдѣ довольно высокія горы Лифляндіи, Гайсинъ, Бакусъ и Скирра, поднимаютъ свои главы надъ окрестной страной, находится, при имѣніи Вастенъ, озеро, называемое *Ильзенскимъ*. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ озеро это было весьма незначительной величины, но послѣ расширилось до двухъ верстъ въ длину. Глубина его доходитъ до пяти саженъ. Посѣщающій это озеро весною увидитъ гладкій уровень воды; острова нѣтъ и слѣда, но въ августѣ мѣсяцѣ, а иногда немного раньше, появляется на поверхности его небольшой островъ, величиною до восемнадцати квадратныхъ саженъ; берега его круты и на ихъ твердомъ пескѣ растетъ по преимуществу бѣлена; неподвижно онъ стоитъ до Михайлова дня (8-го ноября); но коль скоро наступитъ первый морозъ, островъ погружается на дно озера. Уже до 80 лѣтъ кряду явленіе это замѣчаютъ каждый годъ, за исключеніемъ дождливыхъ лѣтъ.

Неизвѣстно, видѣлъ-ли кто нибудь этотъ островъ во время появленія или исчезновенія его, говорятъ только, что въ одно утро онъ вдругъ является на поверхности воды также, какъ въ другое подобное утро внезапно исчезаетъ. Только одинъ разъ этотъ островъ опоздалъ своимъ удаленіемъ и мерзъ во льду; тогда онъ былъ видимъ во время всей зимы, но съ растаявшимъ весеннимъ льдомъ утонулъ и островъ. Послѣ его погруженія дно озера на этомъ мѣстѣ было изслѣдовано, но какой либо особенности отъ всего прочаго грунта озера здѣсь не нашли. Причины такого чудеснаго явленія еще въ точности неизвѣстны. До сихъ поръ полагаютъ, что періодическое появленіе острова причиняютъ газы, образующіеся на торфяномъ днѣ озера отъ тлѣнія корней и волоконъ растеній. Это предположеніе подтверждается замѣчаніемъ, что при водруженіи длиннаго шеста въ дно, близь острова, поднимаются большіе газовые пузыри. Поэтому слѣдуетъ думать, что островъ поднимается и поддерживается въ лѣтнее время, когда отъ теплоты, на торфяномъ днѣ озера, рождаются газы; а осенью, когда отъ холода газы исчезаютъ, островъ лишается опоры, дѣлается тяжелѣе воды и опускается ко дну. Островъ этотъ единственный, кажется, въ своемъ родѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ родѣ острововъ, весьма малочисленномъ, но чрезвычайно замѣчательномъ и существующемъ исключительно въ одной группѣ, находящейся въ Тихомъ Океанѣ, недалеко отъ Порто-Писко, у западнаго берега Перу—это *„гуановыхъ островахъ“* или островахъ изъ птичьяго помета. На меляхъ перуанскихъ водъ съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно, съ начала существованія птицъ, собираются пернатыя породы Южной Америки въ несмѣтномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого гуано, скопившееся въ теченіе

Библиотека "Руниверс"

нѣсколькихъ тысячелѣтій, образовало цѣлую группу возвышенныхъ островов, покрытыхъ плотною толщею птичьяго помета. Главный изъ этихъ островов, *Чинга*, имѣетъ до 1½ версты длины и до 3¾ в. ширины. Толщина слоевъ доходитъ на другихъ островахъ до 17, а на Чингѣ до 30 саженъ. Птичій пометъ этихъ островов доставляетъ превосходный удобрительный матеріалъ для безплодной почвы, но что удивительно, самъ Чинга представляетъ вполнѣ безплодное пространство, покрытое кое-гдѣ мелкимъ кустарникомъ или сухимъ верескомъ. Вѣроятно, громадное количество гуано подавляетъ всякую растительность чисто механическою силою, то есть давленіемъ или тяжестью. Климатъ же этихъ островов вообще весьма здоровъ. Жители, поселившіеся здѣсь исключительно ради своего промысла и построившіе свои деревянные дома на гуановой толщѣ, пользуются вообще хорошимъ здоровьемъ. Всѣ же средства къ жизни, пища, вода и проч., привозятся съ материка. Около 2,000 человѣкъ жителей (европейцевъ, китайцевъ, перуанцевъ и негровъ) принадлежитъ исключительно къ работникамъ, занимающимся ломкою пластовъ гуано и перевозкою на берегъ. По изслѣдованіямъ французскаго инженера Фарагета, количество нанесеннаго птицами помета простирается на одномъ сѣверномъ островѣ до 260 милліоновъ пудовъ. Въ разныя страны Европы, во Францію, Англію, Германію, ежегодно вывозится гуано на сумму до 80,000,000 р. сер. и составляетъ для перуанскаго правительства первенствующую вѣтвь заграничной торговли.

Н. Зуевъ.

Къ рисункамъ.

Соборъ въ г. Борисовѣ.

Борисовъ—уѣздный городъ Минской губерніи, расположенный въ 75 верстахъ отъ Минска, на обоихъ берегахъ р. Березины и при Московско-Брестской желѣзной дорогѣ; въ немъ считается до 7 тысячъ жителей, состоящихъ изъ русскихъ, евреевъ, поляковъ и, частью, татаръ. До 1795 года Борисовъ принадлежалъ Польшѣ и имѣлъ значеніе крѣпости, въ которой содержался гарнизонъ. Польское населеніе города принадлежитъ большею частью къ помѣщикамъ; русскіе составляютъ служебный чиновный классъ; въ рукахъ евреевъ находится по преимуществу торговля. Главнымъ предметомъ послѣдней служитъ лѣсъ, большое количество котораго сплавляется внизъ и отправляется вверхъ по р. Березинѣ во время весенняго полноводія. Второе мѣсто, послѣ лѣса, принадлежитъ хлѣбу, который привозится сюда изъ южныхъ губерній...

Городъ не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей, кромѣ остатковъ баттарей, построенныхъ французами во время нашествія Наполеона I на Россію. Эти остатки возвышаются на правомъ гористомъ берегу р. Березины и служатъ жителямъ мѣстомъ прогулки во время лѣта; съ нихъ довольно хорошъ видъ на городъ. Другимъ мѣстомъ гулянья служитъ мостъ, переброшенный черезъ Березину. Садовъ вовсе нѣтъ. Въ городѣ 1 церковь православная, 1 католическая и 1 синагога. Въ 1867 году городъ очень пострадалъ отъ пожара, причемъ сгорѣла и единственная деревянная церковь. Большихъ усилій стоило ревнителямъ православія собрать сумму на постройку въ городѣ каменнаго собора, который и былъ заложенъ 5 сентября 1871 года. Соборъ этотъ, представленный на прилагаемомъ рисункѣ, названъ во имя воскресенія Христа Спасителя—*Воскресенскимъ*.

Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ.

(Картина Бомпіани).

Суровый ветхозавѣтный законъ объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, выразившійся въ словахъ: „око за око, зубъ за зубъ“, замѣняется въ ученіи Божественнаго Учителя *новою заповѣдью—любви* человѣка къ ближнему. „Заповѣдь новую даю вамъ,—говорилъ Онъ,—да любите другъ друга. Любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящихъ васъ“...

Человѣкъ былъ бы рабомъ своихъ страстей, еслибы не оживилъ его духъ новой заповѣди. „Если пребудете въ словѣ Моемъ,—говорилъ Учитель любви,—то вы познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными. Духъ животворитъ; слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“.

Чтобы пало на землю зерно этого божественнаго ученія, нужно было человѣчеству слышать его изъ устъ Того, Кто могъ сказать о Себѣ: „вѣрующій въ Меня, не въ Меня вѣруетъ, но въ пославшаго Меня Отца, и видящій Меня видитъ пославшаго Меня Отца: Я и Отецъ одно“. Но зерно новой заповѣди могло прорости только на доброй землѣ—въ сердцѣ простомъ, кроткомъ. Оно не могло пустить ростковъ на каменистой почвѣ черствыхъ сердецъ гордыхъ книжниковъ и лицемѣрныхъ фарисеевъ, которые поэтому возненавидѣли Іисуса. Ненависть ихъ къ Нему еще болѣе возросла, когда Онъ сталъ обличать ханжество, лицемѣріе и хищничество этихъ безумныхъ и слѣпыхъ вождей народа. „Меня ненавидитъ міръ,—говорилъ Учитель истины,—потому что Я свидѣтельствую, что дѣла его злы“. Фарисеи и книжники неоднократно пытались уловить Іисуса или въ порицаніи правительственной власти, или въ пренебреженіи Моисеева закона. Когда же Богочеловѣкъ объявилъ имъ о Своей миссіи на землѣ, тогда они прямо заключили, что Онъ богохульствуетъ и искали случая погубить Его. Они не могли уразумѣть, что Человѣкъ этотъ „на то родился, на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ“, пострадать и умереть за нее. „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“,—говорилъ Добрый Пастырь, положившій за насъ свою душу. Таковъ былъ для спасенія человѣчества великій примѣръ любви къ ближнему!

Фарисеи и книжники, подкупивъ Іуду, взяли Іисуса черезъ посредство его ночью, тайно отъ народа, въ Геѳсиманскомъ саду, куда Онъ уходилъ, по обыкновенію, на молитву. Въ эту замѣчательную ночь много выстрадала Его человѣческая душа. „Душа Моя скорбитъ смертельно“,—говорилъ Онъ тогда своимъ ученикамъ, зная, что ожидаетъ Его впереди. Неоднократно, павъ лицемъ на землю, произносилъ Онъ: „Отецъ Мой! если возможно, да минуетъ меня чаша сія; впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты“...

Передъ синедріономъ Богочеловѣкъ былъ обвиненъ въ богохульствѣ, а передъ Пилатомъ, тогдашнимъ правителемъ Іудеи, какъ римской провинціи, въ томъ, что Онъ называлъ Себя царемъ іудейскимъ и будто бы возмущалъ народъ къ возстанію...

Когда Пилатъ уступилъ требованію первосвященниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ осудить Іисуса, то воины, подъущенные книжниками и фарисеями, дали себѣ волю поругаться и надсмѣяться надъ „Царемъ Іудейскимъ“. Снявъ съ Него одежду, они облекли Его въ багряницу, какъ царя, дали Ему въ правую руку трость, какъ символъ власти, и надѣли на голову Его, какъ царскую корону, вѣнецъ изъ терновника, острые шипы котораго вонзились въ тѣло до самаго черепа. И вотъ, становясь передъ Нимъ на колѣни и кланяясь, восклицали: „Радуйся, Царь Іудейскій!“ Потомъ плевали Ему въ лицо, били тростью по головѣ, чтобы больше вонзались шипы вѣнца, и всячески издѣвались надъ Нимъ...

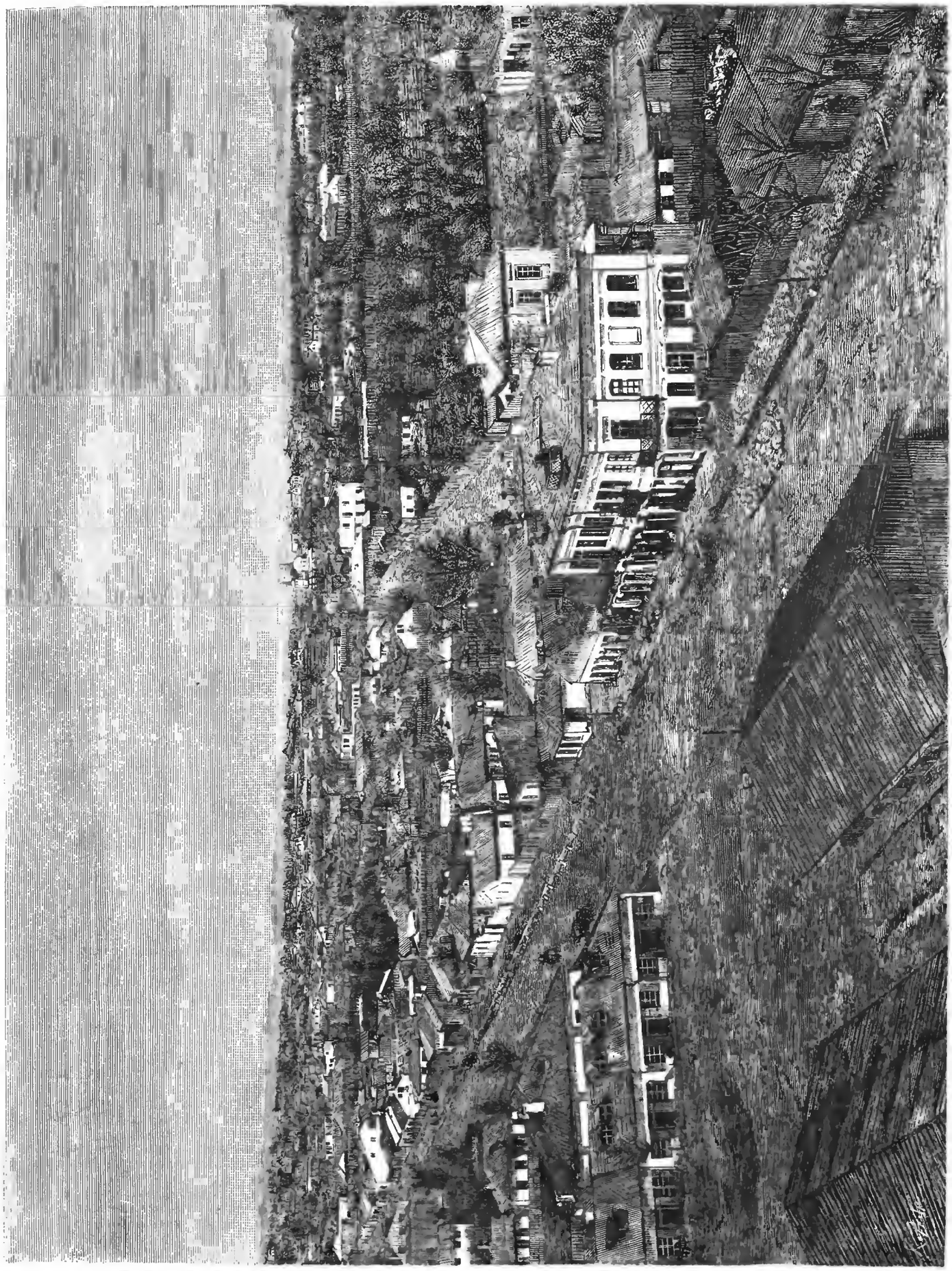
Этотъ моментъ страданія Богочеловѣка представляетъ приложенный здѣсь рисунокъ. Кроткое и смиренное лицо Его уже говоритъ: „Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ!“

Мирный уголокъ

Передъ нами тихій уголокъ міра, одно изъ тѣхъ пріятныхъ мѣстечекъ, о которомъ мечтаетъ горожанинъ, измученный безпрерывнымъ шумомъ, вѣчной суетой, дѣлами... Вотъ бы куда уйти изъ душнаго города, вотъ гдѣ душа найдетъ успокоеніе! Вода, зелень, чистый воздухъ, лодочки, крестьяне, коровы, словомъ—безмятежная жизнь течетъ тутъ, и является желаніе пожить такою идиллическою жизнью. Этотъ прелестный ландшафтъ—не фантазія художника, это—снимокъ съ натуры. Рѣка Шпре въ Нижнемъ Лаузицѣ (Пруссіи) образуетъ безчисленными своими рукавами Шпревальдъ, имѣющій поверхность почти въ пять квадратныхъ миль. Тутъ живетъ народецъ славянскаго происхожденія—потомки древнихъ Вендовъ и Сарбовъ, поселившихся въ Германіи въ эпоху великаго переселенія народовъ. Венды когда-то занимали сѣверо-восточную часть Германіи, но впослѣдствіи имъ пришлось уступить мѣсто германскимъ племенамъ. Покоренные частью погибли, частью смѣшались съ побѣдителями, и вотъ остатки ихъ и теперь еще живутъ въ Лаузицѣ и Помераніи подъ именемъ „Кашубовъ“.—Національность свою Венды сохранили болѣе всего въ Верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, а въ особенности около Бауцена, Герлица и Циттау. Они исключительно заняты земледѣліемъ, но не пренебрегаютъ и рыболовствомъ. Это чрезвычайно трудолюбивый народъ. Достоинство не только мущинъ, но и женщинъ опредѣляется у нихъ по степени ихъ рабочей силы: они, какъ и вообще всѣ славяне, гостепріимны, набожны и нѣмцевъ не долюбливаютъ. Въ Пруссіи Вендовъ насчитываютъ до 100,000, въ Саксоніи до 50,000. Есть Венды и въ Австріи (въ Штейермаркѣ и Иллиріи). Вообще число всѣхъ живущихъ въ Германіи Вендовъ, сохранившихъ болѣе или менѣе свои обычаи и языкъ, доходитъ до милліона *). Обращаясь къ Шпревальдскому ландшафту, замѣтимъ, что у обитателей Шпревальда въ большомъ ходу маленькія лодочки; такъ, на нихъ производитъ рыболовъ свое прибыльное ремесло, на нихъ отправляютъ скотъ на пастбища и отвозятъ сѣно, на нихъ ѣдутъ крестьяне по воскресеньямъ въ церковь и на нихъ-же неслышными ударами веселъ преслѣдуетъ охотникъ разнообразную и многочисленную дичь. Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и правахъ Вендовъ читатель найдетъ въ „Нивѣ“ 1872 г. № № 28 и 51 и 1873 г. № 20.

*) Что касается языка Вендовъ, то онъ — отрасль коренного славянскаго языка, именно сѣверозападной вѣтви его, больше схожъ съ польскимъ и богемскимъ, чѣмъ съ русскимъ.

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ города Галаца (въ Румыніи). Рис. съ фотогр. Бленке, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Г. Галацъ.

Мы уже сказали нѣсколько словъ о Галацѣ по поводу помѣщеннаго въ № 10 „Нивы“ наброска: „Пароходная пристань въ Галацѣ“. Помѣщаемъ теперь общій видъ этого города.

Галацъ раздѣляется на нижній, расположенный на самомъ берегу Дуная, гдѣ пристань, и верхній, лежащій дальше отъ берега на болѣе возвышенной мѣстности. Въ лѣтнее время пристань загромождена судами разныхъ флаговъ. На берегу безпорядочно толпятся кучи народа разныхъ племенъ и нарѣчій. Тутъ встрѣчаются молдаване и албанцы, греки и болгары, турки и сербы, венгерцы и цыгане, персіяне и итальянцы, нѣмцы и русскіе и т. д. и т. д. Но больше всѣхъ встрѣчаются евреи и греки, въ рукахъ которыхъ вся торговля города. По улицамъ непроходимая грязь въ ненастное время и непроглядная пыль въ сухое. Дома построены въ безпорядкѣ и какъ будто на скоро, такъ что похожи на временные балаганы. Отъ пристани въ верхній городъ постоянно тянутся вереницей бочки съ водой, запряженныя волами. Цѣлыя горы кулей съ хлѣбомъ навалены на берегу пристани. Тутъ же паровая мельница съ утра до вечера работаетъ, превращая зерно въ муку. Общее впечатлѣніе нижняго города—грязный толкучій рынокъ, надъ которымъ царитъ постоянно удушливая атмосфера изъ смѣси запаховъ соленой и вяленой рыбы и сладкихъ рожковъ. Рыба эта составляетъ обыкновенную пищу простого народа, а сладкіе рожки—лакомство его. Въ плохонькихъ магазинахъ, похожихъ на простые сараи, кучею свалены разные товары. Наблюдателя больше всего поражаетъ масса печенаго хлѣба въ продажѣ, зачерствѣвшаго какъ камень.

Галацъ. Улица, ведущая къ Дунаю.
Рис. нашъ корреспондентъ Н. Каразинъ, грав. Вейерманъ.

Верхній городъ отличается отъ нижняго лучшимъ распредѣленіемъ улицъ и нѣкоторою относительною опрятностью. Въ немъ есть магазины на европейскій ладъ, но грязь и пыль—тѣ же. Среди города возвышается башня съ небольшимъ домикомъ: это пожарная команда. Такъ какъ пожары здѣсь часты, то потому, вѣроятно, команда пріучилась быть въ надлежащемъ порядкѣ: лошади, бочки съ водой и пожарные снаряды всегда на-готовѣ. Дома этой части города также не представляютъ особенной архитектуры: они напоминаютъ наши провинціальные одноэтажные. Есть гостинницы съ такими названіями, какъ „Парижъ“, „Европа“, но мало походятъ онѣ на европейскія, а скорѣе на восточныя кафаны. Курьезныя встрѣчаются вывѣски на этихъ гостинницахъ: на нихъ перемѣшаны слова, кажется, всѣхъ европейскихъ языковъ съ турецкими. Въ городѣ есть бульваръ, общественный садъ съ виноградными деревьями, въ которомъ по праздникамъ играетъ военная музыка, и театръ, впрочемъ, мало посѣщаемый. Церквей считается до 15. Цифра же всего населенія Галаца доходитъ да 40 тысячъ человѣкъ. Пароходы совершаютъ правильные рейсы въ Константинополь, Вѣну и Одессу. На востокъ отъ города, по теченію Дуная, находится предмѣстье, представляющее собой рядъ шалашей: тутъ живутъ рыбаки, носильщики и огородники. Прилегающее къ городу съ восточной стороны озеро Братишъ богато рыбою. Еще далѣе на востокъ тянутся большіе огороды съ капустой, огурцами и лукомъ. Огородники и садовники большею частью болгары. Среди огоро-

Увеселительная бесѣдка плащеносца пятнистаго. Рис. Менель, грав. Гудъ.

Библиотека "Руниверс"

довъ находятся развалины громаднаго каменнаго зданія, поросшаго „травой забвенья“: это большая больница, построенная русскими во время войны съ Турціей въ 1828 году.

Окрестности Галаца также непривлекательны: ни лѣсовъ, ни живописныхъ мѣстъ. Молдаванскія деревни напоминаютъ наши малороссійскія; въ избахъ ихъ такая же чистота и опрятность какъ и въ хохлацкихъ хатахъ.

Галацъ все-таки одинъ изъ бойкихъ, красивыхъ и многолюднѣйшихъ городовъ нижняго теченія Дуная. Это центральная станція всего воднаго пути, соединяющаго Вѣну и Пестъ съ Константинополемъ; къ нему же сходятся и обѣ вѣтви румынскихъ желѣзныхъ дорогъ — изъ Яссъ и изъ Бухареста. Городъ, какъ сказано выше, раздѣленъ на двѣ части: верхнюю и нижнюю, вытянувшуюся по линіи изгиба красавца Дуная. Какія оригинальныя, полныя художественной прелести перспективы представляютъ собою эти улицы, особенно когда приходится спускаться сверху внизъ, и въ глубинѣ узкой щели, обрамленной, какъ декораціями высокими, оригинальными зданіями, съ пестрыми фасадами, съ безчисленными мансардами и навѣсными балкончиками, задрапированными полосатыми маркизами и жалузи; вы видите голубую полосу широкаго Дуная, съ его противоположнымъ берегомъ, затянутымъ какъ дымкою лиловатымъ туманомъ съ бѣлыми, какъ крылья лебедя, парусами голіотовъ и щетиною тонкихъ мачтъ, снастей и флаговъ у пристаней. Жаль только одно, что вся эта прелестная обстановка сильно страдаетъ отъ невыносимыхъ мостовъ, заставляющихъ вашъ экипажъ подпрыгивать во всѣ стороны, издавая при этомъ самые подозрительные, грозящіе катастрофой звуки.

Вы спустились наконецъ, бросили экипажъ и идете пѣшкомъ по гребню набережной. Слѣва у васъ тянутся дома полу-европейской, полу-восточной архитектуры; балконъ чуть не подъ каждымъ окошкомъ, а то такъ просто тянется во всю длину этажей. Лѣтомъ, эти балконы, уставленные растеніями, защищенными отъ знойныхъ лучей южнаго солнца бѣлыми, вышитыми тентами, съ миловидными головками любопытныхъ обитательницъ, любующихся Дунаемъ и пестрою толпою,—представляютъ восхитительное зрѣлище. Вправо—цѣлый рядъ пристаней, тяжелые бока пароходовъ и транспортныхъ баржъ, вычурныя линіи голіотовъ, паровыя трубы, мачты, мачты и мачты, паруса, развѣшанные граціозными фестонами, яркія пятна національныхъ флаговъ—и все это на темно-синемъ фонѣ широкаго Дуная, отражающаго въ себѣ это южное небо съ бѣгущими по немъ бѣлыми облаками... Всюду виденъ народъ, всюду движеніе... Тамъ прибылъ новый пароходъ и со свистомъ выпускаетъ бѣлую струю дыма... Сотни экипажей и подводъ для багажа толпятся у пристани, между темными массами европейскихъ костюмовъ краснѣютъ турецкія фески, шитыя золотомъ и шнурами, куртки албанцевъ и ихъ бѣлыя какъ снѣгъ фустанеллы (юбочки), пестрое, дикое тряпье дервишей, полосатые армянскіе серхалуки, пестро-шитыя рубахи румынъ-валаховъ, жидовскіе лансардаки и даже наша великороссійская кумачевая, косоворотая рубашка пріѣзжаго съ гирловъ Дуная, изъ Добруджи, закоснѣлаго фанатика эмигранта, искрасовца. Все это перепуталось между собою, смѣшалось, разноколиберная рѣчь смѣшаннымъ гуломъ стоитъ въ воздухѣ, заглушаемая тяжелымъ дыханіемъ паровыхъ котловъ, рѣзкими, звонкими свистками, ржаніемъ лошадей и пронзительными воплями вьючныхъ ословъ, готовыхъ къ услугамъ новоприбывшимъ посѣтителямъ для доставки ихъ багажа въ номера отелей и гостинницъ.

Какой контрастъ представляетъ собою румынскій нагорный берегъ съ этимъ красиво-расположеннымъ на немъ бойкимъ городомъ и его декоративными окрестностями—и низменная, печальная, почти безлюдная полоса турецкаго берега, съ крохотными, жалкими селеніями, въ родѣ Затока, что пріютился какъ разъ противъ Галаца, почти безлюдными, раззоренными безконечными поборами властей, забитые, нищенствующіе и навѣрное съ завистью поглядывающіе на своихъ „vis-à-vis“, отдѣленныхъ отъ нихъ только широкою лентою Дуная, *этой великой рѣки, великаго въ будущемъ и славнаго своимъ прошлымъ славянскаго міра.*

Увеселительная бесѣдка плащеносца пятнистаго.

Въ Австраліи водится птица, которой дали названіе—плащеносецъ пятнистый (Chlamydera maculata), составляющая собою переходъ, отъ дроздовъ къ иволгамъ. Птица эта, длиною въ 10 дюймовъ, похожа немного на нашу куропатку. Перья у нея, на спинѣ, въ крыльяхъ и хвостѣ, темнокоричневаго цвѣта, съ круглыми оранжевыми пятнами на концахъ; на затылкѣ удлиненныя розовыя перья образуютъ какъ бы воротникъ въ формѣ вѣера; а опереніе на груди и брюшкѣ сѣровато-бѣлое. Ансамбль цвѣтовъ такого оперенія производитъ на глазъ наблюдателя впечатлѣніе, будто бы на птицѣ надѣтъ пятнистый плащъ; отсюда и получилось ея названіе.

Плащеносцы замѣчательны постройкою увеселительныхъ бесѣдокъ, которыя служатъ имъ исключительно для удовольствія, какъ мѣста нѣжныхъ свиданій и любовныхъ игръ. Бесѣдки эти устраиваются обыкновенно въ уединенныхъ частяхъ лѣса и постоянно на землѣ. Сначала закладывается основаніе изъ густо-переплетенныхъ между собою хворостинокъ и кругленькихъ камешковъ, потомъ строятся изъ тонкихъ и гибкихъ вѣточекъ двѣ параллельныя стѣнки. Для этого вѣточки втыкаются толстыми концами въ промежутки между камешковъ и хворостинокъ и располагаются такимъ образомъ, что верхними своими концами сходятся онѣ, образуя какъ бы сводъ (см. рисунокъ), подъ который можно входить съ двухъ сторонъ. Это и есть бесѣдка; длиною бываетъ она до трехъ и болѣе футовъ, а шириною около полутора. Постройка такой бесѣдки производится непремѣнно одною чстою, и главнымъ архитекторомъ является самецъ. Далѣе начинается украшеніе бесѣдки. Для этого строители приносятъ яркія перья различныхъ птицъ, раковинки, улитки, разноцвѣтные камешки, выбѣлившіяся кости мелкихъ млекопитающихъ и т. п. Перья втыкаются въ стѣнки бесѣдки, а кости, раковины и проч. раскладываются при входахъ ея. Вообще всѣ мелкіе блестящіе предметы плащеносцы таскаютъ къ себѣ въ увеселительную бесѣдку. Если случится путешественнику здѣсь обронить ножикъ, печать, или часы, то трудно ему найти свою потерю: она уже непремѣнно поступила въ увеселительный музей плащеносца.

Вотъ въ этой-то бесѣдкѣ, въ золотую пору любви, нѣжный супругъ заигрываетъ и шутитъ съ своей подругой: онъ начинаетъ бѣгать то вокругъ, то сквозь бесѣдку, какъ будто играетъ съ своей возлюбленной „въ-разлучки“ или „въ-прятки“; то остановится вдругъ у стѣнки снаружи бесѣдки и клюетъ какое нибудь пестрое перо или большой листъ, издавая при этомъ какой-то странный звукъ, который, можетъ-быть, означаетъ: „а я что-то нашелъ“!.. Если не удалось ему выманить этимъ маневромъ свою подругу изъ бесѣдки, то онъ снова начинаетъ бѣгать вокругъ нея, нахохливаетъ всѣ перья, приподнимаетъ одно крыло за другимъ, бьетъ клювомъ по землѣ и свиститъ; въ это время темнокоричневые глаза его готовы выкатиться изъ головы. Наконецъ, онъ самъ вбѣгаетъ въ бесѣдку—и нѣжная подруга любезно подходитъ къ нему...

Плащеносцы вообще робки и сторожки, поэтому наблюденія за ними требуютъ большой осторожности. Гнѣзда свои устраиваютъ они среди густыхъ кустовъ, иногда неподалеку отъ бесѣдокъ, на землѣ, красиво выстилая углубленія ихъ травою и перьями и украшая подобно бесѣдкамъ. Впрочемъ, встрѣчаются гнѣзда ихъ и на вѣтвяхъ деревьевъ и напоминаютъ въ такомъ случаѣ гнѣзда дроздовъ. Пищею плащеносцамъ служатъ различныя зерна, плоды и насѣкомыя. Исполинскія фиговыя деревья чаще прочихъ посѣщаются ими.

Въ зоологическій садъ въ Лондонѣ была доставлена пара плащеносцевъ. Ихъ помѣстили въ большую залу, гдѣ нарочно были приготовлены всѣ матеріалы для постройки бесѣдки, чтобы видѣть, какъ производятъ эти искусные архитекторы свою работу; но, къ сожалѣнію, они какъ будто утратили свое искусство: въ неволѣ постройка ихъ была слабое подражаніе вольнымъ строителямъ увеселительныхъ бесѣдокъ.

Скорбящая Богоматерь.

(Картина Гроттгера).

Помѣщаемая въ этомъ номерѣ „Скорбящая Богоматерь“ принадлежитъ къ числу произведеній извѣстнаго галиційскаго живописца, Артура Гроттгера, и безспорно заслуживаетъ вниманіе какъ по чрезвычайному благородству экспрессіи, такъ и по правильности и красотѣ рисунка. Глубоко проникнувшись своимъ сюжетомъ, художникъ не прибѣгаетъ ни къ многочисленнымъ аксессуарамъ, ни къ внѣшнимъ эффектамъ,—вниманіе зрителя всецѣло сосредоточивается на этомъ божественномъ лицѣ, котораго изящныя, идеально-прекрасныя черты представляютъ самое удачное соединеніе непорочности съ достоинствомъ и глубокой горести со смиреніемъ и кротостью. Гроттгеръ такъ мало извѣстенъ въ Россіи, что мы считаемъ нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на дѣятельность этого художника и на его важнѣйшія произведенія.

Артуръ Гроттгеръ родился въ Львовѣ, въ 1837 году; онъ наслѣдовалъ вкусъ къ живописи отъ своего отца, который самъ рисовалъ и всячески поощрялъ рано развившіяся способности своего сына; первымъ же руководителемъ его въ этомъ искусствѣ былъ Юлій Коссакъ. Уже четырнадцати лѣтъ Артуръ обратилъ на себя общее вниманіе своими иллюстраціями къ сочиненіямъ Шиллера и акварельной картиной, изображавшей торжественный въѣздъ въ Львовъ императора Австрійскаго, такъ что послѣдній назначилъ ему пенсію въ 360 гульденовъ. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на молодого живописца, и онъ рѣшился всецѣло посвятить себя изученію своего любимаго искусства. Въ 1852 году Гроттгеръ поступилъ въ техническую школу въ Краковѣ, но одновременно занимался и въ тамошней рисовальной школѣ; къ этому времени относится его первый опытъ масляными красками: „Стычка со шведами“, помѣщенный на художественной выставкѣ 1853 г.

Въ 1854 году Артуръ поступилъ въ число учениковъ Вѣнской Академіи Художествъ, директоръ которой, Рубинъ, высоко цѣнилъ способности Гроттгера и предоставилъ въ его

Библиотека "Руниверс"

распоряженіе отдѣльную мастерскую; съ этого же времени онъ сталъ постоянно поставлять иллюстраціи для „Illustrirte Blätter“ и для „Gartenlaube“, самаго распространеннаго изъ нѣмецкихъ журналовъ. Промежутокъ 1858—1861 г. можетъ считаться періодомъ самой усиленной дѣятельности Гроттгера, который съ жаромъ занялся живописью масляными красками и акварелью; изъ многочисленныхъ произведеній этого періода назовемъ только: „Три эпохи изъ жизни воина“—акварелью; „Бѣгство Генриха Валезія изъ Краковскаго замка“—превосходная картина, пріобрѣтенная Обществомъ Художниковъ въ Прагѣ; „Ночь“—масляными красками; „Молитва конфедератовъ“; „Янъ Собѣскій подъ стѣнами Вѣны“, и „Германія“. Послѣдняя картина относится къ Прусско-Датской войнѣ и изображаетъ женскую фигуру, опирающуюся на щитъ и прикрывающую плащемъ двухъ младенцевъ: Шлезвигъ и Гольштейнъ. Особеннымъ предпочтеніемъ Гроттгера пользовались сраженія, лошади и вообще военные сюжеты; онъ любилъ изображать драматическія положенія, бурныя чувства, потрясающія положенія въ поэтической обстановкѣ, но недостатокъ средствъ къ жизни не позволялъ ему предаться исключительно исторической живописи, и онъ принужденъ былъ работать по заказу на чуждыя его таланту, хотя и лучше оплачиваемыя темы. Онъ оставилъ акварель и масляныя краски и занялся исключительно работами карандашемъ и тушью; въ этомъ родѣ искусства онъ пріобрѣлъ небывалый навыкъ и совершенство, достигая такихъ эффектовъ, которые представляютъ огромныя трудности даже для живописи масляными красками, при помощи натуральнаго колорита и освѣщенія. Политическія событія того времени сильно возбудили воображеніе художника и послужили сюжетомъ для цѣлаго ряда лучшихъ произведеній, — они состоятъ изъ серій или картинъ, изображающихъ одни и тѣ-же лица въ различныхъ видахъ и положеніяхъ первый выпускъ этихъ серій былъ купленъ графомъ Пальфи, съ которымъ Гроттгеръ ѣздилъ впослѣдствіи въ Италію. Лучшая изъ серій носитъ названіе „Война“; она находилась на Парижской всемірной выставкѣ 1867 года и производила потрясающее впечатлѣніе; императоръ Австрійскій пріобрѣлъ ее за 8,000 франковъ.

Пробывъ около года въ Италіи, Гроттгеръ поселился въ Парижѣ; онъ прибылъ туда въ надеждѣ найти достойную оцѣнку своему таланту и добиться славы и извѣстности, но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться. Бѣдность, непосильные труды и борьба съ житейскими невзгодами надломили силы молодого художника, и онъ скончался, послѣ кратковременной болѣзни, 13-го декабря 1867 года, на тридцатомъ году отъ роду. Онъ не успѣлъ докончить ряда задуманныхъ имъ картинъ, долженствовавшихъ изобразить въ художественной иллюстраціи Парижскую всемірную выставку. По желанію невѣсты Гроттгера, останки его были перевезены въ Львовъ и покоятся на тамошнемъ Лычаковскомъ кладбищѣ.

Политическое обозрѣніе.

«Ни война, ни миръ»—этою фразою можно охарактеризовать настоящее положеніе дѣлъ.

Мирные переговоры Порты съ Черногоріей до сихъ поръ встрѣчаютъ существенныя затрудненія. Между тѣмъ заключеніе этого мира находится въ связи съ лондонскимъ протоколомъ, составленіе котораго было поручено лорду Дерби и графу Шувалову. Черногорія оказываетъ благоразумную настойчивость. До сихъ же поръ извѣстныя требованія ея заключаются въ слѣдующемъ:

1) Свободная навигація на р. Боянѣ, причемъ турецкое правительство обязывается сдѣлать Бояну судоходною въ самое короткое время.

2) Порта обязывается принять нужныя мѣры для безотлагательнаго возвращенія на родину слишкомъ 80 тыс. душъ герцеговинцевъ, искавшихъ во время войны убѣжища въ Черногоріи и донынѣ еще живущихъ на средства черногорскаго народа.

Затѣмъ 3) еще болѣе существенные пункты касаются исправленія границъ; а) на *югѣ*: Порта должна уступить Черногорскому князю со стороны Албаніи половину округа Нижняго Васоевича, половину округа Кучей Дрекаловичъ (другая половина этого округа принадлежитъ и теперь Черногоріи), правую сторону р. Морачи со стороны «Зетье», портъ (пристаницу) Сниццу; б) на *востокѣ*: со стороны Герцеговины, западную часть округа Зубцы, половину округа Баньяны, весь округъ Никшича (включая и крѣпость), южную часть Вацко, весь округъ Пивье, часть округа Дробняка, по другую сторону нынѣшней демаркаціонной линіи и верхнюю часть Верхняго Калашина. Надо замѣтить, что только окрестности Спиццы и долина Никшича состоятъ изъ мѣстностей плодородныхъ, остальные же округи—просто гористыя, непроизводительныя мѣстности, слѣдовательно требованія Черногоріи весьма скромны, особенно послѣ ея блестящихъ побѣдъ...

Открытіе въ Константинополѣ турецкаго парламента состоялось 7 (19) марта, въ султанскомъ дворцѣ Долма-Бахче.

Не станемъ здѣсь повторять много разъ высказанной нами прежде мысли, что турецкая конституція съ ея парламентомъ—просто вздорная шумиха, лишенная всякаго содержанія и значенія. Замѣтимъ, что хотя во лжи отъ начала міра нѣтъ ничего новаго, и лишь разнообразятся ея формы, но у людей привязанность къ внѣшней формѣ, и въ особенности къ ея блеску такъ велика, что изъ-за формы часто забывается содержаніе. Такъ и теперь: многіе, непринадлежащіе къ лагерю туркофиловъ вѣрятъ въ возможность турецкаго парламента, хотя колеблются высказывать предположеніе, что парламентъ этотъ разочаруетъ Европу. Намъ кажется, что здѣсь не слѣдуетъ даже дѣлать такихъ предположеній.

Дѣла, однако, повидимому, принимаютъ мирный оборотъ, но только повидимому: при болѣе внимательномъ отношеніи къ нимъ ясно, что на прочный миръ надѣяться трудно—а вѣдь о такомъ только мирѣ и стоитъ хлопотать. Вооруженный миръ иногда, какъ извѣстно, не менѣе раззорителенъ, чѣмъ война.

Демобилизацію, т. е. мирное движеніе назадъ нашей арміи, ставятъ въ зависимость отъ подписанія 6-ю великими державами упомянутаго выше протокола, который составляетъ международный договоръ, направленный къ обезпеченію гарантій дѣйствительнаго осуществленія реформъ со стороны Турціи по отношенію къ балканскимъ христіанамъ. Признай Порта торжественно и безусловно этотъ протоколъ обязательнымъ для себя—дѣло, говорятъ, рѣшено, потому что улучшеніе положенія балканскихъ христіанъ обезпечено 6-ю великими державами, которыя отселѣ будутъ непрерывно производить моральное давленіе на Порту, пока она не исполнитъ обязательствъ, заключающихся въ протоколѣ... Но передъ этимъ вопросомъ стоитъ еще много другихъ. *Первый*—вопросъ объ обезоруженіи и демобилизаціи. Вооружены Россія и Турція. Протоколъ предполагаетъ разоруженіе той и другой. Но кто прежде долженъ быть разоруженъ? Турція, разумѣется, настаиваетъ, чтобы прежде была разоружена Россія. Но вѣдь Россія не можетъ безъ униженія своего достоинства разоружиться и отступить, въ виду стоящей во всеоружіи Турціи—это значило бы снова предоставить нашихъ братьевъ ихъ прежней плачевной судьбѣ. Турція говоритъ, что полмилліона русскаго войска, постоянно готоваго начать войну, мѣшаетъ ей ввести реформы на началахъ конституціи и парламента (!), и пока не демобилизируется Россія, она не можетъ принять на себя обязательствъ по отношенію къ лондонскому протоколу. Это «qui pro quo» представляется, однако, явленіемъ весьма ненормальнымъ. Здравый смыслъ требуетъ, что если ужь по силѣ вещей нужна демобилизація русской арміи, то она возможна только послѣ безусловныхъ гарантій исполненія со стороны Порты условій протокола. Порта должна разоружиться, распустить баши-бузуковъ, черкесовъ и др., такъ чтобы подвиги въ родѣ болгарской бойни, отселѣ не имѣли бы возможности существовать Эта мѣра, на которой, какъ говорятъ, и настаиваютъ благомыслящіе европейскіе дипломаты, еще кое-что обѣщаетъ, не унижая достоинства Россіи.

Вопросъ о русскомъ разоруженіи стоитъ, повидимому, для Англіи на первомъ планѣ. Послѣднія телеграммы изъ Лондона отъ 8 (20) марта извѣщаютъ насъ, что присоединеніе Англіи къ протоколу положительно зависитъ отъ успѣха переговоровъ по вопросу *объ обезоруженіи*. (чьемъ?—не ясно, но судя по общему смыслу фразы — русскомъ). Въ той же телеграммѣ прибавлено, что Россія желаетъ (?) демобилизировать свою армію лишь послѣ того, какъ протоколъ будетъ подписанъ, миръ между Турціей и Черногоріей заключенъ, и Турція разоружится *первая*. Вѣрно здѣсь только одно, что нашъ бывшій посолъ въ Константинополѣ генералъ Игнатьевъ съумѣетъ поддержать достоинство Россіи.

— Извѣстный англійскій государственный человѣкъ, г. Гладстонъ, авторъ переведенной на русскій языкъ брошюры «Болгарскіе ужасы», издалъ недавно новую брошюру по восточному вопросу, составляющую сплошной обвинительный актъ противъ Турціи. Новая книга Гладстона составляетъ обширный комментарій къ его прежней брошюрѣ.

— Въ Греціи образовался новый министерскій кабинетъ Делигеоргиса, на мѣсто бывшаго кабинета Кумундуроса. Делигеоргисъ, въ своей рѣчи, не одобрялъ политической программы своего предшественника, которая была нѣсколько шовинистскою, и объявилъ своею программою бережливость въ финансахъ.

— По газетнымъ сообщеніямъ, въ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи заняты чрезвычайно дѣятельными приготовленіями на случай войны. Турецкія войска безпрерывно тянутся къ русской границѣ. Созванъ резервъ 4-го армейскаго корпуса. Численность турецкихъ регулярныхъ войскъ простирается до 50,000 человѣкъ, не считая 12,000, стоящихъ въ Батумѣ. На азіатско-турецкой границѣ стоятъ и наши войска, числомъ до 110,000 человѣкъ.

— Фанатизмъ турокъ находится въ полномъ разгарѣ. Рѣзня христіанъ въ Босніи и Болгаріи представляется непрерываю-

Библиотека "Руниверс"

щеюся въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Болгаріи постоянно дѣлаются башибузуками набѣги на болгарскія деревни, грабятъ купцовъ, завладѣвая ихъ деньгами и товарами. Съ другой стороны, время отъ времени случаются стычки между турками и усташами на западѣ Балканскаго полуострова. Отмѣчаемъ эти факты для характеристики ничтожности шансовъ на умиротвореніе Балкана.

Новое изобрѣтеніе.

Если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ изъ Америки, то профессоръ Грэгамъ Белль въ Салемѣ (Масачусетзъ), изобрѣлъ новый аппаратъ, «Телефонъ», который при помощи телеграфной проволоки, можетъ передавать на большія разстоянія отдѣльные звуки, слова, цѣлыя рѣчи и даже пропѣтыя аріи. Недавно съ новымъ аппаратомъ были произведены опыты въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей. Между Салемомъ и Бостономъ, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи 18 миль, было устроено сообщеніе съ помощью телефона. «Янкее Доодле» и другія народныя пѣсни, играемыя въ Бостонѣ на органѣ, были слышны въ зданіи салемскаго лицея совершенно ясно, и собравшаяся тамъ публика горячо апплодировала имъ. Ассистентъ профессора Белля въ Салемѣ, г. Уатсонъ, благодарилъ публику въ немногихъ словахъ за ея сочувствіе, и въ Бостонѣ было слышно вполнѣ отчетливо, какъ онъ сказалъ, что радъ возможности говорить съ публикой, находящейся на разстояніи 18 миль, совершенно также, какъ будто бы находился среди ея. Пѣсня, спѣтая въ Салемѣ, была передана по телефону въ Бостонъ, и въ Салемѣ ясно слышали, какъ публика, собравшаяся въ Бостонѣ, апплодировала ей. Подобнымъ же образомъ между обоими городами завязался формальный разговоръ, причемъ вопросы, дѣлаемые въ Бостонѣ, были ясно слышны въ Салемѣ, откуда и отвѣчали на нихъ. Говорятъ, что гальваническая баттарея, составляющая необходимую принадлежность обыкновеннаго телеграфа, вовсе не нужна при употребленіи телефона и замѣняется сильными магнитами. На станціи, гдѣ принимается музыкальная депеша, находится аппаратъ съ такими же клавишами, какъ у фортепіано: каждая клавиша находится въ соединеніи съ стальной дудкой, устроенной по обыкновенному образцу. Когда телеграфистъ ударяетъ по клавишамъ, то вся система дудокъ приходитъ въ вибрацію, каждая изъ нихъ издаетъ отдѣльный тонъ, который и переходитъ далѣе при помощи проволоки. На станціи, гдѣ должна быть получена музыкальная телеграмма, находятся деревянные ящики различной величины, и изъ нихъ тѣ, которые побольше, предназначаются для низкихъ, а тѣ, которыя поменьше, для высокихъ нотъ. Вверху ящиковъ находятся магниты, соединенные съ проволокой. Магнитъ передаетъ тонъ, ящикъ принимаетъ и отражаетъ его. Аппаратъ имѣетъ до сихъ поръ 16 тоновъ. Звукъ А всегда идетъ въ ящикъ А, звукъ Б въ ящикъ Б и т. д.

Придворныя извѣстія.

Въ „Правит. Вѣстн." напечатано: Его Императорское Высочество, Великій Князь Александръ Владиміровичъ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался 4 марта, на второмъ году возраста.

Замѣтка.

1) Картина г. Семирадскаго «Свѣточи христіанства», эпизодъ изъ исторіи первыхъ гоненій христіанъ при Неронѣ, на дняхъ привезена въ Петербургъ и уже поставлена въ античной залѣ академіи художествъ. Входъ съ платою по 1 р. въ четвергъ и по 40 к. въ остальные дни. Говорятъ, что г. Семирадскій уже получилъ за свою картину званіе профессора.

СОДЕРЖАНІЕ: **Высокопреосвященный Леонидъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій** (съ портретомъ) **Ш.**—Изъ пѣсенъ царя Давида (стихотвореніе) **Озмобишина.** - **Миленка.** (Разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи). **Н. Кварзина** — Плавающіе острова. **Н. Зуева.** —**Соборъ въ г. Борисовѣ** (съ рисункомъ) — **Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ** (съ рисункомъ). — **Мирный уголокъ** (съ рисункомъ) - **Г. Галацъ** (съ 2-мя рисунками) — **Увеселительная бесѣдка плащеносца пятнистаго** (съ рисункомъ).— **Снорбящая Богоматерь** (съ рисункомъ).— Политическое обозрѣніе. — Новое изобрѣтеніе.—Придворныя извѣстія.—Замѣтка.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ, съ постоянными кроватями Д-ра Нырѣева, Петербургская, Б. Проспектъ № 12 близь части. Пріемъ больныхъ (со всякаго рода болѣзнями) ежедневно отъ 10 до 12 и отъ 5 до 6 ч. Плата 30 к. с., бѣдные безплатно.
Примѣчаніе 1) Въ отдѣленіи кроватей, плата по соглашенію съ директоромъ. Принимаются и роженицы. 2) Лечебница рекомендуетъ фельдшеровъ, акушерокъ и свидѣлокъ—здѣсь и въ отъѣздъ.

КАРТИНЫ

Священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, изданныя Товариществомъ метахромотипія **Раючій, Сидорскій и К°**, по оригиналамъ художника **Крюкова**, удостоенныя посвященія Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны и одобренныя учебнымъ комитетомъ, при св. Синодѣ, вышли въ свѣтъ

полнымъ изданіемъ въ количествѣ 50 картинъ.

Выборъ картинъ составленъ согласно съ программами всѣхъ начальныхъ школъ и всѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній; онѣ обнимаютъ собою всю священную исторію ветхаго и новаго завѣта и служатъ пособіемъ при объясненіи молитвъ, символа вѣры, заповѣдей и Богослуженія.

Представленныя на разсмотрѣніе учебнаго комитета при св. Синодѣ—картины въ журнальномъ постановленіи его получили слѣдующій отзывъ: «Издаваемыя заведеніемъ метахромотипіи, картины вполнѣ заслуживаютъ **одобренія и поощренія**, такъ какъ по красотѣ отдѣлки, размѣру картинъ, правильности рисунка и выразительности фигуръ—не оставляютъ желать чего либо лучшаго, поэтому учебный комитетъ находитъ весьма полезнымъ, преимущественно предъ всѣми другими изданіями картинъ по закону Божію—рекомендовать это изданіе во всѣ учебныя заведенія какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ».

Такой лестный отзывъ учебнаго комитета даетъ право надѣяться, что къ этому изданію просвѣщенная публика и, преимущественно, начальствующія лица учебныхъ заведеній, отнесутся весьма сочувственно.

Издатели, сохраняя одинъ и тотъ же рисунокъ и величину каждой картины 9—13 вершковъ, заготовили ихъ 4-хъ категорій, по слѣдующимъ цѣнамъ за полный экземпляръ въ 50 картинъ:

Картины раскрашенныя	. . .	. 26 р.	На пересылку прилагается за 12 фунтовъ по почтовой таксѣ.
» 1-го разр. на слонов. бум.		16 »	въ нѣсколько тоновъ
» 2-го » » бѣлой »		. 12 »	
» 3-го » » полубѣлой		. 7 » 50 к	черный.

Кромѣ того, чтобы дать возможность пріобрѣтать одобренныя картины бѣднѣйшимъ школамъ, а также и небогатымъ семьямъ, издатели составили серію картинъ, размѣрами каждая 9—13 верш., однѣхъ только двунадесятыхъ праздниковъ, съ объяснительнымъ текстомъ въ особенной книжкѣ.

Цѣна 12 картинъ въ тонахъ съ книгой 2 р. } пересылка за 3 ф.
» 12 » » раскрашенныхъ . 7 »

Послѣднія картины могутъ служить прекраснымъ и весьма полезнымъ украшеніемъ дѣтскихъ и классныхъ комнатъ въ частныхъ домахъ.

Къ издаваемымъ картинамъ составленъ законоучителемъ 1-й гимназіи и 1-го реальнаго училища въ СПб., священникомъ М. Соколовымъ текстъ: „Законъ Божій"— для младшаго возраста. Цѣна книгѣ 35 к., съ пересылкою 43 к. Кромѣ картинъ, Товарищество метахромотипіи принимаетъ заказы на иконостасы, живописные образа и другія церковныя принадлежности, а также имѣетъ заготовленными въ большомъ количествѣ лицевые иконописные святцы, составленные по оригиналамъ акад. Солнцева, образа двунадесятыхъ праздниковъ и другіе иконы на холстѣ, деревѣ и цинкѣ. Прейсъ-курантъ высылается желающимъ безплатно

Лицъ, обращающихся въ заведеніе съ письменными вопросами, просятъ прилагать на отвѣтъ почтовую марку. С.-Петербургъ, Троицкій пер., д. № 27.

Только-что отпечаталась НОВАЯ КНИГА и поступила въ продажу.

ВЪ МОСКВѢ: у Ферапонтова, Манухина, Анисимова, Салаевъ, Глазунова, Мамонтова и Кашина.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: у Кораблева и Сирякова, Анисимова, Черкесова, Попова, Тузова и бр. Курбатовыхъ.

ПОЛНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЗАКОНЫ

для православныхъ священно и церковно-служителей, монашествующихъ, настоятелей монастырей, благочинныхъ, членовъ консисторій, архіереевъ и др. начальствующихъ лицъ.

Подробныя узаконенія для ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЪ и ПОПЕЧИТЕЛЬСТВЪ. Состав. по Св. Закон., Духов. Регламенту и Уст. духов. консисторій, печатанному по опредѣленію СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА съ прилож. Указовъ Св. Синода, разъясняющихъ отдѣльные случаи ПАСТЫРСКОЙ ПРАКТИКИ. М. 1877 г.

Цѣна 2 руб., въ хорош. коленкор. перепл. ц. 3 р.

☞ ЧРЕЗЪ ПОЧТУ ГГ. ИНОГОРОДНЫХЪ прошу адресоваться за книгой въ МОСКВУ, къ издателю А. Д. СТУПИНУ (адресъ почтамту извѣстенъ). Пересылку принимаю на свой счетъ и посылаю съ первой почтой.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА,

Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 88.

Выдаетъ ссуды подъ проц. бумаги и акціи

Выдаетъ дополнительныя ссуды по банковымъ копіямъ съ обязательствъ, съ переплатомъ бумагъ въ конторѣ.

Учитываетъ до срока купоны и выигрышныя въ тиражъ бумаги.

Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетовъ обоихъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ

По 40 коп. за билетъ.

Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы

По 50 коп. за билетъ.

Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи **по покупкѣ, продажѣ и залогу** бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ чрезъ почту.

Подробную программу операцій можно получить въ Конторѣ.

близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, прот.

Магазины: Адмир. пл., Стремянной, № 9.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА

Въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.

2

Товарищество Чемберсъ и К°.

Дозволено цензурою. СПБ. 18 Марта 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 13 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ верес. 20 к.

Изданъ 28 Марта 1877 г.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.
III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины Г. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева . . . . 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы“.

Два корифея науки.

5 марта текущаго года исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня смерти двухъ двигателей науки, стяжавшихъ себѣ вѣчную славу въ потомствѣ. Это—математикъ *Лапласъ* и физикъ *Вольта*.

Такіе герои науки, какъ Лапласъ и Вольта, громадно возвышавшіеся своимъ геніемъ надъ ихъ современниками, такъ что настоящая оцѣнка ихъ принадлежитъ еще будущимъ вѣкамъ—конечно, по всякому праву, заслуживаютъ наше благоговѣйное воспоминаніе. Если мы, въ настоящее время, воскре-

Пьеръ Симонъ маркизъ де-Лапласъ. **Александро графъ Вольта.**
(Пятидесятилѣтіе со дня ихъ смерти—5 марта 1827 г.). Грав. К. Вейерманъ.

По странной игрѣ судьбы, оба они умерли въ одинъ и тотъ же день—именно 5 марта 1827 года.

Библиотека "Руниверс"

шаемъ передъ читателями память этихъ двухъ ученыхъ, то для того, чтобы напомнить о ихъ ученыхъ заслугахъ. Біографическія свѣдѣнія, внѣшнія обстоятельства ихъ жизни, имѣютъ интересъ второстепенный. И что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ жизнь съ ея внѣшними проявленіями, почестями, успѣхами, отличіями въ сравненіи съ безсмертными открытіями и изобрѣтеніями человѣческаго ума.

Такимъ образомъ въ памяти этихъ двухъ ученыхъ мы чтимъ ихъ безсмертныя открытія. Въ смыслѣ перечня этихъ открытій мы и представляемъ ихъ краткую біографію. Начнемъ съ Лапласа.

Пьеръ Симонъ маркизъ де-Лапласъ, родившійся 28 марта 1749 г. въ Бомонъ-ан-Ожь, былъ, безспорно, одинъ изъ геніевъ въ математическихъ наукахъ всѣхъ временъ и народовъ. Въ исторіи астрономіи и математики XIX вѣка мы знаемъ только одно имя, достойное быть поставленнымъ на ряду съ великимъ именемъ Лапласа—именно имя Гауса. Все, что сдѣлалъ Лапласъ въ наукѣ, имѣетъ многообъемлющій и величественный характеръ. Лапласъ никогда не шелъ проторенною дорогой. Его величавый геній, подобно мощной многоводной рѣкѣ, разрывалъ всѣ старыя плотины, открывалъ новые пути и показывалъ изумленнымъ современникамъ безконечную перспективу этихъ путей. Все, что создалъ Лапласъ, ново и все имѣетъ значеніе основы, краеугольнаго камня; да даже и тамъ, гдѣ онъ вступаетъ въ область, разработанную другими учеными, онъ возбуждаетъ наше удивленіе геніальною переработкою матеріала. Какъ математика, такъ и астрономія безконечно обязаны Лапласу. Астрономію онъ избралъ спеціальною научной дѣятельностью, но при этомъ не могъ оставить и математику, потому что то направленіе астрономіи, которое далъ ей Лапласъ, побуждало его расширить тогдашнюю область математики, и въ этомъ смыслѣ онъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, послѣ которыхъ самая математика получила новый, плодотворный полетъ. Особенно обработалъ и разъяснилъ Лапласъ область интегральнаго исчисленія. А своимъ „Théorie analytique des probabilites“ (аналитическая теорія вѣроятностей, издан. 1812 г.) Лапласъ создалъ основы математическому исчисленію на основаніи вѣроятностей. Но наиболѣе драгоцѣннымъ вкладомъ въ науку была обработка Лапласомъ научной программы о взаимномъ притяженіи небесныхъ тѣлъ (Небесная механика). Аналитическія работы въ этомъ направленіи Лапласъ сдѣлалъ задачею всей своей жизни. Обработывая эту „Небесную механику“ (Mécanique céleste), Лапласъ, такъ сказать, мимоходомъ сдѣлалъ безчисленное множество открытій, въ высшей степени важныхъ для математическаго анализа, а также для механики и физики. Въ этомъ смыслѣ ни одна литература въ мірѣ не можетъ представить подобнаго же труда, который могъ бы быть достойно поставленъ съ „Небесною механикой“ Лапласа. Въ этомъ великомъ произведеніи, которому Лапласъ посвятилъ половину своей жизни и послѣдній томъ котораго появился въ свѣтъ только за два года до его смерти, Лапласъ развилъ теорію притяженія, исходя изъ простыхъ геометрическихъ тѣлъ и восходя къ мощнымъ планетамъ вселенной. Онъ первый далъ опредѣленіе пертурбацій (возмущеній или отклоненій отъ нормальнаго хода) планетъ и вывелъ рядъ открытій, неизбѣжно изъ этого вытекающихъ,—теорію движеній луны, Юпитера и системы Сатурна и т. д. Было бы излишне намъ подробно останавливаться на тѣхъ важныхъ открытіяхъ въ астрономіи, къ которымъ неизбѣжно повела „Небесная механика“ Лапласа. Замѣтимъ только, что именно благодаря этому труду Лапласа, астрономы сдѣлались до извѣстной степени хозяевами въ обширной области изслѣдованія небесныхъ тѣлъ, потому что научились отъ Лапласа замѣчать и опредѣлять даже самыя малѣйшія пертурбаціи въ движеніи планетъ; имъ даны были въ руки средства къ объясненію основаній отклоненія планетъ отъ нормальнаго пути.

Усовершенствованіе теоріи луны—также дѣло Лапласа. Только съ его времени сдѣлались возможными такъ называемыя лунныя таблицы, хотя надъ этимъ предметомъ и работали съ блистательнымъ успѣхомъ Эйлеръ, Клеро, Даламбръ и въ особенности Тобіасъ Майэръ. На ряду съ усовершенствованіемъ Майэровыхъ уравненій, произведеннымъ Брадлеемъ, Масономъ, Бюргомъ и Буркгардтомъ, усовершенствованіе лунныхъ таблицъ обязано открытію Лапласомъ новыхъ отклоненій въ движеніяхъ луны. Относительно системы спутниковъ Юпитера, Лапласъ показалъ законъ движенія, изъ котораго слѣдуетъ, что въ первыхъ трехъ спутникахъ Юпитера не можетъ произойти одновременнаго затмѣнія. Относительно системы кольца Сатурна онъ показалъ ея постоянство. По поводу открытія Гершелемъ планеты „Уранъ“, Лапласъ первый высказалъ мысль о необходимости принять для планеты новое свѣтило, котораго среднее разстояніе отъ солнца было бы въ 19 разъ больше такого же разстоянія земли и т. д. Затѣмъ Лапласу же мы обязаны важными улучшеніями въ теоріи рефракціи (преломленія). Предшественниками и подготовителями „Небесной механики“ нужно считать два предварительныя труда Лапласа: а) Théorie du mouvement et de la figure elliptique des planètes“ (1784 г.), гдѣ развивается всеобщая исторія движенія планетъ, и б) Théorie des attractions des sphéroides et de la figure des planètes“ (1785 г.). Та и другая книга содержатъ весьма цѣнныя изслѣдованія о притяженіи.

Впрочемъ, Лапласъ является неподражаемымъ не только какъ геніальный математикъ, но и какъ образецъ мастерства научнаго популярнаго изложенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать его великолѣпную книгу „Exposition du système du monde“ (1796 г.), гдѣ авторъ, не прибѣгая къ математическимъ формуламъ, излагаетъ законы движенія міровыхъ тѣлъ, ихъ кажущееся и истинное движеніе, дѣйствіе закона тяжести и проч., съ такою наглядностью и ясностью, что, можетъ быть, ни въ какой книгѣ въ мірѣ нельзя встрѣтить такой простой рѣчи о трудныхъ предметахъ. Эта книга заключаетъ въ себѣ также идеи Лапласа объ образованіи солнечной системы. Совокупность этихъ идей обыкновенно называютъ „Канто-Лапласовскою теоріей“ (такъ какъ философъ Кантъ раздѣлялъ идеи Лапласа). Кромѣ этихъ капитальныхъ произведеній, явившихся результатомъ изумительной и неутомимой научной работы, Лапласъ написалъ болѣе 100 мелкихъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ, преимущественно же въ „Memoires de Paris“ и „Connaissanse des temps“, о фигурѣ земли, о ея средней плотности, о законахъ движенія маятника, о дѣйствіи тяжести на земной поверхности, о математическихъ и механическихъ предметахъ, о притяженіи тѣлъ, зависящемъ отъ ихъ фигуры. Какая безпримѣрная, гигантская сила творческаго ума была у этого человѣка! Только Лапласъ могъ сдѣлать такъ много и съ такимъ успѣхомъ. Поэтому его справедливо называютъ „Ньютономъ нашего времени“. Подобно тому какъ человѣчество въ Ньютонѣ, чрезъ открытіе закона тяжести во всей природѣ, одержало блестящую побѣду надъ трудностями въ изслѣдованіи природы, такъ же точно, благодаря геніальному анализу Лапласа, намъ открыта широкая и вѣрная дорога для проникновенія въ безконечныя міровыя пространства.

Теперь перейдемъ къ Вольтѣ.

Александро графъ *Вольта*, род. 19 февр. 1745 г. въ Комо, правда, не былъ великимъ геніемъ, подобно его собрату Лапласу, но онъ обладалъ необыкновенной научной проницательностью, рѣдкою способностью къ анализу явленій природы и неутомимою настойчивостью.

Ученый Гальвани, какъ извѣстно, въ 1789 г. наблюдалъ сокращенія бедренныхъ мускуловъ лягушки. Онъ искалъ источника возбужденія этого новаго вида электричества въ самой ногѣ лягушки. Во многихъ мѣстахъ повторенные тогда однородные опыты убѣдили современниковъ Гальвани въ справедливости его предположенія, что сокращенія бедра лягушки происходятъ отъ жидкости, стремящейся путемъ внѣшнихъ проводниковъ (напр. проволоки) отъ нервовъ къ мускуламъ. Германскіе ученые особенно склонны были признать „жидкость Гальвани“ первоначальнымъ принципомъ и коренною причиною жизни всѣхъ органическихъ тѣлъ. Что было бы съ физической наукой, тогда еще крайне молодою, какое было бы ея развитіе, еслибы былъ принятъ учеными этотъ ложный принципъ—одинъ Богъ знаетъ! Къ счастью, этого не случилось: отъ этого предохранилъ проницательный взглядъ Вольты.

Съ необыкновенной настойчивостью онъ началъ опыты надъ бедромъ лягушки, подобные опытамъ Гальвани, и пришелъ къ убѣжденію, что причину сокращеній мускуловъ лягушечьей ноги слѣдуетъ искать не въ нервахъ и не въ мускулахъ, а просто въ соприкосновеніи металловъ, причемъ одновременно возбуждается электрическій токъ.

Какая масса знаній возникла съ того времени по нынѣ, благодаря этому опыту Вольты и правильно понятому принципу явленія, происшедшаго отъ соединенія двухъ металлическихъ пластинокъ! Но тогда дѣло шло впередъ еще трудно. Между Гальвани и Вольтою возникъ споръ, все больше и больше возраставшій, по мѣрѣ того, какъ тотъ и другой увеличивали число своихъ опытовъ. Наконецъ, плодомъ этого спора явился *первый* аппаратъ для произведенія такъ-называемаго гидроэлектрическаго тока — знаменитый Вольтовъ способъ (теперь всѣмъ намъ извѣстный изъ учебниковъ физики). Первое извѣстіе объ изобрѣтеніи этого способа самъ Вольта помѣстилъ въ письмѣ къ ученому Банксу (20 марта 1800 г.). Затѣмъ появились въ свѣтъ замѣчательныя работы Вольты надъ гальванизмомъ. Вольта развилъ свою теорію „соприкосновенія“ разнородныхъ металловъ, въ особой, объемистой книгѣ (явившейся въ свѣтъ въ 1814 г.), въ которой онъ представилъ цѣлый рядъ блестящихъ изысканій о природѣ гальваническаго электричества. Объ этомъ же предметѣ онъ завелъ обширную и весьма поучительную переписку съ учеными того времени: Греномъ, Альдини, Ландріани, Де-ла-Метерье и друг. Въ этой перепискѣ непрерывно выяснялась сущность электрическихъ явленій. Неутомимое рвеніе, съ какимъ Вольта продолжалъ свои эксперименты, глубокое изученіе разнообразныхъ явленій электричества, повели ученаго къ изобрѣтенію электрическаго аппарата (банки), а затѣмъ къ замѣчательному открытію закона электрическаго напряженія. Объ этомъ уже трактуетъ онъ въ своемъ разсужденіи: „Sull' identità del fluide elletrico col fluide galvanico“ (О тождествѣ электрическаго и гальваническаго токовъ). Съ этимъ вмѣстѣ прочно утвердилась Вольтова теорія соприкосновенія.

Въ 1782 году Вольта изобрѣлъ электрическій конденсаторъ, уже послѣ того, какъ въ 1777 году устроенъ былъ имъ электрофоръ (читатели знаютъ значеніе и употребленіе того и другого приборовъ изъ физики). Затѣмъ, въ письмѣ къ Лихтенбергу

Библиотека "Руниверс"

(„Lettere sulla meteorologia elettrica“) онъ предложилъ замѣнить серебряную проволоку (въ электроскопѣ) Соссюра просто соломенкой. Далѣе, изслѣдуя газы, отдѣляющіеся отъ стоячихъ водъ и отношеніе этихъ газовъ къ чистому воздуху, Вольта пришелъ къ интересному открытію, повлекшему за собою изобрѣтеніе лампы для горѣнія воздуха, электрическаго пистолета и проч. Впослѣдствіи Вольта сосредоточилъ свое вниманіе на атмосферныхъ явленіяхъ, въ особенности на воздушномъ электричествѣ и явленіяхъ града. Теорію Вольты о градѣ можно назвать лишь первою попыткою изслѣдовать это загадочное явленіе атмосферы. Кромѣ того, неутомимый ученый интересовался и другими явленіями природы, даже пытался объяснять факты національной экономіи и земледѣльческой культуры. Въ 1782 году, онъ вмѣстѣ съ ученымъ Скарпою путешествовалъ по Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи, и послѣ возвращенія ревностно хлопоталъ о введеніи въ Ломбардіи культуры картофеля, по примѣру посѣщенныхъ имъ странъ.

Не смотря на различіе направленій въ научной дѣятельности, Лапласъ и Вольта представляютъ и много поразительнаго сходства между собою. Параллель представляютъ даже обстоятельства ихъ жизни. Тотъ и другой начали свой жизненный путь простыми учителями—Лапласъ въ военной школѣ, а Вольта въ гимназіи своего родного города. Наполеонъ I какъ-то случайно взялъ въ руки одинъ изъ томовъ „Небесной механики“ и видѣлъ въ Парижѣ дѣйствіе Вольтова столба. Геніальный императоръ отдалъ дань почтительнаго удивленія трудамъ обоихъ ученыхъ, осыпалъ ихъ отличіями и возвелъ того и другого въ графское достоинство. Двери академіи открылись для обоихъ почти одновременно. Но Лапласъ, сверхъ того, въ періодъ консульства (1799 г.) былъ нѣкоторое время министромъ внутреннихъ дѣлъ. Далѣе, и Лапласъ, и Вольта были почти ровесники по лѣтамъ и взаимно цѣнили и уважали другъ друга и, странно, они какъ будто согласились умереть въ одинъ и тотъ же день, только Вольтѣ пришлось умереть въ своемъ родномъ городѣ, а Лапласу судьба не дала этого послѣдняго мирнаго счастья...

И вотъ уже прошло 50 лѣтъ съ ихъ смерти. Значеніе этихъ людей нужно измѣрять преимущественно тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли ихъ труды на настоящее и будущее развитіе науки. Въ этомъ смыслѣ, понятно, ни Лапласъ, ни Вольта долго не нашли и не могли найдти себѣ надлежащей оцѣнки. Только въ наше время, во 2-й половинѣ XIX вѣка, при такомъ громадномъ и многостороннемъ развитіи всѣхъ наукъ, мы можемъ нѣсколько (но не вполнѣ) опредѣлить значеніе Лапласа и Вольты, особенно же Лапласа. И въ самомъ дѣлѣ, только теперь мы въ состояніи признать, что геніемъ французскаго ученаго какъ астрономія, такъ и математика направлены на новые пути. Что бы было съ астрономіей безъ Лапласовой теоріи возмущенія въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ? Безъ Лапласа ни Гаузенъ, ни Энке и имъ подобные никогда не могли бы отыскать столь удобныхъ для изслѣдованія методовъ пертурбацій? Причина замѣчательнаго замедленія въ движеніи кометъ Энке осталась бы неоткрытою, еслибы Лапласъ не сдѣлалъ блистательнаго открытія Нептуна; да безъ Лапласа, можетъ быть, не могъ-бы явиться и Леверье. А лунныя таблицы, основанныя на теоріи всеобщаго тяготѣнія,—развѣ онѣ были-бы возможны,—не смотря на блестящія дарованія Дамуазо, Плана, Карлини—еслибы Лапласъ не довелъ теорію луны и ея движеній до высшей степени совершенства? А блестящіе успѣхи, какіе сдѣлала математика, со временъ Лапласа, въ лицѣ Фурье, Лежандра, Якоби, Коши и др.—развѣ эти успѣхи не происходятъ по прямой линіи изъ аналитической сокровищницы „Mécanique céleste“? Это безсмертное твореніе содержитъ съ себѣ еще предметы, остающіеся нетронутыми послѣ Лапласа, и еще ожидающіе изслѣдованій? Такъ, гиганты строятъ зданія не на десятки лѣтъ, а на цѣлыя столѣтія!..

Литературный альбомъ. „Млиссъ“, Разсказъ Бретъ-Гарта.

Американскій писатель Бретъ-Гартъ пользуется громкою извѣстностью въ новомъ свѣтѣ своими разсказами. На русскомъ языкѣ его произведенія впервые появились года четыре тому назадъ, въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, подъ заглавіемъ: „Природа и люди въ Америкѣ“ и „Разсказы объ искателяхъ золота“. Въ настоящее время они есть уже въ отдѣльномъ изданіи.

Бретъ-Гартъ родился въ городѣ Альбани, въ штатѣ Нью-Іоркъ; окончивъ образованіе въ элементарной школѣ, онъ служилъ нѣкоторое время прикащикомъ, затѣмъ учительствовалъ и наконецъ попалъ на свое настоящее призваніе—литературную дѣятельность. „Нива“ имѣла уже случай познакомить своихъ читателей съ Бретъ-Гартомъ, портретъ котораго и біографическія о его жизни и дѣятельности свѣдѣнія были помѣщены на ея страницахъ въ 1874 году въ № 15 (стр. 238). Даровитый писатель беретъ для своихъ очерковъ міръ окраинъ американской цивилизаціи. Изображая грубые нравы, онъ въ то же время представляетъ ихъ свѣтлыя стороны и показываетъ, что и испорченнымъ натурамъ можетъ быть доступно чувство состраданія и великодушные порывы. Суровая природа описываемыхъ имъ мѣстностей является въ его разсказахъ поэтическою и привлекательною. Въ разсказѣ „Млиссъ“ Бретъ-Гартъ рисуетъ въ высшей степени оригинальную дѣвочку.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ маленькомъ городкѣ, гдѣ-то у „Красной горы“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сіерра Невада переходитъ въ рядъ холмовъ.

Однажды вечеромъ учитель маленькой школы городка сидѣлъ, исправляя тетради своихъ учениковъ, какъ неожиданно передъ нимъ явилась маленькая дѣвочка, грязная, оборванная.

— Меня зовутъ Млиссъ, Млиссъ Смитъ! сказала она учителю. Мой отецъ старый Смитъ! Старый пьяница Смитъ. Я, Млиссъ Смитъ, хочу учиться въ школѣ.

Учитель уже не разъ слыхалъ объ этой дѣвочкѣ, отличавшейся необыкновенною своенравностью. Зналъ онъ, что она часто дралась со школьниками, щеголяла бранными словами, лазила одна по горамъ, вѣчно босая, неумытая. Зная все это, онъ былъ изумленъ ея приходомъ, но не высказалъ ничѣмъ пренебреженія или грубости и только спросилъ спокойнымъ голосомъ:

— Ну такъ чтожь?

Пріемъ его смутилъ Млиссъ. Она опустила глаза, что-то въ родѣ румянца появилось на ея покрытыхъ грязью и загаромъ щекахъ. Губы ея задрожали, она припала лицомъ къ столу, рыдая и плача и умоляя Бога убрать ее къ себѣ. Учитель спросилъ ее объ отцѣ, но это вызвало новыя рыданія у Млиссъ. Учитель тихонько ее поддержалъ, ожидая окончанія пароксизма. Приподнявшись отъ стола, она стала высказывать раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ, повторяя, что „хочетъ быть доброй и исправиться“.

— Почему же ты оставила воскресную школу? спросилъ учитель.

— До потому,—отвѣчала Млиссъ,—что священникъ все твердилъ мнѣ, что я дурная дѣвочка. Зачѣмъ онъ говорилъ, что я противна Богу? Если я противна Богу, то зачѣмъ мнѣ ходить въ воскресную школу? Я не желаю надоѣдать тѣмъ, кому противна...

Такой отвѣтъ Млиссъ вызвалъ улыбку и вздохъ учителя, онъ началъ ее успокоивать, завернулъ въ шаль и велѣлъ на другой же день Млиссъ приходить въ школу.

На слѣдующее утро Млиссъ явилась въ классъ.

Она явилась умытой, причесанной, вообще старалась вести себя сдержаннѣе и съ этого дня Млиссъ начала аккуратно посѣщать школу. Нѣкоторые изъ поселенцевъ сколотили небольшую сумму, на которую сдѣлали ей приличный костюмъ; къ учителю дѣвочка привязалась сильно и слушалась его, хотя по временамъ и не выдерживала и на мнимую или дѣйствительную обиду отъ кого-либо изъ товарищей жестоко мстила оскорбителю, разрывая его платье, царапая лицо. Такъ прошло мѣсяца три.

Однажды Млиссъ снова неожиданно явилась вечеромъ предъ учителемъ; но на этотъ разъ она была умыта, чисто одѣта, ничто не напоминало ея прежняго образа, кромѣ развѣ длинныхъ, черныхъ волосъ и яркихъ черныхъ глазъ.

Она пригласила учителя пойти за нею. Когда они вышли за дверь, учитель спросилъ ее.

— Куда же ты ведешь меня?

— Повидаться съ моимъ отцомъ,—отвѣчала Млиссъ.

Послѣ часовой ходьбы по самымъ глухимъ мѣстамъ, Млиссъ привела учителя къ избушкѣ, въ которой она полагала застать отца. Но его тамъ не оказалось. Они хотѣли идти назадъ, какъ вдругъ рѣзкій трескъ поразилъ ихъ слухъ. Млиссъ стремительно кинулась бѣжать, учитель бросился вслѣдъ за нею по тропинкѣ къ руслу рѣки, къ подошвѣ „Красной горы“, на самую гору, гдѣ Млиссъ взяла его за руку и молча подвела къ какой-то пещерѣ въ горѣ. Тамъ она указала ему на что-то похожее на груду тряпья. Учитель съ своимъ фонаремъ наклонился—это былъ Смитъ, отецъ Млиссъ, уже похолодѣвшій, съ пистолетомъ въ рукѣ.

Этотъ несчастный „старый Смитъ“ когда-то имѣлъ средства; ему посчастливилось открыть въ „Красной горѣ“ золото. Предполагая найти неистощимое богатство, онъ началъ копать гору, но гора не выдавала больше своихъ сокровищъ; съ отчаянія, потерявъ все на раскопки, Смитъ началъ пить.

Такова исторія бѣднаго стараго Смита. Его похоронили одиноко, въ сторонкѣ, но на его могилѣ лѣтомъ стали появляться вѣнки изъ душистой травы и цвѣтовъ.

Учителю какъ-то случайно удалось во время своихъ прогулокъ застать въ самой густой чащѣ лѣса Млиссъ; она сидѣла на вѣткахъ поваленной ели и плела вѣнки для могилы, напѣвая негритянскую пѣсенку. На колѣняхъ ея между различными травами, были ядовитыя растенія. Учитель объяснилъ ей зловредныя свойства этихъ растеній и взялъ съ нея слово никогда не брать болѣе такихъ травъ.

Млиссъ исправлялась очевидно, становилась смирнѣе. Учитель

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ: „Млиссъ“. Разсказъ Бретъ-Гарта. Рис. Лангъ, грав. Джонсъ.

Библиотека "Руниверс"

помѣстилъ ее въ домѣ одной госпожи. Это была очень добрая, мягкая женщина, но ошибка ея въ отношеніи Млиссъ состояла въ томъ, что она желала дѣвочкѣ поставить образцомъ свою красивую, бѣлокурую дочку Клити, и указывала Млиссъ то и дѣло на этотъ образецъ опрятности, аккуратности и скуки. Клити также посѣщала школу, гдѣ училась Млиссъ. Млиссъ начала ревновать ее къ учителю. Она увидѣла какъ однажды учитель проводилъ бѣлокурую соперницу Млиссъ до дому. Млиссъ на другой день не явилась въ школу и послала учителю записочку, въ которой увѣдомляла „уважаемаго сэра", что она бѣжитъ, что „никогда, никогда, никогда не вернется". Въ запискѣ она просила учителя отдать ея бусы одной дѣвочкѣ, а литографію съ табачной коробки другой, но ничего не давать Клити, ибо она думаетъ, что Клити „совсѣмъ противная". Получивъ такую записку, учитель съ восходомъ солнца на слѣдующее утро уже пробирался къ тому мѣсту въ лѣсной чащѣ, гдѣ разъ встрѣтилъ Млиссъ. Онъ не ошибся; но Млиссъ сторонилась отъ него; учитель тогда прибѣгнулъ къ хитрости и сказалъ, что онъ голоденъ, что ему хотѣлось бы дикихъ яблоковъ, чтобы утолить свой голодъ. Онъ представился изнуреннымъ, обезсиленнымъ и тѣмъ вызвалъ Млиссъ на сочувствіе. Ея сердце было тронуто, она слѣзла съ дерева и порывшись въ землѣ у корней дерева—тамъ были ея запасные магазины,—достала ему нѣсколько яблоковъ. Учитель началъ говорить ей, напомнилъ, какъ она приходила проситься къ нему въ школу.

— Ты спрашивала меня: можешь ли ты придти въ школу, чтобы научиться чему нибудь и исправиться отъ своихъ недостатковъ, а я сказалъ...

— Приходи,—подхватила дѣвочка.

— Что ты скажешь теперь, когда учитель пришелъ къ тебѣ и говоритъ, что ему скучно безъ своей маленькой ученицы и что онъ проситъ ее идти съ нимъ и научить его, какъ ему исправиться отъ его недостатковъ.

Млиссъ опустила голову и нѣсколько минутъ молчала. Потомъ быстро, быстро взяла учителя за руку, и они уже вмѣстѣ вышли изъ лѣса на залитую лучами солнца дорогу.

Учитель уже два года какъ поселился въ маленькомъ городкѣ, но его жалованье было такъ ничтожно, что онъ началъ подумывать о переходѣ на другое мѣсто, гдѣ бы онъ не оставался, по крайней мѣрѣ впроголодь, какъ при настоящемъ положеніи. Но онъ все таки рѣшился продолжать занятія въ школѣ до конца зимы. Въ это время ему вздумалось провѣрить знанія своихъ учениковъ и ученицъ, онъ устроилъ экзаменъ. Млиссъ и Клити первенствовали и привлекали общее вниманіе и похвалы.

Священникъ давалъ вопросы, и когда Млиссъ объясняла о движеніи планетъ, онъ перебилъ ее:

— Ты говоришь, Млиссъ,—сказалъ онъ,—объ обращеніи земли и о движеніи солнца, и, кажется, утверждаешь, что такъ было съ сотворенія міра? Не такъ-ли?

Млиссъ презрительно кивнула головой.

— Развѣ это справедливо? спросилъ священникъ.

— Да,—подтвердила Млиссъ,крѣпко сжимая свои красныя губки.

Священникъ взглянулъ на дѣтей. Клити подняла свою бѣлую ручку, поглядѣла на учителя и когда тотъ кивнулъ ей головой, тогда Клити мягко проговорила:

— Іисусъ Навинъ приказалъ солнцу остановиться, и оно повиновалось ему!

Раздались аплодисменты.

Млиссъ провела своей рукой по учебнику астрономіи и затѣмъ съ шумомъ захлопнула книгу.

— Я этому не вѣрю! сказала она.

Священникъ издалъ стонъ; ропотъ изумленія пробѣжалъ въ публикѣ...

Далѣе авторъ разсказываетъ о Млиссъ слѣдующее:

Въ маленькій городъ прибыла труппа актеровъ. Новость произвела большое впечатлѣніе. Учитель взялъ съ собою Млиссъ посмотрѣть представленіе и былъ удивленъ, какое потрясающее дѣйствіе произвела игра актеровъ на впечатлительную натуру дѣвочки. Она была сама не своя.

Дня черезъ два послѣ театральнаго представленія Млиссъ не явилась въ школу и учителю дали знать, что Млиссъ видѣли съ однимъ изъ актеровъ и указали съ какимъ именно.

Тотчасъ же одѣвшись, учитель пошелъ въ трактиръ. Въ биліардной онъ встрѣтилъ этого актера — это былъ агентъ драматической труппы. Млиссъ не было видно. Учитель подошелъ къ агенту и строго и прямо спросилъ:

— Правда-ли, что Млиссъ Смитъ, сирота, собирается поступить на сцену?

— Положимъ, что это правда,—сухо отвѣчалъ агентъ.

Это взволновало учителя, онъ началъ объяснять, что онъ опекунъ дѣвочки, что онъ спасъ ее отъ жизни, которая была бы хуже смерти, отъ уличной, порочной жизни, что у нея нѣтъ ни матери, ни отца, ни брата.

— Я прошу и надѣюсь,—прибавилъ онъ,—что вы не станете поощрять ея намѣреніе, зная какого рода жизнь предстоитъ ей съ вами.

Но агентъ отпустилъ только грубое, наглое, оскорбительное слово. Учитель не выдержалъ и ударилъ агента въ лицо. Послышался крикъ, шумъ борьбы — потомъ два выстрѣла, одинъ за другимъ, затѣмъ учитель помнитъ только, что вынулъ горячій ножъ изъ своего рукава лѣвой руки. Правую руку кто-то держалъ, изъ нея струилась кровь, а пальцы сжимали рукоятку ножа. Откуда взялся ножъ, онъ не могъ сообразить. Но ни который изъ противниковъ не былъ раненъ: рука учителя была лишь порѣзана. Нѣсколько успокоившись, учитель добрался до своей школы и былъ удивленъ, когда опять онъ такъ неожиданно встрѣтилъ у себя Млиссъ. Грубый намекъ, брошенный ему въ лицо противникомъ, съ болью отзывался въ его сердцѣ. Онъ сказалъ Млиссъ, что хочетъ остаться одинъ; но она не трогалась и спросила его:

— Вы убили его?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ учитель.

— Вѣдь я затѣмъ и дала вамъ ножъ! продолжала дѣвочка торопливо.

— Дала мнѣ ножъ? повторилъ удивленный учитель.

— Ну да, дала вамъ ножъ. Я залѣзла подъ прилавокъ. Видѣла, какъ вы его ударили. Видѣла, какъ вы оба упали. Еслибъ вы спросили меня,—продолжала Млиссъ,—я бы сказала вамъ, что собиралась уйти съ актерами. А почему? Потому, что вы скрыли отъ меня, что уѣзжаете отсюда. А я это знала. Вотъ ядовитое растеніе, которое, по вашимъ словамъ, можетъ убить меня. Я уйду съ актерами или съѣмъ вотъ это и умру. Мнѣ все равно. Я не останусь здѣсь, гдѣ всѣ меня ненавидятъ и презираютъ. Да и вы не бросили бы меня, еслибы ненавидѣли и не презирали.

Учитель вспомнилъ о незанятомъ мѣстѣ возлѣ могилы Смита, и послѣ нѣкотораго колебанія, взявъ руки Млиссъ въ свои и поглядѣвъ въ ея честные глаза, сказалъ:

— Млиссъ, хочешь идти со мною?

Рука объ руку они тѣмъ же вечеромъ вышли изъ города; двери школы маленькаго городка на всегда затворились за ними.

Такова эта странная дѣвочка Млиссъ, изображеніе которой мы въ этомъ № прилагаемъ. Читатель можетъ видѣть, до какой степени художнику удалось воспроизвести образъ этой своенравной, но въ высшей степени искренней, смѣлой и симпатичной дѣвочки.

Л.

Въ Альбомъ

В. Н. П.

Какъ тиха и свѣтла послѣ бури рѣка —
Широко въ берегахъ разливается:
Не шелохнетъ волна, только зорька слегка
На поверхности водъ отражается.

Такъ и въ сердцѣ кипучемъ и бурномъ моемъ
Стихли страсти порывы ужасные:
Тихій миръ и любовь отражаются въ немъ—
Они лучъ твоего сердца яснаго.

П—въ.

Спутники солнца.

Помѣщая въ настоящемъ № „Нивы" портреты двухъ знаменитыхъ дѣятелей науки, Лапласа и Вольты, считаемъ умѣстнымъ присоединить и статью, стоящую въ близкомъ отношеніи къ той наукѣ, для которой такъ много сдѣлалъ Лапласъ.

Мы уже говорили о солнцѣ (см. „Нива" № 7) или, выражаясь точнѣе, о „нашемъ" солнцѣ, свѣтилѣ, составляющемъ центръ особой системы, къ элементамъ которой принадлежитъ и „*земля*", но необходимо замѣтить, что видимое нами солнце составляетъ единицу въ цѣлыхъ милліардахъ другихъ солнцъ, которыя мы называемъ „*неподвижными звѣздами*"; такое названіе ихъ, безъ сомнѣнія, ошибочное, потому что уже доказаны извѣстныя перемѣщенія даже для неподвижныхъ звѣздъ и, кромѣ того, слишкомъ громадное разстояніе дѣлаетъ недоступными для наблюденія разнообразныя движенія, которыя производятъ эти свѣтящіяся сферы въ міровомъ пространствѣ.

Какъ бы, однако, ни было, нужно признать за фактъ, что солнце есть свѣтило, служащее центромъ своей собственной системы, за предѣлами которой мы уже не можемъ видѣть другихъ міровъ, подобно тому, какъ, плывя по рѣкѣ, мы можемъ видѣть только предметы, расположенные на берегу и ограничивающіе видимый горизонтъ. Конечно, интересно имѣть по возможности вѣрную идею о спутникахъ солнца.

Библиотека "Руниверс"

Говоря по правдѣ, эти спутники солнца, поставленные въ соотношеніе съ безчисленнымъ множествомъ тѣлъ, какія мы видимъ, такъ сказать, разбросанными въ безпредѣльномъ пространствѣ неба, имѣютъ весьма мало значенія, въ общей міровой жизни: здѣсь дѣло идетъ всего о восьми или девяти планетахъ, легко доступныхъ нашему наблюденію при ихъ правильномъ ходѣ, и о группѣ звѣздочекъ, представляющихъ что-то въ родѣ космической пыли — не болѣе; наконецъ, объ этой неопредѣленной массѣ туманныхъ содержащихъ водяные пары тѣлъ, называемыхъ „кометами". Настоящая природа и свойства послѣднихъ еще не опредѣлены съ достаточною точностью, хотя (по крайней мѣрѣ это нужно сказать о большинствѣ кометъ) онѣ совершаютъ свое движеніе въ силу законовъ, уже совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которые управляютъ другими элементами нашей солнечной системы.

Но солнечная система можетъ показаться весьма незначительною только по сравненіи ея съ совокупностью міровъ— для насъ-же она все таки представляется грандіозною. Затѣмъ, интересъ ея возрастаетъ отъ того, что она представляется, относительно говоря, близкою къ намъ и мы можемъ наблюдать ее, такъ сказать, въ деталяхъ.

Въ настоящее время наука насчитываетъ *восемь* планетъ, вращающихся вокругъ солнца, да еще группу такъ называемыхъ „телескопическихъ" планетъ. Объ этихъ послѣднихъ думаютъ, что онѣ составляютъ, такъ сказать, обломки какого либо свѣтила, или, скорѣе, двухъ свѣтилъ, ринутыхъ въ ту область, въ предѣлахъ которой, повинуясь закону тяготѣнія, и вращается теперь эта группа.

Начнемъ исчисленіе планетъ по мѣрѣ ихъ близости къ солнцу; онѣ будутъ слѣдовать въ такомъ порядкѣ: *Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ.* Группа телескопическихъ планетъ занимаетъ мѣсто между Марсомъ и Юпитеромъ. Къ общему числу девяти орбитъ, слѣдовало бы, быть можетъ, прибавить еще десятую, и вотъ на какомъ основаніи.

Согласно наблюденіямъ г. Лескарбо, записку о которыхъ онъ представилъ въ Парижскую академію наукъ, планета Меркурій, которую доселѣ считали за самую близкую къ солнцу, должна занять мѣсто послѣ другого свѣтила, которое движется на разстояніи гораздо меньшемъ. Этому свѣтилу предполагали дать знаменательное названіе „Вулкана", намекая этимъ на его вращеніе въ наиболѣе жаркихъ областяхъ неба.

Нѣкоторые ученые склонны предположить, внѣ дѣйствительныхъ границъ системы, существованіе еще свѣтила. Эти господа говорятъ: на присутствіе такого свѣтила указываетъ пертурбація (возмущеніе, отклоненіе) въ нормальномъ вращеніи самой отдаленной планеты Нептуна. Но утверждать это—значитъ пускаться въ область предположеній, которыя мы оставимъ, и будемъ держаться только общепринятаго и общеизвѣстнаго.

Въ рисункѣ, который мы прилагаемъ здѣсь (по Секки), *Черная полоса*, на которой изображены планеты въ ихъ перспективномъ уменьшеніи, представляетъ собою какъ бы протяженіе діаметра солнца.

Маленькая бѣлая точка на нашемъ рисункѣ, подъ цифрою 1, представляетъ намъ относительную величину Меркурія, который въ то-же время (по крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи нашихъ астрономическихъ знаній) *самая маленькая* изъ планетъ, послѣ свѣтилъ той группы, которая помѣщается между Марсомъ и Юпитеромъ. Тяготѣя къ солнцу на пространствѣ 14 милліоновъ миль (франц.), эта звѣзда (объемъ ея относится къ объему земли какъ 60 къ 1000, а діаметръ къ земному діаметру какъ 4 къ 12), повидимому, находится въ условіяхъ, немножко напоминающихъ обитаемую нами планету: на ней замѣтно существованіе атмосферы, достаточно сгущенной, и въ атмосферѣ этой носятся облака, какъ и въ нашей земной атмосферѣ.

Но существующая здѣсь очевидная аналогія условій все-таки не тождество ихъ. Принимая во вниманіе близкость Меркурія къ солнцу, мы должны признать, на основаніи вычисленій, что звѣзда эта получаетъ отъ солнца въ *семь разъ* больше свѣта и теплоты, чѣмъ земля. Кромѣ того, Меркурій, употребляя почти одинаковое съ землею время для вращенія на собственной оси (а именно 24 часа 5 мин. вмѣсто 23 часовъ 56 мин.), долженъ, вслѣдствіе опять-таки близости къ солнцу, совершать около него гораздо болѣе быстрое годовое вращеніе. Годы Меркурія не согласуются съ земными на 88 дней; далѣе, на этой планетѣ послѣдовательные слои атмосферы весьма несходны съ слоями нашей земной атмосферы.

Венера—это прекрасная звѣзда, которую мы въ обыденныхъ разговорахъ называемъ то *утреннею*, то *вечернею* звѣздою, смотря по тому, показывается ли она на горизонтѣ передъ восходомъ или закатомъ солнца (иногда ее называютъ пастушескою звѣздой). Венера представляетъ почти тотъ-же самый объемъ, какъ земля и совершаетъ свое ежедневное вращеніе почти въ то-же самое время (24 часа 21 мин.). Но она отстоитъ отъ солнца на 11 милліоновъ миль менѣе, чѣмъ наша земля (а именно на 27 милліоновъ, тогда какъ земля отстоитъ отъ солнца на 38 милліоновъ миль); а отсюда слѣдуетъ, что дѣйствіе на нее солнечныхъ лучей (радіація) вдвое болѣе испытываемаго нами. Прибавимъ еще, что годъ Венеры составляетъ не болѣе 224 ½ дней, что ось ея вращенія весьма наклонена относительно ея орбиты; отсюда слѣдуетъ, что на Венерѣ должны встрѣчаться больше рѣзкія противоположности въ климатѣ, чѣмъ у насъ на землѣ. Плотность, расположеніе твердой массы и притягательная сила поверхности на Венерѣ, какъ полагаютъ, весьма немногимъ отличаются отъ земли. Какъ и на землѣ, на Венерѣ существуетъ, повидимому, водообразная атмосфера, въ которой водяные пары производятъ облака; какъ и земля, Венера представляетъ неправильную (изборожденную впадинами и возвышеніями) поверхность, съ тою только разницей, что нѣкоторыя изъ ея горъ достигаютъ такой громадной высоты, сравнительно съ которою наши Чимборазо и Монбланы представляются просто маленькими холмами.

По порядку удаленія отъ солнца, *третье* мѣсто занимаетъ обитаемая нами земля. Всякій изъ насъ знаетъ діаметръ и объемъ нашего шара и его физическія условія. Мы, слѣдовательно, можемъ ограничиться здѣсь немногими словами. Для составленія солнечнаго діаметра нужно взять *сто* земныхъ діаметровъ, а объемъ солнца равняется болѣе чѣмъ 114,000 объемамъ земли.

Замѣтимъ еще, что въ послѣдовательномъ ряду разстоянія отъ солнца земля представляется *первою* планетою, имѣющею спутника (луну), вторичное свѣтило, тяготѣющее къ ней, подобно тому, какъ сама земля тяготѣетъ къ солнцу.

На 20 милліоновъ миль разстоянія за предѣлами нашей земной орбиты (можетъ быть, на 58 милліоновъ миль разстоянія отъ насъ) вращается Марсъ, планета меньшая чѣмъ земля и Венера, но гораздо большая чѣмъ Меркурій. Наблюдателю Марсъ представляетъ весьма ясный образъ сферы, на которой, какъ и на нашей землѣ, находятся море и суша, и гдѣ, повидимому, въ атмосферѣ, на всей своей глубинѣ, гораздо менѣе сгущенной и не такъ высокой какъ наша, послѣдовательно образуются и таютъ полярные льды.

Дни на Марсѣ только на 40 минутъ больше нашихъ, но марсовскій годъ равняется 686 нашимъ днямъ. Смѣна временъ года весьма различествуетъ съ нашею, такъ какъ ось вращенія весьма наклонена, а дѣйствіе солнечнаго свѣта и теплоты сводится, сравнительно съ нашей землей, на разность въ 43 сотыхъ.

Поверхность этой планеты представляетъ, особенно же вдали отъ полюсовъ, пятна иногда синія, иногда красныя, усыпанныя, въ свою очередь, желтыми крапинками. Если эти пятна не происходятъ отъ обманчиваго контраста отраженныхъ лучей, то они, повидимому, указываютъ на исключительное физическое построеніе этой планеты. Поверхность ея состоитъ, правда, изъ твердой части, подобной нашей сушѣ, и жидкой, подобной нашему морю; но позволительно сдѣлать предположеніе, что составныя части твердыхъ и жидкихъ частей этой планеты если не совершенно отличны отъ подобныхъ же частей нашей, то, по крайней мѣрѣ, можно думать, что онѣ состоятъ тамъ изъ меньшихъ по числу и менѣе смѣшенныхъ элементовъ, чѣмъ у насъ.

Между орбитами Марса и Юпитера, т. е. въ кругѣ, діаметръ котораго простирается до 140 милліоновъ миль, находится пространство, образовавшееся, по всей вѣроятности, во время страшной космической коллизіи (столкновенія); потому что здѣсь вращается цѣлый рой малыхъ звѣздъ. Звѣзды эти суть сфероидныя тѣла, самый большой діаметръ которыхъ далеко не достигаетъ діаметра луны; а многія изъ нихъ представляютъ поверхность гораздо меньшую, чѣмъ какой либо изъ нашихъ русскихъ уѣздовъ. Безъ сомнѣнія, эти звѣзды представляютъ обломки (различные по величинѣ) какого нибудь большого свѣтила, или двухъ большихъ свѣтилъ, двигавшихся когда-то въ одной и той-же орбитѣ.

Имя этимъ звѣздообразнымъ тѣламъ, по всей вѣроятности, легіонъ, потому что годъ отъ году каталогъ ихъ все болѣе болѣе и увеличивается въ значительной пропорціи. Въ срединѣ прошлаго 1876 г. ихъ было извѣстно болѣе 150. Ихъ то и дѣло открываютъ, описываютъ, вносятъ въ списки, даютъ имена, но этимъ только и ограничивается ихъ изслѣдованіе. Ихъ малый размѣръ въ сравненіи съ громаднымъ разстояніемъ отъ нихъ области ихъ тяготѣнія, не позволяетъ нашему наблюденію проникнуть до нихъ надлежащимъ образомъ.

Но вотъ, на разстояніи 160 милліоновъ миль отъ нашего шара и почти на разстояніи 200 милліоновъ миль отъ солнца, мы встрѣчаемъ планету Юпитеръ, въ сравненіи съ которою нашъ земной шаръ—самая малая звѣздочка! Объемъ Юпитера въ 1,500 разъ больше объема земли. Масса этого громаднаго тѣла уступаетъ въ величинѣ только солнцу (именно оно въ 1000 разъ меньше солнца); но оно въ три раза болѣе всѣхъ остальныхъ планетъ, взятыхъ вмѣстѣ.

У Юпитера есть четыре спутника, изъ которыхъ самый меньшій много превосходитъ величиною нашу луну, а самый большой равняется Марсу. Такимъ образомъ на юпитерскомъ небѣ существуетъ 4 луны, которыя то одновременно, то порознь отражаютъ солнечный свѣтъ; но на сколько мы можемъ судить изъ нашихъ наблюденій на громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ отъ насъ юпитерское небо, все заставляетъ насъ вѣрить, что міръ Юпитера не перешелъ еще изъ расплавленнаго въ твердое состояніе, подобное нашей землѣ. Общій видъ Юпи-

Библиотека "Руниверс"

Сравнительное изображеніе планетъ и ихъ величинъ по отношенію къ величинѣ солнца. (Длина чорнаго фона, на которомъ изображены планеты, принята въ данномъ случаѣ за діаметръ солнца).
1) Меркурій. 2) Венера. 3) Земля. 4) Марсъ. 5) Группа телескопическихъ планетъ. 6) Юпитеръ 7) Сатурнъ. 8) Уранъ. 9) Нептунъ

тера показываетъ, впрочемъ, что на немъ происходятъ великіе перевороты и потрясенія и что замѣчаемые на немъ слои далеко не представляютъ твердой и установившейся системы. Такъ, на немъ замѣчаются подвижныя массы, можетъ быть, облака; здѣсь страшные вихри и ураганы завываютъ въ мрачныхъ безднахъ. Атмосфера здѣсь весьма плотная; можетъ быть, теперь на Юпитерѣ совершаются перевороты, аналогичные съ тѣми, которые претерпѣвала наша земля въ разные геологическіе періоды. Во всякомъ случаѣ спектроскопъ (см. „Нива" 1873, стр. 652) показываетъ намъ, что составъ атмосферы на Юпитерѣ совершенно отличенъ отъ атмосферы земной.

Годъ Юпитера, т. е. время, протекающее между двумя возвращеніями этой планеты на одну и ту-же точку относительно солнца, равняется почти 12 земнымъ годамъ (11 лѣтъ, 314 дней); собственное-же вращеніе Юпитера, то что мы называемъ днемъ, совершается менѣе чѣмъ въ 10 нашихъ часовъ. Такое быстрое вращеніе планеты обусловливаетъ весьма значительное сжатіе ея у полюсовъ.

Послѣ Юпитера, столь поражающаго насъ своею величиной, мы встрѣтимъ, на разстояніи болѣе чѣмъ 450 милл. миль отъ солнца, планету Сатурнъ, поражающую насъ странностью системы, центромъ которой она представляется. Объемъ Сатурна въ 750 разъ болѣе земли. Еще въ большей степени, чѣмъ на Юпитерѣ, на немъ совершаются первые перевороты. Масса тѣла находится еще въ состояніи сгущенныхъ паровъ. Затѣмъ, Сатурнъ представляетъ намъ еще ту особенность, что полосы его окрашены въ голубоватый цвѣтъ, напоминающій цвѣтъ нашихъ морей; но его экваторъ блеститъ ослѣпительною бѣлизною, подобно снѣговымъ вершинамъ нашихъ высокихъ горъ.

У Сатурна 8 спутниковъ. Но, кромѣ того, Сатурнъ окруженъ еще страннымъ кольцомъ, которое, по словамъ Секки, существуетъ какъ бы для того, чтобы свидѣтельствовать намъ о началѣ и происхожденіи всей солнечной системы *). Относительно своей длины кольцо представляется весьма тонкимъ. Въ дѣйствительности оно состоитъ изъ трехъ различныхъ и раздѣленныхъ колецъ. Самое наружное кольцо представляется нѣсколько темнымъ, слѣдующее за нимъ — самое блестящее, а третье совершенно туманное и прозрачное. Контуры тѣни планеты, которую она бросаетъ на кольцо, показываютъ, что поверхности колецъ искривлены. Наблюдая далѣе можно замѣтить большія различія въ напряженіи свѣта на кольцахъ, а это указываетъ на весьма замѣчательныя неправильности въ плотности и строеніи различныхъ частей колецъ.

Годъ Сатурна больше нашего почти въ 29½ разъ. Чрезъ каждыя 15 лѣтъ наша земля помѣщается относительно Сатурна такимъ образомъ, что намъ становится виднымъ только край кольца, представляющійся иногда весьма тонкою нитью, -не переходящею на планетѣ съ одного мѣста на другое.

Но вотъ что особенно представляется страннымъ: кольцо Сатурна, какъ и всѣ небесныя тѣла, оживлено собственнымъ движеніемъ. Суточное вращеніе кольца совершается въ 14 часовъ, а сама планета совершаетъ движеніе вокругъ своей оси въ 10 часовъ.

Всѣ восемь спутниковъ Сатурна вращаются внѣ его кольца. На Сатурнѣ дѣйствія свѣта и теплоты солнца равняются только 11 тысячнымъ сравнительно съ землею. Если Творецъ міра поселилъ на эту планету жителей, то строеніе ихъ тѣла должно строго отличаться отъ нашего, потому что максимумъ свѣта и тепла для этихъ жителей едва-едва можно сравнить съ тѣмъ, который требуется для нашихъ странъ крайняго сѣвера, гдѣ царитъ вѣчная ночь.

За Сатурномъ, за 750 милл. миль отъ солнца находится Уранъ, а за Ураномъ, приблизительно за 1 милліардъ 850 милл. миль находится Нептунъ. Объемъ Урана въ 81 разъ больше объема земли; объемъ же Нептуна, можетъ быть, въ 100 разъ больше земли. Эти двѣ планеты, по причинѣ ихъ громаднаго удаленія отъ насъ, представляютъ почти неодолимыя трудности для наблюденій и всѣ наши свѣдѣнія о нихъ основываются на предположеніяхъ весьма шаткихъ.

Еще съ большимъ основаніемъ, чѣмъ относительно двухъ предшествовавшихъ планетъ, возможно допустить, что Уранъ и Нептунъ находятся въ газообразномъ состояніи. Лучи этихъ двухъ свѣтилъ, анализированные посредствомъ спектроскопа, дали результаты, совершенно сбивающіе съ толку такъ называемое наблюденіе по аналогіи; именно: при спектральномъ анализѣ лучей Урана и Нептуна получились полосы, несуществующія въ солнечномъ спектрѣ и сходныя съ полосами, свойственными кометамъ. Можно, кажется, придти къ убѣжденію, что эти два свѣтила посылаютъ намъ свой собственный свѣтъ, потому что невозможно допустить, чтобы при такомъ громадномъ разстояніи отъ солнца, и обладая притомъ такою громадною всасывающею силою—что уже доказывается ихъ вѣроятнымъ построеніемъ и составомъ,—эти двѣ планеты могли-бы свѣтить такимъ живымъ и яркимъ блескомъ. Ясно, что источникъ ихъ свѣта заключается въ нихъ самихъ. Астрономы говорятъ относительно этихъ свѣтилъ, что они никогда не видали столь ясно опредѣленныхъ звѣздныхъ контуровъ, какъ именно въ этихъ тѣлахъ. Это свидѣтельство подтверждаетъ предположеніе о газообразномъ состояніи Урана и Нептуна.

Вращеніе Урана и Нептуна около ихъ осей не вычислено; однако извѣстно, что годъ перваго въ 84, а годъ второго въ 164 раза больше земнаго года.

Надо прибавить, что у Нептуна есть спутникъ, вращающійся вокругъ него въ періодъ времени меньшій шести дней. Что касается Урана, то хотя прежде и думали, что ему сопутствуютъ 6 или 8 вторичныхъ звѣздъ, на самомъ дѣлѣ у него только 4 спутника, существованіе которыхъ доказано; и эти 4 спутника представляютъ своимъ движеніемъ замѣчательную и единственную особенность во всей солнечной системѣ. Они вращаются не отъ запада къ востоку, какъ совершается общее движеніе планетъ и ихъ спутниковъ, а напротивъ, отъ востока къ западу, слѣдуя по орбитѣ, которая пересѣкаетъ орбиту центральной планеты почти подъ прямымъ угломъ. Это единственный примѣръ расположенія вращенія планетъ.

Таковы элементы небесныхъ тѣлъ, принадлежащихъ къ солнечной системѣ,—въ такомъ правильномъ постоянствѣ представляются они наблюденію.

Если мы останавливаемъ вниманіе на совокупности небесныхъ сферъ, то въ этой группѣ сферъ наша земля представляетъ одну изъ самыхъ скромныхъ единицъ, а человѣкъ представляется намъ еще ничтожнѣе, особенно если примемъ въ разсчетъ его скромное мѣсто на землѣ, ограниченность силъ, кратковременность жизни. Безпредѣльность міровъ подавляетъ насъ своимъ величіемъ и громадностью; самыя наши орудія для изслѣдованія одной солнечной системы этихъ міровъ представляются довольно ничтожными *). Но это не останавливаетъ человѣка на пути прекрасныхъ, возвышающихъ душу, изслѣдованій, каковы астрономическія.

Пер—ъ.

---

*) Почтенный астрономъ дѣлаетъ здѣсь намекъ на общепринятую теорію, по которой наша солнечная система произошла отъ конденсаціи (сгущенія) системы паровъ, простиравшейся нѣкогда за предѣлы самыхъ отдаленныхъ планетъ. Эта теорія, первыми глашатаями которой были Кантъ, Гершель и Лапласъ, была подтверждена опытами г. Плато. Этотъ послѣдній бралъ извѣстное количество масла и опускалъ его въ жидкость одной и той же плотности; жидкость эта состояла изъ смѣси воды и алкоголя. Тогда замѣчалось слѣдующее явленіе: маслянистая масса быстро принимала сферическую форму, причемъ происходила такъ называемая молекулярная аттракція (т. е. взаимное притяженіе частицъ). Какъ скоро этотъ маслянистый сфероидъ заставляли вращаться вокругъ своей вертикальной оси съ возрастающей быстротою, то сначала замѣчалось, что сфероидъ принималъ плоскую форму, затѣмъ наступалъ моментъ, когда отъ него отдѣлилось кольцо, подобное кольцу Сатурна. Плоновъ, если вращеніе дѣлать все болѣе и болѣе быстрымъ, кольцо разрывается, образуются новые маленькіе сфероиды, которые, вращаясь около себя самихъ, въ тоже время вращаются и около первоначальнаго сфероиднаго тѣла

*) Высчитывали, что даже съ телескопомъ Гершеля, этимъ гигантомъ-телескопомъ, невозможно зондировать небо до его послѣднихъ предѣловъ. Однажды явилось возможнымъ, съ помощью этого телескопа, насчитать болѣе 20 милліоновъ неподвижныхъ звѣздъ или солнцъ.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Рудольфъ I Габсбургскій выслушиваетъ мнѣніе доктора о приближеніи дня своей смерти.
Рис. Гротъ Іоанъ, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Миленка.

(Разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи).

(Продолженіе).

Проталкиваясь сквозь всю эту пеструю, разношерстную толпу, мы быстро подвигались впередъ, спускаясь подъ гору все ниже и ниже.

Матвѣй Захаровичъ зналъ куда идетъ и шагалъ увѣренно, пристально глядя передъ собою, энергично отстраняя руками все, неуспѣвшее посторониться и очистить ему дорогу, я шелъ за нимъ, не зная куда приведетъ насъ наше стремительное шествіе.

— Сюда! произнесъ Жучекъ и круто повернулъ на право.

Мы совсѣмъ спустились къ Дунаю; повернувъ вправо, мы почти выбрались изъ города и на насъ повѣяло сыростью низменнаго рѣчнаго берега. Гладкая какъ зеркало поверхность широкаго Дуная подернулась легкими парами, затуманившими противоположный берегъ; тамъ, на той сторонѣ виднѣлись только однообразные кубическіе домики самой казенной, казарменной архитектуры, австрійскіе кордоны, разставленные цѣпью въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Посрединѣ рѣки неподвижно стояли на якоряхъ двѣ или три темныя барки съ подъемными кранами, словно висѣлицы торчащими въ воздухѣ. Нѣсколько оригинальныхъ рыбачьихъ лодокъ съ высокими, закрученными носами-грифами, накренившись, стояли на берегу, вытащенныя на песокъ, усѣянный мелкими ракушками, покрытый мѣстами мокрыми прядями темно-зеленыхъ водорослей. На треногахъ и жердяхъ висѣли рыболовныя сѣти, тоже причудливо украшенныя такими же прядями водорослей; у одной изъ лодокъ мигалъ красноватый огонекъ, разложенный между двухъ большихъ камней; тамъ сидѣла молчаливая группа полуголыхъ рыбаковъ, занятыхъ варкою незатѣйливаго ужина. Мальчики-пастухи гнали отъ берега небольшое стадо воловъ съ водопоя: тяжелыя животныя лѣниво брели, грузно ступая по песку, фыркая и облизывая шершавымъ языкомъ свои мокрыя морды... Въ воздухѣ пахло сыростью, гнилью и рыбою.

— Сюда, сюда! говорилъ по временамъ Жучекъ, и все шелъ и шелъ, не обращая вниманія ни на лодки, ни на рыбаковъ, ни на пастуховъ съ ихъ стадомъ, не обращая вниманія, не замѣчая даже, какъ чудно красивъ былъ покойный и величественный Дунай, отразившій въ эту минуту въ своихъ водахъ яркое зарево вечерняго заката.

Впереди насъ зачернѣла крыша какого-то строенія, съ высокими, причудливо выведенными верхушками законченныхъ трубъ. Стѣнъ этого строенія не было видно: высокій каменный заборъ и свѣсившіяся черезъ него вѣтви деревьевъ совершенно скрывали ихъ съ этой стороны. Въ этой стѣнѣ я не видѣлъ никакого входа, ничего похожаго на калитку или ворота.

— Я нарочно отсюда, я нарочно,—говорилъ Жучекъ. Такъ лучше... не примутъ мѣръ, не поспѣютъ... Я подозрѣваю... я подозрѣваю...

Онъ остановился на мгновеніе, подойдя вплотную къ самой стѣнѣ, и тяжело перевелъ дыханіе; онъ даже рукою взялся за сердце, будто этимъ движеніемъ хотѣлъ утишить, унять его лихорадочное, усиленное біеніе.

Я самъ чувствовалъ себя далеко не въ нормальномъ состояніи духа и предчувствовалъ что-то недоброе. Я уже начиналъ догадываться въ чемъ дѣло, да это было и не трудно, зная уже предварительно исторію умершей женщины и ея дочери и отношеніе къ нимъ моего спутника.

Невольно, почти инстинктивно сунулъ я руку въ карманъ и ощупалъ револьверъ, мои пальцы скользнули по гладко-отполированной поверхности ствола, коснулись даже выступовъ патроновъ въ барабанѣ,—все было въ порядкѣ.

— Обойдите кругомъ, вотъ вдоль этой стѣнки,—тихо шепнулъ мнѣ Матвѣй Захарычъ, — тамъ есть перелазъ невысокій, за нимъ улица, увидите дверь на половину стеклянную и два олеандра въ кадкахъ, постучите и спросите Христину Зальманъ; не забудьте: Христина Зальманъ.

— Помню, — отвѣчалъ я и отправился по назначенію.

— Если не заперто, толкните и входите прямо... Мнѣ отсюда все будетъ слышно,—прошепталъ мнѣ вслѣдъ капитанъ.

Онъ схватился обѣими руками за вѣтви яблони, притянулся и въ одно мгновеніе очутился на гребнѣ стѣны, я замѣтилъ этотъ маневръ, прежде чѣмъ зашелъ за уголъ... Гдѣ-то, очень, впрочемъ, близко, хрипя и захлебываясь, залаяла собака; по лаю слышно было, что это животное на привязи. Я поспѣшилъ черезъ перелазъ, загороженный только одною сухою жердью.

Дверь со стеклянымъ верхомъ и два олеандра въ кадкахъ сразу бросились мнѣ въ глаза; не раздумывая долго я подошелъ и сильно толкнулъ эту дверь. Дверь была заперта снутри, но или очень ужь плохо, или толкнулъ я ее черезъ-чуръ энергично, только ветхія половинки распахнулись настежъ и одно изъ верхнихъ стеколъ вывалилось, задребезжавъ по камнямъ своими осколками...

— Что такое! Кто тамъ?! послышался мужской голосъ... Тамъ колокольчикъ есть, не видѣли что-ли... Это разбой—это...

Фраза эта произнесена была по нѣмецки. Передо мною, словно изъ-подъ земли выросла высокая сгорбленная фигура въ красной фескѣ, въ большихъ темныхъ очкахъ и длинномъ парусинномъ балахонѣ... черезъ дворъ стремительно промелькнула еще одна фигура, женская, мелькомъ взглянула на меня и тотчасъ же спряталась въ какую-то дверку.

— Христина Зальманъ дома? спросилъ я, помня наставленіе Жучка.

— Фрау-Зальманъ?... переспросилъ бѣлый балахонъ и оглянулся. Фрау-Зальманъ? гм... Онъ замялся и видимо не зналъ, что ему отвѣтить.

— Договорите-же, дома она или нѣтъ?! настойчиво повторилъ я свой вопросъ и подвинулся впередъ, желая пройти внутрь помѣщенія.

Бѣлый балахонъ загородилъ мнѣ дорогу, растопыривъ руки...

— Вамъ зачѣмъ фрау-Зальманъ?.. приходите завтра... сегодня нѣтъ, то-есть она дома, но не можетъ, ничего не можетъ—больна... Нѣтъ, нѣтъ! ея совсѣмъ нѣтъ дома—фрау Христина Зальманъ уѣхала изъ Бѣлграда въ Землинъ, совсѣмъ уѣхала...

— Ну, что ты старый чертъ врешь! раздался голосъ Жучка.. самъ видѣлъ, своими глазами видѣлъ, что дома... Ну, зови ее сейчасъ сюда.

Старикъ даже вскрикнулъ и присѣлъ отъ этой неожиданности... онъ совершенно растерялся и поспѣшно, словно удирая отъ насъ, заковылялъ черезъ дворикъ, къ той самой двери, за которою скрылась видѣнная мною женская фигура.

— Идемъ за нимъ,—быстро проговорилъ Матвѣй Захаровичъ... Мѣшкать нечего, разъ уже одурачили — спрятали, еще разъ хотятъ... Нѣтъ, врешь!

Старикъ захлопнулъ было дверь и завозился снутри засовомъ. Сильный толчекъ капитанской ноги помѣшалъ ему въ этомъ.

Библиотека "Руниверс"

Было уже темно и душно въ этомъ низкомъ помѣщеніи, гдѣ мы очутились. Мы натыкались поминутно то на углы какой-то мебели, на что-то мягкое, — я даже ощупалъ рукою сырые обручи винной бочки...

— Пустите, что вы меня душите! зачѣмъ за воротникъ брать... не надо... это не хорошо, я честный купецъ... я не кто-нибудь... я не позволю, — буду жаловаться... бормоталъ и барахтался „честный купецъ", попавшій въ могучія руки моего товарища...

— Гдѣ Христина Зальманъ? настойчиво спрашивалъ Матвѣй Захарычъ. Говори-же!

Онъ вытащилъ старика снова на дворикъ, гдѣ все-таки было не такъ темно, какъ въ этомъ подвалѣ, и еще разъ повторилъ свой вопросъ.

Или онъ уже очень сильно взялся за свою жертву, или жертва эта окончательно растерялась, только старикъ ничего не отвѣчалъ. Синіе очки свалились у него съ носу, и онъ глядѣлъ на насъ своими оловянными. безсмысленными глазами.

А время уходило.

— Постерегите его здѣсь, а я пойду розыщу эту вѣдьму—ужь я ее розыщу!..

Матвѣй Захарычъ толкнулъ ко мнѣ „честнаго купца" и ринулся внутрь домика... Черезъ мгновеніе я уже слышалъ тамъ энергичную возню, громкое хлопанье дверьми... въ одномъ изъ оконъ мелькнулъ даже огонекъ и на красноватомъ фонѣ освѣщенныхъ изнутри стеколъ обозначилась черная рѣшетка мелкаго оконнаго переплета.

— А, ты вотъ гдѣ! попалась! донесся громкій возгласъ Жучка... чего-же ты прячешься отъ меня!..

Тутъ Матвѣй Захарычъ вклеилъ такое крупное слово, что у меня даже въ ушахъ зазвенѣло.—Попалась старая грѣшница... ну, иди, что упираешься.

— Ай, помогите, помогите! разбойники! раздался пронзительный женскій голосъ и разомъ оборвался. Должно быть ладонь Жучка прикрыла ей ротъ и прекратила этимъ отчаянныя вопли фрау-Зальманъ.

Секунды черезъ двѣ, капитанъ вышелъ на дворикъ и почти на рукахъ вынесъ сильно барахтавшуюся женщину. Старикъ, котораго мнѣ поручено было стеречь, воспользовавшись, вѣроятно, тѣмъ, что вниманіе мое было отвлечено эпизодомъ, происходившимъ внутри домика,—скрылся.

— Гдѣ Мила? приступилъ къ допросу Матвѣй Захарычъ, не выпуская изъ рукъ фрау-Зальманъ, вытащивъ ее на средину дворика, куда достигалъ падавшій изъ окна лучъ свѣта.

— Я говорила гдѣ... она тамъ... у Бога... Богъ взялъ ея мать, а за нею и дочку... я говорила.

— Врешь!..

Христина молчала.

— Говори, когда умерла дѣвочка?

— Давно... недѣлю... нѣтъ, раньше... дней десять...

— Врешь! Ее вчера видѣли... слышишь—вчера. Мертвые изъ гробовъ не встаютъ. Вчера видѣли... говори мнѣ всю правду—а то...

Матвѣй Захарычъ вынулъ изъ кармана револьверъ и приставилъ его къ виску женщины. Та задрожала всѣмъ тѣломъ и присѣла на землю.

— Ну!..

— Умерла... чуть слышно прошептала Христина... Умерла и похоронили...

У меня зашевелилось сомнѣніе въ нашихъ догадкахъ... Чтожь, вѣдь очень можетъ быть, что и дѣйствительно умерла... случайное совпаденіе имени, — сходство... Да онѣ всѣ здѣсь черноглазыя, смуглыя, съ длинными волосами... Такія примѣты годятся чуть не для всякаго здѣшняго ребенка.

Я далъ это замѣтить Матвѣю Захаровичу.

— Сердце мнѣ говоритъ, что Мила моя жива, и эта вѣдьма, эта гадина вретъ—энергично отразилъ мнѣ капитанъ на мое замѣчаніе... Еще разъ повторяю тебѣ, говори правду!

Онъ щелкнулъ куркомъ револьвера.

Христина Зальманъ опустилась еще ниже... она совсѣмъ согнулась, почти вплотную прильнула къ мостовой. Шейный платокъ сбился на бокъ... Старческія сухія лопатки съежились, образовавъ два острыхъ горба... Она молчала...

Я уже ждалъ выстрѣла и бросился, чтобы оттолкнуть вооруженную руку...

Вдругъ Матвѣй Захарычъ вздрогнулъ, выпрямился во весь ростъ и выронилъ револьверъ.

— Что это?..

Мнѣ послышалось какъ будто гдѣ-то высоко чей-то дѣтскій голосъ крикнулъ: Батько!

— Мила... Мила, гдѣ ты?..

— Батько! послышалось теперь уже ясно и отчетливо...

Я взглянулъ по направленію голоса. Въ небольшомъ слуховомъ окнѣ, отстоявшемъ аршина на два отъ карниза крыши закопошилось какое-то живое существо...

— Милочка моя! бросился Матвѣй Захарычъ къ дому, вскочилъ на скамью, стоявшую у самой стѣны, и протянулъ кверху руки... Я бросился искать лѣстницы.

Тѣмъ временемъ маленькое существо вскарабкалось изъ окошка и осторожно поползло къ карнизу, цѣпляясь рученками за выступы черепицы... Къ счастью, крыша была невысока; дѣвочка смѣло бросилась внизъ и протянутыя руки Матвѣя Захаровича поймали ее на лету.

На улицѣ послышались голоса и приближающаяся топотня многочисленныхъ ногъ; по вѣтвямъ колючей акаціи замелькалъ отблескъ фонаря. Старикъ въ бѣломъ балахонѣ успѣлъ собрать цѣлую араву и во главѣ этого сборища появился въ воротахъ.

Я понялъ, что теперь и неудобно и не время было разбирать кто правъ, кто виноватъ; я видѣлъ, что дѣло безъ схватки не обойдется. Насъ было двое—тамъ... я видѣлъ что во дворикъ вошло человѣкъ около шести—на улицѣ же еще толпилось довольно таки народу... Фрау-Христина, какъ разсвирѣпѣвшая кошка, ринулась на Жучка—тотъ отшвырнулъ ее сильнымъ ударомъ ноги...

— Очистить дорогу!.. Мы не воры... мы русскіе офицеры... закричалъ я по сербски.

— Хватай ихъ... вяжи... въ полицію! хрипѣлъ, захлебываясь, бѣлый балахонъ.

Раздался выстрѣлъ.

Матвѣй Захарычъ пустилъ пулю надъ головами наступавшихъ.

— Ого!.. послышалось въ толпѣ испуганное восклицаніе... Вся арава, стремительно толкая другъ друга, ринулась къ выходу.

— Хватай ихъ... куда вы?!. горячился старикъ.

— Хватай самъ... кому охота изъ-за чужого дѣла подставлять свою голову! послышалось уже съ улицы.

Матвѣй Захарычъ съ Миленкою на рукахъ направился тоже къ калиткѣ; я за нимъ. Сзади насъ въ воздухѣ просвистѣлъ камень и съ глухимъ стукомъ ударился о каменную стѣну. Еще пронесся одинъ камень и звякнулъ чуть не у самой моей ноги...

Люди, собранные старикомъ, разбѣжались и попрятались... Только одинъ остался на мѣстѣ, снялъ свою феску и, вѣжливо раскланявшись, приблизился къ намъ съ вопросомъ:

— Молимъ, господине!.. разскажите въ чемъ дѣло.. что такое случилось.

Матвѣй Захарычъ охотно исполнилъ его желаніе. Всѣ трое, не считая дѣвочки, мы снова выбрались на берегъ Дуная, и пошли обратно тою же дорогою.

(Окончаніе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Отъ Бухареста до Рущука.

Иллюстрированная корреспонденція „Нивы“ Н. Каразина.

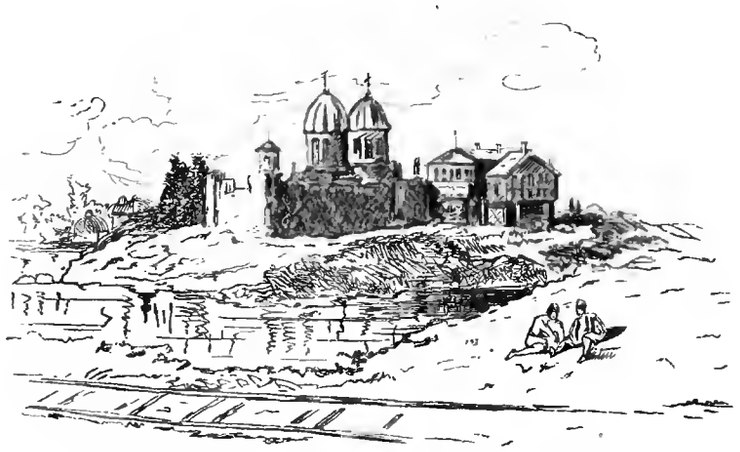
Столица соединенныхъ княжествъ, Бухарестъ, связана съ Дунаемъ, этою главною водною дорогою, двумя рельсовыми путями: одинъ идетъ на Галацъ и Браиловъ, на юго-западъ, другой—на югъ, на Журжу. Послѣдняя вѣтвь всего около

Упряжка валашская въ грязное время.

восьмидесяти верстъ длиною, и поѣзды желѣзной дороги пробѣгаютъ это пространство съ небольшимъ въ три часа времени. Мѣстность, по которой проложено полотно дороги, необыкновенно живописна и дышетъ довольствомъ, даже богатствомъ своей плодородной почвы, а съ этимъ и довольствомъ ея счастливыхъ обитателей... Прекрасный климатъ Румыніи, стороны, защищенной съ сѣвера высокими грядами Карпатскихъ горъ, большею частью обезпечиваетъ земледѣльцу успѣхъ его тяжелаго труда: случаи неурожаевъ рѣдки... Въ то самое время, когда у насъ въ Петербургѣ свирѣпствовали морозы, сильные вѣтры, нагоняющіе мятели и другіе чисто зимнія невзгоды, здѣсь путешественникъ, выглядывая въ окно вагона, видитъ совершенно свободныя отъ снѣга, тучныя, черноземныя пашни, молодую зеленую травку, покрывающую солнечные скаты холмовъ, скотъ, выгнанный уже на новыя пастбища—и тяжелые, парные плуги, проводящіе первые весеннія борозды.

Дороги еще не просохли, рано—вѣдь только февраль мѣсяцъ—но ужь по нимъ катятся колеса, а не санныя полозья; громадныя, тяжелыя, съ высокими колесами рабочія телѣги, запряженныя и лошадьми и волами вмѣстѣ,—послѣдніе въ дышло, а первыя впереди, на выносахъ,—съ трудомъ тащутся по этимъ вязкимъ дорогамъ, вьющимся черными, лоснящимися лентами между пажитей и селеній, буквально тонущихъ въ густыхъ группахъ фруктовыхъ деревьевъ.

Одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстечекъ на этомъ пути, безспорно—монастырь Комака, у котораго расположена желѣзно-дорожная станція того же имени. Здѣсь Дымбовица, рѣка, текущая все время отъ самаго Бухареста и до Журжи параллельно полотна дороги, дѣлаетъ небольшой изгибъ, образуя возвышенное мѣсто, на которомъ и стоятъ оригинальныя, старыя, немного даже пришедшія въ безпорядокъ, монастырскія стѣны. На одинъ изъ фасовъ, на восточный, выходитъ своимъ красивымъ фасадомъ монастырскій дворъ съ балконами и выступнымъ крыльцомъ, изъ-за стѣнъ, изъ-за этихъ поросшихъ мохомъ гребней, поднимаются двѣ золоченыя главы собора и оригинальная вышка (прежняя сторожевая башня) колокольни.



Монастырь Комака. (Станція жел. дор. н. Журжу).

Здѣсь поѣзды, идущіе изъ Бухареста въ Журжу и наоборотъ, встрѣчаются и переждаютъ другъ друга,—остановка полагается около четверти часа. Этимъ временемъ пользуются массы дѣтей, прехорошенькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, веселыми группами они толпятся около станціи и предлагаютъ путешественникамъ собранные ими въ полѣ, первые перлы наступающей весны—маленькія пучечки голубыхъ и бѣлыхъ подснѣжниковъ... За одно „бани“—треть нашей копѣйки,—вы можете купить цѣлый букетъ, а если вы бросите имъ изъ окна болѣе крупную серебряную монету, то взамѣнъ ея въ ваше окно полетитъ цѣлый градъ букетовъ и все это дѣлается не назойливо, безъ попрошайства, весело, съ акомпаниментомъ звонкаго, дѣтскаго смѣха, остроумныхъ шутокъ и громкаго свистка локомотива, увозящаго, наконецъ, васъ отъ этого юнаго общества.

Отсюда уже вѣетъ близостью Дуная... Впереди—на горизонтѣ воздухъ какъ-то гуще, принимаетъ лиловатый оттѣнокъ—признакъ водяныхъ паровъ, еще полчаса, и вы увидите вдали синюю ленту самой рѣки и ея низменныя, густо-заросшіе низины лѣваго берега, а за ними вздымающіеся, желтовато-сѣрыя кручи праваго. Тамъ, по той сторонѣ, уже нѣтъ довольства, нѣтъ покоя, нѣтъ мира — тамъ, наоборотъ, царитъ насиліе, безправность и послѣдствія всего этого—нищета и раззореніе—тамъ Турція!

Дѣвочка валашка, продающая цвѣты на станціи.

Погода была не совсѣмъ-то благопріятная для переправы черезъ Дунай... Порывистый сѣверо-восточный вѣтеръ, дуя почти противъ могучаго теченія великой славянской рѣки, развелъ сильную волну, безпокойную, дробную такую, настоящую толчею... Бѣлые, пѣнистые гребешки-зайчики пестрили мутную взбудораженную поверхность; у береговыхъ обрывовъ и по окраинамъ низменныхъ песчаныхъ островковъ, поросшихъ кустарникомъ, образовался сильный прибой... Не то мелкимъ дождемъ, не то туманомъ заволокло противоположный турецкій берегъ, и Рущукъ съ своими мрачными крѣпостными фронтами, безпорядочными массами пестрыхъ кровель и тонкими минаретами чуть-чуть виднѣлся, по временамъ и вовсе скрываясь за этою тяжелою, дымчатою пеленою. Единственный турецкій пароходъ, совершающій ежедневные рейсы между Рущукомъ и Журжею, сегодня не вышелъ на работу, вѣроятно убоялся непогоды, а ждать мнѣ было нѣкогда. Я очень хотѣлъ сегодня еще, если успѣю, засвѣтло перебраться на ту сторону, и это отсутствіе парохода меня начинало уже безпокоить. Два раза выходилъ я на пристань, ноги мои выше щиколотки вязли въ жидкой грязи глинистой дороги; пусто, безлюдно было на берегу... Сторожевые доробанцы и таможенные попрятались въ свои будки, товарные сторожа залѣзли подъ тюки, вытащенные на платформы, подъ различные, импровизированные наскоро шалаши и покрышки... Даже на судахъ, стоящихъ вдоль берега на причалахъ, не было замѣтно ни ма-

Библиотека "Руниверс"

лѣйшаго движенія, все и вся сидѣло по каютамъ или, закутавшись въ плащи, лежало подъ свертками запасныхъ парусовъ... Намокшіе, отяжелѣвшіе флаги уныло висѣли вдоль мачтъ; черные вороны, нахохлившись, сидѣли на концахъ рей... Все представляло печальную, безнадежную картину, и ничего не было такого, чтобы давало хотя слабую надежду на скорую перемѣну къ лучшему, на скорую возможность попасть мнѣ на тотъ берегъ... Вспомнилась тутъ мнѣ Волга наша и другія великія и малыя русскія рѣки, вспомнились мнѣ невольно и смѣлые, отважные обитатели береговъ этихъ рѣкъ—тѣхъ не запугаетъ, не удержитъ никакое ненастье, со всякою толчеею съумѣютъ справиться... Заплати только—куда хочешь доставятъ, а то такъ и не изъ-за денегъ, а просто, ради одного только молодечества, ради

Турокъ матросъ на транспортныхъ судахъ.

— Вотъ купца везутъ изъ Рущука, — ткнулъ пальцемъ по направленію приближающейся лодки сопровождавшій меня болгаринъ... Эти, можетъ быть, договорятся и перевезутъ васъ, а то до завтра и думать нечего...

Я просилъ его договориться съ турками-лодочниками, а самъ поспѣшилъ въ гостиницу, разсчитаться заблаговременно и собраться въ дорогу, т. е. захватить свой дорожный мѣшокъ, такъ какъ я ѣхалъ въ Рущукъ не на одинъ день, а разсчитывалъ тамъ провести около недѣли.

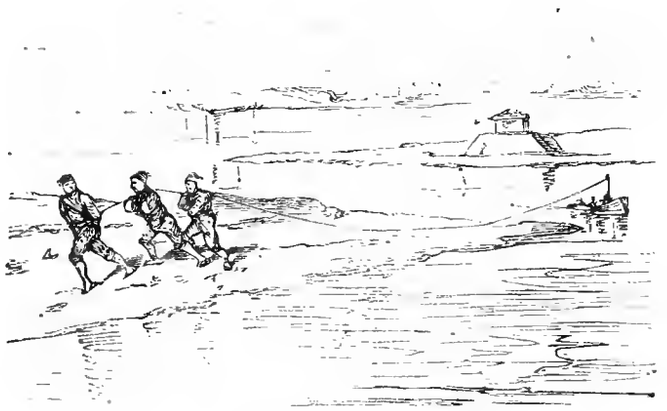
Часа черезъ два вернулся мой болгаринъ и сообщилъ мнѣ, что турки-лодочники согласны перевезти меня за двѣ золотыя лиры и то если я заплачу не капме (бумагами), а золотомъ... Двѣ лиры—это почти пятнадцать рублей, цѣна слишкомъ высокая за переправу, однако конкуррентовъ не было, а потому и торговаться было совершенно безполезно... Я далъ половину въ задатокъ—и скоро сидѣлъ уже въ лодкѣ, помѣстившись на средней скамьѣ, плотно завернувшись въ свой непромокаемый плащъ съ капюшономъ. Мы тронулись въ путь.

Для того, чтобы теченіемъ не отнесло лодки слишкомъ уже далеко отъ пункта высадки, надо предварительно долго подниматься тягою бичевою вдоль этого берега... Трое босоногихъ турокъ, въ красныхъ фескахъ, синихъ курткахъ и широкихъ поясахъ, намотанныхъ вокругъ таліи и живота, взялись за лямки и потащили лодку, тяжело ступая по отсырѣвшему песку вдоль самаго прибоя... Пѣнистыя волны, набѣгая, не разъ обдавали ихъ свои-

Типы турецкихъ вспомогательныхъ войскъ. Египетскій солдатъ Ефіопъ и солдатъ сирійскихъ баталіоновъ.

удали... Здѣсь не то, здѣшніе побережане не любятъ рисковать головою, ужь коли пароходъ боится и не вышелъ, такъ ужь куда же тутъ съ лодкою соваться... Однако съ того берега кто-то рискнулъ, сунулся... Вотъ надъ гребнемъ волны мелькнуло что-то въ родѣ кормы каика (лодки), вотъ мелькнули и красныя фески гребцовъ... Ясно уже виденъ каикъ, съ трудомъ выгребающій наискось теченію... теперь онъ огибаетъ отмель и скоро долженъ быть здѣсь, за этою отмелью... Тутъ вода много покойнѣе.

ми брызгами; лямочники затянули какую-то безконечную, монотонную мелодію и, полусогнувшись, нога въ ногу шагали въ тактъ своего напѣва. Съ версту если не болѣе тянулись мы такимъ образомъ, потомъ тащившіе въ бродъ перебрались на лодку, убрали маленькую мачту и лямочныя веревки и мы пошли, быстро подхваченные теченіемъ. Часа три по крайней мѣрѣ тянулась переправа, отъ измученныхъ гребцовъ валилъ паръ... Насквозь пронизывала рѣчная сырость, даже плащъ гуттаперчевый не помогъ, и наконецъ таки промокшій,



Тяга бичевою.

Дервишъ.

Библиотека "Руниверс"

озябшій я ступилъ на турецкій берегъ, гдѣ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ солдатъ-турокъ, съ требованіемъ паспорта и всякихъ узаконяющихъ мой переѣздъ документовъ. Здѣсь въ Рущукѣ очень строго слѣдятъ за переправою и переправляющимися: осторожность весьма не лишняя въ это смутное, тревожное время политическихъ *интриганствованій и недоразумѣній*.

Болгарскій священникъ.

Документы мои были въ порядкѣ, все предусмотрѣно заранѣе, а все таки меня окружилъ цѣлый конвой изъ пѣхотинцевъ сирійскихъ батальоновъ, какихъ-то безбородыхъ, белусыхъ мумій въ свѣтло-сѣрыхъ шинеляхъ съ капюшонами, тощихъ тѣломъ, унылыхъ духомъ, апатично исполнявшихъ свою скучную караульную обязанность. Тутъ же неподалеку виднѣлся и другой караулъ изъ черныхъ, вспомогательныхъ войскъ египетскаго хедива... Непривыкшіе къ суровому климату нубійцы, кутались въ оборванные плащи и глухо ворчали, должно быть ругались, провожая иностранца своими желто-сѣрыми бѣлками глазъ... Стража эта производила пренепріятное впечатлѣніе. Слава Богу, что проводивъ меня за черту крѣпостного помѣщенія, собственно казенной мѣстности, они отстали, оставивъ меня на попеченіе только одного заптія (жандарма), одѣтаго въ полуевропейскую форму.

Заптій привелъ меня въ какую-то мечеть, обращенную въ казарму и полицейскій постъ. Здѣсь меня подвергли легкому допросу, еще разъ осмотрѣли документы и заклеймили ихъ печатями. затѣмъ я уже былъ совершенно свободенъ, т. е. свободенъ отъ конвоя и присмотра видимаго, невидимый же, тайный присмотръ продолжается обыкновенно во все время пребыванія въ Рущукѣ, а особенно такого подозрительнаго иностранца, какъ русскій. Изъ мечети я уже вышелъ одинъ, разспросилъ, гдѣ помѣщается наше консульство; оказалось довольно далеко, я, не теряя времени, отправился по данному указанію.

Узкія, грязныя, дурно мощеныя улицы Рущука пестрѣли народомъ; на базарной площади, между длинными рядами и лавокъ съ съѣстнымъ товаромъ, толпились солдаты, наскоро удовлетворявшіе свой аппетитъ; въ одномъ мѣстѣ толпа окружила странствующихъ дервишей, пророковъ будущаго, вдохновенно повѣствующихъ всякій вздоръ, собирающихъ въ свои тыквенки мѣдную мелочь... Болгары, которыхъ здѣсь въ Рущукѣ столько-же, сколько и турокъ, если не болѣе, держались больше группами, мирно разговаривая съ турецкими солдатами, обступившими входы ихъ лавокъ; болгарскій попъ, весь въ черномъ, пробирался вдоль стѣны, выбирая дорогу посуше... Черезъ улицу тянулись вереницею вьючныя лошади турецкихъ военныхъ транспортовъ—ихъ вели на водопой, къ колодцамъ, расположеннымъ подъ кручею берега. Скрипя и подпрыгивая на толчкахъ, шагомъ тащились парныя коляски съ дамами, лица которыхъ до самыхъ глазъ закрыты были снизу полупрозрачными вуалями—это мусульманки, вѣроятно имъ очень за-

Вьючныя лошади у водопоя.

Кавасъ Русскаго Генеральнаго Консула въ Рущукѣ.

Болгарка.

Турецкія дамы въ выѣздныхъ костюмахъ.

Турокъ-водовозъ и его оселъ.

Библиотека "Руниверс"

видно смотрѣть на веселыя, полныя такія, румяныя лица болгарокъ, которымъ можно вволю кокетничать и блистать своею миловидною наружностью. Обдавая лужею грязью все встрѣчное, не обращая вниманія на неудобства отвратительной дороги, пронеслась болѣе щегольская на видъ коляска, съ двумя пассажирами въ европейскихъ костюмахъ, на козлахъ этой коляски, рядомъ съ туркомъ кучеромъ, въ пестрой чалмѣ, молодцовато скрестивъ на груди руки, сидѣлъ красивый албанецъ въ своемъ живописномъ костюмѣ, бѣлой фустанеллѣ, красной фескѣ съ длинною золотою кистью, въ каланѣ, блиставшемъ цѣлымъ арсеналомъ оправленнаго въ серебро оружія, и въ красныхъ шитыхъ галуномъ гачахъ—это одинъ изъ кавасовъ русскаго консульства; впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось пользоваться услугами этого кавоса, сопровождавшаго меня во всѣхъ экскурсіяхъ моихъ по городу и его окрестностямъ.

Было уже поздно и начинало замѣтно темнѣть, на вершинахъ минаретовъ, на ихъ балкончикахъ, показались чалмоносныя фигуры, послышались протяжныя завыванія, молитвенные призывы—и унылыми нотами неслись въ воздухѣ; ослы водовозовъ, навьюченные бочонками, вторили этимъ звукамъ откуда-то снизу, изъ темныхъ кривыхъ переулковъ. Въ окнахъ турецкихъ домовъ засвѣтились огни, рѣзкими черными силуэтами обрисовались на красныхъ четвероугольникахъ ихъ желѣзныя рѣшетки... Въ разорванныхъ тучахъ заискрились яркія звѣзды. Къ ночи стало морозить, и не безъ удовольствія, окончивъ представленія и разныя оффиціальности, я пріютился, наконецъ, на отдыхъ, въ уютной комнатѣ зданія нашего консульства.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Первый императоръ изъ дома Габсбурговъ.

Паденіе Гогенштауфеновъ въ половинѣ XIII вѣка совершенно измѣнило жизнь Германіи. Императорская власть являлась чѣмъ-то призрачнымъ, а самъ Императоръ былъ игрушкою въ рукахъ германскихъ князей, сплотившихся въ могущественный союзъ, что, однако, не мѣшало имъ постоянно ссориться между собою. Порабощенный народъ вышелъ изъ терпѣнія и поднялся, образовалъ союзы и создалъ вольные города *безъ князей*, вступилъ въ борьбу съ рыцарями-разбойниками и, наконецъ, увидѣлъ, что разрозненность ни къ чему не ведетъ. Явилась потребность поставить сильнаго, могущественнаго императора, который могъ-бы порѣшить съ произволомъ князей и подтянуть какъ слѣдуетъ слишкомъ разгулявшееся, разнузданное дворянство. Послѣ смерти (1272 г.) Ричарда Корнуэльскаго, который былъ императоромъ *номинально*, народъ выразилъ желаніе имѣть на Германскомъ тронѣ природнаго нѣмца. Избранъ былъ графъ Рудольфъ Габсбургскій, успѣвшій уже прославиться многими рыцарскими подвигами. Онъ, будучи уже 55 лѣтъ, явился спасителемъ расшатавшагося государственнаго зданія.

Онъ не стремился возстановить древнюю имперію, утвердить господство свое въ Римѣ, но заботился о развитіи могущества нѣмецкаго государства, о спокойствіи, порядкѣ и благосостояніи внутри его. Государь этотъ вообще отличался здравымъ умомъ, умѣренностью, любовью къ своему народу, простотою и веселостью нрава и завиднымъ чистосердечіемъ. Часто говаривалъ онъ: „лучше быть хорошимъ правителемъ, чѣмъ храбрымъ завоевателемъ". Рудольфъ не подражалъ Гогенштауфенамъ, которые любили окружать себя рыцарскимъ блескомъ, и ввелъ при дворѣ своемъ бюргерскую простоту, что было признакомъ новаго времени.

Чрезъ восемнадцать лѣтъ послѣ своего коронованія (въ Ахенѣ, 28 октября 1273 г.) Рудольфъ, удручаемый уже недугами старости, отправился лѣтомъ въ 1291 г. съ молодою супругой своей изъ Тюрингена на Рейнъ. (По смерти первой своей жены Анны (1284 г.) императоръ женился на прелестной Изабеллѣ Бургундской, которую называли потомъ императрицей Агнесой, Изабелла сопровождала всюду своего быстро-старившагося мужа и ухаживала за нимъ чрезвычайно заботливо, съ любовью.) Находясь съ нею въ Гермерсгеймѣ (въ Пфальцѣ), однажды, въ ясный іюльскій день, императоръ почувствовалъ, что силы его ослабѣваютъ. Призванный врачъ не рѣшился прямо высказать свое мнѣніе о положеніи старика. Спустя нѣкоторое время, Рудольфъ, играя въ шахматы съ женой, снова почувствовалъ, какъ силы его оставляютъ, и велѣлъ позвать доктора. Когда докторъ явился—императоръ попросилъ его быть откровеннымъ, высказаться напрямикъ. Ученый эскулапъ сказалъ престарѣлому императору, что конецъ его близокъ... Неиспугавшись нисколько, не потерявъ присутствія духа. Рудольфъ воскликнулъ: „Ну, такъ ѣдемъ въ Шпейеръ, гдѣ покоятся предки мои! Чтобъ никому не пришлось везти меня къ нимъ—самъ я поѣду туда". Сопровождаемый супругою своею, невѣсткою и зятемъ, преданнымъ ему Людвигомъ Баварскимъ, онъ отправился въ Шпейеръ, куда и прибылъ 14 іюля 1291 г., а 15-го на другой день умеръ, сохранивъ до послѣдней минуты сознаніе и способность владѣть языкомъ. 30-го сентября императоръ былъ похороненъ въ соборѣ, рядомъ съ могилою Филиппа Гогенштауфена. Плита, подъ которой скрыты останки одного изъ лучшихъ германскихъ императоровъ, сохранилась до нашихъ дней.

Политическое обозрѣніе.

Въ концѣ прошлой недѣли самъ европейскій дипломатическій міръ былъ пораженъ тою рѣзкостью и настойчивостью, съ которою Англія требовала демобилизаціи русскихъ войскъ, расположенныхъ на турецкой границѣ. Но потомъ, конечно, въ виду твердости Россіи, рьяные англійскіе министры какъ-то смирились, и это свое смиреніе прикрываютъ весьма властичною фразой, что Россія сдѣлала новыя предложенія, по поводу протокола, и на новыхъ основаніяхъ и т. д.

Становится уже до крайности тяжелою, тяжелою какъ кошмаръ, мысль о продолжающемся европейскомъ довѣріи къ Турціи. Какъ такъ!.. Безнадежный моральный банкротъ, множество разъ не сдержавшій слова, нагло ругающійся надъ общимъ довѣріемъ,—продолжаетъ пользоваться прежнимъ кредитомъ. Можно быть увѣреннымъ, что другому государству, а не Турціи, при подобномъ поведеніи, европейскій ареопагъ не сталъ-бы «словъ тратить по пустому, гдѣ нужно власть употребить». Но Турція—это какой-то пользующійся любовью Европы недоносокъ, уродствомъ котораго какъ будто любуются. Посмотримъ, молъ, что выйдетъ... не поправится ли? не выработается ли изъ этой уродливой формы что либо оригинальное. Этотъ процессъ переработки урода въ новую, оригинальную форму стоитъ, правда, цѣлыхъ тысячъ жизней нашихъ братьевъ, плачевнаго раззоренія, крови, непрерывно обогряющей Балканскій полуостровъ... Но что значатъ эти пустяки въ сравненіи съ нѣжными ожиданіями: что-то выйдетъ изъ возрождающейся Турціи?

Открывшіяся недавно засѣданія турецкаго парламента представляютъ собою столько оригинальнаго. Нашлись остряки, которые назвали турецкій парламентъ «вавилонскимъ столпотвореніемъ» и смѣшеніемъ языковъ. Какихъ рѣчей не слышится на этомъ пестромъ восточномъ базарѣ! Толкутся здѣсь и шумятъ и евреи, и армяне, и греки, и марониты, и друзы. Это настоящій спектакль въ восточномъ вкусѣ, и Европа теперь убѣдится, что турецкій парламентъ удовлетворитъ требованіямъ парадности и фантастичности восточнаго спектакля, но—и только,—неболѣе!...

Между тѣмъ, какъ турецкая говорильня шумитъ и кричитъ на множествѣ языковъ и нарѣчій о конституціонныхъ вопросахъ, турецкія вооруженныя банды продолжаютъ практиковать рѣзню въ западной части Балканскаго полуострова. Такъ, недавно, отрядъ турокъ, числомъ приблизительно въ 1000 человѣкъ, напалъ на село Аціево и сталъ *рѣзать* его жителей, но былъ, однако, отброшенъ инсургентами, при чемъ турки понесли значительныя потери. По послѣднимъ извѣстіямъ, возстаніе въ Босніи неизбѣжно должно принять большіе и большіе размѣры, въ виду варварства турокъ.

Затѣмъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ окрестностяхъ Вашки турки нарушили неприкосновенность сербскихъ границъ. Башибузуки, предаваясь грабежу, убили на сербской территоріи 14 поселянъ. Недавно деревня Зиновія была обстрѣливаема со стороны Дрины....

Въ Сербіи обнаруживается недовольствіе по поводу укрывающихся на сербской территоріи бѣглецовъ изъ Босніи, которыхъ населеніе встрѣчаетъ враждебно. Очевидно, что «умиротворенная» Сербія не можетъ остаться изолированною отъ вновь угрожающей разразиться вокругъ нея еще болѣе грозной бури возстанія.

Черногорскій князь Николай уже обѣщалъ одной боснійской депутаціи принять на себя руководство возстаніемъ въ Босніи, если только мирные переговоры съ Портою окажутся безуспѣшными. По послѣднимъ извѣстіямъ, черногорскіе делегаты еще не получили приказанія выѣхать изъ Константинополя, но, въ то же время, имъ не дано и уполномочія на уменьшеніе предъявленныхъ Портѣ со стороны Черногоріи условій.

Что касается послѣднихъ извѣстій относительно судьбы лондонскаго протокола, то они не принесли намъ ничего особеннаго, кромѣ общей фразы, что «между великими державами продолжаются переговоры о восточной политикѣ и относительно протокола». Самый текстъ протокола еще не вполнѣ установленъ, и главный вопросъ, обсуждаемый нынѣ, состоитъ въ томъ, на *какихъ условіяхъ* долженъ быть подписанъ протоколъ. Уже послѣ 16 (28) марта члены англійскаго кабинета собирались для обсужденія упомянутыхъ нами выше *новыхъ* предложеній Россіи, касающихся протокола. Англійскія газеты выражаютъ убѣжденіе, что Россія, очевидно, желаетъ *удовлетворить* желаніямъ Ан-

Библиотека "Руниверс"

гліи (?!). Это ужь очевидное хвастовство той категоріи англійской прессы, къ которой принадлежитъ, напримѣръ, «Daily Telegraph». Странно, почему это вдругъ Англія дѣлается, ни съ того, ни съ сего, рѣшительницею судьбы восточныхъ христіанъ?

Теперь послѣдуетъ, однакожь, нѣкоторый перерывъ въ парламентскихъ обсужденіяхъ, потому что, вѣроятно, по случаю праздниковъ, Палата Общинъ отсрочила свои засѣданія до 5 апрѣля, а Палата Лордовъ до 13 апрѣля. Что сдѣлаютъ британскіе парламентеры во время пасхальныхъ вакацій по обсужденію восточнаго вопроса—трудно предсказать заранѣе. Впрочемъ, англійскій канцлеръ казначейства, сэръ Стратфордъ Норскотъ, сдѣлалъ въ Палатѣ Общинъ оффиціальное заявленіе, что послѣ Пасхи онъ «надѣется представить Палатѣ удовлетворительное сообщеніе по восточному вопросу» Итакъ подождемъ—что рѣшатъ британскіе мудрецы послѣ пасхальныхъ вакацій.

Настоящій центръ тяжести въ этихъ несогласныхъ между собою извѣстіяхъ найти пока довольно трудно. Ясно только одно: Россія, своею твердостью при обсужденіи редакціи протокола, достигла несомнѣннаго успѣха. Еслибы это было не такъ, Англіи не было бы ни причины, ни повода возобновлять сужденій о протоколѣ на новыхъ основаніяхъ.

— Черногорскій военный министръ, воевода Пламенацъ, на дняхъ поспѣшно выѣхалъ изъ Венеціи въ Черногорію, куда былъ вызванъ телеграммою князя Николая.

Извѣстно, что нашъ посолъ, генералъ Игнатьевъ былъ проѣздомъ изъ Лондона въ Вѣвѣ, но причины его поѣздки въ Вѣну и результаты его свиданія съ австрійскимъ императоромъ пока остаются въ тайнѣ.

— Изъ Америки пишутъ, что новый президентъ Гейсъ выказываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ характеръ благоразумной осторожности и осмотрительности. Такъ онъ поступилъ, напримѣръ, въ вопросѣ, касающемся вывода войскъ изъ Южной Каролины и Луизіаны. Президента убѣждали рѣшить этотъ вопросъ немедленно, но онъ отказался высказать свое рѣшеніе безъ обстоятельнаго и подробнаго совѣщанія кабинета. Притомъ для этого были назначены чрезвычайныя засѣданія.

Затѣмъ Гейса убѣждаютъ произвести нѣкоторыя перемѣны въ дипломатическомъ персоналѣ, но и въ этомъ вопросѣ Гейсъ не намѣренъ прибѣгать къ быстрымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ.

— Изъ Рима сообщаютъ, что въ тамошней Палатѣ Депутатовъ начались пренія, по предложенію правительства, о назначеніи экстраординарнаго расхода въ 15,000,000 лиръ *на военныя издержки*. Италія, очевидно, вооружается, но для какой цѣли—покажетъ будущее.

«Непогрѣшимый Папа», говорятъ, очень боленъ и на выздоровленіе его, будто бы, нѣтъ надежды.

— Въ Болгаріи положеніе тамошнихъ христіанъ, да и вообще христіанъ Турціи, со времени провозглашенія конституціи, становится все болѣе и болѣе невыносимымъ, вслѣдствіе часто возобновляющихся безчинствъ, насилій, разбоя, грабежа и убійствъ со стороны «правовѣрныхъ».

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Офицеръ. Я вижу, ты пьянъ: идешь и шатаешься во всѣ стороны.
Матросъ. Лавирую, ваше благородіе...
Офицеръ. Смотри на мель не попади!
Матросъ. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Ежели опасность случится—на всѣ четыре якора встану.
Барыня. Отпусти его поскорѣе, а то онъ пожалуй въ своей терминологіи тебя гротъ-мачтой назоветъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Монтенъ пишетъ, что только дуракъ всегда говоритъ: *знаю*.

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ (Макіавель).

Все, что превышаетъ геометрію—превышаетъ насъ (Паскаль).

СОДЕРЖАНІЕ. **Два корифея науки** (съ 2-мя портретами).—**Литературный альбомъ «Млиссъ».** **Разсказъ Бретъ-Гарта Л.** (съ рисункомъ).—**Въ альбомъ В. Н. П. П-въ** (стихот.).—**Спутники солнца Пер-ъ** (съ рис.).—**Милеина** (разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи). (Продолженіе).—**Отъ Бухареста до Рущука иллюстрированная корреспонденція «Нивы» (съ тринадцатью рисунками) Н. Каразина.**—**Первый императоръ изъ дома Габсбурговъ** (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—**Юмористическіе очерки** (съ рис.).—Мысли замѣчательныхъ людей.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—18

НОВАЯ КНИГА
РАЗСКАЗЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ЕГО ВРЕМЯ.
Соч. **А. Петрушевскаго,** автора **Разсказовъ про старое время на Руси,** ц. 40 к. на веленевой бумагѣ 75 к. Продается: въ Петербургѣ у Д. Ф. Федорова (Апраксинъ дворъ, каменный корпусъ, № 12), въ Москвѣ у Ф. И. Салаева (Масницкая, д. кн. Гагариной), а также у прочихъ книгопродавцевъ.

2—2 **ИЗЪ БУМАГИ**
и изъ бумаги крытой полотномъ воротники, манишки и манжеты. Дешевле стирки. Высылаютъ (по мѣрѣ) не менѣе чѣмъ на 5 руб. Въ депо амер. бумажнаго бѣлья, подъ фирмою „Городъ Нюрнбергъ" въ старомъ Газетномъ пер. домъ Шаховскаго въ Москвѣ. Тутъ же **ЦѢПОЧКИ**
накладнаго золота и чрезъ огонь золоченыя единственныя нечернѣющія, коротки отъ 2-хъ до 6-ти руб., шейныя отъ 4-хъ до 7-ми р, и отъ
30 КОП.
до 1 р. 50к. пара запонокъ съ пружиною, чрезвычайно удобныя и не вертящія бѣлья

СВѢЖІЯ СѢМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травныя, цвѣточныя и древесныя имѣютъ честь предложить
сѣменная торговля А. УШАКОВА
въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.
Подробный прейсъ-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ раздается и высылается по требованію безплатно. 8—2

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3,
Магазины: Адмиралт. Прогимназ. Стремянной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
3
Товарищество Чемберсъ и К°.

РУССКАЯ ВОРОЖЕЯ.
Новое гаданье, забава для всѣхъ возрастовъ. 36 карточекъ. 72 хромолитографированныя картинки съ рисунковъ профессора **Лагорію,** выполнены на камняхъ художникомъ Лебедевымъ. 288 отвѣтовъ исполняемыхъ. Цѣна 1 р. съ пересылкою 1 р. 20 к. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, преимущественно въ Гостинномъ дворѣ, у Колесова и Михина, Исакова, Битаева, Курбатовыхъ и др. Главный складъ у издателя: на Фонтанкѣ, у Аничкина моста, въ домѣ № 54, кв. № 15. 1—1

ВЪ НЕВСКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ
С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5 линія, домъ № 6.
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:
Отто Уле. Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся, въ школѣ и дома съ 110 рис. перев. съ 3 нѣмец. изд. СПб. 77 г. ц. 1 р. съ зер. **Весинъ, С.** Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій, составл. по программѣ среднихъ учебн. заведеній 2 издан. СПб. 76 г. ц 75 к. съ перес. 1 р.
Требованія иногородныхъ на всѣ публикуемыя книги исполняются немедленно.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми М. Сняткина. Книга для матерей и воспитательницъ. Цѣна 1 р. 50 к. У книгопродавцевъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ у Соловьева. Складъ въ квартирѣ автора Максимиліановскій пер. д. Воронина № 1—13 кв. № 48. Книгопродавцамъ уступка. Пересылка 2 фунта по разстоянію. 3—3

Дозволено цензурою. СПБ. 24 Марта 1877 г. **Контора изданія:** въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 14 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 4 Апрѣля 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ . . . . . 5 р.

III БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ чрезъ книжные магазины *Г. Ір. Соловьева, А. Лангъ* и *А. Жигарева* 4 р. 50 к

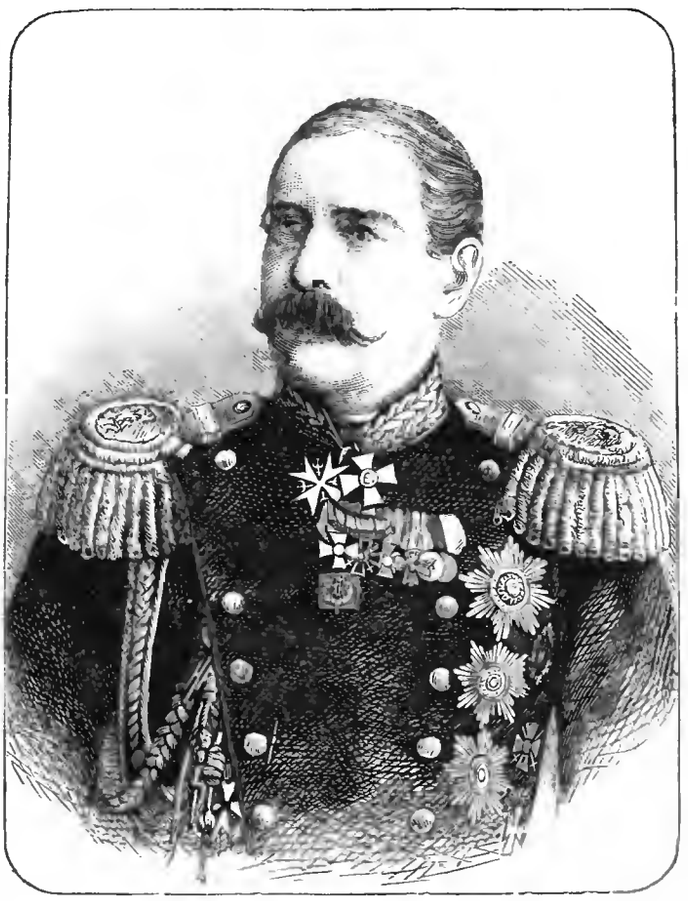
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстности Имперіи . . . . . 5р. 50 к

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1877 г. нумера „Нивы".

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за АПРѢЛЬ съ 34 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 33 рисунками разнообразныхъ буквъ для мѣтки бѣлья.

Э. И. Тотлебенъ.

Эдуардъ Ивановичъ, сынъ купца, родился въ Митавѣ 8 мая 1818 года и, окончивъ курсъ наукъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, началъ службу въ чинѣ подпоручика въ Рижской инженерной командѣ. Переведенный вскорѣ въ гвардейскій саперный батальонъ, онъ уже тамъ успѣлъ обратить на себя вниманіе своими практическими занятіями, но дѣйствительно боевая и кипучая дѣятельность началась для него съ 1848 года на Кавказѣ. Находясь при Дагестанскомъ отрядѣ, онъ много разъ имѣлъ случай выказать свои военныя способности и за дѣло при аулѣ Гергебилѣ былъ награжденъ чиномъ капитана, за отличіе при бомбардировкѣ аула Чоха пожалованъ золотой полусаблей, а за штурмъ Максинжинскихъ заваловъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ 1850 году онъ вступаетъ на службу во 2 саперный батальонъ, подъ руководство талантливаго Шильдера и дѣлается его любимымъ адъютантомъ. Въ началѣ восточной войны 1854 года, Шильдеръ, уѣзжая на Дунай, беретъ его съ собою. Эдуардъ Ивановичъ становится самымъ ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ его распоряженій и плановъ, какъ извѣстно отличавшихся иногда необычайною смѣлостью. Здѣсь Эдуардъ Ивановичъ принималъ самое



Генералъ-Адъютантъ, Инженеръ Генералъ и Товарищъ Е. И. Высочества Генералъ Инспектора по Инженерной части, Э. И. Тотлебенъ.

Грав. съ фотогр. К. Вейерманъ.

дѣятельное участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ на Дунаѣ, при Силистріи, при Турнукаѣ и Калифатѣ. Трудился онъ надъ наведеніемъ моста съ острова *Голаго* на правый берегъ Дуная, состоялъ траншей-маіоромъ при осадѣ Силистріи, а впослѣдствіи завѣдывалъ осадными работами лѣваго фланга и центра и, сверхъ того производствомъ всѣхъ минъ. 3-го августа 1854 г. Эдуардъ Ивановичъ командированъ былъ княземъ Горчаковымъ въ Крымъ и вскорѣ пріобрѣлъ полное довѣріе и уваженіе своего новаго начальника, князя Меньшикова, который на первыхъ же порахъ оцѣнилъ его любознательность, серьезныя знанія и любовь къ инженерному дѣлу. Непріятельскій флотъ съ дессантомъ тогда еще не появлялся въ виду Севастополя, но тѣмъ не менѣе оборонительная линія была уже сомкнута и вооружена, а Тотлебену удалось закончить эти укрѣпленія, придать имъ такой грозный видъ, что союзники, высадясь на берегъ, не рѣшились аттаковать ихъ немедленно, а предпочли начать правильную осаду. Съ этой минуты Эдуардъ Ивановичъ отдалъ всецѣло всѣ свои дни и ночи великому дѣлу обороны. Даже ночныя вылазки производились подъ его наблюденіемъ и подъ его же надзоромъ размѣщались передовые пикеты. Онъ же от-

Библиотека "Руниверс"

крылъ контръ-минныя работы и велъ ихъ безостановочно до конца осады, надѣлавъ ими много вреда и хлопотъ союзникамъ. Въ то же время на него была возложена постройка многихъ редутовъ и баттарей и только отчаянность борьбы на жизнь и на смерть могла дать человѣку силы выносить на себѣ всю тяжесть безпрерывныхъ трудовъ и подвиговъ. Но заслуги Эдуарда Ивановича не остались безъ справедливой оцѣнки, и Государь, узнавъ о нихъ, наградилъ его истинно по-царски: такъ, въ маѣ 1855 г. Тотлебенъ за отличіе произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, и за необыкновенныя воинскія заслуги, оказанныя при оборонѣ Севастополя, Высочайше было повелѣно начертать имя его на мраморной доскѣ Николаевскаго инженернаго училища. Кромѣ того, въ концѣ осады Тотлебенъ получилъ орденъ св. Георгія 3 класса и затѣмъ велѣно ему отпускать въ теченіе 12 лѣтъ вмѣсто аренды по 1000 рублей въ годъ.

Эдуардъ Ивановичъ оставался до конца осады вѣренъ своему посту и не обращая вниманія на глубокую рану правой ноги, простреленной штуцерной пулей, по прежнему распоряжался оборонительными работами до самаго отступленія нашихъ войскъ на сѣверную сторону, т. е. до 28 августа 1855 г. Пожалованный въ званіе генералъ-адъютанта, Тотлебенъ въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ помощникомъ, а съ 1863 года товарищемъ Е. И. Высочества генералъ-инспектора по инженерной части. Въ мирное время Эдуардъ Ивановичъ не покидалъ любимыхъ своихъ занятій и нѣсколько разъ ѣздилъ за границу, чтобы ознакомиться съ иностранными фортификаціонными работами. Въ этотъ же періодъ времени вышло въ свѣтъ его замѣчательное сочиненіе: „Описаніе обороны Севастополя“ съ атласомъ объяснительныхъ чертежей. Нынѣ Эдуардъ Ивановичъ опять на столь знакомыхъ ему берегахъ Чернаго моря и нѣтъ сомнѣнія, что его талантливость и опытность въ сооруженіи укрѣпленій могутъ обезопасить города нашего южнаго побережья отъ внезапнаго нападенія непріятеля и заставить его держаться отъ нихъ въ почтительномъ отдаленіи.

Валтасаръ.

(Изъ Гейне).

Въ безмолвіе ночи и мглу погруженъ,
Ужь сномъ безмятежнымъ почилъ Вавилонъ;

Но все не стихаютъ въ чертогахъ владыки
Нанерсниковъ царскихъ веселые клики.

Огнями чертогъ исполинскій залитъ:
Въ вѣнцѣ и порфирѣ владыка сидитъ,

Вокругъ, за бокаломъ бокалъ осушая,
Ликуетъ клевретовъ толпа золотая.

Ликуютъ клевреты, бокалы звенятъ.
Блуждаетъ царя упоеннаго взглядъ:

Но вотъ встрепенулся онъ, вспыхнуло око —
И нагло, чело поднимая высоко,

Безумецъ въ порывѣ отваги слѣпой
Егову поноситъ презрѣнной хулой.

Пылаютъ ланиты и сердце трепещетъ,
Онъ мечетъ проклятья—толпа рукоплещетъ...

И вдругъ онъ рабу приказаніе далъ:
И быстро исчезъ рабъ, и въ праздничный залъ

Принесъ драгоцѣнные кубки литые—
Изъ храма Салима сосуды святые!

Тогда Валтасаръ, дерзновенной рукой
Схвативъ освященный фіалъ золотой,

Наполнилъ его искрометною влагой,
До дна осушилъ и воскликнулъ съ отвагой:

„Егова! Я власти не знаю твоей,
Я царь Вавилона, я царь всѣхъ царей!“

Сказалъ—зашатался, и въ ужасѣ дикомъ
Сосудъ драгоцѣнный онъ выронилъ съ крикомъ...

Смѣшались безбожники, въ сонмищѣ ихъ
Кощунственный хохотъ мгновенно затихъ.

И видятъ развратные слуги Ваала:
Рука передъ ними, рука засіяла—

И пишетъ, и пишетъ на бѣлой стѣнѣ,
И буквы встаютъ и сверкаютъ въ огнѣ!

Глядѣлъ нечестивецъ—и облакомъ тѣни
Чело одѣвалось, дрожали колѣни;

Клевретовъ уста шевелились безъ словъ,
И лица мертвѣли, и стынула кровь.

Волхвы собралися; но грозныя строки
Прочесть не могли Вавилона пророки...

Когда-жь занялася на небѣ заря,
Проснулась измѣна—не стало царя.

Ивановъ.

Госпожа маркиза.

(Новелла Поля Гейзе).

I.

На живописномъ восточномъ берегу Лигурійскаго моря, почти на полу-дорогѣ отъ Генуи къ Ла-Специи, находится довольно крутой мысъ, украшенный великолѣпными пиніями, красиво отражающимися въ голубой водѣ. Въ былыя времена кто-бы ни проѣзжалъ по этой дорогѣ непремѣнно посѣщалъ мысъ, такъ какъ сами „веттурины“ постоянно останавливались тутъ, чтобы дать отдохнуть и пасажирамъ, и своимъ лошадкамъ; нерѣдко здѣсь и заночевывали. Мысъ не былъ пустыннымъ мѣстомъ: тутъ, между двумя широкими бухтами, и частью на долинѣ, раскинулся городокъ. Обыватели этого уголка—моряки и прочій бѣдный людъ. Путешественникъ, застрявшій такимъ образомъ на мысѣ, отправлялся прогуляться и взбирался по мощенымъ проулкамъ къ виллѣ маркиза Піума, бродилъ тамъ по длиннымъ садовымъ аллеямъ, доходилъ до холма, поросшаго пиніями, алоэмъ и тамарискомъ, и наслаждался съ этого пункта невыразимо—прелестнымъ видомъ на море. Затѣмъ шелъ онъ мимо старинной крѣпости и кладбища къ спуску по другую сторону холма, гдѣ на склонѣ горы выглядывалъ изъ листвы кипарисовъ и оливъ древній капуцинскій монастырь. А тамъ, внизу, на берегу морскомъ, виднѣлись ветхая церковь и красная стѣна пріюта, да группа бѣлыхъ домиковъ мѣстечка Сестри, и все это въ обратномъ видѣ едва замѣтно колебалось на спокойной глади моря.

Но съ тѣхъ поръ, какъ вдаль этого знаменитаго „ривіера ди Левантс“ легъ рельсовый путь, съ тѣхъ поръ, какъ путешественники, пролетая черезъ десятки тоннелей, видятъ мелькомъ извилистый берегъ, бѣлые домики городковъ, да вѣковые замки—мысъ Сестри запустѣлъ и заглохъ. Суетливые, вѣчно куда-то торопящіеся нынѣшніе туристы, желающіе изучить Италію „въ пятьдесятъ дней“, едва-ли имѣютъ время достаточно ознакомиться съ „главными“, по ихъ мнѣнію, пунктами этой страны. Только тѣ, которые въ доброе, старое время, „время веттуриновъ“, побывали на этомъ берегу и сохранили въ душѣ сладкое о немъ воспоминаніе, останавливаются еще здѣсь, чтобы освѣжить сердце, отдохнуть и припомнить былое... Но *такихъ* проѣзжающихъ немного—и вотъ хозяинъ гостинницы „Европы“, стоящей на плоскомъ каменистомъ берегу моря, еле сводитъ концы съ концами.. Да, тутъ надъ всѣмъ носится духъ запустѣнія и близкаго разрушенія!.. И только пара высокихъ померанцевыхъ деревьевъ во дворѣ, у воротъ гостинницы, деревьевъ, усыпанныхъ цвѣтами и плодами, представляетъ рѣзкій контрастъ со всѣмъ окружающимъ: эта неподдѣльная свѣжесть, роскошь какъ-бы молча протестуютъ противъ печальнаго упадка жизненныхъ силъ во всемъ остальномъ.

Уголокъ этотъ, съ которымъ связаны юношескія мои воспоминанія, манилъ меня къ себѣ именно уединенностью своею. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я, утомленный, полуразбитый, бѣжалъ на югъ и кое-какъ отдышался здѣсь... А все-таки мною овладѣло какое-то тоскливое чувство, когда я опять входилъ во дворъ старой гостинницы,—тишина царила тутъ; не раздавался стукъ лошадиныхъ копытъ, не было суетящихся веттуриновъ и бѣгающихъ кельнеровъ...

Хозяйка, въ одной рубашкѣ и заплатанной юбкѣ, сидѣла на каменномъ крылечкѣ и чистила артишоки; хозяинъ, на которомъ были черный суконный сюртукъ и шляпа-цилиндръ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, расхаживалъ въ тѣни, около стѣны дома, о чемъ-то разговаривая съ худощавымъ патеромъ. Лицо хозяина было сумрачно и онъ сильно жестикулировалъ. Третій мущина, безъ сюртука, но въ жилеткѣ (я не сразу узналъ въ немъ оберъ-кельнера), лежалъ тутъ-же на брюхѣ, грѣясь на солнышкѣ; пара полуголыхъ рябятишекъ, дѣтей хозяина, кувыркалась чрезъ него. Четвертое лицо находилось за желѣзной, закопченой рѣшеткой окна въ нижнемъ этажѣ, гдѣ была кухня; лицо это принадлежало толстой фигурѣ, облеченной въ куртку (когда-то бѣлую) и украшенной поварскимъ

Библиотека "Руниверс"

колпакомъ. Человѣкъ этотъ сладко спалъ; по его широкой, красной физіономіи разгуливала куча мухъ, что нисколько не тревожило спавшаго.

Когда я сообщилъ о намѣреніи своемъ пробыть здѣсь нѣсколько дней,—всѣ, кромѣ повара, вытаращили на меня глаза, какъ-бы на нѣкое чудовище, только-что выброшенное волной на берегъ. Хозяинъ оказалъ мнѣ честь, самолично проводивъ меня въ гостиницу и показавъ всѣ комнаты обоихъ этажей. Онъ отворялъ ставни, покрытые пылью и паутиною, и, горько проклиная *новое* время, забросившее это Сестри, предложилъ выбрать любой изъ тридцати незанятыхъ номеровъ.

Я выбралъ большую угловую комнату, изъ оконъ которой можно было всласть налюбоваться моремъ. Стеклянная дверь, незапиравшаяся на замокъ, вела на галлерею и на дворъ, гдѣ „протестовали" помянутыя померанцевыя деревья.

И вотъ тутъ, наслаждаясь полнымъ покоемъ, провелъ я восемь дней. Хозяева были добродушные люди,—какихъ въ Италіи много; добродушіе ихъ не замедлитъ обнаружиться, если вы захотите посочувствовать имъ. Съ хозяиномъ я нѣсколько разъ и подробно обсуждалъ проектъ его относительно передѣлки „Европы" въ отель собственно для пріѣзжающихъ англичанъ, которые „занимаются курсовымъ купаньемъ", ловлею рыбы и рисованіемъ акварельными красками. Агостино (Августинъ), оберъ-кельнеръ, также сообщилъ мнѣ свои планы касательно поиска въ Генуѣ или Миланѣ такой арены дѣятельности, которая соотвѣтствовала-бы его талантамъ; съ этою цѣлью онъ давно уже втихомолку зубрилъ французскую грамматику. Поваръ тоже сталъ моимъ пріятелемъ и именно съ тѣхъ поръ, какъ я расхвалилъ изготовленное имъ fritto misto.

Когда дневной жаръ спадалъ, отправлялся я вдоль морского побережья, проходилъ мимо рабочихъ, бодро свивавшихъ веревки, и женщинъ, которыя трудились надъ плетеніемъ сѣтей, потомъ поворачивалъ въ главную улицу и заходилъ въ единственное, невыразимо убогое кафе, чтобы прочесть тамъ № „Orіпіопе". Оставивъ газету, я подымался къ капуцинскому монастырю, гдѣ, не смотря на присущій монахамъ запахъ нюхательнаго табаку и луку, цѣлые часы проводилъ въ бесѣдѣ съ длиннобородыми старцами, позабытыми міромъ. Старцы эти довольно печально доживали свои дни... Главная часть монастыря была отдана подъ школу. Кельи, съ ветхими стѣнами, конечно, не поправлялись и имѣли видъ нежилой.

Возвратившись вечеромъ на берегъ, когда уже золотисто-красная луна какъ-то грозно всплывала надъ горизонтомъ, усаживался я на скамьѣ у подошвы скалы и глядѣлъ какъ школьники, поснимавъ свои полотняныя рубашонки и штанишки, бросались, подобно кучѣ блестящихъ лягушекъ, въ черно-синія волны моря. Мальчуганы болѣе рослые учили прочую мелюзгу плавать и нырять. Летучія мыши такъ и носились надъ дѣтскими головками... Вдали бѣлѣлъ одинокій парусъ: острый запахъ морской травы, дёгтя и рыбы обдавалъ меня, и только при свѣжемъ вѣтеркѣ, ободрявшемъ усталое тѣло, ароматы эти исчезали.

Хорошо было въ эти вечера, такъ тихо—хорошо!.. Будетъ-ли такъ и тогда, когда послѣдній изъ суровыхъ капуциновъ успокоится на вѣки подъ тѣнью кипарисовъ, когда на кроватяхъ отеля „Европы" уже не будетъ тюфяковъ, набитыхъ осокою, и когда *новый* Агостино, не въ жилеткѣ, а въ черномъ фракѣ, будетъ подавать на столъ fritto misto?..

Въ послѣдній изъ этихъ незабвенныхъ для меня восьми вечеровъ какое-то неясное, грустное чувство заставило меня отправиться не къ морской бухтѣ и не къ монастырю, а въ самый городокъ. Пройдя его, я очутился на равнинѣ, по которой пролегала прямая какъ стрѣла пыльная шоссейная дорога. Іюньское солнце давно уже скрылось, но небо было еще такъ ярко, что напоминало до-бѣла раскаленную сталь. Воздухъ былъ на столько прозраченъ, что позволялъ хорошо разглядѣть (на разстояніи полу-версты), людей вышедшихъ на балконы и крыши своихъ загородныхъ домиковъ, чтобы подышать вечернею свѣжестью.

По обѣимъ сторонамъ шоссе стояли простенькіе домики, но между ними мѣстами красовались виллы съ пестро-раскрашенными фасадами. Эти пышные балкончики, хорошенькія колонки указывали на большее благосостояніе ихъ хозяевъ сравнительно съ прочими здѣшними обывателями. Но тутъ въ этотъ вечеръ царила кругомъ мертвая тишина и, казалось, въ домикахъ этихъ все вымерло: оконныя занавѣски, не смотря на вечернюю прохладу, вездѣ были спущены, окошки заперты, садовыя калитки затворены. Всѣ эти жилища принадлежали большею частью лицамъ, обитающимъ въ Генуѣ, которыя, благодаря хорошимъ путямъ сообщенія, рѣдко проводили здѣсь жаркое лѣтнее время и если наѣзжали сюда, то лишь осенью, на одинъ мѣсяцъ, чтобы попользоваться морскими купальнями,—такимъ образомъ въ продолженіи почти всего года объ этихъ домикахъ заботились единственно арендаторы. Но эти господа больше думали о виноградникахъ, да о персиковыхъ и апельсинныхъ деревьяхъ, доставлявшихъ имъ доходъ, поэтому самые домики и цвѣтники пребывали въ запустѣніи. Впрочемъ, еслибы о нихъ и заботились, то, все-равно, заботы пропали-бы даромъ: густыя облака пыли съ большой и довольно оживленной шоссейной дороги безпрепятственно перелетали черезъ садовыя ограды и ложились толстымъ желтоватымъ слоемъ на все, что было имъ на пути; пыль душила всякую зелень, убивала молодые побѣги растеній. Отъ такой монотонной невеселой картины поневолѣ отвернешься и станешь смотрѣть на далекіе холмы, на которыхъ среди оливковыхъ лѣсовъ привѣтливо бѣлѣютъ домики; вонъ изъ трубъ этихъ бѣленькихъ строеній вьются тонкія струйки серебристо-сѣраго дыма... Хороши темные кипарисы на фонѣ блѣдно-зеленой листвы оливъ!.. Глазъ отдыхаетъ на такомъ пейзажѣ.

А я все-таки шелъ впередъ по пыльному шоссе, мимо молчаливыхъ жилищъ, все дальше и дальше уходя отъ морского берега... Зачѣмъ?.. На этотъ вопросъ я бы затруднился дать опредѣленный отвѣтъ. Поровнявшись съ желѣзными рѣшетчатыми воротами (одна половинка ихъ была отворена), я вдругъ остановился даже воскликнулъ отъ радостнаго удивленія, какъ восклицаетъ странникъ, за видѣвшій въ несчастной пустынѣ зеленый оазисъ.

Вилла, стоявшая въ тридцати шагахъ отъ этихъ воротъ, среди сада, по наружному виду своему почти не отличалась отъ другихъ господскихъ дачъ: стѣны ея были выкрашены темно-красною краскою и разрисованы гирляндами изъ раковинъ и какихъ-то плодовъ, а надъ оконными копьками красовались барельефные амурчики съ полинявшими розовыми крылышками. Всѣ окошки верхняго этажа, а также и дверь на балконъ были отворены. Такъ какъ въ комнатахъ этой виллы горѣли свѣчи, то я могъ видѣть отчасти обстановку самаго жилья: легкія бѣлыя занавѣски на окнахъ (онѣ не совсѣмъ были опущены) слегка волновались при вѣяніи вечерняго вѣтерка. Но что меня особенно прельстило, такъ это роскошный свѣженькій садикъ, который какъ будто чудомъ устоялъ противъ пыли и солнечнаго жара. Изгороди изъ миртъ и лавровыхъ кустовъ, между которыми цвѣли великолѣпныя желтыя и алыя розы въ перемежку съ ярко-красными гранатами, блестѣли какъ-бы послѣ обильной росы, и даже мелкіе листочки двухъ молодыхъ кипарисовъ, стоявшихъ словно на стражѣ у входа въ домъ, были такъ свѣжи и зелены, какъ будто ихъ только что пересадили сюда изъ теплицы.

Мнѣ не пришлось долго раздумывать надъ этимъ явленіемъ, ибо я увидѣлъ долговязаго парня, на видъ довольно страннаго, который тащилъ на коромыслѣ пару огромныхъ леекъ. Не удостоивая меня ни однимъ взглядомъ изъ подъ густыхъ своихъ рѣсницъ, онъ старательно принялся поливать кусты и кусточки садика. Работу эту парень совершилъ одною лѣвою рукой; правая, отрѣзанная по локоть, болталась около его груди. Этимъ валькообразнымъ остаткомъ руки онъ по временамъ быстро смахивалъ потъ со лба (движеніе это было немного комично), причемъ его огромная шляпа изъ грубой мансовой соломы то съѣзжала на затылокъ, то надвигалась на носъ.

Хотя физіономія этого человѣка не обнаруживала любезности,—я все-таки рѣшилъ обратиться къ нему съ вопросомъ: кому принадлежатъ эта вилла и райскій садикъ? и уже открылъ ротъ, какъ вдругъ съ темнаго порога балкона раздался голосъ:

— Да войдите съ Богомъ! Милости просимъ, коли вамъ это доставитъ удовольствіе. Войдете и можете садъ осмотрѣть въ лучшемъ видѣ... ужь такого другого не увидишь! И садовника-то, какъ нашъ Джаннико,—тоже нѣтъ—не сыщешь. Онъ растенія свои такъ ужь поитъ, какъ словно мать новорожденнаго!.. Господа-то, которыхъ мы ждемъ, вѣрно ужь не пріѣдутъ сегодня: послѣдній поѣздъ прошелъ... Ну, конечно, и такъ можетъ быть, что дочери моей, госпожѣ маркизѣ, угодно было отправиться сюда въ экипажѣ, да нѣтъ,—все равно ужь поздно! И она увѣдомила-бы меня, еслибы имѣла намѣреніе пріѣхать ночью. А что-жь, еслибы и прикатила? Знатная дама, сударь мой, никогда не затруднится принять гостя. Она навѣрно не разсердилась-бы, заставъ васъ здѣсь, тѣмъ болѣе—вы имѣете видъ настоящаго *dalantuomo*, умѣете цѣнить прекрасное и оказываете нашему саду честь, какая ему подобаетъ.

Такимъ потокомъ словъ встрѣтила меня маленькая старушка, неподвижно сидѣвшая на ступенькахъ крыльца и державшая руки свои на чемъ-то кругломъ, лежавшемъ у нея на колѣняхъ.

Я тотчасъ-же воспользовался такимъ привѣтливымъ приглашеніемъ и вошелъ въ садикъ. Пройдя мимо однорукаго садовника, я направился къ крыльцу внизъ. Я могъ разглядѣть теперь старушку,—хозяйку этого дома. На видъ ей было лѣтъ за шестьдесятъ; лицо ея, сильно-морщинистое, но когда-то красивое, принадлежало къ типу лицъ женщинъ низшаго сословія. Подобныя физіономіи я часто встрѣчалъ въ Сестри, населенномъ рыбацкими семьями. Костюмъ старушки былъ гораздо опрятнѣе и вообще лучше одежды простой рыбачки: платье, чепецъ были чернаго цвѣта, но передникъ—бѣлый, и на этомъ-то передникѣ лежало то *нѣчто* кругловатое, которое она безпрестанно поглаживала своими старыми, сухими руками. Я разглядѣлъ теперь, что кругловатое тѣло принадлежало не собачкѣ и не кошкѣ, а темно-коричневой черепахѣ. Когда я подошелъ къ старушкѣ, черепаха высунула головку, чтобы поглядѣть на меня; она не шевельнулась, чувствуя себя въ полной безопасности на бѣломъ передникѣ.

— Вы дивитесь, глядя на мою пріятельницу? заговорила старушка. Да, истинные друзья узнаются только въ нуждѣ! Вотъ, хоть я и стара, сударь мой, а руки у меня постоянно

Библиотека "Руниверс"

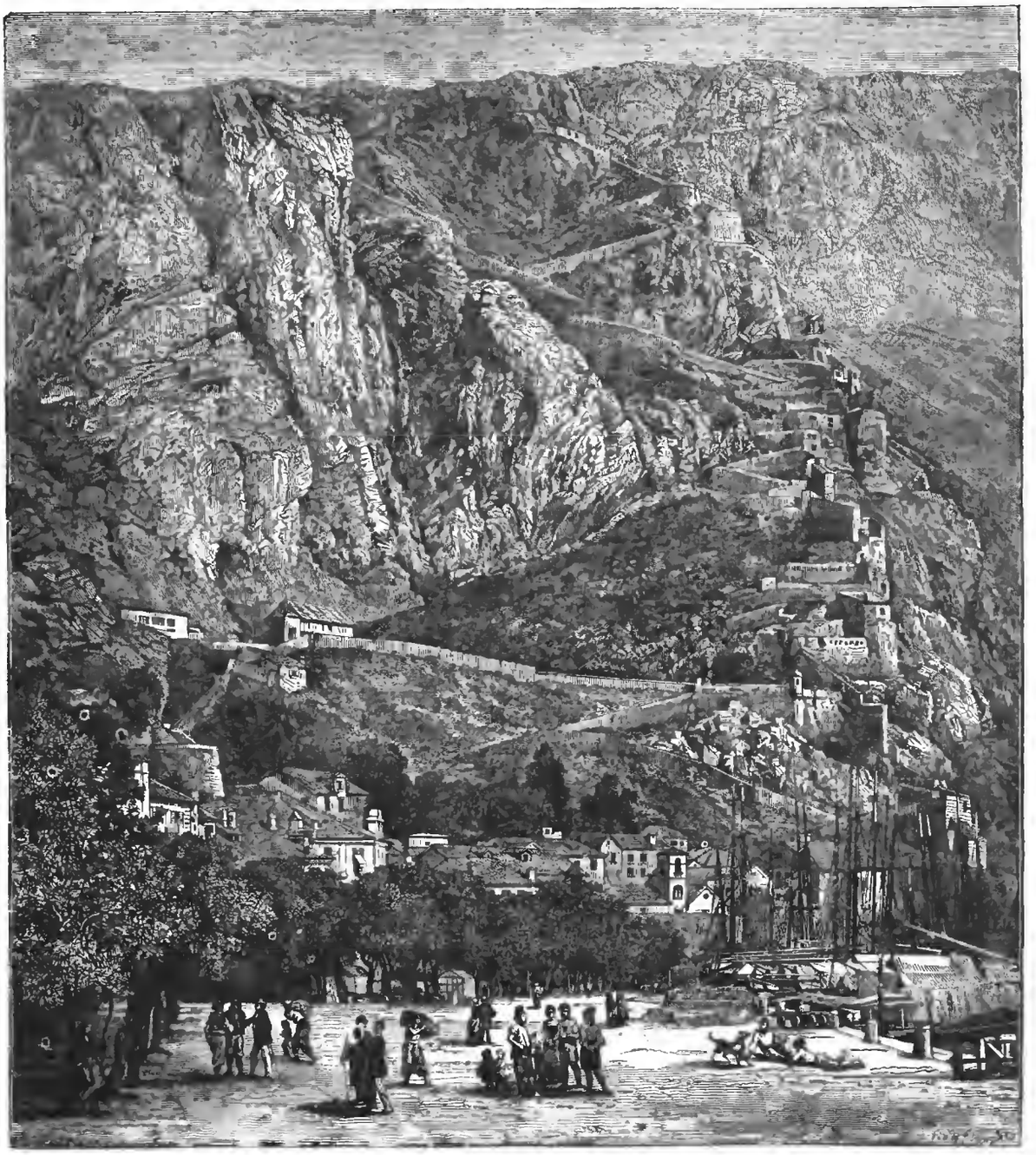
горячія. Докторъ-то говоритъ, что это происходитъ отъ постояннаго безпокойства, потому что мнѣ все хочется что нибудь дѣлать... Да вотъ, изволите видѣть, что и для кого стану я дѣлать? Не для кого... Ну, оттого и лихорадка во мнѣ сидитъ. Господи Боже! Вѣдь вотъ ужь сорокъ лѣтъ, какъ я вдовѣю!... Знаете, противъ горячихъ-то рукъ намъ, старымъ, ничто такъ не помогаетъ, какъ живое существо съ холодною кровью. Держать руки на немъ—разлюбезное дѣло! И видите-ли, милый баринъ, нѣтъ, кажется, на свѣтѣ другого такого терпѣливаго созданія, какъ вотъ эта моя пріятельница — вѣдь она у меня ужь три года!.. Ночью уползаетъ въ садъ, забирается тамъ въ сырую дыру возлѣ колодца... И кормить-то мнѣ ее не нужно!.. Однако, что-жь это я сижу передъ вами, словно баба крестьянская, незнающая, какъ слѣдуетъ держать себя съ господами?.. Ну, ступай, Миранда, ступай, доброе мое животное... Felice notte, старушка моя! Завтра увидимся.

Говоря это, она взяла съ передника черепаху и бережно опустила ее на дорожку, усыпанную краснымъ пескомъ. Животное задвигало короткими своими ножками и поплелось къ миртовой изгороди.

Старушка сейчасъ же проворно встала, поправила сѣдыя пряди волосъ, обвивавшія ей голову, и сказала:

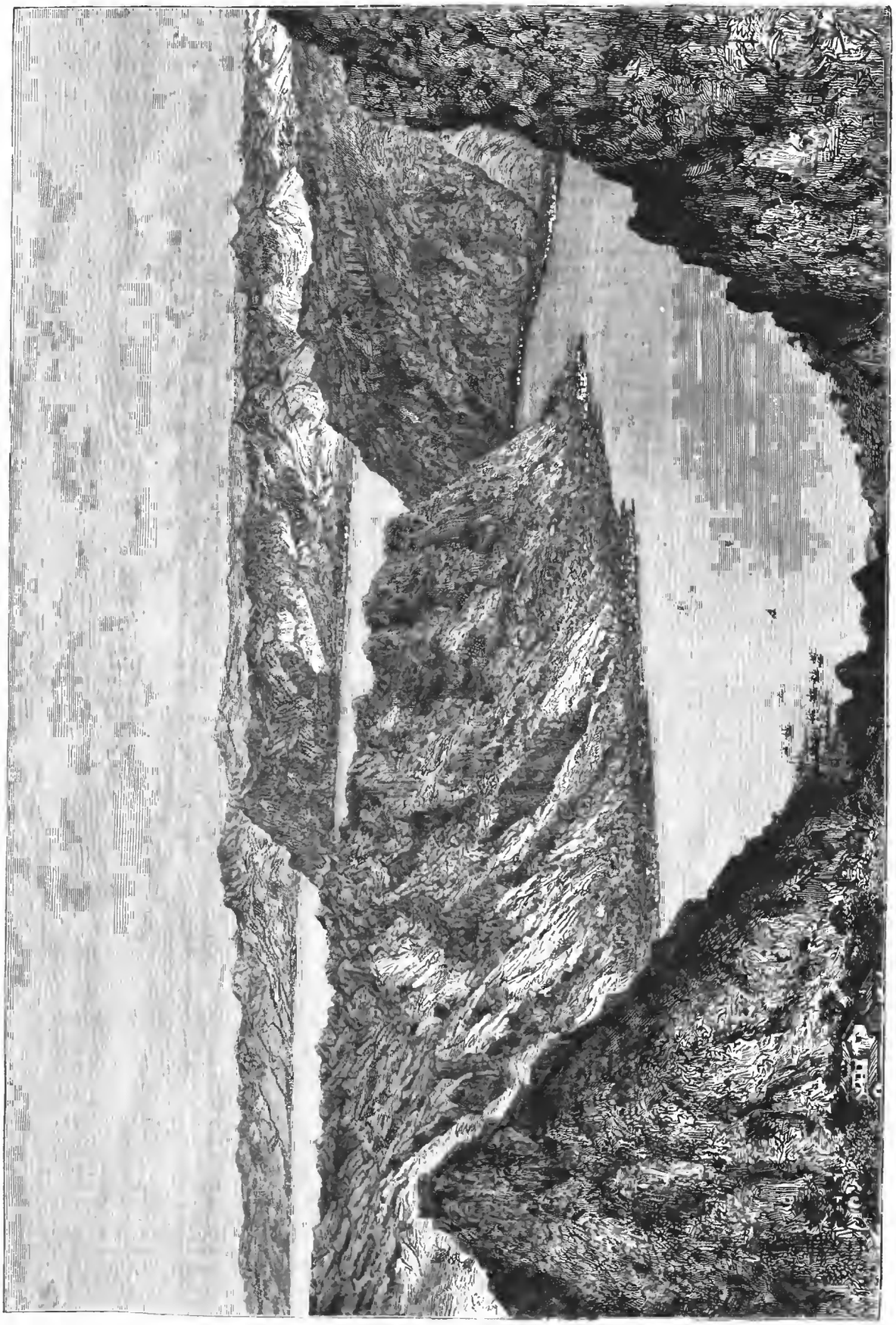
— Не угодно ли вамъ, милый баринъ, осмотрѣть нашъ садъ? Я пойду съ вами и нарву вамъ цвѣтовъ для букета... Правда, самые-то лучшіе цвѣточки я взяла уже для уборки дома,—хотѣлось мнѣ, чтобы госпожа маркиза во всѣхъ комнатахъ видѣла зелень и цвѣты. О, Господи, Боже нашъ! Вѣдь эдакая она молодая вдова!.. Ну, хоть глазъ-то и не выплакала, а все-же, послѣ чернаго катафалка, факеловъ, траурныхъ одеждъ—пріятно взглянуть на зелень,—душой, значитъ, отдохнуть!.. Я бы желала, чтобы она, душечка моя бѣдная, была уже здѣсь... тутъ, гдѣ все ей такъ нравилось—и куда больше нравилось, чѣмъ въ большущемъ мрачномъ домѣ въ Генуѣ... Тамъ человѣкъ чувствовалъ себя словно въ гробу! А море-то, которое такъ хорошо видно отсюда съ крыши—тамъ, въ Генуѣ, представляется совсѣмъ дряннымъ, грязнымъ, потому что занято цѣлыми сотнями кораблей. А *она* съ малолѣтства очень привыкла къ морю: будучи дѣвочкой, бывало, прыгала тутъ босикомъ, какъ чайка, по скаламъ скакала, когда ходила въ монастырь на исповѣдь къ доброму патеру Франческо... О, Господи помилуй! И какихъ-то лишеній не научится переносить человѣкъ!..

— О комъ-же это вы говорите! спросилъ я старушку, ступавшую рядомъ со мною неслышными шагами. Мы проходили мимо лавровыхъ кустовъ.



Видъ г. Каттаро. Рис. Corpie, грав. Рунфель.

Библиотека "Руниверс"



Каттарская Бухта (Видъ съ высотъ Черногоріи). Рис. съ натуры Ріу, грав. Бордо.

Библиотека "Руниверс"

Она вдругъ остановилась и удивленно посмотрѣла на меня.

— О комъ говорю я? Вотъ это славно!.. Да развѣ вы не знаете, что садъ этотъ принадлежитъ моей дочкѣ—госпожѣ маркизѣ? Вѣдь это-же извѣстно любому ребятенку въ Сестри!.. Ахъ, конечно, вѣдь вы, милый баринъ, чужакъ тутъ, да и я въ первый разъ въ жизни вижу васъ, хоть и довольно прожила и память у меня еще хорошая... Да, когда-то была и я молода—этого, что говорить, теперь ужь не увидѣть, а и то сказать: самый распрекрасный башмачскъ дѣлается подъ конецъ ушастой туфлей!.. Говорятъ, что мущины лѣта свои считаютъ по чувствамъ, женщины—по наружности. Слушайте: если вамъ пріятнѣе глядѣть на красивое лицо, чѣмъ на такую старую вѣдьму, какъ я, то дождитесь-ка пріѣзда моей дочки. Хоть ей ужь тридцать четыре года, но никто столько не дастъ ей! Молодость-то словно вотъ застыла... остановилась, какъ останавливаются незаведенные часы. Теперь-то только и начнется для нея молодая жизнь... Бѣдняжка!.. Ахъ, можно, можно пожелать ей этого, потому что вѣдь всѣ мы разъ только живемъ на землѣ... Прекрасная вещь небесныя радости, но тамъ, на небѣ-то, не сватаются и смѣху нѣтъ тамъ, да и, кромѣ того, милый баринъ, душѣ-то напередъ нужно еще пройти черезъ чистилище... Пресвятая Богородица, моли Бога о насъ!..

Тутъ слова ея стали неясны; старушка что-то бормотала, продолжая идти впередъ и отламывая цвѣтущія вѣтки для обѣщаннаго мнѣ букета.

Я сообщилъ ей, что добрелъ до этого сада совершенно случайно и что въ городкѣ рѣшительно ни съ кѣмъ не говорилъ о хозяйкѣ этой виллы.

— Если не будетъ нескромнымъ съ моей стороны,—прибавилъ я, начиная относиться къ старушкѣ, какъ къ дамѣ, нѣсколько церемонно, такъ какъ у нея была дочь, „госпожа маркиза",—то я попросилъ бы васъ разсказать мнѣ поподробнѣе о томъ, какъ это случилось, что у дочери вашей *не было* молодости? Вѣдь она такъ весело прыгала здѣсь по скаламъ, а потомъ замужъ вышла за знатнаго барина въ Генуѣ? Какъ давно овдовѣла она и была-ли счастлива въ супружествѣ?

Прежде чѣмъ отвѣтить мнѣ, старушка какъ-то робко оглянулась, и я замѣтилъ, что взглядъ ея скользнулъ по фигурѣ однорукаго садовника, который все еще возился съ поливкой кустовъ, наполнялъ лейки водою и всякій разъ, какъ мимо насъ проходилъ, остаткомъ правой руки сильно нахлабучивалъ шляпу на лобъ, какъ будто смотрѣть на меня ему было противно.

Убѣдившись, что угрюмый парень не разслышитъ нашего разговора, она снова заговорила:

— А почему-жь и не разсказать вамъ того, что всякому извѣстно въ Сестри, въ Кіаварн, въ Перви и Генуѣ? Но при Джаннико я не хочу говорить объ этомъ... Бѣдный дурень! Про него можно сказать: „новая любовь является и исчезаетъ, старая — остается"... Вотъ теперь, когда господинъ маркизъ умеръ, этотъ бѣдный оселъ навѣрно втихомолку думаетъ, что-де настала наконецъ и его очередь... Всякій, кто только произноситъ имя моей дочери, по мнѣнію Джаннико, крадетъ у него то, что принадлежитъ одному ему! Пойдемте-ка мимо этихъ маголій—я проведу васъ въ домъ, ну, а вы, дорогою, распрашивайте о чемъ хотите. Сдается мнѣ—баринъ вы хорошій: это я сейчасъ же увидѣла, какъ вы такъ сострадательно глядѣли на Джаннико, пожалѣли, что у него одна рука... Изволите видѣть, онъ также былъ когда-то свѣжимъ, здоровымъ парнемъ, только всегда немножко дикимъ, готовымъ на всякую чертовщину... Ну, вотъ, и приглянулась ему Лиза, дочка моя, которая въ ту пору какъ слѣдуетъ подросла. А когда она замужъ вышла за господина маркиза (за что никто не осуждалъ ее, такъ какъ онъ былъ хорошій баринъ, хотя и имѣлъ уже за пятьдесятъ годковъ)—Джаннико въ самую ночь ихъ свадьбы уплылъ съ шайкою пиратовъ, которые починивали свой корабль у насъ въ гавани. Ну, уплылъ и онъ да такъ, что лѣтъ десять мы и не видали его и ничего даже не слыхали о немъ. Только вдругъ, знаете, въ одинъ прекрасный день вернулся онъ жалкимъ калѣкой и безъ гроша въ карманѣ, а такъ какъ, вдобавокъ, жестокая лихорадка трепала его, то я сжалилась надъ этимъ бѣднымъ псомъ, взяла его сюда, ухаживала за нимъ, кормила, пока онъ не выздоровѣлъ. Ну, потомъ-то спросила у моей госпожи маркизы, можно ли оставить его работникомъ тутъ? Вѣдь серьезно говоря, все это онъ изъ-за нея пустерилъ, изъ-за нея продалъ душу свою дьяволу... Вотъ дочь моя и согласилась, написала: „пусть остается". Джаннико—а онъ никогда не смѣется—вспыхнулъ какъ огонь, когда я прочла ему отвѣтъ. Съ того самаго времени столько пользы онъ намъ принесъ, такъ повелъ себя скромно, благочестиво, что поведеніемъ своимъ, можно сказать, купилъ себѣ отпущеніе всѣхъ своихъ пиратскихъ грѣховъ. Когда потомъ, въ октябрѣ, дочь моя пріѣзжала сюда на двухнедѣльную побывку и, кивнувъ ему, сказала: „Ну, Джаннико, вы славно смотрите за моимъ садомъ, и я довольна вами!"—тогда изношенная морда этого бѣднаго черта совсѣмъ раскраснѣлась и отъ удовольствія онъ не могъ ни словечка вымолвить... Ужь по лицу его ясно было видно, что чувства его не измѣнились!.. Да, говорится такъ: *когда свѣчка догораетъ—зажигается факелъ*. Бури, непогоды на морѣ, быть можетъ, развѣяли старую его любовь, но лишь только Джаннико ступилъ на берегъ—старое-то чувство опять вспыхнуло... Ну, какъ тамъ не верти, а общей-то участи и ему не избѣгнуть: въ одинъ прекрасный денекъ и на Джаннико бросятъ три лопатки земли, зароютъ—и тогда—спокойной тебѣ ночи! Спи вѣчнымъ сномъ!.. Не всякому дается то, чего-бы онъ желалъ.. Ну-да, Господь-то Богъ посылаетъ сраженнымъ овечкамъ теплую погоду... Аминь! О, Царь Небесный, помилуй насъ, грѣшниковъ бѣдныхъ!..

Тутъ подошли мы къ крыльцу виллы. Старушка пошла впередъ, я за нею. Пройдя прохладныя, устланныя каменными плитами сѣни, она пригласила меня подняться по узкой каменной лѣстницѣ, желая показать мнѣ покои верхняго этажа.

Въ верхнемъ этажѣ было шесть-семь не очень большихъ комнатъ. По рельефнымъ украшеніямъ на потолкахъ я могъ заключить, что домъ этотъ былъ построенъ лѣтъ сто тому назадъ. Вся меблировка была во вкусѣ наполеоновскихъ временъ: однако, мебель, какъ видно, недавно была заново отполирована и позолота на высокихъ прямыхъ стѣнкахъ стульевъ, на ножкахъ столовъ и на зеркальныхъ рамахъ казалась подновленною. На карнизахъ каминовъ и на шкафикахъ стояли алебастровыя вазочки съ великолѣпными букетами цвѣтовъ и почти во всѣхъ комнатахъ, на круглыхъ столикахъ передъ зеркалами, красовались канделябры съ зажженными свѣчами. Все это придавало покоямъ такой торжественный, праздничный видъ, какъ будто здѣсь ожидали цѣлой кучи гостей, намѣривающихся проплясать на-пролетъ эту лѣтнюю ночь.

Въ спальнѣ окна тоже были открыты, и тутъ я замѣтилъ, что на большой четыреугольной кровати лежало старое шелковое одѣяло.

— Когда пріѣдетъ моя госпожа маркиза,—заговорила старушка, проведя своею сморщенною рукою по этому одѣялу,—то спать я ее уложу тамъ, внизу, у себя. Въ этой комнатѣ, пожалуй, ей что нибудь привидится, потому что, хотя она и оплакиваетъ господина маркиза скорѣе какъ отца, нежели мужа, но про нее все таки нельзя сказать:

Лишь едва похоронила,
Съ причитаньями отпѣла,
Какъ ужь горе все забыла
И опять повеселѣла.

Приведя такую риѳмованную поговорку, она прибавила.

— А зять мой славный былъ баринъ, ужь настоящій galantuomo,—царство ему небесное! То есть, вотъ, ни одного дурнаго дня не знала его милая жена во все время сожительства, а вѣдь онъ, что ни говори, имѣлъ пятьдесятъ лѣтъ, а потомъ и всѣ шестьдесятъ восемь, да къ тому же подагра и безсонница одолѣвали его... Значитъ, *умышленно* съ его стороны ни одинъ день не былъ дуренъ. Ну, кто-же послѣ этого (тѣмъ болѣе маркизъ ужь на вѣки закрылъ глаза...) станетъ осуждать вдову, если она остаточки своей молодости не будетъ проводить въ постоянныхъ слезахъ, а, напротивъ, захочетъ спасти, наверстать то, что еще можно спасти и наверстать?... Такъ-то... Ахъ, Лиза моя! Въ дѣтствѣ она охоча была посмѣяться.. И частенько, бывало, говорила я ей; смѣйся, дочурка, смѣйся! Веселье гонитъ морщины съ лица. Кто веселится, тому и Богъ помогаетъ. Ну, Господь и вправду помогъ и ей, и всѣмъ намъ! Когда господинъ маркизъ вошелъ въ первый разъ въ мой убогенькій домишко—мнѣ почудилось, будто самъ ангелъ слетѣлъ съ неба, чтобы пособить намъ въ нуждѣ нашей!..

Старушка перевела духъ и снова заговорила:

— Я должна сказать вамъ, милый баринъ, что я здѣшняя уроженка и теперь вдова моряка. Былъ у меня добрый, трудолюбивый мужъ. Пускался онъ въ большущія морскія путешествія, прежде-то, сначала, въ званіи рулевого, а потомъ и капитаномъ, то есть плавалъ на своемъ кораблѣ, побывалъ въ Америкѣ и Индіи. Пока жилъ онъ—я ничего лучшаго и не желала, хотя зачастую не видала его по году и даже по два, но средства-то къ жизни у насъ были, такъ что я и три дочки мои—Маріэтта, Чезира и Лиза—жили безбѣдно. Меня-то зовутъ, какъ и вторую мою дочь, и внучка моя, *молодая госпожа маркиза*, называется тоже Чезирою, значитъ по имени бабушки и тетки своей. Моя Лиза не могла-бы назвать другимъ именемъ дочку свою. Ну-съ, вотъ, когда моему меньшему, лучшему ребенку минулъ восьмой годокъ—мужъ опять уплылъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ хорошее, веселое письмо получили отъ него изъ Лимы. Писалъ онъ, что домой вернется чрезъ полгода и привезетъ что-нибудь хорошенькое каждой изъ нашихъ дѣвочекъ. Маріэттѣ было въ то время семнадцать лѣтъ, Чезирѣ—пятнадцать. Онѣ считались самыми красивыми дѣвушками въ Сестри. Я воспитывала ихъ, на сколько могла, хорошо, чтобы сдѣлать изъ нихъ добродѣтельныхъ, честныхъ женщинъ... Но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ" говоритъ пословица. Прошли шесть мѣсяцевъ, прошелъ и годъ, и еще шесть мѣсяцевъ улетѣло, а о моемъ бѣдномъ мужѣ—царствіе ему небесное!—ни слуху, ни духу. Третья весна началась со времени отъѣзда моего хозяина въ Лиму—а корабль то его имѣлъ такое славное имя—La Speranza!—и вотъ Маріэтта сказала мнѣ: „Матушка, отецъ—умеръ... Лучше было бы намъ, еслибы и мы всѣ умерли и были похоронены! Знаешь что? Съ одной синьорой я говорила—у нея домъ въ Генуѣ—ну, и я должна идти къ ней въ услуженіе. А когда я уже буду въ

Библиотека "Руниверс"

Генуѣ и найду тамъ хорошее мѣсто и для Чезиры, то и ей нужно будетъ отправиться туда же. Тебѣ вѣдь тогда легче станетъ вдвоемъ-то, съ Лизой... Какъ-нибудь перебьетесь"... Такъ сказала Маріэтта, а я ей:—ладно, ступай, дочка, съ Богомъ! Хоть въ чужомъ домѣ *хлѣбъ и о семи коркахъ*—все-же онъ не такъ жестокъ, какъ голодъ. Да и чего сидѣть тебѣ тутъ? Пропадутъ даромъ молодость, красота твоя... Всѣ вѣдь сосѣди знаютъ, что ты сирота, что приданое у тебя—та рубашка, что на тѣлѣ! Кто сидитъ сложа руки, къ тому чертъ вскочитъ въ передникъ... Такъ сказала я ей. Не знала я, дурища бѣдная, что чертъ-то и тащилъ мою дочь въ Генуэ, туда, гдѣ не можетъ глазъ матери слѣдить за дѣвушкой...

Старушка умолкла.

Мы стояли теперь у открытаго окна въ небольшой гостиной. Какъ видно, эта была любимая комната хозяйки виллы: здѣсь стояла самая изящная мебель, хотя и старинная, но между этими антиками было нѣсколько вещей совершенно новомодныхъ. На стѣнахъ—картины и фотографіи, а надъ письменнымъ столикомъ красовался небольшой портретъ, нарисованный карандашемъ, въ великолѣпной рамѣ. Я засмотрѣлся на этотъ портретикъ,—передо мною была прелестная, юная головка дѣвушки: овалъ личика отличался чрезвычайною правильностью; изящный маленькій носикъ, необыкновенно большіе, опушенные густыми рѣсницами глаза, и строгія или скорѣе *робкія* очертанія полненькихъ губъ представляли удивительно-прекрасное цѣлое. Роскошные волосы были собраны на затылкѣ въ одинъ тяжелый узелъ. Портретъ былъ сдѣланъ довольно искусною рукою. Щеки, губы и темные волосы дѣвушки были слегка подкрашены (поверхъ карандаша); однако маленькая неправильность въ очертаніи тонкой шейки указывала на то, что человѣкъ, нарисовавшій этотъ портретъ, принадлежалъ къ числу диллетантовъ-художниковъ.

— Это ваша Маріэтта? спросилъ я.

Старушка глубоко вздохнула и обхватила пальцами обѣихъ рукъ желѣзный прутъ сторы,—вѣроятно, она хотѣла прохладить этимъ руки, такъ какъ разсказъ видимо взволновалъ ее.

— Это вы о портретикѣ, что надъ письменнымъ столомъ? Нѣтъ, любезный баринъ, передъ вами дочь моя *госпожа маркиза*. Супругъ ея—царство ему небесное!—самъ это сдѣлалъ, съ нея самъ срисовалъ. Ну, и Маріэтта была не хуже младшей своей сестренки — ужь это я могу сказать. А вы вѣдь знаете поговорку: chi nasce bella, nasce maritata (кто некрасивъ, тотъ и не-замужемъ)!.. Но не всегда такъ-то бываетъ. Доходили до меня слухи о хорошемъ житьѣ-бытьѣ Маріэтты, а черезъ полгода, какъ она ушла, получила отъ нея письмо: пишетъ, чтобы и Чезира отправлялась въ Геную, что нашла она для нее разчудесное мѣсто у одпаго графа и насулила ей золотыя горы, ежели Чезира-то поторопится пріѣхать.

Ну, сказала я, ступай и ты, дитя мое, въ эту роскошную Генуэ! Поклонись нашей Маріэттѣ. Оставайся честной, хорошей дѣвушкой; не забывай своей старухи-матери, да веди себя такъ, чтобы твоему babbo, коли онъ еще живъ, не пришлось краснѣть за тебя!..

Вотъ уѣхала и другая моя дочка, и осталась я съ моей маленькой, съ любимчикомъ моимъ. Ну, на первыхъ порахъ-то получали мы еще вѣсточки о нихъ. Маріэтта и Чезира писали намъ самыя разлюбезныя письма, разсказывали, что ужь какъ отлично имъ живется, присылали мнѣ и деньжонки кой-какія, а Лизѣ—ленты и башмаки... Ни того, ни другого носить она не могла: слишкомъ ужь хороши были эти вещи для остального-то ея наряда!.. Писали онѣ тоже, что, вѣроятно, обѣ скоро замужъ выйдутъ. Получивъ эдакую вѣсточку, я отъ радости и счастья на седьмое небо занеслась! И подумала тогда: вотъ, ежели-бы теперь да еще мужъ вернулся, такъ я-бы не промѣняла судьбу свою на жизнь любой принцессы!.. Да, такія мысли были у меня.

Ну, а потомъ... Какъ-то однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ патеръ Франческо,—дѣвочки-то мои всегда ходили къ нему на исповѣдь. Ѣздилъ это онъ въ Геную по дѣламъ своимъ монастырскимъ, и я просила его повидаться съ моими дѣтьми. Исполнилъ онъ это и явился, значитъ, отчетъ мнѣ дать... Мать Пресвятая Богородица!.. Какъ сейчасъ вижу—я могла тогда только руками всплеснуть и, въ отчаяніи, на постель повалиться, словно мнѣ вотъ молотомъ сердце раздавили...

Понимаете вы, милый баринъ, и такъ, что я хочу сказать... Ахъ, тяжко матери-то говорить о позорѣ дѣтей своихъ, хоть съ той поры прошло слишкомъ двадцать лѣтъ!..

Лиза была около меня, когда я узнала о своемъ горѣ.—„Мама", спросила она послѣ того, какъ патеръ ушелъ, „что онъ такое сказалъ тебѣ? Что случилось съ сестрицами?.. Развѣ онъ не говорилъ, что видѣлъ Чезиру въ шелковомъ платьѣ, что у нея—золотыя сережки, брошка?.. Ну, Маріэтту потому не видалъ, что она была на виллѣ у другого графа. Очемъ-же плачешь ты, mamma mia, если сестрицы такъ счастливы"?..

А я... я отвѣтила ей: развѣ ты не знаешь поговорки: *Кто водится съ важными барами, тотъ потомъ умираетъ на соломѣ*... Больше вѣдь ничего не могла я сказать ей—этому бѣдному, невинному ребенку!.. Тогда ей минуло всего-то тринадцать лѣтъ, а въ нашемъ Сестри, слава Тебѣ, Господи, люди живутъ по христіански, не то что язычники, ну и мои дѣвочки ни въ домѣ, ни на улицѣ ничего такого грѣховнаго не видали.

А все плакала я, плакала и ужь хотѣла было ѣхать въ Генуэ чтобы вырвать дѣтей изъ пасти волчьей, да потомъ подумала: дѣла-то этимъ не поправишь, все равно, а если Лизу съ собою возьму—пожалуй, и она заразится тамошнимъ воздухомъ... Такъ-то. Ну, а оставить дѣвочку дома одну—эдакъ и со страху помрешь въ Генуѣ!..

Вотъ, милый мой баринъ, и покорилась я участи своей. Умерли, значитъ, для меня старшія мои дочки, а такъ какъ о ту-же пору получила я извѣстіе, что бѣдный мужъ мой уже два года лежитъ на днѣ морскомъ (la Speranza его разбилась во время бури и пошла ко дну,) сказала я тогда самой себѣ: нѣтъ у меня на свѣтѣ ничего, кромѣ моей Лизы, моей бѣдности и моей честности... Этого ужь я никому не отдамъ! Знаете: живущій—хлѣбъ свой ѣстъ, мертвый — мертвъ, и всякая лошадь собственнымъ своимъ хвостомъ комаровъ отъ себя отгоняетъ. Такъ-то.

Ну, послѣ этого зорко слѣдила я за послѣдней дочкой, дома держала ее, а когда ей хотѣлось побѣгать, попрыгать съ другими дѣтьми, и потомъ, когда постарше стала поболтать съ молодыми парнями—(Джаннико-то ужь тогда на нее засматривался)—всегда я повторяла ей добрую, старую поговорку:

„Ежели дѣвицѣ дома не сидится,
То съ прямой дорожки ей нетрудно сбиться!..

А Лиза добрая была дѣвочка,—слушалась. Цѣлыми днями дома сидѣла, пряла или сѣти вязала, и только по воскресеньямъ на гору отправлялась, въ монастырь, къ обѣднѣ или на исповѣдь къ почтенному патеру Франческо. Патеръ очень хвалилъ ее и говаривалъ, что ей добродѣтель вознаградитъ меня за все несчастье и безчестье, которыя я терплю.

Разглядите хорошенько портретъ этотъ, милый баринъ. Вотъ уже больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ господинъ маркизъ нарисовалъ его. Ну, конечно, Лиза ужь не ребенокъ: красивая она теперь, статная женщина, но всѣ говорятъ, что она все еще похожа на Лизу — вотъ на *эту*, что въ рамкѣ, да!. Я ужь и не говорю о Джаннико— его не разъ я заставала тутъ, наверху, передъ портретомъ. И какъ онъ засмотрится на свою святыню—такъ даже не слышитъ ужь моихъ шаговъ!..

Должна я вамъ сказать, что господинъ маркизъ былъ нѣкоторымъ образомъ живописецъ. Кромѣ палаццо въ Генуѣ, у него въ то время и эта вилла была, и не разъ лѣтомъ пріѣзжалъ онъ сюда единственно для того, чтобы полюбоваться чудесными здѣшними окрестностями и срисовать горы или море. Картинки эти онъ писалъ такими славными красками!

А я, съ той поры, какъ несчастье стряслось надъ моими старшими дочками, и на улицу не выходила, дома все сидѣла... Мнѣ все казалось, что сосѣдки будутъ поглядывать на меня ядовито, да плечами пожимать. И поэтому я даже не знала, что вотъ такой маркизъ на свѣтѣ есть, ну, и до смерти перепугалась, когда однажды, въ воскресенье—дѣло передъ обѣдомъ было—дверь въ кухню мою распахнулась и вбѣжала Лиза, совсѣмъ красная, а за нею вошелъ какой-то баринъ, не особенно молодой—маркизу и тогда ужь было за сорокъ. Тутъ и полепту я бросила, которую къ обѣду нашему приготовляла.

— „Mamma mia,—залепетала дочурка моя,—вотъ этотъ господинъ самъ заговорилъ со мною, когда я шла отъ обѣдни. Сегодня очень жарко, ну, я и сняла башмаки и чулки, да такъ и бѣжала босикомъ по прибрежнымъ скаламъ... И вдругъ, подошелъ онъ ко мнѣ, спросилъ, какъ зовутъ меня, гдѣ я живу, и можно ли ему со мной идти, потому что ему захотѣлось съ меня срисовать портретъ"...

(Продолженіе будетъ).

Миленка.

(Разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи).

(Окончаніе).

Миленка разсказала, что мама ее умерла, и что—фрау-Христина нарочно посылала ее въ гостинницу; до смерти мамы она туда не ходила, а потомъ—каждый день. Ей запрещено было говорить, что мама ея умерла—вотъ почему она и говорила, что собираетъ деньги будто для мамы... Она очень много собирала и все собранное тотчасъ же отбиралось Христиною Зальманъ, у которой Матвѣй Захарычъ, мѣсяца три тому назадъ, имѣлъ неосторожность помѣстить больную женщину съ ея ребенкомъ... Изъ разсказа Миленки стало ясно что

Библиотека "Руниверс"

сегодня утромъ, когда капитанъ Жучекъ приходилъ туда, её спрятали и велѣли сидѣть смирно, сказавъ, что это пришли ея искать баши-бузуки, а Миленка уже знала, что такое это за люди, и просидѣла на чердакѣ весь день, затаивъ дыханіе, забившись за корзины съ сухими плодами... Вечеромъ, когда мы пришли вдвоемъ, ее тоже успѣли спрятать, да она услышала знакомый голосъ Матвѣя Захарыча и рѣшилась окликнуть своего батьку.

— Экой народъ нехорошій, качалъ головою сопровождавшій насъ сербъ.. У насъ уже былъ разъ такой случай: одна русская дама тоже привезла дѣвочку *изъ несчастныхъ*—изъ Рагузы, привезла ее сюда и помѣстила пока у одной женщины, а та спрятала ее, сказала тоже что умерла,—барыня русская и повѣрила... сильно плакала и дала даже той женщинѣ десять дукатовъ за похороны—и что послѣ случилось: ухитрились какъ-то эти подлецы отправить дѣвочку въ Виддинъ и продали тамъ ее.. Не знаю за сколько, а хорошо, говорятъ, взяли. . Дѣвочка была лѣтъ уже двѣнадцати, красивая такая, изъ черногорокъ...

Матвѣй Захарычъ даже заскрипѣлъ зубами, слушая эти расказни. Я настаивалъ, чтобы дѣла такъ не оставлять и довести до свѣдѣнія полиціи — что подобные возмутительные поступки не могутъ проходить безвозмездно, что нуженъ судъ...

— Не такое нынче время, покачалъ головою сербъ... Некогда *такими мелочами* заниматься... Все равно ничего не сдѣлаете, только хлопоты лишнія будутъ.

Матвѣй Захарычъ такъ былъ счастливъ благополучнымъ окончаніемъ нашихъ розысковъ, что совершенно согласился съ мнѣніемъ серба и поминутно цѣловалъ свою Милу, распрашивая ее о болѣзни и смерти матери... Миленка разсказывала все, не пропуская ни малѣйшихъ подробностей...

Незамѣтно прошли мы уже опустѣлою Дунайскою улицею—и, не заходя подъ каштаны „Сербской кроны", прошли прямо въ скромную гостинницу Іована Кристича, гдѣ Матвѣй Захарычъ занялъ себѣ небольшую комнатку.

Матвѣй Захарычъ поразилъ меня своею нѣжностью и умѣньемъ ухаживать за дѣтьми. Самая опытная нянька далеко отстала бы отъ него въ этомъ отношеніи. Но какъ попала Миленка въ Бѣлградъ, кто была ея мать и въ какихъ отношеніяхъ находился къ нимъ Матвѣй Захаровичъ? Вотъ вопросы, для разъясненія которыхъ нужно вернуться нѣсколько назадъ.

Непрошенный гость. Картина Бокельмана, грав. Бренд'Амуръ.

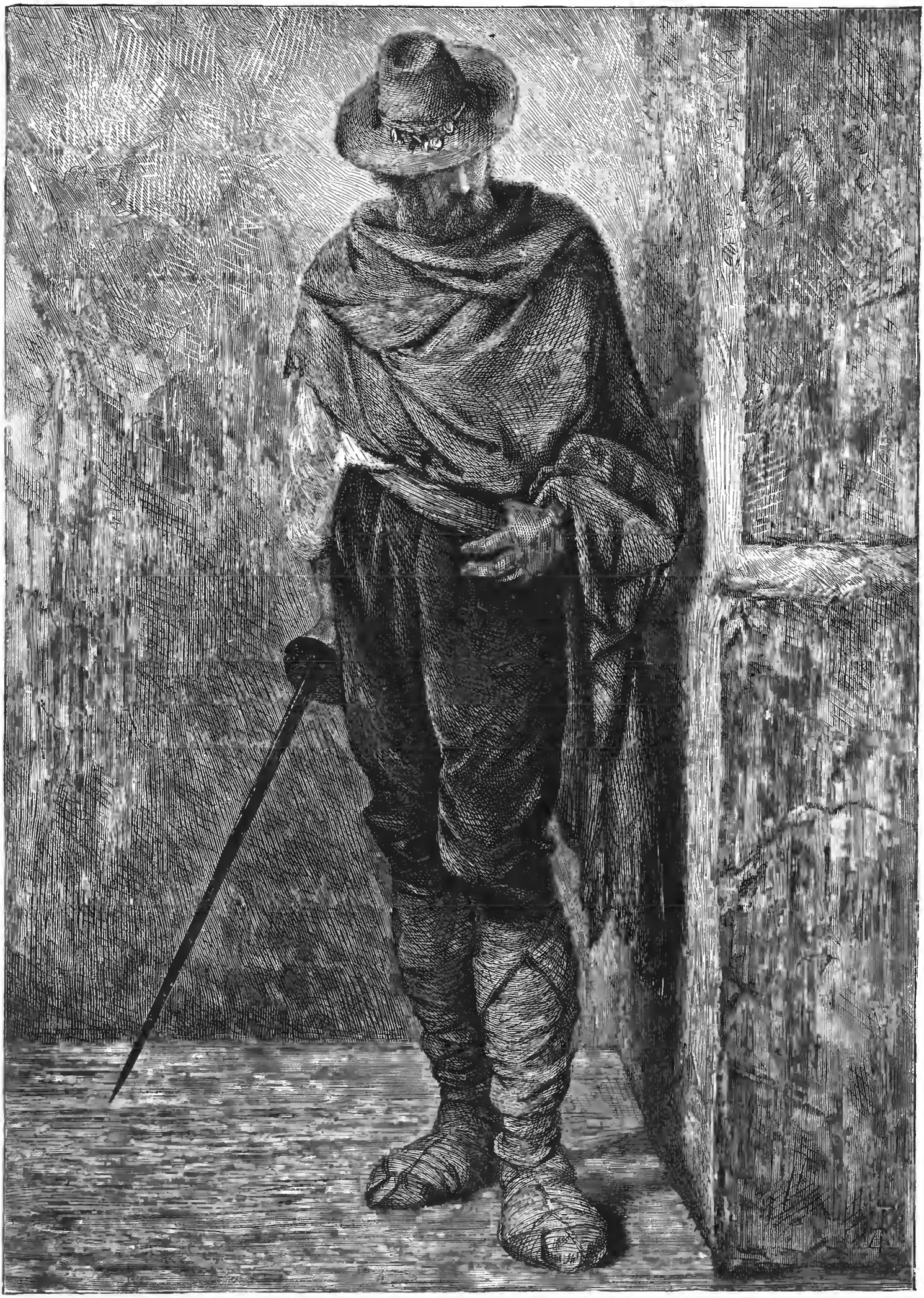
Раннею весною, въ началѣ прошедшаго марта, въ восьми сатахъ *) отъ Виддина, по дорогѣ къ Зайчару, случилось слѣдующее:

Недалеко отъ сербской границы, на полускатѣ горы, подножье которой огибаетъ каменистая проѣзжая дорога, находился небольшой хуторъ въ два или три домика, со множествомъ всякихъ домашнихъ и хозяйственныхъ пристроекъ; этотъ хуторъ назывался Рушникъ.

Съ проѣзжей дороги видны были только верхушки

*) Мѣра разстоянія, сатъ—часъ. Почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ разстояніе измѣряется часами пѣшей ходьбы.

Библиотека "Руниверс"



Наемный убійца, выжидающій свою жертву. Картина И. Дюва, грав. Д. Девидсонъ.

Библиотека "Руниверс"

черепичныхъ крышъ, да тонкая башенка Богъ вѣсть зачѣмъ пріютившагося тутъ же турецкаго минарета. Все остальное буквально утопало въ массахъ молодыхъ, только что распускавшихся листовыхъ почекъ ярко-бѣлыхъ и нѣжно-розовыхъ цвѣтовъ яблонь, грушъ и сливъ густого фруктоваго сада. Дальше, вверхъ по скату горы, обращенному на солнце, высоко поднимались разрыхленные четвероугольники виноградниковъ, пестрѣвшіе новенькими колышками и корявыми, узловатыми корнями еще будущихъ лозъ винограда.

Въ хуторѣ жилось привольно и покойно, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ доходили самыя неутѣшительныя извѣстія, самые тревожные слухи... Въ хуторѣ жили всего двѣ семьи христіанъ, турецкихъ сербовъ. Они обработывали свой виноградникъ сообща, сообща же выдѣлывали вино, не хуже извѣстнаго неготинскаго, были довольны своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ не желали мѣнять его на что-нибудь неизвѣстное и сильно боялись хотя чѣмъ-нибудь скомпрометировать себя въ глазахъ турецкаго вали. Ихъ пока никто не трогалъ и они уже думали, надѣялись, что „тяжка година“ пройдетъ мимо нихъ, не задѣвъ даже концемъ своего бича. Но вышло не такъ, какъ они думали.

Къ Виддину прибыли толпы баши-бузуковъ и черкесовъ, людей чужихъ еще въ этомъ округѣ. Шайки этой сволочи живо разсыпались по окрестностямъ, наводнивъ особенно тѣ изъ нихъ, которыя ближе примыкали къ восточнымъ границамъ Сербіи. Уже раза два перепуганные обитатели Рушника видѣли дикихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы всадниковъ, проѣзжавшихъ внизу по дорогѣ. По какому-то особенному случаю эти всадники миновали уютный хуторокъ и оставляли жителей его въ покоѣ. Разъ только одинъ изъ проѣзжавшихъ шакаловъ, замѣтилъ что-то бѣлое, мелькнувшее за живою изгородью, и попробовалъ на этомъ бѣломъ свое новополученное оружіе хитроумной англійской системы. Оружіе оказалось превосходнымъ, потому что за изгородью, тотчасъ же послѣ выстрѣла, раздался дѣтскій крикъ, а затѣмъ на одной изъ крышъ показалась женщина, державшая на своихъ рукахъ убитаго ребенка. Эта женщина съ проклятіемъ протянула къ убійцамъ трупъ своего сына, потомъ бережно положила его около трубы и оторвавъ одну изъ черепицъ, въ безсознательномъ бѣшенствѣ пустила ею въ баши-бузуковъ; тяжелый осколокъ не пролетѣлъ и десятой доли должнаго разстоянія и, обломавъ нѣсколько вѣтвей, тяжело рухнулъ въ кусты,—но все таки этотъ осколокъ имѣлъ роковое послѣдствіе для хутора и его обитателей.

Баши-бузуки въ данную минуту не рѣшились изслѣдовать подробно домики на скатѣ горы. Должно быть они боялись встрѣтить тамъ болѣе сильное сопротивленіе. Звѣри ограничились на первыхъ порахъ нѣсколькими выстрѣлами, пущенными на удачу и, пообѣщавъ скоро вернуться снова, поскакали по дорогѣ къ крѣпости.

Въ слѣдующую же ночь надъ хуторомъ Рушникъ свершилась катастрофа.

. . . . . .

Утро на другой день было пасмурное, туманное. Солнце не хотѣло, видно, смотрѣть на тѣ безобразія, что творились на землѣ, и взошло, закутанное въ сѣрыя, тяжелыя тучи. Густой столбъ чернаго дыма поднимался надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наканунѣ еще виднѣлись красныя крыши съ бѣлыми трубами... Изъ-за деревьевъ торчали теперь черные, закопченые, обгорѣлые остовы. Десятка два осѣдланныхъ лошадей стояли въ рядъ, привязанныя къ изгороди; внизу на дворѣ стояли два большихъ, воловьихъ воза, безпорядочно нагруженные всякимъ добромъ. По тропинкамъ, выводящимъ на эту дорогу, оборванные баши-бузуки и черкесы въ своихъ косматыхъ папахахъ таскали еще награбленное въ хуторахъ добро и сваливали на возы.

Поперегъ такой тропинки лежалъ ничкомъ трупъ въ длинной бѣлой рубахѣ; черезъ этотъ трупъ много разъ шагали хищники, спотыкаясь и наступая на тѣло, не давая себѣ даже труда оттащить его въ сторону.

Еще нѣсколько труповъ тамъ и сямъ валялось подъ деревьями садика; на черномъ фонѣ виноградниковъ тоже виднѣлись крестообразно лежащія бѣлыя рубахи... Двѣ или три головы, обезображенныя до нельзя, торчали на кольяхъ .. Одна изъ этихъ головъ была съ длинными черными волосами, слипшимися отъ крови и грязи и висѣвшими вплоть до самой земли, до той грязно-бурой кровавой лужи, накопившейся у кола... Масса воронъ крикливою стаею носилась надъ несчастнымъ хуторомъ. Крылатые хищники остерегались еще спуститься совсѣмъ внизъ, пока не уберутся тѣ двуногіе хищники въ человѣческомъ образѣ.

Только двое изо всѣхъ обитателей хутора Рушникъ остались въ живыхъ... Женщина—красивая, молодая—за свою красоту и уцѣлѣвшая, хотя дорого за нее и поплатившаяся... Безъ чувствъ, безо всякихъ признаковъ жизни, лежала она у воза, прикрытая рваным холстомъ .. Только глаза ея, тупо смотрящіе въ небо, сохранили еще нѣкоторые признаки жизни—все остальное было измучено, истомлено, разбито и неподвижно.

Еще одно существо уцѣлѣло, другое... Внизу, у ручья, въ густыхъ заросляхъ ивняка и прибрежной осоки, притаилось крохотное созданіе—дѣвочка... Самый зоркій глазъ хищника не замѣтилъ бы ея, погрузившуюся до самой головы въ зеленую, вязкую тину...

Вдругъ, по близости, изъ-за гребня горы, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Хищники всполошились и бросились къ лошадямъ... Два изъ нихъ упали, простреленные пулями...

Шесть человѣкъ, всего только шесть, съ крикомъ „за праваго Бога!“ прыгая черезъ изгородь, стремительно бѣжали съ горы къ хутору, махая длинными ружьями. Словно тигры бросились они на оторопѣвшихъ баши-бузуковъ... тѣ бѣжали, бросивъ и возы съ награбленнымъ добромъ и лежавшую около нихъ женщину... Въ догонку бѣжавшимъ прогремѣло еще нѣсколько выстрѣловъ... одинъ изъ заднихъ кувыркнулся съ лошади и поволокло его, зацѣпившагося ногою за стремя... прочіе еще быстрѣе поддали ходу... стукотня копытъ скоро замерла за горою... Шесть побѣдителей остались одни на завоеванной мѣстности и собрались въ кругъ для совѣщанія...

„Эти убѣжали, другіе прійдутъ скоро и придетъ ихъ много... Горсть богатырей не въ силахъ будетъ справиться съ этими новопрійдущими... Горсть эта уже и то потеряла много людей на своемъ походѣ. А они шли далеко—изъ за горъ, гдѣ не удалось имъ дѣло, шли къ сербской границѣ, предчувствуя, что скоро тамъ нужны будутъ ихъ могучія, привыкшія къ бою руки .. Недалеко уже осталось до этой спасительной границы, часа три ходьбы, не больше. Надо спѣшить, пока не нагнали турки... Шестеро, на основаніи такихъ соображеній, рѣшили уходить немедленно...

И они ушли, захвативъ съ собою несчастную, измученную женщину... Они не хотѣли брать ее съ собою—все равно умирать ей, что здѣсь, что дорогою... Но одинъ изъ нихъ настоялъ и, взваливъ ее къ себѣ на широкую спину, прихвативъ поясомъ для прочности, понесъ на себѣ, поклявшись что не броситъ ея, пока не переступитъ сербской границы.

Они пошли на прямикъ, прямо черезъ ручей вбродъ...

— А вотъ и еще одна!... сказалъ передній.

— Мама моя, мама,—пропищала вытащенная изъ грязи дѣвочка, узнавъ мать въ печальной ношѣ за спиною...

— Мила... чуть прошептала женщина и заплакала...

Библиотека "Руниверс"

Не у одного изъ богатырей навернулась слеза и потекла по смуглымъ щекамъ, по длиннымъ усамъ съ просѣдью...

Взяли конечно и дѣвочку...

Не повезло богатырямъ... Почти у самой границы, въ виду сербскихъ постовъ, догнали ихъ турки... Много турокъ легло при этой свалкѣ... легли и пятеро богатырей. Только одинъ изъ нихъ спасся... тотъ, что былъ съ тяжелою ношею... Вынесъ онъ и мать, и ея ребенка и обезсиленный, потерявъ сознаніе, упалъ безъ чувствъ между выручавшими его сербскими войниками.

Этотъ богатырь и былъ Матвѣй Захаровичъ Жучекъ.

Возвращаясь позднею осенью въ Россію, я проѣздомъ черезъ Пештъ, встрѣтилъ Матвѣя Захарыча и его Милу... ребенокъ узналъ меня и улыбнулся...

Матвѣй Захарычъ везъ ее въ Малороссію, въ свой хуторокъ, гдѣ хотѣлъ оставить ее подъ присмотромъ одной старушки, своей далекой родственницы, а самъ намѣревался снова вернуться въ Сербію, говоря, что онъ еще тамъ понадобится.

Послѣднія неудачи Сербовъ нисколько его не обезкуражили. Капитанъ Жучекъ фанатически вѣрилъ въ хорошій исходъ всего дѣла, на служеніе которому посвятилъ себя всецѣло...

— Теперь я, положимъ, неодинокій бобыль, какъ прежде,—весело говорилъ онъ мнѣ... Вотъ Богъ дочку послалъ—Милочку... Думалъ и жена будетъ, да невышло, не захотѣлъ Господь... что дѣлать! Впрочемъ, Онъ знаетъ что дѣлаетъ... И если я самъ того не стою, такъ сбережетъ меня для моей Миленки. Батько будетъ съ турками драться, а дочка пускай за батьку молится—пойдетъ все ладно!..

„Пошли Богъ тебѣ счастія, честный боецъ! Пошли Богъ, чтобы сбылись твои свѣтлыя вѣрованія!“...

Н. Каразинъ.

Каттаро.

На узкомъ Далматинскомъ побережьѣ, близь черногорскихъ границъ, внутри бухты, похожей на недоступную нору, прижался къ горѣ городокъ Каттаро. Онъ построенъ на мѣстѣ римскаго Аскривія греческими выходцами и имѣлъ общинное устройство. Не смотря на выгодное въ стратегическомъ отношеніи мѣстоположеніе и устройство укрѣпленій, онъ, въ концѣ IX вѣка, былъ взятъ сарацинами; поэтому каттаряне должны были прибѣгнуть къ покровительству королей Сербіи, подъ которымъ и находились до второй половины XII вѣка. Монеты той эпохи, съ изображеніемъ св. Трифона, свидѣтельствуютъ, что этотъ угодникъ былъ покровителемъ общины. Въ концѣ XII вѣка Каттаро подпадаетъ власти греческихъ императоровъ, потомъ подчиняется ордену Тампліеровъ и, наконецъ, снова королямъ Сербіи. Послѣ Стефана Уроша (въ половинѣ XIV в.), когда слабое правительство Сербіи не могло защищать каттарянъ отъ внѣшнихъ враговъ. Каттаро признаетъ покровителемъ короля Венгріи Людовика, защитившаго его отъ венеціанцевъ. По смерти Людовика, король Босніи Твердко II завладѣлъ городомъ. Рагузяне, стоявшіе тогда на высотѣ могущества, ведутъ войны съ каттарянами; съ другой стороны, турки угрожаютъ всей Далмаціи. Каттаро отдается тогда подъ покровительство Венеціи (1420 г.), подъ условіемъ, однакожъ, сохраненія всѣхъ своихъ общественныхъ учрежденій. Но вліяніе Венеціанской республики отразилось какъ на укрѣпленіяхъ, такъ и на учрежденіяхъ и обычаяхъ каттарской общины. Въ половинѣ XVI и въ половинѣ XVII вѣковъ Каттаро долженъ былъ выдержать осаду Турокъ. Въ 1567 году городъ всецѣло былъ разрушенъ страшнымъ землетрясеніемъ, которое случилось какъ-быть въ торговый день, такъ что подъ развалинами его погибло много чужеземцевъ. Благодаря венеціанцамъ, Каттаро былъ выстроенъ вновь. Въ половинѣ XVIII вѣка, когда венеціанскій сенатъ нарушилъ условія своего покровительства каттарской общинѣ, въ городѣ сдѣлалось возмущеніе, и часть населенія, болѣе 80 семействъ, ушли на турецкую территорію, а нѣкоторые даже въ южную Россію. Но Венеція владѣла Каттаро до самаго своего паденія: тогда Австрія сдѣлалась владѣтельницей города. Въ 1806 году, когда вся Далмація была уже въ рукахъ французовъ, русскіе осадили Каттаро; но миръ въ Тильзитѣ остановилъ дальнѣйшее дѣйствіе русскаго флота, и Каттаро остался въ рукахъ французовъ. Въ 1813 году англичане взяли Каттаро вмѣстѣ съ его французскимъ гарнизономъ. Кромѣ того, черногорскій владыка не разъ пытался завладѣть городомъ, желая имѣть портъ на Адріатикѣ. По рѣшенію Вѣнскаго конгресса, въ 1814 г., Каттаро присоединенъ къ Австріи.

Взглянемъ на теперешній видъ города. Расположенный на берегу бухты, подъ защитою крѣпости, стѣны которой вползаютъ по голымъ крутизнамъ, городъ кажется врѣзаннымъ въ гору. Окружающія, почти отвѣсныя, угрюмыя скалы производятъ тяжелое впечатлѣніе. Лѣтомъ отъ этихъ скалъ, нагрѣтыхъ полуденнымъ солнцемъ, пышетъ жаромъ какъ отъ печей. У самаго порта, при подошвѣ горъ, возвышаются красивыя деревья, гдѣ набережная служитъ мѣстомъ прогулки городскихъ жителей. Тутъ же находится довольно приличный ресторанъ, гдѣ можно встрѣтить путешественниковъ, гарнизонныхъ офицеровъ и разныхъ австрійскихъ чиновниковъ. Каттарская бухта имѣетъ видъ остроугольнаго треугольника, въ вершинѣ котораго и расположенъ городъ; окружающія его справа и слѣва высокія горы заслоняютъ собою солнце, которое даже при своемъ высокомъ стояніи освѣщаетъ только вершины горъ. Поэтому во многихъ мѣстахъ города, въ узкихъ улицахъ, чувствуется недостатокъ свѣта. Но за то бухта представляетъ замѣчательное удобство для укрытія флота. Слѣдуетъ замѣтить, что отъ Каттарской бухты до открытаго моря 2 часа пути, и попасть въ нее можно не иначе, какъ пройдя 5 узкихъ проходовъ, называемыхъ *устьями* Каттаро. Внутренность города представляетъ рядъ маленькихъ улицъ, кривыхъ и запутанныхъ, съ высокими домами, украшенными балконами, и множествомъ магазиновъ. Отпечатокъ вліянія Венеціи виденъ повсюду. На нѣкоторыхъ публичныхъ зданіяхъ красуются крылатые львы, протягивая свои желѣзныя лапы. Городъ совершенно весь окруженъ стѣнами и имѣетъ три порта, изъ которыхъ 2 запираются съ закатомъ солнца, а послѣдній, гдѣ набережная, закрывается въ полночь. По развитію торговли, весь Каттаро можно назвать магазиномъ и главнымъ складомъ товаровъ всего побережья и Черногоріи. Базаръ бываетъ въ немъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Тогда приходятъ сюда изъ Цетинья торговки съ овощами и домашней птицей, не смотря на трудность горнаго пути и семичасоваго разстоянія. На базарахъ бдительно смотритъ полицейская власть, чтобы черногорцы не завели спора съ жителями. Въ огражденіе серьезныхъ столкновеній, запрещено черногорцамъ входить въ городъ, не оставивъ своего оружія у Южныхъ Воротъ, откуда идетъ путь въ Черногорію. Со стороны бухты есть другой рынокъ, куда привозятъ разные товары Боксецы. Число жителей въ Каттаро доходитъ до 5 тысячъ, между ними до 2-хъ тысячъ греческаго исповѣданія. Каттаряне вообще народъ простой и добрый, но въ то же время мужественный. Одежда мущинъ состоитъ изъ смѣси европейскаго и турецкаго платья: короткій камзолъ и жилетъ, украшенные золотою вышивкою, широкіе шаровары, чулки, круглая шапочка, галстукъ и широкій поясъ съ оружіемъ. Женщины слѣдуютъ итальянской модѣ и любятъ украшать себя золотомъ и драгоцѣнностями, надѣвая на шею тройное, даже четверное ожерелье.

Отъ Бухареста до Рущука.

Иллюстрированныя письма нашего корреспондента Н. Каразина

(Окончаніе).

Смутное, политическое время, рано наступившій холодъ въ верхнемъ теченіи Дуная, торговый кризисъ, злопамѣренная безпорядочность турецкихъ властей, усилившая и безъ того тяжелое бремя „военнаго положенія“, лежащее на всей придунайской полосѣ праваго берега, все это не могло не отразиться на внѣшнемъ видѣ великой славянской рѣки, на ея кипучей жизни, на ея разнохарактерной, живой, разноплеменной, бьющей въ глаза своею пестротою, дѣятельности.

И дѣйствительно, кто привыкъ видѣть Дунай, во время вполнѣ мирное, тотъ не узнаетъ его теперь, въ его настоящемъ, болѣзненно измѣнившемся видѣ.

Дунай и его берега готовятся къ ожесточенной борьбѣ: по мирнымъ водамъ плаваютъ дырявые, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно задорные турецкіе пароходы. Мирные галіоты съ ихъ эфектною, высокоподнимающеюся кормою, возятъ на своихъ палубахъ вооруженныхъ оборвышей и ихъ военный скарбъ.

Не успѣли еще замолкнуть грозные звуки выстрѣловъ, подонкихотствовавшихъ надъ скромною цитаделью Бѣлграда ав-

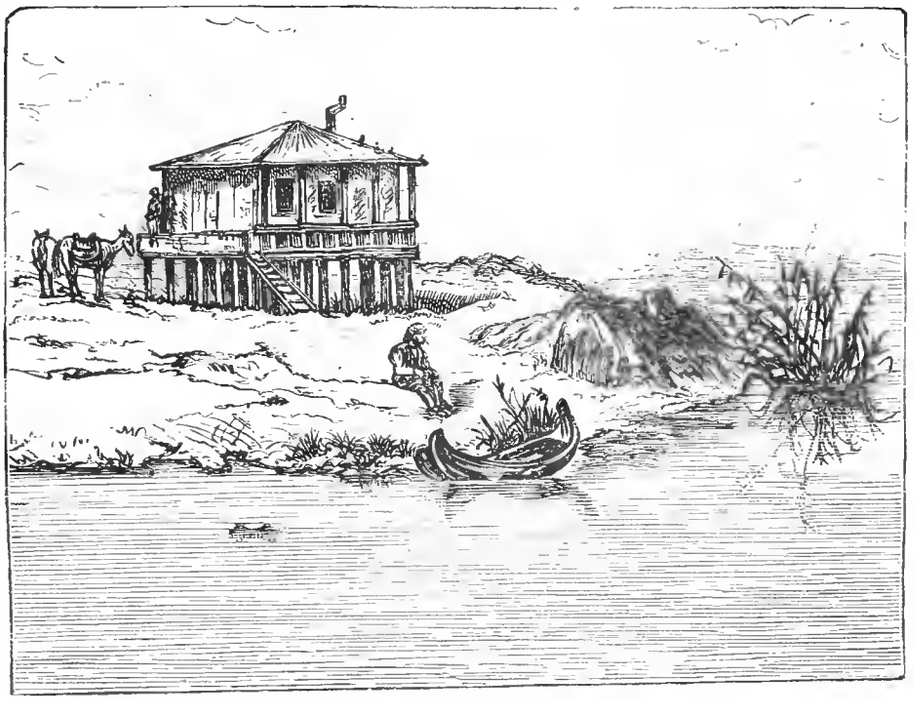
Библиотека "Руниверс"

стрійскихъ монитоpовъ, пролившихъ свою же собственную, австрійскую кровь, какъ на низменныхъ, песчаныхъ отмеляхъ, поросшихъ жалкимъ кустарникомъ, послышались дробные перскаты ружейной перестрѣлки между турками и румынскими доробанцами... Гдѣ-то между Галацомъ и Браиловымъ, въ одной изъ сторожекъ, цѣпью разставленныхъ по обоимъ берегамъ рѣки, нашли трупы убитыхъ ночью румынъ часовыхъ, въ другомъ мѣстѣ жизнью поплатился турокъ... Ночи не проходитъ, чтобы гдѣ-нибудь не слышались тревожные звуки, не поднималось бы на темномъ фонѣ ночного неба грозное зарево пожара.

Какіе же могутъ, при такой обстановкѣ, производиться мирныя торговыя операціи, кого безъ нужды и нужды крайней понесетъ путешествовать по этимъ опаснымъ водамъ? И вотъ, великая, грандіозная рѣка стихла, умолкла, обезлюдилась и погрузилась въ какое-то печальное, тоскливое, выжидательное состояніе. Конечно, я говорю про нижнее теченіе Дуная: верхнее — лежащее внѣ предѣловъ будущаго театра военныхъ дѣйствій, испытываетъ на себѣ только отраженіе смутныхъ событій, отраженіе, впрочемъ, все-таки довольно осязательное.

Въ такое-то время мнѣ не разъ приходилось плавать по Дунаю и вверхъ и внизъ по теченію, плавать и на палубахъ буксирныхъ пароходовъ, кстати уже, за отсутствіемъ пассажирскихъ, принимавшихъ и путешественниковъ и прохожихъ, на быстроскользящихъ рыбачьихъ лодкахъ, и въ рѣзной, ярко размалеванной рубкѣ галіота... и каждый разъ, сравнивая эти современныя поѣздки съ прежними веселыми, оживленными, комфортабельными плаваніями—я могъ вполнѣ уяснить себѣ, какое это странное явленіе — война, когда одно ожиданіе ея представляется въ такой безотрадной картинѣ.

Лѣвый берегъ Дуная еще пока мало измѣнился, уменьшилось только число судовъ, пріютившихся у пристаней его городовъ и мѣстечекъ—порѣдѣла эта вѣчная, лѣсная чаща мачтъ и снастей, закрывавшая прежде собою первые ряды городскихъ строеній... Этотъ берегъ большею частію нагорный: на немъ, въ группахъ садовъ, часто виднѣются веселые, крытые черепицею и бѣлою жестью, сверкающей на солнцѣ какъ серебро, крыши домиковъ, золотые кресты церквей и стройныя колокольни... По береговымъ дорогамъ тянутся громадныя валашскія телѣги четверками, на узкой песчаной полосѣ, подъ самою кручею, копошится народъ... Въ воздухѣ несутся звуки колокола, слышенъ говоръ, видно по всему, что страна еще живетъ, хотя и готовится къ какой-то невѣдомой, но вотъ-вотъ готовой наступить катастрофѣ, за то правый берегъ представляетъ собою самую безотрадную картину разгрома и запустѣнія.



Турецкій береговой блокгаузъ.

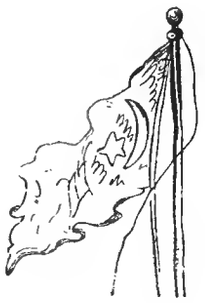
Низменная береговая полоса, кое-гдѣ поросшая жидкимъ тальникомъ, кое-гдѣ желтѣющая наносными илистыми песками, вѣчно подернутая синеватою дымкою болотистыхъ испареній —тиха и безмолвна. За нею чернѣютъ, крытыя прогнившей соломою, кровли хатъ болгарскихъ полуразоренныхъ деревень и селъ, часто показываются пепелища прежнихъ, быть можетъ даже недавно случившихся пожаровъ. Законченныя, полуразвалившіяся печи съ трубами, уцѣлѣвшими отъ огня, показываютъ, гдѣ были когда-то мирные дома поселянъ. По грязнымъ, но обработаннымъ дорогамъ давно уже не пробѣгала ни одна лошадь, не катилось арбяное колесо — не шагала лѣнивая воловья пара—все или перебито, замучено, или разбѣжалось и попряталось. Если вы и замѣтите здѣсь что-нибудь напоминающее жизнь, то присмотрѣвшись пристальнѣе, увидите нѣчто военное, разбойничье, или толпу полуголыхъ, согнанныхъ съ разныхъ концовъ, несчастныхъ болгаръ, съ лопатами въ рукахъ, трудящихся надъ возведеніемъ какого-нибудь верка или баттареи, а по близости—цѣпь турокъ часовыхъ, да англичанъ инженеровъ, съ бичемъ въ рукахъ, практикующихъ отъ скуки веселые эпизоды временъ плантаторства и черныхъ невольниковъ.

Румынскій береговой блокгаузъ.

Плывете вы дальше, уходя отъ этого невеселаго зрѣлища — подневольной, насильственной работы, отъ свиста англійскаго хлыста по злосчастнымъ болгарскимъ спинамъ. Кстати, мнѣ случалось слышать разсказъ болгаръ о томъ, что нагайка баши-бузука все таки не такъ больно дерется, какъ усовершенствованный, англійскій хлыстъ изъ гуттаперчи, да и рука, управляющая послѣднимъ, гораздо болѣе напрактикована и хлещетъ съ научно-разсчитанною ловкостью... Оно и понятно—гдѣ же баши-бузукамъ дойти до такого совершенства, они вѣдь дикари, а англичане *„просвѣщенные мореплаватели, изобрѣтатели* и проч., и проч., и проч...

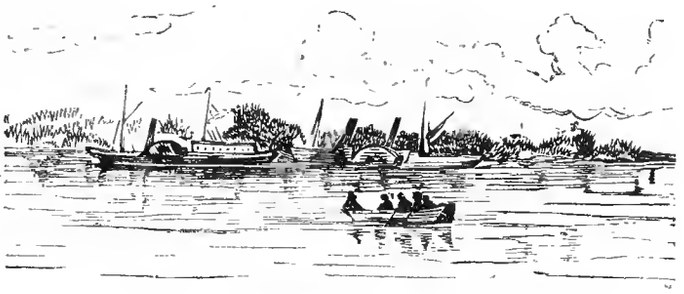
Съ правой и съ лѣвой стороны, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, у самой воды, стоятъ вдоль береговъ одино-

Библиотека "Руниверс"

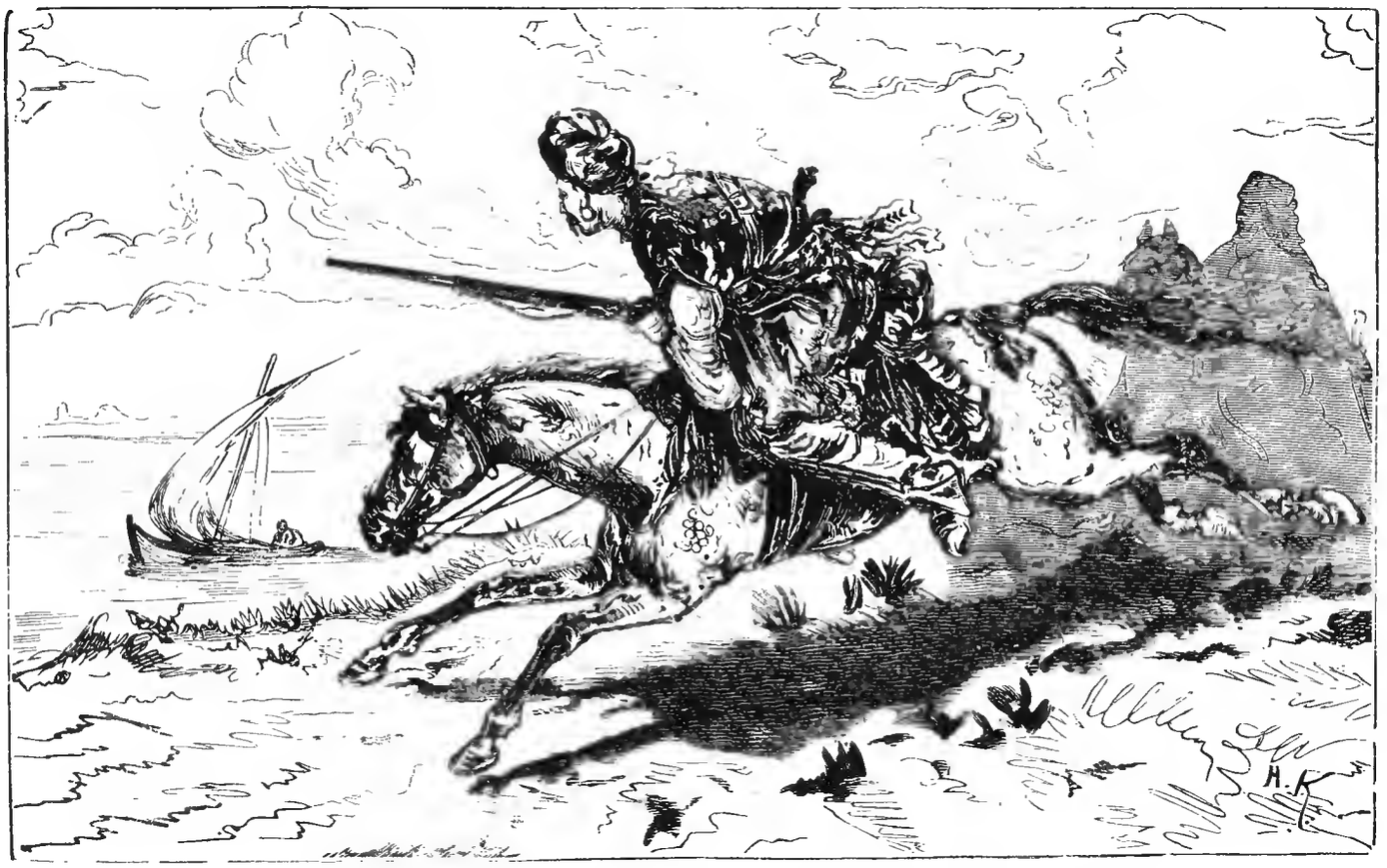


Турецкій флагъ.

кіе сторожки-блокгаузы, слѣва турецкіе, справа — румынскіе, это если вы ѣдете снизу вверхъ. Турецкія постройки аккуратнѣе —они большею частью на сваяхъ, двухъ этажныя, надъ крышею торчитъ колѣномъ труба желѣзной печки, за перилами балкона движется фигура часового... около стоятъ двѣ или три верховыхъ лошади, осѣдланныя и замуништученныя, на случай погони, или для того, чтобы скорѣе дать знать куда слѣдуетъ при малѣйшемъ намекѣ на опасность... Часто случа-



Турецкій военный пароходъ у острова „Ромадонъ".



Баши-бузукъ изъ Анатоліи (Береговые разъѣзды для наблюденія за подозрительной лодкой).

лось, что лодка, движущаяся подъ косымъ парусомъ по самой срединѣ рѣки, покажется часовому почему-либо подозрительною,—тотчасъ же отъ сторожеваго домика отдѣлится одинъ или два всадника и несутся по берегу, провожая такую лодку, пока она или не скроется изъ вида, за поворотомъ рѣки, или на смѣну скакавшимъ наблюдателямъ, не выѣдутъ новые, изъ сосѣдняго блокгауза. Случается, что всадникъ скачетъ, скачетъ, да вдругъ ни съ того, ни съ другого и пуститъ пулю изъ своего длиннаго ружья: „на всякій, молъ, случай, пуля виноватаго найдетъ, а коли правъ, то Аллахъ пронесетъ ее мимо". Случается, что въ отвѣтъ на такой безцеремонный выстрѣлъ и надъ бортомъ лодки вспыхнетъ бѣлый клубочекъ

Турецкій св. колодезь по дорогѣ къ Шумлѣ.

Турецкое кладбище за восточнымъ фронтомъ рущукскихъ укрѣпленій.

Библиотека "Руниверс"

пороховаго дыма и черезъ голову испуганнаго коня, на всѣмъ скаку кувыркнется черезъ чуръ уже ревностно исполняющій свою обязанность всадникъ. У турецкихъ блокгаузовъ часто вы видите и лодки, привязанныя къ кольямъ—это на случай погони за контрабандистами, только эти лодки никогда не гоняются за

Блиндированныя бараки для прикрытія гарнизона во время бомбардированія.

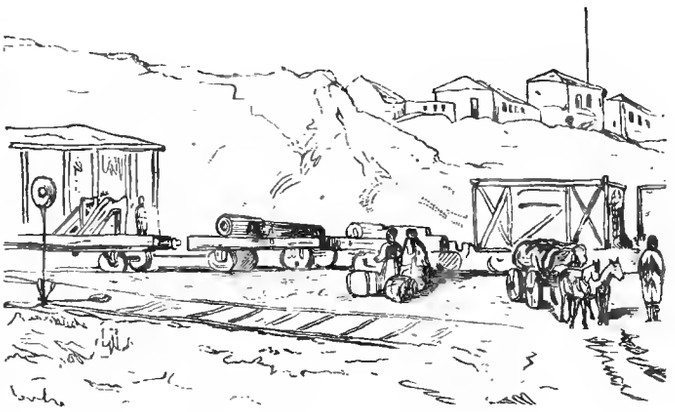
ними, изъ справедливаго опасенія, что изъ такой погони имъ цѣлыми не уйти, ибо гдѣ же неловкой турецкой лодкѣ справиться съ лихимъ, легкимъ какъ ласточка, каикомъ отважнаго контрабандиста и рыболова некрасовца, зарабатывающаго себѣ не малую деньгу ловлею рыбы, только не той, что идетъ на столъ, а той, что плаваетъ въ *мутной водѣ*, гдѣ она и ловится людьми, свое дѣло знающими.

Румынскіе блокгаузы устроены проще: простая землянка или мазанка, крытая камышемъ или соломою. Эти сторожки теперь большею частью пусты, особенно послѣ нѣсколькихъ случаевъ убійства сторожей, когда не слишкомъ храбрые румыны поспѣшили, во избѣжаніе такихъ случаевъ, просто на просто убрать своихъ часовыхъ и не подвергать ихъ совершенно безполезной опасности. А что эта опасность совершенно безполезна, въ томъ не можетъ быть и сомнѣнія, — что можетъ сдѣлать одинокій сторожъ въ виду какого-нибудь крупнаго покушенія на право неприкосновенности румынскаго берега, между прочимъ при частомъ расположеніи вдоль берега румынскихъ селъ и мѣстечекъ подобное покушеніе не можетъ остаться незамѣченнымъ, и мѣра, принятая во время и въ должныхъ размѣрахъ, всегда окажется гораздо болѣе дѣйствительною.

Турецкіе женщины на улицахъ.

Вѣдь попались же турки дровосѣки, перебравшіеся на румынскій островъ Ромоданъ, лежащій противъ Рущука, да какъ попались—они потеряли четырнадцать человѣкъ плѣнными и двухъ убитыми—уронъ достаточный, вызвавшій со стороны турокъ взрывъ негодованія за *безчеловѣчность* (какъ вамъ это нравится?) румынъ, и даже нѣчто въ родѣ австрійской военной демонстраціи подъ Бѣлградомъ, т. е. появленіе у берега этого злосчастнаго для турокъ острова двухъ военныхъ пароходовъ, подъ краснымъ флагомъ, съ бѣлою луною и звѣздами.

Скажу, кстати нѣсколько словъ по поводу своихъ строкъ, набросанныхъ перомъ на поляхъ этого письма. Они сдѣланы въ Рущукѣ, откуда пишу вамъ свое второе письмо, служащее какъ бы дополненіемъ перваго—это срисовано мною съ натуры, турецкое кладбище, за восточнымъ фронтомъ городскихъ укрѣпленій. Обнесенное каменною оградою, раскинувшееся на склонѣ горы, съ своими оригинальными, торчкомъ стоящими надгробными плитами и кое-гдѣ разбросанными фруктовыми



Круповскіе пушки на платформѣ желѣз. дороги.

деревьями, оно представляетъ довольно оригинальное зрѣлище, особенно, когда оживлено фигурами, а это оживленіе почти не прекращается, ибо, благодаря брюшному тифу и разнымъ простуднымъ видамъ болѣзней, свирѣпствующихъ въ рядахъ турецкихъ войскъ, особенно въ рядахъ рущукскаго гарнизона, въ похоронахъ недостатка не бываетъ.

Недалеко отъ этого кладбища, у самой дороги, стоитъ старинный турецкій колодезь, защищенный восьмиугольнымъ каменнымъ кіоскомъ. Надъ замкомъ свода крыши укрѣплено грубое изображеніе луны, постоянный пріютъ воронъ, находящихъ себѣ достаточно пищи въ этихъ грудахъ мусора и нечистотъ, окружающихъ опустѣлый колодезь и полуразвалившуюся ограду загороднаго кладбища.

Два слѣдующихъ рисунка изображаютъ круповскія орудія, привезенныя для вооруженія ново-строющихся турецкихъ редутовъ вокругъ Рущука. Вотъ уже скоро недѣля, какъ эти массивныя тѣла мирно покоятся на платформахъ желѣзной дороги, въ ожиданіи когда ихъ перетащутъ на болгарскихъ спинахъ на платформы боевыя, надъ возведеніемъ которыхъ и день и ночь копается до трехъ тысячъ человѣкъ рабочихъ. На второмъ рисункѣ видны блиндированные бараки-землянки, выстроенные за крѣпостнымъ фронтомъ внутри и предназначенные для помѣщенія артиллерійской прислуги и защиты ея отъ навѣсныхъ выстрѣловъ осаждающей арміи. Каждый такой баракъ-блиндажъ можетъ вмѣстить въ себѣ до сорока человѣкъ, а то и больше, если потѣснятся. Его толстая, сводчатая крыша, сложенная изъ камня, и толстый слой насыпанной сверху земли, весьма достаточенъ, чтобы противустоять удару гранаты или бомбы, если только эта бомба, проникнетъ хотя на поларшина въ толщу земляной одежды и разорвется тамъ, отчего, конечно, обитателямъ барака не поздоровиться.

На послѣдней виньеткѣ нарисованы двѣ закутанныя, неловко движущіяся въ своихъ широкихъ одеждахъ турчанки. Переходъ отъ блиндированныхъ бараковъ къ этимъ фигурамъ весьма извинителенъ: и тѣ и другія блиндированы: одни камнемъ и землею отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, другіе—тонкою вуалью отъ взоровъ любопытнаго встрѣчнаго, которому предоставляется возможность любоваться только глазами турецкой красавицы, дѣлая обо всемъ остальномъ какія угодно заключенія и предположенія.

Къ рисункамъ.

Убійца, выжидающій свою жертву.

Историческіе романы, ходячія легенды, разныя сказанія и вообще поэзія облекли соціальную жизнь итальянскихъ городовъ, въ средніе вѣка, извѣстнымъ драматическимъ интересомъ, и этотъ интересъ еще болѣе увеличивается привлекательностью самаго мѣста дѣйствія, какова Италія, съ ея роскошнымъ климатомъ, съ ея художественными произведеніями. Дѣйствительность въ Италіи, однако, имѣла далеко не такой характеръ, особенно по сравненію съ другими странами Европы. Какая яркость, пестрота нравовъ и характеровъ представлялось тогда! честный и глубоко-религіозный народъ, добрыя мужья, вѣрныя женщины, доброжелательныя сосѣди, граждане, уважающія права другихъ, отвращающіеся отъ всякихъ заговоровъ, вспышекъ, бунтовъ—и наряду съ этимъ распущенность, презрѣніе семейныхъ узъ, законовъ, чести: заговоры бунты!.. Такъ было въ Мантуѣ, Вѣронѣ. и др. Это было бурное время ожесточенной борьбы самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Миролюбивая и благомыслящая часть тогдашняго общества была совершенно побѣждена и уничтожена, какъ кажется, высокомѣріемъ и насиліемъ соперничествующихъ партій и даже цѣлыхъ клановъ, которые (партіи и кланы) группировались около знатныхъ фамилій, бывшихъ руководителями возмутившихся горожанъ. Возникала война, сраженія происходили на улицахъ города. Тогда-же получили громадное развитіе и тайныя убійства; Но часто случалось такъ: собиралось въ банду или шайку человѣкъ 5—6 близкихъ родственниковъ и шли на добычу, или предводителемъ банды являлся владѣтель недвижимой собственности: въ городѣ, онъ собиралъ своихъ друзей и домочадцевъ, вооружалъ ихъ и шелъ отыскивать подобную-же банду своихъ враговъ. Шекспиръ, въ тѣхъ своихъ драмахъ, которыя онъ бралъ изъ жизни средневѣковаго итальянскаго общества, прекрасно обрисовалъ этотъ характеръ быта итальянскихъ городовъ. Припомнимъ сцену изъ „Ромео и Жульетты“,

Библиотека "Руниверс"

драму сюжетъ для которой „Шекспиръ заимствовалъ изъ итальянской сказки Луиджи-да-Порто изъ Виченцы. Въ этой сценѣ мы видимъ Тибальта и Меркуціо готовыхъ помѣряться другъ съ другомъ своими убійственными ножами и затрещинами, и какъ слуги того и другого кусаютъ другъ другу руки. Беремъ другую драму Шекспира, напр. хотя-бы „Отелло", мы видимъ и здѣсь что убійство было въ это бурное время самымъ привычнымъ, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ въ Италіи. Такъ Яго выводятъ на улицу молодаго безумца Родериго и даетъ ему инструкціи для убійства Кассіо, какъ для самой обыкновенной вещи...

Прилагаемая гравюра представляетъ намъ стройную, но мрачную и разбойническую фигуру истаго итальянскаго „браво" или наемнаго убійцы, взявшагося исполнить кровавую месть какого нибудь сеньора. Онъ не шелохнется, выжидая своей жертвы... Художникъ видимо, овладѣлъ своей мыслію въ совершенствѣ, выразилъ её въ каждой частности этой мрачной фигуры. Возьмитѣ ея голову и—выраженіе мысли художника попрежнему сильно: оно чувствуется вовсей фигурѣ, въ экспрессіи рукъ, въ постановкѣ ногъ. Закройте половину фигуры—и мысль художника по прежнему будетъ понятна. Вотъ что значитъ овладѣть вполнѣ „сюжетомъ" и умѣть въ совершенствѣ передать его. Здѣсь невольно припоминается выраженіе, что прекрасное всегда просто. Да, но многіе-ли „мудрые" способны возвысится до такой простоты.

Непрошеный гость.

(Картина Бекельмане)

При взглядѣ на эту картину невольно воскресаютъ воспоминанія дѣтства. Затишье дворика вѣетъ миромъ и отрадою. Мальчикъ съ миской похлѣбки, „барбосъ" „или волчекъ" явившійся безъ зову на вкусный запахъ и не спускающій глазъ съ ложки, кажутся давнишними знакомыми. Утята, разбѣгающіеся при видѣ непрошеннаго гостя въ разныя стороны, сердящіеся гуси, раскрытый сѣновалъ, съ запутавшимся въ сѣнѣ цыпленкомъ, свиное рыло, высунувшееся изъ мѣста заточенія его обладателя, заслышавшаго оттуда запахъ пищи,—всѣ мелочи домашняго сельскаго быта, какъ онѣ не ничтожны сами по себѣ, заставляютъ забыть шумную городскую жизнь, полную тревогъ и волненій. Таково впечатлѣніе прилагаемой картинки Бекельмана.

Политическое обозрѣніе.

Наконецъ, лондонскій протоколъ, по поводу котораго было столько гаданій, предположеній, обсужденій, подписанъ представителями 6 великихъ державъ. Это подписаніе состоялось въ прошлую субботу 19 (31) марта, вечеромъ и этимъ актомъ рѣшеніе вопроса о «мирѣ или войнѣ» перенесено въ Константинополь. Вслѣдъ за тѣмъ стало извѣстно, что Реуфъ-паша уже окончательно назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ для переговоровъ по поводу протокола. Европейскіе повѣренные въ дѣлахъ при Портѣ должны объявить турецкому правительству протоколъ 22 марта (3 апрѣля). Обладаетъ ли этотъ протоколъ такою силою моральнаго давленія на Порту, что она незамедлитъ произвести немедленно много обѣщенныя ею реформы относительно балканскихъ славянъ, или протоколъ этотъ отличается характеромъ снисходительности, съ которой Порта привыкла и благодаря этой привычкѣ всегда обходила и обходитъ европейскія требованія. Но такъ какъ содержаніе и характеръ протокола еще не извѣстны, то и предугадывать его впечатлѣніе на Порту и вообще послѣдствія, конечно, преждевременно.

Но протоколъ, какой бы онъ ни имѣлъ характеръ, не есть что нибудь рѣшающее дѣло, такъ сказать, безповоротно. Онъ просто временное соглашеніе въ цѣляхъ мира или войны — это безразлично. Вѣдь ужь даже англійская газета «Daily Teledruph» проводящая политическія воззрѣнія самого Биконсфильда, высказывается, что опасность войны не миновала съ подписаніемъ протокола. Протоколъ, правда можетъ повести и къ важнымъ послѣдствіямъ, если подписавшія его державы будутъ настойчиво требовать исполненія его существенныхъ пунктовъ, онъ можетъ остаться и простою формальностью, если коллективной настойчивости державъ не состоится. Мы знаемъ, что такъ называемый Петербургскій протоколъ, предшествовавшій освобожденію Грековъ, въ 1 четверти текущ. вѣка повелъ къ послѣдствіямъ весьма важнымъ—именно къ упомянутому освобожденію; но значительностью своего результата этотъ протоколъ обязанъ единодушію державъ и тому, что тогда во главѣ британскаго министерства находился благородный, гуманный и великодушный коннингъ. Не будь коннинга—дѣло не сомнѣнно рѣшилось бы нѣсколько иначе. До сихъ поръ новая исторія (или говоря тѣснѣе) исторія Европы въ XIX вѣкѣ доказывала намъ, что Англія составляла барометръ, покрывавшій давленіе политической атмосферы, насколько дѣло касалось Востока. Такъ представляется дѣло и теперь. По силѣ вещей вліяніе Англіи въ рѣшеніи восточнаго вопроса не утрачено и не можетъ быть утрачено, именно благодаря ея корыстолюбивой, основанной на коммерческихъ разсчетахъ, политикѣ. Давно бы слѣдовало, конечно, выдѣлить это корыстолюбіе, изъ весьма серьезнаго и жгучаго вопроса объ освобожденіи *райи* изъ подъ турецкаго ига но сила эгоизма и бездушнаго корыстолюбія такъ велика еще во второй половинѣ XIX вѣка, что о прямомъ и безкорыстномъ осуществленіи со стороны европейскихъ государствъ общечеловѣческаго долга—освобожденія угнетенныхъ еще, какъ видно, и рѣчи быть не можетъ. Да и мало ли чего еще мы насмотримся въ исходѣ XIX столѣтія благодаря именно бездушному эгоизму и корыстолюбію въ общеевропейской политикѣ, настоящій тонъ которому даетъ Англія! Еще, видно, далеко то время, когда европейскій человѣкъ можетъ сказать: я дѣлаю не то, что мнѣ выгодно, а то, что повелѣваетъ мнѣ долгъ.

Странно сказать, а вѣдь Англія, въ существѣ дѣла, съ замѣчательною дерзостью преслѣдуетъ въ своей общей политикѣ извѣстный Меттерниховскій принципъ «divide et impera» (раздѣляй и властвуй) съ тою разницей, что Меттернихъ примѣнялъ это правило относительно народовъ, составляющихъ Австрійскую имперію, а Англія практикуетъ это правило надъ Европою. Возбудитъ взаимно недовѣріе между континентальными державами—это старинный конекъ Англіи. Кто слѣдилъ за текущею политикою въ теченіе прошлаго года, тотъ могъ замѣтить съ какою ловкостью употребляла свой принципъ Англія всюду гдѣ находила удобный случай. Если, — что конечно, несомнѣнно,— Англія будетъ держаться такой политики и теперь, когда державы обязаны наблюдать за соблюденіемъ условій протокола, то небольшихъ же мы результатовъ дождемся отъ продолжительной дипломатической работы по восточному вопросу.

Благодаря сейчасъ охарактеризованному политическому коварству Англіи, лондонскія газеты просто приходятъ въ восторгъ, «Morning-Post», напримѣръ, уже прямо выражаетъ надежду, что Россія конечно, засвидѣтельствуетъ свое миролюбіе «чѣмъ нибудь *большимъ* (?) нежели простое распущеніе ея арміи.» Daily News высказываетъ мнѣніе, что хорошо-де было-бы, если-бы протоколъ «доставилъ Россіи возможность избѣгнуть войны, не принеся въ жертву свое достоинство.» Что это за нѣжная заботливость по поводу Россіи, напоминающая сердобольныхъ кумушекъ-плакальщицъ! Эта забота производитъ впечатлѣніе, крайне нехорошее, потому что не искренна. Настоящее чувство опасенія замаскировывать кислою миной состраданіи—это по англійски!.. Замѣтимъ еще, для болѣе точнаго освѣщенія дѣла, что и самое подписаніе протокола *ускорилось* только благодаря категорическому заявленію, обращенному С.-Петерб. кабинетомъ къ С. Джемскому, съ приглашеніемъ дать *положительный* отвѣтъ въ *пятидневный* срокъ *), отвѣтъ разумѣется на циркулярную ноту нашего Канцлера). Тогда, въ виду этого энергическаго призыва со стороны Россіи, англійское министерство быстро воспрянуло отъ дремоты, и принялось за протоколъ, который спрятали-было подъ сукномъ и которому нѣкоторыя европейскія газеты собирались-было спѣть «вѣчную память».

Такимъ образомъ самое подписаніе лондонскаго протокола является результатомъ настойчиваго запроса со стороны Россіи, обращеннаго къ Англіи. Какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого—несомнѣнно покажетъ близкое будущее.

Перейдемъ къ другимъ новостямъ, имѣющимъ ближайшее соотношеніе съ главнымъ вопросомъ.

— На мѣсто прежняго уполномоченнаго со стороны Британіи въ константинополѣ, Сэръ Генри Элліотъ, туда отправляется лордъ Лайярдъ, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго. Лордъ Лайярдъ извѣстенъ какъ завзятый туркофилъ.

— О Черногоріи сообщаютъ, что уступки князя Николая въ мирныхъ переговорахъ, благодаря давленію Австріи, Англіи и Италіи, доведены до всевозможнаго минимума. Теперь уже Черногорія не требуетъ себѣ портовъ на Адріатическомъ морѣ Суттаринскаго и Спиццскаго, а также исправленія границъ Черногоріи рѣкою Морачей до Скандарскаго озера. Вопросъ о крѣпости Никшичъ также продолжаетъ быть спорнымъ. За тѣмъ, превосходныя для пастбищъ скота мѣстности, каковы Колачинъ, Кучи-Дреколовичи и Вассоевичи,—купленныя Черногорскою кровью, тоже повидимому, уходятъ изъ рукъ Черногоріи, такъ что геройская страна третируется не какъ побѣдительница, а почти какъ побѣжденная. Блестящіе военные успѣхи остаются безъ результатовъ. До сихъ поръ Черногорскіе делегаты въ мирныхъ переговорахъ настаивали на своихъ требованіяхъ относительно исправленія границъ. Съ подписаніемъ же лондонскаго протокола соглашеніе между Турціей и Черногоріей считаютъ менѣе невѣроятнымъ.

— По вопросу о вооруженіяхъ Порты извѣстно, что турецкое правительство призвало къ оружію всѣ классы редифовъ и ополченіе; что ополченцы снабжаются оружіемъ одеждою и всѣмъ необходимымъ на счетъ правительства и будутъ употреблены для военныхъ дѣйствій противъ инсургентовъ въ Босніи, редифамъ-же назначено отправиться въ Болгарію, затѣмъ—извѣстно, что турецкій генералиссимусъ Абдулъ-Керимъ измѣренъ немедленно

*) Извѣщеніе объ этомъ въ формѣ корреспонденціи помѣщено было въ вѣнской газетѣ „Politische Correspondent"

Библиотека "Руниверс"

приступить къ осмотру войскъ. Когда, передъ подписаніемъ протокола въ Константинополь пришло извѣстіе о неудачномъ исходѣ переговоровъ представителей великихъ державъ въ Лондонѣ—это извѣстіе привело Порту въ настоящую панику. Министры нѣсколько разъ собирались на совѣщанія, и рѣшили съ возможною поспѣшностью усилить приготовленія къ войнѣ. Мухтаръ-паша немедленно отправился въ Эрзерумъ, гдѣ, такъ-же, какъ и состороны Албаніи происходятъ усиленныя приготовленія къ войнѣ. Турецкій броненосный флотъ отправился въ Черное морѣ подъ начальствомъ Гобарта-паши (ренегата-англичанина), по первому сигналу этому флоту предписано было двинуться къ устьямъ Дуная, въ Сулину и въ Батумъ; затѣмъ, во всѣ провинціи послано приказаніе вооружить черкесовъ; сдѣлано также распоряженіе напасть на Черногорію и на Сербію,—на послѣднюю подъ тѣмъ предлогомъ, что она не прочла султанскій фирманъ въ сенатѣ и скупщинѣ, какъ того требовала Порта. Затѣмъ, въ виду все тѣхъ-же военныхъ приготовленій, правительство султана рѣшило сдѣлать новый выпускъ пресловутыхъ *каимэ* (бумажныхъ денегъ), не смотря на то, что они утратили теперь всякую цѣнность.

— Этотъ невольный турецкій переполохъ нѣсколько предначертываетъ намъ, тотъ общій планъ, на основаніи котораго будетъ оперировать Порта въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Дервишъ-паша у ней на готовѣ, по первому знаку напасть на Черногорію; на границѣ Албаніи сосредоточатся турецкія войска, что-бы предотвратить враждебное Портѣ движеніе Миридитовъ и друг. племенъ на сѣверъ. Затѣмъ дикія шайки Черкесовъ и всякая иррегулярная сволочь должна стянуться къ Босніи, Сербіи и Болгаріи и проч. Дервишъ-паша объявилъ, что онъ во всякое время готовъ напасть на Черногорію и вотъ почему становится еще болѣе понятна крайняя медленность мирныхъ переговоровъ Порты съ Черногорскими делегатами. Очевидно существуетъ напряженное фанатическое ожиданіе упорной войны, и съ этой точки зрѣнія Дервишъ-паша *) совѣтуетъ Портѣ не стоять за Никшичъ, такъ какъ крѣпость эта въ стратегическомъ отношеніи ничтожна.

— Изъ Рима сообщаютъ, что состояніе здоровья папы находится въ безнадежномъ положеніи, такъ что ожидаютъ его кончины. Это ожиданіе смерти римскаго первосвященника усилило до крайнихъ предѣловъ, разногласія, существовавшія въ средѣ прелатовъ—католиковъ. Пущены въ ходъ со стороны извѣстной партіи прелатовъ тайныя подпольныя дѣйствія для избранія антипапы.

— Генералъ Игнатьевъ возвратился въ С-Петербургъ изъ своего путешествія по Европѣ 18 (30) марта, въ пятницу.

— Согласно обычаю соединенныхъ Сѣвер.-Амер. штатовъ измѣнять составъ дипломатическаго корпуса за границею при каждомъ новомъ избраніи президента,—на мѣсто нынѣшняго американскаго посланника въ Петербургъ г. Бокера, будетъ, какъ говорятъ, назначенъ генералъ Логау.

— Носятся слухи, что лѣтомъ нынешняго года Петербургъ посѣтитъ бывшій президентъ Севѣр.-Америк. союза Генералъ Грантъ.

— Въ Петербургъ не давно прибыла Боснійская депутація, путешествующая по европейскимъ столицамъ по порученію своихъ согражданъ.

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, Дервишъ-паша назначается губернаторомъ г. Салоникъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Богатство языка—есть богатство мысли (Карамзинъ).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы. Глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ и это приписываютъ разборчивости вкуса, странности и т. д. Тотъ-же глупецъ восхищается романами Дюкре-Дюминиля и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго (Пушкинъ).

Ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства (Байронъ).

Надобно умѣть умирать, но надобно и умѣть жить. Послѣднее гораздо труднѣе перваго. Сколько людей умираетъ, вовсе не поживъ на свѣтѣ (Вольтеръ).

Замѣтка.

Въ № 9 «Нивы», наст. года, въ статьѣ «Новороссійскій рельсопрокатный заводъ» (стр. 148) было сказано, что на устройство завода потребовалось капитала до 30 милліоновъ, и что на этомъ заводѣ нѣтъ русскихъ рабочихъ.

Мы получили въ настоящее время свѣдѣнія отъ лица вполнѣ знакомаго съ дѣлами этого завода, что заводъ принадлежитъ «Новороссійскому обществу», основной капиталъ его 3,800,000 рублей, акціонеры—частью русскіе, частью иностранцы, на заводѣ до 2,200 человѣкъ русскихъ и между лицами, руководящими дѣлами завода, на половину русскіе.

Даемъ мѣсто этой замѣткѣ, какъ поправкѣ не точныхъ свѣдѣній, ранѣе сообщенныхъ намъ о заводѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Поступившіе въ контору «Нивы» въ пользу пострадавшихъ славянъ: отъ гг. служащихъ въ Комп. Волжско-Тверскаго по цѣпи пароходства 15 р. 50 к., учениковъ и учениць Воскресенскаго приходскаго училища 3 р. 10 к., Мамонтова 3 р. Шертова 1 р., Трунина 1 р., прихожанъ Георгіевской церкви 8 р., учениковъ Ломовскаго приходскаго училища 2 р., Воинова 3 р. 50 к., Заблоцкаго, Жуковскаго, Старцева, Лумберга, Константинова, Шольтицъ, Левашева, Вайкова, по 50 к. отъ каждаго, а всего 41 р. 10 к. Сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ подъ квитанцію за № 2 79.

2) **М. Быковъ, В. М—енко.** Хотя поэтъ говоритъ:

«Гармоніи стиховъ божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ»,

но надо же грамотѣ поучиться хоть немного. Вы, напримѣръ, пишете:

«Любовь *вручить*, какъ Божій даръ
Какъ радость жизни *съ тайной чаръ*.

Согласитесь, вѣдь это все ровно что сказать: *сапоги въ смятку*.

3) **Москва. Пятешки, В. Д—ову.** Необходимо чтеніе образцовыхъ сочиненій. Изъ присланнаго вами видно только, что вы человѣкъ грамотный и владѣете стихомъ, но для поэзіи этого мало.

СОДЕРЖАНІЕ: **Э. И. Тотлебенъ** (съ портретомъ).—**Валтасаръ** (изъ Гейне) (стихотвореніе) **Иванова**.—**Госпожа маркиза** (Новелла Поля Гейзе).—**Миленка.** (Разсказъ изъ прошлогодней жизни въ Сербіи). (Окончаніе) **Н. Каразина**—**Каттаро** (съ 2-мя рисунками).—**Отъ Бухареста до Рущука.** Иллюстрированныя письма нашего корреспондента **Н. Каразина** (съ 10-ю рисунками (окончаніе).—**Убійца, выжидающій свою жертву** (съ рисункомъ).—**Непрошенный гость** (картина Бевельмана) (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Мысли замѣчательныхъ людей. — Замѣтка. — Почтовый ящикъ. — Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за АПРѢЛЬ съ 34 рисунками, большой листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 33 рисунками разнообразныхъ буквъ для мѣтки бѣлья.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1877 года продолжается съ 25 мая по 15 августа.

СТОЛЫПИНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Сѣрно-соляныя источники (въ 16 унц. 139 гр. безводныхъ солей, въ томъ числѣ сравнительно много брома); **желѣзистыя источники** (въ 16 унц. 28 гр. солей, въ томъ числѣ 0,5579 гр. двууглекислой закиси желѣза); **минеральная грязь** (тождественная, по анализу проф. Шмидта, съ Гапсальскими морс. грязями). **Настоящій степной Кумысъ.**

Главныя болѣзни: хроническій ревматизмъ, золотуха, сифилисъ, накожныя болѣзни, увеличеніе печенки и селезенки, скрытый геморрой, нервныя боли, параличи, хроническія женскія болѣзни, малокровіе и хлорозъ и зависящія отъ нихъ страданія.

Заведеніе находится Самарской губ., въ 50 верстахъ отъ р. Волги. Сообщеніе: по желѣзной дорогѣ до Саратова или Сызрани; затѣмъ 10 часовъ, ѣзды на пароходѣ до пристани с. Балакова переѣздъ изъ Балакова на воды въ удобныхъ тарантасахъ (4 часа ѣзды).

Весь расходъ больного за меблированную квартиру съ самоваромъ и прислугою, за право посѣщенія воксала и танцовальныхъ вечеровъ, за музыку, газеты, библіотеку, питье минеральной воды, ежедневную ванну, врачебные совѣты и обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ—составляетъ вмѣстѣ, смотря по величинѣ занимаемой квартиры, отъ 110 до 155 руб. за 6 недѣльный курсъ. Для менѣе состоятельныхъ больныхъ назначается съ 15-го Іюля 2-й курсъ лѣченія съ платою 65 руб.

Подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ жизни и химическомъ составѣ минеральныхъ источниковъ можно получать: въ Петербургѣ—съ книжномъ магазинѣ Е. Шамбахера, на Вознесенскомъ пр. № 22; въ Москвѣ—въ магазинѣ аптекарскихъ товаровъ Гетлингъ и К°, Столечниковъ пер.; д. Ребиндеръ; жителей другихъ городовъ просятъ обращаться письменно въ контору Стол. Мин. Водъ, Самарской губ. черезъ с. Балаково.

Директоръ Стол. Мин. Водъ Др. мед. К. Ивенсенъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписч. нашихъ, при перем. адр. высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . 60 коп.
2) „ „ Иногороднаго на С.-Петербургскій . . 50 „
3) „ „ Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

БѢЛЬЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ВКУСѢ:
для дамъ, дѣтей и новорожденныхъ,
ГОТОВОЕ И НА ЗАКАЗЪ:
Рубашки, кофты, панталоны, юбки, капоты, корсеты, носов. платки, вуали, шарфы, мовѣйшіе воротники и чепчики, передники, платья, шляпки, косочки, нагрудники, чулки и пр. Въ магазинѣ „Французской бѣлошвейной“ («Lingerie française»), на Исаіевской площ., домъ № 4 (между Больш. и Мал. Морскими). 1—1

ГГ. АПТЕКАРЯМЪ.
Кто желаетъ отдать въ аренду аптеку, прошу сообщить условія, Полтавской губ. въ м. Борисполь. А. Ф. Гофману. 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 30 Марта 1877 г. **Контора изданія: въ Спб., Больш. Морская, д. № 9.** Тип. **Велмина Англ. пр., № 10.**

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 15 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 11 Апрѣля 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи .	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Акрополь въ Аѳинахъ.

Общій видъ Аѳинскаго Акрополиса. Рис. Е. Гильомъ, грав. Лапланть.

Библиотека "Руниверс"

Акрополь въ Аѳинахъ и гавань Пирей.

I.

Пирей — аѳинская гавань въ Эгинскомъ заливѣ, въ 2 м. отъ Аѳинъ, съ которыми она нѣкогда соединялась двумя стѣнами, построенными Ѳемистокломъ и Перикломъ и разрушенными Лизандромъ. Пирей тогда раздѣлялся на 3 бассейна, вмѣщавшихъ въ себѣ до 400 кораблей.

Изъ трехъ аѳинскихъ гаваней, существующихъ въ настоящее время, Фалеронъ слишкомъ открытъ, Мунихія недостаточно велика и только безопасный Пирей щедро награжденъ благопріятными условіями для стоянки судовъ. Гавань Пирей, не смотря на свою обширность, весьма дурно содержится и въ сѣверномъ углу на значительномъ пространствѣ покрыта нездоровымъ болотомъ, подъ которымъ до нынѣ отыскиваются большія плиты мрамора, составлявшія въ древности дно прекраснаго дока для морского флота.

Докъ этотъ находится вблизи станціи аѳинской желѣзной дороги и легко могъ быть приспособленъ къ дѣлу. Одинъ французскій офицеръ морской службы дѣлалъ предложеніе очистить этотъ древній докъ, составилъ проектъ и много хлопоталъ о принятіи его; но ему не удалось побѣдить то враждебное отношеніе, какое встрѣчаетъ въ Греціи каждое предпріятіе, хотя бы очень выгодное для края.

Гавань Пирей постоянно занята военными кораблями различныхъ національностей, благодаря именно тому обстоятельству, что въ этой гавани корабли имѣютъ всѣ удобства для спокойной стоянки. Иногда случается даже такъ, что капитанъ гавани бываетъ вынуждаемъ запрещать входъ кораблямъ въ эту гавань въ виду тѣсноты отъ многочисленнаго прихода кораблей: но часто не обращается вниманіе на эти запрещенія, и корабли, стѣсняя и задѣвая одинъ другого, все-таки приходятъ кое-какъ въ гавань.

Городъ Пирей—очень молодой городъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ король Оттонъ, предшественникъ нынѣ царствующаго короля Георга I, высадившись въ Пирейской гавани, нашелъ на берегу всего двѣ-три хаты. Теперь же городъ вмѣщаетъ въ себѣ до 15 тысячъ жителей. Собственно развитіе города началось послѣ окончанія севастопольской войны и въ особенности усилилось съ 1860 годовъ. Съ того времени здѣсь начали строиться магазины, дома, равняться улицы, раскидываться сады. На отлогости каменнаго холма, отдѣляющаго новый Пирей отъ Мунихіи, прежде необитаемаго, возвышаются теперь прекрасныя и удобныя жилища съ ихъ красными кровлями и зелеными ставнями. Нѣсколько церквей, биржа, верхній этажъ которой служитъ собраніемъ негоціантовъ, украшаютъ окрестности Пирея. Если нѣсколько кварталовъ и сохранили еще первоначальный видъ, то прорѣзывающіяся широкія улицы, углубляемыя сточныя трубы, работы по очищенію воздуха, устройства садовъ, доказываютъ, что городское хозяйство Пирея болѣе дѣятельно въ отношеніи интересовъ города, чѣмъ хозяйство Аѳинъ. Въ 1833 году въ Пиреѣ было всего какихъ-нибудь два десятка хижинъ, раскиданныхъ по зачумленному берегу; но за симъ населеніе его начинаетъ увеличиваться. Въ 1835 году здѣсь было всего 100 человѣкъ жителей; въ 1861 году—6,400 чел.; въ 1870 г. болѣе 11,000; въ 1874 г. по меньшей мѣрѣ 13,000, между которыми считается 2,500 рабочихъ. Уже лѣтъ 10 какъ въ Пиреѣ построено нѣсколько заводовъ, шелковая прядильня, 6 бумагопрядилепъ, нѣсколько паровыхъ мельницъ, мебельныя мастерскія и проч. Рабочіе на стеклянныхъ заводахъ и инженеры, стоящіе во главѣ ихъ — всѣ пруссаки. Что касается паровыхъ машинъ, то, исключая только одну англійскую, всѣ—французской работы.

Лишь только путешественникъ ступитъ ногой на бѣломраморныя ступени дебаркадера, какъ нападаетъ на него туча чичероне и начинаютъ мучить на всякіе лады: мучатъ и своимъ страннымъ выговоромъ, мучатъ и предложеніями различныхъ услугъ. Населеніе Леванта (Анатоліи), а въ особенности греческая раса, всегда любило промышлять знаніемъ мѣстнаго языка и безъ ихъ услугъ путешественникъ ни какъ обойтись не можетъ, не смотря на пытки, которыя отъ нихъ приходится переносить.

Дорога, соединяющая Пирей съ Аѳинами, не болѣе 8 верстъ Она въ большей части тѣниста. Сквозь бѣлые стволы тополей Виргиніи, ее окаймляющихъ, замѣчаются розовыя верхушки Парнаса; но что дѣлаетъ эту дорогу ненавистной, это волны известковой пыли, мелкой, бѣлой, удушающей и осыпающей путника съ головы до ногъ.

Въ недавнее время въ гавани Пирей находился британскій флотъ, стоявшій съ весны 1876 г. въ Безикской бухтѣ. Для чего онъ такъ долго тамъ стоялъ—вѣрныхъ свѣдѣній никто пока еще не донскался. Одни говорятъ, что онъ стоялъ для того, чтобы запугать турокъ и удержать ихъ отъ избіенія славянъ, другіе говорятъ, что стоянка англійскаго флота въ Безикской бухтѣ, напротивъ, не запугиваніе, а ободреніе турокъ. Разбирай—кто можетъ! Въ настоящее время въ Пирейской гавани остается только нѣсколько британскихъ судовъ, весь же флотъ, согласно распоряженію англійскаго правительства, теперь сосредоточенъ у острова Мальты.

По и при отсутствіи англійскихъ кораблей, Пирейская гавань, какъ сказано выше, не бываетъ свободною. Такое оживленіе гавани отражается, понятно, и на характерѣ городской жизни. Вообще говоря, г. Пирей очень красивъ: и ряды кораблей, и высокіе пирамидальные кипарисы между домами, и живописный костюмъ спующаго на набережной люда, сообщаютъ ему оригинальную прелесть. При вступленіи съ корабля на берегъ Пирея, прежде всего путешественнику попадобятся носильщики, атлеты съ длинными веревками на плечахъ: ловко и проворно справляются они съ тяжелыми тюками и чемоданами. Одежда грековъ обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжаго: на головѣ красная феска, покрывающая большею частью черные волосы, узкій бѣлый воротничекъ ложится на красный или голубой камзолъ съ висячими рукавами, изъ-подъ камзола видна бѣлая юбка. Ноги ниже колѣнъ затянуты въ узкіе штиблеты, расшитые и съ кистями, а башмаки ихъ съ узкими носками. Молодые греки при встрѣчѣ съ знакомыми приподнимаютъ шляпы, иногда болѣе близкіе цѣлуются и обнимаются. Женщины высшаго сословія одѣваются по-европейски; нельзя сказать, чтобы этому уклоненію отъ національнаго костюма не слѣдовали и мущины, но они при этомъ все-таки не забываютъ своей фески.

II.

На сѣверо-востокъ отъ гаваней Пирея, Мунихіи и Фалерона на 1000 ф. надъ уровнемъ моря, поднимается известковое плоскогоріе, окруженное отвѣсными скалами. На этомъ возвышеніи лежала крѣпость древнихъ Аѳинъ—Акрополисъ, съ своими замѣчательными произведеніями искусствъ. Слово „акрополисъ" значитъ—верхній городъ. Древніе обыкновенно строили цитадель на возвышенной части города, для защиты его отъ непріятеля. Вотъ эта цитадель-то собственно и называлась въ Аѳинахъ акрополисомъ (въ Коринѳѣ — акрокоринѳомъ). Акрополисъ аѳинскій назывался вначалѣ Кекроніею и въ эпоху величія Аѳинъ имѣлъ двойную ограду. Одна на сѣверѣ называлась Пелазгійскою, другая на югѣ была построена Кимономъ. Акрополисъ былъ взятъ персами въ 75 олимпіадѣ и при осадѣ его былъ сожженъ храмъ Минервы.

По приказанію Перикла, на мѣсто сожженнаго персами храма Минервы, былъ построенъ знаменитый Партенонъ, этотъ совершеннѣйшій памятникъ греческаго зодчества. Сдѣланъ онъ былъ изъ бѣлаго Пентеликскаго мрамора, фасадъ его имѣлъ длины 100 футовъ. Въ этомъ зданіи помѣщалась колоссальная статуя Минервы (Аѳины-Паллады), вся сдѣланная изъ золота и слоновой кости. Статуя эта одно изъ лучшихъ твореній Фидія, знаменитѣйшаго скульптора. Минерва представлена была въ стоящемъ положеніи, съ пикой въ рукѣ, щитомъ у ногъ и головой Медузы на груди.

Изъ города въ крѣпость вели пятью проходами, также сооруженными при Периклѣ, великолѣпными пропилеи (pro — передъ и pylai—врата). Фасадъ ихъ былъ украшенъ 6 колоннами іоническаго ордена. Вообще Акрополисъ заключалъ въ себѣ все, что только могъ произвести въ то время человѣческій геній въ скульптурѣ и ваяніи. Въ настоящее время всѣ зданія акрополя представляютъ собою груды развалинъ, и не столько время и войны были причиною ихъ разрушенія, сколько сами греки. Тѣ, которые особенно должны бы были съ уваженіемъ относиться къ зданіямъ древности, сами разоряютъ и безобразятъ ихъ, дѣлая раскопки вокругъ Партенона.

Раскопки, конечно, могутъ вести къ весьма иногда важнымъ открытіямъ (подобно тому, какъ въ послѣднее время раскопки, произведенныя извѣстнымъ изслѣдователемъ греческихъ древностей, Шлиманомъ, дали доказательства того, что Гомеръ описывалъ въ своей Иліадѣ не миѳы, а дѣйствительныя событія), но нельзя не пожалѣть, что онѣ иногда производятся безъ всякой аккуратности. Такъ, напримѣръ, раскопки около Партенона ведутъ къ тому, что съ каждымъ годомъ все болѣе, и болѣе исчезаютъ остатки этихъ древнихъ зданій. Помогаетъ, конечно, и самое время ихъ разрушенію, но человѣку, казалось бы, слѣдовало позаботиться о возможно долгомъ сохраненіи ихъ отъ этого, если ужь не въ видахъ уваженія къ древности, то хотя бы изъ чувства красоты, какою полны эти развалины.

Въ Греціи совсѣмъ особый жанръ красоты. Не въ разнообразіи видовъ, прелести зелени, лѣсовъ и воды надобно искать красоту въ этой своеобразной странѣ, но въ чистыхъ, изящныхъ линіяхъ, въ непрерывномъ рядѣ горъ, столь различно оттѣненныхъ, сообразно ихъ удаленію.

По дорогѣ изъ Пирея въ Аѳины Акрополь все время остается въ виду. Ближе къ городу дорога дѣлается живописнѣе: видны оливковая роща, называемая священною, о которой преданіе гласитъ, какъ о рощѣ разведенной самой богиней Минервой, остатки стѣнъ, построенныхъ предъ Пелопонезской войной, загородные дома въ зелени фруктовыхъ садовъ и засимъ холмъ Акрополя, съ сверкающими на солнцѣ развалинами Партенона.

Впрочемъ, политическія событія настоящаго времени отвлекаютъ взоры путника отъ красотъ греческой природы и застав-

Библиотека "Руниверс"

ляютъ невольно углубляться въ думы о близкомъ будущемъ, которое видимо не предвѣщаетъ мирнаго исхода восточному вопросу. Какую-то роль будетъ въ немъ занимать Греція—рѣшить трудно. Возбужденіе среди грековъ достигло такой степени, что поворотъ назадъ является почти невозможнымъ. Греція, какъ видно, должна плыть по теченію и сдѣлать для улучшенія положенія христіанъ въ Турціи все, что только ей будетъ возможно. Народъ настойчиво изъявляетъ готовность принести всевозможныя жертвы и хочетъ идти въ бой съ мусульманами. Еще съ осени прошедшаго года началось сильное движеніе среди грековъ въ пользу освобожденія славянъ и хотя это движеніе ничѣмъ рѣшительнымъ тогда не проявилось, но едва ли въ этомъ греки виноваты: всего скорѣе имъ пришлось подчиниться голосу европейскихъ державъ. Теперь опять движеніе началось: каждый городокъ, каждая община и эпархія жертвуютъ довольно значительныя суммы на вооруженіе націи. Можетъ быть, Греціи придется снова, подъ рѣшающимъ вліяніемъ сильныхъ европейскихъ державъ, смолкнуть въ проявленіи своего сочувствія къ страдающимъ славянамъ, но пока этого незамѣтно. Напротивъ, движеніе въ пользу оказанія помощи славянамъ проявляется все съ большею и большею опредѣленностью. Министерство Комундуроса, ясно понимающее теперешнее положеніе дѣлъ, сдѣлало державамъ разоблаченія въ подобномъ смыслѣ еще гораздо ранѣе, чѣмъ мирныя предложенія державъ возбудили волненіе среди грековъ. Опираясь на ясно выраженную волю народа, Комундуросъ, сообщивъ державамъ требованія, предъявленныя Греціей рѣшилъ, не отказываясь пока отъ политики мира, вооружиться на всякій случай. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, вооруженіе Греціи идетъ весьма успѣшно. Мы уже имѣли въ свое время случай сообщить объ этомъ нашимъ читателямъ въ политическомъ обозрѣніи „Нивы"; теперь можемъ сообщить только, что греческимъ правительствомъ, судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, куплено шесть крупповскихъ баттарей.

Госпожа маркиза.

(Новелла Поля Гейзе).

(Продолженіе).

Нечего мнѣ много расписывать вамъ, милый баринъ, какъ все это случилось,—скажу только, что сперва-то я покраснѣла отъ бѣдности своей, а потомъ—ничего... И пяти минутъ не прошло—съумѣлъ онъ внушить къ себѣ такое довѣріе, что я—ну, разсказывать ему про всю свою жизнь, даромъ что онъ такой важный баринъ. Да, знатные люди понимаютъ иногда лучше другихъ бѣду несчастныхъ бѣдныхъ, но честныхъ людей...

Пока онъ сидѣлъ да молча рисовывалъ мою дочку, я безумолку говорила и даже не скрыла отъ него того, что стряслось надъ головою моихъ дочерей. Окончивъ свою работу, маркизъ сказалъ, что на сегодняшній день довольно и этого, похвалилъ дѣвочку мою и прибавилъ, что если я ничего не имѣю противъ него, то онъ позаботится о томъ, чтобы *эта* дочка доставила мнѣ больше радостей, чѣмъ двѣ старшія. Да, спросилъ сколько лѣтъ ей и, узнавъ, что всего-то тринадцать, сказалъ, что въ эти годы можно еще многому научиться. И сдѣлалъ мнѣ такое предложеніе: отправить Лизу съ надежною спутницею въ Женеву и помѣстить ее тамъ въ одно очень хорошее учебное заведеніе, въ которомъ она должна пробыть года три или четыре. Обѣщалъ онъ самъ устроить все это дѣло, то есть всѣ издержки принималъ онъ на себя.

Можете вы представить себѣ, милый баринъ, что сначала-то я ужь и не знала—смѣяться мнѣ или ревѣть начать!.. Послѣднее-то свое дѣтище отдать?!. Казалось мнѣ, что сердце вырываютъ у меня—и за *это-то* я должна еще кланяться, благодарить!.. Спросила и совѣта у патера Франческо. Онъ началъ убѣждать меня, чтобы я отдала дити: „Господь, пославъ тебѣ несчастье, посылаетъ теперь сугубую радость",—такъ говорилъ отецъ Франческо, ну, и я проглотила материнскія слезы, позволила сдѣлать все, что должно было послужить къ счастью моей дочери.

Чтожь, мнѣ вѣдь и не пришлось раскаяться въ этомъ! Когда привезли ее ко мнѣ черезъ три года—эти три года казались мнѣ вѣчностью... Но съ терпѣніемъ и хромой черезъ гору перебертеш!—Господи! Какою красавицей, да какой умницей стала Лиза въ Женевѣ! Держалась она словно герцогиня какая; однако, къ своей неученой, темной матери-старухѣ относилась она по прежнему—совсѣмъ не измѣнилась.

У насъ, въ Сестри, всѣ глаза пялили отъ удивленія, когда увидѣли такую барышню рядомъ со мною,—шли мы въ церковь монастырскую, я хотѣла показать дочку доброму нашему патеру. Ну, похвалилъ онъ ее, но сказалъ ей, чтобы она оставалась скромною, добродѣтельною, ничего бы въ голову эдакого не забирала... И много еще хорошаго, поучительнаго говорилъ онъ тогда Лизѣ, а она, голубушка моя, стояла и слушала, скромно опустивъ глаза, потомъ поцѣловала руку отца Франческо, совершенно такъ, какъ дѣлала это въ дѣтствѣ.

Прошелъ день, надо было ложиться спать; и Лиза, моя преспокойно легла на убогенькую свою постель и сладко заснула, какъ будто лучшей постели и не знавала, какъ будто и не была обучена всѣмъ труднымъ искусствамъ и наукамъ... Да, вѣдь она стала ученѣе, умнѣе самаго синдика въ Сестри!..

— Послушайте, отойдемте-ка, милый баринъ, отъ окошка! спохватилась старушка и потащила меня въ глубину комнаты, гдѣ и усадила на небольшой диванъ, обитый уже полинявшей голубой шелковой матеріей.

Сама она не сѣла, и подойдя къ столику, на которомъ стояла ваза съ огромнымъ, пестрымъ букетомъ цвѣтовъ, принялась вдыхивать поблекшіе лепестки.

— Что это вамъ вздумалось отойти отъ окна,—спросилъ я,—неужели вамъ не хочется больше дышать такимъ славнымъ, свѣжимъ ночнымъ воздухомъ?...

— Нѣтъ, это я такъ... собственно отъ Джаннико,—отвѣтила старушка,—онъ все подъ окнами ходитъ, а у него тонкій слухъ... Сейчасъ уши навостритъ, ежели свое имя услышитъ. Мнѣ вотъ хочется разсказать вамъ о томъ, какъ онъ безъ памяти влюбился тогда въ Лизу, то есть когда она изъ Женевы-то вернулась. Лиза не дѣлала глазокъ никому изъ молодыхъ парней; конечно, и Джаннико этого не видѣлъ, но этотъ бѣдный простофиля вообразилъ, что она втайнѣ о немъ думаетъ!.. Ну, представилъ это онъ себѣ, да въ одинъ прекрасный день и сдѣлалъ ей предложеніе. Хорошо. Только... еслибы даже она и любила его—такъ какой толкъ изъ этого?.. У нея—ничего, у него—столько же, а когда голодъ стучится въ дверь—любовь улетаетъ въ окно!.. И къ тому же, милый баринъ, что стала бы Лиза дѣлать со всѣми искусствами и науками, которымъ обучили ее въ Женевѣ, ежели бы она вышла замужъ за Джаннико—простого столяра?!. А главное-то дѣло въ томъ, что она вовсе любви къ нему не чувствовала, да не любила и никого другого, хотя подвертывались и богатые парни, и тоже сватались. Лиза-то не любила даже нашего благодѣтеля, господина маркиза.

Когда я сказала ей: ну, дитятко, хочешь составить себѣ счастье? Хочешь быть госпожой маркизой?... Добрый баринъ, что помогъ твоей матери въ бѣдѣ, который далъ тебѣ средства научиться столькимъ прекраснымъ наукамъ,—хочетъ теперь жениться на тебѣ... Вообразите, вѣдь маркизъ позаботился и о нашей Чезирѣ—далъ ей приданое, выдавъ ее замужъ за одного изъ своихъ арендаторовъ около Турина!.. И сказала я Лизѣ: пожелаешь—и будешь жить въ прекрасномъ палаццо въ Генуѣ! Обдумай, дитятко, все это; красотою-то сыта не будешь, а кто самъ о себѣ не заботится, тотъ погибаетъ.

И что-жь бы вы думали? Бросилась она мнѣ на шею и, обливаясь слезами, промолвила: „Матушка mia, не хочу я разставаться съ тобою! Не хочу стараго мужа... Лучше сейчасъ умереть!"...

Бѣдняжка!.. Жаль мнѣ было ея, очень жаль, потому что любила я ее больше жизни своей... Да что прикажете дѣлать? Чувство благодарности къ господину маркизу заставляло говорить противъ сердца, а бѣдность-то, а сиротство наше? До чего бѣдность можетъ довести дѣвушку—это я видѣла на своихъ старшихъ дочкахъ. Ну, и патеръ Франческо, когда Лиза пошла къ нему на исповѣдь, уговаривалъ ее такъ убѣдительно, что она вернулась изъ монастыря совсѣмъ другая и сказала мнѣ:

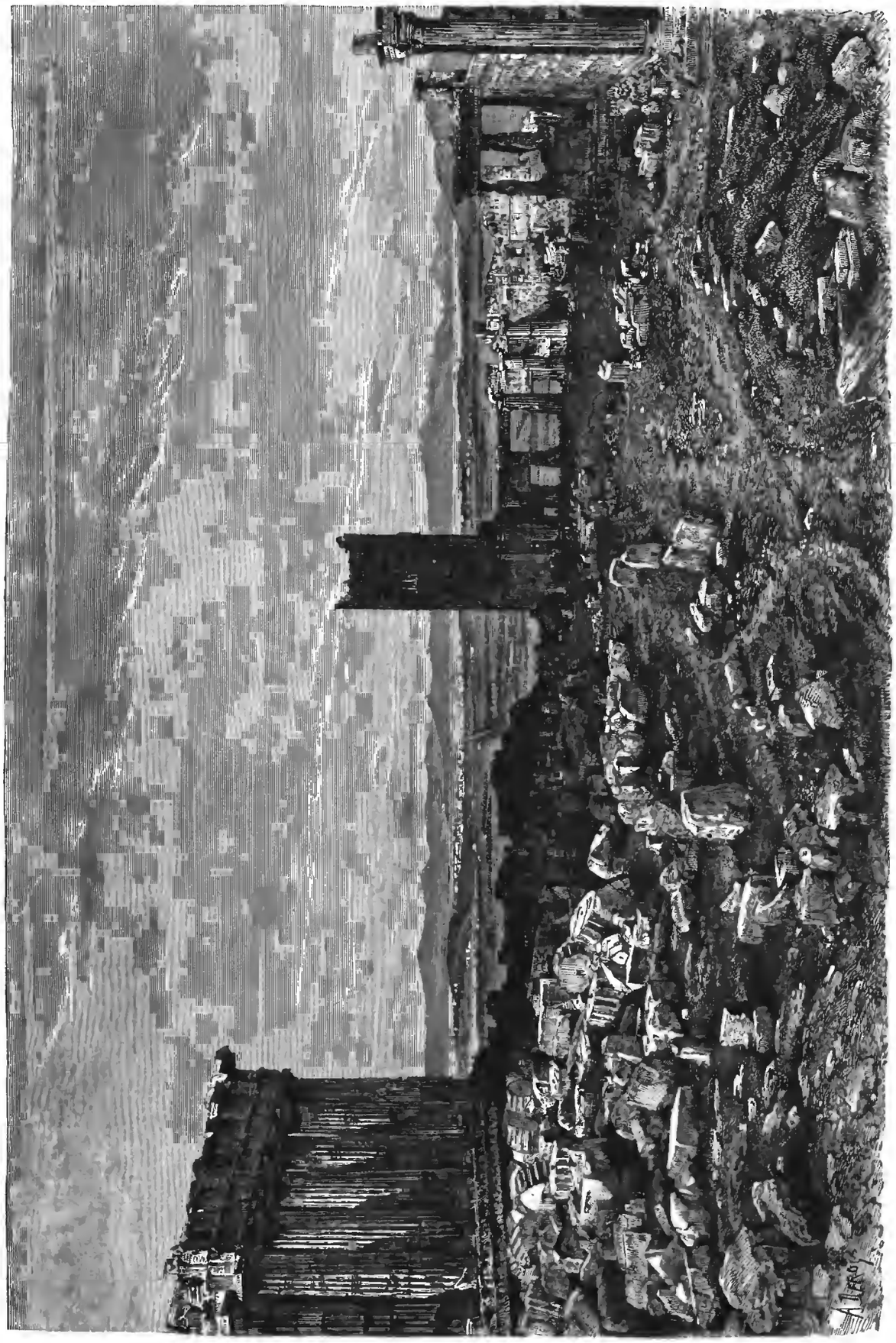
„Матушка, я пойду за него. Мадонна и всѣ святые помогутъ мнѣ быть добродѣтельною женою. И тебѣ, на старости лѣтъ, хорошо будетъ... Онъ-же такой добрый, что не станетъ требовать, чтобы я любила его больше, чѣмъ могу... Но я буду вѣрною женою, отплачу ему за всѣ его благодѣянія".

Такимъ-то манеромъ, милый мой баринъ, господинъ маркизъ и сдѣлался моимъ зятемъ, и я могла бы представить изъ себя важную особу, примѣрно—въ коляскѣ прогуливаться по улицамъ Генуи... Но сказала я себѣ: ежели черная курица и снесла бѣлое яичко, то все-таки ей подобаетъ оставаться на своей навозной кучѣ! Вотъ и осталась я дома, только перебралась сюда, на виллу, а вилла-то тогда, могу сказать безъ похвальбы, не была такою чистенькой, хорошенькой, какъ теперь. Здѣсь, черезъ годъ, госпожа маркиза и родила... Ребеночекъ вышелъ такой писаный красавчикъ, такой, какъ мать! Похожъ на нее какъ двѣ капли воды!.. Вы можете себѣ представить, что отецъ-то, господинъ маркизъ, чуть не одурѣлъ съ радости! Лиза моя тоже очень была довольна...

„Теперь", — сказала она, — „мнѣ еще больше нужно благодарить Бога за то счастье, которое онъ мнѣ даровалъ. Теперь, когда Онъ послалъ мнѣ этого ангельчика — патеру Франческо ужь не придется поддерживать меня въ добродѣтели: я *должна* подать добрый примѣръ моей дочери"...

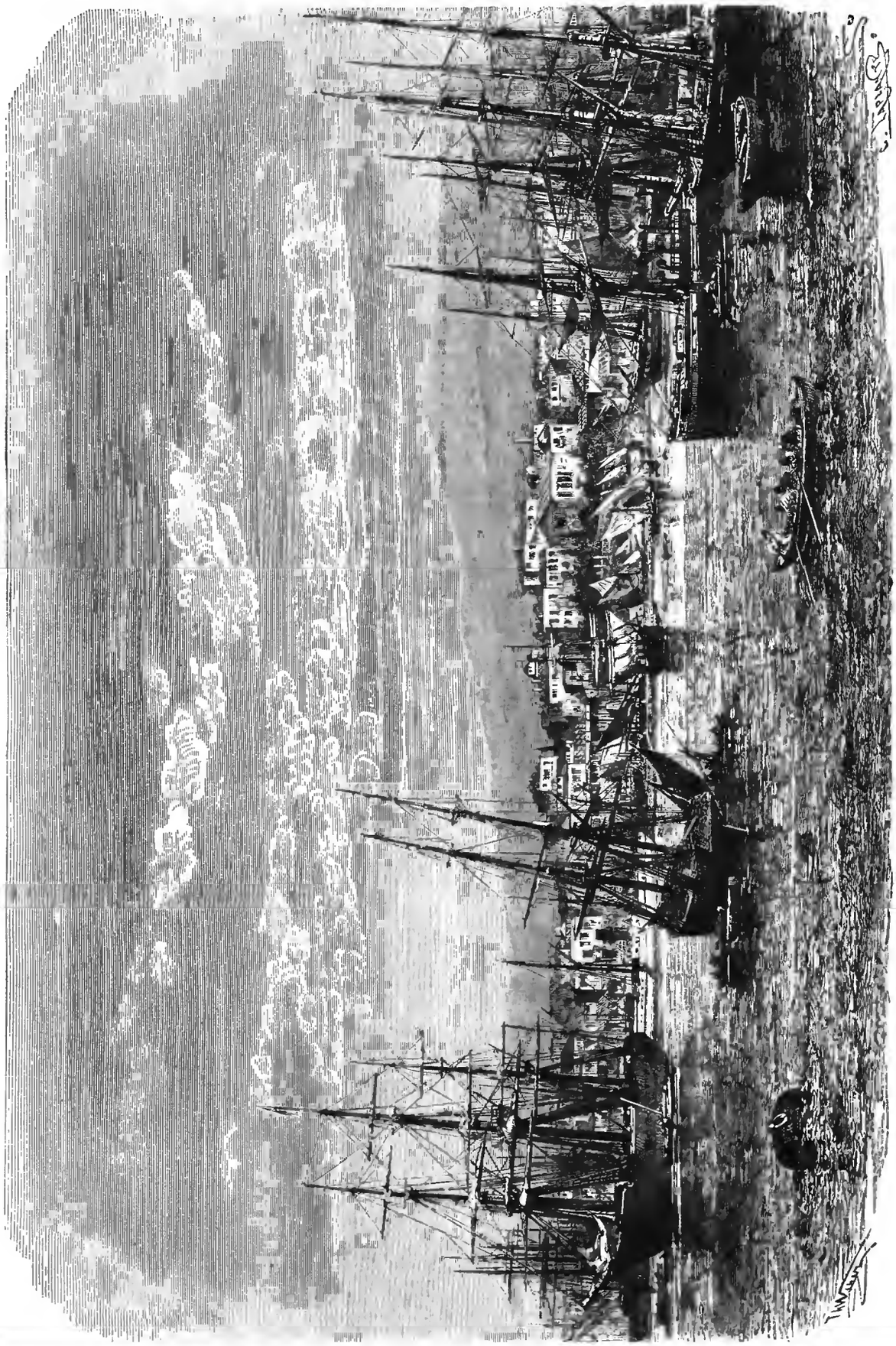
Такъ-то говорила бѣдная молодая женщина! Хорошо я понимала что она хотѣла этимъ сказать... Ну, вѣдь Лиза разсказывала мнѣ о томъ, какъ многіе молодые дворяне, самые красивые, самые богатые, ухаживали за ней, и какіе сумасброд-

Библиотека "Руниверс"



Развалины въ Аѳинскомъ Акрополѣ. Рис. А. Дерой, грав. Бертранъ.

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ г. Пирея. Рис. Т. Веберъ, грав. Лаплантъ.

Библиотека "Руниверс"

ства нѣкоторые изъ нихъ откалывали, чтобы, значитъ, доказать силу любви своей прекрасной госпожѣ маркизѣ!.. А вы знаете, милый баринъ, что *солома вспыхиваетъ, ежели она слишкомъ близко лежитъ къ огню*... Такъ-то!.. Но у Лизы былъ уже ребенокъ, и она ни на кого не обращала вниманія, а глядѣла въ невинные глазки своей малютки... Ну, всѣ влюбленные ничего и не могли подѣлать, любезничали только, то есть толкли воду въ ступѣ.

Однако, что ни говори, а жизнь Лизы потекла не такъ сладко, какъ мечтала она... Да, черезъ годъ послѣ рожденія маленькой Чезиры, параличъ разбилъ господина маркиза, и пришлось ему всю остальную-то жизнь просидѣть въ креслѣ, еще къ счастью отбило у него только лѣвую сторону тѣла, ну, и онъ могъ, по крайней мѣрѣ, хоть рисованіемъ заняться, развлечься. А душа у него было истинно благородная, христіанская, поэтому такое несчастье не сдѣлало его злымъ, человѣконенавистникомъ... Напротивъ, онъ сталъ еще добрѣе, еще внимательнѣе къ своей бѣдной молодой женѣ! По глазамъ угадывалъ ея желаніе, а уже какіе подарки ей дѣлалъ—ахъ!... Да и Лиза не разстраивала его, печальнаго лица при немъ не представляла... Ужь, конечно, когда крестъ несешь, тогда не до пѣсенокъ, но когда мать убаюкиваетъ своего ребенка — всегда пѣсенка у нея найдется!..

И старъ, и младъ—всѣ радовались, глядя на сударыню мою дочку, видя, какъ она ведетъ жизнь въ супружествѣ. Патеръ Франческо—съ нимъ я часто объ этомъ бесѣдовала—говорилъ мнѣ: „Она—святая. Добродѣтель ея искупитъ грѣхи старшихъ сестеръ, она спасетъ ихъ отъ мукъ чистилища... Вы, синьора Чезира, счастливая мать!“...

Да, да, милый баринъ! Бѣда только въ томъ, что *утромъ*-то человѣкъ никогда не можетъ сказать: нагрянетъ или не нагрянетъ гроза въ *полдень*?.. Кто въ пятницу смѣется — въ воскресенье поплачетъ.

Ну, а время-то шло своимъ чередомъ. Маленькой Чезирѣ семь лѣтъ минуло, а матери ея и всѣ двадцать пять. Господинъ маркизъ не вставалъ съ кресла уже шесть лѣтъ... Вдругъ это однажды сидѣла я преспокойно да мечтала за своей пряжей, а Джанпико еще не вернулся тогда изъ шайки пиратовъ, какъ вдругъ подъѣзжаетъ къ виллѣ карета — тогда не было еще желѣзной дороги — и кто же изъ кареты-то выходитъ?... Родное мое, милое дитятко, сама госпожа маркиза!.. Но она была такая блѣдная, странная, что я до смерти перепугалась... Гляжу—нѣтъ ребеночка, не привезла его съ собою... Что случилось? Что такое? спрашивала я, а Лиза—ни словечка, и долго она не отвѣчала ничего... Но, милый баринъ, между матерью и дочерью тайны быть не можетъ—это противно природѣ. Ну, теперь-то я могу и вамъ разсказать про эту тайну, тѣмъ болѣе, что завтра вы вѣдь уѣзжаете, да и какъ ни печальна эта исторія - она дѣлаетъ большую честь моей дочери. Золото, знаете, узнаютъ въ огнѣ, а святого—на кострѣ. Дѣло, сударь мой, было такъ: въ домѣ господина зятя моего—маркизъ-то былъ страстный любитель искусства!—явился живописецъ—молодой человѣкъ. Онъ двумя мѣсяцами былъ моложе моей Лизы, а звали его Лоренцино Чіарна.

Вы ужь вѣрно слыхали это имя, такъ какъ теперь этотъ Лоренцино—уже знаменитость. Работалъ онъ въ то время въ домѣ господина маркиза, разрисовывалъ стѣны столовой, изображая на нихъ разныхъ боговъ и богинь. Ну, приходилъ онъ туда, значитъ, ежедневно и каждый разъ видѣлъ красивую молодую женщину, голубку мою бѣдную, а видѣть ее и не полюбить ея страстно—нельзя, совсѣмъ не возможно!.. И когда онъ, наконецъ, открылся ей въ любви, вотъ тогда-то она и пріѣхала сюда на виллу такъ неожиданно. На первыхъ порахъ я ровно ничего не могла отъ нея добиться: Лиза битыхъ три часа просидѣла у себя запершись въ спальнѣ! Сказала только, что ей нужно кое-что обсудить, передумать, что ей необходимо побыть одной... „Никого не могу видѣть“—вотъ и все.

Слышала я, какъ она ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, однако—не плакала и не молилась... Ну, наконецъ, не выдержала и повѣдала мнѣ все! Сказала, что любитъ этого Лоренцино, что до сихъ поръ не знала, какъ можно такъ любить человѣка...

„Матушка“, — говорила Лиза, — „если бы знала его, ты не осудила бы несчастную свою дочку... Пожалѣла бы ты ея, да! потому что любовь къ *этому* человѣку можетъ быть вырвана изъ сердца только ударомъ заступа, когда имъ станутъ рыть для меня могилу“...

И стала тутъ она разсказывать мнѣ о немъ, разсказывать съ такимъ жаромъ, что даже я, старый, выжатый лимонъ, чуть не влюбилась въ этого Лоренцино, чуть не пожертвовала для него спасеніемъ своей души, сказанъ милушкѣ моей: эхъ, дочка, говорятъ о грѣхѣ, а не о грѣшникѣ, говорятъ о хмѣлѣ, а не о жаждѣ!...

А потомъ сказала я ей: зачѣмъ, дитятко, спрашиваешь ты меня? Я исполнила свой долгъ—воспитала тебя въ благочестіи и добродѣтели. Ну, и каждый человѣкъ по своему, и въ день судный всѣ мы предстанемъ предъ Судьей, предстанемъ какъ есть, во всей своей наготѣ!...

И повѣрите-ли, милый баринъ: вѣдь этотъ гордый ребенокъ сдѣлалъ видъ, будто не понимаетъ моихъ рѣчей! Я до сихъ поръ краснѣю, какъ вспомню, что мое собственное дѣтище пристыдило меня... Да, на этотъ разъ яйцо, взаправду, было умнѣе курицы!..

„Матушка“, — отвѣтила мнѣ она, — „я пріѣхала сюда вовсе не за совѣтами. Я сама знаю, что мнѣ дѣлать... Свои обязанности къ мужу и дочери помню и знаю, но мнѣ нужно только—уединеніе, чтобы собраться съ силами и выполнить то, что я задумала. Вотъ поэтому, я и желала провести здѣсь одну ночь, чтобы не быть совсѣмъ, совсѣмъ одной... Приготовь-же мнѣ чего нибудь поѣсть и пошли кого-нибудь за патеромъ Франческо, скажи, что я прошу его посѣтить меня. Время теперь позднее, и я не могу, какъ бывало прежде, когда я бѣгала босикомъ по скаламъ, сама отправиться, при свѣтѣ луны, въ монастырь. Увидѣли-бы, ну, и пошли бы разные толки“...

И святая не могла бы вести себя лучше! Съ этимъ вы должны согласиться, милый баринъ.

И что-жь, на другой день, утромъ, когда Лиза уѣзжала отсюда, лицо у нея было совсѣмъ ясное, преспокойное,—*такимъ* оно и осталось на долгіе годы, протекшіе со времени той ночи, которую она провела здѣсь, вытерпѣвъ послѣднюю борьбу. А вамъ вѣдь, конечно, извѣстно, что и соломинка, въ концѣ концевъ начинаетъ давить, а тѣмъ паче эдакое тяжкое бремя, затаенное страстное чувство къ прекрасному, честному человѣку!.. Лоренцино, къ сожалѣнію, и взаправду былъ такимъ хорошимъ... Даже я должна была въ этомъ сознаться, хотя и ненавидѣла его за то, что онъ-то и заставляетъ мучиться, страдать мою бѣдную дочь.

Впрочемъ, онъ самъ этого не вѣдалъ, потому что Лиза сказала ему—повидимому совершенно хладнокровно,—что *не любитъ* его... Она отняла у него всякую надежду, и только ради его самого настаивала на томъ, чтобы онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Генуи. Уѣхалъ онъ, но сначала хоть разъ въ годъ являлся къ ней, какъ бы для того, чтобы спросить ее: *неужели вы допустите... неужели вы хотите, чтобы я погибъ?*...

Но Лоренцино всегда встрѣчалъ одинъ и тотъ-же пріемъ, слышалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ. И даже здѣсь, на виллѣ, явившись однажды сюда неожиданно—госпожа маркиза въ то время тутъ проживала одна, съ ребенкомъ своимъ: малюткѣ нужно было поправиться послѣ кори—онъ тоже ничего отъ нея не добился, такъ что *сотоварищъ его по скорби*, Джанпико—онъ уже былъ у насъ садовникомъ — раскланялся съ Лоренцино, обнаруживъ при этомъ явное злорадство, и проводилъ его съ ехиднымъ видомъ...

А я ужь и сказать не могу, какъ мнѣ жалко было такого красиваго, славнаго молодого человѣка... На видъ кроткій, какъ ягненокъ, а пылкій, какъ левъ! Да еще—живописецъ, и—охъ, какой живописецъ!.. Въ сравненіи съ нимъ господинъ маркизъ—ну, простой ученикъ изъ рисовальной школы, право!..

Дитятко, — сказала я моей госпожѣ маркизѣ, — утѣшила-ли ты его хоть немножечко, говорила-ли ты ему, что все это не по твоей волѣ, что ты не можешь сдѣлать его счастливымъ?.. Твоя добродѣтель, честность и чувство благодарности къ супругу воспрещаютъ тебѣ поступить иначе... Сказала-ли ты ему, что тебѣ самой тяжело отсылать его прочь, что все втайнѣ-то ты тоскуешь по немъ не меньше, чѣмъ онъ по тебѣ?..

„О, матушка“, — стала Лиза говорить мнѣ, — „еслибы я ему сказала все это, не ушелъ-бы онъ отъ меня!.. И, кто знаетъ, спасли-ли бы меня тогда всѣ святые... Да еслибы я каждый день видѣла печальные глаза его, чтожь тогда мнѣ честность и твердость?.. Онѣ растаяли-бы, какъ куски воска на горячихъ угольяхъ... Ну, и какъ-бы глядѣла я въ глаза моему доброму мужу, который такъ любитъ, такъ уважаетъ меня?.. Онъ вѣритъ мнѣ, считая меня неземнымъ существомъ... Какъ-бы я взглянула на него, сказавъ другому мущинѣ: *потерпи* пока бѣднаго больного не станетъ, *подожди* еще нѣкоторое время—и кресло опустѣетъ, и онъ успокоится отъ всѣхъ своихъ страданій“...

„Нѣтъ матушка“, — прибавила она,—„не уговаривай меня, оставь это... Одному Богу извѣстно, что дѣлается въ моемъ сердцѣ!.. Оно вопіетъ такъ, что я должна затыкать уши, чтобы не потерять головы, чтобы не сдѣлать того, въ чемъ-бы потомъ пришлось раскаиваться всю жизнь“...

Бѣдная женщина! вздохнула старушка.—И не смотря на все это, посмотрѣли-бы вы, милый баринъ, съ какимъ веселымъ лицомъ встрѣчала она каждаго, кто пріѣзжалъ навѣстить ее! Какъ улыбалась, глядя на свою малютку, на свою Чезиру, которая была прекрасна, какъ ангелъ, и во всемъ, можно сказать, походила на свою мать. А многіе, знаете, и тогда говорили, что сама мама, хоть ей ужь было слишкомъ тридцать лѣтъ, красивѣе дочки. Ихъ, право, можно было скорѣе принять за сестеръ, чѣмъ за мать и дочь. Маленькая Чезира была единственнымъ счастьемъ Лизы, единственнымъ ея утѣшеніемъ, и въ концѣ концовъ голубушка моя должна была лишиться и этой отрады, потому что, когда Чезирѣ стукнуло четырнадцать лѣтъ, господинъ маркизъ порѣшилъ отослать ее въ Женеву, въ тотъ-же пансіонъ, въ которомъ моя Лиза училась и узнала столько прекрасныхъ предметовъ. Дочь моя,—а она всегда уважала волю своего супруга и считала ее священной,—сама отвезла свое дитя въ школу и со слезами простилась съ нимъ.

Лиза разсказала мнѣ потомъ, что случилось съ нею на вы-

Библиотека "Руниверс"

вратномъ пути, изъ Женевы-то. Бѣдный Лоренцино — ужь Богъ его знаетъ, какъ и гдѣ онъ провѣдалъ объ этой поѣздкѣ!— поджидалъ любимую женщину въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ она намѣревалась переночевать... Тутъ онъ явился къ ней и бросился къ ея ногамъ. Говорилъ-то онъ очень мало, но на прекрасномъ лицѣ его можно было прочесть всю длинную исторію страданій и безсонныхъ ночей.

Со времени ихъ послѣдняго свиданія здѣсь на виллѣ, Лоренцино проживалъ все больше въ Парижѣ; онъ могъ-бы жениться на самой богатой и красивой дѣвицѣ, но въ его сердцѣ жила только *одна* любовь... Вотъ какъ въ стихахъ сказано:

Гдѣ вспыхнулъ разъ огонь,
Гдѣ пламя прорывалось—
Навѣрно гдѣ-нибудь
Тамъ искорка осталась!..

И онъ порѣшилъ жить и умереть холостякомъ, но ужь не измѣнить своей старой страсти!..

Отослать его *безъ всякой надежды* и въ этотъ разъ—о, сколько стоило это бѣдной женщинѣ!.. Никто и представить не можетъ себѣ, что вынесла она тогда... Лиза послѣ-то показала мнѣ одну прядь своихъ длинныхъ черныхъ волосъ... *изрыванную*... Въ ту ночь она грызла, кусала ее, чтобы не закричать! На другой день прядь эта оказалась — *сѣдою*. Странно видѣть эти сѣдые волосы!.. Лиза-то такъ и ходитъ съ ней съ той поры— не хотѣла ее отрѣзать, оставила, чтобъ глядѣть на эту сѣдину и помнить, сколько уже выстрадала и какъ мужественно боролась.

Тутъ вошелъ Джаннико. Онъ появился на порогѣ такъ внезапно, что я не слыхалъ даже какъ онъ поднимался по лѣстницѣ и, бросивъ на меня злобный, косой взглядъ, произнесъ нѣсколько словъ на непонятномъ мнѣ генуезскомъ нарѣчіи.

— Ладно Джаннико,—сказала старушка ни на минуту не измѣняя своего спокойнаго вида—ты можешь идти спать. Я сама выпущу барина и запру калитку. Покойной ночи, Джаннико.

Однорукій привратникъ проворчалъ что-то себѣ подъ носъ и удалился также тихо, какъ и пришелъ. Пока было слышно какъ онъ хрустѣлъ по песку тяжелыми, равномѣрными шагами человѣка привыкшаго носить на себѣ тяжести, мы оба хранили молчаніе.

— Да. съ этимъ малымъ, мы еще многонько будемъ имѣть хлопотъ,—проговорила наконецъ старушка. Пожалуй, когда вернется моя дочка вдовою, такъ этотъ сумасшедшій вообразитъ, что теперь настала и его очередь, и трудно будетъ переварить бѣдному калекѣ, когда онъ увидитъ господина Лоренцино здѣсь полнымъ хозяиномъ. Ну да, это ужь дѣло моей дочки устроить все, какъ ей будетъ угодно. А все-таки странно сколько еще дураковъ водится на бѣломъ свѣтѣ и справедлива пословица: еслибы глупость причиняла боль, то въ каждомъ домѣ слышались-бы стоны. Хотя и то правда, что нужно сожалѣть ближняго, да мнѣ теперь ужь не до этого: моя обязанность цѣлые дни благодарить и восхвалять Бога, что Онъ, Милосердый, возвратилъ наконецъ свободу моему ребенку и еще при жизни наградилъ его за добродѣтель. Ну, вотъ эта главная забота и заставляетъ меня также мало заботиться о другихъ людяхъ, какъ мало заботится слонъ о комарѣ. Посудите сами: зять мой— вѣчная ему память—удостоился отъ Бога прекрасной, безболѣзненной кончины: онъ не просыпался послѣ отдыха и умеръ даже не вскрикнувъ; прибавьте къ этому пышныя, почетныя похороны, при которыхъ присутствовало вся знать Генуи, чтобы отдать послѣдній долгъ покойному. Всѣ тутъ выражали вдовѣ свое сожалѣніе и сочувствіе и весь городъ не могъ достаточно нахвалиться, какъ она умѣла хорошо держать себя, хотя и была дочерью простой женщины и родилась и воспитывалась не въ какихъ нибудь палатахъ. Ну да, теперь и она дождалась лучшей жизни и надъ ней сбылась старинная пословица: кто терпитъ до конца, тотъ побѣждаетъ; и если теперь послѣ траура она выйдетъ замужъ за Лоренцино, то Боже мой, вѣдь 35 лѣтъ еще не старость; и въ эти годы еще можно быть счастливой, обладая такимъ лицомъ, какъ у моей Лизы, и такимъ непорочнымъ сердцемъ, которое до сихъ поръ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя.

Да, милый баринъ, раскаяніе и стыдъ роютъ болѣе глубокія морщины, чѣмъ самые годы, а покойная совѣсть есть лучшее украшеніе. Такъ-то теперь скоро все здѣсь будетъ иначе, и старая мать поползетъ тогда, довольная, въ свой уголъ, къ старинной своей пріятельницѣ, Мирандѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею высовывать порою голову изъ своей скорлупы, да любоваться какъ наша молодежь будетъ веселиться да пользоваться жизнью. Господи, да исполнится Твоя святая воля! Аминь!

Я всталъ и еще разъ взглянулъ на картину, изображавшую героиню этой хотя простой, но необыкновенно-трогательной исторіи въ ея невинной, дѣтской красотѣ. Мнѣ теперь казалось, какъ будто въ этихъ нѣжныхъ очертаніяхъ лица уже тогда проявлялась вся сила воли и самообладанія, которыя выказала женщина съ своемъ зрѣломъ возрастѣ. Лишь на однѣхъ свѣжихъ губахъ замѣчалось выраженіе какой-то боязни передъ далекимъ, неизвѣстнымъ будущимъ.

— По справедливости, моя добрѣйшая, имѣя такую дочь, вы можете назваться счастливою матерью—сказалъ я, собираясь уже въ путь. Для васъ теперь еще подростаетъ новое утѣшеніе въ лицѣ вашей внучки, которая, конечно, совершенное подобіе своей прелестной матери. Мнѣ-бы очень хотѣлось познакомиться съ госпожей маркизой и молодой барышней, но, къ сожалѣнію, я обѣщалъ одному пріятелю видѣться съ нимъ завтра въ Ла-Спеццiа и потому я еще не знаю буду-ли опять въ Сестри на возвратномъ пути черезъ три или четыре дня.

— Тогда, вѣроятно, вы еще здѣсь не встрѣтите Чезиры, любезный баринъ,—отвѣчала старушка. Она даже и на похороны своего отца не могла пріѣхать въ Геную, такъ какъ въ то время со всѣми своими сверстницами по пансіону гуляла по высокимъ горамъ, которыя, какъ кажется, прозываются Швейцаріей. Даже въ Женевѣ не знали навѣрняка, куда ей послать депешу. Ну, да она, въ свое время, и такъ все узнаетъ. Что-же касается до моей дочки, то она, думаю, очень будетъ рада выбраться поскорѣе изъ того печальнаго дома, гдѣ она пережила столько горя и должна была закрыть глаза своему старому мужу и снова возвратится къ своей нѣжной матери, чтобы здѣсь, хотя немного придти въ себя. Если-же вамъ, любезный баринъ, когда либо случится ѣхать мимо, то помните, что дочь моя никому не запрещаетъ входить въ садъ, а если посѣтитель человѣкъ образованный, вѣжливый, то и въ домъ милости просимъ. Вотъ возьмите съ собой въ Ла-Спеццiа на память пока хоть этотъ букетъ. Жаль, что теперь уже поздно, а то можно-бы для васъ смастерить букетъ гораздо лучше этого.

Она такъ убѣдительно просила меня взять этотъ букетъ, связанный изъ прелестныхъ розъ и цвѣтовъ гранатоваго дерева, что я не въ силахъ былъ отказаться.

— Я васъ долго задержала—сказала она, въ то время какъ я у калитки еще разъ пожалъ ей руку, — но когда я разговорюсь о моей дочери, то говорю безъ конца. Доброй ночи, любезный баринъ, и благодарю васъ сердечно за то, что вы имѣли столько терпѣнія, чтобы слушать такую болтливую старуху. Но стоитъ лишь вамъ взглянуть на ту, про которую мы только что говорили, и вы поймете, что каждое мое слово еще слишкомъ ничтожно, чтобы служить ей достаточною похвалою и что не нужно быть слишкомъ тщеславной матерью, чтобы считать ее за прекраснѣйшее созданіе въ мірѣ.

(Продолженіе будетъ).

Очерки изъ русской исторіи.

Съ начала государства до утвержденія во власти Ольги.

Въ IX вѣкѣ послѣ Р. Х. на пространствѣ нынѣшней Россіи между Карпатами и Западнымъ Бугомъ съ запада, озерами Чудскимъ и Ладожскимъ съ сѣвера, рр. Тверцою, Москвою, Цною съ востока и линіею отъ пороговъ Днѣпровскихъ до низовьевъ Прута съ юга жили славянскія племена, носившія разныя названія, или отъ мѣстностей, которыя они заселяли, или отъ имени своихъ старинныхъ вождей и начальниковъ. Такъ, славяне, жившіе по западную сторону средняго Днѣпра (отъ Припети до Роси) назвались Полянами отъ обширныхъ, открытыхъ полей кіевскихъ, жившіе отъ нихъ къ сѣверо-востоку родичи ихъ (между рр. Десною и Сулою). именовались Сѣверянами, потому что приходились Полянамъ отчасти съ сѣвера. Находившіеся на сѣверо-западѣ сосѣди Полянъ, по р. Припети съ восточнымъ ея притокомъ. назывались Древлянами или Деревцами отъ слова *дерево*; ибо жилища этихъ Древлянъ покрыты были дремучими лѣсами. Осѣвшая между рр. Днѣпромъ и Сожью отрасль славянъ именовалась Радимичами, а населявшіе мѣста по верхней Окѣ звались Вятичами, какъ полагаютъ, отъ именъ своихъ старинныхъ вождей Радима и Вятко. На крайнемъ сѣверѣ тогдашняго славянскаго заселенія, у озера Ильмени и его притоковъ, жили славяне, неполучившіе особаго прозванія и называвшіеся общимъ именемъ всего славянскаго племени,—Славяне Ильменскіе, или Новгородскіе. Было еще много отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ означенныхъ выше предѣлахъ, между рр. Окою и Запад. Бугомъ, между Ильменемъ и низовьями Днѣпра, которыхъ мы не перечисляемъ, чтобы не утомить вниманія читателей. Означенныя славянскія племена не составляли одного народа, а жило каждое племя отдѣльно. До какой степени мало между этими племенами было общей государственной связи видно изъ того, что въ IX вѣкѣ Новгородскіе, или Ильменскіе Славяне, съ частью своихъ сосѣдей, Кривичей, были приневолены Варягами и платили имъ дань, южныя же и восточныя племена славянъ, Поляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи, были въ подчиненіи у Хозаръ, племени тюркскаго, имѣвшаго свои становища между Каспійскимъ и Чернымъ морями, которому тоже платили дань по горностаю и бѣлкѣ отъ дыма, или дома. Племена, занимавшія средину между означенными, платившими дань, отраслями, были свободны и не подчинялись никому.

Не только крупныя группы, на которыя распадалось обшир-

Библиотека "Руниверс"

ное славянское племя, Сѣверяне, Радимичи, Поляне и т. п., не имѣли политической, или государственной связи между собою, но даже разныя части этихъ самыхъ группъ плохо клеились въ одно цѣлое.

Всѣ славянскія племена дѣлились еще на меньшія общественныя единицы, называвшіяся „родами". Эти роды были не простыя семьи, состоявшія только изъ родителей и дѣтей, а союзы множества семей, пошедшихъ, какъ предполагаютъ, отъ однаго родоначальника, и жившихъ вмѣстѣ, пока память объ единствѣ происхожденія не исчезала у нихъ. Въ этихъ союзахъ отдѣльные члены были и въ родствѣ и внѣ всякаго родства между собою. Въ союзы включались даже сторонніе совершенно люди, которые однако считались въ такомъ случаѣ родичами, членами рода, напр. освободившіеся отъ рабства плѣнники, если они, по полученіи свободы, не возвращались домой а оставались жить среди прежнихъ своихъ господъ. *) Эти то роды и были тѣми общинами, которыя имѣли плотное внутреннее устройство и отъ рѣшенія которыхъ все двигалось въ славянскомъ мірѣ „И живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ" говоритъ лѣтописецъ **). Родъ имѣлъ извѣстную принадлежавшую ему землю, на которой и жилъ. Какъ владѣли этою землею, сообща-ли всѣмъ родомъ, или съ раздѣломъ земли на отдѣльные участки по семьямъ (семьи отдѣльныя, состоявшія изъ ближайшихъ кровныхъ родственниковъ въ родахъ, конечно были), этого мы не знаемъ.

Роды управлялись начальниками, носившими названія старѣйшинъ и иногда князей. Древляне прямо называютъ начальниковъ своей земли князьями, во времена Ольги: „Наши *князи* добры суть, иже распасли суть Деревскую землю". Выборные были эти родоначальники, или же получали власть по правамъ рожденія, этого опять сказать нельзя, по неимѣнію точныхъ о томъ свидѣтельствъ. Но что власть ихъ была ограничена, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если первоначальный глава семьи, пока она не выходила изъ степеней ближайшаго родства, и могъ пользоваться неограниченною властью, потому что видѣлъ передъ собою только порожденіе свое: сыновей, внуковъ и правнуковъ, то съ размноженіемъ семьи въ родъ, гдѣ люди и большинство даже этихъ людей не состояли ни въ какомъ родствѣ съ главою рода, этому послѣднему трудно было распоряжаться лишь по своему благоусмотрѣнію, не спрашивая согласія родичей. Осязательный примѣръ этого мы видимъ въ строѣ теперешней крестьянской семьи. Пока семьею завѣдуетъ самъ отецъ, онъ можетъ дѣлать распоряженія относительно членовъ семьи, не спрашивая ихъ согласія; но лишь умираетъ отецъ и вступаетъ на его мѣсто старшій изъ сыновей, что обыкновенно бываетъ, если семья не дѣлится, то новому главѣ нельзя такъ распоряжаться, какъ распоряжался отецъ; власть его укорачивается, и чтобы дать силу своимъ предположеніямъ и планамъ, онъ заручается согласіемъ младшихъ членовъ семьи. Такъ и начальники родовъ-общинъ въ старославянскомъ мірѣ, когда роды эти представляли обширныя соединенія, не могли дѣйствовать безъ согласія родичей, членовъ общины. Получалось ли это согласіе на сходкахъ или *вѣчахъ*, до которыхъ славяне были большіе охотники, или какъ нибудь иначе, этого мы не знаемъ. Знаемъ только, что участіе родичей въ управленіи дѣлами общественными должно было быть. Родоначальники, кромѣ власти наряда, власти такъ называемой распорядительной, имѣли въ своихъ рукахъ и власть судебную и жреческую: особаго сословія жрецовъ у русскихъ славянъ не было, равно какъ не было у нихъ и храмовъ.

Роды-общины имѣли плотное внутреннее устройство, гдѣ каждый членъ-родичъ жался къ такому же родичу и отъ этого лишь соединенія ожидалъ своей безопасности. За убійство кого либо изъ родичей мстили всѣ члены рода, находились-ли они съ нимъ въ кровномъ родствѣ или нѣтъ, равно какъ и за убійцу отвѣчалъ весь же его родъ. Каждый родичъ, къ которому приходилъ гость, если не имѣлъ собственныхъ средствъ удовлетворить долгу гостепріимства, могъ взять, даже украсть, необходимое для того у сосѣда и послѣдній не обижался этимъ, зная, что честь и безчестье, оказанныя гостю кѣмъ либо изъ родичей, падаютъ на весь родъ. По той же причинѣ, если бы странникъ, явившійся кому-либо изъ родичей, потерпѣлъ какую обиду отъ своего хозяина, то послѣднему могъ мстить за то ближайшій его сосѣдъ, не дожидаясь распоряженія рода по этому предмету.

Священная смоковница (Figuier des Pagodes). Рис. Фагуфтъ, грав. Лапланть.

*) Жить отдѣльно и по своему усмотрѣнію, какъ это дѣлается теперь, они не могли. Въ тогдашній вѣкъ разнузданныхъ страстей отдѣльныя лица могли получить защиту и безопасность только подъ покровомъ какой нибудь общины. При введеніи христіанства церковь приняла такихъ людей подъ свое покровительство, а до христіанства и до появленія государственной власти, расшатавшей родовой строй, они могли укрыться только въ родѣ. Другихъ общинъ въ то время не было

**) Родъ у Русскихъ понимался очень широко еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изъ мѣстническихъ споровъ этого времени видно, что членами рода считались всѣ не только родственники по крови, но и свойственники. Эти члены рода сильно поддерживали и защищали другъ друга. Въ 1598 г. были назначены на службу вмѣстѣ князья Сицкій и Репнинъ-Оболенскій; Оболенскій получилъ по назначенію мѣсто ниже Сицкаго. Онъ не обидѣлся этимъ, но за него обидѣлись всѣ его родственники князья Оболенскіе и въ числѣ ихъ князь Ноготковъ и подали царю Борису жалобу на оскорбленіе всего ихъ рода назначеніемъ на мѣсто кн. Сицкаго. У простого народа частью сохранились понынѣ въ пѣсняхъ и поговоркахъ слѣды бывшаго стариннаго объема рода: желая показать величину и распространенность своего рода, говорятъ: «Нашъ родъ великъ; его не перевѣшаешь до Москвы»; дѣвица въ пѣснѣ, опасаясь нареканія на свою честь, говоритъ;

«Отцу съ матерью безчестье,
Роду-племени позоръ».

Библиотека "Руниверс"

Русская исторія: Мщеніе Ольги Древлянамъ. Оригинальный рис. Медвѣдева, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Но, если роды такъ плотно смыкали свои ряды и были такъ единодушны по своему внутреннему строю, то въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ родамъ они оставляли желать многого. Связь между родами была самая утлая. Для укрѣпленія этой связи существовали у нашихъ предковъ сходки, именуемыя *вѣчами*. Положено было: „на чемъ постановятъ города (т. е. роды, жившіе въ городахъ) на томъ и пригороды (т. е. прочіе роды, жившіе въ деревняхъ) станутъ". Но это постановленіе оставалось большею частью мертвою буквою, примѣръ чего мы видимъ въ сильныхъ распряхъ, возникшихъ у Ильменскихъ славянъ и ихъ союзниковъ предъ призваніемъ князей, въ распряхъ, которыхъ они не могли порѣшить сами собою, какъ о томъ показано будетъ ниже. Причины такихъ явленій заключались, кажется, во первыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что славяне вообще, и русскіе также, считали законными лишь тѣ приговоры вѣча, на которые дали согласіе всѣ, а не простое только большинство, какъ это дѣлается нынѣ, но понятно, что изъ сотни сходовъ едва ли могъ выдаться хоть одинъ, гдѣ бы на какое либо мнѣніе всѣ были согласны, какъ одинъ человѣкъ. Затѣмъ мы не видимъ у славянъ русскихъ никакой общественной власти, которая наблюдала-бы за исполненіемъ вѣчевыхъ опредѣленій. Кажется, выше начальниковъ отдѣльныхъ родовъ у нихъ другихъ сановниковъ не было.

У Русскихъ славянъ были города, изъ чего мы можемъ заключить, что они имѣли очень твердую осѣдлость въ странѣ, гдѣ жили. У Новгородскихъ славянъ былъ Новгородъ, Ладога, у Псковскихъ Кривичей—Изборскъ и Псковъ, у Кривичей Днѣпровскихъ—Смоленскъ, у Сѣверянъ—Любичъ, у Полянъ—Кіевъ, у Древлянъ—Коростень и т. д. Всѣ эти города, впрочемъ, не похожи были на наши города; скорѣе это были тѣ же деревни, окруженныя валомъ и другими укрѣпленіями.

Замкнутость родовъ внутри себя и враждебное ихъ настроеніе между собою были между прочимъ причиною особаго въ то время явленія, похищенія невѣстъ, или „умыкиванья", какъ выражалось на тогдашнемъ языкѣ. Добровольно роды не разставались съ своими дѣвицами, вслѣдствіе того ихъ уводили. Слѣды этого увода, или умыкиванья, сохранились до нынѣ въ разныхъ нашихъ свадебныхъ обрядахъ между простымъ народомъ, этимъ неизмѣннымъ держателемъ старины и отеческихъ преданій ***). Равно также сохранились слѣды выкупа за невѣсту, бывшаго въ практикѣ у древнихъ славянъ при поимкѣ уведенной невѣсты и ея похитителей.

Кромѣ славянъ, на пространствѣ теперешней Россіи жили еще другіе народы. Къ сѣверу и востоку отъ нихъ находились финны, а къ юго-востоку турецко-татарскія племена. Что касается до перваго изъ этихъ народовъ, то есть до финновъ, то этотъ народъ, подобно славянамъ, былъ раздробленъ на множество племенъ, нелюдимый и замкнутый. Впослѣдствіи всѣ отрасли этого разсѣяннаго на огромномъ пространствѣ племени вошли въ составъ Россіи, подчинившись, или подчиняясь еще до нынѣ, ея языку и культурѣ. Въ свою очередь и сами финны передали много чертъ славянскому племени. Если сравнить южнорусскаго славянина съ великорусскимъ, то отличающія послѣдняго наклонность къ труду, присноровленіе къ обстоятельствамъ, осторожность при обдумываніи плана и настойчивость при его выполненіи произошли во всякомъ случаѣ отъ помѣси съ другими племенами и едва ли не главнымъ образомъ тутъ надобно видѣть вліяніе финской расы. Въ первое время столкновенія своего съ славянскимъ міромъ, по крайней мѣрѣ на памяти исторической, финны дарили славянъ кудесниками и волхвами, и болѣе, чѣмъ славянскія племена, оказывали сопротивленія христіанству. Съ турецко-татарскими племенами разсчеты наши были потруднѣе. Ведя большею частью жизнь кочевую, съ постоянною наклонностью къ грабежу, неутомимые наѣздники съиздѣтства, эти жители степей были истиннымъ бичемъ нашихъ южныхъ областей. Послѣ многихъ попытокъ уревонить и угомонить степняковъ, государство, начавшее было существованіе на югѣ, должно было покончить тѣмъ, что удалилось само на сѣверъ, чтобы собраться тамъ съ силами. И только послѣ такого укрѣпленія могло оно потомъ мало по малу подвигаться на югъ и достигнуть своихъ естественныхъ границъ у Чернаго моря. Разсчеты съ степняками окончились у насъ лишь къ концу прошедшаго столѣтія. Всѣ прежнія попытки русскаго государства ослабить силу кочевниковъ не приводили ни къ чему. Вступленіе нашихъ людей въ брачные союзы съ степными грабителями и подарки имъ только возбуждали ихъ алчность и гордость. Походы противъ нихъ, не говоря уже о трудности подобныхъ предпріятій, въ случаѣ даже блестящаго успѣха, не давали тѣхъ результатовъ, какихъ отъ нихъ ожидали. Если въ злыхъ сѣчахъ русскіе успѣвали разрѣдить и ослабить орду однихъ степняковъ, то на мѣсто ихъ являлась тотчасъ же другая орда. Съ того времени, какъ югъ Россіи сталъ извѣстенъ исторіи, то есть со времени Геродота, тутъ постоянно смѣнялись одни гости другими. Азія кишѣла кочевниками и черезъ ворота между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ постоянно высылала новыхъ жильцовъ. Въ то время, когда Россіи пришла очередь выдти на чреду бытія, югъ Россіи занимался выходцами азіатскими, носившими имя Хозаръ. Эти сосѣди, покорившіе, какъ мы видѣли выше, юговосточныя славянскія племена, нѣсколько, впрочемъ, утратили свой прежній характеръ и получили отчасти наклонность къ осѣдлости. У нихъ были постоянныя вежи или становища. Кромѣ Хозаръ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи на востокѣ, именно у низовьевъ Камы, жили другіе азіатскіе выходцы—Болгары, бывшіе предмѣстниками Хозаръ по южнымъ степямъ. Болгары были уже совершенно осѣдлымъ народомъ. На западѣ русскіе славяне въ IX вѣкѣ граничили съ славянами же, вошедшими въ послѣдствіи въ составъ другихъ государствъ: Австрійскаго, Польскаго и Прусскаго. На сѣверозападѣ, между низовьями Западной Двины и Вислы, простираясь въ предѣлы нынѣшней Пруссіи, жили родственные славянамъ по языку и обычаямъ Литовцы. Въ послѣдствіи это племя сыграло блестящую, хотя и кратковременную, роль въ исторіи Европейской восточной низменности. Утѣсненное въ своихъ предѣлахъ нѣмцами, оно выдвинулось въ жилища русскихъ славянъ и, слившись съ ними, образовало западно-русское государство, захватившее въ свой составъ всѣ земли отъ верхней Оки до Западнаго Буга. Эти земли перешли потомъ подъ власть Польши и тутъ-то завязался тотъ узелъ нашихъ отношеній къ шляхетскому государству, который пришлось распутывать цѣлымъ столѣтіямъ. Окрѣпшая подъ сѣнью Москвы, Восточная Русь вспомнила, что по Днѣпру и за Днѣпромъ живутъ родичи ея русскіе, плоть отъ плоти ея и кость отъ костей ея, и стремилась возсоединить ихъ съ собою. Поляки воспротивились и начали кощунствовать надъ западными русскими; тогда завязалась борьба, въ которой

„Не разъ клонилась подъ грозою
„То ихъ, то наша сторона".

Лишь въ прошедшемъ столѣтіи порѣшилась эта борьба торжествомъ Москвы.

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, литовцы не образовали народа, а жили, подобно славянамъ, разрозненными племенами и не представляли для своихъ сосѣдей серьезной опасности.

Кромѣ народовъ, жившихъ въ предѣлахъ Россіи, надобно еще упомянуть объ одномъ народѣ, неимѣвшемъ водворенія въ нашей родинѣ, но неизбѣжно встрѣчающемся при описаніи начала нашей исторіи. Мы говоримъ о Норманнахъ, по нашимъ лѣтописямъ, Варягахъ. Народъ этотъ, занимавшій Скандинавію и сѣверную Данію, въ то время, о которомъ мы говоримъ, то есть въ IX вѣкѣ, прославился своими морскими разбоями и походами. На утлыхъ своихъ судахъ Норманы смѣло пускались въ океанъ. Всѣ сѣверные и западные берега Европы были объѣзжены и неоднократно опустошены этими дикими сынами сѣвера, причемъ они, если представлялся случай, занимали и совсѣмъ цѣлыя области, иногда даже такія сильныя, какъ Англія. Но, странствуя по отдаленнымъ морямъ и странамъ, эти искатели чести и добычи не могли, конечно, оставить безъ вниманія и нашего отечества, столь близкаго отъ нихъ по положенію, и, дѣйствительно, они нашли его своимъ вниманіемъ. Выше мы видѣли, что они подчинили себѣ Ильменскихъ славянъ съ частью Кривичей. Кромѣ того, мы знаемъ изъ своей лѣтописи, что по нашей странѣ было проложено много водныхъ путей Варягами, изъ нихъ самый извѣстный, ведшій изъ Варягъ въ Греки, шелъ по р. Невѣ, Ладожскому озеру, р. Волхову, оз. Ильменю, многовѣтвистой Ловати и оттуда чрезъ нѣсколько рѣчекъ и волоковъ входилъ въ Днѣпръ.

Теперь приступимъ къ изложенію самой исторіи Россіи и посмотримъ напередъ всего, какъ „пошла есть Русская земля"?

Лѣтописецъ говоритъ, что въ 859 г. по Р. Х. Варяги наложили дань на Новгородскихъ славянъ и на Кривичей, жившихъ у Чудскаго озера, при чемъ вмѣстѣ съ славянами попали въ подданство варяговъ и финскія племена, Меря и Весь. Не показалось подчиненнымъ это господство, и, соединившись, они изгнали Варяговъ и сами стали владѣть у себя. Но тутъ у нихъ пошли распри и усобицы, „возсталъ родъ на родъ". Тогда они собрались и сказали: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами", порѣшивши, пошли за море къ варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; да пойдите княжить и владѣть нами". По этому зову пришли три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ родичами своими, и приняли господство надъ призвав-

***) На обычай умыканьяи указываетъ практикующійся по мѣстамъ (во Ржевскомъ, напр., уѣздѣ Твер. губ.) обрядъ выхватыванья невѣсты изъ-за стола, гдѣ она сидитъ передъ вѣнцомъ, совсѣмъ обряженная, между своими подругами, такъ называемыми подневѣстницами. Иногда это выхватываніе, или вытягиваніе невѣсты, изъ среды ея подругъ совершается въ церкви. Главнымъ дѣйствующимъ, въ этомъ случаѣ, лицомъ бываетъ или самъ женихъ, или старшій изъ поѣзжанъ тысяцкій, переименованный у высшихъ классовъ нынѣ въ шаферы; тотъ или другой подходитъ къ мѣсту, гдѣ находится невѣста, и протягиваетъ ей руку. Если невѣста не отвела руки и дала себя взять, то отъ ловкости дѣятеля зависитъ высвободить ее изъ круга подругъ; сама она по крайней мѣрѣ сопротивляться не станетъ. Если же невѣста не обратила вниманія на протянутую руку, или хотя и обратила, но подруги ея съумѣли во время разстроить ея согласіе, то начинается торгъ, который уже ведется всегда кѣмъ-либо изъ поѣзжанъ по большей части тысяцкимъ, но отнюдь не самимъ женихомъ. Торгующійся начинаетъ обыкновенно съ самой низкой цѣны, которую потомъ и возвышаетъ до тѣхъ поръ, пока не продадутъ ему невѣсты. Иногда лицомъ стерегущимъ, а, стало быть, и продающимъ невѣсту, бываетъ ея братъ, обыкновенно маленькій. Къ этому, вѣроятно, случаю относятся слова пѣсни:

Татаринъ, братецъ, татаринъ
Продалъ сестрицу за таперъ.

Библиотека "Руниверс"

шими ихъ племенами. Рюрикъ сѣлъ у Ильменскихъ славянъ на Ладогѣ, откуда въ послѣдствіи перешелъ въ Новгородъ, а братьевъ посадилъ,—Трувора у Псковскихъ Кривичей въ Изборскѣ, а Синеуса—въ области „Весь", въ Бѣлозерскѣ. Въ то же время роздалъ еще мужамъ своимъ разные области и города, какъ видно, не очень довѣряя прочному обладанію новой страной. Такъ началось Русское государство, считающее нынѣ въ составѣ своемъ до 80 милліоновъ жителей, а пространствомъ превосходящее всѣ монархіи, когда либо бывшія и существующія. Русскимъ оно назвалось по имени призванныхъ князей. Актъ призванія князей, а слѣдовательно и начало русскаго государства, лѣтописецъ полагаетъ на 862 годъ.

Въ нашей исторической наукѣ возникли горячіе споры о томъ, кто такое были Варяго-Руссы? Одни изслѣдователи, придерживающіеся такъ называемой Скандинавской или Норманской теоріи, думаютъ, что это была отрасль тѣхъ норманновъ, которые славою своихъ морскихъ подвиговъ наполнили весь тогдашній міръ и были извѣстны хорошо и славянамъ, конечно, только не та отрасль, которая въ 859 году притѣснила славяно-финновъ и была изгнана ими. Другіе ученые придерживаются того мнѣнія, что Варяго-Руссы, призванные на княженіе славяно-финскимъ союзомъ были не народъ, не племя, а шайка, или сбродъ удалыхъ молодцовъ изъ разныхъ національностей, и въ томъ числѣ непремѣнно и изъ славянъ, составившаяся, подобно норманнамъ, для добычи чести и славы. То и другое мнѣніе имѣетъ за себя вѣскія доказательства, возбуждаетъ и не менѣе сильныя возраженія. Въ послѣднее время болѣе стало оказываться приверженцевъ на сторонѣ второго мнѣнія, которое не считаетъ Варяго-Руссовъ народомъ, что, впрочемъ, еще не доказываетъ превосходства этого мнѣнія.

Недоумѣніе на счетъ того, какъ славяно-финскій союзъ, только что освободившійся отъ чуждаго господства, ищетъ себѣ повелителя опять на сторонѣ, а не среди себя, разрѣшается легко. Члены славяно-финскаго союза—роды, какъ мы видѣли выше, до того разсорились, что, единственнымъ средствомъ покончить свои распри сами считали избраніе чуждаго властителя. Они были въ томъ положеніи, когда имъ нуженъ былъ сторонній посредникъ, который былъ бы совершенно чуждъ ихъ счетамъ и, слѣдовательно, для всѣхъ одинаково безпристрастенъ. Они и обратились къ стороннему посреднику. Можно очень легко допустить при этомъ, что призывавшіеся Варяго-Руссы были извѣстны призывавшимъ ихъ славяно-финнамъ съ какой-нибудь хорошей стороны.

Кто-бы ни были Варяго-Руссы, вѣтвь ли норманновъ, или сбродный союзъ изъ разныхъ народностей, возникшее при ихъ содѣйствіи новое государство, хотя и называлось русскимъ, но имѣло характеръ славяно-финскій, потому что составлено было изъ финновъ и славянъ. Оно и пошло бы такимъ путемъ далѣе, если бы преемники Рюрика дѣйствовали въ его духѣ. Говорятъ, что первый князь нашъ сдѣлалъ пріобрѣтенія къ своимъ владѣніямъ, но эти пріобрѣтенія совершились опять въ славянскомъ и финскомъ мірѣ. Со смертью Рюрика такой порядокъ измѣняется. Рюрикъ умеръ (879 г.), переживъ своихъ братьевъ, и оставилъ свои владѣнія малолѣтнему своему сыну Игорю, вмѣсто котораго принялъ управленіе дѣлами родственникъ царствующаго дома, Олегъ.

Олегъ тотчасъ далъ такой поворотъ дѣламъ, что и правящая династія, и ея мужи, и варяги, погрузились въ славянскій міръ и изъ него уже болѣе не выходили, вслѣдствіе чего и сами ославянились, и государство получило преобладающій славянскій пошибъ. Что руководило Олегомъ въ этомъ случаѣ, инстинктъ ли славянскій, если онъ самъ былъ славянинъ, или же варяжская наклонность погулять по великому водному пути, ведущему въ Константинополь, неизвѣстно, только Олегъ по смерти Рюрика отправляется на югъ по знаменитому Днѣпру, покоряетъ жившія по этой рѣкѣ славянскія племена и является у Кіева. Въ Кіевѣ сидѣли въ это время князья Аскольдъ и Диръ, по однимъ преданіямъ—спутники Рюрика, по другимъ соображеніямъ—неизвѣстнаго происхожденія удальцы, завладѣвшіе страною Полянъ. Олегъ хитростью убиваетъ этихъ владѣтелей, беретъ Кіевъ и провозглашаетъ его матерью градовъ русскихъ. Затѣмъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, онъ ведетъ войны съ разными славянскими племенами и подчиняетъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ Угличей на югѣ и Вятичей на востокѣ. Совершивъ покореніе, Олегъ указалъ размѣръ дани, которую должны были платить разныя племена и сталъ строить города, вѣроятно, для защиты отъ кочевниковъ, а можетъ быть и для упроченія внутренняго порядка.

Въ 907 году Олегъ отправляется въ свой знаменитый походъ къ Царьграду. Лѣтописецъ исчисляетъ всѣ подвластныя Олегу племена, принявшія участіе въ походѣ; такъ ли это было, какъ представлялъ себѣ лѣтописецъ, или иначе, во всякомъ случаѣ видно, что предпріятіе совершено было соединенными силами Руси, оттого оно и имѣло успѣхъ. Русскіе въ этомъ походѣ получили богатый окупъ и заключили выгодный договоръ съ греками. Преданіе изукрасило этотъ походъ баснословными прибавками. Такъ, напр., сказано было объ Олегѣ, что онъ корабли свои приказалъ вытащить на берегъ и, подладивъ подъ нихъ колеса, на парусахъ подошелъ къ Царьграду, къ которому доступъ съ моря заперли греки. Есть такое сказаніе, что будто бы греки пытались отравить Олега и выслали ему угощеніе, когда онъ явился передъ Константинополемъ, но что онъ догадался и не дотронулся до присланнаго; что греки, вслѣдствіе сего, говорили объ Олегѣ: „это не Олегъ, а святой Дмитрій, посланный на насъ Богомъ". Русскимъ того времени особенно понравилось это послѣднее преданіе объ осторожности Олега, оно свидѣтельствовало въ ихъ глазахъ объ умѣ князя, недавшаго себя обмануть самому хитрому изъ народовъ.

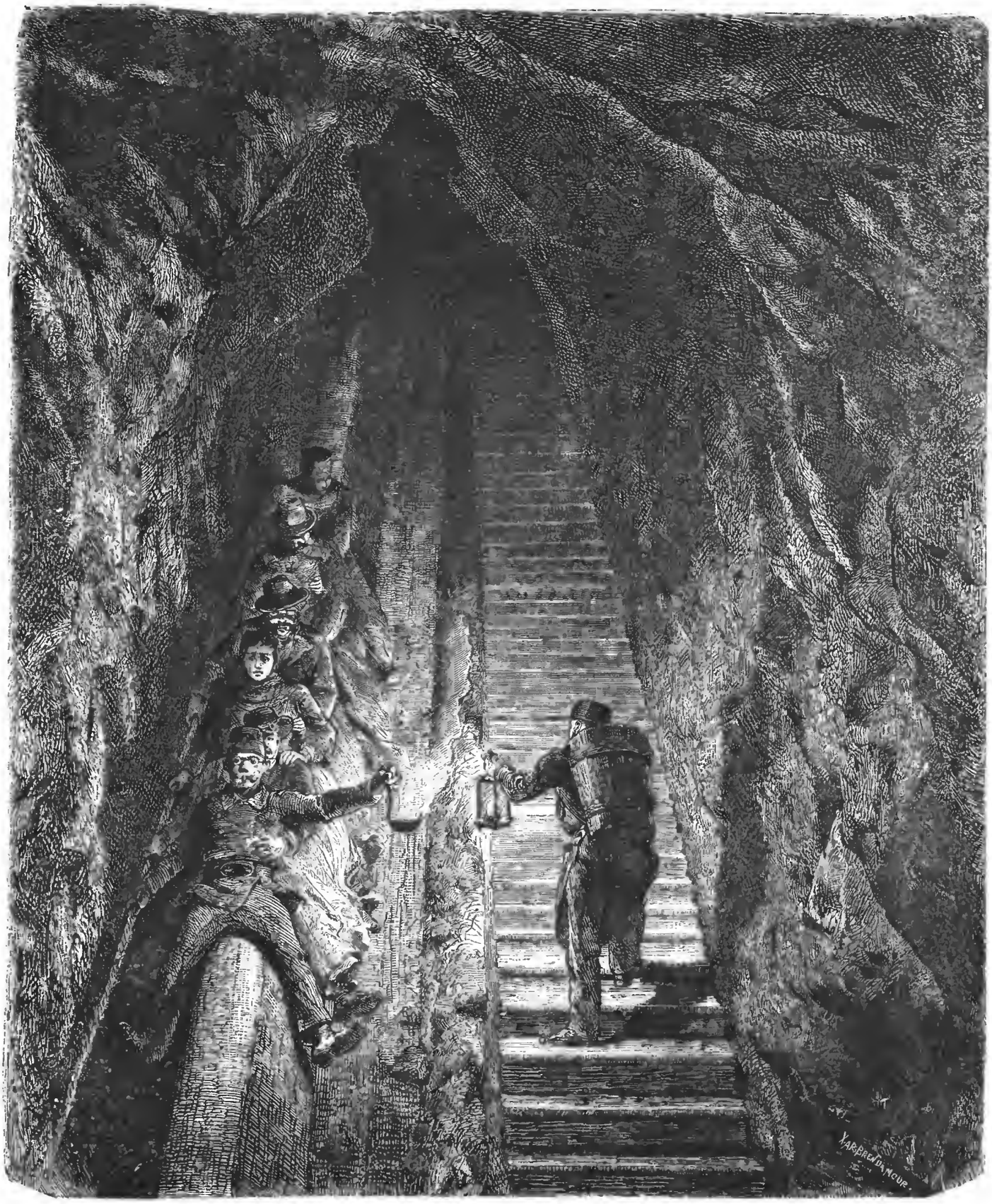
Олегъ послѣ своего греческаго похода прожилъ только три года и умеръ 912 года. Къ смерти его примѣшался опять элементъ чудеснаго. По преданію, онъ умеръ отъ укушенія змѣи, выползшей изъ черепа его любимаго коня, а объ этомъ конѣ ранѣе было предсказано Олегу, что онъ чрезъ него получитъ свою смерть. Олегъ, повѣривъ предсказанію, отпустилъ, говорятъ, отъ себя коня и никогда ужь болѣе его не видалъ. Конь между тѣмъ умеръ. Тогда Олегъ, полюбопытствовавшій видѣть его кости, приблизился къ черепу и былъ ужаленъ змѣей.

33-хъ-лѣтнее правленіе Олега (такую продолжительность этому правленію даетъ лѣтописецъ) полно великихъ событій. Своимъ мечемъ широко онъ намѣтилъ предѣлы Русской земли и, что не менѣе важно, умѣлъ поддержать порядокъ въ этой, имъ созданной, землѣ. Народъ оцѣнилъ Олега и прозвалъ его вѣщимъ, то есть мудрымъ, но мудрымъ не по человѣчески только, а вѣдущимъ волю божества, ибо таково значеніе слова „*вѣщій*". Народная поэзія потомъ завладѣла этимъ княземъ и представила его величіе въ баснословныхъ размѣрахъ. Мы съ своей стороны не должны упускать изъ виду важнѣйшей заслуги Олега: онъ первый положилъ основу тому, что Россія сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она есть, то есть русскимъ, а не русско-финскимъ государствомъ.

Олегу преемствовалъ Игорь, которому лѣтописецъ назначаетъ тѣ же 33 года дѣятельности, что онъ далъ и Олегу. Но замѣчательно, что въ продолжительное правленіе преемника Олегова лѣтописецъ не нашелъ вставить ничего особеннаго, поражающаго умъ. Онъ говоритъ объ его походахъ и дѣлахъ, но видимо не выказываетъ той симпатіи къ сыну Рюрика, какая невольно у него пробивается къ лицу Олега. Знакъ, что въ преданіяхъ народныхъ, служившихъ источникомъ для лѣтописца, Игорь выставленъ не въ столь выгодномъ свѣтѣ, какъ его знаменитый предмѣстникъ и опекунъ. И всѣхъ-то преданій объ Игорѣ правителѣ въ лѣтопись записано пять: два преданія о столкновеніи съ древлянами, жертвою послѣдняго изъ этихъ столкновеній и палъ Игорь; два извѣстія о греческихъ походахъ, и преданіе о появленіи на нашихъ южныхъ окраинахъ новаго хищническаго народа—Печенѣговъ. Изъ двухъ греческихъ походовъ Игоря, одинъ—именно первый, былъ неудаченъ, а второй выставленъ у лѣтописца какъ счастливый, хотя и окончился договоромъ съ греками, менѣе выгоднымъ, чѣмъ Олеговъ договоръ. Замѣчательно, что при присягѣ по договору клялись по двумъ обрядамъ, христіанскому и языческому. Князь и дружина языческая присягала на холмѣ предъ кумиромъ Перуна, а христіане приводимы были къ присягѣ въ храмъ св. Иліи. Христіанство, слѣдовательно, въ это время не только было въ Кіевѣ, но и считало между своими послѣдователями не мало знатныхъ людей, ибо къ присягѣ приводились только княжіи мужи. Начало христіанства въ Кіевѣ относятъ ко временамъ Аскольда и Дира, этихъ удальцовъ, завладѣвшихъ Кіевомъ и потомъ павшихъ подъ ударами Олега. Во время своего господства надъ землею полянъ, эти властители сдѣлали набѣгъ на Константинополь. Набѣгъ былъ неудаченъ, но повелъ къ сближенію духовному съ греками. Аскольдъ съ частью своихъ руссовъ принялъ христіанство.

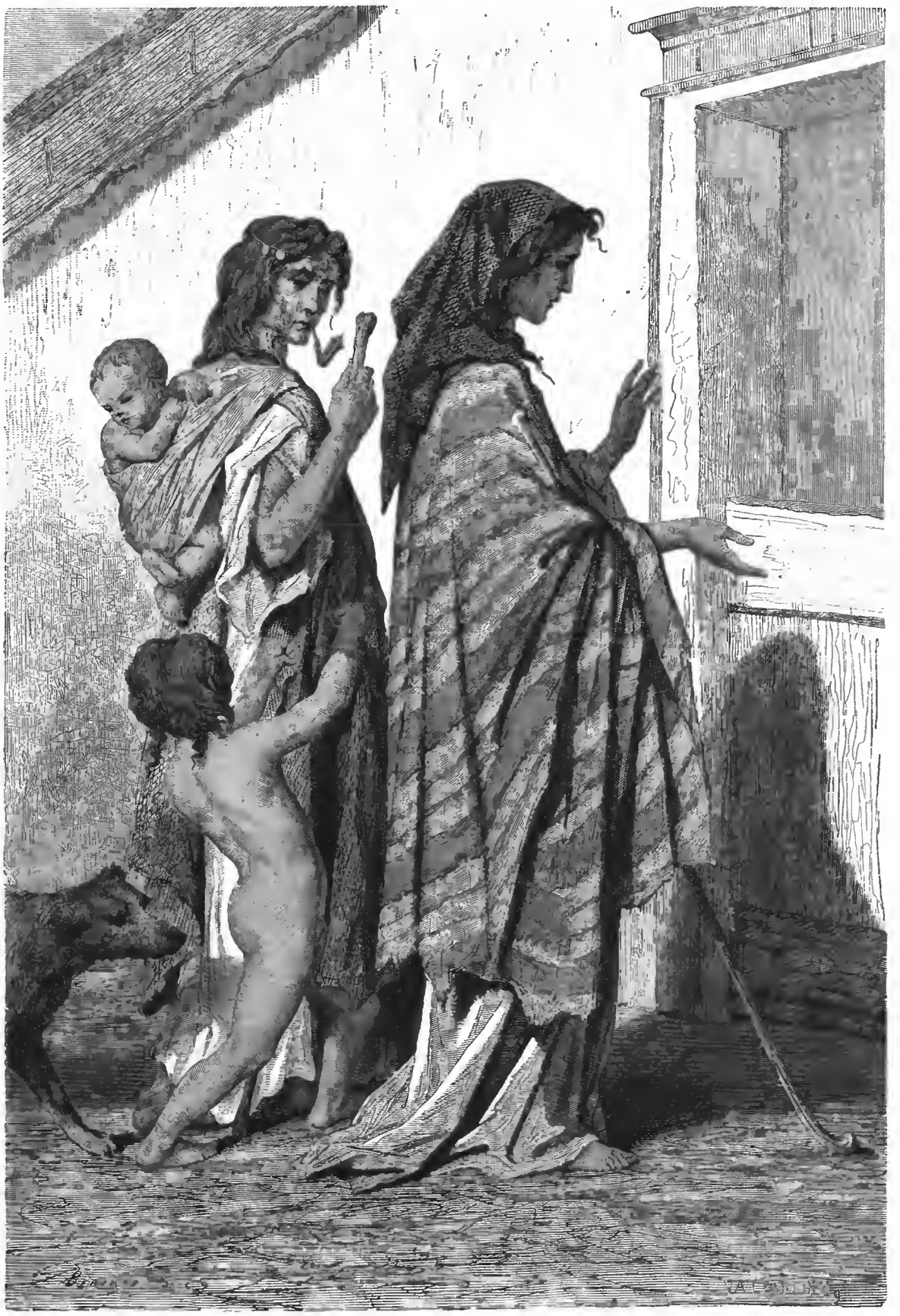
Игорь погибъ жертвою своей корысти. Отправившись на полюдье, то есть за сборомъ дани, къ древлянамъ, онъ началъ тамъ дѣлать насилія и требовалъ больше положеннаго; дружина его дѣйствовала также. Древляне разсердились. Надобно сказать, что это племя было изъ числа наименѣе расположенныхъ къ принятію новой формы общественнаго строя, княжей власти. При покореніи своемъ Олегу, они недобровольно признали его господство, а были *примучены*, какъ выражается лѣтописецъ. По смерти Олега они возстали и хотѣли возвратить свою независимость и первымъ дѣйствіемъ новаго правителя было усмиреніе древлянъ. Теперь, отправившись къ нимъ на полюдье, Игорь раздражилъ ихъ. Но этого мало: собравъ одну дань, Игорь вздумалъ взять на тѣхъ же древлянахъ другую дань. Отправивъ отъ себя большую часть дружины домой, онъ съ небольшимъ числомъ ратниковъ пошелъ опять въ древлянскую землю за данью. Дружину онъ отпустилъ затѣмъ, чтобы больше получить самому: по тогдашнимъ порядкамъ князья дѣлились всякою добычею съ дружиною. Древляне, разсерженные уже и безъ того, сказали сами себѣ: „повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его"—и убили Игоря. Есть преданіе, что они убили его мучительною смертью: наклонивъ два дерева, привязали къ вершинѣ каждаго изъ нихъ по ногѣ князя и пустили; деревья, выпрямившись, розорвали Игоря. Лѣтописецъ относитъ смерть Игоря къ 946 году. Игорь оставилъ малолѣтняго сына Святослава, будущаго героя древней языческой Руси. За малолѣтствомъ сына, приняла правленіе Ольга, вдова Игоря. Ольга вышла замужъ за Игоря, по показанію лѣтописца, въ 903 году, еще при жизни Олега, такъ что, если принимать

Библиотека "Руниверс"



Гальштатскій соляной рудникъ. (Путешественники, спускающіеся въ сопровожденіи рабочаго, верхомъ по катку во внутренность рудника). Рис. профессоръ Геберлинъ, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"



Цыганки, нищенствующія въ Славоніи. Рис. Мэнль, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

тутъ показаніе лѣтописи на вѣру, то ей при смерти мужа было около пятидесяти пяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ.

Первымъ дѣломъ Ольги, по вступленіи въ правленіе было отмстить древлянамъ за смерть своего мужа. Этого требовали и религіозный долгъ, и государственныя соображенія. По понятіямъ тогдашнихъ славянъ, какъ мы видѣли, месть за кровь была не только правомъ, но и обязанностью. Родственники убитаго не только могли отыскивать убійцу, или убійцъ, и убивать ихъ, но они обязаны были это непремѣнно дѣлать. Не исполнивъ этого, они подвергались позору. Вотъ посему въ уставѣ Ярослава, извѣстномъ подъ именемъ „Русской правды", допущено было право мести за кровь кровью въ пользу ближайшихъ родственниковъ. До Ярослава, какъ видно, этимъ правомъ пользовались всѣ родичи, члены рода-общины, находились ли они въ плотскомъ родствѣ съ тѣмъ, за кого мстили, или нѣтъ. Ярославъ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій могъ только ограничить число мстителей, но не устранить ихъ совершенно. Тоже видимъ мы и въ договорѣ Игоря съ Греками. По этому договору за убійство караютъ виновника смертью родственники убитаго. Такимъ образомъ месть за смерть Игоря была для Ольги священнымъ, религіознымъ долгомъ. Въ то же время мщеніе убійцамъ Игоря отвѣчало и государственнымъ интересамъ. Древляне, возмутившись, если не усмирить ихъ тотчасъ же, могли своимъ примѣромъ увлечь другія племена къ подражанію. Связь между разными частями, вошедшими въ составъ юнаго русскаго государства, была тогда еще не настолько сильна, чтобы не опасаться за нее при всякомъ неблагопріятномъ случаѣ. Связь эта выражалась въ поставленіи въ разныхъ племенахъ княжихъ мужей правителями и въ періодическихъ объѣздахъ волостей самими князьями. Эти правители и князья, во время своихъ посѣщеній, чинили на мѣстахъ судъ и расправу и водили внутренній порядокъ страны, при чемъ князья собирали и дань. Всѣ эти виды отношеній между государственною властью и разными областями не свидѣтельствовали объ ихъ прочной связи, и Ольга имѣла полное право опасаться за вредныя послѣдствія дерзкаго поступка древлянъ.

Но случилось такъ, что люди, которымъ хотѣла мстить Ольга по чувству жены представительницы, были въ тоже время и опаснѣйшими врагами государства. Мы видѣли, что старинное устройство славянской жизни было таково, что главная, выдающаяся тутъ роль выпадала на долю родоначальниковъ, старѣйшинъ, князей рода. Эти то родоначальники—князья древлянской земли и убили Игоря. По естественному порядку вещей, прежніе начальники родовъ враждебнѣе относились къ возникшей вновь княжей власти, чѣмъ прочіе простые люди. Князья своимъ появленіемъ уничтожали ихъ значенія и силу: что прежде принадлежало родоначальникамъ, старѣйшинамъ, право наряда, право суда и право жреческое—переходило теперь на лицо князя, а они отходили на второй планъ, приравнивались къ простымъ смертнымъ. И вотъ они убиваютъ Игоря. Древлянскіе послы прямо говорятъ Ольгѣ о значеніи въ этомъ дѣлѣ своихъ князей - начальниковъ: „мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, распасли древлянскую землю". Этихъ обстоятельствъ о значеніи князей не нужно терять изъ виду при чтеніи сказанія о мести Ольги.

Послы заключили свою рѣчь Ольгѣ предложеніемъ ей выдти замужъ за князя ихъ Мала. Вѣроятно, этотъ Малъ выдавался чѣмъ-нибудь тогда въ древлянской землѣ передъ прочими ея начальниками. Ольга сказала въ отвѣтъ посламъ: „люба мнѣ ваша рѣчь; вѣдь мнѣ мужа своего не воскресить; но мнѣ хочется почтить васъ передъ своими людьми". И приказала посламъ, когда она пришлетъ на другой день звать ихъ во дворецъ, неидти пѣшкомъ, а требовать, чтобъ ихъ несли и несли на лодкѣ, а между тѣмъ велѣла во дворѣ у себя выкопать большую глубокую яму. На другой день, когда люди Ольги явились на дворъ, звать пословъ во дворецъ, то послы отвѣчали: „Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и пѣшкомъ не идемъ, несите насъ въ лодкѣ". Кіевляне сказали: „Мы люди невольные; князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя", и понесли древлянъ въ лодкѣ, а тѣ, сидя, важничали. Когда принесли ихъ на дворъ, Ольга сдѣлала знакъ, древлянъ сбросили въ яму и засыпали землею. Когда ихъ засыпали, Ольга подошла къ ямѣ и спросила пословъ: „Довольны ли вы честью"? „Охъ, хуже намъ Игоревой смерти, отвѣчали тѣ.

Прилагаемый при настоящей статьѣ рисунокъ изображаетъ именно этотъ видъ Ольгиной мести; говоримъ: *этотъ*, потому что Ольга, по сказанію, продѣлала еще нѣсколько штукъ надъ древлянами, мстя за смерть мужа.

Для поясненія рисунка прибавимъ, что описанная сцена съ древлянскими послами происходила въ загородномъ теремномъ дворцѣ, вѣроятно, въ Вышгородѣ, составлявшемъ личную собственность этой княгини.

Распорядившись такимъ образомъ, Ольга требуетъ отъ древлянъ, чтобы тѣ, если дѣйствительно хотятъ ее сватать за своего мужа, прислали за ней вновь еще лучшихъ нарочныхъ мужей „а то, пожалуй, Кіевляне меня,"—говорила Ольга,—„и не пустятъ". Древляне послушались: выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, которыхъ и отправили въ Кіевъ. Въ Кіевѣ для этихъ лучшихъ мужей приготовили баню. На Востокѣ гостямъ, при встрѣчѣ, умывали ноги, у насъ на Руси въ старину непремѣнно подчивали при этомъ банькой. Когда гости вошли въ баню, баня загорѣлась и они всѣ погибли. Затѣмъ Ольга шлетъ въ древлянскую землю сказать: „Я уже на дорогѣ къ вамъ, наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили моего мужа; я поплачу надъ его могилою и отпраздную тризну". Древляне опять сдѣлали все, какъ наказывала Ольга. Ольга, пришедши съ небольшою дружиною, поплакала надъ Игоревою могилою, насыпала надъ нею высокій курганъ и велѣла праздновать тризну. Явившіеся на тризну древляне стали пить, а отроки Ольгины угощали ихъ. Когда древляне спрашивали о своей дружинѣ, что послали за Ольгою, то имъ отвѣчали что она идетъ сзади вмѣстѣ съ дружиною Игоря. Когда древляне напились до пьяна, то свита Ольги бросилась на нихъ и перебила 5,000 человѣкъ изъ нихъ.

Истребивши, такимъ образомъ, вождей древлянской земли, Ольга съ большимъ войскомъ стала покорять самую область. Область покорилась, только не сдавался главный городъ древлянъ Коростень.

Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ нимъ съ войскомъ, а сдѣлать ничего не могла.

Тогда Ольга употребляетъ опять хитрость. Какъ-бы жалѣя Коростенцевъ, удрученныхъ продолжительною осадою и обѣднѣвшихъ отъ войны, она предлагаетъ имъ изъявить лишь ей покорность дачею отъ каждаго дома по три голубя и по три воробья. Коростенцы съ радостью согласились; и Ольга, привязавъ къ птицамъ зажигательные снаряды, сожгла и взяла городъ. Древлянская земля окончательно была усмирена.

Въ этомъ разсказѣ о мести Ольги Древлянамъ, изукрашенномъ вымыслами и баснями, есть серьезная историческая подкладка. Въ разсказѣ ясно выражена мысль о важномъ значеніи лучшихъ людей страны, ея представителей. Въ разсказѣ выразились также понятіе современниковъ объ Ольгѣ. Ольга выставлена тутъ хитрою женщиною, или, что тоже, умною; ибо по понятію людей того времени хитрость была тождественна съ умомъ. Не вредитъ вѣроятности разсказа и сватовство Мала за Ольгу. По понятіямъ того времени убійца могъ жениться на вдовѣ убитаго. У Норманновъ едва ли это не считалось средствомъ, искупающимъ убійство. Да и у насъ Владиміръ, убивъ Ярополка, беретъ себѣ въ жены его вдову, равно и невѣсту, извѣстную Рогнѣду, у которой, кромѣ жениха, убилъ онъ отца и братьевъ.

Ошибся бы тотъ, кто объ Ольгѣ составилъ-бы себѣ понятіе только по разсказамъ объ ея мести древлянамъ. Чтобы судить объ этой великой женщинѣ, надобно взять во вниманіе всю ея дѣятельность жизни. Талантливая жена Игоря, казавшаяся своимъ современникамъ образцомъ супруги и правительницы, покажется такою же и намъ, если мы вглядимся пристальнѣе въ ея образъ, отдѣленный отъ насъ девятью вѣками. Она съ честью и безъ упрека стоитъ у начальнаго края нашей исторіи между тѣми зиждителями и устроителями первоначальныхъ судебъ нашей страны, которыхъ Карамзинъ такъ выразительно назвалъ „Великанами сумрака".

Н. Звѣревъ.

Къ рисункамъ.

Священная смоковница.

Священная смоковница есть одно изъ величайшихъ деревьевъ, украшающихъ лѣса Индіи. Она замѣчательна тѣмъ, что вѣтви ея выпускаютъ изъ себя воздушные корни, которые остаются довольно тонкими, пока висятъ въ воздухѣ; но какъ скоро успѣютъ они проникнуть въ почву и укрѣпиться въ ней, быстро начинаютъ утолщаться и деревенѣть, образуя вокругъ главнаго ствола множество высокихъ колоннъ. Что это дѣйствительно корни, а не стебли или стволы, слѣдуетъ уже изъ того, что они ростутъ внизъ и углубляются въ почву. Корень даже искусственно нельзя заставить расти иначе. Всѣмъ извѣстно, что если посадить проросшій бобъ росткомъ внизъ, а корешкомъ вверхъ, то ростокъ непремѣнно, чрезъ нѣкоторое время, поворотится къ верху почвы, а корешокъ—къ низу ея. Это направленіе восходящей оси (т. е. стебля) растенія вверхъ, а нисходящей оси (т. е. корня) внизъ, очень замѣчательно: оказывается, что оно находится въ связи съ поступательнымъ движеніемъ земли, чему служитъ доказательствомъ слѣдующій поучительный опытъ англійскаго физика Найта: на окружности вращающагося колеса, вертикальнаго къ горизонту, были посѣяны сѣмена фасоли; колесо приводилось въ движеніе струею воды дѣлая 150 оборотовъ въ минуту, и что-же? Стебли всѣхъ сѣмянъ нытянулись къ центру, а корни къ окружности колеса, т. е. оси растеній направились по радіусамъ круга. Слѣдовательно, деревья своимъ вертикальнымъ ростомъ давно уже говорятъ человѣку о враще-

Библиотека "Руниверс"

ній земли около солнца, но человѣкъ плохо понимаетъ книгу растительнаго царства природы, даже и до сихъ поръ... Впрочемъ, корни нѣкоторыхъ растеній вовсе не углубляются въ землю, а остаются или погруженными въ воду, или висящими въ воздухѣ, или вростаютъ въ другія растенія. Такъ, въ стоящихъ водахъ нашихъ прудовъ ростетъ Ряска, у которой корни никогда не доходятъ до дна. Орхидныя растенія тропическихъ странъ покрываютъ стволы и вѣтви деревьевъ, прикрѣпляясь къ нимъ частью своихъ корней, а остальные корни висятъ въ воздухѣ, извлекая изъ него вещества для своего питанія. Всѣ чужеядныя растенія или паразиты, какова напр. Омела, впускаютъ свои корни въ разныя деревья... Но возвратимся къ Смоковницѣ.

Разросшись такимъ образомъ, одно дерево представляетъ собою цѣлую рощу, которая очень много говорила воображенію древняго индійца. Поэтому набожный браминъ переносилъ сюда, подъ эти таинственные зеленые своды своихъ боговъ, и мѣсто дѣлалось храмомъ, въ который стекались поклонники священнаго Ганга. Вотъ почему и получила смоковница названіе священной или храмовой. Одно изъ этихъ величественныхъ деревьевъ, находящихся на берегу рѣки Нербуды, имѣетъ 350 большихъ придаточныхъ корней и до 3000 меньшей величины, такъ что образуетъ родъ лѣса въ лѣсу. Индійское преданіе утверждаетъ, что Александръ Македонскій будто-бы располагался съ своимъ войскомъ подъ однимъ изъ такихъ деревьевъ.

Гальштадтскій соляной рудникъ.

Зальцкаммергутъ—это въ нѣкоторомъ родѣ вѣнецъ нѣмецкихъ альпъ, а Гальштадтъ, лежащій на берегу длиннаго, узкаго озера того-же имени, можно назвать одною изъ самыхъ прекрасныхъ жемчужинъ въ этомъ вѣнцѣ. Отъ Ишля до Гозаумюле, лежащей неподалеку отъ сѣвернаго берега Гальштадтскаго озера, всего нѣсколько часовъ ѣзды. Здѣсь оканчивается широкая, проѣзжая дорога, и путешественники садятся на пароходъ, который черезъ полчаса приходитъ въ Гальштадтъ. Гальштадтское озеро лежитъ почти на 500 метровъ выше уровня моря; въ длину оно имѣетъ 2¼ мили, а въ ширину—½ мили; самая большая глубина его 170 метровъ. Окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами, а съ южной стороны даже исполинами германскихъ альпъ, озеро это имѣетъ весьма живописный видъ. На западномъ его берегу, почти незаселенномъ, у подошвы Зальцберга находится мѣстечко Гальштадтъ съ населеніемъ въ 1600 душъ; мѣстоположеніе его очень красиво, даже оригинально, такъ какъ оно расположено террассообразно по склону горы. Въ нѣдрахъ Зальцберга скрываются богатѣйшія въ свѣтѣ залежи каменной соли, которыя разработываются ужь нѣсколько вѣковъ, но только въ послѣднія десятилѣтія разработка эта приняла обширные размѣры и ведется осмотрительно и раціонально, вслѣдствіе чего эти копи принадлежатъ къ самымъ интереснымъ достопримѣчательностямъ Зальцкаммергута. Надъ мѣстечкомъ высится Рудольфова башня, старинная, крѣпкая сторожевая башня, обитаемая и до сихъ поръ. Эту башню герцогъ Альбрехтъ, сынъ Рудольфа Габсбургскаго, велѣлъ построить на высотѣ 831 метра надъ уровнемъ моря для защиты Гальштадта. Чужестранцы, желающіе посѣтить знаменитый Гальштадтскій соляной рудникъ, поднимаются по широкой, удобной дорогѣ до Рудольфовой башни, а оттуда до рудника и первой штольны. Самое путешествіе по руднику, занимающее около часа времени, совершается обыкновенно по деревянному узкому спуску въ видѣ сплошныхъ перилъ. Для такой поѣздки путниковъ снабжаютъ особой одеждой, состоящей изъ такъ называемаго «бѣлаго костюма» рудокопа; женщины получаютъ блузы и широкіе панталоны, мущины — куртку, панталоны и непремѣнно кусокъ кожи на часть тѣла ниже поясницы.

Желающіе осмотрѣть Гальштадтскій Зальцбергъ и его шахты (въ настоящее время около 130 шахтъ наполнены водою для растворенія соли и полученія разсола), заявляютъ о своемъ желаніи оберштейгеру, который раздаетъ одежду и распоряжается поѣздкой. Сначала спускаются по верхней штольнѣ почти на четверть мили въ глубь горы къ каморамъ, вода которыхъ, если она обратилась въ достаточно крѣпкій разсолъ, выпускается и отводится посредствомъ жолобовъ въ соловарни Гальштадта, Эбензе и Ишля. Выщелоченныя каморы снова засыпаются потомъ мусоромъ и камнемъ, слѣдовательно уже не эксплоатируются; такихъ каморъ новѣйшаго времени насчитывается уже слишкомъ 300. Достигнувъ того пункта, откуда можно спуститься въ болѣе глубокія части рудника, туристу предоставляется на выборъ: сойти внизъ по лѣстницѣ въ 200 ступеней или полетѣть съ быстротою молніи по наклонному спуску, устроенному рядомъ съ лѣстницей. Спускъ, какъ это видно на нашей картинкѣ, состоитъ изъ гладко обрѣзанныхъ перилъ, по которымъ и спускаются, сидя верхомъ. Кусокъ кожи предохраняетъ сѣдалищныя части отъ слишкомъ сильнаго тренія, какъ и грубая перчатка, защищающая правую руку, которою держатся за протянутый канатъ. Проводникъ, съ свѣтильникомъ въ лѣвой рукѣ, садится на спускъ, остальная публика въ своихъ костюмахъ помѣщается за нимъ гуськомъ, вплотную, и, по данному звуку, этотъ маленькій караванъ летитъ внизъ съ большою или меньшою скоростью, по гладкой поверхности спуска во вторую штольну. Окончивъ осмотръ, всѣ поднимаются по лѣстницамъ до верхней площадки и садятся тамъ въ маленькія тачки, въ которыхъ, по рельсовому пути, ихъ и вывозитъ изъ первой штольны на свѣтъ Божій. При посѣщеніи рудника туристы, какъ это видно на картинкѣ, всегда почти предпочитаютъ спускаться верхомъ, ибо такого рода полетъ доставляетъ много удовольствія.

Цыганки, нищенствующія въ Славоніи.

Цыгане-кочевники, встрѣчающіеся и у насъ, въ Россіи, въ небольшомъ числѣ, отдѣльными таборами въ пять-шесть душъ, особенно многочисленны на юго-востокѣ Европы. (О цыганахъ «Нива» уже не разъ имѣла случай говорить на своихъ страницахъ) Изъ одного округа въ другой, изъ провинціи въ провинцію переходятъ они, ночуя подъ открытымъ небомъ и питаясь чѣмъ Богъ послалъ. Въ одной изъ quasi-цыганскихъ пѣсней россійскаго издѣлія поется:

Мы живемъ средъ полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ.

Только наврядъ-ли это такъ, ибо голодному и холодному всегда есть о чемъ потужить. Какъ-бы ни былъ человѣкъ дикъ, но не въ натурѣ его равнодушно переносить голодъ и холодъ. Судороги желудка, ознобъ, какъ *непріятныя* ощущенія, всегда останутся непріятными.—Мѣстные осѣдлые жители съ явнымъ пренебреженіемъ относятся къ цыганамъ, и справедливо считаетъ ихъ неспособными къ цивилизаціи, по давно уже извѣстной и ясно опредѣлившейся ихъ болѣзненной склонности къ бродяжничеству Членами сельскихъ общинъ быть они не могутъ, потому что сами общинники отталкиваютъ ихъ, что обусловливается не только происхожденіемъ цыганъ, но и дѣйствующими мѣстными законами. Въ сельскихъ общинахъ Славоніи, напр., гдѣ цыганъ очень много, гдѣ они безпрестанно перекочевываютъ (любой мѣстный ландшафтъ непремѣнно украшенъ группою этихъ скитальцевъ), существуетъ особаго рода поземельное устройство. Земля съ дворомъ принадлежитъ тамъ не отдѣльному лицу, а всей семьѣ, поля-же и пр. угодья какого нибудь селенья составляютъ собственность всей общины и не могутъ быть предметомъ продажи. Каждая семья воздѣлываетъ такое количество земли, какое можетъ или желаетъ обработать, и платитъ за это общинѣ извѣстный процентъ съ своего дохода; такимъ образомъ, семья не собственница своего участка, она имѣетъ только право пользоваться имъ. Право уроженца общины есть въ то же время право пользованія землею; то и другое передается по наслѣдству, поэтому посторонній, *чужой* человѣкъ, можетъ сдѣлаться членомъ какой либо сельской общины только въ такомъ случаѣ, если онъ посредствомъ брака свяжетъ себя съ семьею общинника. Но цыганъ—лицо презираемое, онъ даже не христіанинъ, онъ язычникъ, парія, а потому для него совершенно невозможная вещь такимъ образомъ войти въ семью славонскаго поселянина. Вотъ, можно сказать, одна изъ причинъ, почему цыгане не могутъ сдѣлаться осѣдлыми въ Славоніи и обречены на жалкое скитальческое существованіе. Средства къ пропитанію себя они достаютъ трудомъ «мимоходнымъ», предлагая услуги свои на живодернѣ, занимаясь кузнечнымъ ремесломъ, а иногда являясь въ качествѣ музыкантовъ во время праздниковъ, на свадебныхъ пирушкахъ. Цыгане мужскаго пола, если нѣтъ у нихъ работы, отдаются лѣни, а наскучивъ лежать—отправляются воровать; женщины цыганки бродятъ съ голыми ребятишками по деревнямъ, просятъ милостыню или предлагаютъ поворожить, погадать. Зная очень хорошо бытъ мѣстныхъ поселянъ, ихъ нравъ, характеръ, отношенія между полами, цыганкѣ не трудно угадать многое или предсказать дѣвушкѣ, что она любима и скоро будетъ женой.—Вотъ къ окну подошли двѣ цыганки, старая и молодая, обѣ въ лахмотьяхъ, съ ребятами. Молодая, какъ видно, предлагаетъ поворожить. Фигуры эти живописны и интересны, напоминаютъ библейскихъ женщинъ въ рисункахъ Г. Дорэ. Старухи, правда, бываютъ часто очень безобразны, за то между дѣвушками и молодыми цыганками не въ рѣдкость встрѣтить красавицъ

Политическое обозрѣніе.

Въ самый праздникъ Пасхи стало извѣстнымъ содержаніе протокола, перепечатаннаго всѣми русскими газетами изъ «Прав. Вѣстника», вмѣстѣ съ декларацией нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова. Суть протокола состоитъ въ *приглашеніи* (но не въ настойчивомъ понужденіи) державами Порты—улучшить судьбу ея христіанскаго населенія посредствомъ реформъ, имѣющихъ быть введенными въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Порта *приглашается* возвратить свои войска въ положеніе мирнаго времени, за исключеніемъ того ихъ количества, которое необходимо для поддержанія порядка. Державы, съ своей стороны, выражаютъ намѣреніе имѣть бдительный надзоръ, посредствомъ своихъ представителей въ Константинополѣ и чрезъ

Библиотека "Руниверс"

мѣстныхъ агентовъ, за выполненіемъ обѣщаній турецкаго правительства. Но затѣмъ, въ заключеніе протокола оговорено, что еслибы державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ и положеніе христіанскихъ подданныхъ султана не было бы улучшено въ такой мѣрѣ, чтобы предотвратить возвращеніе тѣхъ усложненій, которыя періодически нарушаютъ спокойствіе на Востокѣ,—державы считаютъ долгомъ заявить, что такое положеніе вещей было бы несогласно съ интересами ихъ и Европы вообще, и, въ такомъ случаѣ, онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно разсудить о мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгодъ всеобщаго мира.

Затѣмъ, присоединенною къ протоколу декларацiей графа Шувалова, протоколъ приводится въ связь съ вопросомъ о заключеніи мира между Черногоріей и Портой. (Въ протоколѣ упоминалось о томъ условіи, чтобы границы Черногоріи были исправлены и чтобы допущено было свободное плаваніе по р. Боянѣ, заключеніе мира съ Сербіей также принято въ разсчетъ). Миръ Турціи съ Черногоріей сочтенъ за первый шагъ, со стороны Турціи, на пути осуществленія реформъ. Послѣ изъявленія Портою готовности въ этомъ смыслѣ, она приглашается прислать въ Петербургъ особаго уполномоченнаго для переговоровъ о *разоруженіи*, на которое, говорится въ декларацiи, согласится съ своей стороны и Его Величество Государь Императоръ, если только не произойдутъ новыя избіенія, подобныя тѣмъ, которыя обагрили Болгарію. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ мѣры къ разоруженію со стороны Россіи будутъ остановлены.

Порта на принятіе этого протокола не согласилась и 30-го марта получена въ Петербургѣ циркулярная депеша турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Савфета-паши, содержащая рѣшительный отказъ на всѣ требованія русскаго правительства.

Затѣмъ, по вопросу о мирѣ Турціи съ Черногоріей стало извѣстнымъ, что турецкая Палата Депутатовъ, засѣдавшая въ Перѣ, большинствомъ 66 голосовъ противъ 18, отвергла всякую уступку территоріи въ пользу Черногоріи и даже не согласилась на уступку той части ея, которую уже согласно было уступить турецкое правительство. Черногорскіе же уполномоченные получили изъ Цетинья новыя инструкціи не дѣлать болѣе ни одной уступки и настаивать на сдачѣ крѣпости Никшича. Турецкая Палата Депутатовъ и Сенатъ, правда, уже давно отвергли требованія Черногоріи, но Савфетъ-паша почему-то все еще тянетъ переговоры. Черногорскимъ делегатамъ это надоѣло, и они въ субботу 2 (14) апрѣля уѣзжаютъ домой.

Кстати сказать, что срокъ перемирія между Турціей и Черногоріей уже истекъ; носились слухи, что перемиріе будетъ формально продлено еще на двѣ недѣли; но также извѣстно и то, что подобное перемиріе было бы весьма непрочно, въ виду вотъ уже три дня возникшихъ схватокъ между турками и миридитами, при чемъ и черногорцы должны занять демаркаціонную линію и держаться оборонительныхъ дѣйствій. Стоитъ ли тогда хлопотать о перемиріи!

Затѣмъ дальнѣйшія, только что полученныя извѣстія, дорисовываютъ общее грозное положеніе дѣлъ.

1) Военныя приготовленія въ Турціи производятся съ усиленной энергіей день и ночь. Телеграфъ работаетъ безостановочно. Англія, совмѣстно съ Австріей, пытались было произвести давленіе на Порту. Но турецкое правительство уже безповоротно поддалось вліянію столичнаго общественнаго мнѣнія (т. е. софтъ, улемовъ и др. фанатиковъ). Печать въ Константинополѣ, особенно же греческая (фанаріотская), а равно и приближенные султана, единогласно требуютъ войны. На попытку повѣреннаго въ дѣлахъ Австріи склонить Порту къ миру, великій визирь Эдхемъ-паша отвѣчалъ, что «Турція не можетъ принять предложеній, оскорбляющихъ ея достоинство». Такую же попытку сдѣлалъ было графъ Андраши, но тоже неудачно. Особенно нафанатизированъ въ настоящее время турецкій совѣтъ министровъ. Недавно на одномъ изъ засѣданій нѣкоторые изъ членовъ совѣта предложили даже требовать отъ Россіи возвращенія Крыма (!?). Болѣе благоразумные министры, однако, отвергли это предложеніе.

2) Порта уже отправила румынскому правительству извѣщеніе, что какъ скоро русскія войска *перейдутъ границу*, войска турецкія *вступятъ на территорію* Румыніи. При этомъ Румынія приглашается, въ качествѣ вассала, не оказывать Турціи сопротивленія, а поставить свои войска подъ главное начальство турецкаго генерала. О дальнѣйшихъ воинственныхъ приготовленіяхъ Турціи извѣстно, что Дарданеллы сильно укрѣпляются. Въ турецкой провинціи Румеліи призваны такъ называемые «мустагафизы», т. е. всѣ магометане, способные носить оружіе (число ихъ простирается до 28 тысячъ).

Важнѣйшимъ комментаріемъ будущаго поведенія Англіи—должно служить ея рѣшеніе отправить свой флотъ въ Безикскую бухту. Далѣе, два англійскіе монитора отправятся къ Константинополю и займутъ мѣсто у самаго входа въ заливы, соединяющіе Черное море съ Средиземнымъ.

— Что касается Австріи, то, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ тамошнихъ правительственныхъ сферахъ исчезла всякая надежда на сохраненіе мира. Въ Вѣнѣ одержали верхъ тѣ вліянія, которыя стоятъ за совмѣстное дѣйствіе Австріи съ Россіей. Вѣнское правительство, повидимому, спѣшитъ приготовленіями къ занятію Босніи.

Въ Албаніи начались стычки вооруженныхъ инсургентскихъ бандъ съ Турками.

Изъ всѣхъ исчисленныхъ нами фактовъ ясно одно: надежда на мирное рѣшеніе—и то, конечно, только временное (въ чемъ мы всегда были убѣждены и высказывали свое убѣжденіе)—восточнаго вопроса исчезла совсѣмъ. Грозныя тучи нависли..

— Имперскій Канцлеръ Германіи, князь Бисмаркъ, къ общему изумленію всей Европы, недавно подавалъ императору Вильгельму двоекратное прошеніе объ отставкѣ. Вильгельмъ, какъ и слѣдовало ожидать, не согласился на отставку Канцлера, и даже на поляхъ въ послѣдній разъ поданнаго Бисмаркомъ прошенія объ отставкѣ, написалъ короткое и краснорѣчивое: «Никогда». Причины, побудившія къ этому князя Бисмарка, еще не выяснились. Говорятъ, однакожь, что дѣло это стоитъ въ связи съ римско-католическимъ вопросомъ въ Германіи и съ борьбою противъ ультрамонтановъ въ Германіи,—борьбою, иниціативу въ которой принималъ Бисмаркъ. Вмѣсто отставки, Бисмаркъ получилъ отъ императора временной отпускъ, для отдохновенія отъ дѣлъ.

Нѣкоторые пытались временное удаленіе князя Бисмарка отъ дѣлъ пріурочить, во что бы ни стало, къ обезпеченію прочнаго европейскаго мира—слабая и тщетная попытка. Удаленіе Бисмарка доказываетъ, въ крайнемъ случаѣ, только полный нейтралитетъ Германіи въ грозящей вспыхнуть войнѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Бѣлостонъ, А. Шер...** Помѣщаемъ четыре строки изъ вашихъ стиховъ:

«А тоска *смѣлый* еще
Въ сердцѣ разыграется,
Такъ и рветъ всю внутренность,
Не давая отдыха».

Какіе ужасы и какая *смѣлая* тоска!

2. **Ливны, И. Дар—у.** Изъ вашихъ «произведеній» можно взять двѣ строки:

«Все тихо въ природѣ, лишь только порой
До слуха знакомая пѣсня *касается*.

Удивительный слухъ и удивительная пѣсня.

3. **Таганрогъ, Дмит—ло.** Прочтите въ послѣднемъ № 52 «Нивы» за 1876 г. на послѣдней страницѣ заявленіе „отъ издателя".

4. **Подписчикамъ „Нивы".** Чрезъ разсыльныхъ пробовали, но оказалось неудобно по отсутствію прочныхъ гарантій; въ почтовую же сумку померъ несложенный вдвое не входитъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписч. нашихъ, при перем. адр. высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . 60 коп.
2) „ „ Иногороднаго на С.-Петербургскій . . 50 „
3) „ „ Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

СОДЕРЖАНІЕ. **Акрополь въ Аѳинахъ и гавань Пирей** (съ 3-мя рисункамв).—**Госпожа марниза** (Новелла Поля Гейзе). (Продолженіе).—**Очерки изъ русской исторіи.** Съ начала государства до утвержденія во власти Ольги (съ рис.). **Звѣрева.**—**Священная смоновница**(съ рис.). — **Гальштадтскій соляной рудникъ** (съ рисункомъ).—**Цыганни, нищенствующія въ Славоніи** (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Почтовый ящикъ.—Отъ Редакціи „Нивы".—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3, противъ Стремянной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
4
Товарищество Чемберсъ и К°.

ДАЧНАЯ ИГРА
КРОКЕТЪ
смотря по величинамъ березовые, въ 6 и 8 р. корельской березы въ 13 и 15 р. пальмовые въ 10, 13, 15 и 20 руб.
и по заказу изъ чернаго дерева въ 30 руб.
Всѣ хорошей и прочной работы; пересылка багажемъ на всѣ станціи (вѣсъ 60 ф.)
Карманный фотографическій аппаратъ для снятія портретовъ и видовъ съ натуры безъ знанія фотографіи цѣна 25 р. (вѣсъ 15 ф.).
Магазинъ «Городъ Нюрнбергъ» въ старомъ Газетномъ переулкѣ д. Шаховскаго. въ Москвѣ. 1—1

Небольшой новый желѣзный винтовой пароходъ 17 футовъ длины, 5 футовъ ширины, 1½ ф. въ водѣ и который легко можетъ быть перевезенъ по желѣзной дорогѣ, продается за дешевую цѣну 1,200 р. с.; адресоваться: къ Фридриху Штеймхену. въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 4 линія, домъ № 9.

При этомъ № прилагается для гг. иногород. подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина А. М. Земскаго въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 7 Апрѣля 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 16 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 18 Апрѣля 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „

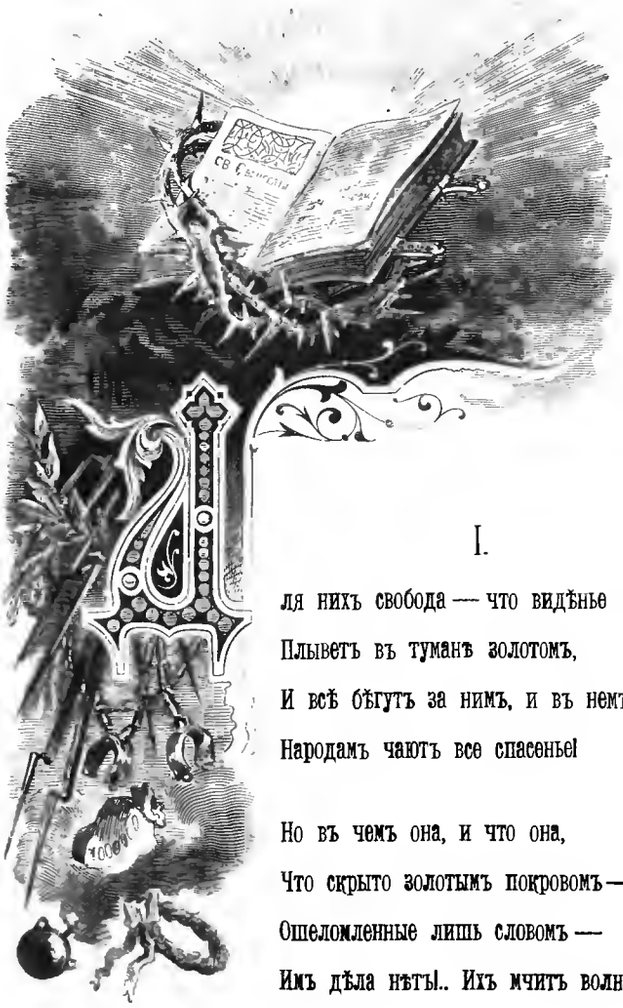
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Стихотворенія.

(Два отрывка изъ записной книжки).



I.

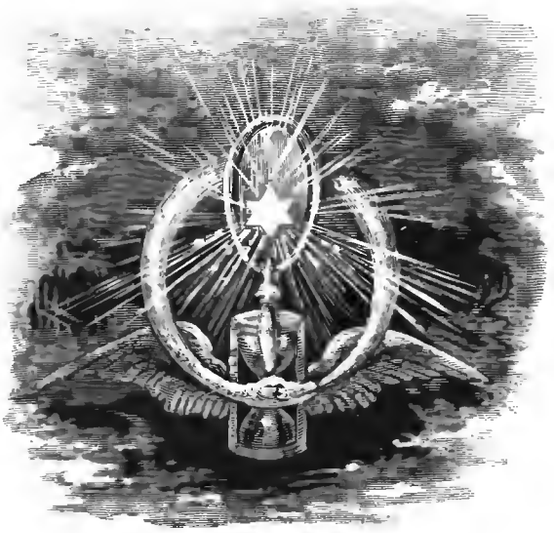
Для нихъ свобода — что видѣнье
Плыветъ въ туманѣ золотомъ,
И всѣ бѣгутъ за нимъ, и въ немъ
Народамъ чаютъ все спасенье!

Но въ чемъ она, и что она,
Что скрыто золотымъ покровомъ —
Ошеломленные лишь словомъ —
Имъ дѣла нѣтъ!.. Ихъ мчитъ волна.

У нихъ ни зрѣнья нѣтъ, ни слуха,
И тщетно Распятый стоитъ
У всѣхъ въ глазахъ и говоритъ:
„Свобода — только въ царствѣ духа"...

II.

Духъ вѣка — ихъ кумиръ, а вѣкъ ихъ — краткій мигъ...
Кумиры падаютъ въ забвенье въ безконечность...



И все—безумные ихъ разумъ не постигъ,
Что выше всѣхъ вѣковъ—есть вѣчность.

А. Майковъ.

Библиотека "Руниверс"

Госпожа маркиза.

(Новелла Поля Гейзе).

(Продолженіе).

Въ эту ночь я еще долго стоялъ у окна моей угловой комнаты въ гостинницѣ „Европа" и смотрѣлъ на мысъ, поросшій пиніями, и на море, которое, какъ громадный серебряный щитъ съ широкими, темными стальными краями отражало въ себѣ лунное небо. Я внутренно спрашивалъ себя почему слышанная мною обыкновенная исторія привела меня въ такое восторженное настроеніе. Правда, что въ этой исторіи непорочное и доблестное сердце устояло противъ всѣхъ обольщеній страсти, чтобы не измѣнить своему долгу и, наконецъ, хотя и поздно, но не особенно, добродѣтель получила достойную награду. Ну что-же необычайнаго въ этой человѣческой судьбѣ и стоитъ-ли надъ ней задумываться, какъ надъ вымысломъ?.. Положимъ, что чѣмъ болѣе походитъ на рай мѣстопребываніе человѣка, тѣмъ должно казаться естественнѣе его грѣхопаденіе, а въ моемъ воображеніи я какъ будто на яву видѣлъ тотъ садъ, въ которомъ при опьяняющемъ благоуханіи померанцевыхъ деревьевъ и при свѣтѣ луны, прекрасная хозяйка, госпожа маркиза, прогуливалась съ своимъ другомъ среди миртъ и лавровъ. И вотъ, погулявъ, она спокойно прощается съ нимъ, желаетъ ему покойной ночи и проситъ его только объ одномъ—не приходить болѣе на другой день. И это въ странѣ чиновниковъ, списходительныхъ матерей и списходительнѣйшей изъ всѣхъ—матери-церкви. Но не однимъ этимъ воскресила во мнѣ столько думъ эта исторія прекраснѣйшаго созданія въ мірѣ. Мнѣ постоянно представлялись эти кроткія, любящія черты молодого лица, но мнѣ казалось, что онѣ становились болѣе и болѣе грустными и болѣзненными и какъ будто хотѣли сказать: Да, сбылось все, что намъ предрекали тяжелыя предчувствія, и намъ такъ долго не приходилось смѣяться, что даже мы не знаемъ, можемъ ли мы опять привыкнуть къ веселью и смѣху? Тутъ я невольно спросилъ себя, можетъ ли человѣкъ, который не пользовался юностью, еще быть достаточно вознагражденъ хотя поздними счастьемъ,—но что за глупый вопросъ, когда въ этомъ отношеніи люди совершенно неодинаковы: иные изъ нихъ поздно узнаютъ молодость, иные совсѣмъ ея не видятъ, а съ иными никогда она не разстается. Наконецъ, боль въ глазахъ отъ ослѣпительнаго блеска щитообразнаго моря заставила меня прекратить свои размышленія и зарыть голову со всѣми ими въ теплую подушку моей постели.

На слѣдующее утро я уѣхалъ, какъ и предполагалъ, въ Ла-Специціа, но все-таки свой чемоданъ оставилъ на храненіе Агостино, рѣшивъ на возвратномъ пути въ Геную еще одну ночь провести въ здѣшней гостинницѣ. Конечно, главнымъ поводомъ къ этому рѣшенію было желаніе воспользоваться приглашеніемъ старушки и, посѣтивъ еще разъ виллу, познакомиться съ ея дочерью, но мнѣ не хотѣлось передъ самимъ собой сознаться въ подобной слабости и я необходимость еще побывать въ Сестри приписывалъ ничему иному, какъ только тому, что мнѣ нужно было еще получить тамъ письма, адрессованныя мнѣ по этому адресу.

Все, что случилось со мною примѣчательнаго въ тѣ дни, которые провелъ я вмѣстѣ съ моимъ другомъ у живописнаго залива Ла-Специціа и Портевенера, не имѣетъ для моего разсказа ни малѣйшаго отношенія и къ тому же всѣ мои воспоминанія объ этой прогулкѣ тотчасъ же отодвинулись на задній планъ, когда я на третій день очутился съ вечернимъ поѣздомъ передъ низенькой станціей Сестри и при выходѣ изъ вагона снова увидѣлъ величественныя очертанія горъ и морского горизонта.

Однако, я не тотчасъ же взялъ путь къ своей уединенной, прибрежной гостинницѣ, но пошелъ по главной улицѣ городка къ аптечной лавочкѣ, служившей въ то же время почтовой конторой и обыкновенно закрываемой за-свѣтло. Проходя мимо столь знакомыхъ мнѣ домиковъ, я удивился, что въ этотъ день жители не сидѣли по своему обыкновенію у своихъ дверей, а ремесленники отшабашили раньше обычнаго часа и ихъ столы и необходимые инструменты оставались на улицѣ и тутъ же кругомъ валялась недоконченная работа.

— Что, развѣ сегодня праздникъ? спросилъ я молодую дѣвушку, болѣзненную и потому постоянно сидѣвшую на одной и той же скамеечкѣ у дверей дома и въ этотъ день, какъ и всегда, привѣтствовавшую меня своими большими, сѣрыми глазами, при безкровномъ личикѣ.

— Нѣтъ, баринъ. Это всѣ ушли въ церковь по случаю выноса тѣла госпожи маркизы, но должны сейчасъ вернуться, такъ какъ уже прошло съ часъ времени и церемонія скоро будетъ окончена.

— Маркизы? Какой маркизы? Развѣ маркизъ Піума былъ женатъ и овдовѣлъ?

По странной случайности, въ эту минуту я только и подумалъ о владѣльцѣ извѣстной всѣмъ виллы. Но при всемъ томъ это извѣстіе такъ неожиданно меня ошеломило, что я какъ-бы пораженный молніей долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ дома. Больная продолжала своимъ тихимъ и глухимъ голосомъ.

— Нѣтъ, баринъ, это не маркиза Піума. Это умерла уроженка Сестри, которая была замужемъ за однимъ сливоромъ въ Генуѣ и которой вилла стоитъ тамъ, на большой дорогѣ.

И при этихъ словахъ она еще, совершенно напрасно, произнесла то имя, которое и такъ въ послѣдніе дни не выходило изъ моей памяти.

— Умерла! проговорилъ я, стараясь придти въ себя. Но это невозможно! Она пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ еще въ прошлую субботу. Вы вѣрно ошибаетесь, милое дитя. То правда, что маркизъ, ея мужъ, скончался и, вѣроятно, по его желанію здѣсь совершается по немъ заупокойная служба. Вѣдь, какъ я слышалъ, онъ и вѣнчался здѣсь, въ Сестри.

Дѣвушка молча покачала головкой и повела взадъ и впередъ указательнымъ пальчикомъ правой руки, чтобы еще болѣе показать что я ошибаюсь.

— Что не говорите баринъ, а умерла все-таки госпожа маркиза. Всѣ здѣсь также этимъ поражены, какъ и вы, ибо то вѣрно, что еще позавчера она сюда пріѣхала совершенно здоровая и мы всѣ радовались, что ее опять видимъ, ибо, нужно сказать правду, баринъ, всѣ жители въ городѣ ее уважали и почти боготворили и въ особенности люди бѣдные. И даже передо мной, жалкимъ созданіемъ, она останавливалась каждый разъ, какъ проходила мимо, и спрашивала не сдѣлался-ли легче по ночамъ мой кашель и не чувствую-ли я днемъ менѣе боли. Когда-же она жила здѣсь, то часто присылала мнѣ изъ своей кухни какое-либо лакомое блюдо или корзинку съ плодами, вареными въ сахарѣ, а иной разъ ленту для косы или пару теплыхъ башмаковъ на зиму. И теперь я была рада, что ее снова увижу. Одно мнѣ показалось страннымъ, что вчера, когда утромъ она проходила здѣсь мимо, то не обратила на меня ни какого вниманія, какъ будто сдѣлалась гордячкой, хотя я знала, что гордость не была въ ея натурѣ. Матушка моя тѣмъ и порѣшила, что всему виной тутъ сильное горе по усопшемъ супругѣ. На маркизѣ былъ плотный, черный вуаль и она все шла прямо, ни куда не поварачивая головы, а если кто-либо ей кланялся, то она благодарила за привѣтствіе лишь легкимъ движеніемъ руки и, не поднимая глазъ, продолжала путь быстрыми шагами, какъ будто она куда-то спѣшила или хотѣла скорѣй покончить какое-либо дѣло. Также быстро она поднялась на возвышенность и вошла въ монастырь, хотя стояла полуденная жара и она могла легко утомиться по своей дородности, хотя эта дородность и не вредила ея красотѣ. Идя обратно, она прошла мимо меня по направленію къ своей виллѣ такими-же быстрыми шагами и также закрытая вуалемъ и съ тѣхъ поръ никому не пришлось ее болѣе увидѣть. Представьте себѣ теперь, баринъ, нашъ общій ужасъ, когда сегодня утромъ разнеслась вѣсть по всему городу, что госпожа маркиза найдена мертвою въ своей постели и что пуля, пущенная изъ стараго пистолета садовника Джаннико, поразила ее прямо въ сердце, не запятнавъ простыню ни одной каплей крови. Маркиза лежала на кровати какъ статуя; лицо ея было покойно и она казалась спящей. Однорукій же убійца, должно быть, бѣжалъ еще ночью, переправившись на лодкѣ и скрывшись на какомъ-либо изъ мимоходущихъ судовъ. Онъ исчезъ и совершенно, но что это убійство дѣло его рукъ, а не кого либо другого, то это доказывается найденнымъ пистолетомъ и еще тѣмъ, что маленькій портретъ маркизы, на который Джаннико всегда смотрѣлъ съ восторгомъ, пропалъ вмѣстѣ съ нимъ. Нѣкоторые болтаютъ, что будто-бы онъ сдѣлалъ маркизѣ любовное предложеніе и зная, что она вдова и совершенно свободна, изъявилъ желаніе на ней жениться, но получивъ отказъ лишился разсудка и пришелъ въ бѣшенство. Другіе думаютъ, что онъ призорился на ея драгоцѣнности и чтобы скрыть всѣ слѣды похищенія лишилъ ее жизни. Но этому вѣрятъ немногіе, хотя и знаютъ Джаннико за стараго пирата и даже моя матушка говоритъ, что это подтвердится лишь тогда, когда судъ опечатаетъ и приведетъ въ извѣстность оставшееся имущество. Но, можетъ быть, настоящая правда и во вѣки не будетъ узнана. Вѣдь никто не былъ свидѣтелемъ убійства; да и сама убитая лежала въ своей постели такъ безмятежно, такъ спокойно, какъ будто замерла и перешла въ другой міръ безъ всякой борьбы и насилія; выстрѣла-же никто не слышалъ; нетолько сосѣди, но даже и ея старая мать.

Ахъ, Боже мой! ну что-же мать? прервалъ я ее. Все это, вѣроятно, убило ее и она не пережила то утро, которое разлучило ее съ ея дочерью!

Блѣдполицая дѣвушка снова пошевелила указательнымъ пальцемъ.

— Она только одинъ разъ вскрикнула и потомъ отъ нее не было слышно ни одного слова. Люди думаютъ, что ея старая голова не совсѣмъ въ порядкѣ. Она ни во что ни вмѣшивалась и какъ будто не существовала болѣе на свѣтѣ. Безъ нее одѣли маркизу въ погребальное платье, положили ее въ гробъ и часъ тому назадъ поставили въ церковь. На всѣ вопросы, съ которыми обращались къ старушкѣ, что довольна-ли она всѣми

Библиотека "Руниверс"

распоряженіями или хочетъ сдѣлать кое-что иначе, она только кивала головою. О, да такого ужаснаго несчастья еще никто не запомнитъ въ Сестри и главный его виновникъ, хотя и купилъ-бы на украденныя деньги полное себѣ прощеніе, то все-таки не оправдается передъ страшнымъ судомъ и не избавится отъ вѣчнаго огня, ибо все населеніе Сестри никогда не встрѣчало лучшей и добрѣйшей госпожи, какою была покойная маркиза и молва объ ней не умолкнетъ, пока на скалахъ будутъ расти пиніи и рыбакъ забрасывать свои сѣти съ этого берега.

Дѣвушка такъ сама растрогалась своимъ разсказомъ, что даже начала плакать, пока сильный кашель не заставилъ ее удержаться отъ слезъ. Я стоялъ, какъ оглушенный на томъ-же самомъ мѣстѣ, когда мимо меня начали проходить изъ церкви толпы народа. Весь этотъ людъ велъ горячую бесѣду; повсюду виднѣлись скучныя, встревоженныя лица и въ толпѣ я замѣтилъ моего хозяина „Европы", въ высокомъ черномъ цилиндрѣ, идущаго рядомъ съ духовной особой и тутъ-же шелъ Агостино въ широкой соломенной шляпѣ, безъ сюртука, но опоясанный рабочимъ фартукомъ, такъ какъ извѣстіе о выносѣ застало его, вѣроятно, въ погребѣ, за работой.

Я не знаю почему, только мнѣ казалось неловкимъ, даже невозможнымъ заговорить о странномъ происшествіи съ этими добрыми знакомыми, хотя они, можетъ быть, знали какія либо подробности и могли ими со мною подѣлиться. Инстинктивно повернулъ я въ боковую улицу и, отыскавъ такую дорогу, что городъ остался позади, выбрался по ней сначала къ заливу, надъ которымъ высился монастырь, потомъ по разнымъ закоулкамъ вернулся опять къ церкви, только что вмѣщавшей все населеніе города, а теперь хранившей лишь однѣ безжизненныя останки маркизы.

Эта соборная церковь Сестри довольно невзрачное зданіе съ двумя низенькими башенками около портика, съ куполообразной крышей и ослѣпительно выбѣленными стѣнами. Она построена у подошвы гористаго мыса и не портитъ общаго вида этихъ простенькихъ домиковъ, вытянутыхъ линіею по этой полоскѣ земли. Когда я поднялся по нѣсколькимъ ступенькамъ и приблизился съ правой стороны къ церковнымъ дверямъ, у которыхъ лишь двое нищихъ ковыляли на своихъ костыляхъ, ризничій уже собирался замкнуть церковь. Къ счастью, я какъ-то прежде при посѣщеніи храма далъ ему разъ на чай и тѣмъ пріобрѣлъ его расположеніе. Правда, что сначала онъ вымѣрилъ меня взглядомъ, но понявъ мое желаніе обвелъ глазами все пространство паперти, на которой еще толпились тамъ и сямъ отдѣльныя группы богомольцевъ. Я всунулъ ему въ руку еще крупную серебряную монету и тогда онъ мнѣ кивнулъ и, впустивъ меня въ церковь, заперъ за собою дверь крѣпкимъ засовомъ.

И вотъ мы оба очутились въ холодномъ сумрачномъ пространствѣ, гдѣ глазъ еще неотвыкшій отъ дневнаго свѣта могъ только различать одни неясныя очертанія. Посреди церкви вокругъ чернаго, простого катафалка, горѣло двѣнадцать толстыхъ свѣчей, въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ.

Я намекнулъ моему проводнику, что было-бы лучше, еслибы онъ держался отъ меня немного въ отдаленіи. Вѣроятно, онъ думалъ, что я родственникъ умершей и хочу наединѣ за нее помолиться и потому онъ сѣлъ въ уголъ на соломенный стулъ, давъ мнѣ свободу предаваться вполнѣ тому мрачному и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественному настроенію духа, которое овладѣло мною, когда я приблизился къ покойницѣ.

Она лежала въ гробу, не закоченѣвъ и не вытянувшись на спинѣ, какъ обыкновенно лежатъ покойники, но была немного наклонена на лѣвый бокъ и одѣта въ черное шелковое платье, не знаю, по обычаю-ли страны или потому, что она только что овдовѣла. Безжизненныя, маленькія руки держали распятіе, украшенное серебряной фигурой Спасителя; голова и лице были покрыты чернымъ покрываломъ. Я не могъ противостоять искушенію и отбросилъ это покрывало. Тогда моимъ взорамъ представилось прелестнѣйшее лице, какое когда-либо я видѣлъ у мертвыхъ и тутъ я вспомнилъ слова ея старушки-матери: „да молодость ея какъ-бы остановилась". Черту за чертой воспроизводило это, какъ-бы изъ воску вылитое, лицо тотъ рисунокъ, который былъ мнѣ еще такъ памятенъ; только щеки, казалось, немного пополнѣли, а между, какъ смоль черными волосами, небрежно причесанными вокругъ узкаго, гладкаго лба, подмѣтилъ я ту сѣдую прядь, происхожденіе которой мнѣ было не безъизвѣстно. И здѣсь также, какъ на портретѣ ея юности, около губъ, немного открытыхъ, такъ что можно было видѣть рядъ верхнихъ зубовъ, по прежнему замѣчалось выраженіе грустнаго самоотреченія и какой-то боязни и самая смерть не могла уничтожить этого отпечатка и въ складѣ ея густыхъ черныхъ бровей.

Теперь я видѣлъ, что эта юная головка принадлежала столь же прекрасному, хотя уже нѣсколько дородному, тѣлу. Не видно было ни малѣйшаго слѣда предсмертныхъ мученій и, какъ казалось, смерть похитила ея душу, даже не потревоживъ ея безчувственнаго сна.

Я сѣлъ на верхнюю ступеньку катафалка, окруженнаго обычными двѣнадцатью свѣчами и на которомъ стоялъ невысокій гробъ, неукрашенный даже цвѣтами и остававшійся въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сюда перенесенъ прямо изъ виллы. Вся боязнь моя исчезла. Я смотрѣлъ на покойницу съ такимъ-же тихимъ удивленіемъ, съ какимъ бы я созерцалъ изображеніе увѣковѣченное изъ чернаго или бѣлаго мрамора.

Наконецъ я услышалъ возлѣ себя какое-то бряцанье и разомъ очнулся какъ-бы отъ долгаго и необыкновеннаго сна. Ризничій стоялъ предо мною, и я видѣлъ по выраженію его лица, что онъ желалъ-бы меня выпроводить, но предположеніе, что я имѣю нѣкое особое право здѣсь присутствовать, не давало ему достаточной смѣлости.

Но я самъ поднялся.

— Уже, вѣроятно, поздно, мой милый другъ?

— Eccellenza уже съ часъ какъ вы здѣсь.

Теперь только я увидѣлъ, что вся церковь была погружена въ глубокомъ мракѣ. Еще разъ я обернулся къ покойницѣ, тихо покрылъ неподвижный ея ликъ покрываломъ и беззвучно спустился по ступенькамъ катафалка.

Ризничій проводилъ меня до дверей и когда я ему всунулъ въ руку еще одну монету, то онъ меня выпустилъ изъ церкви съ самыми низкими поклонами.

— Послѣ завтра похороны,—сказалъ онъ,—ожидаютъ еще молодую маркизу. Если Eccellenza пожалуете сюда еще завтра, то я во всякое время къ вашимъ услугамъ.

Я молча кивнулъ головою и вышелъ изъ церкви. На дворѣ уже стояла прохладная ночь.

Я еще такъ былъ растроганъ всѣмъ видѣннымъ и передуманнымъ въ этотъ минувшій, тихій часъ, что не находилъ въ себѣ достаточной силы встрѣчаться съ людьми и слушать ихъ толки объ этомъ страшномъ событіи, зная, что всякій несчастный случай даетъ имъ поводъ къ безконечной болтовнѣ. Тихо, нога за ногу, побрелъ я по улицѣ вдоль знакомыхъ домовъ, передъ которыми въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, сидѣли женщины, окруженныя дѣтьми въ то время какъ мужья ихъ покуривали и вели бесѣду, пріютившись частью передъ кофейной, частью на камняхъ небольшой верфи, тянувшейся по берегу до самой церкви. Мнѣ казалось, что какъ будто жизнь проявлялась тише и сдержаннѣе чѣмъ обыкновенно и какъ будто городъ подъ впечатлѣніемъ ужаснаго событія еще не могъ оправиться и вздохнуть полною грудью.

Такимъ образомъ я безостановочно дошелъ до другого конца улицы и очутился на дорогѣ, ведущей къ виллѣ покойной маркизы. Въ воздухѣ носился легкій туманъ, сквозь который кое-гдѣ мерцали звѣзды; вдали же слышался плескъ моря, на которомъ ходили высокія, тяжелыя волны какъ-бы предвѣстники бури. Но сырой воздухъ, освѣжавшій мое чело, производилъ на меня благотворное дѣйствіе и знай я мѣстность, я съ удовольствіемъ пробродилъ-бы до полуночи, чтобы только избавиться отъ встрѣчи съ моими знакомцами, сожителями по уединенной прибрежной гостинницѣ.

У меня и въ головѣ тогда не было посѣтить тотъ садъ и домъ, гдѣ въ прошлую ночь совершилось такое трагическое происшествіе; но я самъ не могу дать отчета, какимъ образомъ я неожиданно увидѣлъ на другой сторонѣ улицы знакомыя рѣшетчатыя ворота, а за ними домъ и два кипариса, стоявшіе при входѣ и казавшіеся мнѣ теперь стражами, охранявшими кладбище. На всѣ эти нечуждые мнѣ предметы я смотрѣлъ и не могъ оторваться.

Ворота были широко отворены и какъ мнѣ казалось и самый входъ въ домъ не былъ замкнутъ, а вверху, какъ и вчера, всѣ окна и жалузи стояли настежъ и лишь нигдѣ не видно было огонька, который-бы служилъ знакомъ, что здѣсь ожидаютъ возврата хозяйки. Колодецъ безмолствовалъ и уже не скрипѣли то опускаемыя, то подымаемыя ведра, а воротъ, приводившій въ движеніе всю механику, теперь неподвижный, торчалъ къ верху, къ сѣрому ночному небу. Въ томъ же окнѣ верхняго этажа, гдѣ я сидѣлъ еще въ послѣдній разъ и слушалъ длинный разсказъ старушки, трещало и стучало жалузи плохо прикрѣпленное и колыхаемое сквознымъ вѣтромъ, а между деревьями пробѣгалъ отрывистый шелестъ, какъ бы предвѣщая близкую бурю.

Я не могъ противостоять искушенію и, перейдя улицу, вошелъ въ садъ. Я не ошибся: входъ въ домъ былъ открытъ и я могъ-бы безпрепятственно войти въ него и прогуляться по всѣмъ комнатамъ. Нигдѣ не замѣчалось и слѣда живой души, только удушливый запахъ розъ и померанцевыхъ цвѣтовъ носился по пустынному саду. Сознаюсь, что на меня напалъ страхъ встрѣтить здѣсь какое-нибудь привидѣніе.

Только что я собирался уже выдти, какъ увидѣлъ за лавровымъ кустарникомъ, близь самыхъ воротъ, темную фигуру, которая, какъ казалось, сидѣла на голой землѣ, руки ея были сложены на колѣняхъ, а голова обернута чернымъ платкомъ и я не могъ различить, замѣчала-ли она меня или погружена была въ сонъ. Но я тотчасъ же узналъ, кто это сидитъ и не могъ пересилить себя, чтобы также тихо уйдти, какъ и пришелъ, пройдя безъ вниманія мимо бѣдной женщины.

— Милая моя,—сказалъ я,—вы себѣ отыскали на ночь очень плохое убѣжище. Приближается буря и васъ можетъ застать ливень во время сна. Не лучше ли вамъ...

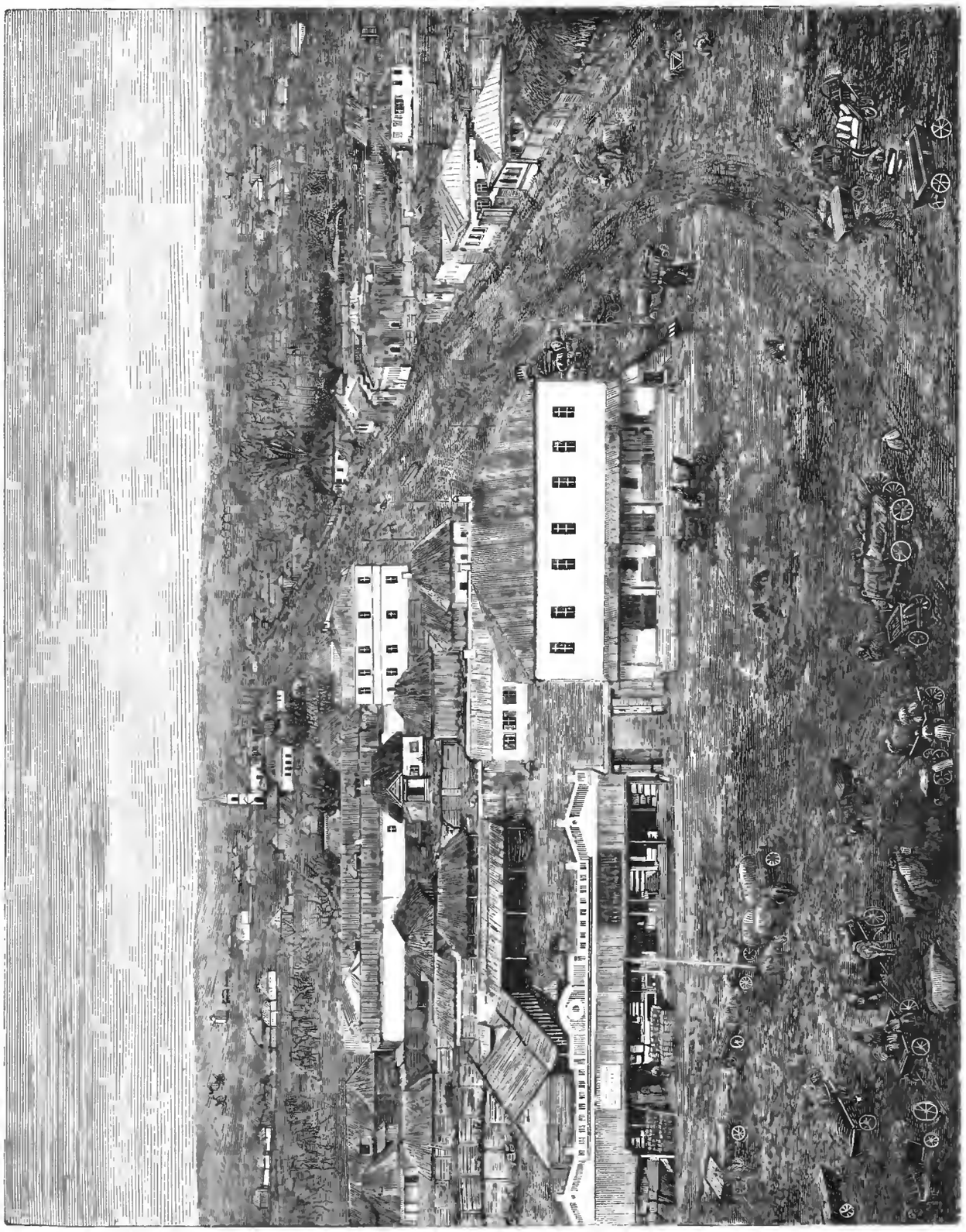
Библиотека "Руниверс"

„Войти въ домъ“ хотѣлъ я сказать, но мнѣ во время пришло въ голову, что нельзя требовать отъ матери, чтобы она спала въ томъ страшномъ домѣ, гдѣ совершилось такое ужасное дѣло.

Я замолчалъ и смущенный стоялъ нѣсколько времени передъ женщиной, которая во время моего разговора, не измѣнила своего положенія, такъ что я все еще не зналъ, видитъ-ли и слышитъ-ли она меня или, сидя съ открытыми глазами, ничего вокругъ себя не слышитъ и не видитъ.

Я уже обдумывалъ, не разбудить-ли мнѣ кого либо изъ сосѣдей и попросить ихъ принять покинутую бѣдную женщину на свое попеченіе, какъ вдругъ изъ-за куста послышался мнѣ очень знакомый, немного хриплый и однообразный голосъ и обратился ко мнѣ съ такими словами:

„Я очень хорошо знаю, кто вы и что вы здѣсь ищете, любезный баринъ. Но мнѣ жаль васъ, что вы напрасно нообезпокоились придти сюда. Обо мнѣ вы не заботьтесь, ибо видите-ли: молодые могутъ умирать, а старые должны умирать и Господь Богъ знаетъ какъ и почему. Мнѣ только жаль моей Миранды. Когда я закрою глаза, кто знаетъ въ какія руки попадетъ она. Ну да, она у меня умное животное и съумѣетъ хорошо спрятаться. Такъ-то, такъ-то, любезный баринъ, покуда еще есть зубы во рту, не знаешь какіе орѣшки придется раскусывать. Вотъ и я когда прошлою осенью сломала послѣдній зубъ объ



Общій видъ г. Славянска. Съ фотогр. рис. Вѣчтомовъ, гравв. К. Рейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

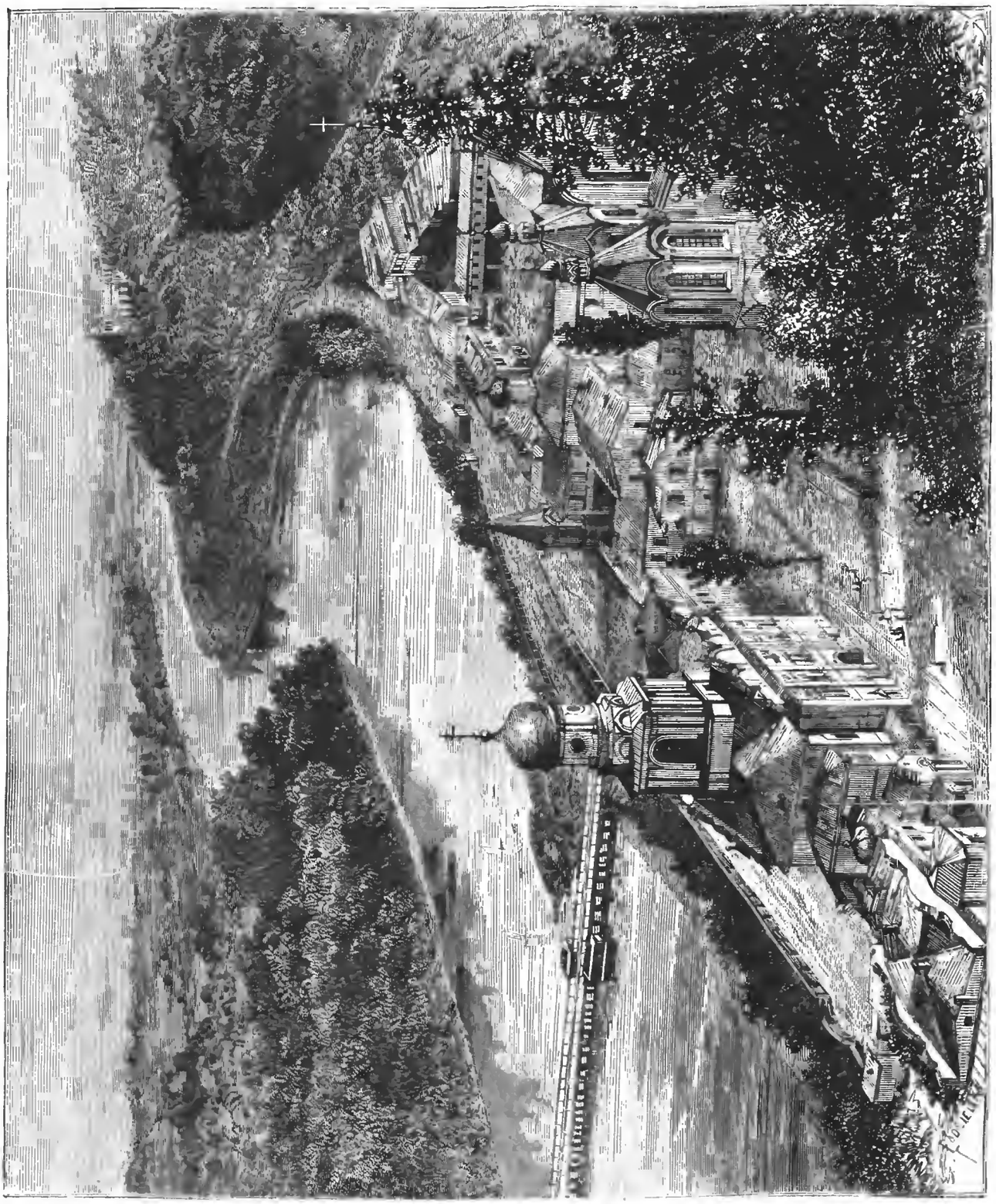
персиковую косточку, то думала, что и мнѣ будетъ скорый конецъ, оно вышло иначе. Да воля Божья во всемъ, во всемъ Его святая воля"!

Я удивился, услышавъ отъ старушки такую длинную и разумную рѣчь послѣ всего того, что мнѣ говорили объ разстройствѣ ея умственныхъ способностей.

Чтобы еще болѣе продлить нашу бесѣду, я спросилъ, не желаетъ-ли она чего поручить мнѣ и не нуждается-ли въ чемъ либо? Меня радовало, что она меня узнала, а съ своей стороны она могла быть увѣрена, что я, какъ старый ея другъ, принимаю участіе во всемъ томъ, что она пережила въ эти послѣдніе дни.

Но она не тотчасъ отвѣчала на мое предложеніе. Я слышалъ какъ она глубоко вздохнула и ногтями зацарапала по скорлупѣ черепахи, какъ будто пальцы ея тряслись отъ лихорадки.

— Я очень вамъ благодарна, любезный баринъ,—сказала она наконецъ. Я ни въ чемъ не нуждаюсь болѣе, какъ только въ четырехъ доскахъ, которыя прикроютъ меня въ лучшемъ видѣ и все мое утѣшеніе въ томъ, что когда болѣе ничего не остается дѣлать на бѣломъ свѣтѣ, то Богъ посылаетъ смерть. Да, да, да, Миранда, мое доброе животное, не всякій имѣетъ такой плотный и крѣпкій панцырь, какъ ты. Ну да, придетъ время, когда мы станемъ всѣ одинаковы и тогда ни одинъ палецъ уже не будетъ чувствовать боли, а теперь вѣдь ягненку все равно, что его съѣстъ волкъ или его отправятъ на бойню. Спи, спи, моя любимица, спи, вѣдь уже поздно и намъ вѣдь съ тобой ждать нечего? Никто болѣе не придетъ, чтобы насъ порадовать чѣмъ-нибудь хорошимъ, задушевнымъ.



Общій видъ Святогорскаго монастыря. Рис. Подбѣльскій, грав. Мрувчинскій.

Библиотека "Руниверс"

Она замолчала. Я слышалъ какъ ея голосъ вдругъ оборвался, но слезъ не показывалось, какъ ожидалъ я. Казалось, эта старая грудь до того высохла, что скорѣе изъ нее можно было выжать кровь, чѣмъ слезы.

Но послѣ паузы старушка продолжала тѣмъ-же голосомъ:

„Что, вы тоже слыхали, любезный баринъ, что старая Чешра потеряла разсудокъ? Это говорили глупые люди, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ и я, разумѣется, чуть могла удержаться, чтобы не разсмѣяться имъ подъ носъ. Но, впрочемъ, чего еще нѣтъ, то можетъ быть съ Божьей помощью еще и случится; но теперь могла-ли я показать имъ, что лучше ихъ всѣхъ владѣю своимъ разсудкомъ, не измѣнивъ тайны своего роднаго ребенка? Нѣтъ, нѣтъ, лучше пусть будетъ по ихнему. Никто не долженъ знать объ этомъ, какъ только одинъ Богъ да старая Чешра; даже и патеру Франческо объ этомъ извѣстно всего менѣе. Да и не онъ-ли самъ виноватъ кругомъ, не съумѣя дать лучшаго совѣта? И даже когда настанетъ моя послѣдняя минута, то и тогда никто не вынудитъ у меня признанія, никто. Если это былъ и грѣхъ, то не мой; могъ-ли мнѣ придти въ голову подобный поступокъ! Но мать все принимаетъ на свою душу и всякое дѣло ея ребенка становится ея собственнымъ дѣломъ. О, если-бы все знали, любезный баринъ! Но я и Миранда, мы обѣ нѣмы, какъ двѣ старыя черепахи.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Нѣсколько дней въ Славянскѣ.

I.
(По дорогѣ въ Славянскъ).

Поздно ночью выѣхали мы изъ Харькова.

Въ окна вагоновъ свѣтили намъ яркія звѣзды теплой украинской ночи... Ясный мѣсяцъ обливалъ степныя глади ровнымъ сіяньемъ. Отъ этого блеска словно блѣдно-золотистый паръ стоялъ надъ старой Украйной и только темныя сини одинокихъ балокъ, сплошь заросшихъ чебрецомъ и дубами, едва-едва намѣчивались среди волшебнаго царства этой очаровательной ночи...

Когда я выходилъ на платформу и всматривался въ манящую даль степного простора, сами собою на душѣ росли сладкія ощущенія, давнымъ давно позабытыя среди разлада и меркантильной суеты большихъ городскихъ центровъ. Мысль вся уходила въ царство легенды и теряла всѣ свои связи съ настоящимъ.

Вотъ, точно серебряная коса, сверкнуло небольшое степное озерко... Сверкнуло и все ушло за старыя раскидистыя черешни... Только изрѣдка блеснетъ то тамъ, то сямъ черточка выбѣжавшей изъ озера рѣки... Бросилъ бы эту покойную скамью вагона, эту словно вздрагивающую подъ ногами платформу и ушелъ бы туда...

Когда я проснулся—мѣсяца уже не было... Ночь потемнѣла... Только еще крупнѣе и ярче стали звѣзды...

Я проснулся на разсвѣтѣ... Въ сумракѣ уже проступали мягко зеленѣющія полосы молодой поросли, перемежающіяся свѣжевзрытыми бороздами... Солнце не успѣло еще показаться, но по степи уже *побѣжали* узкіе, золотистые слѣдки его отсвѣта, особенно замѣтные на поляхъ, гдѣ осталась щепотка прошлогодней соломы...

— Вы знаете отчего эти слѣдки?.. обратился ко мнѣ мой спутникъ.

— Нѣтъ. А развѣ есть какое-нибудь повѣрье?

— Говорятъ, что дѣти, умершія безъ погребенія, по ночамъ слетаютъ играть по степи. Ну, а начнетъ солнце всходить, они и убѣгаютъ... Оттого и слѣдки.

Вотъ гдѣ-то далеко, едва замѣтно тянутся возы, запряженные волами. Въ вышинѣ зазвѣнѣли жаворонки... Точно сотни серебряныхъ колокольчиковъ вздрагиваютъ тамъ и сыплютъ на пробуждающуюся степь свои ясные, чистые звуки... За станціей Надеждинской поверхность земли всхолмливается. Избы, бѣленькія, кокетливыя встрѣчаются чаще... На обработанныхъ полоскахъ земли копошатся дѣти... Вмѣсто тяжелаго, по хорошо идущаго къ лицу этой степи украинскаго вола, показывается лошадь съ бороною... Отбросивъ на затылокъ шапку, медленно бредетъ за нею хохолъ, такъ медленно, точно онъ боится проронить пѣсню жаворонка...

То тамъ, то сямъ стали мелькать отары — стада барановъ и длинныя линіи овечьихъ загоновъ подъ соломенными кровлями.

— Много тутъ ихъ?

— Прежде было куда больше. Теперь евреи стали все къ рукамъ прибирать. Гдѣ были прежде Шабельскіе, Шидловскіе и другіе крупные владѣльцы — теперь сидятъ разные Левенштейны, Мордки, Срули, имъ же имя легіонъ.

— Что-жь и крестьянство также раззоряется?

— Нѣтъ. Случается читать, что въ другихъ мѣстахъ народъ обѣднѣлъ, а у насъ напротивъ. Хлѣбопашество развивается все шире и шире. Крестьянинъ и ѣстъ и одѣвается лучше прежняго... Не будь жида, народу было бы еще легче и лучше... Впрочемъ, въ послѣднее время изъ западнаго края къ намъ такъ и валитъ племя Израилево. Даже не знаешь, откуда берется его столько... Они прибираютъ къ рукамъ земли, угодья, стада... Смотришь, и антрацитовыя залежи къ нимъ же попали.

Вотъ показались небольшіе пролѣски... Синіе, синіе... Всѣ они окаймлены полями, сплошь поросшими желтыми цвѣтами. Точно изумруды въ золотѣ... Цвѣта и оттѣнки ложатся все гущѣ и сочнѣе... День разгорается жарче и жарче...

Комары попадаются все чаще. Стада (отары) лѣтомъ постоянно на воздухѣ. Даже ночью не пригоняютъ въ загородки, гдѣ они спятъ на ногахъ и опустя головы. Ложатся же овцы только подъ утро. На всю отару полагается одинъ взрослый чабанъ и нѣсколько мальчишекъ ему въ помощь, отъ 12 до 15. Всѣ они одѣты въ короткія куртки, штаны въ обтяжку, въ рукахъ длинная палка съ крюкомъ. Неизбѣжная принадлежность каждаго чабана и его помощника—ножъ самой первобытной формы. Чабаны очень несообщительны. Случаются между чабанами и женатые, но рѣдко. Жены, впрочемъ, не долго выдерживаютъ въ кашарахъ и уходятъ опять въ села. Нравы этихъ одинокихъ пастуховъ чрезвычайно оригинальны. Въ случаѣ нужды они окажутъ вамъ услугу безъ всякаго требованія съ вашей стороны, но сохраняя все тотъ же мрачный и несообщительный видъ. Спросите у него о дорогѣ—взмахнетъ только рукою по направленію пути. Собаки-овчарки сторожатъ стадо кругомъ. Онѣ злы до безобразія. Не разъ случалось, что онѣ загрызали неосторожныхъ путниковъ или воровъ, подбиравшихся къ стаду. Онѣ даже издали не подпускаютъ волка и берутъ его силой. За то и волки не упускаютъ воспользоваться промахомъ или случайною невнимательностью овчарки. Волки подкрадываются къ стаду парами, иногда соединяются штукъ по шести, по восьми. Отъ нихъ зимою особенно достается крестьянамъ. Хорошо охраняемыя кошары не особенно страдаютъ отъ этихъ хищниковъ, за то сельскіе хозяева часто въ одну ночь теряютъ стадо головъ въ десять, въ пятнадцать. Чистыя отарныя овчарки зачастую давятъ волка одинъ на одинъ, схватываясь съ нимъ грудь съ грудью. Овчарки, подобно чабанамъ, тоже угрюмы и не любятъ ласкаться, иная и позволитъ себя погладить, да и то словно нехотя. Столь же солидно и преисполненно сознаніемъ собственнаго достоинства другое начальство отары—козлы. Они водятъ за собою отару и словно ротные командиры располагаютъ движеніями стада. Какъ видите своеобразная іерархія, въ главѣ которой стоитъ чабанъ, съ адъютантами мальчиками, а внизу козелъ. Роль охранителей общественнаго спокойствія и оберегающаго отъ нашествія иноплеменнаго воинства играютъ овчарки. Стадо, организованное такимъ образомъ, живетъ своею привольною и спокойною жизнью.

Лѣтомъ все стадо на подножномъ корму, на зиму для него заготовляется сѣно и солома; сверхъ того, баранамъ отпускается овесъ. Чабаны иногда вовсе не имѣютъ отдѣльнаго помѣщенія, а просто отвоевываютъ себѣ уголокъ у стада. Болѣе заботливые хозяева устраиваютъ въ центрѣ кошары небольшую палатку съ парами для пастуховъ.

Стада на дорогѣ попадались преимущественно темныя. Бѣлыя были рѣдки.

— Отчего они такъ рѣзко отдѣляются одно отъ другого? спросилъ я своего спутника.

— Черныя стада изъ простыхъ овецъ, онѣ и шерсть даютъ грубую, жесткую. А бѣлыя овцы—испанки. Эти стада принадлежатъ помѣщикамъ и жидамъ. Самыя большія стада принадлежатъ Рубинштейна, забравшаго ихъ за долги.

Солнце точно застоялось. Жара невыносимая!.. Ни клочка тѣни во всей этой спаленной глади. Мѣсяцъ тому назадъ трава покрывала зеленымъ бархатомъ молчаливую пустыню, теперь же только рѣдкіе сады затерянныхъ по безлюдью хуторовъ, да глубокія поросшія лѣсомъ балки кажутся оазисами среди безжизненнаго простора...

Тянутся по жарѣ воза... Медленно переступаютъ волы, таща за собою грузную катыгу. Еще медленнѣе идутъ за ними люди... А то раскинутся на возахъ и спятъ.

Земля потрескалась. Трава тоже посохла и порыжѣла. Къ вечеру жара спадетъ... Но въ воздухѣ все-таки душно...

Спокойна отара посреди этой степи. Стадо спитъ въ загородкѣ... Заснулъ и чабанъ, утомившійся за день... Бараны сбились въ одну кучу. Сверху только однѣ ихъ спины видны... Изрѣдка только шевельнется какая-нибудь шальная овца и затопчутся всѣ кругомъ... И опять тишина...

Чу... Словно съ просонья тявкнула овчарка... Еще разъ... И залилась хриплымъ сторожкимъ лаемъ!.. За ней другая, третья... Всколыхнулось стадо... Бѣшено носятся кругомъ загородки собаки... Вскочилъ чабанъ; видитъ—степь горитъ—и самъ спѣшитъ поджечь траву, чтобы перевести потомъ все стадо на выжженное мѣсто.

Библиотека "Руниверс"

Пройдетъ недѣля... Набѣгутъ тучки — ударитъ ливнемъ и и опять красуется степь въ вѣнчальномъ уборѣ и опять безчисленные цвѣты льютъ по вѣтру свое благоуханіе и слѣпятъ глаза яркостью и пестротою красокъ. Полною чашей стоитъ недавнее пожарище и только обугленные столбы лѣтней загородки еще чернѣютъ среди этой цвѣтущей украинской луговой пустыни!..

Зимою чабанамъ спокойнѣе, хотя жизнь далеко уже не такъ привольна.

Пусть начнется буранъ — овцы загнаны въ кашары, сѣна и овса запасено вдоволь—знай только выгони на водопой да загони обратно!.. И сиди себѣ.

За то плохо тѣмъ чабанамъ, которые зимою вмѣстѣ съ своею отарой попадаютъ въ открытую степь. Зимній степной ураганъ налетаетъ разомъ. Онъ не даетъ и опомниться ошеломленному стаду. Вѣтеръ рвется отовсюду. Буранъ несетъ цѣлыя тучи снѣгу...

Чабанъ за нѣсколько времени до урагана узнаетъ о его приближеніи... Онъ торопится добраться до загона, хотя бы и безъ кровли. Забравшись за его земляныя стѣны, чабанъ выжидаетъ конца бури. Съ первымъ налетомъ снѣговой тучи, чабанъ начинаетъ гонять стадо по загону взадъ и впередъ. Во время этой неустанной гоньбы, овцы стрихиваютъ съ себя засыпающій ихъ снѣгъ и притоптываютъ его ногами къ землѣ. Зачастую такимъ образомъ натаптываютъ снѣгу такъ много, что головы овецъ оказываются уже вровень съ верхнимъ краемъ земляной стѣны загона. Хотя и рѣдко, но случается и то, что стада въ тысячу головъ съ чабаномъ засыпается снѣгомъ посреди открытой степи...

II.
(Славянскъ и его окрестности).

Станціи за двѣ, за три до Славянска, по дорогѣ встрѣчаются первыя мѣловыя вымоины... Тамъ, гдѣ почва вырыта, снятъ верхній слой ея, по откосамъ рѣчныхъ береговъ, по осыпямъ холмовъ бѣлѣютъ массы мѣла, придавая окрестностямъ особенно красивый отпечатокъ. Эти бѣлыя пятна, эти бѣлыя стѣны посреди мягкой и нѣжной зелени первой луговой поросли производятъ удивительное впечатлѣніе. Глазу трудно оторваться отъ нихъ, особенно если въ такой мѣловой промоинѣ ютится деревушка, золотящаяся на солнцѣ своими соломенными кровлями. Хороши и бирюзовые разливы рѣкъ, отражающихъ жемчужныя облака украинскаго неба, разливы, въ которые смотрятся словно бѣломраморные отвѣсные берега, съ тонкою полоскою ивреца и шиповника на верху. Эти эффекты не бьютъ въ глаза, не кричатъ, напротивъ, все тамъ тонко, нѣжно... Еще ранѣе Харькова, подъѣзжая къ Бѣлгороду, глаза останавливаются на цѣлыхъ горахъ известняка; поѣзды оставляютъ за собою много прелестныхъ картинъ, хуторовъ, утопающихъ въ садахъ, деревень, мелькающихъ передъ вами у зеленыхъ балокъ, съ пестрыми группами дивчатъ, красивый и чистенькій уѣздный городокъ и опять зеленыя поля съ отарами овецъ... Тоже самое и въ окрестностяхъ Славянска, гдѣ всѣ холмы и горы образованы массами известняка. Самые замѣчательные пейзажи мѣловыхъ скалъ сосредоточены надъ поэтическимъ Донцомъ, въ 18 верстахъ отъ Славянска. Тутъ уже не однѣ буколическія красоты — грандіозные конусы отвѣсно подымаются надъ крутыми горами, словно выходи изъ нихъ. Въ этихъ конусахъ пробиты корридоры, устроены церкви и келы... Видъ этотъ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ Россіи. Двѣ недѣли, проведенныя мною въ Святогорскомъ монастырѣ, надъ рѣкою Донцомъ—до сихъ поръ кажутся очаровательнымъ сномъ. Очеркамъ этой обители, любопытной по типамъ богомольцевъ и по своей организаціи, будетъ посвящено нѣсколько разсказовъ, которые найдутъ себѣ мѣсто въ другомъ изданіи...

— Скажите, пожалуйста,—обратился ко мнѣ мой спутникъ изъ Харькова. Отчего сюда, въ эту заповѣдную глушь, на нашъ тихій и поэтическій Донецъ, не пріѣзжаютъ пейзажисты? Вѣдь тамъ что ни шагъ, то новое очарованіе, что ни поворотъ рѣки, то новая чудная картина.

Я видѣлъ эти мѣловые ландшафты, воспроизведенными въ альбомахъ, въ литографіяхъ, но все это блѣдно и ничтожно, все это кажется только каррикатурой на художественное созданіе Творца. Особенно безобразны рисунки, продающіеся въ Успенскомъ монастырѣ. Неумѣло, грубо, аляповато. Гораздо лучше фотографіи, но и тѣхъ не насчитается болѣе пяти, шести. Рисунки, предлагаемые читателямъ „Нивы", въ настоящемъ очеркѣ, воспроизведены именно съ этихъ фотографическихъ снимковъ.

— Отчего вы не снимаете окрестности монастыря? обратился я къ одному монаху, знакомому съ фотографическими пріемами.

— Благословенія отецъ архимандритъ не дастъ.

— Почему это.

— Непристойно монаху...

Отъ дебаркадера желѣзной дороги до города—добрыхъ двѣ версты.

Ѣдешь зеленѣющимъ полемъ. Издали еще надъ городомъ виднѣются громадныя тополи. Яблони, липы и вишневыя деревья раскидываютъ кое-гдѣ свои ранны... Городъ чрезвычайно оригиналенъ. Весь онъ разбросанъ кучками. Тутъ кучка домовъ—кругомъ пустырь въ полверсты, а тамъ опять группа домиковъ—и вновь пустырь, за нимъ третья и т. д. Большая часть домовъ крыта соломой и вымазана известкой, у фундамента колоды съ землею. Дома поэтому кажутся вставленными въ четырехугольные горшки. Одна сторона кровли обыкновенно выступаетъ надъ дворомъ, опираясь на столбы и образуя открытую галлерейку. На безлистныхъ кое-гдѣ деревьяхъ громадныя черныя гнѣзда, точно шапка, застрявшія въ сквозной сѣти сучьевъ и вѣтвей. Деревья надъ домами такъ высоки, что эти послѣдніе кажутся болѣе мелкими и жалкими. Особенно поэтична группа колоссальныхъ березъ въ одномъ пунктѣ берега, у подножія ихъ ютится бѣленькій, свѣтленькій домикъ. На соломенныхъ кровляхъ—колеса. Въ нихъ аисты устраиваютъ гнѣзда для своего выводка. Заборовъ нѣтъ, всюду плетни. Деревенская обстановка вполнѣ, оттого такъ красивъ и пріятенъ кажется этотъ небольшой городокъ. Вечеромъ почти все его населеніе выходитъ на улицу. Старики—на заваленки, молодежь попарно уходитъ отъ луннаго свѣта подальше. Съ полей доносится пѣсня. Тамъ хлѣбопашцы варятъ кашу и, сбираясь въ кружки, поютъ свои стародавнія былины!..

Славянскъ—теперь заштатный городокъ Изюмскаго уѣзда. Онъ разбросанъ у рѣки Тороцъ, близь цѣлебныхъ соляныхъ озеръ. Когда-то въ стародавнее время Славянскъ носилъ названіе Тора, отъ кочевавшихъ здѣсь Торковъ. Съ 1650 г. въ Торѣ стали вываривать соль и сюда же явились поселенцы—Черкассы. Затѣмъ Торъ (послѣ отложенія Брюховецкаго) былъ сожженъ до тла и уничтоженъ и вновь возникъ только въ 1676 г. Мѣстныя солеварни подавали зачастую поводъ къ татарскимъ набѣгамъ. Крѣпостца Тора не могла въ этихъ случаяхъ вмѣстить всѣхъ жителей городка, и оставшіеся за его стѣнами попадали подъ ножи полудикой орды. Сверхъ того, Торяне не ладили съ Донцами и не разъ рѣшали свои взаимные споры кровопролитными схватками. Донцы хотѣли отнять у Торянъ соляныя варницы, Торяне же стояли за свои озера, какъ за свою единственную наживу. Въ 1710 году заводы солеваренные отобраны въ казну, но столкновенія съ Донцами все-таки продолжаются, хотя и не долго. Когда въ 1732 г. казна отдала заводы откупу, съ ними случилось „чудо", по мѣстному выраженію. Земля подъ заводами рухнула—лопнула. Оттуда хлынули ключи и залили окрестности, причемъ образовалось озеро, которое пробовали черезъ двѣнадцать лѣтъ осушить и спустить, но безуспѣшно. Во времена намѣстничества Торъ былъ уѣзднымъ городомъ, но съ 1797 г. обращенъ въ заштатный и причисленъ къ Слободско-украинской губерніи. Славянскъ издавна славился „на всю округу" хорошими бондарями и мастерами по салотопенному производству. Первые являются сюда въ раннюю весну изъ великорусскихъ губерній, преимущественно же изъ Рязанской. Они снабжаютъ своими лѣсными издѣліями нѣсколько уѣздовъ Харьковской губерніи и сверхъ того возятъ ихъ на Донъ. Салотопеннымъ же производствомъ занимаются преимущественно купцы-капиталисты, для чего скотъ они закупаютъ въ Екатеринославской губерніи весною; все лѣто онъ пасется въ степяхъ и только осенью, достаточно окрѣпшій, доставляется въ Славянскъ для убоя. Отсюда же кожи въ сыромъ видѣ отправляются въ Харьковъ на Крещенскую ярмарку; кости и рога, остающіеся на заводахъ, продаются пріѣзжающимъ изъ Москвы промышленникамъ, скупающимъ ихъ по всѣмъ уѣздамъ Харьковской губерніи. Кромѣ того, замѣтна въ Славянскѣ продажа дегтю, который свозится сюда весною изъ Рязанскихъ селъ. Фурщики, доставляющіе его, забираютъ взамѣнъ солонину и развозятъ ее въ болѣе сѣверныя губерніи.

Но главное занятіе жителей—вываривaніе соли, а самый надежный и лучшій источникъ для наживы—цѣлебныя озера, куда съѣзжаются больные отовсюду. О солеварняхъ и минеральныхъ водахъ скажу ниже. Теперь же приведу только нѣсколько статистическихъ данныхъ.

Всѣхъ жителей здѣсь 4,614 м. и 4,900 ж.; обоего пола—9,514 душъ. Въ городѣ бываютъ три ярмарки. Постоянная же торговля производится въ 79 заведеніяхъ и лавкахъ. Небольшая часть населенія ежегодно уходитъ на Донъ для заработковъ, болѣе 2,000 крестьянъ, постоянно проживающихъ въ городѣ, занимаются хлѣбопашествомъ, обработывая окрестныя поля, почему Славянскъ справедливо можетъ носить названіе города-деревни. Средства города—незначительны. Здѣсь есть банкъ „общественный", которому предоставлено кредитоваться въ государственномъ банкѣ на 30,000 рублей.

Собственно говоря благоустроенныхъ отелей, не смотря на его минеральныя воды, въ Славянскѣ нѣтъ вовсе. Мнѣ пришлось остановиться въ домѣ купца К., называвшемся гостинницей.

Комнаты—обыкновенной жилой квартиры. Мнѣ привелось помѣститься въ залѣ, въ которой была поставлена кровать. На обѣдъ дали жидкія щи и кашу.

Вообще удобствъ—никакихъ! И за деньги ничего не достанешь.

Съ перваго момента моего прибытія въ Славянскъ и до са-

Библиотека "Руниверс"

маго отъѣзда отсюда, меня не оставлялъ обязательный докторъ Петельчицъ, подробно показавшій мнѣ и заведенія на минеральныхъ озерахъ, и соляные заводы.

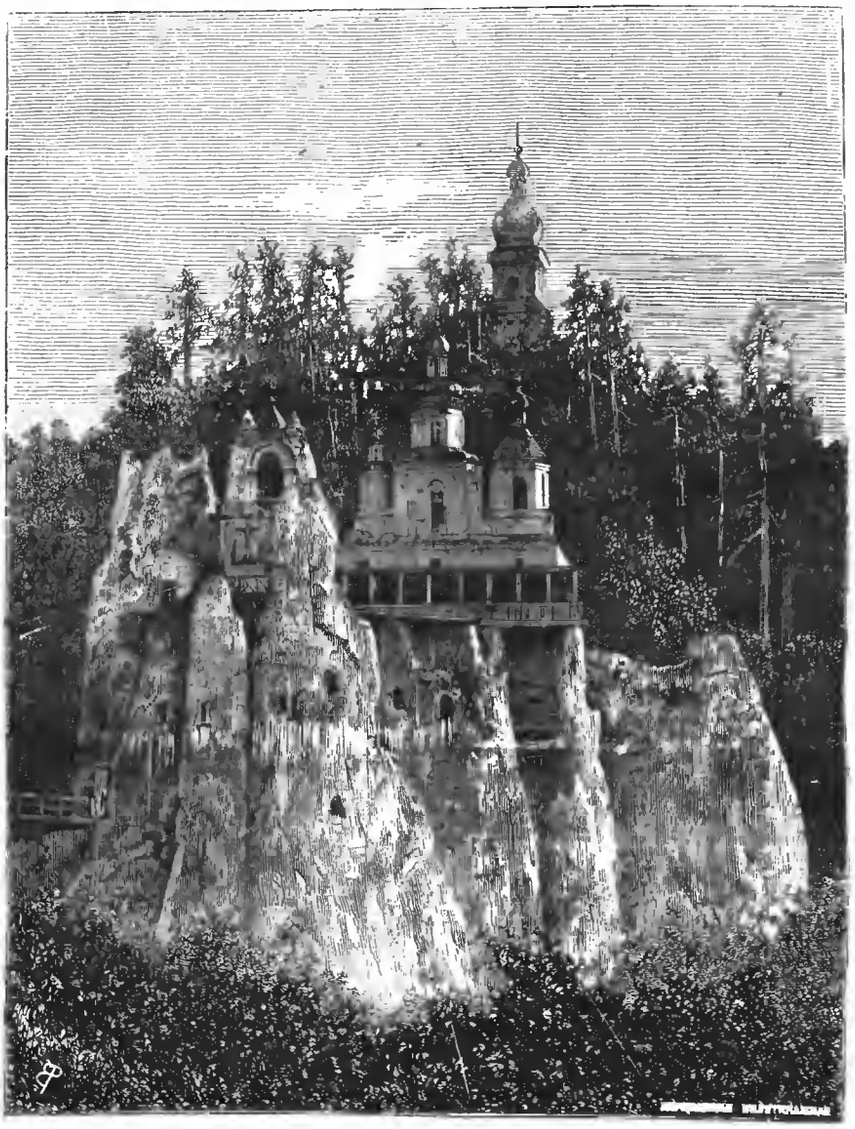
Мѣстному населенію цѣлебная сила этихъ водъ была давно извѣстна, оффиціально же эти воды открыты въ 1836 году медикомъ Яковлевымъ. Онъ построилъ на берегу Рѣпнаго озера палатки для больныхъ, принимавшихъ теплыя ванны. Та же озерная вода нагрѣвалась въ котлахъ на открытомъ воздухѣ. Леченіе грязями производилось въ ямахъ, выкопанныхъ кругомъ озера. Въ 1838 году графъ Никитинъ построилъ въ южномъ концѣ озера кое-какой госпиталь, простоявшій лѣтъ двадцать. Въ 1852 году на сѣверномъ концѣ его построено гражданское водолечебное заведеніе. Славянскія минеральныя воды чрезвычайно похожи на Крейцнахскія. Ихъ физическія условія одинаковы. Различіе только въ томъ, что въ Крейцнахѣ все добывалось путемъ тяжелыхъ усилій и трудовъ, а въ Славянскѣ все создано самою природой. Буровка грунта въ окрестностяхъ озера даетъ въ настоящее время ключи различной температуры и разнообразные по содержанію газовъ и солей.

Около Славянска находится три минеральныхъ озера: Слѣпное, Вейсово и Рѣпное. Эксплоатируется съ медицинскими цѣлями только послѣднее. Озера окружены лугами и солончаками. Гражданское водолечебное заведеніе состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ флигелей. Въ главномъ корпусѣ обширная зала, утромъ — для прогулокъ больныхъ послѣ ваннъ во время ненастья, вечеромъ —для баловъ и концертовъ. Вдоль залы темные и тѣсные корридоры съ отдѣльными высокими комнатами для ваннъ. Такихъ комнатъ, а слѣдовательно и ваннъ, 16. Одинъ корридоръ для мущинъ, другой для женщинъ. Сверхъ того, на озерѣ еще 10 купаленъ. Вокругъ всего заведенія, прекрасный и хорошо содержимый садъ. Во флигеляхъ помѣщаются пріѣзжающіе. Цѣны ваннамъ: горячей изъ озерной воды — 40, холодной — 10 к., съ прибавленіемъ „маточнаго щелока“ — 60 коп. Ванны принимаются и на дому, причемъ оплачивается провозъ воды изъ озера, откуда вода берется всѣми безплатно. Маточнымъ щелокомъ называется собственно жидкость, остающаяся отъ выварки соли. Она насыщена поваренною и другими солями и сверхъ того въ ней содержится значительное количество іода и брома, едва замѣтное въ обыкновенномъ разсолѣ. Къ ваннамъ зачастую, по предписаніямъ врачей, прибавляются и грязи, или просто назначается натираніе грязями, добываемыми изъ засоренныхъ колодцевъ, низменныхъ лощинокъ, причемъ только наблюдаютъ, чтобы грязь была мягка и помадообразна. Употребленіе такихъ ваннъ, особенно же съ грязями, требуетъ большой осторожности и должно быть контролируемо опытнымъ врачемъ. Прибавленіе маточнаго щелока или разсола сверхъ нужды вызываетъ вредное возбужденіе и волненіе.

Вода Рѣпнаго озера на видъ прозрачна и почти безцвѣтна. Но въ жаркіе дни она мутно-желтовата; во время бури—темна. Она содержитъ миріады инфузорій, видимыхъ простымъ глазомъ. Вкусъ ея соленый, переходящій въ горьковатый. Запахъ сѣрнистаго водорода обнаруживается только ночью, во время лѣтнихъ жаровъ, а также при югозападныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтрахъ. Въ 100 частяхъ этой воды оказывается:

Смолы	0,078	Сѣрнокислой извести	1,754
Соленокислой извести	0,230	Сѣрнокислой магнезіи	1,020
Соленокислой магнезіи	1,067	Сѣрнокислаго натра	0,958
Соленокислаго натра	18,561	Углекислой извести	0,038
		Кремнезема	1,462

Такимъ образомъ хлористый натръ преобладаетъ надъ другими солями, причемъ въ водѣ, добываемой изъ колодцевъ, вырытыхъ на солончакахъ, его гораздо болѣе, чѣмъ въ озерной. Славянскія минеральныя воды съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ хроническихъ ревматизмахъ, золотухѣ, опухоляхъ, накожныхъ сыпяхъ, въ англійской болѣзни (особенно успѣшно), въ страданіяхъ слизистыхъ оболочекъ, въ параличахъ ревматическаго происхожденія, при страданіяхъ надкостной плевы и при костоѣдѣ.



Меловыя скалы Святогорскаго монастыря.
Рис. Подбѣльскій, грав Сташковскій.

Докторъ Петельчицъ былъ такъ любезенъ, что лично показалъ намъ госпиталь, садъ и заведеніе для больныхъ изъ частныхъ лицъ. Госпиталь весь устроенъ имъ и устроенъ превосходно. Вездѣ приспособленія, устроенныя г. Петельчицемъ, обходящіяся очень дешево, но чрезвычайно удобныя и цѣлесообразныя.

— Скажите, неужели воды дѣйствуютъ и на застарѣлые ревматизмы.

— Были не разъ случаи полнаго выздоровленія.

Изъ оконъ госпиталя превосходный видъ. Вся даль зеленѣетъ съ серебряными щитами соляныхъ озеръ, съ мочнообрисовывающимися на голубомъ фонѣ чистаго неба курганами, которые здѣсь называютъ „могилами“. Красивые разливы рѣки Торца подступаютъ къ самымъ горамъ, изящные силуэты которыхъ словно на ладони. Тутъ кончается зеленая равнина съ купами деревьевъ, преимущественно окаймившихъ рѣку и бѣлыми хохлацкими мазанками подъ золотомъ соломенныхъ кровель, глядящихся въ спокойныя воды тихаго и поэтическаго Торца. Въ болѣе частыхъ и густыхъ поросляхъ на право тонетъ небольшая деревушка, только двѣ три мельницы торчатъ надъ нею, разбросавъ по вѣтру свои громадныя крылья. Отары испанскихъ овецъ бѣлѣютъ, оживляя спокойный пейзажъ... Издали чуть мерещутся мѣловыя горы надъ извилистымъ теченіемъ Донца... Но съ чѣмъ можно сравнить эту чистоту весенняго воздуха, этотъ ароматъ только что зацвѣтавшихъ луговъ, эта безоблачность неба съ черными точками ястребовъ...

— Прежде у насъ еще лучше было. При Никитинѣ здѣсь воздѣлывались нѣжныя тропическія растенія, сколько шелко-

Библиотека "Руниверс"

Мать. Картина А. Журдана, грав. Робертъ.

Библиотека "Руниверс"

вицъ раскидывали повсюду свои тѣни... Теперь все истреблено. Невѣжественные администраторы, слѣдовавшіе за нимъ, рубили шелковицы на дрова и уничтожали цвѣтники, потому что тѣ мѣшали прямолинейности всѣхъ деталей этого заведенія!.. Только и осталось, что садъ по ту сторону озера, устроенный графиней Потемкиной, память которой свято хранится здѣсь. Мы ей одной обязаны и этимъ вокзаломъ, и прекрасными тѣнистыми аллеями, разбитыми тамъ, и возведеніемъ дома для больныхъ.

— Сюда, слѣдовательно, должно пропасть народу съѣзжаться.

— Да изъ шести губерній ѣдутъ.

— Гдѣ живутъ пріѣзжающіе?

— Сообразите, воды отстоятъ отъ города на три версты. Живя въ городѣ приходится ѣздить на воды, а это и убыточно, и въ гигіеническомъ отношеніи не хорошо. Дѣлать шесть верстъ ежедневно по песчаной и раскаленной лѣтомъ мѣстности—не особенная сласть! Лучше жить на водахъ—но тутъ нѣтъ квартиръ вполнѣ удобныхъ. Предпринимателей малодушно смѣлыхъ у насъ не имѣется. Никто не хочетъ выстроить отель у озера. И плохихъ-то квартиръ не хватаетъ на всѣхъ желающихъ. Плохонькое жилье обходится въ 200 р. за лѣто, а простая изба деревянная зачастую идетъ во 100 рублей. Самыя цѣны ужасно произвольны. Съѣдется много народу—онѣ безобразно поднимутся, мало—на половину падаютъ. Отдаленность отъ города отзывается, впрочемъ, на многомъ. Базары—далеко, аптека—въ самомъ Славянскѣ, у озера же ее не догадаются устроить.

— Есть все-таки какая нибудь гостинница здѣсь?

— Обѣдать можно въ вокзалѣ минеральныхъ водъ, 20 рублей въ мѣсяцъ стоитъ здѣсь обѣдъ въ 4 и 15 р. въ три блюда. Но главное неудобство—отсутствіе хорошихъ помѣщеній.

— Да вѣдь на водахъ, въ заведеніи, есть нумера?

— Они, во-первыхъ, смежные съ залой общественныхъ увеселеній, гдѣ постоянно играетъ по вечерамъ музыка, да и самый запахъ соленой воды и ваннъ очень тяжелъ для больного.

Какъ оказалось съѣздъ больныхъ повліялъ сильно на подъемъ цѣнъ всѣхъ вообще предметовъ домашняго хозяйства въ Славянскѣ. Небольшой кувшинъ молока стоитъ 15 к., фунтъ говядины 10 к., фунтъ масла 35 к. и т. д.

— Впрочемъ, — закончилъ г. Петельницъ, — то, чего недостаетъ Славянскому заведенію минеральныхъ водъ, чтобы стать на одну ногу съ отлично и удобно устроенными водолечебными заведеніями, съ избыткомъ выкупается цѣлебнымъ дѣйствіемъ ихъ.

Озеро все искрилось подъ жаркими лучами весенняго солнца. Нѣжно-серебряные блески были разсыпаны по чистой лазури этого спокойнаго простора, по которому только изрѣдка пробѣгала едва замѣтная рябь отъ лѣниво стелящагося по низьямъ вѣтерка. На противоположную сторону, въ заведеніи минеральныхъ водъ, мы шли вдоль песчанаго берега, почти не возвышающагося надъ поверхностью озера Рѣпнаго. Пока не съѣдутся больные — безлюдье кругомъ полное. Только разъ мелькнула издали хохлушка въ красномъ платьѣ, точно яркая полымя маковаго цвѣта вспыхнула на минуту.

Какъ хороша роща, передъ которой устроенъ вокзалъ. Вся она изъ тополей и бѣлыхъ акацій, въ перемежку съ осокой. Почки только что развернулись. Молодая, свѣжая зелень блистала снова, деревья облеклись въ праздничный уборъ... Въ саду тутъ же растутъ, прямо на пескѣ и притомъ чрезвычайно быстро, уксусное дерево и оленій рогъ.

— Тутъ хорошо лѣтомъ. Цѣлый день въ листвѣ поютъ птицы, ночью соловьи покрываютъ всѣ звуки! Цвѣты сплошь осыпаютъ зелень. Близость воды умѣряетъ нѣсколько жару. Не ушелъ бы отсюда!

Изъ сада, разведеннаго по приказанію графини Растопчиной, мы отправились пѣшкомъ на другія соляныя озера, откуда мѣстными промышленниками добывается соль.

Еще издали, когда мы подходили къ озеру, насъ поразили изгороди—сажень пять въ высоту. Это и оказались градирни. Онѣ сплошь окружали озеро Мавицкое или Вейсово. Изгороди эти вблизи оказались стѣнами изъ различно переплетенныхъ между собою прутьевъ терновника или другихъ деревьевъ. Каждая изъ нихъ вытянута въ длину въ 35 сажень, при ширинѣ въ двѣ сажени. Вода, добываемая изъ колодцевъ посредствомъ конной коловращательной машины, вливается въ длинный и широкій жолобъ, простирающійся вдоль всею градирнею. Дно этого жолоба или корыта устраивается изъ тростника или досокъ и имѣетъ по всему своему протяженію пробуравленныя малыя, но многочисленныя отверстія. Чрезъ нихъ-то разсолъ, дробясь на милліоны капель, падаетъ на прутья, гдѣ то останавливается, то, постепенно стекая по нимъ внизъ, наконецъ собирается подъ градирнею въ огромное и широкое корыто, или въ такъ называемую лару. Процесъ прохожденія разсола въ раздробленномъ видѣ по прутьямъ терновника совершается въ продолженіи довольно долгаго времени и вслѣдствіе испаренія, въ особенности при сухой погодѣ съ вѣтромъ, разсолъ теряетъ значительную часть воды, а вся соль остается въ немъ и онъ стекаетъ въ лары съ „полнымъ насыщеніемъ ея". Изъ ларъ чрезъ деревянныя подземныя трубы, насыщенный растворъ проводится въ самые заводы, т. е. сараи, гдѣ и вливается въ желѣзныя сковороды двухъ съ половиною сажень въ діаметрѣ, вправленныя въ верхнія отверстія широкихъ и низкихъ печей, отапливаемыхъ каменнымъ углемъ. По испареніи воды, осѣвшую на дно соль перемѣщаютъ въ деревянные ящики съ наклоннымъ дномъ и разщелиною въ самомъ низу его. Сквозь эту разщелину вытекаетъ оставшаяся жидкость, а въ ящикахъ получается соль вполнѣ осушенная и очистившаяся. Жидкость, вытекающая изъ ящиковъ и оставшаяся въ сковородахъ, называется маточнымъ щелокомъ. Въ ней сверхъ солей еще содержится значительное количество іода и брома, едва замѣтныхъ въ обыкновенномъ разсолѣ..,

Очень неприглядны были виды этихъ сараевъ, носящихъ громкое названіе заводовъ. Въ воздухѣ стояла мелкая соль, соль заползала въ глаза, въ носъ... Всюду осаживалась копоть отъ каменнаго угля.. Рабочіе были въ грязи и въ поту, потому что здѣсь отдыхать нѣкогда, число трудовыхъ рукъ сокращено до послѣдней возможности.

— Сколько у васъ вываривается соли въ каждой сковородкѣ въ день? обратился я къ атлету, почти голому, что, впрочемъ, и понятно въ такой адской жарѣ.

— Два раза въ день варимъ. Отъ 80 до 100 пудовъ случается на оба раза. Триста пятьдесятъ пудовъ разсолу даютъ отъ 40 до 55 пудовъ соли. Акцизъ платимъ по 30 к. съ пуда, а подъ бокомъ крымская соль безъ акциза вываривается: понятно, что для насъ и соперничество съ ней невозможно. Хозяину у насъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ останется не болѣе 4 или 5 копѣекъ съ пуда.

Рабочіе на заводы нанимаются на 9 мѣсяцевъ, считая съ 1-го марта. За все это время они получаютъ отъ 50 до 70 рублей, т. е. менѣе 10 р. въ мѣсяцъ на всемъ своемъ. Малолѣтки за то же время получаютъ 15 руб. Главные промышленники, надсмотрщики берутъ по 100 р. и на нихъ лежитъ вся отвѣтственность и большее количество работы. При смѣнѣ рабочихъ, они все-таки остаются, отдыхая только ночью. Вообще, положеніе крайне неприглядное, но хозяевъ и обвинять нельзя, они сами едва перебиваются. Пониженіе акциза разомъ измѣнило бы условія мѣстнаго солеваренія. Тѣмъ не менѣе Славянскія градирни и варницы гораздо выгоднѣе тѣхъ, которыя эксплоатируются на дальнемъ сѣверѣ. Заводы этого рода, видѣнные нами въ Унекомъ, Гудскомъ и Некокскомъ посадахъ у Бѣлаго моря гораздо хуже и далеко не такъ производительны. Рабочіе на градирняхъ работаютъ мѣсяцемъ меньше чѣмъ въ сараяхъ, на заводахъ. Каждая градирня даетъ среднимъ числомъ въ это время до 35,000 пуд. соли. При работахъ въ сараяхъ образовались и побочные промыслы. Много дѣвочекъ, неимѣющихъ другихъ средствъ къ существованію, разбираетъ золу отъ каменнаго угля, извлекая изъ нея не совсѣмъ перегорѣвшіе кусочки. Обыкновенно такимъ путемъ заработываютъ 4 или 5 коп. въ день. Самыя проворныя работницы, при удачѣ добудутъ не болѣе 6 к. въ день. Какой жалкій заработокъ за утомительный трудъ, какое жалкое существованіе!

Вода изъ озера даже пахла солью. Читателю, разумѣется, покажется это преувеличеннымъ. Разумѣется, сидя за столомъ не чувствуешь запаха соли; но здѣсь, у ея громаднаго вмѣстилища, этотъ запахъ сильно замѣтенъ. Въ послѣднее время для зимнихъ, собственно, работъ прорываются колодцы, такъ какъ лѣтомъ только и возможно пользоваться озерами. Тѣмъ не менѣе вода изъ соляныхъ озеръ болѣе насыщена, чѣмъ изъ колодцевъ, при этомъ первая даетъ соль крупную и бѣлую, такъ называемую крупчатую, а изъ буровыхъ колодцевъ—темную и дурнаго вкуса.

Мы мимоходомъ осмотрѣли и заводъ компаніи для добыванія каменной соли.

До сихъ поръ тутъ еще производится буреніе земли винтомъ, причемъ зачастую въ теченіе 24 часовой безпрестанной работы добывается винтомъ кусокъ породы въ 1/4 вершка. Эти кружки каменной соли (образчики) сложены здѣсь же столбиками и наглядно указываютъ толщу слоевъ соли въ землѣ. Длина винта 58 сажень. Одна только эта часть завода обошлась компаніи въ 50,000 рублей. Въ этомъ же заводѣ устроены и буровые колоды, вода изъ которыхъ по жолобкамъ отпускается въ требуемомъ количествѣ и на другіе заводы, нуждающіеся въ разсолѣ...

Въ тотъ же вечеръ, когда синія сумерки сгущались на востокѣ, а западъ еще мерцалъ послѣдними прощальными отблесками заката, я уже ѣхалъ на почтовыхъ въ недавно возобновленный, но уже богатый Святогорскій монастырь, о красотѣ окрестностей котораго и оригинальномъ складѣ его внутренней жизни мнѣ разсказывали очень много. Судя по этимъ разсказамъ, я разсчитывалъ найти въ немъ вторые „Соловки" и почти не обманулся. Тамъ я наткнулся на такое разнообразіе типовъ, на такіе прелестные виды и на столь неожиданныя черты монашескаго быта, что двѣ недѣли, проведенныя въ стѣнахъ обители, кажутся мнѣ до сихъ поръ такимъ чуднымъ сномъ, очаровательною грезой лѣтней соловьиной ночи.

В. Немировичъ-Данченко.

Библиотека "Руниверс"

Вѣтры.

(По поводу рисунка „Табунъ, застигнутый песчанымъ ураганомъ").

Вѣтеръ, по объясненію Гюйо, есть слѣдствіе нарушеннаго равновѣсія въ слояхъ атмосферы и зависитъ отъ различнаго состоянія температуры сосѣдственныхъ воздушныхъ пространствъ. Каждое неравенство температуры воздуха, порождаетъ всегда соотвѣтствующія атмосферическія теченія. Такъ, неравенство температуръ *дневной* и *ночной* порождаетъ *суточные вѣтры*. Неравенство температуръ различныхъ временъ года порождаетъ періодическіе вѣтры. Разница температуръ тропиковъ и полюсовъ даетъ начало *вѣтрамъ пассатнымъ*, правильность которыхъ служитъ лучшимъ доказательствомъ постояннаго неравенства распредѣленія солнечной теплоты въ воздушныхъ слояхъ. Шарообразная форма земли составляетъ главную причину неравнаго распредѣленія солнечной теплоты и образуетъ три главные климатическіе пояса: *знойно-жаркій*, *умѣренный* и *холодный*. Происхожденіе главныхъ, то есть пассатныхъ вѣтровъ, зависитъ отъ шарообразной формы нашей земли, а направленіе ихъ—отъ вращательнаго движенія земли вокругъ своей оси.

Пассатные вѣтры имѣютъ полное право быть назваными главными, потому что обнимаютъ собою почти всю атмосферу. Воздушныя области, близкія къ экватору, имѣютъ обыкновенно температуру высокую, далѣе-же къ полюсамъ, дѣлается постепенно холоднѣе. Поэтому тропическая атмосфера болѣе расширена, а слѣдовательно и легче полярной и даже среднихъ пространствъ. Болѣе сгущенный воздухъ холоднѣйшихъ странъ сѣвернаго и южнаго полушарій тѣснитъ своею тяжестью находящійся между ними воздухъ тропическій: такимъ образомъ послѣдній, будучи сжатъ съ двухъ сторонъ, поднимается вверхъ, а на его мѣсто притекаетъ холодный воздухъ съ сѣвера и юга и, нагрѣваясь вновь тропическимъ зноемъ, вновь поднимается вверхъ и т. д. Такимъ образомъ образуются два нижніи холодныя теченія, стремящіяся отъ обоихъ полюсовъ къ экватору, и два верхнія теплыя теченія, несущія воздухъ отъ экватора къ обоимъ полюсамъ. Эти теплыя теченія, достигнувъ полюсовъ, дѣлаются холодными и текутъ нижними полосами обратно къ экватору. По этой теоріи должны бы были существовать въ мірѣ только два направленія юго-сѣверное и сѣверо-южное, но вращательное движеніе земли, отъ запада къ востоку, оказываетъ на это большое вліяніе, заставляетъ ихъ уклониться отъ первоначальнаго пути. Скорость вращенія земли, а имѣстѣ съ ней и воздуха, ничтожная при полюсахъ, быстро увеличивается подъ экваторомъ. Поэтому холодный и медленный полярный воздухъ, достигнувъ тропическихъ странъ и обращаясь вмѣстѣ съ землею, не въ состояніи слѣдить за экваторіальной быстротой вращенія ея твердой оболочки, а потому отстаетъ отъ нея, отдается назадъ и принимаетъ мало по малу направленіе къ западу; такимъ образомъ воздушные океаны, между экваторомъ и полюсами, принимаютъ преобладающее въ нихъ среднее теченіе, а именно: въ сѣверномъ полушаріи отъ сѣвера къ западу, въ южномъ—отъ юга къ западу, Эти оба уклоненные воздушные тока, сближаясь подъ экваторомъ, принимаютъ одно общее направленіе отъ востока къ западу и образуютъ такъ называемые *пассатные вѣтры*. Предѣлъ или линія ихъ соединенія называется *поясомъ тишины*, потому что оба теченія здѣсь пересѣкаютъ, уравновѣшиваютъ или нейтрализуютъ другъ друга, а затѣмъ движутся далѣе, каждый въ своемъ направленіи. Средняя ширина *пояса затишья*, опоясывающаго весь земной шаръ, равна 6 градусамъ. Невозмутимая тишина атмосферы доходитъ до того, что пламя свѣчи на открытомъ воздухѣ не имѣетъ ни малѣйшаго колебанія, а парусные корабли должны, по необходимости, стоять безъ всякаго движенія, и если они не запаслись значительнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, то экипажъ можетъ подвергнуться самому бѣдственному и безвыходному положенію. Поясъ затишья имѣетъ еще другое названіе *пояса измѣнчивыхъ вѣтровъ*, потому что послѣ долгой тишины въ немъ разражаются страшныя электрическіи бури и проливные дожди. Впрочемъ, экваторіальный поясъ затишья вовсе не совпадаетъ съ математическимъ земнымъ экваторомъ, а напротивъ, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія суши и воды въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ, онъ располагается вдоль шестой сѣверной параллели, такъ какъ земной экваторъ не есть вмѣстѣ съ тѣмъ экваторъ теплоты. И эта 6 параллель не совсѣмъ постоянна, потому что лѣтомъ затишье доходитъ до 8° сѣв. широты, а зимою опускается до 4°, что среднимъ выраженіемъ составляетъ шестую параллель. За предѣломъ пояса затишья съ сѣвера и юга слѣдуютъ пассаты, за ними внѣтропическіе вѣтры, а наконецъ сѣверное и южное *полярныя затишья*.

Полярныя затишья не составляютъ уже поясовъ тишины, какъ подъ экваторомъ, и подъ ними не должно также разумѣть какія нибудь опредѣленныя точки, но, напротивъ, ими заняты огромныя протяженія, что и доказано наблюденіями знаменитыхъ путешественниковъ, каковы: Парри, Барроу, Белло и профессоръ Коффинъ. Они единогласно утверждаютъ о существованіи у сѣвернаго полюса постояннаго затишья, находящагося подъ 84° сѣв. широты и 150° запад. долготы. Слѣдовательно, также и здѣсь полюсъ вѣтровъ не совпадаетъ съ математическимъ полюсомъ земли, а, напротивъ, съ полюсомъ наибольшаго холода, гдѣ средняя температура года равна не менѣе 12 и не болѣе 16° по Р. Полюсомъ холода и вѣтровъ также не слѣдуетъ считать какую-нибудь точку, а извѣстную, опредѣленную площадь, хотя и не весьма большого пространства.

Тѣмъ-же самымъ законамъ повинуются и верхнія теченія воздуха, несущіяся отъ экватора къ полюсамъ, только въ обратномъ порядкѣ. Экваторіальный воздухъ, усвоивъ себѣ экваторіальную быстроту вращенія и достигнувъ верхними слоями до полюсовъ, еще не успѣлъ утратить быстроты вращательнаго движенія, а потому, перейдя область холода, перегоняетъ, какъ у сѣвернаго, такъ и у южнаго полюсовъ, медленно движущійся воздухъ и опережаетъ его въ направленіи къ востоку. Отъ этого становится понятнымъ, почему въ сѣверномъ полушаріи преобладающій вѣтеръ юго-западный а въ южномъ—сѣверо-западный.

Еслибы земной шаръ былъ совершенно правильнымъ, математическимъ шаромъ, съ совершенно ровною поверхностью, то очевидно, что всѣ вѣтры дули-бы правильно, подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя только были изложены; но въ дѣйствительности, правильныя теченія воздуха встрѣчаютъ препятствія на каждомъ шагу, какъ въ очертаніи материковъ и въ горныхъ возвышеніяхъ, такъ и въ другихъ условіяхъ природы, противодѣйствующихъ этой правильности и, такъ сказать, разрывающихъ воздушные токи. По этой причинѣ истинный характеръ правильнаго вѣтра сохраняется только въ Великомъ океанѣ, гдѣ широкій просторъ не мѣшаетъ пассату идти своимъ путемъ отъ западныхъ береговъ Америки до восточныхъ береговъ Австраліи и теченіе его правильно до широты 25°. Острова Сандвичевы и Товарищества, далеко отстоящіе отъ всякаго материка, т. е. пространной площади суши, имѣютъ странное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательное вліяніе на пассаты: они часто измѣняютъ ихъ и обращаютъ вспять, потому что западные и экваторіальные вѣтры весьма обыкновенны въ этихъ двухъ группахъ острововъ, но не владѣютъ большимъ протяженіемъ и имѣютъ мѣстный характеръ. Атлантическій океанъ уже не имѣетъ такой правильности въ извѣстныхъ предѣлахъ, и пассатъ значительно вдается въ сѣверъ, вслѣдствіе ограниченнаго пространства и особаго очертанія сего океана.

Самыя большія измѣненія претерпѣваетъ пассатный вѣтеръ въ Индійскомъ океанѣ, который, на сравнительно меньшемъ пространствѣ, окруженъ материками съ трехъ сторонъ: съ запада Африкой съ ея раскаленно-знойною Сахарой, съ востока болѣе умѣренною Австраліею, а съ сѣвера Азіей, движущей на него своими Гималайскими ледниками. Очевидно, что такая разница различно дѣйствующихъ температуръ не можетъ остаться безъ существеннаго вліянія на направленіе пассата.

Въ то время, какъ южная Африка раскаляется тропическимъ солнцемъ лѣта, Азія, къ сѣверу отъ экватора, особенно въ высокихъ пространствахъ Гималайской системы, имѣетъ низкую температуру зимы; поэтому холодный воздухъ нагорныхъ странъ Индіи, тяжестью своею, стремится къ теплымъ странамъ южной Африки и вѣтеръ начинаетъ дуть съ сѣверо-востока, измѣняя такимъ образомъ пассатъ. Это продолжается отъ октября до апрѣля, т. е. пока существуетъ такая разница въ температурѣ. Это время индійской зимы или такъ называемаго *сѣверо-восточнаго* муссона *). Пользуясь этимъ временемъ купеческіе корабли спѣшатъ изъ Калькутты въ южную Америку и Мадагаскаръ. Затѣмъ измѣняется время года: въ южной Африкѣ наступаетъ зима, а въ Индіи—лѣто. По той же самой причинѣ измѣняется сѣверо-восточное направленіе муссона въ юго-западное, при которомъ и корабли идутъ съ попутнымъ вѣтромъ въ направленіе обратное, при чемъ, наоборотъ, мѣсто африканской *Сахары* заступаютъ въ нѣкоторой степени песчаныя пустыни Азіи, какъ *Гоби-Шамо*, *Гоби-Ганай* и другія выжженныя равнины, которыя хотя и лежатъ внѣ тропиковъ, къ сѣверу отъ 30°, тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ очень замѣтно и къ югу отъ экватора. Точно такимъ-же образомъ образуются монсуны Тихаго океана у американскихъ береговъ отъ вліянія нагрѣтыхъ равнинъ Утахскихъ и Техасскихъ; монсуны Мексиканскаго залива отъ раскаленныхъ пустынь Новой Мексики, а Гвинейскаго залива опять отъ той-же пылающей Сахары. Вообще-же замѣчено, что происхожденіе монсуновъ зависитъ отъ вліянія солнечной теплоты не на воды морей, а на пустынныя, песчаныя пространства материковъ и область этихъ пустынь, въ большинствѣ случаевъ, лежитъ къ сѣверу отъ пассатныхъ вѣтровъ. Переходъ одного муссона въ другой происходитъ неодновременно по всему пространству и сопровождается всегда неправильностью вѣтровъ по разнымъ направленіямъ: то наступаетъ невозмутимая тишина, то кружатся порывистыя вихри, то свирѣпствуютъ страшныя бури.

Муссоны дуютъ тоже между Индіей и Австраліей, но тамъ они не имѣютъ такой правильности. Моря: Зундское, Молуккское, Южно-Китайское и Южно-Японское находятся постоянно подъ пассатами Тихаго океана и двоякихъ муссоновъ, индо-

*) *Муссонъ* или *Монсунъ*—туземное названіе холоднаго времени года.

Библиотека "Руниверс"

Табунъ, застигнутый песчанымъ ураганомъ. Рис. Даржанъ, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

Новѣйшія извѣстія. Картина О. Пилльца, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

африканскихъ и индо-австралійскихъ. Вотъ причина тѣхъ страшныхъ *бурь* и *урагановъ*, тѣхъ *смерчей* или *тифоновъ*, которые всего чаще встрѣчаются въ этихъ моряхъ.

Кромѣ описанныхъ пассатовъ, существуютъ еще *пассаты верхніе* или *обратные*, дующіе въ высокихъ слояхъ атмосферы надъ настоящими пассатами, въ противоположномъ направленіи, то есть отъ запада къ востоку. Это тоже самое явленіе, какъ и въ движеніи водъ, въ которыхъ верхнее теченіе совершенно противоположно нижнему. Существованіе верхняго пассата было замѣчено при изверженіяхъ двухъ вулкановъ Св. *Винцента* (на малыхъ Антильскихъ островахъ) и *Козевины* (въ Гватемалѣ), выбрасывавшихъ свой пепелъ на огромную высоту (до 2-хъ верстъ). Пепелъ того и другого изверженія осыпалъ вулканическою пылью города и острова, лежащіе къ востоку на нѣсколько сотъ верстъ, и, слѣдовательно, приносился туда верхними западными вѣтрами совершенно противоположными пассатамъ. Также многіе путешественники на высотѣ Тенерифскаго пика замѣчали западный вѣтеръ въ то время, когда у подошвы дулъ обыкновенно сѣверо-восточный пассатъ.

Часто на корабли, странствовавшіе въ водахъ Атлантическаго океана, падала въ значительномъ количествѣ пыль красноватаго цвѣта и преимущественно вблизи западныхъ береговъ Африки, около Зеленаго Мыса: сначала предполагали, что это ни что иное, какъ тончайшая пыль, занесенная восточными вѣтрами отъ песковъ Сахары, но профессоръ Эренбергъ, наблюдавшій эту пыль въ микроскопъ, доказалъ, что она состояла изъ инфузорій и растительныхъ организмовъ южной Америки, что ясно утверждало существованіе въ верхнихъ слояхъ атмосферы противоположнаго западнаго вѣтра, переносившаго инфузорій и былинки чрезъ весь Атлантическій океанъ, а Мори доказалъ даже постоянное существованіе между Америкою и Африкою обмѣна атмосферы въ видѣ верхнихъ и нижнихъ теченій воздуха—верхняго изъ южной Америки въ направленіи западо-юго-западномъ и нижняго изъ Африки въ направленіи востоко-сѣверо-восточномъ. Кромѣ того, существованіе этихъ противоположныхъ теченій доказывается весьма очевидно группами облаковъ, идущихъ въ высокихъ слояхъ воздуха совершенно противоположно облакамъ нижнихъ слоевъ.

На гребнѣ Андовъ замѣчено необыкновенное и пока еще необъяснимое явленіе на такихъ холодныхъ высотахъ. Тамъ встрѣчаются по временамъ теченія теплаго воздуха. Такія явленія чаще всего случаются спустя два часа послѣ захожденія солнца, они идутъ мѣстами и бываютъ узки, не превосходя нѣсколькихъ саженъ въ ширину, подобно такимъ-же мѣстнымъ теплымъ струямъ въ альпахъ.

(Окончаніе будетъ).

Н. Зуевъ.

Къ рисункамъ.

Мать

(Картина А. Журдана).

Картина изображаетъ молодую, счастливую мать. Безмятежнымъ сномъ заснулъ на ея колѣняхъ ребенокъ. Старшая дочка, дѣвочка лѣтъ восьми, нѣжно, любовно цѣлуетъ уснувшаго.

Съ мастерствомъ этого художника читатели „Нивы" уже имѣли случай познакомиться: въ „Нивѣ" за прошлый годъ въ № 36 была помѣщена гравюра съ его картины „Рѣшительная минута", гравированіе которой было поручено собственно для „Нивы" Пашемакера сыну. Въ картинѣ „Рѣшительная минута", какъ и въ помѣщенной въ настоящемъ номерѣ „Нивы" картинѣ „Мать", г. А. Журданъ съ одинаковою силою и прелестью выказываетъ свой талантъ. Помѣщаемая въ этомъ номерѣ картина „Мать" полна красоты и по богатству мысли, избранной художникомъ для воспроизведенія въ образахъ, и по выразительности всѣхъ трехъ лицъ, такъ сказать, одушевленныхъ творческою силою таланта. Зритель, при видѣ этого изображенія, невольно переносится мыслью въ ту незабвенную пору дѣтства, которое такъ хорошо своею чистотою, безмятежностью и невинными радостями и которое, увы, такъ скоро для всѣхъ проходитъ. Извѣстный авторъ „Войны и мира" и „Анны Карениной", графъ Л. Н. Толстой, въ своихъ не менѣе цѣнныхъ по литературнымъ достоинствамъ воспоминаніяхъ „Дѣтство и отрочество" превосходно передаетъ тѣ, почти неуловимыя черты душевной жизни дѣтей и ихъ отношеній къ матери.

„Счастливая, счастливая, пишетъ графъ Л. Н. Толстой, невозвратимая пора дѣтства. Какъ не любить, не лелѣять воспоминанія о ней? Воспоминанія эти освѣщаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для нея источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись до-сыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки ея голоса такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все также ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и улыбнулась.

Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается небольше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился—и очарованіе разрушилось, я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.—Ты опять заснулъ, Николинька! говоритъ мнѣ maman,—ты бы лучше шелъ на верхъ.—Я не хочу спать, мамаша, отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе: здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и чрезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своею чудесною рукою провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать. Ни чьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку".

Вернется ли когда нибудь, пишетъ авторъ въ заключеніи этой главы, та свѣжесть, безпечность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ. Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви—были единственными побужденіями въ жизни?

Новѣйшія извѣстія.

(Картина Пильтца.)

Картина относится по характеру своему ко времени весьма похожему на переживаемое нами. Въ мастерской кузнеца читаютъ, видимо, извѣстія: „съ театра военныхъ дѣйствій". Чтеца обступили слѣва и справа. Самъ кузнецъ, всецѣло поглощенный важностью извѣстій, слушаетъ внимательно чтеніе, а оба его помощника, подмастерья, помѣстившись влѣво отъ клещей, объясняютъ другъ другу настоящее положеніе армій. Уйдетъ чтецъ, случайно завернувшій въ кузницу, и на мѣсто его явится другой и снова начнутся сужденія о послѣднихъ событіяхъ.

Эта картина напоминаетъ намъ и наше положеніе, и у насъ наступили тревожныя времена. На границѣ стоятъ войска и каждую минуту можно ожидать открытія военныхъ дѣйствій. Что принесутъ они? Мы увѣрены, что все кончится въ нашу пользу, такъ какъ за насъ истина и справедливость, которыя никогда не могутъ быть побѣдимы.

Сабля, поднесенная г. Черняеву Чехами.

Чешскіе патріоты, въ послѣднихъ числахъ прошедшаго марта, поднесли генералу Черняеву драгоцѣнную саблю, рисунокъ которой проэктированъ извѣстнымъ чешскимъ художникомъ и исполненъ также чешскими мастерами. Ножны сабли серебряныя, очень массивныя, рукоять сабли того же металла. Поперечныя части и конецъ ножень вызолочены черезъ огонь. Рукоятка, исполненная съ большимъ вкусомъ, представляетъ голову сокола, который держитъ въ клювѣ турецкую голову. Сабля осыпана чешскими драгоцѣнными камнями разнаго рода, оправленными въ золото, изъ которыхъ составлены разныя фигуры и украшенія. На рукояткѣ находится буква Ч., сдѣланная изъ самыхъ рѣдкихъ гранатъ. Противъ этой буквы эмалевый крестъ. На ножнахъ золотая надпись по-чешски: „Чехи Черняеву 1877 г." Кромѣ того, на верхней части ноженъ, въ пестрой эмалевой оправѣ—съ одной стороны гербъ Чешской Короны, а съ другой—гербъ города Праги. Розетки на ножнахъ составлены также изъ чешскихъ гранатъ; многія украшенія составлены по образцу русскихъ тульскихъ работъ. Рѣзьба на саблѣ исполнена превосходно. Темлякъ—сербскій, золотой и синій. Дамасскій клинокъ весь въ золотой рѣзьбѣ. На немъ на одной сторонѣ русская надпись: „Славянству, христіанству, человѣчеству", а съ другой стороны чешская надпись: «Kzivoti kde Slovan vstáva, Koste ruská moc a sláva!» (Тамъ, гдѣ славянинъ торжествуетъ, растетъ русская мощь и слава.) Вокругъ надписей находятся украшенія изъ золота. Сабля эта очень изогнутой формы и вынимается съ помощью особой пружины. По этому случаю въ „Русскій Міръ" пишутъ изъ Праги, что комитетъ чешскихъ патріотовъ просилъ у австрійской полиціи дозволенія выставить этотъ подарокъ для публики, но полиція однакоже на это не дала разрѣшенія.

Лица, заарестованныя по поводу овацій, сдѣланныхъ генералу Черняеву въ его пріѣздъ въ Прагу, тотчасъ также и различныя чешскія общества „бесѣды", посылавшія поздравительныя телеграммы Черняеву, теперь совершенно освобождены отъ судебнаго преслѣдованія. Вообще, всѣ слѣдствія по поводу овацій г. Черняеву повсемѣстно прекращены.

Библиотека "Руниверс"

Воспитаніе въ Турціи.

Возможны или невозможны широкія, радикальныя реформы въ Турціи? Этотъ вопросъ ужь нѣсколько мѣсяцевъ занимаетъ дипломатію, печать и общественное мнѣніе Европы. Намъ кажется, что отвѣтить на него можно только ознакомившись поближе съ дѣломъ воспитанія, которое получаютъ молодые турки, будущіе властелины несчастнаго Балканскаго полуострова. Люди, хорошо знакомые съ жизнью, обычаями и правами въ Турціи, изображаютъ слѣдующимъ образомъ систему воспитанія въ этой странѣ:

Первые семь или девять лѣтъ своей жизни юный турокъ проводитъ въ стѣнахъ гарема. Тутъ окружаетъ его вся грубость и пошлость совершенно необразованныхъ, праздныхъ, вѣчно ссорящихся между собою женщинъ и ихъ еще болѣе безнравственныхъ сторожей—евнуховъ. Если гаремъ находится въ городѣ или мѣстечкѣ, гдѣ есть и христіанское населеніе, то главной и излюбленной темой для разговора въ гаремѣ является скандальная хроника женщинъ-христіанокъ, пользующихся завидной, недоступной для турчанокъ свободой. Ребенокъ съ самаго ранняго дѣтства привыкаетъ слышать только пренебрежительные, высокомѣрные отзывы о презрѣнныхъ гяурахъ и проникается непреодолимымъ отвращеніемъ ко всякому не-магометанину.

Когда мальчику минетъ семь, много девять лѣтъ, онъ освобождается изъ-подъ опеки матери и поступаетъ въ мектебъ (школу). Научившись тамъ читать по турецки, онъ знакомится съ арабскимъ текстомъ корана и заучиваетъ часть малопонятнаго ему текста наизусть. Для пріобрѣтенія этихъ познаній требуется обыкновенно шесть лѣтъ. Окончивъ школьный курсъ наукъ и получивъ званіе эффенди, мальчикъ, если онъ желаетъ продолжать свое образованіе, поступаетъ въ медрессе (родъ духовной семинаріи) или въ военное училище, или же прямо на государственную службу.

Въ духовной семинаріи, кромѣ корана, обучаютъ еще сложенію и вычитанію. По окончаніи трехгодичнаго курса, молодой человѣкъ оставляетъ заведеніе съ званіемъ «софта», т. е. магометанскаго candidatus theologiae (кандидата теологіи).

Въ военномъ училищѣ, кромѣ корана, преподаютъ еще ариѳметику (четыре правила), географію и исторію. Пробывъ въ заведеніи опредѣленное число лѣтъ, юноша—все равно, научился онъ чему-нибудь или нѣтъ—выходитъ оттуда подпоручикомъ и потомъ черезъ каждые полтора года получаетъ новый чинъ.

Этимъ собственно и объясняется, почему въ турецкой арміи такое множество молодыхъ полковниковъ. Военная школа распадается на четыре факультета: факультетъ тактики, хирургіи, лоотерапіи и морскихъ наукъ. Впрочемъ, такое подраздѣленіе имѣетъ значеніе только въ самомъ заведеніи, потому что молодые люди, по выходѣ изъ школы, поступаютъ въ полное распоряженіе военнаго министерства, которое распоряжается ими по собственному усмотрѣнію и произволу, т. е. флотскихъ офицеровъ командируетъ въ инфантерію, пѣхотинцевъ и ветеринаровъ—во флотъ, а хирурговъ—въ кавалерію. Любезность претендента играетъ при этомъ огромную роль и вліяетъ на рѣшеніе министерства.

Дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе на бюрократическомъ поприщѣ. Тринадцатилѣтній юноша поступаетъ въ департаментъ какого-нибудь министерства и получаетъ мѣсто на полу у самой входной двери въ канцелярію. Просидѣвъ года два на перепискѣ бумагъ, онъ получаетъ второе мѣсто (считая отъ входной двери по направленію къ противоположной стѣнѣ), но все еще продолжаетъ *сидѣть на полу*. Когда, наконецъ, онъ научится писать каллиграфически, ему даютъ крайнее мѣсто на софѣ, гдѣ онъ и сидитъ, поджавъ ноги. Такимъ образомъ юноша постепенно подвигается все ближе и ближе къ углу, который занимаютъ начальники отдѣленій канцеляріи. Канцелярія помѣщается въ большой прямоугольной комнатѣ. Входная дверь находится по серединѣ одной изъ длинныхъ сторонъ комнаты. Кругомъ по стѣнамъ стоятъ диваны, шириною въ четыре фута, но безъ столовъ, такъ какъ при письмѣ турки въ нихъ не находятъ надобности. На диванахъ у каждаго чиновника есть свое опредѣленное мѣсто; чѣмъ важнѣе чиновникъ, тѣмъ дальше сидитъ онъ отъ двери и ближе къ углу. Посидѣвъ на всѣхъ мѣстахъ и сдѣлавшись, наконецъ, начальникомъ отдѣленія, чиновникъ пріобрѣтаетъ только нѣкоторый навыкъ въ дѣлахъ своего отдѣленія и положительно ничего не понимаетъ въ дѣлахъ и бумагахъ другихъ отдѣленій. Поэтому, кто хочетъ быть мактубаномъ, т. е. начальникомъ всей канцеляріи, тотъ долженъ прослужить по всѣхъ отдѣленіяхъ. Можно положительно сказать, что изъ ста чиновниковъ, не исключая вали (унтеринтатгальтеровъ) и губернаторовъ, едва ли найдется одинъ, знающій умноженіе и дѣленіе. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ чиновники «мухассебы» комитета финансовъ.

Бюрократическую карьеру можно сдѣлать и другимъ путемъ. Молодой человѣкъ поступаетъ на службу къ вали, каймакану (начальникъ уѣзда), министру, пашѣ или даже къ полковнику. Тутъ онъ исполняетъ сначала разныя мелкія порученія: набиваетъ своему господину трубку, приготовляетъ кофе, содержитъ въ порядкѣ бѣлье и т. п. Потомъ, когда онъ нѣсколько приглядится къ механикѣ управленія, его дѣлаютъ сначала каймаканомъ, потомъ помощникомъ вали и наконецъ пашей. Двѣ трети нынѣшнихъ пашей, навѣрно, добились своего сана такимъ путемъ (неправнымъ лавейстномъ). Таковъ обычный ходъ умственнаго и гражданскаго воспитанія молодыхъ людей изъ зажиточныхъ семействъ въ Турціи. Тѣ, которые воспитываются за границей, получаютъ, конечно, болѣе солидное образованіе, но число ихъ такъ ограничено, что ихъ едва ли можно принимать въ соображеніе.

Можно ли послѣ этого питать надежду, чтобы народъ, молодое поколѣніе котораго получаетъ такое воспитаніе, сталъ когда нибудь въ уровень съ цивилизованными европейскими народами?.. Пишутъ и говорятъ, что въ Турціи есть «молодая Турція», стремящаяся къ реформамъ и вообще всеобщему обновленію, но, съ другой стороны, тоже пишутъ и говорятъ, что эта *молодая* Турція куда *хуже старой*.

Политическое обозрѣніе.

По извѣстіямъ изъ Константинополя, но дворцѣ Падишаха опасаются новой революціи. Возбужденіе черни въ Турціи достигло такихъ размѣровъ, что *войну считаютъ въ Константинополѣ единственнымъ спасеніемъ отъ внутренней революціи*. Съ каждымъ днемъ усиливается нищета и разбой.

Конституціонная хламида, одѣвшая разлагающійся трупъ, сейчасъ-же и разшилась, обнаруживъ гніющія язвы трупа. Важно здѣсь вотъ что: къ какимъ бы ужасающимъ послѣдствіямъ привело предоставленіе Турціи опредѣленнаго срока для проведенія реформъ, при свѣточѣ, такъ сказать, конституціи.

Засимъ Турція напрягаетъ всѣ свои силы для вооруженія. Въ Силистрію недавно доставлены 70 крупповскихъ орудій. А по извѣстіямъ изъ Тульчи, два новые турецкіе монитора, стоявшіе въ устьѣ Дуная, снялись съ якоря. Изъ Варны сообщаютъ, что туда прибылъ, 5 (17) апрѣля, моремъ, турецкій главный штабъ. Онъ готовится къ дальнѣйшей поѣздкѣ въ Рущукъ.

Затѣмъ представляется много фактовъ, доказывающихъ, что религіозный фанатизмъ въ Турціи все болѣе и болѣе возрастаетъ, такъ что угрожаетъ вспыхнуть война исламизма противъ Креста. Это фактъ, весьма характеристичный для нашего столѣтія, такъ какъ Европа не видѣла религіозныхъ войнъ съ XVII вѣка. Въ настоящее время, по сообщенію телеграфа, сынъ кашгарскаго Эмира напрягаетъ всѣ усилія для того, чтобы пріобрѣсть себѣ *протекторовъ въ лицѣ Англіи и Турціи*. По телеграммамъ изъ вѣнскихъ газетъ, тысячи эмиссаровъ кашгарскаго Эмира стараются возбудить возстаніе среди мусульманскаго населенія средней Азіи. Далѣе Эмиръ предлагаетъ Турціи свою помощь на случай войны. Такого же рода обѣщаніе даетъ и мусульманское населеніе Остъ-Индіи. Въ Остъ-Индію отправлены уже турецкіе офицеры для обученія мѣстныхъ волонтеровъ. Въ Остъ-Индіи теперь подготовлено до 250,000 войска. Бухарскій Эмиръ, какъ полагаютъ, питаетъ тѣ же самые замыслы, такъ какъ посланникъ бухарскій уже болѣе недѣли живетъ въ Константинополѣ. Турція, очевидно, намѣревается, начать стойкую, упорную, рѣшительную войну за свое существованіе. Для этой цѣли и политическіе мотивы войны она превращаетъ въ религіозные; они, очевидно, считаютъ порабощенную ею райю такою же своей принадлежностью, какъ кальянъ и чубукъ. Чужеядное въ экономическомъ смыслѣ государство должно погибнуть, если у него отнимутъ его рабовъ. Вотъ чѣмъ и объясняется рѣшимость полудикой орды биться «на жизнь и смерть» и призвать къ себѣ на помощь воспламененныя дикимъ фанатизмомъ силы изъ Азіи.

Намъ нѣтъ нужды говорить здѣсь, что подобная война будетъ имѣть громадное значеніе и для Россіи, и для порабощенной райи.

Австрія пыталась было, нѣсколько дней назадъ, играть роль посредницы между Россіей и Турціей въ видахъ примиренія; но попытка эта не удалась. Порта продолжаетъ упорно отрицать возможность исполненія требованій Россіи, и, по мнѣнію компетентныхъ германскихъ газетъ, теперь уже исчезла даже слабая (до сихъ поръ остававшаяся) надежда на успѣхъ мирныхъ переговоровъ. Существуютъ также попытки *отдалить* войну (по мотивамъ не совсѣмъ яснымъ), но если уже нельзя отдалить, по крайней мѣрѣ, не дать ей распространиться широко. Желаніе, конечно, почтенное. Къ несчастію, событія всегда складываются такъ, что для нихъ никакъ нельзя придумать готовую рамку.

— О намѣреніи выйдти въ отставку и о продолжительномъ отпускѣ князя Бисмарка газеты продолжаютъ толковать весьма различно. Во всякомъ случаѣ, если предстоящая война приметъ широкіе размѣры, германскій канцлеръ едва-ли усидитъ въ своемъ тихомъ уединеніи.—По газетнымъ сообщеніямъ, нашъ посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, г. Новиковъ, имѣлъ аудіенцію у императора Франца Іосифа, а потомъ совѣщался съ графомъ Андраши.

Библиотека "Руниверс"

Берлинская газета «Post» извѣщаетъ, что между Россіею и Австріей установилось полное согласіе и что теперь ожидаютъ занятія Босніи австрійскими войсками.—Иностранныя газеты говорятъ о новой циркулярной депешѣ нашего государственнаго канцлера, князя Горчакова, имѣющей быть разосланной иностраннымъ державамъ до начала военныхъ дѣйствій противъ Порты.

— Въ довершеніе внутренняго разстройства Турціи, въ Багдадѣ появилась чума. Говорятъ, что турецкое правительство приняло всѣ мѣры для локализаціи этой страшной болѣзни. Какія, однакожь, эти мѣры—неизвѣстно. Въ виду общей неряшливости Турціи опасаются проникновенія чумы въ Европу.

— Персія продолжаетъ свои, довольно давно начатыя вооруженія; хотя персидская армія во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительна. Говорятъ, что на турецкой границѣ Персія расположитъ 45,000 чел. войска съ 45 орудіями. Надо замѣтить, что Персія представляется союзницей Россіи въ будущей войнѣ. Но, въ виду ея неудовлетворительности, персидской арміи нельзя придавать большого значенія, развѣ только то, что она отвлечетъ значительную массу турецкихъ силъ къ персидской границѣ.—Во Франціи теперь происходитъ агитація клерикаловъ противъ Италіи. Нѣкоторые французскіе епископы обна-

Сабля, поднесенная генералу Черняеву Чехами.

родовали пастырскія посланія и приглашаютъ населеніе подписать петицію, въ силу которой Франція должна заступиться за независимость Папы.—Черногорскіе уполномоченные, гг. Петровичъ и Радоничъ, выѣхали уже изъ Константинополя.—Недавно маленькая американская эскадра появилась на Константинопольскомъ рейдѣ. Затѣмъ всѣ суда Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ, плавающія въ европейскихъ водахъ, получили теперь приказаніе сосредоточиться въ Босфорѣ. Порта не посмѣла этому воспротивиться. На основаніи этого факта, газета «France» приводитъ перечень «явныхъ и формально-признанныхъ союзниковъ Россіи»: Германія, Персія, Соединенные Штаты и Румынія. Извѣстіе преждевременное.

— Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, изволилъ выѣхать 8-го сего апрѣля, въ 5½ часовъ утра, изъ С.-Петербурга по варшавской желѣзной дорогѣ въ Кишиневъ.

Смѣсь.

Симпатіи англичанъ къ туркамъ доказываются ариѳметическими числами вывоза товаровъ изъ Англіи въ Россію и въ Турцію.

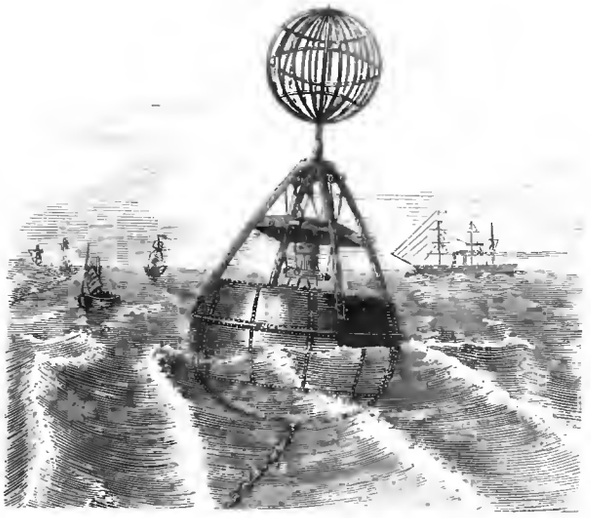
Хлопчатобумажнаго товара вывозится въ Россію ежегодно на 717,940 фунтовъ стерлинговъ, что даетъ на каждаго человѣка 86½ милліонаго населенія Россіи по 2 пенса (6 к.). Въ Турцію же ввозъ этого товара доходитъ ежегодно на 7.361.274 фунта стерлинговъ, хотя населеніе Порты равно только 24.386,000 человѣкъ; слѣдов. на каждаго человѣка приходится расходъ въ 6 шилинговъ (2 р 16 к.).

Коротко и ясно.

Новое изобрѣтеніе.

АППАРАТЪ НА СЛУЧАЙ ТУМАНА.

Между общеупотребительными аппаратами и знаками, облегчающими мореходу во время нести судно по извѣстному направленію, заслуживаетъ полнаго вниманія вновь изобрѣтенный аппаратъ, дающій сигналы посредствомъ звона въ колоколъ. На нашемъ рисункѣ представленъ подобнаго рода буй, устроенный въ Вильгельмсгафенѣ для тамошней команды лоцмановъ на пждвеніе одной изъ Бременскихъ акціонерныхъ компаній. Этотъ буй ни что иное, какъ огромный котелъ изъ кованнаго желѣза, имѣющій подъ водою форму шарообразную, а на поверхности совершенно плоскую. На верхней его части устроены подмости съ привѣшаннымъ на нихъ металлическимъ колоколомъ, вѣсомъ около



Самодѣйствующій аппаратъ на случай тумана.

11 пудовъ, а еще выше прикрѣплено четыре языка, имѣющихъ назначеніе бить въ колоколъ съ четырехъ сторонъ. Кромѣ того, весь котелъ обитъ толстымъ слоемъ жести, а внизу снабженъ крѣпкимъ кольцомъ для привѣшиванія якорной цѣпи. Изъ трехъ отдѣленій котла самое нижнее вмѣщаетъ въ себѣ воду, имѣющую здѣсь значеніе балласта, а среднее довольно обширное также наполнено водой, на тотъ случай, когда какое либо поврежденіе нижней части можетъ повлечь за собою потопленіе всего буя.

Вышина буя до трехъ саженъ и онъ свободно вращается на цѣпи около мѣста своего прикрѣпленія; вслѣдствіе колебанія волнъ онъ качается, а приводимые въ движеніе языки постоянно бьютъ въ колоколъ, и звонъ послѣдняго далеко слышится въ окружности. Что же касается до придѣланной къ верхней части буя шарообразной корзины, то она имѣетъ значеніе обыкновеннаго, условнаго знака.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **Автору эпизода изъ сельской жизни.** Вы называете къ своей милой:

«Тебѣ я кое-что купилъ,
Но я рѣшился бросить тебя;
Пущай пропадаетъ что куплено мной,
Теперь пропасть широкая
Между нами и тобой.

Ясно, что ваше поэтическое творчество вызывается экономическими соображеніями; но различіе между множественнымъ и единственнымъ числами для всѣхъ, видимо, предметъ очень темный.

2. **Билимбаевскій изв. Л. В—ину.**

Вы пишете: *Дрянь житье безъ красавицы...*
Или: *Ухъ, тогда бы я зажилъ весело...*

Такой тонъ и такое „уханье" съ поэзіей неуживаются. Двѣ не вы откровенно высказываете о себѣ:

Когда я обласканъ—высоко летаю,
Не трушу судьбы, и всѣ вабываю.

Напрасно. Забываться не слѣдуетъ. Скромность есть красота юности, достоинство таланта и неотъемлемая спутница „умной старости".

СОДЕРЖАНІЕ: **Стихотворенія А. Майкова** (съ 2-мя рисунками **И. Пикова**). — **Госвожа маркиза** (Новелла Поля Гейзе) (продолженіе).—**Нѣсколько дней въ Славянскѣ В. Немировича-Данченко** (съ 3-мя рисун.). —**Вѣтры** (съ рисункомъ) **Н Зуева**. —**Мать** (съ рисункомъ).—**Новѣйшія извѣстія** (съ рисункомъ).—**Сабля, поднесенная генералу Черняеву Чехами** (съ рис.).—Воспитаніе въ турціи.—Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — **Новое изобрѣтеніе** (съ рис.). — Почтовый ящикъ. — Объявленіе.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1877 ГОДА ПРОДОЛЖАЕТСЯ съ 26-го мая по 20-е августа.

СТАРОРУССКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Минеральная грязь и воды старорусскія, тождественныя съ франценсбадскою грязью и съ крейцнахскими водами, какъ самыя сильныя броморазсольныя въ Россіи, употребляются съ испытанною пользою: во всѣхъ болѣзняхъ золотушнаго свойства, англійской болѣзни, ревматизмѣ, подагрѣ, параличѣ, воспаленіи суставовъ и надкостной плевы, костоѣдѣ, въ хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, нервныхъ страданіяхъ, наживныхъ сыпяхъ, въ катаррахъ дыхательныхъ, пищеварительныхъ и мочевыхъ путей, геморроѣ и во вторичномъ и третичномъ сифилисѣ. Кромѣ ваннъ соленощелочныхъ и грязныхъ, устроены еще хвойныя и паровыя, а также леченіе **настоящимъ** кумысомъ, сыворотою и всѣми натуральными заграничными водами. Такса для ваннъ слѣдующая: соленощелочная 40 к., минеральной грязи 70 к., хвойная 50 к., соленохвойная 60 к., паровая общая 50 к., паровая мѣстная 25 к., холодное купанье въ озерѣ въ минеральной водѣ 10 к. Дѣти до четырехлѣтняго возраста, пользующіяся въ дѣтскихъ переносныхъ ваннахъ, платятъ половину. Полный курсъ ваннъ въ теченіе сезона для взрослаго обходится приблизительно 25 руб. Для развлеченія публики въ заведеніи минеральныхъ водъ имѣются: библіотека, газеты, театръ, оркестръ музыки, тиръ, вегли и два раза въ недѣлю балы въ вокзалѣ. При ванновалѣ водъ находится гостинница съ нумерами. Квартиры и дачи въ Старой Руссѣ отдаются съ мебелью и посудою, но безъ всякаго бѣлья, отъ 50 до 300 р. за сезонъ. Прямое сообщеніе по Николаевской и Новгородской желѣзнымъ дорогамъ до Новгорода. Поѣздъ изъ Петербурга отходитъ въ 10 час. вечера, изъ Москвы въ 8 ч. 30 м. утра, приходитъ въ 7 ч. 25 м. утра въ Новгородъ, откуда пароходъ отходитъ въ 9 час. въ Старую Руссу; ѣзды 4 часа. Багажъ сдается въ Петербургѣ, до Новгорода. Можно отправляться и почтовымъ трактомъ изъ Новгорода; ѣзды 8 часовъ.

Подробныя свѣдѣнія относительно болѣзни, свойства водъ и прибыванія въ Руссѣ можно получать по вторникамъ и субботамъ, отъ 11 до 1 ч., до 20-го апрѣля, Невскій просп., д. Александро-Невской Лавры, № 167, кв. № 10

Директоръ и докторъ Старорусскихъ минеральныхъ водъ **А. РОХЕЛЬ**.

Дозволено цензурою. СПБ. 16 Апрѣля 1877 г. Тип. Веймана, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ.

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Всѣмъ НАШИМЪ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое МЫ всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго Христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ НАМИ и весь Русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи Христіанъ Балканскаго Полуострова.

Кровь и достояніе НАШИХЪ вѣрноподданныхъ были всегда намъ дороги; все Царствованіе НАШЕ свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости НАШЕЙ сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась НАМЪ присуща въ виду печальныхъ событій, совершавшихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. МЫ первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи Восточныхъ Христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными НАМЪ великими Европейскими Державами. МЫ не преставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить Христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы. Усилія НАШИ, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ Правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ Христіанскихъ подданныхъ, и отвергла постановленія Константинопольской Конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всѣ возможные способы соглашенія, МЫ предложили другимъ Кабинетамъ составить особый Протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской Конференціи, и пригласить Турецкое Правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ НАШИХЪ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія НАШИ не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію Христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ Протоколѣ заключеніямъ.

Исчерпавъ до конца миролюбіе НАШЕ, МЫ вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости и чувство Собственнаго НАШЕГО достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ НАСЪ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ НАШЕГО дѣла, МЫ, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ Словахъ НАШИХЪ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда МЫ сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска НАШИ, МЫ повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.

Данъ въ Кишиневѣ, Апрѣля 12 дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, Царствованія же НАШЕГО въ двадесять третье.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Библиотека "Руниверс"

Циркуляръ Государственнаго Канцлера Россійскимъ Посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, въ Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 7 апрѣля 1877 года.

Императорскій Кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго начала восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства для того, чтобы при содѣйствіи Великихъ державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по установившемуся между Кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивленіе.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19-го (31) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

Императорскій Кабинетъ предложилъ его какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ декларацію отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи честно и искренно приняты и исполнены Оттоманскимъ Правительствомъ, могли возстановить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ.

Это обстоятельство не было принято въ соображеніе лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что въ случаѣ если бы Великія державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выполненіе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя признаютъ болѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира.

Такимъ образомъ, Кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ Правительство Ея Величества Королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и неимѣющимъ значенія въ томъ случаѣ, если бы предложенная цѣль — а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціею — не была бы достигнута.

Отказъ Порты и обсужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не подаютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозможными миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При такихъ обстоятельствахъ попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ — или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаннаго Державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя усилія Кабинетовъ не успѣли получить путемъ убѣжденія.

Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на Себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ приглашалъ Великія Державы.

Онъ далъ Своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.

Благоволите довести объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія Правительства, при которыхъ вы аккредитованы.

Возлагая на Себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы.

Примите и проч. (Подписано:) *Горчаковъ.*

ТЕЛЕГРАММЫ.

(„Правительственнаго Вѣстника“).

Кишиневъ, 11 апрѣля. Въ 9 часовъ утра въ Тирасполѣ, Его Величество изволилъ смотрѣть части восьмого корпуса, а именно: 9-ю пѣхотную дивизію и первую бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріею: по окончаніи смотра Государь Императоръ въ Своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ, изволилъ сказать: „Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, и потому Я медлилъ доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для Меня кровь; но разъ, что честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, Мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія“.

Кишиневъ, 12-го апрѣля. Его Величество Государь Императоръ, вчера въ 5 часовъ пополудни, изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ молдавскимъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румынскаго духовенства, а также депутаціею ясскихъ гражданъ, съ ясскимъ префектомъ во главѣ. Митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, на которое Его Величество отвѣчалъ, что, поручая Себя и русское воинство святымъ молитвамъ православнаго духовенства, Онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства. Смотръ 6-го сапернаго и 3-го желѣзно-дорожнаго батальоновъ, 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизій, съ ихъ артиллеріею, состоялся въ началѣ 6-го часа на пограничномъ полѣ близъ рѣки Прута. Не смотря на самую неблагопріятную погоду, войска представились въ блистательномъ порядкѣ. Смыслъ напутственныхъ словъ Государя Императора былъ таковъ же, какъ и на предшествовавшихъ смотрахъ. Восторгъ войскъ безпредѣленъ, неудержимъ; народъ русскій и румынскій, пришедшій изъ-за Прута, привѣтствовалъ Его Величество съ громкимъ восторгомъ. По окончаніи смотра коляску Государя Императора сопровождала громадная толпа конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несмолкаемыхъ кликахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, Государь, въ послѣдній разъ обратясь къ офицерамъ, сказалъ: „Храни васъ Богъ. Поддержите честь русскаго оружія“. Въ началѣ двѣнадцатаго часа Его Величество прибылъ въ Кишиневъ и былъ встрѣченъ на станціи городскою депутаціею съ хлѣбомъ-солью. Пребываніе Государя Императора въ губернаторскомъ домѣ. Городъ иллюминованъ. Общій восторгъ народа.

Кишиневъ, 12 апрѣля. Его Величество, прибывъ сегодня въ началѣ десятаго часа на поле близъ Кишинева, объѣхалъ войска и за тѣмъ остановился въ виду всего фронта на мѣстѣ, гдѣ были приготовлены аналой и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, громогласно прочелъ врученный ему манифестъ, объявляющій войну Оттоманской Портѣ, послѣ чего былъ въ соборнѣ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Преосвященный сказалъ глубоко прочувствованное напутственное слово и благословилъ Его Высочество Главнокомандующаго иконою Спаса, а войска—иконою Богоматери, въ лицѣ ихъ представителя, Свиты Генералъ-Маіора Драгомірова, какъ начальника четырнадцатой пѣхотной дивизіи, представляющейся на смотръ и квартировавшей постоянно въ Кишиневѣ. Минута была въ высшей степени торжественная. Затѣмъ войска были пропущены церемоніальнымъ маршемъ, по окончаніи котораго Его Величество, подъѣхавъ къ собраннымъ офицерамъ кавалеріи, пѣхоты, артиллеріи и Собственнаго конвоя, изволилъ обратиться къ нимъ съ напутственными словами и пожеланіями совершить доблестно предстоящее святое дѣло. На смотру впервые участвовали два болгарскіе баталіона, сформированные въ Кишиневѣ изъ добровольцевъ, прибывшихъ сюда изъ-за Дуная. Восторгъ войска и народа выше описанія. Кавалерія прямо съ плаца двинулась въ походъ за границу.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О объявленіи на военномъ положеніи Бессарабской губерніи, приморскихъ уѣздовъ Херсонской и Таврической губерній и Крымскаго полуострова и о представленіи одесскому градоначальнику правъ военнаго губернатора города. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: объявить на военномъ положеніи Бессарабскую губернію, приморскіе уѣзды Херсонской и Таврической губерній и Крымскій полуостровъ, предоставивъ одесскому градоначальнику права военнаго губернатора города, съ подчиненіемъ командующему войсками одесскаго военнаго округа.

Объ этой Высочайшей волѣ, сообщенной Министру Юстиціи начальникомъ главнаго штаба, генералъ-адъютантомъ графомъ Гейденомъ, Министръ Юстиціи предложилъ Правительствующему Сенату.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Главному Управленію Общества Попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Не смотря на всѣ усилія сохранить миръ, война оказалась неизбѣжною, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія. Съ объявленіемъ войны настало время Обществу Попеченія о больныхъ и раненыхъ—исполнить святое свое призваніе и обратить всѣ силы и всѣ средства, какими оно располагать можетъ, на служеніе нуждамъ и болѣзнямъ воиновъ, подвизающихся на полѣ брани.

Не сомнѣваюсь, что Главное Управленіе, равно какъ и всѣ мѣстные комитеты и всѣ члены общества, въ разныхъ краяхъ нашего отечества, соединятъ свои усилія къ достиженію священной нашей цѣли.

Нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ будутъ велики и многообразны; но Я знаю, какъ великъ духъ братской любви и благотворительности, искони живущій въ русскомъ народѣ. Я увѣрена, что и теперь, когда наше храброе войско идетъ стать грудью противъ врага, за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ собратій,—не оскудѣетъ дающая рука и горячее чувство народное не ослабѣетъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Всякое даяніе будетъ благо, всякое приношеніе, и великое, и малое, равно цѣнно предъ Богомъ, какъ жертва любви, всѣхъ насъ связующей во едино, во имя Христово.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, но и съ твердымъ упованіемъ на помощь Божію, встрѣчая грядущія событія, молю Бога, да благословитъ Онъ труды и жертвы всѣхъ и каждаго на благое и великое дѣло!

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано: *«МАРІЯ».*

Въ Зимнемъ Дворцѣ.
Апрѣля 12-го дня 1877 года.

Дозволено цензурою. СПБ. 12 Апрѣля 1877 г. Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ. Редакторъ Д. Стасюлевичъ. Изд. Большая Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 17 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 25 Апрѣля 1877 г.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы“.

Контора журнала „Нива“ помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Поль Гейзе.

Въ ряду современныхъ нѣмецкихъ писателей, Поль Гейзе занимаетъ не послѣднее мѣсто. По своему таланту и своей плодовитости, онъ при всей своей сравнительной молодости (Гейзе не болѣе 46 лѣтъ) уже пріобрѣлъ громадную популярность въ читающей Германіи. Образность языка и художественная законченность его произведеній достались ему не даромъ и вслѣдствіе глубокаго и долгаго изученія образцовыхъ произведеній итальянской литературы. Поль Гейзе, сынъ профессора и извѣстнаго филолога Людвига Гейзе, родился въ Берлинѣ 15 марта 1830 года, посѣщалъ тамъ съ 8 до 17 лѣтъ гимназію, а въ университетѣ слушалъ преимущественно лекціи языкознанія. Еще студентомъ онъ сошелся съ такими личностями, какъ Куглеръ, Бургхардтъ, Менценъ и Келлеръ, которыя имѣли неоспоримое вліяніе на его послѣдующее развитіе. Въ 1849 г. онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ цѣлый годъ, подъ руководствомъ знаменитаго Дица изучалъ романскія нарѣчія. Уже тогда Италія очаровала его и сдѣлалась любимой страной его поэтическихъ вдохновеній. Въ 1852 году онъ снова посѣтилъ ее и цѣлый годъ изучалъ рукописи въ библіотекахъ Рима, Флоренціи, Модены и Венеціи. Въ это время онъ еще болѣе сроднился съ Италіей, и ея бытъ, ея нравы и интересные обычаи послужили ему богатой темой для цѣлаго ряда прелестныхъ, художествен-

Поль Гейзе. Рис. и грав. Кирхнеръ.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ разсказовъ. Въ 1854 году баварскій король Максимиліанъ, желая сдѣлать свой Мюнхенъ колоніей художниковъ и писателей, пригласилъ юнаго поэта туда для постояннаго мѣстопребыванія, и Гейзе до сихъ поръ, за исключеніемъ недолгихъ отлучекъ, постоянно живетъ въ Мюнхенѣ. Въ этотъ періодъ времени онъ успѣлъ сдѣлаться знаменитымъ и проявилъ себя какъ романистъ, какъ эпическій и лирическій поэтъ и какъ талантливый переводчикъ и его повѣсти и разсказы пріобрѣли ему громадную популярность. Давъ имъ художественную и самостоятельную форму, онъ довелъ эту форму до совершенства и потому самая незначительная вещица Гейзе производитъ на читателя такое чарующее впечатлѣніе. Онъ пробовалъ силы и въ сценическихъ произведеніяхъ. Его трагедіи „Сабинянки", „Франческо Римини" и нѣкоторыя другія, хотя и имѣютъ поэтическое значеніе, но не пользовались на сценѣ особеннымъ успѣхомъ и не пріобрѣли автору той популярности, которую доставили ему его итальянскія новеллы, вдохновленныя живописной и поэтической Италіей и выраженныя въ такой же поэтической и обворожительной формѣ. Одну изъ такихъ новеллъ, „Госпожа Маркиза", мы дали нашимъ читателямъ на страницахъ „Нивы" (въ настоящемъ номерѣ помѣщается ея окончаніе). Содержаніе этой новеллы мы старались передать въ возможно близкомъ переводѣ, хотя слѣдуетъ оговориться, что языкъ новеллъ Гейзе до того богатъ образами, и до того художественъ, что передача его въ переводѣ необыкновенно трудна и не можетъ обойтись безъ нѣкотораго ущерба красотѣ подлинника.

Н.

Стихотвореніе.

12 Апрѣля 1877 г.

Отъ Прута стараго до синяго Дуная
Какъ тучи грозныя надвинулись полки—
И бьется сердце ихъ—имъ движетъ мысль святая,
И ждутъ тамъ манія лишь царственной руки.

* * *

Нѣтъ, переполнилась уже давно она
Долготерпѣнія подъемлемая чаша!
За дѣло правое, отвагою полна,
На смерть, на грозный бой, пойдешь ты, сила наша...

* * *

Онъ слово произнесъ, Онъ, пожелъ родной земли,
И всюду раздались восторженные клики,
И двинулись полки... Побѣды имъ пошли
И одолѣнія, о Боже Силъ Великій!...

Н. Боевъ.

Госпожа Маркиза.

(Новелла Поля Гейзе).

(Окончаніе).

Я ясно видѣлъ, что ея тайна давитъ ей сердце и такъ какъ мнѣ самому въ высшей степени хотѣлось открыть разгадку этой загадочной исторіи, то я, очертя голову, рискнулъ выпудить ее сознаться въ угнетавшей ее тайнѣ.

„Бѣдная мать, сказалъ я, вы не знаете, что-бы я далъ, чтобъ только облегчить вашу горькую судьбину. Три дня тому назадъ, вы меня здѣсь приняли какъ стараго друга и завтра я отсюда уѣзжаю далеко, далеко и не буду больше въ состояніи придти къ вамъ, чтобы въ вашемъ одиночествѣ подарить васъ добрымъ словомъ и сердечнымъ участіемъ. Но воспоминаніе о вашей дочери всегда будетъ со мною неразлучно, тѣмъ болѣе, что я ее видѣлъ въ церкви, какъ она тамъ лежитъ во всей красотѣ и такъ величаво, какъ спящая королева. Нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы она грѣховно оставила этотъ свѣтъ и хотя я не знаю всѣхъ подробностей ея смерти, тѣмъ менѣе никогда не перестану считать ее за совершеннѣйшее созданіе въ мірѣ.

Старушка при этихъ словахъ, вдругъ сдѣлала такое быстрое движеніе, что даже животное, покоившееся на ея колѣняхъ, испугалось и начало трястись всѣми членами, но тотчасъ-же опять сдѣлалось по прежнему неподвижнымъ.

— И такъ, вы завтра уѣзжаете, любезный баринъ? Ну, если вамъ когда-нибудь опять придется заглянуть сюда, то насъ обѣихъ здѣсь въ саду вы уже не встрѣтите и увидите одни чужія лица, вѣдь какъ-бы тамъ не было, а дочь не можетъ быть счастливой тамъ, гдѣ ея мать испустила послѣднее дыханіе, хотя ей и неизвѣстно, что она сама тому виною. Ну, да этого она никогда не узнаетъ и старая Чезира умѣетъ быть нѣма и хранить свою тайну. Но вы, любезный баринъ, вѣдь уѣзжаете совсѣмъ, въ чужія страны, гдѣ, кажись, и говорятъ-то совсѣмъ на другихъ нарѣчіяхъ? Если такъ, то не грѣхъ будетъ и открыть вамъ всю подноготную. Мнѣ-бы самой хотѣлось передать мою тайну какой-нибудь живой душѣ, а то въ моемъ положеніи я похожа на ту, которая зарыла цѣнный кладъ и должна встать изъ гроба, чтобы опять найти это забытое мѣсто. Если-бы узнали все здѣшніе жители, то они почли-бы все это за самый тяжелый грѣхъ и вмѣсто того, чтобы похоронить мою дочь по всѣмъ обрядамъ церкви, наши священники отказали-бы ей и въ послѣднемъ благословеніи и въ послѣдней молитвѣ надъ ея могилой. Да они-бы даже и не знали вѣрить-ли мнѣ или нѣтъ и подумали-бы, что мнѣ, какъ съумасшедшей старухѣ все это просто пригрезилось.

Но все, что я вамъ скажу, истинная правда, такая правда, какъ слово Божіе. Гдѣ-то у меня было письмо, которое самъ Лоренцино писалъ моей дочкѣ? Ахъ, да вѣдь оно не уцѣлѣло, вѣдь она сама сожгла его, показавъ мнѣ и сказавъ при этомъ: „Матушка, теперь все кончено и такова то награда за мою долгую любовь, за мою долгую вѣрность, за то, что я предпочла лучше быть честной женой, чѣмъ счастливой женщиной". И все это она, голубушка, проговорила, не проливъ ни одной слезинки, съ тѣмъ-же кроткимъ выраженіемъ лица, съ какимъ еще наканунѣ неожиданно зашла ко мнѣ и сказала: Добрый вечеръ! Но я съ перваго-же взгляда узнала, что у нее вѣрно есть какое-нибудь страшное горе и когда я схватила ея руку, то эта рука была холодна, какъ моя Миранда. Дитятко мое, сказала я ей, садись сюда около твоей старой маммы и прикажи подать себѣ что-нибудь позакусить. Ты такъ-же худа и слаба какъ помнишь, въ тотъ день, когда ты пришла ко мнѣ и сказала мнѣ что Лоренцино тебя любитъ. „Оставь меня въ покоѣ, матушка", отвѣчала она. „Сегодня не то, что тогда, и гораздо хуже, и прибавила, я пожалуй не вынесу этого удара". Тутъ я закрыла двери и окна, чтобы Джаннино не могъ насъ подслушать, а дочь моя вынула письмо, полученное ею въ то же утро, такъ, спустя дня два послѣ похоронъ ея мужа. Лоренцино писалъ его, вѣрно въ какой-нибудь горной хижинѣ, посреди ледниковъ, гдѣ встрѣтился онъ съ Чезирой. Да-съ это было распрекрасное письмо, любезный баринъ, такъ почтительно и хорошо писано, что сейчасъ-бы годилось для печати, но дѣло-то въ томъ, что въ немъ каждое слово кололо кинжаломъ въ бѣдное сердце моего несчастнаго дитяти. Лоренцино еще ничего не зналъ о смерти господина маркиза, такъ какъ извѣстіе объ этомъ послали въ Парижъ въ то время, когда его ужь тамъ не было и когда онъ уже совершалъ путешествіе по горамъ и по долинамъ Швейцаріи. И тамъ-то онъ встрѣтилъ малютку, которой уже не видалъ нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она была въ Женевѣ. Ну вотъ теперь онъ и писалъ ея матери, то есть моей Лизѣ, что хотя она и отняла отъ него всякую надежду, но все-таки онъ ни на минуту не переставалъ ея образъ носить въ своемъ сердцѣ, а теперь вдругъ увидѣлъ ея подобіе, ея дочь, которая такъ схожа съ нею, что можетъ служить ея портретомъ и влюбился въ нее безъ памяти. Спросилъ онъ у дѣвушки, нравится-ли онъ ей, а та, конечно, ребенокъ, и заплакала, и засмѣялась и сказала ему, что уже съ дѣтства сердце ея принадлежитъ одному ему. Вотъ Лоренцино и пишетъ, что хотя онъ по званію и не важный господинъ, а просто художникъ, но все-таки надѣется, что маркиза и ея супругъ не откажутъ ему въ рукѣ ихъ дочери и что отвѣта на свое предложеніе онъ ждетъ въ Женевѣ, куда сопровождаетъ изъ Швейцаріи свою юную невѣсту со всѣми ея пансіонными подругами.

Вы вѣроятно не будете меня спрашивать, любезный баринъ, что послѣ прочтенія письма я остолбенѣла и мнѣ не оставалось ничего больше, какъ только взывать ко всѣмъ святымъ, обхвативъ обѣими руками свою старую голову. Всю эту ночь, мы двѣ бѣдныя души томились вмѣстѣ въ моей нижней комнаткѣ, въ то время какъ на верху въ прекрасныхъ комнатахъ горѣли свѣчи и благоухали цвѣты, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Дочка моя говорила немного, но я видѣла, какъ она вздрагивала и вся горѣла, какъ горятъ уголья подъ пепломъ. И тутъ она мнѣ сказала: „Развѣ небо можетъ требовать отъ меня такой жертвы, требовать, чтобы того, кого я любила болѣе всего на свѣтѣ, по комъ страдала десять лѣтъ, я уступила другой, пожелавшей овладѣть имъ? И хотя эта другая и моя собственная дочь, но развѣ отъ этого мнѣ легче? Развѣ у нее нѣтъ еще впереди долгой жизни и много счастья въ будущемъ?—Зачѣмъ-же ей отнимать у своей матери, единственное сокровище, которое ей только осталось"?

Библиотека "Руниверс"

Тутъ она встала передъ маленькимъ зеркаломъ, взяла по свѣчѣ въ каждую руку и долгое время оглядывала себя со всѣхъ сторонъ. „Какъ ты думаешь, матушка“, сказала она. „вѣдь съ такой молодой рожицей, я могла-бы еще взять верхъ, еслибы только захотѣла? Да и что она можетъ дать ему, кромѣ совершенно неопытнаго сердца? Ну а я, прибавила она, обогатила-бы его накопленными сокровищами, я бы его наградила такъ, какъ не можетъ наградить ни одинъ вѣнценосецъ! Не согласна-ли ты въ этомъ со мною, матушка“?

Да если-бы ты только захотѣла, мое дитятко, отвѣчала я ей, то преимущество всегда останется за тобою. Ты, какъ мать, дай ему свободу выбора и повѣрь, что если у него въ головѣ есть глаза, то...

Но она не дала мнѣ докончить. „Ахъ, нѣтъ, матушка, ты не понимаешь меня“ сказала она, все еще стоя передъ зеркаломъ. „То правда, что я мать взрослой дочери, что въ моихъ волосахъ уже видна сѣдая прядь волосъ, которой виною все онъ же, но развѣ это огорчаетъ мущинъ, если мы изъ-за нихъ и старѣемъ и дурнѣемъ? Но спорить изъ-за обладанія мущиной цѣною своей собственной крови и плоти—фуй! отъ подобнаго поступка я бы краснѣла сама передъ собою“!

Наконецъ я, чтобы ее успокоить, посовѣтовала отправиться ей къ доброму патеру Франческо и переговорить съ нимъ, хотя и предчувствовала, что изъ всего этого не выйдетъ никакого толку.

Она кивнула въ знакъ согласія и такъ какъ уже мерцало утро и пѣли пѣтухи, то она легла на мою постель, а я осталась въ креслѣ у окна, но ни я, ни она не уснули въ эту ночь и четверти часа.

Утромъ она поднялась въ монастырь и когда оттуда вернулась, то я уже издали замѣтила по выраженію ея лица, что посѣщеніе патера не принесло ей никакой пользы. Патеръ посовѣтовалъ ей терпѣніе и покорность судьбѣ и уговаривалъ ее отречься отъ свѣта и вступить въ монашество. Да, милый баринъ, ужь народецъ, эти Frati! Они и сами-то недовольны своей судьбой, а наровятъ еще другихъ одѣть въ свою кожу, да заставить почувствовать то, что выстрадали они сами. Да, и терпѣніе, вѣдь это такая травка, что растетъ не во всякомъ саду, и дочь моя мнѣ созналась, что ей не перенести, если въ одинъ прекрасный день, къ монастырской рѣшеткѣ подойдетъ Чезира съ ея Лоренцино. „Матушка“, сказала мнѣ дочка, „я не въ силахъ буду владѣть собою, я какъ пойманая и посаженная въ неволю тигрица, разломаю рѣшетку и брошусь на счастливую чету. Отдайте мнѣ, закричу я имъ, что вы у меня украли, мое сердце, мою жизнь, мое земное блаженство“!..

Тутъ-то я въ первый разъ ее увидѣла плачущей, не знаю съ досады или съ горя, но слезы облегчили ее и послѣ того она сдѣлалась совершенно спокойной, не упоминала о своемъ горѣ и какъ-бы перестала объ немъ заботиться. Она немного поѣла и мы даже шутили, что она выпила вина болѣе обыкновеннаго. „Въ этомъ искусствѣ, я должна теперь упражняться болѣе“, сказала она; „вѣдь монахинѣ все удовольствіе—стаканъ хорошаго вина„. Послѣ обѣда она написала краткое, но весьма любезное письмо къ господину Лоренцино въ Женеву, въ которомъ посылала ему свое благословеніе и тысячу поклоновъ его молоденькой невѣстѣ, присовокупляя, что она-бы и къ ней написала, но что извѣстіе о смерти ея отца уже въ ея рукахъ и она сама на дорогѣ въ Геную.

Она прочла мнѣ это письмо и спрашивала, не обнаружила ли она въ немъ свои чувства какимъ-либо неосторожнымъ словомъ. Потомъ она меня поцѣловала и взяла съ меня обѣщаніе, что я о всемъ происшедшемъ, никогда не скажу ни словечка, ни Лоренцино, ни моей внучкѣ. Я ей это обѣщала и тогда она меня послала внизъ часикъ другой отдохнуть, сказавъ, что и сама хочетъ успокоиться.

Но я сначала пошла въ садъ къ колодцу, чтобы взять съ собою мою Миранду такъ какъ руки мои порядкомъ горѣли и мнѣ нужно было охладить ихъ. Тутъ ужь я не знаю по какой странной случайности, но я сѣла за большимъ миртовымъ кустомъ и крѣпко заснула отъ горя и усталости.

Вдругъ разбудилъ меня знакомый голосъ; это былъ голосъ моей Лизы, шедшей по миртовой дорожкѣ, накрываясь чернымъ зонтикомъ, и разговаривавшей съ Джаннико, конечно, не зная, что я сижу за кустомъ, въ такомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи. Что они говорили прежде я не знаю, но тутъ я ясно услышала какъ дочь моя сказала: „Я знаю, Джаннико, какъ долго и вѣрно ты любилъ меня, и что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который-бы съ большею готовностью исполнилъ мое желаніе. Если-же ты мнѣ откажешь въ этой сердечной услугѣ, которую я бы не могла потребовать ни отъ кого другого, то тогда я повѣрю, что на землѣ исчезла наконецъ любовь и вѣрность“ Потомъ они удалились, но вскорѣ по той-же дорожкѣ подошли ко мнѣ близехонько. Дочь моя все еще о чемъ то упрашивала, но общее содержаніе разговора мнѣ было совсѣмъ не понятно, какъ вдругъ заговорилъ Джаннико: „Такъ и быть, я это сдѣлаю, госпожа Лиза,—сказалъ онъ,—хотя-бы это мнѣ стоило даже вѣчнаго спасенія, но плату за трудъ, вы должны мнѣ дать впередъ. Позвольте мнѣ лишь одинъ разъ, единственною оставшеюся у меня рукою еще обнять васъ и запечатлѣть на вашихъ губкахъ лишь одинъ поцѣлуй. Тогда мнѣ будетъ одинаково, что-бы обо мнѣ не думали, не говорили и на землѣ, и на небѣ“.

Моя дочь ничего не отвѣчала на это, но спустя немного времени я услышала какъ Джаннико сказалъ: „Благодарю васъ Мадонна, теперь Джаннико принадлежитъ вамъ и вы можете съ нимъ дѣлать, что вамъ угодно“.

Когда они разошлись: дочь моя въ домъ, а калѣка къ своей обычной работѣ, то я призадумалась надъ тѣмъ, чтобы значила эта странная исторія, но не могла ни до чего додуматься. Спросить дочку прямо, что все это значитъ, мнѣ было почему то совѣстно. Да и какъ, любезный баринъ, я могла догадаться, что она хотѣла добыть этимъ однимъ поцѣлуемъ?

Лишь только утромъ все мнѣ стало ясно, когда я нашла ее въ постели, блѣдную, какъ лилія, а Джаннико скрылся.—И вотъ сбѣжался народъ и глупые люди кричали со всѣхъ сторонъ: онъ ее умертвилъ со злости, въ отмщеніе за отвергнутую любовь! а другіе, которые еще были глупѣе, говорили: онъ ее ограбилъ! это Джаннико-то! а что до меня, то я должна была лишь кусать себѣ губы, слыша, какъ въ моихъ ушахъ раздавался шепотъ: она того съ, она помѣшалась!

И я дѣйствительно помѣшалась, любезный баринъ! я даже не могу понять Господа Бога, почто Онъ все это допустилъ при своей божественной благости, но, можетъ быть, я найду опять мой разсудокъ тамъ, выше, куда я переселюсь въ скоромъ времени. Вѣрите-ли вы, что и неразумныя созданія попадаютъ въ рай? Я желала-бы и въ надземномъ мірѣ опять увидѣть свою бѣдную Миранду.

Отвѣты на эти вопросы такъ и остались за мною. Первыя крупныя капли ливня уже смачивали пыль и я, не желая остаться въ этомъ домѣ, долженъ былъ подумать о скорѣйшемъ бѣгствѣ. Наскоро пожалъ я старушкѣ руку да посовѣтовалъ ей, чтобы она поскорѣе искала какого-нибудь прикрытія отъ непогоды. Минуту спустя, я уже мчался по улицѣ, гонимый болѣе и болѣе приближающимся ураганомъ, отъ котораго стѣны низенькихъ домовъ представляли очень слабую защиту, и когда я достигъ до гостинницы „Европы“, то буря шумѣла не на шутку.

На другое утро, при совершенно чистомъ небѣ, я уже мчался по желѣзной дорогѣ въ Геную и поѣздъ остановился лишь въ Кіарари, чтобы пропустить другой идущій на встрѣчу. Нѣсколько минутъ, стояли оба поѣзда почти рядомъ. Я наблюдалъ за лицами, мелькавшими въ небольшихъ окнахъ другого поѣзда, закрытыхъ шторами отъ солнечныхъ лучей. Въ одномъ купе перваго класса маленькая ручка приподняла шелковую штору и въ окнѣ появилось хорошенькое личико дѣвушки, одѣтой въ трауръ, но какъ мнѣ показалось, въ чертахъ ея не было замѣтно глубокаго горя. Я сейчасъ узналъ въ ней дочь, которая спѣшитъ къ матери, не предчувствуя, гдѣ она найдетъ ее. Это дѣйствительно была копія, но копія, могущая повредить оригиналу. Лишь для меня, какъ для человѣка уже посвященнаго въ тайну, было ясно и несомнѣнно одно: что пожелай только мать и побѣда осталась-бы за нею.

Вѣтры.

(Окончаніе).

Извѣстный ученый Дове обратилъ вниманіе на то, что въ сѣверномъ полушаріи восточный вѣтеръ переходитъ въ южный, южный въ западный, а западный въ сѣверный; въ южномъ-же полушаріи этотъ законъ совершается наоборотъ. Въ среднихъ широтахъ, за предѣлами тропиковъ, то есть въ умѣренныхъ поясахъ, замѣчена большая непостоянность въ вѣтрахъ, почему имъ справедливо дано названіе *непостоянныхъ* или *перемѣнныхъ*.

Если наблюдать, въ частности, съ одной стороны за материками, а съ другой за морями, то въ миніатюрѣ обнаруживается въ вѣтрахъ то же экваторіально-полярное явленіе: то есть днемъ, когда море бываетъ холоднѣе теплаго и скоро нагрѣвающаго берега, вѣтеръ, подобно полярному, несется къ материку нижними слоями, а ночью, на оборотъ, воздухъ скоро остывшаго берега, стремится въ море. Отъ этого происходятъ такъ называемые *береговые вѣтры* или *бризы*, измѣняющіе свое направленіе по два раза въ сутки.

Вихри происходятъ отъ столкновенія двухъ противоположныхъ вѣтровъ. Кружась, несутся они быстро впередъ, по направленію преобладающаго вѣтра, и случаются всего чаще въ песчаныхъ пустыняхъ тропическихъ странъ Африки и Азіи, какъ напримѣръ въ *Сахелѣ* и *Ливійской пустынѣ* (западной и восточной частяхъ Сахары), въ *Гоби* въ *Дешитъ-Коварѣ* и др. Между этими жгучими вѣтрами самые ужасные *самумъ* и *песчаный вѣтеръ* или *гарматтанъ*. Вихри особенно свойственны Аравіи, гдѣ одновременно поднимаются нѣсколько и большихъ, и малыхъ песчаныхъ вихревыхъ столбовъ въ нѣсколько футовъ

Библиотека "Руниверс"

Амуръ и Пенхеа. Картина В. Etty, грав. Рихертосъ.

ширинною и въ нѣсколько верстъ длиною. Аравійскіе вихри наступаютъ внезапно безъ всякаго предвѣстія, во всякую погоду, и днемъ, и утромъ, и вечеромъ, и ночью. Кратковременый порывъ вихря опрокидываетъ караваны, вырываетъ съ корнями деревья, и достигнувъ моря, разсыпаетъ и затопляетъ корабли или производитъ водяныя тромбы.

Вьюги, это тѣ-же вихри, только зимніе. Вьюги имѣютъ еще названіе *мятелей*, а въ сибири *пургъ* и *бурановъ*. Замѣчательны сѣверовосточные леденящіе вѣтры, называемые *бора*; они имѣютъ двѣ резиденціи въ Европѣ: въ Черномъ морѣ, вдоль сѣверо-восточнаго берега, начиная отъ Анапы и Новороссійска, и въ Адріатическомъ, между Тріестомъ и заливомъ Кварнеро. Въ Новороссійской бухтѣ дѣйствіи боры самыя сильныя, а затѣмъ, область этого ужаснаго вѣтра расширяется верстъ на 400 далѣе къ юго-востоку. Давленіе боры опредѣляютъ въ 10 фунтовъ на □ футъ, со скоростью 80′ въ секунду. Вѣтеръ продолжается обыкновенно около трехъ дней въ октябрѣ, но преимущественно ноябрѣ и декабрѣ; въ этихъ мѣсяцахъ бора истинно убійственна. Самые ужасные ураганы Атлантическаго океана и Антильскихъ острововъ менѣе страшны, чѣмъ бора. Она поднимаетъ въ упомянутыхъ заливахъ воду частыми гребнями, порывистыми ударами срываетъ ихъ верхушки, превращая въ тончайшую водяную пыль, которую несетъ по берегу, окропляя деревья и зданія, срывая съ послѣднихъ желѣзныя крыши и свертывая ихъ въ тонкія трубки. Человѣкъ, застигнутый борою, на открытомъ мѣстѣ, чтобы спасти себя, долженъ упасть на землю и катиться по произволу вѣтра до перваго предмета, который его остановитъ. На судахъ, сквозь оглушительный свистъ и вой боры, нельзя отдавать приказаній. Страшный стонъ и гулъ дѣлаютъ неслышными даже пушечные выстрѣлы. Водяная пыль, обрызгивая снасти кораблей, замерзаетъ и нависнувъ на нихъ тяжелою ледяною корою и заостренными сосульками, наклоняетъ корабль, который перевертывается и тонетъ. Замерзаніе происходитъ отъ того, что во время боры, температура падаетъ въ Адріатическомъ морѣ до 6, 7, 8, а въ Черномъ до 16 и даже до 20°. Барометръ, напротивъ, во время боры бываетъ очень высокъ, потому что этотъ вѣтеръ чрезвычайно сухъ. Непроницаемый туманъ, наблюдаемый во время вѣтра, въ собственномъ смыслѣ, не есть туманъ, а тончайшая водяная пыль, поднятая въ воздухъ въ невѣроятныхъ массахъ и распространенная на большое пространство, такъ что, верстъ на триста растенія бываютъ покрыты осадившеюся на листахъ морскою солью.

Гарматанъ или *песчаный вѣтеръ*, дующій не болѣе одной недѣли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ направленіи востока къ западу, чрезъ всю среднюю, то есть самую раскаленную Африку, заключаетъ въ себѣ большое количество кислорода. Проходя жгучіе пески Африки, онъ становится нестерпимо знойнымъ, изсушаетъ въ нѣсколько часовъ всѣ растенія, встрѣчающіяся на пути его; деревянная утварь, мебель и посуда разщеляются, человѣкъ превращается въ какую-то живую мумію; кожа на рукахъ и губахъ его трескается, обливаясь кровью, дыханіе сильно затрудняется. Отъ этого вѣтра, превратившагося въ *орканъ* или *ураганъ*, происходятъ песчаные вихри и ураганы въ Сахарѣ; бѣдствія каравановъ, застигнутыхъ подобною бурею, трудно даже и описать. На далекомъ горизонтѣ показывается обыкновенно едва замѣтная точка, которая приближается и растетъ быстро, какъ тѣнь, и затѣмъ обрушивается страшнымъ песчанымъ ураганомъ; единственное спасеніе заключается въ томъ, что всѣ бросаются ницъ головою, противъ вѣтра; верблюды инстинктивно дѣлаютъ тоже; иначе гибель неизбѣжна, и цѣлые караваны мгновенно засыпаются песчаными горами. Но, при такихъ ужасающихъ свойствахъ, гарматанъ бываетъ полезенъ послѣ тропическихъ дождей, быстро осушая землю и тѣмъ отвращая слѣдствія сырости, вредной при тропическомъ жарѣ.

Шамсинъ или *хамсинъ* (по арабски означаетъ 50 дней), дующій съ юга на юго-западъ, въ противоположность гарматану, содержитъ въ себѣ много азота и дуетъ съ промежутками около 50 дней. Онъ убійственъ въ полномъ смыслѣ слова: люди и животныя, едва повѣетъ онъ, скрываются отъ него въ пещерахъ, погребахъ и другихъ мѣстахъ, дающихъ свѣжесть. Онъ дуетъ чрезъ сухія и песчаныя степи Египта во время весенняго равноденствія и въ теченіи недѣли особенно зноенъ. Палящее свойство его увеличивается еще тонкой, удушливой пылью, помрачающей воздухъ.

При переходѣ хамсина изъ Египта въ Европу, путемъ Средиземнаго моря, удушливость и зной его ослабѣваютъ отъ прохлажденія морскими водами и пріобрѣтеннымъ изъ нихъ кислородомъ. Въ Сициліи и южной Италіи онъ называется *сирокко*, а въ Испаніи *солано*. Не смотря на освѣженіе водами Средиземнаго моря, *сирокко* и *солано* совершенно разслабляютъ физическія, а съ ними и душевныя силы человѣка, страдающаго отъ истощительнаго пота. *Сирокко*, достигнувъ швейцарскихъ ледниковъ и достаточно охладившись, вступаетъ въ альпійскую область подъ именемъ *фена*, и тамъ дѣлается часто причиною таянія ледниковъ.

Самумъ или *самѣлъ* (означаетъ въ переводѣ ядъ или ядовитый вѣтеръ) дуетъ въ Персіи, Сиріи и Аравіи, распространяя въ воздухѣ удушающій сѣрный запахъ и матовый багровый цвѣтъ. Онъ умерщвляетъ внезапно. Тѣло умерщвленныхъ немедленно чернѣетъ и скоро разлагается.

Библиотека "Руниверс"

Предъ наступленіемъ Самума, животныя, и особенно верблюды, сильно безпокоятся, крича и безпрестанно поворачивая голову и жадно вдыхая раскаленный воздухъ. У лошадей вздуваются вены, отчего эти животныя сами себѣ открываютъ кровь, прокусывая зубами кожу. Дикія животныя, антилопы, козы, птицы, даже тигры, несутся въ ужасѣ, спасаясь отъ урагана. Самумъ 1855 г. въ августѣ, близъ Герата, истребилъ въ огромномъ караванѣ множество людей и животныхъ. Съ окончаніемъ бури изъ 174 верблюдовъ осталось 28, лошади задохлись всѣ, а изъ 121 человѣка осталось 19. Самумъ, въ большей части случаевъ, дуетъ лишь нѣсколько часовъ, но иногда это бѣдствіе продолжается по два и по три дня. Блѣдно-красноватый цвѣтъ атмосферы предвѣщаетъ наступленіе самума, что, вѣроятно, зависитъ отъ песку, поднятаго вѣтромъ въ верхніе слои воздуха.

Вѣтры вертикальные, дующіе отъ земли вверхъ къ облакамъ, свойственны только самымъ жаркимъ, песчанымъ степямъ, какъ Сахарѣ (въ Сѣв. Африкѣ) Керманской степи (въ Персіи) и двумъ степямъ въ средней Азіи—*Гоби-Гангай* и *Гоби-Шамо*.

Раскаленный и палящій воздухъ быстро подымается вверхъ отъ огненныхъ песковъ и жаромъ своимъ испаряетъ и разгоняетъ облака, лишая ихъ возможности упасть на пылающую землю благотворнымъ дождемъ. Это—страны вѣчнаго *бездождія*. Раскаленый воздухъ, охладившись въ высокихъ слояхъ атмосферы, также быстро падаетъ, въ отвѣсномъ направленіи внизъ и малѣйшая влажность его исчезаетъ, по мѣрѣ приближенія къ нижнимъ слоямъ, гдѣ онъ снова раскаляется и снова несется вверхъ.

Бури или *шквалы* особенно сильно проявляются въ Атлантическомъ океанѣ и тамъ бываютъ особенно опасны по неправильности волненія. Онѣ начинаются обыкновенно въ Вестъ-Индіи. Въ Тихомъ океанѣ особенно бурны Желтое, Китайское и Японское моря. Между бурями новѣйшаго времени, особенно замѣчательно страшное волненіе Атлантическаго океана, въ которомъ сильно потерпѣлъ знаменитый винтовой и вмѣстѣ колесный пароходъ Левіоѳанъ или Гретъ-Истернъ, опускавшій подводный транс-атлантическій канатъ электромагнитнаго телеграфа: онъ напалъ на окружность урагана, обломавшую ему крылья колесъ, и только винтовая машина дала ему возможность спастись отъ вѣрной гибели. Страшные ураганы, бичующіе Атлантическій океанъ, обнимаютъ громадную площадь и совершаются съ неимовѣрной быстротой, пролетая по 90 миль (630 верстъ) въ часъ или 10½ верстъ въ минуту, то есть со скоростью полета пушечнаго ядра. Яростная буря 12 августа 1830 года пронеслась отъ Карибскаго моря до Ньюфаундлендскій мели, то есть на протяженіе 21,000 верстъ, со скоростью 180 верстъ въ часъ. Ураганъ 1 сентября 1821 г. хотя ограничивался меньшимъ протяженіемъ, но за то былъ несравненно быстрѣе и пробѣгалъ по 200 верстъ въ часъ. Вообще-же чѣмъ буря ограничивается меньшимъ пространствомъ, тѣмъ быстрѣе она мчится и тѣмъ ужаснѣе ея ярость. Иногда въ океанѣ образуется разомъ нѣсколько отдѣльныхъ урагановъ, которые стремительно несутся въ одномъ параллельномъ между собою направленіи, а иногда встрѣчаются подъ углами, при чемъ удары встрѣтившихся бурь бываютъ самые ужасные. Иногда ураганъ, находя на высокія горы, раздвигается и образуетъ такимъ образомъ два отдѣльныхъ урагана, изъ которыхъ каждый, послѣ этой минутной остановки перваго урагана, пріобрѣтаютъ еще большую силу и стремятся съ неимовѣрною яростью; часто ось вращательнаго урагана наклоняется нѣсколько впередъ въ направленіи своего движенія и это происходитъ отъ тренія оси о землю, при чемъ смѣшивающіяся при этомъ вращеніи теплыя и холодныя струи воздуха изъ нижнихъ и верхнихъ слоевъ атмосферы разражаются проливными дождями и оглушительными грозами. И такъ ураганы имѣютъ двоякое движеніе *поступательное* и *вращательное*, но послѣднее несравненно опаснѣе для мореплавателей. Какъ то, такъ и другое имѣютъ въ сѣверномъ полушаріи направленіе отъ востока къ западу, потомъ, при дальнѣйшемъ движеніи, отъ запада черезъ югъ къ востоку. Въ южномъ же полушаріи это движеніе совершается въ обратномъ порядкѣ. Тѣмъ же законамъ слѣдуютъ ураганы Великаго океана, они лишь не имѣютъ той силы и ярости, какъ въ Атлантическомъ океанѣ, а потому и самый океанъ, по своему относительному спокойствію, носитъ еще названіе „*Тихаго*". Исключеніе составляютъ только страшныя бури Китайскаго и Желтаго морей. Бурность Атлантическаго океана зависитъ отъ разностей температуръ Гольфстрема и окружающихъ его областей воздуха и водъ. Разность эта между голубыми струями Гольфстрема и зелеными водами остальной массы океана и висящаго надъ ней воздуха такъ велика, что доходитъ до 20° по Р. и потому Гольфстремъ является первымъ нарушителемъ атмосфернаго спокойствія надъ Атлантическимъ океаномъ, чего нѣтъ въ Великомъ океанѣ; правда, что и тамъ существуетъ подобное явленіе, и тамъ, въ нѣдрахъ теплаго *Японскаго теченія* (Куро-Сивы), таится элементъ нарушенія атмосфернаго равновѣсія, но это явленіе ограничивается относительно малымъ пространствомъ и именно, какъ замѣчали мы, морями Китайскимъ, Желтымъ и отчасти Японскимъ; но въ Атлантическомъ океанѣ, весь путь Гольфстрема, на протяженіи многихъ тысячъ квадратныхъ миль, почти во всю величину океана, сопровождается самыми страшными бурями. Изъ англійскихъ морскихъ журналовъ извѣстно, что была такая буря, которая обратила назадъ весь Гольфстремъ, на протяженіи всего его теченія, и этотъ колоссальный потокъ, поднявши воды свои на высоту 30 футовъ, ринулся со всѣмъ неистовствомъ въ предѣлы Флориды, затопивъ тамъ всю мѣстность, а затѣмъ нахлынувшая вода устремилась съ новою яростью обратно въ океанъ и истощила свое послѣднее неистовство на берегахъ Великобританіи и отчасти Испаніи. Ураганы суть ни иное что, какъ сильное вращательное движеніе воздуха около вертикальной или нѣсколько наклоненной оси вращенія, но въ то-же время, когда образующая бурю атмосфера вращается около своей оси, эта самая ось имѣетъ свое собственное поступательное движеніе во все протяженіе океана въ эллиптической или параболической формѣ, что можно отчасти сравнить съ вращеніемъ земли вокругъ своей оси и въ тоже время движущейся около солнца. Мѣста, чрезъ которыя движется впередъ ураганъ, испытываютъ обыкновенно три явленія: сперва задѣваетъ ихъ передовой край вращающейся атмосферы и разражается бурными порывами вѣтра, напр, съ востока къ западу, затѣмъ этотъ порывъ ослабѣваетъ и приближается ось урагана, при чемъ наступаетъ совершенная тишина такъ какъ въ центрѣ бури воздухъ всегда остается покоенъ; послѣ прохожденія оси на то-же мѣсто вступаетъ задній край вращающейся атмосферы и вновь истощаетъ свою ярость, но въ направленіи совершенно противоположномъ, то есть отъ запада къ востоку, такъ какъ вѣтеръ дуетъ всегда въ противоположныхъ направленіяхъ по разнымъ сторонамъ отъ оси вращенія,

Скорое и даже внезапное паденіе ртути въ барометрѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ приближающагося урагана и потому ни одному кораблю, въ опасныхъ водахъ Атлантическаго океана, не слѣдуетъ пренебрегать этимъ важнымъ и притомъ весьма дешевымъ инструментомъ, могущимъ спасти отъ вѣрной погибели своевременнымъ предупрежденіемъ. Ртуть въ барометрѣ падаетъ отъ того, что съ начатіемъ вращательнаго движенія урагана, въ весьма отдаленной мѣстности, центробѣжная сила его производитъ расширенія воздуха на весьма большое пространство и ртуть падаетъ въ барометрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда буря отстоитъ еще верстъ на 600 или 700. Слѣдовательно, есть и время спастись отъ нея. Если падающая ртуть предупреждаетъ объ опасности, то законы развитія и движенія бурь и опытность мореплавателей научаютъ какимъ образомъ избѣгнуть погибели.

Среди вращающагося урагана бываетъ всегда страшное волненіе, вздымающее морскія зыби не обыкновенными волнами, а громадными водяными пирамидами. Оглушительный грохотъ урагана можно сравнить съ самыми сильными раскатами грома, причемъ необходимо замѣтить, что ураганы, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, сопровождаются громомъ и молніей. Неимовѣрно сильное пирамидальное поднятіе водъ внутри предѣловъ урагана происходитъ отъ того, что весь остальной океанъ, находящійся внѣ границъ вѣтра, поднимаетъ своимъ давленіемъ воду, находящуюся въ центрѣ круговорота, гдѣ, наоборотъ, это давленіе уменьшается по протяженію всей площади урагана, а слѣдовательно нѣтъ уже той силы, которая могла-бы уравновѣшивать наружное давленіе.

Независимо отъ барометрическихъ предсказаній и сама природа предостерегаетъ человѣка отъ грозящей ему опасности: атмосфера принимаетъ какой-то блѣдный, безжизненный свинцовый цвѣтъ; облака, хотя и густыя, появляются на горизонтѣ какими-то оборванными клочьями и являются самыми зловѣщими предвѣстниками страшной бури, причемъ принимаютъ огненно-красный отливъ. Морс, при мертвой тишинѣ, безъ всякаго вѣтра, начинаетъ какъ-то грустно плескаться и жалобно стонать, а уже нѣсколько времени спустя начинается разрушительный штромъ.

Н. Зуевъ.

Кавказскія минеральныя воды.

I.

Кавказскія минеральныя воды представляютъ собою чрезвычайно рѣдкое явленіе въ природѣ, какъ по разнообразію состава источниковъ, такъ и потому, что всѣ эти разнообразные источники, во первыхъ, отличаются значительной силой водъ въ сравненіи съ водами западно-европейскихъ источниковъ, а во вторыхъ тѣмъ, что всѣ они сосредоточены на пространствѣ весьма незначительномъ (около 40 верстъ), тогда какъ въ Европѣ подобные источники находятся въ большомъ одинъ отъ другого разстояніи.

Кавказскія воды, какъ врачебное средство, еще за долго до занятія русскими Кавказа, были употребляемы горцами. Есте-

Библиотека "Руниверс"

ствоиспытатели познакомились съ этими водами въ прошедшемъ столѣтіи; такъ, въ 1793 г. о кавказскихъ минеральныхъ водахъ упоминаетъ Палласъ. Правильное пользованіе водами началось въ 1803 году, когда правительство опредѣлило въ Пятигорскъ постояннаго врача. Въ то, давно прошедшее время больные, пріѣзжавшіе пользоваться водами, жили въ кибиткахъ и купались въ общей ваннѣ. Въ 1810 году, - пишетъ докторъ, Норманъ,—пріѣздъ на воды значительно увеличился, тогда за недостаткомъ палатокъ, многіе выстроили себѣ лачуги изъ плетня, другіе жили, защищаясь войлоками и парусинами. Собственно говоря, устройство водъ начинается съ 1818 г., именно съ того времени, когда достойный памяти А. П. Ермоловъ вступилъ въ управленіе кавказскимъ краемъ. Въ то время, какъ извѣстно, весь Кавказъ считался на военномъ положеніи и главнокомандующій войсками, являясь въ то же время и правителемъ края, имѣлъ несомнѣнное вліяніе на гор. Пятигорскъ, а слѣдовательно и на управленіе минеральными водами.

Въ 1846 г. кавказскія минеральныя воды поступили въ непосредственное вѣдѣніе кавказскаго намѣстника князя Воронцова, дѣятельно принявшагося за устройство ихъ. Съ этою цѣлью была учреждена особая дирекція кавказскихъ минеральныхъ водъ и исходатайствовано Высочайшее положеніе, утвержденное 29 мая 1847 г. объ управленіи водами. Директоромъ водъ былъ военный генералъ. Надо отдать справедливость, что въ это время не мало добраго было сдѣлано по устройству водъ: кромѣ разныхъ менѣе значительныхъ построекъ и обзаведеній, устроены были Михайловская и Елисаветинская галлереи въ Пятигорскѣ, галлерея надъ Нарзаномъ въ Кисловодскѣ; устроено прямое сообщеніе Есентуковъ съ Желѣзноводскомъ чрезъ Бештаускій лѣсъ; изъ горъ Бештау проведена ключевая вода въ Пятигорскъ *); при дирекціи учрежденъ былъ комитетъ изъ врачей для устройства водъ въ врачебномъ отношеніи; открыта библіотека, учреждена пожарная команда въ Пятигорскѣ и т. д. и т. д.

Тѣмъ не менѣе военный характеръ въ управленіи водами оказался на столько неудовлетворительнымъ, что бывшій намѣстникъ края, фельдмаршалъ князь Барятинскій, желая устроить иной порядокъ въ администраціи водъ, отдалъ завѣдываніе ими въ частныя руки, именно дѣйствительному статскому совѣтнику Новосильскому. Такимъ образомъ кавказскія минеральныя воды оказались отданными въ аренду срокомъ на 8 лѣтъ.

Но и при этомъ новомъ управленіи, когда вмѣсто казенныхъ чиновниковъ водами стали завѣдывать частныя лица по найму отъ арендатора, положеніе дѣлъ мало измѣнилось, можно даже сказать, чуть ли не ухудшилось. Новые управители взглянули на дѣло водъ съ эгоистической точки зрѣнія и стали преслѣдовать выгоды только осязаемыя, выгоды, такъ сказать, текущаго дня, ни мало не заботясь о будущемъ, не обращая вниманія ни на недостатокъ путей сообщенія между группами, ни на неудобство квартиръ для пріѣзжающихъ, ни на злоупотребленія въ порядкѣ пользованія водами, словомъ—заботясь только о своихъ личныхъ интересахъ, понимавшихся весьма въ узкомъ смыслѣ, и не обращая ровно никакого вниманія на необходимость улучшенія всего, такъ сказать, быта на водахъ.

По истеченіи 8-ми лѣтняго срока аренды г. Новосильскаго, правительство уже не оставило болѣе водъ въ его рукахъ и въ 1870 году объявило кондиціи на отдачу минеральныхъ водъ въ другія руки на новый срокъ. Изъ представленныхъ проектовъ на принятіе водъ, правительство выбрало проектъ коллежскаго совѣтника Байкова, который и вступилъ въ полное завѣдываніе водами въ 1871 году. Такимъ образомъ кавказскія минеральныя воды перешли опять въ новое завѣдываніе. Но со времени вступленія въ управленіе водами г. Байкова, дѣла водъ оказались въ такомъ положеніи, что съ прошедшаго года правительство нашло нужнымъ отдать ихъ подъ ближайшее наблюденіе начальника Терской области, поручивъ въ то же время правительственной коммисіи надзоръ за точнымъ выполненіемъ контрагентомъ всѣхъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Вообще въ исторіи управленія кавказскими минеральными водами весьма наглядно выказалась полная несостоятельность лицъ, бравшихъ на себя обязанность управленія. Ясно, что всѣ управлявшіе хозяйствомъ водъ не имѣли объ этомъ управленіи надлежащаго понятія, смотрѣли на него такъ: военная администрація, какъ на дѣло военное, а частные управители—какъ на личную доходную статью.

Подъ общимъ названіемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ разумѣются слѣдующія воды:

Въ Пятигорскѣ собственно находятся горячіе сѣрные ключи. Ключи эти разнятся одинъ отъ другого количествомъ своихъ составныхъ частей и также степенью тепла. Температура ихъ отъ 22° до 37° Реомюра. Пятигорскія минеральныя воды употребляются въ ревматизмѣ, ртутномъ худосочіи, сведеніяхъ и затвердѣніяхъ суставовъ, язвахъ, ранахъ и т. д.

Въ Есентукахъ (въ 15 верстахъ отъ Пятигорска) находятся солено-щелочные источники (№ 17), іодисто-щелочной (№ 6), желѣзисто-щелочной (№ 18), щелочно-соленый (№ 4) и сѣрно-щелочные. Температура отъ 7° до 12° Реомюра. Служатъ противъ геморроя, заваловъ, окрѣплости желѣзъ, ожирѣнія; при катарральныхъ страданіяхъ дыхательныхъ путей, катарральныхъ страданіяхъ желудка, кишекъ, хроническихъ катарровъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. Въ особенности громкою славою пользуется вода источника № 17, по составнымъ частямъ схожая съ водами *Виши*, но превосходящая ихъ своею цѣлебною силою. Есентукская вода № 17 развозится въ бутылкахъ по всей Россіи и даже идетъ за границу. Кромѣ того, изъ солей воды приготовляются лепешечки. Принятыя послѣ обѣда въ количествѣ двухъ-трехъ, онѣ помогаютъ пищеваренію, уничтожаютъ изжогу и отрыжку, облегчаютъ чувствуемую нѣкоторыми даже послѣ легкаго обѣда тяжесть въ желудкѣ.

Въ Желѣзноводскѣ (въ 12½ верстахъ отъ Пятигорска) ключи желѣзистые, холодные и горячіе. Температура отъ 13° до 41° Реомюра. Благотворное дѣйствіе этихъ водъ оказывается въ страданіяхъ отъ потери крови, неправильности и оскудѣніи питанія, разнообразныхъ нервныхъ страданіяхъ, сформировавшихся на анемичной почвѣ, и въ хроническихъ страданіяхъ матки.

Нарзанъ въ Кисловодскѣ (въ 40 верстахъ отъ Пятигорска) пріобрѣлъ себѣ главную извѣстность какъ источникъ укрѣпляющій. Разсказы объ его дѣйствіи на организмъ полны чудеснаго. Кромѣ того, Нарзанъ приноситъ очевидную пользу въ застарѣломъ ревматизмѣ, при катарральныхъ страданіяхъ пищеварительнаго канала, катарральныхъ страданіяхъ грудныхъ органовъ. Леченіе въ Кисловодскѣ служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ спеціальному леченію при другихъ группахъ. Прелестная дикою красотою окрестности, роскошная растительность, чистый горный воздухъ, купанье въ холодной, кипучей, какъ шампанское, водѣ, все это не можетъ не имѣть самаго благодѣтельнаго вліянія на организмъ, ослабленный болѣзнями. Кромѣ того, въ Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ устроены кумысолечебныя заведенія для слабогрудыхъ больныхъ.

II.

Ѣдущіе на кавказскія минеральныя воды изъ Петербурга обыкновенно направляютъ свой путь по желѣзной дорогѣ или чрезъ Харьковъ, или чрезъ Воронежъ (послѣдній путь болѣе близкій) на Ростовъ на Дону. Изъ Ростова они отправляются по Владикавказской желѣзной дорогѣ до Пятигорска. Но, собственно говоря, желѣзнодорожный путь не доходитъ до города и отправляющіеся на воды высаживаются на станціи Минеральныхъ водъ, отстоящей на 20 верстъ отъ Пятигорска. Отъ станціи Минеральныхъ водъ до города идетъ шоссе; точно такое же шоссе устроено между группами водъ. Для удобства публики, какъ гласитъ объявленіе, между группами и станціею къ отходу и приходу поѣзда два раза въ день отправляются омнибусы, по одному на каждый пунктъ. Мѣстные извощики также развозятъ пріѣзжающихъ, ибо одинъ омнибусъ болѣе 9 человѣкъ въ себѣ вмѣстить не можетъ. За разстояніе въ 20 верстъ по шоссе, извощики, берутъ за проѣздъ не менѣе 5 р. Отчего, по какимъ причинамъ не проведена линія рельсоваго пути между группами и отъ Владикавказской желѣзной дороги до города, если не парового, то по крайней мѣрѣ желѣзно-коннаго—неизвѣстно. Извѣстно только то, что пріѣзжающимъ на кавказскія воды приводится испытывать на себѣ всѣ затрудненія и всю дороговизну сообщеній по Пятигорскимъ шоссейнымъ дорогамъ.

Отъ Ростова до Пятигорска считается 500 верстъ. Дорога лежитъ по пустой однообразной степи—ни кустиковъ, ни обработанныхъ полей, ни человѣческихъ жилищъ, кромѣ станцій. Однообразіе степи замѣчается съ самаго Воронежа и только ближе къ Пятигорску начинаютъ показываться горы—Змѣиная гора, красавица Бештау, сложившаяся изъ нѣсколькихъ конусовъ, изъ которыхъ средній—самый возвышенный. На пути отъ станціи Минеральныхъ водъ даже появляется зелень, деревья, но эти послѣднія, впрочемъ, не на долго, и снова открывается незащищенная отъ жгучаго солнца мѣстность. Но вотъ, наконецъ и гора Машукъ, а у подножія ея раскинулся и самый Пятигорскъ, частью по подошвѣ самой горы, а частью на отлогости полуамфитеатра, образуемаго этою горою и отрогомъ ея, называемымъ „Горячею горою". Высокая гора Машукъ съ вершиной, поросшей кустарникомъ и деревьями, спускается до самаго низа площадками. На этихъ площадкахъ устроены бесѣдки, павильоны, цвѣтники. Чрезъ городъ идетъ бульваръ, по сторонамъ бульвара находятся лавки, гостинницы и „домъ неимущихъ" для больныхъ офицеровъ; повыше, на площадкѣ Горячей горы, высится красивое зданіе въ англійскомъ вкусѣ, принадлежащее какому-то не то архитектору, не то барону—Богъ его знаетъ. (Это, собственно, ни для кого, кажется, и не интересно, и извѣстность имѣетъ болѣе домъ, а не его владѣлецъ).

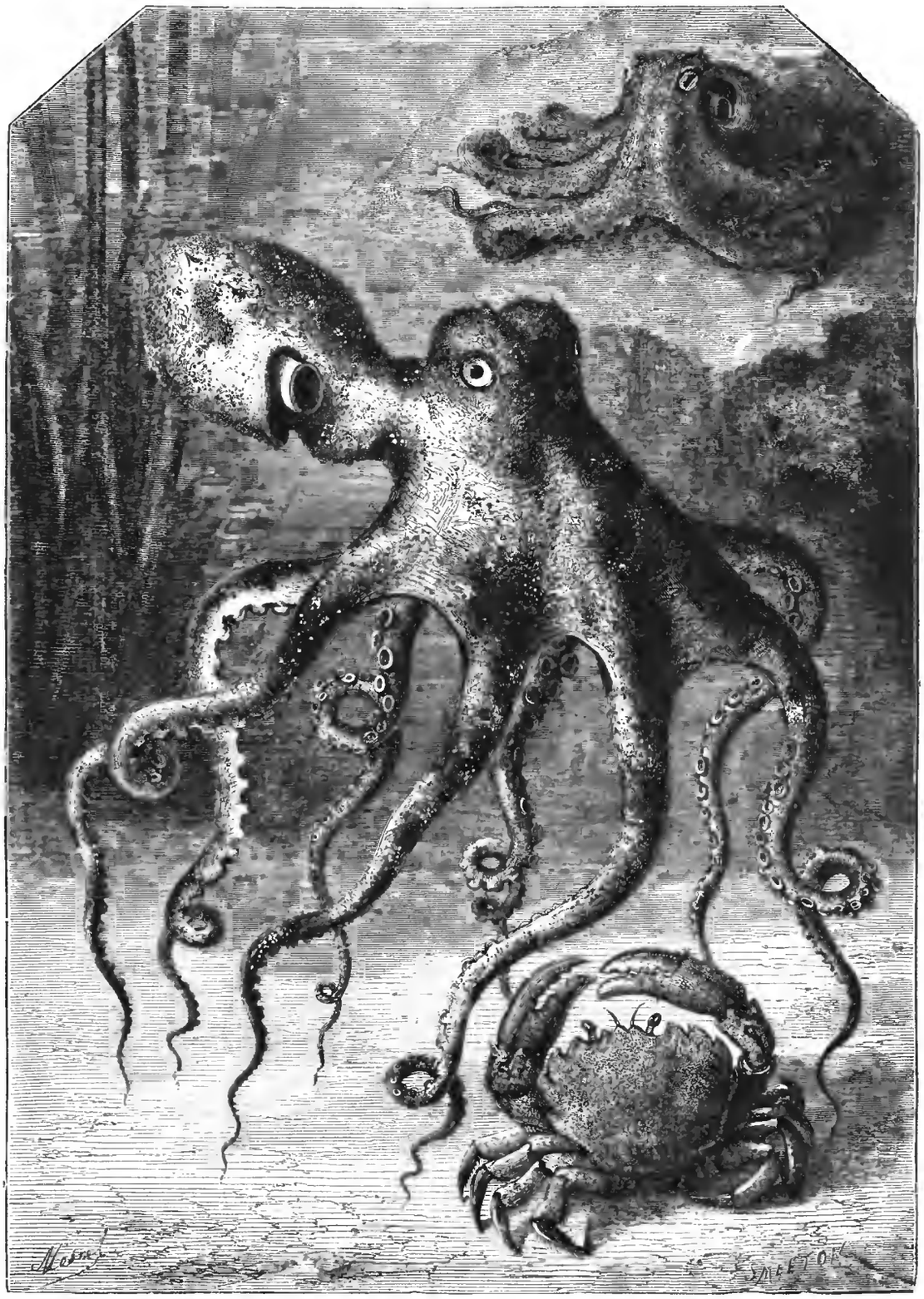
На площадкѣ внизу, возлѣ цвѣтника, расположено прекрасное каменное зданіе Николаевскихъ ваннъ, деревянное строеніе вокзала, въ которомъ помѣщается библіотека, телеграфъ, контора для выдачи билетовъ на ванны, консультація врачей, и тутъ же зала для танцовальныхъ вечеровъ, концертовъ. Архитектура этого зданія и въ особенности розоватый цвѣтъ его стѣнъ эффектно выдаются среди окружающей зелени.

*) Теперь водопровода не существуетъ, а Пятигорскъ потребляетъ мутную воду рѣчки Подкумка.

Библиотека "Руниверс"

Выше, при соединеніи Машука съ Горячей горой, раскинулась Елизаветинская галлерея, построенная въ итальянскомъ стилѣ. За Елизаветинской галлереей видится въ чащѣ деревъ парка Михайловская галлерея, а дальше, въ верстѣ разстоянія находятся Сабанеевскія ванны и Варваціевскія, (эти послѣднія теперь разрушенныя) Александро-Николаевскія и еще

зури неба рисуется бѣлая линія Кавказскихъ горъ съ двуглавымъ Эльбрусомъ. Все это эффектно, все вмѣстѣ представляетъ очаровательную панораму; но все это хорошо только весною, да издали, когда воздухъ еще чистъ и трава не успѣла посохнуть отъ зноя. Лѣтомъ каменистая почва и отраженія солнечныхъ лучей отъ окружающихъ горъ, дѣлаютъ Пятигорскъ на-



Чернильная рыба или восьминогъ. Рис. Монель, грав Смитонъ.

далѣе провалъ, гдѣ находится источникъ, вѣроятно открывшійся во время бывшаго когда-нибудь землетрясенія, оставившаго по себѣ этотъ памятный слѣдъ. На противоположной сторонѣ города, по равнинѣ, блестящей лентой извивается рѣчка Подкумокъ; за рѣчкой, въ сторонѣ, лежитъ большая Горячеводская станица, а тамъ дальше, дальше, на свѣтлой лазстоящимъ пекломъ, въ воздухѣ такъ и стоитъ ѣдкая известковая пыль, слышится для многихъ невыносимый запахъ сѣрныхъ водъ, спускаемыхъ изъ ваннъ, и нѣтъ другой тѣни, какъ только отъ зданій, деревья же бульвара, какъ оказывется вблизи, имѣютъ самый жалкій видъ, всѣ листья заѣдены пылью, корнямъ простора нѣтъ въ неразрыхляемой землѣ. Цвѣтники,

Библиотека "Руниверс"

Завтракъ (Сцена изъ французской жизни временъ Директоріи). Рис. Жано, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

паркъ, тоже чрезвычайно жалки, чахлы; въ цвѣтникахъ, говорятъ, только прежде когда-то бывали цвѣты, въ паркѣ множество мѣстъ оголено отъ вырубленныхъ деревьевъ, а всѣ уцѣлѣвшія тощи и жидки, безъ призрѣнія остающіяся на почвѣ горъ Машука, состоящаго изъ известковыхъ горныхъ породъ, верхняго яруса мѣлового періода и Горячей горы—изъ травертина и ключеныхъ осадковъ, образовавшихся отъ потока минеральной воды съ незапамятныхъ временъ.

Изъ достопримѣчательностей Пятигорска болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе вышеупомянутый нами провалъ—замѣчательное явленіе въ природѣ, возбуждающее общее любопытство. Провалъ—это воронкообразное углубленіе, образовавшееся на южномъ склонѣ горы Машука; наверху діаметръ 8 саж. Къ концу съуживаясь, на глубинѣ 12½ саженей, провалъ снова расширяется, образуя гротъ, своды котораго висятъ надъ небольшимъ озеромъ минеральной сѣрной воды, имѣющей характерный голубой цвѣтъ съ сильнымъ выдѣленіемъ сѣроводороднаго газа. До 1856 г., т. е. до перваго изслѣдованія провала ученой коммисіей, онъ былъ предметомъ недоумѣній, трудность доступа окружала его таинственностью. Въ 1856 г. одинъ изъ лѣчившихся на водахъ (нѣкто г. Лазарикъ) далъ средства для проложенія тоннеля къ этому подземному озеру, а до того времени любопытный могъ заглянуть по внутрь пропасти только сверху, съ мостика, устроеннаго надъ воронкою. Нужно замѣтить, что провалъ этотъ существуетъ очень давно и свѣдѣній о времени его образованія не сохранилось въ памяти окрестныхъ жителей. Еще въ 1793 году Палласъ дѣлалъ измѣреніе этого провала и измѣреніе это тогда показало сверху до поверхности воды 16,2 саж. Въ то время все дно провала было залито водою находящагося въ немъ озера, впослѣдствіи же, отъ постоянныхъ осыпей и обваловъ сверху, подъ отверстіемъ образовался островъ. Глубина озера незначительна около берега. Теченіе воды замѣтно по направленію къ С.-В. Въ восточной части провала устроенъ бассейнъ для питья воды; вода озера въ послѣднее время сдѣлалась холоднѣе отъ сдѣланныхъ въ другихъ мѣстахъ горы разработокъ.

Прежде возлѣ провала были сдѣланы ванны, теперь онѣ почему-то уничтожены и въ замѣнъ ихъ, вблизи тоннеля, выстроенъ небольшой домикъ съ гостинницей (безъ номеровъ однако). Съ галлереи этого домика можно любоваться видомъ окрестностей. На склонѣ Машука, влѣво отъ Елисаветинской галлереи, продѣланная между деревьями дорожка ведетъ къ высѣченному въ скалѣ гроту Лермонтова (см. рисунокъ), названному такъ въ память нашего поэта, жившаго и убитаго на дуэли въ Пятигорскѣ. Кому дороги воспоминанія о поэтѣ, тотъ можетъ посмотрѣть и домъ, въ которомъ жилъ поэтъ въ Пятигорскѣ; домъ этотъ принадлежитъ чиновнику Чиляеву. На склонѣ горы подъ Елисаветинской галлереей, между деревьями, разставлены изсѣченныя изъ камня и привезенныя сюда изъ Кабарды фигуры съ различными надписями и изображеніями, свидѣтельствующими о давности ихъ происхожденія. Для археологовъ эти камни представляютъ, вѣроятно, весьма не малый интересъ.

Повернувъ отъ Елисаветинской галлереи на Горячую гору, можно осмотрѣть замѣчательную трещину, идущую вдоль всей горы. Съ площадки Горячей горы, надъ зданіемъ Николаевскихъ ваннъ, открывается видъ на Бештау и городъ. (Съ этого пункта снятъ приложенный здѣсь видъ Пятигорска). На этой площадкѣ прежде были Ермоловскія ванны—первыя по времени постройки. Источникъ въ 35° Реомюра, вытекаетъ изъ главной трещины и признанъ вѣтвью Александровскаго источника, водой котораго на кавказскихъ водахъ началось первое леченіе. Какъ Александровскія, такъ и Ермоловскія ванны теперь снесены до основанія, первыя, какъ говорятъ, за оскудѣніемъ источника снесены еще при прежней дирекціи (Новосильскаго), а вторыя—настоящей администраціей за ветхостью постройки; вода же источника спущена въ зданіе Николаевскихъ ваннъ. По свидѣтельству лицъ, пользовавшихся Ермоловскими ваннами, вода этого источника отличалась необыкновенной силою, теперь же вмѣсто горячей воды, которую едва можно было выносить, зачастую въ отдѣленіяхъ Ермоловскихъ ваннъ (въ Николаевскомъ зданіи) не получишь даже теплой, а то и совсѣмъ ни теплая, ни холодная не идетъ въ ванну. Вотъ къ чему привело уничтоженіе прежняго зданія для пользованія водой этого источника. Покойный государь Николай Павловичъ приказалъ выстроить на мѣсто деревяннаго Ермоловскаго зданія—каменное съ мраморными ваннами, но дирекція водъ не воспользовалась этимъ высочайшимъ разрѣшеніемъ и ходатайствовала совершенно о другомъ. Она, извольте видѣть, пришла къ такому убѣжденію, что солидная постройка, требующая отъ казны значительнаго капитала, не гарантировала отъ исчезновенія источника и что такъ какъ въ Ермоловскихъ ваннахъ все-таки постоянно чувствуется безотлагательная надобность, то лучше провести воду Ермоловскаго источника внизъ по деревяннымъ трубамъ къ зданію Николаевскаго источника. Въ такомъ видѣ администрація представила это дѣло на утвержденіе правительства—и теперь вода Ермоловскаго источника спущена внизъ къ ваннамъ вышеупомянутаго Николаевскаго источника. Такой подвигъ администрація ставитъ себѣ даже въ заслугу, указывая на то, что теперь больнымъ уже нѣтъ надобности забираться на гору, какъ было прежде. Это съ одной стороны справедливо, но за то съ другой стороны вода этого источника значительно измѣнилась.

У спуска, въ концѣ Горячей горы, устроенъ такъ называемый гротъ Діаны, съ колоннами и переходами въ восточномъ вкусѣ. Въ цвѣтникѣ у Николаевскихъ ваннъ каждодневно играетъ оркестръ полковой музыки въ нарочно для того устроенной бесѣдкѣ. Бесѣдка эта деревянная, сдѣланная весьма грубо, кое-какъ. Замѣчательна она тѣмъ, что въ отчетѣ администраціи (Новосильскаго) на ея постройку значится израсходованною сумма въ 1400 съ чѣмъ-то рублей. На такую сумму, по общему мнѣнію всѣхъ знающихъ мѣстныя цѣны на матеріалы и работы, можно построить по крайней мѣрѣ пять такихъ бесѣдокъ, а при благоразумной экономіи, пожалуй и десять.

Пріѣзжающіе въ Пятигорскъ осматриваютъ его окрестности или катаясь въ экипажахъ вокругъ горы Машука, или же (впрочемъ, это только съ крѣпкими ногами) поднимаясь на самую вершину Машука, по разчищенной зигзагами дорожкѣ. Въ верстѣ отъ Пятигорска, на берегу Подкумка, расположенъ казенный садъ, очень хорошій по разнообразію разведенныхъ въ немъ растеній, только по дорогѣ къ нему надобно все время оставаться съ заткнутымъ носомъ отъ невыносимаго запаха нечистотъ, сваливаемыхъ непосредственно за городомъ.

Таковы заботы администраціи были прежде, таковы онѣ и теперь и, конечно, еще не близко то время, когда можно будетъ выйдти или выѣхать на прогулку изъ Пятигорска, не боясь за свое обоняніе.

Надобно сказать, что администрація кавказскихъ минеральныхъ водъ, даже не имѣетъ точнаго анализа водъ, хотя въ любой книжкѣ о кавказскихъ водахъ и находятся таблички химическаго ихъ состава, но этотъ анализъ сдѣланъ во времена давно минувшія, теперь же химикъ при водахъ занятъ другимъ дѣломъ, именно выпариваніемъ солей и приготовленіемъ эсентукскихъ лепешекъ. Новый, точный анализъ водъ администраціей не признается необходимымъ. Посѣщеніе кавказскихъ минеральныхъ водъ знаменитымъ французскимъ инженеромъ Жюлемъ Франсуа также не имѣло послѣдствій по обновленію устарѣлаго устройства водъ и почему-то не оставило никакихъ результатовъ, кромѣ раскопки, сдѣланной повыше Елисаветинской галлереи въ горѣ Машукѣ. Администрація кавказскихъ минеральныхъ водъ, зная по опыту о чудодѣйственной силѣ этихъ въ дъ и будучи увѣрена, что неизлѣчимыя на мѣстѣ болѣзни всегда загонятъ на воды больныхъ—не считаетъ нужнымъ прилагать трудовъ для благоустройства водъ и для доставленія пріѣзжающимъ лѣчиться хотя необходимыхъ удобствъ. Во время большого съѣзда на воды, запоздавшимъ пріѣзжимъ и неимѣющимъ знакомыхъ приводится быть въ такомъ положеніи, что хоть назадъ сейчасъ же убирайся. Въ своихъ рекламахъ управители водъ обѣщаютъ пріютъ всѣмъ пріѣзжающимъ и выписываютъ названія своихъ гостинницъ; въ сущности всѣ эти 8 гостинницъ съ весьма малымъ числомъ №№; напримѣръ, гостинница Кавказскихъ минеральныхъ водъ имѣетъ всего 8 №№ вверху главнаго дома, по одной комнатѣ, и 4 семейныхъ № во дворѣ; въ другой гостинницѣ въ концѣ бульвара всего два крошечные №. Умѣренныя же цѣны, которыя обѣщаетъ дирекція, состоятъ, напримѣръ, въ „Европейской гостинницѣ“ за № въ одну комнату 6 руб. въ сутки.

Квартиры, отдаваемыя въ частныхъ домахъ, не представляютъ также ни удобствъ, ни дешевизны. Правда, что каждый домохозяинъ на водахъ отдаетъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, ибо отдача квартиръ—это капиталъ обывателей на водахъ, на который они будутъ жить цѣлую зиму до будущаго лѣта, т. е. до новой отдачи помѣщеній въ своихъ домахъ. И какія же это квартиры! Самыя большія изъ нихъ въ 3—4 комнаты, за что получается 300—400 руб. въ сезонъ, остальныя же отдаются по одной, и эти комнаты большею частью ни что иное какъ чуланчики, непредставляющіе ровно никакихъ удобствъ, мало того, даже недающихъ прочнаго убѣжища отъ непогоды. Обмеблировавъ кое-какъ свои конуры, кроватью съ тощимъ матрацемъ, да двумя-тремя дрянными стульями и такимъ же столомъ около кровати, домохозяева стараются только объ одномъ, какъ бы поболѣе взять съ *курсовыхъ* денегъ. Эта жажда денегъ, это желаніе сорвать все, что можно, слишкомъ развиты между всѣмъ населеніемъ водъ, между всѣми слоями общества. И такъ какъ въ этомъ случаѣ идетъ круговая, то и никому нѣтъ надобности стѣсняться. Пріѣзжающіе же на воды поставлены въ такія условія, что волей неволей должны всему подчиняться, все переносить.

Вообще говоря, на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, какъ и на западно-европейскихъ, публика—послѣдняя жертва мѣстныхъ жителей, домовладѣльцевъ, докторовъ, извощиковъ и т. д. и т. д. Не даромъ сравниваютъ мѣстныхъ жителей на минеральныхъ группахъ водъ съ огромнымъ паразитомъ, питающимся кровью пріѣзжихъ.

III.

Скажемъ нѣсколько словъ о мѣстныхъ нравахъ.

Раннее утро. Солнце только что вышло изъ-за *Горячей горы* и облило свѣтомъ куполы собора и крыши болѣе высокихъ зда-

Библиотека "Руниверс"

ній. Длинныя, рѣзкія тѣни лежатъ отъ домовъ. Въ воздухѣ еще держится свѣжесть ночи. Изъ воротъ одного домика вышла длинная фигура женщины въ красной кофтѣ, озабоченно оглянулась она во всѣ стороны и увидѣвъ въ открытомъ окнѣ противоположнаго домика свою сосѣдку, громкимъ, визгливымъ голосомъ привѣтствовала ее.

— А, здравствуйте! Ну, какъ спали, хорошо-ли?

— Доброе утро! Ничего, все хорошо, послышалось въ отвѣтъ.

— А я вотъ Авдотьи дожидаюсь. Пошла на базаръ, да, шутка сказать, скоро шестой часъ, а ее все нѣту. Заговорилась съ кѣмъ нибудь, поганая.

— Да ужь я вамъ скажу такая прислуга, что изъ рукъ вонъ. Все курсовые портятъ. А у васъ комната гуляетъ?

— Вчера на Желѣзныя уѣхали, совсѣмъ,—говоритъ красная кофта,—больше не пріѣдутъ сюда.

— Теперь опять комнату отдадите—еще наѣзжаютъ курсовые; а вѣдь комната-то ваша, небось, 100 руб. выручила: теперь можно и подешевле сдать.

— А вы-то, сами-то, сколько взяли; рублей 500 вамъ пришлось за нынѣшнее лѣто. Знаемъ мы васъ, всякому извощику, всякому кондуктору насулите—вотъ вамъ и везутъ жильцовъ...

— Ну, да вы и сами-то маху, небось, не дадите; то одного доктора попросите, то другого, каждый къ вамъ и посылаетъ своихъ больныхъ на квартиру.

— А вамъ будто не посылаютъ. Только вы сами виноваты, что у васъ въ нижнемъ этажѣ сыростью да гнилью пахнетъ?

— А у васъ-то у самихъ лучшій-ли воздухъ; да вотъ, говорятъ, и кровати-то у васъ порядочной нѣтъ.

— А у васъ!—Ахъ ты, Авдотья, дура ты, гдѣ ты это шатаешься цѣлое утро? Насплу-то тебя дождались. Курсовымъ самовары надо поставить,— кричитъ вдругъ красная кофта, завидя свою кухарку, нагруженную провизіей съ рынка и едва передвигающую ноги.

— Хорошо вамъ толковать-то, а я, вонъ, ужь совсѣмъ ворочалась домой, да по дорогѣ-то, дьяволъ ее знаетъ, какъ набѣжитъ на меня собака, ишь, ихъ тутъ чертей видимо не видимо, вездѣ бѣгаютъ—да такъ кувшинъ съ молокомъ изъ рукъ и вышибла, такъ все молоко-то и побѣжало подъ горку по дорогѣ.

— Ахъ ты, дура ты этакая, разбойница, изъ моихъ опять денегъ-то заплатила за кувшинъ?

— Да какже ужь, непремѣнно изъ вашихъ. Я вонъ вчера отъ курсовыхъ получила за мѣсяцъ по 30 копѣекъ въ сутки...

На бульварѣ, подъ тощими деревьями, тщетно отыскивая тѣнь отъ жгучихъ лучей яркаго солнца, переходитъ съ одной скамейки на другую блѣдный, исхудалый господинъ. Онъ только что досталъ книгу изъ библіотеки и желаетъ съ ней пристроиться поспокойнѣе, поудобнѣе; но такого мѣста не имѣется и онъ только еще болѣе тастъ отъ жару, истощается отъ поисковъ. Къ господину подходитъ его знакомый съ аптечными склянками въ рукахъ.

— Представьте себѣ,—говоритъ пришедшій,—здѣсь въ аптекѣ берутъ вдвое за то же самое лекарство, которое я бралъ въ Петербургѣ. Это ни на что не похоже!

— Да что-же, когда самое солнце, и то лишаетъ насъ послѣднихъ силъ. И негдѣ укрыться. Деревья тѣни не даютъ. Дирекція только беретъ деньги за бульвары.

Въ просторной передней зданія Николаевскихъ ваннъ—цѣлое общество. Расхаживаютъ гвардейцы, драгуны, а за конторкою въ креслѣ сидитъ молодая особа—смотрительница ваннъ. Идетъ шумная бесѣда, слышится веселый смѣхъ. Это женское отдѣленіе ваннъ, но такъ какъ мужскихъ ваннъ недостаетъ на всѣхъ купающихся, то и въ это отдѣленіе мущины ходятъ брать ванны. Открывается тяжелая стеклянная дверь передней и по ступенькамъ входитъ пожилой и некрасивый господинъ въ офицерской шинели.—Могу я записаться на ванну, спрашиваетъ онъ смотрительницу, смѣло окидывающую его взглядомъ. Въ отвѣтъ смотрительница звонитъ въ колокольчикъ; появляются солдатъ ванщикъ и женщина ванщица.—Покажи, Михайло, этому господину свободную ванну и подай мѣлъ, обращается она къ ванщику.—А могу я узнать правила о ваннахъ вообще? спрашиваетъ снова вошедшій смотрительницу. —Вотъ, тамъ на стѣнѣ, правила, киваетъ смотрительница головою по направленію къ вывѣшеннымъ въ рамочкахъ росписаніямъ. Можете сами прочитать.

Приходитъ бѣдно одѣтая барыня и, подавая билетъ, проситъ ванну — Подождите, ваша еще занята, отвѣчаетъ ей смотрительница.

Барыня, не возражая, садится на скамейку въ углу.

Съ шумомъ, съ трескомъ влетаетъ въ переднюю красивая, богатая. молодая женщина въ сопровожденіи элегантнаго молодого господина.

— Можно мнѣ ванну? весело говоритъ красавица.

—Настя, Настя! кричитъ смотрительница, раскланиваясь и привѣтливо улыбаясь вошедшей. Является ванщица и также ласково, ласково смотритъ на вошедшую, кивающую ей головкой—Ванну мнѣ, ванну.—Сейчасъ, сейчасъ, спѣшитъ Настя. —А вашъ билетъ? Вы опять забыли или нѣтъ? Спрашиваетъ, мило улыбаясь, смотрительница. Билетъ? Ахъ, опять забыла этотъ противный билетъ...—Ну, можно потомъ, говоритъ смотрительница, послѣ принесете.—У меня есть билеты, предлагаетъ одинъ изъ драгунъ.—Мерсі. А я вамъ конфектъ принесла, хотите? только что вчера мнѣ прислали ихъ изъ Петербурга, обращается красавица къ смотрительницѣ, ставя на конторку изящную бонбоньерку. Мнѣ наслали тысячи милыхъ вещей; я все выписала: въ здѣшнихъ магазинахъ, право ничего нѣтъ. —Сюда привозятъ все старье, весь бракъ товаровъ изъ Москвы и Нижняго, вставляетъ свое слово старый офицеръ, читавшій правила. Красавица вскидываетъ на него глаза и продолжаетъ:—да, такъ вотъ мнѣ привезли много, много всего и я вамъ хочу подарить одну бездѣлку, говоритъ она смотрительницѣ: вотъ эти сережки, онѣ очень къ вамъ пойдутъ. Ахъ, Настя, ты уже готова. Идемъ. Прощайте. Господа! кивастъ головкою, уходя въ ванную комнату, провожаемая счастливой заранѣе Настей. Къ смотрительницѣ снова обращается вновь вошедшая барыня, серьезнаго вида, и проситъ распорядиться о ваннѣ, такъ какъ это ея часъ. Ахъ ваша ванна еще занята, (отвѣчаетъ, смотрительница (это именно та ванна, въ которую помѣстили красавицу), хотя, можетъ быть, и скоро выйдутъ изъ нея, но чѣмъ дожидаться, не пожелаете ли вы взять другую, есть свободная... Я бы желала свою ванну, говоритъ барыня, я записалась на все, а вы мнѣ вотъ уже нѣсколько разъ даете другія и все разныя ванны. Я не знаю какія у васъ тутъ свои порядки...—Если вамъ угодно—подождите, сухо отвѣчаетъ смотрительница, а у насъ порядки извѣстные.

Желѣзноводскъ расположенъ на узкой и длинной терассѣ, и обращенной къ сѣверной сторонѣ Бештау.

Желѣзная гора возвышается надъ уровнемъ моря на 3,818 ф. а Бештау на 4,582 ф. Кромѣ того, отъ Желѣзной горы версты на 4—Змѣиная гора, Верблюдъ гора—весьма оригинальной формы.

Главную прелесть жизни въ Желѣзноводскѣ составляютъ прогулки въ лѣсу, въ которомъ какъ-бы тонетъ вся окрестность. Густыя, высокія деревья перевитены вѣтвями дикаго винограда. Изъ деревьевъ, кромѣ орѣшника, дуба различныхъ фруктовыхъ, встрѣчаются и мѣстные экземпляры—чинары, черешня, кизиль. Лѣсъ въ Желѣзноводскѣ даетъ пріятное убѣжище отъ зноя и жаркіе душные дни лѣта вознаграждаются освѣжающимъ воздухомъ утра, удерживающимъ свѣжесть до 9 часовъ. Вечера въ Желѣзноводскѣ очаровательны.

Со стороны Желѣзноводска можно всходить на Бештау и почти всѣ пользующіеся водами Желѣзноводской группы предпринимаютъ эту прогулку, болѣе верхомъ. Мѣстъ для прогулокъ найдется вообще не мало. Ѣздятъ на хуторъ графа Евдокимова, въ нѣмецкую колонію Карасъ, въ саду которой устраиваются пикники.

Желѣзноводскъ еще въ надавнее время былъ заселенъ казаками. Станица Желѣзноводская была построена между 1831 и 1846 годами. Въ настоящее время въ Желѣзноводскѣ, кромѣ казенныхъ зданій да нѣсколькихъ десятковъ домовъ частныхъ лицъ, нѣтъ другихъ строеній. Казаки, неимѣющіе средствъ настроить приличныхъ домовъ теперь выселены, Слѣдствіемъ чего, годъ тому назадъ, многіе изъ пріѣзжающихъ на Желѣзноводскія воды должны были уѣхать обратно, не найдя себѣ помѣщенія. Прежде, хотя худенькія избенки, да все-же служили нѣкоторой защитой и кровомъ.

Что-же касается Желѣзноводскихъ водъ, ихъ устройства, то нельзя не обратить вниманія на заявленія профессора Харьковскаго университета, Кремянскаго, сдѣланное имъ въ бальнеологическомъ обществѣ объ отсутствіи желѣза въ главныхъ Желѣзноводскихъ источникахъ. Г. Кремянскій указывалъ администраціи водъ на то, что углекислая закись желѣза, идя по деревяннымъ трубамъ и открытымъ бассейнамъ (содержимымъ не совсѣмъ опрятно), быстро окисляется отъ соприкосновенія съ воздухомъ и осаждается въ видѣ окиси. Изъ произведенныхъ г. Кремянскимъ изслѣдованій оказалось, что вода изъ бассейновъ нѣкоторыхъ источниковъ на пути теряетъ $^{15}/_{16}$ частей своего желѣза.

О Кисловодскѣ и Есентукахъ будетъ сказано въ одномъ изъ слѣдующихъ №.

Д. Стахѣевъ.

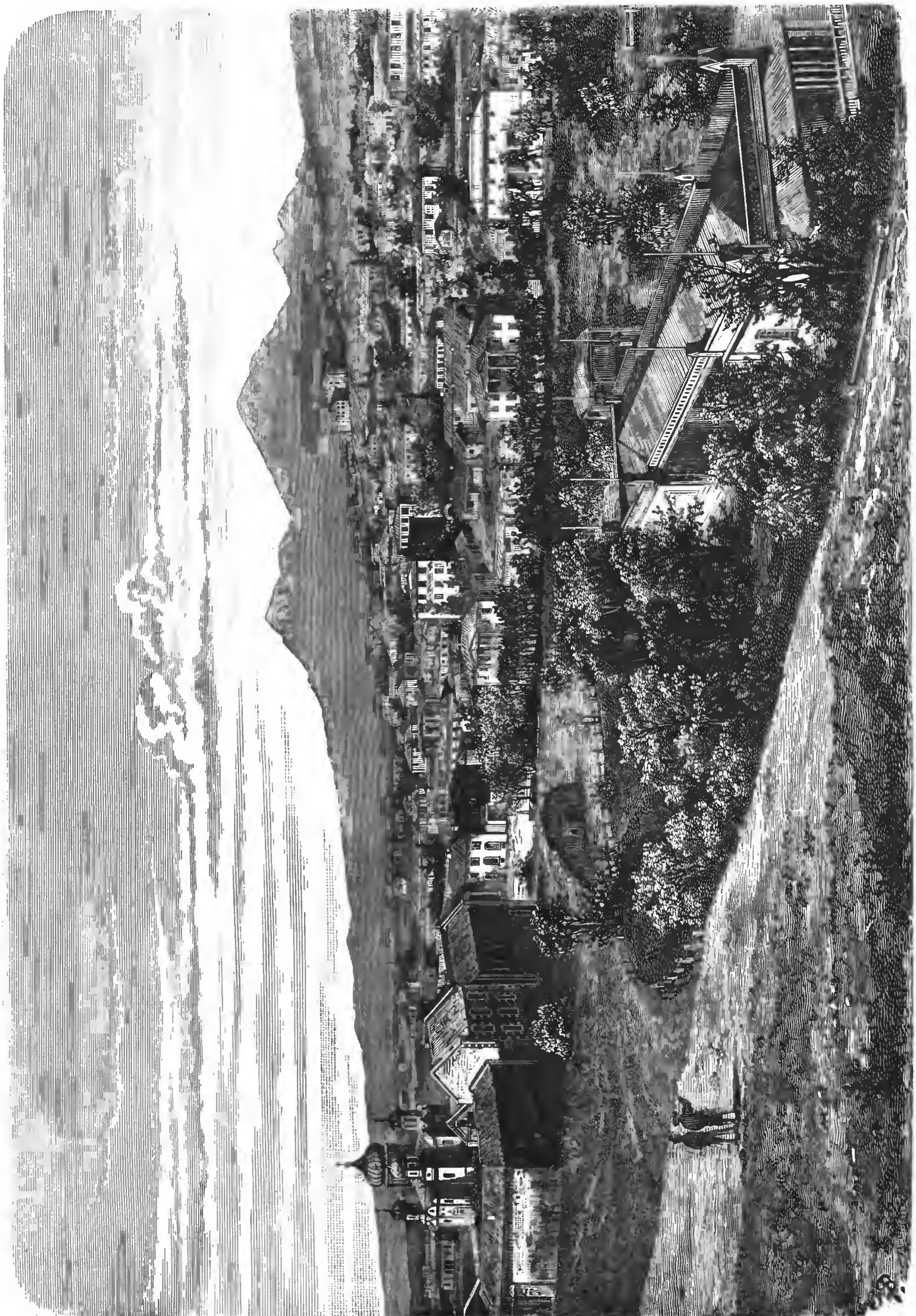
Къ рисункамъ.

Чернильная рыба или осьминогъ.

(Octopus vulgaris).

Морская глубь представляетъ вообще изумительное разнообразіе животныхъ формъ и типовъ, но нѣкоторые виды этихъ водяныхъ обитателей по странности своего строенія и по особенности отправленій различныхъ органовъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія естествоиспытателей. Къ такимъ безспорно принадлежитъ вся группа слизняковъ или моллюсковъ извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *головоногихъ*.

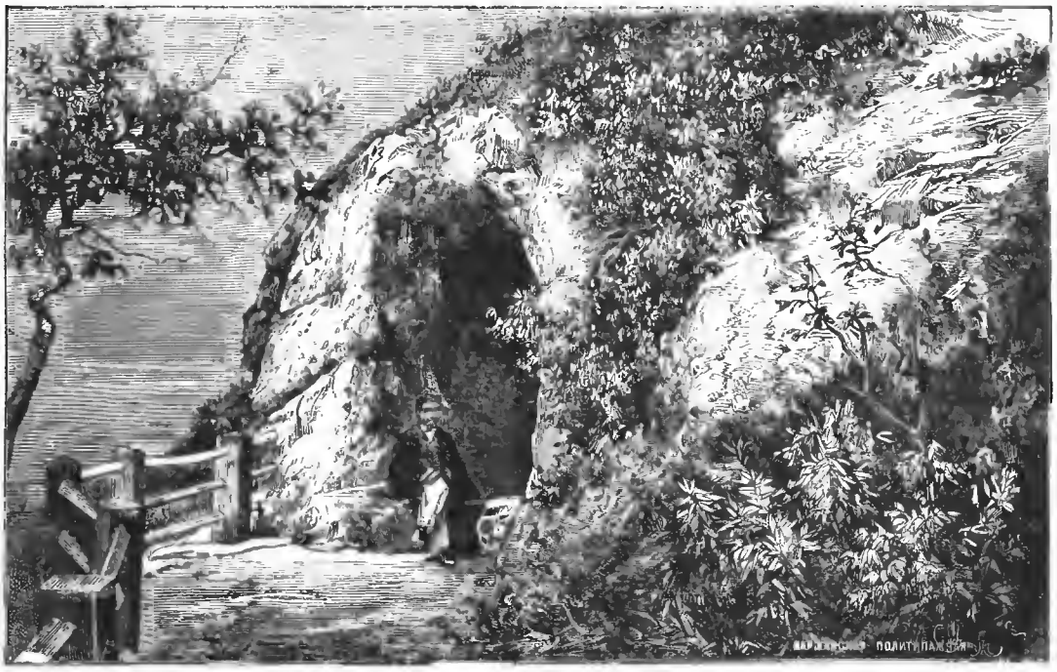
Библиотека "Руниверс"



Русскія Минеральныя Воды. Общій видъ города Пятигорска. Рис. Подбѣльскій, грав. Путиръ.

Библиотека "Руниверс"

Головоногія (Cephalopodae) образуютъ нѣчто среднее между низшими безскелетными или безпозвоночными и высшими скелетными или позвоночными животными. Если судить по окаменѣлостямъ, то въ первобытныя времена ихъ водилось въ моряхъ великое множество, и достигая исполинскихъ размѣровъ, они имѣли самыя странныя и чудовищныя формы. Теперь эти моллюски немногочисленны во всѣхъ моряхъ и рѣдко встрѣчаются среди ихъ громадные по величинѣ.



Гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ. Рис. Подбѣльскій, грав. Бароновскій.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ представителей этихъ любопытныхъ животныхъ—осьминогъ, представленный на нашей картинкѣ, можетъ служить вообще ихъ прототипомъ. Онъ принадлежитъ къ двухребенымъ головоногимъ и обладаетъ весьма странной формой организаціи. Брэмъ даже находитъ въ его фигурѣ нѣкоторое сходство съ фигурой слона. И дѣйствительно, всматриваясь въ него, мы увидимъ, что у него непосредственно надъ глазомъ начинается воронкообразное расширеніе передней части тѣла, подъ которой висятъ восемь длинныхъ придатковъ, замѣняющихъ животному и руки, и ноги, такъ какъ они снабжены круглыми присосками, съ помощью которыхъ животное можетъ присасываться къ постороннимъ тѣламъ и задерживать захваченную добычу. Задняя часть животнаго имѣетъ видъ толстаго и припухлаго носа или скорѣе хобота, такъ какъ при ходьбѣ эта часть совершенно отвисаетъ. Въ ней помѣщаются жабры и сердце, весьма простое по устройству и имѣющее назначеніе воспринимать кровь, обновленную кислородомъ въ жабрахъ. Это животное обладаетъ весьма развитой нервной системой, снабжено глазами по одному на каждой сторонѣ головы, покрытыми тонкою, прозрачною кожицею, ухомъ, состоящимъ изъ небольшого углубленія въ головномъ хрящѣ, и ртомъ, имѣющимъ сходство съ клювомъ попугая. Въ состояніи покоя все тѣло моллюска

Русскія Минеральныя Воды. Видъ Желѣзноводска. Рис. Подбѣльскій, грав. Бароновскій.

Библиотека "Руниверс"

бѣло-сѣраго цвѣта и потому его очень трудно замѣтить когда онъ сидитъ въ уголку какого нибудь утеса. При движеніи поверхность его кожи, особенно спина, окрашивается въ разные цвѣта; на всемъ тѣлѣ появляются полосы, дѣлающіяся то свѣтлыми, то темными. Точно такія же измѣненія въ цвѣтѣ кожи, происходящія отъ присутствія въ ней красящихъ веществъ, замѣчаются у этого животнаго въ то время, когда оно чѣмъ-нибудь раздражено. Кромѣ того, при этомъ голова моллюска вспухаетъ и на всей верхней части его тѣла вскакиваютъ припухлые бугры. Осьминогъ, какъ и другія головоногія съ двумя жабрами, имѣетъ въ своей печени пузырь, заключающій въ себѣ черную или скорѣе бурую жидкость и потому называемый *чернильнымъ мѣшкомъ*. Въ случаѣ опасности, или когда нарушаютъ ихъ обычный покой, они испускаютъ изъ себя эту жидкость и дѣлаются невидимы въ густомъ, чернильномъ облакѣ.

Росмеслеръ, упоминая объ этомъ свойствѣ головоногихъ, очень остроумно сравниваетъ ихъ въ этомъ отношеніи съ нѣкоторыми людьми, у которыхъ чернила, также служитъ для того, чтобы мутить окружающую ихъ среду. Изъ этого сока головоногихъ приготовляется коричневая краска, извѣстная подъ названіемъ сепіи. Осьминогъ какъ и прочія головоногія, не смотря на непривлекательность и даже уродливость своей внѣшности, постоянно ловится на всѣхъ берегахъ средиземнаго моря и употребляется въ пищу особенно зажаренный въ горячемъ маслѣ. Въ Ниццѣ, напримѣръ, попадаются осьминоги 9 футовъ длины и до 50 фунтовъ вѣсомъ.

Осьминогъ хищникъ, но только среди утесовъ и берговыхъ скалъ, гдѣ онъ подстерегаетъ беззащитнаго крабба или рака. Осмотрительный, медленно движущійся, онъ сидитъ уединенно на днѣ моря въ уголку подводнаго камня, крѣпко присасываясь къ нему своими придатками, или ползаетъ по берегу и прячется тамъ въ разщелинахъ, чтобы выжидать свою добычу. Увидя ее, онъ тотчасъ же выходитъ изъ своей засады и крѣпко обхватываетъ ее своими придатками. Жертвѣ нѣтъ спасенія, осьминогъ привлекаетъ ее къ себѣ все ближе и ближе и черезъ нѣсколько минутъ, высосавъ мягкія части бѣднаго рака, онъ оттолкнетъ отъ себя одну его сухую вылущенную скорлупу. Н.

Завтракъ. Сцена изъ французской жизни временъ Директоріи.

Прежде чѣмъ сказать о картинѣ, прекрасный рисунокъ которой помѣщенъ въ настоящемъ № «Нивы», считаемъ нелишнимъ дать нѣкоторое понятіе о томъ времени, которое извѣстно въ исторіи Франціи подъ названіемъ «Время Директоріи» и которое художникъ избралъ для своей картины. Задачи, въ смыслѣ историческомъ, художникъ въ этой картинѣ почти не преслѣдуетъ и ограничивается только вѣрнымъ воспроизведеніемъ внѣшней обстановки жизни и костюмовъ того времени.

Время Директоріи предшествовало избранію Наполеона главою правленія во Франціи. Въ 1795 году французская конституція преобразовала революціонное правленіе, замѣнивъ конвентъ двумя палатами, подъ названіемъ Совѣта Пятисотъ и Совѣта Старшинъ. Совѣтъ Пятисотъ предлагалъ Совѣту Старшинъ законы и утверждалъ ихъ. Исполнительная власть была ввѣрена пяти директорамъ, избиравшимся Совѣтами. Собраніе это и называлось Директоріей. Во время Директоріи были сдѣланы замѣчательные походы въ Австрію, Италію, Египетъ, обнародована свобода вѣроисповѣданій и т. д. и т. д. Время было полно поразительныхъ событій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что супругъ, въ изображенной художникомъ сценѣ, рѣшительно не обращаетъ вниманія на свою хорошенькую жену. Его вниманіе приковано къ газетѣ, которую онъ молча читаетъ. Молодая женщина наливаетъ въ свою чашку шоколадъ и безъ сомнѣнія ждетъ, когда мужъ разскажетъ ей особенно интересное изъ сообщаемаго въ № газеты. Что она не безучастно относится къ чтенію газеты, это видно изъ того, что молодая женщина даже не замѣчаетъ ласкъ своей красивой собаки.

Мы можемъ судить сами по характеру настоящаго времени, какое любопытство и вниманіе въ насъ возбуждаютъ печатаемыя въ газетахъ извѣстія о важныхъ событіяхъ, совершающихся теперь.

Рисунокъ, помѣщенный въ «Нивѣ» даетъ полное представленіе о несомнѣнныхъ достоинствахъ картины «Завтракъ во время Директоріи». Особенно хороша нѣсколько наклоненная фигура молодой женщины и чрезвычайно мастерски сдѣланы складки ея шелковаго платья. Вообще все выполнено прекрасно, правильно, эффектно и такой рисунокъ, какъ этотъ, можетъ служить украшеніемъ любого иллюстрированнаго журнала.

Воспламененіе эѳирныхъ паровъ нѣкоторыхъ растеній.

Всѣмъ извѣстно, что пахучесть цвѣтовъ и растеній зависитъ отъ присутствія въ нихъ эѳирнаго масла, которое, улетучиваясь, производитъ впечатлѣніе на наше обоняніе. Нѣкоторыя изъ растеній, очень богатыя этимъ масломъ, выдѣляютъ пары его въ такомъ количествѣ, что образуютъ около себя цѣлую атмосферу эѳирнаго газа. Таковъ Ясенецъ, (Diactamnus Fraxinella), у котораго выдѣляющійся эѳирный газъ можетъ даже воспламениться, подобно тому какъ вспыхиваетъ эѳирное масло лимонной корки, при сдавливаніи ея надъ горящей свѣчкой. Разсказываютъ, что дочь знаменитаго шведскаго ботаника Линнея (XVIII в.), войдя однажды ночью въ садъ съ зажженною свѣчею, приблизилась къ Ясенцу—и вдругъ около него поднялось яркое пламя: это былъ первый случай открытія воспламененія воздуха (какъ полагали тогда). Когда было сдѣлано нѣсколько опытовъ, то убѣдились, что вспыхиваетъ не воздухъ, а выдѣляющееся эѳирное масло, такъ какъ содержащія его железки, расположенныя по всему соцвѣтію, послѣ этого лопались. Чтобы сдѣлать наблюденіе надъ подобнымъ воспламененіемъ, нужно имѣть тихій, безвѣтренный вечеръ, или же помѣстить растеніе (см. рисунокъ) въ стеклянный ящикъ, въ которомъ можетъ скопиться газъ; тогда стоитъ только поднести зажженную свѣчу—и газъ воспламеняется.

Другія растенія испускаютъ изъ себя въ темнотѣ по временамъ свѣтовые лучи, на подобіе блистанія молніи. Это явленіе приписываютъ дѣйствію электричества. Оно было замѣчено впервые также дочерью Линнея.

Но воспламеняться можетъ не одно только эѳирное масло растеній: легко вспыхиваетъ также плаунное сѣмя, имѣющее видъ желтаго порошка, въ которомъ сохраняютъ отъ сырости пилюли въ аптекахъ и который употребляютъ для фейерверковъ, искусственнаго представленія молніи въ театрахъ и т. п.

Амуръ и Психея.

(Картина Etty).

Психея—этотъ греко-римскій миѳъ дѣвушки рѣдкой красоты, внушившей пламенную любовь Амуру, можетъ безспорно считаться однимъ изъ самыхъ поэтическихъ созданій древности. Немудрено, что ея похожденья и страданія всегда воплощались во множествѣ разныхъ произведеній какъ въ области поэзіи, такъ и искусства. Апулей Лафонтенъ и нашъ соотечественникъ Богдановичъ вдохновлены ими и цѣлый легіонъ художниковъ избиралъ ихъ темой своихъ произведеній. Самая фабула столь извѣстна, что мы считаемъ излишнимъ напоминать здѣсь ея содержаніе, тѣмъ болѣе, что общеизвѣстная «Душенька» Богдановича разошлась по Руси въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. И теперь еще читается, не смотря на значительную престарѣлость ея языка.

Помѣщаемая нами гравюра—подлинный снимокъ съ картины англійскаго художника Etty, бывшей на лондонской выставкѣ, носитъ названіе: «Амуръ, защищающій Душеньку отъ приближающейся бури» Это небольшая, но замѣчательная по оконченности отдѣлки и яркости колорита, картина воспроизводитъ тотъ моментъ, когда сгустившіяся, мрачныя облака уже возвѣщаютъ о приближеніи бури и когда,

Испуганно прелестная Психея
Защитѣ милаго всецѣло предалась,
Любовно къ ней Амуръ склоняяся и млѣя,
Ее прикрылъ собой, чтобъ буря пронеслась,
Ея коснуться не посмѣя...

Внутреннія извѣстія

(за истекшую треть года).

Прошлая зима по всей Россіи была холодная; въ сѣверныхъ губерніяхъ морозъ доходилъ до 40° въ южныхъ—мѣстами были сильныя мятели, даже бури. Такъ, въ Донецкомъ округѣ, съ 26 на 27 января, снѣжная буря засыпала многія землянки, и жители едва-едва спаслись, съ большимъ трудомъ выбравшись изъ-подъ снѣга. Скотъ-же стоялъ, заметенный снѣгомъ, подъ сараями, по двое и даже по трое сутокъ голоднымъ, потому что нельзя было ни привезти, ни принести сѣна изъ стоговъ, находящихся въ поляхъ. *Снѣжные заносы* останавливали движеніе поѣздовъ въ разныхъ мѣстахъ по дорогамъ: Оренбургской, Моршанско-Сызранской, Козлово-Воронежско-Ростовской, Кіево-Брестской, Ростовско-Харьковской, Харьковско-Курской, Одесской и другимъ.

Торговыя дѣла вообще шли тихо; на зимнихъ ярмаркахъ многіе торговцы не платили по векселямъ и даже объявляли себя банкротами, какъ напр. на Крещенской ярморкѣ въ Харьковѣ, гдѣ три крупные оптовые бакалейные торговца объявили несостоятельность на 800 тысячъ руб. Въ Астрахани одинъ рыбопромышленникъ сдѣлался банкротомъ на 120 тысячъ руб., другой хлѣбный купецъ на 90 тысячъ руб. Крупны также банкротства въ Одессѣ, Рыбинскѣ, Орлѣ, Радомѣ, Калишѣ, и въ особенности въ двухъ нашихъ столицахъ, Москвѣ и С. Петербургѣ. Въ послѣднемъ объявили несостоятельность большія 3 банкирскія конторы: Баймакова, Лури и Грабовскаго.

Но подъ шумомъ дѣйствительныхъ банкротствъ, вѣроятно, не мало было и фиктивныхъ. Такъ напр., по газетнымъ извѣстіямъ,

Библиотека "Руниверс"

банкротство одного тюменскаго купца, объявившаго нынѣ несостоятельность на 40 тыс. руб., случилось уже въ *четвертый разъ*!

Банкротства вызвали уменьшеніе кредита въ коммерческихъ банкахъ, а это произвело ограниченіе производствъ на фабрикахъ. Результатомъ послѣдняго явилось множество свободныхъ рабочихъ рукъ и очень понизилась заработная плата. Такъ, въ Ѳеодосіи (Таврич. губ.) поденная плата спускалась до 10 коп., но и за эту цѣну рабочіе не находили работы. Поэтому мѣстная городская управа открыла общественную безплатную кухню, изъ которой бѣднѣйшіе изъ жителей получали горячую пищу и хлѣбъ. *Число рабочихъ*, оставшихся безъ дѣла, представляетъ солидныя цифры: на фабрикахъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ оно простирается до 96 тысячъ человѣкъ, въ Тулѣ до 2 тысячъ, въ другихъ городахъ съ точностью неизвѣстно; надо полагать, что оно также не мало, потому что ограниченіе производствъ произошло въ губерніяхъ Московской, Полтавской, Кіевской, Кѣлецкой, Люблинской, Петроковской и другихъ, т. е. въ губерніяхъ большой фабричной дѣятельности. Въ виду такого критическаго положенія, были выданы рабочимъ нѣкоторыхъ фабрикъ временныя денежныя пособія. Такъ напр., фабричнымъ города Лодзи (Петроковской губ.) по распоряженію мѣстнаго губернатора, роздано вспомоществованій къ празднику Пасхи болѣе тысячи рублей. Для изысканія способовъ къ обезпеченію положенія рабочихъ въ С. Петербургѣ составилась особая правительственная коммиссія, къ участію въ которой приглашены представители города, нѣкоторые фабриканты и заводчики.

Результатомъ не урожая въ прошломъ году на нашемъ югѣ явилось нынѣшней зимой мѣстная *безхлѣбица и безкормица*. Въ Екатеринославской губерніи особенно страдали уѣзды Ростовскій и Маріупольскій; весь продовольственный капиталъ, въ количествѣ 140 тысячъ руб., былъ розданъ для вспоможенія, но требованій о помощи было на 500 тысячъ руб. Въ Донской области во многихъ станицахъ жители кормили голодный скотъ соломенными кровлями своихъ хатъ и продавали его за безцѣнокъ. Въ слободѣ Миньковой Донецкаго округа возъ сѣна стоилъ 50 руб. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Міусскаго округа (Донской области) крестьяне примѣшивали къ хлѣбу толченую древесную кору; поэтому имъ разрѣшено отпустить въ ссуду въ 50 тысячъ руб. на покупку хлѣба для обсѣмененія полей. Въ уѣздахъ Темрюкскомъ и Закубанскомъ Кубанской области многочисленныя заявленія нуждающихся о ссудѣ хлѣба или денегъ на покупку его вызвали учрежденіе особаго комитета изъ уѣздныхъ начальниковъ, Екатеринодарскаго городского головы и вицегубернатора, для изысканія средствъ къ удовлетворенію нуждъ населенія. Комитетъ этотъ опредѣлилъ: 4,650 казачьимъ семействамъ Закубанскаго уѣзда отпустить ссуду хлѣбомъ изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ Екатеринодарскаго и Кавказскаго уѣздовъ, именно 836 тысячъ пудовъ; 3,930 семействамъ Темрюкскаго уѣзда выдать денежную ссуду въ 64,870 руб. Въ Терской области безхлѣбица и безкормица заставили многихъ сельскихъ жителей бросить свое хозяйство на произволъ судьбы и идти на заработки.

Изъ числа явленій, имѣющихъ большую мѣстную важность, замѣчательны: *самосуды* крестьянъ. Въ Ровенскомъ уѣздѣ (Кіевской губерніи) въ селѣ Горбатовѣ, крестьяне утопили въ р. Горвети поджигателя, причинившаго убытокъ на 12 тыс. руб.; въ Каневскомъ уѣздѣ, селѣ Яцюковѣ, 8 крестьянъ, поймавъ и убивъ вора, бросили его въ р. Рось. Въ трехъ уѣздахъ Волынской губерніи и во многихъ мѣстахъ Закубанской области крестьяне произвели большое избіеніе конокрадовъ и воровъ.

Выселенія нѣмцевъ-колонистовъ въ Америку стали происходить даже и изъ тѣхъ плодороднѣйшихъ и лучшихъ поволжскихъ мѣстностей Самарской губерніи, на которыхъ колонисты сидѣли цѣлыя 100 лѣтъ, со времени отведенія имъ этихъ земель Екатериною II, когда великая правительница надѣлила ихъ безплатно, кромѣ земель, и всѣмъ хозяйствомъ. Причиною выселенія—нежеланіе отбывать общесословную воинскую повинность.

Случаи *несчастій на желѣзныхъ дорогахъ* болѣе выдающіеся были: 3 января на Фастовской желѣзной дорогѣ, въ 274 верстахъ отъ Кіева, товарный поѣздъ сошелъ съ рельсовъ и упалъ съ насыпи, причемъ убиты помощникъ машиниста и рабочій; ранены оберъ кондукторъ и двое изъ прислуги. 3-го февраля на Привислянской желѣзной дорогѣ свалился, близь станціи Дорогускъ, рабочій поѣздъ; машинистъ и рабочій получили ушибы, помощникъ машиниста раненъ. 25 февраля поѣздъ, шедшій изъ Новочеркаска въ Нахичевань, провалился на мосту; вагоны разбились въ дребезги, 3 человѣка убито и 6 ранено. 12 марта, на 68 верстѣ Калкунской вѣтви Либавской желѣзной дороги, произошло столкновение вспомогательнаго паровоза съ пассажирскимъ поѣздомъ, при чемъ 11 пассажировъ легко ранено и 2 пассажира и 1 сторожъ получилъ болѣе серьезное увѣчье. 23 марта *свалился съ невысокой насыпи*, между станціями Дукшты и Игналино, по варшавской дорогѣ, почтовый поѣздъ, шедшій изъ Петербурга: локомотивъ упалъ подъ откосъ, за нимъ послѣдовалъ и багажный вагонъ; первые вагоны 3-го, 2-го и 1-го классовъ накренились болѣе или менѣе сильно, остальные же всѣ безъ исключенія, сошли съ рельсовъ, но устояли. Путь страшно исковерканъ. Машинистъ убитъ на мѣстѣ дровами, обрушившимися на него при паденіи паровоза. Изъ публики и прислуги никто не раненъ. 20 марта, близь станціи Скуратово, московско-курской желѣзной дороги, поѣздъ № 4 слетѣлъ съ насыпи. Три вагона 3-го класса разбиты; пострадавшихъ пассажировъ насчитываютъ 150 человѣкъ. По слухамъ, причиною несчастія размытая водою насыпь.

Работы подъ руководствомъ полковника Жилинскаго *по осушкѣ болотъ Полѣсья* быстро подвигаются. Къ январю было сдѣлано 300 верстъ каналовъ, при посредствѣ которыхъ должна осушиться мѣстность въ 200 тысячъ десятинъ. Изъ числа этихъ каналовъ 200 верстъ удобны для сплава по нимъ лѣса въ Припять и Днѣпръ, при чемъ расходъ по сплаву удешевился противу прежняго въ 10 разъ.

Въ городѣ Лодзи, Петроковской губерніи, фабрикантъ Шейблеръ устроилъ безплатную школу для дѣтей рабочихъ своей фабрики, а въ г. Озурковѣ, Калишской губерніи, фабрикантъ Шлоссеръ устроилъ такую школу для всѣхъ дѣтей города, безъ различія званій и исповѣданій.

Съ открытіемъ навигаціи на нашемъ сѣверѣ устроена будетъ спасательная станція на Новой Землѣ.

Большая кража была совершена въ Кіевскомъ коммерческомъ банкѣ, кассиромъ его, именно 950 тысячъ руб. Также значительная кража была сдѣлана въ управленіи Архангельскаго порта, гдѣ похищены лоцманскія суммы.

Почта, шедшая во время весенняго разлива изъ Таганрога въ Маріуполь, потонула, причемъ потеряна была сумка съ 20 тысячами рублей денежной корреспонденціи. Сумка эта была доставлена потомъ нашедшимъ ее крестьяниномъ въ цѣлости.

Въ Одессѣ устраивается голубиная почта, для чего пріобрѣтено болѣе 400 голубей.

При Кіевскомъ университетѣ утвержденные высшіе женскіе курсы раздѣлены на 2 отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое.

Народныя чтенія въ Москвѣ, въ 13 мѣсяцевъ своего существованія, были 89 разъ и имѣли 10,922 человѣка слушателей.

Открыты публичные курсы для ознакомленія съ уходомъ за больными и ранеными воинами въ городахъ: С. Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Харьковѣ и Саратовѣ. Устроены во многихъ городахъ и селеніяхъ *кровати для больныхъ и раненыхъ* и предназначены земствами особыя суммы для удовлетворенія могущихъ потребоваться расходовъ на случай войны. Такъ, Саратовское дворянство приняло на свой счетъ устройство въ г. Саратовѣ 800 кроватей; Екатеринославская община сестеръ милосердія въ Новгородѣ устроила 50 кроватей; землевладѣлецъ графъ Браницкій устроилъ на свой счетъ въ своемъ имѣніи Кіевской губ., въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, 12 кроватей; крестьяне малоархангельской волости (Орловской губ.) предложили устройство на свой счетъ въ зданіи волостного правленія 30 кроватей; въ Елизаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губ. крестьяне посада Павловска и селеній Плетенаго Ташлыка и Злынки устроили ледники, сдѣлавъ въ нихъ большой запасъ льду, необходимаго при леченіи раненыхъ воиновъ; инсарское уѣздное земство (Пензенской губ.) ассигновало на случай военныхъ потребностей 55 тысячъ руб.; старобѣльское (Харьковской губ.) 10 тысячъ руб. и проч. и проч. и проч. Образовалось множество отрядовъ сестеръ милосердія. Въ Одессѣ учрежденъ особый комитетъ для пріема братьевъ милосердія. Болѣе 400 монахинь разныхъ монастырей изъявили желаніе поступить на службу при военныхъ лазаретахъ. Монастыри-же съ своей стороны приняли на свой счетъ содержаніе этихъ монахинь за все время нахожденія ихъ при лазаретахъ.

Москва, прочитавъ Высочайшій манифестъ, тотчасъ-же асигновала для оказанія помощи больнымъ и раненымъ воинамъ 1 милліонъ руб. и предложила 1000 кроватей. Петербургъ, конечно, то же не отстанетъ въ этомъ дѣлѣ отъ Москвы какъ и другіе города Россіи.

Разливы рѣкъ повсюду причинили нынѣшней весной много несчастій и убытковъ. Укажемъ на нѣкоторые.

Кубань затопила и размыла хутора, до которыхъ 10 лѣтъ не доходила вода; погибло множество домашнихъ животныхъ; около Курчанской станицы нашли утонувшую женщину съ груднымъ ребенкомъ.

Въ городѣ Мелитополѣ, Таврической губерніи, воды рѣчки Молочной разрушили до основанія множество домовъ. Не мало потерпѣло полотно лозово-севастопольской желѣзной дороги.

Бахмутка вышла изъ береговъ и въ низменной части г. Бахмута затопила многіе дворы, погреба и проникла въ нѣкоторые дома.

Донецъ и Донъ произвели большое опустошеніе. Въ особенности пострадали станицы Самарская, Новобатайская и Кагальникъ. Рѣчка Кагальникъ, черезъ которую построенный мостъ Кавказской желѣзной дороги удерживалъ свободный проходъ льда, запруживая этимъ воду, своимъ разливомъ размыла мазанки Самарскаго селенія совершенно и нанесла убытку на 100 тысячъ рублей.

Рѣчки города Харькова (Харьковка, Лопань и Нешечь) затопили 180 дворовъ, 5 мостовъ, всю набережную и базаръ; убытку насчитываютъ на 1 милліонъ рублей.

Рѣки Волынской губерніи также причинили не мало убытковъ городскому и сельскому населенію.

Въ Кіевѣ разлитіе Днѣпра было громадное. Часть города, называемая Оболонью, равно и Плоская часть Подола залиты во-

Библиотека "Руниверс"

дою. Въ Кіевскомъ уѣздѣ буквально не уцѣлѣла ни одна плотина. Всѣ мельницы—и большія крупчатки, и маленькія раструски на рѣкахъ Припетѣ, Здвижи, Росси и на всѣхъ маленькихъ ручейкахъ подтоплены или снесены. Такого сильнаго разлива Днѣпра не было съ 1845 года.

Городъ Могилевъ-на-Днѣстрѣ такъ пострадалъ отъ наводненія, что необходимы денежныя пожертвованія для поправки положенія жителей. Р. Ворскла въ Кобелякахъ (Полтавской губ.) затопила около 200 хатъ, владѣльцы которыхъ остались безъ

Воспламенеиіе зеирныхъ паровъ нѣкоторыхъ растеній.

крова и всякихъ средствъ. Южный Бугъ нанесъ также много убытковъ городамъ, стоящимъ по его теченью. Г. Вознесенскъ понесъ убытку на 55 тысячъ рублей. Отъ Западнаго Буга пострадалъ Брестъ-Литовскъ.

Западная Двина затопляла значительную часть Риги. Пенза пострадала также не мало отъ разлива Пензы и Суры. Полотна и мосты многихъ желѣзныхъ дорогъ значительно пострадали. *Полотно Одесской желѣзной дороги*, въ уѣздѣ, было *подмыто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водою*. На Кіево-Брестскомъ шоссе, весенними водами сорвало 25-саженный мостъ на 321 верстѣ; повредило мостъ на 332 верстѣ; на 363 верстѣ подмыты откосы.

Кременчугъ почти весь былъ затопленъ. 1,400 семействъ, оставшихся безъ хлѣба и крова, поселились за двѣ версты отъ города. Много утонувшихъ. Водою сносило даже трехэтажные дома.

Вслѣдствіе опасности при теперешнемъ политическомъ положеніи, съ 5 апрѣля прекращены изъ Одессы по Черному морю рейсы пароходовъ «Русскаго Общества», кромѣ сообщенія съ Николаевымъ и Херсономъ. Многіе изъ жителей оставляютъ Одессу.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ 1877 Г.

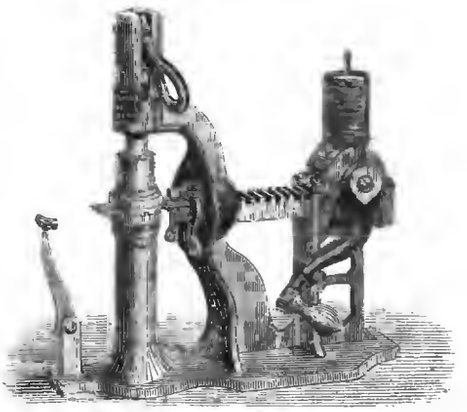
Покорнѣйше просимъ Гг. подписч. нашихъ, при перем. адр. высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . 60 коп.
2) „ „ Иногороднаго на С.-Петербургскій . . 50 „
3) „ „ Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 24 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Новое изобрѣтеніе.

ШТОПАЛЬНАЯ МАШИНА.

Эта машина имѣетъ 14 иголокъ, съ двойною ниткою каждую, и штопаетъ заразъ 28 нитками, передергивая ихъ отъ одного края дыры къ другому. Всякій чулокъ, какъ-бы онъ не былъ пропошенъ, даже неоднократно штопанъ, можно очень быстро починить при посредствѣ этой машины: стоитъ только обрѣзать



Штопальная машина.

всѣ износившіяся штопки и сдѣлать машинною новую ткань. Ухода за машиной не нужно, поправокъ она тоже не требуетъ и можетъ быть поставлена для работы на всякій столъ. Работать на ней можно научиться въ нѣсколько минутъ. Въ настоящее время такія машины привезены уже въ Лейпцигъ и Дрезденъ, гдѣ продаются по 50 марокъ, т. е. на наши деньги около 16 руб. Скоро, вѣроятно, появятся и въ Петербургѣ.

Смѣсь.

Въ Константинополѣ болѣе 12,000 сарафовъ, т. е. мѣнялъ, платящихъ правительству ежегодно налогъ въ 54,000 турецкихъ лиръ (около 400,000 р.). Мѣнялы эти занимаются всякаго рода денежными операціями, но по преимуществу ссудою денегъ на чудовищные проценты, отъ 15 до 20% въ мѣсяцъ.

Наличныя военныя силы Франціи. Подъ ружьемъ въ строю 455,000, въ лагеряхъ и крѣпостяхъ—210,000, въ отпуску 325,000, въ кадровыхъ депо—310,000, итого регулярныхъ войскъ 1.300,000; береговой и лѣсной стражи—25,000, территоріальныхъ войскъ—500,000; всего вооруженнаго и годнаго къ бою контингента—1.825,000.

Обрядъ при смерти папы. Едва римскій первосвященникъ испускаетъ духъ, кардиналъ камерлингъ, облеченный въ траурное (фіолетовое) одѣяніе, послѣ краткой молитвы, отдернувъ скрывавшій усопшаго покровъ, трижды ударяетъ его серебрянымъ молотомъ въ чело, всякій разъ громко называя по имени. Потомъ онъ обращается къ присутствующимъ, со словами: «воистину папа скончался», читаетъ «de profundis», окропляетъ тѣло святою водою, отбираетъ первосвященническій перстень (имѣющій быть разломаннымъ въ первомъ общемъ собраніи кардиналовъ), и оповѣщаетъ городъ о кончинѣ папы. Гудитъ большой колоколъ Капитолія, ему отвѣчаютъ со всѣхъ соборовъ и церквей. Тѣло омывается душистыми водами, на слѣдующія сутки бальзамируется, облекается въ первосвященническія одежды и выставляется на поклоненіе. На четвертый день начинаются погребальныя церемоніи, онѣ продолжаются девять дней...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. **В. Сок—ову.** Неужели это вы про себя пишете.

Исчезли свѣтлыя надежды,
Какъ мимолетный солнца лучъ,
Блеснувъ на мигъ *въ глазахъ невѣжды*
Изъ-за свинцовыхъ бурныхъ тучъ.
Исчезло все, тоскуй же море
И слезы вмѣстѣ лей со мной.

Такое желаніе хотя и выраженное въ повелительномъ наклоненіи, полагаемъ не будетъ исполнено, хотя бы вы себя и еще сильнѣе обругали.

2. **Москва З. С—вичъ.** Наше молчаніе вы находите:

„Крайне не любезнымъ въ отношеніи къ дамѣ, особенно въ нашъ цивилизованный вѣкъ, гдѣ прогрессъ, переходя законныя границы, наводняетъ Европу“.

Благодарнмъ за сообщеніе о предстоящемъ потопѣ, но присланныхъ стиховъ все таки напечатать не можемъ.

3. **Москва. Е. П. Л—у.** Вы спрашиваете, гдѣ найдти указанія и рисунки для убранства комнатъ. Не трудитесь искать: они будутъ вамъ присланы въ томъ номерѣ „Нивы“ при которомъ приложатся моды на май мѣсяцъ.

4. **СПБ. М. Дворянская Г. Бор—у.** Рано посылать для напечатанія свои труды. Лѣтъ пять-шесть поработайте, да поусерднѣе, можетъ быть, что нибудь и выйдетъ путное.

Прибавленіе на стр. 279 и 280.

Библиотека "Руниверс"

Политическія и военныя извѣстія.

Въ настоящее время военныя дѣйствіи происходятъ на *трехъ* театрахъ: 1) въ Западной части Балканскаго полуострова (на этомъ театрѣ военныя дѣйствія уже начались довольно давно, такъ какъ они составляютъ естественный результатъ истекшаго перемирія съ турками). 2) На востокѣ Балканскаго полуострова, въ долинѣ Дуная, въ Румыніи, Болгаріи и Сербіи, и 3) Въ Азіи, на границахъ Россіи съ Турціей, въ пространствѣ между *Александрополемъ, Эрзерумомъ, Карсомъ* и *Батумомъ*. На всѣхъ этихъ *трехъ* театрахъ теперь уже начались дѣйствія.

Турція распредѣлила свои войска по упомянутымъ *тремъ* театрамъ довольно разсчитанно. На западномъ театрѣ у нея около 55,000 войскъ; на восточномъ сосредоточено около 180,000; здѣсь еще разсчитываютъ на присоединеніе кочевниковъ изъ Азіи. На этомъ восточномъ театрѣ находятся всѣ имѣющія огромную важность турецкія желѣзнодорожныя сообщенія и первоклассныя турецкія крѣпости: *Виддинъ, Рущукъ, Силистрія, Шумла* и *Варна*. Что касается азіатскаго театра войны, то и тамъ войска у турокъ насчитывается собственно регулярныхъ войскъ до 40 т и кромѣ того, милиціи до 60 т. всего до 100 тыс. чел. Затѣмъ надо прибавить, что турецкая военная дисциплина и вооруженіе теперь далеко ушли впередъ, слѣдовательно Турцію теперь ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать *слабымъ* противникомъ.

Наши войска, какъ извѣстно, двинулись по *двумъ* главнымъ направленіямъ: а) черезъ Прутъ войска, долженствующія оперировать въ Дунайской долинѣ, и затѣмъ войска, расположенныя на Кавказѣ, изъ которыхъ главное мѣсто занимаетъ корпусъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. Эта часть арміи перешла границу азіатской Турціи, на восточномъ берегу Чернаго моря. Это громадный, такъ сказать, клинъ материка, вдвинутый между Каспійскимъ и Чернымъ морями, заключающій въ себѣ Кавказъ. Съ давнихъ временъ, это мѣсто служило театромъ нашихъ, почти всегда удачныхъ, военныхъ столкновеній съ персами; далѣе—упорная борьба съ дикимъ населеніемъ Кавказа и затѣмъ съ турками. Въ Крымскую кампанію этотъ театръ войны былъ почти безусловно счастливъ для насъ; турки еще помнятъ тѣ пораженія, которыя нѣкогда испытывали здѣсь. Одною изъ важныхъ операцій турецкаго флота въ этомъ пунктѣ (на восточномъ берегу Чернаго моря) будетъ, безъ сомнѣнія, бомбардированіе разныхъ находящихся здѣсь приморскихъ укрѣпленій, въ родѣ форта Св. Николая, Поти и проч. И дѣйствительно уже и теперь были безуспѣшныя, впрочемъ, попытки бомбардированія турками упомянутыхъ приморскихъ укрѣпленій, какъ увидимъ дальше.

Главнокомандующимъ турецкою арміей назначенъ Абдулъ-Керимъ-паша, занимавшій эту должность и въ минувшую сербскую войну и еще прежде участвовавшій въ кампаніи 1855 г въ Закавказьѣ (тогда онъ былъ уже трехбунчужнымъ пашею). Въ роли помощника его состоитъ Ахмедъ-Эюбъ-паша, тоже извѣстный по минувшей сербской войнѣ. Что касается турецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Дунайской долинѣ, то они распредѣлены по Дунаю отъ крѣпости Виддинъ до береговъ Чернаго моря, на протяженіи 800 верстъ. Эта громадная линія боевого расположенія турецкихъ войскъ прикрыта, какъ видно на картѣ, съ фронта Дунаемъ, а съ праваго фланга. Чернымъ моремъ. Лѣвый же флангъ ея прикасается къ границамъ Сербіи, сѣверо-восточный уголъ которой соприкасается съ Валахіей. При этомъ у Турнъ-Северина желѣзная дорога изъ Бухареста подходитъ къ самому берегу Дуная противъ сербской крѣпости Кладово. Удобнѣйшія переправы черезъ Дунай, считая съ запада, находятся въ слѣдующихъ пунктахъ: у *Рахова, Никополя, Туртукая* и *Силистріи*. Поэтому-то здѣсь турки и сосредоточили свои войска массивною цѣпью до 80,000 человѣкъ, чтобы затруднить русскимъ переходъ чрезъ Дунай. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ протяженіи теченія Дуная до Чернаго моря, отъ Черновода до Сулины, правый берегъ рѣки имѣетъ дикій пустынный характеръ, крайне затрудняющій переправу. Этотъ-то уголъ Болгаріи между Дунаемъ и Чернымъ моремъ извѣстенъ подъ именемъ Добруджи, и въ немъ полагаютъ наименьшее количество турецкихъ войскъ, и именно иррегулярныхъ, въ родѣ черкесовъ и проч. Однакожь, въ случаѣ высадки нашихъ войскъ въ Добруджу, туда подоспѣютъ на помощь иррегулярнымъ войскамъ по желѣзнымъ дорогамъ подкрѣпленія изъ Силистріи и Варны. Движеніе нашей арміи (какъ видно на картѣ) составляетъ почти вертикальную линію, упирающуюся въ Добруджу, но послѣдняя не можетъ, однако, составлять цѣль движенія нашихъ войскъ. Удачное движеніе на Добруджу, если таковое входитъ въ планъ нашихъ дѣйствій, возможно только по занятіи укрѣпленій у устьевъ Дуная, какъ опорныхъ пунктовъ. Упомянутая прямая линія неизбѣжно обусловливается направленіемъ желѣзной дороги, ведущей отъ границъ Россіи, черезъ Яссы, въ Галацъ, расположенный на Дунаѣ, и засимъ желѣзная дорога круто поворачиваетъ къ юго-западу отъ Галаца, черезъ Браиловъ на Бухарестъ. Не далеко отъ Галаца впадаетъ въ Дунай рѣка Серретъ, черезъ устье которой и проведенъ желѣзно-дорожный мостъ, у селенія Барбаша. Эти пункты, для успѣшнаго начала операцій, нужно было занять нашимъ войскамъ. Дѣйствительно, такъ и случилось, и наши войска уже заняли и Браиловъ, и Галацъ, и Барбашскій мостъ чрезъ Серретъ. Эти первыя наши удачныя операціи возбудили всеобщій интересъ!

Мы нарочно распространились топографическимъ описаніемъ Дунайскаго театра войны, чтобы для читателя былъ впослѣдствіи понятенъ дальнѣйшій ходъ нашихъ военныхъ операцій въ этой мѣстности, и чтобы, наконецъ, намъ въ будущихъ нашихъ объясненіяхъ военныхъ извѣстій, уже не возвращаться болѣе къ элементарнымъ географическимъ и топографическимъ описаніямъ.

Обращаемся къ хронологическому сообщенію самыхъ дѣйствій начавшейся войны.

13 апрѣля телеграмма изъ Кишинева сообщила, что наши войска, стоящія въ пограничныхъ мѣстахъ, перешли границу, т. е. вступили въ Румынію въ *трехъ* пунктахъ; *Унгенахъ, Бештанахъ* и противъ *Кубея*. Къ вечеру того же дня они вступили въ Яссы, Леово, Галацъ и заняли Барбашскій *) мостъ на рѣкѣ Серретѣ, причемъ казаки сдѣлали около 100, а пѣхота 70 верстъ до Рени (румынскаго города, лежащаго при впаденіи Прута въ Дунай). Затѣмъ, на слѣдующій день, 14 апрѣля, телеграммою Его Императорскаго Высочества, главнокомандующаго дѣйствующею арміей, сообщено, что войска изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ полковника Бискупскаго, заняли 13 апрѣля *Галацъ, Браиловъ*, а также и мостъ на рѣкѣ Серретѣ, о занятіи котораго сообщила и предшествующая телеграмма. Затѣмъ телеграммою Его Высочества главнокомандующаго извѣщено, что командиръ 11-го армейскаго корпуса, князь Шаховской, благополучно занялъ 15 апрѣля ввѣренными ему войсками *Галацъ* и *Браиловъ*. По всѣмъ путямъ, прибавляетъ телеграмма, наши войска встрѣчаются жителями самымъ радушнымъ образомъ. *Измаилъ* и *Килія* заняты войсками 36 дивизіи, встрѣченными здѣсь съ восторгомъ. Итакъ по 16 апрѣля заняты нашими войсками *четыре* весьма важные пункта: *Галацъ, Браиловъ, Измаилъ* и *Килія* (первые два стоятъ на предположенномъ стратегическомъ пути по желѣзной дорогѣ до Бухареста, а послѣдніе находятся близь устьевъ Дуная и представляются важными опорными пунктами при движеніи нашихъ войскъ въ Добруджу, которую мы уже характеризовали выше.

За тоже время на азіатскомъ театрѣ войны произошло слѣдующее (по телеграммѣ г. военнаго министра):

12 апрѣля, вслѣдъ за объявленіемъ войны, войска наши, собранныя въ Александрополѣ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, перешли границу *двумя колоннами*, изъ которыхъ лѣвая дошла до Мулла-Муса, а правая до Башъ-Шурагена; кавалерія шла впереди. Дивизіонъ нижегородскаго драгунскаго полка и казаки имѣли небольшую стычку съ Куртинскою конницей. При этомъ куртинцы потеряли *нѣсколько человѣкъ*, а съ нашей стороны ранена одна лошадь. На другомъ пунктѣ границы, при перестрѣлкѣ убитъ 1 казакъ, со стороны же непріятеля убито четверо. Вообще въ этотъ *первый* день военныхъ дѣйствій нашими отрядами взято въ плѣнъ до 7 офицеровъ и до 100 солдатъ. На слѣдующій день (13 апрѣля) войска Александропольскаго корпуса находились у Кизилы-Чехчаны **). Въ этотъ день войска Ріонскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо начали наступленіе двумя колоннами. Лѣвая колонна, генералъ-маіора Денибекова, послѣ жаркаго дѣла, заняла въ 6 час. вечера барачный лагерь у турокъ у *Мухастера*. Правая же колонна, генералъ-маіора Шереметьева, подвигаясь съ перестрѣлкой, выступила на Ачамурскую дорогу. Наша потеря въ этотъ день около *30 человѣкъ* Въ томъ числѣ раненъ командиръ 6 батареи 41 артиллерійской бригады подполковникъ Мусхеловъ. Кромѣ регулярныхъ войскъ, въ этомъ дѣлѣ заслужила похвалу Гурійская дружина. Въ тотъ же день ва морѣ, между Чуруксу и постомъ Николаевскимъ показались турецкіе броненосцы. Затѣмъ 15 апрѣля наша пѣхота перешла къ Кюрюкъ-Дара, а кавалерія къ Суботину и Хаджи-Вали. Уже упомянутый выше Ріонскій отрядъ генералъ-лейтенанта Оклобжіо, 14 апрѣля занялъ окончательно сильную позицію у Мухастера (гдѣ 13-го былъ занятъ турецкій барачный лагерь). Турки вели перестрѣлку, но совершенно для насъ безвредную. Въ тотъ же день (14) *три* турецкихъ броненосца подошли къ нашему пограничному посту Св. Николая и начали было бомбардировать его, но вскорѣ удалились. У поста Св. Николая стоялъ батальонъ Александровскаго пѣхотнаго полка; и при этомъ убитъ съ нашей стороны 1 унтеръ-офицеръ и 1 рядовой раненъ. На разсвѣтѣ 15-го апрѣля, броненосцы приблизились-было къ Поти, но вскорѣ удалились, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

— На другой день, (16 апрѣля) обстрѣливали снова постъ Св. Николая. Однакожь не нанесли ему серьезнаго вреда, такъ какъ ядра летѣли мимо, вслѣдствіе дурного прицѣла.

— Изъ Александрополя (восточн. театра войны) телеграфируютъ, что главныя наши силы, переправясь благополучно черезъ

*) Барбашскій мостъ, какъ уже упомянуто выше, находится на пути изъ Галаца въ Браиловъ.

**) На пути изъ крѣпости Александрополя въ Карсу, въ 22 верстахъ отъ перваго и 47 отъ послѣдняго.

Библиотека "Руниверс"

рѣку Карсъ-Чай, расположились на иочлегъ: пѣхота въ Кюрюнъ-Дора, кавалерія въ Хаджи-Вали и Субботинѣ. Здоровье и настроеніе нашихъ войскъ превосходны. Мѣстная турецкая кавалерія почти вся разбѣжалась; часть ея перешла на нашу сторону и желаетъ сражаться противъ турецкихъ регулярныхъ войскъ, часть же разошлась по домамъ. 16 же числа въ Шурмельскомъ округѣ введено русское управленіе. Мѣстное населеніе при этомъ не только не оказало сопротивленія, но приняло руссиую власть какъ благодѣяніе

— Изъ Ахалцыха отъ 17 апрѣля телеграфируютъ, что колонна, состоящая подъ начальствомъ полковника Комарова, заняла Девинъ. Жители и здѣсь встрѣчаютъ наши войска дружелюбно, съ покорностью и добровольно выдаютъ ружья. Патроновъ взято 6000 штукъ. Затѣмъ встрѣтившіеся нашими войсками на пути перевалы въ Адмалію и къ Ардагану покрыты снѣгомъ. Вслѣдствіе этого путь весьма дуренъ; но состояніе здоровья войскъ отличное.—Съ 18 апрѣля передъ Карсомъ, куда уже подошли русскія войска и гдѣ сосредочились наши большіе отряды, начались стычки. Подробности этихъ стычекъ еще неизвѣстны.

Русскія войска везутъ съ собою осадный обозъ. Въ Карсѣ находится извѣстный Мухтаръ-паша.

Теперь обратимся къ политическимъ фактамъ въ тѣсномъ смыслѣ. Всѣ они, конечно, имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ начавшейся войнѣ, которая представляется такимъ образомъ общимъ фонусомъ. Мы коснемся только извѣстій, имѣющихъ прямое отношеніе къ войнѣ. Первый, представляющійся здѣсь важный вопросъ—это вопросъ о нейтралитетѣ державъ въ текущей войнѣ; нейтралитетъ вещь громадно-важная, ибо отъ него зависитъ и самая локализація войны и скорѣйшее ея окончаніе. Державы, а особенно Англія, ожидали какого-либо *заявленія* со стороны Порты, чтобы соотвѣтственно этому направить свой образъ дѣйствій. Турція торжественно высказала, что она ожидаетъ вмѣшательства и заступничества Европы, на основаніи 8-й статьи Парижскаго трактата.

Носились разные слухи о томъ, какъ отвѣтятъ разныя европейскія державы на ноту Порты. Былъ слухъ о попыткахъ къ составленію противъ Россіи западной коалиціи, на подобіе англо-французской въ Крымскую кампанію; но слухи оказались недостовѣрными. Напротивъ, извѣстно, что представители державъ, не исключая и Англія, весьма резонно объяснили Портѣ, что, по силѣ 8 статьи трактата, требуется именно такое «вмѣшательство» и «заступничество», которое до сихъ поръ державы оказывали Портѣ своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ и покровительствомъ, въ смыслѣ предотвращенія взрыва; но на это Порта не обратила никакого вниманія.

Телеграфъ извѣстилъ насъ, что Порта воспротивилась тому, чтобы русскіе подданные въ Турціи были поставлены подъ *покровительство Германскаго посольства*; но, тѣмъ не менѣе, русское правительство дало свое согласіе на то, чтобы турецкіе подданные въ Россіи были поставлены подъ покровительство *англійскаго посольства*. Далѣе телеграфъ извѣстилъ насъ, что въ Палатѣ Общинъ сэръ Нортскотъ высказалъ, что королева вскорѣ подпишетъ заявленіе о нейтралитетѣ Англіи, а на другой день послѣ этого (т. е. 19 апрѣля (1 мая) дѣйствительно обнародовано объявленіе королевы, которымъ возвѣщается *о строгомъ* и *безпристрастномъ нейтралитетѣ* Англіи по отношенію къ руссио-турецкой войнѣ.

Декларація о нейтралитетѣ Англіи уже передана европейскимъ кабинетамъ.

— Изъ Парижа (въ pendant къ этому) сообщаютъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, обнародовалъ циркуляръ, въ которомъ говорится, что «Франціи *должна сохранять безусловный нейтралитетъ*» и быть сдержанною.

Итакъ, на основаніи этихъ торжественныхъ заявленій, нейтралитетъ двухъ великихъ державъ, выступившихъ за Турцію во время Крымской кампаніи, *обезпеченъ*. Теперь мы вправѣ надѣяться, что война пребудетъ отъ начала до конца, что и было весьма желательно, «строго-локализированною».

Въ «Times» напечатана телеграмма, извѣщающая, что въ Авганистанѣ *объявлена священная война противъ англичанъ*.

СОДЕРЖАНІЕ: **Поль Гейзе** (съ портретомъ) **Н.** — Стихотвореніе **Н. Боеаа.** — **Госпожа маркиза** (Новелла Поля Гейзо) (окончаніе) — **Вѣтры** (окончаніе) **Н. Зуева.** — **Кавказскія минеральныя воды** (съ 3-мя рисун.) **Д. Стахѣеаа.** — **Чернильная рыба или осьминогъ** (съ рисункомъ). — **Заатракъ. Сцена изъ французской жизни временъ Директоріи** (съ рисункомъ). — **Воспламенеиіе эфирныхъ аароаъ нѣкоторыхъ растеній** (съ рисункомъ). — **Амуръ и Психея** (съ рис.). — **Внутреннія извѣстія.** — Отъ редакціи «Нивы». — **Новое изобрѣтеніе.** Штопальная машина (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Почтовый ящикъ. — Политическія и военныя извѣстія. — Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ЛУЧШАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА
ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ
ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.
ИЛИ
СРЕДСТВО КЪ УМЕНЬШЕНІЮ РАСХОДОВЪ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ
Составила и издала **Елена Молоховецъ.** Седьмое дополненное изданіе.
Книга эта заключаетъ въ себѣ три плана домовъ, удобно расположенныхъ въ хозяйственномъ отношеніи, пять реестровъ изъ **800 ОБѢДОВЪ** на разныя цѣны (отъ 75 коп. до 12 руб. обѣдъ на 6—8 человѣкъ) и до **2,000 ОПИСАНІЙ ДОМАШНИХЪ ЗАПАСОВЪ** и разныхъ купаньевъ, съ подробнымъ указаніемъ выдачи для нихъ провизіи мѣрою и вѣсомъ.
Цѣна 3 р 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 4 р.
Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Главный складъ въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ О. И. ВОКСТА** (Б. Итальянская, № 2). 3—1

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла **3-Я ЧАСТЬ** соч. К. В М.
„ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА".
«ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ»
Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ.—Вторая вторымъ.
Содержаніе 3 й части:
Два обожателя Венеры.—Неожиданное открытіе.—Мудрый совѣтникъ.—Загадочная смерть.—У Венеры въ гостяхъ.—Одна изъ жертвъ Венеры.—Разнѣчанная Венера.—Маска.—Моя бѣда.—Лидія Петровна.—Волшебница Нонера.—Еще штука Реброва.—Ссудная касса.—Ужасная драма.—Модницинскій конологъ.—Ночь у Венеры перваго класса —Ночь въ царствѣ Венеры послѣдняго классв.—Тиоы барыня благотворительницъ —Таинственное лицо. — Живой мертвецъ.—Страшный разговоръ.—Грустная комедія.—Великое чудо.—У одра больного.—У двухъ священниковъ на дому.—Выстрѣлъ.—Вѣдная мать.—Новый пацієнтъ.—Въ тюрьмѣ.—Роковый приказъ
Тамъ же продается **аторое** изданіе новаго романа того же автора
«ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ». Цѣна за 4 тома 4 р. 4—1

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3,
Магазины: Адмиралт. — противъ Стремянной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
5
Товарищество Чемберсъ и К°.

АЙ-ЛЮЛИ!
новый надрывъ **Н. Порошина,** продается въ музыкальныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы. № 171.

ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
ЗОНТИКИ
Антука съ красивыми ручками, двойной системы, исключительно двойной матеріи отъ 4 р. 50 к. до 8 р. 50 к.
Модные зонтики съ коланвми, также съ пружевными покрышками отъ 4 р. до 8 р. — к.
Зонтики для дачъ . . . . . » 1 » — 2 » 50 »
Дождевые зонтики, шерстяные и шелковой двойной матеріи » 2 » — 13 » — »
ПОЧИНКИ И ОБТЯЖКИ ЗОНТИКОВЪ.
ЧУЛКИ
Настоящіе французскіе пестрые, новѣйшихъ рисунковъ **за пару.**
Дамскіе бумажные, бѣлые пестрые, печатные отъ . . 1 р. 25 к. до 3 р 50
Дѣтскіе » » » » . . — » 85 » — 1 » 50
Дамскіе фильдекосовые цвѣтные, пестрые, небѣленые отъ. 3 » — » — 5 » —
Чулки саксонскихъ и англійскихъ фабрикъ по весьма дешевымъ цѣнамъ.
Перная линія № 20 С.-Петербургъ.
А. А. БЕТЦЪ.
Гг. иногороднымъ высылаю по требованію подробные прейс-куранты 1

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи
Александръ Венцель
Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.
☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ в ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—19

РОЯЛЬ КОНЦЕРТНЫЙ
ФАБРИКИ ПРЕДЕРА
продается недорого по ойкѣ № 83 вв. № 12. 3—1

УЧИТЕЛЬ
Нѣмецъ, получившій воспитаніе въ Классич. гимн. въ г. Ригѣ и занимавшійся съ успѣхомъ нѣсколько лѣтъ воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей, ищетъ мѣсто въ Россіи. Просятъ обратиться къ имѣніе Адіямюнде чрезъ Лемзель Лифляндской губ. къ учителю Боссе. 1—1

СВѢЖІЯ СѢМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя
имѣетъ честь предложить
сѣменная торговля А. УШАКОВА
въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.
Подробный прейс-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рассылается и высылается по требованію безплатно. 8—2

Изданія А. Ф. МАРКСА.
для гг. подписчиковъ „НИВЫ" продаются со слѣдующею скидкою:
Месиаа и Таерь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Повѣсть Каразина. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.
Богъ въ комедіи, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Мардитта. Ц. съ пер , для подписч. 1 р. 40 к.
Двуногій волкъ. Романъ въ 2 част ., съ 20 рис. Автора И. Каразина. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к для подписчиковъ Нивы 1 р. 80 к.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе Александра Венцеля „О Швейцарской молочной мукѣ".

Дозволено цензурою. СПБ. 21 Апрѣля 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 18 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 2 Мая 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи .	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за МАЙ: 32 рисунка модъ, 25 рисунковъ выкроекъ, 26 рисунковъ для устройства и убранства комнатъ и 31 рисунокъ буквъ для мѣтки бѣлья.

В. И. Раабъ

Вильгельмина Ивановна Раабъ, пѣвица-сопрано Императорской русской оперной сцены въ Петербургѣ, родилась въ Славковѣ (Аустерлицъ), въ Моравіи, въ чешской семьѣ. Отецъ ея, нѣсколько игравшій на скрипкѣ, замѣтивъ въ своей дочери задатки музыкальнаго дарованія, сталъ обучать ее игрѣ на скрипкѣ, и уже 7—8-лѣтнею дѣвочкою она играла и пѣла въ церкви своего родного городка. Первоначальное музыкальное образованіе она получила въ Пражской консерваторіи, гдѣ три года спеціально занималась изученіемъ игры на скрипкѣ. Перейдя затѣмъ въ 1866 году въ Вѣнскую консерваторію, она, не покидая изученія скрипки, начала брать уроки пѣнія у г-жи Фалькони, подъ руководствомъ которой закончила свое музыкальное образованіе, какъ пѣвица.

Выйдя затѣмъ замужъ за адъюнкта скрипичнаго класса, Рааба, Вильгельмина Ивановна осенью 1869 года переѣхала въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ, послѣ полугодичнаго супружества, лишилась своего мужа, скончавшагося въ то время, когда его молодая жена готовилась быть матерью.

Оставшись послѣ мужа безъ всякихъ средствъ къ жизни, В. И., благодаря участію, принятому въ ея судьбѣ покойною Великою Княгинею Еленою Павловною, получила возможность посѣщать классы пѣнія нашей Петербургской консерваторіи. Съ этого времени, т. е. съ конца 1870 и начала 1871 г., она подготовлялась къ карьерѣ русской оперной пѣвицы, пользуясь уроками у г-жи Ниссенъ-Саломанъ и изучая ей совершенно незнакомый въ то время русскій языкъ.

На русскую оперную сцену она поступила осенью 1871 г. и дебютировала 21-го ноября въ роли Матильды въ „Вильгельмъ

Вильгельмина Ивановна Раабъ.
Примадонна-сопрано Спб. Русской Оперы). Рис. и грав. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

Тель". Съ тѣхъ поръ г-жа Раабъ не покидала сцены Маріинскаго театра и, кромѣ Петербурга, пѣла только въ теченіи лѣтнихъ каникулъ на Одеской оперной сценѣ, гдѣ лѣтомъ 1873 и 1874 года ею были исполнены первыя ея большія оперныя партіи, послѣ которыхъ она заняла то амплуа примадонны-сопрано нашей оперной труппы, которое занимаетъ и въ настоящее время.

Г-жа Раабъ очаровываетъ слушателей своимъ, хотя и не весьма большимъ, но поистинѣ прелестнымъ голосомъ. Игра ея проста, естественна; въ Маргаритѣ (опера „Фаустъ" Гуно), г-жа Раабъ производитъ большое впечатлѣніе не только задушевнымъ пѣніемъ но и замѣчательно вѣрною передачею роли симпатичной Гретхенъ, образъ которой въ ея игрѣ является вообще весьма законченнымъ. Партія Людмилы (въ „Руланѣ" Глинки), также прекрасно исполняется г-жею Раабъ, какъ прекрасно передается и самая роль Людмилы, хотя эта роль, по нашему мнѣнію, можетъ быть разсматриваема всего скорѣе со стороны музыкальной, нежели какъ живое воспроизведеніе образа дочери Свѣтозара.

Этотъ образъ, какъ олицетвореніе душевныхъ сторонъ характера, мало развитъ даже въ произведеніи нашего безсмертнаго поэта, собственно и неимѣвшаго въ виду подробностей этой задачи, но, конечно, нельзя не замѣтить, что тѣ главныя черты, которыя положены имъ въ основу характера Людмилы, переданы Глинкою въ его оперѣ съ замѣчательною колоритностью. Г-жа Раабъ исполняетъ партію Людмилы, конечно, съ такимъ же мастерствомъ, какъ и всѣ другія партіи, и замѣтили мы о разницѣ ея игры въ роли Гретхенъ и въ роли Людмилы лишь потому, что дивный образъ Гретхенъ, этотъ высочайшій образъ нравственной чистоты и кротости, невольно увлекаетъ на сопоставленіе его съ другими въ примѣръ имъ.

Съ 21 ноября 1871 года по настоящее время, В. И. Раабъ исполнила 21 партію въ 19 операхъ и участвовала въ 300 спектакляхъ. Изъ числа 21 исполненной ею роли, на долю русскихъ оперъ приходится слѣдующія одиннадцать: Людмилы и Гориславы („Руланъ" Глинки), Тамары („Демонъ" Рубинштейна), Юдифи (Сѣрова), Наташи („Ермакъ" Сантиса), Натальи („Опричники" Чайковскаго), Кеевіи („Борисъ Годуновъ" Мусоргскаго), Катарины („Анджело", Кюи), Оксаны („Вакула кузнецъ" Чайковскаго), Ноэми („Маккавеи" Рубинштейна), Ассирійской женщины („Сарданапалъ" Фаминцына). Изъ числа упомянутыхъ ролей Вильгельмина Ивановна создала и первая пѣла партіи сопрано въ „Демонѣ", „Вакулѣ кузнецѣ", „Ермакѣ", „Опричникахъ", „Борисѣ Годуновѣ", „Анджело", „Маккавеяхъ" и „Сарданапалѣ". Затѣмъ къ ея ролямъ принадлежатъ, какъ мы замѣтили выше, Маргарита („Фаустъ" Гуно), Матильда („Вильгельмъ Тель" Россини), Агата („Фрейшютцъ" Вебера), Эльвира („Донъ-Жуанъ" Моцарта), Елизавета („Тангейзеръ" Вагнера),—Королевы и Урбани („Гугеноты" Мейербера), Алисы („Робертъ" его же), и Берты („Пророкъ" его же).

Не можемъ не замѣтить, что въ роли Елизаветы (въ Тангейзерѣ") г-жа Раабъ слабѣе чѣмъ въ другихъ. Здѣсь можно бы было съ нѣкоторою обстоятельностью указать на глубокое значеніе роли Елизаветы и вообще ея характера, весьма достойнаго тщательнаго изученія, но за недостаткомъ мѣста мы должны ограничиться лишь указаніями на то, что г-жа Раабъ не создала изъ этой роли того, что могла бы при ея талантѣ сдѣлать. Считаемъ необходимымъ сопоставить въ этой роли двухъ пѣвицъ, именно г-жу Платонову (теперь уже оставившую сцену) и г-жу Раабъ—и первенство въ исполненіи роли Елизаветы будетъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ за г-жею Платоновою.

Во время своей артистической карьеры, В. И. кромѣ того участвовала, какъ пѣвица, во многихъ концертахъ, являясь исполнительницею по преимуществу классическаго репертуара. Замѣтимъ, между прочимъ, что до поступленія на сцену ей приходилось выступать на концертную эстраду и въ качествѣ скрипача-концертанта, причемъ ея игра на скрипкѣ обращала на себя вниманіе любителей.

Недавно, а именно въ текущемъ апрѣлѣ, г-жа Раабъ вышла замужъ за г. Плющикъ - Плющевскаго, товарища прокурора СПБ. Окружнаго Суда. Желаемъ ей счастья въ этомъ замужествѣ, но, само собою разумѣется, въ то же время желаемъ, чтобы такая превосходная пѣвица не оставляла сцены, ибо „таланты отъ Бога" и грѣшно ихъ скрывать.

Сомнѣнія, овладѣвающія нами при мысли, что наша русская сцена можетъ лишиться прекрасной пѣвицы, невольно заставляютъ насъ задумываться надъ тѣмъ, какъ часто волна жизни, съ ея роковою „суетою суетъ" уносятъ многіе таланты своимъ теченіемъ отъ ихъ настоящаго призванія. Но, быть можетъ, г-жа Раабъ и устоитъ противъ вліянія этой жизненной волны и наша русская сцена не будетъ ею покинута ради мишурныхъ благъ, получаемыхъ при посредствѣ богатства; можно быть и богатымъ и „не зарывать своего таланта". Недаромъ поэтъ, обращаясь къ пѣвцу, такими яркими красками обрисовываетъ могущество тѣхъ звуковъ, чарующею силою которыхъ онъ владѣетъ. Можетъ-ли быть наравнѣ съ этою силою поставлена какая-либо другая сила, хотя-бы даже и въ несмѣтномъ богатствѣ заключающаяся. Поэтъ говоритъ, обращаясь къ пѣвцу:

„...Ты можешь сладкимъ мукамъ
Ожесточенныхъ грудь открыть,
Священной арфы яркимъ звукомъ
Подъяту длань окаменить,
И разволнованы и сжаты,
Сердца почуютъ твой напѣвъ,
И укрощенъ, приляжетъ левъ
Къ твоимъ стопамъ главой косматой".

Л. Ст—ва.

Къ войскамъ.

Вся цѣль войны—славянъ свобода,
И ей сочувствіемъ горя,
Отозвались сердца народа
На слово Русскаго Царя...
Съ восторгомъ вѣсть войны встрѣчая,
Колонны къ берегу Дуная
Вдругъ двинулись,—и отъ Днѣстра
До Прута грянуло „ура"!

Не такъ легко безъ пораженья
Дуная волны перейти—
Построить мостъ въ пылу сраженья,
Подъ градомъ пуль его пройти;
Но стоитъ жертвъ побѣды слава!
Солдатъ живитъ сознанье права—
Такъ всѣ настроены войска,—
А воля русская крѣпка!

Войска, соотчичи родные!
Благословляемъ вашъ походъ!
Вамъ слышны-ль возгласы живые,
Что посылаетъ вамъ народъ?
Вамъ слышны-ль тѣ сердецъ моленья,
Что Русь возноситъ къ небесамъ,
Прося, чтобъ въ жаркій часъ сраженья
Явилась свыше помощь вамъ.

Н. Б—вскій.

Къ портрету Пушкина*).

Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой.

Великую любовь и великую жалость должны мы чувствовать при взглядѣ на эти черты. Изъ писателей своихъ и чужихъ русскій человѣкъ никого не можетъ любить такъ, какъ Пушкина. Другимъ историческимъ дѣятелямъ онъ можетъ удивляться больше, чѣмъ ему, признавать за ними больше силъ, больше заслугъ; но никого нельзя признать болѣе достойнымъ любви, чѣмъ Пушкина. И въ этомъ заключается, конечно, заслуга несравненная, въ этомъ самая дорогая, самая лучшая слава нашего поэта. Пушкинъ былъ по размѣру своихъ силъ и дѣятельности довольно обыкновеннымъ человѣкомъ; онъ не обнаружилъ преждевременной зрѣлости, не питалъ какихъ-нибудь необычайныхъ идей и плановъ, не шелъ въ разрѣзъ съ окружающими людьми и не совершилъ въ области мысли подвиговъ, которые поставили бы его выше его современниковъ. Но у него былъ даръ, превосходящій своею цѣнностью всякіе подвиги и усилія, именно—*красота душевныхъ чувствъ*, та самая красота, которую онъ выражалъ въ своей поэзіи и отъ которой зависѣло и зависитъ все обаяніе этой поэзіи. Ибо Пушкинъ былъ человѣкъ очень простой и очень искренній, и то, что онъ писалъ, было прямымъ выраженіемъ его души.

Эту красоту мало и рѣдко понимаютъ, потому что она хоть и чаруетъ, но не бросается рѣзко въ глаза. Чтобы насъ по-

*) Въ виду состоявшагося утвержденія проекта на памятникъ А. С. Пушкина, имѣющій быть воздвигнутымъ въ Москвѣ, помѣщаемъ рисунокъ этого памятника и портретъ нашего великаго поэта.

Обращая вниманіе нашихъ читателей на этотъ портретъ, смѣемъ думать, что по художественному своему выполненію онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ портретовъ А. С. Пушкина; исполненъ онъ спеціально для «Нивы» извѣстнымъ художникомъ Нейманомъ. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

разить, обыкновенно нужно что-нибудь рѣзкое, блестящее, шумное; мы скорѣе готовы засмотрѣться на уродливое и отталкивающее, чѣмъ на простое и чистое. Красоту души, выражающуюся въ произведеніяхъ Пушкина, можно всего лучше сравнить съ красотою его языка. На первый взглядъ пушкинскій языкъ ничего особеннаго не представляетъ; только вчитавшись и вдумавшись можно оцѣнить его несравненную простоту, свободу и безконечно-гибкую силу. Такъ и душевныя чувства Пушкина повидимому не имѣютъ блеска и особенной высоты; но вникая и углубляясь, мы увидимъ въ нихъ такую чистоту, здравую силу, безграничную преданность сердечной святынѣ, что будемъ готовы поставить нашего поэта выше всѣхъ другихъ властителей нашихъ душъ. На Пушкинѣ не лежитъ ни единаго упрека въ этомъ отношеніи; онъ не воспѣлъ ни единаго злого и извращеннаго движенія человѣческой души, и каждое чувство, имъ воспѣтое, имѣетъ безподобную мѣру красоты и здоровья. Поэтому Пушкина слѣдуетъ считать великимъ воспитателемъ своего народа; онъ заставлялъ звучать въ душахъ читателей наилучшія струны, какія въ нихъ только могли отзываться.

Возьмите какія-нибудь существенныя чувства людей, любовь, дружбу, патріотизмъ, религіозное умиленіе, и вы найдете у Пушкина самую правильную форму, самый чистый образъ этихъ чувствъ.

Любовь, вѣчный предметъ поэтическихъ пѣсенъ, есть чувство сложное, обнимающее всѣ стороны человѣческой природы и потому способное подниматься до духовной высоты и спускаться до скотской грязи. Въ Пушкинѣ это чувство имѣетъ такую глубину, серьезность и чистоту, какъ ни въ какомъ другомъ поэтѣ. У насъ въ Россіи онъ первый поставилъ женщину на ея мѣсто, первый заговорилъ о любви безъ шутливой веселости, безъ фальшивой восторженности, безъ грубой чувственности, заговорилъ какъ о существенномъ дѣлѣ человѣческой жизни. Свой идеалъ женщины онъ воплотилъ въ Татьянѣ и заставилъ Онѣгина преклониться передъ нею съ уваженіемъ и раскаяніемъ.

Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами;
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ изнывать,
Блѣднѣть и гаснуть—вотъ блаженство!

Вотъ выраженіе страсти со всею ея силою и безъ всякаго преувеличенія, вотъ любовь, наполняющая тѣло и душу и потому соединяющая пламенное влеченіе съ уваженіемъ, даже страхомъ. Въ такой любви не теряются между мущиной и женщиной чисто-человѣческія отношенія, а, напротивъ, достигаютъ особенно-тонкаго и яснаго развитія.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Всѣ стихотворенія Пушкина, посвященныя любви, заслуживаютъ въ этомъ смыслѣ внимательнаго изученія. Отъ грубой и веселой чувственности, которую онъ засталъ въ ходу и которая лишь отчасти уступила мѣсто модѣ на приторную сантиментальность и мечтательность, онъ перешелъ къ сильнымъ, правильнымъ и чистымъ чувствамъ.

Даже въ шутливыхъ непристойностяхъ, которыми онъ заплатилъ довольно большую дань своему времени, нельзя не изумляться тому, что грубое содержаніе вполнѣ закрывается остротою, шалостью, граціею, чѣмъ-нибудь стоящимъ выше грязнаго предмета. Могучая чувственность, которою былъ надѣленъ Пушкинъ отъ природы, была въ немъ вполнѣ покорена духовными чувствами.

Дружба играетъ въ жизни и въ поэзіи Пушкина такую роль, какъ ни у какого другого поэта. Пушкина много любили, но не друзья его прославились своею необычайною преданностью, а онъ знаменитъ тою нѣжностью, которую питалъ къ нимъ. Его *лицейскія годовщины* и множество другихъ стихотвореній исполнены необыкновенной задушевности и показываютъ, какъ онъ былъ жаденъ до этихъ теплыхъ отношеній, и какъ въ то же время былъ въ нихъ нескрененъ и простъ.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, принялъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ не-братскій ихъ привѣтъ.

Такъ онъ жаловался и разсказывалъ тѣмъ, кого называлъ *братьями, друзьями своей души*, своими *милыми, безцѣнными*.

И какое бы мы жизненное отношеніе ни взяли, мы вездѣ найдемъ у Пушкина живой, глубокій отзывъ, всегда найдемъ движенія сердца, поражающія несравненной красотой, несравненной правдою и силою. Кто яснѣе Пушкина чувствовалъ свое призваніе? Кто живѣе и правдивѣе выразилъ положеніе поэта?

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но, будучи вполнѣ поэтомъ, Пушкинъ былъ въ то же время вполнѣ человѣкомъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его отношенія къ общественнымъ дѣламъ, къ отечеству, заслуживаютъ тщательнаго изученія. Они очень сложны, но живая правда прорывается въ нихъ широкими молніями. Покойный М. П. Погодинъ указывалъ на то, что Пушкинъ предсказалъ не только освобожденіе крестьянъ, но и самую форму, въ которой произойдетъ это событіе. Когда Пушкину было двадцать лѣтъ (1819), онъ былъ пламеннымъ поклонникомъ свободы и ненавидѣлъ наше крѣпостное право; и вотъ, изображая картину этого рабства, онъ съ негодованіемъ и надеждой воскликнулъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И *рабство падшее по манію царя*,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?

Мы дождались совершенія этого пророчества; рабство пало на нашихъ глазахъ именно по *манію царя*.

Другіе два стиха Пушкина часто были повторяемы, какъ формула, въ которой ясно и просто выражается историческое положеніе Россіи:

Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
Оно-ль изсякнетъ,—вотъ вопросъ!

Эти стихи, можетъ быть, возникли не безъ вліянія Погодина, бывшаго хорошимъ пріятелемъ Пушкина. Но вообще у Пушкина нужно учиться политическому взгляду на Россію. Онъ первый понялъ сердцемъ, что Европа для насъ чужой міръ, и сказалъ ей, какъ до него никто не рѣшился бы сказать:

Оставьте: это споръ славянъ между собою.
Оставьте насъ: вы не читали,
Сіи кровавыя скрижали...

Онъ сердцемъ почувствовалъ, что наша сила въ томъ единодушіи и самоотверженіи, которое воплощается для насъ въ повиновеніи нашему царю. Хотя была минута, выраженная имъ стихомъ:

Въ Москвѣ не Царь, въ Москвѣ Россія,

но единодушіе царя и народа воспѣто Пушкинымъ въ лучшемъ его смыслѣ и во всемъ его могуществѣ. Когда поэтъ грозитъ врагамъ Россіи, онъ, какъ одну изъ самыхъ страшныхъ угрозъ, говоритъ имъ:

Иль русскаго царя уже безсильно слово?

Всѣ русскіе люди, конечно, знаютъ этотъ вопросъ и повторяютъ его. Въ минуты унынія, когда грозятъ великія внѣшнія опасности, или когда внутреннее разстройство раздираетъ государство, мы говоримъ:

Иль русскаго царя уже безсильно слово?

И въ минуты гордости, когда мы предаемся великимъ надеждамъ и хотимъ внушить страхъ недругамъ, мы говоримъ точно такъ же:

Иль русскаго царя уже безсильно слово?

Патріотизмъ есть чувство очень сложное; онъ является часто въ видѣ грубыхъ, слѣпыхъ пристрастій къ своему, въ видѣ закоснѣлости въ привычкахъ и нравахъ; но онъ можетъ восходить и до самой чуткой и возвышенной преданности лучшимъ началамъ своего народа. Таковъ былъ патріотизмъ Пушкина: слѣпого пристрастія въ немъ не было. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть сужденія поэта о нашей литературѣ, то есть о той области, къ которой онъ былъ наиболѣе пристрастенъ, въ которой Дельвига и Баратынскаго готовъ былъ ставить выше себя. Но еще лучше прочесть его отрывокъ *„Рославлевъ“*, начало повѣсти, въ которой онъ хотѣлъ въ поэтической формѣ противопоставить свой настоящій патріотизмъ неправильному патріотизму *Загоскина* и его поклонниковъ. Тамъ есть описаніе московскаго общества въ 1812 году, описаніе даже чуть-ли не болѣе рѣзкое, чѣмъ картины Л. Н. *Толстого* въ *„Войнѣ и мирѣ“*; эти картины, какъ извѣстно, возбуждали и возбуждаютъ негодованіе узкихъ патріотовъ; но мы думаемъ, что именно у Пушкина и Л. Н. Толстого слѣдуетъ учиться истинному патріотизму.

Религіозность Пушкина, сказавшаяся въ послѣдніе его годы, имѣетъ тотъ же характеръ чистоты и силы, какъ и другія движенія его души. Что прекраснѣе и проще его любимой молитвы:

Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,

Библиотека "Руниверс"

Война въ Турціи.

Ночная тревога на берегу Дуная.

Оригинальный рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. Куренковъ.

Библиотека "Руниверс"

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мои мнѣ зрѣть, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья.
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

И такъ, это была душа необычайной красоты, отзывавшаяся на все высокое, что встрѣчалось ей въ жизни, и предававшаяся ему искренно и живо, безъ напускной восторженности, безъ сантиментальности, мечтательности, безъ всякой фальши. Въ этой душѣ не было неизлѣчимыхъ язвъ, не было дурныхъ чувствъ, облекающихся въ поэтическій и грандіозный видъ.

И потому понятно, какъ онъ долженъ былъ страдать, какъ на него должны были обрушиваться несчастіе за несчастіемъ, пока наконецъ не случилось то несчастіе, которое вырвало его изъ ряда живыхъ. Пушкина часто упрекаютъ въ увлеченіяхъ и непостоянствѣ; но вѣдь никто изъ насъ не родится зрѣлымъ человѣкомъ, и если можно указать на людей, подлежащихъ упреку гораздо меньше Пушкина, то можетъ быть ихъ спасла вовсе не твердость души, а только слабость ея стремленій. Пушкинъ же такъ былъ полонъ жизни, что долженъ былъ подпасть соблазнамъ; и гораздо большее достоинство нужно полагать не въ томъ, что онъ отъ нихъ уклонился, а въ томъ, что онъ ихъ поборолъ и отъ нихъ очистился. Когда онъ выступилъ въ жизнь, его окружили соблазны необыкновенно сильные и увлекающіе. Во-первыхъ—свободомысліе, тогдашній нашъ революціонаризмъ, подготовлявшій декабрьскій мятежъ и бывшій въ полномъ цвѣту. Другой соблазнъ былъ—большой свѣтъ, тогдашнее избранное общество, открывшее къ себѣ доступъ поэту за его талантъ и манившее молодого человѣка своимъ блескомъ и тщеславіемъ. Прибавьте сюда кутежъ, разгулъ неслыханныхъ размѣровъ, который былъ въ модѣ у тогдашней молодежи наравнѣ со стихами, дуэлями и свободомысліемъ. Сама литература была не чужда соблазновъ; Пушкинъ выросъ на французской риторической и чувственной словесности, и его стремились покорить съ одной стороны сантиментальность Жуковскаго, съ другой—эгоистическое разочарованіе Байрона. Представимъ же себѣ двадцатилѣтняго юношу, одареннаго душою подвижною и кипящею и тѣломъ, въ которомъ еще была часть африканской крови, и мы поймемъ, какъ естественно и неизбѣжно онъ долженъ былъ поддаться обступившимъ его соблазнамъ и какая великая сила обнаружилась въ его побѣдѣ надъ ними. Эти соблазны, которыхъ не онъ искалъ, а которые сами его искали, сами тянули его въ себя, были его несчастіемъ, бѣдою, постигшею его и перенесенною имъ. Когда онъ вышелъ изъ-подъ ихъ вліянія, онъ иногда горько жаловался на эту свою судьбу. Ему не было еще тридцати лѣтъ, когда онъ писалъ:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.

(Это писано 19 мая 1828 г.) Передъ концемъ жизни онъ повторилъ ту-же жалобу, и еще трогательнѣе. Онъ писалъ:

Въ унынѣ часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

И этотъ отрывокъ (1835 года), и предъидущій были тайными изліяніями Пушкина и не назначались имъ къ печати. Это его искреннія, свободно выраженныя чувства; и тутъ есть все, о чемъ мы говорили: и *безумство гибельной свободы*, и *хладный свѣтъ*, и *неистовые пиры* и, наконецъ, *обида* и *предательскій привѣтъ* съ той стороны, съ которой они были всего больнѣе для Пушкина, со стороны дружбы.

Да, съ такою душою, какая была у Пушкина, онъ долженъ былъ много страдать. Это была душа, какъ онъ самъ говоритъ, *довѣрчивая* и *нѣжная*; вообразимъ же себѣ обыкновенные недостатки нашего общества: русское недоброжелательство, русское злословіе, русское взаимное недовѣріе, наконецъ русское невѣжество и русскій цинизмъ,—и мы поймемъ, что душевныя чувства Пушкина были непрерывно оскорбляемы. Не только *свѣтъ* наносилъ ему *неотразимыя обиды*, но и въ любви, въ дружбѣ, въ патріотическихъ и религіозныхъ чувствахъ онъ страдалъ отъ противорѣчія своихъ стремленій съ тѣмъ, что находилъ вокругъ себя. Онъ, напримѣръ, возвелъ любовь къ женщинѣ до ея чистой силы, даже до *благоговѣнія передъ святыней красоты*; понятно, что онъ долженъ былъ натолкнуться на жестокія разочарованія; какъ онъ жалуется на друзей, такъ онъ еще раньше и открыто жаловался на женщинъ:

Нечисто въ нихъ воображеньe,
Не понимаетъ насъ оно,
И признакъ Бога—вдохновеньe
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Прійдетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Если мы сведемъ все это вмѣстѣ, если вспомнимъ, какъ бурно текла жизнь поэта среди этихъ безпрерывныхъ обидъ и какъ доведена была до своего безвременнаго конца, то безконечная жалость овладѣетъ нами. Дорого поплатился Пушкинъ за тонкость своихъ чувствъ, за безподобную красоту своихъ душевныхъ движеній. Истинной чувствительности въ немъ было во сто разъ больше, чѣмъ въ Карамзинѣ и Жуковскомъ, и только неистощимая бодрость и сила духа залечивала безпрерывныя раны и сохраняла ясность мысли. И все таки стихотворенія послѣдняго года его жизни (1836) дышатъ глубокою, суровою грустью. На лицейскомъ праздникѣ этого года онъ началъ читать одно изъ нихъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

и вдругъ залился слезами и не могъ продолжать чтенія. И нѣтъ ничего радостнаго въ тѣхъ стихахъ, которые обыкновенно стоятъ въ самомъ концѣ драгоцѣнной книги его лирическихъ произведеній:

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

3 апрѣля. **Н. Страховъ.**

Тернистый путь.

Разсказъ изъ финскихъ нравовъ.

Мнѣ привелось однажды провести лѣто на взморьѣ, въ бѣдной чухонской деревушкѣ. Близость залива и великолѣпное положеніе господской мызы рѣшили мой выборъ.

Между поденщицами, работавшими на мызѣ, одна особенно привлекала мое вниманіе; она была средняго роста, костиста, широкоплеча и очень блѣдна. Свѣтло-желтые волосы ея были гуще и длиннѣе, чѣмъ у другихъ работницъ; черты лица не такъ грубы, окладъ весьма привлекателенъ. Главное поразило меня въ ней выраженіе безграничнаго безъисходнаго горя. Звали ее Кристиной. На мызѣ она была въ большомъ пренебреженіи; работники и поденщицы избѣгали говорить съ нею, даже не хотѣли сидѣть за однимъ столомъ; арендаторъ давалъ ей противъ другихъ самую меньшую плату; даже дворовыя дѣти и тѣ осыпали ее насмѣшками и презрѣніемъ. Кристина сносила все; безропотно держась отъ всѣхъ въ сторонѣ, она за малое вознагражденіе дѣлала болѣе другихъ, не отвѣчала на насмѣшки, не платила злобой за презрѣніе и была тиха какъ овечка.

Кристина не переставала интересовать меня. Каждый день я могла видѣть ее на полѣ за работой или наблюдать за нею на дворѣ, въ обѣденный промежутокъ; могла видѣть ее, не будучи ею замѣченной, и мой интересъ не ослабѣвалъ отъ того; скажу болѣе, я чувствовала къ ней непреодолимую симпатію. Въ работѣ у нея не было соперницъ. Когда другія поденщицы пѣли и болтали, она, не разгибая спины, молча, дѣлала свое дѣло, не замѣчая, слѣдитъ-ли кто за ея прилежаніемъ и вздумаетъ-ли оцѣнить трудъ ея по заслугамъ. Въ пору отдохновенія, она также молча садилась куда-нибудь въ уголъ, опускала голову на усталую грудь и о чемъ-то думала.

Библиотека "Руниверс"

Наступили сѣнокосы; мызные луга были разбросаны, поденщицамъ приходилось переходить съ мѣста на мѣсто; я потеряла Кристину изъ вида. Къ тому-же въ деревнѣ открылась холера; ни доктора, ни фельдшера не было въ окружности, народъ хворалъ кучами: больные и выздоровливающіе требовали моего присутствія или, лучше сказать, моей, походной аптеки; я была занята съ утра до вечера. Между прочимъ отыскали мы больную, два дня скрывавшуюся въ сараѣ.

Она лежала на кучѣ сора, подложивъ подъ голову свернутую рогожу. Я узнала въ ней Кристину. Она встрѣтила меня испытующимъ взглядомъ, не выказала ни удивленія, ни неудовольствія на приходъ мой, но упрямо отклонилась отъ медицинскаго пособія.

— Мнѣ ничего не нужно, тихо сказала она, поворачивая ко мнѣ посинѣлое лицо. Спасибо, обо мнѣ не безпокойся. Вотъ развѣ испить чего дашь... Я буду благодарна.

Я подала ей питье и пощупала пульсъ; рука ея была холодна, пульсъ почти не бился; но она пила съ жадностью.

— Рова, что если я спрошу тебя о чемъ?.. Заговорила она, утоливъ жажду и робко обращая на меня свѣтящійся взоръ.

— Спрашивай, милая, возразила я.

— Ты не гнушаешься мною?... отвѣтишь?...

— Непремѣнно отвѣчу.

— Вѣришь-ли ты въ будущую жизнь?

— Вѣрю.

— Какъ тебѣ кажется, встрѣтятся тамъ души убитыхъ съ убійцами?..

Она приподнялась, схватила меня за руку и пристально глядѣла мнѣ въ глаза.

— За могилу не переходитъ никакая злоба, тихо отвѣтила я: душа человѣка, оставляя тѣло, не уноситъ съ собою грѣшныя мысли. Господь прощаетъ кающихся; могутъ-ли помнить тамъ люди свои земныя обиды?

— Ты думаешь: проститъ?

— Да.

— Спасибо за доброе слово.

Она снова опустилась на рогожу и закрыла глаза.

— Какъ поднялись у тебя руки и на кого?

— Не знаю, милая, ничего не знаю, со стономъ прошептала Кристина.

— Бѣдная, ты можетъ быть себя не помнила?

— Послушайте, я вамъ разскажу все какъ было, неожиданно начала она, отерѣвъ потъ съ исхудалаго лица и какъ-бы уступая внезапному наплыву сообщительности. Не сегодня такъ завтра мнѣ придется дать отчетъ Богу... Отъ людей я судъ приняла, на судъ Божій иду... Бояться больше мнѣ нечего... Буду говорить по совѣсти.

Она сѣла, оперлась плечомъ къ стѣнѣ и начала разсказъ свой. Передаю его, какъ умѣю.

— Лѣтъ пять тому назадъ, отецъ и мачиха просватали меня за здѣшняго рыбака, бездомовца, Анты. Парень былъ веселый, красивый, мнѣ нравился... Свадебъ мы здѣсь не играемъ тотчасъ по сговорѣ, потому что пастору нужны деньги, а у насъ ихъ нѣтъ; обыкновенно покуримъ трубочки, выпьемъ вина, сдѣлаемъ рукобитье... И женихъ идетъ въ домъ будущаго тестя разживаться на обзаведеніе. Такъ и съ нами было. Зажили мы вмѣстѣ; отцу и мачихѣ Анты былъ покоренъ, со мною ласковъ... Мы вмѣстѣ работали, вмѣстѣ сѣти плели, челнокъ поправляли, рыбу ловили. Случалось, всю свѣтлую ноченьку на морѣ проводили, далеко уходили, когда по берегу уловъ былъ плохъ. Три мѣсяца прошли, Анты собрался въ Питеръ отвозить мерзлую рыбу, я осталась дома приготовляться къ свадьбѣ. У насъ невѣсты передъ вѣнцомъ обходятъ Кирхшпиль, собирать дары на приданое. Я отправилась съ крестной матушкой на почетный сборъ. Кирхшпиль нашъ великъ, помѣщичьи мызы и крестьянскія деревушки разбросаны... На обходъ требовалось двѣ недѣли... Анты долженъ былъ по возвращеніи оповѣстить пастора на счетъ выклички и назначить день свадьбы. Мы вернулись съ дарами. Анты не было. Отецъ и мачиха удивлялись, я безпокоилась, въ деревнѣ не могли понять, что могло съ нимъ случиться, а онъ все не являлся... Изъ Питера шли къ намъ нерадостныя вѣсти: земляки поговаривали, что Анты поступилъ въ торговцы: навсегда бросилъ родную деревушку и забылъ меня. Я не вѣрила. Я не хотѣла этому вѣрить. Прошла зима, за нею весна, а тамъ наступило и лѣто съ тяжелыми работами; дѣла у меня стало много, житье дома—бѣдовое, а о свадьбѣ больше и помину не было. Отецъ ворчалъ, мачиха попрекала, бѣдность одолѣвала насъ, ребята надоѣдали разспросами, въ деревнѣ смѣялись, а я ходила грустная, замученная, съ тяжелою думою на сердцѣ. Не о себѣ одной была моя дума, приближалась пора, и незаконная жена—я должна была стать матерью... Такое тяжкое дѣло! въ неласковой семьѣ это пугало меня. Работала я много, болѣе чѣмъ прежде, хотя силъ стало меньше. Иной разъ бывало, ноги подкашивались, когда возвращаюсь съ поля, а все-же пошлютъ меня на новую работу, да еще съ крикомъ и бранью. Особенно мучилась я головою. Какъ постою часокъ согнувшись, такъ до того всю изломитъ, что себя не помнишь... Разъ промаялась я такъ на полѣ, проработала отъ восхода до заката солнца и пришла ни жива ни мертва домой. Ночью томило меня еще хуже, то схватитъ такая боль, что стиснешь зубы, чтобъ не крикнуть, забывшись; то думаешь отъ слабости придется отдать Богу душу. Лежала я въ сараѣ одна одинешенька, и глотка-то воды подъ бокомъ не было, чтобы промочить изсохшія губы, или клочка сѣна, чтобы наболѣвшей спинѣ отдохнуть на мягкой подстилкѣ.

Утромъ пришелъ отецъ звать на работу... Понявъ въ чемъ дѣло, отвернулся и вышелъ; пришла мачиха—посмотрѣла, плюнула, поворчала и ушла. И опять я осталась одна, всѣми покинутая, всѣми забытая... одна съ своимъ горемъ, своею болѣзнью. Лежу, да заливаюсь горькими слезами, да проклинаю свою долю сиротскую, безталанную... Вотъ, слышу на улицѣ разговариваютъ, мачиха поминаетъ меня съ Анты, ворчитъ и сердится на что-то. И не хочется мнѣ слушать, а все-таки слышу о чемъ говорятъ они; стѣнки сарая неплотныя, а уши у меня отъ боли словно прочистило, въ ушахъ отдается шелестъ каждаго листочка.

— Негодяй онъ, мошенникъ, сердито ворчала мачиха Обезславилъ дѣвушку, да и спину показалъ, будто такъ и надо. Придется за нашу хлѣбъ соль теперь мнѣ бабничать, да возиться съ матерью да ребенкомъ. Гдѣ это видано... Свой грѣхъ на чужую шею добрые люди не сваливаютъ!

— Что и говорить! возражалъ знакомый мнѣ голосъ. Я братъ Анты, да не похвалю его за такое дѣло. Честные люди, сватая одну дѣвушку, не женятся на другой... законъ знаютъ. Ну да не на радость женился онъ въ Питерѣ. Тамъ нашего брата, чухну, не очень уважаютъ. Коли русская тамъ за финна идетъ, сама многого не стоитъ.

— Да намъ-то это все равно, перебила мачиха; стоющая она или не-стоющая, намъ отъ того не легче. Коли Анты женатъ, пусть лучше не показывается въ Кирхшпиль; мы ему проходу не дадимъ на родинѣ, выживемъ его вонъ изъ деревушки.

— Не бойсь, и не пріѣдетъ, что ему тутъ дѣлать? салаку косить что-ли?

— А тамъ что дѣлаетъ?

— Торговлю ведетъ; рыбный рядъ, выгодное мѣсто... Въ артельной квартирѣ данъ ему покойчикъ... Онъ обжился... Кое-что завелъ себѣ, на что ему голодная Финляндія? И о знакомыхъ-то даже не спрашиваетъ.

Библиотека "Руниверс"

— И о Кристинѣ не спросилъ?

— Нѣтъ. Я вздумалъ было намекнуть, куда! нахмурился и отвернулся.

— Значитъ, совсѣмъ забылъ?

— Кто его знаетъ, можетъ забылъ, а можетъ и думать не хочетъ.

Разговоръ прекратился. Мачиха ушла въ избу.

Не хочетъ обо мнѣ думать! Анты забылъ меня, женатъ и счастливъ!.. Для русской дѣвушки, для новой жены забылъ онъ и покинулъ свою невѣсту, горемычную... И за то? За то-ли, что беззавѣтно отдала я ему свою душу? За то-ли, что не могла ни въ чемъ ему противиться?.. Мысли эти огнемъ опалили мнѣ голову. Въ вискахъ у меня забилось, сердце закипѣло въ груди, печаль и злоба, ревность и отчаяніе заволновали душу. Я вскочила съ мѣста. Что-же буду я теперь дѣлать? мелькнуло у меня въ умѣ. Кому я нужна? Кто дастъ мнѣ кусокъ хлѣба безъ упрека? У отца своихъ ребятъ шестеро, моему младенцу не будетъ тамъ мѣста... И на что мнѣ этотъ младенецъ? Къ чему?.. Насильный вскормленникъ, будетъ онъ слезами размачивать чужія корки, кандалами с язывать мнѣ руки, да ежиться подъ кулаками домашнихъ... Мнѣ страшно стало... Подошла я къ дверямъ сарая, стиснула руками край двери и силилась отворить. Я хотѣла выбѣжать вонъ, уйти куда-нибудь далеко, къ синему морю и утопить тамъ въ родимыхъ волнахъ, двѣ лишнія жизни... Но руки дрожали, силы измѣнили мнѣ, потъ градомъ лился съ лица. Я забылась и упала на землю. Долго-ли, коротко-ли лежала я такъ — не помню. Очнувшись, вижу: лежу я на земляномъ полу сарая, мачиха стоитъ подлѣ и въ рукахъ ея пищитъ что-то маленькое, слабое, видно мой младенецъ. Посмотрѣла я на мачиху... Взглянула на ребенка... ничего теплаго, родственнаго не шевельнулось въ груди моей. Сердце такъ выболѣло, что не имѣло болѣе ни любви, ни жалости. Мачиха связала ребенка въ старыя тряпки, сунула мнѣ подъ руку и невнятно проворчала что-то.

Я съ отвращеніемъ отвернулась...

— Чего брезгаешь, своя плоть и кровь,—замѣтила она. Дикій воронъ изъ гнѣзда дѣтища не выкинетъ, приголубитъ по своему. Вѣдь, можетъ статься, у него только и радостей въ жизни будетъ, что твоя встрѣчная ласка.

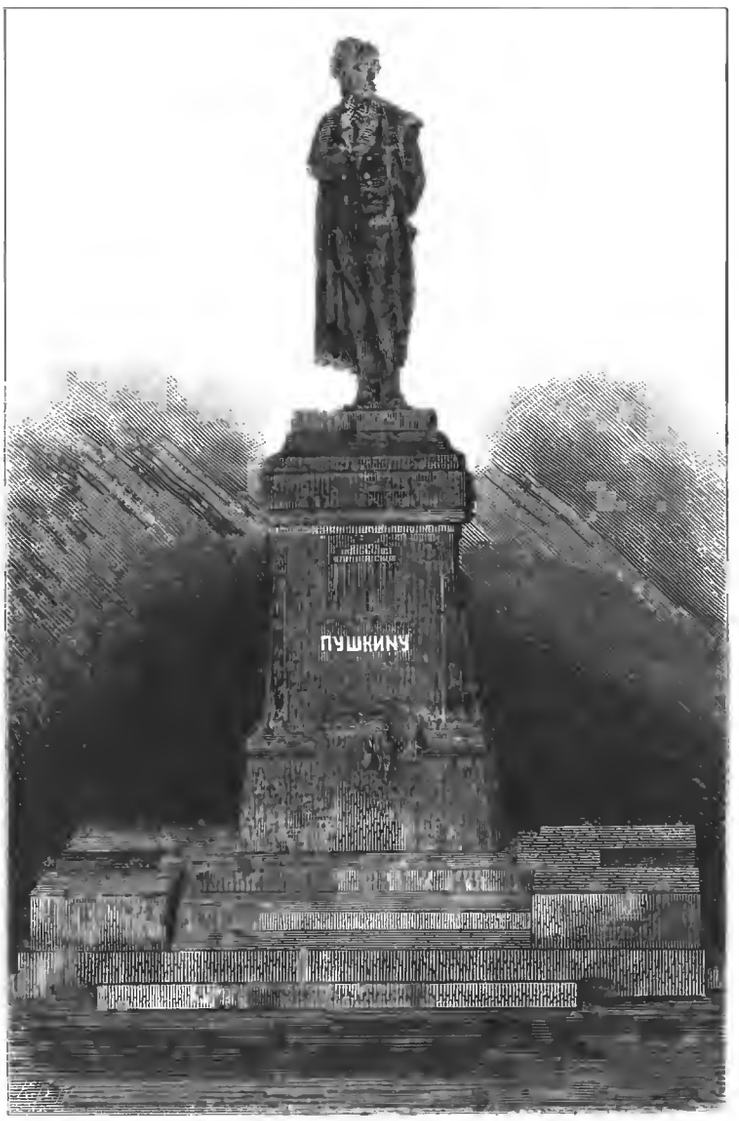
Я расширила глаза и отупѣвъ смотрѣла на младенца. Крошечное лицо его напоминало мнѣ Анты... Черты вѣроломнаго жениха снова проснулись въ памяти, ѣдкія мысли во мнѣ зашевелились, злоба опять нахлынула.

— Полно бревномъ-то сидѣть, поцѣлуй дитя свое. Кто знаетъ, послѣ можетъ и цѣловать не придется, какъ повиснетъ тебѣ петлей на шеѣ.

Я вздрогнула, слова мачихи раздражали меня, писк ребенка терзалъ мнѣ уши.

— Ну, дѣлай какъ знаешь; возиться мнѣ съ тобой некогда, проворчала она. Хочешь бери, не хочешь пусть валяется, мое дѣло сторона: твой ребенокъ.

Я сѣла и дико оглянулась. Во мнѣ совершалось что-то странное, что-то недоброе. Мачиха еще разъ взяла младенца на руки и опустила его ко мнѣ на колѣни. Я не отворачивалась болѣе, не противилась, но и не прижала его къ груди своей. Я смотрѣла на него и думала, но мысли мои были нерадостны, грудь тяжело дышала, въ глазахъ мелькали какія-то тѣни... Вдругъ я расправила онѣмѣлые пальцы, стиснула зубы, протянула руки и схватила младенца за горло. Испуганная мачиха вскрикнула, сбѣжались сосѣди, силою отняли у меня мертваго ребенка и дали знать волкогону. Волкогонъ и Ленцманъ связали меня, отобрали показанія о преступленіи, составили протоколъ и велѣли мнѣ сбираться на судъ въ Выборгъ. Завязалось дѣло."

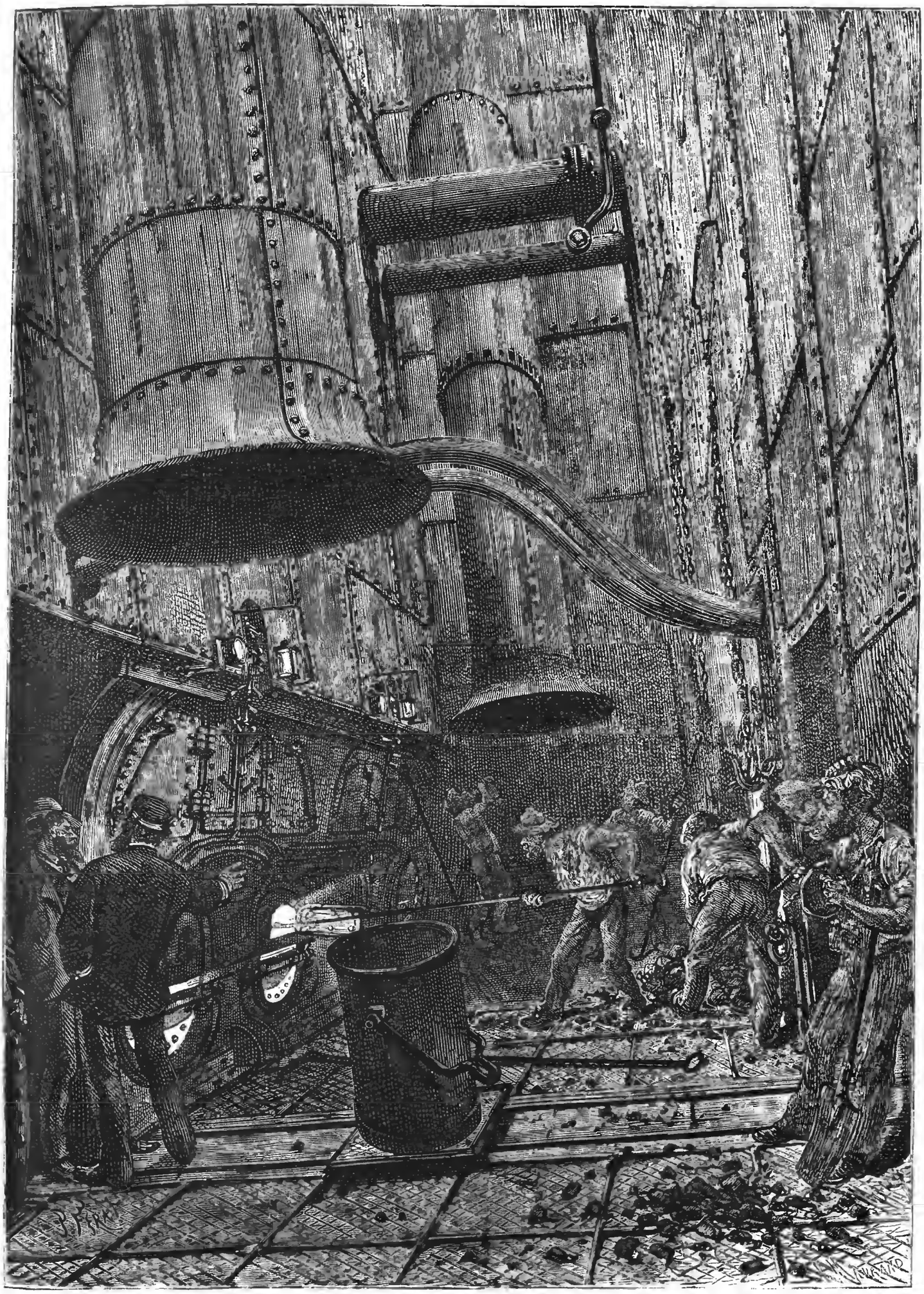


Утвержденный проэктъ памятника А. С. Пушкину
(для постановки въ Москвѣ), работы Акад. Опекушина.

Она смолкла на минуту, облегчила грудь глубокимъ вздохомъ, отерла потъ съ лица и, оправившись, продолжала.

„Въ выборгскомъ острогѣ посадили меня въ самую темную каморку, держали подъ самой крѣпкой стражей и обращались со мною строже, чѣмъ съ ворами и разбойниками, и было за что. Воры и разбойники сокрушались о сдѣланныхъ преступленіяхъ, я не сокрушалась. Тѣ плакали и раскаивались, у меня никогда не было слезинки. Я не могла объяснить своего проступка, не могла отвѣтить на вопросы судей; молчала, когда требовали отъ меня признанія, молчала, когда старались возбудить во мнѣ совѣсть. Ко мнѣ чувствовали отвращеніе, я видѣла и понимала это. Никто не жалѣлъ меня, да и я сама о себѣ не жалѣла. Въ душѣ у меня словно лежала ледяная глыба: душно, тяжко, а нельзя ни высказаться, ни заплакать. Въ острогѣ говорили, что въ старинные годы мнѣ слѣдовало-бы отрубить руки. Я слушала это безъ содроганія. Ѣсть мнѣ совсѣмъ не хотѣлось; къ арестантскому кушанью я едва прикасалась; спать не могла. Разъ сочли нужнымъ

Библиотека "Руниверс"



Помѣщеніе для топки въ большомъ морскомъ пароходѣ. Фоторельефъ С. Лаптева, по рисунку Ф. Фера.

Библиотека "Руниверс"

показать меня доктору. Это былъ добрый, ласковый человѣкъ, сострадательный къ преступникамъ, строгій къ своей обязанности. Онъ внимательно осмотрѣлъ меня, милостиво распросилъ обо всемъ, долго думалъ и рѣшилъ, что дѣтоубійство совершила я безсознательно, потому что молоко бросилось у меня въ голову; что меня нужно лечить, а не наказывать, и въ самомъ дѣлѣ началъ лечить. Ему я обязана тѣмъ, что присудили меня только къ трехлѣтнимъ арестантскимъ работамъ и неизбѣжному церковному покаянію. Въ сущности требовалось наказать строже.

Наступило время работы, въ числѣ другихъ преступницъ повели и меня; что дѣлали другія, приходилось дѣлать и мнѣ. Я исполняла приказанія, работала, но дѣло не шло успѣшно. Отъ долгаго-ли бездѣйствія, отъ болѣзни-ли, только руки у меня были какъ связанныя, то млѣли, то отекали, спина не гнулась, колѣни дрожали. Впрочемъ, это было только вначалѣ... Потомъ трудъ полюбился мнѣ. Отъ работы постепенно начала проходить моя одеревенѣлость, стала возвращаться память. Я сдѣлалась похожа на человѣка. И вдругъ во мнѣ проснулась совѣсть. Съ какимъ ужасомъ оглянулась я на прошлое. Съ какимъ жгучимъ раскаяніемъ вспомнила все! Горькое сознаніе неизгладимой вины лютою змѣею засѣло мнѣ на сердце. Я все забыла, свое безпомощное состояніе, свою болѣзнь и бѣдность, измѣну Анты, претерпѣваемое наказаніе, все казалось мнѣ ничтожнымъ въ сравненіи съ виной моей... Дни проходили за днями, тоска моя не унималась; одна отрада была работа. Какъ кинешься на дѣло, истомишься, измучишься... такъ будто притихнетъ совѣсть. Настанетъ праздникъ, не знаешь, куда дѣться, какъ размыкать свое безпредѣльное горе. Молиться-ли начнешь—думаешь: къ чему? Вѣдь изъ могилы мольбой его не достанешь. Пойдутъ слезы; думаешь: на что онѣ? Не смыть вѣдь ими страшнаго дѣла съ грѣшныхъ рукъ своихъ! И маешься-то, такъ маешься всю ночь на пролетъ, пока не настанетъ утро и не погонятъ опять насъ на работу.

Прошло мое острожное время, мои арестантскіе дни, и выслали меня изъ Выборга въ родимый Кирхшниль. Пасторъ принялъ меня милостиво, сказалъ краткое увѣщаніе и назначилъ для церковнаго покаянія слѣдующее воскресенье. Я пришла, сѣла на черную, позорную скамью, взяла въ руки молитвенникъ и задумалась. Все въ церкви, начиная отъ стѣны до скамьи, занятой мною, мнѣ было знакомо. Этотъ алтарь, крытый краснымъ сукномъ, эти два зажженные свѣтильника, этотъ органъ, тихо и медленно наигрывающій гимны—напомнили мнѣ многое. Тамъ я сидѣла ребенкомъ, вслушиваясь въ слова законоучителя; тутъ принимала причастіе, оттуда слѣдила за проповѣдью. Сколько разъ раздавались здѣсь для меня слова любви и прощенія!.. Вотъ и крестъ съ пригвожденнымъ Спасителемъ, надъ нимъ картина Тайной Вечери... Сколько разъ я все это видѣла... Никогда не производило оно на меня такого потрясающаго впечатлѣнія. Церковь наполнилась народомъ; и тутъ все знакомыя лица!.. Началась служба; я опустила глаза на молитвенникъ, склонила голову наравнѣ съ другими и принялась молиться. Вышелъ пасторъ, прочелъ Евангеліе... Сколько разъ здѣсь и въ тюремной церкви слышала я тѣ-же слова, тотъ же самый текстъ, и они не трогали моего сердца... Теперь мнѣ показалось, я поняла ихъ. Во мнѣ блеснула надежда на небесное прощеніе. „Всѣ мы грѣшники,—громко говорилъ пасторъ,—всѣ не уйдемъ отъ суда Господня... Кающимся—милостивъ Богъ.“ Я повторила мысленно послѣднія слова и душа у меня точно смягчилась; мнѣ даже сдѣлалось жаль себя. Я взглянула на рядъ скамей, унизанныхъ прихожанами, глаза мои скользнули по знакомымъ лицамъ... Они смотрѣли на меня съ какимъ-то пугливымъ любопытствомъ, какъ смотрятъ на дикаго звѣря, или съ омерзеніемъ отворачивались. Но это не трогало меня. Къ отвращенію людей я привыкла, оно не было для меня новостью; позоръ не страшилъ меня. Я знала, что между мною и людьми все кончено, и не желала, не ждала отъ нихъ привѣта. Но вдругъ.. Кровь бросилась мнѣ въ голову... Я задрожала... Истерзанное сердце забилось вновь сильно и тревожно... Передо мною былъ Анты. Онъ стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, со сложенными на груди руками. Какъ не замѣтила я его прежде—не знаю. Глаза наши встрѣтились и какъ-бы замерли... Мы въ какомъ-то забытьѣ смотрѣли другъ на друга, забывъ церковь, пастора, прихожанъ и все на свѣтѣ. Онъ былъ блѣденъ, вѣроломный женихъ мой, надъ нимъ неслышно тяготѣлъ судъ Божій. Изнуренный видъ, изношенная одежда—не показывали счастья.

Народъ двинулся изъ церкви, Анты скрылся въ толпѣ, а я все еще стояла у позорной скамьи, все смотрѣла въ даль, будто выжидая чего-то. Церковь опустѣла... поплелась и я къ выходу, тихонько сошла со ступеней лѣстницы, отыскала могилку матери и опустилась на колѣни. Въ первый разъ стало тихо и мирно въ наболѣвшей душѣ моей, вся долгая злость, будто вылилась въ слезахъ, и надъ родимой могилкой я въ первый разъ произнесла имя Анты съ прощеніемъ.

Съ тѣхъ поръ вотъ толкаюсь я между чужими людьми; какъ работницу меня терпятъ, какъ товарища—убѣгаютъ. Родня отказалась отъ меня, подруги забыли, друзей у меня не было. Работая и отдыхая, я всегда одна, съ своей думою, съ своими воспоминаніями. За дѣломъ стою, думаю: вотъ жилъ-бы мой младенецъ, эти руки могли бы безъ отца прокормить его, и любовь дитяти, безраздѣльно, пришлась бы на мою долю. Отдыхаю—думаю: жилъ бы,—можетъ быть, смѣхъ его раздавался, теперь, веселье его тѣшило бы мнѣ душу, я бы любовалась имъ, ласкала бы его... Авось теперь скоро увидимся.

Кристины не стало. Она покончила съ жизнью, разсчиталась съ земными страданіями и спитъ теперь непробуднымъ сномъ на Кирхшпильскомъ кладбищѣ. Но ежегодно въ этотъ достопамятный день, когда Кристина смиренно и послушно несла позоръ за свое преступленіе, въ тотъ день, когда съ черной скамьи церкви удалось ей встрѣтиться глазами съ вѣроломнымъ женихомъ —къ песчаной могилкѣ ея подходитъ Анты, угрюмо садится на холмикъ и долго размышляетъ.

О чемъ онъ думаетъ—Богъ знаетъ. Родныя сосны качаютъ передъ нимъ вѣтвями, перелётныя пташки поютъ непонятныя пѣсни, а онъ глядитъ въ даль, въ ту сторону, гдѣ должно находиться море, гдѣ теперь стоитъ его одинокая невеселая избушка.,. Ни Кристины, ни русской жены нѣтъ больше у него: одну самъ бросилъ, другую отняли люди. И ждетъ себѣ Анты; ждетъ не дождется, когда пора его настанетъ и лягутъ его усталыя кости рядомъ съ прахомъ преступницы. Ждетъ да, можетъ быть, спрашиваетъ: увидимся ли тамъ съ тобою, горемычная? простишь ли ты мнѣ тамъ, невѣста безталанная!

А. Кат—ъ.

Очерки изъ русской исторіи.

(Петровскія войны. Сраженіе при Переволочнѣ Іюня 30 ч. 1709 г. *)

Оставшаяся отъ полтавскаго пораженія часть Карловой армій отступала подъ начальствомъ Левенгаупта по Ворсклѣ, правымъ ея берегомъ, къ р. Днѣпру. Этотъ путь отступленія указанъ былъ Карломъ, еще до боя. Среди отступавшихъ находился и король: его везли въ коляскѣ генерала Мардефельда вмѣс-

*) См. «Ниву» 1877 г. № 8.

Библиотека "Руниверс"

тѣ съ раненымъ полковникомъ Гордомъ. Карлъ тяжко страдалъ: рана его, вслѣдствіе невольной, хотя и непродолжительной, поѣздки верхомъ, которую пришлось ему сдѣлать, спасаясь съ полтавскаго поля, растревожилась. Быстро подвигались шведы къ намѣченному пункту, шли всю ночь и утромъ слѣдующаго дня остановились на небольшой отдыхъ (въ Новыхъ Сенжарахъ). Здѣсь сдѣлали Карлу перевязку и онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Послѣ отдыха шведы пустились опять бѣжать и 29 числа достигли Днѣпра тамъ, гдѣ впадаетъ въ него Ворскла, у Переволочны. Отсюда путь шведовъ лежалъ, по предположенію Карла, за Днѣпръ въ Турцію, но, прибывъ въ Переволочну, шведы не нашли тамъ ни какихъ перевозочныхъ средствъ и ни одной живой души: городокъ Переволочна представлялъ, какъ и многія другія, прилежавшія къ театру войны, мѣстности, лишь кучу развалинъ. Какъ переправиться на другую сторону Днѣпра? И какъ остановить русскихъ, въ случаѣ если-бы они явились?

Русскіе явились. Петръ въ первомъ пылу восторга о „неначаемой и зѣло превеликой" викторіи, чествуя пиромъ своихъ, чествуя и гостей шведовъ, не замѣтилъ, что въ числѣ послѣднихъ нѣтъ самаго главнаго гостя, Карла, нѣтъ также и знаменитаго генерала, съ которымъ онъ самъ бился при Лѣсной. Лишь къ вечеру хватился Петръ своей ошибки и старался быстротою наверстать потерянное время. Тотчасъ послана была погоня за бѣглецами, изъ двухъ гвардейскихъ и 10 драгунскихъ полковъ, подъ командою кн. Михаила Михайловича Голицына и генерала Боура. На другой день рано утромъ принять командованіе надъ этими войсками посланъ былъ кн. Меньшиковъ. Быстро шли русскіе, догоняя шведовъ. На первомъ своемъ привалѣ 28 числа у Новыхъ Сенжаръ, бѣглецы уже знали о приближеніи русскихъ, а 29-го, когда они пришли къ Переволочнѣ скоро за ними явились туда и русскіе.

Не ожидая, когда русскіе станутъ съ ними лицомъ къ лицу, шведскіе генералы старались спасти короля: отыскали двѣ небольшія лодки, на которыхъ сначала перевезли коляску короля, поставивъ переднія колеса оной въ одну и заднія въ другую лодку, а затѣмъ—и самаго короля. Долго сопротивлялся Карлъ, когда приходилось ему разставаться съ своимъ храбрымъ войскомъ; толкнулъ даже генерала Левенгаупта при этомъ въ грудь, но наконецъ уступилъ и далъ себя перевезти. Съ Карломъ переѣхалъ на другой берегъ Днѣпра и Мазепа, незабывшій захватить съ собою два боченка съ золотомъ. При Карлѣ были тоже деньги—отъ саксонской контрибуціи и серебряный сервизъ. Послѣ Карла и Мазепы переправились за Днѣпръ еще до 2000 человѣкъ, нежелавшихъ покинуть короля въ такую критическую минуту. Всѣ они переправились, кто какъ могъ, и много при этомъ перетонуло людей. Переправа совершалась глубокою ночью.

Оставшаяся на лѣвомъ берегу Днѣпра шведская армія была въ жалкомъ положеніи. Солдаты упали духомъ, не стояли въ своихъ рядахъ, и не слушались начальниковъ; при томъ-же они страшно терпѣли и въ матеріальномъ отношеніи: съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ у нихъ не было. Сопротивляться съ такою арміею было невозможно. Впрочемъ, генералъ Левенгауптъ съ товарищами, генералами Крейцомъ, и Крузомъ попытали было устроить свои войска къ бою, но прежде чѣмъ шведскій генералитетъ успѣлъ достигнуть какихъ-либо результатовъ въ этомъ отношеніи русскіе пристали съ требованіемъ сдачи и Левенгаупту не осталось болѣе ничего, какъ подчиниться обстоятельствамъ. Левенгауптъ и подчинился; это было 30 іюня утромъ. Всѣ бывшія подъ его начальствомъ войска, состоявшія изъ 5,000 пѣхоты и 9,000 кавалеріи, не считая запорожцевъ и валаховъ, бывшихъ въ шведской арміи, съ артилеріею изъ 18 пушекъ и 8 мортиръ и со 127 знаменами и штандартами сдались военноплѣнными и получили права военноплѣнныхъ. Подъ это условіе не подошли запорожцы и мятежники, которыхъ, впрочемъ, при войскѣ въ моментъ сдачи было не болѣе 220 человѣкъ, прочіе разбѣжались, поступивъ или въ свиту Карла и Мазепы, въ составѣ означенныхъ 2,000 человѣкъ, или-же укрывшись куда-либо еще до капитуляціи, отъ которой не ожидали для себя ничего добраго. Частное имущество сдавшихся военноплѣнными объявлено неприкосновеннымъ.

„И тако вся непріятельская армея", писалъ Петръ Ромодановскому, „намъ, чрезъ помощь Божію, въ руки досталась". При Полтавѣ и Переволочнѣ „непріятельской армеи" попало въ руки русскихъ 59 верховыхъ штабъ-офицеровъ, 1,102 оберъ-офицера и 16,947 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

Дѣло при Переволочнѣ было необходимымъ слѣдствіемъ и дополненіемъ битвы при Полтавѣ: разбитыя и упавшія нравственно шведскія войска, лишенныя притомъ жизненныхъ припасовъ, не могли уже существовать какъ самостоятельная и прочная сила и должны были тотчасъ положить оружіе, какъ скоро явились-бы предъ ними торжествующіе непріятели. Они и положили его безъ сопротивленія, когда настигли ихъ русскіе. По всей вѣроятности они сдѣлали бы это и раньше и, можетъ быть, на самомъ полѣ полтавскомъ, еслибы со стороны русскихъ сдѣланы были надлежащія въ этомъ смыслѣ распоряженія. Какъ бы то ни было, полученіе въ плѣнъ при Переволочнѣ слишкомъ 14,000 человѣкъ, составлявшихъ остатокъ послѣ полтавскаго погрома, есть существенная прибавка къ славѣ полтавскихъ побѣдителей.

По этой-то, конечно, причинѣ объявлены были награды войскамъ за „неначаемую викторію" только послѣ переволоченскаго дѣла. Награды были щедрыя. Генераламъ и высокимъ штатскимъ особамъ, которыя хоть и не мечемъ, но содѣйствовали государю въ веденіи этой трудной войны, жалуемы были чины, знаки ордена Андрея Первозваннаго и деревни, штабъ и оберъ-офицеровъ наградили также чинами и, сверхъ того, золотыми портретами съ алмазами, или же только золотыми медалями „по достоинству". Нижнимъ чинамъ розданы были серебряныя медали и деньги.

Въ ознаменованіе славнаго дня и государь самъ принялъ на себя два новыхъ чина: генерала по сухопутнымъ войскамъ и глатбенахта (вице-адмирала) по флоту. О принятіи этихъ чиновъ просили государя генералитетъ, министры, штабъ и оберъ-офицеры и солдаты. До полтавской побѣды носилъ Петръ званіе полковника по арміи и капитана по флоту.

Не утерпѣлъ Петръ при этомъ, чтобы не пошутить надъ „своими". Извѣщая кн. Ромодановскаго о переволоченской сдачѣ, онъ навязалъ послѣднему чувство сильной любви, нѣчто въ родѣ неодолимой страсти къ Петербургу. „И нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества *) еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербурхѣ совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятеля". Зналъ Петръ коротко, что ни его пресбурское величество, ни. Ромодановскій, ни другіе бояре не любили новаго города на Невѣ, который самому основателю казался *парадисомъ* и сильно поносили въ затылкѣ, когда имъ тамъ вслѣно было обзаводиться домами. Но Петръ, какъ видно, на разные лады твердилъ своимъ о парадизѣ.

Эта шутка Петра напоминаетъ нѣчто подобное изъ жизни великаго Суворова. Во время перехода чрезъ Альпы, при одномъ очень трудномъ перевалѣ, солдаты даже и такіе, какими предводительствовалъ Суворовъ, пришли въ сомнѣніе на счетъ цѣлесообразности дѣйствій своего вождя: „должно быть старикъ нашъ рехнулся" говорили они, видя передъ собою недоступныя скалы, на которыя однако надо было итти. „Хвалятъ меня! помилуй Богъ, какъ хвалятъ!" говорилъ Суворовъ къ своей свитѣ, когда солдаты сзади бранили его.

И Петръ и Суворовъ въ этомъ случаѣ сходились: они продолжали начатое дѣло, не обращая вниманія на то, какими глазами смотрятъ на него другіе.

Н. Звѣревъ.

Къ рисункамъ.

Ночная тревога на Дунаѣ.

Сюжетъ картинки понятенъ для каждаго, знакомаго съ тѣми условіями военной жизни, въ какихъ она находится во время похода. Разскажемъ вкратцѣ содержаніе изображенной сцены:

Ночь. Передовой казачій пикетъ стоитъ на сторожѣ, прислушиваясь къ каждому звуку, доносящемуся до него съ непріятельскаго берега. Звуки становятся все подозрительнѣй и подозрительнѣй; сторожевые казаки дѣлаются тревожнѣе съ каждой минутой, не зная что предпринять. Дѣлать напрасную тревогу опасно со стороны возможныхъ за это начальническихъ внушеній и въ то же время совѣстно за себя, какъ въ собственномъ о себѣ мнѣніи, такъ и предъ товарищами. Какъ быть? Ночь темна, звуки между тѣмъ такъ странны: быть можетъ, они приносятся изъ нашего же лагеря, но, кто знаетъ, можетъ быть, это непріятельская развѣдка. Еще два подозрительныхъ всплеска на рѣкѣ—и казаки уже подожгли пукъ соломы, привязанный къ вершинѣ шеста. Это вспыхнувшее пламя—условный знакъ, дающій понятіе объ опасности.

Художникъ видимо успѣлъ ухватить существенный моментъ этой сцены и набросалъ ее въ свой дорожный альбомъ, быть можетъ, тутъ-же при самомъ началѣ тревоги.

Помѣщеніе для топки въ большомъ морскомъ пароходѣ **).

Сила пара, сдѣлавшись достояніемъ человѣка, принимаетъ

*) Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій въ шутку названъ былъ отъ Петра цесаремъ или королемъ пресбурскимъ.

**) Этотъ рисунокъ сдѣланъ новымъ способомъ, изобрѣтеннымъ г. Лаптевымъ и называется фоторельефъ. Цѣль фоторельефа—воспроизводить факсимиле съ гравюръ и рисунковъ перомъ. Для того, чтобы сдѣлать фоторельефъ, достаточно рисунка или даже негатива, остающагося при работѣ безъ поврежденія. Способъ основанъ на химическомъ дѣйствіи свѣта, съ помощью шелатина и хромокислаго калія. Сначала дѣлается матрица и обработывается какъ для фотогравюры, такъ и для фоторельефа, затѣмъ съ помощью гальванопластики воспроизводится мѣдная доска произвольной толщины. Время для изготовленія фоторельефа потребуется, при хорошо устроенной мастерской, отъ 4—5 дней.

Несомнѣнно, что фоторельефъ, въ недалекомъ будущемъ, окажетъ большую услугу какъ издателямъ иллюстрированныхъ изданій, такъ и художникамъ, рисунки которыхъ при этомъ способѣ будутъ воспроизводиться съ безукоризненною вѣрностью и точностью.

Библиотека "Руниверс"

Изображеніе конечного разрушенія Швецкой армеи. отъ Россійского войска после Главной Полтавской баталіи случившагося недалеко о Переволочны. Гдѣ оная безвсякого супротивленія ружье свое положила состоящая в 18000 пренашими 9600. болше. Іюня в 30. ае 1709. году.

Петровскія войны: III. Сраженіе при Переволочнѣ 30 Іюня 1709 г. Точная копія (факсимиле) съ гравюры на мѣди XVIII столѣтія.

Библиотека "Руниверс"

подъ вліяніемъ его изобрѣтательности, все большіе и большіе размѣры. Въ настоящее время на многихъ военныхъ и частныхъ морскихъ пароходахъ эта сила доведена въ паровыхъ машинахъ до 3,000 лошадиныхъ силъ. На топку такой машины выходитъ ежедневно среднимъ числомъ до 6,000 пудовъ каменнаго угля. Изъ этого понятно, что за громаду представляетъ собою самый пароходъ, имѣющій такую громадную машину. Помѣщаемъ рисунокъ, изображающій помѣщеніе для топки въ одномъ изъ такихъ пароходовъ, по справедливости называемыхъ „Левіаѳанами морей".

Нужно замѣтить, что „топка" имѣетъ на кораблѣ совершенно отдѣльное помѣщеніе и въ немъ находятся только машинисты да кочегары. Помѣщеніе это представляетъ узкую и длинную комнату съ раскаленной атмосферой и стѣны которой сплошь покрыты листами кованнаго желѣза, а за ними находятся плохіе проводники тепла, какъ зола, шлакъ и проч. чтобы помѣшать жарѣ распространяться далѣе и стать опасной для деревянныхъ частей корабля. Въ паровые котлы вода доставляется съ помощью особенныхъ насосовъ; воздухъ, необходимый для топки, притекаетъ черезъ особые вентиляторы; кромѣ того устроены всевозможные аппараты для охраненія безопасности корабля: манометры (приборъ для опредѣленія давленія пара), предохранительные клапаны, предохранительные свистки и проч., которые дѣйствуютъ сами и тотчасъ же подаютъ сигналъ къ тревогѣ, коль скоро давленіе пара перейдетъ желаемый предѣлъ, или вода въ котлѣ не достигаетъ обычнаго уровня. Рядомъ съ помѣщеніемъ для топки находится складъ каменнаго угля, котораго для десятидневной поѣздки, напримѣръ, приходится захватить 60,000 пудовъ. Въ складѣ приняты всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы предотвратить нагрѣваніе или самовоспламененіе каменнаго угля. Изъ склада особые двери и рельсы ведутъ въ помѣщеніе для топки, и угли, доставляемыя туда въ желѣзныхъ бочкахъ, бросаются однимъ кочегаромъ въ печку при помощи лопатки, тогда какъ другой кочегаръ мѣшаетъ и распредѣляетъ ихъ желѣзной кочергой. Жаръ и духота въ помѣщеніи для топки таковы, что они почти невыносимы для европейца, и вотъ почему на большинствѣ большихъ морскихъ пароходовъ предпочитаютъ имѣть кочегарами рослыхъ, коренастыхъ негровъ. Чтобы уменьшить жаръ, сдѣлать возможнымъ притокъ свѣжаго воздуха и удалить отдѣляющуюся углекислоту, устроено нѣсколько огромныхъ желѣзныхъ трубъ, находящихся въ связи съ дымовой трубой и вентиляторами и снабженныхъ частью мѣхами и всасывающими аппаратами. Трубы эти проходятъ въ самое помѣщеніе для топки, которое, благодаря отблеску огня изъ печей, похоже, особенно ночью, положительно на адъ. Шлакъ и зола, падающіе подъ рѣшетку печей, удаляются всегда самымъ тщательнымъ образомъ, а именно ихъ нагружаютъ на особый возокъ, везутъ по нарочно устроеннымъ для этого рельсамъ къ подъемной двери, находящейся недалеко отъ помѣщенія для топки и бросаютъ въ море.

Могильщики (Necrophorus Vespilio), погребающіе мышь.

Жизнь насѣкомыхъ представляетъ много интереснаго и поучительнаго. Знакомство съ нравами и образомъ жизни этихъ, повидимому, ничтожнѣйшихъ изъ животныхъ заставляетъ человѣка убѣдиться, что и они живутъ и двигаются не безотчетно, не безъ смысла, а напротивъ—нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ значительной долей смышленности и какъ бы остроумія. Къ такимъ смышленнымъ насѣкомымъ принадлежитъ, напримѣръ, *могильщикъ*, насѣкомое изъ отряда *жесткокрылыхъ*, названное такъ за свой обычай—рыть могилы для умершихъ маленькихъ млекопитающихся.

Это небольшое насѣкомое длиною съ полдюйма, имѣетъ красивый пестрый цвѣтъ, въ которомъ черные краски перемѣшаны съ оранжевыми; два пленчатыхъ крыла сложены и спрятаны подъ другія два верхнія, довольно твердыя и жесткія на ощупь, называемыя надкрыліями, которыя какъ будто усѣчены и потому не вполнѣ прикрываютъ спинку (брюшко) насѣкомаго. Ротъ у всѣхъ *могильщиковъ* снабженъ острыми, крючковатыми челюстями, которыми насѣкомое можетъ жевать пищу, состоящую изъ мяса труповъ мелкихъ млекопитающихся. *Могильщики* одарены чрезвычайно острымъ обонятельемъ. Быстро носясь надъ землею, они тотчасъ же находятъ по запаху трупъ недавно умершаго крота, мыши или другого маленькаго млекопитающагося и устраиваютъ ему погребеніе. Надо удивляться проворству и смышленности, съ которыми производится ими работа рытья могилы. Приведемъ здѣсь выдержки изъ разсказа одного натуралиста, много лѣтъ наблюдавшаго за образомъ жизни и нравами этихъ насѣкомыхъ. „*Могильщикъ*, найдя трупъ мыши на твердой почвѣ, въ которой нельзя было вырыть для нея могилу, старался перетащить трупъ въ другое мѣсто, на рыхлую почву; но для этого не хватало у него силы. Чтобы помочь дѣлу, онъ быстро улетѣлъ и скоро возвратился съ четырмя товарищами. Дружно всѣ вмѣстѣ принялись они за работу, перетащили трупъ мыши на рыхлую почву, подкопали подъ нимъ яму и такимъ образомъ предали землѣ".

Чтобы наглядно убѣдиться, насколько велика смышленность этихъ насѣкомыхъ, былъ сдѣланъ такой опытъ. Трупъ мыши былъ привязанъ на конецъ кола, вбитаго въ землю. Въ тотъ же день одинъ *могильщикъ* появился у трупа. Нѣсколько минутъ летавъ онъ около него, бродилъ кругомъ кола по землѣ, какъ будто соображалъ, какъ слѣдуетъ поступить ему. Пока онъ находился въ такомъ недоумѣніи, слетѣлось еще нѣсколько погребателей. Долго они увивались вокругъ кола и садились на него, какъ бы совѣтуясь; потомъ дружно всѣ принялись подрывать колъ, хотя мышь висѣла на аршинъ отъ земли. Во время работы постепенно прибывали новые могильщики. Работа шла дѣятельно въ теченіи цѣлыхъ сутокъ; наконецъ—колъ подрытъ и упалъ на землю. Началось погребеніе мыши. Тутъ случилось новое для погребальщиковъ затрудненіе: шнурокъ, на которомъ была привязана мышь, препятствовалъ опуститься трупу въ ямку, такъ какъ верхній конецъ кола не прикасался къ землѣ, а нѣсколько возвышался. Тогда *могильщики* снова принялись подрывать колъ до тѣхъ поръ, пока верхній конецъ не перевѣсился, послѣ чего мышь была погребена съ частью кола.

Проворство работы этихъ насѣкомыхъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, таково: одинъ *могильщикъ* закапываетъ въ землю трупъ крота въ продолженіи двухъ дней; четыре *могильщика* зарыли въ 30 дней: четырехъ лягушекъ, трехъ птицъ, двухъ рыбъ, крота, двѣ саранчи, внутренности одной рыбы и два куска коровьяго легкаго.

Всѣ эти усиленныя работы зарыванія труповъ дѣлаются *могильщиками* съ цѣлью сохраненія рода: самка кладетъ на мѣстѣ, гдѣ зарытъ трупъ, свои яички (числомъ до 30), изъ которыхъ выходятъ личинки, питающіяся этимъ трупомъ.

Звуки, производимые этими насѣкомыми, происходятъ отъ тренія послѣдняго сустава брюшка о надкрылія. Надо полагать, что и они произнодятся у нихъ также сознательно, какъ средство для сближенія половъ.

Въ заключеніе скажемъ, что *могильщики* очень рѣдко попадаются на глаза въ нашихъ среднихъ губерніяхъ, такъ что можно было бы предполагать, что ихъ тамъ нѣтъ; но стоитъ только бросить какое-нибудь умершее животное и тайно наблюдать, чтобы увидѣть, какъ въ тотъ же день налетитъ нѣсколько паръ этихъ погребателей.

Н. К.

Внутреннія извѣстія.

Главное вниманіе и заботы всего русскаго народа сосредоточены теперь на оказаніи помощи нашему войску, пошедшему по слову Царя на защиту угнетенныхъ. Точно многоголосное эхо, раздались по всей русской землѣ *отклики на борьбу за святое дѣло*.

Множество молодыхъ людей изъ столичнаго населенія заявило желаніе стать въ ряды защитниковъ праваго дѣла. Въ числѣ ихъ не мало находится слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, принадлежащихъ по происхожденію къ духовному сословію.

Даже Горцы Кубанской области заявили, что они всѣ поголовно желаютъ идти на утѣснителя-врага.

Труды и пожертвованія для больныхъ и раненыхъ воиновъ полились отовсюду.

Въ С.-Петербургѣ, по инициативѣ Великой Княгини Александры Петровны, открыты во дворцѣ ея супруга, Главнокомандующаго южною арміею, залы всѣмъ желающимъ безплатно работать для оказанія помощи раненымъ; въ залы эти ежедневно собирается большое число представительницъ высшаго общества. По праздникамъ въ залахъ этихъ работаетъ много дѣвушекъ изъ магазиновъ и швейныхъ мастерскихъ. Такія же работы открыты Великою Княгинею Екатериною Михайловною въ зданіи 8-го флотскаго экипажа. С.-Петербургская городская дума постановила пожертвовать 1 милліонъ руб. на санитарныя нужды. Въ средѣ петербургскихъ художниковъ возникла мысль принять *участіе въ пожертвованіяхъ на военныя потребности* устройствомъ выставки картинъ. Персоналъ С.-Петербургской судебной палаты постановилъ: отчислить извѣстный процентъ изъ получаемаго имъ жалованья на нужды и потребности наступившаго военнаго времени. *Манифестъ о войнѣ встрѣчается въ селеніяхъ Петербургскаго уѣзда крестьянами съ самымъ живымъ энтузіазмомъ*, который сказывается посильными пожертвованіями. 17 апрѣля первое Товарищество конно-желѣзныхъ дорогъ назначило сборъ по движенію въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ. Публика сочувственно отозвалась на эту помощь борцамъ за угнетаемыхъ; многіе брали по нѣскольку билетовъ. Надняхъ *нѣсколько* вольнопрактикующихъ *акушерокъ отправилось* на свой счетъ изъ Петербурга въ Кишиневъ *для поступленія въ военно-походные госпитали* для ухода за ранеными. Всѣ отправившіяся женщины болѣе или менѣе обезпеченныя.

Библиотека "Руниверс"

Московское дворянство пожертвовало 80,000 руб. на 100 солдатскихъ и на 100 офицерскихъ *коекъ* для кавказской арміи, и 15,000 р, въ пособіе военнымъ госпиталямъ губерніи. Губернское земство назначило на санитарныя нужды арміи 100 тысячъ р. Мѣщанское сословіе ассигновало 25 тысячъ р., а ремесленное сословіе—15 тыс. р. и лазаретъ на 60 коекъ. Камергеръ, ст. сов. И. А. Яковлевъ пожертвовалъ въ общество краснаго креста 50 тыс. р. Московское уѣздное земство ассигновало 10,000 р. на больницу въ 50 кроватей. Кромѣ того, 10,000 р. на помощь семействамъ раненыхъ. Московской думѣ поданы заявленія нѣсколькихъ купцовъ, предлагающихъ безвозмездно свои фабрики для помѣщенія войскъ и раненыхъ. Врачи предлагаютъ свои услуги безвозмездно.

Пасторы евангелическихъ приходовъ въ С. Петербургѣ устраиваютъ на счетъ евангелической церкви въ Россіи „евангелическую военную больницу" первоначально на 50 кроватей.

Преподаватели и служащіе въ 6-й Петербургской прогимназіи постановили жертвовать по 3% изъ получаемаго ими жалованья, на все время продолженія войны, а въ Воронежской гражданской гимназіи—по 5%.

Двѣнадцать болгарскихъ сельскихъ обществъ Романовской волости, Таврической губ., заявили желаніе пожертвовать для арміи, въ настоящее время, 11,400 пудовъ ржаной муки. Крестьяне Захарьевской, Котарской и Малигоповской волостей, Тираспольскаго уѣзда, Херсон. губ., предложили безвозмездную поставку подводъ для перевозки больныхъ и раненыхъ. Таганрогское городское общество пожертвовало на санитарныя нужды 10 тысячъ руб. Въ Ростовѣ-на-Дону образованъ комитетъ Краснаго Креста: купецъ Кошкинъ отдалъ свое огромное зданіе, подъ госпиталь, въ коемъ могутъ помѣститься до 200 больныхъ и центральный складъ Общества; граждане Баташевъ, Панченко и Посоховъ устраиваютъ госпиталь на 25 человѣкъ

Кіевская городская дума назначила 100,000 р. на санитарныя нужды арміи. Харьковъ устраиваетъ лазаретъ на 350 кроватей. Болховское уѣздное земское собраніе ассигновало 1,000 р. въ распоряженіе Орловскаго дамскаго комитета. Служащіе по Тамбовской дирекціи народныхъ училищъ положили жертвовать ежемѣсячно во время войны по пуду чая для дѣйствующей арміи.

Нижегородское городское общество приняло на себя уплату 17,750 руб. за лошадей для арміи и устроило лазаретъ на 150 кроватей. Рыбинскъ пожертвовалъ 10 тысячъ руб. и лазаретъ на 20 кроватей. Ярославльская городская дума—лазаретъ въ 400 кроватей. Ревель устраиваетъ 100 кроватей. Въ ближайшей къ театру военныхъ дѣйствій мѣстности открывается 17 читаленъ при лечебныхъ заведеніяхъ для нашихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, а именно: въ 1 морскомъ госпиталѣ (въ Николаевѣ), въ 10 военныхъ госпиталяхъ (Тираспольскій, Херсонскій, Сухумскій, Бендерскій, Симферопольскій, Ахалцихскій, Керчь-Еникольскій, Новороссійскій, Александропольскій и Кутаисскій), въ двухъ особыхъ отдѣленіяхъ Керчь-Еникольскаго госпиталя (въ городѣ и въ крѣпости Керчи) и въ 4-хъ лазаретахъ при мѣстныхъ воинскихъ частяхъ (въ Кишиневѣ, Одессѣ, Озургетахъ и Поти).

Словомъ все и всѣ воодушевлены одгою мыслью, и помощь такъ или иначе будетъ течь широкою рѣкою.

Извѣстія о наводненіяхъ и причиненныхъ ими раззореніяхъ и убыткахъ все еще приносятъ провинціальныя газеты съ юга и запада Имперіи. Но наши сѣверныя рѣки, кажется, не будутъ имѣть большой воды, потому что холодныя ночи поддерживаютъ снѣга, не давая имъ быстро таять. *Вскрытіе рѣкъ на сѣверѣ* поэтому совершается тихо и покойно. Нева въ Петербургѣ вскрылась 16 апрѣля. Въ каналахъ Ладожскихъ воды мало, такъ что слышатся жалобы на невозможность сплавлять къ Петербургу лѣсъ и дрова. Между тѣмъ въ южныхъ губерніяхъ не знаютъ, куда дѣться съ водой. *Дожди на югѣ* идутъ безпрерывно, препятствуя полевымъ работамъ. Посѣвы тамъ. дѣлаются ограниченные по недостатку сѣмянъ и рабочаго скота, именно гдѣ прошлый годъ былъ слабый урожай, или скотскій падежъ. *Вспомоществованіе крестьянамъ* такихъ мѣстностей необходимо. Поэтому разрѣшено выдавать имъ ссуду деньгами или зерномъ изъ запасныхъ хлѣбныхъ уѣздныхъ или губернскихъ магазиновъ. Землевладѣльцы петербургскаго уѣзда собрали сумму для пріобрѣтенія скота и раздачи безплатно крестьянамъ окрестныхъ съ Петербургомъ селеній, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ падежа. Но экономическія затрудненія и нужды страны съ объявленіемъ войны, встали какъ будто на задній планъ. Даже *крахи банковъ* перестали пугать публику, хотя газеты и приносятъ, напр., такія извѣстія: Пятигорскій городской общественный банкъ не далекъ отъ крушенія; въ началѣ нынѣшняго года въ немъ оказался дефицитъ въ 800 тысячъ руб. Въ Ржевскомъ отдѣленіи Волжско-Камскаго банка оказалась растрата въ 600,000 р.; управляющій отдѣленіемъ, купецъ Поганкинъ, застрѣлился. Костромская уѣздная земская управа предана суду по обвиненію въ излишнемъ сборѣ денегъ съ подлежащихъ окладовъ; членъ Макарьевской земской управы привлеченъ къ отвѣтственности за растрату земскихъ денегъ. Пермская губернская земская управа также имѣетъ въ виду печальную перспективу по ремонту и расходамъ злосчастнаго сибирскаго тракта.

Политическія и военныя извѣстія.

Мы еще не касались извѣстій съ западнаго театра войны т. е. той площади, гдѣ раскинуты Черногорія, Боснія, Герцеговина и часть Албаніи. Здѣсь перевѣсъ въ численности турецкихъ войскъ дѣлаетъ покамѣстъ борьбу Черногорцевъ и миридитовъ съ турками весьма неравною. И въ самомъ дѣлѣ главнокомандующій турецкими войсками въ этомъ мѣстѣ устремился на Никшичъ, чтобы овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Затѣмъ есть уже слухи, что турецкія войска заняли всю территорію миридитовъ, т. е. часть Албаніи, къ югу отъ Черногоріи. Такъ происходитъ дѣло на самомъ западѣ. Восточнѣе—именно на территоріи Сербіи, обѣщаются довольно значительныя операціи. Такъ, Дринскій и Шумадійскій корпуса, а также Вальевская и Шабацкая бригады и кавалерія должны, по сообщенію телеграфа, выступить 4 мая къ границѣ; обозу приказано приготовиться къ выступленію. Добровольцамъ дано приказаніе сосредоточиться въ Кладову. Отборъ Скупщины одобрилъ дѣйствія правительства. Затѣмъ извѣстно, что въ главномъ городѣ Миридитовъ, Орошѣ, еще въ минувшемъ мартѣ состоялось народное собраніе, на которомъ рѣшено изгнать изъ края всѣхъ родственниковъ и приверженцевъ союзниковъ турокъ и рѣшеніе это немедленно было исполнено. Надо замѣтить, что къ Черногорцамъ въ борьбѣ противъ турокъ примкнула только часть миридитовъ. Теперь генералъ губернаторъ Албаніи старается поднять противъ этихъ непокорныхъ миридитовъ другія сосѣднія племена, какъ мусульманскія, такъ и христіанскія, но встрѣчаетъ рѣшительное сопротивленіе. Изъ Константинополя получено приказаніе вооружить возможно большее число албанцевъ противъ Черногоріи. Въ провинцію Македонію, къ порту Салоники, свозятся награбленные въ болгарскихъ церквяхъ и скупленные евреями церковные сосуды, для отправленія чрезъ Салунскую таможню въ Константинополь. Въ этихъ же провинціяхъ солдаты и черкесы бродятъ по селамъ и занимаются грабежами.

— Въ Герцеговинѣ дѣятельно идутъ военныя приготовленія. Въ Требиньѣ строятъ новыя укрѣпленія; провіанта заготовлено на 6 мѣсяцевъ для 37 батальоновъ, расположенныхъ въ Столацѣ, Габеимѣ, Требиньѣ и Гацко. Военные припасы подвозятся чрезъ Митровицу въ Мостаръ въ большомъ количествѣ. Всѣ блокгаузы, возведенные вдоль Черногорской границы, срываются, а гарнизоны ихъ стягиваются въ вышепомянутые пункты. Число боснійскихъ ополченцевъ, собирающихся около полковника Деспотовича, увеличилось прибытіемъ изъ Сербіи многихъ волонтеровъ. Здѣшніе христіане твердо убѣждены, что Россія спасетъ ихъ также, какъ спасла она Сербію.

Въ Сербіи идутъ дѣятельныя военныя приготовленія на ея восточной границѣ, отъ Нѣготина до Кладовы, на такъ называемомъ Верхнемъ Дунаѣ. Эти приготовленія вызваны тѣмъ, что недавно Абдулъ-Керимъ-паша объявилъ сербскому полковнику Хорватовичу, командующему войсками въ Крайнѣ, въ Нѣготинѣ, что Турція находитъ необходимымъ занять Нѣготинъ, Радуеваць и Кладову, чтобы воспрепятствовать русскимъ переправиться въ этихъ пунктахъ черезъ Дунай въ Сербію. Вотъ поэтому-то сербское правительство и отправило уже дринскій и шумадійскій корпуса (какъ мы уже упоминали), а также вальевскую и шабацкую бригады вмѣстѣ съ кавалеріей къ турецкой границѣ, чтобы дать туркамъ отпоръ, вслучаѣ еслибы они нарушили нейтралитетъ Сербіи. Въ Нѣготинѣ теперь командуетъ войсками Хорватовичъ. Нападеніе на этотъ пунктъ (Нѣготинъ) турокъ возможно изъ виддинскаго лагеря, отстоящаго въ 25 верстахъ отъ сербской границы. Въ Кладову-же (лежащую значительно выше къ сѣверу по Дунаю) сербское правительство послало отрядъ добровольцевъ, подъ начальствомъ полковника Влайковича, чтобы занять этотъ пунктъ. Далѣе носятся слухи, что и австрійское правительство угрожаетъ само занять Сербію, если турки перейдутъ сербскую границу.

По 19 апрѣля получены съ турецко-кавказской границы слѣдующія извѣстія о ходѣ тамъ военныхъ дѣйствій. Въ Рі-нскомъ отрядѣ происходила 15 апрѣля перестрѣлка, непричинившая, однако, нашимъ войскамъ вреда. У непріятеля-же потери значительныя. Броненосцы турецкіе въ тотъ же день возвратились къ посту Св. Николая и снова обстрѣливали его. Александропольскій корпусъ 17 апрѣля расположился у Займа и Энш-Кева. Начальникъ Эриванскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ извѣщаетъ, что 18 апрѣля, въ 7 часовъ утра, онъ прошелъ къ Баязету; при появленіи русскаго авангарда, турецкій гарнизонъ, въ числѣ 1,700 чел., отступилъ въ горы Алла-Дагъ, причемъ оставлены были значительные запасы турецкаго военнаго имущества. Русскія войска заняли городъ и цитадель. На слѣдующій день пришла телеграмма о баязетскомъ дѣлѣ, излагающая обстоятельства дѣла въ томъ-же смыслѣ.

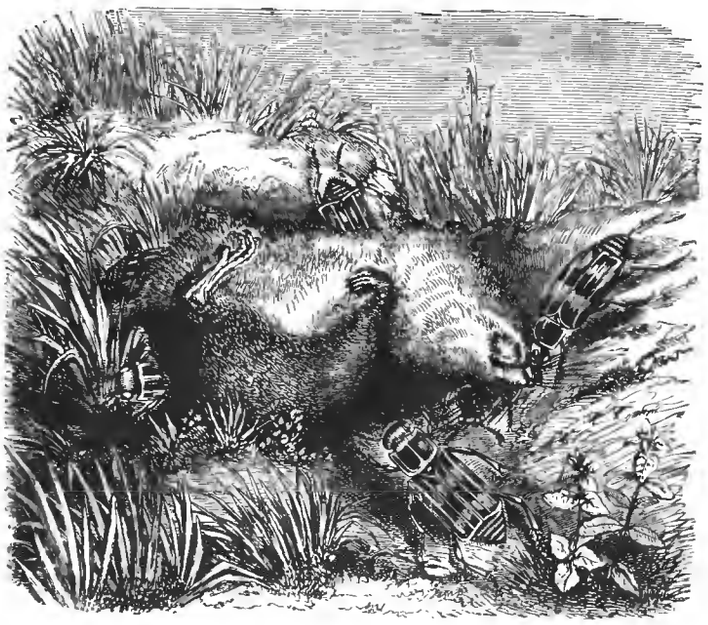
— Съ европейско-турецкаго театра войны извѣстія покамѣсть крайне скудны. Вообще утверждаютъ, что турки рѣшились здѣсь пока держаться оборонительнаго образа дѣйствій. Покамѣсть наши войска не перейдутъ Дунай, никакихъ сколько-нибудь значительныхъ дѣйствій ожидать нельзя.

Библиотека "Руниверс"

— Съ западнаго театра войны, бывшаго прошлый годъ театромъ возстанія, напротивъ, извѣстія являются чаще. Такъ, изъ Зары отъ 19 апрѣля (1 мая) извѣстно, что недавно усташи произвели первое нападеніе на турецкій авангардъ въ Бизинскомъ ущельѣ, близь Невесинья, причемъ 15 турокъ было убито. Въ Босніи и Герцеговинѣ турецкія власти вербуютъ на службу мусульманъ, имѣющихъ возрастъ отъ 16 до 60 лѣтъ.

— Изъ Аѳинъ сообщаютъ, что въ Греціи общее настроеніе народонаселенія чрезвычайно воинственное, и что нынѣшнему правительству, вѣроятно, не долго оставаться во главѣ правленія.

Относительно русскихъ, оставшихся въ Турціи, до сихъ поръ, вопреки оффиціальному увѣренію Порты, не принято никакихъ мѣръ со стороны турецкаго правительства. Германскіе консулы дѣятельно оказываютъ покровительство русскимъ, распоряжаясь въ этомъ смыслѣ энергически и быстро. Многіе русскіе подданные поручили просить засвидѣтельствовать свою глубокую благодарность германскимъ властямъ въ Турціи. Такимъ образомъ существуетъ уже весьма осязательный фактъ прочнаго дружественнаго расположенія къ намъ Германіи.



Могильщики (Necrophorus Vespilio), погребающіе мышь

— Турецкое морское каперство уже начинаетъ заявлять себя. Такъ, недавно, вѣнскими газетами получено извѣстіе о захватѣ турками румынскихъ военныхъ пароходовъ «Фульгеруль» и «Стефанальмаре».

— Изъ Румыніи сообщаютъ, что съ 19 апрѣля (1 мая) всѣ румынскія войска направляются къ Калафату и что румынскія палаты вскорѣ займутся голосованіемъ вопроса о субсидіи на военныя цѣли, и затѣмъ палаты будутъ закрыты.

— Изъ Парижа сообщаютъ, что тамъ въ засѣданіи палаты депутатовъ роздана депутатамъ «Желтая книга», содержащая 530 страницъ, посвященныхъ исключительно восточнымъ дѣламъ. Всѣ, содержащіяся въ этой книгѣ депеши герцога Деказа высказываютъ его сильное желаніе сохранить миръ и согласіе между державами. Далѣе, въ одномъ изъ циркуляровъ выражено сожалѣніе по поводу отпора Порты отъ принятія протокола, который (протоколъ) давалъ турціи почетный способъ мирно разрѣшить затрудненія.

— Страсбургъ (главн. городъ Эльзаса, во Франціи) недавно посѣтилъ германскій императоръ Вильгельмъ и встрѣченъ былъ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Отвѣчая на прочувствованную рѣчь членовъ областной коммисіи, германскій императоръ замѣтилъ между прочимъ, что онъ убѣжденъ, что жители Эльзаса проникнутся задачею прочнаго сліянія новой имперской области съ Германіею.

— Изъ Вѣны телеграфируютъ, что относительно замѣщенія австрійскаго посла въ Константинополѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ придаютъ значеніе тому, чтобы послы Германіи и Австріи *явились въ Константинополь одновременно*, и что графъ Зичи не поѣдетъ въ Константинополь пока не послѣдуетъ назначенія туда принца Рейса. Если-же Порта будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи относительно высылки русскихъ подданныхъ, то замѣщеніе поста Германскаго посла можетъ быть отмѣнено.

— Изъ Англіи сообщаютъ, что недавно Лордъ Дерби заявилъ въ палатѣ Лордовъ, что остальные документы (кромѣ циркуляра русскаго канцлера) будутъ обнародованы вскорѣ. Отвѣтъ британскаго кабинета на циркуляръ князя Горчакова одобренъ королевою и вскорѣ представленъ будетъ Парламенту.

— Изъ Галаца и Браилова въ вѣнскія газеты пишутъ, что турецкое правительство намѣрено бомбардировать эти города. Въ Варнѣ снаряжается турецкая экспедиція въ Крымъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Нивы" будетъ разослана нашимъ годовымъ подписчикамъ, въ видѣ **безплатнаго приложенія**, большая **карта театра войны** въ Европейской и Азіатской Турціи. (Цѣна этой карты въ отдѣльной продажѣ 1 руб.)

Руководимые желаніемъ доставить нашимъ подписчикамъ возможность слѣдить съ полною точностью за положеніемъ дѣлъ на театрѣ войны, мы, не жалѣя матеріальныхъ средствъ, главнымъ образомъ обращали вниманіе на то, чтобы прилагаемая карта была лучше другихъ, до сихъ поръ изданныхъ.

Къ сожалѣнію карта не могла быть приложена къ этому номеру по причинѣ техническихъ трудностей, неизбѣжныхъ при печатаніи ея тремя тонами. То количество экземпляровъ, въ которомъ печатается „Нива", а именно 34,000, требуетъ, чтобы карта была оттиснута (при трехъ тонахъ краски) 102,000 разъ. Въ этомъ, собственно и заключается причина, что карта не можетъ быть приложена ранѣе выхода № 19 или 20 „Нивы".

Отъ Редакціи „НИВЫ" отправлены на театръ военныхъ дѣйствій въ Европ. и Азіят. Турціи два художника-корреспондента, которые будутъ намъ доставлять рисунки изъ современной войны, виды мѣстностей расположенія войскъ, портреты героевъ, отличившихся въ битвѣ, рисунки сраженій, отдѣльныхъ сценъ, типовъ и т. п.

СОДЕРЖАНІЕ: **В. И. Раабъ. Л. Ст—вой** (съ портретомъ).—Къ войскамъ (стихотв.) **Н. Б—всиого.—Къ портрету Пушкина Н. Страхова** (съ портретомъ и рис.).—**Терниcтый путь.** (Разсказъ изъ финскихъ нравовъ) **А. Кат—ъ.—Очерки изъ русской исторіи Н. Звѣрева** (съ рисункомъ).—**Ночная тревога на Дунаѣ** (съ рисункомъ).—**Помѣщеніе для топки въ большомъ морскомъ пароходѣ** (съ рисункомъ).—**Могильщики (Necrophorus Vespilio), погребающіе мышь. Н. К.** (съ рисункомъ).—**Внутреннія** извѣстія.—Политическія и военныя извѣстія.—Отъ Редакціи.—Объявленія. **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за МАЙ: 32 рисунка модъ, 25 рисунковъ выкроекъ, 26 рисунковъ для устройства и убранства комнатъ и 31 рисунокъ буквъ для мѣтки бѣлья.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**

РЕКОМЕНДУЕМЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Э. А. Россмесслеръ. На Досугѣ. Популярныя Бесѣды, съ политипажами въ текстѣ, переводъ съ нѣмецкаго **П. Андреевскаго.** Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р.

Записки Слѣдователя, сочиненіе **Н. П. Тимофѣева.** Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

Христова Невѣста, повѣсть **Н. А. Лейкина. Изданіе второе.** Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою 1 р. 50 к.

Повѣсти, Разсказы и Драматическія сочиненія **Н. А. Лейкина.** Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к. со пересылкою 4 р.

Историческіе Очерки и Разсказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе второе дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Всѣ эти пять изданій объявленныхъ здѣсь можно выписывать чрезъ Редакцію „НИВЫ". 3—1

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

Садовое Заведеніе въ Ригѣ,

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. НА 1877 Г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковое, посылаются каталоги также безъ платно, смотря по заявленію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе, съ 240 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ. 4—3

НОВАЯ КНИГА

„ПАРИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ"

соч. Жакольо, пер. съ французскаго, изд. Л. П. Никифорова. Книгопродавцамъ обычная уступка. Главный складъ изданія: Новый пер., типографія Ц. Ѳ. Демакова и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ. 2—1

При этомъ № прилагается для гг. многор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 Апрѣля 1877 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 19 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 9 Мая 1877 г.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

При этомъ № прилагается для гг. **годовыхъ** подписчиковъ «Нивы» какъ городск. такъ и иногор. **большая Карта Театра Войны въ Европейской и въ Азіатской Турціи, составленная Капитаномъ И. О. Ивановымъ.**

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Командующій дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, родился въ 1825 году. Родители его—грузинскіе дворяне. Воспитаніе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и по окончаніи курса, въ 1843 году выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ. Въ чинѣ поручика въ 1847 году назначенъ состоять для порученій при главнокомандовавшемъ Кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантѣ князѣ Воронцовѣ, который, оцѣнивъ способности и храбрость молодого гвардейца, удержалъ его на Кавказѣ. Съ переводомъ его на Кавказъ открылись военныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ горцевъ и дали возможность Михаилу Таріеловичу рядомъ блестящихъ подвиговъ удальства и храбрости выказать свои военныя способности. Въ томъ же году въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Фрейтага онъ отличался въ битвахъ въ Малой Чечнѣ; съ 18-го ноября 1847 г. по 18-е февраля 1848 г. онъ почти ежедневно участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, обращая на себя всеобщее вниманіе своею неустрашимостью. Наградою за это было производство въ слѣдующій чинъ и орденъ Св. Анны на саблю. Въ томъ же году въ составѣ отряда подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, при взятіи штурмомъ сильно укрѣпленнаго аула Гергебиля, онъ прославилъ себя новыми подвигами, заслужившими ему награды: производство въ чинъ ротмистра гвардіи и орденъ Св. Анны 3 степени съ бантомъ. Въ 1849 году, находясь въ Дагестанскомъ же отрядѣ, постоянно отличался: 1 іюля въ дѣлѣ съ Шамилемъ, въ особенности при бомбардированіи укрѣпленія Чахъ и разрушеніи всѣхъ непріятельскихъ верковъ, причемъ горцы понесли огромныя потери. 1850 годъ, какъ и предыдущіе, прошелъ длянего большею частью въ бояхъ и доставилъ ему орденъ св. Анны 2-й степени. Въ 1851

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, М. Т. Лорисъ-Меликовъ.
Рис. и грав. К. Веерманъ.

Библиотека "Руниверс"

году, находясь на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи въ лимпей экспедиціи, участвовалъ въ рубкѣ просѣкъ, въ дѣйствіяхъ въ Большой Чечнѣ, въ переходѣ отряда черезъ рѣку Аргунъ и 8 января при пораженіи сперва Шамиля, а потомъ при совершенномъ уничтоженіи партіи горцевъ подъ предводительствомъ Магометъ-Амина. Но дѣло 15 сентября 1851 г., когда онъ съ небольшимъ отрядомъ отразилъ и разсѣялъ огромныя скопища горцевъ, сдѣлало имя его популярнымъ на Кавказѣ, и доставило ему громкую славу. Въ 1852 г., въ соединеніи съ отрядомъ полковника Бакланова, участвовалъ въ жаркомъ и блистательномъ дѣлѣ въ Маіоръ-Тупскомъ лѣсу. Въ 1853 г., подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, снова отличился, 17 февраля, при аттакѣ непріятельской позиціи у озера Гордохай, разсѣявъ совершенно скопища Шамиля. Въ томъ же 1853 году Михаилъ Таріеловичъ перенесъ свою дѣятельность на Кавказско-Турецкую границу и подъ Карачахомъ съ нашими казаками сильно побилъ турецкую кавалерію, закончилъ же годъ блистательнымъ подвигомъ, съ 30 казаками, совершенно уничтоживъ сильный отрядъ турецкой кавалеріи близь Ваяндурскаго поста, за что и былъ произведенъ въ полковники. Въ 1854 году, дѣйствуя въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Багговута, онъ, 13 апрѣля, произвелъ удачное нападеніе на турецкую кавалерію, расположенную въ Аргинѣ и ближайшихъ деревняхъ, и обратилъ ее въ бѣгство съ большою потерею. Трофеями этого нападенія были большой значекъ и 21 человѣкъ пашихъ плѣнныхъ; ему же наградою—золотая сабля и орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. 1855 годъ еще болѣе прославилъ имя Лорисъ-Меликова: подвиги близь крѣпостей Александрополя и Карса и, наконецъ, дѣло 20-го декабря, получившее громкое названіе „молодецкаго дѣла полковника Лорисъ-Меликова", гдѣ онъ съ тремя сотнями казаковъ уничтожилъ четырехсотенную шайку горцевъ почти не потерявъ у себя ни одного человѣка. Въ 1856 г. т. е. черезъ 13 лѣтъ всей службы онъ уже былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Нѣтъ возможности въ краткомъ очеркѣ перечислить всѣхъ подвиговъ Михаила Таріеловича. Участвуя болѣе чѣмъ въ 180 дѣлахъ, онъ, не былъ ни разу ни раненъ, ни контуженъ. Въ 1863 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1865 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ, а въ 1875 г.—генераломъ отъ кавалеріи, съ зачисленіемъ по Терскому казачьему войску. Да увѣнчаются успѣхомъ его дѣйствія въ настоящее время. Начало военныхъ дѣйствій на Кавказско-Турецкой границѣ, подъ его начальствомъ, какъ знаютъ уже наши читатели изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы", было хорошее. Дай Богъ ему такъ же успѣшно ихъ продолжать и блистательно завершить.

А. Н—аевъ.

Стихотворенія.

I.

Лучами дня, какъ взглядами, сверкая
Рѣзвà, ясна,—
Блестя красой, какъ дѣва молодая,
Идетъ весна!

Но въ садъ окно я съ грустью отворяю
И долго тамъ
Сижу и взоръ усталый обращаю
Къ другимъ мѣстамъ...

И мнится мнѣ, что тамъ въ дали—за моремъ
Еще страшна
Стоитъ зима и холодомъ, и горемъ
Грозитъ она,—

И дремлетъ лѣсъ и рѣчка голубая,
Громъ спитъ въ снѣгахъ,
И ночь темна, и вѣтеръ завываетъ,
Гудитъ въ степяхъ...

А здѣсь весна идетъ, благоухая
Цвѣтутъ цвѣты,—
Скажи: о чемъ-же, сердце, изнывая,
Все плачешь ты?

И гдѣ предметъ любви твоей глубокой?
Но ты молчишь
И все туда—въ туманъ страны далекой
Съ тоской глядишь....

Ник. Б—скій.

I.

Промчалось весны дуновенье,
Головку склонилъ и поблекъ,
Поцарствовавъ только мгновенье,
Взлелѣянный мною цвѣтокъ.

* * *

Погибъ, красотой разцвѣтая,
Спаленный полудня лучемъ...
Я, тихо склонившись, рыдаю
Надъ этимъ завядшимъ цвѣткомъ.

II.

...Стой, о стой надо мной неотступно,
Милый призракъ, склонись надо мной,
Навѣвай мнѣ прелестныя грезы,
Заливай меня счастья волной.

* * *

Въ этомъ снѣ, въ мимолетныхъ видѣньяхъ,
Полныхъ дивной, святой красоты,
Колыхаясь, воздушные замки
Серебрятся въ туманѣ мечты.

* * *

Мигъ одинъ—и узоръ сновидѣнья
Разлетится какъ сумракъ ночной,—
Близокъ часъ золотого разсвѣта,
О, побудь хоть мгновенье со мной!...

III.

Ненавижу я пышность востока,
Не люблю я роскошныхъ вѣнковъ,
Не пщи на кустахъ этихъ, мальчикъ,
Запоздалыхъ осеннихъ цвѣтовъ.

* * *

Ничего, кромѣ мирта, не нужно,—
Онъ равно къ намъ обоимъ идетъ:
И къ рабу, подающему чаши,
И къ тому, кто изъ чашъ этихъ пьетъ.

П. Гн—дичъ.

Турецкій набѣгъ.

(Разсказъ изъ современной жизни въ Черногоріи).

I.

На высокомъ, скалистомъ уступѣ, на самомъ краю глубокой, крутой пропасти, уютно прижавшись къ стѣнѣ возвышающагося утеса—лѣпится убогая каменная церковка, обнесенная довольно высокою оградой. Ограда, за которой укромно притаился храмъ Божій, сложена изъ крупныхъ кусковъ известковаго туфа, изрыта промоинами и почернѣла отъ времени, бурь и пороховаго дыма; тамъ и сямъ ниспадаютъ и бѣгутъ по стѣнѣ лозы дикаго винограда и другихъ вьющихся растеній; роскошный плющъ обнимаетъ своими цѣпкими вѣтками вылѣзшіе впередъ камни стѣны, а тамъ, выше, прячется гдѣ-нибудь въ открытую бойницу или глубокую промоину; ограда съ виду до того ветха, что казалось-бы хорошій ударъ ружейнаго приклада могъ-бы ее разсыпать сверху донизу; но печать времени легла не только на наружной стѣнѣ обители, та-же ветхость, тѣ-же почернѣвшія и заросшія стѣны виднѣются и за оградой, на просторной внутренней площадкѣ монастыря, гдѣ, прилѣпившись одной стороной къ утесу,—подъ сѣнью широколиственныхъ, густыхъ буковъ стоитъ невысокая каменная церковь и нѣсколько деревянныхъ темныхъ келій; церковь простой незатѣйливой архитектуры съ возвышающимся посереди куполомъ и остатками живописи въ простѣнкахъ, между узкими, стрѣльчатыми окнами. Двери церкви отворены; внутри кое-гдѣ у высокихъ темныхъ образовъ съ почернѣвшею позолотою теплятся лампады, бѣдно освѣщая темные лики святыхъ; съ амвона слышится ровное чтеніе Апостола, поодаль нѣсколько иноковъ въ темныхъ рясахъ, нѣкоторые молятся, сидя на каменныхъ скамьяхъ, идущихъ вдоль стѣнъ храма; молодой послушникъ чуть слышной поступью проходитъ со свѣчей въ рукѣ къ образу Спасителя и засвѣчаетъ лампаду, которая на минуту ярко освѣщаетъ загорѣвшее, мужественное лицо служки.

Во всемъ храмѣ царитъ какая-то тихая торжественность, но та-же торжественность всюду и внѣ храма, въ гордыхъ утесахъ, которые возвышаются надъ бѣднымъ монастыремъ, въ стройныхъ купахъ елей и буковъ, разбросанныхъ и лѣпящихся живописными группами по крутой, каменистой дорогѣ, которая вьюномъ спускается въ ущелье и пропадаетъ въ его тѣни; то-же торжественное величіе представляется въ безднѣ, которая зіяетъ у подножія обители и скрываетъ свое

Библиотека "Руниверс"

дно въ мглистомъ туманѣ, а тамъ, на днѣ пропасти, шумитъ и клокочетъ безъимянная рѣченка, быстро несясь на просторъ изъ холодныхъ объятій ущелья; а надъ всѣмъ этимъ стройно высится куполъ небесной лазури.

Солнце садится, съ восточной стороны потянуло свѣжимъ, сырымъ запахомъ ущелья. Воинъ внизу, по извилистой дорожкѣ, ведущей къ монастырю, между скалистыми, острыми утесами мчится вверхъ всадникъ, нетерпѣливо понукая малорослую, усталую лошадку [1]); вотъ онъ заворачиваетъ на послѣдній изгибъ узкой дорожки и измученный конь, напрягая послѣднія усилія приноситъ его къ воротамъ монастыря; всадникъ соскакиваетъ со своего вымыленнаго коня, гремя оружіемъ, и поспѣшно идетъ на дворъ обители. Молодой служка, идя черезъ дворъ съ кувшиномъ воды на плечѣ, останавливается и ждетъ, пока прибывшій приближается къ нему быстрыми шагами.

— Гдѣ отче игуменъ? спрашиваетъ воинъ торопливо.

— Служба идетъ, игуменъ въ церкви—отвѣчаетъ служка.

Прибывшій тѣмъ-же поспѣшнымъ шагомъ направился къ церковнымъ вратамъ. Вскорѣ отецъ игуменъ вмѣстѣ съ молодымъ воиномъ выходятъ на дворъ монастыря. Игуменъ маленькій, сгорбленный старичекъ, съ крутымъ, орлинымъ носомъ и густыми, нависшими бровями, одѣтъ въ черную, поношенную рясу, въ маленькой скуфейкѣ и съ продѣтою серебряною серьгою въ лѣвомъ ухѣ. Онъ чѣмъ-то сильно озабоченъ, поблекшіе глаза его сверкаютъ небывалымъ нестарческимъ блескомъ; брови его сурово сдвигаются, рѣчь вылетаетъ изъ устъ его рѣзкими отрывочными фразами; молодой воинъ едва успѣваетъ давать на нихъ отвѣты. Игуменъ маленькими, но стойкими шажками расхаживаетъ вмѣстѣ съ нимъ по дворику, на дорогѣ отдаетъ какія-то короткія приказанія служкѣ, который затѣмъ бѣжитъ въ церковь и скрывается въ ея дверяхъ. Вскорѣ и вся братія, стоящая на молитвѣ, выходитъ на дворикъ и толпой окружаютъ игумена. Многіе изъ иноковъ далеко не стары, нѣкоторые по наружному виду даже на монаховъ не походятъ, имѣютъ бодрый видъ и одѣты съ простыя свѣтскія черногорскія гунины [2]) и джамаданы [3]). Вѣстникъ видимо привезъ какое-то очень важное извѣстіе, онъ стоитъ среди иноковъ, опираясь на свое ружье; струка [4]) его, развѣваемая легкимъ вѣтеркомъ, обнаруживаетъ его красивый, стройный станъ; за поясомъ торчатъ пистолеты съ серебряною насѣчкою и перламутровыми украшеніями и булатный ятаганъ.

— Турки въ двухъ часахъ отсюда,—говоритъ молодой черногорецъ,—деревню сожгли и расхитили, наши еле-еле успѣли ноги убрать, женщины и дѣти съ нами въ горахъ, поганые должно быть чутьемъ своимъ басурманскимъ провѣдали, что всѣ почти мущины ушли въ сосѣдній городъ на базаръ... Главарь Радованъ послалъ меня вашу святую обитель повѣстить объ опасности, берегитесь, враговъ до сотни человѣкъ, всѣ до единаго оборванцы ужасные и, должно быть, голодны какъ волки.

Игуменъ опустилъ голову и задумался.

— Да, Видо (имя молодого черногорца), намъ однимъ съ ними не справиться, стѣны нашей обители плохи, пушка одна, да и та заржавѣла, пороху всего одинъ боченокъ...

— Отче игуменъ,—воскликнулъ одинъ инокъ съ мужественными чертами лица,—за то у насъ у каждаго желѣзная грудь, мощныя руки и заступникъ нашъ, святопочившій Петръ-владыко; развѣ этого мало для попранія поганыхъ?

Всѣ остальные иноки шумно одобрили слова товарища; но старецъ игуменъ не обратилъ особеннаго вниманія на эти воодушевленныя слова, игуменъ былъ погруженъ въ глубокую думу. Думалъ-ли онъ, что въ былое время и онъ также видѣлъ единственную защиту противъ невѣрныхъ въ своей желѣзной груди, которая и теперь еще носитъ благородные слѣды вражескихъ ятагановъ, или, можетъ быть, онъ придумывалъ средства спасенія отъ настоящей опасности, не извѣстно; только черезъ нѣсколько минутъ раздумья старецъ гордо поднялъ голову.

— Видо, благородный юнакъ [5]), лети на Левичту (Левичта была сосѣдственная деревенька въ часовомъ расположеніи отъ монастыря). Лети на Левичту, ты успѣешь, подними нашихъ братьевъ на защиту святыни—да не будетъ она поругана дьяволами; бѣги скорѣе—можетъ быть мы и продержимся до вашего прихода.

Видо немедленно, принявъ благословеніе отъ святого отца и сопровождаемый добрыми пожеланьями всѣхъ иноковъ, отправляется въ путь, но теперь уже не на лошади, такъ какъ путь его лежитъ черезъ неприступные, скалистые утесы; долго, долго еще его красная шапочка мелькаетъ между скалами и исполинскими обломками.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ волненія и тревоги игуменъ снова пришелъ въ свое обычное состояніе духа, онъ уже совершенно спокойно и твердо отдаетъ приказанія и дѣлаетъ распоряженія. Между иноками помоложе замѣтно какое-то особенное воодушевленіе, кажется у каждаго изъ нихъ подъ скромною монашескою рясой разгорается духъ воина. Братъ Касьянъ со служкою отправились въ монастырскій погребъ и оттуда выкатили бочепокъ пороху; два другихъ инока занялись осмотромъ воротъ и маленькой пушки, пріютившейся тутъ-же въ уголку на дворикѣ и, повидимому, давно неупотреблявшейся въ дѣло, ибо на лафеты успѣлъ уже наползти цѣлый лѣсъ вьющихся растеній. Пушку громоздятъ на каменный помостъ къ одной изъ бойницъ, направляя жерло ея въ сторону ущелья.

— Будутъ вамъ на угощенье чугунные орѣхи! говоритъ съ злобною усмѣшкою инокъ Михаилъ. Подавитесь голодные волки!

Скромный пріютъ мирныхъ иноковъ сразу мѣняетъ свой колоритъ, превращаясь изъ такой обители въ крѣпость, защищаемую мужественными воинами, изъ которыхъ каждый съ готовностью кладетъ свою голову за свой родной уголокъ. Ружья чистятъ, цистерны переполняются водой. Отецъ игуменъ въ сопровожденіи одного или двухъ иноковъ отправился въ церковь и собралъ всю церковную утварь и образа, чтобы все это спрятать въ подвалъ, подъ церковью. Заскрипѣли заржавѣвшія петли потайной половицы, скрытой отъ глазъ подъ церковнымъ помостомъ; снизу пахнуло подвальною сыростью и холодомъ; игуменъ, предшествуемый иноками, съ фонаремъ въ рукѣ спустился по каменнымъ крутымъ ступенямъ внизъ, неся съ собою священные церковные предметы; пройдя лѣстницу, они очутились въ длинномъ низенькомъ корридорѣ съ каменными сводами; инокъ Касьянъ шелъ впереди, освѣщая игумену путь; наконецъ они достигли желѣзной двери, которая безъ труда была отворена огромнымъ, тяжелымъ ключемъ; тутъ они очутились въ довольно широкой комнаткѣ тоже со сводами и глубокими нишами по сторонамъ, которыя вѣроятно и предназначались для храненія утвари во всѣхъ необыкновенныхъ случаяхъ; сюда-то и было сложено все принесенное. Затѣмъ Касьянъ отворилъ еще дверь, которая вела куда-то дальше; за дверью оказался длинный корридоръ, въ концѣ котораго чуть брезжился дневной свѣтъ; корридоръ выходилъ почти къ самому дну пропасти; съ той стороны слышался глухой, отдаленный шумъ бѣжавшей воды. Касьянъ, убѣдившись въ цѣлости сводовъ корридора, затворилъ дверь и они тѣмъ-же путемъ вышли обратно.

Начинало темнѣть. Пушку зарядили гвоздями, желѣзными обломками и ружейными пульками. Игуменъ распорядился карауломъ; но на стражѣ оказались всѣ иноки сразу, ибо никто не хотѣлъ уступить другому этой обязанности: близость врага такъ возвышала ихъ духъ, такъ переполняла ихъ сердца нетерпѣливымъ и даже пріятнымъ ожиданіемъ, что каждый изъ нихъ не только не устрашился, но даже жаждалъ кровавой встрѣчи съ врагомъ. И это чувство охватывало едва-ли не всѣхъ, кромѣ игумена, котораго еще не оставили благоразуміе и опытъ старца, уже давно отвыкшаго отъ этихъ молодыхъ горячихъ порывовъ. Каждый инокъ и каждый служка выполняли всѣ военныя приготовленія съ какою-то особенною любовью, будто это было ихъ самымъ возлюбленнымъ дѣломъ. Инокъ Касьянъ попытался даже довольно ловко завести разговоръ съ игуменомъ о засадѣ передъ ущельемъ и, имѣя это намѣреніе, съ печальнымъ видомъ указывалъ игумену на ветхость стѣнъ монастырскихъ, на деревянныя ворота и еще на множество подобныхъ-же обстоятельствъ, но тотъ, по всей вѣроятности не надѣясь на благопріятный исходъ этой отважной попытки, отказалъ на отрѣзъ.

Уже совершенно стемнѣло. Одни иноки съ оружіемъ въ рукахъ расположились кто какъ на ступеняхъ паперти, другіе сидѣли у пушки и зорко вглядывались въ ущелье, окутанное густою пеленою ночного мрака. Небо было заволочено тучами, густая тьма царила надъ обителью и возвышающимися утесами, внизу, въ пропасти, былъ слышенъ глухой раскатъ потока, исполинскія ели и буки какъ-то торжественно шумѣли, колеблемыя гордымъ стремительнымъ вѣтромъ. Между иноками, расположившимися у лафетъ пушки, завязалась тихая бесѣда; Касьянъ что-то разсказывалъ, другіе слушали.

— Это было лѣтъ двадцать тому назадъ,—говорилъ Касьянъ,—главаремъ нашего округа былъ поиъ Бѣлопавловичъ. Въ нашей деревнѣ жили два храбрые юнака, Янко и Радо. Только поссорили они что-то изъ-за дуры-бабы, та и напустила ихъ другъ на друга.—Порѣшили юнаки драться на смерть. Сошлись въ назначеное мѣсто, выпили раки [1]), пошутили, поговорили и, зарядивши пушки [2]), разошлись. Выпалили—пушка Радо осѣклась, а самъ повалился какъ подкошеный: пуля Янкова застряла у него въ боку, подъ самымъ сердцемъ. Янко подбѣжалъ. „Не хочу, говоритъ, чтобъ такой юнакъ отошелъ на тотъ свѣтъ неотомщеннымъ; ты, говоритъ, круглый сирота, кто за тебя отомститъ? Держи пушку, стрѣляй!“ А самъ въ двухъ шагахъ отъ дула всталъ. Радо собралъ послѣднія силы и выпалилъ. Янко упалъ. На пальбу народъ изъ деревни сошелся; Радо нашли уже мертвымъ, а Янко калужеры [3]) исцѣлили. Это была двадцать первая рана! Вотъ какіе бываютъ иноки; двѣнадцатью турецкими головами могъ погордиться!

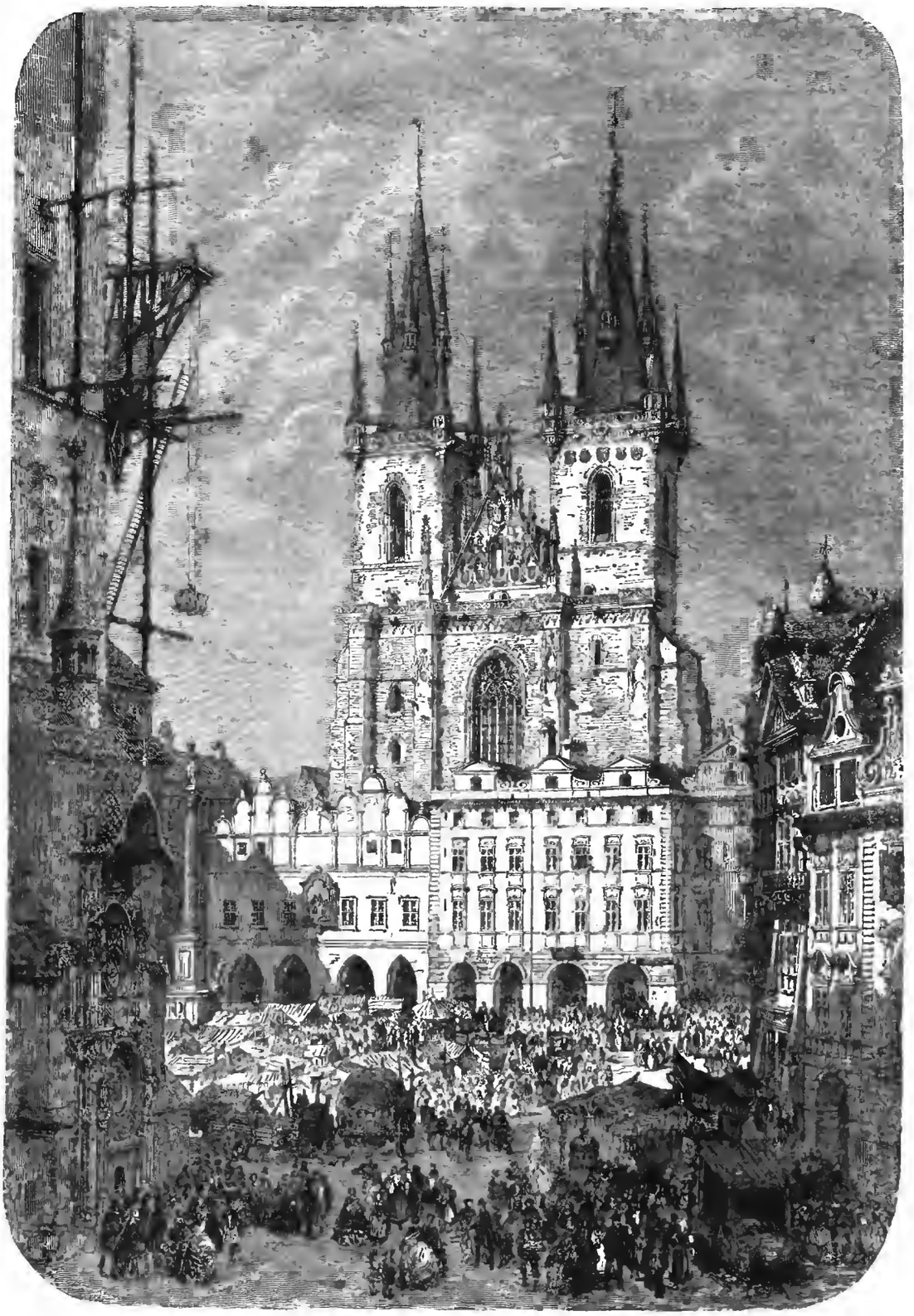
Въ это время со стороны ущелья послышался неясный шорохъ; до иноковъ долетѣлъ звукъ сорвавшагося камня, который съ шумомъ полетѣлъ по скаламъ внизъ. Всѣ насторожили уши—нѣтъ, опять тихо, только вѣтеръ колыхалъ вершины сосѣднихъ

[1]) Лошади встрѣчаются только въ окрестностяхъ рѣки Морачи.
[2]) Родъ рубахи.
[3]) Камзолъ.
[4]) Плащъ.
[5]) Юнакъ—храбрецъ, богатырь.

[1]) Раки—водка.
[2]) Пушка—ружье.
[3]) Монахи. Въ Черногоріи лица духовнаго званія занимаются леченіемъ.

Библиотека "Руниверс"

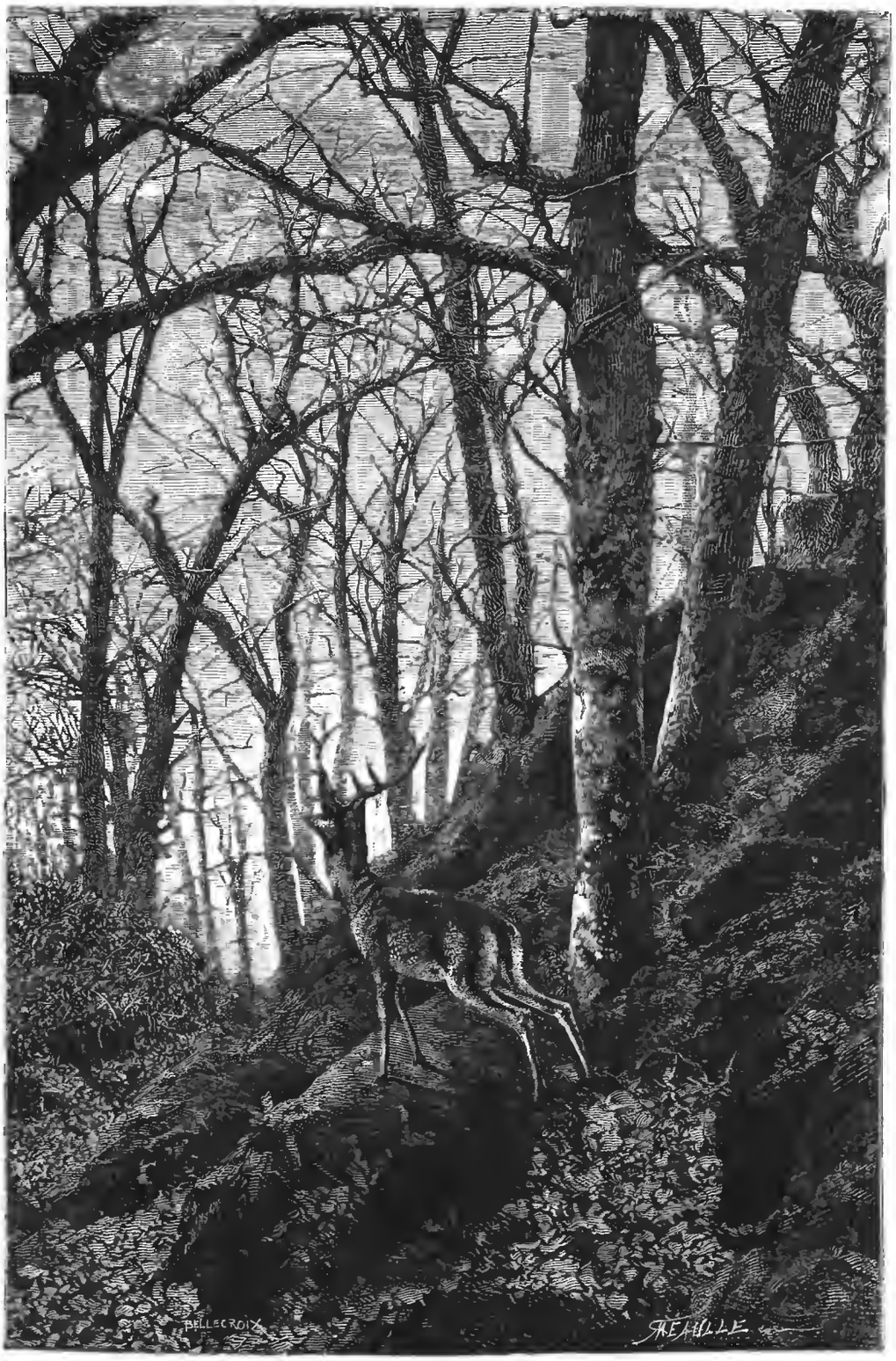
деревьевъ. Касьянъ сталъ внимательно вслушиваться своимъ привычнымъ, чуткимъ ухомъ, служка побѣжалъ къ игумену. Но вотъ опять послышался шумъ какъ бы отъ столкнутаго камня, который своимъ паденіемъ увлекалъ съ собою другіе камни; потомъ Касьяну почудился звукъ желѣза. Не было сомнѣнія—турки подкрадывались, соблюдая возможную тишину и надѣясь, вѣроятно, напасть на монастырь врасплохъ. Иноки собрались у пушки и къ бойницамъ; еще нѣсколько мгновеній слушали въ полномъ молчаніи: теперь уже ясно доносились до нихъ тихіе звуки гремящаго оружія и копыта осторожно ступающихъ лошадей. Касьянъ направилъ пушку по приблизительному разсчету и вынулъ кремень и огниво, чтобы запалить фитиль. Иноки взвели курки. Надъ пушкой посыпались искры выбиваемаго огня, фитиль запылалъ... еще мгновеніе, блеснулъ огонь и грянулъ оглушительный выстрѣлъ; стѣны монастыря дрогнули, громкое эхо повторило его тысячею перекатовъ и



Старинная Теинская церковь въ Прагѣ. Рис. Теронъ, грав. Гусманъ.

Библиотека "Руниверс"

ударовъ. Со стороны ущелья раздался пронзительный военный крикъ въ перемежку со стонами, проклятіями и грохотомъ падающихъ камней, низвергнутыхъ, должно быть, копытами раненыхъ лошадей. На стѣнахъ монастыря хранилось грозное молчаніе, какъ передъ бурей, только слышенъ былъ звукъ забиваемаго въ пушку заряда. Со стороны ущелья тоже блеснулъ



Лѣсъ весной. Олень насторожѣ. Рис. Велькеровъ, грав. Моль.

огонь и раздался первый выстрѣлъ, пуля шлепнулась въ церковное окно, стекла, звеня, посыпались во-внутрь церкви; затѣмъ снова выстрѣлъ, другой, третій... иноки, толпясь у бойницъ, дружно отвѣчали на непріятельскіе выстрѣлы, мѣтя на вспыхивающіе во тьмѣ огоньки. Огоньки вспыхивали ближе и ближе, пули изрѣдка жужжали и въ бойницахъ, подъ ушами у собравшейся братіи. Трескотня ружейной пальбы, сопровождаемая громкимъ эхомъ, дѣлалась сильнѣе и сильнѣе; одна шальная пуля рѣзанула Касьяна въ лѣвую руку, у другого инока задѣла бокъ. Наконецъ выстрѣлы стали уже раздаваться подъ самыми стѣнами монастыря; еще мгновеніе и сотни ружейныхъ прикладовъ застучали въ ветхія монастырскія ворота; часть иноковъ, сопровождаемая игуменомъ, съ ятаганами въ рукахъ бросились туда, остальные неустанно продолжали палить, мѣтя поближе къ воротамъ, которыя подъ ударами разбойниковъ стонали и скрипѣли, ежеминутно готовыя разлетѣться въ щепы. Къ инокамъ неслись тысячи проклятій и ругательствъ, но тѣ не дремали и пока хорошо защищенные стѣ-

Библиотека "Руниверс"

нами палили себѣ да палили чрезъ бойницы.

Наконецъ ворота стали подаваться.

— Братья, сюда! крикнулъ игуменъ; всѣ бросились къ нему, готовые принять врага въ ятаганы и пистолеты.

— Да поможетъ намъ Святая Троица и святоночившій Петръ! внятно проговорилъ игуменъ: съ этими словами обѣ половинки воротъ съ трескомъ разлетѣлись и густая толпа грабителей хлынула на дворикъ.

II.

Послѣ долгихъ и трудныхъ переходовъ по утесамъ, крутизнамъ и шаткимъ бревнамъ, перекинутымъ черезъ стремнины, послѣ тѣхъ переходовъ, которые только и возможны для черногорца, родившагося и выросшаго среди препятствій и опасностей, порожденныхъ самою природою, молодой юнакъ спустился въ долину, которая уже объята была сумракомъ ночи; невдалекѣ свѣтились огоньки деревеньки. Приближаясь къ ней быстрымъ шагомъ, черногорецъ на ходу далъ выстрѣлъ, возвѣщая этимъ обычнымъ привѣтствіемъ о своемъ прибытіи! Черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ уже совершенно подходилъ къ жилымъ строеніямъ, въ отвѣтъ ему послѣдовало нѣсколько другихъ ружейныхъ выстрѣловъ и на лѣсенкахъ кучей *), на верху—показалось нѣсколько темныхъ черногорскихъ фигуръ. Скоро молодой вѣстникъ былъ окруженъ толпою черногорцевъ и принесенная имъ вѣсть съ быстротою молніи облетѣла всю деревню.

Черногорцы поднялись.

Стройныя, вооруженныя толпы ихъ неслись уже по долинѣ въ горы; темнота ночи скрывала ихъ мужественныя лица, но навѣрно каждый изъ нихъ крѣпко сжималъ рукоять своего ятагана, каждый, питая непримиримую вѣковую ненависть къ ихъ общему врагу, горѣлъ нетерпѣніемъ снять съ плечъ хоть одну турецкую голову. Съ ловкостью дикихъ козъ перебирались они по утесамъ, изрѣдка перекидываясь между собою короткими рѣчами. Крутизны и узкія горныя тропинки убѣгали изъ-подъ ихъ ногъ, приближая къ цѣли. Наконецъ въ получасовомъ разстояніи отъ монастыря они заслышали довольно глухой ударъ пушечнаго выстрѣла.

— Благослови, святой Петръ! крестясь, проговорили нѣкоторые.

— Дьяволы тамъ! воскликнулъ Видо,—бѣжимъ.

— Есть,—отвѣтили ему.

Раздавшійся выстрѣлъ, какъ эхо, отозвался въ сердцѣ каждаго изъ черногорцевъ, вселивъ въ нихъ еще большую силу и мужество; еще скорѣе неслась толпа храбрыхъ воиновъ къ монастырю.

Вскорѣ и ружейные выстрѣлы стали явственно доноситься до ушей.

— Это наши палятъ, замѣчали черногорцы, когда съ той стороны слышалась усиленная трескотня. Юнаки бѣжали; еще нѣсколько извилинъ и выступовъ утеса и они будутъ въ виду монастыря.

Но что это? Пальба замолкла.

— Скорѣй, скорѣй! кричитъ Видо,—пошли въ ятаганы!

Наконецъ они добѣжали до послѣдняго поворота и при чуть-чуть брежжившемся разсвѣтѣ они увидѣли темный обликъ монастыря. Издали слышался шумъ схватки, оружіе гремѣло—изрѣдка сверкалъ огонь пистолетнаго выстрѣла и все это покрывалось военными криками рѣжущихся. Нѣсколько черногорцевъ дали залпъ, чтобы возвѣстить инокамъ о приближающейся помощи и смутить врага; еще минута и они подбѣжали къ монастырю, въ воротахъ котораго шла ожесточенная схватка; нѣкоторые турки, заслышавъ издали чужіе выстрѣлы, уже спускались бѣгомъ къ ущелью, другіе прятались за утесы, но большинство, въ пылу боя незамѣтивши приближающихся черногорцевъ, съ яростью продолжали наступать на рѣдѣющую кучку иноковъ. Ударъ съ тылу произвелъ въ толпѣ рѣжущихся общее смятеніе; турки увидѣли, что они окружены; иноки-же сначала не узнали своихъ и толпой бросились къ напертн, но заслышавъ радостный знакомый крикъ своихъ съ новою силою бросились на врага.

Турки бѣжали въ безпорядкѣ къ ущелью; но у воротъ и на площадкѣ передъ ними, на грудахъ мертвыхъ тѣлъ, рѣзались и бились чѣмъ ни-попало.

Иногда сцѣпившись другъ съ другомъ катались въ крови, среди труповъ, какъ дикіе звѣри, до тѣхъ поръ, пока оба израненые, искрошенные не леденѣли въ ненавистныхъ объятіяхъ. Вотъ благородный юнакъ Трпио падаетъ пораженный въ молодую грудь вражескимъ ятаганомъ, но подоспѣвшій прикладъ Видо валитъ его противника на мѣстѣ; но и Видо не сдобровать, передъ нимъ, какъ изъ-подъ земли, выросъ оборванецъ-исполинъ, который, еще бы минута, и вспоролъ бы желѣзомъ его крѣпкую грудь; но Видо отвелъ ударъ и дамасская сталь его клинка разлетѣлась въ разныя стороны; онъ бросается впередъ и грудь съ грудью сцѣпляется съ великаномъ; бой идетъ не на жизнь, а на смерть; чувствуетъ Видо, что силы его слабѣютъ, что гнется могучій станъ въ желѣзныхъ объятіяхъ поганаго; ни стона, ни слова помощи не слышится изъ его побледнѣвшихъ устъ... вдругъ недалеко отъ него раздался пистолетный выстрѣлъ, онъ отшатнулся, турокъ рухнулся на земь и... исчезъ, только прахъ легкимъ столбомъ крутился на краю бездны. Видо осмотрѣлся и напрягши усилія отползъ отъ пропасти, горячая кровь струилась изъ его ранъ, впереди него еще рѣзались, онъ какъ сквозь сонъ слышалъ громъ оружія, выстрѣлы, крики, наконецъ онъ потерялъ сознаніе. А тамъ, въ воротахъ—инокъ Касьянъ, ни на шагъ не отступая отъ своего старика игумена, крошитъ вдоль и поперегъ своею богатырскою рукою наступающихъ враговъ, но ломится и его могучая сила, падаетъ мужественный инокъ изрубленный и изсѣченный на груду вражескихъ труповъ; израненаго игумена выводятъ изъ толпы два черногорца. А вонъ инокъ Михаилъ тоже уже лежитъ окруженный множествомъ турецкихъ тѣлъ. А тамъ вонъ—молодой служка, сцѣпившись съ двумя оборванцами, едва успѣваетъ отражать наносимые ему со всѣхъ сторонъ удары...

Но... турки уже толпами бѣгутъ въ ущелье; лошади приведенныя врагомъ для добычи, скачутъ вмѣстѣ со всадниками тоже къ ущелью, но на дорогѣ догоняетъ ихъ мѣткая пуля и онѣ, одна за другой, какъ бѣшеныя прыгаютъ въ пропасть.

Черногорцы бросились въ погоню.

На дворикѣ два дюжихъ инока, раненые легче другихъ, сносятъ своихъ израненыхъ воиновъ въ кельи, нѣкоторые тащатся сами; попъ Мартыновичъ изъ Левичты дѣлаетъ перевязки; два черногорца, тоже царапнутые ятаганами, обираютъ у павшихъ враговъ оружіе.

— Бога-ми, знатно калужеры себя отстаивали! разсуждаетъ одинъ, оглядывая все пространство передъ воротами.

— Есть,—коротко отвѣчаетъ другой.

Въ келы, въ это время, укладываютъ на койку инока Касьяна, который безсознательно мечется, срываетъ повязки и размахиваетъ руками, какъ бы поражая врага. „За Бога, бейте турокъ, бейте турокъ!“ кричитъ онъ въ безпамятствѣ.

Между тѣмъ въ ущельѣ идетъ жаркая перепалка; турки отступаютъ шагъ за шагомъ, стрѣляя изъ-за камней по черногорцамъ; многіе изъ храбрыхъ юнаковъ падаютъ, другіе продолжаютъ наступать впередъ и выбиваютъ изъ-за каждаго камня засѣвшихъ турокъ.

— За мной, братья! кричитъ сѣдоусый Нико и съ ятаганомъ въ рукѣ, въ развѣвающейся струкѣ, летитъ впередъ, поражая бѣгущаго врага.

Но вотъ турки всей толпой собрались за утесомъ, откуда виднѣются только стволы винтовокъ. Покажется бѣлый дымокъ, грянетъ выстрѣлъ и валится юнакъ, какъ подкошенный.

— Худо,—думаетъ старый Нико,—эдакъ и половины домой не придетъ.

Вдругъ турки, какъ ошеломленные, толпой шарахнулись прочь и бѣгомъ бросились дальше; черногорцы помчались за ними. Невдалекѣ раздались выстрѣлы и знакомые черногорскіе возгласы.

— Наши изъ города,—догадался Нико.

Турки окружены со всѣхъ сторонъ, съ яростью бросаются они на черногорцевъ; бьются враги прикладами, кинжалами, ятаганами; грызутся и падаютъ мертвыми...

Немногіе изъ турокъ пробились впередъ и ушли, большая часть легла подъ рукою мстительныхъ черногорцевъ. Много, много легло и молодыхъ, благородныхъ юнаковъ.

Черногорцы возвращались въ монастырь, отягченные отнятымъ у врага оружіемъ и песя раненыхъ, а по ущелью тихо и мѣрно неслись звуки черногорской пѣсни:

Закукале црна кукавица
На средь твpди Скадра, на Боянѣ,
Да се много досадъ закукале
Отъ Србачне руке и оружья.

А. Ремезовъ.

*) Куча—изба.

Очерки изъ русской исторіи.

Единоборство Мстислава съ Редедею.

Единоборство въ древнія времена было въ большомъ употребленіи, не такъ какъ нынѣ. Во время Троянской войны, за 1200 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, главными дѣйствующими лицами выставляетъ Гомеръ героевъ противоположныхъ сторонъ, а не массу войскъ. Выѣзжаетъ изъ Трои Гекторъ, ему на встрѣчу является Ахиллесъ изъ стана Грековъ и между ними начинается борьба, на которую прочіе воины смотрятъ, какъ свидѣтели. Побѣждаетъ Ахиллесъ и у троянцевъ опускаются руки; не выѣхалъ на встрѣчу троянскому герою сынъ Пелея, греки поражены ужасомъ и недоумѣніемъ, точно въ лицѣ Гектора и Ахиллеса сосредоточилась вся сила каждой изъ борющихся сторонъ. А между тѣмъ что-же дѣлаютъ эти герои? Они не

Библиотека "Руниверс"

распоряжаются сраженіемъ, не придумываютъ никакихъ плановъ —они только показываютъ личную крѣпость мышцъ и проворство движеній. Словомъ тутъ мы видимъ единоборство вождей и предпочтеніе силы тѣлесной, физической,—силѣ духа, нравственной. Мы присутствуемъ въ эпохѣ, когда вѣрилось, что есть такіе богатыри на свѣтѣ, которые „что копемъ вернутъ—то улица, что мечемъ махнутъ—то площадь тѣлъ". Сообразно съ этимъ представленіемъ о силѣ героевъ возникъ обычай рѣшать судьбу царствъ и народовъ единоборствомъ ихъ вождей, или иныхъ какихъ, нарочно избранныхъ для того, представителей. Чей представитель побѣдитъ, тотъ и народъ считается побѣдителемъ, и на оборотъ: сторона, представитель которой не устоялъ въ борьбѣ, терпитъ всѣ невыгоды побѣжденнаго, хотя, можетъ быть, при употребленіи всѣхъ своихъ силъ, она достигла-бы и лучшихъ результатовъ. Въ Римской исторіи разсказывается примѣръ такого рѣшенія дѣла между двумя сосѣдними народами. Одинъ изъ древнѣйшихъ Римскихъ царей, (его зван. Туллъ Гостилій), вступилъ въ войну съ царемъ сосѣдняго города Альбалонги. Войска Римскія и Альбалонгскія стояли уже другъ противъ друга, какъ царь Альбалонгскій предложилъ рѣшить дѣло не общимъ сраженіемъ, гдѣ погибло бы много народа, а борьбою особыхъ, избранныхъ для того съ каждой стороны, людей, съ условіемъ: чьи бойцы побѣдятъ, тотъ и народъ будетъ побѣдителемъ и повелителемъ другого. Римляне приняли предложеніе и назначили съ своей стороны трехъ родныхъ братьевъ Гораціевъ, которымъ Альбалонгцы противопоставили тоже трехъ родныхъ братьевъ, Куріаціевъ. Римское преданіе зашло въ изображеніи этого сказанія очень далеко, гораздо дальше, чѣмъ требовало этого существо дѣла. Оно сдѣлало какъ своихъ Гораціевъ, такъ и противопоставленныхъ имъ Куріаціевъ не только братьями, но и близнецами: Гораціи были по Римскому преданію тройни, то есть всѣ трое рождены были сразу, Куріаціи были тоже тройни: затѣмъ по Римскому сказанію какъ Гораціи, такъ и Куріаціи будто бы были они равны силами; кромѣ того, и Римскія, и Альбалонгскія тройни были не только знакомы, но и въ родствѣ между собою. Въ послѣднее время это родство предполагалось еще усилить выдачею сестры Гораціевъ за одного изъ Куріаціевъ. Какъ бы то ни было, Гораціи и Куріаціи сразились въ виду обоихъ войскъ. Братья Альбалонгскіе, то есть Куріаціи, остались всѣ на полѣ битвы и съ Римской стороны двое бойцевъ пало, но одинъ уцѣлѣлъ, который и признанъ былъ побѣдителемъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Римскій народъ воспользовался выгодами побѣды. Альба-Лонга была разрушена и жители ея отведены въ Римъ. Какъ ни изукрашено это преданіе о Гораціяхъ и Куріаціяхъ вымыслами, все-же нельзя не видѣть въ основаніи его дѣйствительной подкладки, именно обычая, существовавшаго въ старину, рѣшать судьбу сраженій и народовъ борьбою особыхъ выбранныхъ на то лицъ. Такой обычай былъ и у насъ въ началѣ нашей исторіи. Нашъ лѣтописецъ упоминаетъ о единоборствѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ, между однимъ нашимъ богатыремъ и печенѣжскимъ великаномъ, единоборствѣ, которое доставило намъ всѣ выгоды побѣды надъ печенѣгами по заранѣе сдѣланному на этотъ предметъ условію. Тотъ-же лѣтописецъ упоминаетъ и о единоборствѣ, здѣсь изображенномъ, Мстислава съ Редедею. Наконецъ уже въ позднѣйшую эпоху, во время Дмитрія Донского, когда обычай повѣрять свою судьбу счастію одного или нѣсколькихъ борцевъ давно на Руси прошелъ, воспоминаніе объ немъ сохранилось въ народѣ. Извѣстно, что въ преданіяхъ о Куликовской битвѣ хорошимъ знаменіемъ сочтено было то обстоятельство, что инокъ Сергіева монастыря, Александръ (Пересвѣтъ), начавшій битву единоборствомъ съ татарскимъ богатыремъ, въ единоборствѣ этомъ покрылъ татарина собою и тѣмъ какъ-бы показалъ себя побѣдителемъ, по преданію и чернецъ троицкій, и татаринъ начавшіе битву, пали одновременно отъ ударовъ.

Изображаемое здѣсь единоборство князя Мстислава съ Редедею произошло слѣдующимъ образомъ. Мстиславъ, князь Тмутараканскій, одинъ изъ сыновей св. Владиміра, получившій этотъ удѣлъ при Керченскомъ проливѣ еще отъ отца, пошелъ 1022 г. войною противъ кавказскаго, сосѣдившаго съ нимъ народца Касоговъ. Касожскій князь Редедя, вооружившійся тоже противъ нападенія, предложилъ Мстиславу рѣшить споръ единоборствомъ на условіи: „Аще одолѣеши ты, то возмеши имѣніе мое, и жену мою, и дѣти мое, и землю мою; аще ли азъ одолю, то возму твое все", причемъ Касожскій князь сказалъ; „не оружіемъ ся бьемъ, а борьбою". Мстиславъ согласился и началась борьба тяжкая и продолжительная: оба князя были велики ростомъ и сильны; но, какъ видно, Касожскій властитель былъ посильнѣе своего противника, потому что сталъ его наконецъ одолѣвать. Тогда Мстиславъ обратился къ заступленію Богоматери и далъ обѣтъ построить ей храмъ, если только выйдетъ, живъ и невредимъ изъ этой борьбы. И только онъ произнесъ этотъ обѣтъ, продолжаетъ лѣтописецъ, какъ ударилъ Редедю о землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его. Потомъ завладѣлъ его землею, а также взялъ себѣ жену Редеди и дѣтей.

Этотъ Мстиславъ, какъ мы сказали, былъ сынъ Владиміра Святого; который по порядку рожденія,—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ не старшій. Матерью его считается Чехиня, которую, кажется, звали Аделью. Согласно господствовавшему тогда правилу, что каждый князь долженъ быть владѣтельнымъ лицомъ, Мстиславъ, при надѣленіи братьевъ его волостями, получилъ земли, лежавшія въ устьяхъ р. Кубани у Керченскаго пролива. Какъ эти земли сдѣлались достояніемъ Россіи,—неизвѣстно. Одни полагаютъ, что Кубанскую дельту, или Тмутаракань, подчинилъ себѣ Олегъ Вѣщій; другіе думаютъ, что оружіе Святослава утвердило тутъ нашу власть. Какъ бы то ни было, земли эти, нележавшія къ одной общей межѣ Русской, а раздѣленныя отъ нея жилищами кочевниковъ, не могли быть прочнымъ достояніемъ государства и дѣйствительно съ конца XI вѣка онѣ исчезаютъ совершенно изъ виду Русскихъ.

Мстиславъ тоже всю свою жизнь не сидѣлъ въ Тмутаракани. Когда послѣ Владиміра Святого открылись между его сыновьями усобицы и споръ, Мстиславъ предъявилъ тоже свое притязаніе и завладѣлъ Черниговымъ, гдѣ и утвердилъ свой столъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оттягалъ отъ старшаго брата, Ярослава, всю восточную сторону Днѣпра, но затѣмъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ братомъ. Мстиславъ умеръ въ 1036 году, оставивъ послѣ себя репутацію князя храбраго, любившаго дружину, но не прославившагося строеніемъ дѣлъ государственныхъ. Лѣтописецъ сохранилъ даже наружное описаніе этого князя. Онъ былъ дебелъ тѣломъ, лицомъ красноватъ и имѣлъ большіе глаза.

И. Звѣревъ.

Орловская порода рысистыхъ и скаковыхъ лошадей.

Послѣ сожженія турецкаго флота подъ Чесмою (1770 года), графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, по заключеніи мира съ турками, получилъ отъ турецкаго падишаха въ подарокъ нѣсколько первоклассныхъ чистокровныхъ арабскихъ коней и, кромѣ того, пріобрѣлъ покупкою нѣсколько такихъ-же лошадей. Всѣхъ высокаго качества коней у него было 30, изъ которыхъ 18 онъ представилъ Императрицѣ для придворныхъ ея заводовъ, а 12 отослалъ въ собственный свой конный заводъ въ подмосковномъ селѣ Островѣ, откуда въ 1778 году большая часть лошадей переведена была въ село Хрѣновое.

Съ этого времени ведетъ начало такъ называемая Орловская порода лошадей. Изъ нихъ первое мѣсто, какъ прародители, занимаютъ: *Салтанъ-первый*, основатель верхово-скаковой породы Хрѣновскаго завода и знаменитѣйшій, исторически извѣстный, *Сметанка*, положившій начало „орловской рысистой породѣ", первой, въ своемъ родѣ, во всемъ мірѣ.

Салтанъ-первой, имѣлъ сына *Салтана-второго*, прелестнаго, бураго же, въ отца своего, коня, силы рѣдкой, и проявившаго удивительныя способности къ верховой и манежной ѣздѣ, въ какой графъ, превосходный наѣздникъ, самъ его упражнялъ. Выѣздивъ „Салтана-второго", графъ представилъ его великому князю Наслѣднику Павлу Петровичу, который очень любилъ этого чуднаго коня и ѣздилъ на немъ болѣе 10 лѣтъ. „Салтанъ" пережилъ своего державнаго сѣдока, и въ 1804 г. одинъ изъ посѣтителей Царскаго Села видѣлъ этого коня, доживавшимъ свой вѣкъ, но все еще бодрымъ, въ такъ называемой „Богадельнѣ лошадей собственнаго сѣдла". Здѣсь умеръ бѣлый въ бурой гречкѣ „Брильянтъ", Императрицы Екатерины II; здѣсь умерли на мягкихъ подстилкахъ свѣтлосѣрый „Фрипонка" и этотъ бурый „Салташа", какъ называлъ его Императоръ Павелъ, и, наконецъ, здѣсь же, въ 1816 году умерла свѣтлосѣрая „Бьютти", на которой въ 1814 году въѣзжалъ въ Парижъ во главѣ трехъ армій съ двумя союзниками по обѣ руки, Александръ Благословенный *).

Орловская рысистая порода пріобрѣла громкую знаменитость благодаря тому, что выѣздкою своихъ молодыхъ рысаковъ занимался исключительно самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Такъ, передъ барскимъ домомъ графа въ Москвѣ, на Старой Калужской улицѣ, гдѣ нынѣ Александровскій дворецъ, былъ устроенъ бѣгъ на пространствѣ 200 саженъ, на концахъ котораго стояли вмѣсто столбовъ четыре кости изъ челюстей кита, которыя впослѣдствіи были пожертвованы въ музей Московскаго университета. Челюсти эти, какъ гласило преданіе, нѣкогда вынуты были изъ кита, пойманнаго и убитаго матросами подчесменскаго побѣдоноснаго флота. Въ послѣобѣденное время, т. е. между 2—3 часами по-полудни, выѣзжалъ графъ А. Г. со своими гостями на бѣгъ; любопытные москвичи тысячами толпились около этого бѣга и любовались великолѣпными графскими рысаками. Его пріятели,

*) Изъ числа этихъ *собственнаго царскаго сѣдла* лошадей, помѣщенныхъ въ музеѣ придворныхъ конюшенъ можно видѣть чучело бѣло-крапчатаго «Брильянта», коня варварійской породы, на которомъ Императрица Екатерина II Алексѣевна въѣзжала передъ полками гвардіи въ Петербургъ изъ Царскаго Села, въ день и часъ кончины Императора Петра III. Государыня была въ мундирѣ Преображенскаго полка; она сидѣла не на дамскомъ, а на мужскомъ сѣдлѣ по-мужски. Въ Петровскомъ отдѣленіи эрмитажа сохраняется чучело любимой лошади Петра I, бурой «Лизеты», на которой онъ былъ въ знаменитый день Полтавской битвы.

Библиотека "Руниверс"

и въ числѣ ихъ Л. Д. Измайловъ на извѣстномъ своемъ рысакѣ „Красикѣ", а также князь Голицынъ, князь Гундуровъ, М. И. Исаковъ и много другихъ, выѣзжали также на своихъ рысакахъ, отъ графскаго же рысадника полученныхъ, и нерѣдко мѣрились съ графомъ, выѣзжавшимъ обыкновенно въ богатой собольей шубѣ съ бархатной малиновой крышкой, на любимыхъ своихъ рысакахъ „Любезномъ" и „Каткѣ" въ легкихъ камышевыхъ санкахъ. Лѣтомъ графъ А. Г. замѣнялъ бѣговыя сани бѣговыми дрожками, которыя были цѣлы лѣтъ за 30 тому назадъ и съ глубокимъ уваженіемъ къ этой рѣдкой старинѣ сохранялись подъ навѣсомъ, въ видѣ бесѣдки, купцомъ Черепановымъ, страстнымъ рысачникомъ. Дрожки эти вѣсили болѣе 7 пудовъ и имѣли всю форму нынѣшнихъ бѣговыхъ дрожекъ, только на цѣлый аршинъ длиннѣе ихъ. Онѣ устраивались на четырехъ столбикахъ и при томъ сдѣланы были массивно, съ широкимъ ходомъ; доска, на которой помѣщалась подушка, была украшена съ боковъ фигурною, узорчатою рѣзьбою по золотому фону. Столбики и щитокъ были также витые. Что касается до саней, то вѣрнѣйшимъ образцомъ для памятника графа А. Г., по мнѣнію весьма компетентнаго судьи, г. Коптева, извѣстнаго русскаго гиппофила, должно принять эстампъ, гравированный на мѣди, рисованный генералъ-маіоромъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Чесменскимъ (родственникомъ графа), печатанный въ началѣ XIX столѣтія за границею съ надписью на французскомъ языкѣ, „жеребецъ „Барсъ". У саней, какія служили графу, щитокъ оканчивался фигурами точеныхъ позолоченныхъ медвѣдей, львовъ и лебедей; крылья лебедей были рѣшетчатыя и вожжи, обшитыя бархатомъ и шелковою бахромою, продѣвались сквозь эти крылья, равно какъ и у медвѣжьихъ головъ сквозь уши, а у львиныхъ сквозь открытую пасть. Сзади же на сѣдлѣ (котораго, у совершенно одиночныхъ, бѣговыхъ саней не было) помѣщался выѣздной лакей въ гусарской одеждѣ съ тигровыми шкурами вмѣсто меньтиковъ на плечахъ. Вся сбруя соотвѣтствовала экипажамъ: оголовки или хомуты и самыя шлеи обкладывались пунцовымъ или малиновымъ бархатомъ; первые украшались золотымъ шитьемъ. Нашильники же дѣлались изъ мѣдныхъ, жарко позолоченныхъ цѣпей.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ величественный ростъ и былъ вообще тучнаго тѣлосложенія; онъ вѣсилъ болѣе 9-ти пудовъ; сообразно съ его мощной фигурой, бѣговыя дрожки его, а равно и санки были сдѣланы твердо и прочно, слѣдовательно, не могли вѣсить менѣе 5 пудовъ. И такъ, съ вѣсомъ болѣе 14 пудовъ выѣзжали рысаки графа на бѣгъ и шагомъ подъѣзжали къ вышеупомянутымъ челюстямъ кита, бывшимъ гранью ипподрома. Здѣсь графъ натягивалъ вожжи, и рысакъ его устремлялся какъ стрѣла, пущенная мощной рукою. Нельзя было довольно налюбоваться на красоту этихъ громадныхъ коней: прямой, длинный, круторебрый станъ на толстыхъ и сухихъ жилистыхъ ногахъ, шея, какъ тонкая лента, поднималась высокою дугою и оканчивалась прелестною головою съ огненными глазами на выкатѣ, чисто арабскими, и пышными, раздутыми ноздрями. Движенія этихъ громадныхъ коней были такъ правильны, что топотъ ихъ копытъ представлялъ слуху какой то строгоразмѣренный тактъ, а на крестецъ этого рысака можно бы, кажется, было поставить стаканъ воды, и онъ не расплескался-бы,—такъ спокойна была поза летящаго рысака, и однѣ только ноги быстрымъ широкимъ и правильно размѣреннымъ махомъ уносили его впередъ. Очевидцы свидѣтельствовали, что движеніе ногъ «*Потѣшнаго*», любимаго коня графа, болѣе всѣхъ другихъ его потѣшавшаго, (отъ чего онъ и названіе получилъ), было такъ быстро, что смотрѣвшему на его бѣгъ представлялись въ одинъ и тотъ-же моментъ всѣ четыре блестящія подковы, какъ бы стоящія въ воздухѣ подъ летящею массой рысака. Старожилы московскіе утверждали, что рысаки графа пробѣгали пространство въ 200 саженъ, не болѣе чѣмъ въ 30 секундъ и помнили, какъ на бѣгу обыкновенно стоялъ одинъ изъ служителей графа, держа въ рукахъ огромные часы (формы карманныхъ часовъ) величиною съ тарелку, на которыхъ во весь циферблатъ бѣгала секундная стрѣлка, и по окончаніи графской ѣзды, докладывалъ графу о быстротѣ, совершенныхъ его сіятельствомъ концовъ. Проѣхавъ, такимъ образомъ, конецъ, графъ почти шагомъ проѣзжалъ полукруглый заворотъ саженъ въ 60, снова подъѣзжалъ къ другому концу бѣга, снова летѣлъ его рысакъ 200 саженъ, и опять заворотъ проѣзжалъ шагомъ Такимъ образомъ, проѣхавъ 4 конца т. е. 800 саженъ, графъ пересаживался на другія санки или дрожки; смотря по сезону и также ѣздилъ 4 конца на другомъ рысакѣ, болѣе-же 8 концевъ графъ никогда не ѣздилъ. Вотъ почему, когда въ 1832 году составились бѣги на призы, то учредители старались приблизиться къ системѣ графа А. Г., и въ 1834 году въ сентябрѣ бѣга въ Лебедяни были не на версты, а на число концевъ бѣга, изъ коихъ надлежало выиграть большее число. Такъ, „*Перепелка*" В. П. Воейкова выиграла у „*Сѣренькой*" И. Н. Рогова 3 конца и получила призъ. Также «*Раскидай*» В. П. Ваейкова выигралъ у „*Любезнаго*" (г-на Безсонова) и „*Богатыря*" (г-на Сутгофа) три конца изъ пяти и получилъ призъ. Въ 1835 году изъ пяти концовъ бѣга „*Бычекъ*" (Н. Е. Смѣсова) выиграла 4 конца, проигравъ „*Лебедю*" (В. П. Воейкова) одинъ конецъ и получилъ призъ. Отсюда очевидно что рысаки, какъ при графѣ А. Г., такъ и послѣ него, не были постоянно напрягаемы на большія пространства, а имѣли возможное послѣ 200 саженъ воздохнуть и снова пускались въ сильную рысь, выравниваясь на шагу на каждомъ поворотѣ. Графа А. Г. также нерѣдко сопровождали два поддужныхъ, всегда пригожіе, молоденькіе, ловкіе парни въ щегольскихъ казацкихъ нарядахъ или въ форрейторскихъ бархатныхъ безрукавкахъ. Они всегда скакали на лихихъ доцахъ, съ трудомъ въ скокъ поспѣвавшихъ за лошадьми рысаками. Говорятъ, что Вас. Петр. Шишкинъ, — этотъ безспорный дѣятель въ дѣлѣ развитія рысистой породы, съумѣвшій подмѣтить и уловить тайну созданія рысаковъ у своего знаменитаго барина (онъ былъ въ юности крѣпостнымъ графа) и бывшій впослѣдствіи превосходнымъ знатокомъ рысистой наѣздки и коннозаводчикомъ, образовавшимъ такъ называемую *Шишкинскую* рысистую породу, — скакивалъ подъ дугой у графа, и тутъ то съумѣлъ перенять этотъ чудный механизмъ вожжей, съ которымъ графъ самъ наѣзжалъ своихъ рысаковъ.

Паукъ птицеѣдъ (Migali avicularia). Рис. Минель.

Послѣдователями графа Орлова Чесменскаго въ дѣлѣ рысистаго коннозаводства были: Полторацкій, Муравьевъ, Чемодановъ, братья Савеловы, Всеволодскіе (московскіе), кн. Гагаринъ, кн. Лоухинъ, Загряжскій, Тимирязевъ, и Ѳ. Сем. Мосоховъ.

Благотворные плоды рысистаго коннозаводства отразились на коневодской промышленности не только Хрѣновскихъ, но вообще крестьянъ всего Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи, преимущественно заселяющихъ берега рѣки Битюга, богатые великолѣпными пастбищами и обильными сѣнокосами. Тутъ, при содѣйствіи Хрѣновскаго завода, весьма щедро раздававшаго на право и на лѣво излишекъ породистыхъ матокъ, образовалась та превосходная возовая и разгонная порода русскихъ лошадей, извѣстная подъ названіемъ „битюжской породы" или „*битюговъ*".

Библиотека "Руниверс"

Очерки изъ Русской исторіи. Единоборство Мстислава съ Редедею. Рис. Медвѣдевъ грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Кавказскія минеральныя воды.

(Окончаніе *)

Теперь намъ остается сказать о Есентукскихъ источникахъ и Кисловодскѣ. Къ сожалѣнію, „Нива" не можетъ помѣстить на своихъ страницахъ вида Есентуковъ, ограничиваясь только помѣщеніемъ видовъ другихъ группъ.

Отъ Пятигорска до Есентуковъ 18 верстъ: дорога идетъ на западъ по отлого-поднимающейся равнинѣ, ограниченной съ одной стороны берегами рѣчки Подкумка, съ другой Бештау. Въ прежнее время Есентукскіе источники назывались Бугунтскими, по имени рѣчки, протекающей по станицѣ Есентукской, населенной казаками.

Начало станицѣ было положено въ 1826 году.

Всѣ источники минеральн. водъ въ Есентукахъ находятся въ нѣсколькихъ саженяхъ одинъ отъ другого и лежатъ у подножія небольшого холма. По склону холма разведенъ хорошій паркъ по инициативѣ намѣстника, князя Воронцова. Всѣхъ источниковъ 6; прежде ихъ было болѣе, но мало по малу однородные источники нашли нужнымъ соединить между собою. Лучшимъ источникомъ Есентукскихъ водъ признается № 17; тѣмъ не менѣе люди, лечившіеся имъ прежде, теперь едва узнаютъ его. Дѣйствительно, небрежное отношеніе къ этой дорогой водѣ, и прибавленіе къ ней другого ключа, не могутъ не измѣнить ея качествъ къ худшему.

Что-же касается ваннъ изъ этой воды, то странно вѣрить какимъ образомъ можетъ хватить воды изъ небогатаго количествомъ источника и на питье на мѣстѣ, и на разливки въ бутылки для отправленія на другія группы и въ главные города Россіи. На каждую ванну воды, какъ извѣстно, требуется не менѣе 20 ведръ, а источникъ № 17 даетъ въ сутки всего только около 400 ведръ. Откуда же тогда взять воды на 200 человѣкъ, лечащихся въ Есентукахъ, если не разбавлять ее другой водою. Злые языки говорятъ, что вода этого источника разбавляется даже простой, не минеральной водой. Но какъ этому вѣрить? Еще не далѣе какъ въ апрѣлѣ въ петербургскихъ газетахъ была телеграмма изъ Пятигорска, что правительственная коммисія, производившая ревизію источниковъ и вообще всего хозяйства водъ, нашла веденіе дѣла правильнымъ и въ точномъ порядкѣ. Значитъ, мудрствовать не приходится и слѣдуетъ считать Есентукскій источникъ № 17 могущимъ при 400 ведеръ въ сутки снабжаетъ и пьющихъ, и купающихся, и т. д.

Климатъ въ Есентукахъ довольно постояненъ, быстрыхъ переходовъ отъ холода къ теплу нѣтъ. Но во время ненастья воздухъ отъ сосѣдства болотъ дѣлается сырымъ. Улицы Есентуковъ во время дождей покрываются общею грязною массою, по которой нѣтъ возможности ходить.

Наконецъ, и „очаровательный" Кисловодскъ съ своимъ знаменитымъ Нарзаномъ—по-черкески *богатырскимъ напиткомъ*. Съ крутой горы спускается дорога въ долину Кисловодска и идетъ далѣе между рядами построекъ частныхъ домовъ и возлѣ великолѣпной аллеи, пирамидальныхъ тополей (см. рисунокъ). Аллея оканчивается у галлереи очень красивой архитектуры, (второй рисунокъ). Отъ южнаго конца галлереи, гдѣ кипитъ и пѣнится Нарзанъ, начинается паркъ съ тѣнистыми аллеями и живительной прохладой своей могучей растительности. Прямая аллея ведетъ вдоль долины до конца парка. Двѣ горныя рѣчки, Ольховка и Березовка, пересѣкаютъ долину Нарзана. Онѣ соединяются вблизи галлереи, а мостъ, устроенный чрезъ Ольховку у самаго ея соединенія съ Березовкой, ведетъ въ слободку. Слободка довольно велика, имѣетъ церковь, и представляетъ то удобство для пріѣзжающихъ, что можетъ дать хотя и дорогое и некрасивое, но все же пристанище, если всѣ квартиры въ частныхъ домахъ уже заняты. Частныхъ домовъ въ Кисловодскѣ еще не много, они еще начинаютъ строиться. Квартиры въ этихъ домахъ уже съ нѣкоторыми европейскими удобствами, но за то и цѣны на нихъ!.. Напр. домикъ въ 4 комнаты отдается за 400 р. на два мѣсяца.

Паркъ кисловодскій превосходенъ. Въ глубинѣ его находится источникъ въ 7° съ устроенной при немъ деревянной купальней. За купальней хорошенькій прудъ съ каскадомъ; за нимъ обращаетъ на себя вниманіе развѣсистая красивая липа, возлѣ которой стоитъ чугунная скамья, называемая Великокняжеской. Въ паркѣ же растутъ два каштановыя дерева, посаженыя княземъ и княгинею Воронцовыми, столь много сдѣлавшими для Кавказа. Каштаны эти обнесены чугунной рѣшеткой. Климатъ Кисловодска самый лучшій изъ всѣхъ группъ кавказскихъ водъ. Высокое, гористое положеніе и обиліе растительности дѣлаютъ воздухъ Кисловодска необыкновенно свѣжимъ, мягкимъ, пріятнымъ.

Окрестности Кисловодска живописны. Безконечныя гряды горъ, изрытыя пещерами; долины между горами. Вотъ, вдали, на окраинѣ выдавшагося уступа просвѣчиваетъ Кольцо-Гора, а еще дальше на горизонтѣ, замыкая долину, синѣетъ прямоугольная форма Рымъ-Горы.

Пустынный видъ окрестностей Кисловодска не допускаетъ мысли о томъ, что-бы онѣ когда либо были оживлены присутствіемъ человѣка, а между тѣмъ на пути въ Кисловодскъ встрѣчаются остатки древняго вала: уцѣлѣвшіе до нынѣ надгробные памятники, одиноко стоящіе среди пустынныхъ равнинъ.

Рымъ-Гора сохранила на себѣ слѣды руки человѣка. Еще и теперь можно отыскать остатки высѣченной въ камняхъ лѣстницы, почти засыпанную землей пещеру съ сферическимъ куполомъ, на которомъ замѣтны очертанія греческаго креста; при входѣ въ пещеру видно мѣсто для двери.

Первый изъ начальниковъ края, посѣтившій Кисловодскъ, былъ графъ Марковъ (въ 1798 г.). Впослѣдствіи, въ память его пребыванія, одинъ изъ домовладѣльцевъ Кисловодска, Ребровъ, поставилъ на вершинѣ горы, находящейся вблизи галлереи, крестъ почему она и получила названіе „Крестовой". Въ 1803 г. было выстроено Кисловодское укрѣпленіе (теперь оставленное), и около него нѣсколько мазанокъ, положившихъ начало Кисловодскому форштадту. Источникъ Нарзанъ былъ первый, о которомъ русскіе получили свѣдѣнія. Еще Шоберъ, докторъ Петра Великаго, описывая въ 1717 году Терскія минеральныя воды, упоминалъ о Нарзанѣ. Палласъ въ своемъ описаніи Нарзана, въ 1792 г., разсказываетъ что сила струи и масса воды Нарзана были такъ велики, что купавшимся въ Нарзанѣ не давали возможности опуститься внизъ. Измѣреніе количества даваемой воды, произведенное въ 1827 году г. Савенко, показало, что источникъ даетъ въ минуту 108 ведръ; измѣренія-же послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что Нарзанъ даетъ только 88 ведръ. О количествѣ углекислаго газа этой воды также есть слухи, что онъ нѣсколько уменьшился.

Время въ Кисловодскѣ проходитъ для пріѣзжающихъ на воды уже гораздо оживленнѣе, чѣмъ на другихъ группахъ, вопервыхъ, въ Кисловодскъ наѣзжаетъ множество семействъ сановитыхъ людей Тифлиса. Они пріѣзжаютъ сюда какъ на дачу, погулять, подышать прекраснымъ воздухомъ и въ тоже время попользоваться удовольствіями, какія представляетъ лечебный сезонъ на водахъ. Во вторыхъ, сами больные являются въ Кисловодскъ, уже получивши исцѣленіе, или, по крайней мѣрѣ, облегченіе; въ Кисловодскъ они ѣдутъ уже только на поправку своихъ силъ, истощенныхъ болѣзнями, и разслабляющимъ леченіемъ Пятигорскихъ и Есентукскихъ ваннъ. Кромѣ того, Кисловодскъ уже послѣдняя группа, съ которой остается только ѣхать обратно домой, слѣдовательно, и расходовъ пріѣзжающимъ болѣе не предстоитъ, а потому, естественнымъ образомъ, каждому и желательно, и возможно позволить себѣ попользоваться хотя недѣлькою-другою развлеченій и удовольствій.

Оттого образъ жизни въ Кисловодскѣ идетъ иначе, оттого и купанье и питье уже не такъ правильны, какъ на другихъ водахъ. Сами врачи уже позволяютъ здѣсь дѣлать отступленія отъ обыкновенной строгости при пользованіи минеральными водами.

Музыка въ Кисловодскѣ играетъ также два раза въ день, какъ и на другихъ водахъ, но здѣсь оркестръ превосходный, не то, что въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ и слушать его на просторной, тѣнистой площадкѣ, вблизи бассейна Нарзана—наслажденіе.

Прогулки по окрестностямъ, большею частью многочисленными кавалькадами, также здѣсь гораздо разнообразнѣе и увлекательнѣе. Одно путешествіе на возвышенность, называемую *Бермамутъ* (8,569 фут.), чтобы полюбоваться при восходѣ солнца гигантской снѣговой массой Эльбруса и всею цѣпью Кавказскихъ горъ, заставляетъ забывать всѣ трудности дальняго пути на воды и неудобство жизни на водахъ. Впечатлѣніе по себѣ оставляютъ и *Красивая балка*, по дорогѣ къ *Рымъ-Горѣ*, и сама Рымъ-Гора.

Въ Кисловодской казенной гостинницѣ устраиваются концерты и танцовальные вечера. Эти вечера также проходятъ здѣсь веселѣе; зала бываетъ полна танцующими. За ужинами не въ рѣдкость шампанское. Можно пожаловаться еще на пищу, приготовляемую въ кисловодскихъ гостинницахъ, не лучше, чѣмъ на другихъ группахъ; цѣны также несообразны съ качествомъ приготовленія, несмотря на то, что на кавказскихъ водахъ вообще всѣ жизненные припасы чрезвычайно дешевы.

Казенная гостинница въ Кисловодскѣ небольшая, и страдаетъ неопрятностью до такой степени, что заражаетъ запахомъ вокругъ себя превосходный воздухъ долины. Карточная игра развита вообще на водахъ, но въ Кисловодскѣ она особенно бросается въ глаза, такъ какъ карточные столы встрѣчаются и на площадкахъ, и въ аллеяхъ парка. Говорятъ, что на воды наѣзжаютъ и гоголевскіе игроки и очень успѣшно ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Почта вообще на водахъ получается крайне неисправно и зачастую случается, что письмо, адресованное въ Кисловодскъ, попадаетъ на какую-либо другую группу, да тамъ такъ и остается. Кто же можетъ вѣрить оправданіямъ мѣстнаго почтоваго начальства на неаккуратное доставленіе адресовъ въ почтамтъ, когда каждый пріѣзжающій, оставивъ семью, друзей, дѣла, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій.

Изъ всего сказаннаго читатель не могъ, конечно, не замѣтить, что не малую долю въ нашемъ описаніи занимаютъ личныя впечатлѣнія. Но считаемъ нужнымъ оговориться, что со времени посѣщенія нами Кавказскихъ минеральныхъ водъ

*) См. № 17 „Нивы".

Библиотека "Руниверс"

прошло уже нѣсколько лѣтъ и, можетъ быть, за это время тамъ кой-что и измѣнилось къ лучшему. Не безъ прогресса же, вѣроятно, и тамъ. Дай Богъ! Но чувство скорби, какъ-то невольно, само собою, беретъ верхъ надъ всѣми иными чувствами при воспоминаніи о той медленности въ дѣлѣ улучшенія условій жизни и быта на кавказскихъ водахъ и т. п., какую мы замѣчали, имѣя возможность слѣдить за ходомъ дѣлъ на этихъ водахъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Это тяжелое чувство, имѣющее несомнѣннымъ своимъ источникомъ результаты той дѣятельности, коихъ до сихъ поръ достигли различные *правители* по устройству водъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ самому свойству кавказскихъ минеральныхъ водъ, несомнѣнно богатыхъ по своему разнообразію и по цѣлебной силѣ. Водамъ этимъ, какъ бы не были велики недостатки въ управленіи ими, во всякомъ случаѣ предстоитъ впослѣдствіи первенство надъ европейскими минеральными водами. И чѣмъ скорѣе улучшатся на этихъ водахъ условія жизни, быта, путей сообщенія, отношенія докторовъ къ больнымъ, тѣмъ скорѣе онѣ привлекутъ къ себѣ общественное вниманіе, какъ у насъ дома, въ Россіи, такъ и заграницей...

Но мы считали бы себя несправедливымъ, еслибы, заключая наши воспоминанія о кавказскихъ водахъ, не выразили того чувства душевной благодарности, которое сохраняемъ и надѣемся до конца жизни сохранить къ достойному уваженія доктору А. А. Витману, оставившему такой глубокій слѣдъ о своей личности въ нашихъ воспоминаніяхъ. Мы тѣмъ болѣе считаемъ обязанностью это высказать, что не только въ долгій срокъ нашего знакомства съ кавказскими водами, но и теперь, среди массы разнообразныхъ впечатлѣній, заботъ и дѣлъ, это лицо, во всѣхъ отзывахъ доходящихъ до насъ о немъ, всегда являлось и является все въ томъ же обаятельномъ свѣтѣ, какой даютъ человѣку несомнѣнно только свойства его души, высокой своимъ безкорыстіемъ и чуткой къ человѣческому страданію.

Д. Стахѣевъ.

Мать и дочь.

Идутъ мнѣ на память и грёзы и сны,
Мнѣ слышатся пѣсни родной стороны,
И матери голосъ, и звуки рѣчей
Давно ужь забытыхъ, но милыхъ людей.
Себя молодою я вижу во снѣ,
И образъ любимый все грезится мнѣ...
И хочется вновь мнѣ умчаться туда,
Гдѣ съ радостью вмѣстѣ летѣли года,
Гдѣ жизнь молодая промчалась моя,
Гдѣ счастье навѣки покинула я.

* * *

Какъ часто не спится и грезится мнѣ
Убогая хата въ родной сторонѣ;
Въ той хатѣ старуха больная всю ночь
И стонетъ, и кличетъ заблудшую дочь,
Но нѣтъ ей отвѣта, лишь вѣтеръ шумитъ...
И, долго больная, тоскуя, не спитъ.
Ей грезится тоже чужая страна,
Гдѣ дочь ея въ горѣ скитаться должна,
И бѣдность ей снится и муки стыда,
И тяжкія ноши людского труда:

* * *

То мать моя видитъ чужіе края,
Гдѣ хлѣбъ добываю и мучаюсь я.

Н. Вут—скій.

Къ рисункамъ.

Старинная Теинская церковь въ Прагѣ.

Ни одинъ изъ городовъ Австро-венгерской монархіи не можетъ похвастаться такимъ множествомъ интересныхъ средневѣковыхъ памятниковъ архитектуры, какъ древняя столица чеховъ—Прага. Между этими памятниками весьма почтенное мѣсто занимаетъ храмъ, изображенный на нашей картинкѣ. Эта старинная Теинская *гусситская* церковь стоитъ въ «старомъ городѣ», среди не менѣе старинныхъ домовъ. Построена она была въ XII в. германскими купцами и, разумѣется, впослѣдствіи подверглась передѣлкѣ внутри. Сводъ церкви поддерживается громадными въ готическомъ стилѣ колоннами; около послѣдней изъ нихъ, справа, находится мавзолей знаменитаго датскаго астронома Тихо де-Браге, котораго императоръ Рудольфъ призвалъ въ Прагу въ 1599 г. Памятникъ этотъ весь изъ краснаго мрамора, съ рельефными украшеніями. Рядомъ съ нимъ, въ Маріинской капеллѣ, хранятся сокровища искусства, процвѣтавшаго въ XIV и XV вѣкахъ, и тутъ-же поставлены статуи (работы Макса, 1845 г.) св. Кирила и Меѳодія.—Георгій Подистадъ, король Богеміи, вѣнчавшійся на царство въ этой церкви въ 1458 г., велѣлъ соорудить надъ ней двѣ башни, а на кровлѣ между ними поставить фронтонъ, на которомъ утвердить большую золотую чашу. У подножія этой чаши былъ положенъ мечъ короля и поставлена статуя его. Послѣ битвы при Бѣлой горѣ «гусситская» чаша была удалена съ фронтона и мѣсто ея заняла статуя Богоматери, которая и понынѣ стоитъ тамъ. Необыкновенно красивый видъ, къ сожалѣнію, закрытый со стороны площади большимъ домомъ, представляетъ фасадъ церкви: внизу аркады въ готическомъ вкусѣ, надъ ними великолѣпное готическое окно и богато изукрашенный фронтонъ, по обѣимъ сторонамъ котораго красуются башни, каждая въ 250 фут. вышины. На углахъ этихъ башенъ и нѣсколько повыше (на шпилѣ) придѣлано восемь башенокъ, что придаетъ верхней части этого стариннаго храма оригинальный характеръ.

Н—ой.

Паукъ птицеѣдъ.

(Mygali avicularia).

Въ объясненіе этого рисунка приводимъ разсказъ одного натуралиста, долгое время пробывшаго на берегахъ Амазонской рѣки. Онъ разсказываетъ, какъ ему случилось провѣрить фактъ относительно нравовъ мохнатыхъ пауковъ. Недѣлимое, изъ вида Mygali aivcuiaria или сроднаго съ нимъ, имѣло тѣло почти двухъ дюймовъ длины и тѣло и ноги были покрыты грубыми красновато-сѣрыми волосами. Чудовище двигалось по бѣлой сѣти натянутой въ разсѣлинѣ дерева. Нижняя часть сѣти была порвана и двѣ маленькія птички запутались въ обрывкахъ ея. Одну изъ птичекъ натуралистъ засталъ уже мертвой, другая-же лежала подъ тѣломъ паука, который смачивалъ ее своею грязной слюнею. Птичка была еще жива, и хотя натуралистъ отогналъ паука, но она все-таки скоро умерла. Клещи, находящіеся подъ головою у этого вида пауковъ, и длинныя цѣпкія ноги дѣлаютъ очень возможной и легкой побѣду надъ маленькими птичками. Нѣкоторые виды птицеѣда принадлежатъ къ хорошимъ конателямъ и роютъ норы очень значительной величины.

Туземцы не чувствуютъ ни страха, ни отвращенія къ этимъ животнымъ; дѣти даже забавляются ими.

Во время жизни птицеѣды часто теряютъ волосы. Натуралисту необходимо очень осторожно обращаться съ этими пауками, такъ какъ ихъ волосы легко проникаютъ въ кожу и производятъ раздраженіе.

Олень настороже.

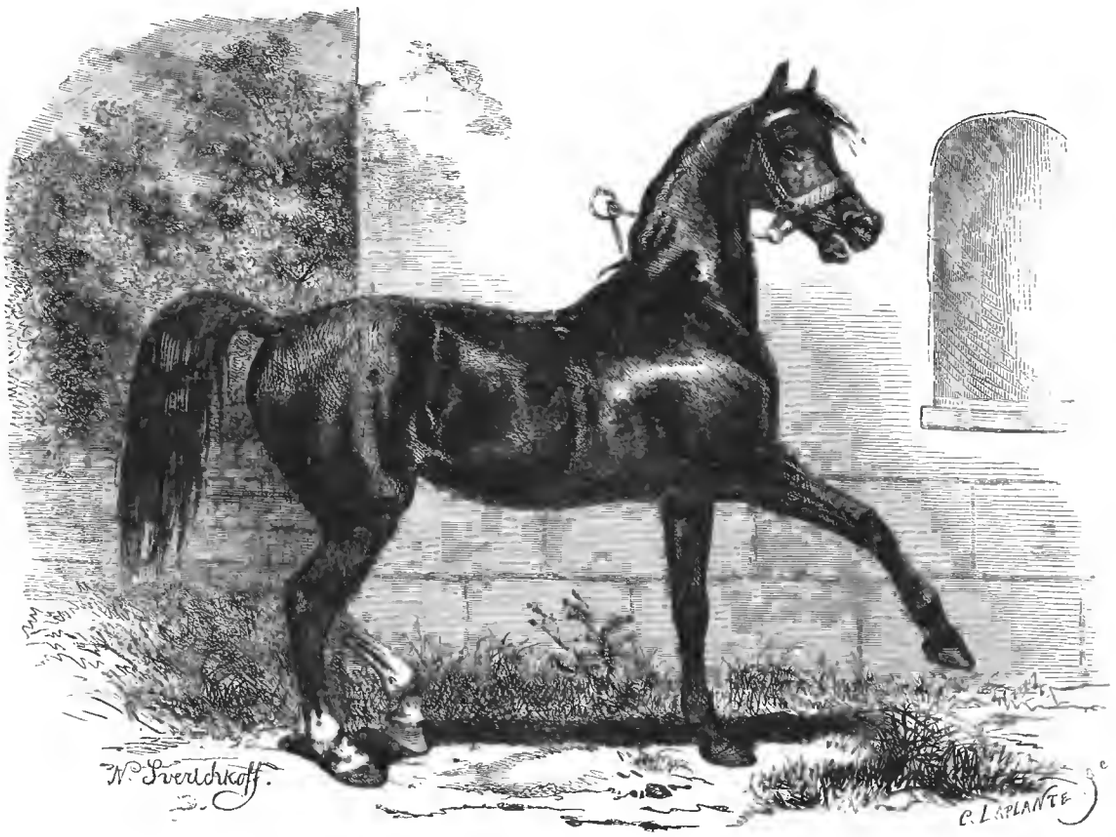
На рисункѣ представлена гористая мѣстность. Могучіе стволы деревьевъ обнажены и переплетенныя вѣтви ихъ голы, но въ воздухѣ уже чувствуется близость весны. Снѣгъ сталъ; чернѣетъ земля, мягкая и рыхлая; прошлогодняя ветошь торчитъ, какъ щетина, посреди ея, навѣрное, тамъ и сямъ уже пробиваются тоненькіе изумрудные листики молодой травы. Солнечные лучи сильно пригрѣвали въ полдень; но вечерѣетъ, спускается солнце за крутыя горы, отсвѣчиваясь золотомъ на мелкихъ облачкахъ.

Потянуло свѣжестью... Прислушиваясь, озираясь и нюхая воздухъ, остановился олень, пришедшій на закатѣ солнца покормиться пробивающеюся зеленью. Какіе-то неясные звуки испугали его: то, можетъ быть, просто треснулъ сучекъ отъ вѣтерка или какой-нибудь жилецъ норы послѣ долгой зимней спячки, засуетившись около своего подземнаго жилища, зашумѣлъ валежникомъ. Чуткій олень поднялъ свою головку; напрягаетъ слухъ, старается разглядѣть предметъ, смутившій его покой и, главное, нюхаетъ, нюхаетъ, поводя ноздрями во всѣ стороны, такъ какъ изъ всѣхъ чувствъ, прекрасно развитыхъ, олень чувству обонянія довѣряетъ болѣе чѣмъ другимъ.

Полагаемъ, что читателямъ не будетъ не безъинтересно, если мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ оленяхъ.

Семейство оленевыхъ представляетъ многія разновидности. Къ роду оленей относятся: косуля, олень настоящій, сѣверный олень, лань, лось или сохатый. Настоящій, или обыкновенный олень, Cerf commun, красивѣйшій представитель всего семейства. Онъ отличается чрезвычайною быстротою; закинувъ свои роскошные, вѣтвистые рога на спину, несется онъ вихремъ, легко перепрыгивая рѣки, ловко перепрыгивая чрезъ ограды, дѣлая при этомъ скачки до 5 саженъ. Охота на оленя

Библиотека "Руниверс"



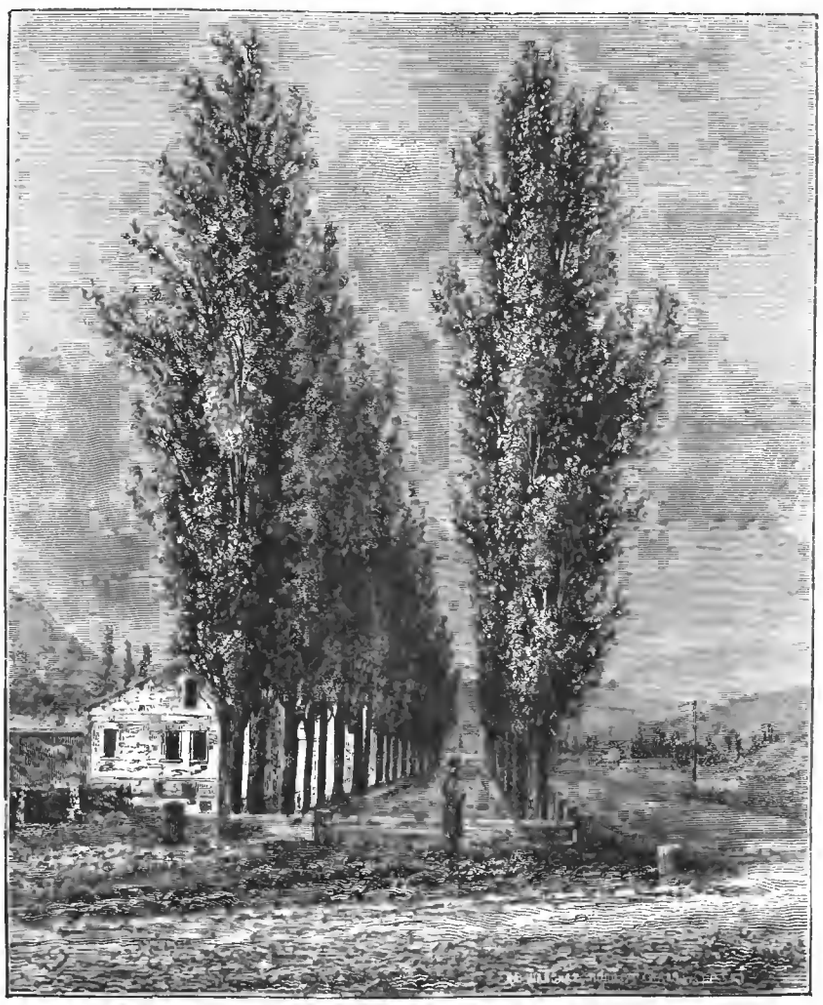
Рысакъ Орловской породы. Рис. Свѣрчковъ, грав. Лаплантъ.

Лошади Орловской породы на свободѣ. Рис. Ріу, грав. Паннемакеръ.

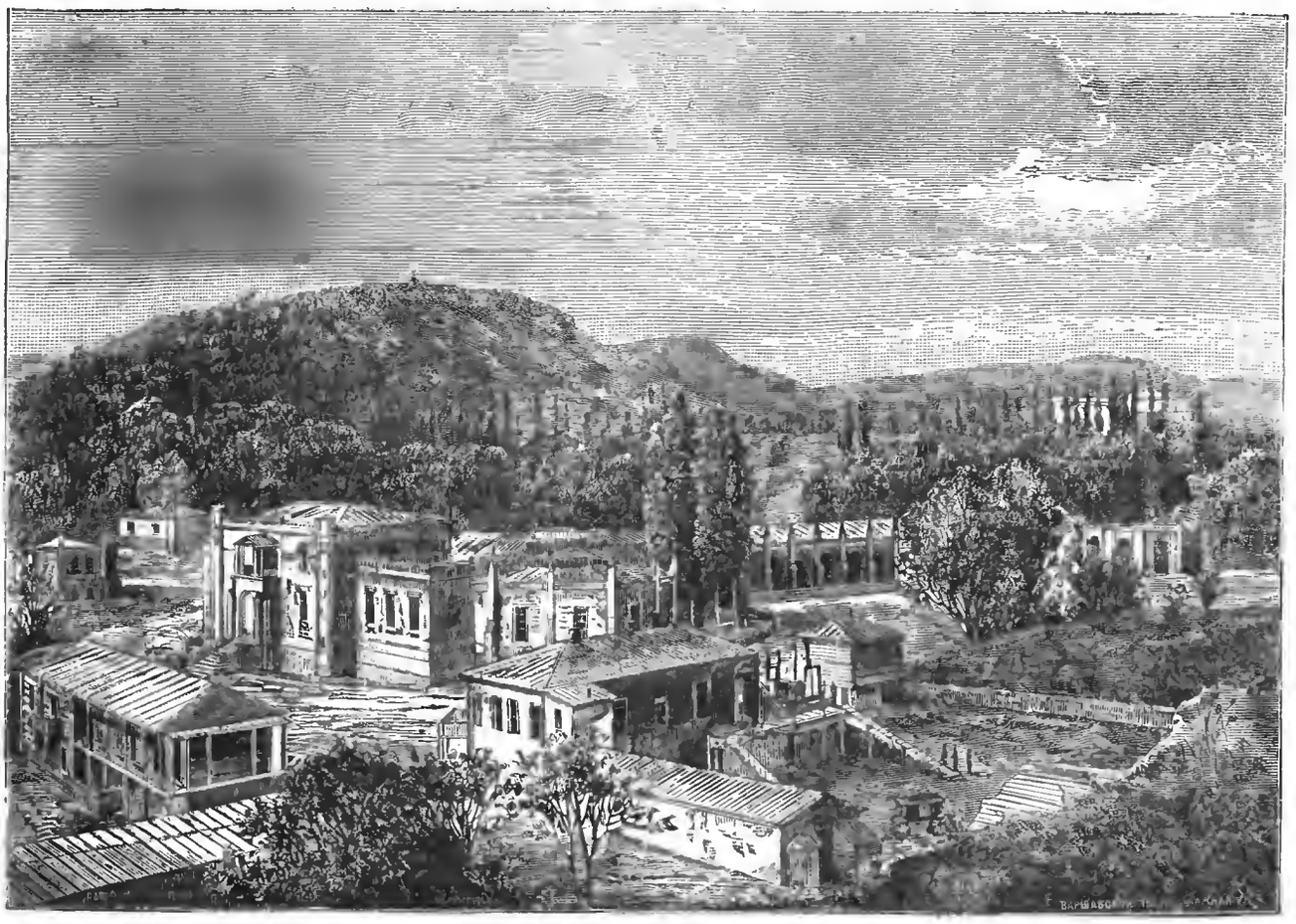
Библиотека "Руниверс"

одна изъ трудныхъ и любимыхъ охотъ. Въ особенности охота на оленей была развита во Франціи, гдѣ она приняла даже свой особый характеръ. Въ настоящее время въ западной Европѣ этотъ олень во многихъ мѣстностяхъ уже истребленъ и встрѣчается только въ паркахъ. У насъ, въ Россіи, видъ этотъ въ настоящее время также водится только на южныхъ окраинахъ и, можетъ быть, еще въ Польшѣ. Зато Сибирь и особенно Забайкалье, Амурскій, Уссурійскій края богаты семействомъ оленевыхъ. Европейскій настоящій олень сходенъ съ сибирскимъ оленемъ, называемымъ *изюбръ*, такъ что ихъ можно счесть за одинъ видъ.

Изюбръ говоритъ г. Черкасовъ („Записки охотника Восточной Сибири")—красавецъ лѣсовъ Сибири; строенъ, станенъ, высокъ ростомъ, головка его напоминаетъ красивую головку кровной арабской лошади. Ноги его тонки и въ тоже время крѣпки. Глаза блестящи и проницательны. Хвоста изюбръ не имѣетъ, но со спины его свѣшивается кисть волосъ. Большой изюбръ бываетъ съ небольшую лошадь и вѣситъ около 17 пудовъ. Зимою изюбръ имѣетъ длинную жесткую шерсть сѣровато-бураго цвѣта, а задъ совершенно бѣлый; лѣтомъ же изюбръ имѣетъ менѣе длинную лоснящуюся шерсть сѣровато-красноватаго цвѣта, задъ красноватый. Самка красивыхъ вѣтвистыхъ роговъ не имѣетъ. Живутъ изюбры въ глухихъ лѣсахъ, любятъ гористую мѣстность. Зимою питаются ветошью, березовой губкой, любятъ полакомиться и скошеннымъ сѣномъ. Самая любимая пища изюбра солончаки и на солончаки они ходятъ даже зимою: разгребутъ копытами снѣгъ и лижутъ соленоватую мерзлую землю. Съ наступленіемъ лѣта солонцы составляютъ ихъ главную пищу, но и ягоды и грибы также кушаются изюбрами съ большимъ аппетитомъ. Зимою изюбры живутъ стадами; всѣ вмѣстѣ ходятъ, спятъ и спасаются въ случаѣ опасности, въ обществѣ изюбровъ встрѣчаются и дикія козы, которыя живутъ съ ними въ видимой дружбѣ. Съ наступленіемъ теплаго времени большіе



Аллея пирамидныхъ тополей при въѣздѣ въ Кисловодскъ. Рис. Подбѣльскій, грав. Слясскій.



Русскія Минеральныя Воды. Общій видъ галлереи въ Кисловодскѣ. Рис. Подбѣльскій, грав. Цехальскъ.

Библиотека "Руниверс"

самцы-изюбры покидаютъ стада, разъединяются и собираютъ себѣ самокъ. Во все время гоньбы изюбры сильно ревутъ, призывая голосомъ самокъ. Ревъ изюбра похожъ на мычаніе обыкновеннаго быка, только гораздо тоньше и рѣзче. Изюбръ начинаетъ ревѣть съ басовыхъ нотъ и, поднимая все выше, оканчиваетъ чрезвычайно высоко. У одного самца бываетъ отъ 10 до 15 самокъ. Самецъ держитъ свой табунъ матокъ всегда въ кучѣ и гоняетъ съ одного мѣста на другое, пасетъ; въ случаѣ непослушанія бьетъ ихъ рогами, ногами и кусаетъ. Между самцами бываетъ часто бой изъ-за обладанія табунами матокъ, бой, нерѣдко оканчивающійся смертью обоихъ. Охотникамъ случалось находить трупы самцовъ всѣ изрытые рогами, искусаные, что доказываетъ ярость драки; случается, что изюбры во время драки до того сплетаются рогами, что уже потомъ не въ состояніи разойтись, и погибаютъ вмѣстѣ отъ изнеможенія и голода. Матки ходятъ до 9 мѣсяцевъ и приносятъ большею частью по одному теленку. Мать-изюбрица полна нѣжнаго чувства къ дѣтямъ и нерѣдко для осиротѣвшаго чужого теленка замѣняетъ ему убитую мать. Роды изюбрицы трудные; въ первый періодъ возраста мать кормитъ теленка молокомъ, когда-же теленокъ значительно подростетъ, онъ начинаетъ всюду ходить за матерью и никогда не опережаетъ ее.

Нерѣдко онъ играетъ съ нею и выкидываетъ уморительные прыжки. Мать сама принимаетъ участіе въ игрѣ, или-же лежитъ и любовно смотритъ на его проказы. Говорятъ, что китайцы извлекаютъ изъ роговъ экстрактъ, употребляемый какъ цѣлебное свойство въ самыхъ опасныхъ болѣзняхъ. Цѣна на экстрактъ очень высока, оттого и рога изюбра дорого цѣнятся.

Мясо изюбра составляетъ здоровую и питательную пищу, оно пріятнаго вкуса, особенно молодого теленка. Шкура идетъ на подѣлки, шерсть чрезвычайно легка и—зимняя—удобна для набивки матрасовъ: она никогда не скатывается.

Изюбры достигаютъ полнаго возраста въ 7 лѣтъ и поэтому можно думать, что они живутъ долго.

Свои прекрасные рога изюбры теряютъ ежегодно; къ веснѣ у нихъ выростаютъ новые. При ростѣ рога зудятъ и чешутся, но изюбры относятся къ нимъ съ заботливостью и очень осторожно чешутъ ихъ задними ногами. Если изюбръ сломаетъ молодой рогъ—крови идетъ ужасно много, а иногда самцы даже отъ этого пропадаютъ. Рога изюбра имѣютъ большое значеніе у сибирскихъ промышленниковъ, которые промѣниваютъ ихъ китайцамъ.

Смѣсь.

Новые освѣтительные аппараты для улицъ и площадей, кораблей, фабричныхъ залъ, театровъ и жилыхъ помѣщеній. Электрическій свѣтъ *скоро* должно быть заменитъ газовое освѣщеніе, а особенно тамъ, гдѣ приходится освѣщать большія пространства. Теперь это является лишь вопросомъ времени. До сихъ поръ электрическое освѣщеніе, ослѣпительный блескъ котораго поражаетъ глазъ, обходилось такъ дорого, что имъ пользовались въ рѣдкихъ случаяхъ: во время торжествъ, иллюминацій, иногда при театральныхъ представленіяхъ и для огней маяковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ парижскій инженеръ Граммъ и берлинскій физикъ ф. Гефнеръ-Альтенекъ устроили электромагнитныя машины, благодаря дѣйствіямъ которыхъ любая механическая сила превращается въ электрическій свѣтъ, пользованіе этимъ свѣтомъ, какъ средствомъ освѣщенія является на дѣлѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, выгоднымъ и практичнымъ, ибо оно обходится дешевле освѣтительнаго газа и петролея. Въ послѣднее время такія аппараты вошли въ употребленіе при освѣщеніи гаваней, гдѣ приходится работать и по ночамъ для нагрузки и выгрузки кораблей. Нѣкоторые изъ русскихъ судовъ (императорская яхта «Ливадія» и панцырный «Петръ Великій») имѣютъ такіе освѣтительные снаряды для своихъ палубъ. На многихъ фабрикахъ введено такое-же освѣщеніе мастерскихъ, такъ напр. въ Мюльгаузенѣ, въ Эльзасѣ, для трехъ фабрикъ работаютъ четыре граммовскія машины, снабжающія свѣтомъ четыре электрическія лампы, освѣщающія мастерскую въ 60 метровъ длины и 30 метр. ширины.—Каждая машина, правда, стоитъ 1500 фр., но за то одна лампа по силѣ свѣта равняется 100 карсельскихъ лампъ, причемъ содержаніе ея обходится по франку въ часъ. Электрическій свѣтъ такъ ярокъ, что причиняетъ глазныя болѣзни, поэтому слѣдуетъ прикрывать его чѣмъ нибудь плотнымъ и прозрачно-матовымъ. Въ одной механической ткацкой фабрикѣ во Франціи для устраненія такого зла приняты довольно остроумныя мѣры, тѣ-же, что и въ оркестрѣ Рихарда Вагнера (въ Байрейтѣ): восемь электрическихъ лампъ, освѣщающихъ эту ткацкую мастерскую, скрыты отъ глазъ рабочихъ, и солнцеподобный свѣтъ льется сквозь стеклянный матовый потолокъ на 140 станковъ. Такимъ образомъ, работа идетъ тамъ и вечеромъ при *пріятномъ дневномъ свѣтѣ*. Главныя издержки при электрическомъ освѣщеніи обусловливаются единственно быстрою порчею угольнаго штифтика, который накаляется отъ электрическаго тока и даетъ сильный свѣтъ. Г. Лодыгинъ, занимающійся этимъ предметомъ, надѣется устроить это неудобство, т. е. сдѣлать штифтикъ болѣе прочнымъ. Электрическое освѣщеніе тѣмъ еще важно, что отъ него не можетъ быть пожара.

Въ Америкѣ начинаетъ входить въ употребленіе **строительная бумага**, или бумажный кирпичъ. Одинъ заводъ въ Висконсинѣ выдѣлываетъ этихъ кирпичей до 800 пудовъ въ день. Кирпичи эти, вѣсомъ отъ 25 до 100 фунтовъ, оказываются весьма практичны; дома строятся чрезвычайно быстро; бумага, какъ дурной проводникъ теплоты, сохраняетъ ее весьма долго въ жилищѣ; а подъ вліяніемъ весьма сильнаго пресса, становится непроницаемою для влаги и сырости.

Политическія и военныя извѣстія.

Пока никакихъ значительныхъ дѣйствій на театрѣ войны еще не произошло. Турки 21 апрѣля пытались-было бомбардировать Браиловъ, но безъ всякаго успѣха. Два турецкіе броненосца показались 21 апрѣля у Браилова, расположеннаго на такомъ мѣстѣ, гдѣ весьма удобно лавировать военнымъ судамъ. Дунай въ этомъ мѣстѣ глубокимъ колѣномъ вдается къ востоку и составляетъ такъ называемый *Матчинскій* рукавъ (отъ крѣпости Матчинъ, находящейся на самомъ крайнемъ восточномъ изгибѣ Дуная. Перестрѣлку съ этими турецкими броненосцами вели 4 орудія 5-й баттареи и 11-й артилерійской бригады. Нашими выстрѣлами поврежденъ былъ бортъ одного изъ турецкихъ броненосцевъ и убитъ 1 турокъ. Три турецкія бомбы упали въ Браиловъ, не причинивъ никому никакого вреда. У насъ потерь не было. Къ вечеру того-же дня (21) присоединился еще третій броненосецъ, и всѣ вмѣстѣ они отошли въ Матчинской рукавъ, верстъ на 5. Затѣмъ, на другой день, 22 апр. (4 мая), была одновременная перестрѣлка при *Рени* (къ сѣверо-востоку отъ Браилова, почти на одной широтѣ съ Галацемъ) и въ самомъ Браиловѣ между турецкими мониторами и нашими береговыми баттареями. Мониторы получили поврежденія и отступили. Но потомъ попытки бомбардированія Браилова со стороны турокъ продолжаются довольно настойчиво хотя и не удачно. Такъ, по телеграммѣ изъ Галаца отъ 13 апрѣля около 5 час. вечера 5 турецкихъ мониторовъ бомбардировали Браиловъ, сдѣлавъ 15-ть безвредныхъ выстрѣловъ. Нашихъ потерь не было; городъ не пострадалъ, такъ какъ турецкіе снаряды не разрываются. Притомъ турецкіе артиллеристы, повидимому не умѣютъ обращаться съ орудіями.— Отъ 24 апрѣля (6 мая) телеграфъ сообщилъ, что русскіе укрѣпляютъ берега Дуная у Рени и Измаила. Слѣдовательно, въ этихъ пунктахъ мы должны ожидать серьезнаго дѣла. Въ какомъ мѣстѣ наши войска намѣреваются перейдти Дунай—объ этомъ корреспонденты иностранныхъ, преимущественно англійскихъ, газетъ дѣлаютъ разнаго рода предположенія. Указываютъ, напримѣръ, на укрѣпленіе *Исакчи*, какъ на такой пунктъ, гдѣ будетъ наводка моста и гдѣ совершится нашъ переходъ черезъ Дунай. «Daily News» говоритъ, что наши инженеры кладутъ уже въ этомъ мѣстѣ торпеды. Исакчи лежитъ почти на одной широтѣ съ Браиловымъ и составляетъ южный пунктъ восточной стороны треугольника, западную сторону котораго образуютъ Галацъ и Браиловъ.

Изъ телеграммъ Е. Высоч. Главноком. дѣйствующей арміей отъ 25 апрѣля извѣстно о состояніи нашихъ войскъ и о результатахъ первыхъ дѣйствій, по которымъ нашей арміи, обезпеченъ вожделѣнный успѣхъ. Его Высочество осматривалъ, 24 апрѣля, войска и работы въ Галацѣ, Браиловѣ и Рени (пунктахъ, упомянутыхъ вами выше) и остался всѣмъ очень доволенъ. Здоровье нашихъ войскъ превосходно. Упомянутая выше бомбардировка Браилова 5-ю турецкими мониторами происходила во время пребыванія Его Высочества въ Браиловѣ. Затѣмъ въ тоже время, изъ деревни Гечитъ, съ противоположнаго берега, черкесы открыли безцѣльную ружейную пальбу, на которую наши баттареи даже не отвѣчали—такъ черкесскій огонь былъ ничтоженъ.

— Изъ Бухареста телеграфируютъ отъ 25 апрѣля (7 мая), что турки бомбардировали румынскую гавань Бехетъ и подбили 5 англійскихъ и нѣсколько другихъ судовъ. Баши-бузуки ограбили окрестныя мѣстности и возвратились съ добычею на турецкій берегъ Дуная.

— Изъ Рущука сообщаютъ отъ 22 апрѣля (4 мая), что турки начинаютъ все болѣе и болѣе обращать вниманіе на Добруджу и преимущественно на два ея пункта: *Матчинъ* и *Гирсово* (Матчинъ—недалеко отъ вышеупомянутой Исакчи, около которой турки ожидаютъ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, а Гирсово — гораздо южнѣе Браилова, тамъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ большой выгибъ къ западу). Ожидая нашихъ войскъ въ Добруджу, турки, кромѣ Матчина и Гирсова, надѣются еще на важ-

Библиотека "Руниверс"

ное укрѣпленіе въ этой мѣстности, *Тульчу*, крѣпость на крутой возвышенности, господствующей надъ Дунаемъ. Здѣсь устроена баттарея, вооруженная 8-ю орудіями. Близь Исакчи у Сатунова (близь озера Кагула) находится мѣсто переправы русскихъ войскъ въ 1828 году. Поэтому-то и образовалось мнѣніе, что и теперь наша армія перейдетъ Дунай именно въ этомъ пунктѣ. Здѣсь турки сооружили земляныя баттареи, вооруженныя крупповскими пушками большого калибра. *Матчинъ*—крѣпость на высотѣ, обрывомъ спускающейся въ Дунай, тоже снабжена крупнокалиберными орудіями. Въ Гирсовѣ же построена большая цитадель, орудія которой обращены противъ узкой мелководной полосы Дуная, представляющей удобный пунктъ для переправы. Съ обѣихъ сторонъ, по гребнямъ холмовъ, расположены баттареи.

На Азіатскомъ театрѣ войны, послѣ занятія Баязета, до 24 апрѣля, не произошло почти ничего новаго. Долгое время погода стояла ненастная. 20 апрѣля 7 непріятельскихъ судовъ простояли сутки предъ Сочею и ушли, ничего не предпринявъ. 23-го турецкій фрегатъ открылъ огонь противъ Поти, но безуспѣшно, такъ какъ снаряды не долетали. 24 апрѣля пытались турки обстрѣливать Поти. Турецкіе броненосецъ и фрегатъ сдѣлали три выстрѣла, но совершенно безвредныхъ для русскихъ, такъ какъ снаряды упали въ море Потомъ къ этимъ судамъ присоединились еще 4 броненосца и пароходъ. Этотъ послѣдній обстрѣливалъ постъ, находящійся на берегу моря. Къ Адлеру также подходили пароходы, но скоро ушли въ море. Затѣмъ изъ Поти сообщаютъ, что турецкая эскадра, крейсирующая около восточныхъ береговъ Чернаго моря, раздѣлилась: часть эскадры осталась въ виду порта Поти, часть же ушла къ посту св. Николая, откуда была слышна кононада.—Изъ Озургетъ извѣщаютъ, что При-Ріонскій отрядъ стоитъ теперь на высотахъ Муха-Эстатэ. 22-го были произведены рекогносцировки по направленію къ морю и къ Легва. Цѣль рекогносцировки—очищеніе лѣсовъ отъ непріятеля. На высотѣ Легва оказался завалъ, изъ котораго турки были немедленно выбиты.

Переходя къ болѣе новымъ извѣстіямъ съ восточнаго театра, отмѣчаемъ телеграфическое извѣстіе изъ Тифлиса отъ 25 апрѣля, что въ главныхъ силахъ тамошняго дѣйствующаго корпуса производились рекогносцировки окрестностей Карса. Повсюду тамошнее населеніе, не только христіанское, но и магометанское, принимаетъ наши войска радушно. Военно-плѣнные турки *радуются своему избавленію отъ тяжкаго положенія, въ которомъ находятся войска турецкія*. Фактъ весьма знаменательный. Затѣмъ тою же телеграммою сообщается, что нѣкоторые фанатики пытались было поднять мѣстное Чеченское населеніе. Въ Ичкеринскихъ и Ацховскихъ лѣсахъ (Терской области) образоналась шайка мятежниковъ до 500 человѣкъ. Начальникъ Терской области принялъ энергическія мѣры для подавленія возмущенія въ самомъ его зародышѣ. Благодаря этому, шайка была вскорѣ разсѣяна, понесши огромную потерю. На мѣстѣ боя осталось 99 тѣлъ, а раненыхъ насчитываютъ до 250. Теперь Терская область объявлена на военномъ положеніи.

Обращаясь затѣмъ къ политическимъ новостямъ въ собственномъ смыслѣ, мы должны сказать, что первое мѣсто между ними занимаетъ—какъ это ни странно—отвѣтная депеша лорда Дерби на циркуляръ нашего государственнаго канцлера, по поводу объявленія войны Турціи. Это странно потому, что Англія, наравнѣ съ другими державами, высказала въ этомъ случаѣ свой «нейтралитетъ» въ начавшейся войнѣ, и, слѣдовательно, отвѣтная депеша, появившаяся только теперь, дѣлается безцѣльною и запоздалою. И самое содержаніе депеши вовсе не таково, чтобы вполнѣ согласовалось «съ рѣшительностью держаться нейтралитета». Правительство ея королевскаго величества, говоритъ Дерби, приняло это сообщеніе (т. е. объ объявленіи войны Турціи) *съ глубокимъ сожалѣніемъ*. Говоря о протоколѣ, Дерби говоритъ, что онъ написанъ по настоянію Россіи, что этотъ протоколъ не требовалъ отъ султана никакой новой гарантіи (?) относительно преобразованія его администраціи. «Дѣйствуя противъ Турціи, заключаетъ свою депешу лордъ Дерби, за свой собственный счетъ и прибѣгнувъ къ оружію, не условившись предварительно съ своими союзниками, Русскій императоръ тѣмъ самымъ отступился отъ европейскаго согласія, поддерживающагося до сей поры и въ то же время уклонился отъ того самаго правила, которое онъ самъ торжественно подтвердилъ. Нѣтъ возможности предвидѣть послѣдствій подобнаго поступка»... и т. д.

Этотъ угрожающій тонъ депеши такъ вѣренъ «англійскому духу», что не остается здѣсь ничего ни комментировать, ни дополнять. Вся англійская дипломатическая исторія пропитана подобнымъ лицемѣріемъ и грубо склеенными лоскутьями тамъ, гдѣ не существуетъ логики. Торжественно заявить о своемъ нейтралитетѣ для Англіи ничего не стоило, но затѣмъ у ней была заготовлена на случай депеша, написанная высокимъ «англійскимъ» слогомъ. Она должна была лежать подъ сукномъ, потому что было бы уже слишкомъ неприлично даже для Англіи отправлять ее въ Петербургъ одновременно съ объявленіемъ себя нейтральною. Въ самомъ дѣлѣ, въ депешѣ нѣтъ никакихъ признаковъ ея «новаго» происхожденія. Она непремѣнно заготовлена раньше.

«Agence Russe» говоритъ по поводу этой депеши, что она вручена нашему кабинету 24 апрѣля, отвѣтъ англійскаго правительства на Русскій циркуляръ неожиданъ. Ни одно изъ европейскихъ правительствъ не присоединилось къ англійской нотѣ. Думаютъ, прибавляетъ газета, что эта нота останется безъ послѣдствіи, потому что *политика становится лишнею, когда раздается голосъ исторіи*... Дѣло въ томъ, что изъ англійскаго отвѣта видно, что Англія опасается *осложненій* настоящаго положенія дѣлъ; боится за Суэзскій каналъ вслѣдствіе будущихъ военныхъ успѣховъ Россіи (недаромъ же, вѣдь, она заранѣе скупила акціи Суэзскаго канала). Основательны-ли опасенія Англіи это другой вопросъ, на который всякій знающій истинные мотивы объявленія Россіею войны, даже и отвѣчать не станетъ.

Изъ Вашингтона сообщаютъ, что, по полученіи изъ Петербурга оффиціальнаго извѣстія объ объявленіи войны Турціи, правительство Соединенныхъ Штатовъ немедленно объявитъ о строгомъ соблюденіи нейтралитета американскими гражданами. Такимъ образомъ мы обезпечены со всѣхъ сторонъ оффиціально объявленными нейтралитетами.

— Разрывъ между Румыніею и Портою можно теперь считать совершившимся фактомъ. Князь Карлъ недавно принималъ поднесенный ему сенатомъ адресъ; при этомъ онъ перечислилъ враждебныя дѣйствія, совершенныя турками по отношенію къ румынскимъ гаванямъ, судамъ, открытымъ городамъ и мирнымъ жителямъ. Князь выразился, что въ виду наступательнаго дѣйствія турокъ румынское правительство будетъ дѣйствовать нелишь осторожно, но и съ энергіей. «Силою, заключилъ князь, мы будемъ отражать силу, потому что мы обязаны защищать наше отечество».

Для порты возникаетъ серьезная опасность и съ другихъ сторонъ. Телеграфъ недавно передалъ намъ слѣдующіе факты: На Критѣ волненіе. Въ самомъ Константинополѣ страшный недостатокъ въ хлѣбѣ и число голодныхъ растетъ ежедневно. Армяне чувствуютъ тяжелый гнетъ со стороны турокъ и ждутъ освобожденія отъ русскихъ.—Въ Аѳинахъ 24 апрѣля (6 мая), по случаю годовщины битвы при Миссолонги, большая толпа, въ которой находилось и нѣсколько депутатовъ, прошла по всѣмъ аѳинскимъ улицамъ съ криками: *„да здравствуетъ война!“* передъ домомъ теперешняго греческаго министра-президента Делигеоргиса толпа остановилась и вызвала его на балконъ. Делигеоргисъ произнесъ рѣчь, и заявилъ, что палата поступитъ «согласно интересамъ большинства Эллиновъ».—Центральный болгарскій комитетъ въ Бухарестѣ обнародовалъ воззваніе къ болгарамъ Турціи, приглашая ихъ оказать самую дѣятельную поддержку русскимъ братьямъ. Все это симптомы, грозящіе сдѣлать положеніе Турціи еще болѣе затрудненнымъ и безнадежнымъ. Особенно усложнить дѣло грозящее вспыхнуть Критское возстаніе. Поэтому то нѣжно заботящійся о Турціи англійскій уполномоченный въ Константинополѣ сэръ Лейярдъ далъ Портѣ совѣтъ въ особомъ фирманѣ подтвердить «дарованныя критянамъ права» и обѣщать новыя льготы. Сомнительно, однако, произведетъ ли новый фирманъ какое-либо впечатлѣніе на Критянъ, потому что они рѣшительно приготовляются изгнать турокъ съ острова.

Не смотря на это по общимъ отзывамъ, турки напрягаютъ всѣ свои силы, повторяя высокомѣрный вопросъ рекегатъ Гоббарта-паши: «*чего отъ насъ хочетъ Россія?*» Союзниковъ христіанскихъ Порта пока не нашла, но за то она нашла союзниковъ въ мусульманскомъ мірѣ. Изъ Каира, напримѣръ, султанъ получилъ извѣстіе, что комитетъ египетскихъ сословныхъ представителей назначилъ чрезвычайный военный налогъ въ 12,000,000 франк., вслѣдствіе чего находящаяся теперь уже въ Турціи египетская дивизія, состоящая изъ 9,000 чел., будетъ доведена до 12,000 челов. Остальныя же египетскія войска остаются для защиты Суэзскаго канала. На Египетъ, стало быть, Порта можетъ разсчитывать, и кажется страннымъ, почему представленіе нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, между прочимъ Франціи, о нейтралитетѣ Египта, остается безъ послѣдствій.

Австрія находится въ весьма неестественномъ положеніи вслѣдствіе своей политической *двойственности*. Ея венгерская половина открыто сочувствуетъ Турціи. Въ Пештѣ получаются со всѣхъ концовъ Венгріи телеграммы съ требованіемъ, чтобы Пештское правительство остановило прогрессивное шествіе русскихъ по Турціи.

— Его Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволили прибыть 23 апрѣля изъ Кишинева въ Москву, а 25-го апрѣля въ сопровожденіи Государыни Императрицы и Государыни Цесаревны изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Несмѣтныя толпы народа привѣтствовали Высочайшихъ Особъ въ обѣихъ столицахъ съ неописаннымъ восторгомъ и неумолкаемыми криками «ура»; всѣ дома были блистательно иллюминованы и украшены флагами.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Пусть тотъ, кто хочетъ двинуть свѣтъ, поднимется сначала самъ (Сократъ).

Для человѣка съ талантомъ и любовью къ труду не существуетъ преградъ (Бетховенъ).

Передъ совершеніемъ великихъ подвиговъ не слѣдуетъ раз-

Библиотека "Руниверс"

суждать много, чтобы разсмотрѣніе опасности не уменьшило порывовъ храбрости (Юлій Цезарь).

Нескоро тотъ достигнетъ совершенства, кто работаетъ только для денегъ (Микель Анжелло).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Москва. Чистые пруды. Э. Оле-Б-нгъ. Ваши мысли и слова въ такомъ разладѣ между собою, что только по догадкамъ можно судить о томъ, что именно вы хотѣли сказать. Вы просите: «Просмотреть сей стихъ, удобенъ-ли онъ для журнала, подъ названіемъ весна». Гдѣ такой журналъ издается? Изъ «стиха» нашего беремъ:

Луга покрылися травою
Скотину выгнали въ лѣса
Крестьяне пестрою толпою
Обработываютъ поля

И неужели нѣтъ у васъ близкаго человѣка, имѣющаго власть—воздать имъ должное за «сей стихъ»?

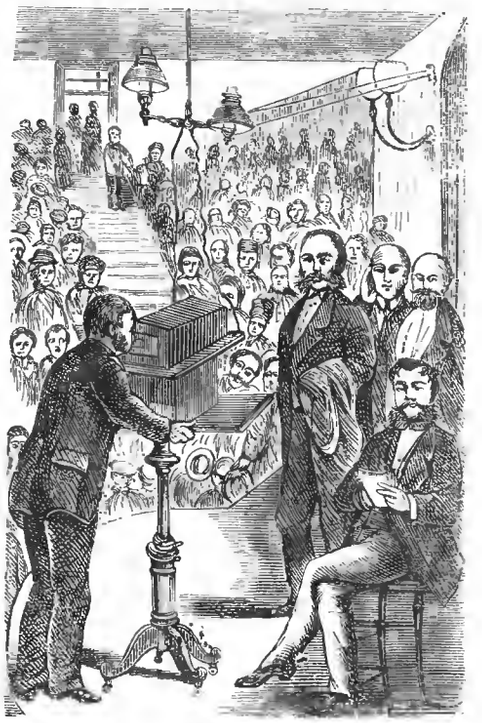
2. Петерб. сторона. Н. Иванову. Вы пишете:

И къ Кандіи мина готова
Сигнала изъ греціи ждутъ,
Тогда разорвется *окова*
Критяне луну подожгутъ.

Хотя поэтъ говоритъ «мысль изрѣченная есть ложь»: но эти слова, полные глубочайшаго смысла, конечно къ вашимъ стихамъ нельзя примѣнить. Есть болѣе основаній для вопроса: какъ ваше здоровье?

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, М. Т. Лорисъ-Меликовъ. А. Н—аева** (съ портретомъ).—Стихотворенія **Ник. Б—скаго П Гн—дича.—Турецкій кабѣгъ.** (Разсказъ изъ современной жизни въ Черногоріи) **А. Ремезова.—Очерки изъ русской исторіи.** Единоборство Мстислава съ Редедею. **И. Звѣрева.** (съ рисункомъ).—**Орловская порода рысистыхъ и скаковыхъ лошадей** (съ 2-мя рисунками).—**Кавказскія минеральныя воды** (окончаніе). **Д. Стахѣева** (съ 2-мя рисунками).—**Старинная Теинская церковь въ Прагѣ** (съ рисункомъ). **Н—ого.—Олень насторожѣ** (съ рисункомъ).—**Паукъ птицеѣдъ** (съ рисункомъ).—**Новое изобрѣтеніе:** Телефонъ (съ рисункомъ).—**Смѣсь.**—Политическія и военныя извѣстія.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.—**При этомъ № прилагается для гг. годовыхъ подписчиковъ «Нивы», какъ городск. такъ и иногор., большая Карта Театра Войны въ Европейской и въ Азіатской Турціи, составленная Капитаномъ И. О. Ивановымъ.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**



Телефонъ (Аппаратъ, передающій при помощи телеграфной проволоки звуки музыкальныхъ пьесъ и разговоровъ. См. Новое изобрѣтеніе «Нива» № 12).

ЛУЧШАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА
ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ
ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.
ИЛИ
СРЕДСТВО КЪ УМЕНЬШЕНІЮ РАСХОДОВЪ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ
Составила и издала **Елена Молоховецъ.** Седьмое дополненное изданіе.
Книга эта заключаетъ въ себѣ три плана домовъ, удобно расположенныхъ въ хозяйственномъ отношеніи, пять реестровъ изъ **800 ОБѢДОВЪ** на разныя цѣны (отъ 75 коп. до 12 руб. обѣдъ на 6—8 человѣкъ) и до **2,000 ОПИСАНІЙ ДОМАШНИХЪ ЗАПАСОВЪ** и разныхъ кушаньевъ, съ подробнымъ указаніемъ выдачи для нихъ провизіи мѣрою и вѣсомъ.
Цѣна 3 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 4 р.
Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ О. И. ВОКСТА (Б. Итальянская, № 2) 3—2

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 3. противъ Стремянной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
6
Товарищество Чемберсъ и К°.

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла **3-Я ЧАСТЬ** соч. К. В М.
„ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА".
«ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ»
Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ.—Вторая вторымъ.
Содержаніе 3-й части:
Два обожателя Венеры.—Неожиданное открытіе.—Мудрый совѣтникъ.—Загадочная смерть.—У Венеры въ гостяхъ.—Одна изъ жертвъ Венеры.—Разиѣнчанная Венера.—Маска.—Моя бѣда.—Лидія Петровна.—Волшебница Венера.—Еще штука Реброва.—Ссудная касса.—Ужасная драма.—Медицинскій монологъ.—Ночь у Вонеры перваго класса.—Ночь въ царствѣ Венеры послѣдняго класса.—Типы барынь благотворительницъ.—Таинственное лицо.—Живой мертвецъ.—Страшный разговоръ.—Грустная комедія.—Великое чудо.—У одра больного.—У двухъ священниковъ на дому.—Выстрѣлъ.—Бѣдная мать.—Новый кацюкъ.—Въ тюрьмѣ.—Роковый приказъ.
Тамъ же продается **второе** изданіе новаго романа того же автора **«ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ».** Цѣна за 4 тома 4 р. 4—2

СВѢЖІЯ СѢМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя
имѣютъ честь предложить
сѣменная торговля А. УШАКОВА
въ С.-Петербургѣ, Большая Копошенная д. 1.
Подробный прейсъ-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ продается и высылается по требованію безплатно. 8—3

РОЯЛЬ КОНЦЕРТНЫЙ
ФАБРИКИ ШРЕДЕРА
продается недорого по Мойкѣ № 83 кв. № 12. 3—2

ВЕНЦЕЛЬ. МОЛОЧНАЯ МУКА Генриха Нестле
НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для искормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля,** ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—20

Изданія А. Ф. МАРКСА.
для гг. подписчиковъ „НИВЫ" продаются со слѣдующею скидкою:
Москва и Тверь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Повѣсть Каразина. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Марлитта. Ц. съ пер. 2 р., для подписч. 1 р. 40 к.
Двукогій волкъ. Романъ въ 2 частяхъ, съ 20 рис. Автора Н. Каразина. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к. для подписчиковъ Нивы **1 р. 80 к.**
Очерки, повѣсти и разсказы. *В. В. Крестовскаго* (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «Нивы» 1877 года 90 к. съ пересылкою.
Семья вольнодумцевъ. Историч. ская повѣсть времени Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Ключникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомятъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательными дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «Нивы» 1877 года 75 к. съ пересыл.
Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «Нивы» 1877 г. 1 р. съ пересылкою.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.
„НИВА"
ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТ. И СОВР. Ж.
1876 годъ,
брошюр. 4 р. съ перес. 5 р. въ прост. пер. 4 р. 75 к. съ пер. 4 р. 75 к. въ каленк. пер. 5 р. 50 к. съ пер. 6 р. 50 к.

Томъ этотъ составляетъ великолѣпный столовый альбомъ, заключая въ себя болѣе 700 художественно выполненныхъ гравюръ, и кромѣ того, около 25 повѣстей, много популярныхъ и научныхъ статей выбранныхъ для семейнаго чтенія.—Каждому покупателю этого тома высылается совершенно отдѣльно, на дерев. скалкѣ, безплатныя преміи за 1876 г.: олеографическая картина „Спящая красавица"

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Оптическаго магазина И. Э. Мильки.

Дозволено цензурою. СПБ. 6 Мая 1877 г. Тип. Веймана. Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 20 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 16 Мая 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

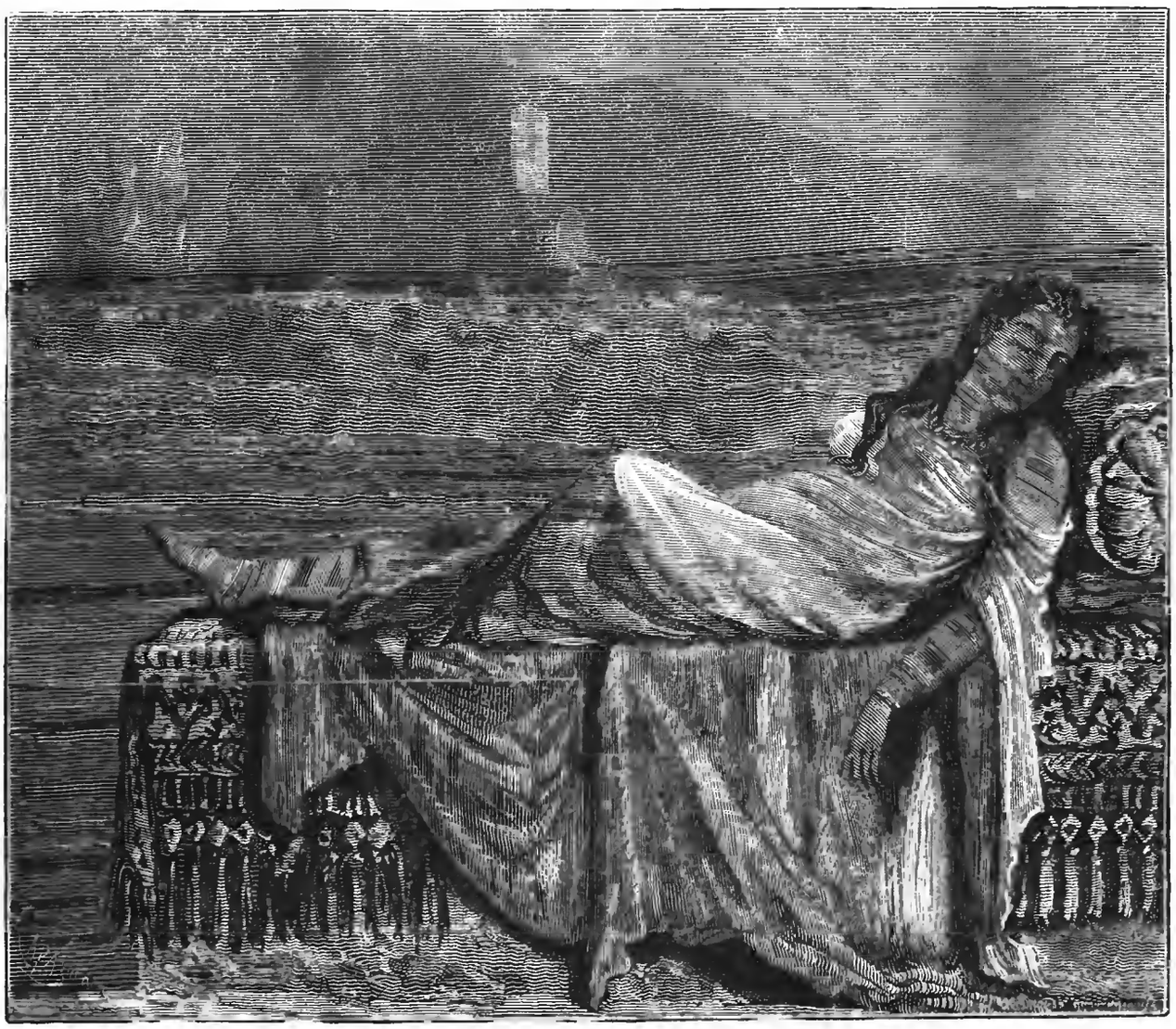
ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.



„Видно, что ей жарко, раскинулась вся". (См. разсказъ „Кавказскія ночи").

Библиотека "Руниверс"

Кавказскія ночи.

Разсказъ изъ горскихъ нравовъ.

I.

По Поти-Тифлисской дорогѣ мы засвѣтло еще добрались до Мцхета.

Тутъ мнѣ хотѣлось осмотрѣть старинный грузинскій соборъ, женскій монастырь и развалины замковъ, висящія словно орлиныя гнѣзда надъ мирными долинами, на вершинахъ утесовъ окрестныхъ горъ.

Ночь намъ пришлось провести на мцхетской почтовой станціи.

Еще до сихъ поръ мнѣ помнятся эти зеленые скаты, крутые и мрачные, не смотря на одѣвающіе ихъ лѣса. Далеко въ вышинѣ, на самомъ гребнѣ горъ, чернѣли пасти глубокихъ и необслѣдованныхъ еще пещеръ, являющихъ на каждомъ шагу слѣды пребыванія человѣка, вѣроятно, въ тѣ еще времена, когда, одѣтый въ звѣриныя шкуры, съ кремневымъ дротикомъ въ рукахъ, онъ вступалъ здѣсь въ единоборство съ медвѣдями и кабанами. Но не однимъ троглодитамъ понадобились эти черные гроты, въ ихъ таинственный сумракъ прятался грузинъ отъ набѣговъ горцевъ и персіянъ, сюда загонялись его стада, собиралось все, что поцѣннѣе,—и дрожа каждую минуту отъ ужаса, несчастная семья его ожидала цѣлыя недѣли, когда врагъ уйдетъ съ долинъ, обливъ ихъ кровью, разоривъ и испепеливъ убогія сакли жалкихъ деревень и взявъ съ собою въ полонъ все, что не успѣло спастись въ эти горы, все, что попало ему на руки: дѣтей, женщинъ и взрослыхъ. Цѣлый циклъ легендъ и преданій обращается въ устахъ народа объ этомъ сумрачномъ времени. Кровью, теплою кровью только что зарѣзанныхъ жертвъ, дымомъ свѣжихъ пожаровъ вѣетъ отъ нихъ. Сказанія эти охватятъ дрожью даже человѣка съ желѣзными нервами, и идиллически мирная картина Гурійскихъ и Кахетинскихъ долинъ, страстною нѣгою вѣющая на его сердце, разомъ обращается въ облитую кровью арену, гдѣ еще недавно воочію совершались страшныя сатурналіи варварства, гдѣ сцены грабежа и убійствъ были явленіями обыденными, а рѣдкія минуты тишины и спокойствія казались скоротечнымъ праздникомъ.

— Ну, что вы задумались! Самоваръ давно готовъ. Такъ окликнули меня съ балкона станціи.

— Сейчасъ, дайте наглядѣться. Красота какая!

— Нашли красоту. Вотъ въ моей Тверской губерніи точно, что красота. Ровно, гладко, ни тебѣ холма, ни горы, ни пригорья. А тутъ что. Господь съ ними, съ этими горами.

А сумраки все гуще и гуще... Надъ рѣкою повисло точно бѣлое облако... Нѣсколько крупныхъ звѣздъ сверкаютъ надъ черными силуэтами горъ... Раздражающій нервы запахъ цвѣтовъ сталъ еще слышнѣе, точно букетъ подъ носомъ. Куда не повернешься—вездѣ онъ. Въ окрестныхъ кустахъ заблистали синія искры... Попарно—одна за другой... Только вспыхнетъ и снова погаснетъ. Разъ цѣлый дождь брилліантовъ засіялъ и разсыпался...

— Вы не бывали еще на югѣ Кавказа?

— Нѣтъ! Точно проснулся я.

— Жаль. Тамъ ночи—даже этимъ не чета. Все точно притаилось, точно и небо, и земля дышутъ и дышутъ страстно, горячо... На вашемъ далекомъ сѣверѣ —вы и понятія не имѣете о томъ, какъ ночь, одна только ночь, распаляетъ кровь, возбуждаетъ воображеніе до галлюцинацій; мечты становятся дѣйствительностью! Не знаешь, спишь и сонъ видишь или все это въ явѣ совершается съ тобою. На югѣ и ночь то на сонъ похожа, не отличишь, гдѣ кончается она, гдѣ начинаются грезы.

— Однако, какой же вы восторженный!

— Хотите я вамъ разскажу, дочего доводятъ иногда южныя ночи?

— Разскажите.

II.

— Это случилось близь Ахалцыха, въ небольшомъ армянскомъ селеніи. Я тогда еще прапорщикомъ былъ, только что изъ корпуса выскочилъ и, разумѣется, какъ молодой галченокъ, на весь міръ Божій глядѣлъ, раскрывъ ротъ. Село это я уже позабылъ, какъ и звали. Помню только, что оно въ долинѣ пріютилось. Кругомъ холмы, покрытые виноградниками, около разлива какой то рѣченки, а вдалекѣ туманные силуэты большого Гурійскаго хребта.

Хозяйка мнѣ досталась преоригинальная. Старуха армянка. То и дѣло бывало, что прячетъ передо мною въ черный платокъ свое покрытое морщинами лицо, на которомъ по нашей поговоркѣ—носъ крючкомъ, борода стрючкомъ. Ужасно безобразны всѣ онѣ дѣлаются подъ старость, а въ молодости поди красавицей была, не одного мѣстнаго донъ-жуана съума свела. И все, бывало, ахаетъ. Скажешь ей, что погода очень хороша! „Вай-вай!“ и головой закачаетъ, точно ей о великомъ какомъ несчастіи сообщили. Богатая была—а посмотрите, какъ одѣвалась. Зато уже нѣсколько племянницъ были—это ужь на другую стать. Парча, канаусъ. Головные уборы жемчугами расшиты, на шеѣ золотыя монеты болтаются! И красавицы же были на подборъ. Знаете эта особенная красота—нѣжная. Взглянешь на лицо, спитъ кажется. Выраженіе нѣги и неподвижности. Въ черныхъ глазахъ ни искры, высокія соболья брови неподвижны. Не вѣрьте. Все это до поры до времени. Посмотрите, какъ, при случаѣ, сверкнутъ на васъ эти агатовыя очи, точно сталь подъ солнцемъ, —такъ и бьютъ прямо въ сердце, приглядитесь, какія искры загораются въ нихъ порой, какъ сквозь влажный блескъ ихъ прямо изъ самаго сердца долго сдерживаемая и разомъ вспыхнувшая страсть! Какъ это лицо все измѣнится передъ вами. Выраженіе лѣни сбѣжитъ разомъ, точно его что-нибудь смоетъ съ этихъ красивыхъ линій. А подмывающій смѣхъ такъ и прыщетъ изъ груди, такъ и дробится, такъ и сыплется: „словно падаетъ жемчугъ на серебряное блюдо“... Не назовете вы тогда этой дѣвушки каменной статуей! А какъ эти руки охватятъ васъ, точно задушить хотятъ, какъ разомъ всколыхнувшаяся грудь прижимается къ вамъ!... Смерть, да и только...

— Въ этихъ-то муміяхъ—страсть!..

— Я и самъ считалъ ихъ муміями, да южная ночь разувѣрила. Въ іюлѣ это было,—продолжалъ онъ, помолчавъ. День жаркій, знойный. Я помню, съ утра изъ темной комнаты своей носу на дворъ не показывалъ. Боялся задохнуться! Одна стѣна комнаты не доходила до верху и въ просвѣтѣ, точно изумрудные подъ палящимъ солнечнымъ свѣтомъ сіяли вѣтви деревьевъ. Въ открытую дверь — пахло розами и до того сильно, что голова кружилась, въ виски кровь била. Даже старуха-хозяйка—и ту проняло, выползла на тахту, поджала подъ себя ноги, да такъ и замерла, не думая вовсе закрывать своего очаровательнаго, шестидесятилѣтняго лица.. Къ вечеру набѣжала туча, грянулъ громъ, опрыснуло землю дождевыми брызгами — и снова безоблачное небо засіяло надъ долиною, только жаръ какъ рукой сняло. Вздохнули мы. Когда я вышелъ изъ сакли, солнце уже садилось за далекою горою. Вся она казалась темно-синей, за то вокругъ, края ея словно

Библиотека "Руниверс"

горѣли—изъ-за нихъ закатъ такъ и лучился золотымъ вѣнцомъ. Въ ущельяхъ уже сгущалась мгла... Запахло сильнѣе цвѣтами...

— Послушайте, да вы совсѣмъ поэтъ.

— Какже, и стихи писалъ... Только не повезло, все на Лермонтова сбиваюсь... Нужно вамъ сказать, что я два мѣсяца уже ухаживалъ за одною изъ безчисленныхъ племянницъ моей старухи, но на всѣ мои авансы она отвѣчала самымъ „убійственнымъ" равнодушіемъ. Разъ я помню хотѣлъ ее поцѣловать—она только посмотрѣла на меня и отошла. За то какъ посмотрѣла!

Такъ вотъ, началъ я вамъ разсказывать, такая же ночь была, какъ эта. Теплая, звѣздная, ясная... Хозяева ночевали обыкновенно на плоской кровлѣ сакли. Я располагался на тахтѣ. Но на этотъ разъ меня точно душило всего. Будто воздуху мало было кругомъ, дышать не чѣмъ. Отворилъ я двери настежъ — такимъ ароматомъ пахнуло на меня,—на волю, на крышу, подъ открытое небо потащило. Промаялся я еще съ часъ, вижу, не совладать съ собою. А вы знаете, лѣсенка на кровлю у нихъ устраивается не снаружи, а изъ комнаты. Взялъ я одѣяло свое, пальто, подушку и выбрался. Хозяева на другомъ концѣ кровли были, такъ что я свободно могъ помѣститься въ сторонѣ—мѣстные нравы допускаютъ это. Тѣмъ болѣе, что та часть крыши, гдѣ они были, уступомъ шла, нѣсколько выше. Легъ я—не спится. Звѣздное небо тысячью глазъ смотритъ на меня. Лиліи пахнутъ до одури, кровь, словно горячая, дрожитъ по жиламъ. Въ глазахъ—любимая дѣвушка, точно она тутъ же, рядомъ; такъ грудь ходуномъ и ходитъ... Нарочно зажмурился, авось засну, думаю,—куда!... Постарался о другомъ думать—ерунда какая-то выходитъ. Точно въ головѣ арабески какія-то заплетаются и расплетаются изъ ея лукаваго личика, смѣхъ ея въ ушахъ звенитъ.... А тутъ еще мѣсяцъ поднялся—такъ и сыплетъ лучами, точно серебряными сѣтями окуталъ долину... Точно сіяющимъ паромъ обдалъ горы, даже въ ущельяхъ свѣтло стало! Томился я, томился—и голову потерялъ. Самъ чувствую, что глупость дѣлаю, а отстать не въ силахъ. Ползкомъ, ползкомъ сталъ я подбираться къ другой сторонѣ крыши. Еще какъ всходилъ я туда, я замѣтилъ, что моя Ашхень лежитъ съ краю.. А сердце такъ и бьется, въ головѣ звонъ какой-то... Страсть! Приподнялъ голову, посмотрѣлъ кругомъ. Нужно вамъ сказать, что наша сакля на вершинѣ холма была, со всѣхъ сторонъ одѣтая другими саклями. При блескѣ мѣсяца всѣ онѣ были мнѣ видны, точно ступеньки лѣстницъ кругомъ. Нигдѣ ни шороху, ни движенія. Народъ спитъ себѣ на кровляхъ, точно серебряныя лѣпныя изваянія подъ бѣлыми покрывалами своими... А Ашхень шагахъ въ трехъ ужь отъ меня—видно, что и ей жарко,—раскинулась вся, изъ-подъ канаусовой рубахи строгія дѣвичьи линіи груди такъ и обрисовываются въ очаровательномъ блескѣ ночи. Точно кровь къ глазамъ прилила мнѣ, взялъ я ее за руку и замеръ. Ашхень разомъ приподнялась вся и широко раскрыла глаза на меня... Видно, что ей и въ голову не могло придти о возможности этой дерзости съ моей стороны. Оглянулась она на своихъ — тѣ неподвижно лежатъ... Я пододвинулся еще ближе и сталъ цѣловать ея руки... Дрожитъ вся, вижу... То кровь въ лицо бросится, то поблѣднѣетъ вся, а грудь такъ и колышетъ, такъ и колышетъ, даже золотыя монеты на шеѣ позваниваютъ... Боялся я, что крикнетъ, шуму надѣлаетъ, нѣтъ... Думаю не испугалась ли, положилъ голову къ ней на колѣни—нѣтъ. Перебираетъ пальцами волоса мои, а ноги у нея такъ и дрожатъ, чувствую. Наконецъ наклонилась ко мнѣ, къ уху, къ самому. „Слушай, урусъ... уходи внизъ скорѣй, въ саклю!.." Ни за что на свѣтѣ...—„Проснутся родные!.." — Пусть просыпаются...—„Братъ вѣдь убьетъ тебя!" — Пусть убьетъ. Еще ближе приникла она ко мнѣ, глаза въ лицо такъ и смотрятъ... „Уйди, сейчасъ уйди... и—меня жди туда... я тоже внизъ сойду". Свѣта я не взвидѣлъ и осторожность всю отбросилъ, не знаю, какъ и попалъ въ комнатѣ на тахту...

— Ну и что же, обманула?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Нѣсколькихъ минутъ не прошло, какъ явилась! Этой сладкой ночи мнѣ долго не забыть!.. А вѣдь до тѣхъ поръ и не любила меня. Терпѣть не могла даже, какъ это ни обидно для моего самолюбія!

— Что-жь, это приключеніе тѣмъ и кончилось?

— Какое тѣмъ! Много тутъ было всякаго добра и зла не мало. Вели мы съ нею дѣла, нужно вамъ сказать, такъ, что никто и догадываться не могъ ни о чемъ. Днемъ, она, бывало, смѣется надо мною, будто бы отвращеніе ко мнѣ выказываетъ, а какъ уснутъ всѣ — ко мнѣ—и до утра вмѣстѣ!.. Знаете, вѣдь я на ней жениться хотѣлъ, и женился бы, да неожиданно потребовали меня въ штабъ, а оттуда немедленно велѣли ѣхать въ Тифлисъ къ главнокомандующему съ донесеніемъ. Думалъ я вернуться черезъ двѣ недѣли, а вернулся черезъ четыре мѣсяца!

— И разумѣется всей исторіи конецъ.

— Въ томъ то и дѣло, что она только что началась еще. Пріѣхалъ я, остановился въ той же саклѣ и диву дался—нѣтъ Ашхень. Спросить прямо—боюсь: догадаются. Наконецъ братъ ея разсказалъ мнѣ, что она выдана замужъ въ другое село за армянина-духаньщика, человѣка очень богатаго и стараго. Все ли благополучно у нихъ, спрашиваю—все, говоритъ. А мужъ ее любитъ?—Души не чаетъ. Ну, думаю, значитъ обошлось дѣло безъ драматической развязки. Какъ только узнала она, что я вернулся, тотчасъ же прикатила въ гости будто бы къ теткѣ. Ну, старыя отношенія, разумѣется, возобновились. Прожила недѣлю, назадъ ѣхать не хочетъ. Что мнѣ, говоритъ, съ старымъ да съ толстымъ возиться. Пропадай онъ совсѣмъ. Осталась на другую недѣлю. Наконецъ, смотрю, и самъ ея супругъ катитъ верхомъ на лошади, въ высокой персидской шапкѣ на затылкѣ, съ громаднымъ и толстымъ носомъ, блистающимъ, точно маковъ цвѣтъ! Неказистъ былъ. Увидѣла она его—затряслась даже. До того онъ ей отвратителенъ былъ. Впрочемъ, мы съ нимъ сразу поладили. Ему больше всего льстило, что съ нимъ русскій офицеръ знакомъ. Кунаками сдѣлались. Я его каждый вечеръ ромомъ напаивалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не уѣхалъ, оставивъ жену у насъ.

Однако какъ мы не миловались — а назадъ, къ законному супругу нужно ей было ѣхать.

— Да какъ же вы ее отпустили?

— А что же будете дѣлать! Вѣдь не на стѣны же лѣзть.

— Сами же говорите, что любили ее.

— Знаете, наскучать стала. Опять же—говорить съ ней не о чемъ.

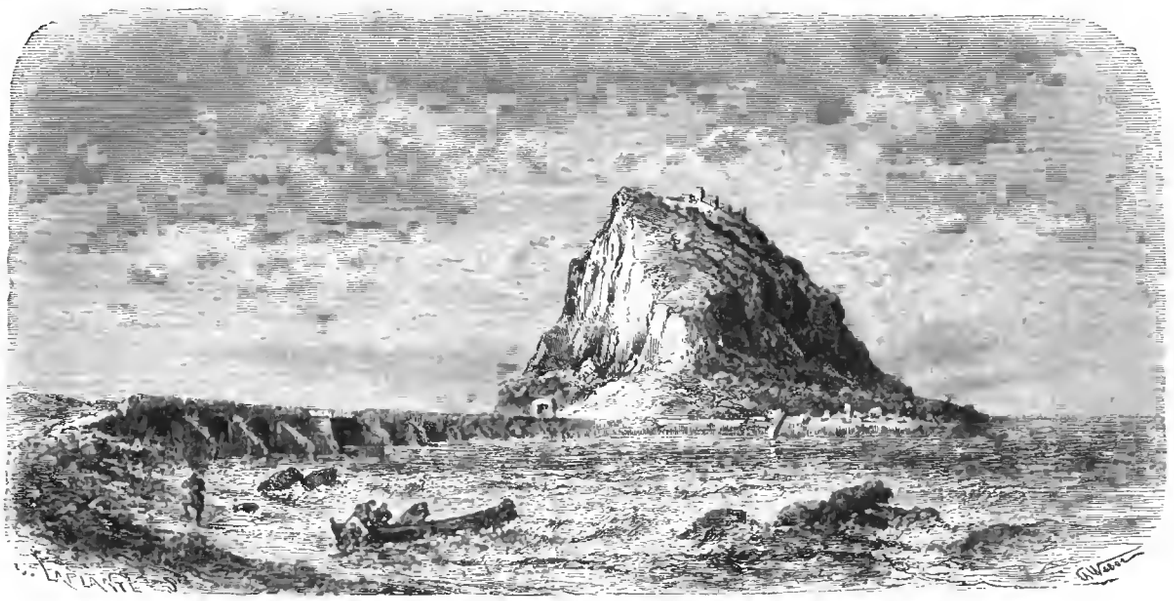
— Хорошъ же вы гусь!

— Что же дѣлать! всѣ—люди, всѣ—человѣки! Уѣхала она къ своему горбоносому Іованесу и съ мѣсяцъ ни слуху, ни духу о ней. Ни одной вѣсточки. Я ужь, признаться, думалъ, что „амуръ всѣ клятвы пишетъ стрѣлою на водѣ", да совершенно неожиданно изъ нашего села прислали за моей хозяйкой. Оказалось, что раба Божьяго Іованеса, велію восчувствовавшаго любовь къ кавказскому вину, пришибло ударомъ, и сей благородный отпрыскъ армянскаго населенія возлетѣлъ въ горнія, оставивъ женѣ громадное хозяйство и деньги. Не прошло и двухъ дней, какъ моя Ашхень прикатила къ намъ и опять поселилась въ одной саклѣ со мною. На людяхъ скучная, да суровая... Объ мужѣ, видите ли, сокрушается будто. А на единѣ со мною чуть не пляшетъ!..

— Ну, какъ же у васъ кончилось?

Библиотека "Руниверс"

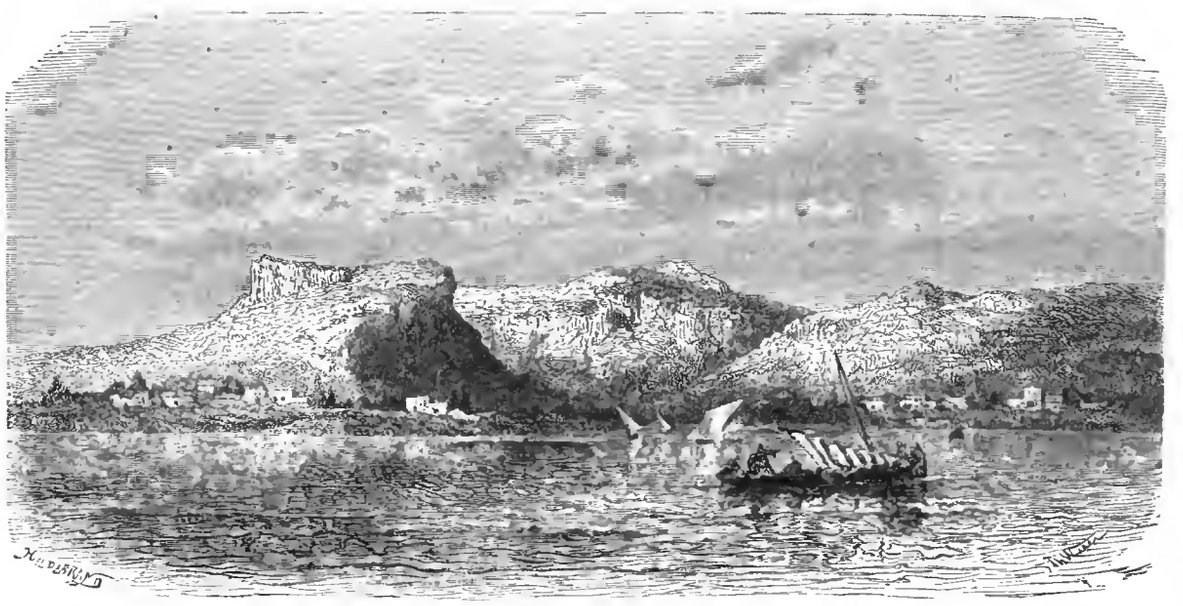
— Кончилось то... очень скверно кончилось!.. Какъ то глухо заговорилъ онъ. Вспыхнувшій огонь папиросы на минуту выдѣлилъ изъ мрака нахмурившееся лицо моего собесѣдника. Брови сдвинулись, глаза ушли какъ-то глубже, на губахъ ясное выраженіе какой-то старой, разомъ воскресившей грусти!



Островъ Монемвази (на югѣ Греціи) Рис. Веберъ. грав. Лапланть.

— Если тяжело—не говорите.

— Отчего же... Дѣло по мѣстнымъ правамъ обыкновенное! Хотѣлъ я года черезъ полтора разстаться съ ней. А нужно вамъ сказать, что мы уже въ то время въ Тифлисѣ жили, и приглядѣлъ я себѣ невѣсту, русскую. Образованная и симпатичная дѣвушка была! Надоѣла мнѣ моя Ашхень, страшно. Хотя и поздно, но сообразилъ я, что между нами вѣдь ничего общаго въ сущности нѣтъ. Сталъ я уходить изъ дому на цѣлые дни. Вернусь, бывало, поздно ночью—она не спитъ. Не упрекнетъ, не сдѣлаетъ сцены, на это восточная женщина не способна—плачетъ только цѣлые часы въ углу! Жаль мнѣ ее безконечно становилось, и опять я дѣлался съ нею ласковъ, порвать разомъ силы не было. Думаю—потѣшу бѣдняжку. Хуже, если сказать, будетъ плакать, какъ собака ластиться начнетъ. А этимъ знаете, онѣ и противны здѣшнія женщины. Она не полюбитъ васъ какъ равная равнаго, нѣтъ! Въ глаза всѣмъ смотритъ, къ вашимъ ногамъ прильнетъ, служитъ вамъ. Раба—рабой!.. Тоска даже отъ такихъ ласкъ нападаетъ, и не знаешь, куда дѣваться отъ нихъ! И вѣдь не говоритъ ни слова, между собою очень судачатъ еще, да и какъ, а замѣтила мущину — глаза въ землю, и молчокъ... Наконецъ рѣшился я порвать съ ней всякія отношенія и сталъ ѣздить еще чаще къ будущей своей невѣстѣ. Раза два мнѣ показалось, что Ашхень



Островъ Чериго (на югѣ Греціи). Рис. Веберъ, грав. Валь.

Библиотека "Руниверс"

слѣдитъ за мною, я какъ то видѣлъ ея лицо въ окнѣ, когда мы сидѣли вдвоемъ съ Анютой, въ ихъ уютной гостиной. Но я думалъ, что ошибаюсь. Пріѣду домой—сидитъ Ашхень въ углу, сидитъ неподвижно. Лицо точно деревянное — плакать уже перестала. Застыла! Привыкаетъ — предположилъ я и отъ души порадовался этому!..

жили, на отвѣсномъ обрывѣ берега р. Куры стоялъ, обрывъ былъ очень высокъ. Балконъ нашъ, или скорѣй открытая галлерея, огибавшая весь домъ вокругъ, надъ водою висѣла. Съ непривычки даже взглянуть внизъ страшно было! Тѣмъ болѣе, что тутъ, излучистая рѣка точно съ разбѣгу била въ глинистую стѣну и стремглавъ рвалась дальше... Вскочила моя Ашхень,

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Намѣстникъ Кавказскій,
Главнокомандующій Кавказской арміей. Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

— Однако все-таки много безсердечія надобно было для такихъ отношеній.

— Нѣтъ, это скорѣе мягкость характера, чѣмъ жестокость. Суровый человѣкъ оборвалъ бы разомъ...

— Да вѣдь это было бы легче ей!

— Попробовали вы? Я было ей намекнулъ разъ; такъ она знаете ли, какой фортель выкинула? Домъ, гдѣ мы

какъ съумасшедшая. Глаза какъ то округлились, носъ точно весь стянулся кверху, какъ у кошки, когда она взбѣсится и перегнувъ спину готовится кинуться на васъ. Ротъ весь перековеркало... „Слушай, говоритъ, правду ты говоришь!“ Была не была думаю, теперь или никогда: Правду!.. Какъ она швырнется черезъ перила, хорошо еще, что за поясъ удержалъ. Да еще злющая

Библиотека "Руниверс"

какая. Я ее назадъ тащу, а она мнѣ руки кусаетъ, за лицо царапаетъ! рычитъ на меня. Именно рычитъ. И не говоритъ вѣдь ни слова, и точно у нея въ горлѣ, что то перекатывается, хрипло, дико ужасно выходитъ. Меня холодомъ обдало! Разумѣется всѣ мои благія намѣренія къ чорту пошли. Сталъ я ее успокоивать, ублажать, шутками отдѣлываться... Но вѣрить должно быть не повѣрила, а застыла такъ. Съ этой поры вѣрно она и слѣдить за мной стала. Дня черезъ два, послѣ того какъ мнѣ показалось, что Ашхень смотритъ сквозь окно на меня съ невѣстой—день былъ ужасно знойный, и ночь стала душная... Я открылъ всѣ двери въ комнатѣ, и ту, которая на галлерею выходитъ. Весь противоположный берегъ Куры, какъ теперь помню, огоньками свѣтился. Еще и заснуть не успѣлъ, задремалъ только, какъ показалось мнѣ будто кто-то въ комнату проскользнулъ, точно бѣлый силуэтъ какъ-то на мгновеніе мелькнулъ въ двери. Кому, впрочемъ, быть, думаю, Ашхень спитъ у себя!.. Показалось!.. Задремалъ опять—и проснулся вдругъ и какъ проснулся. Что-то мягкое точно навалилось на меня — дышать не могу, головы изъ-подъ него освободить не въ силахъ. Всего, можетъ быть, секунды двѣ-три прошло, а мнѣ чортъ знаетъ за сколько времени показалось—наконецъ, удалось приподняться, смотрю; это Ашхень меня подушкою давитъ. Я такъ и обезумѣлъ весь. Всѣ вѣдь мы скоты! Вмѣсто того, чтобы почеловѣчнѣе поступить—вѣдь и она то, поди, измучилась вся, вѣдь и ей то не легко далось,—успокоить бы, а я, точно звѣрь, на нее кинулся, первый разъ въ жизни ударилъ женщину, а какъ ударилъ разъ, такъ словно мнѣ кровь въ голову бросилась. Не помню уже зачѣмъ я ее на полъ швырнулъ, ногами топтать началъ... Стыдно вспомнить... И за что ее... за что!.. Вѣдь это подло, низко, да?.. Нѣтъ, скажите... скверно это!

— Гадко! согласился я. Это—месть варвара. Не изъ самозащиты же вы ее топтать стали.

— Я и не оправдываюсь... Забылся. Кавказская жизнь того времени не особенно благопріятна была развитію тонкости и деликатности чувства въ человѣкѣ... Но повѣрите ли вы—она хоть бы пикнула... хоть бы слово. Молчитъ, точно я трупъ это волоку изъ конца въ конецъ по комнатѣ. И еще злѣе, еще бѣшенѣе сталъ я отъ этого. Если бы она заплакала, сказала что нибудь—разомъ бы отлило отъ меня; а то самъ я сознаю, что не правъ, самъ сознаю, что топчу ногами то, что цѣловалъ, что ласкалъ когда то, сознаю и чувствую, что окончить это силы во мнѣ нѣтъ и еще злѣе становился. неудержимѣе! Ну да что и толковать объ этомъ. Презираю я себя за ту ночь. Глубоко презираю, забыть не могу. Душитъ меня это воспоминаніе! И десятки лѣтъ пройдутъ—душить будетъ... Наконецъ бросилъ я ее... въ уголъ, какъ тряпку дрянную бросилъ, а самъ сѣлъ, куда попало и замеръ.

— Слушай, ты! тихо, тихо заговорила она..

А у меня и силы голову поднять нѣтъ.

— Слушай... Мужа своего, Іованеса, я также задушила... слышишь ли ты... также точно, подушкой... для тебя это сдѣлала... любя тебя... ненавистенъ онъ мнѣ былъ... его отъ ненависти... а съ тобой это сдѣлать хотѣла потому, что люблю тебя... больше жизни люблю!.. знала я все, и твою русскую знаю, къ которой ты ходишь теперь... Не скроешь отъ меня этого. Видѣла я ее... Не могу я, не могу видѣть тебя съ нею... Неудалось тебя погубить—себя не пожалѣю...

Слушалъ я ее, и точно во мнѣ отупѣло все... Только чувствую, что не смотря на теплую, душную ночь мнѣ холодно, а встать съ мѣста силы нѣтъ... Мысль не работаетъ... Равнодушіе какое-то ко всему.. Сидѣлъ такъ, пока не заснулъ. . Сколько времени проспалъ не знаю. Проснулся опять таки отъ того, что холодно стало... Пошелъ, улегся подъ одѣяло... Эхъ, да что тутъ разсказывать. Утромъ уже Ашхень у меня не было.!.

— Въ Куру бросилась?

— Нѣтъ, слава Богу.. Впрочемъ, чуть ли, еще не хуже вышло. Черезъ мѣсяцъ знакомые повстрѣчали ее въ одномъ изъ тѣхъ вертеповъ, которые, къ сожалѣнію, и въ Тифлисѣ завелись теперь... Встрѣтили ее пьяною, оборванною, грязною!..

— Совсѣмъ французскій романъ.

— Романъ, только не лживый.!.. Люди тутъ не шутятъ... И замѣтьте: здѣсь вовсе мелодрамы нѣтъ. Безъ слезъ—прямо, или съ другимъ покончутъ, или себя не пожалѣютъ.

Мы тихо шли назадъ. Горы точно сдвигались отовсюду, точно онѣ лѣзли на насъ спереди, съ боковъ... Ущелья казались все тѣснѣе, и тѣснѣе. Желтоватый лунный блескъ выхватывалъ изъ мрака то бѣлую скалу, то громадный тополь... А позади слышался все тотъ же плескъ и шумъ рѣки, глухо ворчавшей надъ тяжелою аркадой бѣлаго моста, казавшагося серебрянымъ отсюда...

В. Немировичъ-Данченко.

Старая быль о папѣ и султанѣ.

Вотъ что случилось лѣтъ 400 тому назадъ: второй изъ турецкихъ владыкъ Константинополя, Баязетъ II, началъ серьезно подозрѣвать брата своего Джема въ честолюбивыхъ замыслахъ. Джемъ заблагоразсудилъ устроиться такъ, чтобы султанъ могъ подозрѣвать его только *издали*, а потому и бѣжалъ въ 1482 году на островъ Родосъ. Папа Иннокентій VIII узналъ объ этомъ и сталъ настоятельно просить гроссмейстера ордена Іоанитовъ (имъ принадлежалъ о. Родосъ) выдать ему Джема. Гроссмейстеръ, наконецъ, согласился и въ 1489 г. выдалъ папѣ бѣглеца. Его святѣйшество *увѣрилъ* начальника Іоанитовъ, что будто бы Ватиканъ имѣетъ намѣреніе объявить Джема претендентомъ на турецкій тронъ и когда Джемъ будетъ падишахомъ, тогда, конечно, устранится опасность, грозящая христіанству со стороны турокъ. Папа умолялъ гроссмейстера (письмо это и до сихъ поръ существуетъ) исполнить его просьбу «ради великихъ страданій Спасителя», ради благоденствія всего міра христіанскаго... Злые языки того времени болтали, что на гроссмейстера сильнѣе всего подѣйствовало обѣщаніе папы дать за эту услугу кардинальскую шляпу. Какъ бы то ни было, но турецкій принцъ попалъ въ руки папы; объ этомъ, конечно, узнали, и вотъ, папскому легату въ Офенѣ пришлось выслушать отъ венгерскаго короля Матвея Корвина такое замѣчаніе: «Я навѣрно знаю, сказалъ король, что Баязетъ предложилъ папѣ за Джема 200,000 дукатовъ... Ну, и за эту сумму святой отецъ продастъ бѣглеца!»...—«Этого быть не можетъ, возразилъ легатъ, такъ какъ султанъ предлагалъ уже папѣ 600,000 дукатовъ»... (другого отвѣта, какъ видно, и не могъ дать папскій слуга!) Дѣйствительно, дѣло это не ладилось и между папой и султаномъ шли переговоры; наконецъ, они заключили такое условіе: султанъ будетъ платить папѣ ежегодно 40.000 дукатовъ, а папа обязывается держать Джема въ заключеніи. Однако, повелитель правовѣрныхъ былъ себѣ на умѣ; прежде чѣмъ уплатить первые 40,000 дукатовъ, осторожный магометанинъ послалъ въ Римъ своего довѣреннаго съ наказомъ —*лично убѣдиться* въ томъ, что Джемъ *живъ*»... Того—гляди — обманетъ онъ меня (думалъ Баязетъ); нѣдь можетъ быть, что брата давно въ живыхъ нѣтъ, а я буду платить каждый годъ такія деньги... За что же?»... Умеръ Иннокентій. но этотъ хорошенькій «гешефтъ» не пропалъ: преемникъ Иннокентія, папа Александръ VI, вмѣстѣ съ тіарой получилъ и *сорокатысячнаго* Джема. Вся эта исторія все таки тревожила султана, который зналъ, что братъ его *живъ*, да кромѣ того (по словамъ Гуріада) Джемъ былъ любимцемъ народа, пользовался расположеніемъ черни, словомъ — султанъ какъ бы видѣлъ надъ головой своей Дамокловъ мечъ. Разсчитывать на папу?.. Нѣтъ, и это не ладно, потому что папа могъ вѣдь найти выгоднымъ для себя воспользоваться такимъ претендентомъ... Какъ ни верти, а выходитъ, что гораздо лучше, надежнѣе было-бы *совсѣмъ* избавиться отъ братца... То, что творилось въ Римѣ при Александрѣ VI, позволяло султану надѣяться на успѣхъ своего предпріятія. Баязетъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ зналъ, что *тамъ* за золото все сдѣлаютъ. И что-же? самъ папа далъ первый толчекъ. Въ 1494 г. его святѣйшество увѣдомилъ султана, что король французскій, Карлъ VIII, идетъ на Римъ во главѣ большого войска и что этотъ король имѣетъ также въ виду овладѣть Джемомъ. При этомъ па-

Библиотека "Руниверс"

на просилъ Баязета, ради успѣшнаго отраженія непріятеля, замолвить слово венеціанцамъ и ужь кстати, хотя и ранѣе срока, уплатить за Джема причитающіеся ему, папѣ, 40000 дукатовъ. Папа велѣлъ нунцію своему намекнуть между прочимъ падишаху, что вотъ, молъ, египетскій султанъ тоже проситъ выдать ему Джема и предлагаетъ за это большія деньги, но что онъ, папа, на это не согласенъ, – напротивъ, его де святѣйшество готовъ съ своей стороны сдѣлать все, чтобъ закрѣпить дружбу свою съ его величествомъ султаномъ турецкимъ. Долгъ платежемъ красенъ,—султанъ въ отвѣтномъ своемъ посланіи любезно соглашается исполнить всѣ желанія папы, но, съ своей стороны, тоже обращается къ св. отцу съ двумя маленькими просьбами, а именно: просить дать Аральскому архіепископу кардинальскую шляпу, которая обѣщана была ему еще Иннокентіемъ VIII. И такъ, папа держитъ за деньги турецкаго принца, а кардиналы римской церкви обязаны саномъ своимъ ходатайству владыки магометанъ въ Европѣ!... И неужели такимъ друзьямъ не быть взаимно откровенными?... А вотъ и вторая «маленькая просьба» султана (въ томъ-же письмѣ отъ 18-го сентября 1494 г.)... «По здравомъ разсужденіи (пишетъ Баязетъ) съ посломъ Вашимъ, рѣшили мы, что для спокойствія; чести и выгоды Вашего папскаго величества, а равно и для собственной сатисфакціи моей, всего лучше было-бы спровадить Джема на тотъ свѣтъ, ибо оный Джемъ, находясь въ заключеніи, все равно не живетъ, являясь какъ-бы мертвецомъ. Если Вашему величеству угодно будетъ оказать намъ услугу въ этомъ (на что Мы, зная мудрость Вашу, вполнѣ расчитываемъ) то Ваше величество благоволитъ приказать въ наискорѣйшемъ времени, ради собственной своей и нашей сатисфакціи, избавить вышеупомянутаго Джема отъ тягостей земной его доли, помочь душѣ его переселиться въ міръ иной, гдѣ она обрящетъ успокоеніе. Если Ваше величество благоволитъ приказать исполнить это и пришлетъ намъ тотъ трупъ въ одинъ изъ пунктовъ по сею сторону нашего моря, то мы, султанъ Баязетъ II. обѣщаемъ доставить Вашему папскому величеству въ назначенный Вами пунктъ 300,000 дукатовъ на покупку помѣстій для сыновей Вашихъ. Мы прикажемъ вручить эту сумму Вашему повѣренному прежде, чѣмъ Ваши люди передадутъ помянутый трупъ по принадлежности моимъ людямъ. Обѣщаю при семъ Вашему величеству видѣть до конца дней моихъ великую и искреннюю дружбу съ Вашимъ величествомъ и пребываю, безъ всякаго лукавства въ сердцѣ, готовымъ къ услугамъ и благодарный Вамъ»... Затѣмъ слѣдуютъ клятвы и увѣренія въ правдивости всего изложеннаго. Папа не откинулъ такого милаго друга, но... Карлъ VIII успѣлъ занять Римъ и Александръ VI *долженъ* былъ выдать французскому королю несчастнаго Джема. Но его святѣйшество, желая остаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ «Константинопольскимъ другомъ», приказалъ отравить плѣнника... Джему дали выпить ядъ, и онъ черезъ нѣсколько дней умеръ, а затѣмъ трупъ его былъ отправленъ «по принадлежности». Относительно уплаты 300,000 дукатовъ прямыхъ указаній нѣтъ, но современные хроникеры утверждаютъ, что папа получилъ богатое вознагражденіе «за сію, учиненную имъ султану, сатисфакцію».

Щ.

Языкъ насѣкомыхъ.

Языкъ муравьевъ.—Совѣщанія и переговоры у пчелъ.—Языкъ жуковъ.

Уже въ глубокой древности жизнь насѣкомыхъ представляла одну изъ привлекательнѣйшихъ областей созерцанія природы; во всѣ времена созерцательные мудрецы страстно любили погружаться мыслью въ этотъ міръ миніатюрныхъ существъ, и затѣмъ извлекали какой-либо практическій урокъ, наставленіе. Многіе изъ учителей мудрости призываютъ своихъ согражданъ подражать въ прилежаніи муравью (напр. Соломонъ въ своихъ „притчахъ"). Аттическіе греки называли „пчелами" тѣхъ изъ своихъ геніальныхъ писателей, которые заботились о чистотѣ и выработанности языка. На сѣверѣ Греціи было даже цѣлое племя (въ періодъ Гомера), названное „мармидонянами" (μύρμηξ, муравей) что можно перевесть словами „муравьиное племя" и т. д. Словомъ, интересъ къ міру насѣкомыхъ, къ ихъ общежитію, былъ высокъ въ самой глубокой древности.

Міръ насѣкомыхъ. Какое богатое поприще сношеній, посредствомъ особаго, непонятнаго для насъ языка представляетъ онъ! Теперь уже представляется совершенно доказаннымъ, что нѣкоторыя изъ насѣкомыхъ *говорятъ посредствомъ звуковъ*. На головахъ другихъ находятся особыя *щупальца*, и этими щупальцами насѣкомыя могутъ вести взаимный разговоръ и дѣйствительно ведутъ (хотя правда, что щупальца эти служатъ и для другихъ цѣлей, кромѣ разговора). Бюхнеръ говоритъ: „Если два муравья заведутъ между собою разговоръ, вы сейчасъ увидите, что они становятся одинъ противъ другого, поднимая головы и при этомъ весьма энергично касаются одинъ другого своими весьма чувствительными и подвижными щупальцами ударяютъ другъ друга головами и пр. Этимъ способомъ разговора они дѣлятся между собою подробными сообщеніями и притомъ о вещахъ для нихъ извѣстныхъ и опредѣленныхъ, которыя они въ состояніи произвесть. Примѣровъ этого можно бы привести многое множество". Англичанинъ Джессе разсказываетъ: „Я часто приносилъ къ муравейнику маленькую зеленую гусеницу и клалъ ее на землю вблизи. На нее тотчасъ нападалъ муравей, силясь утащить ее въ муравейникъ, но не осиливъ своей ноши, обращался къ другому муравью, очевидно, прося о помощи. Между ними завязывался оживленный разговоръ, что было ясно изъ движеній ихъ щупалецъ. По окончаніи переговоровъ оба муравья вмѣстѣ направлялись къ гусеницѣ и общими усиліями втаскивали ее въ свое гнѣздо. Часто я наблюдалъ также, какъ два муравья встрѣчались вблизи своего гнѣзда. Они останавливались другъ противъ друга, взаимно касались щупальцами и, повидимому, вели переговоры—о чемъ? Имѣю достаточное основаніе утверждать, что рѣчь шла о лучшемъ пунктѣ склада фуража". Г. Гагуэ разсказываетъ въ своемъ письмѣ къ Дарвину, что разъ онъ раздавилъ пальцемъ небольшое число муравьевъ. Совершенная имъ казнь постигла муравьевъ на дорогѣ изъ отверстія, находившагося въ стѣнѣ, къ цвѣтамъ, стоявшимъ на каменномъ карнизѣ. Это путешествіе совершали муравьи каждый день, не стѣсняясь шероховатостью дороги. Но вотъ совершилась казнь, и муравьи, еще незнавшіе о ней, завидя трупы своихъ товарищей, тотчасъ возвращались, съ цѣлью извѣстить своихъ товарищей, еще незнавшихъ о катастрофѣ, чтобы они обходили опасный путь, а встрѣчавшіеся вступали въ короткій разговоръ, мѣнялись, какъ говорится, „парой словъ"; но все-таки и тутъ не вмѣстѣ пускались въ обходъ, а большею частью встрѣтившійся муравей оказывался свидѣтелемъ и ползъ на мѣсто самой катастрофы, чтобы самолично убѣдиться въ оной, и затѣмъ возвращался.

Случается, что два лагеря муравьевъ объявляютъ другъ другу войну, и вотъ тутъ-то идутъ предварительныя совѣщанія. Собирается военный совѣтъ, пока не начнется интересный походъ. Принятое на этомъ совѣтѣ рѣшеніе (какъ часто случалось наблюдать) муравьи сообщаютъ другъ другу. Если муравей голоденъ, то онъ выражаетъ свою потребность въ пищѣ, прикасаясь щупальцами къ своимъ товарищамъ. Это выраженіе потребности характеристическими жестами до того всеобще у насѣкомыхъ, что даже для безпомощной личинки это движеніе служитъ сигналомъ, чтобы она раскрыла ротъ для принятія пищи. Взаимное расположеніе или отвращеніе выражается у насѣкомыхъ также этими характеристическими тѣлодвиженіями, слѣдовательно, они составляютъ ихъ языкъ. Но затѣмъ нѣкоторые думаютъ, что, напримѣръ, муравьи обладаютъ еще языкомъ *звуковъ* или *тоновъ*, но до такой степени слабыхъ, что они недоступны для человѣческаго уха. Ученый наблюдатель Ландуа, авторъ книги „О голосахъ животныхъ", вышедшей въ свѣтъ въ 1874 г., путемъ прилежныхъ изысканій пришелъ къ убѣжденію въ звуковомъ свойствѣ языка муравьевъ. Онъ бросалъ, напримѣръ, въ муравейникъ большого, живого паука-крестовика. Въ этомъ случаѣ въ одно мгновеніе вся масса муравьевъ заволновалась съ такою поразительной быстротою, которую, по мнѣнію г. Ландуа, можно объяснить быстрымъ звуковымъ сообщеніемъ о врагѣ, неожиданно появившемся въ муравейникѣ. Масса муравьевъ опрокинулась на паука, и тогда завязался ожесточенный, смертельный бой, кончившійся, конечно, пораженіемъ паука. Г-ну Ландуа удалось даже открыть на задней части тѣла муравья особаго рода звуковой аппаратъ, или такъ называемый пилообразный органъ, способный издавать свистящій звукъ, подобный звуку пилы, рѣжущей дерево. У особаго рода муравьевъ (Ponera) наше ухо можетъ слышать этотъ звукъ, у другихъ же породъ не можетъ.

Такимъ образомъ у этихъ маленькихъ животныхъ существуетъ не только потребность взаимной передачи своихъ ощущеній—но и самая способность къ этой передачѣ, хотя эта способность у различныхъ породъ муравьевъ находится на различной степени развитія. Если гнѣздо муравьевъ рѣшается перемѣнить свое мѣстожительство, то при этомъ схватываютъ другъ друга за челюсти и ползутъ вереницей къ вновь избранному для жилья мѣсту, предводимые отыскавшими мѣсто лазутчиками. Такое явленіе замѣчается, впрочемъ, только у нѣкоторыхъ породъ, другія же породы условливаются къ переселенію посредствомъ знаковъ или жестовъ.

Гораздо больше, однако, имѣютъ значенія и дѣйствуютъ съ болѣе поражающимъ насъ совершенствомъ органы *пчелъ*, служащіе для передачи ихъ ощущеній. Правда, мы не понимаемъ языка пчелъ; во всякомъ случаѣ обширныя и основательныя изслѣдованія весьма твердо установили положеніе, что языкъ пчелъ въ высшей степени богатъ въ смыслѣ разнообразія взаимныхъ сношеній, совершаемыхъ посредствомъ этого языка. У пчелъ, безъ всякаго сомнѣнія, существуетъ стража, находящаяся во время лѣта и день, и ночь у входа въ ихъ жилища. Между разными обязанностями этой стражи существуетъ и обязанность передавать всѣ вѣсти внутрь жилья. По наблюденію де-Фравьера, голосовой звукъ, издаваемый пчелами, своео-

Библиотека "Руниверс"

бенъ къ разнообразнымъ изгибамъ и оттѣнкамъ, благодаря воздуховымъ отверстіямъ, находящимся на груди и задней части тѣла. Каждый подобный голосовой изгибъ имѣетъ свое особенное значеніе. Какъ скоро какая-либо пчела прилетаетъ съ важнымъ и новымъ извѣстіемъ, она изгибается тѣломъ, издаетъ два или три пронзительные звука и прикасается къ какой-либо изъ подругъ своими длинными, весьма чувствительными щупальцами (каждое изъ этихъ щупалецъ имѣетъ не менѣе 12—13 сочлененій). Эта подруга полученное ею извѣстіе подобнымъ же способомъ передаетъ дальше: затѣмъ третья пчела передаетъ дальше, пока сообщаемую новость не узнаетъ весь улей. Далѣе: если эта новость пріятнаго свойства, напримѣръ, что-нибудь въ родѣ открытія запасовъ сахара или меда, или поля, обильнаго медоносными цвѣтами—то по выслушаніи вѣсти, все въ ульѣ остается въ порядкѣ. Напротивъ, происходитъ большое волненіе, когда является сообщеніе о грозящей опасности, напримѣръ, о вторженіи въ улей какого-либо насѣкомаго не пчелиной породы. Повидимому, подобныя извѣстія сообщаются прежде всего царицѣ пчелъ, какъ важнѣйшему лицу въ пчелиномъ государствѣ.

Разговоръ пчелъ, безъ всякаго сомнѣнія, состоитъ и изъ *звуковъ* и изъ *тѣлодвиженій*, несомнѣнно также что посредствомъ этого разговора пчелы не только бесѣдуютъ между собою объ общихъ матеріяхъ, но и о предметахъ опредѣленныхъ, частныхъ и весьма различныхъ. Напримѣръ, открытіе гдѣ-либо сахару или другого запаса пчелиной пищи, сдѣланное какой либо пчелкой изъ улья влечетъ за собою полетъ цѣлаго роя голодныхъ пчелъ на мѣсто находки въ скоромъ времени часто на значительномъ разстояніи. Очевидно, что пчелка, первая сдѣлавшая находку, сообщила о ней подругамъ весьма полныя и опредѣленныя свѣдѣнія. Если поставить передъ ульемъ, какъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутый Ландуа, чашечку съ медомъ, то сначала вылетаютъ немного пчелъ; нѣкоторыя изъ нихъ возвышаютъ свой голосъ, производя звуки: „*тютъ — тютъ — тютъ*“? Этотъ звукъ довольно высокъ и напоминаетъ собою голосъ изловленной пчелы. На упомянутый зовъ „*тютъ—тютъ*„ вылетаетъ изъ улья большая толпа пчелъ, чтобы взять предложенный медъ. Если весною пчеловодъ хочетъ обратить вниманіе пчелъ, на поставленную вблизи улья воду (пчелы нуждаются тогда въ водѣ для приготовленія корма, когда начинается выводка, и нужно всегда стараться, чтобы вода была близко отъ пчелъ), то ему стоитъ только подержать передъ лоткомъ обмазанную медомъ палочку и перенести пчелокъ, сѣвшихъ на нее, къ тому мѣсту, гдѣ находится вода. Эти послѣднія, возвратясь въ улей, оповѣстятъ своихъ подругъ, что вода находится близко—и тогда уже весь улей будетъ летать къ водѣ.

Лучшее средство для взаимнаго пониманія у пчелъ заключается все-таки въ ихъ щупальцахъ и осязательныхъ волоскахъ, которыми онѣ прикасаются другъ къ другу, и притомъ весьма разнообразными способами. Лучше всего наблюдать эту „передачу впечатлѣній щупальцами“, въ то время, если взять изъ улья его царицу. Только по прошествіи извѣстнаго времени, приблизительно около часа послѣ похищенія, нѣкоторая часть пчелокъ замѣчаетъ, что въ ульѣ случилась катастрофа,—и эти пчелки перестаютъ работать, и только торопливо перебѣгаютъ по сотамъ туда и сюда. Но это дѣлаетъ только часть пчелокъ, первая извѣстившаяся о несчастіи. Скоро эти возбужденныя пчелы выступаютъ изъ своего тѣснаго кружка, въ которомъ вращались сначала. Ко всѣмъ встрѣчающимся имъ подругамъ онѣ слегка прикасаются щупальцами. Пчелы, получившія впечатлѣнія этого прикосновенія, дѣлаются вдругъ безпокойными, и сообщаютъ свое безпокойство и замѣшательство остальнымъ членамъ улья, тѣмъ-же путемъ. Смятеніе тогда все возрастаетъ и возрастаетъ, распространяясь съ одного сота на другой, покамѣсть наконецъ не произойдетъ всеобщее смятеніе во всемъ населеніи пчелинаго государства.

Совершенно сходныя наблюденія сдѣланы были и надъ жизнью и нравами жуковъ. Такъ называемые „жуки-гробокапатели“, подобно большей части своихъ сородичей-жуковъ, снабжены особымъ весьма развитымъ аппаратомъ, посредствомъ коего они могутъ производить *трескучій звукъ*, назначеніе котораго, между прочимъ, можетъ быть — созвать товарищей для отправленія общественной работы. Во всякомъ случаѣ жуки сообщаютъ другъ другу свои впечатлѣнія тоже посредствомъ щупалецъ. Это правило имѣетъ силу для всѣхъ жуковъ безъ исключенія, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ жуки употребляютъ свои щупальца, часто имѣющія весьма странную форму, для той же цѣли какъ муравьи и пчелы, т. е. для разговора, вѣроятно также и то, что характеръ сношеній жуковъ гораздо проще сношеній муравьевъ и пчелъ. Г. Гелитцъ писалъ къ доктору Бюхнеру изъ Марсевиля (въ Сѣверной Америкѣ) объ этомъ предметѣ слѣдующее; „Въ іюлѣ, минувшимъ лѣтомъ, я однажды нашелъ на моемъ участкѣ поля кучку свѣжей земли, подобную кучкѣ, вскопанной кротами около своихъ норъ. На этой кучкѣ трудился изъ всѣхъ силъ черный испещренный красными полосами жукъ, съ длинными ногами. Онъ старался оттащить землю отъ отверстія, ведущаго въ нору, которая находилась на возвышеніи, подобно штолькѣ,—и уравнять площадку около норы. Посмотрѣвъ нѣсколько времени на эту работу, я замѣтилъ другого жука той-же породы. Онъ притащилъ извнутри норы кучку земли, положилъ ее около отверстія и затѣмъ исчезъ снова въ норѣ. Добрыхъ четыре или пять минутъ первый жукъ, работавшій снаружи, продолжалъ свою работу. Но затѣмъ снова выползъ на свѣтъ

Народы Россіи. Чухонцы Петербургской губ. Рис. Валетъ, грав. Перишонъ

Библиотека "Руниверс"

Варыни дома нѣтъ! Картина Е. И. Бокса, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

божій жукъ, работавшій внутри норы и быстро подползъ къ своему товарищу. Оба они вытянули головы и, очевидно, вступили въ переговоры, потому что послѣ того они помѣнялись работой: первый жукъ уполз внутрь норы, а второй, работавшій въ норѣ, принялся за работу снаружи. Еще нѣсколько времени смотрѣлъ я на эти „горныя" работы и удалился съ мыслью: „а вѣдь и эти маленькія животныя такъ-же хорошо понимаютъ другъ друга, какъ и мы люди".

Перти разсказываетъ: „Въ саду къ майскому жуку, лежавшему на спинѣ, подползъ золотистый жукъ, намѣреваясь похитить его въ свое логовище и съѣсть. Но одинъ одолѣть лежащаго никакъ не могъ и отползши въ ближайшій кустарникъ, вскорѣ возвратился съ товарищемъ. Вдвоемъ они одолѣли майскаго жука и утащили его въ свою нору".

Вообще были наблюденія и надъ многими другими жуками разныхъ породъ, и замѣчено, что всѣ они призываютъ товарищей для помощи въ какой-либо трудной роботѣ. Самымъ поразительнымъ образомъ проявляется это свойство въ такъ называемомъ „священномъ" жукѣ (Atteuchus или Scrabeus Sacer). Извѣстно, что этого жука высоко почитали древніе, а египтяне даже воздавали ему божескія почести. Этотъ жукъ „Atteuchus" имѣетъ замѣчательное обыкновеніе—выдѣлывать изъ навоза или помета шарики величиною отъ 1 до 2 дюймовъ, въ которые онъ потомъ прячетъ свои яички. Эти шарики жукъ до тѣхъ поръ катаетъ по землѣ, пока они не сдѣлаются совершенно круглыми и твердыми и пока они не прикатятся на то мѣсто, гдѣ онъ намѣренъ ихъ зарыть. Но чтобы найти удобное для этого мѣсто, „священный„ жукъ часто совершаетъ многотрудныя странствованія и при этомъ съ большимъ пониманьемъ побѣждаетъ естественныя препятствія. Но случается иногда такъ, что шарикъ сваливается въ нору или скатывается на неровную почву въ такое мѣсто, которое не можетъ правиться жуку, а освободить шарикъ оттуда у жука часто не хватаетъ силъ, даже съ помощью его усердной и почтенной помощницы-супруги. И вотъ тутъ нашъ жукъ вдругъ оставляетъ свой шарикъ, растопыриваетъ крылья и поднимается на воздухъ. Если вы будете терпѣливы нѣсколько подождать на этомъ мѣстѣ, то увидите, что жукъ чрезъ нѣсколько времени возвращается, въ сопровожденіи двухъ, трехъ, четырехъ и даже пяти товарищей, и вотъ они, сообща, катятъ шарикъ на удобное мѣсто. Найдя это мѣсто, жуки останавливаются и начинаютъ копать землю своими передними заостренными ногами, служащими въ данномъ случаѣ вмѣсто лопаты. Выкопавъ достаточной глубины ямку, жуки опускаютъ въ нее шарикъ и зарываютъ землею...

Изъ множества добытыхъ учеными изслѣдователями фактовъ мы привели здѣсь самые простые и болѣе доступные обыденному наблюденію, съ тою цѣлью, чтобы выраженіе „языкъ животныхъ" не казалось вымысломъ и вздорною фантазіей. Это уже научно доказанный фактъ. Мы видѣли простыя средства этого языка: щупальца на тѣхъ насѣкомыхъ и отчасти звуковые органы.

Стихотвореніе.

Крылатый мигъ—блаженства краткій сонъ!
Какъ страждущей душѣ пріятенъ онъ!

Душа горитъ, восторгами полна,—
Ей пѣснь любви волшебная слышна...

Знакомый звукъ надежды веселитъ;
Въ глазахъ слеза невольная блеститъ,

О, какъ ты милъ, забытый сердцемъ звукъ,
Въ норѣ тоски, въ норѣ душевныхъ мукъ!

Къ больной душѣ слетаешь ты съ небесъ—
Блеснулъ—и вдругъ, какъ молнія, исчезъ!..

Ты—призракъ думъ и страсти молодой,
Ты—чудный сонъ поэзіи святой!

Ник. Б—скій.

Къ рисункамъ.

Греческіе острова Чериго и Монемвази.

Греціи принадлежитъ множество острововъ на моряхъ, окружающихъ ее. На помѣщенныхъ въ этомъ № рисункахъ представлены острова: Чериго (въ древности называвшійся Цитерою или Киѳерою и посвященный богинѣ любви) и Монемвази. Островъ Чериго лежитъ отдѣльно отъ другихъ, нѣсколько на юго-западъ отъ мыса Малеи. Это не болѣе какъ обширная скала, крутая, безплодная, выдвигающая во всѣ четыре стороны только одни обнаженные утесы, тянущіеся на пространствѣ 12 верстъ. Узкій проходъ между островомъ и материкомъ не всегда легко преодолѣваемъ. Если въ Архипелагѣ дуетъ сѣверный вѣтеръ, то суда принуждены бываютъ кидать якорь при входѣ въ заливъ Мараѳонскій и терпѣливо ждать часто по нѣсколько дней, когда вѣтеръ приметъ другое направленіе. Англичане, оставляя Чериго греческому правительству при уступкѣ Іоническихъ острововъ, ничего не потеряли, ибо этотъ островъ не представляетъ рѣшительно никакихъ выгодъ для его владѣльца.

На берегу, у подножія голой и сожженной солнцемъ скалы, бѣлѣется нѣсколько домиковъ, съ кровлями и террасами—вотъ все, что напоминаетъ древній Киѳеро, блаженной памяти.

Маленькій городокъ Св. Николо, столица этого острова,—безъ порта, безъ воды, безъ садовъ, безъ деревьевъ, можно сказать почти безъ жителей, еслибъ нѣсколько виноградниковъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, не показывали на этой землѣ признаковъ пребыванія человѣка.

Въ долинахъ, на отлогостяхъ менѣе испорченныхъ оврагами, скудный растительностью грунтъ земли доставляетъ немного ячменя и винограда. Нѣсколько маслинъ, согнутыхъ вѣтрами, даютъ масло, необходимое на потребленіе жителямъ острова.

По офиціальной переписи на островѣ Чериго числится 10,600 жителей, раздѣляющихся на 2,800 семей и почти столько же домовъ.

Сѣвернѣе, на 20 миль выше Малеи, лежитъ маленькій, возвышенный островокъ Монемвази. Съ юга, непрерывныя, обвалившіяся у подножія утесистой стѣны, кучи образуютъ отлогіе пороги, гдѣ растетъ нѣсколько малорослыхъ, жиденькихъ оливковыхъ деревьевъ. Совсѣмъ маленькій городъ, построенный на берегу моря соединяется съ материкомъ каменнымъ мостомъ въ 115 метровъ длиной; на его оконечности, со стороны острова, возвышается венеціанская башня, служащая обороной города. Надъ дверью башни вылѣпленъ левъ Святого Марка.

На вершинѣ горы острова живописно высятся старинныя укрѣпленія. Островъ Монемвази былъ однимъ изъ важныхъ военныхъ пунктовъ владычества Ахаіи, основанныхъ крестоносцами въ 13 вѣкѣ.

Вильгельмъ Виллехардуанъ, племянникъ знаменитаго лѣтописца, въ 1205 г. съ участіемъ Венеціанцевъ овладѣлъ этимъ островомъ послѣ трехлѣтней жестокой блокады. Снабженные съѣстными припасами жители надсмѣхивались надъ французами съ высоты скалы; но Виллехардуанъ повелъ правильную осаду, и воздвигнувъ три или четыре западни, родъ гигантскихъ пращей и началъ кидать на городъ цѣлые груды камней. Камни эти падали съ такою силою, что разбивали дома, разламывали городскія укрѣпленія и роняли стѣны. Въ концѣ третьяго года приведенные въ крайнюю бѣдность, принужденные ѣсть кошекъ и мышей, лишенные всего жители рѣшились покориться. Впослѣдствіи этотъ островъ, Монемвази, называвшійся прежде Мальвазія, подвергался еще четыремъ осадамъ и принадлежалъ три раза Венеціанцамъ. Послѣдняя, самая знаменитая, осада была въ 1821 году.

Въ то время большая часть турокъ восточной Мореи, застигнутые греческимъ возстаніемъ за свою независимость, укрывались на этомъ самомъ островѣ и здѣсь они были осуждены Кантакузеномъ, однимъ изъ лейтенантовъ принца Ипсиланти *). Въ то время турки, загубивъ въ самыхъ звѣрскихъ мученіяхъ всѣхъ грековъ, которыми они завладѣли, захвативъ ихъ на островѣ Монемвази, были принуждены потомъ поѣсть трупы своихъ узниковъ и своихъ собственныхъ дѣтей.

Въ настоящее время путешественникъ не находитъ ничего интереснаго на этомъ островкѣ. Прогулка по городу не представляетъ ничего любопытнаго.—Развалины, нѣсколько рѣдкихъ домиковъ въ два этажа, покрытыхъ черепицами, безформенные обломки—вотъ все, что представляется глазамъ путешественника. Нѣкоторые дома украшены архитектурными работами, напоминающими венеціанское происхожденіе, маленькая церковь, выстроенная французами и вполовину теперь разрушенная, надъ одной изъ лицевыхъ сторонъ ея двери сдѣланъ гербъ фамиліи Виллехардуанъ. На вершинѣ скалы тоже разбитые стѣны, да встрѣчаются стада козъ, а на горизонтѣ рисуется печальная, безплодная сторона.

Населеніе города съ каждымъ годомъ уменьшается и въ настоящее время онъ не имѣетъ въ себѣ болѣе 1,000 жителей.

Но все-таки за этими обоими островами остается прелесть ихъ внѣшняго вида—и мы находимъ небезъинтереснымъ дать имъ мѣсто на страницахъ „Нивы".

*) Греческая княжеская фамилія, происходящая отъ дома Комненовъ.

Библиотека "Руниверс"

Барыни дома нѣтъ!

Идетъ барыня по улицѣ, идетъ спокойно—вдругъ схватывается за карманъ. Лицо ея вытягивается, брови сдвигаются... „Ну—да! Забыла ключи!.. Экая напасть!“ чуть не вскрикиваетъ она среди улицы... „Вѣдь вотъ—второй разъ забываю! что за скверная память!.. А Татьяна моя ужь навѣрно около буфета... Воспользовалась ключиками-то! Поди-ужь и слизнула что-нибудь!.. И въ воображеніи барыни рисуется такая правдоподобная картина: Татьяна отворила завѣтный шкафчикъ, потомъ придвинула кресло, усѣлась, налила рюмочку вишневки (водой потомъ добавитъ, каналья!) и начала мокать сахарные сухарики... „Навѣрно сидитъ и мокаетъ!“ Эта картинка до того огорчаетъ барыню, что она рѣшаетъ немедленно вернуться домой. „Наливка-то крѣпкая, бормочетъ она—ужь выпей, выпей, милая, двѣ рюмки. Захмѣлѣешь, не услышишь, какъ я черезъ кухню пройду... А тутъ-то я тебя и накрою“!..

И Татьяна была накрыта!

— Ну, что мнѣ дѣлать съ ней? размышляетъ барыня. Отказать? жаль. Дѣвушка она все-таки хорошая, работящая, проворная... А ужь какъ крахмалитъ, какъ гладитъ—заглядѣнье! По своему она честная: ни копѣйки не стащитъ. Нарочно оставляла на столѣ нѣсколько монетъ—всегда все цѣло... А откажи ей, найми другую,—пожалуй попадешь изъ огня да въ полымя. Была у меня такая... Нѣтъ, буду ей давать по праздникамъ что-нибудь сладкое, а ключи,—непремѣнно всегда носить въ карманѣ. То-то вотъ и есть,—въ заключеніе вздыхаетъ барыня,—что всѣ мы любимъ сладенькое“!..

Трапезундъ.

Трапезундъ, по-турецки—Тарабозанъ, важный коммерческій портъ Турціи на Черномъ морѣ. Городъ построенъ между двумя высокими скалами. По своей хорошей гавани и счастливому мѣстоположенію, Трапезундъ служитъ главнымъ портовымъ мѣстомъ для торговли между Европою, Арменіей, Персіей и средней Азіей. Въ древности Трапезундъ былъ греческой колоніей. Въ 1204 году, по осадѣ Константинополя крестоносцами (французами и венеціанцами), Императоръ Алексѣй Константинопольскій, измѣнически завладѣвшій престоломъ брата своего Исаака, бѣжалъ изъ города и основалъ въ Азіи новое небольшое государство, столицей котораго избралъ Трапезундъ. Преемники Алексѣя присвоили себѣ императорскій титулъ и носили фамильное имя Комненовъ. Въ 1461 г. турки покорили Трапезундскую монархію. Императоръ Давидъ Комненъ былъ осажденъ въ своей столицѣ и не получивъ ни откуда помощи, принужденъ былъ сдаться. По приказанію Махомеда II онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ въ Адріанополѣ, въ 1462 году, а владѣнія его присоединились къ Турецкой державѣ.

Въ настоящее время Трапезундъ—главный городъ турецкаго вилайета (453 кв. мили простр.). Городъ Трапезундъ построенъ между двумя высокими скалами; въ немъ находятся—горная цитадель, корабельная верфь, заводы. Пароходныя линіи соединяютъ его съ Константинополемъ. Отъ Трапезунда ведетъ шоссе къ Эрзеруму, котораго укрѣпленія служатъ однимъ изъ главныхъ оплотовъ турокъ противъ русскихъ и персіянъ. Разстояніе между Трапезундомъ и Эрзерумомъ около 300 верстъ. По этому пути турки могутъ двигать подкрѣпленія къ Эрзеруму и оттуда къ Карсу. Отъ Трапезунда чрезъ Эрзерумъ и Баязетъ, идетъ транзитный путь въ Персію.

Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, въ Трапезундѣ множество рабочихъ занято выгрузкой крупповскихъ пушекъ, предназначенныхъ въ Эрзерумъ. Ежедневно прибываютъ свѣжія войска и немедленно отправляются въ дѣйствующую армію. Повсюду замѣчается кипучая дѣятельность.

„Горячо“!

Содержаніе картинки въ настоящемъ случаѣ опредѣляется однимъ словомъ: „горячо“. Барбосъ, какъ видно, вкушая предстоящее наслажденіе, горитъ желаніемъ опустить морду въ лоханку, но... слѣдуетъ подождать. Физіономія его даже комична. „Остается благоразумно выжидать, но ужь за то я первый начну!“... Такъ, повидимому, рѣшилъ этотъ умный песъ и устремилъ свой взглядъ въ пространство, что-бы напрасно не раздражать себя созерцаніемъ лоханки. Кошки тоже проголодались, но онѣ также весьма осторожны: обжечься не хочется, да и ворчанье Барбоса-эгоиста не совсѣмъ-то пріятно слышать. Однако, одна изъ нихъ, увлекшись, готова, кажется, цапнуть лапкой намѣченный кусокъ...

Чухонцы Петербургской губерніи.

Чухонцевъ въ окрестностяхъ Петербурга и въ уѣздахъ окружающихъ его, насчитывается до 70,000 душъ. Принадлежа къ одному и тому же финскому племени, они въ тоже время распадаются на нѣсколько ограслей. Главныя и болѣе замѣтныя изъ нихъ: Эйнермейны и Савакоты. Эйнермейны населяютъ окрестности Петербурга, преимущественно селенія: Мартышкино (за Екатерингофомъ), Дудергофъ, Ропшу, Ижору, Ліимле, на сѣверъ отъ Невы: Токсово, Вуолесъ, отчасти всѣ три Парголова и оттуда до границы Выборгской губерніи, около такъ называемой „Ольхинской“ бумажной фабрики. Савакоты-же разсѣлились почти исключительно въ Царскосельскомъ уѣздѣ, въ погостахъ или кирхшпиляхъ селеній Славянки и Сиворицъ. Эти финны, нѣкогда обращенные въ православіе, большею частью перешли потомъ въ протестанство. Языкъ, употребляемый ими есть тотъ же, на какомъ говорятъ въ восточной части Финляндіи, съ нѣкоторыми отступленіями.

Изъ особенныхъ обычаевъ, свойственныхъ Эйнермейнамъ, выдаются слѣдующее. Передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, Эйнермейны кладутъ ей въ чулокъ подъ лѣвую пятку серебряную монету и девять узелковъ, а подъ лѣвую пазуху девять пшеничныхъ зеренъ, вынутыхъ изъ ячейки мельничнаго камня. Это дѣлается для того, чтобы выразить желаніе, чтобы молодая женщина рождала *болѣе мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ*. Съ этою же цѣлью, какъ только невѣста взойдетъ въ домъ жениха, ей кладутъ на колѣни маленькаго мальчика и приговариваютъ: „Вотъ у тебя мальчикъ на колѣняхъ; будь же матерью девяти мальчиковъ и матерью одной дѣвочки“. По окончаніи церковнаго обряда вѣнчанія, начинается другая церемонія: женихъ и невѣста должны слѣдовать другъ за другомъ чрезъ три порога, — непремѣнно чрезъ три; по суевѣрію полагаютъ, что въ противномъ случаѣ, не миновать семейнаго раздора. Достойны еще вниманія у финновъ обряды, сопровождающіе нѣкоторые праздники въ году. Такъ, напримѣръ, наканунѣ Рождества Христова, въ сочельникъ, финны кладутъ на столъ каравай ржаного хлѣба, который долженъ пролежать на столѣ 6 дней непочатой, потомъ этотъ хлѣбъ прячутъ въ закромѣ, гдѣ хранится рожь, и берегутъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время пахать. Кромѣ хлѣба, должно быть у каждаго поселянина на столѣ мясное кушанье, вино и пиво въ такомъ количествѣ, чтобы 5—6 дней можно было угощать этимъ всѣхъ близкихъ родственниковъ. Новый годъ и день Богоявленія (Крещеніе) празднуютъ чухонцы такъ же какъ и рождество; а Свѣтлое Воскресеніе и Троицынъ день менѣе торжественны у чухонцевъ, чѣмъ повсемѣстно у другихъ христіанъ и у насъ, русскихъ, въ особенности. Въ эти дни молодые люди веселятся на качеляхъ; а въ первыхъ числахъ августа всѣ сколько-нибудь побогаче чухонцы, приглашаютъ къ себѣ друзей и родственниковъ на праздникъ жатвы и такъ же пируютъ, какъ въ самые торжественные дни. Ивановъ день въ чухонскихъ деревняхъ самый веселый изъ лѣтнихъ праздниковъ. Канунъ Иванова дня считается у многихъ суевѣрныхъ чухонцевъ днемъ чертовщины. У нихъ есть тоже повѣрье, что въ ночь на Ивановъ день открываются всѣ клады. Вечеромъ 23-го іюня чухонцы раскладываютъ и зажигаютъ на самыхъ высокихъ мѣстахъ костры. Пускаютъ также по озерамъ и по рѣкамъ зажженныя смоляныя бочки или кадки. Молодежь чухонская всю эту ночь проводитъ безъ сна, вокругъ пылающихъ костровъ, или въ гуляньѣ, въ танцахъ, въ играхъ, по островамъ или на большой дорогѣ.

Къ числу промысловъ, которыми заняты чухонцы, принадлежитъ извозничество въ Петербургѣ, во время масляницы. Къ этому времени тысячи чухонцевъ съ своими болѣе или менѣе разукрашенными дровнишками, запряженными ихъ круглыми лошадками съ колокольчиками, съѣзжаются въ столицу и разъѣзжаютъ по петербургскимъ улицамъ. Каждый чухонецъ, по окончаніи масляницы, увозитъ домой отъ 15 до 20 руб. Впрочемъ, съ масляницы настоящаго года они обложены за извозный промыселъ въ пользу городской думы податью.

Чухонцы несравненно больше могли бы имѣть выгодъ денежныхъ отъ своихъ молочныхъ скоповъ—молока, творога, масла, именно такъ называемаго „чухонскаго“, ежели бы были поопрятнѣе въ отношеніи къ своимъ молочнымъ произведеніямъ. Въ этомъ случаѣ они рѣзко отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Финляндіи. Нельзя не пожалѣть, что петербургскіе чухонцы также чужды той порядочности и аккуратности, какая видна у выборгскихъ и завыборгскихъ финновъ.

Внутреннія извѣстія.

Пожертвованія на санитарныя нужды дѣйствующей арміи идутъ и идутъ ото всѣхъ и отовсюду. Лазареты для раненыхъ и больныхъ воиновъ возникаютъ не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Перечислять всѣ пожертвованія—значитъ перечислять всѣ города и села со всѣми населяющими ихъ сословіями всей нашей русской земли. Дѣйствительно, вся Русь, какъ одинъ человѣкъ, отозвалась съ теплымъ чувствомъ на помощь борцамъ за угнетаемыхъ. Чиновники и служащіе разныхъ вѣдомствъ, ра-

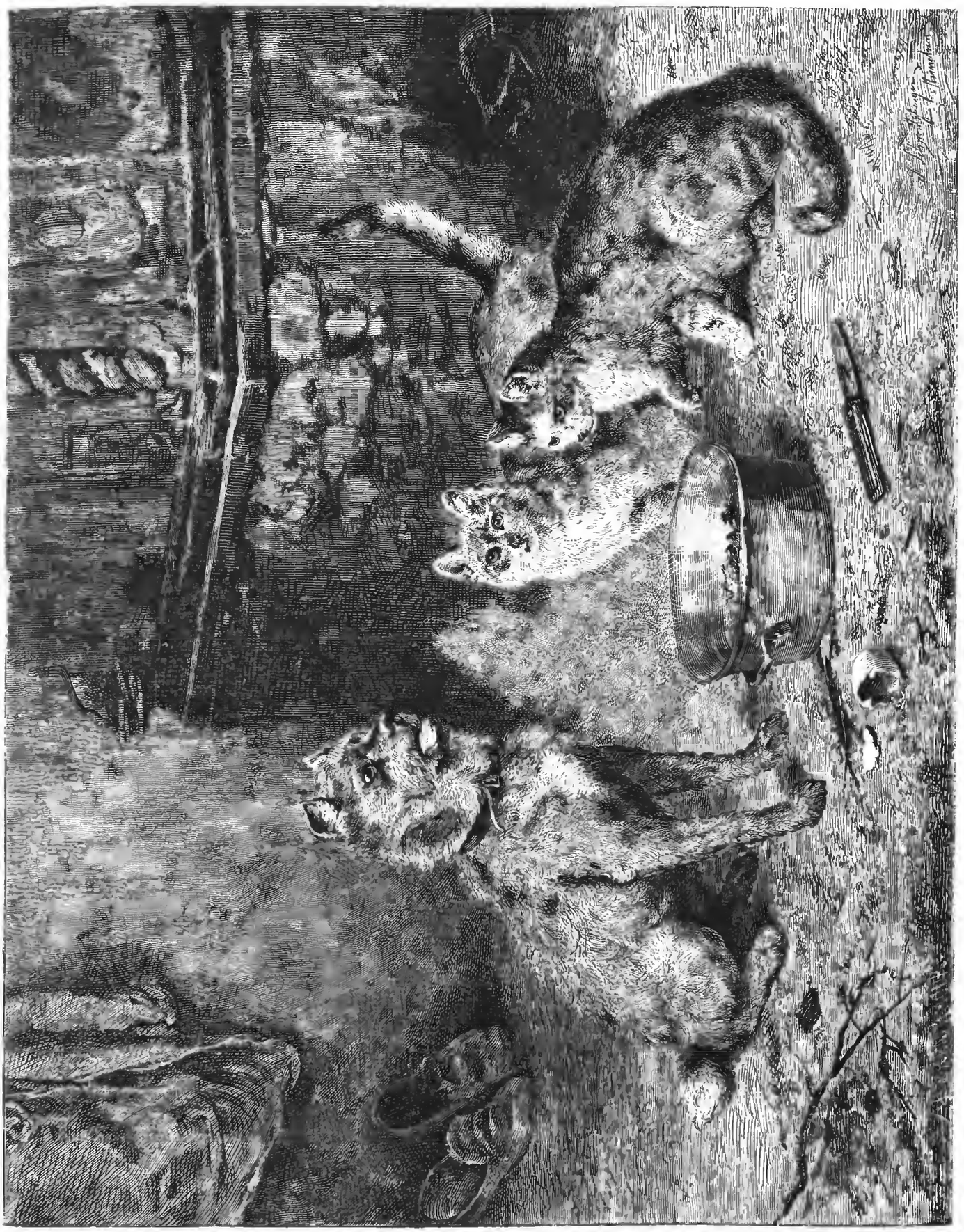
Библиотека "Руниверс"

бочіе на фабрикахъ и заводахъ—всѣ отчисляютъ посильный процентъ изъ своего жалованья; крестьянскія общества составляютъ приговоры жертвовать по стольку-то копѣекъ съ души; купечество, кромѣ разныхъ единовременныхъ жертвованій, назначаетъ на все время войны постоянный ежегодный взносъ двойного гильдейскаго оклада; дворяне-землевладѣльцы облагаютъ свои земли постояннымъ налогомъ съ каждой десятины; домовладѣльцы С.-Петербурга отчисляютъ нѣкоторый процентъ съ дохода отъ своихъ домовъ; воспитанники нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ свободное отъ занятій время приготовляютъ корпію для раненыхъ. Даже оренбургскіе мусульмане, и тѣ собрали въ своей средѣ нѣсколько пудовъ ветоши и 54 слишкомъ рубля деньгами. *Заботы* русскаго общества сосредоточены, однакожь, не на однихъ только больныхъ и раненыхъ: во многихъ мѣстахъ предпринимаются мѣры оказанія призрѣнія семействамъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ дѣйствующей арміи. Такъ, напримѣръ, Орловская городская дума постановила принять такія семейства подъ свое покровительство, выдавая ежемѣсячно пособія: женамъ по 3 руб., а на каждаго ребенка по 1 рублю; дѣтей же жителей города Орла, у которыхъ родители или попечители будутъ убиты на войнѣ, или вслѣдствіе увѣчья или равъ окажутся неспособными къ труду, считать дѣтьми г. Орла и впредь до усовершенствованія принять на счетъ города попеченіе о нихъ и образованіе ихъ.

Видъ крѣпости Трапезунда на турецкомъ берегу Чернаго моря. Съ фотографіи, грав. Вейерманъ.

Изъ всѣхъ городовъ Россіи вниманіе привлекаетъ теперь главнымъ образомъ *Одесса*, какъ пунктъ ближайшій къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Многіе изъ жителей оставили этотъ городъ, такъ что нѣкоторые дома совсѣмъ пусты и квартиры подешевѣли. Не-

Библиотека "Руниверс"



Горячо. Картина И. Шмитцбергеръ, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

давно въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» была публикація объ отдачѣ безплатно комнатъ! Торговая жизнь города смолкла; грузка хлѣба, шедшая бойко съ недѣлю назадъ, совсѣмъ прекратилась, и въ портѣ уже вѣтъ ни одного иностраннаго судна Весь городъ, особенно по набережной, полонъ военныхъ движеній; брандвахта и день, и ночь зорко слѣдитъ за появленіемъ всякаго судна на горизонтѣ, давая объ этомъ знать городу за цѣлыя три часа, прежде чѣмъ могло бы оно появиться у самаго порта. Съ баттарей почти каждый день идетъ учебная стрѣльба, и масса публики собирается поглядѣть, какъ попрыгиваютъ по водѣ на далекомъ семиверстномъ разстояніи пускаемыя ядра. Понятно, что все населеніе находится въ тревогѣ Студенты университета, числомъ до 140 человѣкъ взяли отпускъ, отложивъ экзаменъ до августа. Нѣкоторые изъ нихъ пошли въ братья милосердія. Выселившіеся изъ Одессы жители направились было по преимуществу въ Херсонъ, но тамъ, вслѣдствіе наплыва населенія такъ поднялись цѣны на всѣ жизненные припасы и квартиры, что поневолѣ многимъ пришлось или возвращаться обратно въ Одессу или избрать другой городъ. Для примѣра, какъ возросли тамъ цѣны, укажемъ хотя на хлѣбъ и мясо, которые продаются по 15 и 20 коп. за фунтъ.

Но посреди всѣхъ тѣхъ тревогъ и волненій настоящаго времени, внутренняя жизнь страны идетъ своей колеей, вызывая, какъ потребность, тѣ или другія общественныя учрежденія. Такъ, напримѣръ, на Волыни образуется *товарищество пчеловодства* на акціяхъ, цѣль котораго—устройство возможно большаго числа пасѣкъ и развитіе торговли медомъ. Въ Кіевѣ Комитетъ пчеловодства устраиваетъ *образцовый пчельникъ*, чтобы дать возможность желающимъ наглядно изучить правильный, раціональный методъ содержанія пасѣкъ, а также практическіе пріемы ухода и умѣнья пользоваться современными системами ульевъ.

Спасительный постъ, устраиваемый на Новой Землѣ, будетъ занятъ предварительно 8 семействами самоѣдовъ изъ Печерскаго края. На счетъ казны заготовляются для нихъ всѣ необходимые продукты продовольствія, даже ружья, порохъ и рыболовные снаряды. Для перевозки строеній, кирпича для печей, матеріаловъ, припасовъ строительныхъ, предполагается отправить съ открытіемъ навигаціи, кромѣ парохода, еще 5 судовъ.

Въ С.-Петербургѣ организуется *общество для содѣйствія женскому труду*. Дѣятельность этого общества будетъ состоять; 1) въ содѣйствіи къ выгодному сбыту работницами своихъ издѣлій; 2) въ распространеніи между работницами свѣдѣній объ усовершенствованіяхъ и открытіяхъ по различнымъ отраслямъ женскихъ ремеслъ; 3) въ улучшеніи быта работницъ черезъ доставленіе имъ дешевыхъ помѣщеній, и 4) въ оказаніи пособій работницамъ.

Для поощренія развитія промышленности въ Уссурійскомъ краѣ, разрѣшена правительствомъ *безакцизная* тамъ *добыча соли*.

Весна на югѣ уже во всей своей красѣ. Трехнедѣльные дожди прекратились, и растительность при прекрасной теплой погодѣ развилась быстро. Изъ самыхъ южныхъ губерній, прилегающихъ къ Черному морю, какъ то: Херсонской, Таврической, и Донской области, пишутъ, что урожай вообще предвидится хорошій; какъ озимые, такъ яровые хлѣба очень хороши; плодовыя деревья цвѣли и цвѣтутъ хорошо, въ особенности тернъ, груши, вишни, сливы и яблоки. Въ Полтавской, Кіевской и Подольской губерніяхъ рожь также очень хороша, но мѣстами повымокла отъ наводненія и отъ дождей. Скотъ и овцы пошли уже давно на подножный кормъ. Но въ Волынской губерніи значительная часть озимныхъ посѣвовъ (ржи и пшеницы) *сыпрѣла*, отъ бывшей въ ноябрѣ гололеди и весеннихъ снѣговъ. Озими *на половину* покрыты бурою грязью, т. е. сгнившими кореньями и листьями осеннихъ всходовъ, большинство крестьянъ перепахиваетъ, сѣетъ ячмень, но все это едва-ли поможетъ горю. Въ Орловской и Воронежской губерніяхъ во второй половинѣ апрѣля жаловались на дожди и холодные вѣтры, препятствующіе и посѣвамъ и росту хлѣбовъ. Изъ Саратовской губерніи извѣщаютъ напротивъ о благопріятной погодѣ для растительности, такъ что надѣются на хорошій урожай. Западъ-же и сѣверъ наши не очень еще давно освободились отъ холодной погоды. Въ Курляндіи, напр., съ 17 апрѣля потеплѣло было, а съ 20 снова сдѣлалось холодно. Однакожь озимыя поля начали уже зеленѣть, зелень появилась и на лугахъ. Раньше чувствовался недостатокъ въ дождѣ, а теперь началась дождливая погода. *Дожди* нынѣшней весной распредѣляются и идутъ въ такомъ-же направленіи по губерніямъ, какъ происходило наводненіе отъ разлитія рѣкъ, т. е. начавшись съ юга, шли на сѣверо-западъ, потомъ на сѣверо-востокъ и наконецъ на востокъ. Такъ, напр., въ Петербургской губерніи стояла погода все ясная, хотя и свѣжая, но безъ капли дождя; между тѣмъ какъ теперь, когда на югѣ дожди окончились, въ Петербургской и сосѣднихъ губерніяхъ пошли теплыя дожди, которые вѣроятно скоро вызовутъ на поляхъ запоздавшую зелень. Въ Москвѣ уже была большая гроза, а въ Петербургѣ слышался первый громъ 4 мая.

Только что открылась навигація по Волгѣ, какъ уже случилось два несчастія. Буксирный пароходъ, шедшій изъ Нижняго въ Рыбинскъ вслѣдъ за льдомъ съ баржею въ 5,660 пудовъ груза, состоящаго изъ овса и льняной кудели, поплатился этою баржею: ее раздавило льдомъ близь Юрьевца. Другой случай произошелъ около Казани, у города Свіяжска: столкнулись два парохода: «Матросъ» и «Заря»; отъ этого удара «Матросъ» потонулъ такъ глубоко, что не видно и мачты.

Точно также не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ. Такъ, на Либавско-Роменской 29 апрѣля произошелъ пожаръ въ воинскомъ поѣздѣ, въ которомъ перевозились артиллерійскія повозки. Огонь былъ потушенъ, но часть повозокъ сгорѣла; одинъ унтеръ-офицеръ получилъ обжоги. На Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ товарный поѣздъ сошелъ съ пути; во время подъема вагоновъ найденъ на рельсахъ трупъ задавленнаго вагонами неизвѣстнаго человѣка въ крестьянской одеждѣ. На Воронежской дорогѣ произошло столкновеніе поѣздовъ, причемъ убито 3 человѣка.

Политическія и военныя извѣстія.

Послѣднія извѣстія съ театровъ войны, какъ съ Закавказскаго, такъ и съ Европейско-турецкаго, свидѣтельствуютъ, что успѣхъ оружія и тамъ, и здѣсь на вашей сторонѣ; что наши войска тамъ и здѣсь твердымъ шагомъ идутъ впередъ, постепенно занимая весьма важные въ военномъ отношеніи пункты. Резюмируемъ это движеніе вкратцѣ, съ самаго вступленія нашей арміи въ предѣлы Турціи. На европейскомъ (Дунайскомъ) театрѣ войны пункты эти составляютъ: *Леово, Бештамы, Рени, Галацъ, Барбошскій* мостъ на *Серретъ* и *Браиловъ*. Эти пункты заняты передовыми эшелонами нашей арміи, имѣвшими движеніе нѣсколько къ западу отъ нижняго теченія Дуная. Но затѣмъ вновь подошедшіе эшелоны направились именно по нижнему теченію Дуная и заняли *Измаилъ* и *Килію*. На этомъ движеніи наступательныя операціи со стороны турокъ имѣли и имѣютъ въ настоящее время мѣсто только въ Браиловѣ, какъ это видно изъ нашихъ прошлыхъ обозрѣній.

Въ закавказской арміи наши войска перешли турецко-кавказскую границу *тремя* колоннами, изъ которыхъ каждая, при своемъ движеніи въ глубь непріятельской территоріи, занимала важные стратегическіе пункты. Припомнимъ, что Александропольскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова, составляющій здѣсь главныя наши силы, направился на *Карсъ*, Ріонскій корпусъ на *Батумъ* и Эриванскій отрядъ—на *Баязетъ*. При своемъ движеніи къ Карсу войска Александропольскаго корпуса захватили турецкіе посты, перешли *Мулла-Мусъ*, *Башъ-Шурагель Карсъ-Чай*, *Курюкъ-Дара* и *Суботонъ*, *Заимъ* и *Энги-Кевъ*. Эти пункты представляются на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга и почти одновременное занятіе ихъ нами объясняется тѣмъ, что Александропольскій корпусъ двигался къ Карсу двумя колоннами. Затѣмъ высланный вскорѣ изъ-подъ Энги-Кева нашъ кавалерійскій отрядъ прервалъ телеграфное сообщеніе между Карсомъ и Эрзерумомъ. За симъ генералъ Лорисъ-Меликовъ двинулся въ обходъ Карса къ *Визенкову* (къ юго-западу отъ Карса) съ 12 батальоновъ гренадеръ, 40 орудій и 5 сотенъ. И вотъ въ это-то время вышли изъ Карса 8 турецкихъ батальоновъ съ полевою артиллеріею и заняли сильную позицію, и наша артиллерія здѣсь завязала съ непріятелемъ перестрѣлку. Лорисъ-Меликовъ, оставивъ кавалерію у Вязникова, занялъ прежній лагерь у Заима (къ сѣверо-западу отъ Вязникова и значительно къ сѣверу отъ Карса) Наконецъ, войска Эриванскаго отряда безъ особыхъ препятствій заняли Баязетъ (городъ и цитадель); далѣе взятъ былъ *Кагысманъ* недалеко отъ р. Аракса, къ самой южной оконечности Карсскаго пашалыка, въ округѣ Казы. Послѣ взятія Кагызмана начались рекогносцировки окрестностей Карса, и на югъ, и на западъ, и на сѣверъ отъ него. Затѣмъ изъ дальнѣйшихъ дѣйствій наиболѣе важныя: Ахалцыхскій отрядъ направился къ *Ардагону*, а Эриванскій—къ *Діадину*. Затѣмъ генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, начальствующій Эриванскимъ отрядомъ, занялъ 26 апрѣля *безъ боя Діадинъ*. Изъ Александрополя извѣщаютъ, отъ 30 апрѣля, что непріятельская кавалерія, состоящая изъ горцевъ, разбѣжалась изъ Карса, въ числѣ 700 человѣкъ.

Еще болѣе неудачными турецкія операціи представляются въ послѣднее время на Дунайскомъ театрѣ войны. Въ прошломъ обозрѣніи мы сообщали о неудачныхъ попыткахъ турокъ бомбардировать Браиловъ. Недавно получено извѣстіе, что 29 апрѣля, во время жаркой перестрѣлки, большой турецкій трехъ-мачтовый броненосецъ *взорванъ нашими выстрѣлами* и *мгновенно* пошелъ *кодну*. Названіе броненосца «Литоп-Джелилъ». При этомъ капитанъ его Неджибъ-бей и 200 человѣкъ экипажа погибли. Бомба взорвала пороховую камеру. Успѣли спасти только 1 человѣка изъ погибавшаго экипажа.—Далѣе, ходятъ слухи, *не подтвержденные, впрочемъ*, что нѣсколько турецкихъ мониторовъ заперто нами въ Матчинскомъ рукавѣ (читатели припомнятъ описаніе этой мѣстности изъ прошлаго обозрѣнія: недалеко отъ Исакчи Дунай дѣлаетъ крутой выгибъ на востокъ и здѣсь находится Матчинскій рукавъ). Если это такъ, то военныя операціи турокъ уже теперь становятся крайне неудач-

Библиотека "Руниверс"

ями. Замѣтимъ здѣсь, что въ составѣ нашей осадной артиллеріи входятъ двадцати-четырехъ-фунтовыя пушки, шести и восьми-дюймовые мортиры и восьми-дюймовыя пушки. Противъ мониторовъ и броненосцевъ наши мортиры представляютъ страшное орудіе.

— Болѣе новыя извѣстія съ Закавказскаго театра войны слѣдующія: 30 апрѣля, вечеромъ, турецкая эскадра подошла къ *Гудаутамъ* (около 70 верстъ южнѣе Сухума), обстрѣляла это селеніе и высадила до 1,000 чел. прежнихъ переселенцевъ съ Кавказа. Съ нашей стороны, изъ Сухума, выслано къ р. Гумысту нѣсколько сотенъ казаковъ и милиціи. Генералъ-маіоръ Кравченко съ пѣхотою и орудіями расположился у Сухума. На другой день, съ 3 до 6 час. вечера непріятельскія суда бомбардировали *Очамчиры* (на берегу Чернаго моря, на 60 верстъ южнѣе Сухума) и повредили въ этомъ селеніи нѣсколько домовъ. 2-го числа турецкая эскадра изъ 6 судовъ держится противъ *Сухума*. Въ это же время наши моряки произвели отважный поискъ. Пароходъ «Константинъ», вышелъ изъ Севастополя, подошелъ къ Батуму, остановился въ 7 миляхъ отъ берега, выслалъ на рейдъ 4 миноносныхъ катера, которые аттаковали встрѣтившійся турецкій пароходо-фрегатъ. Подведенная мина, къ сожалѣнію, не разорвалась; но на фрегатѣ и на рейдѣ поднялась тревога, открытъ ружейный и картечный огонь, а также стрѣльба съ береговыхъ баттарей, такъ что отъ усиленнаго огня наши катера должны были разойдтись въ разныя стороны. Два изъ нихъ «Чесма» и «Синопъ» явились въ Поти, а другіе два успѣли скоро возвратиться къ пароходу «Константинъ», который благополучно пришелъ 3 мая съ разсвѣтомъ, въ Севастополь. Убитыхъ и раненыхъ при этомъ не было. Затѣмъ съ нашей стороны высланъ былъ изъ Очакова для крейсерства между Одессою и Очаковымъ пароходъ «*Аргонавтъ*», который подходилъ къ Сулинскому устью Дуная и засталъ тамъ 4 турецкихъ броненосца подъ парами. Броненосцы погнались было за «Аргонавтомъ», но скоро отстали, а нашъ пароходъ возвратился въ Очаковъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ, генералъ Лорисъ-Меликовъ подступилъ къ Ардагану 30 апрѣля и расположился близь *Хевасхяръ*. Авангардъ же Эриванскаго отряда занялъ (29) *Сурбъ-Аганесъ*. Окрестные курды явились сюда съ изъявленіемъ покорности.

— Его Высочество Главнокомандующій арміей недавно посѣтилъ *Плевны* (къ сѣв. отъ Бухареста). Здѣсь была устроена Его Высочеству торжественная встрѣча со стороны городскихъ властей и духовенства. Сюда же пріѣзжалъ привѣтствовать Его Высочество князь Карлъ Румынскій. Наши отряды еще не имѣли въ Румыніи никакихъ столкновеній съ турками. Румынскіе же отряды имѣли незначительныя перестрѣлки у *Виддина* и *Отельницы*. Погода стоитъ въ Румыніи жаркая, душная, но санитарное состояніе нашей арміи вполнѣ благополучно.

— Абдулъ-Керимъ-паша стягиваетъ войска съ Дуная къ Кюстенджи (портъ на западномъ берегу Чернаго моря, въ южныхъ предѣлахъ Добруджи)—съ какою цѣлью, это, по всей вѣроятности, скоро обнаружится.

— Наши войска устраиваютъ баттареи предъ Калафатомъ.

— Изъ Константинополя телеграфируютъ отъ 30 апрѣля, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ *три* англійскихъ офицера интендантскаго вѣдомства дѣятельно собираютъ справки относительно подробностей, касающихся провіанта и мѣстъ, удобныхъ для его храненія. Эти господа ежедневно ведутъ совѣщанія съ сераскиромъ (военнымъ министромъ) и, повидимому, довольны полученными свѣдѣніями. Англійскій уполномоченный въ Константинополѣ, Лейярдъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы *оживить настроеніе Порты*, обѣщая въ частныхъ бесѣдахъ съ турецкими министрами, что Англія *впослѣдствіи* (въ послѣднихъ числахъ іюня, по новому стилю) окажетъ Турціи помощь. Успѣхъ русскаго оружія, однако, скрыть невозможно, и въ Константинополѣ господствуетъ глубокое всеобщее уныніе. Столицѣ угрожаетъ голодъ. Цѣна на хлѣбъ превышаетъ 5 піастровъ за оку. Великій визирь Эдхемъ-паша еще разъ приказалъ губернаторамъ въ скорѣйшемъ времени внести въ казначейство деньги, произведя насильственные поборы. Денегъ, однако, никто не платитъ, потому что ихъ взять негдѣ. Турецкое правительство, въ виду предстоящаго бѣдствія, пускается на всевозможные фокусы. Такъ, недавно, турецкая палата одобрила постановленіе относительно взысканія съ владѣльцевъ недвижимой собственности за 4 года *впередъ*. Мечети уже отправляютъ все свое серебро для переплавки въ монеты.

— Въ маленькомъ греческомъ государствѣ продолжается тревога. Въ Ламіи ремонтеры производятъ закупку лошадей для греческой арміи. Недавно 500 офицеровъ и унтеръ-офицеровъ получили приказаніе возвратиться къ своимъ частямъ. Далѣе, здѣсь ежедневно производятся многочисленные аресты, потому что вооруженныхъ людей, отправляющихся за границу, обвиняютъ въ открытомъ разбоѣ и пиратствѣ. На о-вѣ Критѣ броженіе умовъ усиливается, и мусульманскія семейства массами выселяются въ Александрію. 1 (13) мая въ Пиреѣ происходило собраніе кандіотскихъ эмигрантовъ, торжественно поклявшихся «*освободить родину и сдѣлать ее счастливою, или умереть*».

— Англія довольно насильственно и безцеремонно (простымъ парламентскимъ актомъ) захватила богатую и промышленную Трансваальскую республику, на югѣ Африки.

— Турецкая газета «Vakit» напечатала рѣзкую статью, въ которой онъ призываетъ мусульманъ къ избіенію христіанъ. По этому поводу иностранные повѣренные обратились къ Портѣ съ энергическими представленіями. Даже туркофилъ Лейярдъ пригрозилъ, что если Турція допуститъ это, то онъ распорядится немедленно занять Босфоръ.—Русскіе подданные, живущіе въ Салоникахъ, Скутари и др. пунктахъ Албаніи, а также въ Трапезунтѣ, поставлены подъ защиту французскихъ властей. На послѣднемъ засѣданіи совѣтъ турецкихъ министровъ рѣшилъ, въ принципѣ, допустить пріемъ христіанъ въ ряды арміи. Множество волонтеровъ изъ армянъ принято уже въ малоазіатскую армію и въ войска, дѣйствующія въ Босніи.

Изъ телеграммы Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою арміею, видно, что 2-го мая пять турецкихъ броненосцевъ бомбардировали Сухумъ въ теченіе $2^1/_2$ часовъ; часть города значительно пострадала; но попытка дессанта блистательно отражена пятью ротами съ двумя орудіями. На улицахъ осталось много непріятельскихъ тѣлъ. У насъ ни убитыхъ, ни раненыхъ нѣтъ; шесть казаковъ безъ вѣсти пропали.

3-го числа непріятельскія суда продолжали стоять передъ Сухумомъ.

Отъ 5-го же мая—видно, что генералъ-маіоръ Комаровъ произвелъ рекогносцировку подъ Карсомъ съ 4 батальонами, 2 баттареями, дагестанскою конно-иррегулярною бригадою, 3 сотнями александропольскаго конно-иррегулярнаго полка и карапапахскою милиціею. Послѣднія двѣ части, шедшія впереди и на нашемъ лѣвомъ флангѣ, были сильно атакованы турецкими драгунами, въ числѣ до 1,000 человѣкъ, поддержанными 8 батальонами съ баттареею. На выручку были посланы 6 сотенъ дагестанцевъ. Произошло жаркое дѣло; дагестанцы дрались молодецки, бросившись въ шашки. Непріятель оставилъ на мѣстѣ 61 тѣла; кромѣ раненыхъ, взято 2 плѣнныхъ, много оружія и лошадей. У насъ убитъ 1 офицеръ и 20 всадниковъ; ранены 5 офицеровъ и 54 всадника. Въ числѣ раненыхъ, къ общему сожалѣнію, командующій дагестанскою бригадою Свиты Его Величества, генералъ-маіоръ Челокаевъ. Въ регулярныхъ нашихъ войскахъ потери не было.

Отъ 7 мая получено отъ Главнокомандующаго Кавказской арміи радостное извѣстіе о новой побѣдѣ. Крѣпость Ардаганъ (на лѣвомъ берегу р. Куры недалеко отъ Карса) съ 60 орудіями, огромными артиллерійскими и продовольственными запасами, лагеремъ 14 турецкихъ баталіоновъ и городомъ, взяты русскими войсками.

Новыя изобрѣтенія.

Недавно поступила въ торговлю особая изобрѣтенная въ Парижѣ бумага, посредствомъ которой легко можно узнать фальшивую подкраску вина. Это чувствительная, такъ называемая на химическомъ языкѣ реактивная бумага. Если смочить эту бумагу настоящимъ неподдѣльнымъ краснымъ виномъ, то она мгновенно окрашивается въ сѣровато-голубой цвѣтъ, а по высушеніи получаетъ свинцовый цвѣтъ. Но какъ скоро вино окрашено фуксиномъ или другою анилиновою краской—что, замѣтимъ кстати очень часто встрѣчается при фальсификаціи винъ—тогда описываемая бумага принимаетъ *карминно-красный* цвѣтъ. Случается, что вино бываетъ окрашено «Cochenille ammoniacale», тогда, при реактивѣ нашею бумагою она получаетъ блѣдно-фіолетовый цвѣтъ. Часто также фальсификаторы подкрашиваютъ вино бузиновыми ягодами, цвѣтами мальвы—и въ этихъ случаяхъ энокриновая бумага принимаетъ ярко-зеленый цвѣтъ; при окраскѣ вина кампешевымъ или лазоревымъ деревомъ получается цвѣтъ виноградныхъ выжимокъ; при окраскѣ фернамбуковымъ деревомъ и кошенилью—цвѣтъ грязновато-желтый, съ экстрактомъ—индиго-темно-голубой.

Манипуляція съ описываемою бумагой весьма проста. Кусочекъ энокриновой бумаги обмакиваютъ въ завѣдомо чистое не фальсифицированное вино и держатъ въ немъ приблизительно до 5 секундъ; затѣмъ, вынувъ, тщательно ее отряхиваютъ, чтобы удалить избытокъ пропитавшей бумагу винной жидкости; потомъ кладутъ этотъ кусочекъ энокриновой бумаги на бѣлую бумагу. Далѣе подобный-же кусокъ энокриновой бумаги обмакиваютъ въ вино, считающееся подозрительнымъ (держа въ немъ тоже около 5 секундъ). Этотъ кусочекъ, для сравненія, кладутъ рядомъ съ первымъ. Тогда различіе окрасокъ реактивной бумаги фальсифицированнымъ и настоящимъ виномъ дѣлается очевиднымъ даже для неопытнаго глаза. Увѣряютъ, что достаточно какой-нибудь стотысячной доли фуксина, заключающейся въ испытываемомъ винѣ, (или другомъ жидкомъ веществѣ) что-бы придать энокриновой бумагѣ ярко-фіолетовую окраску, тогда такъ большее содержаніе фуксина придаетъ ей темно-коришневокрасный цвѣтъ.

Изобрѣтатели «энокрина», французы Ленвиль и Рой, надѣются также найдти средство удалять изъ вина примѣшанный къ

Библиотека "Руниверс"

нему фуксинъ, безъ вредныхъ послѣдствіи для потребителей этого вина. Разумѣется, это открытіе было-бы истиннымъ благодѣяніемъ для потребляющаго вино человѣчества.

Новый препаратъ для намачиванія бумаги.

Новинка эта въ высшей степени практическая и должна по нашему мнѣнію, встрѣтить весьма сочувственный пріемъ въ публикѣ. Препаратъ служитъ для смачиванія копировальной бумаги, состоитъ изъ стеклянаго съ обѣихъ концовъ открытаго пріемника, на одномъ концѣ котораго, именно внизу, находится широкое отверстіе; къ этому отверстію прикрѣпленъ кусокъ тонкаго войлока; на другомъ, верхнемъ концѣ, пріемника находится другое маленькое отверстіе, закрывающееся пробкою; въ это отверстіе пріемникъ наполняютъ водою, который и всасываетъ войлокъ, лежащій внизу сосуда. Какъ скоро этотъ войлокъ въ достаточной степени всосетъ въ себя воду—закрываютъ отверстіе. Подъ войлокъ кладется бумага, которую желаютъ смочить. Такъ какъ вслѣдствіе недостаточнаго притока воздуха въ сосудъ, его давленіе бываетъ слабое, то понятно, что вода выступаетъ изъ войлока медленно и лежащая подъ войлокомъ бумага смачивается весьма равномѣрно (подобно смачиванію кистью). Если долго не впускать воздуха, то войлочная пластинка дѣлается даже нѣсколько сухою и не отдѣляетъ воды на лежащую подъ нею бумагу. Но достаточно открыть верхнюю пробку и впустить въ сосудъ воздухъ,— подъ давленіемъ послѣдняго войлокъ снова всасываетъ воду и отдѣляетъ ее на бумагу. Этотъ аппаратъ, повторяемъ, весьма практичный.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Сѣвскъ Ал. Р—ой. Напрасно вы такъ настойчиво просите отвѣта на такіе стихи:

Всѣ люди ищутъ совершенства,
Они жъ едва-ль его найдутъ,
Ихъ заблужденья недостойно
Хотя они къ нему идутъ

Въ чемъ ищутъ люди совершенства, *какое* ихъ заблужденіе, *чего* оно недостойно? Вотъ сколько вопросовъ является при чтеніи вашихъ писаній, лесьмъ (извините за правду) малогрямотныхъ.

Или, вотъ еще примѣръ. Вы спрашиваете:

Люди, скажите, какъ живете
Между собой вы *на землѣ*?

Что же вамъ на это отвѣтить: живемъ, слава Богу, помаленьку. Вы гдѣ поживаете?

СОДЕРЖАНІЕ: **Кавказскія ночи.** (Разсказъ изъ восточныхъ нравовъ) **Немировича-Данченко** (съ рисункомъ).—**Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Намѣстникъ Кавказскій, Главнокомандующій Кавказской арміей** (портретъ).—Старая быль о шахѣ и султанѣ.—Языкъ насѣкомыхъ.—Стихотвореніе **Ник. Б—скаго.—Греческіе острова Чериго и Монемазии** (съ 2-мя рисунками).—**Барыни дома нѣтъ!** (съ рисункомъ).—**Трапезундъ** (съ рисункомъ).—**«Горячо»** (съ рисункомъ).—**Чухонцы Петербургской губерніи** (съ рисункомъ).—Внутреннія извѣстія.—Политическія и военныя извѣстія.—Новыя изобрѣтенія.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ВЪ ТЕКУЩЕМЪ ГОДУ.

Съ 1-го мая текущаго года мы открываемъ новую ежедневную газету, при ближайшемъ сотрудничествѣ **В. Ѳ Корша** и **А. А. Головачева.**

Въ наше трудное время въ виду войны, глубоко затрагивающей съ разныхъ сторонъ наши государственные и общественные интересы, въ виду назрѣвающихъ внутреннихъ вопросовъ, нельзя очертить въ немногихъ словахъ разнообразныя и сложныя задачи, которымъ должна служить ежедневная печать. Внутренній смыслъ и ближайшія цѣли нашего изданія—путеводная нить его, безъ которой общественная дѣятельность обращается въ безцѣльное блужданіе изъ стороны въ сторону—будутъ выяснены самымъ дѣломъ, тѣми соображеніями и свѣдѣніями, которыя найдутъ мѣсто на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» Мы можемъ только сказать, что прежде всего желаемъ положить основаніе серьезному и полному въ фактическомъ отношеніи органу, въ которомъ люди мысли и дѣла могли-бы встрѣчаться и высказаться въ смыслѣ насущныхъ пользъ и лучшихъ стремленій русскаго государства, общества и народа.

Программа нашего изданія обнимаетъ всѣ живые интересы современности. Политика и литература займутъ въ немъ господствующее мѣсто. Мы будемъ слѣдить внимательно, какъ и за событіями военными и политическими, такъ и за движеніемъ науки и литературы, въ нашемъ отечествѣ и на Западѣ Современныя событія и направленія въ славянскомъ мірѣ будутъ предметомъ особеннаго вниманія редакціи, поскольку они соприкасаются съ понятыми вдраво интересами нашего отечества к всего славянства, и съ задачами общечеловѣческой образованности.

Слѣдующія лица сочувственно обѣщали намъ свое сотрудничество: **К К Арсеньевъ, А Н Бекетовъ, С. К Крюкова, князь А. И. Васильчиковъ, З. К. Ватсонъ, А. Н. Веселовскій, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, В И. Герье, Д. К. Гирсъ** (корреспондентъ «Сѣвернаго Вѣстника на Дунаѣ), графъ **А. А Голенищевъ-Кутузовъ, Ю. Ю. Гибнеръ, К Д Кавелинъ, П. П. Казанскій** (проф. Военной Академіи), **Н. П. Колюпановъ, Е Ѳ. Коршъ, Н. И. Костомаровъ, В А. Крыловъ, Ц А. Кюи, В Ѳ. Лугининъ, О. Ѳ Миллеръ,** проф. **И П. Минаевъ, Б. А. Павловичъ, П. Н Полевой, Л. А. Полонскій, А. Н. Пыпинъ П. А. Ровинскій, В. Д. Спасовичъ, В В Стасовъ, В Я Стоюнинъ, И М. Сѣченовъ, И. С. Тургеневъ. А. М. Унковскій. Е. И. Утинъ,** проф. **А. С. Шляревскій, Ю. Э. Янсонъ** и др

Читатели упраздняемаго «Судебнаго Вѣстника» найдутъ въ новомъ изданіи статьи и замѣтки юридическаго содержанія, отчеты о замѣчательныхъ процессахъ, русскихъ и иностранныхъ, и необходимую справочную часть этой газеты.

Первый листъ «Сѣвернаго Вѣстника» выйдетъ 1-го мая.

Редакторъ **В. Д. Рычковъ.**

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ газеты, при книжномъ магазинѣ **Н. И Мамонтова** (Невскій проспектъ, д. № 46, противъ Гостинаго двора), и въ книжномъ складѣ при типографіи **М. Стасюлевича** (Вас. Остр., 2 л., д. № 71.

ВЪ МОСКВѢ: въ книжныхъ магазинахъ: **Ѳ. И. Салаева, И Г. Соловьева** и **Н И Мамонтова.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на «Сѣверный Вѣстникъ» принимается на **восемь мѣсяцевъ текущаго года.** Желающіе подписаться на газету платятъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На 8 мѣсяцевъ	10 р. 50 к.	11 р. 50 к.	13 р. — к.
7 »	9 » 50 »	10 » 50 »	12 » — »
6 »	8 » 50 »	9 » 50 »	10 » — »
5 »	7 » — »	8 » — »	9 » — »
4 »	5 » 50 »	6 » 50 »	7 » — »
3 »	4 » 50 »	4 » 80 »	5 » 50 »
2 »	2 » 80 »	4 » 30 »	4 » — »
1 »	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » 50 »

Примѣчаніе 1. По соглашенію съ конторою допускается разсрочка подписной суммы.

Письма и деньги просимъ адресовать въ контору газеты въ С.-Петербургѣ.

Подписчики «Судебнаго Вѣстника» получаютъ газету **безплатно** въ теченіе тѣхъ сроковъ, на которые они подписались.

Примѣчаніе 2. Справочная часть судебнаго отдѣла нашей газеты будетъ содержать: а) своевременно сообщаемые списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ и С.-Петербургскихъ Судебной Палатѣ, Окружномъ и Коммерческомъ судахъ, а также въ Столичномъ Съѣздѣ Мировыхъ Судей.

б) Краткія извѣщенія о состоявшихся резолюціяхъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената и С.-Петербургской Судебной Палаты.

в) Еженедѣльныя (по понедѣльникамъ) извлеченія изъ сенатскихъ объявленій—свѣдѣній о лицахъ, вызываемыхъ къ суду, объявленныхъ несостоятельными должниками, и о заочныхъ рѣшеніяхъ. Кромѣ того, газета будетъ сообщать періодически (за 2 или 3 мѣсяца) свѣдѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ, рѣшаемыхъ кассаціонными департаментами Правительствующаго Сената 2—1

ВЫШЕЛЪ И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ № 4-Й ЖУРНАЛА:

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Контора въ СПб., на Невскомъ, при магазинахъ, „Русской книжной торговлѣ“, д Армянской церкви.

«Семья и Школа»—иллюстрированный журналъ общественнаго и домашняго воспитанія и обученія—выходитъ ежемѣсячно, въ годъ 22 книги, по 8 листовъ каждая, *12 книгъ*—**„семейное чтеніе»**—содержатъ: повѣсти, разсказы, путешествія, игры, занятія, задачи и пр. для дѣтей и юношества до 18 лѣтъ. *10 книгъ*—**„для родителей и воспитателей“**—содержатъ руководящія статьи для физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія; критику и библіографію педагогическихъ сочиненій. Обзоръ дѣятельности педаг обществъ въ Россіи

Въ 4-хъ вышедшихъ нумерахъ помѣщены статьи: въ **«Семейномъ чтеніи»** (на 35 листахъ) гг. Анненской, А. Баталина, К. Вебера, Отца Жени, А. Круглова, О. Квчулковой, А Потѣхина, А. Плещеева. Е. Соловой, Я Старостина, А. Оболенскаго, Юл. Симашко и др.

Въ Отдѣлѣ **«Родителямъ и воспитателямъ»** помѣщены статьи М. Антоновича, Н. Добольскаго, В. Жука, Ельницкаго, Н. Малинина, С. Миропольскаго, Карелцкаго, А. Ткачева и мн. др. Библіографія и задачи по математикѣ составляются постоянными сотрудниками.

Подписная цѣна на годъ—12 р. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе нумера, начиная съ 1-го и со всѣми приложеніями.

Издатель **К. Краевичъ.** Редакторъ **Юл. Симашко.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ КОМИТЕТА О РАНЕНЫХЪ

Главнѣйшій источникъ денежныхъ средствъ Комитета о Раненыхъ, на обязанности котораго лежитъ возможное обезпеченіе участи невмущихъ раненыхъ воиновъ и ихъ осиротѣвшихъ семействъ, составляютъ инвалидный капиталъ и его доходы, въ составъ которыхъ поступаютъ и жертвуемыя въ пользу инвалидовъ суммы.

Изъ этихъ средствъ производятся пенсіи, выдаются пособія, воспитываются дѣти и призрѣваются въ богадѣльняхъ инвалиды. Тѣмъ или другимъ изъ этихъ видовъ призрѣнія пользуется въ настоящее время 33,000 лицъ.

Хотя средства Комитета и достаточны для выполненія производящихся уже расходовъ, но неизбѣжная прибыль раненыхъ, вслѣдствіе нынѣшней войны съ Турціею, несомнѣнно увеличитъ расходы Комитета и, можетъ быть, въ такой мѣрѣ, что онъ встрѣтитъ затрудненіе въ оказаніи безотлагательной помощи подлежащимъ его покровительству раненымъ воинамъ и ихъ семействамъ.

Въ минувшую восточную войну по Комитету о Раненыхъ поступило пожертвованій, отъ частныхъ лицъ, до 600,000 рублей.

Въ виду такой готовности нашего общества помогать воинамъ, жертвующимъ своею кровію и жизнію за честь и безопасность отечества, Комитетъ о Раненыхъ надѣется, что и въ настоящее время, точно такъ-же какъ и въ Крымскую войну, Общество по откажетъ въ своемъ участіи *въ обезпеченіи участи этихъ воиновъ и ихъ семействъ*, и потому доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что пожертвованія *въ пользу раненыхъ воиновъ и ихъ семействъ принимаются въ Комитетѣ, ежедневно*, не исключая и праздничныхъ дней, и что таковыя пожертвованія *могутъ быть вносимы также во всѣ мѣстныя казначейства* Министерства Финансовъ, которыя обязаны принимать пожертвованія и передавать въ распоряженіе Комитета о Раненыхъ.

Комитетъ помѣщается на Надеждинской улицѣ, въ домѣ подъ № 9, кв. 5.

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ
— НЕОБХОДИМЫЙ СПОСОБЪ —

для истребленія насѣкомыхъ вообще и клоповъ, во всѣхъ мѣстахъ ихъ нахожденія, безъ всякихъ порошковъ, жидкостей и составовъ—единственно лишь силою пара. Изготовленіе и продажа разрѣшена Г. Спб. градоначальникомъ. Цѣна съ пересылкою **2 руб.** Косметическій и благовонный магазинъ А. Штейнберга Невскій пр. д. Казанскаго собора № 25. 1

МАГАЗИНЪ
А. А. БЕТЦЪ.

С.-Петербургъ Гостиный дворъ Первая линія № 20
ПОЛУЧИЛЪ МОДНУЮ
Синелевую бахрому, прошивку съ синелью, тесьму кашемиръ. 1

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
БЕЗВРЕДНАЯ

Орѣховый экстрактъ въ одномъ флаконѣ новая безвредная краска краситъ каждый волосъ въ нѣсколько минутъ въ прочный черный, коричневый и свѣтлорусый цвѣтъ волосъ (blond.). Цѣна съ пересылкой 3 руб.

О—ДЕ—КАПИЛЬ НЕ КРАСКА

Извѣстный своимъ удивительнымъ дѣйствіемъ возвращаетъ каждой сѣдинѣ ея первобытный юношескій цвѣтъ волосъ съ пересылкой 2 руб Благовонный магазинъ А. Штейнберга Невскій проспектъ въ домѣ Казанскаго собора № 25.

НОВАЯ КНИГА
„ПАРИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВѢ“

соч. Жаколіо, пер. съ французскаго, изд Л. П Нивфорова. Книгопродавцамъ обычная уступка. Главный складъ изданія: Новый пер., типографія Ц. Ѳ. Демакова и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ. 2—2

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 13 Мая 1877 г. Тип. Бирюкова. Адмиралт. № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 21 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 23 Мая 1877 г.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, князь Николай Ѳедоровичъ Масальскій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, князь Николай Ѳедоровичъ Масальскій родился въ 1812 году. Воспитаніе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и окончилъ курсъ первымъ, съ занесеніемъ фамиліи на золотую доску. Выпущенъ офицеромъ въ 1829 году. Поступивъ затѣмъ въ артиллерійскую Академію и окончивъ ее въ 1832 г., былъ прикомандированъ къ С.-Петербургскому арсеналу. Въ 1836 году произведенъ въ поручики, съ назначеніемъ въ 1-ю артиллерійскую бригаду. Въ слѣдующемъ году участвовалъ въ экспедиціи на Кавказѣ и былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Въ 1839 году былъ причисленъ къ нашему посольству въ Персіи и за успѣшное исполненіе порученій, по возвращеніи въ Россію, произведенъ въ капитаны, а отъ Шаха получилъ орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Въ 1844 году произведенъ въ полковники, а въ 1849 году назначенъ командиромъ 2-й легкой артиллерійской бригады. Въ 1852 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ 5-й артиллерійской дивизіи, затѣмъ, по разстроенному здоровью, въ продолженіе 5 лѣтъ, находился въ отставкѣ. Поступивъ снова на службу, получилъ назначеніе начальника артиллеріи Варшавскаго округа. Въ 1865 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты и два года спустя назначенъ начальникомъ артиллеріи С.-Петербургскаго округа, гдѣ за свою примѣрную дѣятельность и знаніе удостоенъ милостью Государя Императора, пожаловавшаго его своимъ генералъ-адъютантомъ. При составленіи Его Высочествомъ, Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, своего штаба, князь Николай Ѳедоровичъ Масальскій, какъ знатокъ своего дѣла, былъ избранъ начальникомъ всей артиллеріи дѣйствующей арміи.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, князь Николай Ѳедоровичъ Масальскій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи.

Наша артиллерія въ настоящую войну уже успѣла показать себя съ блестящей стороны. Не говоря уже о фактахъ, совершившихся въ послѣднее время на берегахъ Дуная, нельзя не обратить вниманія на тѣ отзывы, которые передаются знатоками дѣла въ иностранныхъ газетахъ о замѣчательныхъ достоинствахъ русской артиллеріи. Достоинства эти, конечно, не въ одномъ численномъ богатствѣ нашей артиллеріи, въ чемъ, разумѣется, никто и никогда не могъ сомнѣваться; но главнымъ образомъ въ умѣньѣ управлять ею. Изъ всѣхъ донесеній съ обоихъ театровъ нашихъ военныхъ дѣйствій видно, что наша артиллерія отличается замѣчательно мѣткою стрѣльбою. Припомнимъ здѣсь о томъ, какъ 29-го апрѣля около Браилова, большой турецкій трехъ-мачтовый броненосецъ взорванъ нашими выстрѣлами и мгновенно пошелъ ко дну *).

Упоминая объ успѣхахъ нашей артиллеріи на берегахъ Дуная, нельзя не замѣтить также и о тѣхъ отзывахъ, ка-

*) Считаемъ не безъинтереснымъ для читателей упомянуть о томъ, что, кромѣ наградъ отъ Главнокомандующаго, воину, такъ мѣтко направившему пушечный выстрѣлъ, послано отъ московскаго купца Тюлева 1000 р. и назначено отъ одесскаго городскаго общества пожизненная пенсія въ 120 рублей въ годъ.

Библиотека "Руниверс"

кіе о ней слышатся съ турецкаго берега Чернаго моря. Такъ, напримѣръ, Его Высочество, Главнокомандующій Кавказской арміей, поздравляя Его Императорское Величество со взятіемъ Ардагана, говоритъ, что „5 мая съ трехъ часовъ до шести вечера, замѣчательно-мѣткою стрѣльбою нашей блистательной артиллеріи изрыты верки, предназначенные для штурма". Остается только пожелать, чтобы и во всѣхъ дальнѣйшихъ сраженіяхъ нашихъ съ исконнымъ врагомъ христіанства наша артиллерія также блистательно дѣйствовала, какъ дѣйствуетъ до сихъ поръ. Само собою понятно, что при ея успѣхѣ не забудется и имя князя Николая Ѳедоровича Масальскаго, какъ начальника артиллеріи дѣйствующей арміи. **А. Н—аевъ.**

AQUIS SUBMERSUS

Новелла Теодора Шторма.

I.

Въ саду нашемъ, принадлежащемъ герцогскому замку и давнымъ давно заброшенномъ, живыя изгороди изъ рябиновыхъ деревьевъ представляли когда-то (еще въ пору моего дѣтства), довольно рѣденькія аллеи—скорѣе даже воображаемыя аллеи. Но такъ какъ эти деревья весною покрывались листьями, не особенно, однако, густо, то мы, мѣстные обыватели, неизбалованные роскошною зеленью, умѣли цѣнить и такія мѣста прогулки. Очутившись въ жиденькой тѣни, мы обыкновенно отправлялись къ такъ называемой „горѣ", что повыше высохшаго пруда, бывшаго рыбнаго питомника, и намъ ничто не мѣшало любоваться открывающейся оттуда большой панорамой.

Изъ гуляющихъ многіе, быть можетъ, обращаютъ взгляды свои на западъ, чтобы насладиться видомъ яркой зелени низменностей и серебристою полосою моря вдали, на которой трепещетъ тѣнь отъ продолговатаго острова; что-же касается меня, то мои глаза глядятъ на сѣверъ: тамъ, на разстояніи мили отсюда, стоитъ церковь, и я вижу сѣрую остроконечную башнюея среди болѣе высокой, но пустынной прибрежной страны... Я гляжу туда, потому-что тамъ протекла часть моей юности.

Сынъ пастора той деревни посѣщалъ вмѣстѣ со мною „велемудрую школу" моего родного города. И счету нѣтъ, сколько разъ, по субботамъ, послѣ обѣда, отправлялся я самъ-другъ съ товарищемъ моимъ къ пасторскому жилищу, чтобы въ воскресенье вечеромъ, или раннимъ утромъ въ понедѣльникъ, бѣжать въ городъ и снова вернуться къ нашему Непоту, а позднѣе—къ Цицерону. Въ тѣ времена, на половинѣ дороги между городомъ и деревней, былъ порядочный пустырь, изрядное степное пространство, которое когда-то занимало все мѣсто между означенными обитаемыми пунктами. Хорошо было на этомъ пустырѣ! Надъ цвѣтами душистаго вереска, жужжа, крутились пчелы и шмели, а между сухими стеблями шныряли великолѣпныя золотисто-зеленыя жужелицы; тутъ-же порхали бабочки, водившіяся только въ этомъ мѣстѣ. Пріятелю моему, нетерпѣливо стремившемуся къ родительскому дому, частенько приходилось отрывать меня отъ всѣхъ этихъ прелестей, и онъ почти насильно увлекалъ съ собою товарища-мечтателя. Добравшись до нивы, мы уже быстро подвигались впередъ по длинной песчаной дорогѣ; отсюда намъ была видна за изгородью изъ темной зелени кустовъ сирени верхушка пасторскаго домика, а вотъ и окошечки кабинета пастора, такія маленькія, подслѣповатыя, но привѣтливо поглядывавшія на приближающихся желанныхъ гостей.

Пріятель мой, однокашникъ, былъ единственнымъ сыномъ пастора. Хорошо намъ было тамъ, просто—настоящее раздолье, а ужь пища такая была чудесная, что лучшей и не желалось. Только вотъ серебристый тополь былъ для насъ, подобно древу познанія добра и зла—райской яблонѣ,—*запретнымъ плодомъ*; тополь этотъ, единственное высокое и слѣдовательно соблазнительное для насъ дерево во всей деревнѣ, осѣнялъ своими шумливыми вѣтвями поросшую мхомъ соломенную крышу пасторскаго домика. Взбираться на этотъ „запретный плодъ" мы могли только тайкомъ. Во всемъ остальномъ, сколько мнѣ помнится, мы пользовались свободой, соотвѣтствующей нашему возрасту.

Главною, такъ сказать, ареною нашихъ подвиговъ было большое „пасторское пустопорожнее мѣсто", а туда можно было попасть черезъ небольшую калитку въ садовомъ заборѣ. Тамъ-то, съ прирожденнымъ мальчикамъ чутьемъ, отыскали мы гнѣзда жаворонковъ и сѣрыхъ подорожниковъ, которыя потомъ частенько и навѣщали съ цѣлью взглянуть, насколько въ этихъ гнѣздахъ дѣло идетъ на ладъ или насколько развились птенчики въ двухъ-часовой промежутокъ времени. Тутъ-же, въ глубокой ямѣ съ водою (какъ кажется мнѣ теперь, не менѣе *запретной* по опасности), плотно обсаженной старыми и новыми пнями, ловили мы проворныхъ черныхъ жучковъ, которыхъ называли „водяными французами", или спускали на воду построенную на собственной верфи военную флотилію. Корпуса судовъ состояли изъ скорлупокъ грецкихъ орѣховъ, крышекъ отъ деревянныхъ ящиковъ и коробокъ. Подъ-конецъ лѣта намъ случилось предпринимать грабительскій побѣгъ на садъ кистера, находившійся противъ пастора, по другую сторону ямы съ водой. Мы отправлялись туда, чтобы взять свою десятину съ двухъ кривыхъ яблонь, за что, конечно, случалось иногда выслушивать „дружескія" угрозы отъ добродушнаго старичка кистера.

И такъ, вотъ сколько дѣтскихъ радостей было на этомъ пасторскомъ пустырѣ!

Все это какъ-то невольно воскрешаетъ въ моей памяти.

Однако, такіе предметы развлеченій занимали насъ мимолетно, больше мимоходомъ; нѣчто другое возбуждало наше живѣйшее любопытство; этому „нѣчто" мы не находили ничего подобнаго даже въ городѣ. Насъ интересовали трубчатыя постройки осъ, мы любили въ полуденный часъ наблюдать надъ жизнью этихъ хлопотливыхъ насѣкомыхъ, но, разумѣется, не это занимало насъ, а болѣе крупное явленіе, тоже постройка, но иного рода: я говорю о старой и необыкновенно красивой деревенской церкви. Эта церковь, вся какъ есть до гонтовой крыши высокой башни, была сложена изъ гранитныхъ плитъ. Стояла она на самомъ высокомъ мѣстѣ въ деревнѣ. Внутренность храма представлялась мнѣ наиболѣе привлекательною, такъ что даже громадн й ключъ, который, казалось, принадлежалъ нѣкогда самому апостолу Петру, сильно дѣйствовалъ на мое воображеніе. Если намъ удавалось раздобыть этотъ ключъ у старика кистера, то предъ нами отворялись врата въ міръ чудесный.. Да, много было тамъ необыкновенныхъ вещей,—свидѣтелей событій временъ давно минувшихъ, которыя глядѣли на насъ и мрачно, и дѣтски - невинно и уже всегда таинственно, безмолвно. Какъ теперь вижу висѣвшее на видномъ мѣстѣ распятіе, вижу худощавое тѣло и изнеможенное лице Спасителя, по которому струится кровь... Рядомъ съ этимъ изображеніемъ, нагонявшимъ на насъ ужасъ, помѣщалась у стѣнного столба, точно пріютившееся гнѣздо, рѣзная каѳедра коричневаго цвѣта; изъ гирляндъ и различныхъ фестоновъ, украшавшихъ ее, выглядывали звѣриныя морды и бѣсовскія хари. Особенно нравился мнѣ большой рѣзной иконостасъ, на которомъ живописно изображена была въ лицахъ исторія страданій Христа. Лица воиновъ въ золотыхъ латахъ были такъ страшны и дики, что ничего подобнаго въ дѣйствительности намъ и не приходилось видѣть. Но зато какой пріятный контрастъ съ этими лицами представлялъ прелестный, кроткій ликъ колѣнопрекло-

Библиотека "Руниверс"

ненной у креста Маріи!.. Этотъ образъ навѣрно всецѣло овладѣлъ-бы мной, если-бы *другой* не тянулъ меня къ себѣ неудержимо, имѣя для меня всю прелесть таинственности...

Да, среди этихъ удивительныхъ, а иногда и страшныхъ предметовъ, въ средней части церкви висѣло изображеніе невиннаго мертваго ребенка, прекраснаго мальчика лѣтъ пяти. Онъ покоился на кружевной подушкѣ, держа въ маленькой блѣдной ручкѣ бѣлую водяную лилію. На нѣжномъ личикѣ, уже запечатлѣнномъ рукою смерти, еще замѣтны были слѣды только что отлетѣвшей юной жизни... И какое-же невыразимое чувство состраданія овладѣвало мною, когда я бывало стоялъ передъ этой картиной!..

Но она не одна тутъ: возлѣ нея изъ темной деревяной рамы глядѣлъ мрачный, чернобородый мущина въ пасторскомъ костюмѣ. Пріятель мой сказалъ мнѣ, что это портретъ отца того прекраснаго мальчика, а мальчикъ, какъ гласитъ преданіе, погибъ въ той самой ямѣ съ водой, что посреди пасторскаго пустыря. На рамкѣ портрета былъ начертанъ годъ 1666-й – значитъ, это давняя исторія. Что-то постоянно тянуло меня къ этимъ двумъ портретамъ; мною овладѣвало непреодолимое, съумасбродное желаніе—разузнать что-нибудь о жизни этого ребенка, собрать хоть какія-нибудь свѣдѣнія относительно этой исторіи. Я даже пытался прочесть нѣчто на суровомъ мрачномъ лицѣ чернобородаго мущины, который, не смотря на пасторскій свой костюмъ, напоминалъ мнѣ вообще римскихъ воиновъ, изображенныхъ на иконостасѣ.

Послѣ такихъ экскурсій и размышленій въ полумракѣ старой церкви, домъ добраго пастора представлялся намъ какъ-то еще уютнѣе, гостепріимнѣе. И этотъ домъ, правда, былъ уже очень почтенный, старый домъ; хозяинъ все надѣялся, что ему выстроятъ новое жилище, но такъ какъ и домикъ кистера страдалъ тѣми-же старческими недугами, то все такъ и оставалось, и къ постройкѣ не приступали.

И все-таки, не смотря на древность жилья, какими уютными казались комнаты въ этомъ старомъ домѣ! Зимою засѣдали обыкновенно въ небольшомъ покойчикѣ, что направо изъ передней, а лѣтомъ—въ просторной горницѣ—налѣво изъ сѣней. Выбѣленныя стѣны этой комнаты были увѣшаны картинками (изъ реформатскаго альманаха) въ рамкахъ изъ краснаго дерева; изъ окна, обращеннаго на западъ, видна была вдали вѣтряная мельница, да обширное небесное пространство, которое по вечерамъ заливалось розовато-краснымъ огнемъ заходящаго солнца, отчего вся комната представлялась алой.

Добряки—пасторъ и пасторша, кресла съ красными плюшевыми подушками, старый глубокій диванъ, бойко шумящій чайникъ на столѣ за ужиномъ—все это было дѣйствительность, и такая ясная, радостно-тихая. Ничто не возмущало покоя души; только разъ какъ-то вечеромъ (въ то время мы были уже во второмъ классѣ) задумался я надъ вопросомъ: какое именно прошлое связано съ этимъ домомъ и этими комнатами? Можетъ быть, тутъ когда-то прыгалъ, рѣзвился цвѣтущій мальчуганъ,—тотъ самый, портретъ котораго, какъ печальный памятникъ, хранится въ мрачномъ храмѣ?..

На такое раздумье навело меня слѣдующее обстоятельство: въ этотъ самый день, въ послѣобѣденное время, намъ снова удалось (по моей иниціативѣ) забраться въ церковь, и я, остановившись предъ картиной, впервые замѣтилъ на темномъ полотнѣ, внизу у рамы, четыре буквы, написанныя красною краской.

— Буквы эти, сказалъ я пастору, вотъ какія: C. P. A. S., но мы не можемъ разгадать, что именно онѣ значатъ?—

— Да, эта надпись начальными буквами словъ мнѣ хорошо знакома,—замѣтилъ пасторъ и прибавилъ:—если вспомнить то преданіе, которое ходитъ о судьбѣ этого мальчика, то, пожалуй, послѣднія двѣ буквы могутъ быть отъ словъ „Aquis submersus“, что въ переводѣ значитъ *утонувшій* или буквально—*въ воду упавшій*; что касается первыхъ C. P., то до сихъ поръ еще не объяснено, какія это слова. Молодой адъюнктъ нашего кистера, побывавшій въ четвертомъ классѣ, хотя и полагаетъ, что эти буквы отъ словъ „Casu periculoso“ (*по причинѣ опаснаго случая*), но старики того времени, вѣроятно, логичнѣе мыслили: если мальчикъ утонулъ—значитъ случай былъ болѣе чѣмъ опасный.

Внимательно выслушавъ пастора и повторивъ слово „casu“, я сказалъ потомъ: а вѣдь первое слово можетъ быть „culpa“?

— Culpa? Переспросилъ пасторъ:—то есть „по винѣ“? Но по чьей винѣ?

Мрачный образъ стараго священника предсталъ передо мною и, недолго думая, я брякнулъ:

— А почему бы и не „Culpa patris“?..

Добрякъ-пасторъ почти испугался и, погрозивъ мнѣ пальцемъ, проговорилъ:

— Э—ге, мой юный другъ! Такъ *по винѣ отца*? Положимъ, физіономія моего покойнаго собрата по службѣ сурова и мрачна, но, не смотря на это, мы не станемъ возводить на него такое обвиненіе... Да едва ли онъ позволилъ бы написать про себя такую штуку.

Этотъ послѣдній доводъ былъ для моей юной головы достаточно убѣдительнымъ. Такимъ образомъ, настоящій смыслъ надписи, состоявшей изъ четырехъ красныхъ буквъ, такъ и остался для насъ тайной прошлаго.

Что касается исполненія этихъ двухъ портретовъ, то въ то время я и самъ понималъ и хорошо видѣлъ, что по живописи эти двѣ картины существенно отличались отъ другихъ древнихъ портретовъ пасторовъ, висѣвшихъ тутъ-же въ церкви... Самъ пасторъ сообщилъ мнѣ, что знатоки живописнаго искусства признавали въ художникѣ, нарисовавшемъ эти два портрета, талантливаго ученика старо-голландскихъ мастеровъ.

Но какими судьбами такой живописецъ попалъ въ бѣдную деревеньку? Откуда онъ пришелъ и какъ имя его?.. На эти вопросы и самъ пасторъ не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

На портретахъ нигдѣ не было выставлено имя художника.

А годы шли. Я и товарищъ мой были уже въ университетѣ, когда умеръ добрякъ-пасторъ. Вдова пасторша впослѣдствіи переѣхала на житье къ сыну, получившему, по окончаніи курса, мѣсто пастора въ одномъ городкѣ. И такъ, мнѣ, значитъ, незачѣмъ было ходить въ ту деревеньку, гдѣ я провелъ когда-то столько свѣтлыхъ, веселыхъ дней. Жилъ я въ то время въ родномъ моемъ городѣ, и вотъ однажды пришлось мнѣ искать помѣщенія для одного мальчика, приходившагося мнѣ родственникомъ. Припоминая кое-что изъ собственнаго своего дѣтства, бродилъ я по городскимъ улицамъ (время было послѣобѣденное, а день выдался такой ясный), поглядывая на дома; вдругъ въ глаза мнѣ бросилась надпись надъ дверью стараго дома съ фронтономъ (домъ былъ на рыночной площади); надпись эта на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи гласила слѣдующее:

„Подобно исчезновенію дыма и пыли
Исчезаютъ и сыны человѣческіе“.

Вѣроятно, слова эти какъ-то ускользали отъ моихъ юношескихъ глазъ, потому что прежде я какъ-то не замѣчалъ этой надписи, хотя во время школьной жизни частенько-таки забѣгалъ къ жившему тутъ булочнику, чтобы купить теплую сдобную булку.

Почти невольно вошелъ я въ этотъ домъ, и дѣйствительно, здѣсь нашлось помѣщеніе для моего юнаго родственника.

Библиотека "Руниверс"

— Отъ покойной тетушки достался намъ этотъ домъ и булочное заведеніе,—сказалъ мнѣ добрякъ-булочникъ, привѣтливо улыбаясь,—комната покойницы стоитъ съ тѣхъ поръ пустою, и намъ давно было желательно имѣть молодого постояльца.

Поднялись мы по лѣстницѣ и вступили въ довольно низкую, по старинному убранную горницу, имѣющую пару оконъ съ маленькими стеклами. Окна эти выходили на рыночную площадь.

— Тутъ вотъ прежде, передъ воротами-то, стояли двѣ старыя липы,—разсказывалъ хозяинъ,—но я велѣлъ срубить ихъ, потому, изволите видѣть, что онѣ очень ужь омрачали домъ, ну и виду изъ оконъ никакого не было.

Относительно найма этой комнатки мы скоро поладили, и въ то время, когда у насъ шли переговоры относительно убранства этого покойчика, я осматривалъ комнату. Глаза мои невольно остановились на картинѣ, писанной масляными красками; висѣла она около шкафа, отъ котораго на нее падала довольно густая тѣнь. Картина эта, хорошо сохранившаяся, изображала пожилого человѣка въ темной одеждѣ, какую носили въ половинѣ XVII вѣка тѣ изъ дворянъ, которые занимались преимущественно государственными дѣлами и науками, а не военнымъ дѣломъ. Лицо у этого господина было серьезное, глаза добрые, кроткіе... Я былъ взволнованъ, но не потому, что увидѣлъ портретъ пожилого человѣка, портретъ написанный мастерски: художникъ положилъ на колѣни этому господину мертвенно-блѣднаго мальчика, и въ маленькой, свѣсившейся ручкѣ этого ребенка была бѣлая водяная лилія.

Да, этотъ мальчикъ былъ мнѣ давно знакомъ!

— Откуда у васъ этотъ портретъ? обратился я наконецъ къ хозяину, замѣтивъ, что и онъ умолкъ.

Булочникъ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Эта-то старая картина? Да она осталась послѣ нашей тетки, а прежде принадлежала дядѣ отца ея: живописецъ онъ былъ и проживалъ тутъ лѣтъ сто тому назадъ, а пожалуй и больше. Да тутъ есть еще кой-какія вещи его...

И онъ указалъ на небольшой ящикъ изъ дубоваго дерева, съ красивыми инкрустаціями въ родѣ разныхъ геометрическихъ фигуръ, стоявшій на шкафу.

Досталъ я этотъ ящикъ, но при этомъ крышка слетѣла съ него, и я увидѣлъ въ немъ сильно пожелтѣвшіе листы бумаги, исписанные стариннымъ почеркомъ.

— А могу я прочесть это?

— Если это доставитъ вамъ удовольствіе,—отвѣтилъ булочникъ,—то можете взять и ящикъ, и бумаги эти домой. Ужь больно стары бумаженки-то, должно быть теперь и гроша не стоятъ.

— Позвольте ужь мнѣ прочесть ихъ здѣсь...

— О, если угодно! Садитесь... читайте!

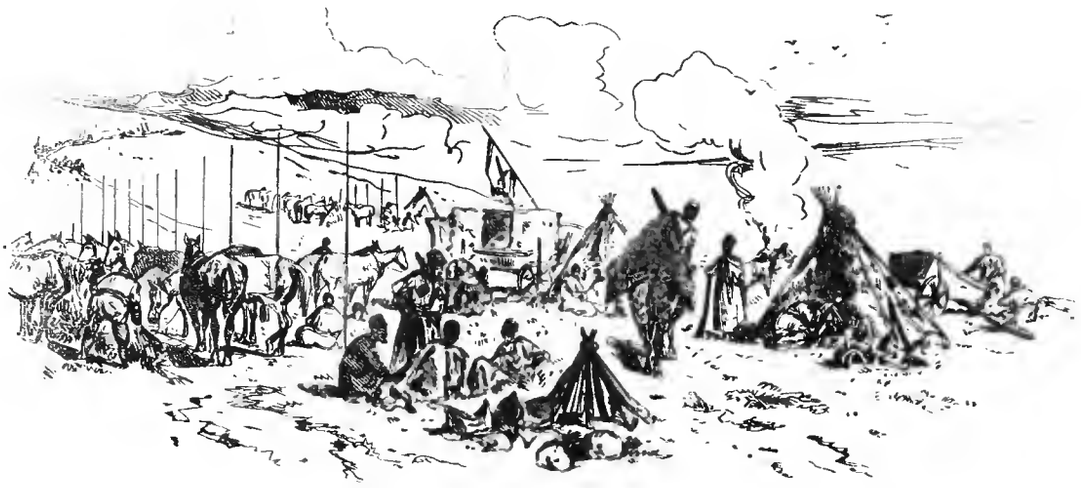
Я усѣлся въ громадное кресло, какъ разъ напротивъ

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

Донцы въ походѣ.

Переобувка на скорую руку.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.



Бивуакъ кубанцевъ близь Галаца.

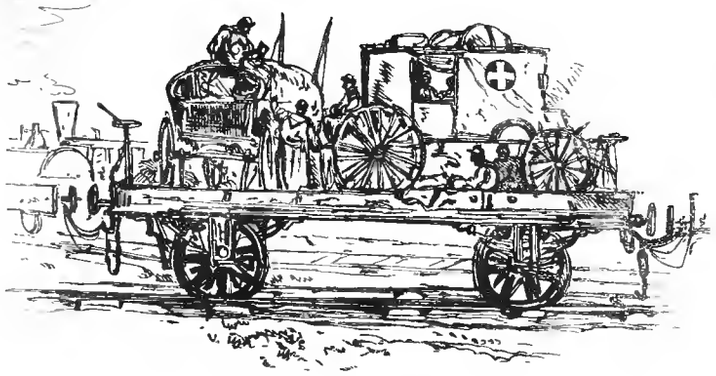
Библиотека "Руниверс"

картины, а булочникъ, слегка вытаращивъ глаза, вышелъ, сказавъ, что жена его не замедлитъ угостить меня чашечкой хорошаго кофе.

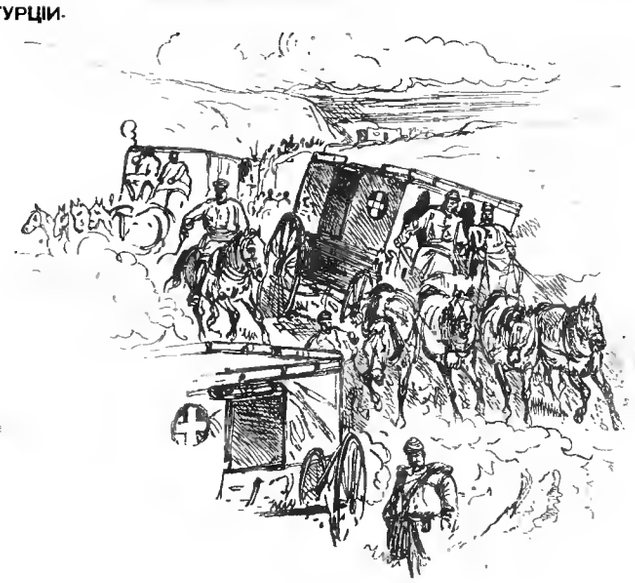
Развернувъ рукопись, я принялся за чтеніе. Въ ней было написано слѣдующее.

Пѣніе звонкое дроздовъ отзывъ имѣло въ сердцѣ моемъ. Благодаря заказамъ, каковые доставлялъ мнѣ въ послѣдній годъ бытности моей въ Амстердамѣ дорогой мой наставникъ и учитель Гельстъ, нынѣ избавленъ былъ я отъ заботъ всякихъ. Изрядная сумма денегъ да вексель на Гамбургъ въ карманѣ лежали моемъ,

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.



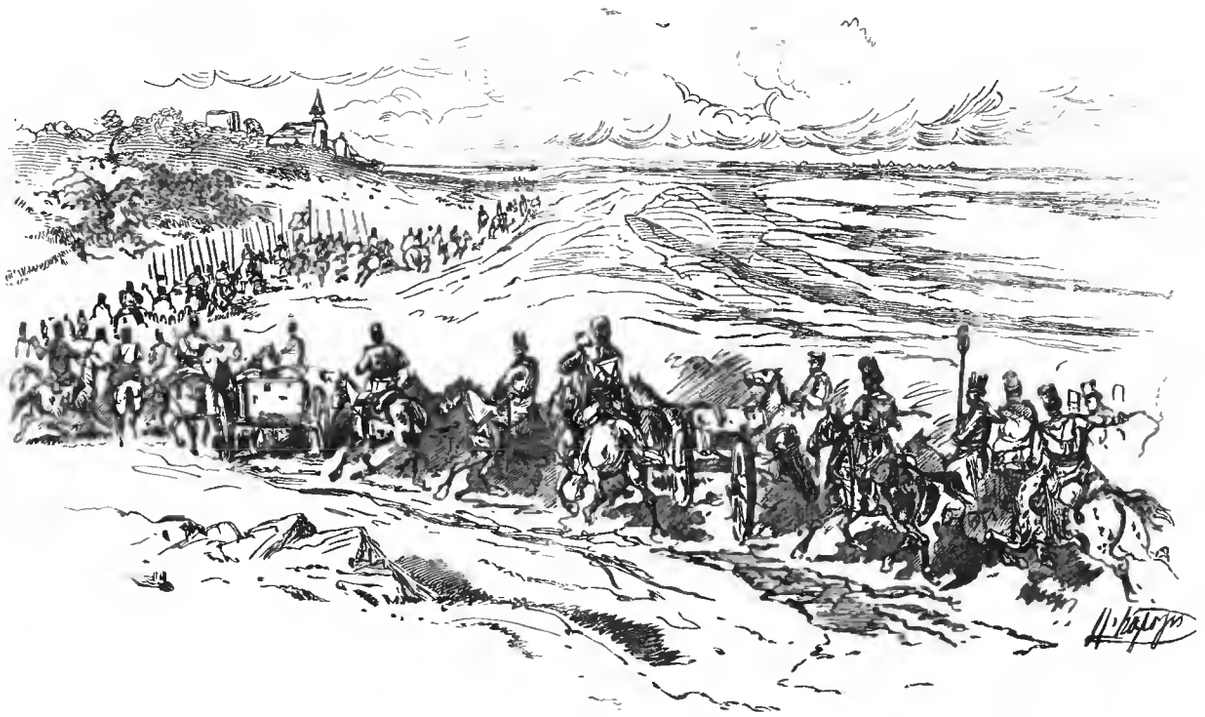
Платформа обознаго поѣзда.



Лазаретныя кареты.

„...И такъ, былъ я опять на родинѣ, въ Голштиніи моей, и то было по Пасхѣ въ четвертое воскресенье, 1661 года. Все потребное для живописнаго искусства, опричь всего и одежда на мнѣ была знатная. Падали волосы мои на плащъ, имѣющій выпушку изъ мѣха бѣличьяго, а шпага лютихская сбоку у меня висѣла.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.



Форсированный переходъ кавалеріи и конной артиллеріи.

а равно и прочій скарбъ мой оставилъ я въ городѣ, самъ же, съ веселіемъ въ сердцѣ, на пути черезъ лѣсъ буковыхъ древесъ, въ майскомъ убранствѣ красовавшихся, пошелъ впередъ. Птицы лѣсныя, передо мною летая, водою жажду свою утоляли, находя влагу, въ колеяхъ отъ дождя собравшуюся, ибо былъ дождь въ ночи и даже на зарѣ. Солнце на малой высотѣ еще было.

Мысли мои впередъ устремлялись и зрѣлъ уже я герръ Гергардуса, моего благороднаго, всемилостивѣйшаго покровителя, какъ-бы стоявшаго въ дверяхъ своей горницы, протягивающаго руки мнѣ и привѣтствующаго меня ласково: „Да благословитъ Господь прибытіе твое, мой Іоаннъ!

Въ то время Гергардусъ, вмѣстѣ съ любезнымъ отцомъ моимъ—увы, рано въ вѣчность отозваннымъ,—

Библиотека "Руниверс"

изучалъ въ Іенѣ права, да и послѣ того усердно продолжалъ заниматься искусствами и науками. Былъ онъ умнымъ и всегда готовымъ совѣтникомъ высокоблагороднаго въ Бозѣ почившаго герцога Фридриха, а особенно тогда, когда герцогъ въ мысляхъ имѣлъ устроить на землѣ своей университетъ. Но привести во исполненіе благое намѣреніе помѣшала ему возгорѣвшаяся война. Знатный дворянинъ былъ герръ Гергардусъ, однако-же эта знатность не мало не препятствовала ему вести дружбу съ отцомъ моимъ, и пребывалъ онъ вѣренъ ему, и когда отецъ мой отошелъ въ вѣчность—онъ во мнѣ, сиротѣ, принялъ теплое участіе и не только скудныя средства мои поправилъ, но и устроилъ такъ, пользуясь связями своими съ голландскимъ дворянствомъ, что дорогой учитель мой Гельстъ принялъ меня въ число своихъ учениковъ.

Мнилъ я, что почтенный старецъ пребываетъ здравъ и невредимъ въ помѣстьѣ своемъ и не зналъ, какъ излить благодарность передъ Всевышнимъ, ибо въ ту пору, когда я на чужбинѣ упражнялся въ живописи, родина моя страдала отъ всѣхъ ужасовъ войны. Воинство, шедшее королю на помощь противу грознаго шведа, опустошало страну и неистовствовало сугубѣе самаго супостата; нѣкоторые изъ служителей Божіихъ умерли лютою смертію въ то время. Кончина внезапная короля шведскаго положила конецъ войнѣ, миръ былъ заключенъ, но повсюду еще были страшные слѣды погрома: кое-гдѣ, на мѣстѣ жилищъ крестьянскихъ, пепелъ лежалъ, а на поляхъ, зеленѣвшихся прежде рожью, теперь росли одни плевелы.

Все это, однакоже, не весьма печалило и смущало меня. Въ то время было въ сердцѣ моемъ одно желаніе крѣпкое, успѣхами своими въ живописномъ искусствѣ доказать, что благородный покровитель мой расточалъ благодѣянія свои человѣку, достойному ихъ. И не было также въ душѣ моей страха относительно встрѣчи съ лихимъ человѣкомъ, хотя послѣ войны много вездѣ бродило злоумышленниковъ... Нѣчто иное смущало духъ мой—мысль о дворянчикѣ молодомъ, Вульфѣ. Никогда не любилъ онъ меня и того мало—благодѣянія, оказываемыя мнѣ благороднымъ отцомъ его, считалъ кражею относительно себя. И когда, послѣ кончины дорогого моего батюшки, проводилъ я каникулы въ домѣ герръ Гергардуса, многократно юный барченокъ лучшіе дни мои отравлялъ. Сдѣлать со мною что-либо мерзостное—для него превеликимъ удовольствіемъ было. Дома-ли онъ нынѣ или въ отсутствіи—я не вѣдалъ, но слышалъ, что еще до заключенія мира игралъ онъ и бражничалъ съ офицерами шведскими, а это съ строгими понятіями голштинцевъ о патріотизмѣ не согласовалось.

Размышляя такъ, вышелъ я изъ буковаго лѣса, и пошелъ по прямой тропинкѣ черезъ еловый лѣсокъ, находящійся въ сосѣдствѣ съ помѣстьемъ благодѣтеля моего.

Сладкія воспоминанія воскрешалъ во мнѣ ядреный запахъ смолы... Но вотъ и конецъ тѣни древесной, и вижу я луга, съ двухъ сторонъ орѣшникомъ окаймленные. Еще нѣсколько минутъ—и шагалъ я по аллеѣ громадныхъ дубовъ, каковые вели къ замку патрона моего.

Самъ не вѣдаю, почему предчувствіе тревожное душу мою охватило. И мнилось мнѣ тогда, что тревога безпричинна, ибо кругомъ все ликовало, будучи яркими солнечными лучами залито. А вонъ тамъ, на выгонѣ, гдѣ пчельникъ дворецкаго былъ, старое грушевое дерево стояло еще, трепеща молодыми листочками своими въ лазоревомъ воздухѣ.

Привѣтствую тебя! тихонько прошепталъ я, причемъ однако же не столько о деревѣ помышлялъ, сколько о чудномъ созданіи Божіемъ, въ коемъ, какъ тому было случиться суждено, сосредоточилось впослѣдствіи все—и счастье, и горесть моя, а равно и раскаяніе жгучее, терзавшее меня до доски гробовой... То была дочь благороднаго герръ Гергардуса, сестра дворянчика Вульфа.

Когда, по кончинѣ отца, я впервые проводилъ здѣсь каникулярное время, то ей было девять лѣтъ, а я на два года былъ старше ея.

Старикъ дворецкій, Дитрихъ, жившій во флигелькѣ, что у воротъ, смастерилъ мнѣ тогда изъ ясени лукъ и стрѣлки. И вотъ однажды утромъ вышелъ я (комната моя была рядомъ съ жилищемъ Дитриха) на охоту за птицами хищными, водившимися около господскаго замка во множествѣ. А тутъ *она* ко мнѣ и подбѣжала и промолвила:

— Послушай, Іоаннъ, покажу я тебѣ гнѣздышко; оно тамъ, въ дуплѣ грушеваго дерева... Но это гнѣздышко гилей, и умерщвлять ихъ ты не долженъ.

Сказавъ это, впередъ она поскакала, но внезапно остановилась и закричала, въ отчаяніи ручками махая: „Сова! Сова!“

Увидѣлъ я сидящую надъ дупломъ птицу большую: то была сова, караулившая птенчиковъ.

— Сова! Сова! снова закричала малютка. Стрѣляй, Іоаннъ! Стрѣляй!..

Натянувъ мой лукъ ясеневый, стрѣльнулъ я въ сову, и хищникъ пернатый на землю, трепеща, повалился, а изъ дупла птичка вылетѣла и высоко вознеслась съ чириканьемъ радостнымъ и веселымъ.

Съ того самаго утра были мы (Катерина юная и я) добрыми товарищами. Въ лѣсу-ли, въ саду, въ горницѣ—словомъ, гдѣ Катерина была, тамъ былъ и я. Но именно вслѣдствіе этого обстоятельства врага себѣ я нажилъ, и тѣмъ врагомъ моимъ оказался Куртъ фонъ-деръ-Ришъ. Былъ онъ сынъ одного богатаго господина, обладавшаго замкомъ невдалекѣ отъ помѣстья благодѣтеля моего. Этотъ Куртъ въ гости къ намъ часто жаловалъ въ сопровожденіи своего надзирателя ученаго, съ которымъ герръ Гергардусъ весьма любилъ бесѣдовать, а такъ какъ названный юноша былъ моложе Вульфа, то ему со мною и Катериною приходилось баловаться... Курту, повидимому, нравилась темноволосая дочурка герръ Гергардуса, однако же тщетны были всѣ ухаживанія его; Катерина надъ нимъ смѣялась: его горбоватый, птичій носъ, волосья всклокоченные и примѣчательно круглообразные очи (признаки, отличительные всей фамиліи его) возбуждали въ ней смѣшливость. И случалось, какъ только издали она его примѣтитъ, шейку вытянетъ и закричитъ: „Іоаннъ! Сова—сова приближается!“... И тогда мы либо въ амбаръ хоронились, либо, подобно стрѣлѣ, въ лѣсъ летѣли. Естественно, что нерѣдко дѣло до потасовокъ у насъ доходило, взаимно въ волосья мы вцѣплялись, а такъ какъ Куртъ наиболѣе горячностью, чѣмъ силою обладалъ, то побѣда была всего чаще на моей сторонѣ.

Въ то время, когда я передъ отбытіемъ моимъ на чужбину, пріѣхалъ проститься съ герръ Гергардусомъ и прогостилъ тутъ нѣсколько дней, Катерина была уже почти взрослою дѣвицею. Волосы каштановые ея въ золотую сѣтку подобраны были; а когда Катерина устремляла прямо взглядъ свой, то въ глазахъ ея свѣтился задорный огонекъ, что въ немалое смущеніе меня приводило. Для надзора за молодой дѣвицей нѣкая престарѣлая дѣва была приглашена, и въ домѣ звали ее „тетушкой Урсулой“. Эта тетушка Урсула ни на минуту Катерины не покидала, всюду таскалась за ней съ длиннѣйшимъ вязаньемъ въ рукахъ.

Однажды, послѣ обѣда, (былъ уже октябрь) прогуливался я въ тѣни садовыхъ изгородей въ компаніи съ Катериною и ея надзирательницею и, гуляя, неожиданно примѣтилъ, что къ намъ на встрѣчу шелъ высокій господинъ. Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ: въ кожаной курткѣ, обшитой кружевомъ, въ шляпѣ съ перомъ. То былъ дворянчикъ Куртъ, старый пріятель мой. Сію-же минуту замѣтилъ я, что онъ все еще за

Библиотека "Руниверс"

прелестной сосѣдкою ухаживаетъ, а равно отъ взгляда моего не укрылось, что это ухаживаніе тетушкѣ Урсулѣ нравилось... Ну, натурально—вѣдь ухаживатель былъ „герръ баронъ"! и съ нимъ эта престарѣлая дѣва смѣялась обходительно, причемъ голосъ ея издавалъ пискъ отвратительный, а носъ непомѣрно высоко задирался; ко мнѣ-же, она относилась въ третьемъ лицѣ—*онъ*, или просто меня называла по имени—„Іоаннъ"... И тутъ Куртъ круглые глаза свои прищуривалъ, точно сверху внизъ на меня смотритъ, хотя я на пол-головы выше его былъ.

Я на Катерину взглянулъ, но она вниманія на меня никакого не обращала и благочинно рядомъ съ барчукомъ шла, бесѣдуя съ нимъ вѣжливо. На устахъ ея алыхъ безпрестанно насмѣшливая, гордая улыбка мелькала, такъ что подумалось мнѣ: плохо дѣло! Мужайся, Іоаннъ! Барскій сынъ имѣетъ здѣсь предъ тобой преимущество...

На злость имъ шаги замедлилъ я и всѣхъ трехъ впередъ пропустилъ, а когда они въ домъ вошли—я пріостановился у клумбъ цвѣточныхъ, размышляя какъ-бы мнѣ теперь, подобно временамъ дѣтства, вцѣпиться въ волосья фонъ-деръ-Риша...

Катерина, внезапно выбѣжавъ ко мнѣ, астру сорвала, причемъ шопотомъ промолвила:

— Извѣстна-ли тебѣ, Іоаннъ, новость? Ночная-то сова сходство съ молодымъ орломъ имѣетъ... Тетушка Урсула такъ говоритъ...

И съ этими словами убѣжала она и исчезла прежде нежели успѣлъ я опомниться, но раздражительность и гнѣвъ моментально у меня исчезли. Какое дѣло мнѣ до герръ барона? Зычно и весело тутъ я разсмѣялся, ибо примѣтилъ, что когда Катерина слова эти вызывательныя произнесла—глаза ея снова какъ-то особенно заблистали, и блескъ этотъ впервые проникъ въ глубь сердца моего.

Вскорѣ послѣ этого въ комнату къ герръ Гергардусу меня кликнули. Онъ карту путеводную взялъ и снова маршрутъ далекаго путешествія моего въ Амстердамъ мнѣ указалъ, письма къ друзьямъ своимъ вручилъ и засимъ, въ качествѣ бывшаго друга покойнаго батюшки моего, долго еще со мною бесѣдовалъ.

Сего-же дня вечеромъ въ городъ надлежало мнѣ отправиться, откуда нѣкій Бюргеръ согласился взять меня съ собою и довезти до Гамбурга

По наступленіи вечера я началъ прощаться.

Въ горницѣ нижняго этажа Катерина за пяльцами сидѣла. При видѣ ея греческая Елена вспомнилась мнѣ, которой изображеніе недавно на гравюрѣ я встрѣтилъ, и какъ прелестна мнѣ показалась молодая шея этой дѣвицы, надъ работой наклонившейся! Однако-же Катерина не одна была: противъ нея тетушка Урсула помѣщалась, читая что-то вслухъ. И когда я къ нимъ приблизился Урсула промолвила:—ну, Іоаннъ простить-ся со мною хочетъ! Онъ можетъ поклонъ отдать теперь-же и фрейлейнъ.

Катерина встала и уже руку протянула мнѣ, но въ этотъ моментъ Вульфъ и Куртъ шумливо въ горницу ввалились, а потому она только и сказала:—Прощай, Іоаннъ!

Съ тѣмъ я и удалился.

Придя во флигель, руку старому Дитриху пожалъ я. Старикъ для меня посохъ и рапецъ уже приготовилъ и засимъ отправился я вдаль аллеи дубовой къ тропинкѣ лѣсной.

Шелъ я, но мнѣ все чудилось, что удаляться я еще не долженъ. что прощаніе мнѣ еще предстоитъ, а потому останавливался и назадъ оглядывался часто. Прямою дорогою, чрезъ ельникъ, не пошелъ я, свернувъ —и самъ не вѣдая почему—на проѣзжую дорогу. Уже верхушки деревъ зарею вечернею золотились, и торопиться мнѣ надлежало, иначе ночь меня бы на пути застигла.

— Прощай, Катерина! Прощай! прошепталъ я и впередъ бодро зашагалъ.

Въ томъ пунктѣ, гдѣ прямая тропинка въ проѣзжую дорогу упиралась, изъ тѣни густой древесъ еловыхъ внезапно Катерина какъ бы вынырнула... Отъ наплыва бурливой, неудержимой радости перестало биться мое сердце!..

Щеки ея отъ быстраго бѣга пламенѣли, а изъ-подъ сѣтки золотой выбились роскошные, шелку подобные, каштановые волосы. Въ объятія свои заключилъ я ее. Дыханіе съ трудомъ переводя, Катерина блестящими очами на меня смотрѣла.

— Я... я отъ нихъ убѣжала! прошептала она наконецъ и, сунувъ свертокъ въ руку мнѣ, шопотомъ присовокупила: это тебѣ отъ меня, Іоаннъ, и не долженъ ты подарка этого презирать!

Но затуманилось внезапно ея личико, она что-то сказать хотѣла, но слезы ей мѣшали и она поспѣшно изъ рукъ моихъ вырвалась... Видѣлъ я, какъ вдоль темной лѣсной тропинки одежда ея мелькала, наконецъ сокрылась Катерина, и слышалъ я только слабый трескъ вѣтвей вдали... Увы, остался я одинъ! Тишина кругомъ и казалось паденіе листьевъ можно было разслышать...

Свертокъ развернувъ, увидѣлъ я въ немъ золотую монету, подаренную Катринѣ ея крестнымъ отцомъ. Когда-то она эту монету мнѣ показывала часто... Съ монетою и записочка: „Да предохранитъ тебя это отъ нужды".

— О, прощай, Катерина! Прощай! стократно прокричалъ я, къ безмолвному лѣсу обращаясь. Въ городъ пришелъ я уже ночью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотворенія.

I.

Колокольчикъ звонкій льется
Подъ ямщицкою дугой,
Отголосокъ въ даль несется
По равнинѣ луговой.

То проглянетъ, то потонетъ
Мѣсяцъ ясный въ облака;
Колокольчикъ плачетъ, стонетъ
Подъ напѣвы ямщика.

Словно птица мчится тройка
По долинамъ и холмамъ,
Темный лѣсъ мелькаетъ только
Да столбы по сторонамъ.

Спитъ сѣдокъ?—иль, молчаливый,
Въ думу крѣпко погруженъ —
О порѣ былой, счастливой,
О семьѣ въ краю родномъ?

Или тяжкая истома
Пала на душу его:
Всѣхъ ли онъ застанетъ дома,
Иль прибралъ Господь кого?

Богъ вѣсть!—Тройка пролетѣла,
Въ мракѣ пѣсня замерла,
Буря въ полѣ загудѣла
И слѣды всѣ замела.

II.

Что-то сердце вѣщее
Поетъ, разболѣлося:
Предъ удачей-долею
Иль бѣдой-кручиною?

Не видать удачи мнѣ,
Какъ въ морозы зелени;
Не бывать, знать, счастливу,
Какъ подъ старость молоду.

Отлетѣли радости,
Что залетны пташечки:
Скучно, грустно молодцу
На чужой сторонушкѣ.

П. Вышеславцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Сокровища московской оружейной палаты

Въ № 11 „Нивы" за настоящій годъ, въ статьѣ: „Серебряный двойной тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, мы имѣли случай упомянуть о богатствахъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ указать на нѣсколько экземпляровъ посуды изъ этого богатого собранія. 1) Кружки. Всѣхъ кружекъ, находящихся въ Оружейной Палатѣ чрезвычайно много. Однихъ серебряныхъ сусудовъ этого рода „золоченыхъ и бѣлыхъ" 55 штукъ, не считая экземпляровъ, сдѣланныхъ изъ кости, изъ пластинокъ единорога, изъ горнаго хрусталя, изъ серпентина, или изъ камня змѣевика; большая часть ихъ сдѣлана чрезвычайно богато и изящно. Прилагаемая здѣсь кружка (см. рис. 1.) сдѣлана изъ серебра сканной работой, то есть изъ витой серебряной проволоки, гуесто вызолочена по синей и зеленой финифти, до половины снизу она осьмиугольная; рукоять у нея въ-видѣ извивающейся змѣи, а на верху крышки литая обезьяна. Вѣсу въ ней 1 ф. 29 золотн. Откуда и когда поступила она въ Оружейную Палату неизвѣстно; видно только, что она тонкой древней восточной работы. А вотъ другая кружка (см. рис. 2) вѣсомъ въ 10 ф. 92 золотн., тоже изъ серебра и вызолоченная съ изображеніемъ цвѣтовъ по зеленой финифти; на рукояти кружки и на крышкѣ по человѣческой головкѣ, изящно отдѣланной. Время и мѣсто происхожденія этой кружки также неизвѣстно. 2) Кулганы, или кунганы по нашему кувшины, съ крышкою, иногда съ рыльцемъ, а иногда безъ него. Названіе кулганъ — татарское. Всѣхъ золоченыхъ серебряныхъ кувшиновъ или кулгановъ въ Оружейной Палатѣ 31, изъ нихъ 28 вѣсомъ отъ 10 до 16 фунтовъ, остальные три отъ 2 до 10 ф. Кромѣ того есть два кувшина, или кулгана, хрустальные, принадлежавшіе Петру Великому. Одинъ изъ нихъ, огромный по размѣрамъ и чрезвычайно изящный по работѣ, изъ цѣльнаго восточнаго хрусталя. Прилагаемый здѣсь на рисункѣ образчикъ кулгана (см. рисунокъ 3) серебряный золоченый, вѣсомъ въ 10 ф. 27 лот. Время поступленія его въ собраніе Оружейной Палаты неизвѣстно. Неизвѣстно также откуда и когда въ нашу древнюю царскую сокровищницу попалъ этотъ Розсольникъ, или Салатникъ (см. рис. 4), чрезвычайно богато украшеный цвѣтами и травами. Сулея или графинъ, (см. рис. 5) изъ китайскаго фарфора, писана кобальтомъ и принадлежала царевичу Ивану, сыну Грознаго. Крышка обдѣлана въ серебро съ позолотой и прикрѣплена къ шейкѣ сулеи цѣпочкой. По ободу горлышка нарѣзана надпись: „Сулея царевича князя Ивана Ивановича". Какъ сулей, такъ и салатниковъ не одинъ экземпляръ въ Оружейной Палатѣ. Между послѣдними особенно есть богатые экземпляры.

(Рис. 4). Розсольникъ или салатникъ, изъ серебра съ изображеніемъ цвѣтовъ и травъ.

(Рис. 5). Сулея царевича Іоанна Іоанновича.

(Рис. 2). Кружка изъ серебра съ изображеніемъ цвѣтовъ по зеленой финифти.

О четырехъ (кромѣ сулеи) помѣщенныхъ въ этомъ номерѣ „Нивы" изображеніяхъ посуды мы замѣтили, что неизвѣстно ни происхожденіе ни время поступленія ихъ въ царское казнохранилище. Это происходитъ отъ того, что до царя Михаила Ѳедоровича не было обычая на вещахъ, подносимыхъ царямъ въ даръ, отмѣчать когда и отъ кого поступили онѣ. Вслѣдствіе этого изъ 1600 различныхъ золотыхъ, серебряныхъ и прочихъ предметовъ, хранящихся въ Московской Оружейной Палатѣ, едва о трети можно сказать когда и по какому случаю онѣ туда поступили.

Къ числу неопредѣлимыхъ также по происхожденію вещей принадлежитъ изображенный здѣсь (см. рис. 6) превосходной работы булатный щитъ, обдѣланный въ золото, и украшенный драгоцѣнными каменьями. Въ срединѣ его, около небольшого, образовавшагося отъ времени, отверстія есть возвышеніе, или такъ называемый *пупъ* щитовой изъ бирюзы и драгоцѣнныхъ камней. Между этимъ пупомъ и недалеко расположеннымъ отъ него кругомъ идутъ косыя грани. Такія-же грани идутъ отъ внутренняго только что показаннаго круга къ наружному ободу. Въ граняхъ помѣщены изъ золота виды битвъ и охоты, также изображенія различныхъ звѣрей, охотниковъ и сокольниковъ. Люди всѣ изображены въ персидской одеждѣ; судя по этому можно бы заключить, что щитъ присланъ изъ Персіи, но заключеніе это, конечно, не будетъ вполнѣ вѣрно, ибо вещь съ персидскими знаками могла быть прислана намъ отъ кого-либо изъ Кавказскихъ владѣльцевъ, отъ турецкаго султана, изъ Молдавіи и т. д. Въ документахъ о присылкѣ въ даръ этого щита нигдѣ ничего не упоминается. Цѣна щиту въ старинныхъ описяхъ Оружейной Палаты показана въ тысячу рублей, что на наши деньги составитъ сумму по крайней мѣрѣ раза въ четыре съ половиной большую.

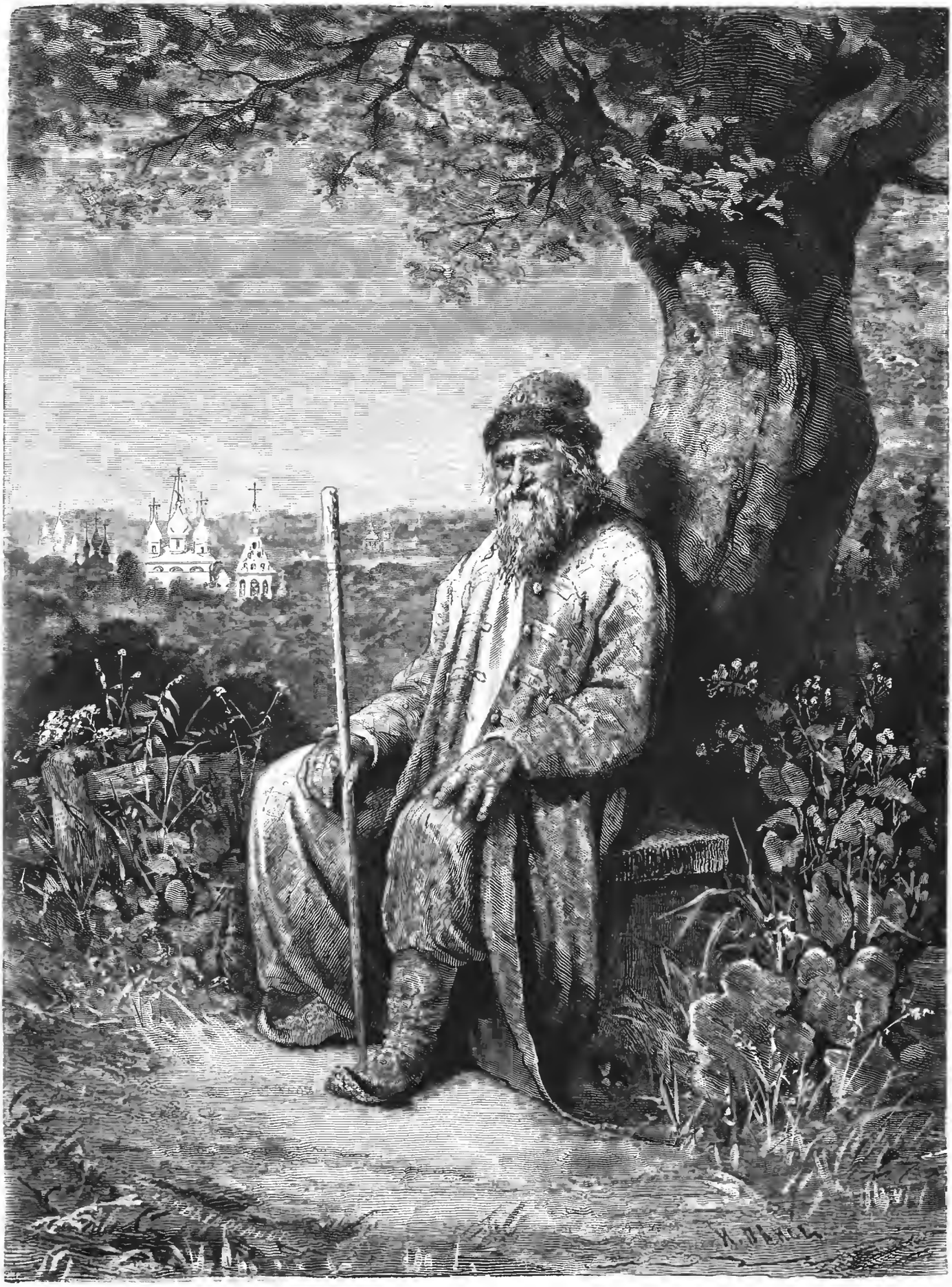
И. Звѣревъ.

(Рис. 6). Булатный щитъ, обдѣланный въ золото съ украшеніями изъ драгоцѣнныхъ камней.

(Рис. 3.) Кулганъ серебреный вызолоченый.

(Рис. 1). Кружка изъ серебряной проволоки, вызолоченная по синей и зеленой финифти.

Библиотека "Руниверс"



Бояринъ въ опалѣ. Оригинальный рис. И. С. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Бояринъ въ опалѣ

(Къ рисунку И. Панова).

Бояринъ навлекъ на себя немилость царскую и сосланъ на житье въ одну изъ своихъ вотчинъ; тамъ живетъ онъ, удручаемый скукою. Довольно у него достатка: не только про свой домашній обиходъ, но и для помощи нуждающимся. У него есть не только необходимое, у него есть все то, что относилось въ старые, добрые годы (лѣтъ 200—250 тому назадъ) къ блеску и представительству знатныхъ людей. Въ его обширныхъ усадьбахъ раскинулись роскошные сады съ прихотливыми растеніями; у него есть пруды съ рѣдкою рыбою, есть также пруды съ лебедями, составлявшими необходимое, лакомое блюдо всякихъ торжественныхъ пировъ тогдашняго времени. Есть у него заповѣдные лѣса, полные всякой дичи. Сотни слугъ ждутъ только его мановенія, чтобы исполнить его волю. Тысячи крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ людей работаютъ на него безпрекословно; всѣ эти люди зовутъ его „Государь". Такъ велось въ старое время. Чего бы кажется недоставало для счастія и спокойствія жизни? Но бояринъ скучаетъ. Отуманенный его взоръ не замѣчаетъ довольства и роскоши, разсыпанныхъ около него судьбою. Самый храмъ Божій, призывающій къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, не производитъ на него успокоивающаго вліянія. Его мысли устремлены туда, гдѣ есть сорокъ сороковъ церквей и среди нихъ—Иванъ Великій. Тамъ бы онъ хотѣлъ быть, пожить хоть одинъ день, хоть однимъ глазомъ взглянуть на то, что происходитъ въ Москвѣ, среди его братьи бояръ, исудаленныхъ отъ царскихъ очей. Тамъ онъ въ свое доброе, счастливое время каждодневно утромъ являлся во дворецъ; являясь туда, гордо проходилъ крыльцо, гдѣ стояли нечиновные или еще молодые люди и вступалъ въ переднюю, дожидался того часа, когда выходилъ Государь изъ внутреннихъ покоевъ. Здѣсь онъ удостоивался нѣсколькихъ словъ отъ Государя, а если было надо, то и самъ обращался къ нему съ просьбою. Затѣмъ онъ съ Государемъ шелъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни являлся опять во дворецъ присутствовать при разборѣ дѣлъ. А нарочитые дни, дни великихъ церковныхъ и царскихъ семейныхъ торжествъ? Опальный теперь бояринъ не былъ забытъ въ эти дни, когда былъ при дворѣ. Вотъ хоть бы взять 21 декабря, день святителя и чудотворца Петра, когда Царь и весь дворъ обѣдали у Патріарха. Еще 19-го числа являлся святѣйшій во дворецъ звать къ себѣ Государя и старшаго царевича въ гости на 21-е число, причемъ звалъ и дворъ; вмѣстѣ съ другими святѣйшій не забывалъ и его, нынѣ опальнаго человѣка. А въ день Рождества Христова? Изгнаннику, живущему теперь въ захолустьѣ деревенскомъ, доводилось въ этотъ радостный день бывать особенно близко при Государѣ, когда онъ, надежа, за 4 часа до свѣта, согласно древнему обычаю своихъ предковъ, ходилъ на тюремный дворъ подавать милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ. Разъ, правда, сильно онъ, бояринъ, прозябъ во время этого путешествія Государева: погода была холодная, съ вѣтромъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, на пути Государю явилась не одна сотня нищихъ и раненыхъ солдатъ. Не одѣливши всѣхъ изъ своихъ царскихъ рукъ, Государь не возвращался обыкновенно въ такихъ случаяхъ домой; бояринъ прозябъ. Но за то, когда вервулись во дворецъ,—вознагражденіе было полное. Его братья, бояре, кто съ доброжелательствомъ, а кто и съ завистью посматривали на него, счастливаго спутника Государева. Затѣмъ явившееся во дворецъ духовенство всѣхъ соборовъ, чтобы славить Христа, обращалось къ нему въ тотъ разъ съ особеннымъ почетомъ. Въ день Богоявленія тоже, когда шелъ на „Іордань" на Москвѣ рѣкѣ, великій Государь въ полномъ своемъ царскомъ облаченіи, и святѣйшій патріархъ священнодѣйствовалъ, онъ, бояринъ, занималъ не послѣднее мѣсто между приближенными къ Государю, и всѣ его видѣли на этомъ мѣстѣ, даромъ что было въ это время много народу и стрѣльцы въ составѣ 12 приказовъ отодвигали народъ отъ главной сцены дѣйствій. Въ Прощальное Воскресенье опять онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Въ этотъ день Государь прямо изъ Успенскаго собора шелъ съ боярами и думными людьми къ Патріарху, гдѣ собраны были всѣ „власти" (архіереи и архимандриты), производилось взаимное угощеніе: Государя и его свиты—патріархомъ, а патріарха и властей—Государемъ. Въ это время была на виду и боярыня-то его, раздѣляющая теперь съ нимъ печальное изгнаніе. Она сопровождала царицу, когда та, въ концѣ масляницы, обходила съ родственниками, родственницами и мамками кремлевскіе соборы и монастыри. Для всѣхъ стороннихъ Кремль въ это время запирался. Много и другихъ подобныхъ случаевъ воскресаютъ въ головѣ боярина, особенно представляется ему сильно „Великъ Девъ"—день Пасхи, когда царь, отслушавъ утреню въ Успенскомъ соборѣ и похристосовавшись съ Патріархомъ и архіереями въ уста, всѣ прочія духовныя лица, а равно и свѣтскую знать, бывшую съ нимъ въ церкви, жаловалъ къ рукѣ. Затѣмъ шелъ въ Вознесенскій соборъ поклониться гробу матери, въ Архангельскій соборъ поклониться гробу отца и окончивъ свое посѣщеніе Благовѣщенскимъ соборомъ, гдѣ христосовался опять въ губы съ своимъ духовникомъ, возвращался снова въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Въ этотъ день, радостный для всѣхъ, когда царь особенно былъ также радостенъ, онъ, бояринъ, былъ на своемъ мѣстѣ, подобающемъ его роду и званію и дѣлилъ общую радость. Случилось, правда, разъ ему повздорить въ этотъ день съ своимъ братомъ бояриномъ, который вздумалъ итти съ нимъ рядомъ, будучи ниже его родомъ, но онъ проучилъ наглеца, вытолкнувъ его изъ ряда, и Государь—надежа, справедливый всегда, а въ этотъ день тѣмъ паче, снисходительно изволилъ простить его спутнику, тѣмъ дѣло и кончилось; въ другой бы день, конечно, Государь далъ свой строгій указъ противъ нарушителя спокойствія. Да, грустный этотъ случай и не забывается онъ даже теперь, когда, казалось бы другая, болѣе глубокая скорбь объ опалѣ, должна вытѣснить изъ воспоминанія всѣ мелочныя представленія о прошлыхъ стычкахъ и раздорахъ съ боярами.

Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторое объясненіе, чтобы дать читателямъ возможность представить себѣ, какой взглядъ на мѣста, занимаемыя боярами, господствовалъ въ старой, до-петровской Руси. По этому взгляду всякій стоялъ твердо за мѣсто, которое, по его понятію, принадлежало ему на службѣ, при придворныхъ церемоніяхъ, празднествахъ и пр. Если ему давали мѣсто низшее, или равное съ тѣмъ, кого онъ считалъ ниже себя, то онъ этого мѣста не принималъ, не смотря ни на какія приказанія Государя. Государь могъ располагать жизнью и имуществомъ боярина, но не его мѣстомъ. Самъ Іоаннъ IV, столь грозный и неумолимый въ другихъ случаяхъ, не могъ ничего сдѣлать противъ мѣстничества. Бояре безпрекословно принимали смерть отъ руки Іоанна, когда онъ на нихъ сердился, но не позволяли посадить или поставить себя наравнѣ съ человѣкомъ, а тѣмъ паче ниже человѣка, который, по ихъ понятію, былъ имъ *не въ версту*, то есть былъ ниже ихъ. Обиженный мѣстомъ не могъ даже согласиться на такое униженіе, еслибы и хотѣлъ; ибо, еслибы онъ самъ уступилъ, то не уступили бы прочіе его родичи и заявили бы о томъ протестъ, какъ это показываетъ примѣръ челобитной, поданной княземъ Ноготковымъ отъ имени всего рода князей Оболенскихъ царю Борису (см. № 15 „Нивы", 1877 г. стр. 238, прим.). Въ тогдашнее время родъ очень былъ дружень и твердъ въ своемъ составѣ. На этой твердости и замкнутости рода основывались и обычаи взысканій правительственныхъ. Оказывался виновнымъ одинъ членъ рода—подвергались опалѣ всѣ родичи. Обычай этотъ, непонятный иностранцамъ и кажущійся мудренымъ и для насъ, имѣетъ свое основаніе въ исторіи. Для полноты объясненія скажемъ еще, что мѣстникъ, то есть человѣкъ, начинавшій споръ изъ-за мѣста, считалъ себя всегда правымъ, хотя бы въ дѣйствительности и далеко не былъ правъ. Это воззрѣніе выразилось и въ воспоминаніи опальнаго боярина, по поводу спора за мѣсто въ день Пасхи. По понятію его, онъ не сдѣлалъ ничего худого, вытолкнувъ своего товарища изъ ряда, и Государь, если могъ сердиться, то сердился ужь отнюдь не на него, зачинщика спора, а на его товарища.

Но обратимся къ нашему опальному боярину. Всѣ эти воспоминанія только будятъ тревогу въ душѣ невольнаго жителя деревни, но освободиться онъ отъ нихъ не можетъ. Напрасно окружающая его жизнь направляется на его вниманіе: то является приказчикъ съ докладами по хозяйственнымъ дѣламъ, то приходитъ духовенство, бѣлое и черное, за щедротами боярина, то крестьянскій міръ, не уладившись съ его людьми, ищетъ его посредничества, бояринъ не хочетъ знать ничего. Но вотъ сосѣдъ, небогатый помѣщикъ, шлетъ опальному боярину сказать, что въ его боярскія владѣнія ушли отъ него, бѣднаго владѣльца, крестьяне, захвативъ притомъ различныя господскія вещи *). Опальный бояринъ не злой человѣкъ, ему не нужно чужого добра, и будь онъ по прежнему при дворѣ, въ силѣ и милости, онъ ни минуты бы не задумался удовлетворить справедливому требованію сосѣда. Онъ удовлетворитъ ему и теперь, но удовлетворитъ не иначе, какъ съ желчью въ сердцѣ. Ему кажется, что самая претензія объ отошедшихъ къ нему людяхъ потому только ему заявлена, что онъ теперь не то, что былъ прежде—онъ теперь *опальный* человѣкъ. И вотъ, опять сѣтуя на свое положеніе, онъ вспоминаетъ о тѣхъ дѣлахъ, когда онъ жилъ въ московскомъ своемъ домѣ и ему ежедневно носили съ царской кухни *подачи*, т. е. кушанья. Конечно, кушанья онъ могъ имѣть какія угодно и въ своемъ собственномъ домѣ и, понятно, что чувство скорби овладѣваетъ имъ при этой мысли потому, что теперь онъ лишенъ чести имѣть *подачу* отъ царскаго стола. Равнымъ обра-

*) Правительство въ старину давало въ награду своимъ служилымъ людямъ помѣстья, то есть извѣстное количество населенной земли. Изъ многихъ имѣній люди уходили, если имъ тамъ было тѣсно, и селились гдѣ было выгоднѣе. Между прочимъ часто перебѣгали отъ мелкихъ собственниковъ къ крупнымъ, потому что у послѣднихъ было обыкновенно льготнѣе для людей. Правительство возвращало эти переходы, но они подъ рукой продолжали существовать и сильные люди обогащались этими переходами.

Библиотека "Руниверс"

зомъ и своего цвѣтного платья не переносить боярину, а все же грустно ему, что теперь онъ не получаетъ, какъ прежде, отъ Государя матерій на кафтанъ или ферязь *), не получаетъ и серебряной посуды, какъ опальный человѣкъ. Долго-ль продлится его опала,—неизвѣстно. Можетъ быть доведется и глаза закрыть, не увидѣвъ больше Бѣлокаменной. Спросить бы кого-нибудь изъ людей, что тамъ поближе, нѣтъ ли надежды на смягченіе злой участи, да кого спросить. Сродники и близкіе всѣ тоже ужь теперь не при дворѣ, а по разнымъ захолустьямъ. И грустно проходятъ для опальнаго боярина дни за днями и не веселитъ его то довольство жизни и та прелесть природы, которыми онъ, казалось, могъ такъ безмятежно пользоваться.

И. Звѣревъ.

Изъ древне-римской жизни **).

I.

Скачки въ циркѣ.

Въ долинѣ между Авентиномъ и Палатиномъ съ его волнующимися холмами, стоитъ циркъ. Сегодня всѣ направляются сюда: дворцы богачей и хижины бѣдняковъ стоятъ пустые; знать и чернь, большой и малый, все шумно устремляется къ мѣсту сегодняшняго великаго торжества—праздника въ честь богини Флоры.

Женщины и дѣвушки съ розами въ черныхъ волосахъ, мущины въ праздничныхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ, какъ волны колышутся на устроенныхъ мѣстахъ; окна, стѣны, крыши, все затоплено народомъ, ожидающимъ процессіи, которая должна выйдти изъ Капитолія, и черезъ празднично-разукрашенный форумъ и арену для боя быковъ, войти черезъ среднія ворота въ циркъ.

Наконецъ, процессія заворачиваетъ къ цирку. Впереди, скачутъ на лошадяхъ герольды, возвѣщая взволнованной толпѣ приближеніе Цезаря.

Циркъ великолѣпно убранъ. Колонны и портики обвиты гирляндами, оркады украшены цвѣтами. Посреди ристалища возвышается *Spina*, (продольная линія, родъ хребта, составленная изъ алтарей, санктуарій и проч. и перерѣзывавшая циркъ по серединѣ); она уставлена статуями, храмиками, санктуаріями, и увѣнчана солнцеснымъ обелискомъ. Это подарокъ Цезаря. Снятая покрышка обнаруживаетъ пылающій алтарь консула со статуями богинь посѣвовъ и жатвъ; южнѣе отражаютъ на солнцѣ золотыми лучами колосальныя бронзовыя статуи Геркулеса и ѣдущей на львахъ Изиды.

Окутанныя благовонными облаками дыма, появляются святилищницы Феба и Ирана. — На сѣверѣ и югѣ, стѣны заключаются строгими цѣлевыми столбами. Подобно могучимъ указательнымъ пальцамъ, подымаются къ небу ихъ три остроконечныя вершины, какъ бы напоминая объ опасностяхъ скачекъ. Какъ слѣпитъ глаза отражающееся въ сверкающемъ пескѣ солнце! Твердо утлаженная, раскаленная земля, ждетъ грозныхъ ударовъ конскихъ копытъ.

Зданіе окружено двумя этажами ступень изъ потемнѣвшаго отъ времени мрамора; онѣ служатъ сидѣньями для публики и вмѣстѣ въ тѣмъ—базисомъ для громадныхъ деревянныхъ подмостокъ, которые вмѣщаютъ на своихъ скамьяхъ еще столько же зрителей. Сегодняшній праздникъ имѣетъ притягательную силу магнита: его даетъ Цезарь. Всѣ мѣста, всѣ уголки громаднаго зданія, заняты; верхнія деревянныя скамьи трещатъ подъ тяжестью сидящихъ; перила и галлереи исчезаютъ въ хаосѣ одеждъ. Даже Палатинскіе холмы покрыты массами народа, завидующаго счастливцамъ, доставшимъ себѣ мѣста въ циркѣ.

Ничто не можетъ сравниться съ терпѣніемъ этого народа, который съ такимъ изумительнымъ самоотверженіемъ и упорствомъ, презирая пыль, жаръ, голодъ и жажду, въ самыхъ неловкихъ положеніяхъ, въ теченіи столькихъ, лѣниво и медленно тянувшихся, часовъ ждетъ начала зрѣлища.

Блѣдныя, почти падающія безъ чувствъ женщины съ умирающими отъ жажды дѣтьми на рукахъ или на спинѣ, или съ грудными младенцами у увядшей груди, стиснутыя со всѣхъ сторонъ орущей, пьяной до безумія возбужденной толпой; стонущіе больные; безпомощные калѣки, которыхъ тискаютъ и давятъ, и которые задыхаются на пыли и солнечномъ припекѣ; нахальныя, дерзкія женщины, въ грубости старающіяся перещеголять мущинъ; воры и бѣглые каторжники, однимъ словомъ, общество, лишенное всякой нравственности, способная на всякое преступленіе, наполняетъ верхнія галлереи цирка: эти мѣста осаждались уже съ ранняго утра и брались приступомъ, но ихъ недостаточно, чтобы вмѣстить густыя толпы, все еще прибывающія и прибывающія бурнымъ потокомъ.

Ссоры и драки, переходящіе въ настоящія побоища, давки на верху, отталкиванье другъ друга внизъ, протискиванье впередъ, не смотря ни на какія препятствія, перелазыванье одного черезъ другого, паденія, рукопашныя схватки, удары кулаками, пырянья ножами, ни одно средство не остается непробованнымъ, чтобъ только взглянуть на зрѣлище, котораго ждали съ такимъ горячимъ нетерпѣніемъ.

Вотъ кровь полилась у всѣхъ быстрѣе, жилы застучали: чаще и чаще повторяющійся звукъ роговъ и трубъ возвѣщаетъ появленіе Цезаря.

Наконецъ онъ приближается среди своей блестящей свиты, своего семейства, совѣтниковъ, кліентовъ и служителей, подъ покровительствомъ Олимпійскихъ боговъ, богъ самъ. Всѣ присутствующіе почтительно встаютъ съ своихъ мѣстъ, махаютъ руками, платками, вѣнками; раздаются привѣтственные крики какихъ еще никогда не слышалъ Римъ; они потрясаютъ воздухъ, долетая до самыхъ отдаленнѣйшихъ частей города.

Голуби выпархиваютъ на волю и разносятъ по городу вѣсть о томъ, что праздникъ начался.

Августъ блѣденъ; у него едва хватаетъ силы благодарить народъ легкими движеніями руки. Безграниченъ кажется восторгъ его римлянъ, которые называютъ его „отцомъ“ и „счастіемъ и радостью отечества“.

Медленно и торжественно переступаетъ еле-еле двигающійся праздничный поѣздъ границы цирка, и своей важной скукой умѣряетъ шумные восторги публики. Лишь нѣкоторыя любимыя божества удостоиваются, проходя мимо, возгласовъ и подарковъ.

Консулы, жрецы, жертвоприносители начинаютъ свои службы съ обычными возліяніями и молитвами. Подъ топоромъ первосвященника, бѣлые жертвенные быки падаютъ къ подножію алтарей, въ честь богамъ, во здравіе людямъ, въ охрану играмъ.

Мѣста, откуда должны выбѣжать четверни, еще заперты; цѣпь, которую держатъ два маленькихъ прислужника, еще виситъ передъ ними слабой петлей, а между зрителями уже составились значительные пари. Предводители партій торопливо занимаютъ свои мѣста.

Въ отдѣленіи, гдѣ стоятъ колесницы, идетъ большая дѣятельность. Великолѣпныхъ коней тщательно чистятъ, украшаютъ ихъ гривы, подвязываютъ хвосты, и бичами, цвѣтными лентами и возбуждающими словами, еще усиливаютъ ихъ волненіе.

Бѣговыя колесницы окрашены въ четыре цвѣта партій: зеленый, голубой, красный и бѣлый; лошади также украшены въ цвѣта той партіи, къ которой онѣ принадлежатъ.

Вожди колесницъ одѣты въ короткія туники безъ рукавовъ; на головахъ у нихъ гладкій шлемъ, грудь, руки и ноги обвиты ремнями, у пояса виситъ острый кривой ножъ.

Мѣста четыремъ четверкамъ опредѣляются жребіемъ: бѣлымъ досталось правое крыло, зеленымъ—лѣвое, голубые и красные встали по срединѣ. Также подвергается испытанію возрастъ скакуновъ.

Эмилій Гутта, представитель зеленыхъ, съ знаменитымъ Пассерипусомъ въ лѣвой, и Океанусомъ въ правой пристяжкѣ, съ Фортунатусомъ и Целаторомъ въ корню, едва можетъ сдержать нетерпѣніе своихъ коней. Отважно вздымаютъ они съ земли облака пыли.

Рядомъ съ зелеными стоитъ Ліусъ Феликсъ, вождь голубыхъ, молодой человѣкъ съ сильнымъ тѣлосложеніемъ и проницательнымъ взглядомъ. Гордо откинувшись въ своей колесницѣ, онъ держитъ поводья своихъ коней въ жилистомъ кулакѣ, и отъ времени до времени взмахиваетъ черезъ ихъ головы свистящимъ бичемъ. Его лѣвый сподручный, четырехъ годовалый бѣлый жеребецъ Потатусъ Разрисованный, для защиты отъ мухъ, покрытый тонкой сѣтью, съ пылающими глазами ждетъ когда отнимутъ прочь хорошо знакомую рѣшетку. Прекрасная лошадь, вся бѣлая какъ первый выпавшій снѣгъ, имѣетъ только на лѣвомъ боку два темныхъ родимыхъ пятна въ видѣ львиныхъ лапъ. Болѣе быстроногаго коня никогда не видѣлъ циркъ. Къ нему присоединяются равные съ нимъ по рожденію товарищи: Флэгонъ, Тигрисъ и Курсоръ, изъ Мизійскихъ заводовъ.

Высоко взвиваются на дыбы могучіе кони краснаго вождя подъ ударами тонкаго бича, который, едва касаясь шерсти, не причиняетъ боли, а скорѣе только щекотитъ горячихъ животныхъ.

Аѳинянинъ Гироклесъ, атлетическая фигура съ блѣднымъ лицомъ и рѣзкими чертами, которому его партія дала огромную сумму, самоувѣренно и спокойно ожидаетъ начала скачекъ. Двое изъ его братьевъ простились съ жизнью на аренѣ; онъ былъ послѣдній изъ трехъ сыновей.

Его лѣвая лошадь Саксо, та, что отличилась на скачкахъ въ большомъ Агогіѣ въ Антіохіи. Послѣ смертельнаго паденія

*) При старинномъ нашемъ царскомъ дворѣ готовились многочисленныя кушанья для раздачи боярамъ, думнымъ людямъ и стольникамъ, и бѣда, если кому нибудь по ошибкѣ не были посланы кушанья. На другой день съ бранью и крикомъ обойденный блюдомъ требовалъ объясненія отъ дворцовой прислуги въ этомъ оскорбленіи своей чести. Съ царской же кухни удовлетворялись столомъ и послы иностранныхъ державъ. Кромѣ этихъ раздачъ кушанья, боярамъ время отъ времени давались куски матерій на платье, съ полнымъ приборомъ на подкладку, отдѣлку и проч. Дарились также изъ запасовъ царскаго разныя вещи изъ посуды: чары, кубки, блюда серебряныя и т. п.

(** Заимствовано изъ появившагося недавно превосходнаго сочиненія «*Aus altrömischer Zeit Culturbilder*», v. Theodor Simons. Berlin, Gebrüder Paetel. Lief 1—3. (Картины изъ древне-римской жизни, соч. Теодора Симонса, изд. въ Берлинѣ братьями Петель. Въ Петербургѣ можно получить это изданіе на нѣмецкомъ языкѣ въ книжномъ магазинѣ Риккеръ.

Картинки къ этой статьѣ взяты также изъ вышеупомянутаго сочиненія г. Симонса.

Библиотека "Руниверс"

Призывъ къ молитвѣ съ мечети въ Рущукѣ. Оригинальный рис. Н. Каразина.

Библиотека "Руниверс"

его брата, благородный конь, сознавая свою задачу, безъ вождя, еще три раза проскакалъ съ колесницей вокругъ арены и побѣдилъ.

Не мудрено, что всѣ лошадиные знатоки въ Римѣ мечтали объ этомъ благородномъ животномъ; на него прозакладывали цѣлыя состоянія.

Теперь выѣзжаетъ съ своими вѣрными конями Евтихусъ, вождь бѣлыхъ.

Евтихуса знаетъ весь Римъ подъ именемъ „Лускуса одноглазаго". Разъ, во время скачекъ, разгоряченный противникъ попалъ въ него бичемъ; но лишась праваго глаза, преодолѣвъ мучительную боль, онъ все-таки выигралъ призъ и пальму. Отважны и безстрашны какъ онъ самъ, его кони, Пиронсъ, Элатусъ, Велоксъ и Спартакусъ. Они знаютъ голосъ своего господина и его мощную руку.

Между тѣмъ Цезарь-Августъ, ведомый двумя служителями, занялъ мѣсто въ своей ложѣ, отѣненной шатрообразной крышей, которая вышита золотомъ по зеленому полю. Сосѣднія ложи заняты его приближенными, совѣтниками, кліентами и приглашенными. Дальше сидятъ длинными рядами жрицы Весты и Изиды подъ опущенными вуалями; напротивъ помѣщаются важнѣйшіе сановники Рима и представители города.

Къ нимъ почтительно присоединяются шестьсотъ сенаторовъ въ ихъ форменномъ

Танцовщица между кинжалами на пиру у Лунулла.
Рис. А. Вагнеръ.

своимъ братомъ, Руфусъ, Деліусъ Тубеpо, Паулусъ Максимусъ, сенатскій старѣйшина.

Одобрительный ропотъ раздается среди публики при входѣ совѣтниковъ: Сильніуса Месены, Мессала Корвинуса и Випсаріуса Агриппы. Съ какимъ важнымъ достоинствомъ лежитъ въ своихъ голубыхъ подушкахъ Канниіусъ Дентатусъ, человѣкъ, пользующійся такимъ же большимъ значеніемъ, какъ и состояніемъ; это кураторъ городскихъ водопроводовъ.

Во второмъ ярусѣ однообразно тянется длинный рядъ различныхъ религіозныхъ орденовъ: эпулоны, діалы, марціалы, квириналы, куріалы, фетіалы, луперкалы, жрецы Цибилы и Пана, наконецъ саліеры въ пестрыхъ одеждахъ, всѣ появились, чтобы присутствовать на великомъ празднествѣ.

Теперь слѣдуютъ, благоговѣйно отдавъ должный поклонъ передъ императорской ложей, отцы города, высокій магистратъ въ драпирующихся глубокими складками одеждахъ; имъ предшествуютъ ликторы, замыкаетъ шествіе залитая золотомъ свита, предводительствуемая курулійскимъ эдилемъ. Шумно занимаютъ они бѣлыя кресла, которыя украшаютъ большую городскую ложу, убранную цвѣтами города. За ними идетъ длинная вереница патриціевъ. Что только есть въ Римѣ знаменитаго и знатнаго,

Скачки въ древне-римскомъ циркѣ.

костюмѣ—туникѣ и черныхъ полусапожкахъ съ луной. Ближе всѣхъ къ императорской ложѣ сидитъ Валеріусъ, старецъ сановникъ, съ длинной сѣдой бородой и серебряными кудрями; дальше Синна съ преторомъ Непосомъ, Маркъ Эмилій, Капито, Крементіусъ, Кардусъ, Эгнатій. Старшій съ все собралось теперь здѣсь, въ этомъ большомъ мраморномъ зданіи.

Въ самомъ низу блещетъ роскошный цвѣтникъ; это святилище женщинъ. Тутъ земная красота можетъ поспорить съ мраморными идеалами. Нѣжныя красавицы, лучшее украшеніе

Библиотека "Руниверс"

Рима, одѣтыя въ бѣлыя, зеленыя, голубыя пурпуровыя одежды, обмахиваются вѣерами и сверкаютъ глазами не меньше чѣмъ драгоцѣнными камнями своихъ уборовъ. Какъ Плотилла, Валерія и Руфи соперничаютъ съ своими сосѣдками пышностью костюма, богатствомъ и родомъ! Въ великолѣпныхъ ложахъ разсѣяны, подобно розамъ, всѣ красавицы, какія только есть въ стѣнахъ тибрскихъ, эсквилинскихъ, палатинскихъ и авентинскихъ дворцовъ. Точно стрѣлы изъ лука Купидона, стрѣляютъ дѣвичьи взгляды въ сердца молодыхъ наѣздниковъ; выстрѣлы эти дѣлаютъ глубокія, неизлечимыя, никогда незаживающія раны. Подобны лиліямъ на темномъ фонѣ тѣ шесть дѣвушекъ въ нѣжныхъ бѣлыхъ одеждахъ. Въ первый разъ выйдя изъ дѣтской и вступивъ въ свѣтъ, невинно и боязливо придвигаютъ онѣ другъ къ другу свои чернокудрыя головки, опускаютъ глаза внизъ и при крикахъ толпы вздрагиваютъ какъ молодыя лани. Въ замѣшательствѣ перебираютъ онѣ нѣжными руками золотыя кисти своихъ одеждъ.

— Ахъ, Ромула! говоритъ одна изъ нихъ своей сосѣдкѣ,— какъ противенъ весь этотъ шумъ и крики. Я ужасно боюсь. Цезарь Августъ долженъ бы былъ запретить этотъ дикій гамъ.

— Туллія! Чего бы я не отдала, чтобы поскорѣе начались скачки. Не знаю, какъ дождаться, увидѣть прекраснаго Эмилія, которымъ восхищается весь Римъ.

— Увѣрена-ли ты, Олимпія, что лошади намъ ничего не сдѣлаютъ? Вѣдь онѣ крѣпко привязаны, не правда-ли? боязливо спрашиваетъ Ирена.

Парвула говоритъ:—какъ вы думаете, кто побѣдитъ, зеленые? Зеленый, цвѣтъ моего сердца.

— Ахъ, милыя подруги,—возражаетъ Хлориса,—вотъ увидите, что сегодня быть несчастію, потому что ужь слишкомъ я радовалась этому чудесному дню и скачкамъ. Но, подумайте только, сегодня рано утромъ я увидѣла въ моей комнатѣ большого паука. Я такъ отчаянно вскрикнула, что сбѣжались всѣ невольницы въ домѣ. Я еще и теперь дрожу какъ вспомню о паукѣ.

Такъ щебечутъ и шепчутся между собой невинныя дѣти, еще не тронутыя дыханіемъ этой дикой жизни.

Подлѣ нихъ, въ купеческой ложѣ, сидятъ двѣ молодыя женщины, бросающіяся въ глаза своими фигурами, вызывающими взглядами и пышнымъ туалетомъ, увѣшанныя запястьями, кольцами, ожерельями и цѣпочками. Пожалуй, можно бы принять ихъ за дамъ высшаго сословія.

Но сидящая позади ихъ матрона, ихъ спутница, нанята за деньги сопровождать ихъ на скачки. Наряды и драгоцѣнности принадлежатъ закладчицѣ живущей, подъ арками лѣстницъ форума. Если хотите узнать происхожденіе этихъ красавицъ, то идите завтра въ домъ, что въ кварталѣ форума. Въ девятой лавкѣ по лѣвую руку мать продаетъ по фунтамъ рыбу, раковъ и макрелей.

Въ тѣни сводовъ цирка пристроилась одинокая, избѣгаемая всѣми женщина, на которую тяжело смотрѣть. Дико висятъ ея волосы по лицу и плечамъ, тщетно ищутъ ея блуждающіе глаза на чемъ бы остановиться въ обширномъ пространствѣ цирка. Это сумасшедшая, но нѣкогда она была красавица, богата и уважаема всѣми. Квинтилій Варъ, побитый херусками, былъ ея мужемъ. Храбрый полководецъ покоится въ Тевтобургскомъ дремучемъ лѣсу, среди избитыхъ вмѣстѣ съ нимъ римскихъ воиновъ.

Съ тѣхъ поръ въ стѣнахъ Рима бродитъ, не находя себѣ покоя, бѣдная безумная его вдова, дразнимая уличными ребятишками, презрительными насмѣшками старого и малаго. Ее называютъ въ насмѣшку „съумасшедшая тевтобургерша“.

Между зрителями дѣлается всеобщее движеніе. Агриппа, зять императора, медленно объѣзжаетъ въ своей колесницѣ часть цирка, во всѣ стороны разсыпаются герольды; скрипя отворяются рѣшетки, но бѣлый шнурокъ линеаторовъ и цѣпь мораторовъ еще на нѣсколько минутъ сдерживаютъ пылъ нетерпѣливыхъ коней, съ которыми уже почти невозможно справляться дольше. Всѣ глаза обращаются на императорскую ложу, откуда долженъ быть поданъ знакъ къ началу скачекъ. Въ эту минуту въ циркѣ настаетъ почти безмолвная тишина; никто не думаетъ о своемъ сосѣдѣ, всѣ шеи вытягиваются впередъ, всякій приподымается, чтобы лучше видѣть и наблюдать, что происходитъ на главномъ мѣстѣ дѣйствія.

Вотъ, да, вотъ наконецъ развѣвается надъ пескомъ арены, точно вѣстовой голубь, знакомый бѣлый платокъ; шнурокъ и цѣпь падаютъ, играютъ трубы, и звукъ ихъ электрической искрой проходитъ по всему собранію. Крикъ, вырывающійся изъ груди зрителей, подобный шуму моря или обвалу могучихъ скалъ, извѣщаетъ весь городъ о выѣздѣ скакуновъ.

Шестнадцать коней, запряженныхъ въ двухколесныя колесницы, одновременно порываются впередъ, высоко вздымая пыль, и съ быстротою вѣтра несутся по цирку. Вожди ихъ, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, голосомъ и бичемъ управляютъ своими четверками, насилу сдерживая пылкихъ животныхъ. Облака вздымаемаго песку часто совсѣмъ прячутъ въ себѣ и коней и колесницы, которыя вынырнувъ изъ этого песчанаго тумана, снова исчезаютъ въ немъ, едва давъ зрителямъ время разглядѣть ихъ цвѣта.

Земля дрожитъ подъ копытами лошадей; скрипя, врѣзываются въ песокъ быстро катящіяся колеса; подбрасываемыя гвоздями подковъ, песчаныя крупинки, фонтаномъ брызжутъ вверхъ и обсыпаютъ и вождей, и колесницы.

Теперь всѣ четыре четверки рядомъ—такъ какъ ни одна еще не опередила другихъ—въ первый разъ подлетаютъ къ цѣлевымъ столбамъ.

Эмилій Гутта, наученный опытомъ, зная опасность коническихъ столбовъ, даетъ своимъ противникамъ опередить себя; это хорошо разсчитанная военная хитрость. Подтянувъ вожжи въ своихъ желѣзныхъ кулакахъ, онъ подымаетъ на дыбы своихъ коней, и голубые, бѣлые, красные опережаютъ. Первая четверня достигаетъ поворота. Быстро схватываетъ вождь голубыхъ лѣвые ремни, и крутой дугой, такъ что только колеса стонутъ на оси, перелетаетъ столбы. Крикъ одобренія вознаграждаетъ его успѣхъ.

По самымъ его пятамъ, счастливо слѣдуютъ за нимъ бѣлые и красные. Но, до сихъ поръ самый задній, Гутта, какъ клинъ, врывается между ними, и оттолкнувъ красныхъ къ барьеру и почти едавивъ бѣлыхъ, проскакиваетъ впереди всѣхъ.

— Euge! раздается изъ десятковъ тысячъ глотокъ; первое препятствіе пройдено благополучно, громко раздаются крики:

— Пятнадцать тысячъ за голубыхъ,—кричатъ въ одной кучкѣ.

— Идетъ,—возражаютъ зеленые.

Лэліусъ Феликсъ почти на длину лошади перегналъ остальныхъ; Гутта скачетъ по самымъ его пятамъ.

— Лускусъ! Лускусъ! Посмотрите-ка на одноглазаго! кричатъ голоса ему вслѣдъ.

Съ проклятіемъ бичуя своихъ коней, такъ что кровь смѣшивается у нихъ съ потомъ, догоняетъ ихъ также Эвтихусъ. Пируа, лѣвая сподручная лошадь, чувствуетъ тяжеловѣсные взмахи здоровыхъ ремней съ свинцовыми наконечниками, на его тѣлѣ такъ и ложатся тонкими полосами отпечатки бича, которымъ господинъ его безпощадно взмахиваетъ надъ нимъ.

Опять вытянувшись въ рядъ, четверки во второй разъ подскакиваютъ къ повороту.

— Впередъ, Эмилій! кричатъ его прекрасныя поклонницы и благородные патриціи; но Гутта, хорошо разсчитывая свое время и силы, слѣдуетъ за голубыми, не перегоняя ихъ. Второй разъ голубые и зеленые перескакиваютъ черезъ столбы.

Эвтихіусъ, бѣлый, слѣдующій сейчасъ же позади ихъ, теряетъ короткую линію; его правая сподручная внезапно взвивается на дыбы и приводитъ въ смятеніе всю четверку. Красный съ быстротою стрѣлы перехватываетъ у него короткій поворотъ.

Участіе зрителей къ ходу скачекъ становится все живѣе и живѣе. Пари послѣ каждаго круга возрастаютъ на значительныя суммы. Внизу даютъ „дачу за зеленыхъ, на верху, бѣднѣйшіе, ставятъ „пѣтуха“ за голубыхъ. Здѣсь идутъ пари на тысячу сестерцій за красныхъ, тамъ за бѣлыхъ.

Знатныя дамы проспариваютъ другъ другу даже свои украшенія и драгоцѣнные камни; невольники, стада скота, лошади, экипажи, утварь, однимъ словомъ всякая вещь, имѣющая цѣнность, служитъ для удовлетворенія ярости партій.

Цезарь, лежа на зеленыхъ подушкахъ въ своей ложѣ, пристально устремляетъ взглядъ на приковывающее зрѣлище подъ его ногами. Прекрасные, глубокіе глаза его горятъ, обыкновенно столь благородныя и спокойныя черты выдаютъ сегодня дикую страсть, бушующую въ его душѣ.

Ливія, императрица, забывъ все вокругъ себя, видитъ одного только зеленаго вождя. Отъ волненія, она чуть не раздавливаетъ между пальцами янтарные шарики своихъ амулотовъ, и рветъ золотую бахрому своей одежды.

Юлія, дочь Цезаря, внѣ себя отъ ревности и гнѣва, киваетъ одному изъ рабовъ.

— Поди Дорусъ,—говоритъ она,—снеси этотъ серебряный флакончикъ дамѣ въ той ложѣ, и скажи ей, что Эмилій Гутта прислалъ тебя передать ей этотъ подарокъ. Во флаконѣ эссенціи и духи.

Слуга спѣшитъ исполнить приказаніе своей госпожи.

Сильвія, прекрасная вдова претора, должна сегодня дорого поплатиться за вниманіе къ ней зеленаго вождя, такъ какъ ароматы того флакона погубятъ ее своимъ смертельнымъ ядомъ.

Немного погодя изъ указанной ложи раздается короткій, пронзительный крикъ, и молодая римлянка, съ открытымъ флакономъ въ рукахъ, замертво падаетъ съ своего стула.

Но эта несчастная не Сильвія. Рабъ ошибся, и передалъ флаконъ другой; такимъ образомъ обязана она богамъ за свою жизнь. Вмѣсто ея, Юлія убила другую, вовсе непричастную въ этомъ.

Что за шумъ поднялся вдругъ? Весь циркъ въ волненіи. Что такое валяется тамъ въ пескѣ? Какой-то хаосъ лошадей, колесницъ, колёсъ.

У самаго поворота лежитъ Эвтихусъ съ опрокинутой колесницей, волочась на нѣкоторомъ разстояніи отъ своихъ дикихъ рысаковъ. Тщетно старается онъ подняться на ноги. Наконецъ ему удается острымъ ножемъ перерѣзать вожжи, въ которыхъ онъ запутался.

Библиотека "Руниверс"

Гироклесъ, красный, не будучи въ состояніи управлять своими конями, на которыхъ бѣшено наскакиваетъ бѣлая четверня, опрокидывается въ общей свалкѣ. Облака пыли покрываютъ всю эту безпорядочную кучу. Колесо, оторвавшись отъ колесницы, слѣдуя импульсу, катится еще нѣкоторое пространство.

Какой-то острякъ кричитъ:—Держу тысячу за колесо Лускуса!—Толпа хохочетъ, со всѣхъ сторонъ сыплются насмѣшки на валяющихся по землѣ полумертвыхъ вождей.

Валяясь, дергаясь во всѣ стороны, наконецъ сдѣлавъ отчаянное усиліе, двоимъ изъ упавшихъ лошадей, удается вырваться изъ хаоса, и вотъ онѣ, въ одиночку, увлекая за собой сбрую и дышло, устремляются по аренѣ вслѣдъ за голубыми и зелеными, которыя, ловко объѣзжаютъ справа и слѣва лежащихъ въ пескѣ лошадей и разбитыя въ дребезги колесницы.

Уже шесть разъ Эмилій Гутта счастливо объѣхалъ циркъ не пріобрѣтя однако никакого преимущества надъ голубымъ, который твердо держится наравнѣ съ нимъ.

— Гутта, обѣщай мнѣ шестнадцать тысячъ сестерцій и я дамъ тебѣ опередить меня,—такъ кричитъ Феликсъ своему близкому сопернику.

— Молчи, негодяй, ни сотни не получишь ты,—возражаетъ послѣдній.

— Гутта, послушай! Давай деньги, не то я разскажу завтра римлянамъ исторію одного кольца.

На этотъ разъ Гутта отвѣчаетъ голубому ударомъ хлыста по груди и щекѣ, и словами и ударами, доведя силы своихъ коней, которые онъ берегъ до сихъ поръ, до крайней степени напряженія, опережаетъ противника на длину лошадиной головы.

Его партія, со страхомъ слѣдящая за скачкой обѣихъ четверокъ, ликуетъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются ему и его лошадямъ ободрительныя восклицанія: — Браво, Эмилій, дрянь, голубыя!

Послѣдній кругъ. О! какъ напряжены всѣ жизненныя силы, какъ тяжело дышетъ грудь каждаго. Теперь имъ некогда: наступила минута раздавить противника, но оба вождя ужь близки къ цѣли и почти равны другъ другу въ силѣ и быстротѣ. Дать здѣсь перевѣсъ можетъ только хитрость.

Боги праведные! Колёса голубыхъ дымятся у осн, воспламененные жаромъ тренія. Никогда еще циркъ не видѣлъ такихъ быстроногихъ коней; никогда еще не восхищался такими искусными вождями.

Зрители, съ ногъ до головы облитые потомъ, потому что жара стоитъ невыносимая, въ распущенныхъ одеждахъ, сжимая кулаки, кричатъ:

— Десять тысячъ, сто тысячъ, за зеленыхъ!...

— Идегъ!—возражаютъ голубые, потому что Эліусъ Феликсъ все еще держится наравнѣ съ противникомъ.

Не доѣзжая на длину лошади до поворота, Феликсъ кричитъ:

— Гутта! Гутта! пять тысячъ сестерцій, и я подаю назадъ!

Но прежде еще чѣмъ противникъ успѣлъ бросить ему проклятіе, изъ ближней ложи на лицо его наводитъ отраженный свѣтъ солнца, и передъ ослѣпленными его глазами прыгаютъ голубыя, зеленыя, желтыя звѣзды.

(Окончаніе будетъ)

Къ рисункамъ.

Отъ Прута до Дуная.

Галацъ, 19-го апрѣля.

Въ настоящую минуту по всѣмъ дорогамъ Румыніи, и большимъ и малымъ, желѣзнымъ и экипажнымъ, царствуетъ самое оживленное движеніе — это движеніе носитъ исключительно военный, боевой характеръ. Войска наши перевозятся по рельсамъ, идутъ походнымъ маршемъ, везутъ съ собою громадные осадные и понтонные парки, безконечные транспорты съ фуражемъ и продовольствіемъ, и все это стремится по одному общему направленію, отъ Прута къ Дунаю. Частнымъ пассажирамъ тоже не возбраняется ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, пріостановлены только товарные поѣзда, пассажирскіе-же идутъ своимъ порядкомъ по мирнымъ росписаніямъ. Люди и лошади военныхъ обозовъ помѣщаются въ закрытыхъ товарныхъ вагонахъ; какъ для первыхъ, такъ и для вторыхъ устроены тамъ соотвѣтствующія приспособленія и дно вагоновъ устлано соломою, хоть и не совсѣмъ комфортабельно, тѣсновато и душновато, да зато скоро, въ одинъ сутки проходятъ такое разстояніе, что для пѣшехода понадобилась бы цѣлая недѣля. Къ тѣмъ пунктамъ, куда не проложенъ рельсовый путь,—туда войска направляются обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, поражая румынъ своими быстрыми и громадными переходами. Первый, напримѣръ, переходъ, отъ Кубея до Галаца и Барбошскаго моста, пѣхота и кавалерія сдѣлала въ одинъ день, а это разстояніе болѣе семидесяти верстъ,—примѣры рѣдкіе въ военной исторіи. Обозъ, парки и прочія тяжести перевозятся на открытыхъ платформахъ: каждая повозка предварительно нагружена всѣмъ чѣмъ слѣдуетъ, аккуратно обвязана и при первой надобности можетъ быть скачена съ платформы и готова къ запряжкѣ. Кавалерія, преимущественно казачьи полки, идутъ маршемъ по проселочнымъ и шоссейнымъ дорогамъ. На моихъ набросках, приложенныхъ къ этому письму, изображены военныя походныя сцены, представляющіяся въ настоящее время на каждомъ шагу по румынскимъ дорогамъ. Одинъ рисунокъ изображаетъ большія лазаретныя фуры, на другомъ изображены донцы, идущіе на рысяхъ, аллюръ, при такихъ степныхъ переходахъ весьма употребительный; на третьемъ рисункѣ видны наши обозныя и санитарныя повозки, установленныя на открытой платформѣ желѣзнодорожнаго поѣзда; кромѣ того еще нѣсколько сценъ, которыя сами за себя говорятъ и поясненія не требуютъ.

Вчера въ половинѣ перваго дня прогремѣли первые боевые выстрѣлы на Дунаѣ, именно въ Браиловѣ, гдѣ два турецкіе парохода пытались пройти, но были остановлены выстрѣлами нашихъ полевыхъ орудій, сами отвѣчали тоже, да неудачно, и получивъ значительныя поврежденія, отступили обратно въ Мачинскій рукавъ. У насъ не было вовсе потерь. На первый разъ это дѣйствительно счастливо. Сегодня съ утра тоже слышны выстрѣлы со стороны Рени и виденъ пороховой дымъ — результаты перестрѣлки еще неизвѣстны. Дописываю вамъ это письмо а самъ поглядываю въ окно моей комнаты въ отелѣ Дачіа, въ Галацѣ; изъ этого окна ясно виденъ и дымъ турецкихъ мониторовъ около Рени и бѣлые клубы пушечныхъ выстрѣловъ съ той и съ другой стороны—звукъ этихъ выстрѣловъ доносится до слуха, но весьма слабо. На всѣхъ крышахъ и балконахъ группы любопытствующихъ. До свиданія.

Н. Каразинъ.

Призывъ къ молитвѣ съ мечети въ Рущукѣ.

Рущукъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (см. № 11 „Нивы" с. г. стр. 177), находится на правомъ берегу Дуная, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Ломъ, образуемая сліяніемъ чернаго и бѣлаго Лома. Рущукъ имѣлъ до настоящаго времени до 30 тысячъ жителей, теперь-же изъ него значительная часть населенія выбралась; по крайней мѣрѣ газеты извѣщали, что въ концѣ апрѣля, по желѣзной дорогѣ въ Варну и Константинополь ежедневно выѣзжаетъ изъ Рущука до 1,000 человѣкъ. Почти всѣ британцы, проживавшіе тамъ, оставили городъ. Британскій консулъ распорядился, чтобы всѣ находящіеся подъ его покровительствомъ, вывѣсили на своихъ домахъ британскій флагъ. По послѣднимъ извѣстіямъ турки энергично начали сосредоточивать свои войска въ Рущукѣ и его окрестностямъ. Изъ Видина каждый день приходятъ въ Рущукъ пароходы, которые перевозятъ назначенные въ Рущукъ 30 батальоновъ, по большей части, египтянъ и сирійцевъ.

Съ нѣкотораго времени изъ Шумлы въ Рущукъ прибываютъ въ значительномъ количествѣ войска, предназначенныя, очевидно, служить резервомъ для сосредоточенной тамъ главной арміи.

Въ настоящее время, вѣроятно, уже не мало воздвигнуто противъ этой крѣпости нашихъ баттарей: ибо, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, еще въ апрѣлѣ, а именно въ ночь съ 26 на 27-е, нашими войсками воздвигнуты противъ Рущука три баттареи.

Представленный рисунокъ изображаетъ Рущукъ еще въ его мирномъ состояніи. Объ этомъ мирномъ состояніи можно заключить изъ того, что птицы еще покойно гнѣздятся подъ кровлями рущукскихъ мечетей и только по временамъ ихъ покой тревожитъ правовѣрный призыватель къ молитвѣ, забирающійся среди вечерней тишины на башню мечети и своимъ приходомъ нарушающій покой птицъ. Не то будетъ, когда загремятъ пушки вблизи Рущукской крѣпости: улетятъ голуби и другія птицы, улетятъ далеко отъ того мѣста, гдѣ будутъ грохотать пушки. Быть можетъ, въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, уже пушечный грохотъ нарушилъ мирное спокойствіе птицъ, жившихъ на рущукскихъ мечетяхъ и понеслись эти напуганныя птицы съ необычайною поспѣшностью дальше, дальше отъ ужасныхъ звуковъ, недоумѣвая, что-же это такое вдругъ страшное случилось.

Не можемъ не обратить вниманія читателей на то мастерство, съ какимъ рисунокъ гравированъ.

Политическія и военныя извѣстія.

Обозрѣніе военныхъ извѣстій въ настоящемъ случаѣ намъ приходится начать съ нѣкоторыхъ подробностей относительно взятія *Ардагана* (о самомъ фактѣ взятія котораго сообщено нами въ предъидущемъ № «Нивы»). Число отбитыхъ у турокъ

Библиотека "Руниверс"

подъ Ардаганомъ орудій оказалось 73; изъ нихъ много крупповскихъ, отличной отдѣлки; въ числѣ послѣднихъ находятся 2 восьмидюймовыхъ орудія и 5 24-фунтовыхъ береговыхъ. Профили 4-хъ главныхъ укрѣпленій Ардагана имѣли громадные размѣры. Число убитыхъ турокъ простирается до 800. Свѣжія извѣстія съ азіатскаго театра войны касаются нашего *Сухумскаго* отряда, который, занявъ позицію передъ Цебельдою, около Ольгинскаго селенія, былъ нѣкоторое время уединенъ возставшимъ населеніемъ въ окрестностяхъ Сухума. Но потомъ посланы были къ Сухумскому отряду подкрѣпленія, которыя безпрепятственно двинулись впередъ усиленными переходами. Но въ *Адлерѣ* 11-го мая, послѣ усиленнаго бомбардированія, непріятель произвелъ высадку съ 7 судовъ. Высажены большею частью бывшіе переселенцы съ Кавказа. Затѣмъ извѣстно, что послѣ занятія Ардагана наши войска, подъ начальствомъ генерала Лорисъ-Меликова, готовятся къ энергическому нападенію на Карсъ. Послѣдній лежитъ къ юго-востоку отъ Ардагана, и взятіе его открыло само собою дорогу къ Карсу.

— Въ лондонскую «Daily News» телеграфируютъ изъ Батума, что 11 (23) мая русскія войска, сосредоточенныя около Батума, будутъ подкрѣплены 20,000 войскъ изъ Ардагана. Ходятъ слухи, что этою атакою будетъ командовать Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Въ ту же газету телеграфируютъ, что 11 мая русскіе быстро направились противъ лѣваго фланга турецкой арміи.

Что касается европейско-балканскаго театра войны, то извѣстно, что наши войска 9 (21) мая прибыли въ *Ольтеницу* (мѣстечко на Дунаѣ, къ западу отъ Силистріи и на сѣверо-востокъ отъ Туртукая). Артиллерія наша обстрѣливаетъ вновь возводимыя непріятелемъ укрѣпленія у Туртукая. Принявъ въ разсчетъ значительное разстояніе отъ Туртукая до Ольтеницы, нужно предположить, что войска наши растянулись по Дунаю длинною цѣпью, между этими двумя пунктами.

12 мая Его Высочество Главнокомандующій вернулся изъ Бухареста, гдѣ присутствовалъ по случаю годовщины вступленія на престолъ князя Карла. Толпы румынскаго народа восторженно привѣтствовали Его Высочество. Вслѣдствіе большихъ дождей, бывшихъ на прошлой недѣлѣ въ Румыніи, рѣки тамъ выступили изъ берговъ и превратились въ бурные потоки, которые угрожаютъ многимъ постамъ. Однакожь состояніе нашей Дунайской арміи благополучно и больныхъ весьма мало.

Съ другой стороны наши войска 11 (23) мая уже заняли Джуржево (къ юго-западу отъ Ольтеницы), укрѣпленіе на Дунаѣ, насупротивъ Рущука. Одновременно же, далѣе къ западу, на этомъ же театрѣ войны, турки потопили австрійскій пароходъ «Клотильду» и усиленно бомбардировали Калафатъ (румынское укрѣпленіе противъ Видина). Далѣе извѣстно (впрочемъ изъ турецкихъ источниковъ), что черногорскій князь Николай собирается обстрѣливать Никшичъ (на границѣ между Черногоріей и Герцеговиной, на сѣверной границѣ Черногоріи).

— Изъ Сербіи извѣщаютъ, что въ Бѣлградѣ 23-го мая изданъ приказъ, предписывающій здѣшней національной милиціи явиться къ 29 числу въ полной готовности. Затѣмъ повелѣно сформировать два новыхъ батальона постоянной арміи и созываются старослужные и отпускные нижніе чины. По открытіи засѣданій Скупщины князь Миланъ отправится въ Румынію. Сербы очевидно находятся теперь въ такомъ же лихорадочномъ возбужденіи, въ какомъ они были до начала прошлой войны противъ Турціи. Изнуреніе и упадокъ духа, послѣ 4-мѣсячной непосильной борьбы, уступаетъ мѣсто новому одушевленію. Сербія, очевидно, рѣшается напрячь всѣ силы и бороться снова за свою независимость.

Собственно въ политическомъ мірѣ совершилось за прошлую недѣлю нѣсколько крупныхъ фактовъ. 1) Во Франціи пало либеральное министерство Жюли-Симона и учреждено реакціонно-клерикальное министерство Брольи. Переворотъ этотъ совершился рѣзко и круто и характеризуетъ рѣшительное выступленіе на путь реакціонно-клерикальной политики, со стороны главы французской республики маршала Макъ-Магона. Послѣдній обнародовалъ ужс свое посланіе, къ законодательному собранію, въ которомъ выясняетъ причины своего самовластнаго образа дѣйствій. Далѣе, въ тѣсной связи съ этимъ же фактомъ стоитъ внезапный пріѣздъ въ Берлинъ германскаго канцлера, князя Бисмарка, уволеннаго, какъ извѣстно, въ продолжительный отпускъ. Бисмаркъ, говорятъ, былъ вызванъ германскимъ императоромъ тотчасъ, какъ послѣдній получилъ извѣстіе о событіяхъ во Франціи. Тотчасъ по пріѣздѣ Бисмарка состоялся совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ императора. Совѣтъ имѣлъ два засѣданія, и затѣмъ Бисмаркъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у императора. Въ совѣтѣ министровъ предметомъ совѣщаній служило главнымъ образомъ *отношеніе Германіи къ Франціи*, въ виду образованія въ этой странѣ клерикальнаго министерства. Затѣмъ между берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами произошелъ оживленный обмѣнъ депешъ, съ цѣлью установленія общаго образа дѣйствій обѣихъ державъ относительно Франціи. Да и въ самомъ Парижѣ вѣсть о возвращеніи князя Бисмарка произвела такое сильное впечатлѣніе, что на биржѣ произошло *паденіе* бумагъ. Этимъ, конечно, совершенно подтверждается предположеніе, что Германія, борющаяся съ клерикализмомъ, не можетъ быть равнодушною къ клерикально-ретроградному шагу французскаго правительства. Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ перчатка, брошенная Франціей Германіи, и послѣдствія подобнаго «Макъ-магоновскаго» шага могутъ быть громадными.

Италія усиленно вооружается, и ея вооруженія тоже направлены противъ французскаго клерикальнаго министерства.

Упомянемъ еще важный фактъ. Румынія провозгласила свою независимость, почти единовременно съ объявленіемъ Портѣ войны. Румынская палата приняла постановленіе объ отмѣнѣ дани, платимой Портѣ, а также чрезвычайный бюджетъ для веденія войны. Князь Карлъ уже вступилъ въ отправленіе обязанностей главнокомандующаго румынскою арміей, что произвело въ странѣ всеобщій восторгъ.

Изъ Браилова отъ 14 мая получено офиціальное извѣщеніе, что лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ миными шлюпками взорвали ночью наибольшій турецкій мониторъ, и что при этомъ у насъ потери не было.

Изъ Ардагана по направленію въ Карсъ 10 мая выступили генералъ Лорисъ-Меликовъ во главѣ восьми баталіоновъ съ артилеріей и генералъ-лейтенантъ Девель во главѣ семи баталіоновъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, князь Николай Ѳедоровичъ Масальскій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи А. Н—ева (съ портретомъ).—Aquis submersus. Новелла Теодора Шторма.—Стихотвор. П. Вышеславцева.—Сокровища московской оружейной палаты И Звѣрева (съ 6-ю рисун.).—Бояринъ въ опалѣ (съ рисункомъ). И. Звѣрева. — Изъ древне-римской жизни (съ 2-мя рисунками). — Отъ Прута до Дуная (съ 6-ю рисунками) Н. Каразина.—Призывъ къ молитвѣ съ мечети въ Рущукѣ (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

БРЕЗЕНТЫ
И ВОЙЛОЧНЫЯ НЕПРОМОКАЕМЫЯ
ПОКРЫВАЛА
для вагоновъ, повозокъ, покрытья товара въ кипахъ, для обозовъ, для устройства палатокъ и крышъ у временныхъ построекъ.
АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ
ТОЛЬ
въ кускахъ въ 36½ кв. арш.
ШВЕДСКІЙ КАРТОНЪ
и пропитанный водоупорный
ВОЙЛОКЪ.
въ кускахъ въ 28½ кв. арш. для обивки деревянныхъ стѣнъ продается на складахъ у
Л. Э. КУВАРИЧЪ.
С.Петербургъ, Гелерная ул., № 33. Москва, Мясницкая, д. ц. Св. Николая.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ
преподаетъ уроки игры на фортепіано. Адресъ: у Харламова моста, въ домѣ Сутугина, спросить г. Тивольскаго.

Maison d'importe américaine cherche des agents. Bonnes références nécessaires. Offts. frco au bureau d'annonces. Nevsky № 4. St. Pbg.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8,
Магазины: Адмиралт. Продажа Сформенной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
7
Товарищество Чемберсъ и К°.

МОЛОКО РИСОВЫХЪ ЦВѢТОВЪ.
Рисовое молоко принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ средствамъ, которыя имѣютъ благотворное дѣйствіе на кожу. Оно уничтожаетъ загаръ, предохраняетъ отъ веснушекъ и способствуетъ ихъ уничтоженію, придаетъ кожѣ особенную бѣлизну и нѣжность.
Цѣна за флаконъ 1 р. съ пересылкою 1 р. 75 коп.
Магазинъ А. Рузанова.
Гостинный дворъ № 40. С-Петербургъ.

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ *).

*) Въ нѣсколькихъ тысячахъ экз. прошлаго № 20 было напечатано, что при немъ прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ означенное выше объявленіе К. Е. Киселева; но получивъ оное только въ пятницу, 13 Мая, вечеромъ, не смотря на то, что г. Киселевымъ оно выслано изъ Москвы чрезъ Транспортное Общество «Надежда» еще 6-го Мая, Контора Редакціи не была въ состояніи разослать его раньше, чѣмъ при этомъ №.

Дозволено цензурою. СПБ. 20 Мая 1877 г. Типо-Литографія "Аллегро" № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 22 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 30 Мая 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Генералъ-лейтенантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, командиръ 12-го корпуса дѣйствующей арміи.

Генералъ-лейтенантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ на дѣйствительную службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, въ 1840 году. Вся служба Петра Семеновича полна замѣчательной дѣятельности, проявляемой имъ въ различныхъ порученіяхъ съ необыкновенною энергіею; каждое принимаемое на себя порученіе онъ старался изучить всесторонне и доводилъ ввѣряемую ему часть до возможнаго совершенства. Уже въ 1848 году, находясь при образцовомъ полку, въ гвардейскомъ учебномъ батальонѣ, въ чинѣ поручика, доведеніемъ учебной команды до степени совершенства (выраженіе приказа), онъ удостоился личной благодарности Великаго Князя Михаила Павловича, выраженной вслѣдъ затѣмъ приказомъ по гвардейскому корпусу. Въ восточную войну 1853 г., прикомандированный сначала къ Камчатскому полку, а затѣмъ къ Замостскому егерскому,—въ командованіе свое батальономъ онъ выказалъ замѣчательное хладнокровіе и храбрость, давшія ему Владиміра 4-й степени съ мечами и репутацію отличнаго офицера. Откомандированный по Высочайшему повелѣнію обратно въ свой полкъ, онъ до 1857 года находился въ полку, командуя 1-мъ батальономъ, а въ ноябрѣ этого же года былъ назначенъ начальникомъ стрѣлковой офицерской школы, сформированной для обученія въ войскахъ обхожденію съ вводимымъ тогда новымъ нарѣзнымъ ружьемъ. Исполненіе было блестящее и заслужило ему особенное вниманіе Государя Императора. Въ 1861 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, состоя совѣщательнымъ членомъ оружейной коммисіи. Послѣ сдачи офицерской школы, по случаю преобразованія военно-учебныхъ заведеній, онъ былъ назначенъ членомъ спеціальныхъ комиссій по сему дѣлу, и реформа военно-учебныхъ заведеній совершилась при огромной долѣ труда и дѣятельности Пет-

Генералъ-лейтенантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, командиръ 12-го корпуса дѣйствующей арміи. Рис. и грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

ра Семеновича. Получивъ назначеніе директора Павловскаго кадетскаго корпуса, переформированнаго впослѣдствіе въ Павловское военное училище, онъ, будучи назначенъ начальникомъ этого училища, оставался на этомъ мѣстѣ 4 года. По производствѣ въ генералъ-лейтенанты, онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи, сначала 12-й, а потомъ 33-й, составляющихъ нынѣ части его корпуса. Вѣрный себѣ и въ обученіи дивизій, какъ и во всемъ, какъ говорится, „душу свою положилъ" въ принятое дѣло и результаты получились замѣчательные. Нещадящій самаго себя, но и строго взыскательный къ своимъ подчиненнымъ, требуя отъ нихъ того же знанія и любви къ дѣлу, которыми проникнутъ, онъ для сибаритствующихъ можетъ показаться даже тяжелымъ человѣкомъ, подчасъ мѣшающимъ самодѣятельности подчиненнаго, но это выкупается тѣмъ горячимъ участьемъ, съ которымъ онъ стоитъ за интересы своихъ подчиненныхъ, отстаивая ихъ всѣмъ своимъ авторитетомъ. Не могу не привести здѣсь случаевъ его храбрости, отчасти характеризующихъ генерала Ванновскаго. При осадѣ Силистріи, въ ночь, назначенную для штурма, капитанъ Ванновскій съ охотниками находился впереди всѣхъ войскъ и только поджидалъ сигнала, чтобы броситься почти на вѣрную смерть. Въ Ольтеницкомъ дѣлѣ, когда баттареи турокъ съ острова Радованя и изъ Туртукая сильно вредили намъ, приказано было недѣйствующимъ войскамъ, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ, прилечь за естественными прикрытіями; всѣ легли. Остался стоящимъ только капитанъ Ванновскій. Храбрый, прямой и дѣятельный безъ устали, — таковъ генералъ Ванновскій. Въ настоящую войну, онъ нужно замѣтить, первый перешелъ Прутъ у селенія Унгены.

А. Н—аевъ.

AQUIS SUBMERSUS

Новелла Теодора Шторма.

(Продолженіе).

II.

Съ той поры миновало пять лѣтъ. Въ какомъ-то теперь положеніи я тамъ все найду? И уже у флигеля, предъ воротами, стоялъ я и въ глубинѣ двора видѣлъ старыя липы, и за свѣтлою зеленью ихъ оба зубчатые фронтона господскаго зáмка. Но когда я хотѣлъ войти въ ворота, пара превеликихъ свѣтлосѣрыхъ бульдоговъ, въ ошейникахъ, выскочили со двора и бросились мнѣ навстрѣчу. Лай яростный подняли они. Такъ никогда еще меня тутъ не встрѣчали! Къ счастію моему, изъ каморки надъ воротами прозвучалъ грубоватый, но милый мнѣ голосъ: „Гей вы! Полканъ! Турка! сюда!" Позванные псы повиновались и меня оставили въ покоѣ. На лѣстницѣ послышались шаги, вышелъ старикъ Дитрихъ.

Взглянувъ на него, понялъ я, что онъ на чужбинѣ весьма долго прожилъ, ибо пріятель мой, былъ сѣдобласъ какъ лунь, а глаза его, веселые прежде, теперь потускнѣли.

— Герръ Іоаннъ! наконецъ произнесъ онъ и подалъ мнѣ руки.

— Здраствуй, Дитрихъ! А скажи, съ какого времени во дворѣ держите вы злыхъ псовъ?

— Псовъ, сударь, отвѣчалъ старикъ, господинъ молодой привезъ.

— Такъ онъ дома?

— Дома.

— Ну,—замѣтилъ я,—что-жь, сабаки нынѣ, быть можетъ, и нужны: вѣдь послѣ войны въ мѣстахъ здѣшнихъ множество бѣглыхъ шатается.

— Ахъ, сударь, въ тяжкія вы времена вернулись!...

Поглядѣлъ на него я и промолвилъ:

— Правда твоя, Дитрихъ. Во многихъ запустѣлыхъ жилищахъ нынѣ, вмѣсто поселянъ, волки пристанище имѣютъ, что я самолично видѣлъ; но миръ заключенъ и добрый господинъ этого зáмка людямъ помощь окажетъ.

Съ этими словами хотѣлъ во дворъ, я войти но однако-же, старикъ остановилъ меня.

— Сударь! воскликнулъ онъ,—прежде нежели дальше вамъ идти—выслушайте меня. То правда, что почта королевская письмо ваше изъ Гамбурга сюда доставила, но того, къ кому было оно писано, — письмо это уже не застало.

— Дитрихъ! воскликнулъ я, что ты говоришь, Дитрихъ?!

— Да, сударь, такъ. Времячко доброе для насъ миновало... Дорогой господинъ нашъ, Гергардусъ, на котафалкѣ въ капеллѣ уже лежитъ и свѣчи у гроба его горятъ... Все здѣсь нынѣ перемѣнится, но я человѣкъ малый и объ этомъ разговоръ держать мнѣ не приличествуетъ.

Хотѣлось мнѣ спросить о Катеринѣ, но языкъ къ гортани прилипъ...

Въ одномъ изъ флигелей господскаго замка находилась часовня, я спросилъ старика: отперта-ли часовенка? и получивъ утвердительный отвѣтъ, отправился туда. Тихо было, только жужжаніе комаровъ съ верхушекъ липъ до меня долетало.

Дверь въ часовенку стояла пріотворенною... Съ тяжелыми чувствами тихо я вступилъ туда. Открытый гробъ былъ тамъ, а пламень красноватый восковыхъ свѣчей трепетный свѣтъ бросалъ на благородный ликъ патрона моего любезнаго.

Я хотѣлъ молиться, вдругъ вижу: противъ меня, молодая, блѣдная дѣвица и съ испугомъ на меня смотритъ. На головѣ у нея черное покрывало.

И прочелъ я въ карихъ очахъ ея.

— О, Іоаннъ, это ты! Ахъ, опоздалъ ты.

То была Катерина.

— Да, я шелъ, льстя себя надеждою списать портретъ съ живого и искусствомъ моимъ благодарность ему выразить. Дозволѣте же мнѣ нынѣ черты его образа на бумагѣ оставить, ибо онѣ скоро уже измѣнятся.

Когда она, слезами обливаясь, въ знакъ согласія мнѣ кивнула головою, усѣлся я на скамью и хотѣлъ приняться за работу, но рука моя дрожала.... Можетъ быть, смерти величіе было этому причиной.

На дворѣ раздался голосъ, въ которомъ я голосъ Вульфа призналъ, и вслѣдъ за симъ песъ завизжалъ, какъ будто на ногу ему наступили или хлыстомъ ударили, и въ ту-же минуту кто-то захохоталъ... И этотъ второй голосъ тоже знакомымъ мнѣ показался.

Когда я на Катерину взглянулъ, глаза ея съ выраженіемъ ужаса, къ окну были обращены... Однако-же голосъ и шаги вдали смолкли. Тутъ встала она съ колѣнъ, ко мнѣ подошла и глядѣть стала на мою работу и руку свою положила на мое плечо... Дрожь какую-то почувствовалъ я.

Внезапно дверца часовенки распахнулась—дворянчика Вульфа тотчасъ узналъ я, не смотря на то, что его, по обыкновенію, лицо блѣдное, теперь красно было и раздуто.

— Ты чего здѣсь, у гроба, торчишь? сестрѣ онъ закричалъ. Баронъ Ришъ у насъ былъ, чтобы о соболѣзнованіи своемъ засвидѣтельствовать... Ну, и ты ему стаканъ вина поднести могла бы!

Примѣтивъ тутъ и мое присутствіе, Вульфъ впился въ меня глазами.

— Вульфъ,—промолвила Катерина, къ нему подводя меня,—это Іоаннъ.

Дворянчикъ нужнымъ не счелъ руку мнѣ подать и, оглядѣвъ камзолъ мой цвѣта фіолетоваго, произнесъ:

— Да ты нынѣ въ перья пестрыя обряжаешься... Тебя нынѣ, пожалуй, и „сударемъ" величать придется!

— Какъ угодно вамъ, такъ меня и величайте, отвѣчалъ я; когда мы на дворъ вышли, я присовокупилъ:—хотя тамъ, откуда пріѣхалъ я, ставили передъ именемъ моимъ словцо „герръ", но вѣдомо вамъ, что много правъ на меня *сынъ отца вашего* имѣетъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ удивленіемъ на меня онъ поглядѣлъ и за симъ промолвилъ:

— Ну, инъ — ладно! Ты покажешь намъ, чему на деньги отца моего выучился. Въ вознагражденіи за работу твою отказано тебѣ не будетъ.

Я-же отвѣтилъ, что вознагражденіе отстраняю, ибо впередъ его давно уже получилъ, но такъ какъ на это Вульфъ возразилъ, что поступитъ соотвѣтственно званію дворянскому—спросилъ я: какую заказать работу мнѣ желаетъ онъ?

— Тебѣ извѣстно,—произнесъ онъ и пріостановился, причемъ съ суровостью на сестру взглянулъ,—что когда дѣвица изъ фамиліи дворянской домъ родительскій покидаетъ, то въ семьѣ портретъ ея остается.

Тутъ почувствовалъ я, что при этихъ словахъ Катерина, со мною рядомъ шедшая, пошатнулась и за плащъ мой ухватилась; однако-же я отвѣчалъ спокойно:

— Обычай этотъ мнѣ знакомъ, но что вы сказать хотите, сударь Вульфъ?

— Хочу сказать я,—отвѣчалъ онъ рѣзко, какъ будто противорѣчія ждалъ отъ меня, — что долженъ ты съ Катерины портретъ написать!

Овладѣлъ мною ужасъ, и въ то-же время думалъ я, что нынѣ вовсе не пора бы свадьбу затѣвать...

Но такъ какъ Катерина взгляды умоляющіе на меня бросала, то я сказалъ:

— Если ваша благородная сестра этой чести меня удостоитъ, то льщу себя надеждою, что ни высокаго покровителя моего, отца вашего, ни моего учителя не посрамлю. Соизвольте приказать лишь прежнюю мою каморку надъ воротами, во флигелѣ Дитриха, очистить —и ваше желаніе будетъ исполнено.

— Остался Вульфъ этимъ доволенъ и сказалъ сестрѣ, чтобы велѣла она для меня закуску приготовить.

Хотѣлъ я распросить еще, но ни слова не сказалъ, опасаясь обнаружить свои чувства. Будучи въ раздумьи, бульдоговъ свирѣпыхъ, грѣвшихся у колодца на солнышкѣ, я не примѣтилъ, и когда мы къ нимъ ближе подошли—они на меня кинулись. Вульфъ-же пронзительно свиснулъ—и псы къ ногамъ его поползли.

— Дьяволъ побери! смѣясь заговорилъ онъ,—бѣшеные псы! Они не разбираютъ, что передъ ними—хвостъ свиной или сукно фландрское! Имъ все одно!

— Но, герръ Вульфъ (не смогъ я удержать себя), если хотите вы, чтобы въ домѣ отца вашего гостемъ я былъ —слѣдуетъ вамъ псовъ вашихъ лучшимъ манеромъ обучить!

Онъ сверкнулъ на меня глазенками своими и, клиновидную бороденку свою пощипавъ, сказалъ:

— Такая уже манера у нихъ гостей встрѣчать, сударь мой!

Нагнувшись при этомъ, псовъ поласкалъ и присовокупилъ:

— Пусть извѣстно будетъ всякому, что порядки другіе нынѣ пошли тутъ, а потому, кто мнѣ поперегъ дороги станетъ, того я до безчувствія затравлю.

При этихъ словахъ, проговоренныхъ имъ весьма рѣзко, выпрямился онъ, свиснулъ псамъ и черезъ дворъ къ воротамъ пошелъ.

Вслѣдъ ему немного поглядѣвъ, отправился и я за Катериной, молча, съ опущенной головою. Съ тѣмъ-же безмолвіемъ въ верхній этажъ поднялись мы и въ комнату покойнаго вступили. Все по старому тутъ было: тѣ-же обои кожаные съ рисункомъ золотымъ, тѣ-же на стѣнахъ ландкарты и на полкахъ пергаменты изящно переплетенные, надъ столомъ рабочимъ картина Рюисдаля висѣла, а около стола кресло порожнее... На этомъ креслѣ взоръ мой остановился... И какъ тамъ, въ часовенкѣ, у трупа покойнаго, такъ и тутъ, все безжизненнымъ, мертвымъ, мнѣ представлялось! Тамъ далече лѣсъ зеленѣлъ, весна юная въ окно посматривала, а здѣсь царствовало гробовое безмолвіе.

Въ это мгновеніе Катерины и въ мысляхъ не было моихъ. Когда обернулся я—неподвижно посреди комнаты стояла она, и я видѣлъ, какъ грудь ея подъ скрещенными на ней ручками тяжело вздымалась.

— Не правда-ли,—тихо сказала она,—не правда-ли, что нѣтъ тутъ никого... Никого, кромѣ брата моего и псовъ его злыхъ?..

— Катерина! вскричалъ я,—но что съ вами? Что творится тутъ, въ домѣ отца вашего?

— Что творится тутъ, Іоаннъ?..

И она обѣ руки мои схватила порывисто; въ горѣвшихъ очахъ ея вмѣстѣ съ гнѣвомъ и страданіе замѣтно было.

— О, нѣтъ! Нѣтъ! вдругъ прервала себя она: да успокоится прежде отецъ мой въ могилѣ, а потомъ... Вѣдь ты портретъ съ меня писать будешь и нѣкоторое время тутъ проживешь?.. Тогда, Іоаннъ, ради покойнаго отца помоги мнѣ!..

Въ отвѣтъ на это я, въ порывѣ чувствъ состраданія и любви, къ ногамъ ея упалъ, и себя и всѣ силы свои ей отдать поклялся. Слезы полились изъ ея глазъ и мы, долго говорили съ ней о ея умершемъ отцѣ.

Сойдя потомъ въ нижній этажъ, о старой дѣвѣ спросилъ я.

— Тетушка Урсула! воскликнула Катерина. Хочешь ты съ нею поздороваться? Да, она еще жива. Комната ея тутъ, внизу: давно уже по лѣстницамъ она ходить не можетъ.

Вошли мы въ небольшую комнату, выходившую окнами въ садъ, въ которомъ, вблизи изгороди зеленой, на куртинахъ тюльпаны цвѣли. Высохшая, дряхлая, въ черномъ чепцѣ и платьѣ, тетка Урсула сидѣла въ креслѣ. Передъ нею на столѣ разложена была, игра изъ костяшекъ.

Катерина назвала старухѣ меня.

— А! промолвила она, съ осторожностью колышки изъ кости слоновой перекладывая: — такъ онъ тутъ опять, этотъ Іоаннъ?... Нѣтъ, не выходитъ... Oh, c'est un jeu très compliqué!

Смѣшавши потомъ колышки свои, на меня она взглянула.

— Эге! Да онъ пренарядно одѣтъ... Развѣ не извѣстно ему, что въ домъ пришелъ онъ, гдѣ трауръ?

— Это я уже знаю, фрейлейнъ, возразилъ я, но когда входилъ въ домъ, то еще не зналъ.

— Ну, собственно говоря (тутъ ласково головой она тряхнула), вѣдь къ прислугѣ дома нашего Іоаннъ не принадлежитъ.

На блѣдномъ лицѣ Катерины улыбка промелькнула, я же счелъ себя вправѣ на это замѣчаніе старухи отвѣта не давать. Напротивъ, расхваливать началъ я ея комнату. Тетушка Урсула, однако-же, жаловалась, на соловьевъ, нарушавшихъ ея ночной покой.

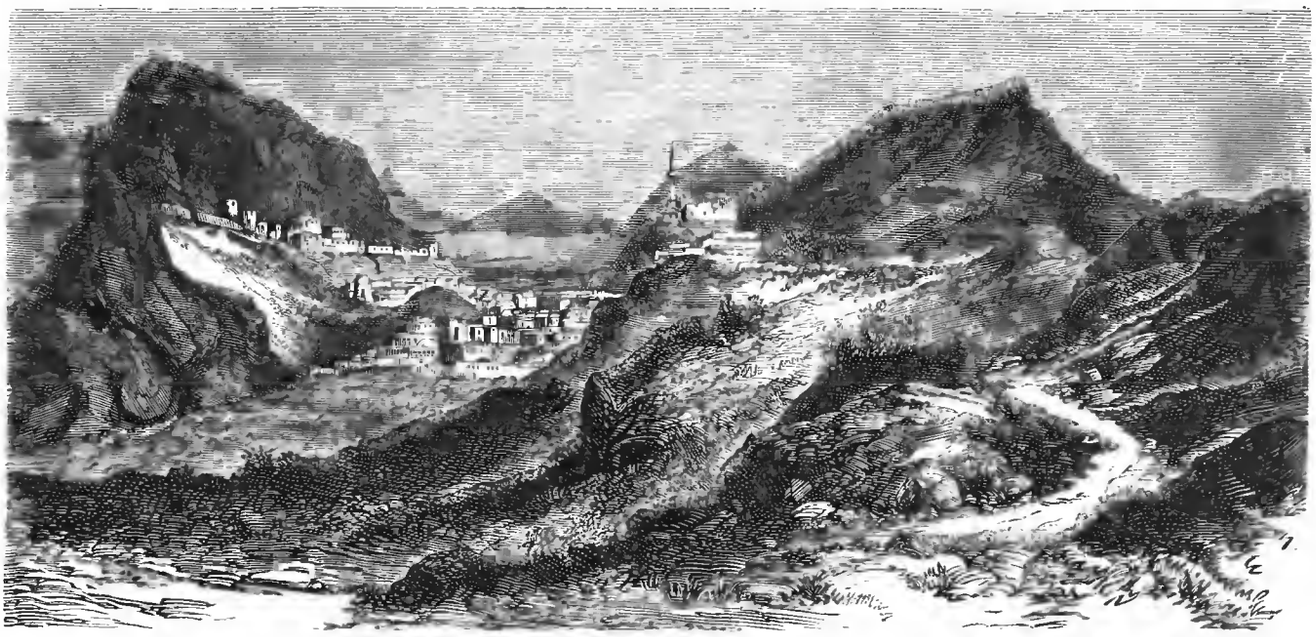
Тутъ и окончился мой визитъ, такъ какъ Катерина напомнила, что и отдохнуть пора мнѣ, и подкрѣпить себя пищей.

И такъ я поселился въ прежней комнаткѣ своей въ домѣ покойнаго г. Гергардуса. Это мое пребываніе въ домѣ очень обрадовало старика Дитриха. Однажды, бесѣдуя со мною, онъ вечеромъ почувствовалъ приливъ откровенности и замѣтилъ съ сожалѣніемъ, что у меня нѣтъ дворянскаго герба, а вотъ у Ришa—есть! Я ничего на это не сказалъ, и любопытствовалъ разузнать поподробнѣе о Ришѣ.

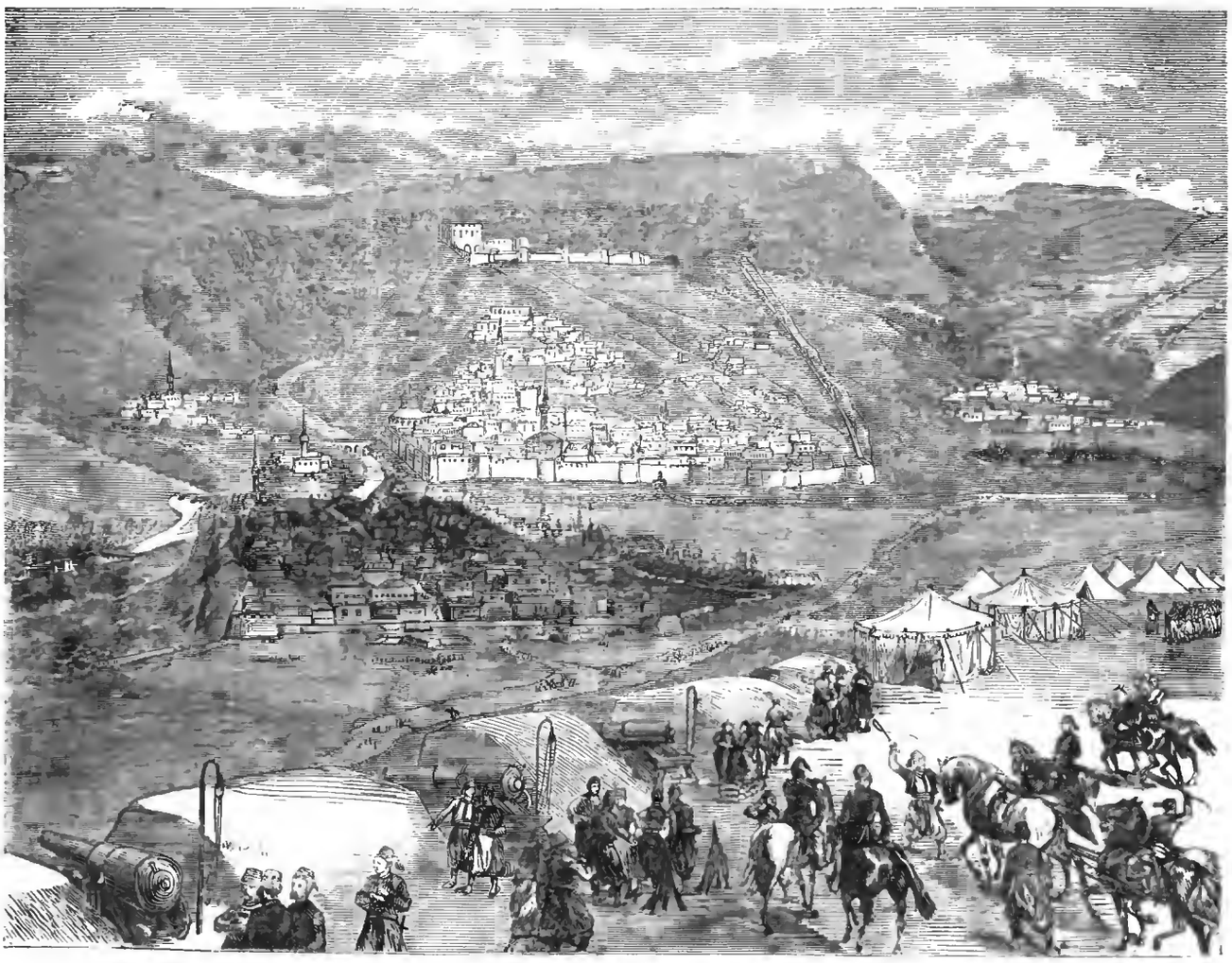
Дитрихъ не замедлилъ удовлетворить мое любопытство. Изъ разсказа его я узналъ, что Ришъ—изрядный самодуръ и порядочная скотина, ибо—въ имѣніи его живущимъ поселянамъ радоваться приходится, что у нихъ нѣтъ дочерей. Далѣе Дитрихъ сообщилъ, что Ришъ, похоронивъ отца, сдѣлался богачемъ, а это нашему молодому барину и на руку, ибо онъ уже из-

Библиотека "Руниверс"

Турецкія крѣпости въ Малой Азіи



Крѣпость Баязетъ, взятая русскими войсками 19 Апрѣля 1877 г.



Крѣпость Карсъ.
Съ фотографіи, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

рядно-таки наслѣдство свое растранжирилъ.

На этомъ старикъ и прервалъ свой разсказъ, сказавъ: „но я человѣкъ малый и разговаривать много мнѣ не приличествуетъ.“

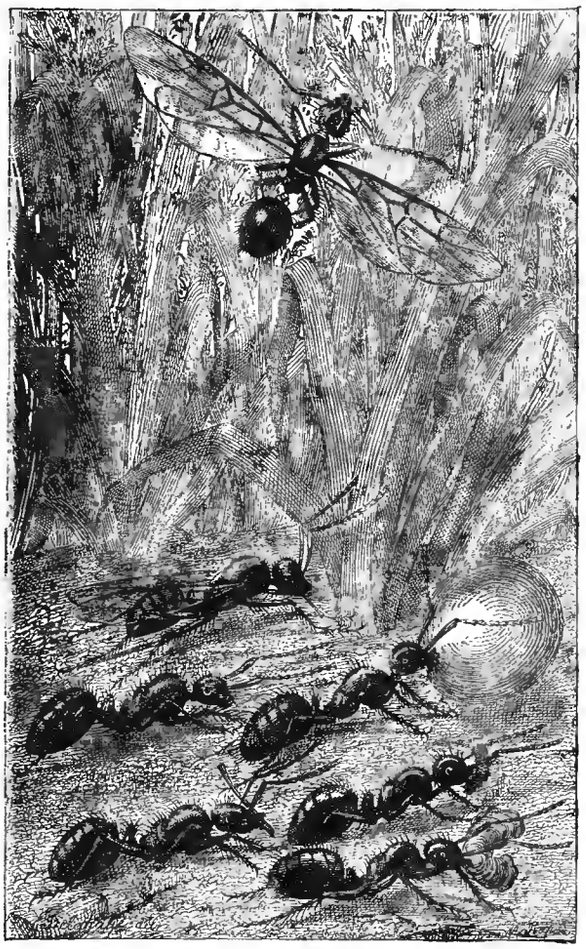
Этого было довольно—я достаточно ясно понялъ, въ чемъ дѣло.

Получивъ изъ города свои вещи (платье и рисовальныя принадлежности), я облекся въ черный костюмъ. Дня черезъ три тѣло покойнаго Гергардуса было предано землѣ въ фамильномъ склепѣ при мѣстной деревенской церкви. Всѣ почти окрестные помѣщики явились отдать послѣдній долгъ бывшему своему почтенному сосѣду. Былъ кое-кто и изъ дальней родни.

За все это время я почти не видѣлъ Катерины. Встрѣтилъ ее только за обѣдомъ, который и прошелъ весь въ мрачномъ безмолвіи. Катерина почти ничего не ѣла...

Вульфъ хмурился и, наконецъ, началъ настаивать, чтобы я поскорѣе принимался за заказанную работу. Выбралъ я мѣстечко въ портретной залѣ, около одного изъ оконъ, обращенныхъ къ сѣверу. Тетушка Урсула, какъ ни трудно ей было ходить по лѣстницѣ, все-таки приплелась въ залу и затѣмъ замѣтила, что, по ея мнѣнію, лучше было-бы рисовать портретъ въ ея комнатѣ, или въ смежной—„тамъ она занятнѣе для всѣхъ будетъ“. Разумѣется, это предложеніе мною было отвергнуто подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ нѣтъ надлежащаго освѣщенія. Тетушка и отъѣхала, такъ сказать, скушавъ грибъ.

На первый сеансъ Катерина явилась въ томъ же траурномъ платьѣ. Мы были одни.



Муравьи (Formica).

Катерина не сѣла; она еще ближе подошла ко мнѣ и сказала:

— А помните-ли вы, какъ однажды—давно это было—вы убили стрѣлой сову? Теперь убивать сову не нужно, хотя *она* опять сидитъ надъ гнѣздомъ и подкарауливаетъ птичку, но... я не птичка и не позволю растерзать себя!... Однако же у меня есть кровный врагъ.... О, Іоаннъ, защити меня отъ этого врага!

— Катерина, это вы о братѣ своемъ...

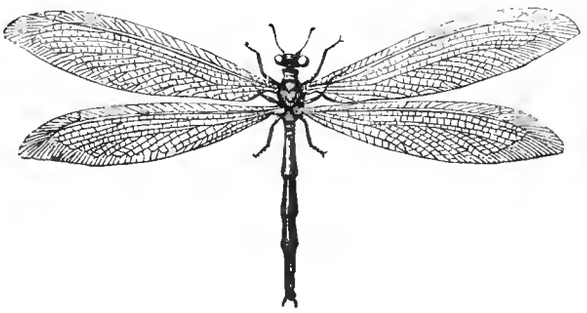
— Другого кровнаго родственника у меня нѣтъ! Да, онъ хочетъ отдать меня человѣку, котораго я ненавижу... Во все время долгой болѣзни отца я вела жестокую борьбу съ Вульфомъ и только у гроба нашего родителя добилась того, что братъ обѣщалъ оставить меня въ покоѣ... до снятія траура. Но, я знаю, слова своего онъ не сдержитъ....

Тутъ я вспомнилъ объ единственной сестрѣ покойнаго ея отца—монахинѣ въ Претцѣ и высказалъ мысль: не прибѣгнуть-ли Катеринѣ подъ защиту и покровительство этой тетки?

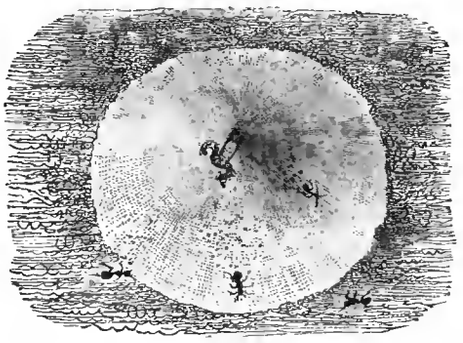
Дѣвушка утвердительно кивнула.

— Хотите-ли вы, Іоаннъ, чтобы я васъ послала къ ней? Я уже писала туда, но отвѣтъ тетки попалъ въ руки Вульфа... Такъ я и не узнала, что отвѣтила мнѣ она, но догадываюсь—отвѣтъ былъ благопріятный, потому что братъ совсѣмъ тогда взбѣсился, кричалъ неистово...

Наконецъ, Катерина сѣла и первый сеансъ начался, что не мѣшало нашей дальнѣйшей бесѣдѣ. Мы спокойно обсудили все дѣло, и рѣшили такъ: я поѣду въ



Муравьиный левъ (Fourmillon adulte).



Воронка личинки муравьинаго льва, со скатывающимися по песку къ ней муравьями.

— Катерина,—заговорилъ я,—вы ничего противъ этого не имѣете, что я долженъ писать съ васъ портретъ?

Темные, блестящіе глаза ея затуманились, и она тихо отвѣтила:

— Зачѣмъ вы спрашиваете объ этомъ?

— Вы правы! воскликнулъ я, сядьте, пожалуйста... Я не хочу, чтобы насъ застали *только* разговаривающими...

Гамбургъ для заказа тамъ рамы для портрета, а на обратномъ пути заверну въ Претцъ и повидаюсь съ монахиней, теткой Катерины. Теперь же нужно было усердно приняться за работу.

Нужно замѣтить, что баронъ Вульфъ не могъ не видѣть нашихъ съ Катериною другъ къ другу симпатій; но чувство гордости заставляло его относиться ко мнѣ

Библиотека "Руниверс"

съ пренебреженіемъ. Впрочемъ, можетъ быть „дворянчикъ Вульфъ“ думалъ, что первая угроза его достаточно пугнула меня,—какъ бы то ни было, но того, чего опасался я, не случилось.

Катерина, какъ во время перваго сеанса, такъ и въ послѣдующіе, оставалась въ залѣ со мною одна. Впрочемъ, однажды какъ-то зашелъ Вульфъ, разбранилъ сестру—зачѣмъ она въ траурномъ платьѣ и сейчасъ же ушелъ, хлопнувъ дверью. Въ другой разъ онъ явился съ Ришемъ. Завидѣвъ „сову“, Катерина сдѣлала рѣзкое движеніе, но я попросилъ ее сидѣть спокойно и продолжалъ рисовать.

Со дня похоронъ Гергардуса, когда я обмѣнялся съ Ришемъ молчаливымъ поклономъ, дворянчикъ этотъ не показывался здѣсь. Подойдя ко начатому портрету, онъ осмотрѣлъ работу, наговорилъ кучу любезностей Катеринѣ и, между прочимъ, замѣтилъ, что напрасно фрейлейнъ снимается въ такомъ мрачномъ костюмѣ, да еще съ покрываломъ на головѣ, что лучше было-бы, если-бы она сбросивъ покрывало, распустила по плечамъ шелковые свои локоны, которые, какъ удачно выразился одинъ англійскій поэтъ, „посылали-бы воздушные поцѣлуи вѣтерку, съ ними играющему“.

Катерина, до тѣхъ поръ молчавшая, указала ему на портретъ отца и проговорила:

— Вы кажется, уже забыли, кѣмъ онъ былъ для меня!..

Ришъ держалъ себя въ отношеніи ко мнѣ такъ, какъ будто-бы меня вовсе и въ комнатѣ не было, или какъ будто я былъ для него просто машинкой, посредствомъ которой рисуютъ на холстѣ портреты.

Сдѣлавъ еще нѣсколько ненужныхъ замѣчаній относительно работы и видя, что Катерина отвѣчать ему не намѣрена, Ришъ скоро распростился.

Я замѣтилъ, что онъ, уходя, бросилъ на меня сердитый взглядъ.

Такъ шло время день за днемъ, часъ за часомъ и работа моя довольно быстро подвигалась впередъ.

Мы, понятно, желали, чтобы время шло какъ можно медленнѣе или-бы даже лучше—совсѣмъ остановилось; о поѣздкѣ въ Гамбургъ и Претцъ мы какъ-то не рѣшались заговорить. Но о чемъ-же бесѣдовали мы? я помню только, что разсказывалъ Катеринѣ о жизни своей на чужбинѣ, о стремленіи вернуться поскорѣе на родину, о томъ, какъ однажды, во время болѣзни, спасла меня отъ нужды та золотая монета, которую Катерина подарила мнѣ при прощаньи, и какъ потомъ тревожился я и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не выкупилъ у закладчика этой золотой драгоцѣнности. На губахъ Катерины играла улыбка счастія, глаза ея сіяли... Это отражалось на моей работѣ: на темномъ фонѣ портрета все ярче и ярче обозначались очаровательныя черты прелестнаго лица дѣвушки...

(Продолженіе будетъ).

Изъ древне-римской жизни

(Окончаніе)

Сильвія, вѣрный другъ Гутты, сослужила ему службу своимъ зеркаломъ.

— Проклятое зеленое отродье—ругается Феликсъ, протирая глаза. Но еще не успѣлъ онъ совсѣмъ открыть ихъ, какъ Гутта, вихремъ мчась къ столь близкой уже цѣли, бѣлой мѣловой чертѣ, опередилъ противника на двѣ лошадиныя длины.

— Впередъ, Гутта, впередъ, ты сейчасъ у цѣли!

Партія голубыхъ уже начинаетъ падать духомъ.

Какъ свистятъ бичи, какимъ градомъ сыплются удары на спины благородныхъ животныхъ! И вотъ—еще одинъ скачекъ—благодареніе богамъ, мѣловая черта достигнута. По самымъ его пятамъ слѣдуетъ голубой.

— Браво, Эмилій, наша гордость, наше счастіе!

Слышите эти крики? слышите, какой безумный гвалтъ идетъ вверху и внизу? Зеленые громко ликуютъ, голубые скрежещутъ зубами, бѣлые и красные подымаютъ къ небу кулаки, съ проклятіями богамъ и людямъ.

Эмилій Гутта, побѣдитель, съ гордой осанкой стоитъ въ своей колесницѣ, покрытый лентами, вѣнками, шарфами, медленно объѣзжаетъ онъ циркъ. Передъ императорской ложей Агриппа передаетъ ему въ серебряной мискѣ „изеластикумъ“,—наполненный золотомъ призовой кошелекъ, красивыя, роскошныя одежды, золотое кольцо (признакъ свободнаго человѣка) и пальмовую вѣтвь.

Сопровождаемый восторженными криками своей партіи, шагомъ ѣдетъ онъ къ тріумфальной аркѣ.

Многія женскія сердца бьются сильнѣе при видѣ прекраснаго юноши; каждая дѣвушка старается уловить хоть одинъ взглядъ его огненныхъ глазъ. Его торжеству почти могъ бы позавидовать Цезарь.

Зрители ожидаютъ слѣдующаго состязанія.

Но что это такое! Въ южной сторонѣ цирка вдругъ что-то трахнуло. Дикіе вопли, ломанье рукъ, вскакиванье съ мѣстъ. Ужасно! Часть верхнихъ деревянныхъ подмостокъ и скамеекъ, не сдержавъ тяжести волнующейся толпы, рухнули, увлекая за собой мущинъ, женщинъ, дѣтей. Горы тѣлъ валятся внизъ, на арену; тамъ кучи раненыхъ, раздавленныхъ, истекающихъ кровью, изувѣченныхъ, молятъ о помощи. Столбы, балки, скамьи, съ грохотомъ и трескомъ валятся другъ черезъ друга, кровь льется ручьями по мрамору нижнихъ арокъ; несчастные съ четвертаго яруса падаютъ внизъ на песокъ, тщетно стараясь уцѣпиться за камни и дерево; верхніе, въ безпощадной борьбѣ за жизнь, давятъ, тискаютъ нижнихъ. Какіе крики, какіе стоны и вопли умирающихъ!

Въ ужасѣ остальная толпа бѣжитъ къ выходамъ въ бѣшеной свалкѣ, то карабкаясь вверхъ, то огромными прыжками соскакивая внизъ, сваливая другъ друга, и думая только о своемъ спасеніи.

Вырвавшіяся изъ стойлъ испуганныя лошади, носятся по всѣмъ направленіямъ цирка по грудамъ раненыхъ и убитыхъ.

Августъ съ своимъ дворомъ, патриціи и женщины удалились потому что циркъ походитъ теперь на кладбище.

Сотни тѣлъ увозятся въ телѣжкахъ на мѣсто сожженія, сопровождаемыя мущинами, женщинами, дѣтьми; каждый оплакиваетъ кого-нибудь близкаго.

Праздникъ Флоры одѣлся въ черный покровъ.

Урны наполняются кучками дорогого пепла, который вскорѣ процессіи плакальщицъ проводятъ на кладбища. Замолкаетъ на время крикъ черни: „Хлѣба и зрѣлищъ!“

II.

Пиръ у Лукулла.

Изъ цирка перейдемъ въ залу пиршествъ Лукулла. Уже нѣсколько дней рабы суетливо бѣгаютъ по всѣмъ заламъ и галлереямъ виллы Лукулла въ Байѣ, разставляютъ столы, канделябры, сосуды, украшенія; весь домъ принимаетъ праздничный видъ. Сегодня обѣденный пиръ назначенъ въ залѣ Аполлона,—а пиръ въ этой залѣ всегда обходится Лукуллу не меньше 200,000 сестерцій *),—завтра будутъ обѣдать въ золотой, послѣ завтра въ египетской залѣ, и такъ каждый день будутъ чередовать новыя удовольствія и развлеченія.

— Всѣ-ли гости собрались? спрашиваетъ Лукуллъ своего домоправителя.

— Всѣ, кромѣ Цицерона: онъ долженъ ѣхать въ Помпею и прислалъ извиниться.

— Зови къ столу! Пусть ждутъ меня тамъ!

Такъ повелѣваетъ Лукуллъ. По всему дому прошла точно электрическая искра; все задвигалось, засуетилось.

Отъ привратника до послѣдняго конюха, отъ крошечнаго поваренка до высокомѣрнаго кандитера, отъ сгорбленныхъ носильщиковъ до неподвижнаго педагога, всѣ стремятся къ своимъ мѣстамъ. Какъ молодые охотничьи псы прыгаютъ носильщики факеловъ и украшеній. Всѣ собираются: музыканты, и чтецы, и выкликатели именъ, и безобразные шуты. Выходитъ Лукуллъ, окруженный толпой кліентовъ; путь его усыванъ розами. Преддверіе, украшенное статуями и блестящими военными трофеями, галлерея между наружными и внутренними дверьми, отворяются для праздничнаго шествія.

Гости встрѣчаютъ Лукулла обычными объятіями и поцѣлуями, и по парамъ присоединяются къ шествію, которое направляется къ великолѣпной залѣ Аполлона. Колонны, и террасы обвиты цвѣточными гирляндами. Въ обширномъ покоѣ царитъ волшебный полу-свѣтъ, еще болѣе способствующій упоенію чувствъ. Слѣдуя примѣру хозяина дома, въ самомъ веселомъ настроеніи возлегаютъ гости на роскошныя лижа, предварительно бросивъ въ курильницы нѣсколько соли, жертву Пенатамъ.

Молодые рабы распускаютъ гостямъ сандаліи; другіе надѣваютъ имъ фіалковые вѣнки; третьи разносятъ въ серебряныхъ сосудахъ ароматную воду для омыванія рукъ.

*) Нашими деньги это будетъ до 50,000 руб. серебромъ.

Библиотека "Руниверс"

Десять слугъ съ трудомъ несутъ громадный подносъ пирамидально уставленный пузатыми, плоскими, круглыми, овальными посудинами. Въ серединѣ возвышаются серебряные павлины и золотые фазаны—ихъ можно принять за живыхъ. На плоскихъ блюдахъ манитъ глазъ и вкусъ все, что только есть живого въ моряхъ. А кто не охотникъ до морскихъ произведеній, тотъ найдетъ въ серебряныхъ ларцахъ колбаски, петушьи гребешки, фаршированныя свиньи вымя, гусиную печень; тутъ-же красуются спаржа, арпіанскій лукъ, чеснокъ, сицилійская тыква и редиски, приправленные византійскимъ соляным растворомъ, не упоминая объ устрицахъ, которыя тысячами плаваютъ въ своей собственной слизи.—Это еще только закуска передъ настоящимъ обѣдомъ. Но вотъ звуки роговъ возвѣщаютъ и обѣдъ.

Первая перемѣна: фазаны изъ Колхиды, гарнированные перепелками, іонійскими рябчиками, карѳагенскими цесарками, бекасовыми и гусиными грудинками, и проч. и проч. Предъ изумленными гостями, вдругъ, какъ волшебствомъ, являются фазановая самка, будто бы убѣгающая отъ невидимаго врага: она защищаетъ дѣтенышей подъ распущенными своими крыльями. У всѣхъ присутствующихъ вырывается крикъ изумленія при видѣ мастерского произведенія. Обманъ продолжается недолго: птица разрѣзана искусной рукой, и изъ внутренностей ея падаютъ трюфели и молодые бобы, величайшія кулинарныя тонкости. Не менѣе замысловато приготовлены какъ будто сидящія на яйцахъ куры, спящіе пѣтухи, сражающіеся перепела, и проч. Поваръ изъ Сиракузъ знаетъ свое дѣло; онъ употребилъ все свое искусство, чтобы угодить вкусу каждаго изъ гостей.

Хоръ музыки на верхней галлереѣ возвѣщаетъ, что со второй перемѣной должны начаться радости прославленнаго бога. Вакуса. Сосуды наполняются драгоцѣнной влагой. Пирующіе, въ честь бога, мѣняютъ фіалковые вѣнки на виноградные.

За твое здоровье!—раздаются восклицанія гостей. Вино развеселило всѣхъ. Лукуллъ говоритъ, обращаясь къ гостямъ:

— Цицеронъ прислалъ мнѣ изъ Капуи въ подарокъ двухъ гладіаторовъ; не угодно-ли посмотрѣть на ихъ искусство?

Гости утвердительно киваютъ головами, и въ залу пиршествъ входятъ двѣ полу-обнаженныя фигуры. Натертыя жиромъ тѣла ихъ покрыты безчисленными рубцами. На головѣ массивный мѣдный шлемъ, закрытый со всѣхъ сторонъ; на лицо опущено непроницаемое забрало. Слѣпыми бойцами называются эти странныя фигуры. Они сражаются не вида другъ друга, скованные вмѣстѣ цѣпью, чтобъ не разойтись далеко во время битвы; въ обѣихъ рукахъ у нихъ по короткому, тупому мечу. Они нападаютъ другъ на друга, на удачу тыкая оружіемъ, часто промахиваясь, еще чаще попадая; наконецъ со всего тѣла ихъ струится кровь, мясо виситъ вездѣ кровавыми лоскутьями.

Благородные гости между тѣмъ глотаютъ устрицы, запивая ихъ фалернскимъ, и остря надъ стонами бойцовъ, кровь которыхъ залила полъ и обрызгала столы.

Слѣдуетъ вторая перемѣна. Куриные пастеты съ дикими голубями, оленьи и фламинговые языки, молги перепеловъ, краббы, рыбы, черепахи, дичь съ салатомъ и фруктами, молодые козлята. На нѣжныя мяса щедро изливаются кипрское, фалернское, лесбійское и другія вина. Префектъ, ухмыляясь, возвѣщаетъ новое зрѣлище.

Девять кадикскихъ танцовщицъ, въ однихъ легкихъ передникахъ съ распущенными волосами, влетаютъ въ залу. Онѣ кружатся въ дикомъ танцѣ, соблазнительно простираютъ прекрасныя руки, перекачиваясь всѣмъ гибкимъ тѣломъ. Подъ нѣжные звуки музыки потолокъ раскрывается, и на пирующихъ сыплется цвѣточный дождь.

Гости съ нетерпѣніемъ ждутъ главнаго, третьей перемѣны. Вотъ ее подаютъ.

Кабанъ съ бобами, гальскіе окорока, кролики и мыши.

По знаку Лукулла, появляются двѣ сирійскія десятилѣтнія дѣвочки. На головахъ у нихъ фригійская шапочка, тѣло плотно обтянуто короткимъ трико.

Проворно воткнувъ въ полъ кинжалы лезвеемъ вверхъ, такъ что между ними едва можетъ лечь ладонь, танцуютъ онѣ между смертоносными остріями, съ непостижимой ловкостью избѣгая малѣйшаго невѣрнаго движенія, которое должно быть для нихъ смертельно. (См. рисунокъ въ № 21 „Нивы“).

Между зрителями сейчасъ же составляются пари, которая изъ двухъ дѣвушекъ побѣдитъ. Огромныя суммы ставятъ за головы дѣвочекъ, и все неистовѣе, быстрѣе становится роковой танецъ. Лица дѣвочекъ становятся багровыми отъ прилива крови, лбы почти касаются острія кинжаловъ, но ловкія ручки искусно ускользаютъ отъ губительнаго лезвея.

Забывъ кабановъ и поросятъ, отуманенные винными парами гости, съ напряженіемъ слѣдятъ за жестокой игрой.

Вдругъ раздается отчаянный крикъ, и старшая изъ дѣвочекъ, измѣняясь въ лицѣ, падаетъ на локти; тѣло ея описываетъ красивую дугу надъ кинжалами, и они вонзаются ей въ грудь; кровь изъ раны брызжетъ во всѣ стороны. Два раба выносятъ тѣло несчастной. Ея подруга быстро вскакиваетъ на ноги, и среди одобрительныхъ возгласовъ получаетъ въ подарокъ кубокъ съ монетами.

Отяжелѣвшія вѣки, вялыя движенія, безсвязныя рѣчи, доказываютъ, что сознаніе оставило гостей, и что тѣломъ всевластно управляетъ теперь одно чрево.

— Въ пальмовую долину! — отдаетъ приказаніе Лукуллъ. Сильные нубійцы ставятъ ложа съ покоящимися на нихъ гостями и хозяиномъ на носилки, стоящіе на-готовѣ въ преддверіи; пустѣетъ недавно столь шумная, золотая зала Аполлона.

Такова была жизнь въ Римѣ за 50—100 лѣтъ до Рождества Христова.

Стихотворенiе.

Изъ Гейне.

I.

На щечкахъ, какъ въ жаркое лѣто,
Румянецъ, пылая, горитъ,
А сердце морозомъ одѣто,
И зимній тамъ холодъ стоитъ.

* * *

По скоро то время настанетъ,
О, милая, время придетъ:
И солнце въ сердечко заглянетъ,
А щечки морозомъ зальетъ.

II.

Поздней осени туманы
На горахъ, долинахъ спятъ,
И съ деревьевъ въ ураганы
Листья желтые летятъ.

* * *

Голо, пусто; одиноко
Межъ деревьевъ лишь одно,
Въ пышной зелени, глубоко
Спитъ, въ тоску погружено.

* * *

Мрачно такъ въ душѣ поэта.
Ахъ, а дерево съ листвой,
Вѣчной зеленью одѣто,
Это—милый образъ твой.

III.

Мой день былъ счастливъ, веселъ вечеръ мой.
Мнѣ улыбалось все, когда бывало лиру
Я въ руки бралъ; огонь тогда святой
Пылалъ такъ ярко радостію милой.
Пришла пора—и жатву золотую
Теперь я съ поля жизни снялъ, и полный слезъ
Оставилъ все—и сердцу дорогую
Мечту завѣтную, мечту любви и грезъ.
Изъ слабыхъ рукъ летитъ, увы, летитъ и бьется
Завѣтный образъ тотъ, что съ радостью такой
Недавно прижималъ къ устамъ, къ груди нѣмой..
О, Боже! отчего здѣсь грустно такъ живется,
Такъ грустно, тяжело и сладко такъ порой?

Марія Ранушевичъ.

Мирдиты.

Мирдиты—албанскаго племени. Территорія ихъ занимаетъ небольшое пространство на горахъ, лежащихъ на юго-востокъ отъ Скутари. Число мирдитовъ до 20,000 человѣкъ, по вѣроисповѣданію всѣ они католики, но ихъ католицизмъ чисто внѣшній и не оказываетъ никакого вліянія на смягченіе нравовъ. Нравы эти у мирдитовъ, какъ, впрочемъ, и у всѣхъ остальныхъ албанцевъ, не отличаются мягкостью и почти первобытная простота ихъ жизни имѣетъ въ себѣ въ тоже время много грубаго и рѣзкаго. Духовенство ихъ состоитъ по преимуществу изъ итальянскихъ францисканцевъ, получающихъ суб-

Библиотека "Руниверс"

сидію отъ австрійскаго правительства. Нужно замѣтить, что миридиты не только по языку, но и по происхожденію отличаются отъ остальныхъ албанцевъ, считающихъ себя потомками древнихъ пелазговъ. У миридитовъ не существуетъ законовъ, они руководятся исключительно обычаями. Браки совершаются посредствомъ покупки жены, родителямъ которой отдается по договору извѣстное количество головъ скота. Впрочемъ, большая часть браковъ совершается при посредствѣ, говоря словами нашего Нестора, „умыкиванья". Женихъ высматриваетъ себѣ подругу жизни и похищаетъ ее изъ родительскаго дома.

Изъ всего этого можно видѣть, что въ жизни миридитовъ сохранились почти во всей своей цѣлости черты первобытныхъ нравовъ, подобно тому, какъ было у насъ въ десятомъ вѣкѣ.

освобожденіе отъ налоговъ и нѣкоторыя другія права и преимущества и между прочимъ право независимаго выбора своихъ капитановъ, родоначальникомъ которыхъ, послѣ пресѣченія рода знаменитаго Скандерберга, былъ Джонъ Марко, предокъ нынѣшняго капитана. Капитанъ, называемый теперь принцъ миридитовъ, имѣетъ титулъ паши и получаетъ отъ правительства жалованье бригаднаго генерала. Полученіе извѣстія о всѣхъ льготахъ миридиты привѣтствовали криками „Добрый день"—„Mirdit", что означаетъ въ переводѣ: mir—добрый, dit—день. Съ этого времени имя миридитовъ и осталось за племенемъ, въ отличіе отъ сосѣдей.

Миридитская территорія обнимаетъ собственно въ своихъ границахъ слѣдующіе округа: Оронскій, съ главнымъ поселкомъ того же имени, резиденціей принца, состоящимъ изъ 370

МИРИДИТЫ:

Женщина.

Мужчина.

Слѣдовательно для того, чтобы имѣть болѣе точное представленіе о характерѣ жизни этого племени, хотя бы, положимъ, въ смыслѣ составленія понятія о ихъ формѣ правленія, то въ этомъ случаѣ достаточно припомнить, что говорили мы о жизни нашихъ предковъ славянъ (см. „Нива" с. г. № 15, „Очерки изъ русской исторіи) и нравы того, давно прошедшаго, времени, будучи примѣненными къ нравамъ миридитовъ, укажутъ, въ каномъ положеніи находится это племя въ отношеніи его членовъ, одного къ другому, распрей его отдѣльныхъ родовъ между собою, власти старшихъ въ родѣ и т. д.

Для объясненія этимологическаго происхожденія слова „Миридиты", необходимо разсказать слѣдующее. Когда, во время султана Мурада III возстала Сербія,—воинственное населеніе округа доставило на помощь туркамъ противъ инсургентовъ свои отряды. Въ благодарность султанъ даровалъ имъ вѣчное

домовъ; округъ Деббри—главное село Кашижетти, 560 домовъ; Сваци—главныя села Курспула и Годанья—580 домовъ; Фанди—село того же имени—650 домовъ; Гушнени, село того же имени—650 домовъ. Затѣмъ къ ней принадлежатъ также округа со смѣшаннымъ населеніемъ (католиками, греками и мусульманами), католическая часть которыхъ тѣсно связана съ миридитами и, какъ надо ожидать, впослѣдствіи сольется съ ними. Округа эти слѣдующіе: Лури, Педани, Кефела и Нела; въ общей сложности имѣютъ 2,000 домовъ, считая и турецкія, и христіанскія селенія, большинство которыхъ принадлежитъ христіанамъ. Въ газету „Times" въ послѣднее время сообщаютъ изъ Скутари, что изъявленіе покорности принцемъ миридитовъ, Пренкомъ, было только предлогомъ, чтобы выиграть время. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще незамѣтно никакихъ признаковъ покорности.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. Отелло. Трагедія Шекспира. Картина Кабанеля, грав. Жоннаръ.

Дездемона. Когда со мною
Ты вмѣстѣ молиться, то я надѣюсь,
Меня ты не убьешь. (Отелло. Актъ V. Сцена II).

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ.

„Отелло“ Трагедія Шекспира.

Пяти-актная трагедія Шекспира, „Отелло“, была въ первый разъ поставлена на сцену 6 августа 1602 г., во время пребыванія Елисаветы и двора ея въ Гэрфильдѣ *). Содержаніе „Отелло“ заимствовано изъ итальянскаго сборника новеллъ Джиральди Цинтіо. Воспользовавшись матеріаломъ, Шекспиръ видоизмѣнилъ встрѣчающіеся во взятой имъ новеллѣ характеры и счелъ за нужное ввести въ свою драму новые. Изъ грубаго съ нравоученіемъ разсказа, онъ создалъ одно изъ колоссальныхъ произведеній въ литературѣ народовъ. Собственно завязка пьесы состоитъ въ слѣдующемъ: Въ Венеціи нѣкогда жилъ мавръ Отелло, храбрый воинъ, оказавшій не мало услугъ республикѣ. Въ него влюбляется прекрасная Дездемона, дочь сенатора. Она бѣжитъ изъ дома родительскаго и выходитъ замужъ за Отелло. Въ числѣ приближенныхъ Отелло находится поручикъ Яго. Изъ злобы и зависти Яго возбуждаетъ въ Отелло ревность, наговаривая ему о невѣрности Дездемоны. Ревность мавра доходитъ до того, что онъ убиваетъ Дездемону, а потомъ, убѣдившись въ ея невинности, закалываетъ себя. Такова канва пьесы, въ которой силою генія Шекспира созданы изумительные образы, полные высшей правды и художественной силы.

Въ Отелло главномъ характерѣ, Шекспиръ представилъ неустрашимаго, мягкаго и сильнаго въ своей простотѣ человѣка, чистаго сердцемъ. О немъ такъ отзывается даже врагъ его Яго:

...„Это открытая, прямая натура, у которой честенъ всякій, кому не лѣнь казаться честнымъ“. Этотъ же самый человѣкъ подъ вліяніемъ кипучей страсти, въ порывахъ ревности, превращается въ дикаго звѣря, доходящаго до изступленія. Рѣзкою противоположностью Отелло является Дездемона. Дездемона—это одна изъ тѣхъ высоко прекрасныхъ созданій, въ каждомъ поступкѣ которыхъ все правда, кротость и любовь. Дѣвственно-чистая, она не признаетъ ложнаго стыда и полюбивъ человѣка за его достоинства, оставляетъ отца и идетъ съ тѣмъ, кого рѣшилась выбрать себѣ мужемъ. Она до такой степени глубоко и безпредѣльно отдается своему избранному, что не можетъ даже представить себѣ женщину, которая способна обманывать мужа. „Нѣтъ, я позволила бы проклясть себя,—говоритъ она,—если бы даже изъ-за цѣлаго міра сдѣлала такую низость... Нѣтъ, не хочу вѣрить я, что на свѣтѣ есть женщина такая“.

Другая противоположность Отелло—Яго. Самолюбивый, злой, съ постоянною завистью смотрящій на чужое счастье и удачу, способный на величайшую низость, на всевозможныя преступленія, Яго ненавидитъ Отелло, какъ всякое зло ненавидитъ искренность, простоту и добро. Пользуясь недальновидностью нѣкоего Родриго, влюбленнаго въ Дездемону, Яго, подъ предлогомъ счастія Родриго, заставляетъ его служить своимъ цѣлямъ,—погубить Отелло. У Отелло, въ качествѣ его лейтенанта, служитъ молодой Кассіо. Красивый собою, добродушный, откровенный, всей душою преданный Отелло, доволенъ своей участью и мундиромъ. За этого Кассіо также берется Яго, подводитъ его на различныя сцены и постоянно обманывая въ дружбѣ и честныхъ намѣреніяхъ, искусно дѣлаетъ его орудіемъ въ своихъ рукахъ. Третье лицо, стоящее въ тѣсной связи съ Яго, его жена Эмилія, дюжинное въ умственномъ отношеніи существо, неспособное ни къ какой провѣркѣ тѣхъ поступковъ, къ которымъ побуждаетъ ее мужъ.

Такимъ образомъ, съ помощью этихъ людей злой Яго подкапывается подъ счастіе Отелло, наслаждается его страданіями и обращаетъ жизнь его въ рядъ адскихъ мукъ. Чистый сердцемъ, мавръ не постигалъ, до какой степени могутъ быть сильны людское коварство и злоба и вотъ отчего онъ не понялъ хитраго Яго и такъ легко повѣрилъ его клеветѣ.

Страшно волнуясь, долго старается Отелло отбросить всѣ подозрѣнія объ измѣнѣ своей прекрасной жены, боится оскорбить ту, которая заключала въ себѣ его радости, дѣлая жизнь его полной, прекрасной и свѣтлой. Встрѣчаясь съ женою, Отелло силится прочесть въ ея душѣ, виновна ли она и борясь съ мучащими его сомнѣніями, онъ даже хочетъ удушить самаго Яго; но хитрый Яго подтверждаетъ свою клевету и въ доказательство представляетъ похищенный чрезъ Емилію у Дездемоны платокъ и подброшенный къ Кассіо. Этотъ платокъ, первый подарокъ Отелло, который онъ заклиналъ Дездемону беречь до гроба, послужилъ такимъ доказательствомъ, что Отелло уже не сомнѣвается болѣе въ измѣнѣ Дездемоны. Онъ рѣшается убить ее и ночью, входя въ ея спальню, онъ спрашиваетъ:

Молилась-ли ты на ночь Дездемона?
Дездемона. Молилась. Да...
Отелло. Когда ты за собою
Какой-нибудь припомнить можешь грѣхъ,
Котораго не отпустило небо,—
Молись скорѣй.
Дездемона. Что это значитъ, милый!?..
Отелло. Ну, ну, молись... да только покороче,
Я похожу покамѣсть... Не хочу я
Тебя убить, пока ты къ смерти духомъ
Не приготовилась.—Нѣтъ, Боже сохрани!
Твоей души я убивать не стану...
Дездемона. Ты говоришь о смерти?
Отелло. Да, о смерти?
Дездемона. О Господи, будь милосердъ ко мнѣ.
Отелло. Аминь, отъ всей души.
Дездемона. Когда со мною ты вмѣстѣ молишься,
То я надѣюсь, меня ты не убьешь.

Она начинаетъ просить Отелло пощадить ее, говоритъ, что она не знаетъ никакой вины за собою и всѣ ея грѣхи — любовь ея къ нему. Отелло обвиняетъ ее въ любви ея къ Кассіо, и не внимая ея слезамъ и моленьямъ, онъ душитъ ее. Но Дездемона еще дышетъ.

„Жива! еще жива! говоритъ Отелло,
О, я жестокъ, не знаю милосердья,
Я не хочу продлить твоихъ мученій,
Вотъ такъ, вотъ такъ!..

Онъ душитъ ее еще и еще. Въ это время въ дверь спальни стучится Эмилія. Войдя, она слышитъ стонъ Дездемоны, видитъ ее умирающей.

— О, милая синьора, что-нибудь скажите мнѣ, скажите, Дездемона,—проситъ Эмилія, кидаясь къ ней. Кто же убійца вашъ?

Дездемона. Никто... Сама... Прощай!
Мой добрый мужъ... привѣтъ ему послѣдній
Ты передай... прости...
Отелло. Такъ лгуньею отправилась она
Въ кромешный адъ: я—я ея убійца.

Эмилія сзываетъ людей. Отелло окружевъ ими и выслушиваетъ, какъ они уличаютъ Яго въ клеветѣ и коварныхъ поступкахъ.

И такъ Дездемона оказывается невинною, честь ея и честь мавра незапятнанной, Отелло—самъ разрушитель своего счастія. За минуту грозный, изступленный, — Отелло становится безсильнымъ, беззащитнымъ, ничтожнымъ. Предъ нимъ встаетъ во всемъ своемъ блескѣ прекрасный образъ непорочной Дездемоны.

Ты холодна,—обращается онъ къ трупу Дездемовы,—
ты холодна, подруга,
Какъ чистота твоя! О, рабъ проклятый!
Ну, демоны, гоните прочь меня
Отъ этого небеснаго созданья!
Крутите въ вихрѣ бурномъ, жарьте въ сѣрѣ,
Купайте въ глубочайшихъ безднахъ, полныхъ
Текучаго огня! Ты, Дездемона,
Мертва! О, Дездемона! О... о... о!..

Да, все вдругъ оказалось безобразнымъ поступкомъ безумца, и разбитый, уничтоженный Отелло можетъ только заколоть себя...

Ужасная трагедія! Ужасный мавръ, но онъ настолько же внушаетъ въ насъ къ себѣ чувство сострадавія, какъ и несчастная Дездемона, жертва его безумной страсти.

Л. Ст—ва.

*) На русскомъ языкѣ переводы этой трагедіи были изданы: въ 1808 году, (неизвѣстнаго переводчика) 1836 (пер. Панаева), 1841, (неизвѣстнаго переводчика) 1843 (Кетчера), 1845 (Лавреевскаго), 1864 (Вейнберга) и 1870 года (Кускова).

Къ рисункамъ.

Крѣпости Карсъ и Баязетъ.

Карсъ, главный городъ турецкаго округа того же имени. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Арменіи. Время основанія его неизвѣстно; но еще Тацитъ говоритъ о встрѣчѣ Германика съ Пизономъ въ Циррѣ (нынѣшнемъ Карсѣ). Онъ былъ столицею армянскихъ князей изъ дома Багратидовъ съ 928 по 961 годъ по Р. Х., а въ 1014 году уступленъ императору Константину. Отъ византійцевъ Карсъ перешелъ къ сельджукамъ, потомъ къ монголамъ, персіянамъ и наконецъ къ оттоманскимъ туркамъ. Нынѣшняя крѣпость построена султаномъ Амуратомъ III между 1578 и 1584 г. по Р. Х. Городъ расположенъ на южной покатости горы, гребень которой, въ видѣ высокой и узкой полосы, тянется надъ рѣкою до того мѣста, гдѣ она принимаетъ направленіе къ сѣверу. Самая возвышенная и выдавшаяся оконечность этой скалы увѣнчана древнею цитаделью, которую усилили въ началѣ нынѣшняго столѣтія

Библиотека "Руниверс"

новою башнею, вооруженною пушками и возвышающеюся надъ древними стѣнами. Съ городомъ цитадель сообщается по крутому спуску, извилистою дорогою, которая пересѣкается на каменныхъ уступахъ оборонительными стѣнами, вооруженными пушками.

Городъ построенъ большею частью изъ простого камня, на глинѣ; дома двухъ-этажные съ плоскими крышами. Тщательно отстроены изъ тесанаго камня однѣ лишь мечети, бани и нѣкоторыя общественныя зданія. Населеніе почти все состоитъ изъ мусульманъ, небольшую часть составляютъ армяне. Городъ обнесенъ старинною каменною стѣною съ башнями, также вооруженными пушками. Въ Карсѣ считается до 21,000 душъ жителей, изъ нихъ магометанъ 18,500 и христіанъ до 2,500 душъ.

Рѣка Карсъ-чай, на правомъ берегу которой находится самая крѣпость, вытекаетъ изъ Саганлукскихъ горъ; оросивъ обширную долину, она разсѣкаетъ отдѣльно стоящую гору и, поворотивъ вправо, огибаетъ отрѣзанную ею скалу; на этой-то скалѣ и расположенъ Карсъ.

Въ городѣ и вблизи него, рѣка Карсъ-чай имѣетъ ширины отъ 7—14 саженъ, глубины отъ одного до двухъ аршинъ; но во время дождей и таянія снѣговъ, вода въ ней возвышается до того, что переполняетъ русло до самыхъ мостовъ; на равнинахъ она разливается на большое пространство, такъ что сообщеніе между берегами становится почти невозможнымъ. Карсъ вовсе не прикрываетъ ни страны отъ нашего вторженія, ни путей къ Эрзеруму, потому что движеніе внутрь страны всегда возможно или мимо Карса, отдѣливъ для наблюденія за крѣпостью часть силъ, или по другимъ путямъ: отъ Ардагана на Ольту, либо отъ Баязета по долинѣ верхняго Евфрата, потомъ по Араксу. Природная и лучшая защита Малой Азіи заключается съ одной стороны въ трудно проходимыхъ тѣснинахъ Саганлукскаго хребта, окаймляющаго ее до Чернаго моря, а съ другой — въ двойной цѣпи горъ, опоясывающихъ ее отъ Эривани до Баязета.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

Галацъ. Арестованный шпіонъ.

Крѣпость Карсъ возникла для огражденія города отъ нападеній Курдовъ и Лазовъ. Съ измѣненіемъ границъ, крѣпость очутилась близъ нашихъ владѣній и выдержала нѣсколько важныхъ осадъ, изъ которыхъ были произведены русскими, въ 1807 году генераломъ Несвѣтаевымъ; въ 1828 г. графомъ Паскевичемъ. Въ 1855 году Карсъ былъ снова въ рукахъ русскихъ. Въ 1828 г., подъ командою графа Паскевича, въ качествѣ бригаднаго командира, Н. Н. Муравьевъ, взобравшись на высоту Карадага, овладѣлъ находившимся тамъ редутомъ и непріятельскія орудія обратилъ на его же крѣпость. Въ 1855 году, въ качествѣ главнокомандующаго, онъ вошелъ въ Карсъ побѣдителемъ, уничтоживъ анатолійскую армію.

Такимъ образомъ оказывается, что какъ генералъ Муравьевъ въ 1828 году готовился къ дѣлу, возложенному на него въ 1855, точно такъ же генералъ Лорисъ-Меликовъ, въ свою очередь, въ этомъ же году, какъ будто осматриваетъ пути, по которымъ онъ въ 1877 году ведетъ наши войска въ глубь Малой Азіи. Многія лица, принимавшія непосредственное участіе

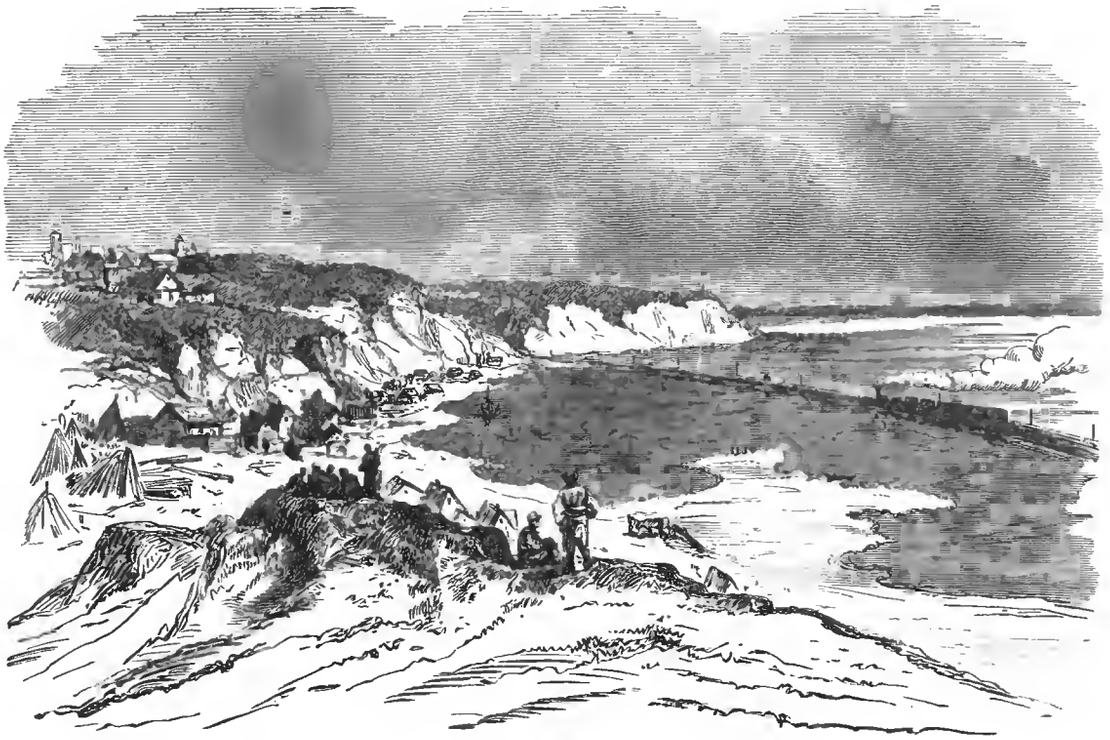
ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

Лагерь на Текучскомъ полѣ.

Библиотека "Руниверс"

въ минувшей войнѣ—стоятъ теперь во главѣ нашихъ войскъ въ новой войнѣ, носящей такое же наименованіе. Теперь, по взятіи нашими войсками Ардагана, имъ открыта дорога къ Карсу, находящемуся на юго-востокѣ отъ Ардагана. Есть уже извѣстія изъ Эрзерума отъ 5 (17) мая, въ „Daily Telegraph", что русскіе начали бомбардировать Карсъ изъ четырехъ тяжелыхъ осадныхъ орудій.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.



Барбошская позиція.

Баязетъ лежитъ, съ одной стороны, на прямомъ операціонномъ пути нашего южнаго корпуса, наступающаго изъ Эриванской губерніи на Эрзерумъ, подобно тому, какъ, напр., Карсъ преграждаетъ дорогу силамъ, наступающимъ на Эрзерумъ сѣвернѣе, отъ Александрополя. Въ Баязетѣ считается до девяти тысячъ жителей, изъ которыхъ большая часть магометане, а именно 7,300 душъ, остальные же, до 1700—христіане. О занятіи Баязета русскими войсками оффиціальное донесеніе получено изъ дѣйствующей на Кавказѣ арміи 19-го апрѣля, извѣстившее, что начальникъ Эриванскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, 18-го числа, въ 7 часовъ утра, подошелъ къ Баязету и находившійся здѣсь гарнизонъ поспѣшно отступилъ въ горы Аладагъ, оставивъ свои военные запасы. Городъ и цитадель Баязета заняты русскими войсками. Съ занятіемъ Баязета связано весьма серьезное обстоятельство, неимѣющее, впрочемъ, значенія въ настоящую войну, вслѣдствіе полнаго пока мира и согласія, существующаго у насъ съ Англіею... Дѣло въ томъ, что караваны изъ Трапезунда и Эрзерума, перевозящіе англійскіе товары въ Тавризъ, ходятъ черезъ Дохарскую тѣснину, близъ Баязета, занятіемъ котораго въ минувшую войну былъ нанесенъ жестокій ударъ англійской торговлѣ съ Персіей, что немедленно и доказано было на практикѣ: нѣсколько казачьихъ сотенъ перехватили между Баязетомъ и Діадиномъ караванъ въ 2,500 лошадей и верблюдовъ, цѣнность котораго простиралась до 8 милліоновъ піастровъ.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

Артеллерійскій транспортъ.

Въ 1855 году Баязетъ пріобрѣтенъ былъ нами съ бою, войсками эриванскаго отряда, подъ предводительствомъ генерала, барона Карла Карловича Врангеля.

Карсъ и Баязетъ принадлежатъ къ Эрзерумскому вилайету. Вилайетъ управляется вали, т. е. генералъ-губернаторомъ. Вилайетъ раздѣляется на санджаки, соотвѣтствующіе нашимъ губерніямъ или областямъ, и казы, которыя можно приравнять къ нашимъ уѣздамъ или округамъ.

Населеніе Эрзерумскаго вилайета принадлежитъ къ нѣсколькимъ племенамъ, которыя различаются между собою происхожденіемъ, языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, а также и общественнымъ положеніемъ. Благодаря всему, интересы населенія никогда не могутъ быть согласованы и отношенія племенъ всегда враждебны.

Библиотека "Руниверс"

Это, разумѣется, никакъ не можетъ способствовать силѣ турецкаго господства.

Господствующее племя — турки (380,000 обоего пола). Они разселились по всему вилайету, сосредоточиваясь преимущественно въ городахъ. Турки,-магометане сунитскаго толка, ненавидятъ христіанъ всѣхъ исповѣданій.

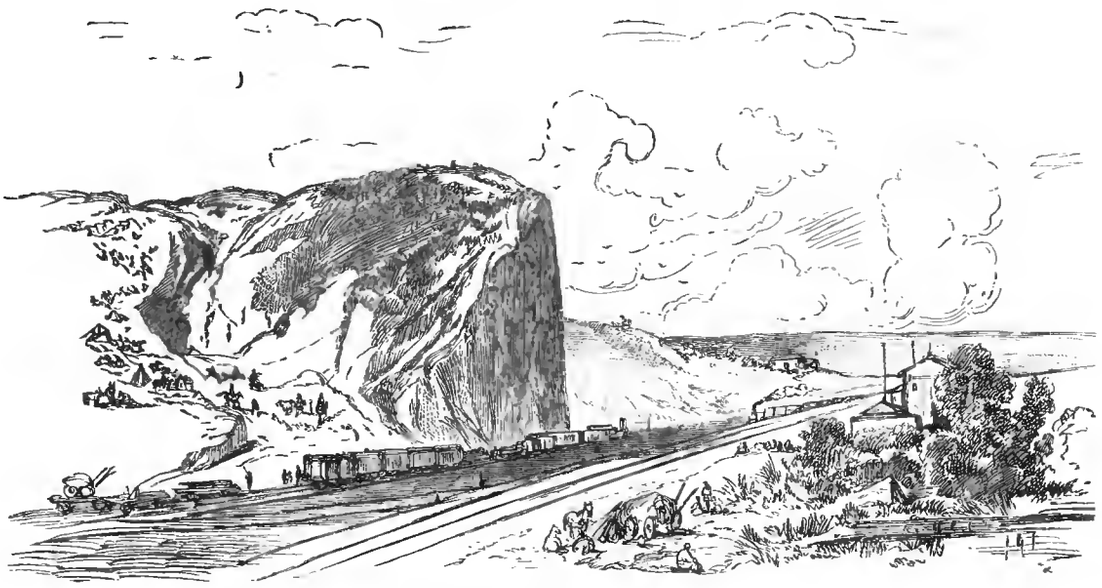
За турками, по значенію, слѣдуютъ курды (415 т.). Курды живутъ вообще къ югу отъ рѣки Куры (Курдистанъ), управляются наслѣдственными старшинами; большинство изъ нихъ ведетъ кочевую жизнь. Курды любятъ войну и хищничество; смѣлы въ нападеніяхъ, но не стойки. Часть ихъ охотно въ прежнія войны входила въ сношенія съ нами, но существенная помощь ихъ состояла въ томъ, что они могли служить проводниками, да не служили въ это время туркамъ. Курды—магометане болѣе по наружности, пьютъ вино. Въ Баязетскомъ санджакѣ многіе изъ

Поручикъ артиллеріи С. И. Самойло, удачнымъ выстрѣломъ котораго взорванъ турецкій мониторъ „Лутфи Джеликъ".

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

нихъ принадлежатъ къ сектѣ „чертопоклонниковъ", одинаково враждебной и христіанамъ, и мусульманамъ. Аджарцы и лазы на сѣверѣ вилайета—грузинскаго племени, но магометане; очень трудолюбивы, воинственны. Армяне (320 т.) живутъ болѣе на югѣ вилайета, именно въ Мушскомъ и Ванскомъ санджакахъ. Кромѣ того есть греки, евреи, черкесы, татары, но ихъ немного.

Главное занятіе осѣдлаго населенія—хлѣбопашество. Сѣютъ пшеницу, ячмень, рожь, просо. Скотоводство процвѣтаетъ, благодаря малой населенности страны. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ собираемаго хлѣба и числѣ скота нѣтъ, но вообще можно сказать, что населеніе не нуждается въ привозѣ, а напротивъ, само отпускало бы, если бы состояніе дорогъ и внутренняя безопасность въ странѣ позволяли бы это. Обработка сырыхъ продуктовъ производится въ самыхъ незначительныхъ раз-



Браиловскій берегъ.

Болгары, спасающіеся съ турецкаго берега на румынскій.

Библиотека "Руниверс"

мѣрахъ: въ странѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ мы.

Война въ Турціи.

Письма нашего корреспондента.

Въ тотъ самый день, когда Его Высочество Главнокомандующій посѣтилъ Браиловъ и его вновь рождающіяся баттареи—турецкій большой мониторъ „Лутфи-Джелиль“ салютовалъ его пріѣздъ, пустивъ въ поѣздъ нѣсколько колоссальныхъ снарядовъ... Его Высочество не приказалъ даже отвѣчать на такіе пустяки. Тѣмъ временемъ постройка баттарей быстро приближалась къ концу—тутъ каждый работникъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на дѣло вовсе не казенное, а свое собственное. Большія осадныя орудія были доставлены и ввезены на свои мѣста... 24 апрѣля „Лутфи-Джелиль“ снова появился передъ Браиловымъ — судно это сопровождалось еще тремя пароходами, державшимися, впрочемъ, въ почтительномъ отдаленіи. Начался артиллерійскій бой и... какъ вамъ уже извѣстно, отъ грознаго пятипушечнаго панцырнаго судна, съ 219 человѣками команды, не осталось на поверхности воды ничего, кромѣ верхушки мачты съ краснымъ флагомъ, да и тотъ наши матросы и охотники, подобравшись на шлюпкахъ, успѣли сорвать въ виду турецкихъ пароходовъ и стрѣлковъ, разсыпанныхъ между развалинами турецкаго селенія Гечети, расположеннаго по самому берегу.

ВОЙНА ВЪ ТУРЦІИ.

Одна изъ улицъ Галаца.

Два слова о рисункахъ. Одна изъ нижнихъ улицъ Галаца во время браиловской катастрофы представляетъ оригинальныя крыши съ высокими трубами, разные балкончики и бельведерчики. Все это только господствовало надъ остальною мѣстностью, все было оживлено и покрыто группами любопытныхъ во время вышеупомянутой бомбардировки и гибели „Лутфи-Джелиль“.

Берега Дуная, особенно въ городахъ и ихъ окрестностяхъ, представляли собою всегда самые оживленные пункты, дышащіе кипучей дѣятельностью, но характеръ этой дѣятельности былъ торговый, мирный; теперь они также оживлены, причѣмъ мотивы этого оживленія совершенно перемѣнились. Масса частныхъ судовъ, неуспѣвшихъ выбраться въ условленный для закрытія портовъ срокъ, сплошными рядами стоятъ у пристаней, ихъ экипажи бездѣйствуютъ; тысячи рабочихъ, существовавшихъ только портовой работой, бездѣйствуютъ тоже и, конечно, нуждаются; на пристаняхъ вы можете всегда видѣть толпу этихъ бѣдняковъ, между которыми, конечно, попадаются личности весьма подозрительнаго вида. За берегомъ и его обитателями учрежденъ весьма строгій надзоръ, всюду разставлены военные караулы и вдоль берега рыщутъ конные казачьи разъѣзды; не разъ уже случалось вылавливать весьма подозрительныхъ господъ, которые послѣ оказались настоящими турецкими шпіонами. Часто можно видѣть такую пойманную, перепуганную до нельзя личность, боязливо бредущую между двухъ грозныхъ воиновъ: казака-донца съ пикою и пѣшаго съ карабиномъ на плечѣ. Одна изъ такихъ сценъ и изображена мною. Другой рисунокъ представляетъ сцену несравненно болѣе драматическую; тутъ уже не отдѣльная личность, несчастная по своей собственной винѣ, нѣтъ, — здѣсь уже смертельно страдаютъ семьи честныхъ людей, добрыхъ работниковъ и смиренныхъ подданныхъ.—Это плачевные остатки одной изъ славянскихъ національностей, это Болгары, покидающіе свои деревни, все, съ чѣмъ сжились и свыклись и бѣгущія сюда на нашъ берегъ, чтобы спасти жалкіе остатки своего двора, а главное—свою голову. Каждый день почти къ нашему берегу пристаютъ такіе бѣглецы; случается, что не у всѣхъ изъ нихъ есть средства къ переправѣ черезъ широкіе разливы Дуная. Бродятъ такіе бѣдняки по тому берегу, съ минуты на минуту ждутъ, что вотъ-вотъ нагонятъ ихъ сзади черкесы или башибузуки и со страхомъ и надеждою ждутъ съ нашего берега высланной для ихъ спасенія лодки. Голодные, оборванные, израненые, эти бѣдняки представляютъ собою жалкое зрѣлище... Все бѣжитъ оттуда подъ защиту русскихъ знаменъ и богатая, цвѣтущая страна преображается быстро въ пустыню, покрытую слѣдами насилія и разрушенія. О рисункѣ „артиллерійскій транспортъ“ говорить нечего, онъ самъ говоритъ за себя.

Лагерь на текучскомъ полѣ, близъ Галаца, изображенный на одномъ изъ рисунковъ, расположенъ верстахъ въ двухъ отъ города. Текучская улица, ведущая къ этому лагерю, кишитъ военнымъ людомъ: и коннымъ, и пѣшимъ, и всякими военными повозками. Эта улица, до сихъ поръ весьма тихая и пустынная, теперь стала одной изъ самыхъ оживленныхъ линій города, особенно утромъ и передъ вечеромъ. Всѣ офицеры обязаны, конечно, ночевать въ лагерѣ при своихъ частяхъ, что они и дѣлаютъ, но за то днемъ какъ отказать себѣ въ удовольствіи пообѣдать въ городскомъ ресторанѣ, а то и просто кое-что закупить, кое съ кѣмъ повидаться. Цѣлыя вереницы колясокъ съ нашими офицерами тянутся по отвратительной мостовой—утромъ изъ лагеря въ городъ, вечеромъ обратно.

По поводу рисунка „Барбошская позиція“ нужно замѣтить слѣдующее. Рѣка Серретъ впадаетъ въ Дунай нѣсколько выше Галаца, именно у Барбоша. Желѣзнодорожная вѣтвь, ведущая въ Браиловъ, а оттуда въ Бухарестъ, пересѣкаетъ рѣку близъ ея устья и тутъ устроенъ желѣзнодорожный мостъ, играющій весьма важную роль въ передвиженіи нашихъ армій. Турки имѣли возможность легко уничтожить этотъ мостъ и надѣлать намъ массу хлопотъ и затрудненій, но они прозѣвали моментъ—и теперь это уже невозможно. Сильная боевая позиція съ господствующей надъ всей окрестностью высотою, изображенная на нашемъ рисункѣ, прикрываетъ теперь опасное мѣсто. Главная баттарея, построенная на гребнѣ этой высоты, можетъ обстрѣливать всю долину устья Серрета вплоть до самаго Дуная. Внизу подъ этою кручею станція желѣзной дороги и разводные пути, вѣчно занятые въ данное время воинскими поѣздами.

Н. Каразинъ.

Поручикъ артиллеріи С. И. Самойло.

Сергѣй Ивановичъ Самойло родомъ изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ Смоленской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Смоленской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ 3-е военное Александровское училище въ Москвѣ, въ августѣ 1872 года. Окончивъ въ немъ курсъ, онъ пожелалъ продолжать свое военное образованіе и въ августѣ 1874 г. былъ переведенъ въ старшій классъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, откуда по окончаніи курса наукъ, съ отличнымъ успѣхомъ, по первому разряду, въ августѣ 1876 года былъ выпущенъ подпоручикомъ въ полевую пѣшую артиллерію, съ назначеніемъ въ 29-ю артиллерійскую бригаду. Находясь на баттареѣ № 1, на нашемъ лѣвомъ флангѣ, у Браилова, 29-го апрѣля онъ замѣтилъ нѣсколько турецкихъ броненосцевъ, приближающихся по Дунаю и открылъ по нимъ огонь съ своей баттареи. Въ особенности обратилъ на себя его вниманіе большой трехъ-мачтовый мониторъ „Лутфи-Джелиль». Увидѣвъ ложившіеся вокругъ него снаряды,—поручикъ Самойло и бывшій съ нимъ въ это время на баттареѣ, строившій ее и находившійся для наблюденія за работами, поручикъ саперпаго батальона Романовъ, стали наводить бывшіе на баттареѣ орудія на бравирующій ихъ мониторъ: первый 24-хъ фунтовую пушку, а второй—мортиру; провѣривъ лично наводку, они почти одновременно послали свои выстрѣлы. Снаряды такъ удачно и мѣтко были направлены, что оба упали на палубу броненосца и пробивъ ее попали въ паровикъ; огонь сообщился пороховой камерѣ, взвился паръ, затѣмъ страшный взрывъ—

Библиотека "Руниверс"

и отъ величаваго броненосца осталась только верхушка мачты. Громкое, восторженное ура! вырвалось у наблюдавшихъ и участвовавшихъ въ перестрѣлкѣ и эхомъ прокатилось по берегамъ Дуная.

Сергѣй Ивановичъ Самойло 23-хъ лѣтъ, средняго роста, взглядъ живой, движенія быстрыя, но безъ суетливости. Кстати напомнить, что въ бытность въ артиллерійскомъ училищѣ онъ былъ паводчикомъ, т. е. однимъ изъ 4-хъ лучшихъ воспитанниковъ, назначаемыхъ въ строю для установки и прицѣливанія орудій, выдвинутыхъ на позицію для открытія огня. Въ награду за свой подвигъ онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени, съ мечами.

Муравьи (Formica).

Виды муравьевъ чрезвычайно многочисленны. Между ними отличаются три главныя группы: *кирпичники* или *мирмики*, (Myrmica), *понеры* (Ponera) и собственно муравьи (Formica). Внутренняя жизнь муравейниковъ одинакова у всѣхъ видовъ этого рода. Муравьи живутъ обществами, составленными изъ самцовъ, самокъ и рабочихъ. Рабочіе заняты постройками, заготовленіемъ провизіи, воспитаніемъ личинокъ и охраненіемъ гнѣзда отъ нападеній враговъ. Молодые самцы и самки не пользуются такой свободою, какъ молодые рабочіе. Они остаются постоянно въ муравейникѣ подъ надзоромъ и одни безъ рабочихъ выходить не смѣютъ.

Въ августѣ у самцовъ и самокъ появляются крылья. Быстро двигая своими радужными крыльями, вылетаютъ тогда на свободу самцы, несутся за ними вслѣдъ крылатыя самки и исчезаютъ въ воздухѣ. Послѣ этого полета самцы, оплодотворивъ самокъ, погибаютъ, а самки возвращаются домой и съ этого времени посвящаютъ себя исключительно материнскимъ заботамъ. Не имѣя болѣе надобности въ крыльяхъ, самки съ помощью рабочихъ обрываютъ ихъ. Рабочіе отводятъ самкамъ помѣщеніе и неотступно слѣдятъ за ними. Лишь изрѣдка самки являются погулять въ верхнихъ этажахъ муравейника, да и то въ сопровожденіи цѣлой толпы рабочихъ. Въ замѣнъ неволи, самки пользуются всѣми услугами и ласками рабочихъ, которые то чистятъ, то лижутъ, то гладятъ и безпрестанно кормятъ ихъ. Не смотря на миніатюрныхъ рабочихъ, муравейникъ поражаетъ своимъ устройствомъ и обширностью своихъ отдѣленій. Въ немъ встрѣчаются узкіе коридоры, комнаты, просторныя залы. Самая высокая и самая просторная изъ нихъ находится въ центрѣ зданія, подъ его куполомъ. Обитатели изумительной постройки живутъ въ совершенномъ согласіи между собою. Между всѣми членами существуетъ полнѣйшая общность имущества и всѣхъ интересовъ. Каждый членъ безъ принужденія исполняетъ свои обязанности, а пользуясь извѣстными правами, не внушаетъ въ другихъ къ себѣ непріязни. Общая привязанность и дружба обусловливаютъ легкость занятій и взаимную помощь.

Самки кладутъ свои яички на ходу. Яички эти—бѣлаго цвѣта и цилиндрической формы. Спустя пятнадцать дней послѣ кладки, появляется личинка. Толпа кормилицъ берется за воспитаніе. Своими щупальцами онѣ чистятъ и гладятъ питомцевъ и растираютъ ихъ кожицу. Взойдетъ солнце и обольетъ горячимъ свѣтомъ муравейникъ—какая тогда начнется суета! Муравьи-сторожа, постоянно наблюдающіе сверху муравейника за безопасностью, тотчасъ даютъ знать во внутренніе покои о появленіи солнца. Въ тотъ же мигъ поднимаются рабочіе и во всѣ выходы тащатъ своихъ толстыхъ питомцевъ, чтобы согрѣть ихъ живительными лучами свѣтила. И все время, пока солнце грѣетъ муравейникъ, личинки остаются на воздухѣ; но спрячется солнце за ближней горою или лѣсомъ, упадутъ тѣни на муравейникъ, или же тучи покроютъ все небо — опять начинается суматоха, тасканіе личинокъ въ теплыя помѣщенія гнѣзда. Справятся съ работой муравьи,—усталые, измученные, отправляются тогда сами отдыхать на нѣкоторое время. Настаетъ второе превращеніе — переходъ личинки въ куколку. Куколка муравья бываетъ въ началѣ чистаго бѣлаго цвѣта; затѣмъ темнѣетъ и переходитъ въ чернобурый. Личинка собственно муравьевъ при переходѣ въ куколку покрывается шелковымъ кокономъ. Освобожденіе куколки совершается при помощи рабочихъ: они разрываютъ мантію куколки и помогаютъ ей выйти изъ кокона. Затѣмъ начинаются новыя ухаживанья за новорожденнымъ, который обыкновенно бываетъ очень слабъ и ни къ чему не способенъ. Его сильная жизненность проявляется только въ безпрестанномъ потребленіи пищи. Окрѣпнувъ, молодой муравей нѣкоторое время еще нуждается въ руководствѣ своихъ воспитательницъ: его учатъ охотиться, пріучаютъ пользоваться собственными силами, не быть разборчивымъ въ пищѣ. Самцы бываютъ менѣе самокъ. Самки недоразвившіяся, съ малой грудью, крыльевъ имѣть не могутъ и обращаются въ муравьевъ рабочихъ. Полагаютъ, что рабочіе живутъ по нѣскольку лѣтъ.

Муравьи питаются всевозможными веществами: свѣжимъ и гнилымъ мясомъ, плодами, цвѣтами, нападаютъ на насѣкомыхъ и высасываютъ ихъ сокъ. Муравьи очень любятъ жидкость, выдѣляемую травяными вшами изъ особенныхъ брюшныхъ мѣшечковъ. Найдя такихъ вшей, муравьи начнутъ тормошить ихъ, съ цѣлью заставить выдѣлить жидкость. Наберутъ муравьи вшей и отнесутъ ихъ къ себѣ въ муравейникъ, въ особенно устроенныя стойла, начнутъ кормить ихъ, а потомъ доятъ какъ коровъ.

Доведется муравью напасть на богатую добычу, онъ никогда не поползуется ею одинъ, а сзываетъ всѣхъ товарищей. Заработается какой-нибудь муравей и заголодаетъ. И работу-то броситъ не хочется и ѣсть-то надо; предупредитъ онъ о томъ товарища, а тотъ и принесетъ ему соку, заготовленнаго на всякій случай. Такова дружба между муравьями.

Раненымъ, разбитымъ товарищамъ муравьи всѣми силами стараются оказать помощь. Случалось видѣть, какъ муравьи вытаскивали изъ воды погибшаго товарища и какъ спѣшили возвратить его къ жизни, ложась на него, чтобы согрѣть его, оттирая и ворочая.

Между лѣснымъ населеніемъ у муравьевъ не мало враговъ; и въ дѣлѣ защиты отъ нападеній они выказываютъ глубокое соображеніе и знаніе какъ отразить нападеніе и выдержать напоръ.

Нерѣдко муравейники ведутъ войну между собой изъ-за обладанія травяными вшами, или, чаще, съ цѣлью увеличенія населенія. Взятые въ плѣнъ муравьи быстро привыкаютъ къ своимъ похитителямъ и не допускаютъ мысли о побѣгѣ.

Вообще при внимательномъ изученіи жизни муравьевъ, нельзя не признать, что всѣ дѣйствія муравьевъ отличаются сознательностью и необычайною смышленностью, и мы еще будемъ имѣть случай разсказать о бытѣ муравьевъ, и ихъ замѣчательной общественной организаціи.

Муравьиный левъ (Fourmillon adulte).

Муравьиный левъ принадлежитъ къ разряду сѣтчатокрылыхъ, представительницей которыхъ является стрекоза. Сѣтчатокрылыя раздѣляются на двѣ группы; къ одной относятся: *стрекоза, поденка, термитъ*, насѣкомыя съ неполнымъ превращеніемъ,—къ другой: *ручейникъ, панорпа* и *муравьиный левъ*, съ полнымъ превращеніемъ. *Полнымъ* превращеніемъ называется, когда насѣкомыя выходятъ изъ яичекъ въ видѣ *личинокъ*, потомъ превращаются въ *куколокъ* и, наконецъ, во взрослыхъ насѣкомыхъ. Насѣкомыя съ *неполнымъ* превращеніемъ выходятъ изъ яичекъ похожими на взрослыхъ, но только безъ крыльевъ. Эти насѣкомыя не превращаются въ куколки и не перестаютъ двигаться и кормиться всю свою жизнь.

Сѣтчатокрылыя имѣютъ четыре перепончатыхъ крыла; крылья эти обыкновенно широки и покрыты тонкою сѣточкою, состоящей изъ маленькихъ поперечныхъ жилокъ. Разрядъ сѣтчатокрылыхъ не великъ, тѣмъ не менѣе насѣкомыя къ нему принадлежащія отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ своей формы и привычекъ.

Муравьиный левъ живетъ въ водѣ; насѣкомое это очень похоже на стрекозу, полетъ его слабый. Муравьиный левъ распространяетъ запахъ розы.

Личинка муравьинаго льва грязно-розово-сѣраго цвѣта съ пучками черноватыхъ волосковъ на объемистомъ туловищѣ. Лапки очень длинныя и тонкія, переднія раздѣляются; заднія такъ прижаты къ туловищу, что животное можетъ двигаться только задомъ. Личинки встрѣчаются на песчаныхъ мѣстахъ, на солнечной сторонѣ. Здѣсь онѣ устраиваютъ себѣ воронки, описывая задомъ въ пескѣ кругъ, діаметръ котораго постепенно уменьшается. Въ этомъ случаѣ крѣпкая четырехугольная голова насѣкомаго играетъ роль лопаты, отбрасывая песокъ далеко въ сторону. Приготовивъ помѣщеніе, личинка спускается въ воронку, оставляя снаружи одну голову и въ такомъ положеніи терпѣливо поджидаетъ, не появится ли добыча. Лишь только покажется на краю воронки песчаный паукъ или муравей, какъ личинка засыпаетъ его пескомъ: жертва скатывается на дно воронки и личинка своими острыми челюстями схватываетъ ее и, высосавъ сокъ, выкидываетъ снова наружу. Чаще всего добычей этихъ личинокъ бываютъ муравьи, отчего насѣкомое и получило названіе муравьинаго льва.

Въ срединѣ лѣта личинка муравьинаго льва дѣлаетъ сферическій коконъ, въ которомъ она и превращается въ куколку. Въ концѣ августа изъ куколки выходитъ совершенно развитое насѣкомое.

На югѣ встрѣчается очень правильный видъ, стрекозовидный муравьиный левъ, личинка котораго можетъ ходить впередъ и не роетъ воронки.

Рисунки, помѣщенныя въ этомъ № „Нивы“ представляютъ: 1) муравьинаго льва, совершенно развившагося, и 2) воронку его личинки, со скатывающимися по песку ей въ добычу муравьями.

Библиотека "Руниверс"

Политическія и военныя извѣстія.

Самая важная новость съ Дунайскаго театра войны, свидѣтельствующая о доблестныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ—потопленіе и взорваніе 14 (26) мая *второго* турецкаго монитора, уже сообщена нами въ прошедшемъ № «Нивы». Что касается азіатско-закавказскаго театра войны, то свѣжія извѣстія, сообщаемыя оттуда, слѣдующія: 16 мая генералъ-лейтенантъ Оклобжіо направилъ авангардъ свой, подъ начальствомъ флигель-адъютанта, полковника Гурчина на лѣвый берегъ рѣчки Кинтриши для занятія высотъ Самеба, на лѣвомъ флангѣ расположенія непріятеля. Предпріятіе это выполнено успѣшно. Непріятель, занимавшій означенныя высоты, отступилъ къ Цихиндири. Въ то же время направлена была вверхъ по рѣчкѣ Кинтриши небольшая колонна подъ начальствомъ маіора князя Меликова, чтобы отдѣлить мѣстное населеніе Кабулета отъ расположенія турецкихъ войскъ. Колонна эта, не смотря на крайне пересѣченную мѣстность, способствующую оборонѣ, достигла вполнѣ цѣли, занявъ назначенную ей позицію верстахъ въ шести отъ Хотцу-Убани. Наша потеря въ этотъ день состояла изъ 4 убитыхъ и 30 раненыхъ, въ числѣ которыхъ 1 офицеръ. Затѣмъ, въ дополненіе этихъ извѣстій, телеграмма отъ 16 мая сообщаетъ, что въ населеніи Кабулета теперь замѣтно болѣе миролюбивое настроеніе. Такъ, нѣкоторыя селенія добровольно выдали оружіе, розданное имъ турками; другія высылаютъ почетныхъ лицъ съ изъявленіемъ покорности. Но продолжающіеся здѣсь дожди и распутица крайне затрудняютъ движеніе по этой гористой и пересѣченной мѣстности. Отъ главныхъ нашихъ силъ, сосредоточенныхъ подъ Карсомъ, направлена колонна къ юго-западу отъ крѣпости, для наблюденія за непріятелемъ, появившимся на Саганлугѣ.

— Съ Дунайскаго театра войны сообщаютъ, что 16 (28) мая происходилъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь между Калафатомъ и Виддиномъ. При этомъ военный госпиталь въ Виддинѣ разрушенъ и *убито много больныхъ*.

Румынскія баттареи недавно обстрѣливали въ Исламі *Никополь* (крѣпость на Дунаѣ, между Рущукомъ и Виддиномъ, близь Систова). Турки начали разставлять пикеты на всемъ протяженіи Дуная. Пикеты эти по 30 чел. въ каждомъ. Располагаются они на разстояніи трехъ верстъ одинъ отъ другого и сообщаются между собою телеграфомъ и огневыми сигналами.

— Противъ Гирсова (на Дунаѣ, къ югу отъ Матчинскаго рукава) 14 (26) мая происходилъ сильный артиллерійскій огонь между турецкими канонирскими лодками и русскими баттареями.

Изъ политическихъ событій за прошлую недѣлю обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: Нашъ русскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ, г. Убри, былъ принятъ 14 (26) мая императоромъ Вильгельмомъ въ частной аудіенціи, и затѣмъ 15 (27) мая онъ выѣхалъ въ Петербургъ.

— Представители иностранныхъ державъ протестовали противъ установленія осаднаго положенія въ Константинополѣ. Въ населеніи Константинополя замѣтенъ сильный упадокъ духа. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Константинополѣ обнаруженъ заговоръ, имѣвшій цѣлью *низверженіе династіи Османовъ*. Произведено множество арестовъ и открытъ общій складъ оружія. Множество младотурокъ бѣжало изъ Константинополя. Волненіе постоянно увеличивается.

Ходитъ слухъ, что оппозиціонная партія намѣрена провозгласить Мидхатъ-пашу, который уже находится на пути въ Константинополь, диктаторомъ. Султанъ, будто бы, намѣренъ переселиться въ Адріаполь.

Изъ Бѣлграда пишутъ, что турки произвели нападеніе на Дринѣ, Аду и Буюкличъ, причемъ нѣсколько человѣкъ, работавшихъ въ полѣ, убили, а нѣкоторыхъ увели съ собою.

Подъ Бѣлградомъ стоятъ два австрійскихъ монитора. По слухамъ, Сербія тотчасъ-же послѣ перехода русскихъ черезъ Дунай провозгласитъ себя независимой и объявитъ войну Турціи. Сербскія войска и милиція сосредоточиваются на рѣкѣ Дринѣ при Кладовѣ и вблизи Алексинаца. Турція же, какъ слышно, намѣрена занять Сербскій берегъ Дуная и уже приняла для этого соотвѣтствующія мѣры, имѣя въ виду провести свои войска по Сербской территоріи. Англійская броненосная эскадра пребываетъ еще въ Пиреѣ. Знаменитый чешскій вожакъ Ригеръ недавно прислалъ письмо къ нашему дѣятелю по славянскому вопросу г. Аксакову, гдѣ онъ заявляетъ, что задачу славянства подобаетъ *разрѣшить* молодой Россіи, такъ какъ Европа *одряхлѣла*. Порта рѣшила допустить иностранцевъ въ турецкую службу. Вслѣдствіе этого въ турецкую армію теперь поступаетъ много англійскихъ офицеровъ. Увѣряютъ, что въ Парижѣ положеніе дѣлъ крайне напряженное и что въ скоромъ времени предстоитъ государственный переворотъ. Всѣмъ офицерамъ и солдатамъ запрещено читать газеты въ казармахъ. Клерикалы ведутъ усиленную агитацію въ пользу провозглашенія Макъ-Магона пожизненнымъ президентомъ.

Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Сергія Александровича, изволилъ выѣхать, 21 мая въ 11 часовъ вечера, изъ Царскаго Села, по варшавской желѣзной дорогѣ, въ дѣйствующую армію.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ 21 мая, дѣла на кавказско-турецкой границѣ и на Кавказѣ находятся въ слѣдующемъ положеніи:

Въ отрядѣ подъ Карсомъ и въ отрядахъ ардаганскомъ и эрзерумскомъ, послѣ молодецкаго кавалерійскаго дѣла 18 мая, особыхъ перемѣнъ не было.

Въ Черноморскомъ округѣ полковникъ Шелковниковъ, находясь съ отрядомъ въ Туапсѣ, препятствуетъ высадкамъ горцевъ.

21 мая къ Сочи подошли два монитора и послѣ 5-часовой бомбардировки спустили десантъ съ орудіями на 5 судахъ. Войска наши, расположенныя скрытно въ траншеяхъ, подпустили гребныя суда на 200 шаговъ къ берегу и открыли огонь; были перебиты всѣ гребцы и рулевые, а затѣмъ и находившійся на судахъ десантъ; мониторы, подоспѣвъ на помощь, забрали баркасы и ушли къ Пицундѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ-лейтенантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, командиръ 12-го корпуса дѣйствующей арміи. А. Н—ввъ** (съ портретомъ).—**Aquis sumbersus.** Новелла Теодора Шторма (продолженіе).—**Изъ древне-римской жизни** (окончаніе).—Стихотвореніе изъ Гейне—**Маріи Рвкушевичъ.**—**Миридиты** (съ 2-мя рисунками).—**Литературный альбомъ** «Отелло». Трагедія Шекспира (съ рисункомъ).—**Крѣпости Карсъ и Баязетъ** (съ 2-мя рисунками).—**Война въ Турціи. Н. Кавразина** (съ 7-ю рисунками).—**Поручикъ артиллеріи С. И. Свмойло** (съ портретомъ).—**Муравьи** (Formica) (съ рисункомъ).—**Муравьиный левъ** (Fourmillon adulte) (съ 2 рисунками).—Политическія и военныя извѣстія.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**

У КНИГОПРОДАВЦЕВЪ
КОРАБЛЕВА И СИРЯКОВА
въ Петербургѣ, сверхъ многихъ другихъ продаются нижеслѣдующія новыя книги:
Великосвѣтскій расколъ. Лордъ Редстокъ и его послѣдователи. Очеркъ современнаго религіознаго догмата въ петербургскомъ обществѣ **Н. С. Лѣскова**, изданіе 2-е, вновь пересмотрѣнное 1877 г. съ приложеніями: 1) Сентиментальное благочестіе. Великосвѣтскій опытъ простонароднаго журнала (Критическій этюдъ) разбора ежемѣсячнаго религіозно-нравственнаго изданія «Русскій рабочій» и 2) «Молитвы пастора Берсье» въ переводѣ на русскій языкъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.;—**Его-же сочиненія: НА КРАЮ СВѢТА** (Изъ воспоминаній архіерея). 1876 г.—60 к.; **ВЛАДЫЧНЫЙ СУДЪ.** Быль, изъ недавнихъ воспоминаній 1875 г.—50 к.
Поученіе и нѣсколько словъ. Петербургскаго смольнаго Александровскаго училища протоіерея **І. Ромвиова**, новый 3-й выпускъ, посвященный Высокопреосвященному Митрополиту Исидору, содержащій въ себѣ 105 краткихъ поученій о вѣрѣ, о путяхъ, ведущихъ ко Христу Спасителю, о смиреніи, объ истинѣ, на праздники Господня, Богородичны и разные случаи. 1877 г. 1 руб.
О смерти въ спасеніи къ безсмертію. Разговоръ съ бывшимъ учителемъ. **Протоіерея К. Б.** 1877 г. 15 к., въ перес. отъ 1 до 5 экз. фун.
Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества какъ путеводная нить при научныхъ изслѣдованіяхъ. **Соч. Г. Властова.** томъ 2-й, содержащій въ себѣ 2 и 3 книги Моисеева бытія, Исходъ и Левитъ. Изданіе 1877 г. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.—**Тоже, томъ І-й** 1876 г. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.
Апологетика научное оправданіе христіанства. **Соч. Эбрардъ.** Переводъ съ нѣмецкаго, томъ 1-й, 1877 г. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.
Списокъ іеерарховъ и настоятелей монастырей. Составлъ по достовѣрнымъ источникамъ **Павелъ Строевъ.** Изданіе Археографической коммисіи. 1877 г. 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р. 50 к.
Гностическое введеніе въ православное Богословіе. Лекціи (по записямъ студентовъ) покойнаго протоіерея **Ѳ. Сидонскаго.** 1877 г. 80 к., съ пересылкою 1 р.
Жизнь старца Серафима Саровской обители Іеросхимонаха, пустынно-жителя и затворника, съ приложеніемъ его наставленій, келейнаго молитвеннаго правила, изображенія и снимка съ его почерка и 5 картинокъ. 1877 г. 1 р. 25 к. съ перес. 1 руб. 50 коп.
Молитвенныя размышленія по случаю нынѣшней Турецкой войны, однимъ листомъ. 1877 г. 5 к. въ перес. отъ 1 до 20 прилаг. 20 к.
Уроки христіанской нравственности. Законоучителя СПб. Коммерческаго училища протоіерея **А Богдановскаго.** 1877 г. 60 к. съ перес. 80 к.
Теоретическое Богословіе евреевъ-талмудистовъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Свящ. **А Ковальницкой.** 1877 г. 30 к.—**Его-же переводъ НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВІЕ** евреевъ-талмудистовъ. 1877 г. 25 к. за пересылку обоихъ за ф.
Требованія изъ Иногородныхъ исполняются немедленно.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ г. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

СВѢЖІЯ СѢМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травныя, цвѣточныя и древесныя
имѣетъ честь предложить
сѣменная торговля А. УШАКОВА
въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.
Подробный прейсъ-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ раздается и высылается по требованію безплатно. 8—4

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ КРЫМА 4-т. въ 17-ти специал. частяхъ съ политипажами. Соч. Дѣйств. члена Император. Географическаго и другихъ обществъ, Василія Христофоровича Кондараки, временно распродается по типограф. цѣнѣ 6 руб. съ пересылкою. Адресоваться въ г. Ялту (Тавр. губ.) лично или письменно къ автору, до іюля месяца. 3—1

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Балтійской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи
Александръ Венцель
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.
№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—22

При этомъ № прилагается для гг. городск. и иногород. подписчиковъ „Такса пароходнаго общ. по Волгѣ учр. въ 1843 г.“

Дозволено цензурою. С ПБ. 27 Мая 1877 г. Тип. Воднина Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 23 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

Выданъ 5 Іюня 1877 г.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера „Нивы".

Контора журнала „Нива" помѣщается въ С.-П.-Бургѣ на Б. Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за Іюнь съ 30 рисунками, отдѣльный листъ выкроекъ съ 24 чертежами въ натуральную величину и съ 24 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Гейманъ

Василій Александровичъ—русскій дворянинъ, вступилъ въ службу юнкеромъ и произведенъ въ первый чинъ въ 1844 г. Теперь ему около 55 лѣтъ. Большую часть своей служебной дѣятельности онъ провелъ на Кавказѣ, гдѣ его имя пользуется большою популярностью и всеобщимъ уваженіемъ. Всѣ его военныя отличія и награды свидѣтельствуютъ о его необычайной храбрости. Въ 1864 году, т. е. въ 20 лѣтъ службы, онъ уже былъ генералъ-майоромъ и имѣлъ ордена: св. Анны 4-й степени за храбрость, св. Анны 3-й степени съ бантомъ, св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, золотую шашку за храбрость, св. Владиміра 3-й степени съ мечами, прусскаго Краснаго Орла съ мечами и св. Георгія 3-й степени, т. е. самую высокую награду военной доблести въ его чинѣ. Въ послѣдствіи онъ еще много получалъ орденовъ высшихъ степеней и наградъ по званію генерала, имѣющихъ, впрочемъ, менѣе характеристичное значеніе для его боевой славы. Въ 1872 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ утвержденіемъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи. Въ дѣлѣ 4-го мая, при штурмѣ Ардагана (крѣпость Ардаганъ, старинная армянская крѣпость, съ предмѣстьемъ, находится въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, на лѣвомъ берегу р. Куры, въ недальнемъ разстояніи отъ Карса), солдаты и всѣ чины его отряда, наэлектризованные его собственнымъ примѣромъ, хладнокровіемъ и распорядительностью, выказали необычайную отвагу и рѣшимость, поразившія турокъ. Когда въ 1 часъ дня пришло приказаніе отъ командующаго корпусомъ, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, идти на штурмъ для одновременнаго содѣйствія Ахалцыхскому отряду генерала Девеля, дѣйствующаго съ сѣвера — наши южныя колонны только и поджидали этого момента. Генералъ Гейманъ тотчасъ же сѣлъ на коня и повелъ Эриванцевъ и Бакинцевъ. Приходилось пройдти подъ выстрѣлами непріятеля 2¼ версты въ такомъ близкомъ разстояніи, что вмѣсто сыпавшихся гранатъ, каждую минуту могли ожидать картечи; не смотря на это, наши войска весело

Начальникъ 20 пѣхот. див. генералъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Гейманъ
Гравир. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

и бодро шагали въ разсыпную; только одна группа ѣхала сомкнутымъ строемъ, привлекая на себя выстрѣлы своею численностью и значкомъ, гордо развивавшимся за начальникомъ пѣхоты, генераломъ Гейманомъ. Когда штурмующіе дошли до основанія крѣпости, фортъ Галяверди (самый грозный) прекратилъ огонь; наши тоже перестали стрѣлять, чтобы не попасть въ своихъ. Всѣ съ замираніемъ сердца ждали, что вотъ-вотъ градомъ посыплется картечь. Турки, были поражены неустрашимою смѣлостью нашихъ войскъ, необращавшихъ вниманія на ихъ огонь, и настойчиво, безостановочно стремившихся къ заповѣдной цѣли. Озадаченные штурмомъ Елисаветпольцевъ (бывшихъ въ колоннѣ генералъ-лейтенанта Девеля, который занялъ укрѣпленія на галяверди́нскихъ высотахъ), турки побѣжали въ безпорядкѣ, не успѣвъ захватить съ собою ни снарядовъ, ни пушекъ, даже не заклепавъ ихъ. Только артиллеристы одни остались на мѣстахъ и бились до смерти, усѣявъ своими трупами платформы баттарей и рвы крѣпости. По собраннымъ послѣ взятія Ардагана свѣдѣніямъ оказалось, что въ оба дня боя, какъ въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, такъ и въ самой крѣпости, взято 82 орудія, въ томъ числѣ два 8-ми дюймовыя, много отличныхъ крупповскихъ орудій и громадные запасы боевыхъ снарядовъ и провіанта. Главныя четыре укрѣпленія имѣли профиль весьма почтенныхъ размѣровъ. Въ числѣ плѣнныхъ взятъ одинъ паша. Число погребенныхъ турецкихъ тѣлъ доходитъ уже до 800. Въ настоящее время въ городѣ и во всемъ Ардаганскомъ санджакѣ вводится русское управленіе. За взятіе Ардагана даны награды: генералъ-адъютанту, генералу отъ кавалеріи Лорисъ-Меликову и генералъ-лейтенанту Девелю—орденъ св. Георгія 3-й степени, а генералу Гейману, золотая шпага за храбрость, украшенная брилліантами.

Изъ всего изложеннаго въ этомъ краткомъ очеркѣ боевой дѣятельности Василія Александровича можно вывести прямое заключеніе, что его отличіе при Ардаганѣ не случайное, а напротивъ: отличій этихъ всѣ знавшіе Василія Александровича ожидали съ началомъ настоящихъ военныхъ дѣйствій нашихъ на Кавказѣ. Взятіе Ардагана только представило ему удобный случай снова обнаружить свои значительныя военныя способности, и неудивительно, что героемъ дня 5-го сего мая былъ Василій Александровичъ Гейманъ, имя котораго сдѣлалось теперь извѣстнымъ всей Россіи. Василій Александровичъ, впрочемъ, имѣетъ извѣстность не только какъ воинъ, онъ пріобрѣлъ себѣ не меньшую извѣстность, какъ прекрасный товарищъ и замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ начальникъ, пользующійся искреннею любовью подчиненныхъ, сослуживцевъ и всѣхъ лицъ, знавшихъ его. Въ семейной жизни испыталъ онъ горе, лишившись первой жены. Оставшись вдовцомъ съ дѣтьми, онъ потомъ вторично женился. Супруга В. А.—урожденная Мартынова. Дѣтей трое—два сына и одна дочь.

Кромѣ поименованныхъ выше наградъ собственно за военныя отличія, Василій Александровичъ имѣетъ, между прочимъ, золотую медаль, установленную Высочайшимъ указомъ 17-го апрѣля 1871 года, которую получилъ онъ за участіе по освобожденію зависимыхъ сословій и другіе знаки, ордена и отличія не за военные подвиги.

AQUIS SUBMERSUS.

Новелла Теодора Шторма.

(Продолженіе).

Я самъ засматривался на свою работу, и часто даже мнѣ не вѣрилось, что портретъ этотъ—произведеніе моей кисти! Иногда глаза Катерины свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ, и я чувствовалъ тогда жгучій взглядъ ихъ, который мнѣ хотѣлось уловить и оставить на холстѣ, но сіяніе это для него внезапно исчезало... И все таки какъ-то *само собой*, почти безсознательно, кисть передала этотъ чудный блескъ глазъ. Картина вышла полная жизни и столь поразительная, что самъ изумленъ я былъ! И ни до того, ни послѣ этого не создавала кисть моя ничего подобнаго...

Наступило, наконецъ, время отъѣзда въ Гамбургъ и было рѣшено, что я отправлюсь утромъ на другой день.

Придя на послѣдній сеансъ, Катерина передала мнѣ письмо къ теткѣ своей. На этотъ разъ бесѣдовали мы серьезно, не тратя лишнихъ словъ, и аккуратно обсудили положеніе дѣла.

Дорисовывая кое-какія детали портрета, я по временамъ посматривалъ на изображенія предковъ Гергардуса, украшавшія стѣны залы. Одинъ изъ старинныхъ портретовъ, портретъ женщины, привлекъ мое вниманіе (онъ и прежде производилъ непріятное впечатлѣніе на меня). Тутъ мнѣ показалось, что изъ-подъ обширнаго чепца на меня какъ-то особенно пронзительно глядятъ холодные сѣрые глаза безмолвной дамы.... Я вздрогнулъ такъ что чуть не выронилъ палитры, но сладкій голосъ Катерины заставилъ меня опомниться.

— Вы, Іоаннъ, какъ будто поблѣднѣли,—заговорила она,—что васъ взволновало?

Я указалъ кистью на портретъ той дамы и спросилъ:

— Знаете вы эту женщину? Эти глаза смотрѣли на насъ и теперь смотрятъ...

— Эта, что въ бѣломъ чепцѣ? Да, знаю.... Будучи еще ребенкомъ, я боялась этого портрета, и даже днемъ, когда пробѣгала черезъ эту комнату, зажмуривала глаза. Дама эта—жена одного изъ Гергардусовъ. Жила она тутъ и хозяйничала слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ.

— Она не похожа на вашу прекрасную мать. Судя по выраженію лица этой женщины, она была способна отвѣтить отказомъ на всякую просьбу... Кажется, никакія мольбы не могли ее тронуть.

Катерина поглядѣла на меня очень серьезно:

— Такъ и было на дѣлѣ. Разсказываютъ, что она прокляла единственнаго своего ребенка, а на другой день изъ пруда, что былъ въ саду, его и вытащили... вытащили мертвую молодую дѣвушку. Прудъ приказано было засыпать землею... Это вонъ тамъ, за изгородью, ближе къ лѣсу.

— Знаю, знаю это мѣсто, пробормоталъ я.

— А знаете-ли, Іоаннъ, говорятъ тоже, что каждый разъ, какъ нашему дому грозитъ бѣда, появляется тѣнь одной изъ Гергардусъ... Сначала привидѣніе показывается вотъ въ этихъ окнахъ и исчезаетъ потомъ въ болотѣ, которое въ саду.

Я невольно бросилъ взглядъ на холодные сѣрые глаза „одной изъ Гергардусъ“.

— А за что-же прокляла она единственную свою дочь?

— За что?

Катерина глядѣла на меня въ очаровательномъ смущеніи и не сразу отвѣтила.

— Я думаю за то, что та не хотѣла выйдти замужъ за двоюроднаго брата матери...

— Развѣ онъ былъ дурной человѣкъ?

Катерина вспыхнула яркимъ румянцемъ.

— Не знаю, проговорила она въ смущеніи и потомъ совсѣмъ тихо прошептала: — разсказываютъ, что она любила другого, а этотъ *другой*... не принадлежалъ къ дворянскому сословію.

Кисть выпала изъ моихъ рукъ, а Катерина сидѣла опустивъ голову, безъ движенія, какъ статуя.

— Я не могу такъ рисовать, проговорилъ я... развѣ вы не хотите глядѣть на меня, Катерина?

Когда дѣвушка подняла голову и взглянула на меня „своими лучистыми очами“—я все понялъ, вскочилъ и воскликнулъ:

— Катерина! Неужели эта женщина и тебя прокляла-бы?!..

Катерина отвѣтила съ глубокимъ вздохомъ:

— Да, и меня прокляла-бы, Іоаннъ!

Голова ея склонилась на мою грудь. Крѣпко обнявшись, мы очутились передъ портретомъ дамы въ бѣломъ чепцѣ, которая холодно и враждебно смотрѣла на насъ.

Катерина тихонько отвела меня отъ „одной изъ Гергардусъ“, говоря, что не слѣдуетъ раздражать духъ усопшей прародительницы, и въ ту же минуту послы-

Библиотека "Руниверс"

шался на лѣстницѣ шумъ, какъ будто тамъ, по ступенькамъ, кто-то съ трудомъ взбирался на трехъ ногахъ.

Едва мы успѣли занять прежнія свои мѣста, какъ въ залу вошла, опираясь на трость и покашливая, тетка Урсула—нежданная гостья.

— Слышала я,—заговорила она,—что онъ отправляется въ Гамбургъ для заказа тамъ рамы... Ну, такъ вотъ я и хочу на работу его поглядѣть.

Всѣмъ вѣдомо, что престарѣлыя дѣвы наитончайшимъ чутьемъ въ дѣлахъ любовныхъ обладаютъ, а посему весьма много горечи и досады причиняютъ молодымъ людямъ.

Едва только тетушка Урсула взглянула на портретъ Катерины (она въ первый разъ видѣла его), какъ горделиво откинула голову и спросила меня:

— Неужели фрейлейнъ глядѣла на тебя такъ, какъ вотъ на портретѣ глядитъ?...

Я отвѣтилъ на это, что „благородное живописное искусство" и состоитъ въ томъ, чтобы передавать красками не только форму, черты лица, но и то, что называется *душой*. Художникъ долженъ придать выраженіе лицу, оживить свое „писаніе"... Но, вѣроятно, „престарѣлая дѣва" подмѣтила нѣчто „особливое" въ глазахъ нашихъ, потому что ея глаза загорѣлись гнѣвомъ.

— Работа эта, вѣрно, скоро будетъ кончена? спросила она крикливымъ голосомъ. Твои глаза, Катерина, блестятъ болѣзненно... Долгое сидѣнье тебѣ повредило.

Я отвѣтилъ, что портретъ скоро будетъ готовъ, что осталось кое-что подправить въ одеждѣ.

— А ну, въ такомъ случаѣ, присутствіе фрейлейнъ здѣсь вовсе и ненужно. Пойдемъ, Катерина. Рука твоя для меня будетъ получше этой глупой трости!

Съ грустью смотрѣлъ я, какъ эта злая, сухопарая старуха отъ меня уводила сокровище души моей—въ ту самую минуту, когда я пріобрѣлъ это сокровище.

...Поутру слѣдующаго дня—то былъ понедѣльникъ передъ днемъ св. Іоанна—я отправился въ путь. На конѣ, для меня приготовленномъ благодаря заботливости Дитриха, я выѣхалъ изъ воротъ замка, на зарѣ. Когда я чрезъ лѣсочекъ еловый проѣзжалъ—одинъ изъ псовъ Вульфа бросился на моего коня, хотя конь этотъ былъ взятъ изъ собственной конюшни барона. Однакоже, ни я, ни конь мой раны не получили и въ тотъ же день, еще за-свѣтло, въ Гамбургъ я прибылъ, а на другой—съ утра по дѣламъ пошелъ и вскорѣ разыскалъ рѣзчика-мастера, у котораго былъ изрядный выборъ рамъ. Условились мы о цѣнѣ и мастеръ обѣщалъ, упаковавъ раму, прислать ее въ замокъ.

Такъ какъ душа моя заботами и тоскою сердечною была обременена, то я и не думалъ диковинки города Гамбурга осматривать, а получивъ по имѣющемуся у меня векселю деньги и расплатившись въ гостинницѣ, гдѣ ночлегъ имѣлъ, сѣлъ послѣ полудня на коня и выѣхалъ изъ шумливаго Гамбурга.

Подъ вечеръ Претца достигнувъ, отправился въ монастырь къ высокопочтенной монахинѣ. Тотчасъ же меня къ ней допустили, и въ статной женщинѣ сестру дорогого моего покойнаго герръ Гергардуса узналъ я сейчасъ же. Передавъ ей письмо Катерины, я подвергся экзамену продолжительному и строгому; обо всемъ распросивъ меня, помощь свою обѣщала она и засимъ къ столу письменному сѣла, а меня служанкѣ въ другой покой отвести приказала, гдѣ я и былъ угощенъ.

Уже довольно позднее время было, когда я выбрался изъ Претца, и хотя конь мой въ этотъ день изрядное число верстъ сдѣлалъ—все-таки я расчитывалъ около полуночи въ замокъ прибыть и къ старику Дитриху постучаться. Письмо къ Катеринѣ, врученное мнѣ почтенной дамой, схоронилъ я въ кожаную сумочку, каковую на груди подъ камзоломъ держалъ.

Ѣхалъ я, а сумерки все гуще становились, и вскорѣ всѣми помыслами моими *она* овладѣла... Чудныя картины передъ умственнымъ моимъ окомъ возникали и проносились, заставляя сердце усиленно биться.

Ночь была теплая, іюньская. Съ полей, окутанныхъ тьмою, поднимался ароматъ полевыхъ цвѣтовъ. Вверху, на необъятномъ, темно-синемъ сводѣ небесномъ, во всемъ великолѣпіи своемъ созвѣздіе Лебедя сверкало.

До помѣстья герръ Гергардуса доѣхавъ, я рѣшился завернуть въ деревню, лежавшую за лѣсомъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Въ мысляхъ у меня было, что у корчмаря Ганса Оттсена удобная, ручная телѣжка найдется, и захотѣлось мнѣ распорядиться такъ, чтобы онъ кого либо съ этою телѣжкою въ городъ завтра послалъ за ящикомъ, который долженъ былъ изъ Гамбурга на имя мое прибыть. Намѣреніе имѣлъ я въ окно корчмарю постучать и сообщить о моемъ желаніи.

Ѣхалъ я по опушкѣ лѣсной. Передо мною огонечки зеленоватые червячками свѣтящимися мелькали, и уже на разстояніи довольно маломъ высилась мрачная колокольня церковная, въ стѣнахъ которой тѣло герръ Гергардуса покоилось. На башнѣ двѣнадцать часовъ пробило. Ну, такъ подумалъ я, всѣ они спятъ: умершіе почиваютъ въ церкви, либо на кладбищѣ, подъ небесами звѣздными, живые—подъ кровлею жилищъ своихъ...

Подвигаясь далѣе, добрался я до пруда, откуда видѣть было можно Ганса Оттсена корчму, и тутъ примѣтилъ полосу свѣта, тускло падавшую на дорогу изъ корчмы, откуда доносились звуки кларнета и скрипки.

Такъ какъ непремѣнно хотѣлось мнѣ съ Гансомъ переговорить, то и заѣхалъ я въ корчму, коня же въ конюшню отвелъ. На площадочкѣ, передъ домомъ, толпилась кучка народа; мущины и женщины тутъ были, и слышался шумъ и говоръ бурный, которыхъ въ прежнее время здѣсь никогда не бывало. Около музыкантовъ, сидѣвшихъ на бочкахъ, стоялъ ф.-деръ-Ришъ, на одной рукѣ у него висѣлъ плащъ, а на другой—дѣва дюжая. Повидимому не нравилась ему музыка, ибо онъ вырвалъ изъ рукъ скрипача скрипку, бросилъ ему пригоршню монетъ и потребовалъ, чтобы играли новомодный въ два такта вальсъ. Когда же музыканты, исполняя приказаніе его, поспѣшно заиграли быстрый танецъ—Куртъ ф.-деръ-Ришъ крикнулъ „дайте мѣста" и въ густую толпу пустился. Парни крестьянскіе таращили на него глаза; дѣва та на плечѣ его лежала и съ нею онъ плясалъ.

Отвернулся я и въ горницу вошелъ, чтобы переговорить съ хозяиномъ. Въ горницѣ за кружкой вина стоялъ Вульфъ, а подлѣ него сидѣлъ старикъ Оттсенъ, онъ его шуточками разными занималъ, какъ, напримѣръ, грозилъ набавить арендную плату и засимъ со смѣху покатывался, когда старикъ напуганный жалобно умолялъ помиловать его. Меня завидѣвъ, сталъ Вульфъ упрашивать съ нимъ за столъ сѣсть и до тѣхъ поръ угомонъ его не взялъ, пока я не исполнилъ его желанія. Началъ онъ потомъ вопросы дѣлать мнѣ, касательно поѣздки моей, и о томъ, какъ въ Гамбургѣ веселился я. Я-же отвѣчалъ ему только, что прямо оттуда прибылъ и что рама на дняхъ въ городъ прислана будетъ, а изъ города на телѣжкѣ своей, пожалуй, привезетъ ее Гансъ Оттсенъ.

Въ этотъ моментъ ф.-деръ-Ришъ въ горницу ввалился и хозяину крикнулъ, что-бы тотъ прохладительный напитокъ подалъ ему. Баронъ Вульфъ, у коего языкъ уже изрядно заплетался, схватилъ Курта за руку и усадилъ его на стулъ.

— Ну, Куртъ,—пробурчалъ онъ,—развѣ не надоѣло еще тебѣ возиться? Что скажетъ Катерина на это? Давай-ка лучше партію въ модную азартную сыграемъ!

Съ этими словами изъ-подъ камзола своего вытащилъ онъ колоду картъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну-ка, начнемъ! Десятка и краля! Краля и валетъ! Тузъ пиковый!

А я стоялъ и за игрою слѣдилъ, которая тогда только что въ моду вступила. Желалось мнѣ, чтобы ночь скорѣе миновала и утро наступило... Пьяный на этотъ разъ трезваго побѣждалъ — Вульфъ убивалъ, можно сказать, каждую карту Курта.

Помысли-ка: не много-ль
То будетъ одному?"

— Такъ-то! А вотъ, пусть-ка живописецъ о твоей красавицѣ-невѣстѣ пораскажетъ тебѣ... Вѣдь онъ наизустъ ее знаетъ! Ну, и ты ее узнаешь съ пункта зрѣнія художника.

Но Куртъ ф.-деръ-Ришъ, какъ мнѣ извѣстно было счастія любви взаимной еще не вѣдалъ.

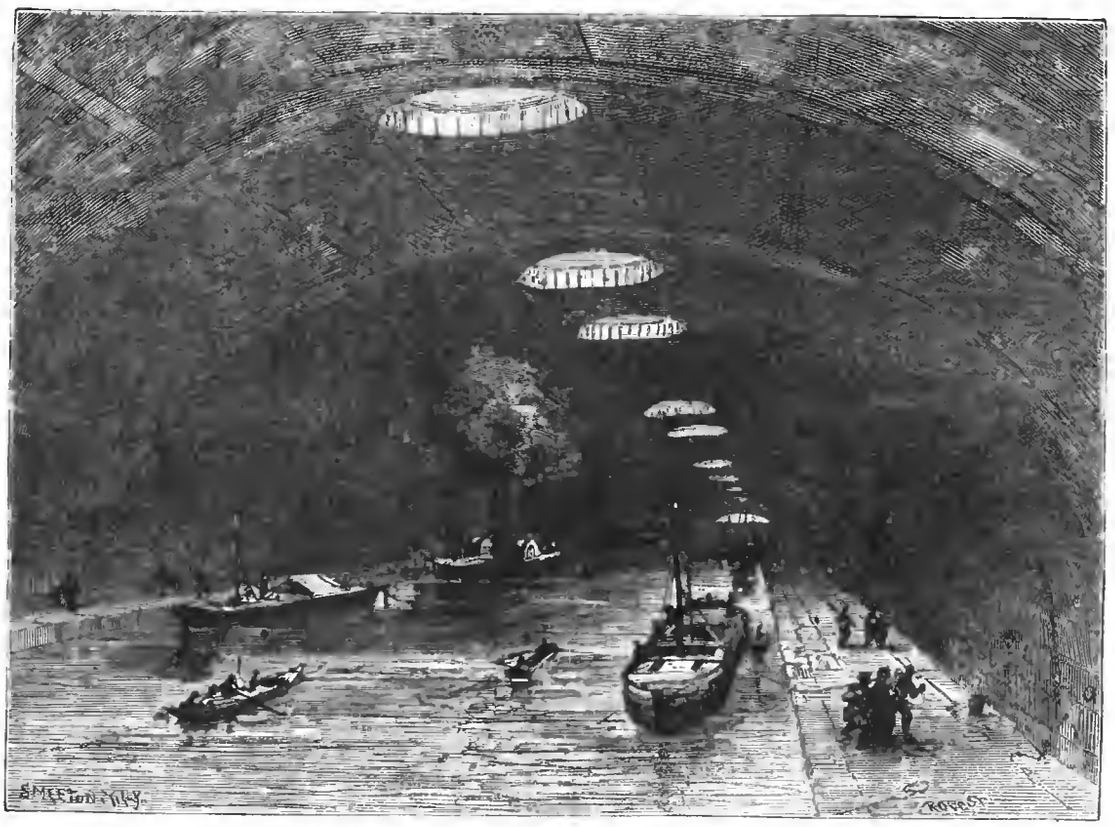
Пробурчавъ проклятіе, кулакомъ по столу онъ стукнулъ и на меня глядѣть яростно сталъ.

— Э, да ты, Куртъ, ревнуешь! весело Вульфъ вы-

Герои, взорвавшіе турецкій мониторъ „Хивзи-Рахманъ".

Лейтенантъ Ѳ. В. Дубасовъ.

Лейтенантъ А. П. Шестаковъ.

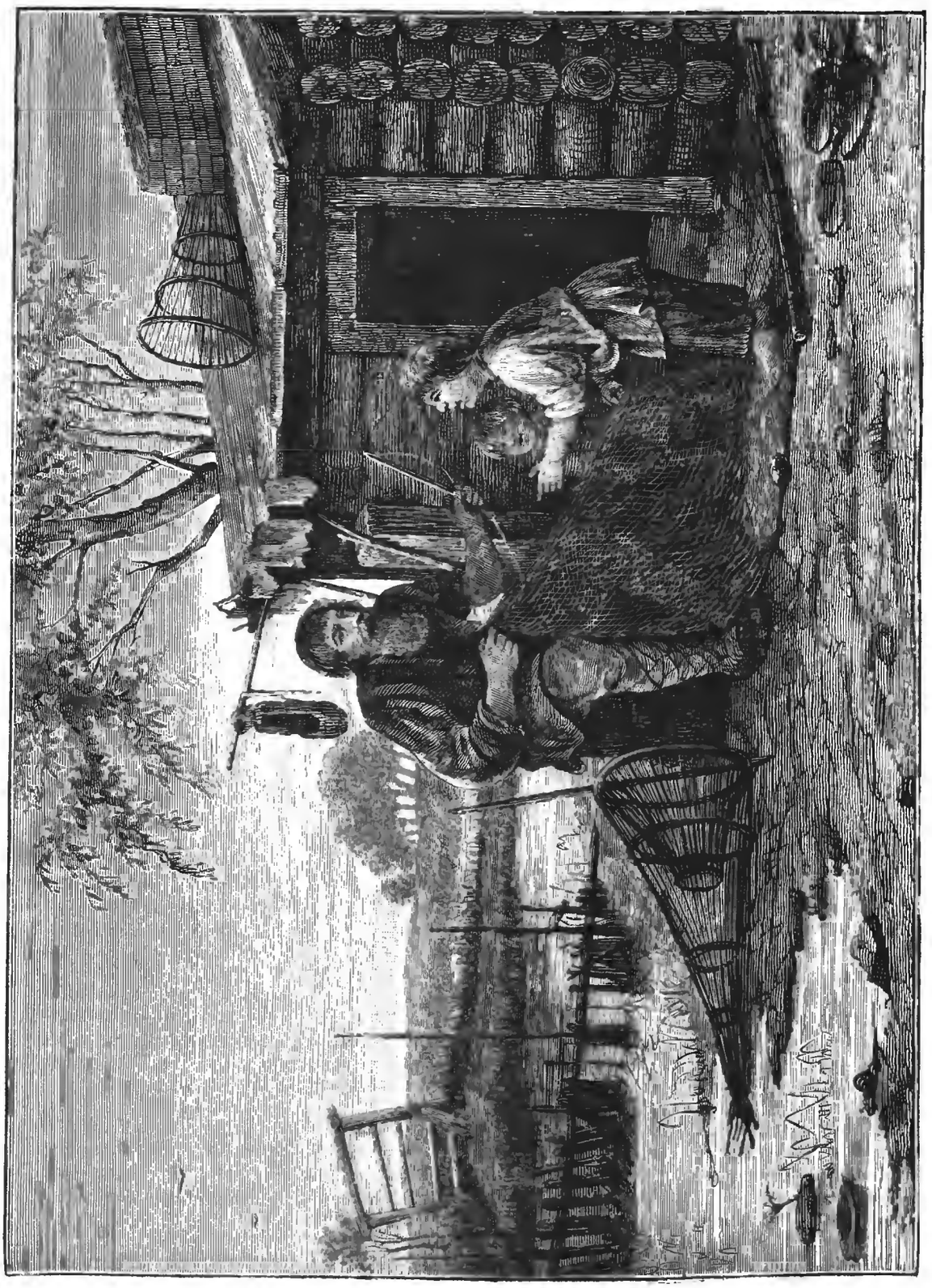


Подземный каналъ Сенъ-Мартенъ въ Парижѣ. Рис. и грав. Сметонъ.

— Э, Куртъ, утѣшься! промолвилъ Вульфъ, талеры весело загребая. Знаешь ты:

„Счастіе въ любви,
Да и въ игрѣ къ тому —

Библиотека "Руниверс"



Старый рыбакъ. Оригинальный рисунокъ Коверзнева, грав. Бонгъ.

Библиотека "Руниверс"

молвилъ языкомъ своимъ отяжелѣвшимъ и присовокупилъ:

— Но утѣшь сердце свое: къ портрету рама уже изготовлена! Пріятель твой живописецъ изъ Гамбурга только что возвратился...

При словахъ сихъ Куртъ встрепенулся подобно ищейкѣ, дичину почуявшей.

— Только что изъ Гамбурга?! Ну, такъ вѣрно у него есть сапоги-скороходы, ибо сегодня въ полдень конюхъ мой въ Претцѣ его видѣлъ! И былъ онъ въ монастырѣ, въ гостяхъ у твоей тетки.

При этихъ словахъ невольно я за грудь схватился, гдѣ сумочка съ письмомъ у меня находилась. Пьяные глаза Вульфа на меня устремлены были, и казалось мнѣ, что тайну мою онъ провѣдалъ совершенно. Въ слѣдующій засимъ моментъ карты изъ рукъ его на столъ полетѣли.

— Ого!! зовопилъ онъ. Въ монастырѣ, у тетки моей! Эге, молодчикъ, да ты двойную игру играешь! Кто туда тебя послалъ?

— Ужь, конечно, не вы, г. баронъ Вульфъ, возразилъ я и присовокупилъ:—а болѣе я вамъ не скажу ничего!

Тутъ хотѣлъ я за шпагу схватиться, но при мнѣ не было ея, ибо отводя въ конюшню коня, шпагу къ лукѣ сѣдла я привѣсилъ.

Въ эту минуту Вульфъ товарищу своему крикнулъ:

— Куртъ! Камзолъ съ него сорви! Не пустяшное это дѣло — найдешь ты у него писульку славную, а тебѣ не весьма пріятно было бы, если бы по назначенію она дошла!

Въ ту же секунду на себѣ почувствовалъ я руки ф.-деръ-Рипа и между нами борьба завязалась.

Увидѣлъ я, что нынѣ не могу одолѣть его съ тою легкостью, какъ прежде, когда мы „совою" Курта звали, но къ благополучію моему удалось схватить мнѣ его за кисти рукъ—и онъ передо мною стоялъ, какъ окованный. Оба мы ни слова не проронили; но, другъ другу въ глаза взглянувъ, уразумѣли, что каждый изъ насъ съ заклятымъ врагомъ дѣло имѣетъ.

Баронъ Вульфъ, повидимому, того же мнѣнія былъ, ибо поднялся онъ со стула своего, помочь ф.-деръ-Ришу желая; но, какъ полагать слѣдуетъ, очень много вина выпилъ онъ, а потому, на ногахъ не устоявъ, на стулъ снова повалился. Тогда завопилъ онъ: „Эй, Полканъ! Турка! Сюда!"

Зналъ я что его злющіе псы тотчасъ бросятся на меня и въ самое горло мнѣ вцѣпятся... Уже слышалъ я, какъ они сквозь толпу плясуновъ, пофыркивая, пробирались сюда, и тутъ я внезапно врага моего на полъ повалилъ, самъ же черезъ дверцу боковую изъ горницы выскочилъ, и дверцу накрѣпко прихлопнулъ.

Очутившись среди безмолвія ночи и лунное сіяніе увидя, не посмѣлъ я за конемъ въ конюшню отправиться, а съ проворностью черезъ валъ перескочилъ и по полю къ лѣсу побѣжалъ. До лѣса добравшись, идти старался я по направленію къ замку, ибо лѣсокъ до стѣнъ его доходилъ. Правда, листва густая деревъ свѣта луннаго не пропускала, однако же глаза мои къ темнотѣ скоро пріобыкли, и такъ какъ сумочка съ письмомъ у меня на груди сохранно висѣла, то я и зашагалъ впередъ бодро. Питая надежду остатокъ ночи въ горницѣ своей провести, полагалъ я раннимъ утромъ съ Дитрихомъ посовѣтоваться относительно того, что предпринять надлежитъ, ибо видѣлъ я, что долѣе въ замкѣ оставаться мнѣ уже нельзя.

По временамъ останавливался я и прислушивался, но псиного лая слышно не было,—полагать слѣдовало, что дверцу въ корчмѣ на замокъ я прихлопнулъ и тѣмъ самымъ времени порядочно выигралъ. Изъ-подъ тѣни древесной выйдя на прогалину, освѣщенную луною, пѣніе соловьинное услышалъ я, невдалекѣ раздававшееся, и пошелъ на эти звуки, зная что соловьи гнѣздились только въ изгородп господскаго сада. Но до слуха моего стали доноситься другіе звуки. Сомнѣнія уже не было, что черезъ кустарникъ псы мчались, напавъ на мой слѣдъ. Уже явственно слышалъ я храпъ ихъ и прыжки звѣриные по травѣ... Но Богъ милосердый послалъ мнѣ спасеніе: я прямо на стѣну садовую наткнулся и ухватившись за вѣтви бузины перескочилъ въ садъ...

...И вспомнилось мнѣ: въ одну изъ такихъ лунныхъ ночей, до отбытія моего на чужбину, съ герръ Гергардусомъ здѣсь прогуливался я. „Взгляни еще разъ на мѣсто это, Іоаннъ!" промолвилъ тогда онъ мнѣ и присовокупилъ:—„Можетъ статься, вернувшись сюда, меня въ живыхъ ты уже не застанешь, и тогда, пожалуй, нерадушный пріемъ будетъ здѣсь тебѣ... Но не хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты это мѣсто забылъ".

Припомнились мнѣ эти слова, и я горько разсмѣялся... Тутъ травили меня, какъ звѣря дикаго! Слышалъ я уже, какъ барона Вульфа псы около садовой стѣны метались и лаяли. Эта стѣна не вездѣ была высока и бѣшеные псы легко могли найдти мѣсто, чтобы перескочить чрезъ нее, а въ саду не было ни одного дерева, только кусты да клумбы не куда было мнѣ спастись.

Когда заслышалъ я вой и лай торжествующій псовъ, то, въ отчаянности, ухватился за толстые стебли стараго плюща. Псы выскочили изъ тѣни изгороди на лужайку, освѣщенную луной, но я уже былъ высоко, достать меня они не могли, только плащъ мой, соскользнувъ съ плеча, попалъ въ ихъ зубы.

За вѣтки уцѣпившись и страшась, что верхній, болѣе тонкій плющъ меня не сдержитъ, искалъ я глазами болѣе надежной опоры, но кругомъ только темная листва была... И вдругъ услыхалъ я, какъ надъ головою моею окно отворилось и голосъ прозвучалъ. Тотъ голосъ тихо, но явственно произнесъ имя мое... „Іоаннъ!" *она* промолвила, и я вверхъ потащился, за стебли тонкіе цѣпляясь. Сонныя птички въ испугѣ съ мѣстъ своихъ вспархивали, псы же внизу зычно выли.

— Катерина! Ты-ли это, Катерина?!.

Но ея дрожащая рука уже ко мнѣ протянулась и къ окну отверзтому повлекла меня... Взглянулъ я на Катерину и увидѣлъ—ужасъ выражалъ ея взоръ...

— Полѣзай! произнесла она... Они растерзаютъ тебя!

И на окно я взобрался, когда же въ комнату вступилъ — руку свою Катерина отняла отъ меня и въ кресло опустилась, закрывъ глаза. Ея толстыя косы по бѣлой ночной одеждѣ до колѣнъ самыхъ ниспадали... При лунномъ освѣщеніи я видѣлъ ее всю и стоялъ передъ ней подобно околдованному... Прекрасной, чуждой, но все же сердцу близкой мнѣ она казалась!... Прелестями ея взоръ мой упивался... И только, когда изъ груди ея дѣвственной вздохъ вырвался, заговорилъ я:—Катерина, милая Катерина! Развѣ спите вы и сновидѣніе видите?..

Она горько улыбнулась.

— Да, Іоаннъ, мнѣ такъ думается, что я вижу сонъ: жизнь такъ тяжела, а сонъ такъ сладостенъ.

И снова въ саду вой псовъ нарушилъ тишину... Катерина въ испугѣ поднялась съ кресла.

— Эти собаки, Іоаннъ! Чего взбѣсились онѣ?

— Катерина,—вымолвилъ я,—если вамъ услугу оказать я долженъ, то нельзя медлить: отнынѣ не придется мнѣ порогъ этого дома переступить...

Говоря такъ, я письмо ей отдалъ и поспѣшно объяснилъ ей о томъ, что произошло въ корчмѣ между мною и двумя дворянчиками.

Ближе къ окну подвинулась она и письмо прочла, а затѣмъ на меня задушевно поглядѣла—и встрѣтиться условились мы завтра въ лѣсу еловомъ; ей слѣдовало еще разузнать о томъ, въ какой день Вульфъ намѣревается отправиться на Ивановскую ярмарку въ Киль.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, Катерина,—сказалъ я потомъ,—не найдется ли у васъ чего-нибудь желѣзнаго, чтобы могъ я отъ псовъ защитить себя?

Въ ужасѣ вскочила она.

— Что говоришь ты, Іоаннъ!?

И съ этимъ возгласомъ она ухватилась за мои руки.

— Нѣтъ, не уйдешь ты! Не уйдешь! Тамъ, внизу, смерть тебя ожидаетъ... А если удалишься ты, то умру и я!..

Подъ крыломъ общаго нашего несчастья въ объятія мы другъ друга упали.

— Ахъ, Катенька,—вымолвилъ я,—чего отъ любви нашей несчастной ожидать намъ?... Если бы даже брата твоего Вульфа не было, то вѣдь я не дворянинъ и руки твоей мнѣ просить нельзя...

Любовно и съ участіемъ она на меня взглянула.

— Ты не дворянинъ, Іоаннъ? А я думала, что ты уже имъ сталъ... Но—нѣтъ! Отецъ твой только другомъ былъ батюшки моего... Это же для свѣта значенія никакого не имѣетъ!...

— Да, Катенька, этому значенія не придадутъ,—отвѣчалъ я,—но знаешь ли, тамъ, въ Голландіи, тамъ живописецъ хорошій не менѣе цѣнится, чѣмъ нѣмецкій дворянинъ. Переступить порогъ „дворца" Ванъ-Дика въ Амстердамѣ—за честь почитаютъ даже особы высокопоставленныя. Учитель мой Гельстъ и иные удержать меня тамъ желали... Если бы туда на годъ, либо на два вернулся я, то, по возвращеніи моемъ сюда, навѣрно мы оставили бы эти мѣста! Только мнѣ вѣрною остаться, не поддавайся здѣшнимъ дворянчикамъ безпутнымъ!...

Катерина руками бѣлыми своими кудри свои поглаживала и, меня лаская, шопотомъ сказала:

— Если ужь я пустила тебя въ свою комнату, то и должна буду женою твоею сдѣлаться.

Никакъ не подозрѣвалъ я, какой пламень слова эти въ крови моей зажгутъ... Преслѣдуемый тремя страшными силами: *гнѣвомъ*, *страхомъ* смертельнымъ и *любовью*, склонилъ я голову на колѣни горячо любимой женщины.

Внезапно раздался рѣзкій свистъ, и въ тотъ же моментъ псы умолкли, а когда свистъ повторился—они, словно бѣшеные, на зовъ помчались. Шаги застучали на дворѣ... Мы стали прислушиваться, сдерживая дыханіе. Слышно было, какъ дверь на дворѣ на засовъ запирали...

— Это Вульфъ,—шопотомъ Катерина произнесла и присовокупила:—въ конюшню онъ собакъ заперъ.

Въ скорости послѣ этого мы услышали, какъ дверь въ сѣни ключемъ отперли, а потомъ шаги послышались въ корридорѣ нижняго этажа, гдѣ горница Вульфа находилась .. И потомъ все смолкло.

Опасность миновала, но и бесѣда наша скоро прекратилась. Катерина сидѣла, назадъ голову закинувъ, и только біеніе нашихъ сердецъ слышно было...

— Пора уйти мнѣ, Катерина? наконецъ сказалъ я.

Молча привлекла она меня къ себѣ—и я не ушелъ.

Кругомъ все безмолвствовало...

Поется въ пѣсняхъ старинныхъ, что бываютъ такія ночи, когда прекрасная языческая богиня Венера воскресаетъ и дѣлаетъ свой обходъ, чтобы бѣдныя сердца человѣческія приводить въ смущеніе. И эта ночь такая была...

О, Господи-Боже! Былъ-ли предостерегающій гласъ Твой такъ далекъ отъ насъ?..

Помнится мнѣ только, что на дворѣ пѣтухи уже прокричали....

Въ объятіяхъ моихъ блѣдная, плачущая лежала Катерина, меня нехотѣвшая отпустить, хотя заря занялась уже и своимъ свѣтомъ алымъ освѣщала комнату... Но когда Катерина поняла это, то въ страхѣ смертельномъ стала просить меня уйдти.

Еще одинъ поцѣлуй прощальный—нѣтъ, тысячи поцѣлуевъ!..

Условились мы, что завтра, когда къ обѣду для прислуги зазвонятъ,—мы въ лѣсу еловомъ встрѣтимся... Ну, а засимъ,—и самъ не вѣдаю я, какъ то случилось,—въ саду, среди утренняго воздуха свѣжаго я очутился.

Поднявъ плащъ, псами разорванный, еще разъ взглянулъ я вверхъ и увидалъ блѣдную руку посылавшую мнѣ прощальный привѣтъ. Испугъ чуть не овладѣлъ мною, когда, по тропинкѣ садовой идя, я снова оглянулся: взглядъ мой по окнамъ нижняго этажа скользнулъ, и тутъ почудилось мнѣ, что тамъ, около башни, изъ одного окна тоже рука высунулась... И рука эта, была безкровная, костлявая, какъ у самой смерти—и грозила она мнѣ!... Однако-же, это видѣніе лишь на одинъ моментъ было, и вспомнилось мнѣ сказаніе о прародительницѣ Гергардусовъ, по временамъ въ замкѣ появляющейся.

Но сказалъ я тутъ себѣ: что это мнѣ только померещилось.

И такъ, не обращая вниманія на призракъ, двинулся я черезъ садъ, поспѣшно шелъ и попалъ въ трясину: одна нога моя по щиколотку въ почву мягкую увязла. Ого! подумалъ я,—привидѣніе-то преслѣдуетъ тебя, герръ Іоаннъ!.. Однакоже, изъ трясины я выбрался и, черезъ стѣну садовую перескочивъ, лѣсомъ пошелъ.

Мракъ лѣсной соотвѣтствовалъ мечтательному настроенію души моей. Кругомъ царила еще ночь тихая... И только тогда очнулся я, когда въ поле открытое вышелъ... Уже пѣснь утренняя жаворонковъ раздавалась, Праздныя мечтанія прогнавъ, я невольно спросилъ себя (и вопросъ этотъ былъ жгучій): Ну, что станешь нынѣ дѣлать ты, Іоаннъ? Съ жизнью своею ты другую, дорогую жизнь связалъ... Вѣдай же, что жизнь твоя—ничто когда дѣло идетъ о *ея* жизни...

Сколько не раздумывалъ я, а наилучшимъ изъ положенія нашего исходомъ предстоялось—убраться Катеринѣ въ монастырь къ теткѣ; которая могла бы доставить ей безопасное убѣжище, я же въ Голландію вернулся-бы, помощью друзей заручился-бы, а засимъ за Катериной прилетѣлъ-бы сюда.

Воображеніе мое разыгрывалось. Я уже видѣлъ и себя и Катерину плывущими на красивенькомъ корабликѣ по зеленымъ волнамъ Зюдерзее и уже ласкался слухъ мой звономъ колокола съ башни ратуши въ Амстердамѣ... Вонъ уже и гавань, и друзья мои, изъ толпы выходящіе, меня и красавицу жену мою при вѣтствующіе и съ тріумфомъ насъ провожающіе по пути къ домишку нашему уютному....

Сердце мое мужество и надежды преисполнено было и я бодрѣе и быстрѣе впередъ зашагалъ, какъ будто при этой торопливости могъ до счастія своего скорѣе добраться!

Но... иначе все вышло...

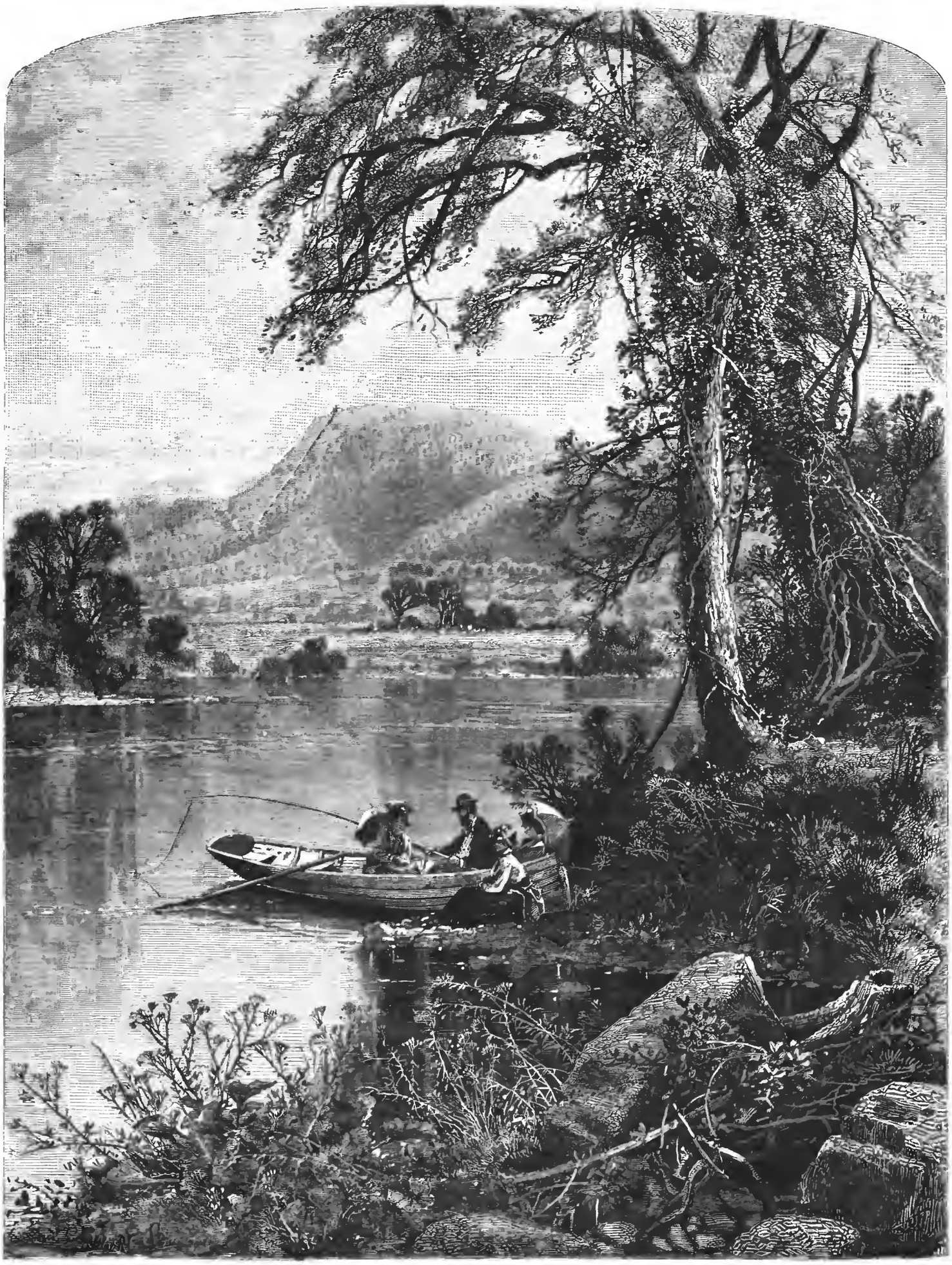
Такъ раздумывая, до деревни дошелъ я и въ корчмѣ Ганса Оттсена очутился.

— А! мастеръ Іоаннъ! съ площадки старикъ крикнулъ мнѣ:—что у васъ такое съ нашими строгими дворянчиками вышло? Меня во время ссоры вашей въ избѣ не было, когда же вернулся, то ругали они васъ преотмѣнно, ну, и псы, словно взбѣсившись, метались у двери, которую за собою вы захлопнули.

Изъ рѣчей старика понялъ я, что не вѣдома была ему причина ссоры нашей и сказалъ ему: вы знаете, что ф. деръ-Ришъ и я, еще мальчишками будучи, не однажды другъ друга за волосья таскали,—ну, вотъ, вчера и было нѣчто въ родѣ напоминанія о нашихъ отношеніяхъ.

— Знаю сказалъ, старикъ въ отвѣтъ на это,—но баронъ Вульфъ дома нынѣ сидитъ: осторожнѣе будьте, герръ Іоаннъ! Съ господами такими шутки шутить—дѣло плохое.

Библиотека "Руниверс"



Гора Галіокъ. Видъ на рѣкѣ Коннектикутъ въ Сѣверной Америкѣ. Картина Вудуердъ, грав. Богертъ.

Библиотека "Руниверс"

Парка и Амуръ. Група Густава Доре, грав. Томъ.

Библиотека "Руниверс"

Перечить старику я не нашелъ нужнымъ.

Было еще рано. До звонка обѣденнаго въ замкѣ времени оставалось довольно. Ганса Оттсена попросилъ я отправить коня съ кѣмъ-либо въ замокъ, а самъ въ лѣсъ пошелъ. Дойдя до того мѣста холма, откуда изъ-за стѣны садовой были видны оба фронтона господскаго дома, я остановился. Эти оба фронтона написалъ я на фонѣ ея портрета полагая, что когда время желанное наступитъ, и сама она будетъ со мною жить на чужбинѣ, то ей пріятность доставитъ видѣть, по крайней мѣрѣ на картинѣ, отчій домъ...

Я остановился около холма и сталъ ждать Катерину; томимый недобрыми мыслями и сомнѣніями, я, наконецъ, послѣ долгаго уже времени, окольными путями, побрелъ къ замку. Въ аллеѣ дубовой, отъ воротъ замка неподалеку, повстрѣчался мнѣ Дитрихъ.

— Ахъ, герръ Іоаннъ! подбѣжавъ ко мнѣ, воскликнулъ старикъ:—знаю, что ночью вы въ корчму Ганса прибыли и мальчикъ его обратно коня вашего сюда привелъ... но что у васъ съ нашими дворянчиками учинилось?..

— Почему спрашиваешь ты объ этомъ, Дитрихъ?

— Почему, герръ Іоаннъ?.. По той причинѣ, что желалось-бы мнѣ бѣду предотвратить...

— Но что ты хочешь сказать?

Тутъ сердце замерло мое, и я какъ-бы онѣмѣлъ...

— Вамъ это и самимъ извѣстно, сударь, отвѣчалъ Дитрихъ:—я же только мелькомъ слышалъ, въ чемъ дѣло. Съ часъ времени будетъ, какъ мнѣ позвать парня понадобилось, что въ саду у изгороди подрѣзывалъ. Мимо башни, въ которой горница нашей фрейлейнъ находится, примѣтилъ я тамъ тетку Урсулу и дворянчика самаго, стоявшихъ рядкомъ. У барона-то руки скрещены были и онъ безмолвствовалъ, за то старуха тарабарила визгливо. То указывала она внизъ, въ садъ, то на плющъ, около башни вьющійся... Ну, и я, герръ Іоаннъ, ничего ровно не уразумѣлъ тутъ! Однакоже, засимъ—примѣтьте это—показывала старуха барону что-то... Приблизясь, увидѣлъ я, что то кусокъ матеріи плаща вашего...

— Далѣе, далѣе, Дитрихъ! вымолвилъ я, примѣтивъ, что старикъ взоръ устремилъ на мой изорванный плащъ.

— Да что далѣе? Ничего... Ну, баронъ тотчасъ-же ко мнѣ повернулся и спросилъ: гдѣ васъ нынѣ искать?.. Повѣрьте мнѣ: ежели-бы нашъ дворянчикъ былъ настоящимъ волкомъ, то и тогда глаза его кровожаднѣе горѣть не могли-бы!..

— Дома ли баронъ въ эту минуту?

— Да, дома... Но что вы, сударь, замышляете?

— А замышляю я вотъ что: нужно мнѣ съ нимъ немедленно переговорить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старый рыбакъ.

(Разсказъ).

Есть у меня знакомый рыбакъ, старый Пахомъ. Лицо интересное на столько, насколько можетъ быть интересна самая ловля рыбы—только. Вся жизнь человѣка ушла на рыбную ловлю: началъ съ дѣтства ловить рыбу, дожилъ до старости—тоже рыбу ловитъ. Хорошо-ли это, дурно-ли—не о томъ рѣчь, и не о духовной жизни рыбака, а собственно только по отношенію къ самой рыбной ловлѣ.

Живетъ старикъ Пахомъ изъ года въ годъ, однимъ и тѣмъ же промысломъ и самыя перемѣны временъ года не иначе представляетъ себѣ, какъ только въ родѣ перехода отъ одного способа рыбной ловли къ другому.

Такъ, напримѣръ, послѣ Рождественскихъ праздниковъ начинаетъ онъ приготовлять развую рыболовную снасть къ веснѣ „красной" и хотя и готова уже она у него въ большомъ, можно сказать, изобиліи и порядкѣ, а все работа есть и работа спѣшная: тамъ мережка оборвалась—починить надо, тамъ бродничокъ новый обрядить время, сочокъ за зиму подопрѣлъ, новый связать надо и т. д. и т. д.

Весна-красна проходитъ скоро, старику зѣвать некогда: надо рыбку брать пока вода мутна, да полая; снадетъ она и рыба съ всю сбудетъ, а до новой весны ждать долго, да еще и доживется-ли? Не такъ бывало прежде въ молодые годы.

Бывало чуть только на рѣкѣ тронется ледъ, дядя Пахомъ ужь на берегу, длиннымъ черпакомъ вытаскиваетъ щукъ и разную рыбешку, какъ ершей изъ ухи уполовникомъ. Охота на видъ очень простая, и не трудная, да старику не сподручная, а подъ часъ и опасная:—надо быть осмотрительнымъ, да и ноги имѣть не старниковскія. Чуть зазѣвался, того и гляди набѣжитъ льдина на берегъ, да по ногамъ проѣдется, а весною вода полая вровень съ берегами стоитъ. Бросилъ эту охоту дядя Пахомъ, точно также какъ и весеннюю ловлю щукъ силкомъ и острогою; мало того, что глаза плохи стали, да и рука ужь не такъ вѣрна. Дядя Пахомъ говоритъ, что въ послѣдніе годы рыбы не въ примѣръ меньше стало и что не стоитъ, молъ, этимъ дѣломъ и заниматься.

— Отчего же такъ? спросишь, бывало.

— Времена нонѣ не тѣ,—со вздохомъ отвѣтитъ онъ. Да, не тѣ времена. Бывало, въ половодье изъ закола мережку вынимать станешь, одному не поднять, столько всей рыбы, а теперь сплошь да рядомъ пустую выволочишь...

— Ну такъ отчего же это?

— Отчего-же! иронически повторитъ онъ и опять вздохнувши отвѣтитъ: „времена не тѣ, понимаешь, не тѣ времена".

Сколько не распрашивай, выходитъ все то же.

У самаго берега рѣки и почти на третью часть ея ширины стоитъ Пахомовъ заколъ; это ни больше ни меньше какъ рядъ вбитыхъ въ дно кольевъ, съ оставленнымъ по срединѣ проходомъ, который и загораживается мережкой, т. е. сѣтью, сплетевою на подобіе двухъ или нѣсколькихъ одна въ другую воронокъ, натянутыхъ на обручи. Знаетъ старикъ по долгому опыту, гдѣ рыбѣ ходъ и наровитъ тамъ устроить заколъ и установить сѣти. Заколъ устраивается на нѣсколько лѣтъ, но каждую весну чинится за-ново, такъ какъ портится ледоходомъ. Нонѣ весной,—говоритъ старикъ,—хлопотъ съ нимъ много было; ледоходомъ, да полою водою почитай весь поразмыло, спасибо ребята подмогли, а то самому бы и не управиться.

— Ну, а на счетъ улова какъ?

— Да такъ себѣ, по малости.

— Ну, а какъ, напримѣръ?

— Слава Богу—вотъ что. Много болтать по пусту нечего.

— А ты покажи.

— Да вамъ на что, коли купить—другой разговоръ! есть, могу: есть щучки, такъ, ровненькія, окуньки, плотички, язей парочки двѣ—выберу покрупнѣе... А коли посмотрѣть, такъ сами знаете, рыбу-то ворошить, такъ она и уснетъ часомъ, а соиную-то у меня объ эту пору кто возьметъ.

Разсказывать, какъ какую рыбу ловить—старикъ любитъ.

— На щуку охотиться,—говоритъ онъ,—нужна снасть не хитрая: на простой палкѣ, петля волосяная—только. Щука икрянка къ берегу подходитъ близко, чуть ее запримѣтишь, наровишь подобраться осторожненько, да съ хвоста петлю-то подъ самые передніе плавники и надвинешь, а она стоитъ себѣ не шелохнется, ровно бы сонная, ну и выкинешь ее на берегъ-то; случалось, попадали и крупненькія. А вотъ у меня знакомый баринъ былъ, такъ тотъ объ эту пору щуку-то больше изъ ружья палилъ; ѣдетъ на челнокѣ, а самъ посматриваетъ, чуть гдѣ травка водяная зашевелилась, онъ ужь тамъ и оглядываетъ, нѣтъ-ли гдѣ икрянки. За одной щукой зачастую по нѣскольку молочниковъ ходитъ, только не зѣвай, съ одного заряду штуки двѣ-три положишь. Старъ я нонѣ,—вздыхая, добавляетъ Пахомъ,—не смогу ухватить щуку силкомъ-то, шевельнешь ее раньше времени, ну и поминай какъ звали, рыба-то, сами знаете, шустрая.

Не мытьемъ, такъ катаньемъ, не во время метанія икры, такъ нѣсколько позже и не тѣмъ такъ другимъ способомъ, а попадается въ руки Пахома порядочное количество щукъ. И не любитъ онъ ее, самъ не ѣстъ, и продаетъ дешево, а все наровитъ истребить возможно больше. „Вѣдь щука въ водѣ,—говаривалъ дядя Пахомъ,—что ястребъ въ небѣ, всякой рыбѣ отъ нее достается. И сколько на нее снасти всякой придумано, а все ее много, всюду она попадается".

— Вотъ лѣтомъ,—разсказываетъ онъ,—сядешь это у омуточка съ удочкой, плотву тягаешь; кажись и время хорошее, пора настоящая и плотицы достаточно, а не берется да и только; въ такомъ разѣ ужь навѣрное въ омуточкѣ либо сомъ стоитъ, либо щука большая—рыбешка-то боится, прочь бѣжитъ. Сомъ, тотъ больше на одномъ мѣстѣ держится, выловишь его какимъ ни на есть мансромъ, ну и мѣсто очистится а щука шляется повсюду, гдѣ рыбы больше, тамъ и она швыряется. И какая это она жадная да прожорливая. Позапрошлое лѣто просто диву дался: стояли это у меня, съ полверсты отсюда будетъ, на глубокомъ и тихомъ мѣстѣ морды для плотицы, морды не мудрящія, самъ

Библиотека "Руниверс"

изъ гибкихъ весеннихъ ивовыхъ прутьевъ лажу, и затесалась въ одну изъ нихъ щука фунтовъ въ 14; какъ это она въ морду влѣзла, самъ не знаю, еле умѣстилась. Сталъ это я ее изъ морды вынимать, анъ щука-то съ яземъ оказалось; торчитъ это у нее изо рта только хвостъ одинъ. Язь большой, всего заглотать не смогла. Потрошить сталъ, язя вынулъ—свѣженькій, фунтовъ почитай 6-ти былъ. И своему брату щука тоже спуску не даетъ. Вотъ жерлицы ставилъ; на крючокъ-то плотвицу либо окунька махонькаго насадишь, ну и плаваетъ насадка-то, щука-то и зарится; хватитъ небольшенькая, на крючокъ попадется, а на нее втѣнется и покрупнѣе—свою же братью глотаетъ. И въ какихъ только мѣстахъ ее не повстрѣчаешь, кажись и рыбѣ-то взяться не откуда, а щука, глядишь, завелась. Верстъ за пять отсюда будетъ, на плитной ломкѣ прудокъ сталъ, должно, до жилы докопались, ну вода яму-то и залила. И близехонько къ тому мѣсту лѣсникъ живетъ. Завелъ онъ утокъ, купаются въ прудочкѣ, любо дорого смотрѣть. Къ вечеру домой, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, по Божьи. Только смотритъ лѣсникъ, изъ 10-ти утятъ вернулись только 8; пожалѣлъ, поахалъ, гдѣ найти. Завтра, глядитъ—ужь только 5 осталось. Дивуется: кажись ястреба не видать, куда утята пропадаютъ? И что же бы вы думали, укараулилъ щуку, на самыхъ на его глазахъ утенка утащила. Какъ она въ этотъ прудокъ попала и по сію пору не знаю. Надо полагать, что рыба въ такія мѣста заносится птицами, вѣрнѣе всего воронами да галками—большія онѣ лакомки до икры. Бываетъ вода съ береговъ сойдетъ и очутится икра въ плѣ; набросятся на нее птицы и разнесутъ ее на лапкахъ по лужамъ, да по прудамъ.

Какъ только поспадетъ полая вода, Пахомъ охотно зазываетъ удить язей и лещей. Къ тому же времени устанавливаетъ два либо три перемета и каждый день по нѣскольку разъ ихъ осматриваетъ. Переметная веревка у него аршинъ въ 40, а на ней на особыхъ подлескахъ привязано до 30 крючковъ, наживленныхъ раками, червяками и чаще всего вьюнами. Веревки лежатъ на самомъ днѣ и на концахъ, какъ якорями, удерживаются каменьями; для замѣтки же, гдѣ лежитъ переметъ, къ каждому изъ нихъ привязана плавушка. На переметъ попадаютъ окуни, язи, головни, угри. Пойдетъ угорь, нужно зорко елѣдить, осматривать почаще переметъ, того и гляди уйдетъ добыча съ крючкомъ вмѣстѣ.

Бродничкомъ дядя Пахомъ уже давно не ловитъ, его дѣло связать да снарядить, а бродятъ ребята, Пахомъ же по берегу ходитъ, болтушкой подъ кустами рыбу вынуживаетъ, да уловъ въ мѣшкѣ таскаетъ.

Осенью, когда наступятъ темныя ночи, да вода похолоднѣе станетъ, рыба начинаетъ „становиться“, тогда ловко брать ее острогою—охота и прибыльная, и очень занимательная. Лодка для этой цѣли выбирается легкая и поворотливая, большею частію челнокъ и помѣщается въ немъ всего двое: одинъ съ острогою, другой съ весломъ. Ѣдутъ съ горящими лучинами, отчего и охота эта называется лученьемъ. Устройство луча весьма простое и очень практичное. На изогнутой желѣзной, около аршина, рукояткѣ, привязываются желѣзныя же полосы, на концахъ согнутыя подъ прямымъ угломъ, такъ что образуется нѣчто въ родѣ жаровни, въ которую и помѣщаются дрова, большею частью расколотые на мелкія полѣшки смоляные пни. Рукоятка прикрѣпляется къ носу лодки, такъ что жаровня, находясь впереди и выше лодки, освѣщаетъ большое пространство. Главный же снарядъ для лученья—острога, а главнѣе умѣнье и ловкость. Острога бываетъ о 7, 10 или 11 зубцахъ съ зазубринами и укрѣпляется на длинномъ, около сажени, сухомъ и тонкомъ шестѣ.

Отъ правящаго лодкой зависитъ весь успѣхъ охоты; онъ долженъ подвести лодку къ стоящей рыбѣ такъ, чтобы удобно было бросить острогу, долженъ знать мѣсто и умѣть подвигать лодку тихо и осторожно, чтобы не пугать рыбу. Дядя Пахомъ, конечно, большой на это мастеръ.

Разсказываетъ онъ, напримѣръ, какъ сома добылъ пяти пудового.

— Ѣхали мы какъ-то разъ съ товарищемъ и наѣхали на сома пребольшущаго; товарищъ колоть хотѣлъ, да не рѣшился, боялся что не управится, такъ сома того въ этотъ день и оставилъ. Снарядилъ это онъ штуку занятную, весь день гоношилъ и вышло ладно. Острогу сковалъ новую да веревку къ ней привязалъ, а на другой конецъ боченокъ. Выѣхали мы на то же мѣсто, гдѣ сома видѣли, а онъ сердечный лежитъ себѣ, ровно колода какая, не шелохнется. Выбросилъ это Михѣй острогу-то и таково сильно, чуть лодку не опрокинулъ: метнулся сомъ, боченокъ живо вытащилъ; оставили мы его—пусть тѣшится, на другой день утромъ поѣхали... И не далеко ушелъ, измаялся; боченокъ-то намъ дорогу указывалъ. Сома глядѣть собралась, почитай, чуть ли не вся деревня, точно диву какому дивуются.

Станетъ ледъ на рѣкѣ, снесетъ Пахомъ свои сѣти и снасть всякую, бережно ее уложитъ и ждетъ не дождется ясныхъ вешнихъ дней. Бывало мальчикомъ и объ эту пору охоты не оставляетъ. Чуть только подернется ближнее озеро ледяной коркой, какъ зеркаломъ, бѣжитъ онъ съ товарищами „рыбу глушить“. Ледъ тонкій мальчугановъ держитъ,—боятся матери, какъ бы дѣтище родное въ воду не ухнуло, не пускаютъ дѣтей изъ дому, но молодость прыткая, не увидитъ молодуха, какъ сынишка изъ дому выскочилъ. Подойдетъ къ рыбинѣ, а стоитъ она высоко, подъ самымъ льдомъ—всю ее видно, размахнется мальчуганъ, ударитъ колотушкою надъ рыбою, оглушитъ ее и живо топоромъ лунку продѣлаетъ, вытащитъ руками, на ледъ выброситъ, а она опомнилась да по льду-то выплясываетъ. Какъ отъ такой забавы отказаться, какъ родной матери не ослушаться. И зимою Пахому не терпится, подъ самое Рождество налимъ икру мечетъ. Мѣста знакомыя, намѣченныя. Вырубитъ Пахомъ прорубь и опуститъ въ нее мережку, либо мордъ нѣсколько; случается что налима навалитъ столько, что и дѣвать некуда—вкусной ухой всѣ сосѣди лакомятся. Немного попозднѣе на озеро навѣдается, изъ прорубей окуней таскать начнетъ, а тамъ, глядишь, и весна близка—и снова за прежнюю работу, за прежній любимый промыселъ. Такъ живетъ изъ года въ годъ старый рыболовъ!

В.

Война въ Турціи.

Письмо нашего корреспондента.

Еще во время пребыванія нашей арміи въ Бессарабіи, до перехода ея черезъ Прутъ, при главной квартирѣ, въ Кишиневѣ, началось формированіе русско-болгарскаго легіона. Съ самаго начала своего основанія, легіонъ этотъ не превышалъ числомъ 300 человѣкъ и назывался батальономъ. Тогда были сформированы его кадры изъ лучшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ нашей арміи, и общее командованіе легіономъ ввѣрено генералу Столѣтову, тому самому, который, еще въ чинѣ полковника, въ 1874 году, былъ назначенъ начальникомъ Амударьинской ученой экспедиціи. Цѣль формированія легіона состоитъ въ томъ, чтобы дать Болгаріи первыя кадры ея собственныхъ, національныхъ силъ, создать для нея оплотъ для новой, болѣе счастливой, свободной жизни.

Быстро пополнялись ряды юнаго легіона, и теперь онъ достигъ уже численности въ три тысячи человѣкъ, раздѣленныхъ на шесть дружинъ, по 500 рядовыхъ каждая. Болгарскіе волонтеры, горячо сочувствующіе дѣлу, добровольно вступившіе въ ряды, быстро ознакомливаются съ первыми пріемами строеваго обученія и принимаютъ видъ старыхъ солдатъ. Дѣло идетъ легко, согласно, стройно, а главное, безъ всякихъ внѣшнихъ толчковъ и побужденій; въ легіонѣ царитъ строгая, осмысленная дисциплина, учителя превосходны, ученики достойны своихъ учителей.

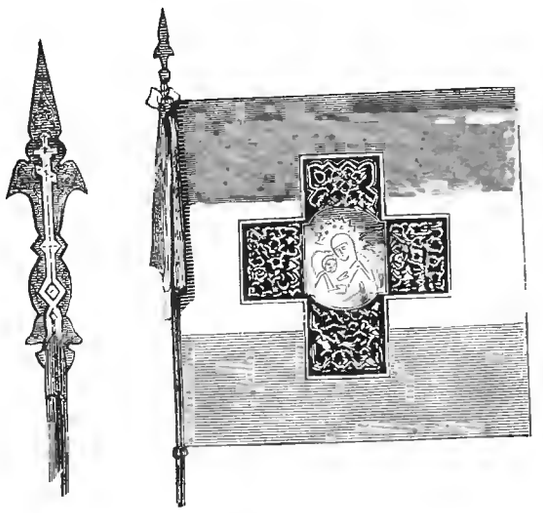
Пишу вамъ объ этомъ легіонѣ по поводу вчера случившагося важнаго событія,—имѣющаго для Болгаріи и историческое, и нравственное значеніе, сближающее ее съ Россіею, упрочивающее ея сердечную связь съ *высокою* и *сильною матерью, покровительницею*... Дѣло въ томъ, что еще въ прошломъ году городъ Самара изготовилъ знамя для болгарскихъ дружинъ, возставшихъ противъ турокъ и собравшихся въ ущельяхъ Голконово. Это знамя не могло попасть прямо на свое мѣсто, вы знаете, какъ печально кончилось это послѣднее возстаніе. Знамя между тѣмъ было изготовлено, и городъ Самара прислалъ его сюда для врученія новому болгарскому легіону, о которомъ я вамъ пишу. Городской голова города Самары, Кожевниковъ, и гласный думы, Алабинъ, лично привезли это знамя, представлялись Его Высочеству Главнокомандующему, и вчера, т. е. 6-го мая, назначенъ былъ день освященія знамени и передачи его легіону. Я прибылъ на мѣсто происшествія нѣсколько ранѣе, чтобы ознакомиться поближе съ внѣшнимъ видомъ лагеря легіонеровъ и самими обитателями этого лагеря, расположеннаго въ настоящее время въ городкѣ Плоэшти, въ полуторачасовомъ разстояніи отъ Бухареста, если ѣхать по желѣзной дорогѣ. Палатки поставлены на прекрасной зеленой луговинѣ, верстахъ въ пяти отъ Плоэшти, отсюда къ сѣверу, ровненькая густо-заселенная мѣстность начинаетъ слегка волноваться, виднѣются первые холмы горныхъ группъ и за ними на горизонтѣ тянется бѣлѣющаяся зубчатая гряда покрытыхъ снѣгомъ Карпатъ.

Лагерь болгарскаго легіона расположенъ правильно и очень красиво, волонтеры одѣты въ короткіе, широкіе кафтанчики, въ родѣ нашихъ матросскихъ, съ красными погонами и мѣдными пуговицами, шапки у нихъ круглыя барашковыя со свѣтло-зеленымъ верхомъ, широкіе шаровары, высокіе сапоги, свернутая и перекинутая черезъ плечо шинель, патронная сумка на поясѣ и короткій шасно, съ ятаганомъ вмѣсто штыка, все вмѣстѣ даетъ легіонерамъ внушительный, боевой видъ. Легко, удобно и недорого, однимъ словомъ—весьма практично. Уже все было приготовлено къ священному акту принятія знамени, дружины строились въ колонны, занимая свои мѣста; посреди луга стояли столики для молебствія, тутъ же лежало и самое знамя; оно еще не было набито на древко и покры-

Библиотека "Руниверс"

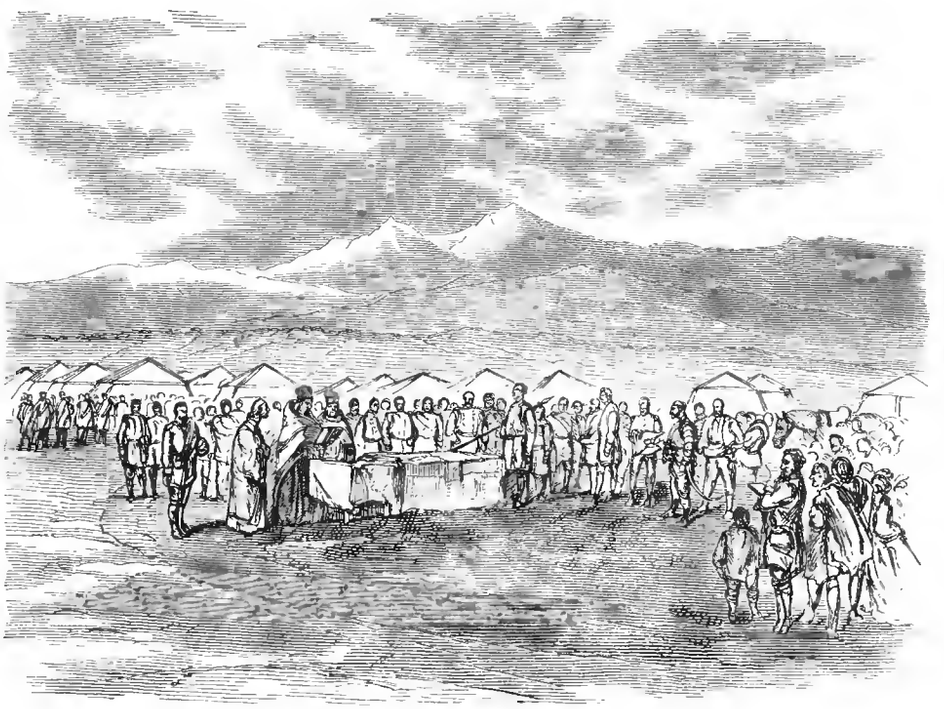
вало большой столъ, сваливаясь со всѣхъ его сторонъ. Знамя трехцвѣтное, малиновое, бѣлое и синее: на обѣихъ его сторонахъ большіе прямоугольные черные кресты, вышитые золотомъ и шелкомъ, въ центрахъ крестовъ, на одной сторонѣ образъ Иверскія Богоматери, на другой изображены св. Кириллъ и Меѳодій, покровители и просвѣтители земли болгарской. На лентахъ знамени золотомъ вышито: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“ и „Городъ Самара—Болгарамъ въ 1876 году“. Копье на древкѣ серебряное золоченое, въ византійскомъ стилѣ. Служили два священника болгарина, одинъ изъ города Ливны—архимандритъ Амфилохій, другой священникъ изъ Трнова, Петръ Дрожкъ; оба—участники въ послѣднемъ возстаніи и борцы за свободу своей угнетенной паствы. Его Высочество Главнокомандующій прибылъ въ 2½ часа въ лагерь и обошелъ ряды волонтеровъ; Его привѣтствовали криками „ура!“, умолкнувшими разомъ, когда Главнокомандующій махнулъ рукой и сталъ на свое мѣсто около стола со знаменемъ. Началось молебствіе. Мертвая тишина воцарилась въ колоннахъ и въ толпѣ многочисленныхъ зрителей, окрестныхъ болгаръ, собравшихся сюда къ этому празднику. По окончаніи молебствія приступлено было къ оригинальной церемоніи прибивки полотна знамени къ древку. Первый гвоздь изволилъ вбить самъ Главнокомандующій, второй—начальникъ штаба арміи, генералъ Непокойчицкій, затѣмъ начальникъ легіона, оба самарца, представители своего города, архимандритъ Амфилохій и, наконецъ, къ седьмому гвоздю подошелъ старикъ, въ роскошномъ національномъ болгарскомъ костюмѣ, за его широкимъ поясомъ торчали рукоятки турецкихъ пистолетовъ и большой ятаганъ, сзади висѣла кривая сабля въ дорогихъ ножнахъ—это былъ знаменитый предводитель болгарскихъ возстаній, воевода Церко Петковичъ, девятнадцать лѣтъ наводившій страхъ на турокъ, гроза Балканъ, разъ таки попавшійся въ плѣнъ и просидѣвшій въ тюрьмѣ на цѣпи три года. Слѣды ужаснаго желѣзнаго ошейника до сихъ поръ сохранились на шеѣ старика; двадцать восемь ранъ носитъ онъ на своемъ тѣлѣ. Онъ явился сюда простымъ волонтеромъ, но его не пустили въ ряды и оставили при генералѣ Столѣтовѣ, въ качествѣ совѣтника и знатока мѣстности, гдѣ легіону придется дѣйствовать. Со слезами на глазахъ взялъ Петковичъ серебряный гвоздь, перекрестился, поцѣловалъ знамя и прежде чѣмъ вбить гвоздь, громко произнесъ: „Да поможетъ Богъ пройти этому знамени изъ конца въ конецъ всю землю болгарскую, да утрутъ имъ наши матери, жены и дочери свои скорбныя очи, да бѣжитъ передъ нимъ все поганое, злое, нечестивое и ляжетъ позади него

Болгарскій воевода Церко Петковичъ.



Знамя болгарскихъ легіоновъ.

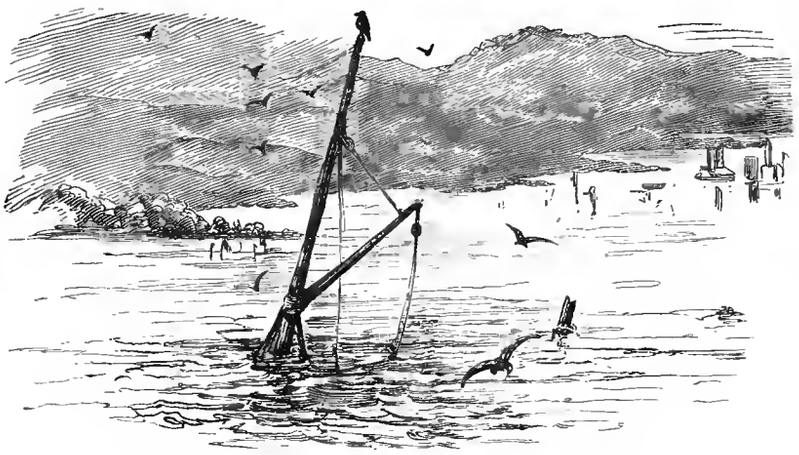
Болгарскій легіонеръ.



Молебекъ и освященіе знамени для болгарскихъ легіоновъ.

Библиотека "Руниверс"

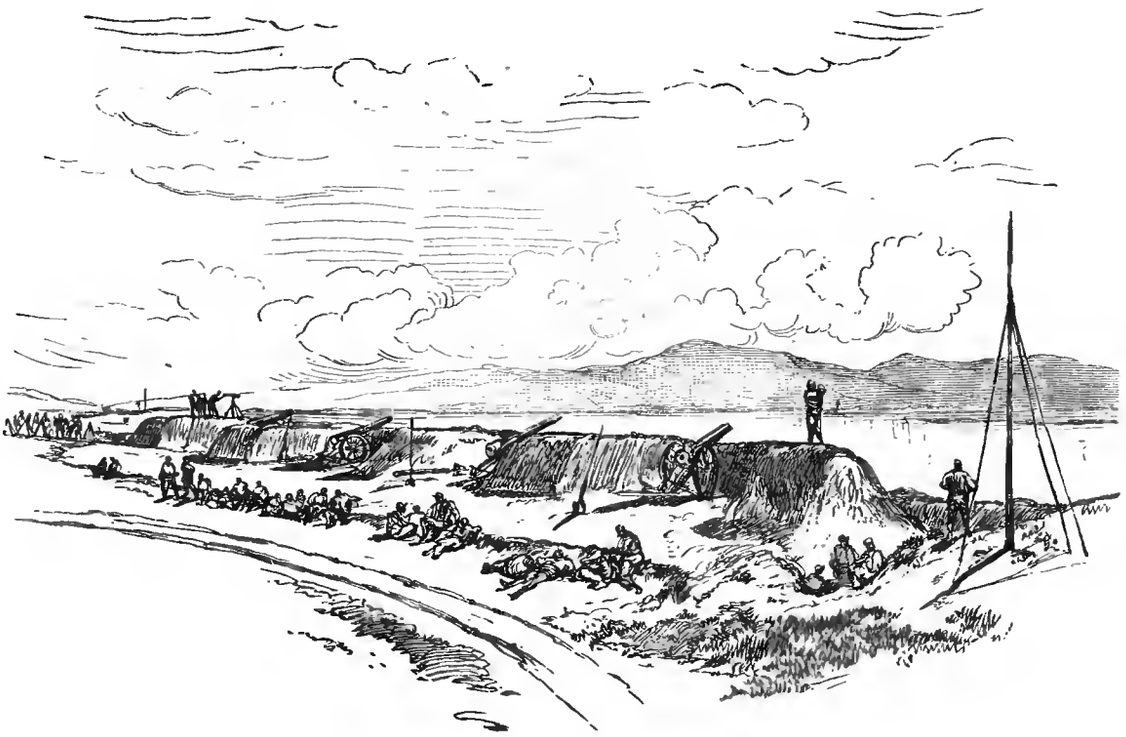
миръ, тишина и благоденствіе". Звучно, отчетливо раздавались эти простыя, прочувствованныя слова стараго героя, звучно прогремѣлъ молотокъ, ударившійся о шляпку гвоздя, и какъ нарочно въ ту же минуту, въ грозовыхъ тучахъ, собравшихся надъ Карпатами, блеснула молнія и глухо зарокотали нерекаты громового удара... „Добрый знакъ, добрый", послышалось въ толпѣ. Остальные гвозди были вбиты офицерами легіона и рядовыми болгарами. Когда эта операція была окончена, Его Высочество Главнокомандующій взялся за древко и высоко поднялъ надъ головою знамя. Громкое, горячее ура! загремѣло въ колоннахъ, всѣ шапки полетѣли въ воздухъ, словно стая черныхъ птицъ взвилась надъ дружинами... Генералъ Столѣтовъ, майоръ Калитинъ, начальникъ третьей дружины, солдатъ знаменщикъ — трое опустились на колѣни и приняли знамя изъ рукъ Его Высочества. Тогда дружины молодцами прошли колоннами церемоніальнымъ маршемъ мимо Главнокомандующаго, — точно батальоны старыхъ солдатъ, не смотря на то, что въ ихъ рядахъ много было такихъ, что и недѣли не служили во фронтѣ. Главнокомандующій сѣлъ въ свою коляску и поѣхалъ въ Плоэшти и долго еще, пока за поворотомъ не скрылось облако пыли, окружавшее поѣздъ, слышалось радостное, громкое ура легіонеровъ и въ воздухѣ чернѣли сотнями взлетавшія шапки. Это былъ день торжества и ликованья болгаръ, благовѣстъ ихъ будущей свободы, независимости, и, слѣдовательно, счастія.



Что осталось отъ турецкаго монитора Лютфи-Джелиль.

Какъ вамъ извѣстно, 29-го апрѣля два удачныхъ выстрѣла съ нашихъ браиловскихъ батарей № 3 и № 4 взорвали на воздухъ одинъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ турецкихъ мониторовъ „Лутфи - Джелиль". Мониторъ этотъ стоилъ безъ вооруженія сто т. фунт. стерл., съ вооруженіемъ около полутора милліона. На немъ было 5 колоссальныхъ орудій Круппа и Армстронга, 219 человѣкъ экипажа и 7 офицеровъ. Судно имѣло 220 футовъ длины и 44 ширины, и все это погибло разомъ, менѣе

Національное ополченіе въ Румыніи (для внутренней стражи).



Баттарея въ Браиловѣ.

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ въ полминуту, отъ двухъ русскихъ снарядовъ, и на поверхности оставался отъ величественнаго броненосца только верхній конецъ мачты, которой изображеніе при семъ и прилагаю.

По своимъ результатамъ этотъ удачный выстрѣлъ стоитъ большого выиграннаго сраженія. Кромѣ матеріальнаго ущерба, турки понесли другой ущербъ, моральный, гораздо болѣе чувствительный, чѣмъ первый. Еще и прежде турецкіе матросы недолюбливали панцырныхъ судовъ и боялись ихъ—теперь у нихъ окончательно подорвана вѣра въ свои броненосцы. Они не называютъ ихъ иначе, какъ *плавучими желѣзными гробами*, а послѣ взрыва „Лутфи-Джелиля" матросы начали просто на просто дезертировать съ панцырныхъ судовъ. „Намъ говорили, ссылаются они, что мы своими мониторами разгромимъ русскихъ, что мы необѣдимы, а тутъ совсѣмъ другое дѣло выходитъ—мы еще ничего дурного русскимъ не сдѣлали, а они однимъ выстрѣломъ посылаютъ насъ на дно сотнями". Дѣйствительно, неудобство имѣть мониторы въ рѣкѣ, берега которой заняты сильными непріятельскими баттареями стало очевидно. Запертые, стѣсненные всюду, турецкіе панцырники стоятъ въ жалкомъ бездѣйствіи и не рискуютъ помѣряться своими силами съ нашими баттареями. Дѣло главное въ томъ, что маневрировать тяжелому судну въ рѣкѣ неудобно, а мониторъ не маневрирующій служитъ слишкомъ вѣрною мишенью, особенно на такихъ незначительныхъ дистанціяхъ, гдѣ промахъ—явленіе довольно рѣдкое. Кромѣ того ждутъ обмелѣнія Дуная, вода начинаетъ спадать и даже довольно быстро, съ обмелѣніемъ еще болѣе уменьшится возможность успѣшнаго плаванія панцырныхъ судовъ съ ихъ тяжелыми орудіями. Есть уже слухъ, что товарищъ погибшаго „Лутфи-Джелиля" уже сидитъ прочно на мели и его разрушаютъ, такъ какъ потеряли уже надежду снять его съ мели и дать снова возможность двигаться. Адмиралъ Деловаръ-паша, которому посчастливилось оставить палубу „Лутфи-Джелиля" за четверть часа до катастрофы потерялъ голову и уже доносилъ въ Константинополь о бѣдственномъ положеніи своей дунайской эскадры. Наши артиллеристы посматриваютъ на турецкихъ, когда-то считавшихся грозными, панцырниковъ, какъ на свои будущіе призы. Дай Богъ!

На приложенныхъ рисункахъ, между прочимъ, изображена одна изъ отличившихся баттарей въ Браиловѣ. Это баттарея № 3, вооруженная четырьмя двадцатичетырехъ-фунтовыми пушками. Съ этого пункта, гдѣ теперь построена баттарея, 21-го апрѣля, за недѣлю до взрыва, былъ сдѣланъ первый боевой выстрѣлъ, начавшій на Дунаѣ настоящую кампанію. Наши маленькія полевыя, четырехфунтовыя орудія послали свой вызовъ одной изъ турецкихъ канонирокъ, показавшейся передъ Браиловымъ и стоявшей у селенія Гечети. Тогда еще русскія войска только что занимали Браиловъ и тяжелыя орудія наши не были еще доставлены на свои мѣста.

Наши пароходы изъ эскадры, сформированной въ устьяхъ Прута, у деревни Рени, открыли твою навигацію между Рени и Браиловымъ. Въ послѣднемъ пунктѣ, между прочимъ, ощущался недостатокъ въ каменномъ углѣ, но этому горю пособили турки: они устроили большой складъ угля недалеко отъ Гечети и этотъ складъ очутился подъ нашими выстрѣлами. Турки имъ не рѣшаются пользоваться, боясь русскихъ баттарей, а наши матросы, подъ прикрытіемъ нѣхотныхъ командъ, спокойно нагружаютъ турецкимъ углемъ барки и лодки и перевозятъ его на нашу сторону; операція эта во всѣхъ отношеніяхъ весьма для насъ выгодна.

Румынія мобилизировала всю свою армію и сосредоточила ее по Дунаю, отъ Журжева до Калафата; для внутренней, городской караульной службы призвано національное ополченіе. На одномъ изъ рисунковъ представляю вамъ группу этихъ ополченцевъ они одѣты въ свое собственное платье, какое у кого есть, общаго форменнаго обмундированія имъ не полагается. Въ рядахъ этого ополченія вы видите самые пестрые, оригинальные костюмы, рядомъ со щегольскимъ пиджакомъ стоитъ рабочая блуза, за нею балахонъ крестьянина, тутъ валашская шапка, потомъ что-то въ родѣ фески, а дальше модный цилиндръ или круглая шляпа горожанина. Вооружено это ополченіе ружьями стараго образца и у всякаго на поясѣ виситъ неуклюжая кожаная сумочка для патроновъ. Команды эти состоятъ въ распоряженіи меровъ городовъ, и, какъ я уже сказалъ, предназначены исключительно для внутренней, такъ называемой гарнизонной службы.

Н. Каразинъ.

Къ рисункамъ

Лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ.

Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ—лейтенантъ гвардейскаго экипажа и старшій офицеръ на принадлежащей Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу яхтѣ „Славянка"—сынъ капитанъ-лейтенанта, поступилъ въ морское училище въ 1859 году и выпущенъ въ гардемарины въ 1863 г.; произведенъ въ мичманы въ 1865 г., а въ лейтенанты въ 1869 году. Въ началѣ своей службы, Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ ходилъ въ кругосвѣтное плаваніе, послѣ чего поступилъ на академическій курсъ морскихъ наукъ, на которомъ кончилъ съ успѣхомъ курсъ въ 1870 году. Онъ имѣетъ ордена: св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 3-й ст., и теперь за геройскій подвигъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Александръ Павловичъ Шестаковъ—лейтенантъ 1-го флотскаго экипажа—сынъ надворнаго совѣтника, поступилъ въ морское училище въ 1865 году и выпущенъ въ гардемарины въ 1869 г.; произведенъ въ мичманы въ 1871 г. и въ лейтенанты въ 1875 г. Будучи еще гардемариномъ, Александръ Павловичъ Шестаковъ отправился на клиперѣ „Алмазъ" въ кругосвѣтное плаваніе, изъ котораго вернулся въ 1872 г., затѣмъ служилъ въ судахъ балтійскаго флота и, между прочимъ, въ 1874 г., на учебной эскадрѣ морского училища. За настоящій геройскій подвигъ онъ также награжденъ Георгіевскимъ Крестомъ.

Экскурсія съ цѣлью взрыва монитора предпринята была ими 14-го мая добровольно. Дубасовъ отправился съ 14-ю добровольцами на катерѣ „Цесаревичъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ отправились румынскій маіоръ Моржеску и Шестаковъ на катерѣ „Ксенія", съ 9-ю добровольцами. Лейтенанты гвардейскаго этипажа Петровъ и Дубасовъ подвели подъ броненосецъ торпедо, который, приподнявъ одинъ бортъ броненосца, обдалъ турокъ водою. Раздались крики и послѣдовали выстрѣлы; но Шестаковъ подошелъ къ другому борту и подведя, на значительной глубинѣ, торпедо, взворвалъ броненосецъ. Раненыхъ у насъ не было; только у одного изъ катеровъ повреждена шлюпка. Инициатива и руководство предпріятіемъ принадлежали Дубасову. Онъ первый, подъ выстрѣлами пушекъ и ружей, взорвалъ торпедо, подведенное подъ лѣвый бортъ монитора. Послѣдній сталъ медленно погружаться въ воду, причемъ и катеръ залило водою. Шестаковъ, подъ огнемъ двухъ турецкихъ мониторовъ и парохода, подошелъ къ тому же борту, противъ котораго дѣйствовалъ Дубасовъ и подведя второе и третье торпедо, произвелъ взрывъ. Винтъ катера запутался въ обломкахъ, а между тѣмъ съ борта погибавшаго монитора производилась стрѣльба, не прерывавшаяся до тѣхъ поръ, пока башни не погрузились въ воду. Шестаковъ отстрѣливался изъ револьвера. Нападеніе четырехъ катеровъ продолжалось 20 минутъ, при слабомъ огнѣ команды, производившемся съ такимъ хладнокровіемъ, какъ бы на ученьѣ. Въ моментъ потопленія монитора на катерахъ раздалось дружное „ура!" Катеръ мичмана гвардейскаго экипажа Персина получилъ пробоину и сталъ наполняться водою, почему и долженъ былъ поспѣшить къ берегу; но для людей уже былъ наготовѣ катеръ мичмана черноморскаго экипажа, Баля. Большимъ мужествомъ и находчивостью отличались добровольные участники предпріятія, маіоръ Муржеску и лейтенантъ гвардейскаго экипажа Петровъ.

Броненосецъ, взорванный ими, назывался „Хивзи-Рахманъ" и по своей конструкціи совершенно одинаковъ со взорваннымъ 29-го апрѣля „Лутфи-Джелиль".

„Хивзи-Рахманъ" принадлежалъ къ типу башенныхъ, покрытыхъ броней, мониторовъ. Длина его по ватерлиніи 222 фута, водоизмѣщеніе 2,500 тоннъ, углубленіе 18 футовъ, полный ходъ—12 узловъ, комплектъ экипажа—219 человѣкъ. Артиллерійское вооруженіе, состоящее изъ пяти орудій большого калибра, было размѣщено слѣдующимъ образомъ: въ кормовой башнѣ—два девяти-дюймовыхъ, въ передней—два семи-дюймовыхъ орудія и за носовымъ блиндажемъ—одно сорока-фунтовое орудіе Армстронга. „Хивзи-Рахманъ" былъ покрытъ бронею: въ серединѣ—4,62 дюйма, на носовомъ блиндажѣ—3 дюйма; до высоты главной палубы судовой корпусъ раздѣлялся поперечными переборками на девять водонепроницаемыхъ отдѣленій.

Такіе подвиги нашихъ молодцовъ артиллеристовъ и моряковъ повели между прочимъ къ тому, что англійское правительство, въ настоящее время распорядилось уже—*пріостановить всѣ работы по постройкѣ новыхъ мониторовъ.*

Подземный каналъ Сенъ-Мартенъ въ Парижѣ.

Теченіе главнѣйшихъ рѣкъ Парижа, Сены и Марны, вообще извилистое и отличающееся самыми причудливыми изгибами, придаетъ берегамъ ихъ весьма живописный видъ; но зато плаваніе по этимъ рѣкамъ часто встрѣчаетъ разныя препятствія и значительно замедляется безпрерывно попадающимися на пути мысами и зигзагами береговой линіи. Въ виду этого неудобства Парижъ изобилуетъ каналами, имѣющими главною цѣлью, дать средство судамъ миновать тѣ мѣста рѣкъ, гдѣ черезъ-чуръ выдающіеся берега мѣшаютъ ихъ прямому движенію. Къ этому разряду каналовъ, принадлежитъ, напри-

Библиотека "Руниверс"

мѣръ, каналъ Сенъ-Моръ, прорытый въ выступѣ берега и имѣющій около 600 метровъ длины и 8 метровъ вышины. Имъ значительно сокращается и облегчается прежній трудный и долгій путь по этой извилистой части Марны, такъ что нынѣ суда употребляютъ на это плаваніе лишь четверть часа, тогда какъ прежде они должны были плыть это же пространство часовъ шесть. Не менѣе важно для Парижа торговое значеніе другого канала, а именно канала Сенъ-Мартенъ, начинающагося ниже Аустерлицкаго моста, въ бассейнѣ адмиралтейства, и идущаго потомъ далѣе до Наполеоновскихъ доковъ, гдѣ онъ впадаетъ наконецъ въ бассейнъ Виллеты и соединяется посредствомъ послѣдней съ каналами д'Уркъ и Сенъ-Дени. Каналъ Сенъ-Мартенъ, безъ сомнѣнія одна изъ крупныхъ достопримѣчательностей современнаго Парижа, хотя онъ мало кому извѣстенъ изъ тѣхъ многочисленныхъ туристовъ, которые ежегодно стекаются въ столицу Франціи. Проходя подъ бульварами, отъ Бастольской площади вплоть до самой Іюльской колонны, онъ покрытъ прочнымъ немного выпуклымъ сводомъ, внутренняя поверхность котораго облицована весьма гладко и красиво. Дуга свода такъ вмѣстительна, что подъ ней проходитъ довольно широкій каналъ и еще двѣ просторныя панели для тяги судовъ бичевою. По каналу быстро двигаются буксирные пароходики, изъ которыхъ каждый тащитъ за собою, тяжело нагруженныя суда, иногда даже ночью, такъ какъ каналъ освѣщается газомъ. Большое число отверстій устроенныхъ въ верхней части свода снабжаетъ его свѣтомъ и воздухомъ. Нужно сознаться, что закрытіе канала сводомъ значительно повліяло на улучшеніе гигіеническихъ условій окружающей его мѣстности, и міазмы происходившіе отъ порчи воды и разложенія органическихъ веществъ, уже не заражаютъ окрестнаго воздуха. Кромѣ того патрижанинъ этой мѣстности имѣетъ нынѣ менѣе шансовъ утонуть и захлебнуться въ этой мутной водѣ канала. Дюканъ самъ сознается въ своемъ замѣчательномъ описаніи Парижа и его нравовъ, что вѣтреные, неосторожные, хвастливые, любящіе выпить парижане ѣздятъ на лодкахъ, не зная законовъ равновѣсія, купаются, не умѣя плавать, и любятъ иногда беззаботно засыпать облокотившись на прибрежныя перила. Неудивительно послѣ этого, что въ парижскихъ рѣкахъ находятъ столько утопленниковъ и что ими преимущественно наполняется моргъ.

Мѣстность, идущая надъ Сенъ-Мартенскимъ каналомъ теперь совершенно неузнаваема; надъ сводомъ канала разведенъ великолѣпный бульваръ въ англійскомъ вкусѣ, съ фонтанами, экзотическими растеніями, прелестными газонами и тѣнистыми деревьями; проводники въ тоннель воздуха и свѣта повсюду для безопасности гуляющихъ закрыты рѣшетками и обнесены красивыми перилами. Веселая, разряженная публика, безпечно фланируетъ здѣсь, не думая, что подъ ней, въ подземной глубинѣ, бѣгаютъ пароходы и на плечахъ истомленныхъ тружениковъ тянутся бичевою суда, подвозящія необходимые жизненные продукты для всепожирающаго Парижа. **Н.**

Видъ на рѣкѣ Коннектикутъ (въ Сѣверной Америкѣ).

Коннектикутъ,—одна изъ многоводныхъ рѣкъ Сѣверной Америки, впадающихъ въ Атлантическій океанъ. Рѣка Коннектикутъ менѣе широкая, чѣмъ Гудзонъ, но такая же быстрая, протекаетъ по одному изъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза, этотъ штатъ и носитъ свое названіе по названію рѣки: „Коннектикутъ". Америка, вслѣдствіе малой ширины своего материка, подвержена большому вліянію океановъ, отчего и природа ея получаетъ свой особенный характеръ. Сравненіе климата Сѣверной Америки по широтѣ съ Старымъ Свѣтомъ показываетъ, что температура ея стоитъ гораздо ниже и представляетъ сильные противоположности въ различныя времена года, нежели температура Европы подъ тѣми же градусами. До конца апрѣля растительность подъ 40° идетъ не дальше тѣмъ въ Европѣ подъ 50°; но затѣмъ солнце дѣйствуетъ такъ сильно, что плоды созрѣваютъ въ Америкѣ скорѣе.

Лѣса Сѣверной Америки отличаются отъ лѣсовъ Европы также замѣчательнымъ разнообразіемъ; такъ, въ Америкѣ можно насчитать до 20 породъ дуба; много породъ клена, акацій. Самое великолѣпное дерево этихъ лѣсовъ—Виргинская сосна, достигающая высоты до 200 ф. Наша картинка изображаетъ одно изъ живописныхъ мѣстъ по рѣкѣ Коннектикутъ, близъ горы Голіокъ. Не смотря на то, что художникъ оживилъ свой пейзажъ присутствіемъ людей, нельзя не замѣтить, что и при этомъ оживленіи изображенная мѣстность все таки кажется недостаточно обитаемою. Одно изъ деревъ ея, густо обвитое вьющимися растеніями, и берега рѣки, заваленные буреломомъ и каменьями и поросшіе дикими травами — увеличиваютъ впечатлѣніе этой пустынности, не лишенной, впрочемъ, своеобразной красоты и силы.

Парка и Амуръ.

(Группа Густава Доре)

Таинственное начало жизни и ея не менѣе таинственный конецъ—смерть, въ силу своей необычайной загадочности, всегда возбуждали и теперь возбуждаютъ и, конечно, будутъ вѣчно возбуждать мысль человѣческую, тщетно стремящуюся постигнуть смыслъ и значенія этой великой тайны и открыть хотя край той непроницаемой завѣсы, которою она скрыта отъ смертнаго. Древніе греки, подобно тому, какъ и иные представители той или другой человѣческой расы на землѣ, конечно, также пытались понять таинственное значеніе жизни и смерти и, не имѣя силы постигнуть этого, облекли свои мечтанія въ образы, и этимъ образамъ придали тѣ черты, какія свойственны были имъ самимъ.

Такъ, напримѣръ, тайну жизни и смерти греки олицетворяли въ видѣ трехъ адскихъ богинь—Паркъ. Онѣ были сестры, дочери Ереба и Ночи или Юпитера и Ѳемиды, а именно: Клото, Лахезида и Атроно. Клото, завѣдывала рожденіемъ людей и держала въ рукѣ прялку; Лахезида пряла нить человѣческой жизни, а Атроно отрѣзывала ее. Вдохновленный этимъ миѳомъ современный художникъ, Густавъ Доре, извѣстный до сихъ поръ своими замѣчательными какъ по разнообразію, такъ и по количеству рисунками, сдѣлалъ группу, представляющую одну изъ Паркъ, обрѣзывающую нить жизни.

Но, какъ мы сказали, художникъ только вдохновился миѳомъ. Онъ даже отступилъ отъ него, замѣнивъ трехъ сестеръ одной; при этомъ, для усиленія впечатлѣнія, въ смыслѣ приданія чувства своему произведенію, онъ сдѣлалъ участникомъ работы Парки юнаго Амура, участникомъ, видимо, невольнымъ, страдающимъ въ своемъ безсиліи въ то время, когда ко всему безстрастная Парка уже готова обрѣзать нить жизни.

Но, конечно, ни созданіями фантазіи, ни учеными изслѣдованіями не подвигается впередъ разрѣшеніе вопроса о тайнѣ жизни и смерти. Есть предѣлы, за которые мысль человѣческая никакъ не можетъ проникнуть. Здѣсь нелишнимъ считаемъ напомнить превосходное стихотвореніе Ѳ. Тютчева „Фонтанъ"

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучемъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной,—
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.
О, смертный мысли водометъ,
О, водометъ непостоянный,
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо—роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты...

Политическія и военныя извѣстія.

25-го мая, въ 8 часовъ вечера, Государь Императоръ благополучно прибылъ въ Плоэшти. По всему пути пріемъ Его Величеству былъ восторженный, полный энтузіазма. Въ Брандовѣ Его Величество благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, удостоенныхъ за послѣднія дѣла Георгіевскихъ крестовъ и крестовъ «за храбрость», съ мечами. Въ Плоэштахъ, при встрѣчѣ Государя Императора, на здѣшней станціи представились депутаты съ хлѣбомъ-солью и съ привѣтственными адресами отъ города Плоэштъ, отъ болгаръ, обитающихъ въ городахъ Румыніи и отъ румынскаго городского духовенства. Митрополитъ Банаретанъ Рашевъ, представившійся во главѣ болгаръ, сказалъ привѣтственное слово и благословилъ Его Величество иконою. Отъ лица князя Карла, Государя Императора привѣтствовалъ Когальничано. Воспитанницы городского училища поднесли букеты. Дамы съ балконовъ кидали вѣнки.

20-го мая (1-го іюня) энергически продолжалось начатое не задолго передъ тѣмъ бомбардированіе Карса.

Депеши отъ 23-го мая сообщили, что Карсъ въ это время былъ уже окруженъ нашими войсками, что Мухтаръ-паша отступилъ къ Зевиву и что положеніе дѣлъ въ Малой Азіи стало для турокъ весьма серьезнымъ.

Телеграмма начальника штаба Кавказскаго военнаго округа отъ 25-го мая сообщаетъ, что генералъ Тергукасовъ занялъ 23-го мая городъ Кара-Килису (городъ Баязетскаго санджака, по дорогѣ въ Эрзерумъ). Непріятель наканунѣ отступилъ съ своими регулярными войсками за Зейдеканъ, а иррегулярныя войска разошлись по домамъ. Подъ Карсомъ войска расположились въ двухъ лагеряхъ: одинъ близъ селенія Моура, а другой у Базгами. По общимъ соображеніямъ, вскорѣ ожидаемое взятіе Карса, естественно, дастъ ключъ къ взятію Эрзерума.

Библиотека "Руниверс"

На Дунаѣ турки 20 мая сдѣлали попытку высадиться около Рени (близь Галаца и на одной широтѣ съ нимъ). Произошелъ кровопролитный и ожесточенный бой, длившійся 2 часа. Турки были отброшены и поспѣшно удалились на своихъ судахъ. Того же числа наши русскіе броненосцы форсировали входъ въ Сулинское гирло и вошли въ Дунай. Подъ Сулиной почти цѣлыя сутки происходила сильная канонада, причиною которой былъ русскій мониторъ, силою прорвавшійся въ устье Сулины. 23-го мая турки бомбардировали Калафатъ, но безъ вреда, а 24-го мая *по всему Дунаю* уже происходили перестрѣлки, хотя и незначительныя. Въ Рущукѣ замѣчено было движеніе значительныхъ непріятельскихъ силъ. У Никополя (объ этой крѣпости мы упоминали въ прошломъ обозрѣніи—она лежитъ между Видиномъ и Рущукомъ, близь Систовой) турки строятъ новыя баттареи. 24-го мая (5-го іюня) противъ Журжева (близь Рущука) открытъ былъ сильный огонь съ рущукскихъ баттарей, но до 7 часовъ вечера онъ не произвелъ никакого дѣйствія.

Наканунѣ этого открылось сраженіе между турками и черногорцами у Мальйята. Турки были оттѣснены до Кукосеряна, лишившись 700 человѣкъ. Затѣмъ получена телеграмма изъ Даниловграда, сообщающая, что турки 23-го мая открыли противъ черногорцевъ огонь съ форта Спужа, но вскорѣ прекратили, но 24 мая вновь со Спужа началась канонада, смѣшанная съ ружейнымъ огнемъ. Но черногорцы, по условленному приказу, не отвѣчали на турецкую стрѣльбу и она прекращена безъ всякаго результата. Вслѣдъ затѣмъ, ободренные молчаніемъ черногорцевъ, турки произвели со стороны Спужа нападеніе на село Мартиницу, въ Даниловградскомъ округѣ. Но здѣсь черногорцы вдругъ окружили турокъ и начался *ужасный, кровопролитный бой*. До *тысячи* турокъ, убитыхъ и раненыхъ, осталось на мѣстѣ; со стороны же черногорцевъ 50 убитыхъ и 12 раненыхъ. Одновременно съ этимъ поистинѣ «богатырскимъ» дѣломъ, черногорцы на сѣверѣ отъ Никшича взяли штурмомъ одна возвышенность, господствующую надъ Никшичемъ, *не потерявъ ни одного человѣка*. Въ этомъ сраженіи въ первый разъ дѣйствовала черногорская артиллерія. На помощь Никшичу отправился Сулейманъ-паша съ 16,000 турокъ, намѣреваясь дать большое сраженіе.

Съ 24 мая произошли также значительныя стычки между турками и черногорцами въ окрестностяхъ Крстаца. Свѣдѣнія объ исходѣ этихъ битвъ пока крайне неопредѣлены. По турецкимъ источникамъ, конечно, оказывается, что черногорцы были разбиты вездѣ и «выбиты изъ своихъ окоповъ», но вѣдь извѣстно, что турки умѣютъ «выбивать особенно черногорцевъ, преимущественно «своими боками». О результатѣ этихъ битвъ подождемъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ извѣстій не изъ «турецкихъ» источниковъ. По словамъ турецкихъ телеграммъ турецкія войска недавно проникли въ Черногорію и вытѣснили черногорцевъ съ ихъ позицій (!?) конечно не къ добру для самихъ побѣдителей. Турецкое правительство желало заключить въ Лондонѣ заемъ но потерпѣло полную неудачу. Недовольство въ Константинополѣ усиливается съ каждымъ днемъ, такъ что опасаются народнаго возстанія. Дальнѣйшее снабженіе арміи боевыми припасами и провіантомъ стало невозможно вслѣдствіе сильнаго недостатка въ деньгахъ.—Папа недавно принималъ польскихъ паломниковъ и напомнилъ имъ о своихъ постоянныхъ заботахъ о относительно поляковъ.—Изъ Сиріи извѣщаютъ, что тамошнее положеніе дѣлъ внушаетъ безпокойство. Банды бедуиновъ производятъ по всей Сиріи грабежи. Христіане въ Палестинѣ объяты ужасомъ.—Весьма недавно турки напали на греческій монастырь Раигаве и ограбили его. Не смотря на эти подвиги, относительно Греціи, Порта рѣшилась обратиться къ Аѳинскому кабинету съ нотою, по поводу происходящихъ въ Греціи вооруженій.

29-го мая Государь Императоръ прибылъ въ Бухарестъ и былъ встрѣченъ въ вокзалѣ княземъ, княгиней, всѣми наличными войсками, преклонившими передъ Государемъ Императоромъ знамена. Несмѣтная толпа народа, по всему пути до дворца, на всѣхъ балконахъ домовъ привѣтствовала Его неумолкаемымъ крикомъ «ура» и бросали букеты по пути. Городъ разукрашенъ флагами и находится въ небываломъ до нынѣ торжественномъ настроеніи.

Изъ Константинополя отъ 29-го мая извѣщаютъ, что изъ послѣднихъ депешъ изъ Эрзерума извѣстно о наступательномъ движеніи русскихъ войскъ. Мухтаръ-паша подошелъ къ Эрзеруму, гдѣ, повидимому, предстоитъ сраженіе. Али-Саибъ-паша сообщаетъ отъ 7-го іюня, что въ округѣ Пипери происходилъ между турками и черногорцами артиллерійскій бой.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Петербургъ Вас. Остр. 9 линія д. № 8, А. Т—тову. Въ присланныхъ вами стихахъ конечно, есть превосходныя строфы, а именно тѣ, которыя вы цѣликомъ выписали изъ Пушкина, и выдаете ихъ за свои.

Напримѣръ: Горитъ востокъ зарею новой
Ужь на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ боговый
Клубами всходитъ къ небесамъ и т. д.

Остается пожалѣть, что вы лишены возможности опредѣлить, на сколько не позволительны подобные поступки, и пожелать вамъ понять ихъ настоящій смыслъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-лейтенантъ, Василій Александровичъ Геймань** (съ портретомъ).—**Aquis submersus.** Новелла Теодора Шторма.—**Старый рыбакъ** (разсказъ) (съ рисункомъ).—**Война въ Турціи** письмо нашего корреспондента (съ 7-ю рисун.) **Н. Каразина.**—**Лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ** (съ 2-мя портретами).—**Подземный каналъ Секъ-Мартенъ въ Парижѣ** (съ рисункомъ).—**Видъ на рѣкѣ Коннектикутъ** (въ Сѣверной Америкѣ) (съ рисункомъ.)—**Пария и Амуръ** (Группа Густава Доре) (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія. Почтовый ящикъ.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ІЮНЬ съ 30 рисунками, отдѣльный листъ выкроекъ, съ 24 чертежами въ натуральную величину и съ 24 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

НОВЫЯ КНИГИ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ У ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.

Практическая архитектура городскихъ, загородныхъ и сельскихъ зданій. Приспособленія къ простому изученію всевозможныхъ сооруженій въ современномъ вкусѣ, затѣйливыхъ и простыхъ фасадовъ и плановъ, служитъ образцами какъ для архитекторовъ, инженеровъ и подрядчиковъ, такъ и для каждаго, желающаго построить зданіе прочно, красиво и выгодно. Съ прилож. разсчета на количество матеріаловъ и рабочихъ, на каждое зданіе; такъ что каждый можетъ обойтись безъ помощи архитектора и инженеръ-архитектора В. Залѣсскаго. Хромолит. изд. на 44 лист. атлас. бум., съ 200 рис. 1876 г., ц 8 р.

Новый самоучитель рисованія, черченія и перспективы. Легкій способъ, въ 30 уроковъ, безъ помощи учителя, научиться правильно рисовать, чертить, тушевать и покрывать акварельными красками рисунки. Соч. подъ ред. Мишель Санціо. На 28 больш. лист. и съ прилож. текста. 1876 г., ц. 2 р.

Полный толковый словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ корней. Настольная справочная книга при чтеніи книгъ, журналовъ и газетъ. Соч. Н. Дубровскій. Третье, доп. изд., болѣе 300 страницъ 1874 г.; ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

Общеполезная практическая технологія. Руководство къ химическому, механическому, техническому и ремесленному труду. Съ прилож. новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій и ихъ примѣненій въ практикѣ. Настольная справочная книга для инженеровъ, техниковъ, механиковъ, машинистовъ, промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній и школъ въ Россіи. Сост. обществомъ техниковъ подъ ред. проф. М. Соколовскаго, съ 364 рис. въ 8 вып. 1876 г.; ц. 4 р., въ перепл. 5 р.

Самоучитель строительнаго искусства. Спеціально практическое руководство для подрядчиковъ, техниковъ, строителей, плотниковъ, печниковъ, каменьщиковъ, домовладѣльцевъ и пр. Въ четырехъ книгахъ, съ 300 рисунк. рис. въ текстѣ и съ прилож. атласа на 32 лист. архитектурныхъ рисунковъ. Составилъ Сирябчинскимъ, подъ ред. архитектора при Императорскомъ Орловскомъ дворцѣ. П. Кашенцова; 3-е изд., дополненное. 1874 г.; ц. съ атл. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

Практическій самоучитель бальныхъ танцевъ и Гурговъ, безъ помощи учителей, всѣхъ бальныхъ танцевъ. Съ 23 рис. Четвертое изд., съ дополн. русскихъ плясовъ, вентерки и матлета. Соч. Де-Колмьяра. 1874 г.; ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

Приключеніе капитана Легова. Путешествіе на яхтѣ среди бурныхъ волнъ океана. Соч. Жюля Сандо, проф. и академика. Съ великолѣпн. картин. художн. Кондена; ц. 1 р. 50 к.

Королева Изабелла Баварская. Историч. ром. А. Дюма. Въ 8 част. 1874 г.; ц. 2 р. 50 к.

Сцены изъ народнаго быта. Сочин. актера Красовскаго, въ 2 кн.; ц. 1 р. 50 к.

Сцены изъ народнаго быта, соч. Горбунова, для разсказовъ и театральн. сценъ и семейныхъ вечерахъ. Изд. 4, испр. и дополн. въ 3-хъ част. 1876 г. Спб.; ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

Прошу гг. иногородныхъ чрезъ почту за всѣми вышеозначенн. книгами адресов. въ Москву, къ издателю Алексѣю Дм. Ступину.

Пересылку принимаю на свой счетъ и посылаю съ первою почтою. (Адресъ Почтамту извѣстенъ.)

Дозволено цензурою. СПБ. 3 Іюня 1877 г. Тип. Воленгера, Анны, пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 24 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 13 Іюля 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Ѳоминъ.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Ѳоминъ — уроженецъ Войска Донского, Старочеркасской станицы. Воспитывался онъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и былъ выпущенъ первымъ офицерскимъ чиномъ (хорунжимъ) въ 1836 году. Въ оберъ-офицерскихъ чинахъ Павелъ Степановичъ служилъ въ казачьихъ полкахъ на Кубанской линіи, затѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, во время краковскаго возстанія (1847 — 1848). Въ штабъ-офицерскихъ чинахъ состоялъ для особыхъ порученій при наказномъ атаманѣ Войска Донского и засимъ, съ наступленіемъ севастопольской кампаніи, въ 1855—1856 г., Павелъ Степановичъ командовалъ Донскимъ казачьимъ полкомъ за Дунаемъ, при осадѣ Силистріи, въ Крыму на передовыхъ постахъ, противъ Сапунъ горы, Балаклавы и въ Байдарской долинѣ. Съ окончаніемъ этой войны, пробывъ нѣкоторое время на Дону, онъ въ 1858 году вышелъ съ полкомъ на правый флангъ Кавказской линіи, гдѣ при покореніи Западнаго Кавказа былъ назначенъ начальникомъ Лабинскаго округа, изъ котораго главнымъ образомъ были направлены дѣйствія нашихъ войскъ противъ непокорныхъ горскихъ племенъ. Съ 1863 по 1870 годъ Павелъ Степановичъ былъ начальникомъ штаба Войска Донского, каковая должность возлагала на исполнявшаго ее несравненно большее число обязанностей, чѣмъ въ настоящее время. Необходимо обратить здѣсь вниманіе на то, что въ Войскѣ Донскомъ начальникъ штаба въ прежнее время былъ помощникомъ войскового атамана по военной части, и обязательно участвовалъ въ засѣданіяхъ Областного Правленія, исправляя, въ отсутствіе начальника края, его обязанности и по гражданскому управленію области. Будучи въ это время уже въ генеральскомъ чинѣ, Павелъ Степановичъ нѣсколько разъ долженъ былъ исполнять прямыя обязанности начальника края не только потому, что въ это время онъ занималъ должность начальника штаба Войска Донского и былъ

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Ѳоминъ, походный атаманъ иррегул. войскъ дѣйствующей арміи. Рис. Мукаровскій, грав. Яссъ.

Библиотека "Руниверс"

помощникомъ войскового атамана, но и вслѣдствіе того обстоятельства, что во время нахожденія его въ этой должности перемѣнились одинъ за другимъ два атамана: во время промежутковъ, продолжавшихся отъ отъѣзда прежняго до прибытія новаго, вся тяжесть управленія краемъ ложилась на Павла Степановича. Кромѣ того онъ исправлялъ эти же обязанности и въ продолженіи частыхъ и немаловременныхъ отлучекъ трехъ бывшихъ при немъ атамановъ (Граббе, Потапова и Черткова).

Съ 1870 по 1876 годъ генералъ-лейтенантъ Ѳоминъ былъ походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ Варшавскаго военнаго округа, а съ переформированіемъ кавалерійскихъ дивизій, въ составъ которыхъ введены были казачьи полки, отчисленъ по Войску Донскому и былъ свободенъ отъ служебной дѣятельности по 1-е ноября 1876 года. Съ этого времени генералъ-лейтенантъ Ѳоминъ Высочайшимъ приказомъ назначенъ походнымъ атаманомъ иррегулярныхъ войскъ дѣйствующей арміи, невходящихъ въ составъ дивизій.

Въ настоящее время подъ его начальствомъ состоитъ 10 донскихъ казачьихъ полковъ.

AQUIS SUBMERSUS.

Новелла Теодора Шторма.

(Продолженіе).

Дитрихъ схватился за обѣ руки мои.

— Не ходите, Іоаннъ! просилъ онъ убѣдительно. Ну, хотя разскажите мнѣ, что такое между вами произошло? Всегда я вамъ совѣты добрые давалъ.

— Послѣ, Дитрихъ, послѣ! промолвилъ я и съ этими словами руки свои изъ рукъ его освободилъ.

Старикъ головою покачалъ, сказавъ:

— Послѣ?... Одинъ Господь Богъ вѣдаетъ, когда это *послѣ* будетъ.

Но я черезъ дворъ къ дому направился.

На вопросъ мой: гдѣ господинъ? служанка отвѣчала, что онъ въ комнатѣ, у себя.

Въ указанной комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ находившейся, я только однажды былъ. По стѣнамъ ея вмѣсто книгъ и картъ географическихъ, какъ то было въ кабинетѣ покойнаго герръ Гергардуса, развѣшаны были аркебузы всякіе и иныя разныя принадлежности охоты; украшеній другого рода тутъ не имѣлось; все въ комнатѣ свидѣтельствовало о томъ, что никто не заходитъ въ нее надолго и никто въ ней никогда не работаетъ.

Переступивъ порогъ, послѣ того, какъ баронъ крикнулъ: войдите, я назадъ чуть было не попятился, ибо Вульфъ у окна стоялъ и когда онъ ко мнѣ обернулся, примѣтилъ я у него въ рукахъ пистолетъ, съ куркомъ котораго онъ и возился.

На меня, какъ на умалишеннаго, поглядѣлъ онъ и медленно произнесъ:

— А—а! герръ Іоаннъ сюда пожаловать изволилъ самолично... А можетъ статься, это только его тѣнь?...

Я-же, къ нему подойдя, сказалъ въ отвѣтъ:

— А вы, баронъ Вульфъ, полагали, что я могъ не явиться сюда къ вамъ самолично?

— Да, полагалъ я, герръ Іоаннъ! Какъ вы отмѣнно угадывать изволите! . Но какъ бы то ни было, кстати вы пожаловали... Я разыскивать васъ далъ приказаніе.

Голосъ его дрожалъ, что напоминало рыканіе звѣря, добычу свою подстерегающаго; вслѣдствіе этого я невольно схватился за шпагу, однако-же промолвилъ:

— Выслушать меня соизвольте, герръ баронъ! Дайте мнѣ со спокойствіемъ изложить все!

Онъ перебилъ мою рѣчь.

— Вамъ прежде надлежитъ меня выслушать, герръ Іоаннъ! (Рѣчь его, тихая по началу, въ рычаніе постепенно превратилась). Тому назадъ два часа, отъ сна я пробудился и тяжесть почувствовалъ въ головѣ, а засимъ вспомнилъ и, какъ дуракъ, пожалѣлъ, что вчера, бывъ во хмѣлю, на тебя псовъ бѣшеныхъ напустилъ.... Но когда тетка Урсула матеріи кусокъ мнѣ показала, который псы изъ плаща твоего вырвали—всѣми дьяволами клянусь—пожалѣлъ я, что канальи псы тебя не растерзали и оставили мнѣ эту работу!..

Еще разъ я попытался заговорить: ибо умолкъ Вульфъ и мнѣ подумалось, что меня слушать онъ станетъ.

— Баронъ Вульфъ! Я не дворянинъ, то правда, но въ отношеніи искусства своего, какъ художникъ, — не ничтожество, и надѣюсь, что впослѣдствіи съ живописцами великими на ряду стану, а поэтому, какъ приличествуетъ, васъ прошу въ жены отдать мнѣ сестру вашу Катерину...

Но тутъ къ гортани прилипъ языкъ мой. Блѣдное лицо Вульфа передо мною было, но смотрѣли на меня глаза *одной* изъ Гергардусовъ изъ того портрета древняго... Смѣхъ пронзительный въ ушахъ моихъ словно бы зазвенѣлъ и... выстрѣлъ раздался...

Упалъ я и только слышалъ, какъ шпага, машинально мною вытащенная, изъ руки моей вывалилась и о полъ брякнула...

Раненый, я, по приказанію Вульфа Гергардуса, былъ перенесенъ въ домикъ лѣсничаго, гдѣ мнѣ и оказана была медицинская помощь. Много недѣль прошло, пока я могъ встать съ постели. Во все время болѣзни моей продолжительной, я видѣлъ только лѣсничаго, его жену, да невѣдомаго мнѣ хирурга. Кто въ грудь мою выпалилъ—объ этомъ никто меня не распрашивалъ, и я тоже не сообщалъ никому. Подвергнуть судебному преслѣдованію *сына* герръ Гергардуса и *брата* Катерины—и въ мысляхъ у меня не было, да онъ, какъ полагать надлежитъ, врядъ-ли объ этомъ безпокоился.

Однажды только приходилъ ко мнѣ добрый, старый Дитрихъ. Мнѣ принесъ онъ, по порученію Вульфа, венгерскихъ дукатовъ два свертка — плату за портретъ Катерины. Взялъ я эти деньги, частью ихъ того наслѣдства считая, которое едва-ли Катерина получитъ, когда женою моею сдѣлается. Весьма мнѣ захотѣлось по душѣ съ Дитрихомъ побесѣдовать, но это не удалось, потому что желтая лисья харя хозяина моего въ комнату мою заглядывала поминутно. Узналъ я только, что въ Киль не поѣхалъ Вульфъ, а Катерину съ тѣхъ поръ ни во дворѣ, ни въ саду никто не видалъ... Едва успѣлъ я старика попросить при случаѣ удобномъ передать поклонъ моей фрейлейнѣ и сказать, что въ Голландію скоро собираюсь я отъѣхать и оттуда въ скорости же вернуться. Просьбу мою торжественно обѣщалъ мнѣ Дитрихъ исполнить.

Послѣ этого необузданное нетерпѣніе овладѣло мною и я, не смотря на всѣ доводы хирурга, въ путь тронулся прежде, чѣмъ листья съ деревъ опали. Вскорѣ благополучно я прибылъ въ столицу голландскую, гдѣ съ любовью приняли меня друзья мои. Добрымъ предзнаменованіемъ могъ бы я считать то обстоятельство, что двѣ картины, мною въ Голландіи оставленныя, съ выгодою проданы были, благодаря великодушному посредничеству дорогого учителя моего ванъ-деръ-Гельста. Но это еще не все: одинъ негоціантъ, очень благоволившій ко мнѣ, поручилъ увѣдомить меня, что онъ только и ждетъ моего пріѣзда, чтобы портретъ свой заказать, имѣя намѣреніе послать его своей замужней дочери въ Гаагу, и за портретъ обѣщалъ большое вознагражденіе. Разсчитывалъ я, что если эту работу исполню, то въ рукахъ у меня будетъ денегъ достаточно, чтобы устроить удобное жилище для Катерины.

Ревностно я принялся за труды, а тѣмъ болѣе, что и мой благосклонный кліентъ помысламъ моимъ сочув-

Библиотека "Руниверс"

ствовалъ. Съ радостью видѣлъ я приближеніе дня моего отъѣзда, хотя и вѣдалъ, что тамъ, на родинѣ, мнѣ предстоитъ побѣдить еще множество препятствій.

Предполагаетъ человѣкъ, а Богъ располагаетъ! гласитъ народная пословица, и гласъ ея вѣренъ, потому что мракъ, смертнаго окружающій, непроницаемъ для его умственнаго взора.

Когда портретъ былъ оконченъ и выпало много на долю мою похвалъ и золота, я уже не могъ тогда уѣхать. Во время работы я на слабость свою вниманія не обращалъ: рана, плохо залеченная, снова меня свалила съ ногъ. Подъ самый праздникъ Рождества Христова я захворалъ и на этотъ разъ долѣе прежняго не могъ оправиться. Правда, въ помощи искусныхъ врачей и тщательномъ уходѣ друзей недостатка не было, но я съ ужасомъ видѣлъ, какъ дни за днями текли, а отъ нея не получалось никакой вѣсти, да и о себѣ я ее извѣстить не могъ.

Но вотъ миновала суровая зима. Зюдерзее снова покатило свои зеленыя волны, и до гавани друзья проводили меня. Однако-же не съ веселіемъ въ сердцѣ, а заботой тяжкой удрученный, сѣлъ я на корабль. Путешествіе мое быстро и счастливо совершилось.

На почтовыхъ изъ Гамбурга я отправился до города, а оттуда, какъ и въ прошломъ году, черезъ лѣсъ пѣшкомъ пошелъ. Дерева еще весьма мало зеленѣли; зяблики и подорожники пѣсенку весеннюю свою уже затягивали... Но какое мнѣ до нихъ было дѣло!..

Шаги направилъ я однако-же не къ помѣстью герръ Гергардуса, а—какъ сердце мое не трепетало, въ сторону свернулъ, къ деревнѣ, идя по опушкѣ лѣсной. Въ скорости дошелъ я до корчмы Ганса Оттсена и лицомъ къ лицу повстрѣчался съ самимъ хозяиномъ.

Старикъ странно посмотрѣлъ на меня, но засимъ примѣтивъ, что я имѣю видъ бодрый и здоровый, сказалъ обычное привѣтствіе.

— Вамъ только не слѣдуетъ напредки съ оружіемъ играть, потому что оно на тѣлѣ нашемъ оставляетъ пятно, худшее чѣмъ пятна отъ кисти рисовальной.

Я оставилъ безъ возраженія такое мнѣніе стараго Ганса, ибо, какъ показалось мнѣ, тутъ всѣ полагали такъ, думая, что тогда я поранилъ себя по неосторожности. Я спросилъ о старикѣ Дитрихѣ. И довелось услышать мнѣ, что еще до начала зимы онъ скоропостижно отдалъ свою душу Богу.

— Радуюсь я,—сказалъ Гансъ Оттсенъ,—что Дитрихъ къ старому господину своему переселился—тамъ ему лучше будетъ, нежели тутъ.

— Аминь! вымолвилъ я... О, мой милый, старый Дитрихъ!

Но такъ какъ сердце мое тревожнѣе все билось и вѣсти о Катеринѣ жаждало, то я, издалека рѣчь поведя, заговорилъ робко:

— А что сосѣдъ вашъ ф.-деръ-Ришъ нынѣ подѣлываетъ?

— Ха-ха! Да онъ женился... сказалъ старикъ смѣшливо: жена такая попалась ему, что въ рукахъ держать его съумѣетъ.

Въ первый моментъ я испугался, но тотчасъ-же сообразилъ, что такими словами Гансъ не говорилъ бы о Катеринѣ... Когда-же имя жены Курта онъ произнесъ, то и припомнилъ я, что то была не молодая уже фрейлейнъ, но богатая—дочь одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Въ виду этого я уже похрабрѣе спросилъ, что творится въ домѣ покойнаго герръ Гергардуса и какъ фрейлейнъ и баронъ Вульфъ поживаютъ?

При этомъ вопросѣ старикъ снова съ недовѣріемъ оглянулъ меня и промолвилъ:

— Вы, должно быть, полагаете, что башни старыя и стѣны языка не имѣютъ и говорить не могутъ?

— Что́ ваши слова означаютъ!? воскликнулъ я, чувствуя однако-же, что слова Ганса легли тяжелымъ бременемъ мнѣ на сердце.

— Ну, герръ Іоаннъ (онъ какъ-то особливо, многозначительно поглядѣлъ мнѣ въ глаза), вамъ лучше всѣхъ вѣдомо быть должно, куда дѣвалась фрейлейнъ!.. Вѣдь вы осенью-то прошлой тутъ не въ *послѣдній* разъ были... Меня только то дивитъ, зачѣмъ вы въ эти мѣста нонѣ пожаловали? Вѣдь баронъ Вульфъ,—разсуждаю я,—не весьма хорошо шутку вашу принялъ...

Посмотрѣлъ и я на старика... Показалось мнѣ, что самъ я въ умѣ повредился, но тутъ мысль внезапная меня озарила и я вскричалъ:

— Несчастный! Вѣдь не думаете же вы, что фрейлейнъ Катерина супругою моею сдѣлалась?!.

— Ну... ну, выпустите меня! просилъ онъ въ то время, когда я трясъ его за плечи... Какое мнѣ дѣло до этого?.. Всѣ говорятъ такъ... Какъ бы ни было тамъ, но съ новаго года не видать стало въ замкѣ фрейлейнъ Катерины.

И я клялся ему, что въ то время, бывъ боленъ, лежалъ въ Голландіи и ничего не вѣдаю.

Повѣрилъ-ли Гансъ словамъ моимъ—этого не знаю, но вотъ что сообщилъ онъ мнѣ: о ту пору, ночью, таинственно въ замокъ прибылъ неизвѣстный человѣкъ духовнаго званія, и хотя тетка Урсула весьма рано по комнатамъ всю челядь разогнала, однако-же одна изъ служанокъ въ щель дверную стала подсматривать. И служанка эта увѣряетъ, что *меня* примѣтила, когда я черезъ сѣни къ лѣстницѣ проходилъ, а засимъ и всѣ слышали, какъ колымага изъ воротъ выѣхала... Съ той самой ночи живутъ въ замкѣ только тетка Урсула да баронъ Вульфъ.

Не стану я разсказывать о непрерывныхъ и всегда тщетныхъ поискахъ моихъ... Я не только Катерины не отыскалъ, но даже не напалъ и на ея слѣдъ. Въ деревнѣ же только безсмыслицу могъ услышать на подобіе той, какою угостилъ меня Гансъ Оттсенъ, а поэтому, минуты не теряя, я отправился въ монастырь къ сестрѣ герръ Гергардуса. Дама эта однако-же къ себѣ меня допустить не соизволила, впрочемъ сказали мнѣ, что въ монастырь къ ней никакая молодая фрейлейнъ не пріѣзжала.

И тогда я обратно поѣхалъ и до того унизился, что въ домъ ф.-деръ-Риша отправился и, въ качествѣ просителя, явился къ стародавнему врагу моему. Сказалъ онъ мнѣ съ насмѣшкою, что сова, можетъ статься, птичку унесла, а что онъ ее не караулилъ и вообще всяческія сношенія съ домомъ Вульфа прервалъ.

Баронъ-же Вульфъ, о моемъ прибытіи свѣдавъ, въ корчму Ганса Оттсена послалъ сказать, что ежели я явиться къ нему, барону, дерзну, то онъ опять псовъ на меня натравитъ...

Пошелъ я тогда въ лѣсъ, зная, что въ немъ рыскать Вульфъ любитъ и, подобно разбойнику, сталъ его тамъ поджидать. И съ нимъ повстрѣчался я, причемъ до обнаженія шпагъ дѣло дошло. Дрались мы до тѣхъ поръ, пока я въ руку его не поранилъ и шпаги не выбилъ. Злыми глазами своими поглядѣлъ онъ на меня, но ни единаго слова не вымолвилъ...

И вотъ я прибылъ въ Гамбургъ на довольно долгое время и сталъ производить издали тайные розыски о Катеринѣ... Но все было тщетно!

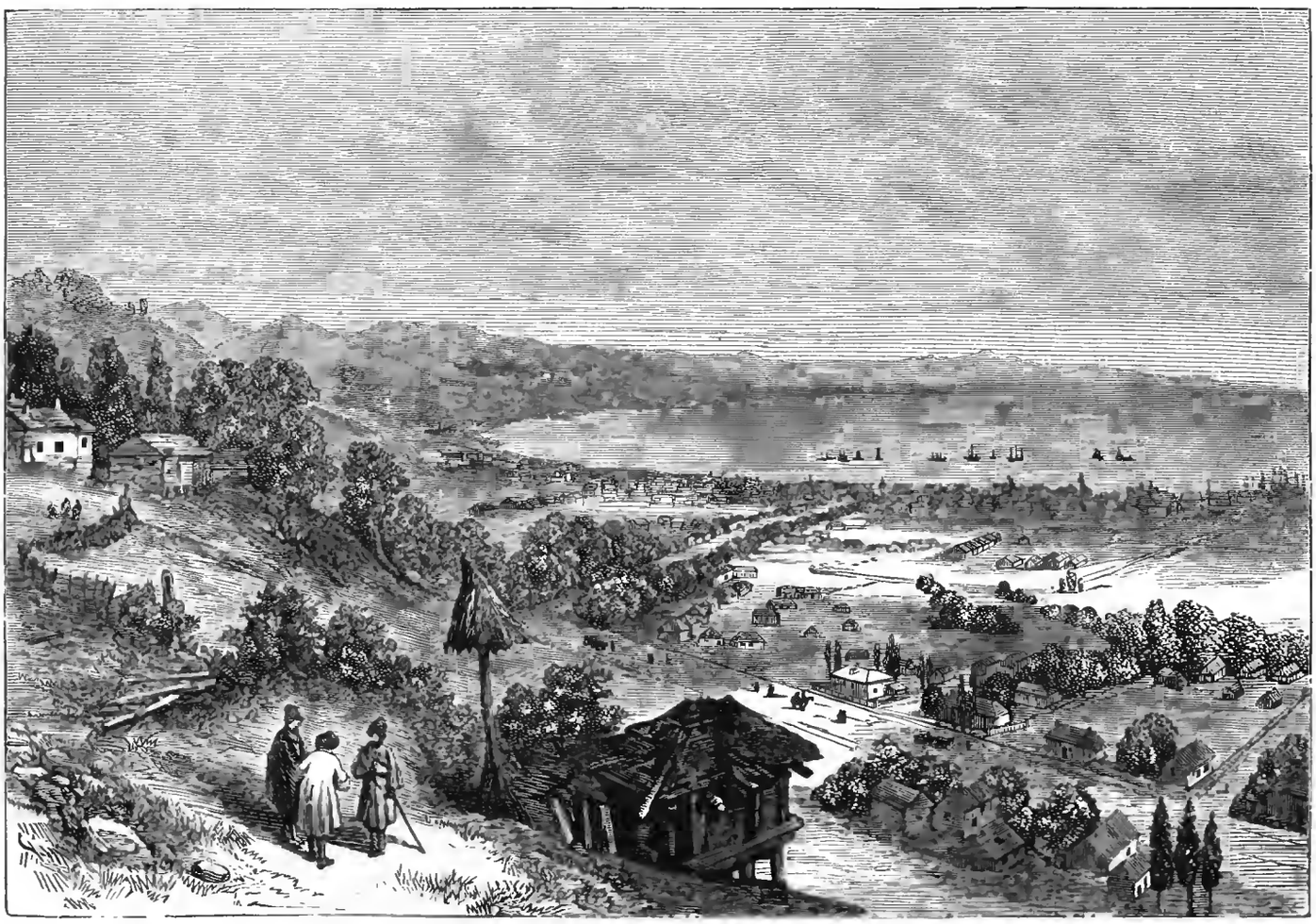
* * *

Въ этотъ моментъ перо мое въ сторону отлагаю. Твое письмо, милый Іосія, передо мною лежитъ: зовешь ты меня крестить дочку свою—моей любезной покойной сестры внучку. На пути къ вамъ я буду мимо лѣса проѣзжать, который стоитъ за домомъ Гергардуса... О томъ припомнилось мнѣ, что ко временамъ давно минувшимъ относится...

Тутъ оканчивается первая тетрадь рукописи. Герръ

Библиотека "Руниверс"

Общій видъ города Эрзерума. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.



Общій видъ города Сухумъ-Кале. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Турецкая стража. Оригинальный рисунокъ П. Каразина, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Іоаннъ, конечно, былъ въ домѣ „милаго Іоссіи", гдѣ и крестилъ внучку свою и, можетъ быть, тамъ на его долю выпало нѣсколько веселыхъ, отрадныхъ часовъ, облегчившихъ его сердце.

Я глядѣлъ на старинный портретъ и былъ увѣренъ, что этотъ величавый старикъ—самъ герръ Гергардусъ. Но чей-же былъ мертвый мальчикъ, трупъ котораго мейстеръ Іоаннъ положилъ на руки старику?.. Въ раздумьѣ взялъ я вторую и послѣднюю тетрадку стараго манускрипта... Почеркъ хотя былъ тотъ же, но уже не такой твердый.

Герръ Іоаннъ началъ вторую тетрадь словами:

„Подобно исчезновенію дыма и пыли
Исчезаютъ и сыны человѣческіе".

Камень, въ которомъ были высѣчены эти слова, былъ вдѣланъ надъ дверью одного стараго дома, поясняетъ художникъ и повѣствуетъ далѣе такъ:

„Каждый разъ, какъ мимо (дома) проходилъ я, взоръ мой на эту надпись невольно устремлялся. Когда же, осенью прошлою домъ древній тотъ сломали, выискалъ я изъ груды развалинъ этотъ камень, и нынѣ онъ красуется надъ дверью дома моего. Пусть онъ и по смерти моей о ничтожествѣ всего земного прохожимъ напоминаетъ. Для меня же этотъ камень напоминовеніемъ служитъ того, что прежде чѣмъ и мой часъ пробьетъ—долженъ я описаніе жизни своей окончить. Тебѣ, сынъ сестры моей любезной, тебѣ, долженствующему въ скоромъ времени, какъ наслѣднику, сдѣлаться владѣльцемъ всего имущества моего—завѣщаю я и повѣсть о скорбной моей жизни. Пока же я живъ—никому, даже тебѣ, хотя горячо люблю тебя, страданій моихъ не хочу повѣрить".

Герръ Іоаннъ разсказываетъ далѣе, что въ первый разъ—„anno 1666"—пріѣхалъ въ этотъ городокъ на берегу Нѣмецкаго моря. Одна богатая женщина, вдова винокура, заказала ему нарисовать „Воскресеніе Лазаря" въ память мужа своего, имѣя намѣреніе этою картиной украсить мѣстную церковь. Художникъ имѣлъ и другой заказъ: бургомистръ герръ Титусъ Аксенъ, котораго онъ знавалъ еще въ Гамбургѣ, пожелалъ имѣть свой портретъ работы герръ Іоанна. Такимъ образомъ живописцу предстояло надолго остаться въ этомъ городкѣ. Квартировалъ онъ у своего старшаго и единственнаго брата холостяка, который уже много лѣтъ занималъ должность „градскаго секретаря". Домъ, гдѣ жилъ братъ художника, и былъ тотъ самый, „съ двумя липами", что стоялъ на углу Торговой улицы, выходящей на базарную площадь.

Послѣ смерти „градскаго секретаря", домъ перешелъ по наслѣдству къ герръ Іоанну, который и доживалъ въ немъ дни свои, „часа своего ожидая и соединенія съ дорогими сердцу, въ вѣчность уже отошедшими".

Мастерскую свою живописецъ устроилъ въ просторномъ мезонинѣ дома вдовы винокура и принялся изображать „Воскресеніе Лазаря".

Однажды утромъ герръ Іоанну что-то не работалось и онъ, оставивъ мезонинъ, пошелъ домой. Очутившись въ комнаткѣ своей, подсѣлъ къ окошку и сталъ глядѣть на базарную площадь. Такъ какъ былъ четвергъ, слѣдовательно, день базарный, то на площади было весьма людно и шумно. Около возовъ толпились женщины, щеголяя своими красными юбками, а на возахъ важно сидѣли крестьяне въ желтыхъ кожаныхъ штанахъ. Эта пестрая, движущаяся картина мало однако занимала молодого художника, ибо „тяжелое душевное настроеніе было тому помѣхою". Но на этотъ разъ не раскаяніе, часто посѣщавшее герръ Іоанна, мучило его,—какое-то „страстное томленіе" все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало имъ... Передъ нимъ была оживленная, ярко залитая солнцемъ площадь, а ему мерещилась лунная ночь... плющъ съ серебристымъ отблескомъ... Онъ видѣлъ зубчатые фронтоны замка, слышалъ, какъ надъ его головой отворилось окно.... чу! соловьиная трель..

Вдругъ, подъ окномъ, чей-то суровый голосъ произнесъ имя живописца. Взглянувъ изъ окна герръ Іоаннъ увидѣлъ высокаго, худощаваго человѣка въ обыкновенномъ костюмѣ пастора. Мрачная физіономія незнакомца, густые черные волосы и рѣзко-очерченныя брови его напоминали скорѣе браваго воина, чѣмъ смиреннаго священника. Пасторъ былъ не одинъ: рядомъ съ нимъ стоялъ небольшого роста человѣкъ, съ виду крестьянинъ, хотя и у него были черные шерстяные чулки и башмаки съ пряжками. Сказавъ что-то этому человѣку и указавъ ему палкой на дверь дома „градскаго секретаря", пасторъ повернулся и скрылся въ базарной толпѣ. Внизу постучались, и герръ Іоаннъ, отворивъ дверь, пригласилъ незнакомца войти въ пріемную. Усѣвшись на стулѣ, человѣкъ этотъ принялся внимательно разсматривать художника. Оказалось, что это былъ завѣдывающій хозяйственною частью въ церкви сосѣдней деревни, лежащей къ сѣверу отъ города. Онъ объявилъ живописцу, что нуженъ *имъ* портретныхъ дѣлъ мастеръ, такъ какъ они желаютъ имѣть портретъ своего пастора для украшенія церкви.

Герръ Іоаннъ полюбопытствовалъ узнать, какія такія важныя услуги оказалъ пасторъ общинѣ, которая хочетъ такъ почтить его? Онъ вѣдь еще не очень старъ, значитъ—пастырствуетъ не особенно долго? Пришедшій отвѣтилъ, что, дѣйствительно, имъ неизвѣстно ничего о заслугахъ этого пастора... Впрочемъ, однажды онъ завелъ процессъ съ общиной изъ-за куска земли... Нуда дѣло въ томъ, прибавилъ онъ, что такъ какъ у насъ въ церкви висятъ уже портреты трехъ пасторовъ, а мы слыхали, что мастеръ вы хорошій, искусный, то вотъ и захотѣли воспользоваться случаемъ—заказать написать портретъ съ четвертаго пастора... Для порядка, значитъ. А самъ-то пасторъ касательно этого мало интересуется.

Герръ Іоаннъ, желая на время оставить картину „Воскресеніе Лазаря" (бургомистръ былъ боленъ, съ него нельзя было снимать портретъ), ухватился за этотъ новый заказъ и спросилъ относительно условій. Хотя плата обѣщана была весьма умѣренная и не стоило-бы принимать подобнаго заказа, художникъ однакоже, согласился на предложеніе съ условіемъ, что портретъ этотъ онъ будетъ рисовать на мѣстѣ, т. е. въ деревнѣ, ибо въ этомъ домѣ нѣтъ подходящей комнаты.

Герръ Іоанну вдругъ показалось весьма заманчивымъ совершать ежедневно утреннія прогулки за городъ и обратно, а деревня отстояла отъ городка на часъ ходьбы. Осень была отличная.

Пасторъ съ своей стороны то же требовалъ, чтобы портретъ съ него снимали въ деревнѣ. Для этого назначили классную комнату въ церковномъ домѣ, а домъ этотъ стоитъ неподалеку отъ пастората, такъ что пастору придется переходить черезъ одинъ выгонъ. Школьники, на время сеанса, будутъ отсылаться по домамъ.

Тутъ „портретныхъ дѣлъ мастеръ" и завѣдывающій хозяйствомъ церкви разстались, пожавъ другъ другу руку. Предосмотрительный экономъ захватилъ съ собою мѣрку портрета, поэтому герръ Іоаннъ въ тотъ же день, послѣ обѣда, могъ отправить въ деревню на пасторской подводѣ всѣ принадлежности своего „благороднаго" ремесла: полотно, краски, кисти и пр.

Когда братъ герръ Іоанна вернулся изъ должности, художникъ сообщилъ ему о новомъ заказѣ. Градской секретарь замѣтилъ, что пасторъ этотъ—довольно оригинальная личность и посовѣтовалъ брату захватить съ собою побольше черной и красно-бурой краски.... чтобы удачнѣе изобразить физіономію этого человѣка. Іоаннъ узналъ также отъ брата, что деревенскій пасторъ прибылъ въ эти края вмѣстѣ съ бранденбург-

Библиотека "Руниверс"

скими войсками, въ качествѣ полкового священника, и что въ то время сей военный пастырь кутилъ, пожалуй, получше самихъ офицеровъ, но потомъ перемѣнился, а теперь сталъ ревностнымъ служителемъ церкви и славнымъ „управляющимъ“ относительно крестьянъ. Градской секретарь прибавилъ еще, что пасторъ мѣстомъ своимъ при деревенской церкви обязанъ ходатайству какого-то дворянина изъ Голштиніи, что онъ слышалъ это отъ монастырскаго архидіакона, а подробности дѣла не знаетъ, да онѣ его и не интересуютъ.

На другой день, утромъ (солнце такъ ярко свѣтило), герръ Іоаннъ бодро зашагалъ по пустырю, поросшему кустарникомъ, который—увы, уже не имѣлъ зеленой листвы. Подвигаясь впередъ, живописецъ наконецъ увидѣлъ вдали колокольню деревенской церкви, а потомъ уже могъ даже разглядывать, что она была сложена изъ гранитныхъ плитъ. Группа домиковъ съ потемнѣвшими соломенными крышами окружала церковь.

Когда герръ Іоаннъ подходилъ къ церковному дому навстрѣчу къ нему высыпала веселая ватага ребятишекъ, а за нею вышелъ и самъ экономъ.

— Глядите-ка,—воскликнулъ онъ,—какъ эти мальчуганы весело отъ книжки удираютъ! Одинъ изъ нихъ завидѣлъ васъ—ну, всѣ и обрадовались, зная, что ихъ выгонятъ изъ классной!

Тутъ подошелъ герръ пасторъ. Въ немъ художникъ узналъ того самаго человѣка, который наканунѣ былъ у его дома, съ экономомъ. Но сегодня мрачная физіономія бывшаго полкового попа казалась какъ будто-бы свѣтлѣе. Онъ велъ за руку прелестнаго блѣднолицаго мальчика лѣтъ трехъ-четырехъ. Рядомъ съ высокой, коренастой фигурой священника ребенокъ казался просто куколкой.

Такъ какъ художникъ пожелалъ видѣть портреты прежнихъ пасторовъ, то его и пригласили отправиться въ церковь. Церковь эта была построена на возвышенномъ мѣстѣ и видъ отсюда открывался довольно обширный, хотя и однообразный: низменныя равнины, пустыри и только лишь вдали, на западѣ, чуть поблескивала полоска—тамъ было море.

— А вонъ, видите тамъ мысокъ,—заговорилъ кистеръ,—вонъ тамъ—неподалеку отъ того островка? Тамъ стоялъ когда-то домъ моего отца... Но въ 1634 году, во время большого наводненія, его унесло въ море вмѣстѣ съ сотнею другихъ жилищъ. Я уцѣпился за крышу, а потомъ меня выбросило на берегъ... Отецъ же и братъ мой погибли.

Мальчикъ, который уже былъ на рукахъ пастора, крѣпко обвилъ рученками его шею и прижался нѣжнымъ личикомъ къ черному бородатому лицу священника, какъ-бы ища защиты отъ грозныхъ волнъ безпредѣльнаго моря, поблескивавшаго вдали.

Вступивъ въ церковь, художникъ осмотрѣлъ старые портреты и увидѣлъ, что эта живопись—произведеніе кисти маляра, а не артиста, и подумалъ: работа ученика ванъ-деръ Гельста будетъ красоваться рядомъ съ подобными грошевыми портретами!...

Въ эту минуту суровый голосъ пастора произнесъ:

— Я противъ того, чтобы изображеніе бреннаго тѣла, праха—оставалось послѣ отлета души... Но я не хотѣлъ идти наперекоръ желанію общины, а потому прошу васъ, мастеръ, снять портретъ съ меня поскорѣе: время для меня дорого, я не могу тратить его на подобные пустяки.

Герръ Іоаннъ, которому физіономія этого мрачнаго пастыря понравилась, обѣщалъ не тянуть дѣла и тутъ же спросилъ о рѣзномъ изображеніи Дѣвы Маріи (братъ расхвалилъ ему это произведеніе).

Пасторъ улыбнулся почти презрительно и отвѣтилъ:

— Вы слишкомъ поздно явились сюда. Это рѣзное изображеніе разбилось въ куски, когда его выносили отсюда... Я приказалъ удалить его изъ церкви.

Художникъ посмотрѣлъ на пастора съ нѣкоторымъ испугомъ и проговорилъ:

— Вы не потерпѣли въ вашей церкви изображенія Матери Спасителя...

— Черты Ея лица никто не оставилъ намъ, мы не знаемъ ихъ.

— Хорошо, но развѣ вы не допускаете мысли о силѣ творчества? Развѣ искусство не можетъ создать образъ Дѣвы Маріи? Кисть или рѣзецъ въ рукѣ вдохновленнаго художника дѣлаетъ чудеса.

Пасторъ мрачно поглядѣлъ на живописца, и немного помолчавъ, сталъ запальчиво говорить въ духѣ протестантизма.—Молитесь и будьте на стражѣ, бодрствуйте! Ибо сатана и здѣсь рыщетъ изъ дома въ домъ... Искусство всегда мирволило земному, любезничало съ міромъ!..

Во время этой рѣчи глаза лютеранскаго пастора горѣли мрачнымъ огнемъ, но рука его нѣжно гладила головку блѣднолицаго мальчика.

Герръ Іоаннъ, засмотрѣвшись на ребенка, ничего не отвѣтилъ священнику, а затѣмъ всѣ они вышли изъ церкви и отправились въ домъ кистера. „Пора и за дѣло было приняться (пишетъ авторъ рукописи), поелику хотѣлось мнѣ благородное искусство мое попытать на противникѣ его“.

Почти ежедневно утромъ отправлялся герръ Іоаннъ въ деревню и всегда находилъ пастора въ жилищѣ эконома. Они мало разговаривали, за то работа подвигалась быстро впередъ. Экономъ обыкновенно сидѣлъ тутъ же и старательно вырѣзывалъ изъ дубоваго дерева разныя вещицы. „Въ сихъ мѣстахъ (замѣчаетъ мастеръ Іоаннъ) всѣ работами рѣзными занимаются. Ящичекъ, надъ коимъ тогда экономъ трудился, купилъ я у него, и много лѣтъ тому назадъ положилъ въ него листы *первые* записокъ сихъ... Питаю надежду, что съ помощію Божіею и *послѣдніе* въ него вложу“.

Пасторъ не приглашалъ къ себѣ художника, который и самъ не заходилъ къ нему. Мальчикъ всегда сопровождалъ отца и, во время сеансовъ, или стоялъ прижавшись къ его колѣнямъ, или игралъ на полу съ дубовыми деревяшками.

Однажды какъ-то живописецъ спросилъ ребенка, какъ его зовутъ, и получилъ въ отвѣтъ: „Іоанномъ“.

— Іоанномъ? Такъ и меня зовутъ...

Мальчикъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ, но ничего больше не сказалъ.

„Почему взоръ ребенка сего въ глубину души моей проникалъ?“ спрашиваетъ герръ Іоаннъ и пишетъ далѣе:

„И случилось однажды такъ, что взглядъ мрачный пастора меня уловилъ въ тотъ моментъ, когда я о семъ размышляя, праздно кисть свою на палитрѣ держалъ... Въ выраженіи лица этого ребенка нѣчто особенное было, нѣчто такое, чего еще жизнь малая его на черты напечатлѣть не могла, и выраженіе то было невеселое... Такъ, думалось мнѣ, должно смотрѣть такое только дитя, которое выношено подъ скорбящимъ сердцемъ. И часто у меня было желаніе младенца обнять, но тотъ суровый человѣкъ пугалъ: онъ, повидимому, надъ мальчикомъ, какъ надъ сокровищемъ дрожалъ. Часто также спрашивалъ я себя: какова мать этого мальчика?.. Однажды старухѣ-служанкѣ кистеровой вопросъ я задалъ о женѣ пастора, но старуха кротко отвѣчала мнѣ: „Не знаемъ мы ея. Она къ крестьянамъ не жалуетъ ходить, развѣ что на крестины, либо на свадьбу придетъ“... Самъ же пасторъ о женѣ своей никогда слова не молвилъ. Однакоже изъ сада церковнаго дома разъ я примѣтилъ ее — медленно шла она къ дому своему черезъ выгонъ, но лица ея видѣть не могъ, потому что она шла въ противополож-

Библиотека "Руниверс"

ную отъ меня сторону. Только стройный станъ женщины молодой, да кудри ея, по вѣтру развѣвавшіеся, примѣтилъ я... Такую прическу во время то носили лишь дамы благороднаго происхожденія, либо знатнаго рода. И тутъ образъ ея мрачнаго супруга предсталъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ и невольно подумалъ я: чета эта другъ другу не соотвѣтствуетъ"...

Въ тѣ дни, когда художникъ не ходилъ въ деревню, работалъ онъ надъ картиной „Воскресеніе Лазаря", такимъ образомъ та и другая работа все таки двигались впередъ, что радовало его.

Однажды вечеромъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, герръ Іоаннъ и братъ его сидѣли у окна въ одной изъ комнатъ нижняго этажа. Было около одиннадцати часовъ. Свѣча почти уже догорѣла. Братья вели тихую бесѣду о быломъ, вспоминали о жизни подъ отчей кровлей и о преждевременной утратѣ единственной своей сестры, которая (давно уже это было) умерла вскорѣ по выходѣ замужъ. Оконные ставни не были закрыты, и оба брата любовались темнымъ, звѣзднымъ небомъ.

Наконецъ пріумолкли мы и думамъ отдались (пишетъ герръ Іоаннъ), и тутъ мысли мои устремились мрачнымъ потокомъ къ *той*, съ которою мысленно я не разлучался никогда... Внезапно мысль одна, точно лучъ свѣта незримаго, душу мою озарила: *вѣдь чи этого прекраснаго, блѣдно-лицаго мальчика — были ея очи!* И какъ же я таковой случайности не примѣтилъ ранѣе?!. Ну, а ежели тамъ, на выгонѣ, видѣлъ я ее, Катерину мою, шедшую къ дому? Отъ разныхъ, ужасающаго свойства, представленій помутилось въ головѣ моей...

Тутъ братъ коснулся плеча моего и на темную площадь базарную указалъ, на коей въ этотъ моментъ огонечки яркіе замелькали.

— Погляди-ка, — промолвилъ онъ,—вѣдь толпа со свадьбы литейщика возвращается! По факеламъ примѣтить можно, что несущіе ихъ едва держатся на ногахъ.

И точно, огонечки пляшущіе свидѣтельствовали о томъ, что пирушка свадебная была изрядно веселая. Когда толпа мимо окна нашего шествовала, дабы войдти въ Торговую улицу, услышалъ я, какъ кто-то сказалъ: „Э, братъ, конечно! То діаволъ штуку скверную съ нами сыгралъ! А мнѣ давно послушать желалось, каково-то заправская колдунья стала бы на кострѣ, среди пламени, распѣвать!..

Веселая компанія, освѣщенная факелами, скрылась, и въ городкѣ снова воцарились тишина и мракъ.

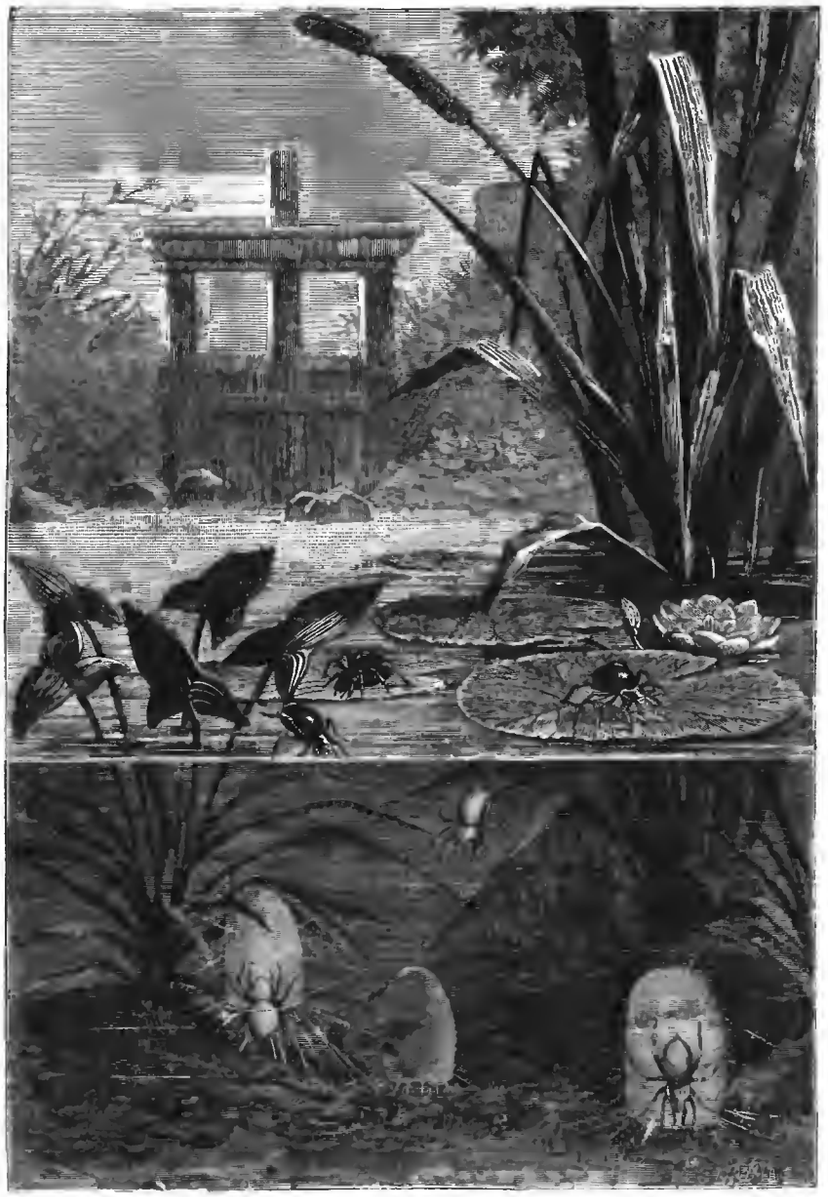
— Увы! вздохнулъ братъ мой,—не только этого человѣка, но и компанію его, то печалитъ, что меня радуетъ!...

Тутъ лишь припомнилось мнѣ, что на утро слѣдующаго дня въ городкѣ этомъ предстояло страшное зрѣлище... То правда, что персона молодая, которую, будто бы за доказанную связь ея съ сатаною, на сожженіе обрекли, найдена была нынѣ утромъ мертвою въ темницѣ своей, тѣмъ не менѣе постановлено было казнь эту учинить надъ трупомъ покойницы.

Смерть несчастной жертвы невѣжества и суевѣрія обманула ожиданіе горожанъ. Когда сегодня утромъ герръ Іоаннъ зашелъ за газетнымъ листкомъ въ книжную лавочку вдовы Гертруды (лавочка находилась въ нижнемъ этажѣ церковной башни), вдова Гертруда стала горько жаловаться ему, что вотъ „пѣснь", которую она заказала сочинить по случаю публичнаго сожженія колдуньи — теперь оказывается совсѣмъ *неподходящей*, а вѣдь она, вдова, велѣла напечатать эту „пѣснь"... „Ну, и несу убытокъ!"... заключила Гертруда...

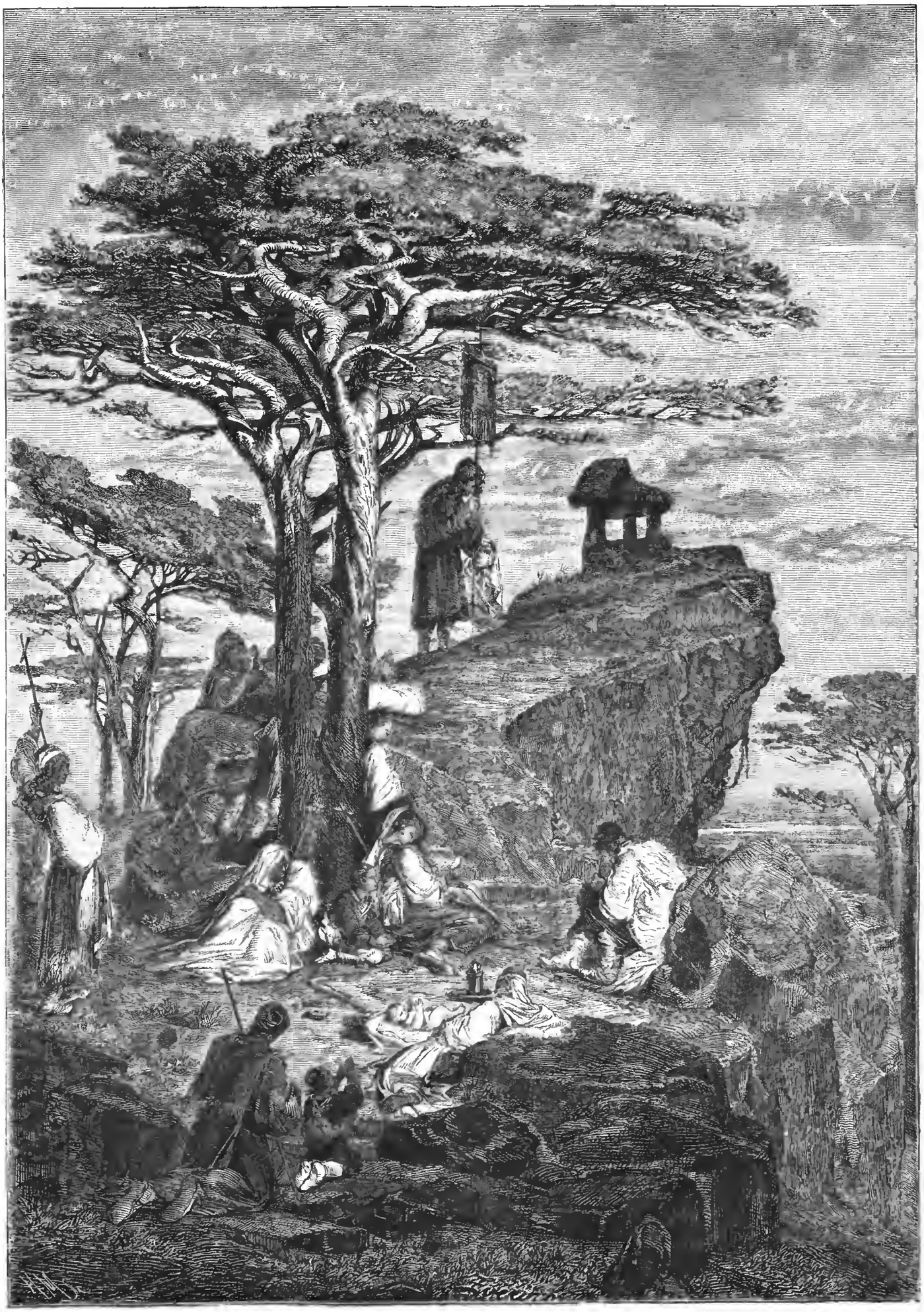
„Я же и дорогой братъ мой (замѣчаетъ герръ Іоаннъ) собственныя мысли свои касательно колдованія и вѣдьмъ имѣли, а потому и радовались мы, что Господь Богъ милосердый, эту несчастную, молодую персону отозвавъ къ Себѣ, тѣмъ самымъ избавилъ ее отъ смерти мучительной".

Городской секретарь, имѣвшій доброе, чувствительное сердце, сталъ жаловаться брату на тяготу своихъ служебныхъ обязанностей. Ему, какъ секретарю при ратушѣ, предстояло прочесть во всеуслышаніе судебный приговоръ (въ то время, когда палачъ подвезетъ къ крыльцу ратуши трупъ *колдуньи*), а затѣмъ присутствовать при совершеніи казни.



Водяной паукъ Argironeta aquatica) и его подводное жилище.
Рис. Лапланъ, грав. Факи.

Библиотека "Руниверс"



Богомольцы въ Албаніи. Рис. Профессоръ Ф. Звѣринъ, грав. Михайловъ.

Библиотека "Руниверс"

— У меня,—сказалъ онъ,—и теперь уже, при одной мысли, какъ толпа недовольная станетъ бушевать—сердце надрывается! Вѣдь всѣ эти ученики цеховыхъ мастеровъ и школьники будутъ освобождены отъ занятій на это утро... Большая толпа соберется! Я бы на твоемъ мѣстѣ—а ты вѣдь вольный человѣкъ, прибавилъ секретарь,—ушелъ бы на это время туда, въ деревню, и рисовалъ бы тамъ портретъ черномазаго пастора!

„Не смотря, однако-же, на уговоръ мой съ пасторомъ (такъ пишетъ художникъ), которому сказалъ я, что только послѣ завтра приду портретъ рисовать,—удалось брату моему меня уговорить отправиться утромъ слѣдующаго дня въ деревню. Уговаривая меня, братъ и подозрѣнія не имѣлъ, что собственную нетерпѣливость мою подстрекаетъ... И, такимъ образомъ, то совершилось, чему предопредѣлено было совершиться и о чемъ я на страницахъ нижеслѣдующихъ записалъ правдиво".

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Эрзерумъ.

Эрзерумъ, иначе Арзерумъ, расположенъ въ углу некрасивой долины, окруженной снѣжными вершинами. Городъ стоитъ на возвышеніи, на скатѣ горы; видъ его мрачный, дома мизерны; улицы кривы, грязны, немощены, шириною всего въ нѣсколько ярдовъ, такъ что человѣкъ, шагая по плоскимъ крышамъ домовъ, легко можетъ пройти съ одного конца города до другого. Тѣмъ не менѣе Эрзерумъ столица Малой Азіи, съ 60,000 населеніемъ изъ турокъ и армянъ, средоточіе большого торговаго пути изъ Тавриза въ Константинополь и главное складочное мѣсто товаровъ, привозимыхъ изъ лучшихъ городовъ Турціи. Крѣпость Эрзерумская съ двойными стѣнами, окружена широкимъ и глубокимъ рвомъ. Предмѣстья города также окружены валомъ и рвами. Точное время постройки Эрзерума неизвѣстно, но несомнѣнно, что 1,500 лѣтъ тому назадъ, Ѳеодосій, укрѣпивъ Эрзерумъ большимъ фортомъ, сдѣлалъ его столицей Арменіи, и что въ 632 году патріархъ Эзра сзывалъ здѣсь соборъ по приказанію императора Ираклія. Со всѣмъ тѣмъ, мѣсто это классическое и пыль равнины, лежащей позади укрѣпленій, была вздымаема ногами знаменитыхъ 10,000, которые подъ предводительствомъ Ксенофонта, обнаружили предъ міромъ слабость Персіи. Существуетъ преданіе, будто дезертирами изъ арміи Ксенофонта построено одно изъ сосѣднихъ селеній, жители котораго и понынѣ говорятъ на болѣе чистомъ греческомъ языкѣ, чѣмъ любые изъ представителей этой націи, поселившіеся въ этой мѣстности.

Эрзерумъ открываетъ собою прямой путь къ берегамъ Босфора, и потому во всѣхъ нашихъ войнахъ съ турками занятіе Эрзерума всегда составляло главную нашу цѣль на азіатскомъ театрѣ войны. Паденіе его можетъ имѣть большое значеніе въ ходѣ войны и отсюда понятно то вниманіе, съ какимъ заграничная печать слѣдитъ за результатами нашихъ наступленій на этотъ городъ.

Однако же, какъ говорятъ очевидцы, въ данное время въ Эрзерумѣ ничто не напоминаетъ о томъ, чтобы городъ служилъ операціоннымъ базисомъ войны и незамѣтно никакого движенія по дорогѣ, ведущей къ главной квартирѣ Мухтаранаши. Неисправляемая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, дорога отъ Трапезунда до Эрзерума испорчена такъ, что полевыя орудія приходится тащить людьми изъ окрестныхъ деревень, которыхъ турки принуждаютъ къ тому силою. Разсказываютъ, что до трехъ сотъ крупповскихъ пушекъ и множество телѣгъ съ амуниціей и снарядами заброшено въ пути по невозможности ихъ вытащить изъ грязи и выбоинъ. Встрѣчаются толпы оборванныхъ солдатъ, вмѣстѣ съ черкесами и башибузуками, всѣ громко жалующіеся на нищету и голодъ. Нѣкоторымъ солдатамъ жалованья не платили уже цѣлый годъ. Жители Эрзерума недовольны постоемъ солдатъ въ ихъ домахъ. Цѣны на провизію съ каждымъ днемъ увеличиваются. Таково положеніе этой мѣстности и говорятъ, что мусульманское населеніе, отказываясь служить туркамъ, съ радостью оказываетъ услуги русскимъ, щедро расплачивающимся за все сдѣланное имъ. Такъ, видѣли мусульманъ, тащившихъ русскія пушки и доставлявшихъ провизію въ русскій лагерь. Изъ всего этого можно заключить, что осада Эрзерума не будетъ такова, чтобы занять мѣсто въ числѣ трудныхъ осадъ настоящаго времени.

Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, турки, послѣ взятія Баязета русскими войсками, дѣлаютъ всѣ усилія для того, чтобы привести Эрзерумъ въ возможно лучшее оборонительное положеніе. Горе Эрзеруму и его обитателямъ, если русская артиллерія, которую даже турецкіе офицеры считаютъ далеко лучшей ихъ артиллеріи, начнетъ бомбардировать городъ. Эрзерумъ, не смотря на то, что считается столицей Малой Азіи, есть ничто иное, какъ громадная куча деревянныхъ домовъ и хижинъ, въ окнахъ которыхъ вмѣсто стеколъ—масляная бумага. При бомбардированіи городъ въ первый же день будетъ сожженъ. Понятно поэтому, съ какимъ чувствомъ жители Эрзерума, безъ различія религіи и національности, ожидаютъ дальнѣйшаго хода событій, особенно послѣ паденія Баязета и Ардагана. Нужно замѣтить, что мусульмане, прибывшіе въ Эрзерумъ изъ Баязета и другихъ занятыхъ русскими мѣстъ, относятся въ высшей степени лестно о дисциплинѣ русскихъ войскъ и объ ихъ обращеніи съ мѣстными жителями. Наиболѣе сильное впечатлѣніе произвело на мусульманскихъ жителей извѣстіе, что русскіе, занявъ Баязетъ, поставили во главѣ введеннаго ими тамъ управленія мусульманскаго каймакама Шерифъ-Шивича-Оглу-эффенди. Если же таково настроеніе мусульманъ, то каковы должны быть чувства 200,000 христіанскаго населенія вилайэта? По крайней мѣрѣ армяне, составляющіе треть всего населенія Эрзерума, не скрываютъ своей симпатіи къ Россіи. Дѣло въ этомъ отношеніи дошло уже до того, что турецкія власти нашли нужнымъ обсуждать вопросъ, не лучше ли будетъ, въ виду возможности осады Эрзерума, удалить христіанскихъ жителей этого города въ Ванскій и Мушскій округа и прибѣгнуть для этого, въ случаѣ надобности, даже къ силѣ. Наиболѣе зажиточная часть христіанъ уже покинула, впрочемъ, Эрзерумъ, опасаясь бомбардировки; остались только болѣе бѣдные жители, которые, по мнѣнію генералъ-губернатора, и окажутся въ городѣ весьма некстати во время осады. На рѣшеніе участи Эрзерума окажетъ также весьма важное вліяніе незначительность находящагося тамъ гарнизона и доставка провіанта. По извѣстіямъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, въ Эрзерумѣ находится провіанта только на 90 дней, да и то лишь для 1,500 человѣкъ; численность же гарнизона, включая и артиллерію, доходитъ до 4 тысячъ человѣкъ. Изъ этого видно, что для взятія Эрзерума достаточно будетъ блокировать его. Съ паденіемъ же Эрзерума будетъ рѣшена и участь эрзерумскаго вилайэта и вся Арменія будетъ тогда потеряна для турокъ.

Сухумъ-Кале.

У подножія горнаго отрога, окружающаго съ трехъ сторонъ равнину, омываемую съ четвертой стороны водами Чернаго моря, расположенъ городъ Сухумъ-Кале.

Самый городъ имѣетъ чрезвычайно красивый видъ; вдоль всего города идетъ шоссе съ окаймляющими его по обѣимъ сторонамъ бульварами. Ботаническій садъ въ Сухумѣ устроенъ по проэкту генерала Раевскаго для разведенія лучшихъ виноградниковъ, фруктовыхъ деревьевъ и тропическихъ растеній. Рейдъ Сухумъ-Кале, обширный, глубокій, никогда не замерзающій, считается единственнымъ на восточномъ берегу Чернаго моря, хотя, за неимѣніемъ хорошихъ путей сообщенія съ внутреннимъ краемъ, онъ далеко уступаетъ въ торговомъ отношеніи Потійскому порту. По сказаніямъ греческихъ и римскихъ писателей, на мѣстѣ нынѣшняго Сухумъ-Кале въ древности находилась Великая Діоскурія. Груды развалинъ, обширныя трубы и каналы сохранились донынѣ. Но, кстати замѣтить, эти трубы и каналы до такой степени засорились, подернулись тиной, что образовали собою искусственныя болота и произвели лихорадки, никогда теперь неоставляющія городъ.

Въ 1785 году турки, занявъ восточный берегъ Чернаго моря, построили здѣсь крѣпость, сдѣлавшуюся резиденціей главнаго паши, котораго присылала порта для управленія татарскимъ берегомъ. Отсюда производился торгъ невольниками; но туземцы, притѣсняемые правительствомъ, взбунтовались и взяли Сухумъ подъ предводительствомъ Леванъ-бея и Сефиръ-бея. Тѣмъ не менѣе побѣдители удержать крѣпость не могли и Леванъ-бей продалъ ее туркамъ за 24,000 р. с. Далѣе крѣпостью овладѣлъ сынъ Леванъ-бея—Калишъ. Безпорядки, однако, не прекращались и по прежнему изъ-за обладанія крѣпостью или несогласія, велись войны, такъ что русское правительство нашло нужнымъ, наконецъ, послать свои войска къ Сухуму и въ 1800 году крѣпость была взята русскими, а Сефикъ-бей назначенъ правителемъ. Адріанопольскимъ миромъ въ 1829 г. Турція отказалась на всегда отъ обладанія восточнымъ берегомъ Черваго моря. Въ 1832 году въ Сухумѣ учреждена таможня; въ 1848 году онъ возведенъ на степень портового города, а съ 1866 г. Сухумъ сдѣланъ главнымъ городомъ, въ которомъ живетъ начальникъ Сухумскаго военнаго отдѣла.

Объ участи, постигшей Сухумъ-Кале во время настоящей войны, мы имѣли уже случай сообщить въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы" (см. № 20, стр. 337) и теперь можемъ выразить только надежду, что городъ этотъ, благодаря

Библиотека "Руниверс"

своему счастливому положенію (въ смыслѣ удобства для стоянки судовъ), въ свое время не замедлитъ застроиться.

Турецкая стража.

Не смѣемъ предполагать, чтобы талантливый авторъ этого рисунка имѣлъ въ виду зло подсмѣяться надъ современнымъ состояніемъ Турціи, изображая въ такомъ видѣ ея стражу. Всего вѣроятнѣе, что этотъ рисунокъ сдѣланъ имъ съ натуры еще во время первой его поѣздки въ Рущукъ (мѣсяца два назадъ). Но не можемъ не обратить вниманія на странное совпаденіе обстоятельствъ: ослабѣвшій и видимо изнемогающій стражъ, какъ бы олицетворяетъ собою современное положеніе Турціи какъ въ политическомъ, такъ и по всѣхъ другихъ отношеніяхъ; бульдогъ, конечно, не можетъ не напомнить собою Англіи уже по одному тому, что его родоначальники получили свое земное бытіе въ этой странѣ „просвѣщенныхъ мореплавателей"; а при видѣ мрачной птицы, упыло посматривающей съ высоты на ослабѣвшаго стража, опять таки нельзя не припомнить римскаго первосвященника, который, какъ извѣстно, тоже не менѣе англичанъ симпатизируетъ туркамъ и благословляетъ ихъ войну съ нами.

Все это, разумѣется, мы высказываемъ не въ объясненіе рисунка, неимѣющаго въ себѣ и тѣни политической сатиры, а собственно по поводу его совпаденій съ характеромъ турецкихъ дѣлъ въ настоящее время.

Водяной паукъ (Argironeta aquatica).

Не смотрите съ отвращеніемъ на внѣшнее безобразіе паука, а всмотритесь внимательно въ образъ жизни, который онъ ведетъ, въ его поступки, отличающіеся разумной находчивостью. Вѣчный работникъ, онъ каждый день, каждый часъ долженъ извлекать изъ себя часть ткани для пріобрѣтенія себѣ пищи. Чтобы выдѣлять изъ себя паутину, паукъ долженъ питаться, и чтобы питаться, онъ долженъ выдѣлять паутину. Нѣтъ основанія упрекать паука въ прожорливости, когда онъ долженъ питаться вдвойнѣ: для того, чтобы возстановлять свое тѣло и для того, чтобы возстановлять свою нить. Едва ли есть другое существо, которое было бы въ такой зависимости отъ случая, какъ паукъ. Неспособный къ быстрому преслѣдованію добычи, онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что случайно попадетъ въ его тенета, а между тѣмъ сильный вѣтеръ, проливной дождь, черезъ-чуръ большая муха, запутавшаяся въ сѣтяхъ и старающаяся освободиться — все можетъ разрушить сѣть паука до основанія. Разорвутся нѣсколько разъ сряду нити—паукъ обреченъ голодать, потеряетъ способность выдѣлять свою паутину и такимъ образомъ долженъ будетъ погибнуть отъ голода. Паукъ такъ много испытываетъ несчастій, что въ немъ остается очень немного смѣлости. Внѣ своей паутины онъ робѣетъ при видѣ самаго ничтожнаго существа: и муха, и муравей могутъ напугать его. Ожиданіе и надежда составляютъ отличительную черту его жалкаго положенія.

Строеніемъ своего тѣла паукъ сходенъ съ насѣкомыми: ни костей, ни легкихъ не имѣетъ; кровь его бѣлая, не вдыхаетъ воздуха ртомъ. Тѣло паука раздѣляется на двѣ части: голово-грудь, сросшіяся, и брюшко. Глазъ у паука 8; около рта находится родъ клещей. Каждая челюсть состоитъ изъ короткаго, толстаго членика, на концѣ котораго находится подвижной зубецъ. Около конца зубца есть небольшое отверстіе, чрезъ которое вытекаетъ ядъ изъ желѣзки, находящейся въ голово-груди паука. Этотъ ядъ паукъ впускаетъ въ тѣло своей добычи. Питается онъ различными насѣкомыми, но не глотаетъ ихъ цѣликомъ, а съѣдаетъ только мягкія части или высасываетъ кровь.

Ногъ у паука четыре пары; онѣ прикрѣплены къ нижней части груди. Брюшко соединяется съ голово-грудью стебелькомъ. На нижней части брюшка находятся служащіе для дыханія два, такъ называемые *дыхальца*. На самомъ концѣ брюшка помѣщается паутинный снарядъ — бугорки, изъ отверстій которыхъ вытекаютъ нити паука. Эти нити похожи на шелкъ шелковичнаго червя и другихъ гусеницъ, но гораздо тоньше. Впрочемъ, не всѣ нити имѣютъ одинаковую тонину. Одинъ изъ натуралистовъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ трубочекъ бугорковъ толще другихъ и слѣдовательно даютъ болѣе толстыя нити. Ноги служатъ единственнымъ вспомогательнымъ орудіемъ паука при тканьѣ паутины: съ помощью вооружающихъ ихъ когтей онъ раздѣляетъ паутину на нѣсколько нитей. Размножаются пауки яйцами. Видовъ пауковъ великое множество. Вообще они относятся къ животнымъ полезнымъ, такъ какъ истребляютъ много вредныхъ насѣкомыхъ. Мелкіе пауки для человѣка не страшны; ядовитые зубы ихъ не настолько сильны, чтобы могли прокусить кожу человѣка.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ № „Нивы", представляетъ поверхность и дно пруда, на которомъ водяные пауки устроили свои жилища. Водяной паукъ даетъ собою образчикъ животнаго, дышащаго подъ водой атмосфернымъ воздухомъ. Устроивъ свое жилище подъ водой, въ формѣ яйца, или вѣрнѣе похожее на половину жолудя, разрѣзаннаго поперечно, водяной паукъ наполняетъ его воздухомъ. Какимъ образомъ это дѣлается—остается еще вопросомъ неокончательно рѣшеннымъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, водяные пауки собираетъ кислородъ, выдѣляемый подводными растеніями и появляющійся на нихъ въ видѣ воздушныхъ пузырьковъ; по мнѣнію другихъ, и именно по изслѣдованію извѣстнаго натуралиста Бэлля, оказывается, что они добываютъ воздухъ въ свои жилища съ поверхности воды. Наблюденія этого ученаго показали ему, какъ водяные пауки, приготовивъ себѣ помѣщеніе подъ водою, поднимались по паутинкѣ, которую они прикрѣпляли къ листьямъ растеній, на поверхность, повертывались брюшкомъ кверху, выставляли его на воздухъ, а потомъ быстро, быстро, дѣлая какъ бы прыжокъ, складывали свои заднія ноги и опускались по той же паутинѣ къ своей ячейкѣ. Этотъ маневръ они повторяли нѣсколько разъ и, видимо, что они такимъ образомъ схватывали воздушные пузырьки. Яйца свои паукъ кладетъ въ ячейкѣ, свивая коконъ и прикрѣпляя его къ стѣнѣ ячейки. Въ коконѣ заключается до 100 очень мелкихъ яицъ. Въ ячейкѣ молодые пауки остаются пока не въ силахъ сами устроить себѣ помѣщеніе и носить въ него свою добычу. Цвѣтъ водяного паука коричневый съ сѣроватой поверхностью. Густые волоски покрываютъ его тѣло. Водится, преимущественно въ тихой водѣ, канавахъ, прудахъ и озерахъ

Л.

Богомольцы въ Албаніи.

„Нива" уже имѣла случай говорить объ одномъ изъ албанскихъ племенъ, именно о миридитахъ (см. „Ниву", № 22). Рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ №, представляетъ албанцевъ-богомольцевъ, во время посѣщенія ими одной изъ многихъ часовенокъ, воздвигнутыхъ религіозностью ревностныхъ сыновъ этого племени. Извѣстно, что горы, проходящія по восточной сторонѣ Албаніи, склоняются утесами къ морю; вотъ на такомъ-то изъ утесовъ и высится изображенная на нашемъ рисункѣ часовенка, видимо бѣдная, какъ и самое племя, ее соорудившее. Къ этой часовенкѣ, какъ къ конечному пункту „богомолья" пришла, замѣтно, цѣлая процессія, съ крестомъ въ рукахъ и даже съ хоругвью; нѣкоторые изъ пришедшихъ уже успѣли сѣсть на отдыхъ, нѣкоторые еще молятся. Вотъ содержаніе картинки. Судя по ревностной преданности религіи (по крайней мѣрѣ къ ея обрядовой сторонѣ) миридитовъ, всего скорѣе можно признать въ этихъ богомольцахъ именно ихъ, а не другихъ представителей албанскаго племени.

Нужно замѣтить, что всѣ албанцы прежде были христіане, но по смерти ихъ героя Скандербека, въ 1467 г., значительная часть этого племени перешла въ магометанство, въ которомъ остается и до сихъ поръ за малыми исключеніями. Миридиты, какъ сказано выше, исповѣдуютъ католическую религію, подпавъ такимъ образомъ подъ власть римскаго первосвященника. Въ настоящее время они находятся въ весьма неопредѣленномъ положеніи, не зная въ которую сторону идти. Турція имъ ненавистна, они явно противъ нея возстаютъ, но непогрѣшимый папа не одобряетъ ихъ дѣйствій, видя въ этихъ дѣйствіяхъ первые шаги къ переходу миридитовъ въ православіе. Положеніе крайне неловкое и—Богъ знаетъ, чѣмъ оно въ концѣ концовъ разрѣшится. Быть можетъ, даже это богомолье предпринято съ тою цѣлью, чтобы облегчить тотъ тяжелый нравственный гнетъ, какой несомнѣнно долженъ давить каждаго ревностнаго къ вѣрѣ миридита, такъ высоко всегда чтившаго своего первосвященника, теперь явно оказывающагося на сторонѣ ненавистнаго султана.

Скажемъ нѣсколько словъ объ Албаніи.

Албанія имѣетъ живописное мѣстоположеніе (700 квадр. миль между Іоническимъ и Адріатическимъ морями и цѣпью горъ отъ Перцерима до Аспропотама). Плодоносныя долины, омываемыя Бѣлымъ и Чернымъ Дриномъ, Воюссой и Аспромъ даютъ въ изобиліи масличное дерево, хлопчатую бумагу, виноградъ, табакъ; въ сѣверныхъ частяхъ—рисъ, мансъ и хлѣбъ. Албанцы или арнауты, по мнѣнію однихъ,—потомки иллирійцевъ, по мнѣнію-же другихъ—албанцевъ, жившихъ въ Азіи между Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ. Албанцы красивы, храбры, но отличаются суровостью горскихъ жителей. То, что мы говорили о миридитахъ въ частности, по отношенію къ ихъ правамъ и обычаямъ, то вообще примѣнимо и ко всѣмъ другимъ представителямъ албанскаго племени. Здѣсь нелишнимъ будетъ разсказать о старинномъ албанскомъ героѣ Скандербекѣ, память о которомъ до сихъ поръ живетъ среди албанцевъ.

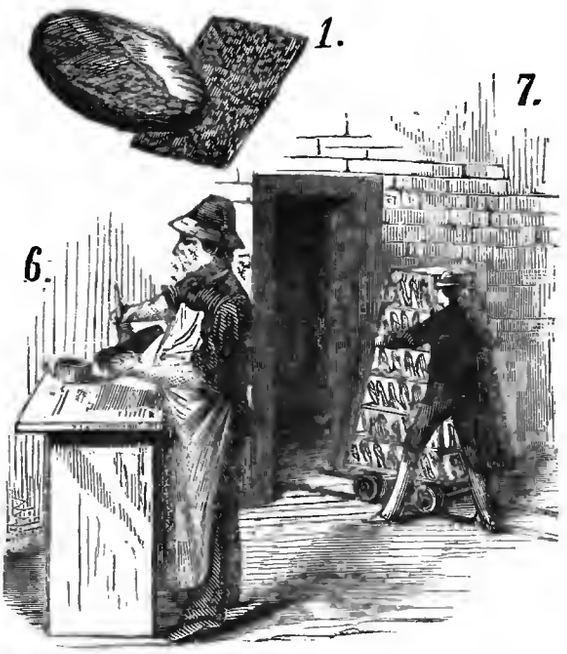
Георгъ Кастріотъ, сынъ Іоанна Кастріота, владѣтеля Эматеи, былъ въ молодости отданъ въ залогъ Султану Амурату II въ 1423 г. Султанъ его воспиталъ въ магометанствѣ и потомъ далъ ему управленіе губерніей (санджакомъ). Храбрость доставила ему имя Скандера (Александръ) и титулъ бея. По смерти отца его, Іоанна Кастріота, Амуратъ завладѣлъ его княжествомъ Эматеею—и Скандеръ бросилъ турокъ, стараясь возвратить отцовское наслѣдство. Онъ овладѣлъ столицею Албаніи, покорилъ въ теченіе одного мѣсяца всю страну и провозгласилъ себя (въ 1443 г.) владѣтелемъ Албаніи. Во всѣхъ битвахъ съ турками онъ всегда побѣждалъ ихъ и послѣ 18 лѣтней войны заключилъ съ султаномъ Магометомъ II въ 1461 году миръ. Вскорѣ началась снова война, но Скандербекъ умеръ (въ. 1466 г.) и по смерти его Албанія подпала подъ власть турокъ.

М. Ж.

Библиотека "Руниверс"

Какъ дѣлаются резиновыя калоши.

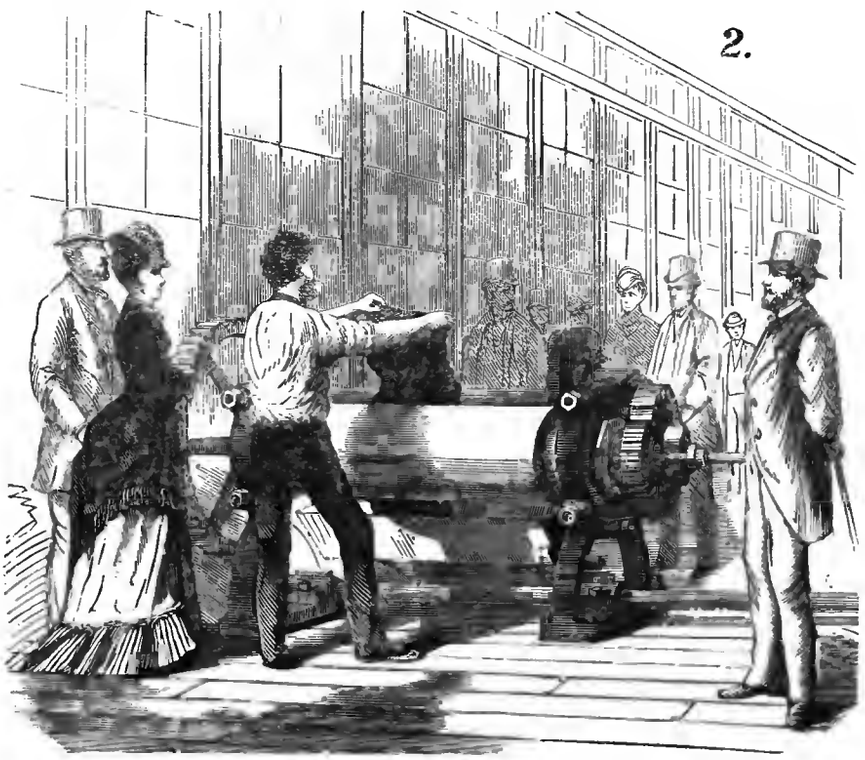
Изобрѣтателями резиновыхъ калошъ были индѣйцы, обитатели Бразильскихъ странъ, гдѣ резиновыхъ деревьевъ были когда-то цѣлые лѣса. Способъ ихъ фабрикаціи состоялъ въ слѣдующемъ: они изготовляли глиняныя формы и въ нѣсколько слоевъ покрывали ихъ резиновымъ сокомъ, причемъ каждый слой высушивался прежде, чѣмъ на него накладывался другой. Когда такимъ образомъ форма покрывалась слоемъ резины на достаточную толщину, ее держали нѣкоторое время въ дыму древеснаго огня, затѣмъ форма разбивалась и вынималась по кусочкамъ. Резиновыя калоши стали извѣстны въ Соединенныхъ Штатахъ не раньше какъ съ 1825 года, именно когда одинъ бостонскій купецъ, по имени Томасъ Уэльсъ, въ незначительномъ количествѣ привезъ первобытное бразильское произведеніе. Какъ ни груба и не неприглядна была эта обувь, ее оцѣнили по достоинству, и для предохраненія ногъ отъ сырости предпочли ее бывшимъ до того времени въ употребленіи калошамъ. Вслѣдствіе этого, мистеръ Уэльсъ послалъ въ Бразилію большое количество хорошаго фасона формъ для изготовленія по нимъ калошъ. Вскорѣ торговля резиновыми калошами получила большое развитіе и черезъ три года изъ Бразиліи было вывезено уже полмилліона паръ такихъ калошъ въ Соединенные Штаты и Европу.



1) Кусокъ сырой резины. 6) Лакированіе готовыхъ калошъ.
7) Тачка для перевозки калошъ въ печь.

Еще раньше того какъ англичане, такъ и американцы пробовали примѣнить каучуковую смолу къ практическимъ цѣлямъ. Въ 1819 г. Гуммель въ Филадельфіи получилъ патентъ на резиновый лакъ; въ томъже году въ Англіи, Макинтошъ изобрѣлъ непромокаемыя пальто, которыя, подъ его именемъ, быстро распространились. Такіе результаты, разумѣется, не были оставлены безъ вниманія предпріимчивыми американцами; изобрѣтатели ревностно преслѣдовали цѣль по возможности удешевить производство вошедшихъ въ большой спросъ резиновыхъ калошъ. Въ 1832 г. Вайтъ Вебстеръ въ Нью-Іоркѣ получилъ патентъ на приспособленіе, посредствомъ котораго къ резиновымъ калошамъ придѣлывалась подошва; въ слѣдующемъ году въ Роксбургѣ, въ Массачусетѣ, была основана первая американская фабрика резиновыхъ калошъ, рукавовъ и проч., но способъ тогдашняго производства существенно отличался отъ теперешняго. Роксбургская фабрика резиновыхъ издѣлій приняла огромные размѣры, ея акціи поднялись втрое и вчетверо противъ номинальной цѣны, и одновременно образовалось еще шесть другихъ обществъ для эксплоатированія этой вѣтви промышленности. Въ 1835 г. Чарльзъ Гудайеръ открылъ способъ обработки посредствомъ селитряной кислоты, отнимавшій у резины ея клейкость. Это вызвало новые методы въ производствѣ резиновыхъ галошъ, но особеннымъ усовершенствованіемъ обязано оно послѣдовавшему затѣмъ изобрѣтенію процесса вулканизаціи, который, хотя и въ измѣненной формѣ, примѣняется и въ настоящее время. Вотъ въ короткихъ словахъ исторія резиновыхъ калошъ, ставшихъ однимъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ обыденной жизни, доказательствомъ чему служитъ то, что въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ ежегодно выдѣлывается ихъ до 6 милліоновъ паръ.

Нельзя не похвалить мысли „Національной Гуттаперчевой Компаніи" въ Провиденсѣ, которая выставила на Филадельфійской выставкѣ не только свои произведенія, но и свои машины, чтобы наглядно показывать посѣтителямъ способъ изготовленія резиновыхъ калошъ. Прилагаемыя картинки показываютъ различныя операціи, посредствомъ которыхъ въ настоящее время комъ необработанной резины превращается въ элегантную обувь. На картинкѣ 1-й виденъ кусокъ сырой резины; эта масса разрѣзается ручнымъ ножемъ на куски извѣстной величины и пропускается между вальками, которые ее мѣсятъ и промываютъ дѣйствіемъ горячей воды; послѣ этой обработки масса принимаетъ видъ матта, какъ видно на картинкѣ. Затѣмъ ее опять прокатываютъ въ теченіе пятнадцати или двѣнадцати минутъ между гладкими, горячими вальками; во время этого процесса къ резинѣ примѣшивается сѣра, деготь и другіе ингредіенты. Послѣ этого резиновая масса превращается въ тонкую пластинку, въ видѣ длиннаго полотна, которое, пройдя еще черезъ пару вальковъ, гдѣ на немъ вытѣснятся контуры выкроекъ, а также различныя украшенія, наматывается на барабанъ, какъ видно на картинкѣ 3-й. Между тѣмъ черная ткань, долженствующая служить подкладкой, накладывается на тотъ-же барабанъ и при вращеніи послѣдняго на него наматываются попеременно ряды каучуковыхъ листьевъ и ткани. Остается крѣпко со-



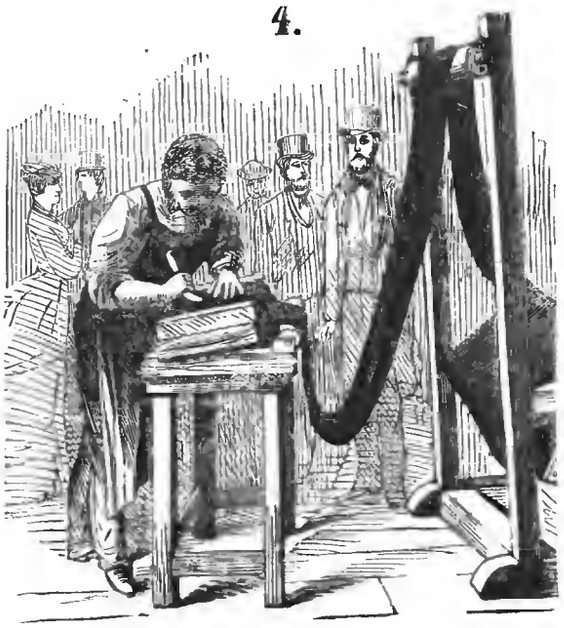
2) Валъ для промывки резины.

Библиотека "Руниверс"

единить между собою оба матеріала; это достигается пропусканіемъ обоихъ плотносложенныхъ матеріаловъ между тяжелыми валками подъ сильнымъ давленіемъ. Изъ приготовленныхъ такимъ образомъ листьевъ, имѣющихъ, смотря по частямъ, на которыя они назначаются, различную толщину, выкраиваются различныя части калошъ, какъ видно на картинкѣ 4-й. Работникъ проводитъ при этомъ кривымъ ножемъ по заранѣе оттиснутымъ контурамъ. Каждая калоша состоитъ изъ девяти частей. Какъ скоро составныя части калоши выкроены, ихъ передаютъ мастерицамъ, которыя сидятъ за высокимъ столомъ на возвышенныхъ стульяхъ. Посерединѣ стола устроены желѣзныя грабли, держащія колодки, по которымъ формируются калоши. Составленіе калоши, изображенное на картинкѣ 5, собственно говоря не трудно, но требуетъ нѣкоторой сноровки. Подкладка и внутренняя сторона накладываются на колодку, и потомъ по порядку слѣдующіе куски, соединяя ихъ каучуковой мастикой. Слѣдующая затѣмъ операція состоитъ въ лакированіи (фиг. 6 на первой картинкѣ), и вотъ съ виду калоша готова, но на дѣлѣ еще нѣтъ: матерія еще слишкомъ мягка; въ такомъ состояніи при носкѣ калоша скоро бы растянулась и потеряла-бы всякій фасонъ. Остается еще процессъ вулканизированія, послѣ чего калоша пріобрѣтаетъ твердость и крѣпость, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ своей эластичности. Фигура 7 изображаетъ позади рабочаго, занятаго лакировкой, пирамидальную желѣзную тачку, которую работникъ вдвигаетъ въ открытую дверцу. Въ постаментѣ укрѣплено нѣсколько рядовъ поперечныхъ жердей съ сидящими на нихъ отлакированными калошами. Когда экипажъ наполненъ, его вдвигаютъ въ вулканизаціонную печь, состоящую изъ узкаго выложеннаго изъ кирпича канала, черезъ который проходятъ длинныя паровыя трубы. Посредствомъ пара температура въ печи доводится до 150 град. Р.; въ теченіи часовъ семи времени достигается полная вулканизація, состоящая въ томъ, что резина приходитъ въ химическое соединеніе съ сѣрой и другими примѣшанными къ ней, какъ выше упомянуто, ингредіентами.

3) Окончательная выдѣлка листа резины.

4.



4) Кройка резиновыхъ калошъ.

5.

5) Составленіе резиновыхъ калошъ.

Человѣкъ-автоматъ.

Въ госпиталѣ св. Антонія въ Парижѣ находится одинъ человѣкъ, исполняющій обыкновенную должность больничнаго служителя, но подверженный каждый мѣсяцъ такимъ необыкновеннымъ припадкамъ, которые, не смотря на обиліе въ медицинской литературѣ странныхъ случаевъ, едва ли найдутъ себѣ что-либо равное. Болѣзнь ведетъ свое начало отъ раны, полученной этимъ замѣчательнымъ субъектомъ въ кровопролитномъ сраженіи въ день седанской битвы. Пуля попала въ лѣвую височную кость, и вслѣдствіе произведенныхъ ею поврежденій явился въ мозговой массѣ, какъ обыкновенно, параличъ членовъ на противоположной сторонѣ тѣла, а именно правой руки и правой ноги. Послѣ двухъ лѣтъ тщатель-

Библиотека "Руниверс"

наго леченія, параличъ этотъ почти прошелъ; паціентъ можетъ исправлять почти всѣ госпитальныя работы, и отличается веселымъ расположеніемъ духа и добросовѣстностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Но каждый мѣсяцъ, въ продолженіи одного или двухъ дней, въ организмѣ этомъ происходитъ какая-то таинственная перемѣна, таинственная уже потому, что обыкновенный наблюдатель можетъ не замѣтить ея. Человѣкъ этотъ встаетъ, одѣвается, ходитъ, принимается за свои обычныя занятія, свертываетъ свою папироску, куритъ, пьетъ, и ѣстъ. Однако внимательный наблюдатель скоро замѣтитъ, что при его постоянной бѣготнѣ взадъ и впередъ, онъ безпрестанно наталкивается на людей и на вещи, которые встрѣчаются ему на пути, и только послѣ толчка объ нихъ, сворачиваетъ въ сторону. Вскорѣ пришли къ убѣжденію, что съ широко открытыми глазами, онъ ничего не видитъ, что вокругъ него происходитъ. Его зовутъ, онъ ничего не слышитъ; ему втыкаютъ въ руку иголку, онъ ничего не чувствуетъ; ему проводятъ въ спину электрическій токъ, онъ не вздрагиваетъ. Состояніе этого человѣка при болѣе точныхъ наблюденіяхъ нашли похожимъ на состояніе такъ называемаго лунатика, съ тою разницею, что здѣсь сонъ несравненно крѣпче. Единственное бодрствующее чувство, посредствомъ котораго больной сообщается съ внѣшнимъ міромъ, это чувство осязанія въ рукахъ и вообще въ кожицѣ. Что же касается до зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса, то всѣ эти чувства въ немъ погружены въ сонъ.

Поэтому вся внутренняя жизнь этого человѣка связывается съ чувствомъ осязанія, и къ каждому возбужденному въ немъ ощущенію, автоматически присоединяется цѣлый рядъ совокупныхъ между собой дѣйствій. Если ему въ одну руку дадутъ папиросную бумагу, то другую онъ механически засовываетъ въ карманъ, вынимаетъ оттуда табакъ, свертываетъ папиросу, и закуриваетъ ее при помощи спички. Если ему задуютъ спичку, онъ зажжетъ другую, но никогда не употребитъ спички, которая подана ему зажженной, хотя ему подносили ее къ самому носу, такъ что чуть не поджигали бороды, потому что онъ не видитъ поданной спички. Товарищи, подсовывали ему вмѣсто табаку корнію: онъ набивалъ ею папиросу, которую выкуривалъ, неморщась. Точно также если дать ему ложку, онъ проглотитъ все, чтобы ему ни подставили, какъ свои любимыя кушанья, такъ и кусочки нестерпимо горькаго алоя или отвратительную асса-фётиду.

Чтобы узнать не вызоветъ-ли чувство осязанія въ этомъ, такъ называемомъ человѣкѣ-автоматѣ болѣе давнишнихъ, не сохранившихся вслѣдствіе ежедневнаго упражненія, мышечныхъ и нервныхъ дѣятельностей, госпитальный врачъ, докторъ Месне, сдѣлалъ опытъ, основанный на томъ обстоятельствѣ, что паціентъ до войны часто выступалъ въ публичныхъ мѣстахъ какъ концертный пѣвецъ. Ему дали въ руку пару перчатокъ, которыя онъ носилъ надѣлъ. Послѣ этого онъ сейчасъ же началъ искать вокругъ себя руками, развернулъ подложеныя ему ноты, раскланялся, потомъ выправился, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда поютъ передъ публикой. Пѣлъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ, это не довольно ясно выражено въ отчетѣ доктора Месне; обыкновенно въ этомъ состояніи онъ только шевелитъ челюстями или тихонько бормочетъ про себя. Однимъ словомъ, всѣ факты, взятые вмѣстѣ, показываютъ, что во время припадка человѣкъ этотъ сообщается съ внѣшнимъ міромъ только посредствомъ чувства осязанія, и что рядъ возбужденныхъ имъ дѣйствій можетъ быть прерванъ только силой или новымъ впечатлѣніемъ на чувство осязанія. Связаны ли эти дѣйствія съ извѣстнымъ дремотнымъ сознаніемъ, — неизвѣстно, такъ какъ послѣ припадка, больной ничего не помнитъ что происходило съ нимъ въ это время; однако можно предполагать въ немъ во время этого состоянія способность думать, какъ это бываетъ во снѣ, такъ какъ разъ, когда ему вложили въ руку перо, онъ началъ искать бумаги и чернилъ и написалъ довольно связное письмо о своей обыденной жизни. Это можно сравнить съ безсознательнымъ и забывающимся разговоромъ лунатиковъ. Извѣстныя сильныя возбужденія заставляли его дѣлать внезапные возгласы. Такъ, разъ ему дали въ руки незаряженное ружье; онъ вдругъ бросился на полъ, протянулъ голову впередъ, между тѣмъ какъ руками искалъ патроновъ, и закричалъ: „Генрихъ, вонъ они, ихъ по крайней мѣрѣ человѣкъ двадцать, но ужь мы вдвоемъ справимся съ ними“.

Какъ ни удивительны эти наблюденія, они больше заинтересовали, чѣмъ удивили современныхъ физіологовъ и психологовъ. потому что они только подтверждаютъ собой рядъ давно сдѣланныхъ выводовъ. Однако одно обстоятельство должно и въ нихъ возбуждать сильнѣйшее удивленіе. Это именно то, что человѣкъ-автоматъ, въ моральномъ отношеніи, представляетъ совсѣмъ другого человѣка, чѣмъ тотъ, какимъ онъ бываетъ въ свои здоровые дни, что слѣдовательно въ дѣйствительности онъ живетъ двумя жизнями. Въ обыкновенное время онъ олицетворенная добросовѣстность и честность, во время-же припадковъ онъ точно перерождается. Натолкнувшись на кого нибудь, первымъ его движеніемъ бываетъ схватить его часы и портмонэ и спрятать ихъ къ себѣ въ карманъ. Затѣмъ онъ безъ всякаго сопротивленія даетъ отобрать отъ себя присвоенные имъ предметы, потому что онъ такъ-же мало замѣчаетъ какъ грабятъ его, какъ и то, что онъ грабилъ другихъ. Однимъ словомъ, онъ поступаетъ какъ человѣкъ, одержимый высшей степенью умопомѣшательства-воровства, между тѣмъ какъ въ здоровые дни это честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ.

Какъ ни интересенъ для психологовъ тотъ фактъ, что съ потерей сознанія и способности ощущенія, можетъ исчезать и нравственное чувство, но физическое состояніе человѣка-автомата представляетъ еще несравненно болѣе глубокій интересъ, такъ что этотъ поразительный феноменъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе знаменитѣйшихъ европейскихъ физіологовъ. Главный интересъ представляетъ опытъ. Дѣйствительно при помощи нѣкоторыхъ весьма мало чувствительныхъ операцій можно тотчасъ же приводить животныхъ въ состояніе, представляющее величайшее сходство съ состояніемъ человѣка-автомата. Упомянемъ только объ одномъ изъ многихъ опытовъ, произведенныхъ профессоромъ Ф. Гольцемъ въ Страсбургѣ, лѣтъ пять или шесть тому назадъ, надъ лягушками. Посредствомъ нѣсколькихъ, весьма скоро заживающихъ вовсе неопасныхъ для жизни животнаго разрѣзовъ, изслѣдователь этотъ съумѣлъ уничтожить связь между переднимъ мозгомъ лягушекъ и остальными центральными органами нервной системы; такимъ образомъ онъ приготовилъ для опытовъ животныхъ, которыя, если ихъ правильно кормить, цѣлые мѣсяцы, даже цѣлые годы, пользуются отличнымъ здоровьемъ, хотя они суть ничто иное, какъ живыя машины, животныя-автоматы, какъ тотъ раненый въ мозгъ сержантъ Антоніевскаго госпиталя. Для оперированныхъ такимъ способомъ животныхъ внѣшній міръ, повидимому, вовсе не существуетъ; они неподвижно сидятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, пока ихъ не толкнутъ; ѣдятъ они только то, что имъ положатъ въ ротъ, иначе они околѣли бы съ голоду, имѣя передъ собой съѣстные припасы, какъ тѣ голуби, у которыхъ былъ вынутъ передній мозгъ. У нихъ также осязаніе—единственное чувство, соединяющее ихъ съ внѣшнимъ міромъ. Если взять изъ этихъ животныхъ лягушку-самца и тихонько гладить ее по спинѣ пальцемъ, то она заквакаетъ съ выраженіемъ величайшаго удовольствія, и повторяетъ это машинальное кваканье всякій разъ, какъ ее будутъ гладить. Если на ногу такого животнаго капнуть ѣдкой жидкости, то оно другой ногой постарается удалить причину раздраженія, даже оно умѣетъ съ ловкостью акробата удерживать равновѣсіе на наклоняемомъ взадъ и впередъ ободкѣ, не имѣя ни малѣйшаго сознанія о томъ, что дѣлаетъ. Это напоминаетъ о балансированіи лунатиковъ.

Такія цѣлесообразныя, но производимыя безъ участія сознанія и воли, движенія животнаго тѣла, называются отраженными или рефлекторными движеніями. И въ человѣческомъ тѣлѣ наблюдается множество такихъ непроизвольныхъ движеній.

Нечего упоминать о тѣхъ случаяхъ, гдѣ вслѣдствіе болѣзней нарушается связь между головнымъ и спиннымъ мозгами, причемъ пораженные этимъ субъекты лишаются всякаго ощущенія въ ногахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, безсознательно производятъ ими сильнѣйшія движенія, если щекотать имъ подошвы.

Даже здоровое человѣческое тѣло представляетъ массу такихъ явленій. „Когда лучшій нашъ другъ,“ говоритъ Декартъ, „въ которомъ мы вполнѣ увѣрены, что онъ не стукнетъ насъ кулакомъ въ глазъ, сдѣлаетъ такой видъ какъ будто хочетъ это сдѣлать, то мы, не смотря на величайшія усилія не будемъ въ состояніи не закрыть глаза въ моментъ приближенія къ нему кулака; слѣдовательно механизмъ тѣла сильнѣе воли“. Равнымъ образомъ извѣстно, какъ мало можемъ мы по своей волѣ удержаться отъ кашля, чихоты, и тому подобныхъ дѣйствій, вызываемыхъ раздраженіемъ слизистыхъ оболочекъ, даже иногда мы съ трудомъ можемъ подавить въ себѣ приходящую уже исключительно изнутри потребность смѣяться или громко вскрикнуть. Движенія дыханія, біенія сердца, пищеварительныхъ органовъ и проч. суть совершенно внѣ нашего сознанія и воли: онѣ идутъ сами по себѣ съ механической правильностью—это колесный механизмъ, повидимому, взаимно обусловляющій правильное дѣйствіе отдѣльныхъ своихъ частей, но совершенно независимый отъ того, что мы называемъ мышленіемъ, сознаніемъ, душой.

Безъ сомнѣнія тѣло постоянно получаетъ инструкціи отъ центральнаго органа, въ которомъ сосредоточиваются возбужденія внѣшняго міра, но столь же часто бываетъ очевиднымъ, что тѣло повелѣваетъ, а духъ покоряется. Это взаимодѣйствіе всего яснѣе видно на томъ, какъ пріобрѣтенное путемъ душевныхъ способностей, становится подъ конецъ полнымъ достояніемъ автоматизма тѣла. „Нашъ звѣрь“, какъ обыкновенно называлъ человѣческое тѣло остроумный Ксавье де Местръ, „не безъ малаго труда научается бѣгать, говорить, писать, играть на фортепьяно и т. п. Но разъ что мускулы навыкли, духъ отдѣлалъ свое дѣло, и „нашъ звѣрь“ начинаетъ себѣ разгуливаться при полнѣйшемъ отсутствіи мысли, танцуетъ, восхитительно играетъ на фортепьяно, бываютъ даже такіе навострившіеся автоматы, которые могутъ цѣлые вечера болтать и писать толстыя книги, не имѣя при этомъ ни малѣйшей мысли“. Письмо безсознательно написанное парижскимъ человѣкомъ-автоматомъ, можно отнести къ этимъ примѣрамъ. Здѣсь автоматизмъ тѣла переходитъ въ автоматизмъ ума, и этотъ переходъ составляетъ главный пунктъ вопроса.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Фальсификація древностей. Знаменитый археологъ Моммзенъ сдѣлался недавно жертвою ловкаго обмана, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По возвращеніи своемъ изъ Италіи, онъ получилъ изъ Парижа письмо, въ которомъ этому ученому предлагалось пріобрѣсти коллекцію древнихъ римскихъ метательныхъ свинцовыхъ ядеръ, которыя бросались древними римлянами на осаждаемыя ими крѣпости; въ письмѣ было обозначено, что эти ядра найдены случайно въ Италіи, въ окрестностяхъ Абруццо. Профессоръ Моммзенъ не замедлилъ войдти въ сношеніе съ лицомъ, предлагающимъ ему купить замѣчательную коллекцію. Моммзенъ пріобрѣлъ эти ядра за 1,200 талеровъ. По полученіи коллекціи, знаменитый ученый жадно бросился на рѣдкій историческій кладъ, и чуть не плакалъ отъ радости, завидя, что на каждомъ свинцовомъ ядрѣ были вырѣзаны латинскія надписи, какъ-то: названія римскихъ несарей, полководцевъ, изреченія Гомера, девизы и воинственныя восклицанія: въ родѣ: «попадай хорошо», «рази врага», «уничтожай» и т. д. Послѣ болѣе подробнаго изслѣдованія, Моммзенъ открылъ, что вся коллекція — ловкая поддѣлка нашего времени неграмотнаго латиниста, такъ какъ всѣ латинскія надписи изобиловали грубыми грамматическими ошибками и невѣрными историческими данными въ отношеніи именъ и изрѣченій того времени.

Въ Аравіи, близь приморсного города Мойлахъ, англійскій капитанъ Буртонъ сдѣлалъ интересныя открытія. У подошвы хребта возвышенностей, идущихъ параллельно къ берегу моря, онъ нашелъ весьма богатыя розсыпи золота и серебра; одновременно съ этимъ, у залива Акобахъ онъ открылъ слѣды древнѣйшихъ признаковъ осѣдлостей; продолжая поиски, онъ добылъ надписи, водопроводы и наконецъ остатки большого, каменной стѣной обведеннаго города. По мнѣнію капитана Буртона, это ни что иное, какъ остатки столицы древней Меден.

Въ Прагѣ не такъ давно открыли поддѣлку сѣмянъ клевера и люцерны; въ настоящее время появился въ торговлѣ новый продуктъ изобрѣтательности того же порядка, а именно: кофе въ зернахъ, приготовленный изъ крутого тѣста и совершенно симулирующій настоящій мокка. Для окраски употребленъ мѣдный препаратъ. Прагская полиція накрыла обширную фабрику этого курьезнаго продукта.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, за время войны, погибло 8,000 сербскихъ солдатъ, какъ на полѣ битвы, такъ и въ госпиталяхъ; выздоровѣло 20,000 раненыхъ; 200 инвалидовъ будутъ содержаться военнымъ вѣдомствомъ.

Нѣмецкое гигіеническое общество особенно энергично занимается въ настоящее время изслѣдованіемъ доброкачественности воды для питья. Недавно въ одномъ изъ собраній означеннаго общества было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ предложеніе г-на Бера относительно практическаго и быстраго изслѣдованія годности воды для питья. Беръ опредѣляетъ сперва, сколько именно вредныхъ веществъ можетъ заключать вода, оставаясь въ тоже время безопасной для здоровья. Затѣмъ употребляетъ реактивъ и сравниваетъ произведенную имъ реакцію съ той, которая рядомъ съ этимъ будетъ вызвана въ подлежащей изслѣдованію водѣ. Изъ сравненія явствуетъ безвредна или нѣтъ эта послѣдняя.

Собраніе признало способъ Бера весьма пригоднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо болѣе быстрое изслѣдованіе.

Политическія и военныя извѣстія.

Телеграммою Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго дѣйствующею арміей, отъ 27 мая, сообщено, что турки 26-го мая пытались демаскировать устроенную ими въ Туртукаѣ баттарею, но наша артиллерія изъ Ольтеницы (читатели припомнятъ, что Ольтеница лежитъ противъ Туртукая) нѣсколькими мѣткими выстрѣлами испортила амбразуры и мерлоны и принудила турокъ удалить орудія; затѣмъ турки открыли огонь изъ укрѣпленія, но наша артиллерія не только заставила замолчать, но даже принудила убрать орудія и изъ этого укрѣпленія, которое было почти разрушено нашими выстрѣлами. По окончаніи стрѣльбы съ нашихъ баттарей, турки приступили къ исправленію поврежденій, но наша артиллерія картечными гранатами разогнала рабочихъ.

— 1 (13) іюня, по ту сторону Дуная, противъ Браилова у Гечета, воздвигнута русская баттарея, на которой установлены русскія орудія. Отсюда заключаютъ, что наши войска стали твердою ногой на турецкомъ берегу Дуная.

Какое впечатлѣніе произведетъ на европейскіе кабинеты переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай—пока съ опредѣленностью сказать нельзя. Но теперь уже извѣстно, что, по телеграммѣ изъ Пешта отъ 2 (14) іюня, въ венгерской Палатѣ Представителей депутатъ Гельфи сдѣлалъ запросъ: намѣрено ли правительство оставаться безучастнымъ зрителемъ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай и допустить раздѣлъ Турціи? Такъ что, съ переходомъ нашихъ войскъ Дуная, нужно ожидать, что, по примѣру Венгріи, и другія державы выскажутся въ томъ или другомъ смыслѣ. Недавно, впрочемъ, намъ Англія, ни съ того, ни съ сего, хотѣла пропсать рецептъ «почетнаго мира», смыслъ и духъ котораго, конечно, тотъ же, какъ и «отступленіе по золотому мосту», каконое совѣтовала намъ та-же Англія, послѣ неудавшейся конференціи.

Изъ Плоэшть телеграмма г. военнаго министра отъ 1 іюня сообщаетъ, что наши пароходы «Константинъ» и «Владиміръ» (первый съ 6 паровыми катерами на буксирахъ) двинулись къ Сулину, надѣясь встрѣтить крейсирующіе здѣсь по ночамъ турецкіе броненосцы. При этомъ, однакожъ, наши суда не успѣли подвести минъ подъ броненосцы, вслѣдствіе усиленной осторожности турокъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ и всегда, наши моряки показали себя истинными героями.

О ходѣ дѣлъ на западномъ театрѣ войны въ Черногоріи сообщаемъ наиболѣе выдающіяся данныя. Отъ 26 мая (7 іюня) изъ Рагузы сообщаютъ, что турки были совершенно разбиты подъ Мальятомъ (о прежнемъ дѣлѣ подъ *Мальятомъ* мы упоминали въ прошломъ обозрѣніи). Въ Дужскомъ проходѣ бой еще продолжается. Затѣмъ черногорцы взяли въ этой мѣстности 5 турецкихъ блокгаузовъ и, разрушивъ ихъ, перебили всѣхъ находящихся тамъ турецкихъ солдатъ. Подъ *Спужемъ*, въ Мартиничахъ, на черногорцевъ сдѣлано нападеніе со стороны всѣхъ сосредоточенныхъ здѣсь турецкихъ силъ, пока черногорцы не обратили турокъ въ бѣгство въ Спужу. Одновременно съ этимъ со стороны черногорцевъ открыто бомбардированіе сильнѣйшаго форта *Узриничи*, лежащаго по дорогѣ въ Никшичъ. Послѣ сильнаго обстрѣливанія, во время котораго нѣсколько снарядовъ попало въ Никшичъ, фортъ Узриничи перешелъ во власть черногорцевъ.

Съ Кавказскаго театра войны извѣщено, что выступившая 20 мая изъ Ардаганскаго отряда колонна войскъ заняла 21 августа утромъ *Пенякъ*, а вечеромъ гор. *Ольту*, безъ боя, причемъ кавалерія сдѣлала 115 верстъ въ 36 часовъ, а пѣхота въ двое сутокъ. Непріятельская пѣхота съ артиллеріею, всего въ 4,000 человѣкъ, поспѣшно отступила въ *Эрзерумъ*. Въ обоихъ пунктахъ нашими войсками найдены большіе склады зерна, ружей, патроновъ и палатокъ. Населеніе нездѣ встрѣчало наши войска радушно.

Начальникъ штаба Кавказскаго военнаго округа телеграфируетъ, что съ 26 мая войска наши подъ Карсомъ произвели нѣсколько рекогносцировокъ подъ огнемъ крѣпостныхъ верковъ. 28 мая произведенъ осмотръ непріятельскаго расположенія лично Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ. Въ эти дни наши потери состояли изъ 15 раненыхъ.

Крайне ослабленый (начиная со взятія Ардагана) и разбитый Мухтаръ-паша получилъ подкрѣпленіе въ 20 батальоновъ изъ Трапезунда. Генералъ Тергукасовъ принялъ покорность Хамурскихъ курдовъ и жителей Алашкерта. 28 мая Тергукасовъ завялъ этотъ городъ и съ авангардомъ вступилъ въ Зейденанъ.

Въ довершеніе пораженій турокъ въ Малой Азіи, бѣдствія ихъ увеличиваются отпаденіемъ нѣкоторыхъ доселѣ союзныхъ съ ними племенъ. Такъ, въ «Тифлисск. Вѣстн». телеграфируютъ, что абхазцы начинаютъ оказывать сопротивленіе туркамъ и бѣгутъ отъ нихъ. Далѣе, черкесы, высадившіеся въ Сухумѣ, начинаютъ изъявлять русскимъ властямъ покорность.

Послѣднія телеграммы извѣщаютъ, что *осада Карса уже началась*. Турецкія войска дѣлаютъ изъ крѣпости вылазки, но безуспѣшно. До сихъ поръ при этой осадѣ потери наши состоятъ изъ 6 раненыхъ и 1 убитаго рядовыхъ. У турокъ же подбито 2 орудія и много убитыхъ.

Въ Парижѣ даже держится упорный слухъ, что Карсъ и Эрзерумъ пали, а Мухтаръ-паша взятъ въ плѣнъ.

— Изъ Константинополя сообщаютъ, что послѣднее движеніе здѣсь софтовъ вызвало крутыя мѣры со стороны Редифа и Дамата-пашей. Начинаетъ господствовать терроръ. Аресты и ссылки повторяются ежедневно. Существуетъ общее желаніе, чтобы извѣстный изгнанникъ Митхадъ-паша возвратился и сталъ во главѣ правленія. Дворцовая партія запугана. Султанъ не рѣшается ѣхать въ армію. Неизбѣженъ для поправленія финансоваго бѣдствія принудительный внутренній заемъ. Въ Вѣнѣ турецкое посольство уже нѣсколько дней остается безъ денегъ: англійскій банкъ отказалъ въ выдачѣ тановыхъ денегъ посольству.

Отъ 3 (15) мая, телеграфъ извѣстилъ, что возбужденіе въ Гре-

Библиотека "Руниверс"

цін возрастаетъ все съ большею силою. Въ Аеинахъ ежедневно происходятъ народныя сборища, принимающія чрезвычайно бурный характеръ. На сходкахъ населеніе энергически требуетъ объявленія войны. Возстаніе въ Эпирѣ и Ѳесаліи все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Франція быстрыми шагами идетъ къ страшнымъ катастрофамъ. Государственный переворотъ или такъ называемый Coup d'état можетъ послѣдовать не сегодня—завтра, и даже вопреки желанію маршала Макъ-Магона. Главное значеніе имѣетъ теперь во Франціи бонапартистъ, г. Фурту. Ожидаютъ, что онъ пойдетъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ Морни, Мопа и друг. Легитимисты и орлеанисты усердно привѣтствовавшіе 16 мая, начинаютъ пугаться своего торжества. Сотни республиканскихъ газетъ ежедневно привлекаются къ суду подъ пустыми предлогами—что еще болѣе указываетъ на напряженное состояніе дѣлъ. Далѣе сообщаютъ, что Руэръ (министръ Наполеоновской имперіи) недавно получилъ отъ принца Луи-Наполеона манифестъ, въ которомъ принцъ приглашаетъ своихъ приверженцевъ дѣятельно отстаивать его права. Такимъ образомъ опять возможно ожидать во Франціи Coup d'etat въ пользу бонапартизма.

— Извѣстный французскій организаторъ Гамбетта произнесъ рѣчи въ Амьенѣ и Аббевилѣ, въ которыхъ онъ изложилъ программу республиканскаго большинства палаты депутатовъ. Г. Гамбетта въ рѣчахъ этихъ призываетъ всю Францію къ нравственному сопротивленію происками клерикаловъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ-лейтенантъ Павелъ Степановичъ Ѳоминъ** (съ портретомъ).—**Aquis submersus.** Повѣсть Теодора Шторма (продолженіе).—**Эрзерумъ** (съ рисункомъ).—**Сухумъ-Кале** (съ рисункомъ).—**Турецкая стража** (съ рисункомъ).—**Водяной паукъ (Argironeta aquatica).** Л (съ рисункомъ).—**Богомольцы въ Албаніи.** М. Ж. (съ рисункомъ).—**Какъ дѣлаютъ резиновыя галоши** (съ 5-ю рисунками). Человѣкъ-автоматъ.—Смѣсь.—Политическія и военныя извѣстія.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ" ВЪ ТЕКУЩЕМЪ ГОДУ.

Съ 1-го мая текущаго года мы открываемъ новую ежедневную газету, при ближайшемъ сотрудничествѣ **В. Ѳ. Корша** и **А. А. Головачева.**

Въ наше трудное время въ виду войны, глубоко затрагивающей съ разныхъ сторонъ наши государственные и общественные интересы, въ виду назрѣвающихъ внутреннихъ вопросовъ, нельзя очертить въ немногихъ словахъ разнообразныя и сложныя задачи, которымъ должна служить ежедневная печать. Внутренній смыслъ и ближайшія цѣли нашего изданія—путеводная нить его, безъ которой общественная дѣятельность обращается въ безцѣльное блужданіе изъ стороны въ сторону—будутъ выяснены самымъ дѣломъ, тѣми соображеніями и свѣдѣніями, которыя найдутъ мѣсто на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Мы можемъ только сказать, что прежде всего желаемъ положить основаніе серьезному и полному политическому отношенію органу, въ которомъ люди, мысли и дѣла могли-бы встрѣчаться и выясняться въ смыслѣ насущныхъ пользъ и лучшихъ стремленій русскаго государства, общества и народа.

Программа нашего изданія обнимаетъ всѣ живые интересы современности. Политика и литература займутъ въ немъ господствующее мѣсто. Мы будемъ слѣдить внимательно, какъ и за событіями военными и политическими, такъ и за движеніемъ науки и литературы, въ нашемъ отечествѣ и на Западѣ. Современныя событія в направленіи въ славянскомъ мірѣ будутъ предметомъ особеннаго вниманія редакціи, поскольку они соприкасаются съ понятными вдвойнѣ интересами нашего отечества в всего славянства, и съ задачами общечеловѣческой образованности.

Слѣдующія лица сочувственно обѣщали намъ свое сотрудничество: **К. К. Арсеньевъ, А. Н. Бекетовъ, С. К. Кюллова,** инокиня **А. И. Васильчиковъ, Э. К. Ватсонъ, А. Н. Веселовскій, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, В. И. Герье, Д. К. Гирсъ** (корреспондентъ «Сѣвернаго Вѣстника на Дунаѣ), графъ **А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Ю. Ю. Гибнеръ, К. Д. Кавелинъ, П. П. Казинскій** (проф. Военной Академіи), **Н. П. Конюшковъ, Е. Ѳ. Коршъ, Н. И. Костомаровъ, В. А. Крыловъ, Ц. А. Кюи, В. Ѳ. Лугининъ, О. Ѳ. Миллеръ,** проф. **И. П. Минаевъ, Б. А. Павловичъ, П. Н. Полевой, Л. А. Полонскій, А. Н. Пыпинъ, П. А. Ровинскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стоюнинъ, И. М. Сѣченовъ, И. С. Тургеневъ, А. М. Унковскій, Е. И. Уткинъ,** проф. **А. С. Шляревскій, Ю. Э. Янсонъ** и др.

Читатели упраздняемаго «Судебнаго Вѣстника» найдутъ въ нашемъ изданіи статьи и замѣтки юридическаго содержанія, отчеты о замѣчательныхъ процессахъ, русскихъ и иностранныхъ, и необходимую справочную часть в ой газеты.

Первый листъ «Сѣвернаго Вѣстника» выйдетъ 1-го мая.

Редакторъ **В. Д. Рычковъ.**

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ" ПРИНИМАЕТСЯ:

НЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ газеты, при книжномъ магазинѣ **Н. И. Мамонтова** (Невскій проспектъ, д. № 46, противъ Гостинаго двора), и въ книжномъ складѣ при типографіи **М. Стасюлевича** (Вас. Остр., 2 л., д. № 7).

ВЪ МОСКВѢ: въ книжныхъ магазинахъ: **Ѳ. И. Салаева, И. Г. Соловьева** и **Н. И. Мамонтова.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписка на «Сѣверный Вѣстникъ» принимается на **восемь мѣсяцевъ текущаго года.** Желающіе подписаться на газету платятъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На 8 мѣсяцевъ	10 р. 50 к.	11 р. 50 к.	13 р. — к.
7 »	9 » 50 »	10 » 50 »	12 » — »
6 »	8 » 50 »	9 » 50 »	10 » — »
5 »	7 » — »	8 » — »	9 » — »
4 »	5 » 50 »	6 » 50 »	7 » — »
3 »	4 » 50 »	4 » 80 »	5 » 50 »
2 »	2 » 80 »	4 » 30 »	4 » — »
1 »	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » 50 »

Примѣчаніе I. По соглашенію съ конторою допускается разсрочка подписной суммы.

Письма и деньги просимъ адресовать въ контору газеты въ С.-Петербургѣ.

Подписчики «Судебнаго Вѣстника» получаютъ газету **безплатно** въ теченіе тѣхъ сроковъ, на которые они подписались.

Примѣчаніе 2. Справочная часть судебнаго отдѣла нашей газеты будетъ содержать: а) своевременно сообщаемые списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ и С. Петербургскихъ Судебной Палатѣ, Окружномъ и Коммерческомъ судахъ, а также въ Столичномъ Съѣздѣ Мировыхъ Судей.

б) Краткія извѣщенія о состоявшихся резолюціяхъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената и С.-Петербургской Судебной Палаты.

в) Еженедѣльныя (по понедѣльникамъ) извлеченія изъ сенатскихъ объявленій—свѣдѣнія о лицахъ, вызываемыхъ въ суду, объявленныхъ несостоятельными должниками, и о заочныхъ рѣшеніяхъ. Кромѣ того, газета будетъ сообщать періодическія (за 2 или 3 мѣсяца) свѣдѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ, рѣшаемыхъ кассаціонными департаментами Правительствующаго Сената. 2—2

НОВАЯ КНИГА.

Память о Запорожьѣ и о послѣднихъ дняхъ Запорожской Сѣчи. Соч. Надхина. У книгопродавцевъ. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

По вопросамъ о воспитаніи дѣтей, научномъ обученіи, женскомъ трудѣ, свободѣ женщинъ, бракѣ и объ отношеніи къ падшимъ женщинамъ. Въ приложеніи: о спиритизмѣ, что такое природа, рай и адъ по Сведенборгу. Душа и тѣло. Свобода воли. откуда вѣра въ безсмертіе души.—Евг. Ф—съ СПб. 1877 г. Ц. 1 р.

Главное Правленіе Общества поданіи помощи при кораблекрушеніяхъ имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ:

1. Вятское Окружное Правленіе общества доноситъ: а) 11 апрѣля сего года крестьянка съ малолѣтнимъ сыномъ, переѣзжая на лошади по льду чрезъ Старицу (залинъ рѣки Вятки), провалились въ воду и на крикъ ея бывшимъ по близости однимъ изъ гребцовъ спасательной станціи Ильею Хвостанцевымъ была вмѣстѣ съ сыномъ благополучно вытащена изъ воды. б) 13 апрѣля Вятскаго уѣзда крестьянскій сынъ Степанъ Бронниковъ 10 лѣтъ, ловилъ въ майнахъ рѣки Вятки брода (противъ города Вятки) и по неосторожности упалъ въ майну, но находящійся на берегу отставной кандидатъ Александръ Никифоровъ бросился съ багромъ на санной лодкѣ къ утопающему и благополучно вытащилъ его изъ воды.

2. Екатеринославское Окружное Правленіе Общества доноситъ: что 28 апрѣля сего года въ 8 часовъ утра, во время сильной бури, лоцманами Екатеринославской спасательной станціи на лѣвомъ берегу рѣки Днѣпра, спасены съ помощью багровъ, плывшіе на лодкѣ, почти уже залитой водой, въ г. Екатеринославъ, два крестьянина с. Каменки: Кирило Кузьменко и Несторъ Сергіенко.

и 3. Комитетъ Нарвскаго Портового купечества доноситъ: что 1 мая сего года въ 6 часовъ утра лодка, шедшая отъ стоящаго на рейдѣ Норвежскаго корабля «Норненъ», была опрокинута въ бурунахъ. Находящіеся на этой лодкѣ шкиперъ и два матроса съ вышеназваннаго корабля, были спасены помощью спасательной лодки, а затѣмъ приведенныя на спасательную станцію въ безчувственномъ состояніи, благодаря весьма тщательному уходу, были приведены въ чувство.

ДЛЯ ГГ. ВОЕННЫХЪ КНИЖКА для донесеній и приказаній ВЪ ПОЛѢ,

составленная полковникомъ Паренсовымъ, продается въ Магазинѣ **В. Веллинга и К°.** Уголъ Большой Морской и Невскаго пр., д. № 16—15, въ С.-Петербургѣ.

Цѣна книжкѣ безъ пересылки **50** коп., съ пересылкой **60** коп.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ ФР. ПАЗДИРЕКЪ.

Москва, Никольская, д. Славянскаго Базара поступ. въ продажу слѣдующ. новости:

1) Молитва русскаго на Вѣру, Царя и Отечества, соч. І. Рыба. Для пѣвіи съ фортепіано цѣна 1 руб., для одного фортепіано цѣна 1 руб. съ роскошной картиной на заглавномъ листѣ профессора Трутовскаго.
2) Жевіо Матушка Москва, торжественный маршъ, соч. І. Рыба. Для одного фортепіано въ 2 руки съ прекрасной картиной цѣна 1 руб.
3) Перестъ Битвою, военный маршъ, соч. Ф. Лангера съ картиной. Цѣна 75 к.
4) Съ береговъ Дуная, торжественный маршъ на мотивъ Венгерской Рапсодіи Листа, соч. Ф. Лангера. Цѣна 75 коп.
5) Ура! Русскіе Храбрецы, русскій народный маршъ на народные мотивы съ картиной, соч. В. Львова. Цѣна 50 к.
6) Юго-Славянскій маршъ, соч. Романовскаго. Цѣна 75 к.
7) Сербо-Русскій маршъ, соч. Чайковскаго. Цѣна 50 коп.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА,

Петербургъ. Невскій проспектъ, домъ № 88.

Выдаетъ ссуды подъ проц. **бумаги и акціи.**

Выдаетъ дополнительныя ссуды по банковымъ копіямъ съ обязательствъ, съ перезалогомъ бумагъ въ конторѣ.

Учитываетъ до срока нужныя и вышедшія въ тиражъ бумаги.

Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетовъ обоихъ внутреннихъ съ выигрыш. займа

По 30 коп. за билетъ.

Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы

По 40 коп. за билетъ.

Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями. Всѣ биржевыя и банкирскія операціи **по покупкѣ, продажѣ и залогу** бумагъ отъ **гг. иногородныхъ** исполняются по письменнымъ приказамъ чрезъ почту.

Подробную программу операцій можно получать въ Конторѣ.

СВѢЖІЯ СѢМЕНА

Огородныя, хлѣбныя, травяныя, цвѣточныя и древесныя имѣетъ честь предложить

сѣменная торговля А. УШАКОВА

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.

Подробный прейсъ-курантъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ раздается и высылается по требованію безплатно. 8—5

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ КРЫМА 4 т. въ 17-ти специал. частяхъ съ политипажами. Соч. Дѣйств. члена Император. Географическаго и другихъ обществъ, Василія Христофоровича Кондараки, временно распродается по типограф. цѣнѣ 6 руб съ пересылкою. Адресоваться въ г. Ялту (Тавр. губ.) лично или письменно къ автору, до іюля месяца. 3—2

Дозволено цензурою. СПБ. 10 Іюня 1877 г. Тип. Безобразова и Аргуна, № 10.

Библиотека «Руниверс»

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 25 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 20 Іюня 1877 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи .	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нивы» помѣщается въ С.-Пбургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Генералъ-адъютантъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Докторъ исторіи, почетный членъ и членъ-корреспондентъ академіи наукъ, почетный членъ Михайловской артиллерійской академіи, предсѣдатель Военнаго Совѣта, военный министръ, генералъ-адъютантъ Генеральнаго Штаба Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ родился въ Москвѣ въ 1816 г. и воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ.

Журналъ „Нива“ уже имѣлъ случай говорить (см. „Ниву“ 1872 г., № 10, стр. 149) о первоначальной службѣ и дѣятельности Дмитрія Алексѣевича. Настоящее военное время, ясно указавшее при самомъ началѣ войны на замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе нашей арміи, даетъ намъ случай перечислить здѣсь въ краткихъ чертахъ заслуги Дмитрія Алексѣевича. Къ числу таковыхъ прежде всего нужно отнести введеніе общей воинской повинности. Тягота военной службы, несомая прежде исключительно простымъ народомъ податного состоянія, въ настоящее время распредѣлена равномѣрно на всѣ сословія, съ сохраненіемъ преимуществъ только по личному образованію; естественно, что отъ этого остается въ народѣ больше дѣйствующей, рабочей силы. Благодаря сокращенному до 5—6 лѣтъ сроку службы, членъ семьи временно только отсутствующій, не отчуждается отъ нея совсѣмъ, какъ это было прежде, а возвращается въ нее полнымъ еще силъ работникомъ и притомъ грамотнымъ. Болѣе тѣсное сближеніе разнородныхъ сословій, вынужденное служебной необходимостью, непремѣнно тоже имѣетъ долю своего цивилизующаго вліянія на необразованный классъ, и въ результатѣ выходитъ, что мѣра всеобщей воинской повинности гораздо больше содѣйствуетъ всеобщему народному образованію, чѣмъ сравнительно малое количество народныхъ школъ, устраиваемыхъ съ этою единственною цѣлью. Будучи самъ человѣкомъ науки, съ высокимъ разностороннимъ образованіемъ, какъ истинный цѣнитель знаній, Дмитрій Алексѣевичъ отдалъ предпочтеніе лицамъ, окончившимъ какіе либо полные курсы (см. уставъ воинской повинности), выработавъ для нихъ большія преимущества. Засимъ можно указать на реформы во внутренней администраціи по обученію и образованію военныхъ чиновъ, по снабженію ихъ довольствіями разнаго рода, по мобилизаціи войскъ на случай войны, по преобразованію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Генералъ-адъютантъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, Военный Министръ.
Грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Необходимо замѣтить, что прежде вся хозяйственная и административная часть полка сосредоточивалась въ рукахъ одного полкового командира, бывшаго распорядителемъ и расходчикомъ суммъ. Такая система представляла множество случаевъ плачевнаго состоянія полкового хозяйства. Въ настоящее время вся хозяйственная часть находится въ рукахъ комитета, состоящаго изъ нѣсколькихъ чиновъ полка, постоянно мѣняющихся, притомъ лично заинтересованныхъ въ благосостояніи частей его; полковому-же командиру предоставленъ только надзоръ за правильнымъ веденіемъ дѣлъ, расходованіемъ суммъ и строевое обученіе части. Полковыя хозяйства обогатились, солдатъ сталъ сытъ и получаетъ сполна все имъ выслуженное. Интендантства (бывшія коммисаріатскія и провіантскія коммисіи) также преобразованы до основанія. Расширеніе курса академіи Генеральнаго Штаба и постоянное поощреніе окончившихъ въ ней курсъ замѣщеніемъ ихъ на болѣе видныя должности привлекаютъ все болѣе и болѣе желающихъ воспользоваться преимуществами этого учрежденія. Но прямое участіе военнаго министра въ дѣлѣ преобразованія военно-учебныхъ заведеній—есть созданіе военныхъ училищъ, среднихъ учебныхъ заведеній, спеціально устроенныхъ для посвящающихъ себя военной службѣ. Со времени ихъ учрежденія, съ 1864 года, прекрасные результаты уже обозначились тѣмъ, что большинство офицеровъ, поступающихъ въ различныя академіи и по преимуществу въ академію Генеральнаго Штаба, а также и большинство лучшихъ строевыхъ офицеровъ какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи, составляютъ воспитанники училищъ. Устройство юнкерскихъ училищъ, состоящихъ изъ вольноопредѣляющихся, подняло также общій уровень знаній офицеровъ вообще и теперь весьма трудно встрѣтить офицера, неумѣющаго читать и понимать карту, сдѣлать наброски мѣстности или же рѣшить какую-нибудь несложную военную задачу, относящуюся до распредѣленія войскъ при извѣстныхъ условіяхъ. Вообще весь составъ офицеровъ нынѣшней арміи, во всѣхъ отношеніяхъ, сталъ гораздо выше прежняго. Перевооруженіе войскъ соотвѣтственно новѣйшимъ требованіямъ, при безпрестанно почти мѣняющихся изобрѣтеніяхъ по этой части, было для Д. А. постоянною заботою и стоило не малаго труда и различныя системы скорострѣльныхъ ружей, заряжающихся съ казны, были вводимы, испытываемы и замѣняемы новыми, признаваемыми болѣе совершенными; то-же самое приходилось продѣлывать и съ орудіями. Окончательно же у насъ приняты винтовки Бердана и 9 и 4-хъ-фунтовыя мѣдныя орудія, заряжающіяся съ казны. Предыдущія кампаніи, австро-прусская и франко-прусская, послужили прекраснымъ примѣромъ и указателемъ достоинствъ и недостатковъ, которыми должна обладать боевая сила страны, и Дмитрій Алексѣевичъ пересоздалъ армію на удивленіе. Устройство желѣзно-дорожныхъ военныхъ командъ, подготовкою офицеровъ и нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ мирное время для обученія при частныхъ обществахъ, даетъ въ настоящее время намъ возможность, гдѣ бы то ни было принять въ свое вѣдѣніе эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ и тѣмъ содѣйствовать ускоренной и безпрепятственной транспортировкѣ войскъ. Мобилизація по случаю нынѣшней войны, не смотря на наше огромное пространство и еще только первый опытъ, произведена была съ замѣчательною скоростью и по этому опыту опредѣлилось, что въ 12 дней мы можемъ сосредоточить свои войска на какой угодно изъ нашихъ границъ въ количествѣ 4—5 корпусовъ. По отзывамъ компетентныхъ людей, никогда наша армія не была въ такомъ блестящемъ состояніи, во всѣхъ ея составныхъ частяхъ, въ какомъ она находится теперь. Всѣмъ этимъ мы обязаны высокопросвѣщенному уму и неутомимой энергіи Дмитрія Алексѣевича. Вдумываясь въ дѣятельность Дмитрія Алексѣевича, приходишь къ убѣжденію, что едва ли кто-либо изъ предшествовавшихъ ему людей былъ болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ онъ, какъ по высокому своему образованію и развитію, такъ и по разносторонней неустанной дѣятельности, обнимающей всѣ части его обширнаго управленія, не только прямо зависящія отъ него, но и тѣ даже, которыя только подвѣдомственны ему, имѣя самостоятельныхъ дѣятелей. Но представляемый нами очеркъ не въ состояніи дать даже приблизительно полнаго понятія объ этомъ государственномъ дѣятелѣ.

Н—евъ.

AQUIS SUBMERSUS.

Новелла Теодора Шторма.

(Окончаніе).

Герръ Іоаннъ такъ разсказываетъ далѣе:

„Утромъ слѣдующаго дня, едва только башня церковная, что передъ окнами моими была, подъ первыми лучами утренней зари заалѣла, всталъ я съ постели. Одѣвшись, я вышелъ на базарную площадь, на которой булочники открыли уже свои лари. У ратуши суетились рабочіе; нѣкоторые изъ нихъ на перила главнаго крыльца черное сукно накладывали, я-же съ поспѣшностью подъ арку ратуши прошелъ и изъ города вышелъ.

На тропинку выйдя, что за садомъ замковымъ, примѣтилъ я то мѣсто, гдѣ была поставлена новая висѣлица и костеръ размѣровъ изрядныхъ. Нѣсколько человѣкъ около костра возилось, подкладывая подъ дрова солому и т. п., быстро загорающееся. Изъ города черезъ поле уже бѣжали къ костру мальчуганы. Болѣе ни на что вниманія не обращая, бодро шагалъ я впередъ. Миновавъ группу деревъ, видѣлъ я налѣво море, зарумянившееся подъ сіяніемъ утра... И невольно я руки скрестилъ и стихъ молитвенный произнесъ:

О, Боже нашъ, о, нашъ Спаситель,
Простри надъ всѣми свой покровъ.
Ты—нашъ судья, но ты не мститель,
Ты—милость только и любовь.

Очутившись на большой дорогѣ, пролегавшей черезъ пустырь, повстрѣчалъ я толпу крестьянскую, въ коей много было обоего пола ребятъ.

— Куда спѣшите вы? спросилъ я; вѣдь нынѣ день не базарный?

Зналъ я ихъ отвѣтъ: желали они видѣть, какъ станутъ сжигать колдунью, *чортово отродье*. Но вѣдь она померла!

— Про то мы знаемъ и намъ очень досадно,—отвѣтили крестьяне и добавили:

— Вѣдь-то племянницей была нашей повитухѣ, старухѣ Маргаритѣ, такъ ужъ намъ въ деревнѣ оставаться не приходится. Ну, что-жь, и то хорошо, что хоть трупъ-то сожгутъ!..

Тутъ съ дороги я свернулъ и пустыремъ пошелъ, а трава отъ росы была еще мокрая. Душа моя одиночества требовала... Издали казалось мнѣ, что словно вся деревня на дорогу высыпала и къ городу устремляется. До холма дойдя, что среди пустоши возвышался, я внезапно подумалъ: не слѣдуетъ ли и мнѣ тоже въ городъ вернуться или налѣво, къ морю пойти, туда, гдѣ стоитъ на берегу деревушка?.. Но передо мною въ воздухѣ, какъ бы счастіе мое плавало... И мною надежда безумная овладѣла; я весь трепеталъ. А что ежели та, которую я видѣлъ недавно, дѣйствительно была *она*, Катерина?...

Чувствовалъ я, какъ въ груди моей сердце стучало. Большой крюкъ по пустырю я сдѣлалъ, такъ какъ *не хотѣлъ* видѣть на повозкѣ пастора, также *въ городъ* отправляющагося... Но, въ концѣ концовъ, все-таки къ деревнѣ направился я, гдѣ обиталъ пасторъ.

Очутившись тамъ, я пошелъ поспѣшно къ церковному дому. Дверь, однако-же, заперта была. Въ нерѣшительности, съ минуту простоялъ я, не зная что мнѣ дѣлать—и потомъ кулакомъ началъ въ дверь стучать. Въ жилищѣ все тихо было. Когда я усилилъ стучаніе, изъ сосѣдняго дома вышла полуслѣпая старуха, служанка.

— Гдѣ экономъ? спросилъ я.

— А онъ съ пасторомъ въ городъ поѣхалъ,—старуха мнѣ въ отвѣтъ.

Словно громомъ пораженный, стоялъ я, смотря на женщину.

— Не больны-ли вы, г. живописецъ?

Я отрицательно качнулъ головою и спросилъ:

— Такъ дѣти нынѣ не обучаются?

— Боже сохрани! вѣдь сегодня жгутъ тамъ колдунью... Ну, всѣ и побѣжали.

Я велѣлъ старухѣ отпереть дверь и, войдя, забралъ

Библиотека "Руниверс"

рисовальныя принадлежности и портретъ, почти уже оконченный. Поставивъ портретъ на мольбертъ въ классной комнатѣ, я сталъ одежду пастора подрисовывать, но то было самообманываніе: не былъ я къ работѣ расположенъ, да и не писать явился я сюда!...

Старуха пришла ко мнѣ и жаловаться начала на времена тяжелыя, а мнѣ весьма желалось ее распросить о женѣ пастора: молода или стара она, откуда родомъ и проч., но не поворачивался языкъ мой, не могъ я ни одного вопроса задать. А старуха тутъ стала разглагольствовать о колдуньѣ той и теткѣ ея Маргаритѣ, каковая одарена была способностью видѣть привидѣнія. И вотъ разсказала она мнѣ о томъ, какъ эта повитуха, ночью однажды, три савана видѣла, которые надъ пасторскимъ домомъ носились... А то дурнымъ предзнаменованіемъ служитъ, да ужъ навѣрное даромъ не пройдетъ (такъ молвила она); пасторша, хотя барыня она знатная, но все же блѣднолица весьма и здоровьемъ слаба.

Не желая слушать долѣе ея болтовню, я изъ дому вышелъ и къ пасторату побрелъ, что выходитъ фасадомъ главнымъ на проѣзжую деревенскую дорогу. Въ какомъ-то страстномъ томленіи обращалъ я взоры на окошечки, но кромѣ горшковъ цвѣточныхъ ничего не примѣтилъ тамъ.

Вернуться мнѣ слѣдовало бы, а я впередъ двинулся, и на берегу морскомъ побывалъ, и куда ходилъ еще—не знаю, помню только, что къ полудню опять у церковнаго дома очутился. Но на этотъ разъ въ классную комнату я не пошелъ, а черезъ калитку на выгонъ вышелъ...

Никогда не забыть мнѣ того садика, что на выгонъ выходилъ, какъ и пасторатъ, но со стороны противоположной. Между садикомъ и пасторатомъ группа ивовыхъ кустовъ стояла, которая, окаймляла ровъ, повидимому, наполненный водою, ибо однажды видѣлъ я, какъ служанка оттуда шла съ ведрами въ рукахъ.

И когда я съ тревогою въ душѣ по этому садику бродилъ, внезапно услышалъ мелодичный женскій голосъ, звучавшій съ выгона... И пошелъ я на эти звуки, ласкавшіе мой слухъ. Миновавъ бузиновый кустарникъ, увидѣлъ я маленькаго Іоанна, шедшаго къ тѣмъ ивамъ и несшаго въ рученкахъ своихъ мохъ, здѣсь попадающійся.

Ребенку изъ этого мху хотѣлось устроить себѣ подобіе садика, что такъ часто дѣлаютъ дѣти. Но вотъ опять до моего слуха долетаютъ слова: „Ну, подыми же это все теперь на ручки: вѣдь ты уже набралъ цѣлую охапку! да постой, я сама тебѣ поищу еще побольше, вѣдь тамъ, около бузиннаго куста, моху вдоволь!“

И вотъ она сама показалась изъ-за ивы, не давъ мнѣ томиться въ сомнѣніи напрасномъ. Опустивъ глаза и смотря въ землю, она подходила ко мнѣ все ближе и ближе, такъ что я могъ разсмотрѣть ее безъ всякаго препятствія. Я опять увидѣлъ то-же съ дѣтскимъ выраженіемъ лице, напомнившее мнѣ чудное время, когда ради ея я подстрѣлилъ на деревѣ чудовищную сову. Нынѣ этотъ дѣтскій ликъ былъ блѣденъ и отпечатка счастья и бодрости духа въ немъ уже не было видно.

Такимъ образомъ, меня не замѣчая, она подошла ко мнѣ весьма близко; вотъ она опустилась на колѣни на томъ мѣстѣ, гдѣ подъ кустомъ былъ мохъ; но руки ея до него не касались; голова ея упала на грудь и невидимая своимъ ребенкомъ, она какъ будто хотѣла хоть на минуту забыть свое тяжелое горе.

Тутъ тихо я сказалъ: „Катерина!“

Она подняла голову, я схватилъ ее за руку и насильно повлекъ за собою подъ тѣнь кустовъ. И тутъ послѣ того, какъ я наконецъ отыскалъ ее и стоялъ теперь передъ нею, не былъ въ состояніи вымолвить ни одного слова, она отворачивала отъ меня свои взоры и въ заключеніе проговорила съ какимъ-то, почти безучастнымъ выраженіемъ въ голосѣ: „Такъ-то устроилась наша судьба, Іоаннъ! Я хорошо знала, что чужестранный художникъ, это былъ ты, но никакъ не думала, что сегодня ты придешь ко мнѣ“.

Я выслушалъ ея слова и потомъ сказалъ ей:

— Катерина, такъ ты теперь жена пастора?

Она стояла неподвижно и смотрѣла на меня съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ и грустью. „Да, онъ пріобрѣлъ право называть меня своей женой“, отвѣчала она, „а твое дитя носитъ честное имя“.

— Мое дитя, Катерина?

— И ты не чувствовалъ этого?... Вѣдь онъ сиживалъ у тебя на рукахъ; онъ самъ объ этомъ мнѣ однажды разсказывалъ.

— О, какъ не растерзать такому горю бѣдное человѣческое сердце! И ты, и мое дитя, вы оба потеряны для меня на вѣки!

Она смотрѣла на меня; не плакала, но была мертвенно блѣдна.

— Нѣтъ, я не хочу этого! вскричалъ я,—я требую...

И дикое бѣшенство овладѣло моимъ мозгомъ. Но ея маленькія ручки тотчасъ же взяли свѣжій, прохладный листъ и приложили его къ моему челу, а каріе глаза ея смотрѣли на меня изъ блѣднаго лица съ умоляющимъ выраженіемъ.

— Нѣтъ, Іоаннъ,—сказала она,—ты не сдѣлаешь этого, ты не захочешь, чтобы я стала еще болѣе несчастной.

— Но развѣ ты, Катерина, можешь жить подобнымъ образомъ?

— Жить? Довольно того, что онъ любитъ ребенка. Чего же еще больше требовать?

— Ну, а о насъ самихъ, о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ, вѣдомо ли ему?

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она стремительно. Онъ взялъ въ жены просто грѣшницу, ничего больше. О, Боже мой, не довольно ли того, что каждый новый день моей жизни всецѣло принадлежитъ ему.

Въ эту минуту донеслись до насъ звуки нѣжнаго, поющаго голоса.

— Это поетъ дитя; я должна идти къ нему; боюсь, чтобы не приключилось съ нимъ чего-либо!

— Останься; теперь онъ играетъ и забавляется мохомъ.

Она подошла ближе къ кустарнику и начала прислушиваться. Золотистое осеннее солнце еще порядочно грѣло, только со стороны моря вѣялъ легкій вѣтерокъ. За ивами раздавался голосокъ нашего дитяти, который пѣлъ:

„Два ангела меня хранятъ,
Два ангела меня ласкаютъ,
Мнѣ въ очи ласково глядятъ
И райской жизни научаютъ!

Катерина пришла опять ко мнѣ и снова устремила на меня свои большіе, задумчивые глаза. „Ну, теперь прощай, Іоаннъ, тихо сказала она, больше мы не увидимся на этомъ свѣтѣ!“

Напрасно я хотѣлъ прижать ее къ груди своей; я обхватилъ ее обѣими руками, но она оттолкнула меня и сказала съ нѣжностью:

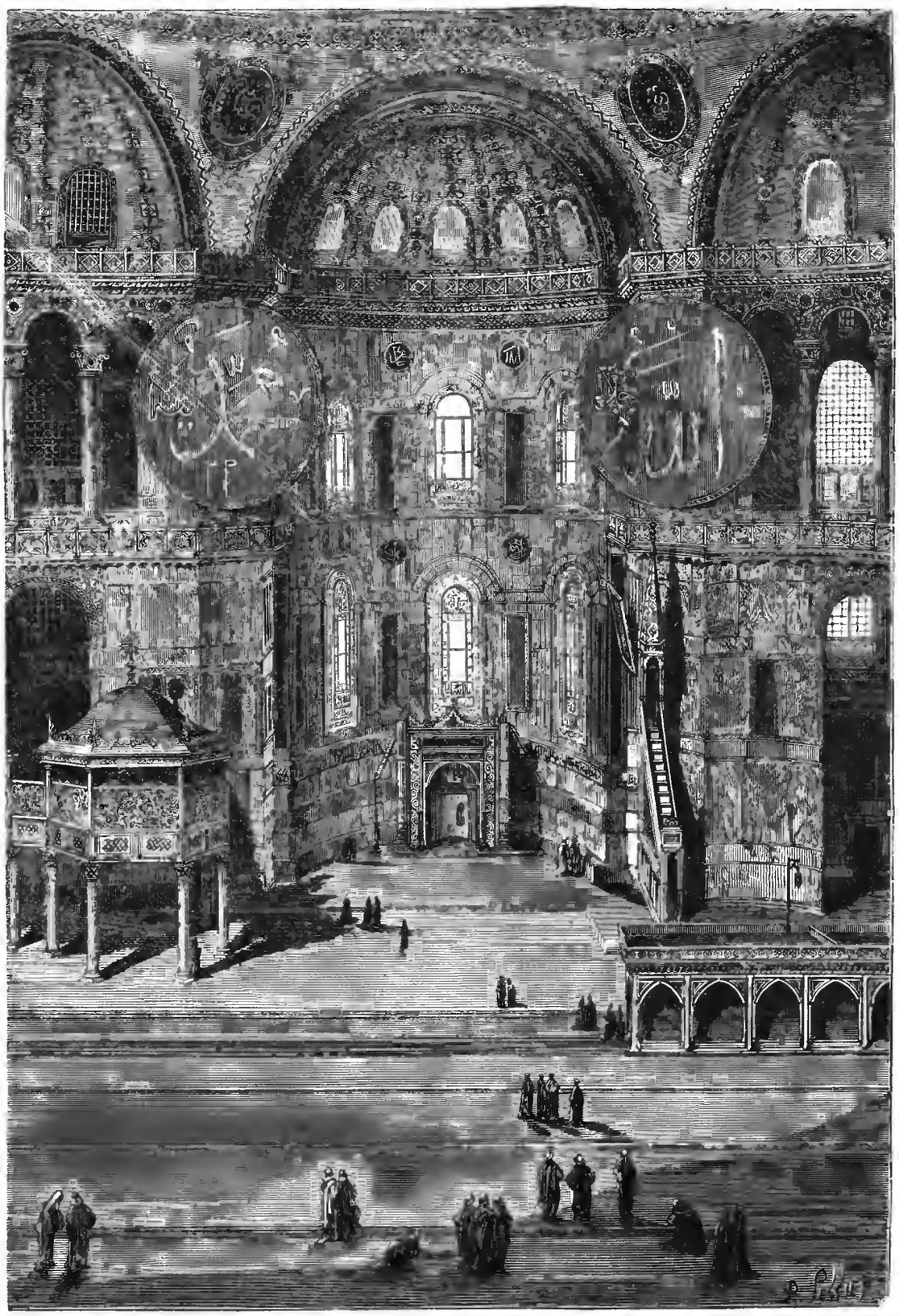
— Ты знаешь, что я жена другого; не забывай этого.

— А кому же, Катерина,—сказалъ я сурово,—принадлежала ты до того времени, когда начала принадлежать этому другому?

Болѣзненный стонъ вырвался изъ ея груди; она закрыла лицо руками и вскричала: „О, горе мнѣ! О, горе мнѣ бѣдному, опозоренному существу“!

Тогда я уже не могъ обуздать себя; я привлекъ ее къ себѣ на грудь и обхвативъ крѣпко, какъ бы же-

Библиотека "Руниверс"



Мечеть Ая-Софія въ Константинополѣ. Рис. П. Пелье, грав. Робертъ.

Библиотека "Руниверс"

Цапли (Ardea). Рис. Вольфъ, грав. Жонваръ.

Библиотека "Руниверс"

лѣзными объятіями сжималъ ее въ нихъ безъ конца! И ея очи смотрѣли въ мои, и ея алыя губки впивались въ мои уста; мы страстно сжимали другъ друга: я бы въ силахъ былъ убить ее, если бы только намъ обоимъ можно было умереть въ одно и то-же время. И когда мой взглядъ, полный блаженства, любовался ея личикомъ, тогда она шептала мнѣ, почти задушаемая моими поцѣлуями: „О, какая долгая, грустная жизнь! О, Іисусъ милосердый, прости мнѣ этотъ часъ увлеченія!"

Вмѣсто отвѣта послышался суровый голосъ мущины, изъ устъ котораго здѣсь впервые я услышалъ ея имя.

Зовъ раздавался со стороны сада пастора и былъ повторенъ гораздо громче: „Катерина!". Миновало наше счастье: съ видомъ отчаянія посмотрѣла она на меня и молча, какъ тѣнь исчезла.

Когда я воротился въ домъ эконома, то послѣдній былъ уже тамъ. Онъ тотчасъ же началъ разсказывать объ исполненіи судебнаго приговора надъ бѣдной колдуньей. „Все это, вѣроятно, весьма мало интересовало васъ", сказалъ онъ мнѣ, „въ противномъ случаѣ вы не воротились бы въ деревню, а пошли бы въ городъ, куда нашъ пасторъ погналъ всѣхъ мужиковъ и даже бабъ".

Отвѣчать ему мнѣ не было времени; пронзительный крикъ раздался въ воздухѣ: во всю жизнь я не забуду этого крика.

— Что такое тамъ случилось? вскричалъ я.

Экономъ вскочилъ на окно и сталъ прислушиваться, но болѣе ничего не было слышно. „Клянусь Богомъ," сказалъ онъ, „это кричала женщина и этотъ крикъ доносился со стороны пасторскаго сада".

Въ эту минуту вошла въ двери старуха-служанка. — Ну что, баринъ? кричала она мнѣ, саваны-то въ заправду упали на крышу пасторскаго дома!

— Что вы этимъ хотите сказать, бабушка?

— А то, что сына пастора, маленькаго Іоанна, только что вытащили изъ воды.

Я стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты и миновавъ садъ добѣжалъ до пасторскаго двора, но подъ ивами текли по прежнему мутныя волны и тутъ же на травѣ видны были остатки мокраго ила. Не размышляя и не давая себѣ ни въ чемъ отчета я перешагнулъ бѣлую калитку и вошелъ въ садъ пастора. Я хотѣлъ уже войти въ самый пасторскій домъ, какъ самъ хозяинъ попался мнѣ на встрѣчу. Высокій, сухопарый мущина былъ въ самомъ расположенномъ видѣ; глаза его были красные, а черные волосы въ безпорядкѣ падали на лобъ. „Что вамъ угодно"? проговорилъ онъ. Я пристально глядѣлъ на него, но не могъ вымолвить ни одного слова. „Что же наконецъ вамъ угодно? Я васъ знаю"! продолжалъ онъ. „Жена наконецъ все мнѣ разсказала".

Эти слова развязали мнѣ языкъ.

— Гдѣ дитя мое? вскричалъ я. Тогда онъ произнесъ:

— Онъ утонулъ и оба родителя виноваты въ томъ, что умѣли охранять его.

— Такъ пустите меня къ моему мертвому ребенку!

И я, миновавъ его, хотѣлъ проникнуть въ самый домъ, но онъ заслонилъ мнѣ дорогу. „Жена", сказалъ онъ, „склонясь надъ трупомъ вопіетъ къ Господу о грѣхахъ вашихъ. Вы не должны входить туда, ради спасенія бѣдной души вашей"!

Что отвѣчалъ я въ эту минуту, я почти не помню, но послѣдующія слова пастора глубоко запечатлѣлись въ моей памяти.

— Слушайте,—сказалъ онъ,—я васъ ненавижу всѣмъ сердцемъ; и вы, конечно, мнѣ платите тѣмъ же, хотя и надѣюсь, что Богъ по своему милосердію проститъ намъ и дастъ искупить эту взаимную ненависть, но кромѣ того у меня съ вами есть нѣчто общее, которое насъ связываетъ. Идите же теперь домой и заготовьте доску или полотно! Съ тѣмъ или другимъ приходите сюда завтра, рано утромъ, и снимите личико усопшаго. Не мнѣ и не моему дому, но здѣшней церкви, гдѣ онъ такъ часто бывалъ, въ продолженіи своей краткой и безгрѣшной жизни, вы можете пожертвовать вашу картину. Пусть она тамъ напомнитъ людямъ, что подъ костлявою рукою смерти все становится однимъ прахомъ!

Я удивленно посмотрѣлъ на моего собесѣдника, который еще не задолго передъ симъ, считалъ благородное искусство живописи какой-то всемірной блудницей, но все таки я обѣщалъ все учинить какъ слѣдуетъ.

Дома, между тѣмъ ожидало меня извѣстіе, которое изъ мрака прошлаго, вызвало грѣхъ и раскаяніе моей юности и я могъ узрѣть всѣ звенья, одно за другимъ, этой цѣпи моего бытія.

Братъ мой, котораго слабый организмъ сильно разстроился отъ страшнаго зрѣлища, при коемъ онъ долженъ былъ вчера присутствовать, захворалъ и залегъ въ постель. По приходѣ моемъ онъ поднялся. „Мнѣ еще нуженъ покой", сказалъ онъ, подавая мнѣ листъ еженедѣльной газеты"; но прочти это самъ! Отсюда, ты увидишь, что замокъ Герръ Гергардуса перешелъ въ чужія руки, такъ какъ дворянчикъ Вульфъ, оставшись холостымъ и бездѣтнымъ, отъ укушенія бѣшеннаго пса погибъ едва-ли не мучительной смертью".

Я схватилъ листъ, который мой братъ подалъ мнѣ и это извѣстіе чуть не повергло меня въ обморокъ.

При этой страшной новости мнѣ казалось, что будто римскія ворота снова отворились передо мною, но ихъ оберегалъ ангелъ съ огненнымъ мечемъ и къ нему-то начало вопіять мое сердце: О, стражъ, о, стражъ Эдема, ты опоздалъ своимъ призывомъ!...

Эта смерть могла бы дать намъ жизнь; но теперь она можетъ лишь иныхъ устрашить и быть имъ ужаснымъ урокомъ. Я усѣлся въ моей верхней комнатѣ; прошли сумерки и настала ночь; я долго смотрѣлъ на вѣчныя звѣзды и наконецъ легъ въ постель; но успокоительный сонъ не смыкалъ очей моихъ. При моихъ возбужденныхъ чувствахъ, мнѣ представлялось странное явленіе. Мнѣ казалось будто надъ самымъ моимъ окномъ раздавались удары церковнаго колокола; я даже слышалъ эти удары надъ самою кроватью и считалъ ихъ въ теченіе всей ночи. Наконецъ замерцало утро. Бревна потолка моей комнаты еще казались какими-то туманными полосами, какъ я уже вскочилъ съ кровати и не успѣлъ еще жаворонокъ подняться надъ жнивой, какъ я уже былъ въ дорогѣ, оставивъ городъ далеко за собою.

Но какъ не рано я вышелъ со двора, я засталъ пастора уже стоящимъ на порогѣ его дома. Онъ проводилъ меня и сказалъ, что по его распоряженію уже сюда перенесли доску, краски и прочія художественныя принадлежности. При этомъ онъ взялся было за ручку дверей, ведущихъ въ ближайшую комнату.

Однако я удержалъ его, сказавъ: „если онъ въ этой комнатѣ, то дозвольте мнѣ остаться одному, чтобы заняться моей трудной работой!"

—Въ этомъ никто не будетъ вамъ препятствовать, возразилъ онъ и отнялъ руку отъ защелки дверей. Все, что необходимо для подкрѣпленія вашего тѣла, вы найдете на той сторонѣ, въ сосѣдней комнатѣ.

Онъ указалъ мнѣ на дверь по другую сторону сѣней и потомъ удалился. Моя рука коснулась той защелки, на которой только передъ этимъ покоилась рука пастора. Во всемъ домѣ стояла мертвая тишина; съ минуту я долженъ былъ собираться съ силами, чтобы отворить дверь. Это была большая, почти пустая горница, можетъ быть, служившая пастору для приготовленія своихъ духовныхъ чадъ къ конфирмаціи; стѣны ея совершенно голыя были выбѣлены, а окна выходили на пустынное поле, тянувшееся вплоть до берега. Среди комнаты стоялъ бѣлый столъ, на подушкахъ котораго покоилось блѣдное, дѣт-

Библиотека "Руниверс"

ское личико съ закрытыми глазками; маленькіе зубки подобно перламъ сверкали въ полуоткрытыхъ, невинныхъ устахъ.

Я припалъ къ трупу моего сына и горячо молился. Потомъ я все приготовилъ, что для работы было потребно и началъ рисовать съ такою быстротою, какая необходимо при снятіи портрета съ мертваго, такъ какъ ко второму сеансу это лицо можетъ совершенно измѣниться. Порою меня бралъ ужасъ отъ этой глубокой непрерывной тишины, но когда я переставалъ работать и начиналъ прислушиваться, то убѣждался, что все было тихо. Только разъ, какъ будто легкій вздохъ долетѣлъ до моего слуха.—Я подошелъ къ одру умершаго и наклонился къ его безжизненнымъ губкамъ, но при этомъ прикосновеніи, щеки мои почувствовали только одинъ холодъ смертный. Я оглянулся кругомъ; въ комнатѣ была видима лишь одна дверь; она, можетъ быть, вела въ спальню, откуда этотъ вздохъ и могъ долетѣть до моего слуха!

Но какъ я внимательно ни прислушивался, я не слышалъ ничего болѣе; можетъ статься, мои собственныя чувства играли мною въ этомъ случаѣ. Я опять усѣлся и, поглядывая на маленькаго мертвеца, продолжалъ начатую работу; когда взглядъ мой упалъ на его ручки, которыя ничего не держали и покоились на покрывалѣ, мнѣ пришла мысль и я сказалъ самому себѣ: ты долженъ твоему ребенку сдѣлать какой-либо маленькій подарокъ! И я нарисовалъ на его портретѣ бѣлую водяную лилію, представивъ его держащимъ ее въ рученкахъ и какъ бы заснувшимъ, играя ею. Такого рода цвѣтокъ рѣдко встрѣчается въ этой мѣстности и потому онъ дѣйствительно могъ бы служить пріятнымъ подаркомъ.

Наконецъ голодъ оторвалъ меня отъ работы; мое утомленное тѣло требовало подкрѣпленія. Я отложилъ въ сторону кисть и палитру и черезъ сѣни направился въ комнату, указанную мнѣ пасторомъ. Но лишь только я туда вошелъ, какъ чувство изумленія заставило меня попятиться обратно къ двери. Катерина стояла передо мною и, не смотря на черное, траурное платье, была очаровательно хороша; такъ счастье и любовь могутъ отразиться въ лицѣ женщины.

Но, увы, я скоро убѣдился, что передо мною не она, а лишь ея изображеніе, самимъ мною нѣкогда написанное. Вѣрно потому и не было ему мѣста въ отцовскомъ домѣ.—Но гдѣ же она сама? Или она увезена или заперта здѣсь гдѣ-либо?—Долго, очень долго смотрѣлъ я на портретъ; былое время воскресало и терзало мнѣ сердце. Наконецъ, въ силу необходимости, отломивъ кусокъ хлѣба и проглотивъ двѣ рюмки вина, я снова возвратился къ моему дорогому усопшему ребенку. Когда я вошелъ въ комнату и снова хотѣлъ сѣсть за работу, мнѣ показалось, что вѣки глазъ маленькаго личика немного приподнялись. Тогда я наклонился надъ трупомъ, въ надеждѣ еще разъ уловить взглядъ моего ребенка, но передо мною по прежнему лежали холодныя очи, такъ что мнѣ даже сдѣлалось страшно. Смотря въ эти глаза мнѣ казалось, что въ нихъ выражается упрекъ кого-либо изъ моихъ предковъ и что этотъ незримый обличитель, черезъ посредство этого младенческаго взгляда хотѣлъ сказать мнѣ: „Мое проклятіе поразило васъ обоихъ"!—Но вдругъ, не будучи въ силахъ удержать своего порыва, я обнялъ обѣими руками маленькій, блѣдный трупикъ, и прижалъ его къ своей груди и, обливаясь горькими слезами, впервые лобызалъ моего возлюбленнаго ребенка.—Нѣтъ, нѣтъ, мой бѣдный мальчикъ, твоя душа, способная внушить любовь самому жестокому человѣку, не можетъ проявляться въ подобномъ взглядѣ; то, что въ немъ выражается, выражается только одною смертью. Тутъ вина всему не въ глубинѣ страшнаго прошлаго, но виноватъ во всемъ твой собственный отецъ; виновность поразила всѣхъ насъ ужаснымъ проклятіемъ.

Заботливо я положилъ опять моего ребенка въ подушку и тихо закрылъ ему глаза. Потомъ обмокнулъ свою кисть въ темно-красную краску и начертилъ внизу картины, на темномъ фонѣ, буквы: C. P. A. S. То обозначало: Coulpa patris aquis submersus. „По винѣ отца въ водѣ утопувшій". И подъ впечатлѣніе этихъ словъ, постоянно раздававшихся въ ушахъ моихъ, и рѣзавшихъ мою душу, какъ бы лезвіемъ шпаги я докончилъ картину. Въ продолженіе моей работы во всемъ домѣ царствовала мертвая тишина только на послѣдокъ, за тою дверью, за которою я чаялъ существованіе спальни, слышенъ былъ иногда тихій шорохъ. Не скрывалась-ли тамъ Катерина, чтобы невидимо присутствовать при моемъ тяжеломъ трудѣ? Я не могъ рѣшить этой загадки. Уже вечерѣло. Моя картина была готова, и я хотѣлъ удалиться, но не могъ оставить домъ, не сказавъ никому ни слова о своемъ уходѣ.—Такимъ образомъ, я стоялъ въ нерѣшимости, и смотрѣлъ въ окно, на пустынныя поля, на которыя уже начинали ложиться сумерки; но вотъ со стороны сѣней отворилась дверь и вошелъ пасторъ; онъ молча поклонился; потомъ со сложенными руками всталъ среди комнаты и началъ смотрѣть, то на портретъ, то на личико трупа, какъ бы дѣлая между оными тщательное сравненіе. Но когда его взоры упали на лилію, изображенную мною на портретѣ, то поднялъ обѣ руки какъ бы отъ чувства боли, и я видѣлъ, какъ неожиданно изъ глазъ его полились слезы обильнымъ потокомъ. Тогда простеръ и я мои руки надъ покойникомъ и громко воскликнулъ:

„Прощай, дитя мое! О, мой Іоаннъ, прощай!"

Въ этотъ моментъ мнѣ послышались тихіе шаги въ сосѣдней комнатѣ; кто-то шарилъ за дверью; я отчетливо слышалъ какъ произнесли мое имя или, можетъ быть, этотъ зовъ относился къ моему умершему ребенку? Потомъ за дверью зашумѣло какъ бы женское платье и послышался шумъ паденья какого-то тяжелаго тѣла. Катерина! вскричалъ я. И уже подскочилъ къ дверямъ и началъ трясти ручку замкнутой двери, когда пасторъ удержалъ меня за руку. „Это уже мое дѣло"! произнесъ онъ, „теперь уходите, уходите съ миромъ и да умилосердится Богъ надъ всѣми нами"!

И я тогда дѣйствительно ушелъ и не помню самъ, какъ очутился уже идущимъ по пустынной мѣстности по направленію къ городу. Еще одинъ разъ обернулся я назадъ чтобы посмотрѣть на только что покинутую мною деревню, которой неясныя очертанія еще виднѣлись среди вечерняго мрака. Тамъ я оставилъ моего мертваго сына, Катерину,—все, все!—Моя старая рана жгла грудь мою и было что-то необычайное въ томъ, что я вдругъ услышалъ прибой волнъ съ далекаго берега, когда до той поры никогда не было мнѣ слышно ничего подобнаго. Ни одна живая душа не встрѣчалась мнѣ на дорогѣ; ни одна птица не кричала въ воздухѣ; но глухой гулъ моря слышался мнѣ все внятнѣе и внятнѣе, подобно страшной колыбельной пѣснѣ: Aquis submersus—aquis submersus!

. . . . . .

Здѣсь кончается рукопись.

Да, было время когда этотъ самый художникъ Іоаннъ чувствовалъ въ себѣ задатки сильнаго таланта и надѣялся произвести нѣчто великое въ области своего искусства, но всѣ эти надежды остались одними словами, исчезнувшими въ воздушномъ пространствѣ.

Имя его не удостоилось извѣстности въ потомствѣ; и едва ли отыщете вы его въ какомъ либо біографическомъ словарѣ художниковъ; даже и на его незначительной по пространству родинѣ, никто не знаетъ ничего о живописцѣ этого имени. Большая картина, изображавшая „Воскресеніе Лазаря" хотя и упоминается въ хроникѣ нашего города, но ужъ въ началѣ

Библиотека "Руниверс"

настоящаго столѣтія, по сломкѣ нашей древней церкви, она вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными произведеніями искусства была продана за безцѣнокъ и исчезла Богъ знаетъ куда.

Конецъ.

Кабардинцы.

Предки нынѣшнихъ кабардинцевъ жили давнымъ давно въ окрестностяхъ Анапы. Вмѣстѣ съ другимъ племенемъ, адиге, они составляли одинъ народъ, говорившій на одинаковомъ языкѣ и состоявшій только изъ одного сословія. По умноженіи населенія часть адиге, жившая близь Анапы, перешла къ Азовскому морю, гдѣ и поселилась въ Крыму, слившись съ народами, бѣжавшими сюда отъ нашествія гунновъ. Изъ этого сліянія возникло новое племя кабардинцевъ. Правитель кабардинцевъ, Бесслакъ, раздѣлилъ весь народъ на классы. Высшій образовался изъ туземныхъ старшинъ, иностранцевъ, нагайскихъ мурзъ, абазинскихъ и осетинскихъ узденей. Сюда входили „твердые ходатаи", посредники между княземъ и народомъ; они наблюдали за сохраненіемъ старыхъ обычаевъ въ чистотѣ и за соблюденіемъ крестьянскихъ правъ. Ко второму классу отнесены „княжескіе дворяне"—родъ свиты князя; къ третьему —„молодцы", просто храбрые люди, возведенные владѣльцами въ своиратные сподвижники, какъ бы въ рыцари. Среднее сословіе—ядро племени адиге—было сильно численностью, богатствомъ и производительностью. Низшее—рабы и отщепенцы. Въ послѣднее время существованія независимыхъ Большой и Малой Кабарды вся власть сосредоточилась въ рукахъ валія и мекхеме. Валій, старшій по лѣтамъ кабардинскій князь, Мекхеме—собраніе. Положеніе князя было чрезвычайно высоко. Онъ всюду являлся окруженный приближенными, при чемъ строго былъ опредѣленъ церемоніалъ, гдѣ и въ какомъ порядкѣ должны были они размѣщаться; всякій верховой кабардинецъ, встрѣтившій князя, долженъ былъ вернуться назадъ и провожать его до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ отпущенъ. Если же князь не на конѣ, а идетъ пѣшкомъ, то всѣ встрѣчные кабардинцы спѣшивались. Случалось, что ревнуя объ исполненіи старинныхъ обычаевъ, кабардинскіе князья заставляли даже ѣхавшихъ въ тяжело нагруженныхъ арбахъ ворочаться назадъ и сопутствовать себѣ на значительныхъ разстояніяхъ. Требовательностью въ этомъ отношеніи особенно раздражали князья Тахтамышевы. Непомѣрная гордость и заносчивость ихъ, наконецъ, стали нестерпимы и народъ общимъ собраніемъ своимъ лишилъ ихъ княжескаго званія. Даже умершіе князья не хоронились на общественныхъ кладбищахъ. Одинокія ихъ могилы всегда обозначены высокими памятниками, разсѣянными по всей Кабардѣ.

Черкесъ изъ Кабарды (Терской области) Рис. В. Верещагинъ, грав. Лапланть.

Рожденный отъ холопа и свободной женщины былъ свободнымъ; сынъ князя и женщины не княжескаго происхожденія не считается княземъ. Воспитаніе княжескихъ дѣтей до семилѣтняго возраста предоставлялось какому-нибудь почтенному ворку (дворянину), въ домѣ у котораго они жили. Князья распространяли свое вліяніе на всѣ окрестныя племена, кромѣ кабардинскаго, а нѣкоторыя довели даже до состоянія рабства. Если княжескимъ холопомъ положенъ былъ камень у дверей сакли карачаевца, чегемца, хуламца и безенгіевца, то этого вполнѣ было достаточно для воспрещенія владѣльцамъ сакли входа и выхода изъ нея. Такъ точно и по отношенію къ пользованію пахотной и луговой землей князь имѣлъ неограниченную власть.

Кабардинскіе князья чрезвычайно уважались грузинскими царями, крымскими ханами, шамханами Тарковскими и другими ближайшими властелинами, а одна кабардинская княжна, Марья Темрюковна, была даже супругою царя и самодержца всея Россіи, Іоанна Грознаго. Русскіе князья Алецковы, Бековичи-Черкасскіе и просто Черкасскіе происходятъ изъ кабардинскихъ родовъ.

Кабардинцы—русскимъ болѣе извѣстны были подъ именемъ „черкесъ" и изстари составляли самую аристократическую расу въ Горномъ Кавказѣ.

Судебная власть вся сосредоточивалась прежде въ рукахъ главы семейства. Кабардинецъ Шора Ногмовъ въ своей „Исторіи адигейскаго народа" говоритъ, что „народъ этотъ не терпѣлъ неограниченнаго властителя на землѣ своей и думали, что лучшее благо человѣка—безусловная свобода. Но въ семьѣ старшій имѣлъ власть неограниченную. Отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрою. Всякій жилъ гдѣ и какъ хотѣлъ; но въ важныхъ случаяхъ единоплеменные сходились для совѣщаній и народъ уважалъ приговоръ старцевъ. Такимъ образомъ опредѣлялись войны, избирались вожди". Потомъ, общія собранія, потерявъ права иниціативы, собирались только для обсужденія предложеній владѣльцевъ и наконецъ народное представительство обратилось исключительно въ собраніе ворковъ (дворянъ) и духовенства. Самый популярный изо всѣхъ владыкъ Кабардинскаго народа, князь Иналъ, управлявшій адигейцами въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ поставилъ, вмѣсто главъ семейства, сорокъ судей надъ своимъ племенемъ. Только князь Бераланъ устраиваетъ здѣсь болѣе опредѣленную форму суда. Въ каждомъ аулѣ онъ учре-

Библиотека "Руниверс"

Часовой въ Москвѣ въ Допетровское время. Ориг. рис. И. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

дилъ хаэзжи—третейскій судъ, гдѣ разбирались всѣ дѣла, за исключеніемъ уголовныхъ. Этотъ порядокъ существовалъ до XVIII вѣка, т. е. до окончательнаго обращенія народа изъ христіанства въ исламъ. Князь Адель-Гирей Хатожукинъ, первый главнымъ образомъ сталъ здѣсь вводить мусульманство систематически. Онъ ввелъ шеріатъ, по которому преступники всѣ безъизъятія, смотря по важности преступленія, подвергались смертной казни и тѣлесному наказанію. За воровство не болѣе рубля—рубили лѣвую руку, свыше рубля до 100 р. отнимали правую руку и лѣвую ногу. За развратъ—смерть, за убійство—тоже. Такимъ образомъ со введеніемъ сюда мусульманства судебная власть кабардинцевъ сосредоточилась въ рукахъ муллъ. Русскіе, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ, въ 1807 году учредили судъ мекхеме, отдѣльный для каждаго колѣна Кабарды. Судъ мекхеме состоялъ изъ одного валія и 12 членовъ, изъ которыхъ двое было князей, остальные—узденн. Но судъ этотъ былъ сословнымъ судомъ и кабардинцы все таки въ большинствѣ случаевъ обращались къ безпощадно грабившимъ ихъ мулламъ. Въ 1822 г. генералъ Ермоловъ устроилъ здѣсь временные смѣшанные суды, въ которыхъ принимали участіе князья, узденн и русскіе чиновники. Уголовныя преступленія, каковы: убійство, измѣна, возмущеніе, побѣгъ за предѣлы линій со злымъ намѣреніемъ, укрывательство и подводъ хищниковъ къ злодѣйствамъ, сношенія съ ними, набѣги въ границы линій, обнаженіе оружія въ ссорахъ съ причиненіемъ ранъ, наказывались по рѣшеніямъ военнаго суда. Всѣ остальныя преступленія вѣдались судомъ вновь учрежденнымъ. Суду духовному—суду муллъ—были предоставлены только преступленія противъ вѣры, несогласія между супругами, дѣла между родителями и дѣтьми и т. д. Суды этого рода, несмотря на ихъ крайнюю непопулярность, несмотря на то, что они себя не разъ скомпроментировали самыми несправедливыми приговорами, не смотря, наконецъ, на постоянныя ходатайства кабардинцевъ объ ихъ упраздненіи, существовали до 1858 года, когда былъ учрежденъ окружной народный судъ, оставшійся еще и до настоящаго времени. Имѣя въ виду, что ничѣмъ инымъ не характеризуются такъ хорошо народныя нравы, какъ судебными процессами, мы приведемъ наиболѣе характерные изъ нихъ.

Въ Малокабардинскомъ участкѣ, во время танцевъ на свадьбѣ, молодой человѣкъ хотѣлъ уступить танцовавшую съ нимъ дѣвушку гостю, тоже желавшему потанцовать. Братъ дѣвушки принялъ это за обиду и ранилъ кавалера своей сестры.

Въ Черекскомъ участкѣ старикъ, замѣтивъ, что 8-ми-лѣтній мальчикъ, прогоняя быковъ, пустилъ ихъ травить его сѣно, сталъ бранить его и ударилъ хворостиной. Ребенокъ, выхвативъ кинжалъ, убилъ обидчика. Проѣзжій, разъ заѣхавъ къ своему знакомому и не заставъ его, взялъ у него со стѣны арканъ на время, за что и былъ убитъ хозяиномъ. Въ 1868 г. юноша, желавшій жениться на любимой дѣвушкѣ и не имѣя возможности заплатить за нее калыма, пригласилъ трехъ товарищей помочь ему увезти ее силой. Ночью молодежь, подъѣхавъ къ саклѣ дѣвушки и выломавъ дверь, ворвалась туда, пользуясь отсутствіемъ мущинъ. Женщины, узнавъ намѣреніе ворвавшихся, стали защищать похищаемую дѣвушку, наконецъ 12-тилѣтняя сестра ея, замѣтивъ, что молодежь ихъ одолѣваетъ, схватила ножницы, которыми стригутъ барановъ и переранивъ всѣхъ нападающихъ, убила жениха на мѣстѣ.

Каждый семьянинъ, у котораго здѣсь крадутъ дѣвушку, считаетъ себя глубоко оскорбленнымъ. Тотчасъ-же начинается преслѣдованіе и если погоня удачна, дѣло непремѣнно оканчивается убійствомъ. Обыкновенно же молодежь спѣшитъ похищенную красавицу спрятать куда-нибудь подальше въ лѣсъ, или въ домъ почетнаго родственника. Послѣ успѣшнаго исхода похищенія, родственники жениха, чрезъ посредство почетныхъ людей, вступаютъ въ переговоры съ родителями дѣвушки. Если послѣдніе заупрямятся, то дѣвушка должна вернуться во чтобы то ни стало, хотя бы она пламенно хотѣла остаться женою похитителя. Большая часть похищеній дѣлается по взаимному уговору дѣвушки съ женихомъ при пособничествѣ ея подругъ. Чаще всего случаи этого рода совершаются на праздникахъ во время танцевъ. Подруги, составивъ группу, гуляютъ по двору, во время антрактовъ между двумя танцами. Такимъ образомъ онѣ будто случайно заходятъ въ саклю, оттуда заднимъ ходомъ, въ огородъ или садъ, гдѣ уже ждетъ женихъ съ товарищами. Похищеніе обнаруживается только по окончаніи праздника, когда бѣжавшіе уже находятся далеко.

По существовавшему въ прежнее время обычаю, дѣвушка, рискнувшая бѣжать и выйти замужъ за человѣка, ниже ея происхожденія, отбиралась отъ послѣдняго и продавалась въ рабство, какъ неумѣвшая поддержать своего сословнаго достоинства, а похититель лишался жизни.

Воровство въ Кабардѣ—не преступленіе, а удаль, молодечество; воровствомъ юноша хвалится передъ любимою дѣвушкой. Едва ли найдется много кабардинцевъ, которые, вспоминая свое прошлое, скажутъ, что они ничего не крали. Даже кабардинскіе суды не смотрѣли на воровство какъ на проступокъ. Въ 1866 г. они ходатайствовали передъ начальствомъ, чтобы вмѣсто арестантскихъ ротъ виновныхъ въ воровствѣ, какъ въ молодечествѣ и удальствѣ, опредѣлять въ военную службу. Понятно, что ходатайство это не могло имѣть успѣха.

Пойманый въ воровствѣ можетъ очиститься только присягою двухъ благонадежныхъ людей. Разъ случилось, что таковые, прежде чѣмъ оправдать заподозрѣннаго, хотѣли его самого привести къ присягѣ. Присяга дается въ такой формѣ:

„Клянусь, что не воровалъ ничего съ тѣхъ поръ, какъ былъ спеленанъ и лежалъ въ люлькѣ“.

Обвиняемый присягнулъ, затѣмъ присягнули поручители и дѣло окончилось. Спустя нѣкоторое время хозяинъ украденной лошади случайно добылъ ясныя улики противъ оправданнаго. Немедленно представивъ ихъ, онъ потребовалъ обвиненія воровъ въ клятвопреступленіи.

— Гяуръ проклятый! напустились на него всѣ, посовѣстился бы класть страмъ на наши сѣдыя головы... Говори: принялъ ложную присягу?

— Нѣтъ! улыбаясь и спокойно отвѣчалъ обвиняемый.

— Какже такъ?

— Пока вы совѣщались съ присяжными, я сходилъ въ саклю матери, попросилъ спеленать себя и прилегъ на минуту въ люльку, ну а послѣ и далъ вамъ присягу.

Немировичъ-Данченко.

Къ рисункамъ.

Мечеть Ая-Софія въ Константинополѣ.

Среди немногихъ памятниковъ древняго византійскаго зодчества, храмъ св. Софіи, нынѣ мечеть Ая-Софія, стоитъ совершенно особнякомъ и нигдѣ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Это, безспорно, грандіознѣйшее зданіе Константинополя; своими массивными размѣрами выдѣляется оно изъ всѣхъ зданій его окружающихъ и издалека видно путнику, приближающемуся къ столицѣ высокой Порты. Но кромѣ того, помимо своей важности, какъ драгоцѣнный памятникъ средневѣковаго искусства, храмъ св. Софіи имѣетъ еще велико-духовное, мистическое значеніе. Этотъ храмъ, святыня для всѣхъ православныхъ, нынѣ поруганъ, обращенъ въ мечеть, лишенъ своихъ лучшихъ украшеній; но греки глубоко увѣрены, что дорогой имъ храмъ не всегда будетъ во власти турокъ, что придетъ время когда снова крестъ замѣнитъ на храмѣ ненавистную луну и снова надъ сводами св. Софіи раздастся славословіе Спасителя. Эту надежду выражаютъ они и въ своихъ преданіяхъ и въ своихъ народныхъ пѣсняхъ. И дѣйствительно, исторія храма, обильная знаменательными событіями, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ того глубокаго религіознаго чувства и того обожанія, которыя питаютъ къ нему греки. Извѣстно, что въ то время, когда восточная римская имперія, управляемая Юстиніаномъ, стояла въ зенитѣ своего могущества, а именно въ 530 г., сгорѣла въ Царьградѣ церковь, построенная еще Константиномъ Великимъ во имя св. Софіи премудрости божіей. Тогда Юстиніанъ, вообще любившій роскошь и великолѣпіе, возымѣлъ мысль построить на этомъ самомъ мѣстѣ такой храмъ, который могъ бы затмить собою пресловутый храмъ Соломона. Онъ поручилъ эту постройку двумъ способнѣйшимъ строителямъ своего времени, Антеніосу изъ Траллеса и Исидору изъ Минета и отпустилъ на нее громадныя суммы. Работы по сооруженію продолжались шестнадцать лѣтъ, причемъ до десяти тысячъ рабочихъ трудились надъ постройкой. Планъ храма предоставляетъ крестъ заключенный въ квадратѣ, каждая сторона котораго ровна 33-мъ саженямъ. Надъ его сосредоточіемъ возвышается пологій куполъ, покоющійся на четырехъ массивныхъ столбахъ. Вышина главнаго купола, построеннаго изъ легковѣсныхъ матеріаловъ, какъ то: пемзы и родосскаго кирпича, отъ помоста ровна 180 футамъ. Все зданіе поддерживается 80 колоннами и 104 столбами. Матеріалы для постройки, состоящіе изъ мрамора, гранита, порфира и прочаго, свозились изъ разныхъ частей имперіи. Такъ, четыре красныхъ порфировыхъ колонны были доставлены изъ бельбенскаго храма, а восемь малахитовыхъ столбовъ изъ Эфеса, изъ храма Діаны. Внутренняя отдѣлка и украшенія храма столь были роскошны, что Юстиніанъ, посѣтивъ его въ первый разъ, громко воскликнулъ: „О Соломонъ, я побѣдилъ тебя“!.., Тысячи поклонниковъ стекались ежегодно со всего христіанскаго востока, чтобы подивиться чудесной въ то время постройкѣ. 20 лѣтъ спустя землетрясеніе разрушило восточный куполъ и повредило средній, но храмъ былъ поправленъ съ прежнею роскошью, пока его снова не опустошили и не ограбили латиняне послѣ взятія ими Константинополя. Съ тѣхъ поръ храмъ лишился многихъ своихъ драгоцѣнныхъ украшеній и приходилъ болѣе и болѣе въ упадокъ. Когда султанъ Мухамедъ II, взявъ Царьградъ, обратилъ его въ мечеть, тогда этотъ храмъ обезобразили минаретами и другими аттрибутами мусульманской религіи, и зачислили въ число 14 султавскихъ мечетей или Джами.

Благодаря послѣднему обстоятельству этотъ храмъ былъ сох-

Библиотека "Руниверс"

раняемъ весьма бережно и, кромѣ того, турки приняли его за образецъ для постройки всѣхъ своихъ мечетей, не взирая на то что, крестъ составляетъ основный планъ постройки.

При султанѣ Абдулъ-Меджидѣ, храмъ былъ значительно реставрированъ братьями Фоссети, которые освободили его отъ излишнихъ пристроекъ и контрфорсовъ, а внутри сняли известь съ драгоцѣнной мозаики, такъ что нынѣ всѣ изображенія ангеловъ и святыхъ почти совершенно открыты, за исключеніемъ ихъ ликовъ, которые по прежнему замазаны. Повсюду просвѣчиваютъ различныя узоры и херувимы громаднаго размѣра, а надъ горнимъ мѣстомъ сквозитъ ликъ Богоматери съ младенцемъ Іисусомъ. Турки прибавили лишь къ общему убранству каѳедру и мѣсто, гдѣ хранится коранъ; то и другое обращены къ Меккѣ. Даже циновки устилающія весь храмъ расположены перпендикулярно по тому же направленію. На массивныхъ столбахъ, поддерживающихъ куполъ и арки, привѣшены огромные щиты съ золотыми шифрами на зеленомъ полѣ, царствовующихъ султановъ. Многочисленные хоры храма, украшены красивыми перилами, съ изваяніями орловъ и цвѣтовъ и змѣйками извиваются около колоннъ и на громадной высотѣ ихъ перила кажутся снизу какимъ-то причудливымъ кружевомъ. Если же смотрѣть съ этихъ хоръ на помостъ храма, то всѣ молящіеся представятся карликами, и только тогда понимаешь всю колоссальность размѣровъ этой грандіозной постройки и все великолѣпіе плана ея строителей.

Цапля (Ardea).

Семейство цапель чрезвычайно богато видами и водится повсюду, за исключеніемъ дальняго сѣвера. Близость воды—необходимѣйшее условіе для ихъ мѣстожительства. Живутъ онѣ большею частію цѣлыми обществами, но общественная жизнь ихъ чрезвычайно мало развита, и дерущихся изъ-за добычи цапель можно встрѣтить сплошь да рядомъ. Походка ихъ медленная, какъ бы обдуманная, полетъ, хотя и быстрый, но однообразный, онѣ даже умѣютъ плавать, но такъ не ловко и неуклюже, что вызываютъ невольный смѣхъ наблюдателя; голосъ ихъ далеко не гармоничный, скорѣе даже непріятный, похожъ на скрипъ несмазаннаго колеса; изо всѣхъ чувствъ, больше всего развито зрѣніе. Въ пищѣ цапли мало разборчивы: онѣ ѣдятъ маленькихъ млекопитающихся, рыбъ, разныхъ пресмыкающихся, улитокъ, червей, раковъ и даже мелкихъ птицъ.

Тихо, какой-то важной и размѣренной поступью, шествуетъ цапля по вязкому болоту, согнувъ свою длинную шею такъ, что голова лежитъ на плечахъ, а клювъ вытянутъ вдоль шеи. Зорко осматриваетъ она свое болото и, не смотря на кажущуюся апатичность, сильно занята отыскиваніемъ добычи; она жадно глядитъ въ воду и съ быстротою молніи вонзаетъ свой острый клювъ въ избранную жертву. Очень часто можно видѣть на болотѣ меланхолически стоящую цаплю; кажется она спитъ и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на окружающее, но это только кажется: ея зоркій глазъ не упуститъ добычи, и такое спокойное положеніе служитъ лишь для того, чтобы легче обмануть безпечную жертву. Ходитъ цапля очень осторожно и нападаетъ на добычу быстро, выбрасывая свой клювъ точно стрѣлу изъ лука. Лягушка—лакомое блюдо цапель и ловлею ихъ онѣ очень охотно занимаются. Курьезно видѣть цаплю, поймавшую лягушку: для того, чтобы ее проглотить и непремѣнно съ головы, цапля швырнетъ ее вверхъ, или въ стороны, вновь ее ловитъ и вновь бросаетъ, играя съ нею какъ кошка съ мышью, но лишь только добыча попадетъ въ ея клювъ удобно—лягушка проглатывается цѣликомъ. Клювъ у цапли очень сильное оружіе какъ для добыванія пищи, такъ равно и для самозащиты. Гнѣзды свои цапли вьютъ большею частью въ болотѣ—въ камышахъ, весьма не затѣйливо, но прочно. Яицъ самка наноситъ не болѣе 6 и высиживаетъ ихъ безъ помощи самца, который, во все время высиживанія, кормитъ свою подругу. Молодыя долго сидятъ въ гнѣздѣ и заботливо выкармливаются родителями; но чуть только окрѣпнутъ и выйдутъ изъ гнѣзда родители предоставляютъ ихъ самимъ себѣ, прекращая всякую заботливость о своихъ дѣтяхъ.

Цапли весьма сильно уничтожаютъ рыбу и тамъ, гдѣ ихъ много, гдѣ онѣ живутъ цѣлыми стаями, рыба уменьшается весьма замѣтно, вслѣдствіе чего, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи устраиваются цѣлыя охоты на цапель, и онѣ избиваются въ громадномъ количествѣ.

Не смотря на сильное вооруженіе, цапля очень боится орловъ, ястребовъ, соколовъ, совъ и даже воронъ и сорокъ; послѣднія любятъ полакомиться яйцами и молодыми птенцами цапель. Въ прежнее время была развита соколиная охота и любителю ея весьма большое удовольствіе доставлялъ случай пустить сокола на цаплю. Этимъ дѣломъ въ старину и у насъ любили потѣшаться. Цапля, замѣтивъ сокола, старалась поспѣшно подняться на воздухъ. Соколъ нападалъ съ верху, какъ камнемъ падалъ на цаплю, и оба кружась на воздухѣ спускались на землю. Случалось, что цапля вступала въ бой съ своимъ сильнымъ противникомъ и эта воздушная битва, кончавшаяся большею частью побѣдой сокола надъ цаплею, доставляла интересное зрѣлище нашимъ дѣдамъ.

Лучшимъ представителемъ цапель считается такъ называемая благородная серебристо-бѣлая цапля; живетъ она въ южной Европѣ, южн. Сибири и Азіи и въ Сѣв. Америкѣ. Она имѣетъ великолѣпное ослѣпительно-бѣлое оперенье, отличается отъ всѣхъ своихъ родичей красотой, величиною и нѣкоторою граціозностью. Выслѣживая добычу, бѣлая цапля очень часто любитъ стоять на одной ногѣ, представляя изъ себя какъ бы конусъ, обращенный вершиною къ водѣ. Хотя эта цапля очень осторожна и робка, но тѣмъ не менѣе она скорѣе всѣхъ своихъ родственниковъ способна приручаться.

Е. В.

Часовой въ Москвѣ въ Допетровское время.

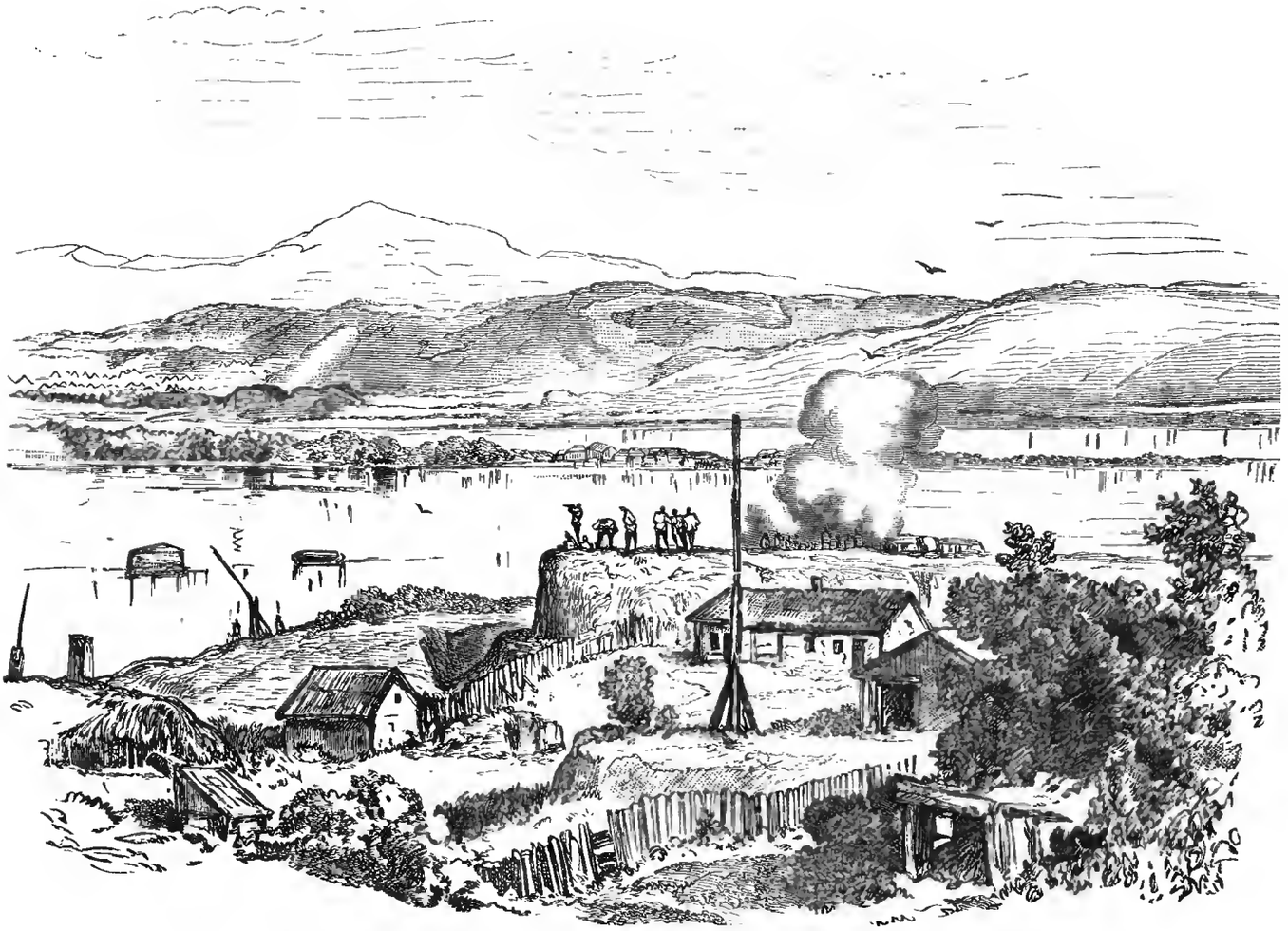
Часовой, здѣсь представленный, стоитъ въ полдень на посту. Но время это было тяжелое для стариннаго русскаго человѣка, чтобы провести его въ бодрственномъ состояніи. Въ старину русскіе люди непремѣнно въ полдень спали; еще Владиміръ Мономахъ говорилъ своимъ дѣтямъ: „для спанья время отъ Бога присуждено—полдень". Первому самозванцу, Григорью Отрепьеву, не прошло даромъ то обстоятельство, что въ полдень онъ бродилъ по Москвѣ, а не отдыхалъ, какъ прочіе православные. Въ этомъ обстоятельствѣ между прочимъ усматривали признаки его нецарственнаго происхожденія. Сынъ Грознаго, говорили, долженъ бы имѣть благочестивую привычку спать днемъ, а онъ не спитъ, стало быть не русскій человѣкъ, а если не русскій человѣкъ, то какой же онъ сынъ Грознаго? Нашъ воинъ, поставленный на посту, былъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно русскій человѣкъ и если бы не поставили его на постъ, то онъ давно лежалъ бы, какъ говорится, „безъ заднихъ ногъ", да онъ и теперь-то на половину уже во власти Морфея, и ему не малыхъ усилій стоитъ поддержать себя въ полубодрственномъ состояніи. Не будь этихъ котятъ, которые развлекаютъ его полусонное вниманіе, то онъ изъ положенія человѣка, опирающагося о стѣну, перенесся бы нечувствительно въ позу сидячую, а тамъ бы недалеко было и до того, чтобы растянуться на землѣ, насколько еще времени хватитъ его силъ, чтобы противустоять одолѣвающему наитію сна? Дождется-ль онъ въ стоячемъ, хотя и несовсѣмъ прямомъ положеніи, какъ бы приличествовало воину, до смѣны? Сомнительно. Лѣтнее солнце къ тому же печетъ немилосердно и еще болѣе склоняетъ ко сну. Впрочемъ не одно солнце и пріобрѣтенная многими лѣтами привычка будутъ виною нарушенія военной дисциплины, если на этотъ разъ суждено ей быть нарушенной. Передъ постановкой на постъ, а можетъ быть и во время самаго стоянья на немъ, воинъ нашъ успѣлъ какъ то хлебнуть хмѣльного, можетъ быть зашелъ къ куму на имянины передъ постановкой на часы, а можетъ быть и во время самыхъ часовъ, догадливая кума, подъ видомъ кваску принесла ему промочить горлышко чѣмъ покрѣпче. Какъ бы то ни было, часовой находится въ опасномъ положеніи относительно своего долга и по всей вѣроятности заснетъ. Да отчего-жь и не заснуть, кажется? Вѣдь ни Москвы, ни даже той стѣны, о которую онъ оперся, не унесутъ. Это, положимъ, правда, но не стѣну-же въ самомъ дѣлѣ онъ приставленъ стеречь. Нужно замѣтить, что въ Москвѣ въ старину не было смирно. Тамъ бывали такіе случаи, что цѣлыя дворни въ сотни человѣкъ средь бѣла дня выходили на грабежъ. Таковы напр. въ XVII столѣтіи были дворни на Дмитровкѣ окольничаго Стрѣгинева, князей Голицына и Титова. Не уступала имъ въ дурной славѣ и дворня кн. Ромодановскаго. Въ 1675 г. велѣно было чистить дороги на 50 верстъ отъ Москвы, чтобы не было здѣсь разбоя и душегубства. О мелкихъ промышленникахъ какъ за чужими карманами и клѣтями и говорить нечего, при такихъ условіяхъ спать часовому на посту, пожалуй, что и не простительно. Добродушный человѣкъ того отдаленнаго отъ насъ уже двумя вѣками времени, проходя мимо такого дремлющаго часоваго, вѣроятно, не могъ не пожелать ему крѣпости душевной и тѣлесной въ борьбѣ со сномъ, могучей силою котораго, въ особенности въ часъ полуденный, несомнѣнно былъ побѣждаемъ тогда каждый „настоящій русскій человѣкъ".

Н. Звѣревъ.

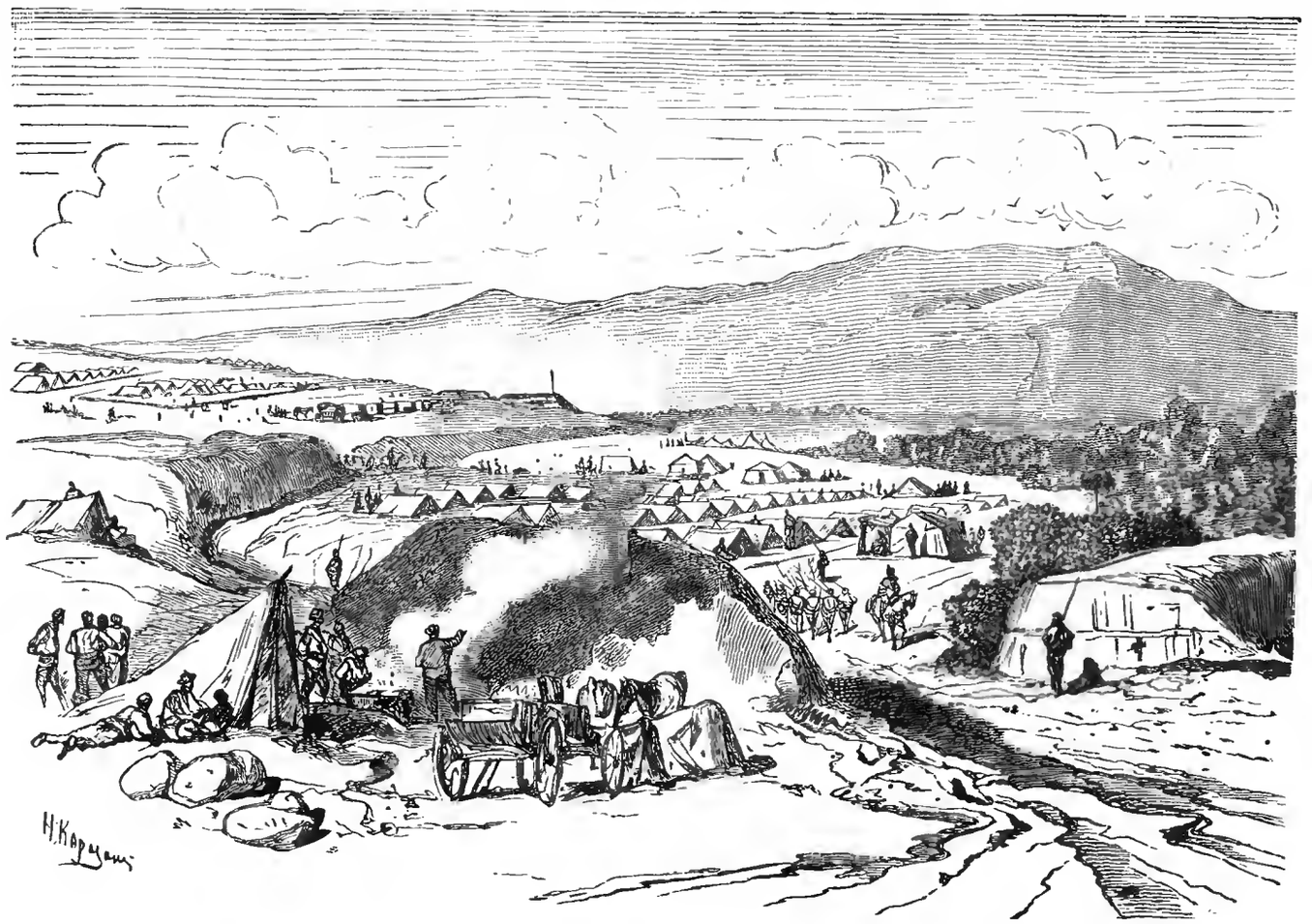
Гаштейнскія минеральныя воды.

Въ прекрасную долину быстраго Зальц-Аха, текущаго съ запада на востокъ, спускается другая долина — бурливаго Гаштейнскаго Аха, которую обыкновенно называютъ просто Гаштейнъ. Эта послѣдняя, составляющая по красѣ своей жемчужину живописнаго Зальцкаммергута, врѣзывается въ Зальцахскую долину и непредставляетъ препятствій для ѣзды до самаго Нассфельда. Ежегодно лѣтомъ сюда валитъ масса путешественниковъ: одни пріѣзжаютъ полюбоваться, насладиться красотами альпійской природы, другіе—ради возстановленія здоровья, прокученныхъ силъ (теплые и горячіе ключи Гоштейна издавна славятся цѣлебными своими свойствами), третіе просто отъ скуки, ибо надо же на лѣтнее время куда нибудь уѣхать, дѣвать куда нибудь свою особу, одержимую сплиномъ, "благо наслѣдье богатыхъ отцовъ освободило отъ малыхъ трудовъ".— Въ настоящее время поѣздка въ Гаштейнъ не представляетъ никакихъ путевыхъ затрудненій, потому что линія Зальцбургъ -Инструкской

Библиотека "Руниверс"

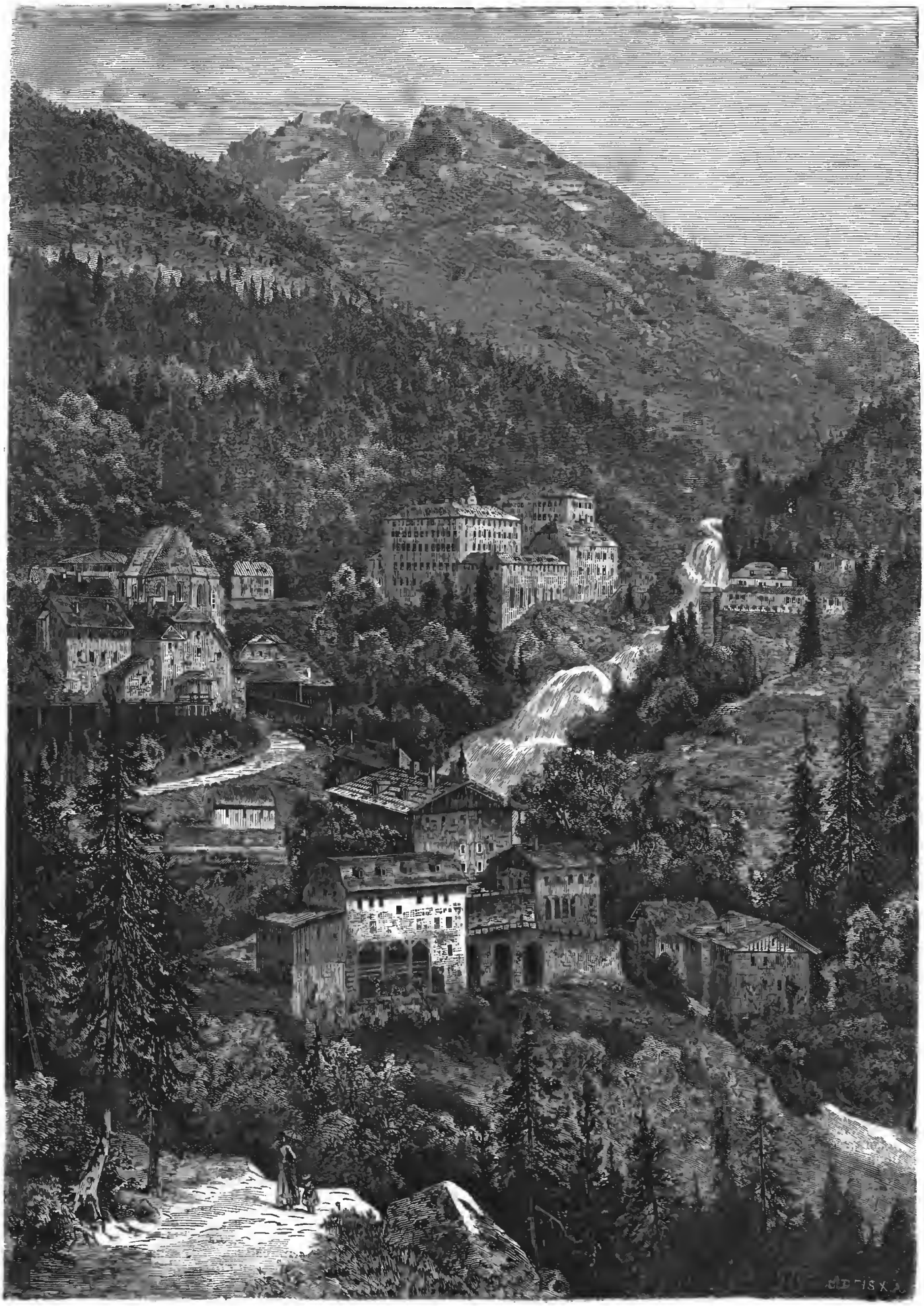


Центральная баттарея Румынскихъ войскъ въ Калафатѣ. Рис. нашъ спец. корресп. Н. Каразинъ, грав. Вейерманъ.



Главный лагерь Румынскихъ войскъ близъ Калафата. Рис. нашъ спец. корресп. Н. Каразинъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



Гаштейнскія минеральныя воды. Съ натуры, рис. Штилеръ, грав. Дейсъ.

Библиотека "Руниверс"

ж. дороги идетъ черезъ Лендъ, откуда и поворачиваетъ на югъ къ Гаштейну. Отъ Зальцахской долины дорога круто подымается въ гору, затѣмъ поѣздъ катится среди живописной мѣстности и черезъ 2½ часа останавливается въ Гаштейндорфѣ, а спустя еще 2 часа подбѣгаетъ къ "Гаштейнгофу", гдѣ въ былыя времена добывалось довольно много золота и серебра. Въ Гаштейнгофъ, благодаря системѣ трубъ, проведена вода изъ гаштейнскихъ горячихъ минеральныхъ ключей, почему и температура этой воды, въ мѣстѣ употребленія, понижается до 30° R, Охлажденная такимъ образомъ минеральная влага идетъ на цѣлебныя ванны. Попавъ въ Гаштейнгофъ, можно всласть налюбоваться великолѣпными горными видами и затѣмъ по дорогѣ, ведущей въ гору, черезъ полтора часа достигнуть Вильдбадъ — Гаштейна (минеральныхъ теплицъ), лежащаго почти на четыреста саженъ выше уровня моря. Здѣсь бьетъ семь горячихъ ключей, дающихъ ежедневно слишкомъ 2500 куб. фут. воды, температура которой отъ 20°—40° R Вода эта безъ запаха и безъ особеннаго вкуса, осадка почти не даетъ, но за то очень наэлектризована. Пить такую воду и купаться въ ней — весьма здорово; особенно хорошо дѣйствуетъ она противъ подагры, ревматизма, катарра желудка, нервнаго разстройства, вообще способна *подновить* человѣка. Вильдбадъ Гаштейнъ — очаровательное мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ, особенно если принять во вниманіе его чудесныя минеральныя воды. Заведенія "минеральныхъ водъ "устроены хорошо, ве дурны и гостиницы, хотя относительно роскоши онѣ уступаютъ отелямъ другихъ германскихъ" водъ. Впрочемъ. въ такъ называемомъ" Купальномъ замкѣ," въ которомъ обыкновенно останавливается германскій императоръ, можно найти роскошныя помѣщенія. Тутъ есть католическая церковь, евангелическая капелла и довольно богатая читальня. О мѣстахъ прогулокъ нечего и говорить — иди куда хочешь, вездѣ хорошо! Захочешь полюбоваться горнымъ пейзажемъ — передъ тобой грандіозныя вершины Виндишгреца, Шиллера и Шварценберга. Бурный Ахъ образуетъ въ Гаштейнѣ два великолѣпные водопада... Горы, водопады, зелень, чистый здоровый воздухъ, хорошій апетитъ — освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на душу человѣка, поддерживая въ немъ жажду къ жизни.

Поѣздка изъ Бухареста въ Калафатъ.

(*Письмо нашего корреспондента*).

Поѣздъ въ Краіово выходитъ изъ Бухареста рано утромъ, въ семь часовъ, значитъ, въ Краіово мы должны были прибыть часа въ три пополудни. Изъ Краіова въ Калафатъ нѣтъ желѣзной дороги, эти два пункта соединяются превосходнымъ шоссе, разстоянія не болѣе 80 верстъ, мы предполагали во всякомъ случаѣ въ тотъ же день къ ночи прибыть въ Калафатъ. Однако предположенія наши не оправдались. Въ Бухарестскомъ вокзалѣ мы узнали, что желѣзнодорожный мостъ между Слатиною и Пьятрою обрушился, сообщеніе между этими двумя станціями прервано и посему билеты выдаютъ только до Слатины, а отсюда до Пьятры пассажиры могутъ пробираться какъ имъ угодно. Дѣлать нечего—пришлось покориться необходимости и взять билетъ только до Слатины. Поѣздъ тронулся. Слатина—это предѣльный пунктъ территоріи, занятой нашими войсками, за нею уже начинается районъ румынской арміи, примыкающей лѣвымъ флангомъ къ нашему правому, такъ какъ фронтъ обѣихъ союзныхъ армій, само собою разумѣется, обращенъ къ Дунаю. Въ настоящую минуту всѣ войска уже на своихъ мѣстахъ, ждутъ только спада водъ въ Дунаѣ. Признаки этого воинственнаго нашествія встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ окно вагона, по обѣимъ сторонамъ, около селеній стройные ряды бѣлыхъ палатокъ, дымки солдатскихъ кухонъ, по дорогамъ военные обозы и транспорты, на станціяхъ, на платформахъ и въ буфетахъ многочисленныя группы офицеровъ, даже персоналъ служащихъ на желѣзно-дорожной станціи на половину состоитъ теперь изъ нашихъ офицеровъ и солдатъ (вы уже знаете объ этой полезной для военнаго времени мѣрѣ, назначеніе на станціи военныхъ комендантовъ со всѣмъ персоналомъ), рельсовый путь тщательно охраняется военными постами; почти на каждой верстѣ вы видите эти маленькіе караулы, расположившіеся у самаго полотна дороги: низенькая палатка-тентабри, въ ея тѣни два-три солдата или дремлющихъ отъ скуки, или заняты своимъ обыденнымъ дѣломъ,—навѣрное что-нибудь чинятъ—и около неподвижная фигура часового, вытянувшагося въ струнку при приближеніи поѣзда. Изъ Тулы, изъ Пензы, изъ Астрахани—со всѣхъ концевъ земли русской забрели сюда въ румынскую землю эти солдатики—собрались „подъ турку" идти, да *турка*-то этотъ за широкой, бурно-разлившейся рѣкою прячется... Терпѣливо ждутъ русскіе воины, когда Дунай для нихъ смплостивится и станетъ поуже, оно хоть и скучновато ждать, да ничего, дѣло привычное. Отъ этого винодѣлы Румыніи въ большихъ барышахъ, цѣны на продукты поднялись страшно, особенно на сѣно, котораго въ странѣ и въ другое время немного, а теперь, при колоссальномъ требованіи просто не хватаетъ; каждый возъ сѣна, попавшій на базаръ, немедленно покупается нами безъ торга, да и купившіе зорко берегутъ эту драгоцѣнность, пока не доставятъ на мѣсто. Рѣдко увидишь по дорогѣ возъ съ сѣномъ, чтобы его не конвоировали казаки или кавалеристы: не ровенъ часъ, другой кто перехватитъ. Лошадямъ плохо, людямъ же хорошо: вмѣсто ржаного хлѣба—пшеничный, только отъ гречневой каши, этого любимаго блюда русскаго солдата, приходится отвыкать: гречневой крупы нельзя здѣсь достать ни за какія деньги и продуктъ этотъ замѣняется рисомъ и бобами; для разнообразія и это недурно...

Мѣстность начинаетъ волноваться; окружающіе Бухарестъ равнины переходятъ въ холмы; холмы эти становятся все круче и круче, за ними синѣетъ гряда горъ—это Карпаты; кое-гдѣ ярко сверкаютъ на солнцѣ ихъ снѣжные гребни... Какія чудныя, восхитительныя картины разстилаются справа и слѣва дороги! Эти лѣсистыя горы, эти котловины и лощины, густо поросшія садами, виноградники на южныхъ скатахъ горъ, сверкающіе обитые жестью куполы церквей и колоколенъ, красныя, черепичныя крыши чистенькихъ домиковъ, превосходныя дороги, вьющіяся между селеніями, тучныя, дымящіяся пашни... уютность, порядокъ, довольство... Завидно даже смотрѣть, право на все это—и невольно думаешь: когда же и у насъ будетъ хоть что-нибудь подобное, да и будетъ ли еще.. Станемъ надѣяться, что *когда нибудь* да будетъ. Любуясь этими чудными пейзажами, мы почти незамѣтно добрались до Слатина. Это маленькій, очень красивый городокъ, имѣющій до трехъ тысячъ жителей, расположенъ въ котловинѣ, между тремя горами, по ту сторону этихъ горъ разстилается прелестная зеленая долина рѣки Ольты съ ея разливами и водными озерами. По эту сторону Слатины, у станціи желѣзной дороги нашъ лагерь, по ту, у самой Ольты—румынскій. Въ Слатинѣ мы достали коляску четверкой, которая за двадцать франковъ взялась довезти насъ до Пьятры, разстояніе всего двѣнадцать верстъ и вдобавокъ по превосходному шоссе. Дорого, очень дорого, но что дѣлать! румыны, надо отдать имъ полную справедливость, не пропускаютъ случая, чтобы сорвать вдвое и втрое противъ существующихъ цѣнъ съ своихъ великодушныхъ союзниковъ. Черезъ часъ ѣзды мы были въ Пьятрѣ. Это крохотная деревенька, да и то далеко отъ станціи. Самая станція стоитъ на пустырѣ. Пассажирскій поѣздъ уже ушелъ и намъ приходилось дожидаться здѣсь до завтрашняго утра; къ счастію для насъ, скоро долженъ былъ отойти въ Краіово товарный поѣздъ, нагруженный волами. Обязательный начальникъ станціи предложилъ намъ занять мѣсто на этомъ поѣздѣ. Въ одномъ изъ вагоновъ было всего два вола, а потому, значитъ, могло хватить мѣста и для четырехъ корреспондентовъ. Не обладая аристократическими привычками, мы рѣшились проѣхать эти два съ половиною часа въ обществѣ почтенныхъ четвероногихъ; помѣстились очень комфортабельно на разостланныхъ плэдахъ и тронулись. Волы оказались спутниками очень скромными и покойными, чего нельзя сказать про многихъ разумныхъ, двуногихъ тварей, а главное—мы выиграли цѣлыхъ шестнадцать часовъ времени. Солнце садилось, когда мы прибыли въ Краіово, этотъ большой старинный городъ. Осматривать городъ было некогда, да и усталость начинала брать свое. Завтра на разсвѣтѣ, не теряя времени, мы должны были выѣхать въ Калафатъ. Коляска была навята съ вечера и мы расположились на отдыхъ въ чистенькихъ, комфортабельно меблированныхъ комнатахъ одной изъ здѣшнихъ гостинницъ.

Отъ Краіово до первой станціи, Радовы, мѣстность довольно гористая, но за Радовой уже начинаетъ все сглаживаться и мало по малу переходитъ въ равнину совершенно степного характера. Расположеніе деревень, типы построекъ—все носитъ на себѣ отпечатокъ степи и безлѣсности. Дороговизна лѣсного строительнаго матеріала заставила жителей устроить свои жилища до половины въ землѣ; на ея поверхности видна только крыша, покрытая дерномъ и торчащія дымовыя трубы, плетенныя изъ хвороста и обмазанныя глиною; входъ широкій съ отлогою покатостью, окно въ видѣ косыхъ трубообразныхъ отдушинъ, напоминающихъ амбразуры казематированныхъ верковъ. Болѣе возвышенными постройками являются сараи для склада кукурузы; это просто громадныя корзины на столбахъ; воздухъ проходитъ свободно какъ въ стѣны такого сарая, такъ и сквозь его плетеное, отдѣленное отъ земли, по крайней мѣрѣ, на два аршина дно—условіе очень важное, чтобы крупное, мясистое зерно кукурузы не загнивало и не пускало преждевременнаго ростка. Не смотря на нѣкоторую бѣдность и мизерный видъ жилищъ, землянокъ, обитатели этого края пользуются изряднымъ достаткомъ; они очень чисто и красиво одѣваются. Типъ лица красивый, напоминающій сильно цыганъ, и ростъ большею частью высокій, особенно женщины, тѣ положительно поражаютъ своею граціозностью и благородствомъ осанки и движеній. Намъ безпрестанно попадались онѣ на дорогѣ, то идущими въ одиночку, то группами. Онѣ несли на головахъ корзины съ сельскими продуктами на мѣстный рынокъ—это были фигуры, положительно классическія, словно съ полотна картины. День былъ праздничный и боковыя тропинки, проложенныя по сторонамъ шоссе, были оживлены пѣшеходами. Оригиналенъ, между прочимъ, способъ перевозки на базаръ свѣжей брынзы—этого мѣстнаго сыра: потная масса створожившагося, перебродившаго молока укладывается въ конусообразные холщевые мѣшки, эти мѣшки подвязываются на концахъ коромысла, положеннаго черезъ сѣдло и удобно, и легко. Дорогою

Библиотека "Руниверс"

лишняя жидкость стекаетъ, отчасти испаряется, сыръ дѣлается плотнѣе и совсѣмъ уже готовый прибываетъ на мѣсто продажи. Ближе къ Калафату намъ стали попадаться и военные типы, пока это были только доробанцы, мѣстная милиція. Пользуясь продолжительнымъ бездѣйствіемъ и ожиданіемъ болѣе крупныхъ событій, людей отпускаютъ иногда на короткую побывку, дня на два или на три домой, особенно тѣхъ—чьи жилища и семьи расположены поблизости. Какую смѣшную, полувоинственную, полумирную фигуру представляютъ идущіе въ отпускъ милиціонеры, въ широкихъ бѣлыхъ рубахахъ, вышитыхъ по краямъ синею бумагою, въ короткихъ штанахъ, въ опанкахъ, а то и просто босоногихъ, въ громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ съ пидкошечьимъ перомъ. Перекинетъ такой воинъ свое ружье черезъ плечо, какъ коромысло съ ведрами, навѣшаетъ на концѣ свою боевую амуницію и лѣниво бредетъ домой, чтобы отдохнуть, проѣдать своихъ и снова вернутся въ ряды, на боевыя позиціи. Для многихъ изъ нихъ, можетъ быть, это послѣднее свиданіе съ родными, со всѣмъ, что только дорого сердцу. Кто знаетъ, вернувшись во фронтъ, прійдется идти въ дѣло, а тамъ турецкая пуля или осколокъ гранаты и... прощай: схоронятъ бѣднягу далеко отъ своей хаты, гдѣ-нибудь въ полѣ, развѣ, можетъ быть, кто изъ родныхъ узнаетъ во время и перетащитъ тѣло на свое общее сельское кладбище... Кстати объ этихъ кладбищахъ. Валахи обыкновенно устраиваютъ ихъ посреди селенія. Могильные кресты и памятники валаховъ поражаютъ путешественника своею оригинальностью: это толстая, широкая доска на столбѣ: въ ней прорѣзано насквозь изображеніе креста или написанъ образъ, бываетъ то и другое вмѣстѣ; ниже написано имя покойника и эпитафія, все сверху прикрыто конусообразною крышкою. Смотря издали на такое кладбище, оно точно группа грибовъ на тоненькихъ ножкахъ. Въ условные дни на такихъ кладбищахъ собираются оживленныя группы поминальщиковъ. Мы и теперь видимъ преимущественно женщинъ и дѣтей, съ аппетитомъ поминающихъ вокругъ блюда съ мамалыгою своихъ покойниковъ.

Калафатъ уже близокъ; вдали, прямо передъ нами, за синею туманною линіею турецкаго берега, подымаются новыя горныя громады—это Балканы. Бивакирующіе отряды румынскихъ войскъ попадаются чаще и чаще. Вотъ и по дорогѣ стоитъ цѣлая рота карауломъ; солдаты расположились на травкѣ у длиннаго ряда ружейныхъ козелъ. У самаго шоссе торчитъ громадный, грубо высѣченный изъ цѣлаго камня крестъ, около него часовой стрѣлокъ, въ своей красивой тирольской шапочкѣ съ зеленымъ помпономъ; пониже видны двѣ осѣдланныя лошади и сидящія около нихъ фигуры каларашей, въ синихъ венгеркахъ съ красными шнурами и въ бѣлыхъ рейтузахъ. У этого поста насъ остановили. Старшій офицеръ, тоже стрѣлокъ, любезно привѣтствовавъ насъ, осмотрѣлъ наши документы и отпустилъ насъ, давъ намъ въ проводники одного изъ конныхъ каларашей. Отсюда мы должны были поѣхать въ лагерь представиться какому-то полковнику, а отъ него къ коменданту города и крѣпости, а уже послѣ, какъ господину коменданту будетъ угодно: или попроситъ насъ удалиться по добру по здорову, или допуститъ насъ къ осмотру позиціи и прогулкѣ по Калафату и нагорному берегу Дуная, откуда Видинъ и его окрестности какъ на ладони. Но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Н. Каразинъ.

Политическія и военныя извѣстія.

На дунайскомъ театрѣ войны теперь сосредоточено напряженное вниманіе нашего общества въ ожиданіи давно желаннаго перехода черезъ Дунай. Всѣ понимаютъ, что до сихъ поръ бывшія успѣшныя операціи нашихъ силъ были только подготовительными дѣйствіями будущихъ и важнѣйшихъ операцій. До сихъ поръ бывшіе доблестные подвиги нашихъ моряковъ на Дунаѣ служатъ добрымъ предвѣстіемъ и ручательствомъ, что и за Дунаемъ подвиги нашихъ мужественныхъ воиновъ будутъ также самоотверженны и блестящи, какими были до сихъ поръ. Въ этомъ повидимому убѣждены и наши европейскіе друзья и враги. Не даромъ г. Лейардъ англійскій уполномоченный въ Константинополѣ, недавно совѣтовалъ Портѣ *заключить съ Россіею миръ* или просто попробовать начать мирные переговоры, утверждая, что условія возможнаго мира не многимъ будутъ превышать программу Константинопольской конференціи (!?) Но султанъ, говорятъ, отклонилъ этотъ совѣтъ. Съ этою же цѣлію обсужденія проекта мирныхъ переговоровъ собирался турецкій совѣтъ министровъ у Германскаго посла въ Константинополѣ, принца Рейса, въ зданіи, принадлежащемъ нашему посольству. Дѣло и въ этомъ случаѣ не пришло ни къ какому результату. Конечно, уже по простому здравому смыслу, мирные переговоры, которые позволила бы себѣ Россія съ Турціей — просто нелѣпость, могшая родиться въ головѣ туркофила Лейарда, очевидно растерявшагося при видѣ твердыхъ и несомнѣнныхъ успѣховъ нашего оружія и на Дунаѣ и за Кавказомъ. Одна мысль о мирныхъ переговорахъ съ Турціей унизила бы достоинство Россіи.

Турки на прошлой недѣлѣ построили укрѣпленія у Никополя и Ольтеницы. Наши войска перестрѣливались съ ними, Огонь турецкихъ орудій причинилъ намъ только ничтожныя поврежденія.

Изъ числа выдающихся фактовъ прошлой недѣли нужно упомянуть о печальной судьбѣ храбраго лейтенанта Пущина. Онъ взятъ турками, какъ теперь уже несомнѣнно извѣстно, въ плѣнъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ посланъ на пароходѣ съ миноноснымъ катеромъ отыскивать пароходъ „*Арго навтъ*“, одновременно съ тѣмъ отправлены и другіе пароходы, „Константинъ“, и „Владиміръ“, которые благополучно возвратились въ Одессу, счастливо исполнивъ свое порученіе. Пароходъ „Константинъ“, состоящій подъ командою лейтенанта Макарова, подойдя къ Сулину въ 2 часа ночи, на разстояніи 5 миль, открылъ 3 непріятельскіе броненосца, на которые и пустилъ миноносные катеры. Одинъ изъ этихъ катеровъ подъ командою лейтенанта Рождественскаго, смѣло атаковалъ близъ лежащій броненосецъ и у борта его произвелъ взрывъ. Слышенъ былъ тоже еще одинъ взрывъ, отъ катера лейтенанта Пущина. Но затѣмъ на три или четыре дня извѣстія о Пущинѣ и его катерѣ или шлюпкѣ умолкаютъ, и затѣмъ получили вѣсть о взятіи его въ плѣнъ турками. Самъ онъ телеграфировалъ, что его шлюпка разбилась о бонъ, и что самъ онъ съ командою *едва вытащенъ изъ воды*. Гобартъ-паша телеграфировалъ по поводу плѣннаго его родственникамъ, что Пущина въ плѣну содержатъ хорошо.

— 6 іюня турки въ числѣ около 800 человѣкъ высадились близъ Турнъ-Магурели (противъ Никополя) и захватили пасшійся на лугу румынскій скотъ. Но подоспѣвшія части уланъ и казаковъ и 1 рота Тамбовскаго полка отбили большую часть скота. Турки ушли, потерявъ 8 человѣкъ. У насъ 1 уланъ и 1 казакъ ранены. Вообще массы турецкихъ войскъ въ послѣднее время стали направляться къ Никополю. Это отъ того, что турки испугались сосредоточенія значительныхъ русскихъ силъ въ Турнъ-Магурели, и проникнились опасеніемъ, что именно въ этомъ пунктѣ наши войска перейдутъ Дунай. Паническій страхъ турокъ увеличивается еще тѣмъ, что порта получаетъ о предстоящемъ переходѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай извѣстія весьма противорѣчивыя Такъ, недавно въ Стамбулѣ распространился слухъ, что русскіе намѣрены перейдти Дунай не на востокѣ, а на западѣ, по направленію къ Сербіи. Ясно, извѣстіе произвело понику, и турки пришли въ крайнее затрудненіе—въ какомъ же пунктѣ Дуная имъ сосредоточить свои силы?

На Азіатскомъ театрѣ войны наши дѣйствія сосредоточены были, по прежнему около Карса, такъ что Карсъ до сихъ поръ представляется центромъ, вокругъ котораго группируются всѣ наши дѣйствія въ Азіи.

Затѣмъ, слѣдуетъ еще отмѣтить блестящую побѣду генерала Тергукасова.

Изъ Баязета, отъ 8 (20) іюня получена газетою «Русскій Міръ» телеграмма, извѣщающая о побѣдѣ генерала Тургукасова надъ 16-ю турецкими батальонами, сдѣлавшими попытку задержать наступленія нашего эриванскаго отряда. Турки укрѣпились на одномъ изъ пунктовъ эрзерумскаго пути для встрѣчи нашихъ колоннъ. На какомъ пунктѣ эрзерумской дороги укрѣпились турки—опредѣлить пока довольно трудно. 5 іюня начато бомбардированіе Карскихъ фортовъ Карадага, Араба и Мухлиса, продолжающееся съ 8 баттарей, вооруженныхъ 25-ю орудіями и мортирами. Потеря наша за *два дня* состоитъ въ 2 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Прапорщикъ осадной артиллеріи, Цейдлеръ, тяжело раненъ. По свѣденіямъ изъ Карса, уронъ турокъ въ дѣлѣ отъ 3 іюня простирается до 200 убитыхъ и 250 раненыхъ. Это весьма счастливое для русскихъ дѣло произвело на Карскій гарнизонъ сильное впечатлѣніе. Генералъ Тергукасовъ выступилъ изъ Зейдекана къ Сеприкеву; отрядъ генерала Алхазова произвелъ рекогносцировку Очемчизы и Моквы, не встрѣтивъ непріятеля.—Телеграмою г. начальника штаба кавказскаго округа изъ Мацры, отъ 8 іюня, сообщается, что при рекогросцировкѣ 5 іюня отъ Баязета по Ванской дорогѣ произведенной двумя ротами, послѣ перестрѣлки съ непріятельскими иррегулярными войсками, послѣднія были отброшены. У насъ при этомъ. дѣлѣ убитыхъ было 2, раненыхъ 7 человѣкъ

— Изъ осаждаемой нами крѣпости Карса происходили и вылазки находящагося тамъ гарнизона, но онѣ были безуспѣшны. Наиболѣе значительная вылазка произошла 2 іюня. Гарнизонъ Карса сдѣлалъ эту вылазку противъ нашего праваго фланга, въ составѣ 9 баталіоновъ, при 2 баттареяхъ, оттѣснилъ наши аванпосты и занялъ высоты у Чевтлина. Тогда генералъ Гейманъ (герой Ардагана) завязалъ перестрѣлку съ непріятельскою пѣхотою; въ то же время князь Чавчавадзе, съ двумя батальонами грузинскаго полка, двинулся въ тылъ непріятелю и бросился въ штыки. Турки были выбиты съ занятыхъ высотъ и начали отступать; но когда въ лѣвый ихъ флангъ врѣзался направленный княземъ Чавчевадзе Сѣверскій драгунскій полкъ, то отступленіе непріятеля обратилось въ бѣгство, и подоспѣвшая конная баттарея привели его окончательно въ безпорядокъ. Турки оставили на мѣстѣ до *200 тѣлъ*. У насъ же убитыхъ *11* и ра-

Библиотека "Руниверс"

неиныхъ *106* нижнихъ чиновъ, между ними легко раненъ прапорщикъ Азовскій. Затѣмъ, того же числа, турки 2 раза аттаковали авангардныя части праваго фланга позиціи генерала Оклобжіо, но оба раза были отбиты, оставивъ на мѣстѣ 10 тѣлъ.

— За тѣмъ на Черноморскомъ берегу были успѣшныя для насъ стычки съ горцами.

Съ театра войны въ Черногоріи за послѣднее время получаются извѣстія противурѣчивыя—по весьма понятнымъ причинамъ. Константинопольскія телеграммы малѣйшій даже успѣхъ турокъ раздуваютъ въ цѣлую гору. Черногорцы вездѣ оказываются на-голову разбитыми, а турки побѣдоносными. Разумѣется, по здравому смыслу выходитъ, что если массы турецкихъ войскъ вторгнутся въ маленькую Черногорію, то онѣ должны одолѣть ее уже одною массивностью силъ; не смотря на то что Черногорцы всѣ до одного богатыри, но вѣдь сила солому ломитъ. Съ другой стороны, подвергнуть безпристрастной критикѣ хвастовство Константинопольскихъ телеграммъ также не трудно. Нѣсколько времени тому назадъ многочисленныя турецкія силы прорывались сквозь извѣстный Дужскій проходъ на выручку Никшича и на снабженіе этой крѣпости провіантомъ, такъ какъ съѣстныя запасы тамъ истощились. Если турки и ворвались сквозь Дужское ущелье въ Черногорію, то только съ большими потерями и послѣ геройскаго и продолжительнаго сопротивленія Черногорцевъ, старавшихся отбить турецкій обозъ. Успѣхъ турокъ, слѣдовательно, далеко нельзя представлять безусловнымъ и обезпечивающимъ дальнѣйшіе успѣхи,—тѣмъ болѣе, что, по послѣднимъ телеграммамъ (отъ 8 (20) іюня) въ сраженіи подъ Спужемъ блестящій успѣхъ оказался на сторонѣ Черногорцевъ. Именно, телеграмма сообщаетъ, что подъ Спужемъ армія Али-Саиба-паши *совершенно разбита* войсками Божо Петровича. Телеграммы же изъ Константинополя, отъ того же числа сообщаетъ, что Али-Саибъ-паша продолжаетъ свое наступательное движеніе! Что нибудь одно: или Али-Саибъ разбитъ, и тогда наступательное движеніе для него не возможно, или онъ побѣдоносно шествуетъ впередъ,—и тогда побѣда Петровича надъ Турками у Спужа—утка. Но мы склонны признать уткою скорѣе послѣднѣе, чѣмъ первое предположеніе. Сообщаютъ далѣе, тоже изъ Стамбульскихъ источниковъ, что войска Али-Саиба вскорѣ соединятся въ Черногоріи съ войсками Сулейма-паши. Будущія событія, конечно, не замедлятъ показать, есть ли тутъ правда и на сколько правды.

Провіантъ турки доставили въ Никшичъ безъ боя, говорятъ намъ, но предварительно былъ ожесточенный бой, дорого стоившій туркамъ.

— Въ Пештѣ получено извѣстіе о сформированіи двухъ австрійскихъ армейскихъ корпусовъ на границѣ Босніи. Командирами этихъ корпусовъ назначены генералы Молинари и Роднчъ. Это извѣстіе произвело сильное возбужденіе въ Венгерскомъ министерствѣ и венгерской печати. Затѣмъ есть уже слухъ, что австрійское правительство намѣрено поставить на военную ногу 40,00 человѣкъ. Но общей мобилизаціи всей австрійской арміи пока не предполагается. Въ связи съ этимъ въ Пештской Палатѣ представителей опять-таки поднятъ нескончаемый вопросъ о парижскомъ трактатѣ, какъ гарантирующемъ цѣлость Турціи. По предположенію депутата Симоньи, дѣлавшаго Палатѣ запросъ, дѣйствіями Россіи и Румыніи нарушенъ парижскій трактатъ, а также и цѣлость Турціи (!?). По мнѣнію Симоньи, можетъ быть «наступило время пригласить Францію и Англію, какъ держаны, подписавшія трактатъ, къ *принятію мѣръ*, согласно этому трактату, совмѣстно съ Портою» (?). Вотъ что значитъ высказать свои задушевныя убѣжденія не женнруясь, это по крайней мѣрѣ искренно. Но мнѣніе Симоньи не есть еще мнѣніе всей Австро-Венгріи, а можетъ быть только Венгріи или части Венгріи, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ не трепетать за цѣлость излюбленной Турціи, хотя этой цѣлости никто и ничто не угрожаетъ. Какъ бы то ни было, намъ кажется, что нашъ переходъ за Дунай, когда онъ совершится фактически, развяжетъ языки и вызоветъ на искренность нашихъ друзей и недруговъ. Вотъ ужъ и теперь не могутъ сдержать языковъ, когда переходъ за Дунай только ожидается!..

— Въ Бѣлградѣ 8 (20) іюня получены извѣстія, что сильный турецкій корпусъ приближается къ сербской границѣ, угрожая долинѣ Тимока. Вслѣдствіе такихъ тревожныхъ слуховъ въ Бѣлградѣ, въ правительственныхъ сферахъ началась усиленная дѣятельность. Недавно происходило продолжительное засѣданіе совѣта министровъ, на которомъ присутствовала княгиня Наталія.

— Въ Парижѣ въ засѣданіи Палаты Депутатовъ отъ 7 (19 іюня произнесли рѣчи противъ образовавшагося во Франціи реакціоннаго министерства Брольи-Фурту—Луи-Бланъ и бывшій префектъ Парижа, Леонъ Рено. Затѣмъ было приступлено къ голосованію, и большинствомъ 370 голосовъ противъ 155 принято предложеніе, выражающее недовѣріе палаты къ министерству. Объявленіе такого результата голосованія было встрѣчено громкими знаками одобренія.

— Изъ *Плоешть* отъ 5 (17) іюня получена телеграмма, что Государь Императоръ 4 (16) іюня изволилъ принимать прибывшаго изъ Бѣлграда князя сербскаго Милана, который, въ тотъ же день, послѣ обѣда у Его Величества, выѣхалъ изъ Плоештъ.

— Отъ 11 іюня получена слѣдующая телеграмма: Государь Императоръ изволилъ вчера, въ 9 часовъ вечера, выѣхать изъ Плоешты и сегодня въ три часа пополуночи прибылъ въ Браиловъ, откуда послѣ краткой остановки продолжалъ путь до Галаца. Прямо со станціи желѣзной дороги Его Величество изволилъ отправиться въ военно-временной госпиталь и посѣтилъ палаты, гдѣ размѣщены чины 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, *раненые во вчерашнемъ дѣлѣ съ турками, при переправѣ черезъ Дунай у Галаца*. Его Величество милостиво изволилъ разговаривать съ ранеными и лично вручилъ орденъ св. Георгія 4-й степени поручику 69 рязанскаго полка Эльснеру, который подъ убійственнымъ огнемъ первый вышелъ на непріятельскій берегъ и былъ раненъ. Во всѣхъ палатахъ раненые радостно привѣтствовали Государя Императора. Въ 7 часовъ утра Его Величество выѣхалъ изъ Галаца и возвратился въ Браиловъ; посѣтилъ бивуакъ расположенныхъ здѣсь войскъ и затѣмъ батарею № 4, гдѣ находятся орудія, взорвавшія первый турецкій мониторъ. Въ 11 часовъ утра Императорскій поѣздъ тронулся изъ Браилова, и Его Величество возвратился въ Плоешты въ 5 часовъ пополудни. Государя Императора сопровождали въ настоящей поѣздкѣ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе князья—Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй Александровичи.

Заявленіе.

Редакція журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**, — въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики теряютъ право на полученіе премій, слѣдующихъ гг. годовымъ подписчикамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-адъютантъ Дмитрій Александровичъ Милютинъ (съ портретомъ) Н—ева.—Aquis submersus. Новелла Теодора Шторма (Окончаніе).—Кабардинцы. Немировича-Данченко (съ рисункомъ).—Мечеть Ая-Софіи въ Константинополѣ (съ рисункомъ.)—Цапля (Ardea) (съ рисункомъ) Е. В.—Часовой въ Москвѣ въ доэтровское время (съ рисункомъ) И. Звѣрева.—Гаштейнскія минеральныя воды (съ рисункомъ).—Поѣздка изъ Бухароста въ Калафатъ (письмо нашего корреспондента) Н. Каразина (съ 2 рисунками).—Политическія и военныя извѣстія.—Заявленіе.—Объявленія.—

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢЕВЪ.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3,
Магазины: Адмиралт. прогонъ Стремянной.
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
8
Товарищество Чемберсъ и К°.

„KNABEN" PENSIONAT
von F. Scheffer in der Universitätestadt Marburg in Hessen (Preussen). Auf frankirte Anfragen stehen beste Referenzen etc. etc. zu Diensten. 2—1

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Балковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи Александръ Венцель
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.
№ 2. ГЕИРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—23

СВѢЖІЯ СѢМЕНА
Огородныя, хлѣбныя, травныя, цвѣточныя и древесныя имѣетъ честь предложить
сѣмянная торговля А. УШАКОВА
въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1.
Подробный прейсъ-куранть на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ высылается по требованію безплатно. 8—6

Дозволено цензурою. СПБ. 17 Іюня 1877 г. Тип. Ведомства Алтар. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 26 1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 27 Іюня 1877 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА" на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера «Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Командиръ 11-го армейскаго корпуса дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской 1-й.

Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской 1-й на службѣ съ 1838 года. До 1854 года служилъ на Кавказѣ. Быстрое повышеніе его въ чинахъ и занимаемая имъ теперь важная должность корпуснаго командира несомнѣнно зависѣли отъ его неутомимой дѣятельности по службѣ и личныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ разныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ.

Въ 18 лѣтъ службы, онъ изъ прапорщиковъ достигъ чина генералъ-маіора. Правда, что дѣятельность кавказскихъ служилыхъ людей едва ли можетъ быть сравниваема съ какою бы то ни было другою службою. Истинно боевая служба изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ борьбѣ съ такими настойчивыми, хитрыми врагами, каковы горцы, не могла не отличать уцѣлѣвшихъ отъ вражеской пули. Князь Алексѣй Ивановичъ будучи еще только въ чинѣ штабсъ-капитана гвардейской артиллеріи, участвовалъ въ маѣ 1848 г. въ усиленной рекогносцировкѣ къ сторонѣ Ассы, въ дѣлѣ съ гораздо сильнѣйшею непріятельскою кавалеріею, и своею находчивостью и распорядительностью, содѣйствовавшею къ полному пораженію непріятеля, обратилъ на себя вниманіе такого цѣнителя храбрости, какъ знаменитый Слѣпцовъ, котораго мало чѣмъ можно было удивить. При основаніи новой станицы, названной Ассинской, князь опять заставилъ говорить о своей неустрашимости, и всюду, гдѣ бы онъ ни участвовалъ, его дѣйствія обращали на себя вниманіе и товарищей и начальниковъ. Онъ отличался: при слѣдованіи отряда къ Койсу-Берзаевской переправѣ; близь аула Самошки истребилъ небольшую партію абрековъ; подъ начальствомъ полковника Бибикова совершенно истребилъ аулъ Шалажи, защищаемый огромной партіей горцевъ, подъ предводительствомъ Нувъ-Али и Магометъ-Мурзы-Анзарова, спустя 10 дней разгромилъ и разсѣялъ при встрѣчѣ новую большую партію горцевъ. Все это происходило въ 1848 г.

Генералъ-лейтенантъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской, командиръ 11 армейскаго корпуса. Рис. и грав. Вейерманъ.

1850 годъ снова представляетъ рядъ подвиговъ и отличій князя; участвуя въ зимней экспедиціи въ Большой и Малой Чечнѣ, онъ чуть не ежедневно бывалъ въ огнѣ: 16-го января при переправѣ черезъ рѣку Аргунъ, 18-го — въ усиленной рекогносцировкѣ, предназначенной для вырубки лѣса, при сильнѣйшей перестрѣлкѣ съ непріятелемъ:

Библиотека "Руниверс"

19-го — въ отраженіи непріятеля, нападавшаго на наши работы, 20-го—подъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ непріятеля, старавшагося помѣшать работѣ просѣки, 23-го — въ дѣлѣ нанесшемъ пораженіе горцамъ, 24-го — въ канонадѣ по непріятельскому лагерю, съ 25-го по 11-е — въ ежедневныхъ стычкахъ, а 11-го — въ дѣлѣ съ горцами, окончившемся ихъ пораженіемъ и бѣгствомъ. Изъ этого краткаго перечня 2-хъ лѣтней дѣятельности князя можно заключить, какъ полна опасностей и боевыхъ тревогъ жизнь каждаго кавказскаго воина. Кого Богъ сохранилъ и кто выдержалъ такую жизнь, того смѣло можно считать закаленнымъ въ бояхъ, и опасности полевой войны должны быть для него ничтожны. За подвиги 1850 г. князь Алексѣй Ивановичъ награжденъ былъ золотою саблею за храбрость. Въ 1854 г. произведенъ въ полковники и затѣмъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1855 г. получилъ назначеніе, командовать Старо-Ингерманландскимъ пѣхотнымъ полкомъ, прокомандовавъ которымъ 2 г., получилъ новое назначеніе, командира лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества батальона (гдѣ числится и по нынѣ). Въ 1856 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества и съ оставленіемъ въ той же должности. Въ послѣдствіи назначенный начальникомъ стрѣлковой Кавказской бригады, въ 1868 году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Замѣчательный стрѣлокъ въ молодости, князь Шаховской еще въ 1861 году, почти 50 лѣтъ, удостоился получить призъ за стрѣльбу въ цѣль, на состязаніи, произведенномъ въ Высочайшемъ присутствіи. И до сего времени едва ли у него найдется много соперниковъ въ этомъ искусствѣ. Кавказскій герой, несмотря на годы, бодрый и дѣятельный, обладающій практическою опытностью, весьма естественно онъ долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе при назначеніи командировъ корпусовъ дѣйствующей арміи на Дунаѣ.

А. Н—евъ.

Первые шаги.

(Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ).

I.

Андрей Петровичъ только что проснулся и былъ здоровъ, веселъ. Онъ, молча, сидѣлъ въ креслахъ и курилъ сигару.

— Семенъ! позвалъ, Андрей Петровичъ, когда увидалъ что стрѣлка на часахъ показывала семь.

Вошелъ слуга.

— Одѣваться!

— Еще рано, Андрей Петровичъ... вамъ вѣдь въ девять часовъ нужно...

— По дальше отъ дому—дальше отъ грѣха, сказалъ Андрей Петровичъ. Снаряжай-ка, братъ, меня! Андрей Петровичъ надѣлъ вицмундиръ, взялъ портфель подъ мышку и, кряхтя и охая, пошелъ въ дверь.

Мать Андрея Петровича, бабушка, Ольга Андреевна,— не родная мать Андрея Петровича: она его мачиха; но онъ всегда называетъ ее маменькой. У Андрея Петровича есть жена, Елизавета Андреевна, которой онъ сказать правду, очень побаивается, и сынъ, Ваня лѣтъ уже подъ восемнадцать любимецъ бабушки.

Заглянемъ съ вами въ сѣренькій домикъ въ три окошка, куда спѣшитъ нашъ герой Ваня.

Если вы взойдете въ этотъ домикъ, васъ встрѣтитъ Саша, старшая дочь чиновника, квартирующаго здѣсь.

Саша одѣта всегда въ простенькое платье, шитое ея руками, что придаетъ ей еще больше прелести. Иванъ Иванычъ Добряковъ, ея отецъ, не даромъ выбралъ квартиру въ глухой части города. Три маленькія комнатки, которыя занимали они, стоили ему двѣнадцать рублей, а онъ всего получаетъ сорокъ. Онъ служилъ въ палатѣ чиновникомъ и посѣдѣлъ уже на службѣ. Саша видѣла, что отецъ ея трудится, по этому и она хотѣла помогать ему. Она ничуть не походила на тѣхъ бѣлоручекъ барышень, которыя избрали для себя благую часть читать романы, а матери уступили мѣсто у печки. Напротивъ, она вездѣ успѣвала: и у печки она была первая. За то какія вкусныя аладьи пекла она! Вы вѣрно никогда такихъ не ѣдали! Подобравъ платье, засуча рукава, она вперегонку съ матерью начинала стирать бѣлье. Саша была весьма умная дѣвушка. Въ своемъ трудѣ она не видѣла той цѣли, чтобы при его помощи нарядиться и щеголять какъ дѣлаютъ иныя дѣвушки. Нѣтъ, она трудилась сознательно, чувствуя бѣдность всего семейства. „Что-же, коли бѣдны, такъ будемъ честны“, — думала она. „Надо трудиться, чтобы не быть хуже людей“. Сашѣ было семнадцать лѣтъ. Хотя она выросла изъ тѣхъ платьевъ, въ которыхъ бѣгала десяти лѣтъ, хотя и плечи стали шире, и грудь выше, хотя и загарались порой у ней глаза какимъ-то невѣдомымъ блескомъ, а сердце билось сильнѣй и чаще какъ будто въ ожиданіи чего-то... но Саша еще никого не любила. Любимыми занятіями ея были уходъ за курами и за цвѣтами, цвѣтовъ она насажала множество въ саду, въ комнаткѣ на окнахъ тоже были цвѣты. Держала себя Саша просто и мило. Однажды она увидѣла Ваню, въ ихъ домикѣ. Это знакомство устроилъ самъ ея отецъ. Иванъ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ будто-бы по дѣлу, между тѣмъ онъ просто считалъ нужнымъ окружить Сашу молодежью, чтобы она хоть по воскресеньямъ проводила весело время. Онъ устраивалъ у себя вечеринки, на которыхъ молодыя люди танцевали, а онъ самъ бывалъ въ это время „музыкой“, то есть, подыгрывалъ имъ на скрипкѣ, но иногда, развеселившись, любилъ пускаться въ плясъ ко всеобщему хохоту. Думала-ли Саша, когда въ первый разъ увидѣла Ваню, что ей суждено полюбить его? Думала, или нѣтъ, но она полюбила его всѣмъ молодымъ, неиспорченнымъ сердцемъ. Но и полюбивши, Саша осталась тою же покорною дочерью, честной дѣвушкой и хлопотливой хозяйкой въ домѣ...

Посмотримъ теперь, что у нихъ въ домѣ происходитъ.

Иванъ Иванычъ только что пришелъ. Онъ скинулъ вицмундиръ, бережно свернулъ и положилъ его въ комодъ, накрывъ сверху газетнымъ листомъ бумаги, а самъ надѣлъ бѣлый парусинный пиджакъ. Въ пиджакѣ онъ казался еще добрѣе. Эти свѣтлыя пуговицы, присущія чиновничьему мундиру, дѣлаютъ его физіономію озабоченною, дѣловою. Взглянувъ мелькомъ на Машу, шестилѣтнюю свою дочку, которая гладила кошечку на колѣняхъ, онъ оборотился и позвалъ:

— Андревна!

Андревна, какъ онъ называлъ жену свою, была старушка пятидесяти лѣтъ. Тридцать лѣтъ жила она съ своимъ мужемъ душа въ душу. Выйдя за него замужъ она только перемѣнила квартиру, но не жизнь, потому что и отецъ ея былъ чиновникомъ. У мужа ее ждали тѣ же обязанности. Каждый праздникъ, она знала, что ему нужна чистая сорочка; на ея отвѣтственности лежали всевозможныя заботы по дому—она должна была и печку истопить, и въ комнатахъ поприбрать и обѣдъ приготовить. Впрочемъ, Марфа Андреевна была по своему счастлива: мужъ ея былъ не пьющій, никогда не билъ ее, и она даже, умѣла его поприпугивать. Теперь оба сѣдые, оба старые, они возложили всѣ свои надежды на молоденькую Сашу.

Услыша голосъ мужа, Марфа Андревна отвѣчала изъ кухни:—чего тебѣ?

— Андревна, поди сюда!

— Охъ ужъ ты мнѣ надоѣдаешь; говорила она, выползая изъ кухни и опуская рукава, потому что и при старости лѣтъ она совѣстилась еще мужа.—Ну что, старый хрѣнъ, нужно?

— Старый-то хрѣнъ вкусенъ, сказалъ Иванъ Иванычъ и добавилъ,—что же ты мнѣ не подаешь обѣдать?

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ глядите на него, православные, проговорила Марфа Андревна, разводя руками и смотря по сторонамъ, какъ будто православные были предъ нею.— Старикъ съ ума спятилъ: самъ стрываетъ меня отъ дѣла, а удивляется, что кушанье не подано.

— Саша-то гдѣ у насъ? спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Въ лавочку пошла.., за хрѣномъ. Вѣдь ты хрѣнъ, ну хрѣнъ ѣсть и будешь! сказала Марфа Андревна, засмѣявшись.

— Иди, иди, старая, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Давай обѣдать.

Въ это время въ комнату поспѣшно вошла Саша.

— Саша, сказалъ Иванъ Ивановичъ—какова мать-то твоя называетъ меня старымъ хрѣномъ... А? Не молодецъ я, что-ли? Да я лучше всякого молодца! Гляди, вотъ Ваня придетъ... такъ я плясать предъ вами стану... ей-ей, стану....

— Молодецъ, огурцовъ-то будешь ѣсть, крикнула Марфа Андревна изъ кухни—такъ я пойду въ погребъ, достану.

— Почему вы думаете, что Ваня придетъ—спросила Саша, накрывая столъ бѣлой скатертью—ужь не видали-ли вы его?

— Видѣть не видалъ, только ужь я знаю, что онъ придетъ. У меня сердце вѣщунъ.

А тебѣ плутовка хочется, чтобы онъ пришелъ, спросилъ Иванъ Иванычъ, плутовски поглядывая на Сашу. О, я знаю, все знаю! сказалъ онъ, многозначительно поднимая палецъ кверху.

— Что же вы знаете, папаша? что я люблю его, такъ вы его сами любите...

— Такъ, такъ—люблю, любите... Ты знаешь у меня спряженіе глаголовъ-то. (Произошло молчаніе). Чтожь это однако Андревна не идетъ, ужь не провалилась-ли она совсѣмъ въ погребъ-то?

Накрывши столикъ, Саша подала отцу борщъ.

— Саша, сказалъ онъ, чтожъ ты Машу погулять не отпустишь? Смотри, она ужь уснула у тебя!

Маша, которая въ самомъ дѣлѣ о чемъ-то задумалась, тотчасъ же взяла книжку и затвердила: буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва. А рука опять заходила по кошечкѣ, словно такъ и нужно.

— Маша, ступай-гуляй! сказала Саша. Мы съ тобой послѣ обѣда займемся.

— Ну ужь послѣ обѣда пожалуйста не занимайтесь. Послѣ обѣда часъ отдыха—и звѣрь, и птица отдыхаетъ, человѣку и вовсе не грѣхъ отдохнуть, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Дочушка, ступай-обратился онъ къ Машѣ—гуляй на пропалую... Послѣ обѣда вы не будете заниматься.

Маша вскочила, сбросила съ колѣнъ кошку и, не закрывъ книги, побѣжала на дворъ. Въ это время кто-то хлопнулъ калиткой, и всѣ увидѣли входящаго Ваню.

— Легокъ на поминѣ! сказалъ Иванъ Ивановичъ. Андревна, закричалъ онъ—принимай гостя.

— Кто пришелъ? послышалось изъ кухни.

— Твой милый.

— Я васъ ждала, Ваня—сказала Саша, подавая ему руку. Мнѣ думалось, что вы непремѣнно придете...

— Неправда, неправда, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Она братъ вовсе не ждала тебя. Это мое сердце вѣщунъ...

— Ну дѣти, сказалъ Иванъ Ивановичъ, помолившись Богу—болтайте, кричите, сколько угодно. Буде захотите, самоварчикъ поставить можете. А я пойду-повалюсь немного. А поставите самоварчикъ, тогда и я встану.

— Идите, вы намъ не нужны! сказала Саша.

— Андреевна! ты-бы самоварчикъ имъ поставила! крикнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Да и то тороплюсь—отвяжись ужь—послышался голосъ изъ кухни.

Саша съ Ваней остались одни.

— А я, знаете-ли спѣшилъ къ вамъ, сказалъ Ваня—дома скука такая. По истинѣ сказать, мнѣ домъ то родной здѣсь, а не тамъ...

— Ходите по чаще, сказала Саша. Какой вы смѣшной, почему вы не ходите къ намъ каждый день...

— Самоваръ сейчасъ поспѣетъ, хлопотливо сказала Марфа Андревна, появляясь въ дверяхъ—ты-бы, Саша, накрывала на столъ!

Саша не заставила повторять себѣ два раза этого приказанія. Всѣ усѣлись вокругъ самовара. Пригласили и Ивана Ивановича. Ванѣ вся обстановка показалась, какъ будто въ комнатѣ бабушки.

— Ну братъ Ваня, не погнѣвайся—я тебѣ налью рому въ чай! сказалъ Иванъ Ивановичъ—и налилъ предварительно себѣ въ стаканъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, избавьте... вкусъ испортится!...

— Вотъ испортится! сказалъ Иванъ Ивановичъ и добавилъ: разнѣ кашу масломъ испортишь?... Что, Саша—а тебѣ налить?

— Ужъ налейте въ такомъ случаѣ и ей, сказалъ Ваня—что-жь она за святая!

— Налейте, налейте, проговорила Саша—я не хочу отстать отъ Вани!.

— Охъ грѣховодникъ"! говорила Марфа Андревна, покачивая головой, когда Иванъ Ивановичъ налилъ тому и другому.

— Ну а тебѣ Андревна?

— Отвяжись ты отъ меня, грѣховодникъ!...

— Да, я знаю, ты съ ромомъ не пьешь! Ну я тебя принуждать не стану. У тебя свой Царь въ головѣ. Вотъ молодыхъ людей поучить надо.

— Добру это ты ихъ учишь то...

— Мамаша, да это очень сладко, сказала Саша, попробовавъ своего чаю. Ну а у васъ какъ? Саша отвѣдала ложечкой изъ стакана Вани.

— И у меня хорошо, сказалъ Ваня—и сдѣлалъ то же самое съ ея стаканомъ.

Ромъ, хотя въ капляхъ, но оказалъ свое дѣйствіе.

Всѣ развеселились. Иванъ Ивановичъ вдругъ выскочилъ изъ-за-стола и убѣжалъ изъ комнаты.

— Угорѣлъ, свѣтъ! сказала Марфа Андревна.

— Куда это онъ? спросила Саша.

Ваня тоже не понималъ. Но вдругъ раздались звуки скрипки, и Иванъ Ивановичъ явился со скрипкой, къ удовольствію молодыхъ людей, которые изъявили желаніе танцевать.

— Ну жино, веселѣй вскричалъ Иванъ Ивановичъ, молодецки отхватывая одну ноту.

— Давайте польку протанцуемъ! сказала Саша, ставъ въ обычное положеніе съ кавалеромъ.

Ваня вмѣсто отвѣта, махнулъ головою, и пара быстро закружилась подъ игру Ивана Ивановича, который чтобы не помѣшать, отодвинулся въ самый уголъ. Молодые люди танцевали хорошо. Иванъ Ивановичъ въ тактъ музыки топалъ каблуками и только вскрикивалъ: браво, молодцомъ... Андревна! давай мы съ тобой потанцуемъ. Марфа Андревна очень серьезно смотрѣла на танцующихъ, а когда молодые люди кончили танцевать, она подозвала Сашу и замѣтила ей, что она вовсе на плечо кладетъ кавалеру голову? Саша между тѣмъ чувствовала очень хорошо, что Ваня пожимаетъ ей руку и сама отвѣчала ему тѣмъ же...

Для Вани вечеръ пролетѣлъ незамѣтно, и онъ очень былъ недоволенъ, когда наступило время прощаться.

— Я къ вамъ опять скоро приду! сказалъ онъ.

— А то какже! сказала Саша.

— Да ты, пожалуйста, къ обѣду проговорила Марфа Андревна—право, ты какой-то неловкій кавалеръ...

Другой разъ смотрю на тебя—дурень дурнемъ и выходишь... Ты хоть-бы для Саши сдѣлалъ, вѣдь она кушанье-то готовитъ?...

Библиотека "Руниверс"

Критики. Картина Морана, грав. Жоннаръ.

Библиотека "Руниверс"

— Въ самомъ дѣлѣ—вы? спросилъ Ваня.

— Я, отвѣчала Саша.

— Она, она, братъ! подхватилъ Иванъ Ивановичъ.

— Послушай, Ванюха — сказалъ Иванъ Ивановичъ окончательно прощаясь съ Ваней на порогѣ—скоро мы съ тобой имянинники, такъ ты ужь... таво... не выдай, не обмани—у насъ будь! Мнѣ очень пріятно видѣть тебя въ этотъ день въ своемъ семействѣ.

— Буду, непремѣнно буду! сказалъ Ваня. И вполнѣ счастливый, вышелъ на улицу.

Всѣ вечера, которые проводилъ Ваня въ семействѣ Добряковыхъ, были лучшими вечерами въ его жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой любовью принимаютъ его здѣсь! Иванъ Ивановичъ считаетъ его какъ-бы за родного. Марфа Андревна то же. А Саша? Ваня зналъ, что Саша любитъ его. Дома ему было не въ примѣръ хуже. Положимъ, тамъ была его бабушка, и няня. Но зато тамъ былъ и Андрей Петровичъ, его отецъ, который своимъ унылымъ видомъ въ состояніи былъ отравить всякое его удовольствіе. Тамъ была его мать, которую Ваня, не могъ полюбить.

Въ любви Саши и Вани Добряковы видѣли братскую любовь. Ваня имъ такъ нравился своимъ прямодушнымъ характеромъ, своею непринужденною веселостью, что они считали его за своего сына,

— Андреевна,—говорилъ иногда Иванъ Ивановичъ, развеселившись, когда Ваня засидится у нихъ слишкомъ долго, иногда за полночь,—а вѣдь Ваня женихъ Сашинъ, ей-ей женихъ. Ну гдѣ это видано, чтобы гость сидѣлъ такъ долго.

— Отвяжись съ пустяками, говорила Марфа Андревна, серьезно занимаясь сученіемъ нитокъ.

— Вотъ я такъ-то сидѣлъ у тебя, когда былъ посватавшись,—говорилъ Иванъ Ивановичъ,—только что-жь это Ваня не дѣлаетъ предложенія!

Ивану Ивановичу и въ голову не приходило, что его шутка заставляла сердца Вани и Саши биться чаще и сильнѣе, а лица улыбаться.

— Почему бы мнѣ не объясниться, не сказать Ивану Ивановичу прямо, что я люблю васъ,—сказалъ однажды Ваня Сашѣ, когда они остались наединѣ. Онъ такъ насъ любитъ. Онъ вмѣстѣ бы съ нами порадовался.

— Нѣтъ, Ваня,—говорила Саша, подумавши,—это будетъ похоже на шутку: пока вы не поступите въ университетъ, свадьбы быть не можетъ, потому что, вы сами знаете, одному надо имѣть средства, а двоимъ еще больше! При томъ вамъ еще и лѣта не вышли...

II.

Наступилъ день имянинъ Вани. Съ самаго утра онъ началъ получать поздравленія. Первая пришла къ нему бабушка. Она пришла къ нему еще въ то время, когда онъ полулежалъ на кровати и, подпершись на локоть, по обыкновенію думалъ о Сашѣ.

— Поздравляю тебя съ ангеломъ! сказала бабушка, цѣлуя его и въ тоже время одною рукою доставая изъ подъ платка что-то.

Ольга Андреевна принесла внуку денегъ. Деньги эти въ числѣ пяти рублей поступали отнынѣ въ полную его собственность.

— Каждый разъ, какъ я поздравляю тебя съ этимъ днемъ,—продолжала бабушка, отодвигая его ноги и садясь къ нему на кровать,—я смотрю на тебя. Въ моихъ глазахъ ты возмужалъ и выросъ. Не знаю, придется ли мнѣ вновь дождаться этого дня... только смотри—всегда... когда меня и не будетъ... всегда, мой другъ, почитай этотъ день. Въ него старайся особенно не грѣшить.

— О, бабушка, то, что я чувствую теперь, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать грѣхомъ! сказалъ взволнованный Ваня, крѣпко прижавъ ея руку къ своимъ губамъ.

— А Саша? спросила бабушка. И видно было, что она съ трудомъ предложила этотъ вопросъ.

— Чтожъ, Саша? Я люблю ее, какъ ангела, мои отношенія къ ней чисты, воскликнулъ Ваня.

Въ залѣ раздался шелестъ платья и, шумя и гремя накрахмаленными юбками, вошла въ его комнату мать.

— Ты нынче имянинникъ—поздравляю тебя! сказала она, цѣлуя его въ лобъ и давъ ему поцѣловать свою руку. Затѣмъ, повернувшись въ комнатѣ, Елизавета Алексѣевна нашла нужнымъ замѣтить, что откуда-то несетъ, что чѣмъ-то дурно пахнетъ и, шумя и гремя юбками, опять ушла въ залу.

Ваня вздохнулъ свободнѣе. Онъ не очень то былъ радъ посѣщенію матери, и ея сухого приглашенія на чай ни за что въ свѣтѣ не промѣнялъ бы на приглашеніе бабушки. Прежде, однако, чѣмъ идти къ бабушкѣ, онъ прошелъ въ комнату отца. Андрей Петровичъ по обыкновенію сидѣлъ на своемъ креслѣ и былъ разстроенъ. Увидя Ваню, онъ постарался было скрыть это, но Ваня замѣтилъ.

— Папаша, что съ вами? для моихъ имянинъ вы такъ разстроены!

— Опять мать твоя приходила за деньгами, Ну гдѣ я ей возьму? У меня нѣтъ денегъ! Я бы съ удовольствіемъ подарилъ тебя чѣмъ нибудь, но что же дѣлать, коли нѣтъ денегъ?

— Папаша, знаете что я вамъ скажу—приходите къ бабушкѣ чай пить! Мы всѣ тамъ будемъ, мы вамъ и денегъ достанемъ. Ваня уже рѣшилъ въ умѣ отдать отцу свои пять рублей.

— Ну, чтожь, я приду, сказалъ Андрей Петровичъ, замѣтно повеселѣвъ,—приду раздѣлить вашу компанію.

Ваня пошелъ къ бабушкѣ утѣшенный. А тамъ уже стоялъ самоварчикъ. Столъ былъ убранъ по праздничному. И въ комнатѣ было по праздничному—занавѣски передъ кроватью были перемѣнены и лишніе стулья вынесены, словно въ комнаткѣ собирались танцевать. Пришелъ Андрей Петровичъ. Всѣ сѣли чай пить. Въ семейномъ кружкѣ только не доставало Елизаветы Алексѣевны: она пила чай въ своей комнатѣ. Да и хорошо, что ея не было! Всѣ желали возможныхъ благъ имянинику. Говорила же больше бабушка. Между прочимъ она сказала:

— Поступитъ Ваня въ университетъ, а тогда что же сдѣлаемъ—женимъ его?..

Андрей Петровичъ вздохнулъ.

— Да поговори что нибудь ты, — приставала къ нему бабушка,—ну что, какъ нюня какой губы развѣсилъ... Постой, куда же ты? спросила она, увидя, что онъ собирается уйти.

— Пойду въ свою комнату, такъ что-то не по себѣ.

— Эхъ, не по себѣ,—сказала бабушка, между тѣмъ какъ Андрей Петровичъ ушелъ,—сынъ имянинникъ—не хочетъ посидѣть здѣсь...

— Неужели онъ всегда-то былъ таковъ? спросилъ Ваня. А молодость, скажите, какъ онъ провелъ свою молодость?

Ольга Андреевна, которая хорошо знала, какъ онъ проводилъ молодость, вздохнула при этомъ и вдругъ, оживляясь, проговорила:

— Молодость свою онъ провелъ лучше твоей, мать его была лучше твоей, при томъ никогда не повѣрю я, чтобы твоя Саша была такъ хороша, какъ хороша была когда-то Елизавета Алексѣевна!..

Ольга Андреевна, сказавши это, задумалась немного. Ваня самъ задумался. Закрывъ лицо руками, онъ самъ какъ будто угадывалъ, что ожидаетъ его за предѣлами молодости.

Грустное впечатлѣніе не долго оставалось на душѣ Вани. Когда онъ открылъ лицо, взглядъ его былъ

Библиотека "Руниверс"

сиова свѣтелъ, а порывистое движеніе обнять бабушку показало, что ему очень весело. Онъ теперь раздумывалъ о Сашѣ. Какъ-то она его встрѣтитъ? Что она ему скажетъ? А Иванъ Ивановичъ? а Марфа Андреевна? Ваня на скорую руку докончилъ чай и пошелъ переодѣваться.

Н. Сонецкій.

(Продолженіе будетъ).

Въ Калафатѣ.

(Письмо нашего корреспондента) *).

Подъ конвоемъ калараша тронулись мы впередъ и не доѣзжая немного до заставы Калафата, свернули влѣво къ главному лагерю. Лагерь этотъ расположенъ на мѣстѣ старыхъ турецкихъ укрѣпленій. Во всѣ прошедшія кампаніи съ Россіей, турки обыкновенно заблаговременно занимали нѣсколько береговыхъ пунктовъ на этой сторонѣ Дуная. Не мало затрудненій предстояло тогда для русскихъ войскъ вытѣснить турокъ и заставить ихъ обратно перейти за Дунай; иногда эти попытки удавались, иногда нѣтъ—припомните хотя прошедшую кампанію 1853 года, сраженіе подъ Ольтеницей и неудачные попытки аттаковать Калафатъ въ 1828 году, когда корпусъ Гейсмара, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ наконецъ отказаться отъ этого предпріятія. Калафатъ всегда былъ во время войны занимаемъ турками—безъ Калафата Виддинъ представляетъ весьма слабую позицію:—онъ весь расположенъ гораздо ниже, и баттареи Калафата положительно господствуютъ надъ городомъ и его укрѣпленіями. На этотъ разъ турки измѣнили своимъ традиціямъ, почему—это Аллаху извѣстно, времени у нихъ было, довольно со дня объявленія войны. Слабыя силы румынскихъ войскъ, находившихся въ тотъ моментъ въ Калафатѣ, врядъ ли могли попрепятствовать переходу турокъ, имѣвшихъ тогда громадное артиллерійское превосходство. Теперь этотъ переходъ уже немыслимъ, войска румынскія успѣли сосредоточиться, берегъ укрѣпленъ, орудія поставлены и Виддину грозитъ участь быть разрушеннымъ и пасть, участь, которую ему до сихъ поръ еще не разу не приходилось испытывать. Коляска наша то поднималась по скатамъ старыхъ, сглаженныхъ временемъ турецкихъ брустверовъ, то опускалась во рвы—дорога была страшно пересѣчена и неудобна, хотя ее и раздѣлали нѣсколько съ помощью саперныхъ командъ и мѣстныхъ рабочихъ. Лагерь расположенъ на обширномъ плацдармѣ, обращенномъ къ сѣверу, остатками своихъ бастіоновъ, опирающимися тыломъ на сады Калафата. Здѣсь стройными линіями стояли палатки стрѣлковыхъ батальоновъ, за ними, по ту сторону бруствера—колонны линейныхъ войскъ; по сторонамъ живописно безпорядочными группами разбросаны солдатскія кухни и разныя хозяйственныя приспособленія. Солнце уже сѣло за горы; пользуясь вечерней прохладой, солдаты повыползали изъ палатокъ и расположились группами на линіяхъ у ружейныхъ козелъ и сложенныхъ въ пирамиды барабановъ, слышались звуки трубъ, громыханья барабановъ, изъ лагеря въ стройномъ порядкѣ выступали ночные караулы, отправляясь на береговыя позиціи. Коляска остановилась передъ большою палаткою командира стрѣлковъ, отъ насъ снова потребовали документы и потомъ, найдя все въ порядкѣ, съ тѣмъ же каларашемъ позволили намъ наконецъ въѣхать въ городъ и явиться къ коменданту. Стемнѣло пока тянулись всѣ эти, необходимыя, впрочемъ, въ военное время церемоніи. Пусты и безлюдны были пыльныя улицы Калафата, обстроенныя крохотными домиками, часто даже просто деревянными мазанками. Всѣ окна и двери были заперты и заставлены ставнями, большинство жителей, боясь бомбардировки, покинули городъ и разсѣялись по болѣе мирнымъ, спокойнымъ мѣстамъ, удаленнымъ отъ опасностей военнаго времени. Въ городѣ теперь за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, видно только военныхъ и военныхъ. Это скорѣе боевой бивуакъ-лагерь, чѣмъ мирный городъ, кипѣвшій въ обыкновенное время оживленною торговою дѣятельностью. Комендантъ Калафата помѣщается въ довольно большомъ, красивомъ зданіи, къ которому примыкаетъ хорошенькій, тѣнистый такой садъ. Садовъ въ Калафатѣ вообще очень много; домики города положительно тонутъ въ массахъ зелени. Коменданта мы не застали дома, пришлось дожидаться, впрочемъ, не долго. На наше счастье комендантъ оказался болѣе любезнымъ, чѣмъ мы могли даже предполагать. Онъ намъ обѣщалъ дать на другой день утромъ офицера, который самъ насъ проводитъ на пункты, наиболѣе удобныя для наблюденій. Конечно, за этою любезностью крылось и нѣкоторое недовѣріе, такъ сказать мѣра предосторожности, но мы уже въ такія тонкости не входили и, поблагодаривъ коменданта за его вниманіе къ намъ, русскимъ корреспондентамъ, отправились розыскивать себѣ мѣсто ночлега, что оказалось дѣломъ весьма затруднительнымъ, въ которомъ намъ помогъ все таки тотъ же любезный комендантъ, приказавъ указать намъ гостинницу и распорядившись, чтобы въ этой гостинницѣ отвели бы намъ мѣсто во что бы то ни стало. Только единственная гостинница въ городѣ и небольшой ресторанъ противъ нея, остались въ распоряженіи посѣтителей, все же остальное заперто и покинуто хозяевами. Намъ отвели комнату у самой кухни, проходную, служившею кладовой для припасовъ и складомъ посуды, постелей не было вовсе, и мы кое какъ расположились на узенькомъ, обитомъ кожею диванчикѣ и на составленныхъ стульяхъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря усталости, мы довольно покойно провели ночь и утромъ рано, часовъ въ 5, были уже на ногахъ, готовые начать свои корреспондентскія экскурсіи. Часамъ къ восьми утра пришелъ обѣщанный намъ комендантомъ провожатый, и мы отправились. Пройдя съ версту по одной изъ продольныхъ улицъ Калафата, ведущей параллельно Дунаю, мы свернули вправо, поднялись на довольно высокую гору и очутились надъ самымъ обрывомъ берега. Отсюда передъ нами разстилалась роскошная панорама Виддина, его лагеря, фортовъ, всѣхъ окрестностей, съ помощью бинокля можно было уловить всѣ малѣйшія подробности, разсмотрѣть почти все, что творится на томъ берегу. Виддинъ окруженъ каменными крѣпостными верками старыхъ типовъ, расположенъ въ долинѣ, примыкающей только къ самой рѣкѣ, въ центрѣ его фронта возвышаются древнія стѣны и оригинальныя башни стараго болгарскаго замка—это цитадель позиціи—за замкомъ идутъ сплошныя массы турецкихъ домовъ, между ними и вокругъ крѣпостныхъ стѣнъ зеленѣютъ фруктовые сады, стройные тополи—эти граціозныя зеленыя колонны словно конкурируютъ съ не менѣе стройными колонками безчисленныхъ минаретовъ; дальше пологіе холмы, съ ведущими по ихъ скатамъ извивающимися дорогами, на дорогахъ столбы пыли, это двигаются войска и обозы, дальше все сливается въ одну сплошную синюю полосу и эта полоса—Балканы, съ снѣжнымъ верхомъ, рѣзко выдѣляющимся налиловатомъ фонѣ утренняго неба. День былъ превосходный солнечный... становилось уже жарко и на горизонтѣ протягивались уже эти мглистые, дрожащіе полосы южнаго зноя... Правѣе города, значительно сзади, бѣлѣли палатки громаднаго, широко раскинувшагося лагеря. Сильные бинокли наши не могли отыскать въ немъ никакого движенія, да и не мудрено. Провожавшій насъ офицеръ объяснилъ намъ, что это лагерь—декорація для внушенія страха врагу и для кажущагося увеличенія турецкихъ силъ, палатки поставлены, но они пусты и необитаемы, войска турецкія занимаютъ только крѣпостныя верки и тотъ лагерь, что видѣнъ правѣе Виддина, на скатахъ холмовъ, за отдѣльно стоящимъ фортомъ. Этотъ фортъ составляетъ главный оплотъ Виддина, онъ построенъ по требованіямъ современной фортификаціи и вооруженъ орудіями большого калибра, по крайней мѣрѣ, во время пушечныхъ перестрѣлокъ съ Калафатомъ, сюда именно съ того форта долетаютъ болѣе крупные снаряды. Разливы Дуная еще широки, вода не спадаетъ нисколько, тому причиною необыкновенно дождливая погода, стоящая почти въ теченіе всей первой половины мая. Окрестности береговъ еще на половину затоплены водою, отъ островъ остались на поверхности воды только наиболѣе возвышенные пункты и на нихъ виднѣются опустѣлые сторожевые блокгаузы.

Румынскія баттареи расположены на возвышенностяхъ лѣваго, Калафатскаго берега; онѣ начинаются далеко выше Калафата, верстахъ въ трехъ отъ города и тянутся, взаимно фланкируя другъ друга, внизъ, оканчиваясь баттареею, показанною на рисункѣ (см. „Ниву“ № 25). Противъ центра Калафата, а значитъ и центра позиціи, видна сильная баттарея, вооруженная крупными пушками. Удобная мѣстность и готовыя природныя насѣки сильно облегчили трудную и спѣшную работу инженеровъ, и глядя на эти грозныя, вновь возведенныя позиціи, невольно чувствуешь безсиліе Виддина, беззащитно раскинувшагося внизу, подъ ихъ выстрѣлами. Однако особенно долго любоваться всѣмъ этимъ намъ не позволили, особенно когда замѣтили, что наши карандаши ни на минуту не оставались въ бездѣйствіи. Альбомы наши были представлены коменданту, все имъ разрѣшенное посылается вмѣстѣ съ этою корреспонденціею, неразрѣшенное остается скромно въ портфеляхъ корреспондентовъ, впрочемъ, этого послѣдняго очень немного. Описывать обратную поѣздку не стоитъ, такъ какъ она не представляла ничего новаго и потому до слѣдующей поѣздки!

9 іюня. **Н. Каразинъ.**

*) См. «Ниву» № 25.

Аѳонъ.

Цвѣтущій періодъ среднихъ вѣковъ представляетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшую кульминаціонную точку того религіознаго движенія, которое всего сильнѣе выразилось въ странствованіи пилигримовъ по святымъ мѣстамъ. Въ этомъ странствованіи, предшествовавшемъ крестовымъ походамъ, сколько

Библиотека "Руниверс"

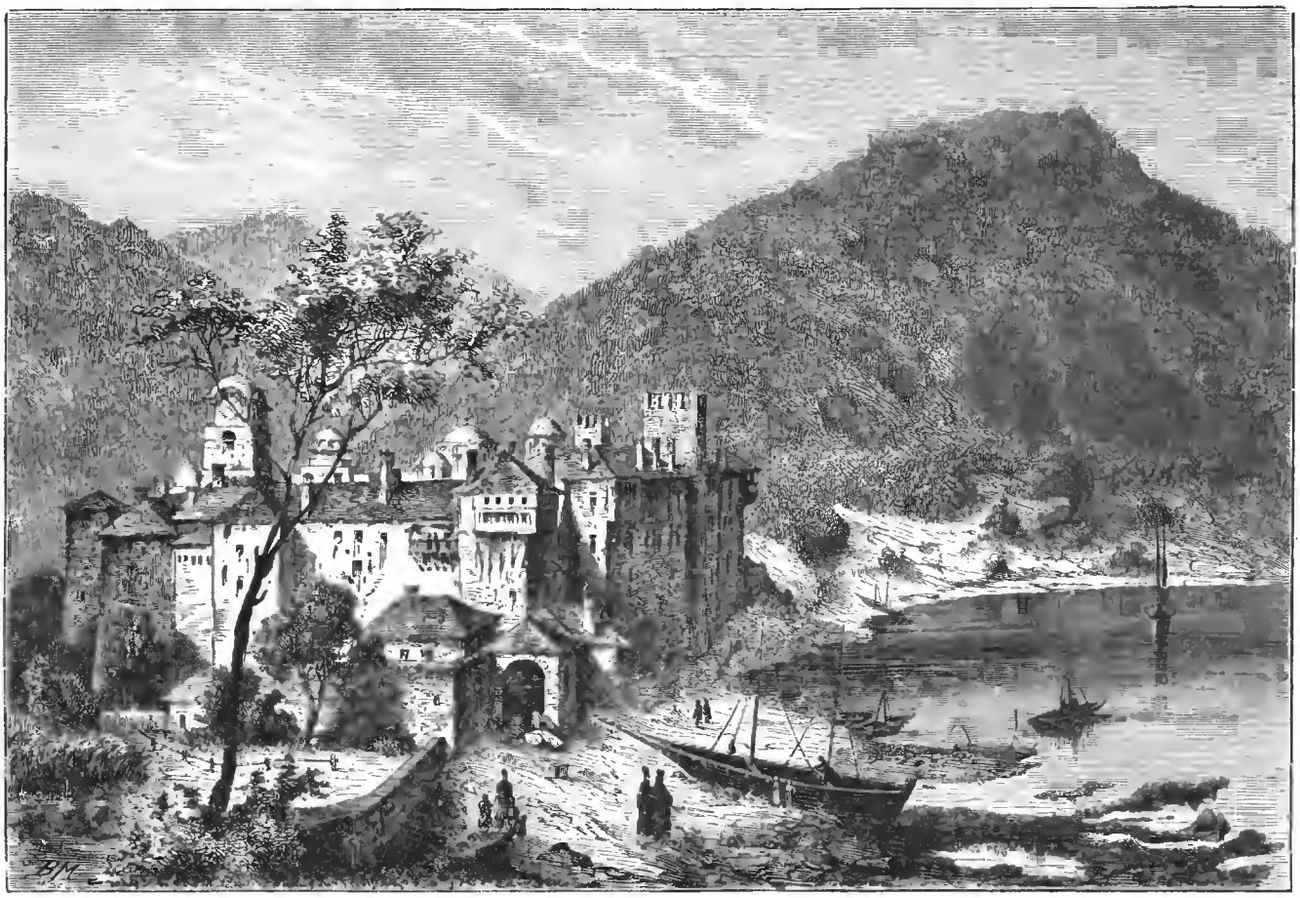
заключается трогательнаго, умилительнаго, поэтическаго!.. Пилигримъ, цѣною всяческихъ усилій, трудовъ, жертвъ, желалъ только видѣть Святую землю, облобызать почву, по которой ходилъ Господь, выкупаться въ рѣкѣ Іорданѣ, гдѣ Онъ крестился. Но въ послѣдовавшихъ за этими скромными странствіями шумныхъ крестовыхъ походахъ, уже замѣчается политическая тенденція рыцарей—овладѣть Іерусалимомъ; и затѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ походахъ западное рыцарство, такъ сказать, расточило и промотало свои рыцарскія доблести, и затѣмъ въ страстномъ и непонятномъ стремленіи къ Риму и папству, этому колоссальному продукту средневѣковой жизни, разстратило и массы своихъ богатыхъ вѣковыхъ сбереженій. Однакоже реформація, это порожденіе германскаго духа, произвела замѣтную въ этомъ отношеніи перемѣну даже въ католическихъ земляхъ запада. Въ римскихъ церквахъ пилигримы сдѣлались рѣдкимъ явленіемъ даже въ юбилейные годы, а на священныя мѣста далекой Палестины теперь едва уже ступала нога западнаго странника—таковы путешествія въ Палестину съ католическаго и реформаціоннаго запада послѣ реформаціи.

Совсѣмъ другое явленіе встрѣчаемъ мы въ православной, греко-каѳолической церкви. Въ православной церкви странствованія по святымъ мѣстамъ продолжались послѣ періода западной реформаціи и даже увеличились. Всѣ улицы и площади святого града Іерусалима, весь круглый годъ, буквально кишѣли православными пилигримами. Какая это была пестрая, разнообразная, живописная масса лицъ, костюмовъ, драпировокъ! Тутъ были и обитатели греческихъ острововъ и Малой Азіи, стройные и гибкіе кавказцы, и коренные обитатели нашей русской равнины, тяжелые на поступь, обутые въ наши національные лапти-шептуны. Даже уединенныя печальныя пустыни Святой земли оживлялись обширными караванами странниковъ. Караваны эти, дѣйствительно, такъ бывали обширны, какъ будто совершалось переселеніе цѣлыхъ племенъ, такъ что иной караванъ численностью не уступалъ населенію какой либо палестинской веси и даже города...

Но предметомъ благочестивыхъ странствованій православныхъ пилигримовъ была не одна только Палестина. Былъ и существуетъ еще для православныхъ странниковъ весьма важный пунктъ, имѣвшій большое значеніе и вообще въ исторіи. Пунктъ этотъ—Аѳонъ.

На сѣверной сторонѣ Греческаго Архипелага, въ древности называвшагося Эгейскимъ моремъ, параллельно другъ другу, вдаются въ это море три узкія косы, оконечности которыхъ получили историческую извѣстность бурями, виновницами несчастій и неудачъ многихъ древнихъ экспедицій, напримѣръ, персидскихъ, направленныхъ противъ грековъ. Эти три глубоко вдающіяся въ Эгейское море косы, составляютъ, въ свою очередь, продолженіе обширнаго полуострова, простирающагося отъ Халцидики, служащей преддверіемъ обширной Македоніи.

Самая восточная изъ трехъ упомянутыхъ нами выше косъ оканчивается знаменитымъ и колоссальнымъ *мысомъ Аѳонскимъ*, который греки издавна назвали „Святою горою". На сѣверной части этой косы, около того мѣста, гдѣ глубоко вдается на востокъ въ море мысъ Платы, полуостровъ перерѣзывается извѣстнымъ каналомъ Ксеркса, который приказалъ выкопать его для обхода бурнаго и опаснаго для плаванія Аѳонскаго мыса, близь котораго даже нельзя стать судну на якорѣ, потому что уже въ самой близи глубина моря, и по сіе время, достигаетъ глубины 70 саженъ. Ксерксовъ каналъ служитъ естественною гранью, съ которой начинаются монастыри Аѳонской горы *). Наиболѣе богатые изъ этихъ монастырей расположены на восточной сторонѣ Аѳонской горы **).



Гора Аѳонъ I. Видъ монастыря Еѳигменумъ. Рис. Менфельдъ, грав. Максимовъ.

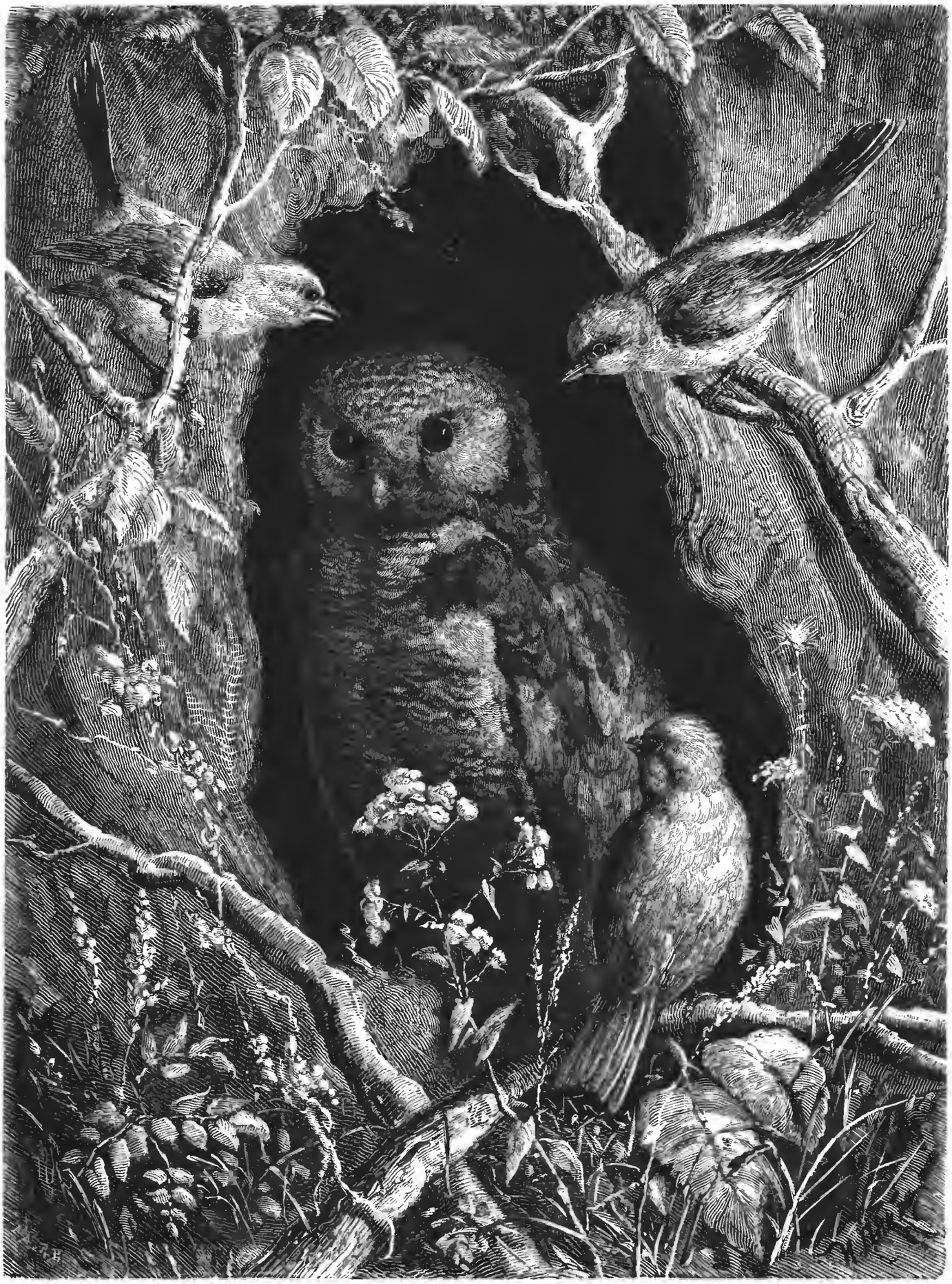
Если объѣхать весь берегъ обширнаго Эгейскаго моря, начиная отъ острова Крита (Кандіи) до Дарданеллъ, то намъ, при всемъ гористомъ характерѣ Греціи вообще, все таки не придется встрѣтить такого *исполина гору*, который хотя бы приблизительно напоминалъ Аѳонъ, исключая Олимпа ***). Самый высшій пунктъ Аѳона составляетъ 6,400 фут. надъ поверхностью моря. Темя этой высочайшей вершины составляетъ площадка въ 4 квадр. сажени и на этой-то площадкѣ построена церковь. Олимпъ по величинѣ и грандіозности не только равняется Аѳону, но и превосходитъ эту Священную гору. Впрочемъ и въ физическомъ характерѣ, и въ самой внѣшней формѣ, у Олимпа есть весьма характеристическое отличіе отъ Аѳона. Олимпъ представляетъ громадный узелъ далеко протянутаго гребня горъ, и склоны этихъ горъ образуютъ сочныя пажити, на которыхъ, въ настоящее время, пасутся многочисленныя стада рогатаго скота.

*) Богатые монастыри: *Хиландарь, Ватопедскій, Иверскій, Лавра* и *Еѳигменумъ*. Видъ этого послѣдняго помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ «Нивы».

**) Самый сѣверный изъ этихъ монастырей и ближайшій къ Ксерксову каналу и мысу Платы—это *Хиландарь*.

***) Въ Ѳессаліи. Именно эту гору греческая мифологія населяла своими антропоморфическими божествами.

Библиотека "Руниверс"



Война въ лѣсу: Открытіе убѣжища совы. Оригин. рис. И. С. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Что касается Аѳона, то онъ представляетъ собою величественную пирамиду, впечатлѣніе которой на каждаго зрителя поразительно. Его можно назвать „Маттергорномъ“ *) греческихъ острововъ. Самый полуостровъ, оконечностью котораго служитъ Аѳонъ, имѣетъ живописно-волнообразную поверхность; возвышенія направляются отъ края полуострова къ срединѣ, пока наконецъ они въ этой срединѣ не сольются въ острый гребень, и южный конецъ этого гребня, возносясь въ облака, крутымъ, обрывистымъ утесомъ падаетъ въ море, такъ что форма этого страннаго утеса образуетъ падающую скалистую пирамиду. Самая же фигура полуострова имѣетъ отдаленное сходство съ кровлею какого-либо собора, оканчивающеюся высоко возносящеюся въ облака башнею.

Этотъ „Гибралтаръ Эгейскаго моря“, въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней служилъ и служитъ торжественно возносящимся свѣточемъ для православной восточной церкви, горниломъ ея духовныхъ интересовъ, подобно тому, какъ Ватиканъ составляетъ горнило духовныхъ интересовъ запада. Однакожъ, если мы попытаемся изслѣдовать историческое происхожденіе того и другого пункта, мы разумѣется потеряемъ нить исторіи и должны остаться въ лабиринтѣ легендъ и чудесныхъ сказаній. Новогреческое преданіе, напримѣръ, гласитъ, о началѣ и происхожденіи Аѳона, что сама Пресвятая Дѣва вышивала своими руками торжественную праздничную богослужебную одежду для монаховъ **), а также одѣваемые при нашемъ богослуженіи поручи. Эту одежду и поручи Богоматерь вышивала для Лазаря, друга Христова—котораго Христосъ, какъ извѣстно, незадолго передъ Своими страданіями воскресилъ изъ мертвыхъ. Но о дальнѣйшей судьбѣ Лазаря, кромѣ темнаго и неопредѣленнаго преданія, что онъ былъ епископомъ на островѣ Кипрѣ, мы ничего не знаемъ.

Затѣмъ мы узнаемъ изъ преданія, что сама Богоматерь благословила Аѳонъ и сказала: „Это мѣсто выпало мнѣ, по жребію, на вѣки. Да пребудетъ надъ нимъ милость Моего Сына!“

Но собственно народныя преданія объ основаніи Аѳона, а также наши русскія преданія объ этомъ же предметѣ, гораздо отчетливѣе и рельефнѣе. Сущность этихъ послѣднихъ преданій слѣдующая. Когда св. Апостолы вышли изъ Іерусалима проповѣдать Евангеліе во всемъ мірѣ, Богоматерь осталась въ Іерусалимѣ, и сгорала желаніемъ отправиться тоже на дѣло проповѣди и затѣмъ съ немногими спутниками сѣла въ корабль; но изъ кормчихъ никто не зналъ, куда направить плаваніе. Рѣшили дать кораблю полную волю—пусть плыветъ куда хочетъ, и корабль, послѣ продолжительнаго плаванія, остановился у восточнаго берега Афона. Въ это самое время въ ближнихъ идольскихъ капищахъ совершался торжественный праздникъ съ жертвоприношеніями. Какъ вдругъ идольскіе истуканы, почуявъ приближеніе Богоматери, воскликнули: Смотрите! Идетъ Матерь Божія... Спѣшите и падайте передъ Нею ницъ!“ Произнеся это, идолы сами собою попадали и разбились въ дребезги. Изумленный народъ тотчасъ всею массой устремился изъ капищъ къ берегу и тамъ въ благоговѣніи палъ предъ необыкновенной посѣтительницей, прося св. крещенія. Капища идольскія немедленно превратились въ церкви и Богоматерь осталась на Афонѣ до самой своей кончины.

Дѣйствительно, наше церковное преданіе говоритъ, что Успеніе Божіей Матери совершилось на Аѳонѣ, и на Аѳонѣ нѣтъ въ самомъ дѣлѣ ни одной церкви, въ которой бы образъ Успенія Богоматери не составлялъ главнаго украшенія.

Извѣстно также, что знаменитѣйшій и древнѣйшій изъ нашихъ монастырей Кіево-Печерскій, построенъ святыми Антоніемъ и Ѳеодосіемъ по образу и подобію монастырей горы Афонской, а по образу монастыря Кіево-Печерскаго устроены и всѣ прочіе наши монастыри. И самая Кіево-Печерская церковь создана во имя Успенія Богоматери, какъ говоритъ преданіе по чудесно предначертанному на небѣ плану. *) Такимъ образомъ связь нашихъ православныхъ отечественныхъ обителей съ Аѳономъ, какъ первоначальнымъ ихъ центромъ и родоначальникомъ, весьма ясна и неоспорима.

(Окончаніе будетъ).

*) Маттергорнъ, иначе Монт-Серве, одна изъ вершинъ цѣпи Монтъ-Блана, съ абсолютною высотою надъ поверхностью моря въ 4,522 метра.

**) Такъ называемый по гречески *эпаларъ* (Ἐπιλαρος), что значитъ собственно корзинка, а потомъ—плетеная или руками шитая одежда... Такой былъ раздѣленный по жребію хитонъ Іисуса Христа, сплетенный или сотканный, по преданію, Пресвятою Дѣвою.

*) См. „Патерикъ Печерскій“ статью подъ заглавіемъ: „*Откровеніе Симону*“ (или Шимону такъ какъ онъ былъ варягъ) о *созданіи церкви Печерскія*.

Къ рисункамъ.

Критики.

(Картина Жоннара).

Превосходное произведеніе Жоннара замѣчательно, конечно, въ томъ отношеніи, что такъ живо передаетъ впечатлѣніе, произведенное на ословъ картиной, случайно ими встрѣченной въ лѣсу, на которую они даже, такъ сказать, наткнулись. Уловить это впечатлѣніе и съумѣть его передать въ своемъ произведеніи, понятно, заслуга почтенная; но кромѣ того, картина Жоннара, разумѣется, имѣетъ еще и другія стороны, дающія ей право называться замѣчательнымъ произведеніемъ. Изъ этихъ „другихъ“ сторонъ мы, главнѣе всего обратимъ вниманіе на прелестный пейзажъ, мягкость тона и вообще на удивительную прелесть всѣхъ частностей картины; ну а за симъ является еще въ ней сторона такъ сказать „обличительная“, но ужь здѣсь-то широкій просторъ сужденію: каждый можетъ самъ по себѣ „примѣрять“ къ кому и къ чему угодно „идею“ автора картины. Въ этомъ случаѣ, конечно, мнѣнія могутъ быть различны. Пословица говоритъ: „сколько головъ—столько и умовъ“. Напримѣръ, блаженной памяти Загорѣцкій („Горе отъ ума“) говоритъ, что если бъ онъ былъ цензоромъ, то

„На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами...
Кто что ни говори—
Хоть и животныя, а все таки цари!

Положимъ, Загорѣцкій, такъ сказать, хватилъ черезъ край, но вѣдь точныя границы этого „края“ трудно указать.

Сова.

Въ разсѣлинахъ скалъ, въ развалинахъ старыхъ строеній, въ широкихъ дуплахъ вообще въ мѣстахъ уединенныхъ, дающихъ возможность укрыться въ темнотѣ, избираетъ сова себѣ убѣжище. Скрываясь такимъ образомъ отъ свѣта, чуждая симпатій, одиноко проводитъ она свою жизнь, вылетая на добычу только въ темнотѣ ночи. Такая жизнь окружила сову таинственностію, сдѣлала ее ненавистной дневнымъ птицамъ, а раздающійся въ темнотѣ ночи ея непріятный голосъ, у нѣкоторыхъ отличающійся отвратительными хриплыми звуками, или фырканьемъ, у другихъ похожій на жалобный вой, у третьихъ сопровождаемый злобнымъ щелканьемъ клюва,—произвелъ къ ней и въ людяхъ какое-то непонятное отвращеніе и былъ причиною сложившихся въ народѣ повѣрій, будто крикъ совы на крышѣ дома грозитъ большимъ несчастіемъ. Стоитъ лишь птичкамъ замѣтить сову въ ея убѣжищѣ, какъ съ крикомъ слетаются онѣ къ ней и начинаютъ щипать и дразнить, вымѣщая свою ненависть. Попробуетъ сова отлетѣть на другое мѣсто, но отъ преслѣдователей не легко укрыться, остается ей единственное средство—терпѣніе. Сидитъ сова, да пощелкиваетъ только челюстями и поводитъ глазами. Самыми злѣйшими врагами совы изъ міра пернатыхъ—вороны. Увидятъ сову такой переполохъ надѣлаютъ, что—Боже упаси! Оглашая воздухъ неумолкаемымъ озлобленнымъ крикомъ и шумно махая своими крыльями, носятся тогда они взадъ и впередъ мимо совы, то поднимаясь въ высь, то опускаясь до самой земли. Завидятъ сову люди—и также рѣдкій изъ нихъ не пуститъ въ нее камнемъ, не разбирая за что онъ-то казнитъ. Сова принадлежитъ къ ночнымъ хищнымъ; къ семейству совъ относятся: неясыть, сплипъ, сипуха, филинъ, сычъ.

Всѣ совы безъ исключенія отличаются самыми ограниченными умственными способностями, (несмотря на то что древніе греки и дѣлали сову спутницей богини мудрости—Минервы). Питаются совы исключительно добычей своей охоты. Большіе виды совъ нападаютъ на довольно большихъ млекопитающихъ и птицъ, большая же часть совъ питается мелкими млекопитающими и птицами. Вообще совы во множествѣ уничтожаютъ мышей, сусликовъ, кротовъ и такимъ образомъ, ненавистныя и всѣми преслѣдуемыя, онѣ являются благодѣтелями земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Маленькихъ звѣрьковъ и птицъ совы проглатываютъ вмѣстѣ съ кожей, перьями и костями; а у большихъ онѣ сначала обрываютъ голову, затѣмъ болѣе или менѣе ощипываютъ тѣло и отрываютъ мясо кусками. Кости, шерсть или перья обыкновенно свертываются въ ихъ желудкахъ въ такъ называемую погадку и изрыгаются.

Совы имѣетъ нѣчто странное въ своей наружности. Голова большая, толстая; верхняя челюсть загнута острымъ крючкомъ; глаза также большіе, съ круглыми зрачками, украшенные какъ-бы вѣерами, кругообразно расположенными перьями.

Разсказы о слѣпотѣ совъ при дневномъ свѣтѣ опровергаются изслѣдованіями, которые доказали, что совы и днемъ видятъ, но только въ весьма слабой степени, именно вслѣдствіе того что дневной свѣтъ слишкомъ сильно дѣйствуетъ на ихъ зрительные органы.

Совы обладаютъ весьма чуткимъ слухомъ. Летаютъ онѣ безшумно, волнообразно и низко. Почью впрочемъ совы летаютъ живѣе и поднимаются высоко.

Во время спариванія самецъ и самка живутъ вмѣстѣ. Выводятъ дѣтей не больше одного раза въ годъ. Гнѣзда устраиваютъ весьма неискусно и нерѣдко пользуются оставленными старыми гнѣздами воронъ и другихъ птицъ; случается что кла-

Библиотека "Руниверс"

дутъ свои яйца прямо въ разсщелинахъ скалъ, безъ всякой постилки. Самка несетъ отъ 2 до 3 яицъ; насиживаетъ въ продолженіи 2—3 недѣль. Молодые птенцы очень прожорливы—и родителямъ представляется много труда напитать свое потомство.

Пойманныя въ молодомъ возрастѣ, совы могутъ дѣлаться ручными, но вслѣдствіе своего угрюмаго нрава не представляютъ ничего пріятнаго.

Ночной переходъ по Дунаю.

Рисунокъ представляетъ одну изъ сценъ современной войны на Дунаѣ. Въ то время, когда еще, вслѣдствіе различныхъ военныхъ условій и препятствій по причинѣ разлива Дуная, нельзя было сдѣлать общаго перехода нашихъ войскъ съ румынскаго берега на турецкій, казаки отдѣльными отрядами отправлялись въ тѣ или другія доступныя для набѣговъ мѣста. Въ данномъ случаѣ избранъ былъ ими одинъ изъ дунайскихъ островковъ, гдѣ, вѣроятно, представилась возможность нанести непріятелю вредъ, уничтожить, можетъ быть, сдѣланные имъ на этомъ островѣ запасы, сжечь ихъ, разбить сторожевые пикеты и т. п. Извѣстно, что въ дѣлѣ набѣговъ наши казаки неимѣютъ себѣ соперниковъ въ войскахъ другихъ странъ, и исторія о ихъ доблестяхъ на этомъ поприщѣ войны уже давно сказала свое слово. Нельзя незамѣтить что ихъ военные доблести не имѣютъ въ себѣ руководящимъ началомъ отчасти и корыстные помыслы, такъ напримѣръ, возможность добычи, какъ извѣстно, представляемой въ такихъ случаяхъ въ собственность ихъ; но личная храбрость и удальство не могутъ быть при этомъ забыты. О нравахъ казаковъ вообще разсказываютъ много и хорошаго и дурного, упрекая ихъ въ деспотизмѣ и преданности „дѣдовскимъ обычаямъ". Конечно, какъ для кого, но полагаемъ, что не тѣ обычаи дурны, которые стары (по нашему даже чѣмъ древнѣе, тѣмъ лучше), но тѣ, которые въ самихъ себѣ имѣютъ недостатки. Разскажемъ здѣсь только одинъ обычай, характеризующій отчасти казацкіе нравы.

Когда казакамъ случается отъѣзжать изъ дома на войну, какъ въ настоящемъ случаѣ, то они бываютъ часто по году и по нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ семьей. Тѣмъ временемъ жены ихъ, конечно, не всѣ живутъ безупречно. Мужьямъ это небезъизвѣстно, и они даже съ такой философской точки смотрятъ на этотъ вопросъ, что многіе изъ нихъ, возвращаясь на родину, еще дорогою закупаютъ бѣлые платки, вотъ на какое употребленіе. Лишь только въѣзжаютъ казаки въ родную деревню, какъ всѣ обитатели выходятъ ихъ встрѣчать. Невѣрныя мужьямъ жены тутъ же выступаютъ изъ толпы, становятся передъ своими владыками на колѣни, лицомъ къ землѣ и ставятъ ихъ ногу къ себѣ на затылокъ, что служитъ въ одно и то же время признаніемъ вины и просьбой о прощеніи. Хотя не малое бываетъ число этихъ кающихся Магдалинъ, но мужья почти всегда ихъ прощаютъ, и въ знакъ того прощающій покрываетъ голову жены бѣлымъ платкомъ. Съ тѣхъ поръ не бываетъ помину о прошломъ, никто не смѣетъ и попрекнуть жену ея невѣрностію, такъ какъ мужъ дѣлается заступникомъ ея чести, покрывъ ее разъ бѣлымъ платкомъ въ знакъ прощенія и забвенія. Если же мужъ отказывается простить виновную, то она тутъ же возвращается въ домъ своего отца и считается съ мужемъ въ разводѣ.

Таково у людей „древняго обычая" рѣшеніе этого вопроса. Вѣроятно не безъ душевной борьбы и у нихъ, но за то исходъ прямой и рѣшительный и нѣтъ той страшной фальши и лжи, которая является въ этомъ случаѣ у людей „цивилизованныхъ".

Сестры милосердія.

Практическіе уроки предъ вступленіемъ на высокое служеніе дѣлу помощи раненымъ, будутъ, разумѣется, полезны, и нѣтъ, сомнѣнія, что въ рядахъ столькихъ женщинъ всѣхъ званій, всѣхъ состояній нашего общества, стремящихся и принятыхъ на слушаніе низшихъ аптекарскихъ курсовъ, есть и въ большомъ количествѣ задатки той нравственной высоты, которая сама собою приведетъ ихъ и поставитъ всецѣло на путь горячаго самоотверженнаго служенія символу Краснаго мученическаго Креста. Но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г-жи Кохановской (Рус. Міръ № 153) что простой, святой образъ сестры милосердія становится у насъ какой-то новой степенью женской, медицинской науки, въ родѣ степени ученой фельдшерицы? Какъ не желательно подобное совмѣщеніе въ сестрѣ милосердія, но оно можетъ быть и не быть. Да и не въ фельдшерствѣ главная сила и назначеніе той, которая призывается къ постели страждущихъ и умирающихъ не лечить ихъ (на это есть доктора и ихъ помощники, и фельдшера): а чтобы неусыпающей заботою, нѣжностію и вниманіемъ женской попечительности въ уходѣ за больнымъ умилить страждущаго и просіять ему въ смиренномъ подвигѣ самоотверженія, чтобы болящій и умирающій увидѣлъ свѣтъ Христовъ,—вотъ единственный вѣрный нравственный обликъ сестры милосердія. Разумѣется, мы ничуть не хотимъ сказать, что сестрѣ милосердія знанія излишни. Знаніе вездѣ полезно и вездѣ—сила, и въ данномъ случаѣ даже не только медицинскія, но и знанія того языка, на которомъ говоритъ больной. Такъ напримѣръ, изъ Кишинева извѣщаютъ что прибывшія туда изъ Петербурга сестры общинъ св. Георгія и евангелическо-лютеранской и фельдшерицы с.-петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета *занялись изученіемъ турецкаго языка*, въ виду того, что въ числѣ раненыхъ могутъ встрѣтиться и турки. Преподаваніе взялъ на себя членъ общества Краснаго креста, мѣстный дивизіонный пасторъ. Слушательницы, по словамъ корреспондента, въ теченіи трехъ недѣль уже на столько успѣли пріобрѣсти познаній въ языкѣ, что изъ выученныхъ словъ составляютъ правильныя предложенія. Кто же можетъ возражать противъ пользы такого изученія языка; но все таки главное и первое мѣсто занимающее въ дѣлѣ помощи раненымъ—это именно—подвигъ самоотверженія, способность „просіять" въ этомъ смиренномъ подвигѣ.

Мины и торпедо.

(По поводу рисунка: взрывъ монитора „Хивзи-Рахманъ").

Мины и торпедо уже давно практиковались на сушѣ, но только недавно начали ими пользоваться на водѣ. Торпедо дѣлятся на два вида: такъ называемыя мѣстныя и на подвижныя. Зарядъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ помѣщается въ герметически-закупоренныхъ ящикахъ. Форма ящика бываетъ различна, вообще на нее не слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто существенное. Важенъ вопросъ: какимъ взрывчатымъ составомъ ящикъ начинять? Въ послѣднее время обратили на себя вниманіе динамитъ и влажный прессованный хлопчато-бумажный порохъ Абеля. Этотъ порохъ въ 5 разъ сильнѣе обыкновеннаго пороха. Опыты, произведенные надъ динамитомъ и порохомъ Абеля, съ цѣлью изученія ихъ разрушительныхъ свойствъ въ водѣ, показали, что если динамитное торпедо и торпедо Абеля плотно прилегаютъ къ разрушаемому предмету, то динамитное торпедо производитъ большее разрушительное дѣйствіе. При удаленіи же на извѣстное разстояніе отъ разрушаемаго предмета этихъ двухъ торпедъ, дѣятельность ихъ почти сравнивается. Но такъ какъ динамитъ не удобенъ для храненія, замерзаетъ при 8°, не всегда воспламеняется во время и, кромѣ того, торпедо изъ него обладаютъ особымъ свойствомъ—иногда взрываться при взрывѣ сосѣдняго торпедо, поэтому, не смотря на преимущества динамита (въ его разрушительной силѣ) предпочитаютъ все таки употреблять для торпедо порохъ Абеля. Мѣстныя торпедо можно располагать только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они, не занимая большого протяженія, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть наблюдаемы съ берега, и болѣе или менѣе обезпечены отъ покушенія непріятеля ихъ уничтожить. Торпедо располагаютъ подъ водой въ нѣсколько линій. Для того, чтобы торпедо не потонуло, его прикрѣпляютъ къ деревянному обрубку, или снабжаютъ съ этою цѣлью какимъ либо другимъ приспособленіемъ, а для того, чтобы оно не всплыло на поверхность воды и сохраняло при этомъ свое положеніе неизмѣнно, удерживается якоремъ. Торпедо должны быть такъ часто поставлены, чтобы между ними невозможно было пройдти суду. Самовзрывчатыя должны быть расположены на болѣе тѣсныхъ интервалахъ, исжели взрываемыя съ берега, точно также и зарядъ ихъ различенъ, и вообще для воспламеняемыхъ съ берега онъ долженъ быть больше, нежели для самовзрывчатыхъ. Установленныя торпедо снабжаютъ приспособленіями двухъ родовъ: капсюлями— которыя при ударѣ о дно или бокъ нашедшаго на нихъ судна, сообщаютъ огонь взрывчатому составу, или же съ берега наблюдаютъ за ходомъ непріятельскаго судна, и когда оно взойдетъ въ линію торпедо, то его помощью электричества воспламеняютъ.

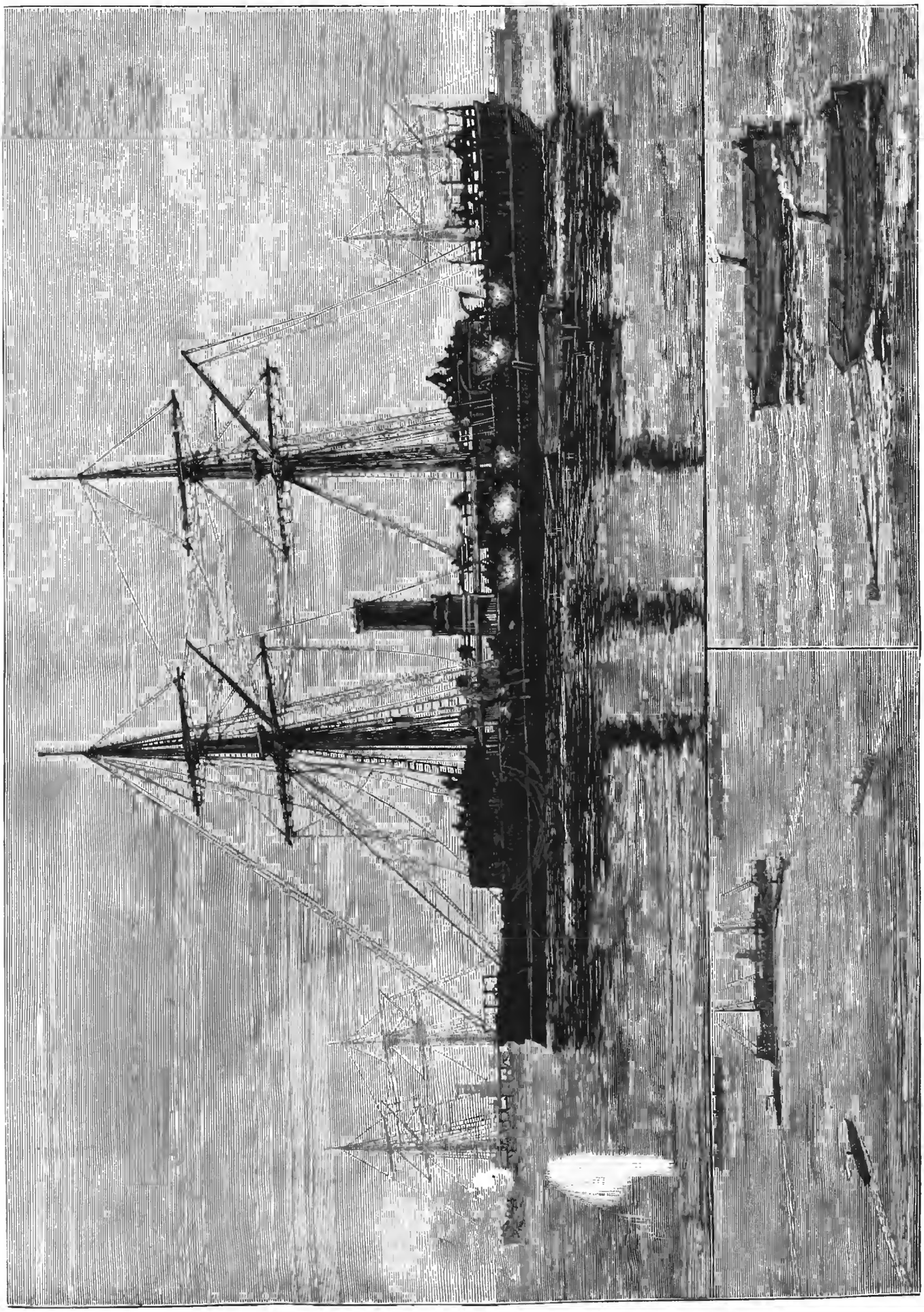
Берегъ, защищенный постоянными торпедо, можно считать почти вполнѣ обезпеченнымъ отъ нападенія непріятельскаго флота, если только приняты мѣры къ воспрепятствованію непріятелю ихъ уничтожить. Уничтожить постоянныя торпедо непріятель можетъ или прямымъ ихъ вылавливаніемъ, или съ помощью контръ-минъ. Но если торпедныя загражденія обстрѣливаются съ береговыхъ баттарей, то уничтожить ихъ непріятель можетъ только ночью, подплывая къ нимъ на небольшихъ своихъ гребныхъ судахъ; но и обороняющійся имѣетъ возможность высылать на ночь впередъ торпедныхъ загражденій свои сторожевыя суда. Подвижнымъ торпедо, или иначе шестовымъ, называется обыкновенное торпедо (ящикъ, наполненный взрывчатымъ веществомъ), насаженное на крѣпкій, болѣе или менѣе длинный шестъ, въ 20—40 футовъ; такими торпедами снабжаются миноносныя, или вѣрнѣе, торпедоносныя суда. Американцы первыя пришли къ заключенію, что обыкновеннымъ военнымъ судамъ въ видѣ вооруженія слѣдуетъ придавать шестовыя торпедо. На этотъ шагъ они рѣшились въ 1874 году, послѣ опытовъ, показавшихъ, что взорванное торпедо, разрушая предметъ, противъ котораго оно употреблено, никакого вреда не наноситъ самому торпедоносному судну. Для прикрѣпленія торпедныхъ шестовъ къ судну имѣются особыя приспособленія, устроенныя на носовой, кормовой и на боковыхъ его частяхъ. Способы прикрѣпленія шестовъ къ судамъ различны; но всегда наблюдается одно правило: шестъ долженъ имѣть къ поверхности воды наклонное положеніе и чтобы внѣшній конецъ его былъ погруженъ въ воду футовъ на шесть для того, чтобы насаженное на этотъ конецъ торпедо,

Библиотека "Руниверс"

Ночной переходъ казаковъ съ Румынскаго берега на одинъ изъ островов Дуная. Съ наброска К. В., грав. Вейерманъ.

Сестры милосердія на практическихъ урокахъ въ больницахъ передъ отъѣздомъ въ дѣйств. армію. Съ наброска Броллинга, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"



а) „Царевна“ (Мичманъ Баль).
б) „Царевичъ“ (Лейт. Дубассовъ).
в) „Ксенія“ (Лейт. Шестаковъ).
г) „Джигитъ“ (Мичманъ Персинъ).

1) Турецкій мониторъ „Хивзи-Рахманъ“ передъ взрывомъ нашими лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ. 2) Общій видъ дѣйствія русскихъ миноносныхъ катеровъ. 3) Миноносные катеры передъ дѣйствіемъ.

Библиотека "Руниверс"

при ударѣ о непріятельское судно, разрушало его подводную часть. Воспламененіе подвижнаго торпедо, какъ и торпедо постояннаго, происходитъ или отъ удара о бокъ непріятельскаго судна, или же посредствомъ электричества, по усмотрѣнію завѣдывающаго гальванической баттареей на торпедоносномъ суднѣ.

При вооруженіи судовъ обыкновенныхъ военныхъ, торпедо имѣетъ почти исключительно оборонительный характеръ. Судно, вооруженное такимъ образомъ, можетъ считать себя безопаснымъ отъ удара тарана противника, или утѣшать себя мыслію, что если и само погибнетъ отъ шпоры непріятеля, то въ то же время погубитъ и его. Во всякомъ случаѣ торпедо не могутъ затруднять собою большого судна; шесты ихъ надѣваются только тогда, когда предвидится скорая необходимость въ дѣйствіи торпедо. Суда, спеціально предназначенныя къ дѣйствію торпедо, составляютъ квинтъ-эссенцію морского дѣла настоящаго времени. Обшивка такого судна желѣзная, очень малой толщины; ихъ вооружаютъ также и пушками. Судно возвышается надъ поверхностью воды не больше 2—3 футовъ. Онѣ снабжены паровыми машинами, имѣющими весьма сильный, быстрый ходъ, и для большей поворотливости придуманъ особый руль съ гребками.

Цѣль судна-торпедо—бросаться на непріятельскій корабль и ударять его своимъ торпедоноснымъ шестомъ. Представляя изъ себя малую цѣль для артиллерійскаго огня и всегда стараясь только догнать непріятельское судно, но не идти параллельно его килю, оно настолько обезпечено отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, что всегда можетъ считаться неуязвимымъ со стороны своей жертвы. Торпедо, вторванное у борта атакуемаго имъ судна, разворачиваетъ у него обшивку, производитъ громадный пробой въ подводной части, который уже нѣтъ возможности задѣлать. Только тотъ, пораженный торпедо, корабль *можетъ* не потонуть, который снабженъ надежными *переборками*; но и въ этомъ случаѣ вредъ, причиненный кораблю, такъ великъ, что для дальнѣйшей службы въ боевомъ *строю* онъ уже дѣлается негоднымъ и требуетъ капитальнаго исправленія.

Дѣйствовать торпедоносныя суда съ наибольшею для себя пользою могутъ, исключительно, ночью. Понятно, что это необходимо для того, чтобы имѣть возможность приблизиться къ непріятельскому судну незамѣтно, т. е. по крайней мѣрѣ, на сколько возможно незамѣтно. Иначе, т. е. въ томъ случаѣ, если непріятель замѣтитъ приближеніе торпедоноснаго судна заблаговременно, то можетъ нанести ему огромный вредъ, разбить его пушечными выстрѣлами и т. п. Вообще не только днемъ, но и ночью, торпедоносныя суда подвергаются громадному риску... Но извѣстна пословица: „смѣлымъ Богъ владѣетъ", такъ было и съ нашими храбрыми моряками при взрывѣ турецкаго монитора „Хивзи-Рахманъ". Но прежде чѣмъ объ этомъ разсказать, мы для полноты свѣдѣній о другихъ примѣненіяхъ торпедо замѣтимъ, что конструкціи торпедоносныхъ судовъ весьма различны, и какъ ихъ практическое примѣненіе, такъ равно и устройство во многихъ случаяхъ неизвѣстно, ибо сохраняется въ тайнѣ и составляетъ секретъ государствъ.

Кромѣ такихъ судовъ есть суда, выбрасывающія торпедо. Въ подводной части такого судна устраивается продольное отверстіе, параллельно килю, въ немъ помѣщается особый аппаратъ (сигарообразный или рыбообразный), снабженный двигателемъ (электро-магнитнымъ или газовымъ), съ помощью котораго онъ можетъ двигаться подъ водою съ значительною скоростью по прямому направленію на извѣстное разстояніе.

Если судно желаетъ напасть на непріятельскій корабль, то въ вышеописанную камеру вкладываютъ торпедоносный аппаратъ, такъ сказать заряжаютъ судно. Потомъ это судно съ наибольшею своею скоростью бросается на атакуемый корабль и въ извѣстномъ ему разстояніи спускаетъ торпедоносный аппаратъ, тоже имѣющій на головной своей части обыкновенное шестовое торпедо.

Есть, кромѣ того, автоматическія торпедо. Онѣ двигаются подъ водою; ихъ движеніемъ управляютъ съ береговой гальванической баттареи, посредствомъ двухъ или даже нѣсколькихъ проволокъ, соединенныхъ на автоматѣ съ большимъ электромагнитнымъ приборомъ, который и составляетъ двигатель автомата. Автоматъ снабженъ рулемъ и шестовымъ торпедо. Съ берега можно хорошо управлять рулемъ, давать лодкѣ передній и задній ходъ и увеличивать или уменьшать его, болѣе или менѣе глубоко погружать лодку въ воду и, наконецъ, въ извѣстный моментъ взрывать торпедо. Чтобы возможно было съ берега слѣдить за движеніемъ автомата, онъ снабжается небольшими флюгерами или другими приспособленіями, которыя въ ночное время—со стороны противоположной непріятелю—могутъ быть освѣщаемы электрическимъ свѣтомъ. Ко всему этому еще слѣдуетъ добавить, что механизмъ автомата такъ устраивается, что въ моментъ взрыва торпедо онъ (автоматъ) получаетъ задній ходъ. Всѣ вышесказанныя движенія автоматъ исполняетъ по указанію съ берега.

Не говоря уже о томъ, что торпедо страшно для судовъ своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ: но одно предположеніе, что судно можетъ встрѣтить на пути своемъ торпедо, уже колеблетъ духъ экипажа корабля, убиваетъ его бодрость. Такое угнетенное состояніе духа экипажа, угрожаемаго торпедо, весьма выгодно для торпедоносца: экипажъ не цѣлитъ, какъ слѣдуетъ, торопится и вообще дѣлаетъ все то, что дѣлается во время пожара...

Въ этомъ случаѣ нельзя сказать: я дерусь и или погибну, или уничтожу своего противника; здѣсь обратно—я не борюсь, а теперь, или немного позже—погибну.

Разскажемъ здѣсь, со словъ слышавшаго, подробности о томъ, при какихъ условіяхъ былъ взорванъ турецкій мониторъ „Хивзи-Рахманъ".

Задумавъ свое смѣлое, можно сказать даже безумно-смѣлое дѣло, наши храбрые моряки нѣсколько дней выслѣживали турецкій мониторъ. Въ ночь, наканунѣ, имъ удалось подойти къ нему на очень близкое разстояніе—они были саженяхъ въ трехстахъ отъ врага и хотѣли уже въ этотъ разъ рѣшиться на взрывъ. Ихъ остановило только то, что въ то время, какъ они подошли къ монитору, начинало уже свѣтать. Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ, не смотря на это обстоятельство, хотѣлъ совершить задуманный ударъ, но А. П. отговорилъ его, находя, что при данныхъ условіяхъ дѣло было слишкомъ рискованно. Весь слѣдующій день лейтенантъ Дубасовъ упрекалъ своего товарища за то, что онъ удержалъ его отъ дѣла: такъ великъ было его желаніе нанести смѣлый ударъ врагу. Храбрые моряки съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей ночи. Ночь настала и притомъ самая благопріятная: темная, туманная. Но они не выходили до двѣнадцати часовъ—изъ стариннаго убѣжденія, что въ пятницу не слѣдуетъ начинать дѣла, а въ этотъ день была пятница, да еще не простая, а 13 мая. Такъ какъ послѣ полуночи всѣ неудобства пятницы устранялись, то моряки отправились. Мониторъ находился при выходѣ изъ Мачинскаго рукава, въ компаніи съ пароходомъ „Аркадіонъ" и еще съ другимъ небольшимъ судномъ. Морской гигантъ стоялъ очень близко у берега, когда маленькая флотилія изъ четырехъ паровыхъ миноносныхъ лодокъ подошла къ нему. Во главѣ флотиліи шелъ на „Царевичѣ" лейтенантъ Дубасовъ, затѣмъ на „Ксеніи" лейтенантъ Шестаковъ. Обѣ эти лодки были вооружены минами; двѣ остальныя: „Джигитъ" (командиръ мичманъ Персинъ), и „Чичаговъ" (командиръ мичманъ Баль) конвоировали ихъ. Лодка лейтенанта Дубасова была уже въ 30 саженяхъ отъ парохода, когда турецкій часовой окликнулъ ее. Лейтенантъ Дубасовъ отвѣчалъ: „сезынъ адамъ" (вашъ человѣкъ). Часовой повторилъ окликъ еще два раза. На третій окликъ лейтенантъ Дубасовъ отвѣчалъ громко и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Часовой выстрѣлилъ. На палубѣ мгновенно поднялась тревога, замелькали огни, забѣгали люди. Медлить было нечего. Рѣшительная минута наступила. „Царевичъ" приблизился къ кормѣ монитора и подвелъ торпедо. Произошелъ взрывъ. Корма разсѣлась. На палубѣ монитора раздался страшный крикъ. О. В. Дубасовъ на слѣдующій день передавалъ, что впечатлѣніе этого крика было невыносимое: что-то ужасное, жалостное, безпомощное и вмѣстѣ нечеловѣчески-дикое слышалось въ этомъ крикѣ. „Я не могу забыть этого крика: онъ надрывалъ душу, онъ до сихъ поръ звучитъ у меня въ ушахъ",—говорилъ мужественный морякъ... Громадная волна хлынула вслѣдъ за ударомъ мины и затопила „Царевича". Между тѣмъ лодка лейтенанта Шестакова врѣзалась въ бокъ монитора и нанесла ему второй ударъ. Градъ пуль посыпался съ палубы монитора, загремѣли выстрѣлы орудій съ „Аркадіона" и другого судна. Разбитая взрывомъ тяжелая дверь полетѣла на миноноску и задѣла, по счастію не сильно, лейтенанта Шестакова и одного изъ матросовъ. „Ксенія" бросилась назадъ, но тщетно давали ей задній ходъ: она не могла двинуться, винтъ запутался въ какихъ-то веревкахъ, веревки задѣли за якорь лодки. Лейтенантъ Шестаковъ приказалъ сбросить якорь.

— Помилуйте, ваше благородіе,—отозвался въ эту критическую минуту матросъ Кисловъ,—зачѣмъ же туркамъ верпъ (якорь) оставлять?

Будучи поставлена въ невозможность двинуться впередъ, „Ксенія" начала давать сигнальные свистки. Но ни „Царевичъ", ни „Джигитъ", ни „Чичаговъ" не могли оказать помощи, ибо первый самъ едва справился, выкачивая залившую его воду, а второго ядро ударило въ корму, и онъ, не зная степени поврежденія и опасаясь затонуть, подошелъ къ берегу, откуда былъ осыпанъ выстрѣлами береговой турецкой команды. Кое-какъ, однакоже, „Ксенія" успѣла освободиться отъ веревокъ, запутавшихъ винтъ, и отошла отъ монитора. Разсказывая о выстрѣлахъ, которыми преслѣдовали уходившихъ миноносокъ, лейтенантъ Шестаковъ выразился такъ: „это былъ адъ". Но вотъ что всего удивительнѣе въ этомъ по истинѣ удивительномъ дѣлѣ: никто изъ моряковъ не былъ не только раненъ, но даже оцарапанъ; они и сами себѣ не вѣрили, что это такъ, и рѣшительно не могли понять, какимъ образомъ это случилось. Слушая разсказъ о подробностяхъ дѣла, не знаешь чему болѣе дивиться: храбрости ли и почти безумной дерзости участниковъ дѣла, или же тому необыкновенному счастію, которое сопровождало ихъ подвигъ. Въ Браиловѣ все ихъ товарищи, слышавшіе громъ взрыва и выстрѣлы, считали ихъ уже погибшими; когда они воротились—радости и привѣтствіямъ не было конца. Турки, по предположеніямъ моряковъ, потеряли немного изъ команды монитора: большая часть людей могла спастись вплавь, такъ какъ мониторъ стоялъ близко отъ

Библиотека "Руниверс"

берега. Но, надо думать,—говорилъ А. П. Шестаковъ,—что погибло много офицеровъ, такъ какъ офицерскія каюты помѣщаются въ кормовой части. До какой степени взрывъ навелъ панику на турокъ, видно изъ того, что ихъ суда ушли къ самому Мачину и теперь не смѣютъ показываться даже издали.

А какіе характерные эпизоды встрѣчаются въ легендарномъ подвигѣ моряковъ. Матросъ Ниченоренко, въ страшный моментъ, когда освобождали винтъ „Ксеніи" отъ запутавшихъ его веревокъ, наклонился съ борта. Въ это время пуля пролетѣла около его головы, ударила въ воду и всплескомъ забрызгала ему лицо.

— Тьфу, проклятая,—обтирая лицо хладнокровно проговорилъ Ниченоренко: ажно глаза запорошила: дѣло дѣлать мѣшаетъ.

Матросъ Стѣнинъ, въ то время, когда миноноски уходили подъ градомъ пуль и ядеръ, прехладнокровно шарилъ на днѣ лодки.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ кто-то его.

— Винтикъ ищу, винтикъ, ваше благородіе, винтикъ потерялся отъ баттареи (гальванической).

— А да, ну его къ чорту, винтикъ! До винтика-ли тутъ!

— Нельзя, ваше благородіе: безъ винтика машина не будетъ дѣйствовать, винтикъ казенный.

И онъ таки подъ выстрѣлами отыскалъ этотъ казенный винтикъ!

Таковы наши молодцы моряки, удивляющія въ настоящее время весь міръ своею неустрашимою храбростію.

Политическія и военныя извѣстія.

Дунай, наконецъ, перейденъ нашими храбрыми, доблестными войсками!—вотъ отрадная сердцу каждаго русскаго новость, (о которой уже вкратцѣ нами упомянуто въ предъидущемъ обозрѣніи «Нивы» № 25) занимающая въ настоящее время всѣхъ и каждаго, даже не граматнаго, не знающаго, гдѣ протекаетъ рѣка Дунай. Наша Сѣверная столица 16 іюня, въ четвергъ, украсилась флагами, этими знаками торжества, ясно понятными каждому простому человѣку. Съ этого момента событія очевидно примутъ рѣшительный оборотъ, и наши военныя операціи въ Дунайской долинѣ, какъ говорится, возрастутъ въ своей силѣ.

Дунай перейденъ нашими войсками 15 іюня у города *Систовы* расположеннаго какъ разъ противъ румывскаго селенія *Зимницы*. Систова лежитъ на самомъ южномъ пунктѣ того громаднаго выгиба, который дѣлаетъ Дунай къ югу. По этому выгибу расположены всѣ важнѣйшія дунайскія крѣпости Турціи, начиная отъ Виддина лежащаго на западѣ; затѣмъ слѣдуютъ, по направленію къ востоку: *Рагова, Никополь, Систова, Рущукъ, Силистрія*. Къ востоку отъ Систова расположенъ знаменитый въ исторіи стратегіи *четыреугольникъ* крѣпостей, составляемый *Рущукомъ, Шумлою, Варною* и *Силистріей*, при чемъ Варна и Шумла составляютъ южную сторону четыреугольника, параллельную теченію Дуная и линіи образуемой разстояніемъ между Рущукомъ и Силистріей. Систова лежитъ рѣшительно въ сторонѣ отъ описаннаго четыреугольника между Никополемъ и Рущукомъ. Во время всѣхъ войнъ нашихъ съ турками, послѣдніе на высотахъ этого города, обыкновенно, устроивали большія сооруженія, служившія какъ для противодѣйствія переходу нашихъ войскъ черезъ Дунай, такъ и для прикрытія всегда находившихся тамъ значительныхъ отрядовъ войскъ. Значительныя батареи устроены были турками въ Систовѣ и въ нынѣшнюю войну, собрано было также значительное войско, но оно было выбито изъ позицій первыми же рядами нашихъ перешедшихъ Дунай войскъ. Коснемся нѣсколько подробностей перехода. Переправу съ разсвѣтомъ 15 іюня, начали первыми войска 8 корпуса, которыми командуетъ генералъ-лейтенантъ Радецкій. Переднія лодки, начавшія переправу, заняла 14-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ генералъ-майора Драгомірова. Вотъ первые то ряды этой дивизіи и выбили турокъ изъ занимаемой ими позиціи.. Въ военномъ отношеніи этотъ пунктъ перехода Дуная важенъ еще и потому, что чрезъ него открывается прямой путь къ Балканамъ чрезъ Тирнову, Габраву и Казанлыкъ.

Но кромѣ этого, такъ сказать главнаго перехода предварительно состоялась еще переправа черезъ Дунай у Галаца и Браилова, гораздо восточнѣе Систова, тамъ гдѣ Дунай дѣлаетъ огромное колѣно, круто поднимаясь къ сѣверу и отъ Рени и Галаца, крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ, направляясь къ Черному морю. Этотъ переходъ совершенъ подъ начальствомъ генерала Циммермана. Естественнымъ слѣдствіемъ переправы нашихъ войскъ у Галаца и Браилова было занятіе *Мачина*. Этотъ предварительный переходъ имѣетъ важное стратегическое значеніе. Онъ такъ сказать, передалъ въ наши руки Добруджу, т. е. значительную приморскую полосу между Дунаемъ и Чернымъ моремъ; и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ вступленія въ Добруджу, наши войска вступили въ *Гирсово, Исакчу* и *Тульчу*, эти пункты турки очистили и отступили къ Кюстенджи, (приморскому пункту).

17 іюня напечатана въ газетахъ слѣдующая телеграмма Его Величества Государя Императора къ Государынѣ Императрицѣ, отъ 15 іюня: «войска 8 корпуса, имѣя 14-ю дивизію впереди переправились сегодня на разсвѣтѣ, черезъ Дунай, близь Зимницы. Непріятель сбитъ съ первыхъ позицій; переправа на лодкахъ совершается безпрепятственно. Городъ Никополь горитъ отъ бомбардированія. Войска Циммермана переправились всѣ и заняли Исакчу, Тульчу и Гирсово».

Телеграммою Его Высочества Главнокомандующаго сообщено отъ 15 іюня вечеромъ, что въ это время уже весь 8-й корпусъ и 4-я стрѣлковая бригада были на той сторонѣ Дуная и переправлялась 35-я дивизія.

Съ *восточнаго* театра войны за прошлую недѣлю, извѣстно: а) что бомбардированіе Карса безпрерывно продолжалось и продолжается по сіе время, когда мы пишемъ эти строки. Бомбардируютъ Карсъ прежними баттареями, которыхъ въ ночь съ 11-го на 12-е и 14-е іюня значительно прибавлено, а именно: возведено 9 новыхъ баттарей съ 36-ю орудіями. Отъ 12 (24) іюня телеграфъ сообщилъ намъ, что въ то время противъ Карса дѣйствовали 62 орудія, изъ которыхъ 28 были выдвинуты дальше впередъ. Слѣдовательно передъ Карсомъ число осаждающихъ орудій нужно положить теперь въ 98. Затѣмъ въ другихъ пунктахъ театра войны были успѣшныя дѣйствія. Особенно отличился Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова. Такъ 4-го іюня генералъ Тергукасовъ разбилъ турецкія войска ферика Мехметъ-паши, въ горахъ между *Зейдекяномъ* и *Дали-Баба*. Турецкія войска были отборныя и защищались упорно. Побѣда наша была полная. Непріятель бѣжалъ. Наша потеря убитыми 94 нижнихъ чиновъ и ранено 119 нижнихъ чиновъ. При этомъ убитъ самъ Мехметъ-паша, начальствовавшій турецкимъ войскомъ. Одновременно съ этимъ нашъ баязетскій гарнизонъ отбивался отъ массъ курдскихъ всадниковъ, участившихъ свои набѣги на Баязетъ со стороны озера Вана. Телеграмма изъ Константинополя отъ 11 (23) іюня сообщила, что Баязетъ снова взятъ турецкими войсками. Это турецкое извѣстіе нашло на другой день себѣ подтвержденіе въ томъ смыслѣ, что въ Баязетѣ снова поставлены турецкія власти.

Но послѣ славнаго дѣла Тергукасова 4 іюня, о которомъ говорено было выше, войска его были атакованы близь селенія Даяръ, 9 іюня, 20 батальонами, при 12 орудіяхъ и 4,500 человѣкъ конницы. Бой длился 10 часовъ. Непріятель *отбитъ*, но и наши потери *значительны*. Убито нижнихъ чиновъ 51, ранено 363. Убито также нѣсколько нашихъ офицеровъ. Сраженіе это было вообще *весьма замѣчательно* какъ по несоразмѣрности силъ, такъ и по пламенной энергіи войскъ Тергукасова. Наша позиція растянута на 5 верстъ.

Войска генерала Оклобжіо атаковали 11 іюля Цихледзирс. Бой былъ упорный и длился цѣлый день. У насъ убитъ флигель-адъютантъ полковникъ Теріевъ и ранено нѣсколько офицеровъ. Убито же и ранено нижнихъ чиновъ до 400. На другой день, 12-го іюня, непріятель атаковалъ нашъ лѣвый флангъ и центръ позиціи у Самеба. 9-ти часовой бой былъ ожесточенный. Турки отброшены съ огромною потерею. Потеря наша около 150 убитыхъ и раненыхъ.

Затѣмъ было еще за эту недѣлю въ Азіи и нѣсколько другихъ значительныхъ стычекъ.

— Съ Черногорскаго театра войны извѣстно, (по Константинопольской телеграммѣ), что ожидается соединеніе войскъ Али-Саиба и Сулеймана, идущихъ отъ Спужа къ Никшичу, дѣйствительно состоялось. Отъ 11 (23) іюня телеграфъ извѣстилъ насъ, что происходилъ уже 7 дней до посылки телеграммы ожесточенный бой, на лѣвомъ берегу рѣчки Зеты, по берегамъ которой и лежатъ Даниловградъ и Спужъ. Потери турокъ уже состояла тогда въ 3,000 человѣкъ, но и потери черногорцевъ значительны. Эта битва происходила, по всей вѣроятности, для воспрепятствованія соединенія войскъ Саиба и Сулеймана.

Въ политическомъ отношеніи за прошлую недѣлю не было недостатка въ важныхъ фактахъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ восточному вопросу и къ текущей войнѣ. Изъ нихъ весьма важное значеніе имѣетъ для насъ тотъ фактъ, что Австро-Венгрія весьма ясно опредѣлила теперь свое отношеніе къ восточному вопросу. Участіе ея въ предпріятіи Россіи теперь представляется несомнѣннымъ. Австрійскія войска, стоящія въ Далмаціи и Хорватіи, теперь уже оффиціально приготовлены къ походу.

— Многихъ интересуетъ вопросъ: будетъ ли воевать съ турками Сербія. Здравый смыслъ и нравственное чувство говорятъ, что она должна воевать, должна явиться соучастницей Россіи въ томъ великомъ и святомъ дѣлѣ, въ которомъ она сдѣлала такой благородный и мужественный починъ. Есть полное основаніе думать, что событія подтвердятъ подобное предположеніе. Добавимъ, что сербское военное министерство, говорятъ, дѣятельно занято заготовкою баттарей.

— Въ Вѣну недавно прибылъ нашъ государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, вмѣстѣ съ дипломатической канцеляріей.

— Вѣнскія газеты сообщаютъ, что между лондонскимъ и вѣнскимъ кабинетами дѣятельно ведутся переговоры по восточному

Библиотека "Руниверс"

вопросу. Въ венгерской Палатѣ Представителей тоже продолжаются преніи по восточному вопросу. Нѣкоторые депутаты, по обыкновенію, указываютъ на необходимость сохраненія цѣлости Турціи.

13-го іюня, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, съ колонною генерала Гейсмана атаковалъ укрѣпленный лагерь Измаилъ-паши подъ Зивиномъ. Бой продолжался съ 2-хъ часовъ пополудни до темноты. Войска наши выбили непріятеля, у котораго было 23 батальона, изъ его персдовыхъ позицій.

Изъ телеграммы Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, отъ 17 іюня, видно, что 16-го іюня главная квартира Государя и Главнокомандующаго переведены въ Зимницу. Послѣ полудня 16-го іюня Государь Императоръ переправился черезъ Дунай. Его Величество, при восторженныхъ крикахъ «ура» съ обоихъ береговъ, изволилъ выйдти на болгарскій берегъ, объѣхалъ войска 14-й и 35-й дивизій, милостиво благодарилъ гвардейскую роту и изволилъ взять ее съ Собою, поблагодаривъ за блестящую храбрость. Въ Систовѣ Его Величество былъ встрѣченъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ съ восторгомъ; приложился къ кресту и въ соборѣ прослушалъ многолѣтіе. Путь Государя женщины усыпали цвѣтами, бросались къ ногамъ Государя. Вечеромъ вернулись въ Зимницу; мостъ у Систова строится безпрепятственно: переправа на понтонахъ въ то же время идетъ безостановочно.

Телеграмма изъ Вѣны сообщаетъ той же газетѣ, что въ Журжевѣ, во время бомбардированія Рущука, *турецкая бомба разорвалась вблизи Государя Императора. Его Величество спокойно спросилъ: не ранены ли кто? и, узнавъ, что всѣ остались невредимы,—осѣнилъ себя троекратно крестнымъ знаменіемъ.*

О большихъ преміяхъ „Нивы" 1877 года.

Значительное увеличеніе подписчиковъ на журналъ „Ниву" дало издателю его возможность пріобрѣсти въ собственность, для премій 1877 года, двѣ превосходныя олеографическія картины (pendants) Фердинанда Келлера, подъ названіемъ:

У НЕАПОЛИТАНСКАГО ЗАЛИВА:

1) **Семья рыбаковъ.**
2) **Тарантелла.**

Цѣна этихъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 р., т. е. по 2 р. за каждую.

Только **гг. годовые подписчики** на журналъ „Нива" 1877 года, имѣютъ право на безплатное полученіе ихъ.

Обѣ эти картины будутъ разосланы всѣмъ **гг. годовымъ подписчикамъ**, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ (получающимъ журналъ чрезъ почту) въ прочномъ картонномъ футлярѣ, **въ октябрѣ мѣсяцѣ**, прочимъ же подписчикамъ (получающимъ журналъ безъ доставки) преміи эти будутъ выданы или въ конторѣ редакціи, или въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ они получаютъ журналъ, при томъ же №, при которомъ эти преміи будутъ приложены подписчикамъ, получающимъ журналъ съ доставкою или пересылкою.

Имѣя уже теперь нѣсколько экземпляровъ означенныхъ картинъ, контора редакціи, разослала ихъ нижепоименованнымъ книгопродавцамъ, у которыхъ можно видѣть эти будущія преміи „Нивы".

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ Редакціи „Нива", и у книгопродавц.: Я. А. Исакова, Анисимова, Колесова, Михина, Мамонтова и Битепажа.
„ **Москвѣ: у книгопродавцевъ; И. Г. Соловьева, А. Лангъ и Н. И. Мамонтова, Живарева и Васильева.**
Въ Одессѣ: въ книжныхъ магазинахъ В. П. Дубецкаго (бывшій Бортневскаго) и Пушкина.
Казани, въ книжномъ магазинѣ Дубровина.
„ **Кіевѣ, книж. магаз. Литова (владѣлецъ Оглоблинъ), у Гюнтера и Малецкаго.**
„ **Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Наумова.**
„ **Вяткѣ, въ книж. магаз. В. Красовскаго.**
„ **Калугѣ, у книгопродавца Н. Ив. Мясникова.**
„ **Кишиневѣ, въ книж. магазинѣ, Андр. Таракенко.**
„ **Костромѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Солодовникова.**
„ **Кронштадтѣ, въ Ред. „Кронштадтскаго Вѣстника".**
„ **Курскѣ, въ книжномъ магазинѣ Васил. Суслова.**
„ **Нижнемъ-Новгородѣ, въ книж. магаз. Павла Богданова.**
„ **Новгородѣ, въ книж. магаз. Парамонова.**
„ **Новочеркаскѣ, въ книж. магаз. Васил Дюжикова.**
„ **Пензѣ, въ книж. магазинѣ, г. Шемаева.**
„ **Перми, въ книжной лавкѣ Гусева.**
„ **Полтвѣ, въ книжной торговлѣ Богоявленской.**
„ **Ростовѣ на Дону. у книгопродавца Ден Прѣснова.**
„ **Рязани въ книж. маг. Константина Ѳедор. Александрова.**
„ **Саратовѣ, въ книж. магаз. Стеф. Сем Знаменскаго.**
„ **Симбирскѣ, въ Карамзинской общественной библіотекѣ.**
„ **Таганрогѣ, въ книж. магазинѣ Ващиненко.**
„ **Твери, въ Городской общественной библіотекѣ.**
„ **Тулѣ, въ Публичной библіотекѣ Дворянскаго Собранія.**
„ **Харьковѣ, въ книж. маг. и библіотекѣ Максимовича.**
„ **Ярославлѣ, въ книж. маг. и библіотекѣ Раф. Конуева.**
„ **Варшавѣ, въ книж. магаз. Г. Истомина.**
„ **Тифлисѣ, въ книжномъ магазинѣ Г. Вартанова.**
„ **Томскѣ, въ книжномъ магазинѣ Манушина.**

Подписка на журналъ „Нива" принимается постоянно, и каждый новый подписчикъ имѣетъ право на полученіе, какъ всѣхъ премій, такъ и всѣхъ вышедшихъ уже №№ журнала съ 1-го января.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Редакція журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**, — въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики теряютъ право на полученіе премій, слѣдующихъ гг. годовымъ подписчикамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Командиръ 11-го армейскаго корпуса дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской 1-й. А. Н—ева (съ портретомъ).—Первые шаги. (Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ) Н. Соснецкаго.—Въ Калафатѣ. (Письмо нашего корреспондента) Н. Каразина.—Аѳонъ (съ рисункомъ).—Критики (картина Жоннара) (съ рисункомъ).—Сова (съ рисункомъ).—Ночной переходъ по Дунаю (съ рисункомъ).—Сестры милосердія (съ рисункомъ).—Мины и торпедо (съ рисункомъ). — Политическія и военныя извѣстія — О большихъ преміяхъ „Нивы" 1877 года.—Заявленіе.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Магазины: Адмиралт. площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3, противъ Строгановской.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линія, № 56.
9
Товарищество Чемберсъ и К°.

„KNABEN" PENSIONAT
von F. Scheffer in der Universitätsstadt Marburg in Hessen (Preussen). Auf frankirte Anfragen stehen beste Referenzen etc. etc. zu Dienoten. 2—2

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, во Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи
Александръ Венцель
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—24

Цѣна жестинки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1½ ф.

Вышло въ свѣтъ второе изданіе (исправленное и дополненное) новаго романа, подъ заглавіемъ:
„ЛЮБОВЬ И ВОЙНА."
Сочин. Николая Якобсона. Цѣна 60 к., за пересылку 25 к.
Съ требованіями обращаться къ издателю А. А. Мартынову, въ С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 91, кв. № 23. Гг. иногородные могутъ вмѣсто денегъ присылать почтовыя марки, въ соотвѣтствующемъ количествѣ. 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 24 Іюня 1877 г. Типографія А. Гатцука, Ямская № 10.